

Г. С. СТАРОСТИН

ЯЗЫКИ АФРИКИ

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ

Том II

Восточносуданские языки

Г. С. СТАРОСТИН ЯЗЫКИ АФРИКИ

Том II

ISBN 978-5-9905762-1-6

9 785990 576216 >

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. С. СТАРОСТИН

ЯЗЫКИ АФРИКИ

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ

Том II

Восточносуданские языки

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2014

УДК 811
ББК 81.2
С 77

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 14-04-16014*

Р е ц е н з е н т ы

*Доктор филологических наук, профессор Национального института
восточных языков и цивилизаций (Париж)*

К. И. Поздняков

*Доктор филологических наук, профессор
Института восточных культур и античности РГГУ*

А. Ю. Милитарев

Старостин Г. С.

С 77 Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 2: Восточносуданские языки. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 736 с.

ISBN 978-5-9905762-1-6

Второй том многотомного исследования «Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации» целиком посвящен проблеме исторического статуса восточносуданской семьи языков — крупнейшего из составных компонентов т. н. «нило-сахарской» макросемьи, одного из наиболее спорных языковых объединений, предложенных Дж. Гринбергом в рамках получившей классический статус таксономической модели языков Африки.

Исследование потенциальных генетических и ареальных связей между языками восточносуданской семьи в целом следует методике, уже апробированной в предыдущем томе на материале койсанских языков. Помимо решения основной задачи исследования (детальной реконструкции наиболее устойчивых элементов базисной лексики для всех ветвей восточносуданской семьи с последующим лексикостатистическим сравнением), в монографию входят также общие сведения социолингвистического и библиографического характера по всем известным на текущий момент восточносуданским языкам, а также краткие историко-фонетические характеристики каждой из восточносуданских ветвей.

Книга предназначена для специалистов по общему, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию; африканистов самых различных профилей; и широкого круга читателей, в той или иной степени интересующихся теоретическими, методологическими и практическими аспектами реконструкции лингвистических аспектов предыстории человечества.

ББК 81.2

© Г. С. Старостин, 2014

ISBN 978-5-9905762-1-6 © Издательство «Языки славянской культуры», 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

Часть III. Восточносуданские языки

3.0. Общий обзор	13
3.1. Нубийская группа	
3.1.1. Общие сведения и источники	24
3.1.2. Историческая характеристика	29
3.1.3. Лексикостатистика	33
50-словный список для нубийских языков	37
3.2. Сурмийская группа	
3.2.1. Общие сведения и источники	96
3.2.2. Историческая характеристика	103
3.2.2. Лексикостатистика	109
50-словный список для сурмийских языков	112
3.3. Язык нара	
3.3.1. Общие сведения и источники	192
3.3.2. Историческая характеристика	193
50-словный список для языка нара	195
3.4. Джебельская группа	
3.4.1. Общие сведения и источники	204
3.4.2. Историческая характеристика	207
3.4.3. Лексикостатистика	212
50-словный список для джебельских языков	213
3.5. Группа ныманг	
3.5.1. Общие сведения и источники	248
3.5.2. Историческая характеристика	250
3.5.3. Лексикостатистика	251
50-словный список для языков ныманг	251
3.6. Группа темейн	
3.6.1. Общие сведения и источники	272
3.6.2. Историческая характеристика	275
3.6.3. Лексикостатистика	278
50-словный список для языков темейн	278
3.7. Группа тама	
3.7.1. Общие сведения и источники	311
3.7.2. Историческая характеристика	314

3.7.3. Лексикостатистика	316
50-словный список для языков тама	318
3.8. Группа даджу	
3.8.1. Общие сведения и источники	366
3.8.2. Историческая характеристика	369
3.8.3. Лексикостатистика	373
50-словный список для языков даджу	375
3.9. Западнонилотская группа	
3.9.0. Предварительные замечания	401
3.9.1. Общие сведения и источники	405
3.9.2. Историческая характеристика	418
3.9.3. Лексикостатистика	433
50-словный список для западнонилотских языков	435
3.10. Восточнонилотская группа	
3.10.1. Общие сведения и источники	487
3.10.2. Историческая характеристика	495
3.10.3. Лексикостатистика	509
50-словный список для восточнонилотских языков	513
3.11. Южнонилотская группа	
3.11.1. Общие сведения и источники	568
3.11.2. Историческая характеристика	574
3.11.3. Лексикостатистика	582
50-словный список для южнонилотских языков	587
3.12. Кулякская группа	
3.12.1. Общие сведения и источники	621
3.12.2. Историческая характеристика	624
3.12.3. Лексикостатистика	634
50-словный список для кулякских языков	635
3.13. Предварительные выводы	667
Литература	684
Приложение 1. Унифицированная система транскрипции.	707
Приложение 2. Сокращения названий языков.....	711
Приложение 3. Генеалогические деревья	715
Приложение 4. Сопоставительные таблицы	721
Summary	730

Предисловие ко второму тому

Предлагаемая вниманию читателя монография логически продолжает и развивает фундаментальную тему, к исследованию которой автор приступил в своей предыдущей публикации («Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. I: Методология. Койсанские языки». М.: ЯСК, 2013). От построения (сутобо предварительной) модели генеалогической классификации языков, традиционно относимых к т. н. «койсанской» макросемье, мы, начиная с данного тома, переходим к решению аналогичной задачи для гораздо более крупной и в ряде аспектов не столь уникальной, но при этом ничуть не менее спорной макросемьи — «нило-сахарской», к которой в совокупности относится около двух сотен языков на территории Северной и Центральной Африки.

Как уже оговаривалось во вводной (методологической) части исследования, использование лексикостатистики как серьезного инструмента для подтверждения или опровержения гипотез языкового родства, особенно «дальнего», невозможно в отрыве от традиционной этимологической обработки используемого материала, т. е. базисной лексики, что и предопределяет основное содержание практически ориентированных разделов работы — максимально детализированный этимологический разбор базисной лексики, вошедшей в состав специально отобранных и унифицированных 50-словных списков. Однако, учитывая общий объем данных по нило-сахарским языкам, осуществить такой разбор в рамках всего одного, пусть даже и вполне увесистого, тома не представляется возможным. В связи с этим было принято в первую очередь техническое, но имеющее также и содержательное обоснование решение — выделить из состава гипотетической нило-сахарской макросемьи первоначальный «ядерный» компонент, межъязыковые связи внутри которого, с точки зрения большинства специалистов, носят менее спорный характер, чем нило-сахарская гипотеза в целом, и начать тестирование этой гипотезы с этимологической и лексикостатистической обработки данного компонента, тем самым закладывая достаточно прочную сравнительную базу для дальнейшей, более масштабной по обхвату классификации.

Наиболее подходящим кандидатом на роль такого «ядерного компонента» оказывается крупная семья, которую, в составе из десяти примерно равноудаленных друг от друга ветвей, Дж. Гринберг в своих классических трудах по африканской классификации обозначил как «восточносуданскую» (East Sudanic). Несмотря на то, что родство между составляющими ее ветвями далеко не всегда носит характер интуитивно очевидного, а фонологическая структура и этимологический корпус восточносуданского языка в целом так и остаются нереконструированными, из всех крупных генетических кластеров, выделенных Гринбергом внутри нило-сахарского массива, именно восточносуданский, в основном благодаря некоторому числу разительных лексико-грамматических изоглосс, как правило, вызывал наибольшее доверие исследователей, в том числе таких, как М. Л. Бендер и К. Рильи, которые вслед за Гринбергом, пожалуй, внесли наибольший вклад в верификацию и развитие идеи о восточносуданском родстве.

Помимо всего прочего, автономное тестирование восточносуданской гипотезы в рамках комплексной методологии, разработанной для классификации языков Африки, может оказаться хорошим способом апробации самой этой методологии. Учитывая, с одной стороны, что восточносуданское родство вряд ли может носить характер «ближнего» (в рамках восточносуданского таксона объединяются такие семьи, как, например, нилотская и сурмийская, сами по себе довольно глубокие), с другой — что, тем не менее, благодаря усилиям целого ряда «нило-сахаристов» для соответствующей гипотезы все же удалось собрать довольно внушительную доказательную базу, понятно, что доверие к синтезированному нами этимолого-лексикостатистическому методу во многом будет зависеть от того, позволит ли он получить «позитивный сигнал» в адрес родства всех или хотя бы большинства языковых групп / семей, традиционно включаемых в состав восточносуданского таксона. Если такой сигнал получить не удастся, дальнейшее тестирование «нило-сахарской» гипотезы в целом не будет иметь смысла до тех пор, пока не будут преодолены фундаментальные противоречия, обнаруженные между методами Бендера, Рильи и других исследователей, поддерживающих идею восточносуданского родства, и методикой нашего исследования. Если же, наоборот, восточносуданское родство будет скорее подтверждено, это дает некоторую

надежду на то, что данная методика в дальнейшем поможет внести ясность и в более глобальный вопрос о «нило-сахарском» родстве как таковом, с использованием «восточносуданского» как своего рода реперной точки отсчета для всех остальных потенциальных членов нило-сахарской макросемьи.

При работе с восточносуданским материалом мы старались по мере возможности использовать, без каких-либо существенных корректив, те же схемы и этапы описания и анализа, которые в предыдущем томе исследования уже были применены к материалу «койсанских» языков; за подробным описанием рекомендуется обращаться к части I («Методология исследования», стр. 21–253), здесь же имеет смысл на всякий случай лишь вкратце перечислить соответствующие этапы для тех читателей, которые в силу тех или иных причин не имели возможности ознакомиться с содержанием первого тома:

1) исследование начинается с *первичного отбора конститuentов генетической классификации*, в ходе которого устанавливается исходный набор хронологически неглубоких «таксонов 1-го уровня» (языковых групп, предположительно распавшихся не ранее трех тысяч лет тому назад); по выделенным таксонам (для гипотетической восточносуданской семьи их насчитывается двенадцать) собирается библиографическая, социолингвистическая и историко-фонетическая информация, релевантная для целей работы;

2) для всех таксонов 1-го уровня проводится *подробный лексикостатистический анализ* по полным 100-словным спискам Сводеша, с целью установления или верификации относительной хронологии распада таксона на более мелкие ветви, а также прикидочной глоттохронологической датировки распада. Полные 100-словные списки по анализируемым языкам и их исторический разбор не включены в текст монографии из соображений объема, но с некоторыми из них можно ознакомиться уже сейчас на постоянно обновляющемся официальном сайте проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных» (<http://starling.rinet.ru/new100>);

3) вслед за или параллельно с первичным лексикостатистическим анализом ведется работа над *реконструкцией прасписков 1-го уровня*, причем праформы реконструируются только для 50-словного подмножества из 100-словного списка Сводеша, определенного как «среднестатистически устойчивое» и имеющего намного

большую значимость для исследования генетического родства на глубоких уровнях, чем вторая, «среднестатистически неустойчивая» половина (полный вариант 50-словника см. в Приложении 4);

4) реконструированные прасписки проходят через процедуру *предварительного лексикостатистического анализа*, когда индексы потенциальной когнации между реконструированными морфемами, представляющими различные таксоны 1-го уровня, расставляются сначала на основании простого автоматического алгоритма, постулирующего наличие или отсутствие достаточного фонетического сходства между упрощенными консонантными структурами, а затем, на следующем этапе — на основании сочетания этого же алгоритма с процедурой «ручной коррекции» индексов (необходимой в ситуациях, когда универсальный автоматический алгоритм неспособен корректно учесть локальную типологическую специфику того или иного таксона).

В дальнейшем результаты полностью автоматического сравнения и автоматического сравнения с помощью ручной коррекции сопоставляются, и на их основе генерируются предварительные выводы о наличии / отсутствии родства между сравниваемыми таксонами и об относительной классификации тех таксонов, для которых родство в рамках предварительного лексикостатистического анализа признано «достоверным» (от 20 и выше процентов совпадений в 50-словном списке) или хотя бы «тестируемым» (в примерном диапазоне от 10 до 20 процентов).

Именно этим четырем этапам применительно к лексическому материалу восточносуданских языков и будет посвящена основная часть второго тома нашего исследования. В заключительном разделе будут приведены основные лексикостатистические матрицы по методам «автоматического подсчета» и «автоматического подсчета с ручной коррекцией», которые, на наш взгляд, вполне эксплицитно подтверждают обоснованность и реалистичность гипотезы о восточносуданском родстве, хотя и в слегка модифицированном варианте по сравнению с исходной классификацией Гринберга. Однако при этом необходимо еще раз подчеркнуть, что *сильным* обоснованием языкового родства мы считаем лишь такое, которое в обязательном порядке включает установление системы регулярных фонетических соответствий на базе представительного этимологического корпуса; по итогам представленного

здесь анализа речь может идти только о *слабом* обосновании родства, в рамках которого выдвигаются реалистичные, оптимальные (с точки зрения исследуемого объема материала) сценарии, которые в дальнейшем *могут* стать перспективными теориями, но в каком-то объеме могут и не подтвердиться.

Отчасти такого рода предварительные «слабые» обоснования могут получить статус, близкий к «сильному», на этапе детальной реконструкции итогового 50-словного списка: для правосочно-суданского такая реконструкция необходима для того, чтобы этот таксон мог участвовать в тестировании гипотез еще более глубокого родства (такого, как «нило-сахарское» или просто «общеафриканское»), а осуществить ее можно только при наличии хотя бы в самом общем виде представления о возможном устройстве правосочносуданской фонологической системы и ее регулярном отражении в языках-потомках. Однако эта задача уже лежит за рамками конкретных целей данного тома исследования — мы планируем вернуться к ней лишь после того, как будет завершено общее лексикостатистическое обследование всех основных таксонов 1-го уровня африканского ареала.

Несмотря на то, что в ходе работы по возможности учитывались наиболее современные и достоверные лингвистические данные, следует отметить, что в столь масштабном объеме материалы по восточносуданским языкам в отечественной компаративной практике еще никогда не систематизировались (советские и российские исследования по восточносуданской тематике вообще чрезвычайно скудны; в целом они, как правило, сводятся к единичным описательным работам по нубийским и нилотским языкам). Это означает, что монографии вряд ли удалось быть полностью свободной от ошибок и недочетов, которые могут быть связаны как с несовершенством исходных данных (поскольку используемые в работе источники очень сильно варьируют по своему качеству), так и с недостаточно тщательной их проработанностью со стороны автора, вся ответственность за которую (равно как и за любые опечатки, огрехи в оформлении и т. д.) лежит на совести автора.

По результатам работы над вторым томом исследования, как и в предыдущий раз, автор приносит глубокую благодарность своим коллегам — африканистам, компаративистам, лингвистам общего профиля — за многочисленные ценные замечания

содержательного и технического характера, высказанные ими как в рамках бесед и консультаций, проводившихся в ходе работы над монографией, так и по итогам чтения исходного текста рукописи. Речь идет в первую очередь об отечественных специалистах, имевших возможность детально ознакомиться с текстом (К. В. Бабаев, С. А. Бурлак, В. Ф. Выдрин, А. В. Дыбо, В. А. Дыбо, А. С. Касьян, А. Ю. Милитарев, О. А. Мудрак, С. Л. Николаев, И. И. Пейрос, В. А. Плунгян, К. И. Поздняков, О. В. Столбова и другие), а также о зарубежных специалистах, оказавших автору незаменимую поддержку в ходе сбора языковых данных и различных консультаций: это в первую очередь Р. Бленч, П. Буальдье, Г. Сежерер, Б. Сэндс, Х. Хаммарстрём и др. Разумеется, второй том исследования, как и первый, был бы невозможен без десятилетия работы под научным руководством С. А. Старостина (1953–2005), отца и учителя, вдохновившего автора на самостоятельные исследования как в русле сравнительно-исторического языкознания в целом, так и африканской лингвистической компаративистики в частности.

Отдельную благодарность хотелось бы выразить лицам и организациям, уже много лет подряд поддерживающим исследовательские программы «Вавилонская башня» и «Эволюция языка», в рамках которых автором была проделана основная работа над языками Африки. Это в первую очередь Центр компаративистики Института восточных культур и античности РГГУ (директор — В. А. Дыбо); Институт Ближнего Востока (президент — Е. Я. Сатановский); Институт Санта-Фе (соучредитель и соруководитель программы «Эволюция языка» — М. Гелл-Манн); а также Фонд фундаментальных лингвистических исследований, оказавший грантовую поддержку при подготовке сравнительных баз данных, на основе которых написана монография. Кроме того, работа была выполнена при поддержке отечественных фондов РГНФ (проект №12-04-00293), РФФИ (проект №12-6-640-3) и Программы фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики».

Часть III

Востоchnосуданские языки

3.0. Общий обзор

После того, как в предыдущей части исследования нами был рассмотрен базисно-лексический материал по т. н. «койсанским» языкам, следующую часть было бы логично целиком посвятить второй по степени спорности макросемье из числа постулированных Дж. Гринбергом — «нило-сахарской». Однако существуют веские основания для того, чтобы на первом этапе не говорить о всей массе «нило-сахарских» языков в целом, а ограничиться более скромным подмножеством этого внушительного массива.

По общему числу входящих в нее языков «нило-сахарская макросемья» не занимает лидирующие позиции на территории африканского континента: система «Этнолог» сегодня насчитывает 206 предположительно «нило-сахарских» языков, что, с одной стороны, примерно в десять раз превышает размеры «койсанской» макросемьи, но, с другой, почти вдвое ниже, чем общее число афразийских и примерно в семь-восемь раз ниже общего числа «нигер-кордофанских» языков. При этом по количеству «ветвей», родство между которыми не является ни интуитивно очевидным, ни легко доказуемым (или уже доказанным) с помощью сравнительно-исторического метода, «нило-сахарская» макросемья — безусловный рекордсмен, обгоняющий даже «нигер-кордофанский» массив: в совокупности она насчитывает порядка 17–18 языковых семей, групп и изолятов, работа над генетическими связями которых в целом не сильно продвинулась вперед с момента выхода в свет трудов Гринберга по «массовому сравнению» этих таксонов в 1950-е – 1960-е гг. (для сравнения: в «нигер-кордофанской» макросемье таких подчиненных таксонов скорее порядка 12–13, а в афразийской обычно выделяется не более шести).

Более подробный обзор основных «вех» в развитии нило-сахаристики, связанных в первую очередь с такими именами, как Л. Бендер, Г. Флеминг и К. Эрет, по формальным причинам будет вынесен в следующую часть нашего исследования. Здесь подчеркнем лишь, что, несмотря на публикацию столь фундаментальных монографий, как [Bender 1997a], в которой была предложена систематическая концепция пранило-сахарского языка, сопровождаемая массой новых этимологий, и [Ehret 2001], первого словаря, претендующего на статус настоящего этимологического корпуса, гипотеза нило-сахарского родства так и не смогла получить статус

общепризнанной; среди исследователей до сих пор популярно интуитивное представление о «нило-сахарской филе» как о своеобразном «отстойнике», в который Гринберг поместил все языки Африки, не имеющие отличительных признаков, свойственных афразийским, нигер-кордофанским или койсанским языкам (т. е. таких, как наличие кликсов, продуктивных именных классов, специфических систем глагольного спряжения и т. п.).

Не подлежит сомнению тот факт, что, даже если «нило-сахарская» гипотеза в целом верна, то хронологическое расстояние, отделяющее ее первичные ветви друг от друга, должно быть колоссальным. Предварительно убедиться в этом можно, хотя бы сравнив первые по среднестатистической устойчивости десять элементов 50-словного списка, реконструированные для трех произвольно взятых таких ветвей — сонгай, маба и западно-нилотской (западнонилотские реконструкции будут эксплицированы в разделе 3.9; прасонгайская и прамаба реконструкции — в дальнейших частях исследования):

	Сонгай	Маба	Зап.-нилот.
‘мы’	* <i>yé-</i>	* <i>mi</i>	* <i>ɔ</i>
‘два’	* <i>hínká</i>	* <i>mba:r</i>	* <i>riaw</i>
‘я’	* <i>agay</i>	* <i>a</i>	* <i>a:</i>
‘глаз’	* <i>moʊ</i>	* <i>kasi</i>	* <i>waŋ</i>
‘ты’	* <i>ni</i>	* <i>y</i>	* <i>i:</i>
‘кто’	* <i>máʊ</i>	* <i>na</i>	* <i>ŋa</i>
‘огонь’	* <i>nune</i> , * <i>dayndi</i>	* <i>nusv</i>	* <i>ma:ɕ</i>
‘язык’	* <i>dè:nè</i>	*= <i>dilm-</i>	* <i>lɛ:p</i>
‘камень’	* <i>tóndì</i>	* <i>kom-</i>	* <i>pɛ:m-</i>
‘имя’	* <i>man</i>	* <i>meli</i>	* <i>rim</i>

Немногочисленные сходства, которые могут броситься в глаза опытному компаративисту (явный изоморфизм личных местоимений между маба и зап.-нилотским, гораздо менее явный между ними же и сонгай; возможность общего происхождения *=*dilm-* и **lɛ:p* при условии происхождения слога *=*di-* из застывшего префикса и т. п.), вполне могут быть случайными — если добавить в эту же таблицу, например, материал дравидийских

языков (**ya:-n* 'я', **ya:-m* 'мы', **ni:-n* 'ты', **ir-* 'два'), последние вполне могли бы сойти за еще одну «нило-сахарскую» ветвь.

Тем не менее, утверждать, что такого рода таблицы наглядно свидетельствуют об *отсутствии* нило-сахарского родства, было бы преждевременно. В первую очередь они свидетельствуют о том, что нило-сахарское родство трудно, если вообще не бессмысленно, тестировать на материале не только современных живых языков, но даже мелких реконструкций. В соответствии с общим принципом «ступенчатости» наиболее правильной методикой было бы для начала постараться выделить *внутри* «нило-сахарской» макросемьи максимальное число таксонов 2-го уровня, т. е. таксономических единиц типа «семьи», после чего, реконструировав хотя бы на предварительном уровне их базисную лексику, вновь вернуться к вопросу об исторической реальности «общенило-сахарского» этапа.

Крупнейшим недостатком современной нило-сахаристики, наиболее явно проступающим в масштабных исследованиях Бендера и Эрета, является как раз невнимание к промежуточным этапам; по сути, их опыт реконструкции пранило-сахарского состояния можно приравнять к условной попытке реконструировать праностратическое состояние путем сопоставления данных по германским, славянским, индоиранским, самодийским, пермским, прибалто-финским, тюркским, монгольским, севернодравидийским и т. п. языковым группам при едва ли не полном отсутствии концепции «праиндоевропейского», «прауральского», «праалтайского», «прадравидийского» и аналогичных состояний. Неудивительно, что при этом для большинства предлагаемых этимологий читатель соответствующих трудов не имеет реальной возможности оценить степень их правдоподобности. Для того, чтобы «поверить» в реконструкцию глубокого уровня, необходимо сначала убедиться в реконструируемости сравниваемых этимонов на более мелких уровнях, а это (о чем мы уже писали во вводной части) по работам Бендера, Эрета и других нило-сахаристов сделать, как правило, невозможно без обращения к первоисточникам, т. е., по большому счету, чтобы оценить «силу» предлагаемых этимологий, читателю требуется самому стать нило-сахаристом.

Представляется, что первичному анализу *всей* «нило-сахарской макросемьи» должен все же предшествовать отдельный анализ хотя бы некоторых из ее составных «блоков», которые сами по себе находятся под определенным сомнением. Если тестирование по методу автоматизированной лексикостатистики (с использованием или без использования «ручной коррекции») не даст позитивных результатов даже по отношению к отдельным компонентам, это уже само по себе поставит под вопрос осмысленность дальнейшего тестирования нило-сахарской гипотезы. Если же, наоборот, тестирование скорее подтвердит историческую реальность таких компонентов, то их можно и нужно будет в дальнейшем учитывать как цельные таксономические единицы, для каждой из которых требуется реконструкция собственного 50-словного списка.

Исходя из этих соображений, третья часть нашего исследования будет посвящена лексикостатистическому разбору крупнейшего из компонентов «нило-сахарской» макросемьи, как по общему числу входящих в него языков, так и отдельных ветвей — гипотетической семье, которую, вслед за Дж. Гринбергом, сегодня принято называть *восточносуданской* (Eastern Sudanic)¹. Этот таксон был впервые обоснован Гринбергом в статье [Greenberg 1950b], которая впоследствии с минимальными изменениями вошла в состав общей монографии [Greenberg 1966], на основании «массового сравнения» 27 грамматических элементов и порядка сотни лексических основ (в своей работе Гринберг частично опирался на гипотезы таких предшественников, как К. Майнгоф и К. Контини Россини, но «цельной» теории восточносуданского родства ни один из них так и не предложил).

Согласно финальной версии таксономии Гринберга, представленной в [Greenberg 1966], в «восточносуданскую» семью входят следующие единицы более низкого уровня:

¹ К. Эрет [Ehret 2001], оперируя в рамках собственной терминологической системы, предлагает для этой семьи название «восточно-сахельская» (East Sahelian) как более корректное с географической точки зрения, но с этим трудно согласиться: хотя общий ареал распространения «восточносуданских» языков выходит далеко за пределы собственно Судана, наибольшее разнообразие языковых ветвей этой семьи наблюдается как раз в южных и восточных областях Судана, большая часть которых лежит за пределами сахельского пояса. В любом случае, терминология К. Эрета среди африканистов остается неупотребительной.

- 1) *нубийские*;
- 2) *сурмийские* («беир-дидинга» по старой терминологии);
- 3) язык-изолят *нара*, или *бареа*;
- 4) язык *ингассана*, или *гаам* (позже Л. Бендером было показано близкое родство гаам с рядом других соседних языков, что привело к трансформации этой составляющей в небольшую *восточно-джебельскую* группу);
- 5) мини-группа *ньиманг* («ньиманг-афитти» по Гринбергу);
- 6) мини-группа *темейн*;
- 7) группа *тама* («мерарит-тама-сунгор» по Гринбергу);
- 8) группа *даджу* или *дагу*;
- 9) большая семья *нилотских* языков, в которую Гринберг, вслед за О. Кёлером, включил как «собственно nilотские» языки (сегодня они называются «западнонилотскими»), так и две ветви т. н. «паранилотских» или «нило-хамитских» языков (сегодня это, соответственно, «восточнонилотские» и «южнонилотские» языки), генетические связи между которыми долгое время находились под сомнением из-за существенных типологических расхождений;
- 10) группа *кулякских* языков («ньянгия-теусо» по Гринбергу).

Общее число «восточносуданских» языков, известных на сегодня (включая те, которые были неизвестны Гринбергу по состоянию на 1950-е – начало 1960-х гг.), составляет примерно сотню, причем более половины из них относятся к nilотской ветви.

Классификационная аргументация Гринберга в целом носила статистический характер: никаких типологических или бросающихся в глаза эксклюзивных морфологических признаков, по которым та или иная языковая группа определяется как «восточносуданская», не существует. Интересно, что и в статье [Greenberg 1950b], и в монографии [Greenberg 1966] обоснование «восточносуданского» узла практически не обсуждается в самом тексте — вместо этого автор концентрируется на подробном анализе «нилотского вопроса», убедительно показывая, почему т. н. «нило-хамитские» языки нельзя в генетическом плане сближать с семито-хамитскими, но можно и нужно сближать с «собственно nilотскими». В [Greenberg 1966] эта дискуссия начинается сразу же после перечня «восточносуданского инвентаря» и занимает десять страниц плотного текста, после чего само обоснование восточносуданского таксона проводится исключительно в форме

перечня лексических параллелей, обнаруженных в ходе «массового сравнения».

При этом любопытно, что, если в статье [Greenberg 1950b] автор приводит отдельным текстом перечень грамматических морфем, общих для «восточносуданских» языков (стр. 73-76), то уже в [Greenberg 1966: 109–117] этот перечень, расширенный с 27 до 46 элементов, дается не для «восточносуданской» семьи, а для таксона гораздо более высокого уровня — т. н. *шари-нильской* семьи, объединяющей «восточносуданские» языки с огромной центральносуданской семьей, а также с языками-изолятами кунама и берта; по большому счету, «шари-нильская» семья — это уже своего рода мини-вариант всего «нило-сахарского» массива, за вычетом отдельных исключений, таких, как сахарская семья или язык сонгай.

Такой подход, безусловно, наводит на подозрения о «размытости» и условности восточносуданского таксона; создается впечатление, что в общую африканскую классификацию он был введен Гринбергом скорее по техническим причинам — например, из-за невозможности охватить всю «шари-нильскую» семью одновременно. Дальнейшие публикации автора по африканской тематике, как правило, избегают рассуждений на тему «восточносуданской» специфики. И тем более интересно, что из всех таксонов «среднего» уровня, выделенных Гринбергом внутри «нило-сахарской» макросемьи, именно «восточносуданскому» удалось не только получить самую высокую степень признания, но и стать объектом самостоятельного исследования.

Наиболее крупным «восточносуданистом» после Гринберга, вне всякого сомнения, следует считать М. Л. Бендера. Отвергая «шари-нильскую» гипотезу, он параллельно с этим полностью принимает «восточносуданскую», за одним исключением: в итоговой обзорной работе [Bender 1997a] из состава «восточносуданской» семьи были выведены кулякские языки. В 2002 г. Бендером была даже предпринята попытка создать рабочую группу по изучению восточносуданских языков и реконструкции правосточносуданской фонологии, грамматики и лексики, закончившаяся (по собственному признанию автора) в целом неудачно, но, тем не менее, позволившая ему выпустить в свет отдельный очерк по сравнительной фонологии и лексикологии [Bender 2005].

В этой работе суммированы результаты автора по построению новой внутренней классификации восточносуданской семьи и компиляции предварительного этимологического корпуса, основанного на «прикидочных» соответствиях (список таких соответствий у автора приводится на стр. 68–85, но по сути является лишь попыткой хоть как-то упорядочить колоссальный разброс рефлексов, не подчиняющихся строгим закономерностям; в определенном смысле работа Бендера по установлению соответствий — лишь первый, и довольно робкий, шаг вперед по сравнению с работой Дж. Гринберга, которого задача установления фонетических соответствий не привлекала совсем).

В плане классификации к нововведениям Л. Бендера относится, во-первых, разделение восточносуданского таксона на две большие ветви, условно обозначаемые им как Еп и Ек: главным критерием здесь служит отражение правос.-суданского личного местоимения 1-го л., которое в одних ветвях имеет основу на *-n* (как в динка *a-n* или в мурле *à-n-è:ttà*), а в других — на *-k* (как в нара *a-g* или в нобин *a-y* ← **a-g*). Согласно этой модели, к «Еп-ветви» относятся сурмийские, восточноджебельские, темейнские, даджу и нилотские языки, а к менее крупной «Ек-ветви» — нубийские, нара, ныманг и тама языки. Второе нововведение — исключение из состава восточносуданской семьи кулякской группы, которая, по мнению Бендера, попала в этот таксон ошибочно и должна на самом деле рассматриваться как отдельная ветвь «нило-сахарской» макросемьи.

Модели Бендера противостоит таксономия, представленная К. Эретом в рамках собственного опыта реконструкции лексического корпуса нило-сахарской макросемьи [Ehret 2001]: его «восточносакральская» семья подразделяется на три ветви, которые в терминологии Эрета называются соответственно «астаборской» (≈ «Ек-ветви» Бендера; включает нубийскую, тама и нара ветви, но без ныманг), «кир-аббайской» (≈ «Еп-ветви» Бендера; включает группы темейн, ныманг, даджу, сурмийскую, нилотскую, джебельскую, а также язык-изолят берта, который ни Гринберг, ни Бендер в восточносуданский таксон никогда не включали), и «руб», т. е. кулякской. Однако ни собственно классификация, ни терминология, предложенные Эретом, не получили широкого распространения ввиду общего недоверия к

используемой им методологии сравнения (в рамках нашего исследования последняя уже была подробно раскритикована во вводной части, на материале конкретных примеров).

Последняя по времени оценка достоверности «восточносуданской» гипотезы, сопровождаемая новыми гипотезами относительно исторической фонологии этой семьи и обновленным этимологическим корпусом, принадлежит К. Рильи [Rilly 2009], которого «восточносуданская проблема» интересует в первую очередь на предмет выявления генетической аффилиации вымершего мероитского языка. В отличие от Эрета, Рильи принимает классификацию Бендера без изменений и вводит для ветвей «Ек» и «Еп» новые термины, имеющие географическую подоплеку: «Ек-ветвь» становится «северо-восточносуданской», а «Еп-ветвь» — «юго-восточносуданской»; это в целом представляется удовлетворительным, учитывая, что к ветви «Ек» относятся нубийские языки, ареал распространения которых уходит далеко на север от точки максимальной концентрации восточносуданских языков (Южный Судан), а к ветви «Еп» — нилотские языки, ареал которых, наоборот, уходит далеко на юг, в Кению и Танзанию. Что касается мероитского языка, который Рильи предлагает отнести к «северо-восточной» (Ек) ветви, то этой гипотезе, по-видимому, еще предстоит серьезное тестирование; в нашем исследовании вопрос о статусе мероитского языка затрагиваться не будет, т. к. надежных лексических данных по нему заведомо недостаточно для того, чтобы даже на самом «прикидочном» уровне включить его в лексикостатистические подсчеты — не говоря уже о том, что, прежде чем говорить о мероитском как о «потенциально восточносуданском» языке, необходимо сначала убедиться в генетической реальности самой восточносуданской семьи.

Исследования Рильи — наглядный пример того, что в целом отношение к «восточносуданской» гипотезе среди современных африканистов, несмотря на прогрессирующий скепсис в отношении «макро»-гипотез, скорее остается доброжелательным. Тем не менее, качество этимологической обработки языкового материала, необходимое для выведения «восточносуданистики» на уровень серьезной субдисциплины сравнительно-исторического языкознания, при этом остается низким. В частности, сравнительный корпус Л. Бендера страдает от той же проблемы, что и

любые опыты реконструкции нило-сахарского корпуса в целом – игнорирования промежуточных реконструкций; это неизбежно приводит к нагромождению ошибок, многих из которых легко удалось бы избежать при менее выборочном учете материала.

Более аккуратно к этой стороне вопроса подходит К. Рильи: в его исследовании проводится детальный разбор фонологических систем сравниваемых групп, и все «северо-восточносуданские» этимологии состоят из праформ, реконструированных для этих групп. Однако, во-первых, сравнение Рильи ограничено только «ветвью Ек», т. е. меньшей из двух основных ветвей восточно-суданского таксона; во-вторых, оно очевидным образом подчиняется главной задаче – определить место мероитского языка среди прочих языков Африки, из-за чего многие сложные вопросы фонетической и лексической реконструкции северо-восточносуданских этимонов либо обходятся стороной как нерелевантные, либо получают ответы, прямо или косвенно противоречащие языковым фактам (отдельные примеры ошибочных, на наш взгляд, этимологических решений Рильи будут разобраны ниже, в разделах, посвященных нубийской, тама и ньяманг языковым группам).

С точки зрения обычной интуиции, «восточносуданская» гипотеза скорее должна вызывать доверие лингвиста, будь то хотя бы на основании 67 общевост.-суд. лексических изоглосс в [Bender 2005: 21–32], большая часть которых относится к базисной лексике и имеет достаточно широкую дистрибуцию по отдельным ветвям. Тем важнее, однако, чтобы эти изоглоссы (почти половина из которых так или иначе имеет отношение и к сокращенному 50-словному списку Сводеша) были тщательно проанализированы на предмет реальной реконструируемости в дочерних группах; вероятности контактно-ареального происхождения; и, наконец, фонетической совместимости друг с другом. Подчеркнем, что на сегодняшний день, если не считать сугубо предварительных об-счетов, когда-то проведенных Л. Бендером на материале нило-сахарских языков Эфиопии [Bender 1971], лексикостатистическая оценка восточносуданских материалов отсутствует в принципе – а это не дает возможности ни определить, хотя бы «навскидку», примерный возраст этой семьи, ни верифицировать на формальной основе ее внутреннюю классификацию (очевидно, что

одного-единственного критерия «k / n» все-таки недостаточно для такой классификации).

Как и предыдущая часть, посвященная койсанским языкам, «восточносуданская» часть исследования будет выстроена от анализа отдельных ветвей этой гипотетической семьи, включая подробный этимологический разбор 50-словных списков и опыт реконструкции прасписка для каждой ветви (кроме языков-изолятов), к предварительной общей оценке «восточносуданского» родства, полученной на основании автоматического анализа реконструированных 50-словников как с учетом результатов «ручной коррекции», так и без такого учета. При этом опять же необходимо напомнить, что оценка эта на данном этапе не может претендовать ни на историческую достоверность (для этого обнаруженные в рамках 50-словника схождения необходимо дополнительно тестировать на предмет фонетических соответствий или хотя бы фонетической совместимости), ни на полноту (для этого результаты реконструкций 50-словных списков по отдельным ветвям необходимо сравнить также и с результатами аналогичных реконструкций не только по остальным ветвям «нило-сахарской» макросемьи, но и с представителями прочих африканских макросемей — только так можно будет на формальных основаниях уверенно определить масштаб и границы «восточносуданского» таксона). Тем не менее, учитывая, что оценка эта будет проведена на основании исследования, методика которого существенно отличается от методов работы и Дж. Гринберга, и Л. Бендера, и К. Эрета, и К. Рилы, будет полезно узнать, к чьей модели «восточносуданского» окажутся наиболее приближены ее результаты.

Общий уровень сравнительно-исторической исследованности гипотетических ветвей «восточносуданской» семьи в целом остается довольно низким. С одной стороны, работы по реконструкции фонологии, морфологии и лексики сегодня опубликованы по большинству этих ветвей — нубийской (М. Беххаус-Герст), джебельской (Л. Бендер), сурмийской (М. Игезу), тама (Дж. Эдгар), даджу (Р. Телвалл), нилотской (Р. Фоссен, Ф. Роттланд, Г. Диммендаль и др.); исключения составляют лишь «мини»-группы темейн и ныманг, где материалы, достаточные для попытки реконструкции, появились совсем недавно.

С другой стороны, подавляющее большинство этих работ носит ярко выраженный «пионерский» характер: ни одна из них, включая даже монографии Фоссена и Роттланда по реконструкции восточно- и южнонилотских праязыков соответственно, не является полноценным этимологическим словарем — общий объем реконструированной лексики почти никогда не превышает 250–300 праязыковых единиц, рефлексy которых в языках-потомках чаще всего подчиняются либо фонетически тривиальным, либо наиболее высокочастотным регулярным соответствиям. «Нетривиальные» развития, требующие подробного этимологического разбора, в этих работах обычно игнорируются: многочисленные примеры схождения в области базисной лексики, оставшихся за рамками внимания вышеупомянутых авторов, можно будет увидеть ниже, особенно в разделах, посвященных нубийским и nilотским языкам.

Таким образом, лексикостатистический анализ 50-словных списков по «восточносуданским» языкам для большинства ветвей этой семьи не может ограничиваться простым перечислением когнатов и автоматическим выведением праформы — почти все разделы вынужденно оказываются до некоторой степени автономными сравнительно-историческими исследованиями, затрагивающими спорные, неоднозначные и даже, в отдельных случаях, никогда ранее не ставившиеся вопросы исторической фонетики соответствующих ветвей. В наибольшей степени это справедливо для мелких групп — таких как темейн и ньиманг, историческое изучение которых вообще еще не начиналось из-за того, что подробные сравнительные данные (в основном из архивов Р. Стивенсона) стали доступны совсем недавно. Разумеется, в сжатых рамках нашего исследования не может идти речи ни о подробном выверении всех ранее предложенных систем соответствий, ни о полной фонологической реконструкции праязыков ветвей, для которых эти системы пока что никем не предлагались; в целом мы будем оперировать скорее в терминах фонетической совместимости, чем полных систем регулярных соответствий.

3.1. Нубийская группа.

3.1.1. *Общие сведения и источники.* К нубийской группе относится примерно пятнадцать как живых, так и вымерших (известных в основном по записям конца XIX – начала XX в.) близкородственных наречий, распространенных на юге Египта и в Судане, в основном в районе среднего течения Нила, но доходящих и до штата Дарфур, а также Северного и Южного Кордофана.

Несмотря на то, что, как и в большинстве других ситуаций, касающихся мелких языковых семей Африки, точно определить количество живых нубийских языков тяжело из-за размытости диалектных границ, заведомо ошибочно, по-видимому, объединять все эти наречия под общим термином «нубийский язык», иногда встречающимся в отечественной традиции [Завадовский, Смагина 1986]. Детальные исследования фонетики, грамматики и лексики некоторых из них, проведенные за последние десятилетия, убедительно показывают, что о взаимопонимании между, например, такими «диалектами», как донголави и мидоб, не может быть и речи, а лексикостатистические подсчеты (см. ниже) предполагают распад общенубийского единства не позднее начала I тыс. до н. э., т. е. задолго до разделения, например, славянской или тюркской языковых (никак не диалектных!) общностей.

Отчасти иллюзия тесной близости всех нубийских языков и диалектов может объясняться тем, что именно к нубийской группе относится древненубийский — древнейший по времени засвидетельствованности из неафразийских языков Африки (основные памятники датируются VIII–XI вв.). При этом из древненубийского в качестве его современных потомков выводятся в самом лучшем случае только т. н. «нильско-нубийские» языки (нобин и кенузи-донголави), а еще вероятнее — только нобин; все остальные известные наречия должны были отделиться от общенубийского ствола намного раньше. Однако из-за того, что число носителей нильско-нубийских языков (около полутора миллионов) на порядок превосходит число носителей всех остальных нубийских языков, именно последние до недавнего времени считались «образцовыми» нубийскими языками и изучались наиболее детальным образом; это и приводит отдельных

исследователей к неправомерному отождествлению «нильско-нубийского» с «нубийским» вообще.

Внутреннюю классификацию нубийских языков нельзя считать устоявшейся, отчасти из-за того, что для целого ряда из них до сих пор отсутствуют удовлетворительные грамматические и лексические описания, отчасти из-за неопределенности классификационных критериев. Наиболее авторитетной и в целом убедительной на сегодня является лексикостатистическая классификация М. Беххаус-Герст [Bechhaus-Gerst 1985]¹; перечень нубийских языков, учтенных в нашем исследовании, располагается ниже в порядке, соответствующем предложенной ей схеме.

1. *Нильско-нубийские языки:*

1) Кенузи-донгола. Представлен двумя очень близкими диалектами — *кенузи* [кнз] (в Египте) и *донгола*, или *донголави* [днг] (в Судане). Из-за широкого распространения и тот, и другой имеют в целом удовлетворительную историю описания. Для кнз наиболее авторитетным словарным источником долгое время служила работа Г. фон Массенбах [Massenbach 1933], но еще больший интерес вызывают подробные словарные материалы С. Али Хисена, относительно недавно откомментированные и изданные И. Хофманом [Hofmann 1986]; ему же принадлежит и наиболее детальное грамматическое описание этого диалекта [Hofmann 1983]. Еще одна грамматика, [Abdel Hafiz 1988], написана в рамках более современного подхода к общей методологии описания, но не содержит принципиально новой информации по сравнению с работами Массенбах и Хоффмана.

По днг исчерпывающими источниками можно считать огромную грамматику [Armbruster 1960] и словарь [Armbruster 1965]; несмотря на то, что оба труда в большой степени выполнены в рамках классицистической (антично-ориентированной) лингви-

¹ Следует, однако, учитывать, что сама М. Беххаус-Герст в своих последующих работах частично пересмотрела итоги этой классификации; так, в [Bechhaus-Gerst 1989] она отказывается от выделения «нильско-нубийских» языков в отдельную подгруппу, объясняя лексикостатистический «подскок» между кенузи-донголави и нобин за счет позднейших заимствований из «культурно-престижного» нобин в соседние диалекты. Подробнее эта новейшая гипотеза будет обсуждена ниже, в разделе 3.1.3 («Лексикостатистика»).

стической традиции, не вполне уместной для работы с «нило-сахарским» материалом, и тот, и другой до сих пор во многом носят образцовый характер в плане охвата материала и тщательности описания. Краткий грамматический очерк Г. фон Массенбах [Massenbach 1961] на фоне работ Армбрустера полезен лишь в случае необходимости уточнения последних.

2) *Нобин* [нбн]; известен также как «фаидджа-махас» (фаидджа — эндоэтноним, характерный для египетских носителей, махас — для суданских). Распространен примерно в тех же областях, что и кенузи-донгола. Обычно считается прямым потомком древненубийского, что, в частности, обеспечило большой интерес к нему со стороны исследователей еще раньше, чем к кенузи-донгола; первое крупное грамматическое описание диалекта махас принадлежит еще Р. Лепсиусу [Lepsius 1880]. Из современных работ важнейшей является грамматика Р. Вернера, сопровождаемая краткой подборкой текстов и небольшим словарем [Werner 1987]; подробный перечень всех предыдущих работ по нбн и нильско-нубийским языкам вообще можно обнаружить в предисловии к этому труду (стр. 6–17). Для наших исследований полезным оказался также фонологический очерк [Bell 1970], богато иллюстрированный лексическим материалом.

Словарь [Khalil 1996], претендующий на статус наиболее современного и полного, к сожалению, непригоден для лексикостатистики, т. к. автор на основании субъективных аргументов устраняет из него все (довольно многочисленные) арабские заимствования, а также перемешивает данные из различных старых и новых источников без какой-либо конкретики; ценность его для этимологических исследований по нубийским языкам также сомнительна, но это еще предстоит уточнить в будущем.

3) *Древненубийский* [нуб]. Корпус сохранившихся древненубийских текстов (в основном отрывки переводов из Нового Завета, а также фрагменты житий и апокрифических христианских текстов) достаточно велик, чтобы можно было составить подробное представление как о грамматике, так и о лексике литературного извода этого нильско-нубийского наречия. Научная литература, посвященная вопросам древненубийского, довольно обширна; из общих работ наиболее современными и подробными являются словарь [Browne 1996] (с дополнениями в [Browne 1997]) и грам-

матика [Browne 2002]. При необходимости контексты легко уточняются по полному корпусу текстов в классическом издании [Griffith 1913] (некоторые отдельные филологические недостатки этого издания, перечисленные в статье [Browne 1981], в целом нерелевантны для нужд нубийской лексикостатистики).

II. *Горно-нубийские языки*. Эта группа состоит из примерно десятка наречий (языков или диалектов), число носителей каждого из которых не превышает десяти — пятнадцати тысяч человек (многие, по данным каталога «Этнолог», являются откровенно вымирающими); распространены они в горах Кордофана, где сосуществуют вперемишку с многочисленными мелкими языками других семей (кордофанской, кронго-кадугли, темейн, даджу). По сравнению с нильско-нубийскими языками горно-нубийские описаны значительно хуже — по некоторым из них опубликованных лингвистических данных нет вообще, кроме названий.

Первым исследователем, более или менее систематически занимавшимся сбором данных по горно-нубийским языкам, был К. Майнгоф; результатом его работы в этой области был небольшой сопоставительный очерк [Meinhof 1917] и сборник словарных материалов [Meinhof 1918]; учитывая тот факт, что представленный в нем горно-нубийский материал там, где это возможно, сопровождается известными автору нильско-нубийскими и мидобскими параллелями, его можно считать первым сколь-либо серьезным опытом сравнительного словаря нубийских языков вообще. К сожалению, учитываемые в работе Майнгофа горно-нубийские диалекты представлены очень неравномерно.

Из всех последующих поколений африканистов обзорным описанием горно-нубийских языков занимался только Р. Стивенсон; однако и он при жизни успел опубликовать лишь несколько общих статей на эту тему [Stevenson 1956, 1964], в которых информация по нубийским наречиям была к тому же перемешана с краткими описаниями прочих языковых семей, обнаруженных им в Нубийских горах. Достоверно известно, что в архивах Стивенсона хранится по крайней мере несколько кратких глоссариев по горно-нубийским языкам [Blench 1997], но в печать из них на сегодняшний день попали только два стословных списка — по диалектам *кадару* [кдр] и *дебри* [дбр] — отобранных Р. Телваллом в рамках его лексикостатистического сопоставления нубийских

языков с даджу и динка [Thelwall 1978a] (к сожалению, список Телвалла несколько расходится со списком Сводеша).

Только по двум горно-нубийским диалектам существуют более или менее развернутые монографии: большое грамматическое описание для *диллинг*, или *делен* [длн] [Kauczor 1920] и сборник текстов по *даир* [Junker, Czermak 1913]. К сожалению, достоверность обоих источников проверить на более современных данных пока невозможно. В нашем исследовании учитываются только данные [Kauczor 1920] по делен.

В последнее время интерес к описанию горно-нубийских языков несколько возрос: систематическим сбором и анализом материала занимается, в частности, А. Якоби ([Jakobi 2004], с предварительной попыткой реконструкции общегорно-нубийской системы; отдельные данные цитируются в [Rilly 2009]); некоторые сведения по фонологии диалектов делен, карко и тагле можно найти в [Jabr el Dar 2006], а подробное описание фонологии тагле с большим количеством примеров — в [Ibrahim, Huttenaga 2007] (некоторые из них будут приведены ниже в ходе этимологического анализа).

III. *Биргид* [брґ]. Этот язык некогда отмечал западную границу распространения нубийских языков, будучи представлен в штате Дарфур. Еще в начале XX в. он использовался для активного общения, однако от данного периода до нас дошел лишь краткий словарный список в обзорном труде Г. МакМайкла [MacMichael 1920]. По состоянию на сегодня биргид, по-видимому, вымер, но в 1969 г. Р. Телвалл успел записать несколько сотен словарных единиц у одного из последних информантов, опубликовав их впоследствии как [Thelwall 1978b]. На основании анализа этих данных М. Беххаус-Герст выделяет биргид в отдельную группу нубийской семьи. Текущее (плачевное) состояние дел в плане локализации последних носителей биргид и уточнения/пополнения имеющихся данных описано в статье [Bell 2006].

IV. *Мидоб* [мдб] (иначе — *мейдоб*; эндоэтноним *тидн-ааль*). Около 50000 носителей в северном Дарфуре и в горах Джебель Мидоб. Отдельные небольшие публикации с данными по мидоб отмечены уже в начале XX в., но самыми актуальными по состоянию на сегодня являются (а) краткий очерк и словарь базисной лексики, составленный Р. Телваллом [Thelwall 1983], и (б) моно-

графия Р. Вернера, содержащая подробное описание фонетики и грамматики и сопровождаемая довольно большим словарем [Werner 1993]. Как та, так и другая работы написаны на основании полевой работы с носителями одного и того же диалекта урти (так, по крайней мере, утверждают оба автора), но определенные разногласия между их данными все же прослеживаются, так что ниже по отдельности будут приводиться формы как в записи Телл-валла [Th.], так и Вернера [W.].

Данная классификация учитывает все известные на сегодняшний день нубийские языки, за исключением вымершего диалекта Джебель Хараза или, сокращенно, просто *хараза*, известного только по скудным словарным данным (всего 36 слов), записанным в арабской транскрипции в 1920-е гг., а также по отдельным воспоминаниям пожилых обитателей Джебель Хараза и окрестных районов, когда-то общавшихся с носителями этого диалекта (общая информация дается в [Bell 1973], сохранившиеся языковые данные подробно обсуждаются в [Bell 1975]). Анализ данных позволяет предположить, что хараза представлял собой еще одну отдельную ветвь нубийских языков, но достоверной информации так мало, что опираться на данные хараза при реконструкции 50-словного списка для пранубийского практически невозможно (хотя окказиональные формы из публикаций Белла мы все же будем приводить там, где они могут быть хоть чем-то полезны).

3.1.2. *Историческая характеристика.* Несмотря на то, что принадлежность того или иного языка к нубийской семье обычно становилась очевидной уже в процессе описания, сравнительно-исторический метод был применен к нубийской группе относительно поздно. Определенную актуальность, особенно в плане элементов сопоставительного грамматического описания, до сих пор имеет классическая работа Л. Райниша [Reinisch 1911], но в терминах регулярных фонетических соответствий нубийские языки впервые попытался описать лишь Э. Циларц, посвятивший этому вопросу большую статью [Zyhlarz 1949–1950]. Неизбежным недостатком труда Циларца, во многом обесценивающим его результаты на сегодняшний день, оказалась опора на скудные и некачественно записанные материалы по большинству «не-нильских» языков (МакМайкла, Майнгофа и др.). Отчасти полезным, но все же серьезно устаревшим на сегодняшний день источником

оказывается также сравнительный словарь нубийских диалектов, составленный Г. Марреем [Murray 1923].

Принципиально новый этап в сравнительном изучении нубийских языков начинается с момента выхода в свет большой работы Марианны Беххаус-Герст [Bechhaus-Gerst 1985] — первого опыта систематической реконструкции пранубийской фонетики и лексики, сочетающего классическую методологию компаративистики с опорой на максимально надежные источники. Не подлежит сомнению, что этот труд должен считаться той отправной точкой, от которой надлежит отталкиваться любому африканисту, интересующемуся историей дивергенции нубийских языков. При этом, однако, нельзя не отметить и то, что, при всех достоинствах, исторический анализ М. Беххаус-Герст производит впечатление поверхностного: автор (как это, к сожалению, нередко бывает в подобного рода случаях) концентрирует свое внимание, как правило, лишь на самых «тривиальных» и очевидных типах соответствий, нередко обходя молчанием по-настоящему сложные вопросы нубийской реконструкции и этимологизации.

Опираясь двумя промежуточными реконструкциями (нильско-нубийской и горно-нубийской), Беххаус-Герст сводит их консонантные инвентари к следующей пранубийской системе:

*b	*d	*ʒ	*g	*g ^w
*p	*t		*k	*k ^w
	*s	*ʃ		
*m	*n	*ɲ	*ŋ	
*w	*r, *l			

Из этих 18 фонем в начальной позиции встречаются все, кроме палатального носового сонанта *ɲ и плавных *r, *l; в срединной/конечной позиции не реконструируются лабиовелярные *g^w, *k^w и глайд *w. Основные ряды соответствий по подгруппам имеют следующий вид:

Прануб.	Нильск.	Горн.	Биргид	Мидоб
*p	*p-, *-b-	*f-, *-p-	f-/p-, -b-	p-, -f-/b-
*b	*w	*b	m	p-, -m-
*t	*t	*t	t	t-, -d-

Прануб.	Нильск.	Горн.	Биргид	Мидоб
*d	*d	*t-, *-d-	t-, -d-	t-, -d-
*ʒ	*n-, *-ʒ-	*ʒ	n-, -z-	k-, -ɕɕ-
*k	*k-, -g-	*k	k-, -g-	∅-, -g-
*g	*g	*k-, *-g-	k-, -g-	k-, -g-
*k ^w	*k	*k ^w	k	∅
*g ^w	*g	*k ^w	k	k
*s	*s	*ʃ-, *-ʒ-	s-, -z-	s
*ʃ	*ʒ	*ʃ	s-, -ʃ-	s-, -ɕ-
*m	*m	*b-, *-m-	m	p-, -m-
*n	*n	*d-, *-n-	n/ɲ	t
*ɲ	*-ɲ-	*-ɲ-	*-ɲ(ɲ)-	*-ɲ(ɲ)-
*ɨ	*n-, *-g-	*ɨ	n/ɲ	k-, -ɨ-
*w	*w	*w	–	p
*l	*-l-	*-l-	-l-	-l-
*r	*-r-	*-r-	-r-	-r-

В типологическом плане данная система не вызывает никаких нареканий. Что касается конкретных возражений в области фонологического состава и фонетической интерпретации инвентаря, то здесь обращают на себя внимание следующие детали:

1) Противопоставление **b* : **w* для пранубийского обосновано неубедительно, по сути, на основании всего одного примера (**wVl*- 'вчера'), где нильскому **w*- и мдб *p*- соответствует **w*- в горно-нубийском и нулевой рефлекс в брг. Второй возможный случай **w*- ('звезда', см. ниже) демонстрирует при этом принципиально иной набор соответствий. Вероятно, для обоих этих случаев следует все же искать какие-то особые причины отклонений, а не постулировать сверхредкий губной глайд.

2) Крайне сомнительно выведение на пранубийский уровень оппозиции веларных и лабиовеларных, эксплицитно засвидетельствованной только в горно-нубийских языках; имеющиеся по этим языкам материалы не дают возможности однозначно реконструировать для прагорно-нубийского и тем более для пранубийского вообще такие оппозиции, как **k^wa-* : **ko-*, **k^wi-* : **ki-* и т. п., так что на данный момент уместнее трактовать лабиовеларные согласные в этих языках как результат дифтонгизации старых

губных гласных в определенных фонетических контекстах (например, в зависимости от вокализма второго слога)¹;

3) Аффриката *ʒ- и палатальный сонант *ɲ- в представленной системе оказываются в частичном дополнительном распределении. Учитывая, что и в нильских языках, и в брг *ʒ- (совершенно «без повода») дает носовой рефлекс, уместно интерпретировать их как аллофоны единой пранубийской фонемы *ɲ. Что касается различения их в срединной позиции, то соответствие «нильск. *ʒ- : брг -z- : мдб -ʒ-» следует, по-видимому, отнести к графе «*š», т. е. перестроить ряды *ʒ, *š, *ɲ в системе Беххаус-Герст таким образом:

Прануб.	Нильск.	Горн.	Биргид	Мидоб
*ʕ	*ʒ	*ʒ-, *š-	s-, -z- / -š-	s- / -(ʕ)ʕ-
*ɲ	*n-, *ɲ-	*ʒ-, *ɲ-	*n-, *ɲ(n)-	*k-, *ɲ(n)-

Подробнее об этом см. ниже, при разборе 50-словного списка (№ 43 'язык').

Система вокализма реконструируется Беххаус-Герст как девятичленная (*i, *e, *ɛ, *a, *ɔ, *o, *u, *ə), с противопоставлением в среднем ряду по открытости / закрытости гласных, но без полной системы оппозиций по +ATR/-ATR. Вокалические соответствия в односложных базах, как правило, довольно простые, но, как и в других африканских семьях, в большинстве современных языков они оказываются сильно запутанными внутри двусложных основ из-за многочисленных и разнообразных ассимиляций корневого вокализма по вокализму второго слога. Исчерпывающего списка правил, которым подчиняются эти ассимиляции, пока не существует; ряд конкретных наблюдений и гипотез будет предложен ниже, по ходу разбора 50-словного списка.

Просодические оппозиции в нубийских языках обычно бинарны, реализуясь, согласно имеющимся описаниям, либо как

¹ А. Якоби справедливо увязывает возникновение лабиовелярной артикуляции в горно-нубийских языках с влиянием дифтонгического сочетания *ʒа, развивающегося из общенубийского гласного *ɔ, но не обращает (на наш взгляд, напрасно) достаточного внимания на то, что дифтонгизация эта имеет место исключительно в структурах типа CVCV(C), напр. карко *kɔ:l* 'дом', но *kɔ:laɖ* 'семь', *kɔ:ɲ* 'строить' (глагольная основа с обязательно следующими за ней вокалическим суффиксом) и т. д. [Jakobi 2000].

противопоставление высокого / низкого тонов (нбн, мдб), либо как разноместное ударение (днг, длн). Скорее всего, аналогичная оппозиция присутствовала и в пранубийском, однако попыток реконструировать общенубийскую просодию пока что не предпринималось. Мы будем там, где это возможно, отмечать в нубийских языках тоны и ударения, но опускать просодическую характеристику в праязыковых реконструкциях.

Последняя по времени попытка реконструкции общенубийского состояния была предпринята К. Рильи [Rilly 2009] в рамках его более глобальной работы по реконструкции «северо-восточно-суданского» праязыка и сопоставлению его с данными мероитского языка. Отталкиваясь от исследования Беххаус-Герст, он вводит целый ряд усовершенствований, во многом перекликающихся с предложенными нами выше, и реконструирует значительно большее число пранубийских этимонов. Подробный сопоставительный анализ реконструкций Беххаус-Герст и Рильи лежит за рамками нашего исследования, однако в ходе этимологического разбора 50-словного списка мы будем ссылаться на оба варианта (там, где они присутствуют) и, в случае необходимости, комментировать конкретные их достоинства и недостатки (реконструкции Беххаус-Герст будут снабжаться пометой MBG, реконструкции Рильи — CR).

3.1.3. *Лексикостатистика*. Из имеющихся у нас данных по нубийской лексике «идеальные» списки можно составить только по нильским языкам, опираясь на словарь кенузи Али Хисена / Хофмана [Hofmann 1986], донголави Армбрустера [Armbruster 1965] и нобин (основной источник — краткий словарь в [Werner 1987], но поскольку многие элементы 100-словника в нем отсутствуют, базу пришлось дополнить старыми материалами из [Lepsius 1880], частично, впрочем, подтвержденными в лексикостатистическом списке Р. Телвалла). Древненубийский список составлен по новейшему и наиболее полному словарю этого языка [Browne 1996]; заполнить удалось 75 позиций, что можно считать достаточным для включения его в общую статистику.

Из горно-нубийских языков подходящим для статистической обработки оказался делен (диллинг), для которого анализ монографии [Kauszorg 1920] выявил 92 элемента списка, а также материалы Р. Стивенсона по кадару и дебри, вошедшие в сравнительные

списки Р. Телвалла [Thelwall 1978a]. Из-за того, что Телвалл оперирует собственным вариантом 100-словного списка, очень серьезно отличающимся от списка Сводеша, по обоим языкам удалось заполнить только 60 позиций (впрочем, возможные в этой связи неточности в целом корректируются наличием в нашей статистике близкородственного этим языкам делен). Данные Г. Майнгофа по горно-нубийским диалектам не дают возможности составить по ним 100-словники.

По биргид единственный значимый источник данных — словарь Телвалла [Thelwall 1978b] (еще несколько слов, по каким-то причинам в него не вошедших, обнаружены в [Thelwall 1978a]); заполнено 83 позиции. По мдб большую часть списка удастся заполнить по словарю Вернера [Werner 1993] и словнику Телвалла [Thelwall 1983].

Результаты подсчетов образуют следующую матрицу:

Таблица 1. Лексикостатистическая матрица нубийских языков (100-словные списки).

	Нбн.	Кнз.	Днг.	Длн.	Кдр.	Дбр.	Брг.	Мдб.
Др.-нубийск.	0.81	0.63	0.63	0.42	0.43	0.44	0.39	0.51
Нобин		0.66	0.66	0.40	0.42	0.41	0.42	0.51
Кенузи			0.93	0.60	0.59	0.60	0.56	0.57
Донголави				0.59	0.61	0.62	0.56	0.57
Диллинг					0.92	0.91	0.63	0.57
Кадару						0.92	0.60	0.56
Дебри							0.59	0.57
Биргид								0.56

Данная матрица имеет ряд существенных отличий от предыдущих опытов нубийской лексикостатистики, выполненных Телваллом [Thelwall 1978a] и Беххаус-Герст [Bechhaus-Gerst 1984]; проценты совпадений между отдельными языками из разных подгрупп в нашей матрице получаются выше в среднем на 8–10%. Это объясняется тремя факторами: (а) мы пользуемся стандартным списком Сводеша, элементы которого могут отличаться

большей устойчивостью (универсальные коэффициенты сохранности для отдельных слов в списке Телвалла — Беххаус-Герст, разумеется, не откалиброваны); (б) в целом ряде случаев этимологические решения принимаются в сторону постулирования когнации вместо ее отрицания (см. ниже случаи, когда слова, не считающиеся М. Беххаус-Герст за родственные, при более тщательном анализе все же оказываются этимологически тождественными); (в) из подсчетов исключены как явные, так и некоторые потенциальные заимствования (особенно это касается нбн, но до некоторой степени и всех остальных языков).

Особо следует оговорить методику, выбранную нами для подсчетов по древненубийскому. В отдельных случаях, например для слова 'вода' (см. ниже) или для слова 'белый' (нуб гоḡλ- или ḡḡω-), в корпусе обнаруживаются два синонима, передающие одни и те же греческие эквиваленты, причем первый из них, как правило, статистически более частотен и этимологически совпадает с более современным эквивалентом в нобин, второй же встречается редко и этимологически согласуется с эквивалентом в кенузи-донголави (для 'белого' ср., в частности, нбн *nùlù*, но кнз, днг *aro*). Хотя эта проблема заслуживает более детального анализа (предполагающего, в частности, тщательное изучение распределения лексики по текстам корпуса), в предварительном порядке наиболее естественным объяснением представляется определенная *разнородность* древненубийских текстов, в основе своей созданных на диалектах, хронологически предшествующих современным фадиджа-махас (нобин), но в ряде случаев отражающих языковые особенности ветви кенузи-донголави.

В связи с этим при подсчете совпадений мы, как правило, ориентировались на учет *только* наиболее частотного из наблюдаемых синонимов, исключая более редкий как предположительно отражающий альтернативную языковую норму; этим и объясняется заметно более высокий процент общей лексики между нуб и нбн (81%), чем между нуб и кнз-днг (63%); последний при одновременном учете редких «кенузи-образных» технических синонимов возрастает примерно до 70%, что, впрочем, все равно оставляет древненубийский ближе к современному нобин.

Филогенетическая интерпретация матрицы в целом совпадает с традиционной классификацией нубийских языков на четыре

группы (нильскую, горную, биргид, мидоб; см. дерево в приложении 1). Единственное различие заключается в том, что пранильский оказывается противопоставлен «ненильскому» узлу, но хронологический диапазон между распадом общенубийского (≈ 1200 г. до н. э.) и «ненильского» (≈ 1000 г. до н. э.) столь незначителен, что им можно пренебречь.

Уже в [Bechhaus-Gerst 1984] было отмечено, что высокий процент совпадений между нбн и кнз-днг, на первый взгляд подтверждающий историческую реальность нильско-нубийской группы, находится в явном противоречии с относительными процентами совпадений между этими языками и языками других нубийских групп. Действительно, даже в нашей уточненной матрице процент совпадений между кнз и «ненильскими» языками колеблется от 60% до 63%, в то время как между ними же и нбн он в лучшем случае не превышает 55%. Эта «аномалия» подробно обсуждается в [Bechhaus-Gerst 1989], где на ее основании автор развивает теорию вторичного образования нильско-нубийской общности в ходе позднейшей конвергенции между ветвями нбн и кнз-днг; М. Беххаус-Герст считает нбн наиболее рано отделившейся ветвью общенубийского, а завышенный процент совпадений между ним и кнз-днг — следствием активных контактов между этими языками на протяжении последних двух тысячелетий. Более подробному обоснованию этой теории была в дальнейшем посвящена целая монография [Bechhaus-Gerst 1996].

Сразу же отметим, что а priori рассматриваемая аномалия допускает как минимум две интерпретации: помимо предлагаемой Беххаус-Герст, в которой аномальным считается высокий процент совпадений между нбн и кнз-днг, может быть и такая, в которой аномальным, наоборот, будет низкий процент между нбн и «ненильскими» языками. Такое занижение может, согласно методологическим поправкам С. А. Старостина, объясняться лишь одним: большим количеством заимствований в стословном списке нбн, ошибочно принятых за исконную лексику и засчитанных за внутренние замены¹.

¹ Когнация между нуб/нбн и другими языками отмечалась следующим образом: слова, не имеющие никаких этимологических параллелей в прочих нубийских языках, но обнаруживающие фонетически сходные

Для того, чтобы отдать предпочтение той или иной интерпретации, необходим, таким образом, внимательный этимологический анализ материала. Ниже такой анализ будет проведен на материале элементов 50-словника; мы вернемся к рассмотрению вопроса о таксономическом статусе нбн после подробного разбора списка (представив его в виде отдельного заключения).

50-словный список для нубийских языков.

1) «пепел»: кнз *uburti*, днг *ub'urti*, нбн *ùbúrti*, длн *ɔpte*, кдр, дбр *ɔtte*, брг *uburti* ~ *ugurti*, мдб *úfudì* [W.], *úfudì* [Th.]. || MBG: прануб. **opurti* → нильск. **oburti*, горн. **opte*; CR: **uburti*. В нуб слово не засвидетельствовано.

Реконструкция срединного *-*p*- основывается здесь в первую очередь на горно-нубийских данных, где, однако, оглушение могло быть вызвано ассимиляцией из **obte*; мы будем восстанавливать прануб. **ubur-ti*, где *-ti* — именной суффикс, высокочастотный как в живых нубийских языках, так и в пранубийском (наиболее приемлемое для него общее значение — сингулятивность, хотя в данном конкретном случае, когда речь идет о собирательном имени, оно оказывается утраченным; см., однако, многочисленные примеры ниже). Самый архаичный вариант основы сохранился в нильских языках и в брг; в остальных двух группах произошло упрощение кластера *-*rt-* → *-t/-d-*, а в горно-нубийских — еще и редукция срединного гласного.

Ч. Армбрустер [Armbruster 1965: 207] предлагает для днг *ub'urti* внутреннюю этимологию ← *'ubur* 'дыра', 'большая яма' (т. е. 'содержимое ямы'), однако такая семантическая деривация для слова 'пепел' типологически беспрецедентна и не поддерживается какими-либо специфическими культурными сведениями о

и семантически тождественные параллели в потенциальных языках-донорах (египетский-коптский, нилотские и т. п.), помечались как заимствования и исключались из подсчетов; слова без каких-либо этимологий вообще, как внутренних, так и внешних, помечались как обычные лексические замены. Если последние также помечать как заимствования, матрица окажется почти полностью «нормализованной», т. е. процентное соотношение между нбн и «ненильскими» языками будет примерно таким же, как и между кнз-днг и «ненильскими» языками.

быте нубийцев. Более вероятно, что речь все же идет о первичной пранубийской основе **ubur*- 'пепел'.

2) «птица»: (а) нуб *каүртә-*, *каҗарт-*, кнз *kawirte*, днг *k'awirte-*, нбн *kawarti*, длн *kɔmilti*, брг *kwardi*, мдб *à:béddi* [W.], *à:bédi* [Th.]; (б) кдр *kɔndundu*, дбр *kɔnnetu*. || MBG: прануб. **kaumbirte* → нильск. **kawirte*, горн. **kommelti*; CR: мн. ч. **kawer-e*, ед. ч. **kawer-ti*. В горн. ср. также у Майнгофа: даир *kommel*.

Общее происхождение всех форм группы (а) несомненно, равно как и выделение *-*te* (*-*ti*) как суффикса (ср. в брг архаичную форму мн. ч. *kwa:re*). В мдб наблюдается регулярное отпадение анлаутного **k*-. Сомнения вызывает реконструкция срединного кластера *-*mb*-; согласно М. Беххаус-Герст, оно, по-видимому, отражает соответствие «нильск. *-*w*- : горн. *-*m(m)*-» (в эксплицитном перечне соответствий отсутствует). Поскольку назализация отмечена только в горно-нубийском, более экономным решением было бы восстанавливать просто **kawir*-, с развитием *-*w*- → *-*m*- в горно-нубийском (поскольку срединный *-*w*- — фонема редкая, ни подтверждающих, ни откровенно противоречащих примеров пока не обнаружено).

Горно-нубийские формы группы (б), отмеченные в списках Телвалла, по всей видимости, имеют иное происхождение, т. к. отождествить их с длн *kɔmilti*, несмотря на отдаленное фонетическое сходство, не удастся. Прозрачной внутринубийской этимологии у них также нет. Чрезвычайно близкие формы обнаруживаются в восточнонилотских языках (бари *kwen-ti* и др., см. ниже), но непосредственные контакты горно-нубийских языков с этой группой исключены.

3) «черный»: кнз *urumt-e*, днг *ur'umt-e*, нбн *úrúm*, длн *uri*, кдр *wiuri*, дбр *urri*, брг *ú:dè*, мдб *údí* [W.], *údi* [Th.]. || MBG: восстанавливается только нильск. **urim*, формы в брг и далее не упоминаются. CR: **ur(r)-i*.

Ауслаутный гласный *-e* в кнз и днг — суффиксальный; в подробном словаре днг зафиксирована и именная производящая основа '*urim* 'что-л. черное, вещество черного цвета'. В известных древненубийских текстах слово 'черный' в явном виде не обнаружено, но известна основа оүдм- 'темный, темнота', а также ее более сложный эквивалент оүданкат- 'темнота' (← **udm-kat*-?); обе формы наглядно показывают, что нильскую реконструкцию MBG

следует изменить на **udum* (пранильско-нуб. **-d-* и **-r-* сливаются в *-r-* в современных диалектах, но различаются в нуб.).

Нильскому **udum* противопоставлена форма **ud(d)i* в остальных нубийских ветвях (ср., помимо перечисленных выше, также форму *u:da-qi/h/* в хараза [Bell 1975: 24]), по сравнению с которой **udum* явно выглядит как нильская инновация. Вопрос лишь в том, считать ли эти формы изначально разными корнями или предполагать производность нильского **udum* от варианта **ud-(i-)*. Ни в одном из существующих описаний словообразовательной морфологии нильских языков (Армбрустер, Вернер, Браун и др.) не отмечено существование продуктивного суффикса типа **-Vm-*, который мог бы прозрачно эксплицировать деривацию. Однако такой суффикс в принципе мог бы существовать на более раннем этапе. Возможен и противоположный вариант развития: переход изначального **udme* → **udde* ~ **uddi*, с редукцией и ассимиляцией, в фонетически менее консервативных «ненильских» языках (хотя последнее менее вероятно ввиду того, что соответствующий переход должен был произойти независимо в нескольких группах).

В любом случае, регулярное соответствие двух начальных сегментов (**ud-*) и возможность предложить несколько сценариев развития для остальной части основы недвусмысленно указывают на необходимость общей этимологизации всех перечисленных форм. Исходную основу мы будем записывать как **ud(m)-*, тем самым показывая, что вопрос о морфемном статусе нильского *-m-* пока не имеет решения.

4) «кровь»: (а) нуб *Δic-*, нбн *dí:s*; (б) кнз *ge:w*, днг *ge:u*; (в) длн *ogor*, клр *ogvr*, дбр *o:r*, брг *igir*, мдб *əggár* [W., Th.]. || MBG: прануб. **ager* → горн. **oger* (этот вариант основан на даир *oger*); CR: **ùg-er*.

Наиболее широкую и, по-видимому, архаичную дистрибуцию имеет группа форм (в). Реконструкция **ager* по версии MBG полностью удовлетворительна в плане консонантизма, но вокалические соответствия не вполне ясны; очевидно лишь, что внутри этой основы, со структурой VCVC, должны были сочетаться задний и передний гласные, что и обусловило различные сингармонистические ассимиляции по диалектам.

Неясно, насколько оправдано отождествление этих форм с кенузи-донголави **ge:w* ([Bechhaus-Gerst 1985: 54]; К. Рильи также согласен с общей этимологизацией этих форм). Во-первых, соот-

ветствие «прануб. *-r : кнз-днг *-w» не является полностью регулярным; более или менее надежные случаи наблюдаются только в позиции перед конечным *-i (см. ниже 'дождь', 'два'). Во-вторых, хотя надежно реконструируемых для пранубийского именных основ со структурой *VCVC немного, из всех известных этимологий данная — единственная, предполагающая для нильско-нубийского развитие с редукцией гласного первого слога (см. ниже, например, 'рот', где никакой редукции не происходит).

Одновременное наличие двух столь сильных контраргументов заставляет искать иное этимологическое решение. Так, Ч. Армбрустер, пытаясь раскрыть внутреннюю структуру днг *ge:li*, раскладывает эту основу на корень *ge:-, который он выделяет также в основе *ge(-)l-* 'красный', и именной суффикс *-и. Внешние данные не подтверждают его внутренний анализ¹, т. к. основа уже на пранубийском уровне надежно восстанавливается в виде *ge:lɛ [MBG], где *l* — корневой согласный. При этом, однако, возможен и иной вариант анализа: возведение *ge:li* к сложной именной основе *ge:l-и, где *-и (*-и) — действительно именной суффикс, а сонант *l* просто выпал в результате упрощения кластера. Примеров, ярко противоречащих такому предположению, в днг вроде бы не обнаруживается (об особой ситуации со словом 'камень' см. ниже).

Справедливости ради следует указать, что М. Беххаус-Герст для кнз приводит не только обычный вариант *gew*, но также особую форму *ger*, записанную в самом старом словаре этого языка [Reinisch 1879]. Однако именно тот факт, что ни один другой источник по данной подгруппе не выдает присутствие в кнз слова 'кровь' вибранта, заставляет считать всю ситуацию подозрительной; возможно, речь идет просто о специфическом диалектном развитии сочетания *-li. Мы все же склонны считать этимон 'кровь' в кенузи-донголави производным от слова 'красный', т. е. объяснимой инновацией.

¹ Следует, наверное, отметить, не умаляя общих достоинств грамматики Армбрустера, что в целом она страдает излишней тенденцией к «гиперанализму»: из порядка сотни словообразовательных элементов, постулированных автором для именной и глагольной систем днг, по крайней мере пара десятков опирается на субъективные представления автора о фоно-семантической близости тех или иных нубийских основ.

Еще одна инновация наблюдается в нуб и нбн, где старая 'кровь' оказалась замещенной словом с общей семантикой 'жир': к приведенным выше формам ср. такие очевидные параллели, как кнз *des* 'жир; масло (животное, растительное)', днг *des* 'жирный слой молока; масло', мдб *tèssì* 'масло, жир' (вокалические соответствия регулярны; семантическое развитие 'жир' → 'кровь' типологически естественно, в отличие от обратного; ср. также значение 'жир', отмеченное для хараза формы *tas-kih* [Bell 1975: 16]). Таким образом, отнесение К. Рильи этой формы к «донубийскому» субстрату (см. ниже) следует считать преждевременным¹.

5) «кость»: нуб *gisrì-*, *gisrì-²*, нбн *gìsìr*, кнз *ki:d*, днг *kih'id ~ kɪ:d*, кдр *kwedε*, дбр *kwedù*, брг *kizìdì*, мдб *à:dí* [W., Th.]. || CR: **kiser*.

Несмотря на то, что все перечисленные формы возводимы к единому праварианту, в работе [Bechhaus-Gerst 1984] они не приводятся, очевидно, из-за непреодолимых (с точки зрения автора) трудностей с реконструкцией³. Действительно, в относительно простую схему соответствий, разработанную Беххаус-Герст, они не укладываются; однако вряд ли столь явно схожие друг с другом формы, как, например, днг *kih'id* и брг *kizìdì* (обнаруживаемые

¹ А. Якоби предпочитает сближать кнз *des* и т. п. с нуб *gowé*, нбн *nó:yu* 'масло' [Jakobi 2006: 221], несмотря на то, что сама же признает соответствия в начальной позиции нерегулярными, а само это существительное скорее всего является новообразованием от зафиксированной и в нуб, и в нбн глагольной основы 'мазать, натирать'. Прозрачная этимологическая связь нбн 'крови' с общенуб. 'жиром' осталась незамеченной, по-видимому, из-за сомнений в возможности семантической связи между 'жиром' и 'кровью' — совершенно излишних, ср. хотя бы авестийск. *vohuni-* 'кровь' = др.-индийск. *vasa:* 'жир; спинной мозг', или общедравидийск. **ney-to:r* 'кровь', из **ney* 'жир' + **to:r-* ~ **čor-* 'течь'.

² Вариант с носовым *ŋ-* в начальной позиции отмечен в одном синтаксическом контексте справа от слова, оканчивающегося на *-n*, т. е. здесь, по-видимому, налицо локальное контактное сандхи.

³ В более поздней работе [Bechhaus-Gerst 1989] эти формы все же упоминаются и даже сводятся в единую этимологию, но без реконструкции праформы; нерегулярное соответствие «нбн *g-* : *k-* в остальных языках» при этом, с точки зрения автора, якобы можно считать аргументом в пользу обособления нбн как отдельной подгруппы нубийской семьи, несмотря на то что от этого оно не становится более регулярным (стр. 94).

при этом на двух противоположных концах всего нубийского «спектра»), могут иметь различное происхождение.

Историко-фонологических сценариев, объясняющих наблюдаемое разнообразие вариантов, можно предложить несколько; на наш взгляд, самой вероятной была бы реконструкция исходной праформы в виде **kasi-di*, где **-di* — обычный для пранубийских основ именной суффикс (по-видимому, = **-ti* в **kawir-ti* 'птица'; варианты **-ti* и **-di* дополнительно распределены в зависимости от предшествующего звука). Засвидетельствованные формы выводятся из нее по следующим правилам:

а) в мдб — регулярная редукция срединного гласного с дальнейшим упрощением кластера, а также регулярное отпадение начального **k-*: **kasidi* → **kəsdi* → **kə:di* → *à:di*;

б) в брг — почти стопроцентное сохранение исходной артикуляции, за исключением регулярного озвончения **-s-* → *-z-* и вокалической ассимиляции (**kasidi* → *kizídi*);

в) в горно-нубийском — те же процессы в инлауте, что и в мдб, а также регулярная лабиализация гласного **ə* с последующей дифтонгизацией (впрочем, можно, вслед за Беххаус-Герст, рассматривать горно-нубийское *kw-* и как сохранение старой лабиовелярной артикуляции; этот вопрос на данном этапе несущественен, т. к. надежно обосновать на пранубийском уровне фонологическую оппозицию **ko-* : **k^we-* пока что все равно невозможно): **kasidi* → **kodi* → **kweda*;

г) в нильско-нубийском ассимиляция первого гласного имела место уже на прауровне: **kasidi* → **kisidi*. Отпадение конечного гласного в кнз-днг, возможно, обусловлено просодическими факторами; труднее объяснить леницию **-s-* → *-h-* → *-∅-*, но, по-видимому, и она в этой позиции регулярна (см. ниже 'огонь', 'рука'). Реально необъяснимо только озвончение **k-* → *g-* в нуб и нбн (ассимиляция из **kisir-* → **kizr-* → **gizr-* с дальнейшим обратным оглушением **-z-* → *-s-*?); в этой связи, однако, любопытно обратить внимание на еще один вариант слова 'кость', зафиксированный в древненубийском переводе «Псевдо-Хризостома», т. е. памятнике, обособленном внутри нубийского корпуса: *кiер-*, который может отражать старое **kihir-* ← **kisi-d-*.

Таким образом, непреодолимых препятствий для общей этимологизации здесь на самом деле нет, попытка же развести срав-

ниваемые формы по двум или более корням создает проблему их раздельной этимологизации, не имеющую решения.

6) «ноготь»: кнз *sutti*, днг *s'unti*, нбн *supudi* [Th.], длн *šundi*, кдр, дбр *šundu*, бр *sundi*, мдб *súnúndi* [W.], *súnúdi* [Th.]. || MBG: прануб. **sun-di* (**suŋdi*) → нильск. **sunti*, горн. **šundi*; CR: **suŋ-u-di* (ср. также даир *šindu*). В нуб этимон не засвидетельствован. Ср. в тагле: *šùnú* 'коготь' [IH].

Реконструкция **sun-di*, где **-di* — тот же именной суффикс, что и в предыдущих случаях, удовлетворительно объясняет все формы, кроме мдб, где вместо дентального носового обнаруживается велярный. Естественно, вслед за М. Беххаус-Герст, предположить, что этот вариант более архаичен и отражает первичную артикуляцию корня **suŋ-*, т. е. прануб. основа **suŋ-di* развивалась в двух направлениях: (а) устранение неудобного кластера за счет эпентетического гласного: → *suŋu-di* (с окказиональным дублированием носовой артикуляции также *suŋundi*), (б) ассимиляция с последующим дентальным смычным: → *sun-di*.

7) «умирать»: нуб *ɗi-*, *ɗei-*, *ɗiei-*, нбн *dû-l*, кнз, днг *di*, длн *ti*, бр *ti-*, мдб *tí-hèm* [W.], *tí-nán* [Th.]. || MBG: прануб. **di* → нильск. **dí*, горн. **ti*; CR **dí-*.

Соответствие «нильское **d-* : не-нильское *t-*» регулярно отражает старый начальный **d-*. Долготу гласного, по-видимому, также следует проецировать на пранубийский уровень, исходя из совокупных показаний нильских языков и мидоб.

В нуб параллельно со старым корнем в переносном значении 'умирать', 'смерть' иногда обнаруживается также основа *гес(р)-*, *гесар-* 'прекращать(ся), останавливать(ся)', без каких-либо параллелей в живых нильских диалектах. Статистический анализ текстов показывает, что основным этимоном в значении 'умирать' эта основа считаться не может.

8) «собака»: (а) нуб *moŋ-*, нбн *múg*; (б) кнз *wel*, днг *wel*, длн *bol*, кдр, дбр *bəl*, бр *mɛl*, мдб *pəl* [W., Th.]. || MBG: прануб. **bəl* → горн. **bəl*; CR: **wel*. Ср. у Майнгофа: гарко *bo:le*; гульфан *bo:l* и др.; тагле *bəl* [IH].

Соответствия начальных согласных в формах группы (б) регулярны и отражают прануб. **b-* (эта фонема, возможно, уже на пранубийском уровне по своей артикуляции колебалась от **b-* до **w-*; фонологическая оппозиция между **b-* и **w-*, реконструиро-

ванная М. Беххаус-Герст на одном сомнительном примере, в пранубийском, скорее всего, отсутствовала; см., однако, дальнейшую дискуссию в статье 'звезда').

Дистрибуционные характеристики форм группы (б) однозначно указывают на **bəl-* как на основной пранубийский этимон со значением 'собака'; ср. рефлекс этой же формы в хараза — *bu:la-qi* (**bo:la-gi* в гипотетической транслитерации Г. Белла). Форма (а) *tiug-* за пределами древненубийских текстов и нбн не встречается и на собственно нубийской почве не этимологизируется¹. Скорее всего, аналогично фонетически близким (и столь же «чужеродным» в плане дистрибуции) формам в языках мабакодой (маба *juik*), *tiug-* следует рассматривать как заимствование, возможно, из какого-то старого нилотского субстрата (ср. вост.-нилотское **=ɲɔk-* и др.); губная артикуляция носового согласного может объясняться ассимилятивным влиянием губного гласного и

¹ К. Рилли предлагает сопоставление с различными не-нильско-нубийскими формами, обозначающими диких собак: тагле *bógúl* 'гиена', кадаро *bəgúl id.*, карко *bogele, bagele id.*, кудур *bórúul* 'шакал', мдб *pàrhú:l* 'гиена', с общей реконструкцией **mogur* 'хищное животное, шакал' [Rilly 2009: 466]. На первый взгляд, этимология является допустимой, особенно ввиду мн. ч. *tùgrí:* в нбн, подсказывающего возможность развития из нильского **tiugr-*. Однако, во-первых, формант мн. ч. *-ri* в нбн далеко не всегда указывает на старую морфонологию: ср., например, *ádèm* 'человек', мн. ч. *àdèm-rí*; при том, что слово является очевидным арабизмом (семитская основа **ʔadam-*). Во-вторых, сами по себе не-нильские формы демонстрируют многочисленные нарушения фонетических соответствий (например, *-g-* : *-r-* в срединной позиции) и свехредкие сочетания согласных (такие как *-rh-* в мдб), что скорее говорит в пользу их трактовки как отражения бродячего культурного термина. Наконец, даже само семантическое развитие 'гиена / шакал' → 'собака' в нбн, сколь бы «естественным» оно не выглядело, нуждается в дополнительном обосновании; при условии надежной реконструируемости значения 'собака (домашняя)' на пранубийском уровне психологическая мотивация, которая могла бы подвинуть северных нубийцев на то, чтобы выражать это значение словом, обозначающим дикого хищника, остается загадкой. Совокупность этих обстоятельств, на наш взгляд, перевешивает аргумент элементарного фонетико-семантического сходства между рассматриваемыми формами и заставляет нас отвергнуть этимологию Рилли.

(ср. в этом плане диалектные колебания в маба, где Дж. Эдгар отмечает варианты *juk* и *miug* [Edgar 1991a: 326]).

9) «пить»: нуб ɢɛ(ɪ)-, ɢɪ-, нбн *ní-*, кнз *ɲí:*, днг *ní:*, длн *dí*, кдр *dí*, дбр *dí:*, брг *ɲí:*, мдб *tí:hém*. || MBG: прануб. **ní* → нильск. **ní:*, горн. **dí*; CR **ní:*.

Реконструкция более или менее однозначна (долгота гласного, как и в других подобных случаях, проецируется на прауровень); соответствия регулярны и отражают старый носовой сонант **n-*.

10) «сухой»: (а) нбн *sámá*; (б) кнз *sowwí*, днг *s'oww-ed*, длн *šɔɲ*, дбр *šua-du*; (в) кдр *fɪŋka-du*; (г) брг *su:dí*, мдб *sé:d*; (д) мдб *sì:núm*. || CR: **soɲ*.

Несмотря на то, что все перечисленные формы, за исключением кдр, фонетически схожи, к единому праварианту их свести практически невозможно; ситуация производит впечатление чрезвычайно запутанной и вряд ли может быть разрешена без новых данных по диалектам.

Нбн *sámá* — неразложимая основа без внешней этимологии. Ей в нильской подгруппе противостоит кнз-днг **sow(w)-* — глагольный корень, многочисленные производные которого (ср. в днг: *soww-* 'сохнуть, быть сухим', *soww-an-*, *soww-idd-* 'сушить', *soww-ed* 'сухой' и др.) намекают на большую степень архаичности.

Первичность именно этого этимона подтверждается и в горной ветви, где в дбр *šua-du* легко отделить именной суффикс *-du*. Что касается длн *šɔɲ*, то в этом языке иногда действительно обнаруживается палатальный носовой на месте губного или палатального глайда в других языках, ср., например, длн *ɛɲ* 'полный' = кнз *ɛyɛ* id. Либо речь идет о первичной основе **soy-*, либо о каком-то специфическом носовом суффиксе в длн; в любом случае общая этимологизация допустима.

В плане дальнейших соответствий, однако, этот нильско-горный этимон со значением 'сухой' можно сопоставить (даже несмотря на незначительные нерегулярные различия в вокализме) с мдб *sù:* ~ *sù:w* 'горячий, жаркий'. Если этимология верна, это тем самым ставит под сомнение первичность значения 'сухой' в пранубийском, т. к. типологически более частотное развитие семантики 'горячий' → 'сухой', а не наоборот (впрочем, категорически исключать обратное тоже нельзя).

Несмотря на внешнее сходство между дбр *šua-du* и брг *su:di*, эти лексемы, по-видимому, неродственны; если суффикс *-du* для дбр — явление обычное, то в брг суффикса *-di*, ни именного, ни адъективного, в известных нам источниках не отмечено. Возможно, что оно родственно мдб *sé:d*, хотя вокалические соответствия и здесь нерегулярны (переогласовка и редукция ауслатного гласного в мдб?); еще более естественно его этимологическое отождествление с хорошо известным нильским корнем **su:d-* 'пустой': нуб соʔт-, нбн *sú:d*, кнз, днг *su:d*.

Семантические различия между мдб *se:d-* и *si:-* через словарь Вернера, где и тот, и другой корень переводятся просто как 'dry', не раскрываются. Внешних параллелей основа *si:-* не имеет, но, если корень *se:d-* действительно изменил свое значение с 'пустой' на 'сухой', то корень *si:-*, представленный в одной из наиболее рано обособившихся ветвей нубийского, вполне может претендовать на статус главного семантического архаизма во всей семье.

Наконец, совершенно изолированным и в этимологическом, и даже в поверхностно-фонетическом плане является кдр *fiŋka-du* (скорее всего, какая-то локальная диалектная инновация).

На пранубийском уровне, таким образом, в качестве основных «кандидатов» следует отметить **soy-* (**sow-*?), как наиболее широко распространенную основу, и **si:-* (реконструкция весьма приближительна, т. к. слово не встречается за пределами мдб; теоретически нельзя исключить и вероятность того, что речь здесь идет об одном и том же корне, напр. в мдб **soy-* 'быть горячим' → *su(w)*, но **soy-i-* 'быть сухим' → *si:-*).

11) «ухо»: (а) нуб оʔλ(оʔ)г-, нбн *úkkí*, кнз *ulug*, днг *'ulug*, длн *ulde*, кдр *wvʔe*, дбр *ulka*, мдб *úlgi* [W.], *úlgì* [Th.]; (б) брг *oŋel-di*. || MBG: прануб. **ulgi* → нильск. **ulgi*, горн. *ulki*; CR **ugul-*.

Все формы группы (а) действительно сводятся к единому прототипу **ulgi*; консонантный ауслат в кнз-днг, видимо, вторичен (можно предполагать развитие → **ulg* → **ulug*). Не вполне ясно появление палатальной аффрикаты (длн *d̪* = кдр *ɕ*) в ряде горных диалектов; вероятно, речь идет о палатализации **ulge* → **ulʒe*, но для проверки этой гипотезы у нас не хватает данных.

М. Беххаус-Герст пытается, хотя и под вопросом, на этой же основе этимологизировать и странную форму *oŋel-di* в брг, предполагая возможную метатезу из **oŋe-di*. Однако даже при

этом условии сопоставление остается неудовлетворительным. Во-первых, подобного рода метатеза могла быть связана только с трансформацией неудобного консонантного сочетания: **ulg(i)-di* → **ulŋ-di* → **uŋVl-di* и т. д.; ср., однако, форму мн. ч. *oŋale* 'уши', где, при отсутствии сингулятивного суффикса *-di*, необходимости в подобного рода метатезе не возникает. Неясными остаются и механизм назализации велярного *g* (вроде бы в брг более нигде не отмеченный), и трансформация вокализма¹.

Наконец, существенным контраргументом является тот факт, что эта же лексема входит в состав композита *koz-oŋel-di*, мн. ч. *koz-oŋal-e* 'яйцо', где вероятным исходным значением для первого компонента *koz-* могло быть 'твердый', 'жесткий' (см. ниже); переносное обозначение 'яйца' как 'уха' совершенно беспрецедентно. Речь скорее может идти о том, что корень **oŋal-* в брг использовался для обозначения какого-то круглого или овального объекта (напр., камня), что и обусловило его метафорическое заимствование как для выражения значения 'уха', так и 'яйца'.

К сожалению, за неимением более подробного словаря брг проверить эту гипотезу пока невозможно. Достоверных этимологических параллелей к этому слову в других нубийских языках также не обнаруживается; тем не менее, совокупность целого ряда фонетических и семантических факторов все же не разрешает нам, за неимением лучшей этимологии, отождествлять эту форму с прануб. **ulgi*.

12) «есть»: нуб *кал-*, кап-, нбн *kàbir*, кнз, днг *kal*, длн *kol* (ед. ч.), *kat* (мн. ч.), кдр, дбр *koli*, брг *kiŋe*, мдб *àl-hêm* [W.], *àll-án* [Th.]. || MBG: прануб. **kaul* → горн. **kol*; CR: **kal-*. Ср. в тагле: *kàtì* [IH].

Реконструкция дифтонга **-au-* по версии Беххаус-Герст условна; она отражает скорее общее желание учесть странное вокалическое колебание *a ~ o ~ i ~ ə*, чем какое-либо регулярное соответствие; мы будем столь же условно записывать прануб. форму в

¹ Неприемлема в этой связи и реконструкция **igul-* у Рилы, который постулирует здесь метатезу везде, кроме брг; во-первых, это оставляет без решения все те же фонетические проблемы в брг (назализация, вокализм), во-вторых, плохо согласуется с любой из предлагаемых классификаций нубийских языков — получается, что метатеза должна была независимым образом произойти сразу в нескольких подгруппах, что выглядит довольно фантастично.

виде **kəl*, чтобы не усложнять предварительную реконструкцию за счет сомнительных дифтонгов.

Особо следует отметить нуб и нбн вариант **kab-*, который обычно к данной этимологии не привлекается. В нуб именно он является самым частотным корнем для разбираемого значения, в отличие от *кал-*, появляющегося (по данным словаря Брауна) только в одном случае; в нбн же он уже полностью вытесняет первичную основу **kəl*.

Соответствие «кнз *l* : нбн *b*», безусловно, само по себе не является регулярным. Однако нельзя не отметить, что *kab-* в нбн было бы вполне закономерным развитием из **kal-b-*; ср. в этой связи наличие в днг таких морфологически сложных основ, как пассивное *kal-bu-* 'быть съеденным' и, в особенности, *kal-be:r* 'есть досыта' = нбн *kàbìr*.

Этот же сценарий объясняет и такое странное противопоставление, как длн *kat*, *kat-er-*, но кдр *koli*; первая форма должна представлять собой развитие из **kal-m-* ← **kal-b-*, и предположение это хорошо подтверждается обнаруживаемой в записях Майнгофа формой в горном диалекте гульфан: *kàl-màr* 'есть'¹.

Таким образом, все перечисленные формы сопоставимы и скорее всего отражают прануб. морфологические варианты **kəl-* и **kəl-b-*; нет ни необходимости постулировать где-либо лексическую замену, ни, тем более, объяснять нбн *kab-* как заимствование из субстрата (Рилы).

13) «яйцо»: (а) нуб *koṃpoṭ-*, нбн *kúmbú:* ~ *kúnbú:*, днг *k'umbi*; (б) кнз *gas-katti*; (в) длн *koril-ti*, кдр *kɔɹul-tu*, дбр *kɔɹul-tonu*, брг *koʒ=oŋel-di*; (г) мдб *àyì-dì*. || МВГ: нильск. **kumbi* (общей реконструкции нет); СР: **gos-kal-ti*.

Пранильская основа **kumbi* в кнз бесследно исчезла, будучи вытеснена сложным новообразованием *gas-katti*, где *-katti* — продуктивный суффикс, образующий прилагательные и существи-

¹ Прагорно-нубийская реконструкция А. Якоби, которую приводит К. Рилы, имеет следующий вид: **kál-* (с единичным объектом) : **kam-* (с множественным объектом). Помимо данных по длн, ср. противопоставление в тагле — *kéli* : *kàmi* ([ИН], без объяснения семантического различия между этими формами). Проекция такой оппозиции на прануб. уровень идеально объясняет и ситуацию в нбн; в этом случае исходную оппозицию можно восстанавливать как **kal-i-* : **kal-(a)m-i*.

тельные, а *gas-*, по-видимому, тот же корень, что и в прилагательном *ga:s-i* 'тяжелый; твердый, жесткий' (т. е. первоначальным значением слова могло быть 'скорлупа'). Стоит отметить, что в сравнительном лексиконе Майнгофа отмечено существование слова *gos-kánti* 'яйцо' в том числе и в диалекте донголави, однако в подробном словаре Армбрустера это никак не подтверждается¹. Вариант *kúnbú*: в нбн, по-видимому, отражает какое-то локальное произношение с диссимиляцией (ни один источник не подтверждает необходимость реконструкции **kúnbu*).

Для горных наречий общим инвариантом является **koɲil-* (реконструкция вокализма условна); как неразложимая двусложная основа она не имеет в других языках никаких параллелей, но допустим сценарий, согласно которому **koɲil-* — стяжение из многосложного композита **koɜ-ɲɪl-* (→ **koɜɲil-* → **koɲil-* с редукцией и упрощением кластера), в более прозрачном виде сохраняющегося в брг. Здесь, в свою очередь, *ɲɪl(-di)* — то же слово, что и 'ухо' (хотя исходным значением и для того, и для другого должно было быть что-то вроде 'круглого или овального объекта', см. выше). Что касается компонента *koɜ-*, то в качестве самостоятельного слова в имеющихся у нас данных по брг он, к сожалению, не зафиксирован. Можно выдвинуть две гипотезы:

а) брг *koɜ-* как-то соотносится с горно-нубийскими формами со значением 'петух', 'курица', отмеченными в словаре Майнгофа: даир *kokorré*, гульфан *kùkúr*, гарко *kóke*. Однако, чтобы принять эту гипотезу, необходимо предполагать в брг палатализацию (хотя бы в каких-то специфических условиях) велярного согласного, что категорически не подтверждается материалом;

б) брг *koɜ-* этимологически тождественно элементу *gos-*, *gas-* ('твердый, жесткий') в кнз. Эта гипотеза полностью удовлетворительна в фонетическом плане (все соответствия регулярны), но вызывает определенные подозрения в плане дистрибуционном, т. к. получается, что речь идет об общенубийской основе, обнаруживаемой только в двух языках.

¹ Попытка К. Рильи, опираясь на фонетический вариант *gos-*, провести сопоставление с прануб. **gos-i* 'миска, блюдо' и вывести общее значение 'celui qui a son bol' остроумна, но вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения.

Особо от прочих стоит также форма *àyi-dì* в мдб. В принципе ничто не мешает возводить ее, например, к «ранне-мидоб» праварианту **kàyil-* (отпадение **k-* и упрощение кластеров с сонорными в этом языке регулярно), который, в свою очередь, фонетически совместим с горным **kojil-*, но при столь большом количестве трудноподтверждаемых допущений (и, по большому счету, отсутствии примеров, надежно доказывающих регулярность соответствия *y : j*) в процедурном плане следует все же пока рассматривать *àyi-dì* как отдельный этимон.

Таким образом, однозначно определить пранубийский эквивалент 'яйца', и даже установить, обозначался ли он в этом языке отдельным корнем (или только словосложением), невозможно. Для внешнего сравнения можно привлекать нильскую форму **kumbi*; от привлечения мдб *àyi-dì* лучше воздержаться (поскольку за ней могут скрываться самые различные прототипы), а горно-биргид композит **kojil- ~ koʒ-oŋel-*, судя по его внутренней структуре, вряд ли мог быть серьезным архаизмом даже в том случае, если он существовал уже на пранубийском уровне.

14) «глаз»: (а) нуб маф-, нбн *má:n*, кнз *missi*, днг *m'iss(i)*, мдб *pì-dì* [W.], *pí-dì* [Th.]; (б) длн *kal-ti*, кдр *kal-do*, дбр *kal-to*, брг *kál-dì*. || MBG: прануб. **kalti* → горн. **kalti*; CR: (а) **ma:n*, (б) **kal-e*.

Изоглосса между брг и горными формами, действительно, оказывается здесь наиболее очевидной. Странно, однако, что на ее фоне незамеченной в работе Беххаус-Герст осталась другая, не менее убедительная с точки зрения фонетики и еще более внушительная в плане дистрибуции, изоглосса между кнз-днг **missi* и мдб *pìdì*: развитие прануб. **m-* → мдб *p-* закономерно, а аналогичные (полностью или частично) консонантные изоморфизмы в инлауте, хотя и не имеют однозначной интерпретации, отмечены в целом ряде других именных основ (см. ниже 'нога', 'вошь').

Ауслаут на *-ssi* в днг характерен, как это отмечает еще Армбрустер [Armbruster 1960: 150], для основ, в которых конечный согласный корня по правилам внутреннего сандхи сливается с суффиксом *-ti*, а также для основ с «исконным» суффиксом *-s(i)*, где он якобы выполняет диминутивные функции (последняя гипотеза весьма спорна). Конечный согласный в корне 'глаз' он восстанавливает как *-n* (т. е. **min-ti* → *missi*), но единственной эксплицитной мотивацией для этого оказывается предлагаемая им

внутренняя этимология, согласно которой 'глаз' следует возводить к вопросительному местоимению *tiŋ* 'что?' + уменьшительный суффикс *-s(i)* (!).

Несмотря на очевидную абсурдность такой этимологизации, нет никаких сомнений в том, что в качестве первичного варианта для кнз-днг нужно постулировать **miC-ti*, где *C* — один из согласных, способных вызывать ассимиляцию в *-ss-*. Однозначно определить его, не выходя за пределы кнз-днг, невозможно; не помогает здесь и мдб *pì-dì*, где этот согласный также выпал бесследно.

С другой стороны, в этой связи большое значение имеют формы в нуб и нбн. Форме **tari* в этих языках в кнз-днг должен был бы регулярно соответствовать вариант *tari* (ср. нбн *kòr* 'лицо' = днг *kor* id.). Однако в сочетании с суффиксом **-ti* такое слияние, как **-r-ti* → **-ssi*, было бы закономерным и неизбежным. Единственная серьезная проблема при таком сопоставлении — несогласованность вокализма, но и ее можно удовлетворительно эксплицировать как минимум несколькими способами: (а) выводить современные варианты в кнз, днг и мдб из первичной трехсложной основы **tari-ti*, с переогласовкой в корне, предшествовавшей выпадению инлаутного гласного; (б) еще более простая гипотеза — диссимилиативное развитие **-ir-* → *-ar-* в нуб и нбн (действительно, корневые структуры типа **Cip-* в нбн почти отсутствуют).

Любой из этих сценариев представляется нам более вероятным, чем необъяснимая замена столь общеустойчивого слова, как 'глаз', в нбн на инновацию *tari-*, которая, если признать ее отдельным корнем, не имеет никаких внешних параллелей ни в прочих нубийских языках, ни вообще в каких-либо языках данного ареала (в отличие, например, от слова 'собака', эту форму невозможно трактовать как «нилотизм» и т. п.).

Впрочем, это не освобождает нас от необходимости постулировать такую инновацию в горно-нубийском и брг, где новая основа **kal-ti* все же вытеснила старую **mij(-ti)*. Фонетически идеальной и семантически приемлемой параллелью для нее можно считать мдб *à:dì* 'свет', хотя в нильско-нубийских языках дальнейшие параллели не обнаруживаются.

15) «огонь»: нуб *ɛŋ-*, *ɛk-*, нбн *i:g* ~ *íg*, кнз, днг *i:g*, длн, кдр *ike*, дбр *ika*, брг *uzug*, мдб *ússí* [W.], *ússí* [Th.]. || МВГ: прануб. **ik* → нильск. **i:g*, горн. **i:k*; CR: **usi-gu*. Ср. у Майнгофа: гарко *ik* и др.

Формы в брг и мдб М. Беххаус-Герст к сравнению не привлекает, очевидно, из-за того, что необъяснимым остается появление в них сибиллянта *s* (*z*), а также из-за различий в вокализме. Однако соответствие «брг *s* (*z*) : нильск. \emptyset » далеко не беспрецедентно — ср. ниже такие случаи, как 'нога', 'рука', а также выше 'кость' (где сибиллянт сохраняется в нбн, но выпадает в кнз-днг из-за различий в морфонологическом оформлении основы), надежно подтверждающие его регулярность. Сложнее объяснить несовпадения в вокализме, однако по совокупности обстоятельств можно предложить следующий сценарий:

(а) исходная форма корня — **usi*, возможно, уже в пранубийском существовавшая и как простая основа, и как сложная, расширившись за счет суффикса **-gi*;

(б) мдб *ússi* восходит либо непосредственно к прануб. **usi*, либо является результатом редукции и стяжения: **usi-gi* → **us-ki* → **ussi* (последнее вполне допустимо, т. к. сочетание *-sk-* в мдб крайне редко, а общая тенденция к упрощению кластеров в этом языке ярко выражена);

(в) в брг имела место редукция **usi-gi* → **uz-g* с последующей эпентезой → *uzug* (ср. ниже *me:lug* 'I' ← **me:l-g* и др.);

(г) как в горных, так и в нильских языках имело место регулярное ослабление и выпадение **-s-* в интервокальной позиции, т. е. **usi-gi* → **ui-gi*, после чего новообразованный нестабильный дифтонг и в той, и в другой группе стягивается в *i*; отсюда уже общий для обеих подгрупп фонетический инвариант **i:K*.

Поскольку альтернативных параллелей, как нильских, так и горных, для форм в брг и мдб все равно не обнаруживается, а фонетическая совместимость всех перечисленных вариантов несомненна, мы принимаем в качестве рабочей гипотезы их общее происхождение от единой пранубийской основы **usi-(gi)*.

16) «нога»: (а) нуб *oe-*, *oei-*, нбн *ó:u*, кнз *ossi*, днг *'oss(i)*, брг *ose*, мдб *òtti* [W., Th.]; (б) длн *kogod*, кдр *kwoddu*, дбр *kwodo*. || МВГ: нильск. **ossi*; CR: мн. ч. **os-i*, ед. ч. **os-ti*. Ср. у Майнгофа: гарко *kogodi* и др.; тагле *kúddú* [IH].

Реконструкция Беххаус-Герст почему-то игнорирует явно родственные нильским формы в брг и мдб: помимо этого, она является заведомо неверной, т. к. возвести нбн *ó:u* к нильской прануб. форме **ossi* невозможно (ср. у нее же: нильск. **essi* 'сестра' → кнз,

днг *essi*, нбн *essi*). На самом деле кнз-днг *ossi* — это, скорее всего, такое же сандхиальное стяжение, как и *missi* 'глаз' ← **mij-ti*, только с другим ауслаутным согласным в корне.

Однозначно определить этот согласный без детального разбора нубийской морфонологии затруднительно; наиболее вероятны два варианта — (а) **os-*, с нильским морфологическим дублетом **os-i* → **ohi* → *oy* в нбн и **os-ti* → **ossi* в кнз-днг; (б) **oy-*, в чистом виде представленный в нбн и в расширенном **oy-ti* → **ossi* в кнз-днг.

Последний вариант слегка предпочтителен, поскольку бр *ose* — довольно странное отражение как для прануб. **osi*, так и **os-ti* (ожидалось бы скорее **oze* или **osti* соответственно). Мы будем поэтому принимать его в качестве рабочей гипотезы, учитывая, однако, возможность альтернативных реконструкций типа **os-*. (Ср., впрочем, ниже реконструкцию **es-ti* 'вода', опирающуюся на заведомо иные соответствия).

В пранубийском, по-видимому, различались 'нога = стопа, foot' и 'нога = нога выше стопы, leg'. В нильских языках это различие оказалось стертым в пользу **oy* 'стопы'; в горных, напротив, в обоих значениях явно обобщилась 'нога выше стопы', т. к. формы группы (б) сопоставимы с бр *koɾom*, мдб *ò:rì* [W.], в этом значении (только в этих языках изначальная дифференциация продолжает сохраняться).

17) «волосы»: (а) нбн *šigir-tí*, кнз *sir*; (б) днг *dilt(ɪ)*, длн *tel-ti*, кдр, дбр *til-tu*, бр *ur=dille*, мдб *tè:dì* [W.], *tè:d-dì* [Th.]. || MBG: прануб. **dil* (мн. ч.), **dil-ti* (ед. ч.) → горн. **til* (мн. ч.), **til-ti* (ед. ч.); CR: **del (-ti)*. Ср. также у Майнгофа: даир *tél*, гарко *tel* и др.; тагле *tìl* [IH].

Подавляющее большинство перечисленных форм действительно легко возводится к пранубийскому **dil* (на наш взгляд, впрочем, предпочтительнее реконструкция **del* или **dɛl*, с ассимиляцией **dɛl-ti* → **dil-ti* в отдельных языках; в противном случае оказывается невозможным объяснить средний подъем в мдб и длн), причем корень этот употреблялся для обозначения волос как на голове, так и на теле — отсюда такие «уточняющие» композиты, как бр *ur=dille*, букв. 'волосы головы'.

В нуб этимон 'волосы' не засвидетельствован, а в его непосредственном потомке, нбн, обнаруживается совершенно иная основа — *šigir-tí*, сопоставимая только с кнз *sir*, и то с нерегуляр-

ностью (срединный -g- ни в кнз, ни в днг выпасть не должен). Как скудная дистрибуция, так и нерегулярность соответствия подсказывают, что обе формы, скорее всего, являются относительно недавними заимствованиями из арабского *šaḥr* 'волосы', прошедшими через разные сценарии аккомодации чуждого для нубийских языков ларингального звука ʕ. Не исключено и заимствование из какого-то другого, субстратного, источника; ср. в этой связи эфиосемитский корень **šaḡ^war* 'волосы' (амхарское *ṭägur*, тигринья *ṣäḡ^war* и т. п.), сам по себе предположительно считающийся кушитизмом [Militarev, Kogan 2000: 232]. В любом случае, заимствованное происхождение этих форм косвенно подтверждается отсутствием их следов за пределами нильско-нубийской семьи (и, что существенно, в ближайшем и подробно описанном родственнике кнз — днг).

18) «рука»: нуб *ei-*, нбн *èddi*, кнз, днг *i-*, длн *iši*, брг *essi-gafai*, мдб *àssi*. || CR: **es-i*. Ср. также у Майнгофа: даир *oši*, *oti*; тагле *iši* [И].

В реконструкции М. Беххаус-Герст слово отсутствует — очевидно, из-за того, что плохо вписывается в ее относительно простую систему соответствий. На самом деле ситуация с этим корнем не сильно отличается от таких этимонов, как 'нога', 'огонь' и др., в которых интервокальный сибилант в одних языках (обычно — в горных, брг и мдб) соответствует нулю, т. е. выпадает, в других языках (обычно — в нильских).

Условно восстанавливая анлаутный вокализм в виде **ə-* (соответствия здесь близки к обнаруживаемым в этимоне 'собака', но могут нарушаться из-за переогласовки по вокализму второго слога), первичную основу можно определить как **əsi*, с расширением за счет сингулятивного суффикса в нбн (**əs(i)-ti* → *èddi*). Семантика основы покрывает значения как 'кисти руки' ('hand'), так и 'руки выше кисти' ('arm'); сложная форма *essi-gafai* в брг буквально переводится как 'шея руки'.

19) «голова»: нуб *or-* ~ *oʔr-*, нбн *ùr*, кнз, днг *ur*, длн *gr*, брг *úr*, мдб *òr*. || MBG: прануб. **or* → нильск. **ur*, горн. **or*; CR: **ur*. Ср. в тагле: *úr* [И].

Все формы очевидно родственны; не до конца ясными остаются лишь вокалические соответствия, с колебанием *o* ~ *u* в зависимости от подгруппы.

20) «слышать»: (а) нуб оʔлг-, оʔлгар-, оʔлкар-, нбн úkkéèr; (б) кнз g'izir-, днг g'izir-, длн ki-er-; (в) мдб àŋŋí-hêṯ [W.], àŋŋà-nán [Th.]. || CR: *g'izer-.

Формы группы (а) очевидным образом производны от *ulg- 'ухо' с помощью каузативного суффикса -k-; за пределами нуб и нбн параллелей они не имеют.

Кнз-днг *g'izir- полисемично как в кнз ('слышать; понимать'), так и в днг ('слышать, слушать', 'чувствовать, обонять'). Первые два сегмента этой глагольной основы идеально соответствуют анлауту в длн ki-er- (из прануб. *gi-); труднее объяснить нерегулярное (по крайней мере, с точки зрения системы М. Беххаус-Герст) срединное соответствие «-з- : -∅-», но и здесь возможны два варианта:

(а) формы отражают прануб. *g'iz-, а соответствие на самом деле регулярно — фонема *з в прануб. очень редкая, и рефлексация ее в интервокальной позиции в длн достоверно неизвестна; (б) формы отражают прануб. *gi-, расширенное в кнз-днг за счет дополнительного словообразовательного аффикса.

Принятие гипотезы (а) позволило бы привлечь к сравнению также мдб ìzì 'запах', хотя и с определенной оговоркой: прануб. *gi(:)z-i в этом языке должно было бы отразиться как *ki(:)z-i, здесь же налицо нерегулярное оглушение *g- → *k- (→ ∅-). С другой стороны, в словаре Вернера вообще не встречаются случаи анлаутного ki- ← прануб. *gi-, так что совершенно не исключено, что в этой позиции такое оглушение было на самом деле регулярным.

Что касается мдб *àŋŋí-, то для этого слова полностью удовлетворительную этимологию обнаружить не удастся. Возможно, что перспективным будет его сопоставление с днг 'urur 'знать, понимать', нуб оʔне- 'знание, понимание', но для этого потребуется более точно определить соответствия для инлаутных носовых между нубийскими языками.

В плане дистрибуции важнейшей для нас является изоглосса (б) между нильскими и горными языками, примерную реконструкцию для которой мы будем условно записывать в виде *gi(z)-.

21) «сердце»: (а) нуб æɛɪ-, нбн áy, кнз, днг a:, длн al, кдр, дбр al-du, брг ai-di; (б) мдб ássád [W., Th.]. || MBG: нильск. *ail (формы в горных языках и в брг к сравнению не привлекаются); CR: *asil.

Выпадение конечного сонанта -l в кнз-днг далеко не беспрецедентно (ср., например, нуб гоʔл- 'земля' = кнз, днг gu:), но при

этом не является обязательным (см. выше этимон 'собака'). Нерегулярность варьирования может объясняться тем, что во многих случаях *-l* на самом деле имеет суффиксальный статус, т. е. является застывшим «детерминантом» (см. ниже 'солнце'), но в данной ситуации *-l* обнаруживается и в горно-нубийских языках, т. е., по-видимому, имеет иное происхождение. Не исключено, впрочем, что выпадение *-l* в нбн вызвано как раз переинтерпретацией этого сегмента как детерминанта, так что М. Беххаус-Герст справедливо отождествляет пранильскую форму с нуб вариантом *ail-*. Что касается различий в рефлексации среди «не-нильских» языков (горн. **al*, но брг *ai-*), то они могут быть вызваны различными стратегиями упрощения сочетания двух сонантов.

Загадочной остается форма *ássád* в мдб (возможно, но не обязательно ← **kassad*); для нее не удастся найти ни надежной внешней этимологии, ни потенциального источника заимствования, а попытка как-либо породнить ее с прануб. **ayl-* упирается в непреодолимые препятствия фонетического характера (теоретически нетривиальный кластер **-yl-* мог в мдб дать нестандартный рефлекс, но фонетическое сходство чересчур незначительно, чтобы можно было ему доверять без дополнительных подтверждающих примеров). Попытка К. Рильи все же свести обе формы к единому праварианту **asil* бесперспективна, т. к. за пределами мдб ни один из известных нам нубийских диалектов даже косвенным образом не намекает на какие-либо следы выпавшего спيرانта **-s-*.

22) «рог»: нбн *nì:ši*, кнз *nìšši*, днг *n'ìšš(1)*, длн *dɔ-ti*, брг *ɲis-ti*, мдб *ká:ɕi* [W., Th.] || Ср. также даир *do-tu*, тагле *ḏóṭú* [IH], и у Майнгофа: гарко *nur-te*. В [Bechhaus-Gerst 1985: 35] все формы цитируются как потенциально родственные, что вполне оправдано, но общих реконструкций для них автор не предлагает, поскольку предыстория каждого из трех сегментов этого корня проблематична. CR: ед. ч. **ɲes-ti*, мн. ч. **ɲes-i*.

Соответствия начальных согласных, как справедливо отмечает Беххаус-Герст, в целом указывают на прануб. **ɲ-* → брг *ɲ-*, нильск. **n-*, мдб *k-*. Из этого ряда явно выбиваются горные формы, где велярный носовой вроде бы должен сохраняться (ср. даир *ɲel*, кдр, дбр *ɲeli* 'видеть' = кнз, днг *nal*, мдб *kəl-* id.); длн *dɔ-*, даир *do-*, напротив, свидетельствуют в пользу старого переднеязычного носового (← **n-*). С другой стороны, необычна форма *nur-te* в диа-

лекте гарко; при условии первичности **n-* здесь также следовало бы ожидать **dur-te*. Вполне вероятно, что мы имеем здесь дело со специфическим позиционным развитием **η-*, например, перед огубленными или заднерядными гласными, где этот сонант в одних диалектах сохраняется, в других — совпадает с **n-*. Верифицировать все эти гипотезы мешает острая нехватка материала; ср., однако, ниже аналогичный случай с местоимением 'кто'.

В срединной позиции соответствия также во многом уникальны. Так, пранильская форма должна восстанавливаться как **niš(š)i*, с очень редкой (в незаимствованной лексике) фонемой **š-*, вообще не фигурирующей в списках соответствий у Беххаус-Герст (в ее системе прануб. **š-* → нильск. **ž-*). Поскольку в брг форме ед. ч. *ηis-ti* соответствует форма мн. ч. *ηizzε* (где *-zz-* по стандартным соответствиям ← прануб. **ž-*), разумно предположить, что за нильскими формами скрывается морфонологическое стяжение из **niž-ti*, и это же стяжение объясняет как вариант в мдб (*kə:ɕi* ← **ηəž-ti*), так и странные колебания между нулевым рефлексом и *-r-* в горно-нубийском (*nur-te* ← **niš-te* ← **ηiž-te*).

Наконец, редкое вокалическое соответствие «нильск., брг **-i-* : мдб *-ə-* : горн. *ɔ ~ u*» не может объясняться ничем, кроме переогласовки под влиянием второго гласного основы из первичной формы типа **ηəzi* или **ηɔzi*, хотя для уточнения реконструкции требуется провести более детальный анализ нубийского вокализма.

В целом нужно отметить, что включение в данную этимологию всех перечисленных горных форм пока что довольно сомнительно, но изоглосса между нильскими языками, брг и мдб при этом неоспорима и однозначно указывает на этимон **ηəž(i)* как единственную надежную кандидатуру на пранубийский 'рог'.

23) «я»: нуб *ai-*, *aei-*, нбн *ay*, кнз, днг *ai*, длн *ε*, брг *a-ta* (?), мдб *áy* [W.], *ái* [Th.]. || CR: **a-i*.

Большинство засвидетельствованных форм легко сводится к прануб. основе **ay* (гласный, вероятно, из-за того, что входит в состав дифтонга, развивается по соответствиям, отличным от прописанных в [Bechhaus-Gerst 1984], но именно такая реконструкция все же является оптимальной, исходя в первую очередь из формы *áy* в мдб). Базисная парадигма (аккузатив **ay-ga*, генитив / префиксальная посессивная форма **ay-(i)n*) также, как правило, сохраня-

ется по языкам: ср. в нбн — акк. *ay-g*, ген. *ay-í:n ~ á-n*; в днг — акк. *ai-g(í)*, ген. *a-n(n)*; в мдб — акк. *á-k*, ген. *á:n* и т. п.

Допустима возможность реконструкции для общенубийского состояния особой косвенной основы **o-*: ее в родительном падеже согласованно демонстрируют все языки горно-нубийской ветви, ср. тагле *ò-ntá*, кудур *ò-nē*, карко *ò-n* [CR] и др.; впрочем, столь же вероятно и ее вторичное происхождение (из упрощения **ay-n* → **ə-n* и далее вполне регулярного развития **ə-n* → **o-n*, ср. выше 'собака' и др.).

В рамках типичного для нубийских языков сложного устройства глагольной парадигмы системы личных показателей в них имеют серьезные отличия от систем личных местоимений; показатели 1-го л., в частности, оформляются совершенно по-разному в зависимости от глагольных времени и наклонения, и реконструкция общенубийского состояния здесь должна составлять предмет отдельного детального исследования.

Совершенно особое положение занимает брг, где личные местоимения обычно не сильно отличаются от соответствующих форм в остальных нубийских языках; тем не менее, для формы 1-го л. ед. ч. Р. Телвалл приводит вариант *ата* (он же, в виде *ата* или *атта*, подтверждается и в гораздо более ранних записях Г. Макмайкла [MacMichael 1920: 207]), не сводимый к общенуб. **ay*. Спекулятивно можно предположить, что *ата* ← **ay-ta*, или даже что обе формы, *а-та* и **ə-у*, отражают сочетание старого корня **ə* с разными суффиксами; однако никакого независимого обоснования ни для местоименного суффикса **-та*, ни для такого же суффикса **-у* предложить не удастся. Никаких эмфатических частиц или падежных окончаний вида **-mV*, которые могли бы повлиять на внешний вид этого местоимения в брг, также не обнаружено.

Бросается в глаза полное совпадение анализируемой формы с рядом аналогичных форм в языках маба (см. выше), прежде всего масалит *átá*, а также с формами в некоторых центральносуданских языках (креш *ата*, см. ниже). Контакты этих языков с брг на момент стабильного проживания носителей последнего в Дар-фуре были вполне реальны, хотя лексические данные по брг чересчур скудны, чтобы обосновать такие контакты на более серьезном уровне. Очень странно выглядит и перспектива заимство-

вания местоимения 1-го л. при стабильном сохранении прочих элементов местоименной парадигмы (см. ниже).

Может быть, речь скорее должна идти о модификации исходной основы **ɟu* → *брг а-* под влиянием окружающих не-нубийских языков, причем второй слог *-та* мог возникнуть из дейктической основы **taŋ* 'тот' или из варианта пранубийского глагола-связки **-m-* 'быть'. Такой сценарий в целом более реалистичен, чем прямое местоименное заимствование, прозрачных прецедентов для которого в исследуемом языковом ареале не засвидетельствовано; в качестве рабочей гипотезы мы будем считать *брг ата* тем же корнем, что и остальные формы.

24) «убивать»: (а) *нбн fá:yè:r*, *кнз be:*, *днг be:*, *брг fila:le*, *мдб pér-hèm* [W.], *pérr-án* [Th.]; (б) *длн tob*; (в) *длн hur*, *кдр дбр wuri*. || MBG: прануб. **puri* → нильск. **pai*, горн. **furi*; CR: **ber-*.

В *нуб* слово не засвидетельствовано. Пранильская форма, возможно, корректно реконструируется у М. Беххаус-Герст в виде **pai*; необходимо, однако, отметить, что глагольная основа в *нбн* имеет структуру CVCVC ← **payir* (**payer*) (ср. императив *fá:yir*, представленный чистой основой), так что либо в пранильском чередовались два морфологических варианта, либо же *кнз-днг* **be:* — на самом деле усеченный вариант старой двусложной основы (что было бы естественно: ср. *днг be:-ri* 'я убиваю' ← **be:-ri* и т. п.).

Изменение пранильской реконструкции на **payir* позволяет с большей уверенностью сопоставлять эту форму с внешними параллелями, в первую очередь с *мдб pér-* (ср. также *мдб pé-ndó-hèm* 'убивать', с перфективным суффиксом *-ndó-*; основа *pé-ndó-* может отражать как упрощение из **pér-ndó-*, так и архаичный односложный вариант корня *pé-* ← **pay-*). Внутренняя структура формы в *брг* не вполне понятна, но начальная последовательность *fil-*, скорее всего, также отражает старое **payir-*.

Сложнее обстоит дело с горными формами, где *wi-* можно в фонологическом плане рассматривать как эквивалент *и-* (см. выше 'черный'), т. е. *wuri* ← *uri* ← **huri* ← **puri* (такое же развитие предполагает и Беххаус-Герст); при этом, однако, все равно неясно, как из **payir* могло получиться **puri* (в лучшем случае ожидалось бы **peri* или **piri*). Если же за пранубийскую форму, вслед за Беххаус-Герст, все же принимать **puri*, то для нильско-нубийского

придется постулировать как минимум две нерегулярности: выпадение *-r- и делабиализацию гласного.

Все это заставляет серьезно усомниться в том, что формы группы (в) действительно сопоставимы с группой (а). Нельзя не отметить, что в фонетическом плане они гораздо лучше соотносятся с кнз-днг *bo:r* 'падать' (в днг ср. также каузативные производные: *bo:r-an* 'дать упасть', *bo:r-k-iz* 'заставить упасть, сбросить, разрушить' и др.) = мдб *pòddi-hêm* 'падать', 'заходить (о солнце)'; семантическое развитие от каузативного 'заставить упасть' к 'умертвить, убить' в целом прозрачно. В свете наличия такой альтернативной этимологии более вероятно, что горные формы не имеют этимологических связей с основным пранубийским этимологом 'убивать'. Что касается длн *tob*, то у этого слова нет вообще никаких параллелей.

25) «лист»: (а) нуб οϣλ(οϣ)г-, нбн *úkkí*, кнз *ulug*, днг *'ulug*; (б) длн *a:idaŋ*; (в) брг *ʔaware*; (г) мдб *pìdì* [W.], *pìdì-dì* [Th.].

Значение 'лист', согласно общеафриканской типологической закономерности, в нубийских языках чаще всего выражается метафорически, через различные анатомические термины. Так, нильско-нубийский 'лист' полностью совпадает с 'ухом', а в мдб — с 'глазом' (см. выше). Что касается брг *ʔaware*, то нельзя не отметить полное совпадение этого слова с формой мн. ч. *aware* от слова 'крыло' (ед. ч. *awar-ti*)¹, что имеет типологические параллели и в других языках региона (см. ниже в нара).

Единственная из перечисленных форм, не имеющая прозрачной внутренней этимологии — длн *a:idaŋ* (в остальных горно-нубийских языках слово не засвидетельствовано), но и его несколько странная фонологическая структура (в т. ч. долгий дифтонг *a:i*) не позволяет ни возвести его к какому-то определенному пранубийскому состоянию, ни считать его потенциальным архаизмом.

Чисто условно, исходя из того, что наиболее частотным для ареала является семантическое развитие 'ухо' → 'лист', можно

¹ То, что в первой форме Р. Телвалл эксплицитно маркирует горную смычку, а во второй — нет, вряд ли стоит считать значимым (это единственный источник данных по нубийским языкам, в котором анлаут типа ʔV- противопоставлен анлауту типа V-, и есть все основания усомниться в реальной фонологичности такого противопоставления).

предположить, что уже в пранубийском соответствующая основа *ulgi была полисемичной, хотя, разумеется, для большей уверенности необходим доступ к дополнительной информации хотя бы по горно-нубийской группе.

26) «вошь»: нбн кнз issi, днг 'iss(i), длн iti-d, мдб ìdì [W., Th.]. || MBG: прануб. *it- → нильск. *it-si, горн. *it-; CR *is-di (ед. ч. от несохранившегося мн. ч. *is-i).

Слово зафиксировано только для небольшого количества языков, но все формы очевидно родственны. Не вполне понятна реконструкция *it-si для пранильского: ауслаут на -ssi показывает, что речь, как и во многих других подобных случаях, идет о стяжении из *-C-Ti, где *-Ti — обычный суффикс сингулятива.

Ключевой формой для определения исходной артикуляции *C здесь может служить длн iti-d, где редуцированным оказался конечный гласный суффикса, а не срединный гласный основы: *iti-di → iti-d (ср. также у Майнгофа даир itu, без суффикса). Из этого же трехсложного праварианта выводится как форма в мдб (*iti-di → *it-di → ìdi с компенсаторным удлинением), так и в нильских языках (*iti-di → *it-di → *issi с леницией, возможно, через диссимилятивный этап *it-s-di, ср. типологические параллели с развитием геминированных дентальных в некоторых индоевропейских языках).

27) «мясо»: (а) нуб гад- (?); (б) нбн áríz; (в) кнз kusu, днг k'usu, длн kwade, кдр kwaze, дбр kwai, брг kosi, мдб òsòŋi [W., Th.]. || MBG: прануб. *k^wasi → горн. *kwaze; CR: *kos-i.

Пранубийский этимон 'мясо', судя по соответствиям и дистрибуции, представлен группой форм (в); реконструкция Беххаус-Герст в целом правдоподобна, но исходную форму все же скорее следует записывать в виде *kosi, т. к., как уже говорилось выше, особой необходимости реконструировать в пранубийском лабиовелярный ряд пока не обнаружено. Колебание *-u ~ *-i в ауслаутной позиции не вполне ясно; Беххаус-Герст, вслед за Ч. Армбрустером [Armbruster 1960: 151], предполагает в нильских формах слияние с рудиментарной дейктической основой («артиклем») *-u, которую можно отождествить с т. н. «апозитивным» суффиксом -u в нуб [Zyhlarz 1928: 29]. В данном случае важно, что такое же соотношение ауслаутного вокализма обнаруживается и

в ряде других основ (ср. ниже 'дождь'), так что препятствий для общей этимологизации перечисленных форм не существует.

Не вполне ясным остается также статус элемента *-ji* в мдб: Беххаус-Герст называет его суффиксом, но в списке продуктивных суффиксов Р. Вернера [Werner 1993: 26–27] он не числится. Ср., однако, варианты слова 'язык': мдб *kàdàŋi* ~ *kàdì* [W.], позволяющие все же отделить этот элемент как возможно реликтовый показатель сингулятива.

На фоне общего единства особняком стоят северно-нильские формы. Нуб *гад-*, судя по примерам в словаре Брауна, регулярно передает как греч. *σάρξ* 'плоть' (в стилистически маркированных евангелических контекстах), так и греч. *σῶμα* 'тело'; неизвестно, существовало ли в нуб еще и отдельное слово для обозначения 'мяса' (как пищевого продукта). Любопытно, что из всех нубийских языков надежная параллель обнаружена только в мдб: *kàdì* [W.] 'мясо без костей'.

Что касается нбн *áriz*, то эта форма производит впечатление производной основы, возможно, адъективной (ср. *fáriz* 'толстый, тяжелый', хотя производящая основа неизвестна). Ср. в этой связи кнз *a:re*, днг *a:re* 'внутренняя сторона, внутренность' — семантическое развитие 'внутренний, внутренности' → 'мясо' встречается не часто, но вряд ли здесь могут возникнуть серьезные логические возражения, тем более при отсутствии более убедительных этимологий. Сопоставление с нара *àr* ~ *à:ri* 'корова' (Рильи) допустимо, но не объясняет суффиксации.

28) «луна»: (а) нуб *oŋ-*, нбн *ùnátí*, кнз *anatti* ~ *unatti*, днг *u:n* ~ *un'att(i)*, длн *nɔn-ti*, кдр *nɔn-tu*, дбр *nɔn-to*; (б) брг *ma:l*; (в) мдб *áŋŋəl* [W.], *áŋŋəl* [Th.]. || MBG: нильск. **unatti*; CR: **un-*.

Исходную пранильскую форму было бы точнее восстанавливать в виде **u:n-* (ср. нуб), хотя уже на пранильском уровне должен был существовать и производный вариант **un-atti*, возможно, для разграничения между значениями 'месяц' (время) и 'луна, месяц' (небесное тело); во временном значении в днг до сих пор, судя по словарю Армбрустера, употребляется только *u:n-*. Источник компонента **-atti* неясен; Армбрустер возводит днг *un-atti* к **un-ar-t-*, где *-ar-* — причастный суффикс, но это подразумевает глагольное употребление корня *un-*, не отмеченное в нубийских языках. Возможно, эту морфему следует отождествлять с кнз *atti*,

днг *atti* 'водяное колесо', при условии, что здесь налицо позднейшая спецификация значения из пранильск. *'колесо'; в этом случае словосложение оказывается абсолютно прозрачным ('луна' = 'луна-колесо').

Более сложным оказывается вопрос о соотношении нильского *и:п- с формами в горно-нубийском. К перечисленным выше лексемам, вроде бы подразумевающим праформу *и:п-, следует добавить также дилинг *mon-tei* и гарко *om-te* из словаря Майнгофа, вряд ли сводимые к этому же прототипу. Если предположить, что в анлаутной позиции здесь был изначально представлен не дентальный *п-, а какой-то другой, менее стабильный носовой (например, палатальный *п-), уникальное соответствие «горн. п- ~ п- ~ ∅- : нильск. *∅-» можно объяснить редким случаем диссимиляции/ассимиляции двух корневых носовых.

По сравнению с соответствием нильск. *и:п- : горн. *и:п-, затруднительным только в плане интерпретации анлаута, попытка привлечь к этой же этимологии мдб *ánnál* совсем бесперспективна. Помимо опять-таки нулевого рефлекса в начальной позиции, в инлауте здесь обнаруживается велярный носовой, никак не соответствующий нильск. *п-, а трехсложная основа не раскладывается на корень *ánn- и суффикс *-al в связи с отсутствием последнего в мдб; трехсложные основы такого рода в этом языке вообще очень немногочисленны, и подавляющее большинство из них — прозрачные арабизмы. Возможно, и в данном случае речь идет о каком-то старом заимствовании (не из арабского); по крайней мере, претендовать на пранубийский статус эта странная форма вряд ли способна (ср., однако, ниже дбр *engalto* 'солнце?').

Брг *ma:l*, которое Р. Телвалл приводит в значении 'месяц' (время), подтверждается в значении 'луна' в более раннем источнике [MacMichael 1920], но определенной этимологии не имеет.

Для пранубийского текущую реконструкцию имеет смысл записывать в виде *(п)ип-, что отражает неуверенность в общей этимологизации нильских и горных форм и формально позволяет привлекать к внешнему сравнению как вариант с начальным носовым, так и без него (на тот случай, если нильск. *и:п- все же восходит к пранубийскому). Вокализм при этом реконструируется лишь приблизительно — очевидно только то, что корень содержал губной гласный.

29) «рот»: нуб агл- ~ акл-, нбн ág, кнз agil, днг 'agil, длн ɔgul, кдр ɔgvl, дбр xl, брг agal, мдб á:l [W., Th.]. || MBG: прануб. *agil → нильск. *agil, горн. *ogul; CR: *agil.

Реконструкция Беххаус-Герст дифтонга *au- в первом слоге призвана отражать нетривиальные вокалические соответствия между горными и прочими нубийскими языками. Все формы очевидно родственны, хотя корневая структура *VCVC упрощается в результате выпадения срединного согласного в ряде южнонубийских языков (дбр, мдб) и, наоборот, конечного *-l в нбн (см. ниже комментарий к 'солнцу').

Что касается вокализма, то однозначную реконструкцию предложить пока невозможно; структура данной основы является редкой и могла подвергаться уникальным переогласовкам. В качестве рабочей гипотезы можно выбрать запись *agul, отражающую обязательное присутствие в праформе среднерядного и заднерядного вокализма (нильская праформа была, скорее всего, редуцированной, т. е. *agl-, а гласный -i- развивался уже заново на эпентетической основе). Несомненно, по крайней мере, то, что «дифтонг» *au у Беххаус-Герст — это, по сути, такая же условность записи, а не надежно обоснованный фонологический сегмент пранубийского языка.

30) «имя»: (а) нуб тагс- ~ тамс-, нбн tanǵis; (б) кнз erri, днг 'err(i), длн or, мдб ári [W.], ári [Th.]; (в) мдб kádí [W.]. || MBG: прануб. *əri → нильск. *eri, горн. *or; CR: *eri.

В основном источнике по брг слово не зафиксировано, но ср. в [MacMichael 1920]: en=ereí nenta 'как тебя зовут', где en=, по-видимому — посессивный префикс 2-го л. В горно-нубийском ср. у Майнгофа: даир or.

Дистрибуция форм однозначно указывает на группу (б) как отражение пранубийского *əri; соответствия гласных такие же, как в *bál- 'собака' (см. выше). В мдб словарь Вернера фиксирует синонимичное употребление старого корня ári и нового kádí — замена, возможно, вызвана омонимией между 'именем' и основой ári 'злой дух, демон'; этимология kádí остается пока неизвестной.

В нуб и нбн также имела место замена старого корня на основу *tan-g(i)s- неясного происхождения (в старом словаре нбн Л. Райниша [Reinisch 1879] еще обнаруживается синонимичная форма eri). Р. Вернер выделяет в нбн суффикс -ís, но отмечает, что

встречается он обычно либо в заимствованиях (*hà:mís* 'четверг' ← араб.), либо в названиях животных (*kàdís* 'кот') [Werner 1987: 89]. В данном случае, однако, о «животном» происхождении речь идти не может, а реалистичные источники заимствования (из арабского, нилотских или других языков данного ареала) отсутствуют.

31) «новый»: (а) нуб *mir(i)- ~ mirɛi- ~ mʊri-*, нбн *mírí:*; (б) кнз *ɛ:r*, днг *ɛ:r*, длн *er*, брг *ɛ:r*. || MBG: прануб. **ɛ:r*; CR: **ɛ:r*. Ср. в тагле: *ér* [IH]. В мдб слово не зафиксировано; Телвалл пишет, что оно заимствовано из арабского, но не приводит конкретную форму.

Пранубийский этимон восстанавливается однозначно; неясным остается происхождение форм в нуб и нбн, не обнаруживающих приемлемых параллелей в родственных языках. Нельзя не упомянуть в этой связи основное слово со значением 'новый' в коптском языке, заимствования из которого в нуб (в основном культурная лексика) довольно многочисленны: *врре-* (бохейрский), *вер-* (саидский), возводимые В. Выцихлом к др.-египетскому *mʔwy* 'обновляться' [Vycichl 1983: 30]. Этимология представляется несколько сомнительной в силу нерегулярности анлаутного соответствия (др.-египетское **m-* обычно соответствует коптскому *m-*), но в рассматриваемой ситуации назализация согласного могла проявиться уже на нубийском уровне, поскольку начальный *b-* в нуб и (до начала периода арабского влияния) в нбн отсутствовал.

32) «ночь»: (а) нуб *oar-*, *oade-*, нбн *áwá*; (б) кнз *ugi:*, днг *'ugi:*; (в) длн *kwalol*, кдр, дбр *kwalet*; (г) брг *nergi*; (д) мдб *d:d* [W.], *d:t* [Th.]. || CR: **ugur* 'сутки', включая 'ночь'. Ср. у Майнгофа: даир *kwalet* 'ночью'; тагле *kólál* [IH].

Пранубийский этимон 'ночь' оказался в языках-потомках исключительно неустойчивым, и остановить выбор на каком-либо одном кандидате здесь невозможно (в работе Беххаус-Герст ни одна из этих форм вообще не рассматривается). Тем не менее, этимологический анализ позволяет по крайней мере несколько уменьшить список.

Во-первых, кнз-днг *ugi:* на самом деле имеет гораздо более широкую семантику, чем просто 'ночь'. Так, для кнз И. Хофманн приводит подкрепленные контекстами значения 'день (хронологический)', 'сутки'; в днг эти же значения выражаются односложной основой *ug-*, и, помимо этого, в обоих языках представлено также суффиксальное образование *ug-r-ɛ:s* (кнз), *ug-r-ɛ:s* (днг) 'день'

(как 'светлое время суток'; относительно этимологии морфемы *-e:s* см. ниже этимон 'солнце'). Далее ср. также нуб оуκ(оу)р- ~ оуκλ- 'день', нбн ùg-r-é:s 'день', возможно, также мдб ù:d [W.] 'день' (если форма восходит к **ugu-d*). Таким образом, для основы **ug(u)*- следует предполагать скорее исходное хронологическое значение 'день (отрезок времени)', 'сутки'.

Далее, основа *pergi* в брп, не обнаруживая самостоятельных параллелей в других нубийских языках, может быть возведена — как именное производное — к брп *pe:ri* 'спать' (т. е. 'время для сна'). Любопытно также отметить фонетическое сходство с *nargi* 'день' (оба слова известны только из неverified списка Теллалла), хотя, возможно, здесь дело в элементарном совпадении.

Структура горно-нубийской основы **kolel* (вокализм реконструирован приблизительно) предполагает, что она является либо композитом, либо суффиксальным образованием; ср. в этой связи в словаре Майнгофа такие формы, как дульман *kwál-ṣ* 'ночью', гарко *kwál-nze* 'ночь', позволяющие выделить корень **kol*-. Этот корень можно далее сопоставить с мдб ò:d, предполагая стяжение из **kol-d(i)*. Однако данное развитие несколько сомнительно (ср. ниже совершенно иной структурный сценарий в похожей ситуации с основой 'зуб'), а сопоставление, по сути, основано на совпадении одного гласного, так что для надежности форму в мдб вряд ли стоит привлекать к внешнему сравнению.

Нуб оар- имеет закономерное продолжение в совр. нбн áwá ← **awar* и может быть далее сопоставлено с глагольной основой ò:rà- [W.] 'темнеть, смеркаться' в мдб, причем последняя образована с помощью суффикса *a* от корня **o:r* — возможно, именного. Учитывая, что в кнз-днг 'ночь' является инновацией, нуб и нбн формы в данном случае могут закономерно претендовать на архаичность наряду с горно-нуб. **kol*-.

33) «нос»: (а) нбн sòrìŋ, кнз sorín, днг s'orìŋ; (б) кдр izìŋ, дбр epiŋ, мдб èsèŋì [W., Th.]; (в) брп miŋ. || MBG: нильск. **sorín*. Ср. у Майнгофа: даир *eŋgi*, гульфан *ozon*; тагле *ízuŋ* [IH].

Ключевой для анализа является изоглосса между кдр izìŋ и мдб èsèŋì. В мдб, по аналогии с другими частями тела (òsò-ŋí 'мясо', kàdà-ŋí 'язык'), выделяется корень *ese*-, сопоставимый с *izi*- в кдр; вокалические соответствия здесь не идеальны, но в обоих случаях в обоих слогах представлен вокализм переднего ряда, так что

допустимы ассимиляции (например, из прануб. *esi-). Дбр ериш может также отражать ассимиляцию, на сей раз консонантную (← *езиш ← *es-η).

Изогlossen между горной ветвью и мдб, сводимыми вместе только на общенубийском уровне, предполагает, что формы (в) и, возможно, даже (а) в значении 'нос' были инновативными. Поскольку на взаимной основе они по имеющимся материалам не этимологизируются, оба корня могут оказаться заимствованиями.

Брг тир (так в [Thelwall 1978b]; в [Thelwall 1978a] приводится в виде тир — верифицировать исходный вариант невозможно) трудно отделить от сходных форм в близлежащих языках даджу: сила, няла тоне, шатт, лигури ти:п- (см. ниже). Поскольку корень надежно реконструируется на прададжу уровне, направление заимствования должно быть из даджу в брг: единственная проблема — передача дентального носового через носовой палатальный, но, возможно, заимствование шло через мн. ч. (ср., например, шатт ти:пир) или через какой-то особый диалект.

Нильско-нубийская форма, судя по ауслаутному -п в днг и -η в нбн (в нуб текстах слово не зафиксировано), должна реконструироваться как *soriη, где *-η, возможно, = -ηi в мдб ese-ηi, т. е. восходит к общенубийскому именному суффиксу. Однако корень *sori- не имеет параллелей ни в мдб, ни в горно-нубийских языках. Единственный внешний источник, из которого можно было бы предположить заимствование — это египетское šr-t 'нос' → докопт. *šīrya-t ~ *šīʔya-t, откуда далее копт. φα [Vycichl 1983: 253]; при этом заимствование должно было иметь место по меньшей мере в докоптский период, т. к. в нем, с одной стороны, сохранился вибрант -r-, с другой — успел «прижиться» исконно нубийский суффикс.

Поскольку данная гипотеза все же нуждается в серьезном дополнительном обосновании, для которого, в частности, необходима подробная стратификация хронологических слоев контактной лексики в нубийских языках, мы все же будем указывать формы *esi-η(i) и *sori-η как примерно равноправные кандидатуры на статус пранубийского 'носа'.

34) «не»: (а) нуб мен- ~ мен- ~ мин-, нбн -ти:п- ~ -тін- ~ -те:п-, кнз -тін- ~ -тип-, днг -тип- ~ -теп-, длн -тін ~ -тп, брг -т- ~ -тd (?); (б) мдб -á- [W.].

Здесь представлена важная грамматическая изоглосса, отделяющая мдб от всех остальных нубийских языков. Р. Вернер отмечает [Werner 1993: 50], что в отдельных говорах нбн, полевым описанием которых он занимался, ему удалось зафиксировать такой же негативный глагольный суффикс *-á-*, как и в мдб; соответствующие данные, однако, остаются пока неопубликованными, так что оценить степень достоверности и особенности дистрибуции этого форманта в нбн невозможно. Тем не менее, даже если это действительно реликтовое явление в соответствующих говорах, вряд ли данный суффикс мог бы претендовать на роль показателя негатива «по умолчанию» даже в пранильско-нубийском.

Помимо сегментных, между мдб *-á-* и формами группы (а) есть также и структурные различия. Так, в мдб *-á-* функционирует как прозрачный суффикс, занимая позицию перед личным показателем или перед другими видо-временными или модальными формантами, ср. *sókkór-á-hèm* 'я не поднял', *tə̀gə̀r-á-ké-hèm* 'я не запира́л' и т. п.

В нильских языках, напротив, формант **-mVn-* (конкретный гласный обычно варьируется в зависимости от фонетического контекста) скорее ведет себя как полусамостоятельная глагольная основа, имеющая собственную парадигму (ср. в нбн: 1 sg *-ти:n*, 2 sg *-ти:n-pat*, 3 sg *-ти:n*, 1 pl *-ти:n*, 2 pl *-ти:n-okot*, 3 pl *-ти:n-a*). Про горно-нубийские языки и брн детальной информацией мы не располагаем, но в грамматическом описании длн соответствующий элемент *-tín-* эксплицитно описывается как вспомогательный глагол с особой парадигмой, хотя и не употребляющийся самостоятельно [Kauczor 1920: 227–230]. По брн известно лишь несколько примеров из работы [MacMichael 1920], в которых отрицание выражается с помощью суффикса *-m-* или *-md-* (ср.: *ama Fašerei kie:n* 'я пришел из Фашера': *ama Fašerei ki-m-en* 'я не пришел из Фашера'), но судить о конкретном статусе этого элемента невозможно.

В типологическом отношении, таким образом, грамматикализация морфемы **-mVn-* производит впечатление менее архаичного процесса, чем грамматикализация *-á-* в мдб — не исключено даже, что конкретный источник **-mVn-* до сих пор сохраняется в нубийских языках как самостоятельный глагол **топ-* 'не любить, отказываться': кнз, днг *то:n*, нбн *то́:n-*, мдб *ро́:n-* (впрочем, эта

гипотеза сомнительна, т. к. огласовка -o- у анализируемого вспомогательного глагола не встречается никогда).

Получается, что, с одной стороны, на статус пранубийского отрицания претендует мдб -á-, без этимологии (обосновать инновативность этой морфемы не удастся, т. к. потенциальные источники ее грамматикализации не обнаруживаются, а предполагать для нее заимствованное происхождение мешает слишком глубокое инкорпорирование ее в состав глагольной словоформы), с другой — формант **mVn*, который, возможно, имеет более недавнее происхождение, но существование которого все же должно проецироваться на общенубийский уровень. Таким образом, для дальнейшего сравнения релевантны обе морфемы.

35) «один»: нуб oʕeɣ-, oʕeɣ-, нбн wè: ~ wè:l ~ wè:r, кнз we:r, днг we:r, длн be:n ~ be-n, кдр beɾɔ, дбр beɾ, брг me:l-ug, мдб pàr-čí, pè:r [W.], pàr-čí [Th.]. || MBG: прануб. **ber* → нильск. **we:r*, горн. **ber*; CR: **we:r*.

Все перечисленные формы очевидно родственны, однако реконструкция **ber*, по-видимому, не идеально отражает засвидетельствованные данные. В частности, в нуб и нбн наблюдается «ослабление сонанта» — немотивированное чередование *r* / *l* / \emptyset , что, с одной стороны, четко отделяет данный случай от ситуаций стабильного сохранения **r* (см. выше **or* 'голова'), с другой — напротив, сближает его с такими этимологиями, как **ayl*- 'сердце', где ослабление сонанта объяснялось влиянием на него предшествующего глайдового элемента.

В этой связи любопытно обратить внимание на долготу гласного в брг (me:l-), мдб (pè:r-) и в различных горных формах, цитируемых в работе Майнгофа: гарко bi:ere, дульман bi:e, кадару beɾɔ и др., равно как и в самих нильско-нубийских языках. Если эта долгота отражает стяжение из неустойчивой пранубийской формы **bey(i)r*, то тем самым объясняются и сонантные колебания в нильском ауслауте.

В плане внешнего сравнения это означает, что старым корнем здесь может быть как **bVr* (с дифтонгизацией в пранубийском), так и **bey-* (с суффиксом *-(i)r в пранубийском). В пользу последней гипотезы, в частности, говорит наличие в мдб неопределенного местоимения pè: 'кто-то' = днг we:r id. Р. Вернер [Werner 1993: 42] отмечает его вероятную связь с формами числительного 'один',

но затрудняется объяснить отсутствие ауслаутного сонанта (ничего подобного нильской «лениции сонантов» в мдб не отмечено: сонанты в этом языке пропадают только внутри консонантных кластеров, но не в ауслауте). Гипотеза о суффиксальном происхождении *-r* в основе **bɛy-(i)r* позволяет объяснить мдб *pè*: как архаичную форму, еще не расширенную за счет суффикса.

36) «дождь»: нуб *aroʔ-*, нбн *áwíwí*, кнз *ann-essi*, днг *'aru*, длн, дбр *are*, кдр *ara*, брг *ale*, мдб *ári ~ áré ~ áró* [W.], *àré* [Th.]. || MBG: *прануб. *are* → горн. **are*; CR **ár-e*. В кнз по материалам Али Хисена старый корень сохраняется только в составе композита *ann-essi* ← **ar(u)n-essi*, букв. 'вода дождя', но в материалах Г. Массенбах [Massenbach 1962] для кнз приводятся все варианты (как простая основа *aru*, так и нестянутый композит *arun-essi* и его слитный вариант *ann-essi*).

Не до конца ясным является появление в нбн на месте вибранта **-r-* губного глайда *-w-*. Согласно гипотезе М. Беххаус-Герст [Becchaus-Gerst 1989: 93], данная нерегулярность, наблюдаемая еще как минимум в двух словах, может косвенно свидетельствовать в пользу особого статуса нбн внутри нубийской семьи, т. е. представлять собой архаичную мутацию, сумевшую закрепиться в нбн несмотря на общую тенденцию к конвергенции его фонологической системы с кнз-днг. На самом деле серьезных причин считать развитие **-r- → -w-* в нбн архаичным нет, потому что:

(а) это развитие строго ограничено позиционно — все известные случаи имеют место только перед ауслаутным гласным *-i*; помимо *áwíwí* 'дождь', ср. также *dúwíwí* 'старый' = днг *duru*, *dáwíwí* 'тропа' = днг *darr(i)* 'подниматься' (днг *darub* 'тропа, дорога', цитируемое у Беххаус-Герст, все же, скорее всего, заимствовано из арабского *darb-*);

(б) в тех случаях, когда ауслаутный *-i* сохраняется, нуб, как и нбн, показывает глайдовое развитие (ср. *áoʔe-* 'тропа', а также единичное написание *áoʔe-* 'дождь'), но там, где он вытесняется новым суффиксом *-u* (отн. последнего см. выше 'мясо'), в нуб налицо колебания: ср., с одной стороны, *áoʔoʔ-* 'тропа', с другой — вышеупомянутую форму *aroʔ-*.

Наиболее естественным объяснением здесь будет то, что процесс ослабления вибранта в позиции перед ауслаутным **-i* (с окказиональным аналогическим развитием такого же рода и перед

*-и) начался как раз в древненубийский период, а вовсе не является древней архаической чертой «северно-нубийского» как отдельной нубийской подгруппы. В противном случае мы никак не могли бы ожидать в нуб появления формы ароу- (разве что считать ее заимствованием из кнз-днг, усложняя и без того непростую ситуацию без особой необходимости).

При этом, судя по колебанию ауслаутного гласного в мдб, основа была уже на пранубийском уровне представлена в нескольких различных «статусах», что чрезвычайно затрудняет однозначную реконструкцию ауслаутного вокализма. Все же, учитывая преобладание в этой позиции переднерядной рефлексации, мы будем записывать гипотетическую праформу в виде **are*, вслед за М. Беххаус-Герст.

37) «дым»: (а) нуб арпае-; (б) нбн *túllí*, днг *t'ulla*; (в) кнз *gussutti* (?), длн *kwindí*, кдр *kodu*, дбр *wainde*, мдб *kúmmé-dí* ~ *kúmé-dí* [W.], *kúmé-dí* [Th.]; (г) брп *šikidi*. || MBG: нильск. **tulli*; CR: **gusin-ti*.

Несмотря на очевидную связь между формами в нбн и днг, имеются некоторые основания усомниться в их архаичности. Нбн *túllí* не имеет параллелей в нуб, где в значении 'дым' (правда, всего в одном контексте, но безупречном, передающим греч. καπνός) обнаруживается слово неясного происхождения арпае-. Прямым соответствием *túllí* в кнз-днг является не столько днг *t'ulla* (подозрительно несовпадение ауслаутного вокализма), сколько кнз *tulli* 'жевательный табак' (по материалам Г. Массенбах); сами же слова со значением 'дым' в днг и кнз имеют различное происхождение. Наконец, ни в мдб, ни в горных языках никаких параллелей к этим словам также не обнаруживается.

Еще Л. Райниш в свое время отмечал факт фонетического сходства между этими формами и динка *tol* [Reinisch 1911: 167], нуэр *to:l* 'дым' (см. ниже). При этом, однако, следует учесть, что и внутри нилотской семьи динка-нуэр **tol* — основа изолированная и не выводится надежным образом даже на празападнонилотский уровень, так что однозначно говорить о «нилотизме» в нильско-нубийских языках было бы преждевременно. Скорее имело бы смысл предполагать ареальную диффузию этой основы (возможно, через «культурные» значения 'курить', 'табак' и т. п.) из какого-то третьего, пока что неопознанного источника.

Все перечисленные горно-нубийские формы (к которым по материалам Майнгофа можно добавить еще даир *kwindu*, гарко *kwindε*) родственны, хотя соответствие «кдр *kw-* : дбр *w-*» уникально; возможно, налицо просто погрешность в записи или опечатка, т. е. в дбр на самом деле **kwainde*. Общим инвариантом является **kwin-* (с таким же выпадением носового перед *-d-* в дбр, как и в кдр *šin-du* 'песок' = дбр *šin-du id.*).

Форма **kwin-*, в свою очередь, легко выводится из мдб *kúmé-dí* через следующие этапы: (а) дифтонгизация **kume-dí* → **kwime-dí* под влиянием срединного переднего гласного; (б) регулярная редукция этого гласного с последующей ассимиляцией перед дентальным суффиксом: → **kwim-dí* → **kwin-dí*. Тем самым общегорно-мдб основа **gume-* оказывается серьезным кандидатом на роль пранубийского 'дыма'.

Рассмотрим теперь очевидно композитную основу *gussutti* в кнз (в материалах Г. Массенбах существование этой же основы, в более архаичном виде *gusunti*, констатируется и для днг, хотя в словаре Армбрустера этого слова нет). Вычленив второй корень в виде **-sun-*, его можно отождествить с широко распространенной нильской основой 'пахнуть, нюхать, чуютъ' = кнз *sunne*, днг *s'unde*, нбн *sùnn-ír*. Если, таким образом, **-sun-ti* – это 'запах', то первый компонент может быть все той же основой **gum(e)-*, ассимилированной с начальным согласным второй основы: **gume-sun-ti* → **gus-sun-ti*, т. е. исходно = 'запах дыма'. Подобная трактовка выглядит более правдоподобно, чем гипотетическая внутренняя реконструкция К. Рилы, пытающегося вывести прануб. **gusunti* ~ **gusinti* из **usigu-n-ti* 'дитя огня'; здесь очевидны как серьезные типологические проблемы (для Африки, по крайней мере, такое семантическое развитие нам неизвестно), так и фонетические (немотивированная метатеза).

Таким образом, несмотря на ряд неясностей (в частности, непонятным остается происхождение как нуб *арпае-*, так и брт *šiki-dí*), следы общей основы удастся разыскать по крайней мере в трех нубийских ветвях, что тем самым решает вопрос о дальнейшем внешнем сравнении.

38) «звезда»: нуб *оуеуфс-*, нбн *wínzì*, кнз *wissi*, днг *w'iss(1)*, кдр *wonənti*, дбр *wonduni*, брт *wa:n-dí*, мдб *òpè-dí* [W.], *òpè-dí* [Th.]. || CR: **oje* ~ **wije*.

Нильские формы легко сводятся к общему прототипу **wɪn-ti*, с ассимилятивной палатализацией в нуб/нбн и, далее, регулярным развитием в **-ss-* в кнз-днг (см. выше 'глаз', за тем исключением, что в данном случае сингулятивный суффикс **-ti* обнаруживается во всех нильских наречиях).

В горно-нубийском простая форма корня *on-* (ср. также у Майнгофа: гарко *vn-de*, гульфан *ɛn-du*) чередуется с более сложным вариантом *orn-* (там же: даир *orn-do*, дилинг *ornu-nu*). Откуда берется вибрант, неясно; возможно, налицо контаминация с горн. **orri* 'белый' — в любом случае, внешние данные категорически не подтверждают архаичность сонорного кластера для этого корня.

Нильск. **wɪn-*, горн. **on-*, брт *war-* и мдб *one-* фонетически изоморфны, но анлаутное соответствие проблематично. Выше уже говорилось, что фонологическая оппозиция **b-* : **w-*, реконструируемая М. Беххаус-Герст на одном примере, для пранубийского сомнительна, причем разбираемая этимология даже не удовлетворяет соответствиям, которые она постулирует для прануб. **w-* (в частности, в мдб ее **w-* → *p-*).

Вследствие уникальности соответствий однозначную реконструкцию предложить не удастся. Один из возможных вариантов — считать архаичной форму в мдб, т. е. восстанавливать прануб. основу в виде **one-*, с неясной дифтонгизацией в нильских языках и в брт. Другой вариант — реконструкция **ware-*, т. е. все-таки признание фонологичности прануб. **w-*, но не в том виде, в котором эту фонему восстанавливает Беххаус-Герст. В этой связи стоит отметить, что, например, в брт на весь список из примерно 300 слов, записанных Телваллом, приходится всего два случая начального *w-*: 'звезда' и *war-ti* 'трава' (последнее этимологии не имеет), так что даже если фонема **w-* в пранубийском здесь первична, то и в этом праязыке она должна была иметь сверхредкий статус.

Во многих источниках подчеркивается фонетический изоморфизм между разбираемыми формами и словом 'звезда' в мероитском языке — *wayeki* (WYEKI в [Meeks 1973]; Беххаус-Герст упоминает также существование в курсивном письме варианта *wyngye*), интерпретируемый, наряду с другими немногочисленными нубийско-мероитскими изоглоссами, в зависимости от предпочтений исследователей либо как свидетельство родства этих языков, либо как след контактов (причем речь здесь может идти только о

заимствовании из нубийского в мероитский, поскольку слово надежно реконструируется для пранубийского).

Контактную гипотезу, Впрочем, стоит заведомо отвергнуть; ни в одном из известных нам нубийских диалектов нет такой формы, которая могла бы послужить источником мероитского *wayeki*. Родство этих слов на более глубоком уровне столь же уверенно исключить нельзя, при условии, что мероитская основа членится на корень *waye-* и словообразовательный элемент *-ki*; но даже в этом случае странно, что мероитский корень имеет вид *waye*, при более или менее доказанном наличии в мероитском палатального *ɲ* (ср., Впрочем, курсивный вариант с носовым). Вплоть до появления новых данных следует, по-видимому, воздержаться от какой-либо содержательной интерпретации этого сходства.

39) «камень»: (а) нуб к(и)т-, нбн *kid*; (б) кнз *kulu*, днг *k'ulu*, брг *kul-di*, мдб *ùllì* [W.], *ùllì* [Th.]; (в) длн *kugor*, кдр, дбр *kakar*. || CR: **kur-ti*. Ср. также у Майнгофа: даир *kurra*, мн. ч. *kokorri*, гульфан *karkar* ~ *ka:kar*.

Наиболее широкую дистрибуцию из всех вариантов имеет группа форм (б), отражающая прануб. **kuli* ~ **kulu* (с таким же ауслаутным чередованием, как и в этимоне 'мясо', см. выше; в брг представлен вариант с сингулятивным суффиксом *-di*). Эта же основа обнаруживается и в других языках, но уже в значении 'гора': ср. кдр *kul-du*, дбр *k^wi-du*, а также в единичном контексте нуб *коул-*, передающее греч. ὄρος¹.

Если предполагать в пранубийском вполне естественную для всего африканского ареала полисемию 'камень / гора', то в горнонубийском имело место сужение значения; на место старого 'камня' (средней величины) встала лексема **kur-* / **kar-*, обычно в редуцированном варианте **kurkur-* / **karkar-* с последующим упрощением кластеров (с вокализмом, как обычно, остаются неясности). Эту основу можно сопоставить либо с днг *k'orod-* 'мелкий камешек' (с дополнительной суффиксацией?), либо с брг *ku:r*, мдб *ò:r* 'гора' (с «семантической инверсией»? архаичность значения 'гора' подтверждается также формой *ku:r* в хараза); в любом случае, на архаичный статус (в базисном значении 'камень') этот этимон никак не может претендовать.

¹ Следует, по-видимому, отличать от омонимичного *коул-* 'пещера' = нбн *kùl* 'озеро', днг *kul* 'дыра, полость' (исходное значение — **'дыра, яма'*).

Особая ситуация опять-таки складывается с нуб и нбн, где налицо основа **kid*, не имеющая никаких параллелей ни в прочих нильских, ни в любых других нубийских языках. Однако для нее, как и для 'собаки' (см. выше), запрашивается внешняя этимология — заимствование из нилотского источника; ср. в первую очередь празап.-нилотское **kid* → луо *kidi*, шиллук *kit* и т. п. [Heusing 2004: 341], хотя родственные формы, по-видимому, можно обнаружить и в других нилотских подгруппах.

Отметим, что К. Рилли в своей реконструкции, по-видимому, смешивает все три группы форм или, по крайней мере, (б) и (в) (горно-нубийские формы он под вопросом этимологизирует как отражение словосложения **ku:r-ɲar* 'горы-сын', что недоказуемо), не приводя никакой этимологической аргументации в пользу такого смешения.

40) «солнце»: (а) нуб мафал-, нбн *màšà*, кнз *masil*, днг *m'asil*, мдб *pàssàr* [W., Th.]; (б) длн *ɛd*, кдр *ezi*, брл *?i:zi*; (в) дбр *engalto*. || MBG: нильск. **maša*; CR: **e:s-i*.

При условии равноудаленности четырех основных ветвей нубийской семьи налицо две изоглоссы примерно одинаковой силы: (а) между нильскими языками и мдб; (б) между горными и брл.

Нильско-нубийскую праформу было бы точнее реконструировать в виде **mašal*, с закономерным ослаблением и выпадением конечного сонанта в нбн. При этом возможен анализ **-l* как «детерминанта» — дейктического суффикса, выполняющего функцию определенного артикля. В продуктивном виде детерминант обнаруживается только в нуб (ср. *кссє*- 'церковь' → *кссє-л*- и т. п.), и то, что слово 'солнце' в текстах без него не встречается, можно легко объяснить уникальностью (т. е. «вечной определенностью») референта. Что касается соответствия «нильск. **-l* : мдб *-r*», то оно в данном случае согласуется с наблюдениями Р. Вернера, отмечающего в мдб существование «беглого *-r*» в субъектном падеже у имен с основой на гласный (например, *òtti ~ òttir* 'нога'), которое он интерпретирует как след все того же детерминанта [Werner 1993: 28]¹.

¹ Почему пранубийский «детерминант» должен отражаться в мдб в виде *-r*, а не *-l*, остается неясным. Возможно, такое развитие связано с какими-то старыми сандхиальными процессами. Следует подчеркнуть,

Необычной, возможно, даже уникальной является необходимость реконструкции для пранильского фонемы $*\text{-}\check{s}$ -. В списке нильских праформ у М. Беххаус-Герст ни одного альтернативного примера на эту фонему не обнаруживается, а подавляющее большинство форм с $\text{-}\check{s}$ - в нбн, имеющих внешние параллели — это основы на $\text{-}\check{s}i$, где $\text{-}\check{s}$ - — результат палатализации $\text{-}s$ -. Вариант реконструкции $*masil$ не проходит из-за данных нуб и мдб, показывающих, что гласный второго слога — $-a$ - (с вторичным изменением в кнз-днг).

За пределами нильских языков и мдб никаких параллелей в брг или в горных языках не обнаружено. Хорошо известна, однако, параллель в мероитском языке, где слово *maša* или *masa* (MZ в [Meeks 1973: 13]) обозначает какое-то божество верхнего уровня, по наиболее распространенному мнению — бога Солнца [Hofmann 1981: 86].

Обратимся теперь к формам группы (б). Соответствие «длн \acute{d} : кдр \acute{z} : брг \acute{z} », согласно Беххаус-Герст, восходит к прануб. $*s$, озвончающемуся в этих языках в интервокальной позиции (ср. прануб. $*nVs$ - 'длинный': длн $d\acute{o}\acute{d}$ -i, кдр $d\acute{o}\acute{z}\acute{z}$ -и, брг $nizz$ -e = мдб $t\acute{a}ss$ -è, нбн $n\acute{a}ss$ -i). Тем самым слово оказывается этимологически тождественным мдб $\acute{e} : s\acute{i}$ [W.] 'дневная жара, полдень'; кнз $\acute{e} : s$ 'полдень', 'жара'; днг $\acute{e} : s$ 'время с 1 до 3 часов дня'. Ср. также обсуждавшийся выше общенильский композит $*ug-r-\acute{e} : s$ 'день' (← 'жаркое время суток').

Ситуацию можно интерпретировать двояко:

А. Ввиду фонетических «странностей», ограниченной дистрибуции и мероитских параллелей нильско-мдб $*maša(-l)$ эту основу можно расценивать как заимствование, проникшее в ареал распространения этих языков уже после распада нубийской общности. В этом случае прануб. $*\acute{e} : s$ - было полисемичной основой 'жара / солнце', утратившей в нильских языках и мдб второе из своих значений. Такой интерпретации придерживается, в частности, К. Рильи.

Б. В пранубийском $*maša(-l)$ 'солнце' (как небесное тело) эксплицитно противопоставлялось $*\acute{e} : s$ - 'солнечному свету', 'жаре';

что ситуация здесь отличается от того, что мы наблюдаем в случае с прануб. $*agil$ 'рот' → кнз-днг $agil$, мдб $\acute{a} : l$ и т. п., где $-l$ — неотъемлемая часть старой основы.

впоследствии в горных языках и в брг 'жара' обобщила оба значения. При этом редкость, даже уникальность прануб. *-š- сама по себе не является достаточным основанием для отказа от закрепления за этимологией пранубийского статуса (в конце концов, речь может идти и об уникальном заимствовании уже в пранубийский); ограниченная дистрибуция все равно охватывает как минимум два первичных узла; а присутствие корня в мероитском можно рассматривать и как заимствование из нубийского источника в мероитский, а не наоборот (ср. выше аналогичную ситуацию со 'звездой').

По-видимому, на внутринубийском уровне вопрос остается принципиально неразрешимым. В этих условиях допустимо при-звлекать к дальнейшему внешнему сравнению оба корня.

Что касается дбр *enḡal-to*, то это слово, не обнаруживая никаких параллелей в остальных языках горной группы, практически в лоб соответствует мдб *āḡḡāl* 'луна' (!). Учитывая, что последнее, в свою очередь, тоже не имеет хорошего внутринубийского объяснения, сделать сколь-либо значимые этимологические выводы здесь вряд ли удастся.

41) «хвост»: (а) нбн *zèlèw*; (б) кнз *eṭw*, днг *εṭi*, длн *εb*, кдр *ep*, дбр *ebo*, мдб *è:mi* [W.], *é:mi* [Th.]; (в) брг *zibbe*. || MBG: прануб. **εb* → горн. **ep*. Ср. у Майнгофа: даир *ib*; тагле *í*: [IH] (← **í:w?*).

Реконструкцию Беххаус-Герст следует, по-видимому, изменить на **εb*, чтобы учесть долготу гласного в кнз-днг и в мдб (развитие *-*b* → -*m* в последнем вполне регулярно; присоединение суффикса -*i* похоже на инновацию, т. к. отпадение его в нильских языках не ожидается), но в целом ситуация с определением праязыкового этимона вполне прозрачна.

Брг *zibbe* — редкий пример слова, имеющего в этом языке начальную палатальную аффрикату; ни одна из этих лексем не имеет надежной общенубийской этимологии, а в системе Беххаус-Герст для брг *з*- места не обнаруживается. По-видимому, речь идет о заимствовании: хороший кандидат — даджу **i:be* 'хвост' (см. ниже), при условии артикуляции **yi:be* в диалекте, послужившем источником заимствования (развитие **y*- → *з*- в брг было бы естественным).

Особую позицию опять-таки занимает нбн. В древних текстах слово 'хвост' не встречается, и проследить историю нбн *zèlèw* не

удается. Чрезвычайно соблазнительным выглядит анализ его как **zel-ew*, где *-ew* = кнз-днг **ε:w*, но первый компонент этого «компози́та» на нубийской почве все равно не объясняется. С другой стороны, он фонетически изоморфен ряду западнонилотских форм: ср. нуэр *zual*, динка *ɣɔl*, мабаан *wile ~ yile* и др. Учитывая, что для ряда других слов в нбн уже были обнаружены nilотские этимологии, *zèlèw* (← **yelew*) можно в качестве рабочей гипотезы также считать заимствованием (или необычным «склеиванием» заимствования с исконным корнем, что типологически странно).

42) «ты»: нуб *ɛr-*, нбн *ì-r*, кнз *e-r*, днг *ε-r*, длн *a*, брт *e-dì*, мдб *ì-n* [W., Th.]. || CR: **i-* ~ **in-*.

В большинстве нубийских языков прямая основа местоимения 2-го л. ед. ч. состоит из двух морфем: корневой, являющейся основным носителем местоименного значения и общей для всех подгрупп, и суффиксальной, выделяющейся даже на синхронном уровне и при этом варьирующей в зависимости от ветви.

Корневую морфему, на первый взгляд, следует восстанавливать как моновокалическую, причем соответствующий гласный, судя по подавляющему большинству рефлексов, должен был быть передним. Однако наблюдаемые соответствия в целом плохо укладываются в стандартные схемы, предложенные Беххаус-Герст для прануб. **i*, **e* и **ε*. Особенно необычно смотрится на этом фоне длн *a*, а также дифтонгическая форма *ai* в даир (по записям Майнгофа); перспектива, например, дифтонгизации прануб. **i* → горн. **ai* с дальнейшим упрощением дифтонга в длн выглядит неправдоподобно.

По-видимому, следует на данном этапе записывать гипотетическую праформу в виде **e(y)*; такая форма записи (а) подчеркивает передний характер основного гласного; (б) ближе всего стоит к конкретным соответствиям, постулируемым Беххаус-Герст для прануб. **e*; (в) указывает на возможное развитие неидеально соответствующих друг другу монофтонгических форм из редкого дифтонгического сочетания. Помимо этого, реконструкция **ey* выглядит симметричной относительно формы **ay*, которая была восстановлена выше для 1-го лица.

Ситуация осложняется еще и высокой вероятностью аналогических выравниваний в отдельных языках. Так, для большинства подгрупп типичной является оппозиция **i* (**e*) 'ты' : **u* 'вы'; однако

в кнз-днг вместо этого представлена оппозиция $*\varepsilon$ 'ты' : $*i$ 'вы', которую можно расценивать исключительно как результат позднейшего преобразования по аналогии с формами 3-го л. $*t\varepsilon$ 'он' : $*ti$ 'они'. Поэтому опираться на вокализм кнз-днг при реконструкции пранубийской формы в данном случае не рекомендуется.

Суффиксальные морфемы в прямой основе колеблются между $*-r$ в нильско-нубийских языках, нулевого морфа в горных, $*-di$ (= $*-di$ сингулятивного суффикса?) в брг и $*-n$ в мдб. Внутри конкретных языков они, как правило, оказываются рекуррентными в рамках местоименных парадигм, ср. в нбн — $i-r$ 'ты', $u-r$ 'вы', $t\grave{a}-r$ 'он', $t\acute{e}-r$ 'они'; в мдб — $\acute{i}-n$ 'ты', $\grave{o}-n$ 'он' и т. п.

В большинстве нубийских языков все варианты косвенной основы местоимения 2-го л. обычно напрямую выводятся из прямой; ср. нбн $\acute{i}-n$ 'твой' ← $*ir-n$ (по мнению Р. Вернера) или непосредственно из $*i-n$ без посредничества суффикса $*-r$. Исключение может представлять только мдб, где родительный падеж / посевив имеет вид $n\acute{a}n$; Р. Вернер анализирует его как образование от альтернативной основы 2-го л. $*n\acute{a}$ -. Этот единичный факт, однако, вряд ли достаточен для постулирования на пранубийском уровне дополнительной местоименной морфемы, т. к.:

(а) ни в одной из оставшихся нубийских ветвей никаких следов прануб. $*na-$ 'ты, тебя' не сохранилось;

(б) внутри мдб местоименная парадигма устроена следующим образом: 2-е л. ед. ч.: $\acute{i}n$ (прямая основа), $n\acute{a}n$ (косвенная); 3-е л. ед. ч.: $\grave{o}n$ (прямая основа), $n\grave{a}n$ (косвенная). Таким образом, мало того, что мы будем вынуждены реконструировать две косвенные основы для 2-го и 3-го лиц, различающиеся только тоном; придется также счесть случайным совпадением корреляцию между тональными признаками 2-го л. (высокий тон в обеих основах) и 3-го (низкий тон в обеих основах).

По-видимому, мдб $n\acute{a}n$ 'тебя, твой', $n\grave{a}n$ 'его' уместнее считать результатом позднейшей редукции из $*\acute{i}-n-\acute{a}n$, $*\grave{o}-n-\acute{a}n$, причем отпавшие гласные первого слога успели передать свои тональные характеристики соединительному гласному $-a-$. Проецировать «альтернативную» носовую основу на пранубийский уровень при таких обстоятельствах было бы рискованно. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что мдб иногда сохраняет важные архаизмы, утраченные во всех остальных ветвях нубийского (ср. выше

отрицание 'не'), так что по большому счету вопрос остается открытым, а корректный ответ на него может дать только внешнее сравнение.

43) «язык»: (а) нуб таме-; (б) нбн *nàr*, кнз *ned*, днг *ned*, длн *dale*, кдр *zaldo*, дбр *jaldo*¹, брг *natti*, мдб *kàdì ~ kàdàñi* [W.], *kádání* [Th.]. || MBG: прануб. **zardi* → нильск. **nardi*, горн. **zaldi*; CR: **ɲal*.

Соответствие «нильск. **n-* : горн. **з-* : брг *n-* : мдб *k-*» фонетически интерпретируется М. Беххаус-Герст как отражающее звонкую палатальную аффрикату **з-*, возможно, с факультативной преназализацией (**ɲз-*), чтобы объяснить носовые рефлексy в нильском и в брг [Bechhaus-Gerst 1985: 30]. Совершенно непонятно, однако, откуда берется эта факультативная преназализация и почему ее следы не обнаруживаются также и перед другими начальными звонкими (в виде **nd-*, **mb-*, **ɲg-*).

Учитывая, что на месте анлаутного палатального **ɲ-* в системе Беххаус-Герст налицо лакуна (при том, что в срединной позиции эту фонему она восстанавливает), логично было бы интерпретировать ее **з-* как **ɲ-*, а ее **š-*, в свою очередь (→ нильск. **з-*, горн. **š-*, брг, мдб *s-*), — как **з-*. Артикуляторная нестабильность палатального носового привела к его исчезновению во всех группах: в пранильском и в брг он претерпел депалатализацию, совпав с обычным **n-*, в горных языках — аффрикативизацию, а в мдб — сначала веляризацию, совпав с **ɲ-*, а затем регулярную деназализацию (прануб. **ɲ-* → мдб *k-*).

Сложнее обстоит дело со срединным согласным. Реконструкция **zardi* (или, скорее, **ɲardi*), казалось бы, должна подразумевать сочетание корня **ɲar-* с сингулятивным суффиксом **-di*, но в этом случае суффикс должен был бы иметь форму **-ti* (см. выше 'птица'); к тому же конкретные формы и в нильских языках, и в брг не дают оснований вычленять здесь консонантный суффикс. Ср. в брг: *kwar-ti* 'птица', мн. ч. *kwar-r-e*, но *natti* 'язык' (не **nar-ti*!). Редким является и соответствие «нбн *-r* : кнз-днг *-d*», встреченное лишь один раз (см. выше 'кость'), где оно было вызвано нетривиальным развитием консонантного кластера.

¹ М. Беххаус-Герст, ссылаясь на Телвалла, приводит форму в дбр в виде *zal-do*, хотя в [Thelwall 1978a] однозначно обнаруживается *jal-do*. Возможно, что это опечатка, т. к. других случаев сохранения палатального носового в этом языке по записям Телвалла нам не известно.

По-видимому, в пранубийском этот корень действительно со­держал редкое сочетание согласных (ситуация, типичная для этимона 'язык'), которое мы будем условно записывать в виде **-lT-*, т. е. «переднеязычный неносовой сонант, скорее *-l-*, чем *-r-* + переднеязычный смычный, скорее всего *-d-* или *-t-*». Ауслаут при этом был консонантным (**ɲalT*), но в некоторых языках корень все же мог расширяться за счет сингулятивного суффикса (**ɲalT-ti* → брг *nat-ti*, мдб *kà-dì*).

Совершенно особо стоит нуб таме-, передающее греч. γλῶσσα как в значении 'язык (орган)', так и 'язык (речь)' — редкий случай, когда данные 50-словника по нуб отличаются от данных современных диалектов нбн. Надежной внутринубийской этимологии у этого слова нет; соблазнительно сопоставление с мдб *tà:mi* ~ *tà:m* 'вкус', но, как отмечает Р. Вернер, последнее, скорее всего, является арабизмом (← араб. *ṭaṣm-* 'вкус'). Впрочем, здесь нельзя исключить и случайное совпадение; в последнем случае к этимологии можно добавить также днг *tanṣe* 'пробовать на вкус' (← **tam-ṣe?*).

Субстратная гипотеза в данном случае не проходит, т. к. ни одна из языковых семей, для которых выше предполагалась возможность контакта с северно-нубийскими наречиями (нилотская, египетская и т. д.), не обнаруживает ничего похожего. Прямолинейным фонетическим изоморфизмом является разве что восточносахарский этимон **tam(ɪ)-si*, но, в отличие от потенциальных nilотско-нубийских контактных изоглосс, данный случай единичен и, скорее всего, случаен.

44) «зуб»: нбн *nì:d*, кнз *nel*, днг *neɪ*, длн *dili*, кдр *zìl-du*, дбр *zìl-do*, брг *ɲil-di*, мдб *kàddi* [W.], *kóddi* [Th.]. || MBG: прануб. **zəl(-di)* → нильск. **nel-di* (sg.), горн. **zil* (pl.); CR: мн. ч. **ɲil*, ед. ч. **ɲil-di*.

Все языки отражают один и тот же корень, хотя в нуб слово остается неизвестным. Начальный согласный тот же, что и в этимоне 'язык' (**ɣ-* у Беххаус-Герст = наше **ɣ-*), но консонантные соответствия в ауслауте иные; в данном случае они легко сводятся к прануб. **-l-* (нбн *nì:d* ← **nil-di*; соотношение между нбн и кнз-днг формами здесь обратно ситуации со словом 'глаз', где, наоборот, чистый корень наблюдался в нбн, в то время как в кнз-днг сохранилась только сингулятивная форма). Реконструкция вокализма не вполне надежна, но разумнее всего, вслед за Беххаус-Герст, восстанавливать **-ə-*, т. е. прануб. **ɲəl-*.

45) «дерево»: (а) нуб коёр-, нбн *kóy*; (б) кнз *zowwi*, днг *ʒ'o:ww(ɪ)*; (в) длн *hor*; (г) брл *ka:n*; (д) мдб *kà:r* [W., Th.]. || CR: **ko:r-i* 'дерево' (растущее), **ber-* 'дерево (материал)'. Ср. также у Майнгофа: даир *or*.

Несмотря на то, что все группы форм, за исключением (б), в той или иной степени фонетически изоморфны, конвертировать этот изоморфизм в фонетическую совместимость не удастся. Для того, чтобы отобрать наиболее вероятного кандидата на роль пранубийского 'дерева', требуется дать развернутый комментарий к каждой из форм.

(а) Нбн *kóy* в отдельных диалектах до сих пор сохраняет конечный сонант (ср. у Лепсиуса: махас *koir* ~ *koi*) = нуб коёр-. При условии, что «ранне-нобин» **koyr* является вторичным развитием из **ko(y)i*d (ср. полностью аналогичный случай с этимоном 'кость'), основа хорошо соответствует днг *koid* 'деревце из рода зизифус (*Ziziphus spina-christi*)'. Поскольку этот вид имеет определенную хозяйственную значимость, перенос на него родового значения 'дерево' в условиях небогатой на древесную растительность Северной Африки вполне естествен. Рильи привлекает к сопоставлению также мдб *òrzi* 'древесина', что в принципе не исключено, но суффиксальный характер этого слова показывает, что и здесь мог иметь место вторичный перенос значения (← 'дерево такого-то растения'). Ср. также в тагге: *kôr* 'вид дерева' [ИН].

(б) Кнз-днг **zowwi* — совсем свежая инновация, еще не успевшая окончательно вытеснить более старое слово (см. ниже). В кнз это слово, согласно материалам Али Хисена, обозначает как 'дерево' вообще, так и специфически вид *Acacia nilotica*; в днг, по сведениям Армбрустера, то же самое (он упоминает вид *Acacia arabica*, но это просто другое обозначение той же *Acacia nilotica*); наконец, в словаре Г. Массенбах *zowwi* определяется как *Acacia nilotica* вообще без упоминания родового значения. Таким образом, здесь значение было расширено по другому виду.

(в) Длн *hor* = даир *or* ← горн. **for*. Спроецировав этот этимон далее на возможную прануб. форму **pər*, мы получаем прямое соответствие кнз-днг **ber*: кнз *ber* 'дерево (как материал); ствол; стебель; дерево (растущее, очень редко)', днг *ber* 'дерево (как материал); ствол; деревянный предмет'. В старом словаре Г. Массенбах кнз-днг *ber* еще переводится как 'Holz, Baum'; учитывая типологическую частотность и естественность семантического перехода

‘дерево (растущее)’ → ‘древесина’ (но не наоборот), для пракенузи-донголави **bɛr* можно уверенно реконструировать семантику ‘дерево’, а изоглосса между кнз-днг и горно-нубийскими языками делает это слово наиболее уверенным кандидатом на роль пранубийского ‘дерева’ как такового. Семантическую оппозицию Рилы, таким образом, следует отвергнуть ввиду недостаточной типологической и фактологической обоснованности.

За пределами кнз-днг и горных языков очевидных параллелей к прануб. **pər* нет, хотя чрезвычайно соблазнительно выглядит сопоставление с мдб *pəy* ‘ствол’ — впрочем, неубедительное в силу того, что мдб -*y* не соответствует прануб. **-r* (подтверждающих примеров, во всяком случае, пока что не обнаружено).

(г) Брг *ka:n* может отражать как прануб. **ka(:)n-*, так и **ga(:)n-*. В последнем случае уместно сопоставление с днг *g'andɛ* ‘Acacia spirocarya’, махас *gande* ‘вид акации’ [Lepsius 1880: 308] (**-de* в этом случае придется анализировать как именной суффикс).

(д) Мдб *kà:r* может восходить к целому ряду нубийских прануб. (начальный *k-* отражает прануб. **g-*, **ɲ-*, **ɲ-*), но ни к одной из них потенциальных параллелей отыскать пока не удалось. Из-за вариативности в реконструкции привлекать ее к внешнему сравнению не рекомендуется до прояснения ее внутринубийского статуса, тем более при наличии **pər* как этимона, полностью удовлетворительного в дистрибуционном и семантическом плане.

46) «два»: нуб *oɣo(ɣ)-*, *oɣɣo-*, нбн *úwwo*, кнз *owwi*, днг *o(:)ww(ɪ)*, длн *ore-n*, кдр *ɛrro*, дбр *ɛrrɔ*, брг *ul-ug*, мдб *áddí* [W.], *áddi* [Th.]. || CR: **orr-u* ← **arr-u*. В работе Беххаус-Герст это числительное не обсуждается из-за нетривиальности соответствий, однако нильские формы с *-w-* впервые сопоставляются с горными формами с *-r-* уже у Л. Райниша [Reinisch 1911: 78], который сводит их к общему варианту **awr-*.

Выше (см. ‘дождь’) вопрос о развитии **-r-* → *-w-* в нильских языках уже обсуждался; в данном случае, однако, ситуация носит особый характер, т. к. (а) развитие имеет здесь место во *всех* нильских языках, не только в нбн; (б) в нбн *-w-* обнаруживается в позиции перед задним гласным *o*, а не передним *i*. Последнюю особенность еще можно объяснить позднейшим аналогическим развитием (**úwwi* → **úwwo* под влиянием *túskó* ‘три’, *kémsó* ‘четыре’ и т. п.), но при этом остается загадкой, почему *-ww-* обнаружива-

ется в кнз-днг. В. Блажек [Blažek 1999: 18] предлагает видеть здесь влияние нбн, что согласуется с идеей Беххаус-Герст о «реструктуризации» кнз-днг под культурным напором северных соседей, но не слишком убедительно ввиду существенных различий во внешнем виде между другими числительными в этих языках.

На наш взгляд, разгадкой в этой ситуации может послужить архаичная форма *auri-yah* '2' в языке хараза [Bell 1975: 10], идеально согласующаяся с общенубийской реконструкцией **awr-* у Райниша. Консонантное сочетание **-wr-* в данной основе уникально¹, и уже на пранильско-нубийском уровне оно упростилось в **-ww-*; напротив, в остальных языках упрощение шло в обратную сторону — слияние губного глайда с предшествующим гласным и сохранение срединного сонанта (везде, кроме мдб, где к числительным регулярно присоединяется суффикс сингулятива **-di*: **awr(i)-di* → **ər-di* → *addi*)².

47) «вода»: (а) нуб есси- ~ ассе- ~ етτω-, кнз *essi*, днг *'ess(i)*, длн *oti*, кдр *oto*, дбр *otu*, брп *ezi*, мдб *á:ǵí* [W.], *á:ǵí* [Th.]; (б) нуб аман-, нбн *ámán*. || MBG: прануб. **asti* → нильск. **essi*, горн. **oti*; CR: **es-ti* ~ **os*.

Инлаутное соответствие в группе форм (а) (нильск. **-ss-* : горн. **-t-* : брп -з- : мдб -ǵ-) уникально, но в целом вписывается в систему нетривиальных, контекстно обусловленных консонантных соответствий в позиции перед сингулятивным суффиксом **-ti* / **-di* (см. выше разбор прануб. **mij-ti* 'глаз', **oy-ti* 'нога', **ǵǵ(i)-di* 'рог' и др.).

¹ Г. Белл предлагает для этого слова, первоначально записанного арабским алфавитом, гипотетическую транслитерацию **o:riya*, но во всех более или менее надежно опознаваемых случаях гласные среднего подъема *o*, *e* в хараза не отличались в транскрипции от гласных верхнего подъема *u*, *i*, и с этой точки зрения транскрибирование начального долгого *o:* через дифтонгическую запись *aw-* необъяснимо. По меньшей мере *исключить* возможность того, что в хараза слово 'два' имело в своем составе дифтонг, здесь невозможно.

² В. Блажек останавливается на реконструкции **arui*, исходя из аналогии с нильским **arri* '20' и ряда внешних нило-сахарских параллелей. Такой вариант в принципе возможен, но, поскольку связь с **arri* все же не является самоочевидной (механизм образования **arri* из **arui* или обоих числительных от общей основы **ar-* совершенно не ясен), в качестве рабочей гипотезы предпочтителен все же вариант реконструкции **awri*, опирающийся на исторически засвидетельствованную форму в хараза.

В данном случае реконструкция сочетания **-s-t-* у Беххаус-Герст вполне удовлетворительна, поскольку (а) отмеченное соответствие ближе всего стоит к соответствиям, отражающим прануб. **ηəz(i)-di* 'рог', но без шипящих рефлексов в нильских языках — следовательно, вероятно реконструкция свистящего согласного; (б) слово 'вода' известно для языка хараза, где его диалектные варианты имеют вид *es-ki* и *os-ki* (*-ki* — стандартный именной суффикс в хараза, возможно, соответствующий общенуб. объектному показателю **-ga ~ *-gi*).

Вокалические соответствия в данном корне такие же, как и в слове 'собака' (см. выше), что позволяет однозначно реконструировать прануб. **ə*. Не вполне ясными остаются редкие нуб варианты *эссе-* и *этто-*, по-видимому, диалектные (последний намекает на то, что в пранильском основа еще имела вид **əs-ti*, а срединное сочетание могло развиваться по-разному в разных диалектах).

Во всех современных диалектах нбн основным словом, обозначающим 'воду', вместо **əs-ti* оказывается **aman*. Инновативный характер этого этимона очевиден не только исходя из соображений дистрибуции (все остальные подгруппы, включая хараза, сохраняют **əs-ti*), но и исходя из внутринильских данных. В нуб зафиксированы случаи употребления в значении 'вода' как *эсси-* (очень редко), так и *аман-* (гораздо чаще), причем последнее в первую очередь передает греческое ὕδατ 'воды', т. е. 'текущая (морская или речная) вода', а также употребляется для обозначения реки Нил, и лишь в единичных случаях (впрочем, как и *эсси-*) зафиксировано в значении 'питьевая вода (в сосуде)'. Вполне вероятно, что *эсси-* отражает кенузи-донголави лексический слой в текстовом корпусе древненилского, в то время как более частотный эквивалент *аман-* соотносится с более «естественным» (статистически частотным) слоем нобинской лексики.

В нбн *ámán* — это и 'вода', и 'река', и 'море', однако следы прануб. **əs-* еще обнаруживаются в составе отдельных композитов: ср. *ès-kàlè*: ~ *às-kàlè*: 'водяное колесо' (с таким же вокалическим колебанием, как в нуб *эсси-* ~ *ассе-*); *mà:n-éssí* 'слеза' (= 'вода глаза'); возможно, также *àñ-íssí* ~ *àn-íssí* 'рыба' (Беххаус-Герст сравнивает первый компонент с корнем *añ-* 'жить', т. е. 'живущая в воде'). Наконец, в отдельных говорах махас, судя по имеющимся данным, чистая основа *éssí* еще встречается, но только в специализирован-

ном значении 'суп'. Все это недвусмысленно указывает на то, что в северной ветви нильско-нубийского старая основа **as-(ti)* постепенно вытеснялась новой основой **aman*, первичным значением которой могло быть 'река (большая), Нил'.

Внутренней нубийской этимологии у слова **aman* нет; даже в близкородственной ветви кнз-днг оно обнаруживается только в составе днг композита *aman-dakke* 'пресноводная черепаха' — явного заимствования из нбн *àtàn-dákki*, ср. исконно днг *darig* 'черепаха'. Соответственно, наиболее вероятной оказывается перспектива заимствования.

В этой связи нельзя не упомянуть давно замеченное сходство между этой формой и основным праберберским обозначением 'воды' — **ama-n* [Bechhaus-Gerst 1984: 109] (*-*n* в берберском — продуктивный показатель мн. ч., так что если заимствование имело место, направление определяется однозначно). Отталкиваясь от этого поразительного совпадения, некоторые исследователи даже выдвигали гипотезу «берберского субстрата» в нубийском — в частности, В. Выцихл присовокупил к 'воде' еще три возможных «берберизма» в нбн ('лук', 'спина', 'крыса') [Vycichl 1961a: 289], достоверность которых, впрочем, невысока, как показывает Беххаус-Герст [Bechhaus-Gerst 1984: 110–111].

Если фонетическое сходство между нбн *átán* и берберским **ama-n* — не более чем случайное совпадение, то вопрос о происхождении этого слова остается открытым. Очень вероятно, что речь идет о старом локальном названии Нила, которое переняли носители нбн, мигрировавшие в район его среднего течения, но было ли оно берберским или еще каким-нибудь, неясно. Возможно, следует обратить внимание и на схожие формы для слова 'вода' в западноцентральносуданских языках (ср. багиро *tànē*, мбай *tāñ* и др.), хотя в данном случае сходство не столь яркое из-за отсутствия начального гласного *a-*. В любом случае, в лексико-статистических целях есть серьезные основания маркировать *átán* как заимствование.

48) «мы»: (а) нуб оу-, нбн ò-; (б) нуб ер-, кнз, днг а-*r*, длн *i*, брг а-*di*, мдб à-*dí* [W.], à-*dí* [Th.] (экскл.), à-*ñá* [W., Th.] (инкл.). || CR: **agi-(r)*. Ср. также у Майнгофа: даир, гульфан *ai* (в даир отличается от местоимения 2-го л. ед. ч. 'ты' только тональной характеристикой).

При анализе перечисленных форм в первую очередь встает вопрос о наличии в пранубийском оппозиции по кляузивности. Такое противопоставление эксплицитно обнаружено в:

(а) мдб, где оно выражается сочетанием корневой морфемы *a-* с разными суффиксами. При этом в инкл. форме *à-ηá* налицо стандартный для личных местоимений суффикс мн. ч. (ср. *àη-ηá* 'они'; *ìη-ηí* 'вы' с ассимиляцией из **ìη-ηá*), в то время как экскл. форма *à-dí* образована с помощью именного суффикса мн. ч. *-ti / -di* [Werner 1993: 27]¹.

Параллелей такого рода в остальных нубийских языках пока не обнаружено. Форма мн. ч. на *-ηa* с большой вероятностью архаична, т. к. объяснить происхождение этого суффикса на внутринубийской основе никак не удастся. Что касается *à-dí*, то эта форма может быть как инновацией (плюрализация корня *a-* «именным» методом), так и архаизмом (на что может намекать полная сегментная тождественность с брг *a-di*). В любом случае противопоставление по «кляузивности» выражается только на уровне морфемной сочетаемости.

(б) Совершенно по-другому обстоит дело в нуб. Здесь по текстам прослеживается наличие двух разных морфем: *oʉ-* и *eʉ-*, причем единого мнения относительно их семантической дифференциации не существует; так, Г. Браун в своем словаре (вслед за [Vucichl 1961b]) определяет первую из них как эксклюзив, а вторую — как инклюзив; Р. Вернер вроде бы соглашается с такой интерпретацией в [Werner 1987: 116], но уже в [Werner 1993: 36] опять возвращается к более традиционному мнению об *eʉ-* как эксклюзиве и *oʉ-* как инклюзиве.

Сложность здесь заключается в том, что ограниченный корпус нуб текстов не дает возможности построить для обоих местоимений стройную и единую картину их практического употребления. Еще Ф. Гриффит в своем старом описании [Griffith 1913: 99, 110]

¹ Маловероятно, что этот суффикс этимологически тождествен общенуб. суффиксу сингулятивности **-ti/*-di* (также хорошо сохраняющемуся в мдб); скорее всего, здесь налицо вторичное совпадение. Мдб *-ti / -di* мн. ч. имеет смысл сопоставлять либо с окончаниями *-eni, -in, -indi* в длн [Kauczor 1920: 60-61], либо с окончанием *-nɕi*: в нбн [Werner 1987: 80], либо и с тем, и с другим, хотя единую реконструкцию для всех этих форм предложить трудно.

отмечал, что различия в узусе связаны скорее с дифференциацией по конкретным памятникам. Это похоже на ситуацию в современных нильских языках, где в нбн из двух конкурирующих форм обнаруживается только *й*, а в кнз-днг, наоборот, только *er* ($\rightarrow ar$). Однако в отличие от таких случаев, как 'вода' и 'белый' (см. выше), где частотный «нобинообразный» синоним в древнениубийских текстах противопоставлен редкому «кенизиобразному», формы личного местоимения 'мы' в целом сопоставимы по частотности, так что твердых оснований считать, что они могли быть распределены по конкретным нильско-нубийским диалектам начала II тыс. н. э., у нас нет.

Впрочем, из этого еще не следует, что на пранильском уровне необходимо реконструировать обе морфемы. Внешние данные подтверждают архаичность только основы *er-*; нуб и нбн *и не имеют никаких параллелей ни в кнз-днг, ни в остальных нубийских языках. В связи с этим, прежде чем механически экстраполировать это противопоставление на более древний уровень, следует попытаться проверить форму *и на инновативность. Оказывается, что можно выдвинуть как минимум две гипотезы о ее вторичном происхождении — внешнюю и внутреннюю.

В плане внешних связей, ввиду упоминавшихся выше потенциальных «нилотизмов» в нуб и нбн, заслуживают упоминания такие западнилотские формы, как динка *wo*, шиллук *wɔ*, ануа *wā:nī* и др. (см. ниже). Разумеется, вероятность заимствования отдельно взятого личного местоимения в целом невелика, но, учитывая естественность оппозиции по клюзивности для nilотских языков и, напротив, редкость ее в языках нубийских, можно предположить, что она появилась в нуб/нбн под типологическим влиянием nilотского субстрата; в этом случае легко объясним и факт заимствования самой формы из nilотского.

Внутренняя этимология *и может сводиться к объяснению этой морфемы на основе числительного **iwwo* 'два' (см. выше), стянувшегося в *и из-за частотного употребления. В этом случае первоначальным значением могло быть двойственное число ('мы вдвоем'), что объяснило бы сложности, возникающие при попытке распределить нуб формы по признаку клюзивности (двойственное число местоимения 1-го л. может использоваться как в инклюзивном, так и в эксклюзивном значении). Однако для про-

верки этой гипотезы необходим новый статистический анализ всех нуб контекстов.

Даже если оба предположения неверны, дистрибуционные особенности **и* (встречается в одном диалектном пучке одной из ветвей семьи) вряд ли оправдывают выведение этой морфемы на прауровень. Несомненно пранубийский статус следует приписывать только формам группы (а).

Здесь, однако, ситуация также проблематична: рассматриваемая основа является во всех языках либо моновокалической, либо (реже) дифтонгической, причем вокалические соответствия не укладываются ни в схему Беххаус-Герст, ни в любой другой из наблюдаемых рядов соответствий. Отсекая суффиксальные элементы, получаем следующие варианты: (а) *e* (нуб); (б) *i* (длн); (в) *ai* (даир); (г) *a* (кнз-днг, брг, мдб).

Несмотря на то, что самым частотным здесь является средний рядный вариант **а*, выведение его на прауровень автоматически означало бы отказ от общей этимологизации его с переднерядными вариантами. Судя по имеющимся данным, наибольшую объяснительную силу имела бы все же реконструкция дифтонгической основы **ау*. В этом случае за разнообразием рефлексов по языкам могут стоять два фактора: фонетический (упрощение дифтонгического сочетания) и «анти-омонимический» — дополнительные преобразования, в т. ч. по аналогии, позволяющие избежать фонетического совпадения с прануб. **e(y)* 'ты' (см. выше).

Конкретные изменения суммируются следующим образом:

— в нуб: монофтонгизация перед консонантным суффиксом (**ау-(i)r* → *e-r*, в отличие от обычного *ау* 'я');

— в длн: монофтонгизация **ау* → *i*, но в косвенной основе из-за раннего выпадения глайда он не успел повлиять на основную артикуляцию гласного: **ау-и-* → *ап-* (ср. *ап-е*, *ап-íni* 'твой');

— в кнз-днг, брг, мдб: монофтонгизация **ау-С-* (где *-С-* — консонантный суффикс, вне сочетания с которым корень в этих языках не зафиксирован) → **а-С-*, причем в каких-то случаях эта монофтонгизация могла иметь чисто фонетические причины, а в каких-то — смешанные фонетико-аналогические (например, в брг **ау-di* 'мы' → *a-di* вм. **e-di* по аналогии с *a-ta* 'я' и одновременно во избежание омонимии с *e-di* 'ты').

Резюмируя все вышесказанное по поводу личных местоимений, для пранубийского языка можно предложить симметричную парадигму, устроенную следующим образом:

	Ед. ч.	Мн. ч.
1-е л.	*ə-y	*a-y
2-е л.	*e-y	*u-y ¹

Отсюда видно, что *y — на самом деле суффиксальный элемент (местоименная «подставка»), а основные местоименные морфемы на пранубийском уровне были моновокалическими. Возможно, что и косвенные основы, которые были выше реконструированы как *əy-n-, *ay-n- и т. п. с последующими стяжениями, на самом деле изначально имели вид *ə-n-, *a-n- и т. п., т. е. *y был эксплицитным показателем прямой основы (или именительного падежа), а фонетически однообразные формы типа нуб ер-мы : ен- 'нас' (вм. ожидаемого *ан-) — результат тривиальных аналогических преобразований.

Категорически неприемлема реконструкция К. Рилли, восстанавливающего в составе корня этого местоимения веларный взрывной -g- — на наш взгляд, исключительно для того, чтобы основу было в дальнейшем удобнее сопоставлять с прочим восточносуданским материалом (нара *aggà*, афитти *ogo* и др.). Единственный вещественный аргумент в пользу такой реконструкции брг a-di и мдб à-dí, которые Рилли объясняет как результат аналогического обобщения аккузативной формы *adi-gi, якобы диссимилированной из *agi-gi [Rilly 2009: 488]. Натянутость этой трактовки очевидна — ни одного похожего случая, подтверждающего возможность такой диссимиляции, автор не приводит, а форма *agi-gi, если она действительно когда-либо существовала, с гораздо большей вероятностью и в брг, и в мдб упростилась бы примерно в *aggi, с редукцией срединного гласного. На наш взгляд, здесь налицо определенное злоупотребление данными внешнего сравнения.

¹ Реконструкция *u-y из всей этой группы наиболее проблематична, т. к. в подавляющем большинстве языков представлен просто рефлекс u; ср., однако, у Майнгофа горные формы — даир, гульфан *wi*, которые не могут восходить ни к чему другому, кроме как *iu.

49) «что»: нуб мн- ~ мен-, нбн *tìn*, кнз *tìn*, днг *tìn*-, длн *na*, кдр *na-pzar*, дбр *naŋ*, брг *na-ta*, мдб *nè*:- [W.], *ne*- [Th.]. || CR: (a) **tìn*, (б) **na*: ~ **ne*:-.

Вопрос реконструкции базисного неодушевленного вопросительного местоимения для пранубийского, по сути, сводится к вопросу о первичности «N-варианта», обнаруживаемого в горно-нубийском, брг и мдб, и «М-варианта» (точнее — **tìn*), представленного в нильских языках. Как бы удивительно это ни выглядело, но, по-видимому, общая этимологизация этих двух групп на текущий момент более вероятна, чем раздельная, исходя из следующих соображений:

а) обе группы находятся в строжайшем дополнительном распределении: в нильских языках как собственно 'что', так и целый ряд других вопросительных слов (напр., «чистая» основа **tí* 'почему?') образуются от М-варианта, в прочих же группах — наоборот, от N-варианта (привлекать сюда же нильское **na*у 'кто?' не следует, т. к. оно идеально сопоставляется с *d*-формами в горных языках, см. ниже). Этот факт сам по себе очень странный, т. к. обычно в столь близкородственных языковых группах морфемные различия в вопросительных местоимениях объясняются прямыми языковыми колебаниями в семантике нескольких употребительных вопросительных основ (напр., 'что' : 'какой' : 'который'), и вероятность полного исчезновения одной из них в одной группе и другой в остальных вряд ли может быть высокой.

б) Регулярная рефлексация прануб. **n*- в горных языках — **d*-, а в мдб — **t*- (см. выше 'пить'). Попытка объяснить сохранение носовой артикуляции в обеих этих группах фактором частотности употребления или влиянием суффиксального носового малоубедительна, т. к. аналогичные условия не помешали, например, регулярной деназализации прануб. **ŋ*ду 'кто' (см. ниже). Следовательно, в начальной позиции для общенубийской праформы, от которой ведут начало рефлексы в горно-нубийском, брг и мдб следует реконструировать не просто носовой дентальный **n*- (или **ŋ*-, или **ŋ*-), а, скорее всего, какое-то редкое сочетание согласных, «задержавшее» в этих языках назализацию.

Могло ли это необычное сочетание дать столь разные рефлексы, как **t*- в нильско-нубийском и **n*- в остальных подгруппах? По-видимому, только в том уникальном случае, если в нем *одно-*

временно были представлены оба эти согласных, т. е. оно имело вид **m-* или **mt-*, или же было фонетически интерпретируемо как, например, лабиализованный носовой **mw-*; чтобы четко обозначить отсутствие предпочтительного варианта, общую реконструкцию будем записывать в виде **nWV-*, где **W* — условное обозначение губного сонанта (глайда или носового)¹.

Забегая вперед, отметим, что «странность» данной реконструкции будет менее вызывающей, если предположить, что **nWV-* — не более чем результат ранней вокалической редукции двусложной основы **nVwV-* или **nVmV-*, просуществовавший в «нестабильном» виде очень недолгое время и упростившийся в разных направлениях сразу же после бинарного разделения пранубийского на нильские и «ненильские» языки. Такая гипотеза идеально согласуется с внешними данными по языкам группы тама (см. ниже), близкое родство которых с нубийскими сегодня считается большинством нило-сахаристов весьма вероятным: ср. тама *nùmúté* 'что?', мисири *nùmáté*, эренга *nimótti*, сунгор *núm* id. [Edgar 1991b: 130].

Альтернативная возможность — попытаться объяснить «М-формы» в нильско-нубийском, нетипичные для «нило-сахарских» языков, влиянием ад- или субстрата, например, афразийского (конкретнее — египетского, кушитского или даже эфиосемитского), где, наоборот, такие формы чрезвычайно распространены. Однако это не снимает проблемы начального *n-* в остальных языках, да и вообще заимствования из афразийских языков в пранильскую базисную лексику (в отличие от представленной нуб и нбн формами «прасеверно-нильской») сомнительны.

50) «кто»: нуб га(и)н-, нбн nà:u, кнз ni:, днг ni:, длн de, кдр de:n, дбр de:ne, мдб kà: [W., Th.]. || CR: *ḡa-a-i.

Несмотря на широкий диапазон консонантных соответствий в начальной позиции, случай в точности совпадает с набором, представленным в прануб. **ḡzi* 'рог' (см. выше): и здесь также отклонения от нормы налицо только в горно-нубийском, где вме-

¹ Однозначная реконструкция вокализма для данного случая невозможна; соответствие «горн. **a* : нильск. **i*» ни в коей мере не является регулярным, но и в той, и в другой подгруппе возможны были стяжения с различными суффиксальными гласными, вызвавшими переогласовку.

сто сохранения заднеязычного носового имеет место его раннее упреждение → **n*- и последующая регулярная деназализация.

Возможно, что, как и в 'роге', это обусловлено вокалическим контекстом: на пранубийском уровне уместно восстанавливать **ηə* или **ηə(y)* (ср. нбн *nāy*; **-y* — либо часть корня, либо такой же старый показатель прямой основы, как в личных местоимениях). Как бы то ни было, все формы фонетически совместимы, а пранубийская реконструкция может обойтись без постулирования сложных консонантных кластеров, как в случае вопросительного местоимения 'что'.

В заключение вернемся еще раз к вопросу о позиции нуб-нбн ветви внутри нубийской семьи. Статистический анализ проэтимологизированного 50-словного списка показывает следующие результаты:

- в 28 случаях в нбн безусловно сохраняется общенубийская основа, с бесспорными параллелями за пределами нильской ветви ('пепел', 'птица', 'черный', 'ноготь', 'умирать', 'пить', 'ухо', 'огонь', 'нога', 'рука', 'голова', 'сердце', 'рог', 'я', 'убивать', 'вошь', 'луна', 'рот', 'не', 'один', 'звезда', 'солнце', 'ты', 'язык', 'зуб', 'два', 'что', 'кто');

- в 4 случаях в нбн налицо небольшие фонетические отклонения, которые, впрочем, не создают принципиально непреодолимых препятствий для отождествления основы с общенубийским этимологом ('кость', 'есть', 'глаз', 'дождь');

- в 3 случаях в нбн налицо изоглосса только с кнз-днг, т. е. «общенильская» основа ('яйцо', 'лист', 'нос');

- в 5 случаях в нбн обнаруживается лексическая инновация, этимологизируемая на общенубийской основе ('кровь', 'слышать', 'дерево', 'ночь' — это слово может быть и архаизмом; 'мы' — если из числительного '2', а не нилотского субстрата);

- в 7 случаях в нбн обнаруживается особая основа, не имеющая ни прямых, ни косвенных (т. е. семантически отличных) параллелей в других нубийских языках, но потенциально этимологизируемая на суб- или адстратной основе ('собака', 'волосы', 'новый', 'камень', 'хвост', 'вода', 'дым' — в последнем случае есть параллель в днг, но слово все же носит ярко выраженный ареальный характер);

— в 3 случаях в нбн представлена особая основа, вероятных параллелей к которой пока что не обнаружено нигде ('сухой', 'мясо', 'имя').

Таким образом, видно, что в первую очередь «провал» между нбн и «ненильскими» языками появляется за счет 10 слов, *вообще не имеющих никакой этимологизации в нубийском*. Для того, чтобы надежно обосновать фиктивность нильско-нубийской группы и показать, что нуб-нбн — на самом деле наиболее рано отделившаяся ветвь, требовалось бы показать наличие явно завышенного количества очевидных «внутренних замен», т. е. пранубийских слов, вытеснивших в нбн исходные элементы 50-словника. Таких слов в нашей статистике, однако, всего 5 (на самом деле 4, т. к. 'мы' — совсем недавняя инновация; старый общенубийский вариант еще хорошо сохраняется в нуб), а это вполне согласуется с датой разделения нуб-нбн и кнз-днг примерно 2200 лет тому назад.

Естественной интерпретацией полученных результатов, учитывающей всю совокупность фактов, была бы следующая: примерно три тысячи лет тому назад одно из нубийских племен, ранее проживавшее в районе Кордофана (гипотеза М. Беххаус-Герст о «горной» прародине нубийцев вполне приемлема), мигрировало на север, постепенно заселяя среднее течение Нила. Та из ветвей этого племени, которая зашла дальше всего на север, подпала там под активное влияние сначала местного «племенного» субстрата, возможно, нилотского по происхождению, а затем уже египетско-коптского. Напротив, кенузи-донголави сумели сохранить более «чистый» вариант нильско-нубийского¹, по большей части свободный от иноязычных влияний вплоть до начала арабского периода в нубийской истории.

¹ Данное предположение плохо согласуется с якобы распространенной среди нильско-нубийских племен этногенетической концепцией, согласно которой нобин — «чистые» нубийцы, в то время как кенузи и донгола считают себя переселенцами с Аравийского полуострова [Bechhaus-Gerst 1996: 305]. Однако последнее представление в любом случае не имеет под собой реальной исторической основы, вне зависимости от того, как мы реконструируем историю нубийских миграций; что же касается концепции «истинно нубийского» характера нобин, то она, несомненно, связана в первую очередь с престижным статусом этого языка в средневековый период, а не с «чистотой» его базисного словарного фонда, которая как раз в историческом плане никак не подтверждается.

В пользу обратной концепции, выдвинутой Беххаус-Герст, — активная конвергенция, приведшая к полной перестройке кнз-днг «по модели нбн» — практически невозможно привести ни одного по-настоящему значимого аргумента, каковым могла бы явиться, например, демонстрация хотя бы нескольких прозрачных архаизмов, сохранившихся в нбн и противопоставляющих его всем остальным нубийским языкам. Однако анализ 50-словника, проведенный выше, показывает, что из всех его элементов таким архаизмом в *лучшем* случае может являться лишь одно слово 'ночь'; все остальные случаи, когда нбн занимает особую позицию, либо безоговорочно объясняются как инновации, либо же их инновативный статус более вероятен, чем архаичный (из-за отсутствия семантически измененных параллелей в близкородственных языках и, наоборот, присутствия потенциальных источников заимствований).

Таким образом, теорию позднейшей конвергенции между кнз-днг и нбн, по-видимому, следует отвергнуть, противопоставив ей теорию активного влияния «донубийского» субстрата на нбн, что и привело к ускоренной лексической дивергенции между этими языками. Это освобождает нас, в частности, от необходимости объяснять, каким образом многочисленные и весьма нетривиальные морфологические изоглоссы между кнз-днг и нбн, обычно характерные для генетически близкородственных языков, могли оказаться заимствованными из последнего в первый без непосредственной смены языка. На явную необычность такой ситуации вообще и специфическую уникальность ее для африканского региона в частности указывается в работе [Heine, Kuteva 2001: 397–401], где нильско-нубийская «конвергенция» приводится как единственный известный пример массивного заимствования грамматических показателей из одного африканского языка в другой. Однако в текущей ситуации нежелательным было бы придание ему хрестоматийного статуса примера-образца, на который, как на якобы доказанный факт, в дальнейшем ссылались бы специалисты-типологи и компаративисты.

Возвращаясь к вопросу о потенциальных нилотизмах в нбн, нельзя не упомянуть, что к похожему выводу, на который, к сожалению, в свое время мало кто обратил внимание, приходит и Р. Телвалл, отмечающий в своем лексикостатистическом исследо-

вании неожиданный «подскок» между нбн и западнонилотским языком динка (в основном за счет примерно тех же самых параллелей, которые обсуждались выше) и, по-видимому, корректно интерпретирующий его как свидетельство в пользу старых контактов между нбн и либо динка, либо каким-то другим нилотским языком [Thelwall 1978a: 273–274].

Наконец, в пользу субстратной гипотезы однозначно высказывается и К. Рильи, в своей монографии возвращающий нбн в «лоно» нильско-нубийской подгруппы и объясняющий его необычный лексический состав воздействием «донильско-нубийского субстрата» («substrat pré-nubien du Nil», сокр. SPNN). К сожалению, его историческая интерпретация этого субстрата вряд ли верна: справедливо отвергая «берберскую» гипотезу наравне с попытками привязать этот субстрат к каким-либо другим африканским языкам, он на основании горстки не всегда убедительных примеров постулирует его принадлежность к той же самой «северо-восточносуданской» семье, реконструкции которой посвящена его монография [Rilly 2009: 285–288], игнорируя возможные нилотские связи (разумеется, нельзя исключить и воздействие со стороны сразу нескольких субстратов, но в исторической перспективе это все-таки маловероятно).

3.2. Сурмийская группа.

3.2.1. *Общие сведения и источники.* На сурмийских (сурма) языках сегодня говорят около 250,000 носителей, компактно проживающих в пограничных районах юго-восточного Судана и юго-западной Эфиопии. Всего известных сурмийских языков сегодня насчитывается около десятка (от 10 до 13 в зависимости от конкретной позиции исследователя по языковому или диалектному статусу того или иного наречия).

Серьезное и систематическое изучение грамматики и лексики сурмийских языков началось совсем недавно. По состоянию на сегодняшний день, по-видимому, не осталось уже ни одного сурмийского языка, который был бы совершенно не охвачен полевыми исследованиями, но общий объем публикаций по этой группе до сих пор невелик; в частности, ни для одного сурмийского языка до сих пор не опубликовано подробного и лингвистического описания.

тически надежного, т. е. выполненного на современном уровне словаря, что, разумеется, серьезно осложняет этимологическую работу с материалом, который часто приходится добывать из вторичных или устаревших источников.

Известные нам сурмийские языки имеет смысл перечислить в соответствии с классификационной схемой, более или менее устоявшейся в современной африканистике (см., например, [Dimmendaal 1998: 13]) и в целом, как будет видно из дальнейших разделов, подтверждаемой лексикостатистическими данными. Классификация имеет следующую структуру:

I. Южносурмийские языки.

I.1. Юго-западносурмийская ветвь¹ (все языки локализованы в юго-восточных областях Судана).

1) *Нарим*, или *лонгарим* [нрм]: ≈ 3,500 носителей. По этому языку доступны краткие грамматические сведения и небольшой лексический список, собранный А. Такером [Tucker 1951; Tucker, Bryan 1966: 370–391].

2) *Дидинга* [ддн]: ≈ 60,000 носителей. Наиболее подробным описанием здесь до сих пор остается работа [Driberg 1931], включающая также образцы фраз и довольно подробный вокабуляр; к сожалению, транскрипция автора чрезвычайно ненадежна (отсутствует систематическая маркировка тонов, регулярно путаются ларингальные признаки согласных и т. п.), что, в частности, следует из сравнения с более современным описанием [Odden 1983]; в последнем, однако, приводятся лишь отдельные сопроводительные примеры.

3) *Теннет* [тнт]: ≈ 4,000 носителей. Информация по тнт очень скудная; единственным серьезным специалистом по этому языку пока остается С. Рэндал, которому принадлежит подробное диссертационное исследование по именной морфологии тнт [Randal 1995] и краткий общий грамматический очерк этого языка [Randal 1998]; лексические данные могут быть извлечены только из грамматических примеров в этих работах.

¹ Юго-западно- и юго-восточносурмийскую ветви можно для краткости называть и просто западно- и восточносурмийской (з.-сурм. и в.-сурм. соответственно), т. к. противопоставленная им северносурмийская ветвь состоит из одного языка и собственного членения не имеет.

4) *Мурле* [мрл] (старое название — *беир*): ≈ 60,000 говорящих. Носители в основном удалены от ареала распространения нарим, дидинга и теннет (ближе к границе с Эфиопией) и тем самым в меньшей степени подвержены влиянию нилотских языков. Данных по мрл, по сравнению с тремя предыдущими языками, намного больше: это, во-первых, грамматическое описание и словарь Р. Литта, составленные в 1940-х гг., но опубликованные целиком лишь значительно позже как [Lyth 1971] (к сожалению, качество записи материала очень сомнительно); во-вторых, краткие грамматические заметки и небольшой вокабуляр А. Такера [Tucker 1951]; наконец, в более позднее время изучением мрл систематически занимался Дж. Аренсен, опубликовавший полную грамматику этого языка [Arensen 1982] и ряд статей.

Отдельное наречие «омо-мурле», обнаруженное в 1970-е гг. в Эфиопии и очень кратко описанное в работе [Nieda 1991b], по всей видимости, представляет собой отдельный язык, хотя и очень близкий ко всем трем перечисленным выше, а не просто диалект мрл; к сожалению, доступные данные ограничены несколькими десятками лексических единиц в указанной статье. К настоящему времени почти все носители омо-мурле перешли на доминирующий в своем ареале восточнонилотский язык ньянгатом, так что язык является почти вымершим.

5) *Баале* [баа] (известен также под названием *зилмamu*), единственный из юго-западносурсимийских языков, широко представленный не только в Судане (≈ 10,000 носителей; суданский диалект известен также под названием *качито* или *качено*), но и в Эфиопии (≈ 4,000 носителей). В этнокультурном отношении племена баале обычно объединяются с народностями тирма и чай, говорящими на юго-восточносурсимийских языках, но язык их, тем не менее, неизменно классифицируется как юго-западносурсимийский (хотя и насыщенный, до некоторой степени, недавними заимствованиями из юго-восточных). Существенные лексические и грамматические данные по баа появились лишь недавно, в результате полевых исследований М. Игезу и Г. Диммендаля [Yigezu, Dimmendaal 1998].

1.2. Юго-восточносурсимийская ветвь (все языки компактно сгруппированы в юго-западных областях Эфиопии).

6) *Сури*, или *тирма-чай* [чай]: $\approx 20,000$ носителей, распределенных по двум основным диалектам. Изучение этого языка, как и ряда других сурмийских наречий (теннет, баале), началось совсем недавно. По диалекту тирма данные практически отсутствуют, за исключением стословного списка, собранного Л. Бендером [Bender 1971: 265] и единичных статей по тем или иным аспектам грамматики, таких как [Woldemariam 2000]. По диалекту чай, однако, существует описательная работа [Last, Lucassen 1998], сопровождаемая словником, а также небольшой словарь [Abbink 1993] (объем лексического материала в словаре Аббинка значительно превышает объем данных у Ласта и Лукассен, но качество его записи явно уступает транскрипции последних).

Учитывая, что среди лингвистов, имевших возможность сопоставить данные по обоим наречиям, есть прочный консенсус относительно того, что это действительно очень близкие диалекты (см., например, [Girard 2002]), мы будем при анализе списков ограничиваться цитированием материалов по диалекту чай.

7) *Мурси* [мрс]: $\approx 3,200$ носителей, проживающих в правобережной части р. Омо. Первым серьезным источником (в основном грамматических) данных по этому языку можно считать работу [Turton, Bender 1976]. Значимые лексические данные по мурси впервые были опубликованы в рамках работы Летнего института лингвистики (320-словный список в опросе [Siebert, Caudwell 2002]), но важность этого источника снизилась с недавним выходом в свет мурси-амхарско-английского словаря [Turton et al. 2008] — на сегодняшний день одного из не более чем двух полноценных лексикографических описаний по сурмийским языкам (второй — словарь коэгу, см. ниже). Впрочем, для наших задач в целом достаточными оказываются и данные Зиберта и Кодвелла, в отдельных отношениях превосходящие уровень словаря Тертона (в котором, например, совершенно отсутствует информация по просодии мурси). Данные по словарю Тертона будут привлекаться ниже в основном в этимологических целях.

В сравнительных работах по сурмийским языкам мурси иногда классифицируется не как отдельный язык, а как третий компонент в диалектном пучке «тирма/чай/мурси», т. е. считается диалектом сури. Тем не менее, и в плане грамматики, и в лексическом отношении тирма и чай стоят ближе друг к другу, чем

мурси; в практических целях выгодно, вслед за М. Игезу, все же считать мурси самостоятельной таксономической единицей.

8) *Ме'ен*, или *мекан* [мкн]: этот сурмийский язык по числу носителей ($\approx 80,000$) оказывается крупнейшим в сурмийской группе, что объясняет более раннее попадание его по сравнению с остальными сурмийскими языками в сферу интересов лингвистов, ср. хотя бы раннюю описательную работу К. Конти-Россини [Conti Rossini 1914]. Намного более достоверным представляется описание Л. Риччи [Ricci 1972], сопровождаемое подробными словарными материалами; впрочем, составлено оно исключительно по записям Ф. Судано, сделанным в 1939–41 гг., и поэтому тоже не может считаться образцовым.

Начиная с 1980-х гг., вопросами описания ме'ен вплотную занимается Г.-Г. Вилл, опубликовавший краткие очерки по грамматике [Will 1989], фонологии [Will 1993] и диалектологии [Will 1991] этого языка; информация, извлекаемая из этих работ, сама по себе недостаточна для серьезных этимологических и лексико-статистических исследований по ме'ен, но играет важную корректирующую роль при анализе данных Риччи.

Большая часть перечисленных работ посвящена крупнейшему из диалектов ме'ен — тишена; однако диалектное сравнение в [Will 1991] показывает, что по целому ряду параметров более архаичным является более мелкий диалект боди. В этой связи очень удачно, что в сравнительном описании М. Игезу (см. ниже) основной лексический материал взят как раз из диалекта боди; сопоставление приводимой им лексики с данными по тишена, взятыми из работы Риччи [Rc.] и интерпретированными в соответствии с описанием Г.-Г. Вилла, позволяет составить цельное представление об историческом развитии ме'ен.

9) *Квегу*, или *коэгу* [квг]. Вымирающий язык (на сегодня осталось не более 500 активных носителей), подверженный сильному влиянию со стороны близлежащего омотского языка кара (большое количество заимствований); сами носители постепенно переходят на соседние языки (кара, мурси, ме'ен).

Грамматическим и лексическим описанием квегу активно занимался О. Хиэда, выпустивший краткое описание [Hieda 1998] и большой тематический словарь [Hieda 1991a]; обе работы были серьезно раскритикованы М. Игезу за неадекватность фонетиче-

ского описания и смешение лексического материала квегу с лексикой кара [Yigezu 2002: 114], но вряд ли это должно служить поводом для их полного игнорирования. Большое значение имеет также 100-словный список по квегу, собранный Л. Бендером [Bender 1971: 266]; судя по серьезным различиям между ним и лексическими материалами Хиэда и Игезу, Бендер работал с несколько более архаичным диалектом этого языка, в меньшей степени подверженным «деструктивному» влиянию омотского и нилотского окружения.

В литературе по сурмийским языкам нередко обнаруживается представление о квегу как о пучке диалектов или даже небольшой подгруппе из трех языков (коэгу, йидинит, мутуджи), между носителями которых может отсутствовать взаимопонимание. К сожалению, сопоставительные данные по всем трем диалектам, упоминаемые в работе [Fleming 1983a], до сих пор остаются неопубликованными, за исключением небольшой группы слов по йидинит в статье [Haberland 1966]; впрочем, тщательный учет этих данных для целей нашего исследования — выработки прасурмийского 50-словного списка — скорее всего, не критичен¹.

II. Северносурмийская ветвь представлена всего одним языком:

10) *Маджанг* (старое название — *масонго*) [мдж]: ≈ 15,000 говорящих в юго-западных районах Эфиопии, действительно проживающих к северу от носителей остальных эфиопийских сурмийских языков. Значительные отличия как в плане грамматики, так и лексики от этих языков неизменно приводили к выделению маджанг в отдельную первичную ветвь сурмийской семьи, что подтверждается и лексикостатистикой (см. ниже). При этом данные по маджанг остаются скудными и плохо описанными.

Первое известное описание, сопровождаемое небольшим вокабулярием, принадлежит Э. Черулли [Cerulli 1948]; качество

¹ Судя по сопоставительному анализу между коэгу и йидинит, проведенному в [Hieda 1990], существенных лексических расхождений между этими двумя диалектами нет (единственный пример расхождения в 100-словном списке — слово 'собака', которое в обоих диалектах к тому же является заимствованием). С другой стороны, Л. Бендер [Bender 1977] постулирует между коэгу и мутуджи 66% совпадений в пределах 100-словника, что, безусловно, говорит о них как о двух разных языках. Насколько эта цифра действительно верна, остается неизвестным.

записи в нем невысокое, но более подробного словаря никто до сих пор не опубликовал, так что использовать этот источник необходимо. В более новое время исследованием маджанг занимались Л. Бендер [Bender 1983a] и П. Унсет (множество статей, напр., [Unseth 1991]), но как тот, так и другой ограничиваются краткими общими замечками по фонетике и грамматике или сосредотачиваются на отдельных грамматических аспектах.

Важнейшим источником данных по всем перечисленным выше сурмийским языкам является диссертационное исследование [Yigezu 2002], в котором представлены собранные автором в ходе собственных полевых исследований 312-словные списки. Столь системный (и к тому же высокопрофессиональный) обхват материала автоматически превращает эту работу в отправную точку этимологического и лексикостатистического анализа; прочие источники, перечисленные выше, будут выполнять по отношению к ней вспомогательно-корректирующую функцию.

Наконец, в отдельных ситуациях значительную ценность могут также иметь 100-словные списки по сурмийским языкам Эфиопии, собранные Л. Бендером [Bender 1971] — особенно там, где с их помощью можно разрешить спорные ситуации между разными основными источниками по одному и тому же языку.

Генетическое единство всех перечисленных выше языков сегодня является общепризнанным; в частности, родственные связи между отдельными членами сурмийской семьи отмечались уже в работах Э. Черулли [Cerulli 1942] и М. Брайан [Bryan 1945]. Эксплицитно все известные на соответствующий момент сурмийские языки были классифицированы как единая семья в работах Дж. Гринберга [Greenberg 1955, 1963], предложившего для нее название «беир-дидинга», и А. Такера и М. Брайан [Tucker, Bryan 1956], назвавших ее «дидинга-мурле». Термин «сурма» или «сурмийские» («сурма» или «сури» — этноним, объединяющий народности, говорящие на диалектах языков сури и баале) был введен в широкий обиход Л. Бендером в работе [Bender 1971] и с тех пор прочно закрепился в африканистике.

На интуитивном уровне близкое родство между двумя основными подгруппами южносурмийской семьи более или менее очевидно и хорошо подтверждается лексикостатистикой (см. ниже). Сложнее обстоит дело с мдж, где сходства ограничиваются

отдельными лексическими и грамматическими изоглоссами. В рамках принятой в нашем исследовании стратегии этот язык, возможно, следовало бы поместить в особый раздел, т. к. средний процент совпадения его базисной лексики с прочими сурмийскими языками составляет примерно 25%. Тем не менее, учитывая его изолированный статус, мы все же будем помещать данные по мдж в тот же раздел, что и данные по южносурмийским языкам, в первую очередь для того, чтобы можно было напрямую и наглядно оценить степень этимологического тождества лексики мдж с южносурмийскими параллелями. Помимо этого, в отдельных случаях наличие или отсутствие параллели в мдж является решающим аргументом в пользу большей или меньшей архаичности соответственно ю.-з.- или ю.-в.-сурмийской основы для того или иного стословного значения.

3.2.2. *Историческая характеристика.* Учитывая слабую изученность подавляющего большинства сурмийских языков, неудивительно, что работы по сравнительному изучению всей семьи исчисляются буквально единицами, а представления об историческом развитии этих языков от прасурмийского к современным диалектам находятся в зачаточном состоянии. Вплоть до совсем недавнего времени сравнительная сурмистика представлялась застывшей на уровне исследований Дж. Гринберга, классифицировавшего сурмийские языки на основании методологии «массового сравнения», и Л. Бендера, обосновывавшего существование и внутреннее устройство сурмийской семьи на основании «предварительной лексикостатистики», лишенной по-настоящему компаративистской основы [Bender 1971; 1977].

Первый серьезный шаг к выделению сравнительной сурмистики как отдельной мини-дисциплины был сделан Г. Флемингом в основополагающей работе [Fleming 1983a]. Суммировав все известные на тот момент материалы по сурмийским языкам, включая неопубликованные полевые исследования, автор выявил 56 этимологий, подчеркивающих как генетическое единство сурмийской группы, так и ее индивидуальность на фоне прочих единиц «нило-сахарской» макросемьи. При этом, однако, этимологизация проводилась исключительно на основе фонетического и семантического сходства, без каких-либо попыток установить

регулярные соответствия (отдельные прасурмийские формы также явно реконструировались автором «на глазок»).

Значительным и на сегодняшний день последним прорывом в области исторической сурмистики явилось уже упомянутое выше диссертационное исследование М. Игезу [Yigezu 2002]. Во многом суммировав достижения предыдущих специалистов и связав их с результатами собственных полевых исследований, он впервые последовательно применил к сурмийским данным сравнительно-исторический метод; в общих чертах установил системы регулярных соответствий между языками юго-восточной и юго-западной групп; и предложил собственные фонетические и лексические реконструкции для пра-ю.-в.-сурмийского и пра-ю.-з.-сурмийского языков.

Исследование Игезу носит пионерский характер, и учет его результатов обязателен для любой дальнейшей работы в этом направлении; в нашем этимологическом анализе сурмийского 50-словника материал по конкретным языкам неизменно обсуждается в совокупности с реконструкциями Игезу (там, где они присутствуют). Однако при этом Игезу не продвигается глубже реконструкций на уровне подгрупп; за исключением отдельных внешне-этимологических замечаний, в работе нет ни цельного опыта реконструкции обще-ю.-сурмийского, ни, тем более, систематического сравнения ю.-сурмийских данных с северносурмийскими (мдж), хотя фонологическое описание и словарный список по мдж в работу все же входят, т. е. вопрос о реальности генетического родства между основными ветвями сурмийских языков автор считает решенным.

Для ю.-з.-сурмийских языков Игезу восстанавливает следующий фонологический инвентарь.

а) Консонантизм:

*p	*t̪, *t	*ɕ	*k
*b	*d	*ʒ	*g
*ɓ	*ɗ		*ɠ
*v	*ð		
*m	*n	*ɲ	*ŋ
*w	*l, *r	*y	

К этой таблице уместно добавить следующие соображения:

1) реальное фонологическое противопоставление дентального t альвеолярному t наблюдается только в баа, однако никаких исторических следов дополнительного распределения не обнаружено, что позволяет Игезу законным образом спроецировать эту оппозицию на пра-ю.-з.-сурмийский, а в дальнейшем и на прасурмийский уровень. Насколько такая реконструкция оправдана, в дальнейшем может показать только внешнее сравнение;

2) реконструкция глухого смычного $*p$ как отдельной фонемы находится под серьезным вопросом; по сути, она базируется на данных одного корня ($*rak$ - 'раскалывать'), относящегося к экспрессивному слою лексики и в силу этого недиагностичному. Параллельно обращает на себя внимание наличие уникальной для данного региона оппозиции между губно-зубным спирантом $*v$ и губно-губным глайдом $*w$, причем обе эти фонемы имеют довольно широкую дистрибуцию. По-видимому, в фонологическом плане именно $*v$ в ю.-з.-сурм. языках занимает ту же позицию, что $*f$ или $*p$ в языках других семей, в то время как ю.-з.-сурм. $*p$ — в лучшем случае «экспрессивный» вариант $*v$;

3) любопытно полное отсутствие в системе сибилантов (таких, как s или \dot{s}); внешние данные показывают, что на месте этих типологически частотных сегментов в ю.-з.-сурм. оказался межзубный звонкий спирант $*\dot{d}$;

4) в срединной позиции для большинства взрывных согласных Игезу восстанавливает геминированную артикуляцию ($*-pp-$, $*-tt-$, $*-ʦʦ-$ и т. д.), которая не носит фонологический характер. Для спирантов и сонорных, однако, он все же реконструирует соответствующую оппозицию ($*-m-$: $*-mm-$, $*-v-$: $*-vv-$ и т. д.). Пока не вполне ясно, насколько хорошо это обосновано. С одной стороны, на синхронном уровне во многих ю.-з.-сурм. языках такая оппозиция, безусловно, есть (ср. нрм *táná* 'корова', но *ḡṇḡl* 'слон'; мрд *zəl̀* 'моча', но *béllé̀t* 'колючка' и т. п.). С другой стороны, соответствия по языкам на материале примеров в [Yigezu 2002: 206–208] выглядят чересчур хаотично, не укладываются в относительно простой набор правил и, более того, иногда зависят от личных транскрипционных предпочтений автора (нередки случаи, когда одно и то же слово в одном источнике приводится с геминатой, в другом — без нее).

Поверхностный анализ примеров показывает также, что по крайней мере в некоторых случаях простые и удвоенные согласные могут находиться в дополнительном распределении в зависимости либо от слоговой структуры слова, либо от его морфемного членения, либо даже от тональной характеристики. Все эти соображения говорят о том, что на данный момент не следует придавать значения данному противопоставлению; скорее всего, даже если оно и было фонологичным на пра-ю.-з.-сурм. уровне, корни его возникновения следует искать на уровне общесурмийского, а не за его пределами, т. е. это уже внутренняя задача сурмистики.

б) Вокализм:

*i	*ɪ	*ʊ	*u
*e	*ɛ	*ɔ	*o
	*a	*ʌ	

Реконструкция 10-членной вокалической системы для ю.-з.-сурм. в целом заслуживает доверия, хотя следует учитывать, что в большинстве источников (в том числе, по некоторым подозрениям, и у самого Игезу) вокализм транскрибируется непоследовательно. В этой связи особенно сомнительным выглядит противопоставление *a : *ʌ, поскольку в отдельную фонему +ATR гласный ʌ выделяется в нрм, ддн и тнт только у самого Игезу и в очерке тнт в [Randal 1998]. Более тщательное обоснование этой оппозиции заслуживает отдельного исследования.

Отличия ю.-в.-сурмийской системы, реконструируемой Игезу, от ю.-з. сводятся к следующим:

а) отсутствует губно-зубной спирант *v; на его месте обнаруживается ларингальный *h, что позволяет восстановить в качестве общего инварианта пра-ю.-сурм. *p или *f;

б) восстанавливается отдельная серия глоттализированных согласных (*tʰ, *ɸʰ, *kʰ), сохраняющихся в мкн и квг, но обычно совпадающих с простыми глухими в диалектном пучке суримурси. Примеры, подтверждающие такую реконструкцию, крайне немногочисленны (см. ниже 'волосы', 'рог'), но убедительно доказать их вторичность пока не удается;

в) место межзубного звонкого *ð в ю.-в.-системе занимают сибиланты — глухой *s и звонкий *z (последний восстанавливается у Игезу не более чем в двух-трех основах и, возможно, все же представляет собой какой-то позиционный вариант). Сам Игезу, отмечая факт соответствия «ю.-в. *ð : ю.-з. *s», отстраняется от его интерпретации, возможно потому, что за ним на самом деле скрывается не одна, а несколько фонем (см. ниже);

г) под вопросом оказывается реконструкция спиранта *š; несмотря на то, что фонема š входит в инвентари всех без исключения ю.-з.-сурм. языков, в некоторых случаях удается показать ее вторичное развитие из *ɕ или *s, а этимологий, в которых *š последовательно сохранялось бы во всех или в большинстве языков, очень мало;

д) в интервокальной позиции Игезу реконструирует фонологическое противопоставление простых и геминированных согласных не только для подсистем спирантов и сонорных, но и для взрывных (т. е. *p- : *pp- и т. д.). При этом сомнения в оправданности такой реконструкции остаются примерно те же, что и для пра-ю.-в.-сурм. системы.

Для вокализма Игезу восстанавливает слегка упрощенную по сравнению с ю.-з. языками систему из 7 гласных, в которой для i / i̇, v / u и л / а соответственно оказывается нейтрализованной оппозиция по +/-ATR (по мнению автора — под возможным влиянием омотязычного окружения, т. к. для омотских языков типична именно семичленная система).

Таким образом, пра-ю.-сурмийская фонологическая система почти полностью совпадает с пра-ю.-западной системой, к которой можно добавить еще спиранты *s, *š, (?) *z (по-видимому, заменив ими ю.-з. межзубный спирант *ð), а также (под очень сильным вопросом) глоттализированный ряд *tʰ, *ɕʰ, *kʰ.

Правила перехода от пра-ю.-з. и пра-ю.-в. систем к языкам-потомкам в целом сформулированы и подробно проиллюстрированы в диссертации Игезу; по большей части они тривиальны и типологически естественны, хотя автор отмечает и многочисленные отдельные нерегулярности — отчасти объясняемые в том числе и неточностью транскрипции. При анализе этимологического материала нам не удалось найти ни для западной, ни для восточной групп каких-либо новых рядов соответствий.

Отдельной проблемой является статус «*k-mobile*», неоднократно отмечаемого в языках ю.-з. группы. Этот вопрос подробно разбирается в [Yigezu 2002: 189–191], но предлагаемое им историческое решение кажется нам не вполне убедительным. Вслед за Дж. Гринбергом Игезу видит в элементе *k-*, спорадически появляющемся или исчезающем в отдельных ю.-з.-сурм. этимонах, пережиток старого «нило-сахарского» «локативного маркера»; чаще всего при этом он сохраняется в нрм (см. ниже 'собака', 'ухо', 'мясо', 'рот'), но в отдельных случаях обнаруживается также в мрд и (совсем редко) в баа.

Если бы это было так, то префиксальный элемент **k-*, как продуктивное формообразовательное средство, требовалось бы восстанавливать и для прасурмийского; между тем, ни в языках ю.-в. группы, ни в мдж никаких следов «*k-mobile*» не обнаружено. Более того, налицо стопроцентная корреляция между ю.-в. языками и ю.-з. языком баа, всегда имеющими нулевой анлаут или, наоборот, *k-* в одних и тех же корнях. С другой стороны, вряд ли случаен тот факт, что все сурмийские языки, прибавляющие или отбрасывающие *k-* по непредсказуемым причинам (нрм, ддн, тнт, мрд), находятся под сильным влиянием восточнонилотских языков, где префиксация элемента *kV-* — продуктивное словообразовательное средство.

По всей видимости, «*k-mobile*» образовалось в ю.-з.-сурмийских языках вторично, через реинтерпретацию, под nilотским влиянием, начального корневого *k-* в ряде слов как префикса. Это переразложение не было всеобъемлющим, т. к. в некоторых основах старый *k-* сохраняется во всех языках (ср. ниже 'хвост', 'дерево'), и масштабность его зависит уже от конкретного языка; наиболее последовательно корневой *k-* отбрасывается в тнт — ср. такие слова, как 'птица', 'глаз' и др., где ситуация с нулевым анлаутом в тнт противопоставлена всем остальным языкам и очевидно вторична. С другой стороны, отмечены и явные случаи вторичного появления *k-* в словах, где нулевой анлаут исконен: здесь языком, в наибольшей степени подверженным такому варианту «гиперкоррекции», оказывается нрм (ср. ниже 'собака', 'ухо', 'мясо', 'рот').

В целом дистрибутивный и статистический анализ материала обычно позволяет надежно отделять слова, в которых префикс *k-*

вторичен, от слов, в которых он неотделим от корня; однако это лишний раз подчеркивает, что внешнее сравнение должно базироваться на совокупном анализе сурмийского материала и ни в коем случае не на изолированных формах отдельных языков.

Делать сколь-либо далеко идущие выводы о фонологической системе прасурмийского на основании сопоставления данных южной группы со скудными лексическими сведениями по мдж пока преждевременно. Отдельные гипотезы, аргументируемые на основании, как правило, не более чем одного-двух примеров, можно обнаружить в работе [Cerulli 1948: 133–137], но качество «этимологий» Черулли обычно оставляет желать лучшего, не говоря уже о том, что ему не удалось установить эксклюзивно сурмийский статус мдж, и лексика этого языка сравнивается им напрямую как с сурмийскими языками типа ддн, так и, например, с хорошо известными ему нилотскими языками, причем в качестве иллюстраций к «звуковым переходам» смешиваются как исконно родственные слова, так и заимствования и случайные частичные изоморфизмы.

Учитывая, что надежных этимологических параллелей между мдж и ю.-сурм. языками в пределах стословника насчитывается примерно 30% (см. ниже), мы также не рискуем на столь скудном материале предлагать собственную реконструкцию общесурмийского. Отметим лишь, что, несмотря на типологическую близость мдж фонологии к ю.-сурмийской (особенно к западной группе, общей с которой в мдж является десятичленная система вокализма), отдельные ее элементы все же сильно отличают мдж от обще-ю.-сурм. — такие как сохранение архаичного имплозивного согласного $*d_2$ (см. ниже 'голова') или, наоборот, вторичные мутации старых спирантов (см. 'рука'). В целях большей наглядности все связанные с этим аргументы мы выносим в анализ конкретных этимологий 50-словного списка.

3.2.3. *Лексикостатистика.* Диссертация Игезу с ее богатым сравнительным материалом позволяет составить почти полные 100-словные списки для всех перечисленных выше основных сурмийских языков, хотя и не покрывает основные диалектные различия (в частности, пока нет возможности оценить лексикостатистические расхождения между диалектами сури — чай и тирма, диалектами ме'ен — тишена и боди, диалектами квегу и т. д.).

Полученные проценты схождения иногда существенно отличаются от результатов лексикостатистической оценки как Л. Бендера [Bender 1977], так и Г. Флеминга [Fleming 1983a] — в первую очередь из-за особого статуса явно заимствованной лексики и более детального этимологического анализа материала. Тем не менее, итоговая классификация группы полностью совпадает с предложенной К. Эретом [Ehret 1982] и в целом поддержанной как Г. Флемингом, так и П. Унсетом [Unseth 1988] (последний оперирует исключительно методом поиска общих инноваций).

Поскольку соответствующая классификация уже была представлена выше, в разделе 2.7.1, мы не будем воспроизводить ее заново. Обратим внимание лишь на одну существенную аномалию, а именно — чрезвычайно заниженный процент совпадений между квг и языками юго-западной группы. Так, уже между квг и нрм обнаружено всего 24 процента общей базисной лексики — меньше, чем между нрм и мдж, притом что квг и нрм все-таки объединяются внутри южносурмийской группы, будучи противопоставлены северносурмийскому мдж.

На наш взгляд, самое естественное объяснение аномалии — наличие в базисной лексике квг большого количества «скрытых» заимствований из пока что не идентифицированных однозначно источников; трактовка их как относящихся к «исконному» слою и вызывает занижение результатов, причем заниженность эта затрагивает как юго-западные языки (где вместо средней цифры в 25–27 процентов хотелось бы видеть примерно 40), так и юго-восточные (где, возможно, за средним процентом 46 на самом деле скрывается до 60 процентов совпадений среди исконной лексики).

Обращает на себя внимание тот факт, что из всех сурмийских языков квг действительно самый неустойчивый в лексическом отношении: даже явно неоспоримых заимствований (в основном из соседнего омотского языка кара) в его стословном списке обнаруживается не менее десятка, при том, что даже в таких языках, как нрм и ддн, на которые оказывают серьезное влияние близлежащие восточнонилотские языки, явные заимствования в стословник исчисляются считаными единицами. Ввиду этой особенности к статистическим показателям по квг следует относиться предельно осторожно. Вполне возможно, что ситуация прояснится в ходе публикации новых данных по диалектам квг, в том

числе и тем, которые подверглись меньшему воздействию со стороны несурмийских языков (в этом плане вновь обращают на себя внимание удивительные 66% совпадений между квг и мугуджи в [Bender 1977]: вполне вероятно, что мугуджи — это особая разновидность «архаичного квг», не успевшая еще подвергнуться разрушительному влиянию суперстрата).

О возможности выявления в базисной лексике квг следов неопознанного субстрата мы уже писали в первом томе нашего исследования (раздел 1.6.3.5); матрица, перестроенная по итогам соответствующего допущения (т. е. с исключением из подсчетов всей «этимологически сомнительной» лексики квг), перестает быть аномальной и представляет квг как обычную, равноправную подветвь юго-восточной группы. Тем не менее, мы не будем спешить с принятием этой схемы в качестве рабочей, по крайней мере, до тех пор, пока не удастся более точно идентифицировать загадочный субстрат, который в свое время должен был повлиять на лексический состав квг.

В отличие от квг, низкие проценты схождения с мдж не вызывают удивления: эта тенденция выдерживается между мдж и всеми без исключения сурмийскими языками и подтверждает (параллельно с данными сопоставительного грамматического и фонетического анализа) серьезно обособленный характер мдж внутри сурмийской семьи.

Можно, впрочем, заметить, что процент совпадений между мдж и юго-восточносурмийскими языками все же несколько занижен по сравнению с юго-западносурмийскими. На наш взгляд, это также может говорить о наличии «скрытых заимствований», на сей раз уже в праюго-восточносурмийском; ниже, в ходе анализа конкретных этимологий, будет показано, что число ю.-в.-сурмийских корней, вообще не имеющих общесурмийских этимологий, значительно превышает число ю.-з.-сурмийских корней такого рода.

50-словный список для сурмийских языков.

1) «пепел»: (а) нрм *tíðèt* [Yi.], *kā=tíðèt* [Tu.], ддн *ka=tíðèt* [Yi.], *ka=tíðèt* [Dr.]; (б) тнт *bùr* [Yi., Rn.], мрд *bùr* [Yi.], *bùr* [Tu.], баа *búr*, чай *bùr* [Yi.], *bùr* [LL], мрс *bùr* [Yi.], *búr*: [Si.], мкн *bàlàbàlyó* [Yi.],

bodebolè [Rc.], квг *bólù* [Yi.], *búòr* [Hi.]; (в) мдж *tàdāpù* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **bur*, в.-сурм. **bur*.

Оптимальную дистрибуцию имеет группа форм (б), в целом сводимая к прасурм. инварианту **bur*. Форма с импловивным *b-* в чай у Игезу скорее всего ошибочна — ср. вариант с обычным *b-* в записи [LL]. В квг наиболее очевидным рефлексом **bur* является форма *búòr* у Хиэда; вариант с *-l-* в записи Игезу несколько сомнителен, т. к. развитие **-r- → -l-* в этом языке нерегулярно. Аналогичные сомнения вызывает и мкн *bàlābàlyó* (более старая запись у Риччи показывает, что речь идет не о редупликации, а скорее о словосложении с этимологически неясным компонентом **bode-*), где появление плавного *l* также неожиданно. Скорее всего, эти формы испытали какое-то ареальное влияние, но, поскольку непосредственный возможный источник заимствования отсутствует, мы все же будем рассматривать их как этимологически тождественные стандартным рефлексам **bur*.

Следует, впрочем, отметить, что слово 'пепел' в ареале мкн-квг отличается явной неустойчивостью. В частности, для мкн диалекта боди Игезу отмечает форму *dùká*, а в 100-словном списке Бендера по квг обнаруживается вариант *gólù*, причем ни тот, ни другой не имеют надежной внутрисурмийской этимологии.

В нрм-ддн имела место локальная инновация, образованная от корня **tið-* или **tiðe-* (*-t* — морфема ед. ч., ср. в ддн мн. ч. *katiðe-ja* [Dr.]; отн. префикса *k(a)=* см. корень 'птица'). М. Игезу подозревает здесь заимствование из восточнонилотского источника, но, судя по имеющимся данным, такого рода форм в вост.-нилотских языках не зафиксировано; подавляющее большинство языков этой семьи отражает правост.-нил. **=k₁uruo-* [Vossen 1982: 328]. Замена, таким образом, скорее внутренняя; возможно, что корень **tið-* как-то связан с глагольным корнем **tuð-* 'гореть' (нрм *tù:ð-ù* [Yi.], ддн *tú:ðð-ə* [Yi.], *toð* [Dr.], тнт *tùð* [Yi.]), хотя этому противоречит разница в вокализме (старое «аблаутное» чередование?).

Мдж *tàdāpù* (*tədefu* в записи Л. Бендера) вряд ли связано с нрм-ддн **tið-*; против этого свидетельствуют как дистрибуция, так и фонологическая структура этих форм (мдж *-d-* обычно соответствует нулевому рефлексу в южносурмийских языках, см. ниже 'голова'). Реальная этимология этого слова остается неизвестной.

2) «птица»: (а) нрм *kib'àllì-ɕ* [Yi.], *kíbàllē* [Tu.], ддн *kìb'állí-ɕ* [Yi.], *kib'a:li-ɕ* [Dr.], тнт *íb'állì-ɕ* [Yi.], мрл *kíb'állì-ɕ* [Yi.], *kíbàllē-ɕī* [Tu.], баа *kà:llé-zí*, квг *kùbbár* [Yi.], *kúbàr* [Hi.]; (б) чай *šɔwá* [Yi.], *šwái* [LL], мрс *šɔwá* [Yi.], *šóai* [SC], мкн *šɔwá* [Yi.], *šò-ɕ* [Rc.]; (в) мдж *tì:tòn¹* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **kìb'alli-*, в.-сурм. **šɔwa*.

З.-сурм. реконструкция Игезу вполне корректна (в баа налицо регулярное выпадение **-b-* в интервокальной позиции перед неогубленным гласным, ср. ниже 'глаз'), но сомнения вызывает дальнейшая внутренняя реконструкция: выделяя в составе слова застывший префикс **ki-*, он предполагает, что основа эта была заимствована в пра-з.-сурм. из восточнонилотского источника, где префикс *ki*= продуктивен [Yigezu 2002: 257].

Согласиться с этим трудно. Во-первых, ни в одном известном нам восточнонилотском языке фонетически изоморфных лексем со значением 'птица' не наблюдается; стандартный восточнонилотский корень 'птица' восстанавливается в виде **=kueɾ-* [Vossen 1982: 333] и, более того, имеет дальнейшие параллели в западнонилотских языках, так что никаких вещественных оснований для постулирования заимствования здесь нет. Во-вторых, автором игнорируется форма *kùbbár* в квг, совместимая с з.-сурм. **kìb'alli-* и позволяющая, таким образом, спроецировать основу на праожносурмийский уровень.

В-третьих и в-главных, логически непоследовательно и неприемлемо утверждение Игезу, что само по себе присутствие элемента *ki*= в з.-сурмийских языках должно автоматически интерпретироваться как признак «нилотизма». В составе з.-сурм. основы слог *ki-* принадлежит корню; форма *íb'állì-ɕ* в тнт представляет собой морфологическую гиперкоррекцию с переосмыслением *k-* (но не *ki-*!) как префиксального элемента, максимально распространенную именно в этом языке (см. выше про «*k-mobile*»). Таким образом, внутренние данные сурмийских языков не дают даже косвенных оснований считать форму заимствованной.

Не подлежит сомнению, что в отдельных случаях сурмийские слова с трехсложной структурой **kVCVCV-* действительно имеют

¹ В [Yigezu 2002] эта форма записана в виде *tì:tòn* — скорее всего, опечатка, т. к. ни М. Игезу, ни другие исследователи (Л. Бендер) в своих фонологических описаниях не отмечают наличия оппозиции между ден-тальными и альвеолярными взрывными (*t̪* : *t*).

нилотское происхождение. Так, нрм *kìròttmò-ɕ*, ддн *kìròttmò-ɕ*, тнт *íjéttén-ít* [Yi.] 'семья' не имеют параллелей в в.-сурмийских языках, но при этом в точности передают форму пра-в.-нилотского отглагольного существительного $*=k_{1i}=nom-(it)$ 'семья' [Vossen 1982: 418]. С другой стороны, ддн, мрд *kìròŋ-ít*, баа *kìròŋ-i* [Yi.] 'муха', наоборот, имеют параллели в в.-сурмийском (чай *kìròŋi*), но нилотские эквиваленты для них отсутствуют¹. Список примеров можно продолжить, но для нас важно лишь подчеркнуть, что категоричные заключения относительно исконности или заимствованного характера сопоставляемой лексики возможны только на основании строгого дистрибутивного анализа.

Для в.-сурмийской группы Игезу реконструирует праформу $*šwa$, общую для подгрупп мкн и сури-мурси. Параллелей для этой основы в з.-сурмийских языках (где в.-сурм. $*š-$ должно соответствовать $*ð-$) обнаружить пока не удалось; потенциальные источники заимствования также отсутствуют (такие кушитские формы, как хадийя *ɕiɕɕo*, перечисленные в [Ricci 1972: 388], фонетически неубедительны).

Ключевое значение имеет форма *ku(b)bar* в квг, в целом соответствующая з.-сурмийскому $*kiballi-$ (за исключением вокализма первого слога, где, возможно, имела место ассимиляция с губным согласным) и показывающая тем самым, что в.-сурмийское $*šwa$ в значении 'птица' — инновация в «узко-з.-сурмийском», имевшая место уже после обособления квг. Возможно, что $*šwa$ первоначально обозначало какой-то конкретный вид птицы; ср. в этой связи квг *šòitò* 'птица-мышанка', хотя этимология вызывает сомнения из-за неясного статуса элемента *-tò*. Для пра-з.-сурмийского, таким образом, правомерно было бы заменить $*šwa$ на $*kVbar$ ввиду дистрибутивных особенностей этих лексем.

Мдж *tì:tòn* (в записи Л. Бендера — ед. ч. *te:t-an*, мн. ч. *te:t-o*) не имеет надежных общесурмийских параллелей, хотя отдельные названия птиц с общей структурой $*titV$ иногда встречаются (ср.

¹ Правда, Г. Диммендаль все же сопоставляет форму в мрд с реконструируемой им для пранилотского основой $*kɔ=lyan$ 'муха' [Dimmendaal 1988: 42], но степень фонетического изоморфизма здесь явно недостаточна, чтобы смело предполагать заимствование (в лучшем случае, при условии демонстрации регулярности хотя бы консонантного соответствия, можно думать о генетическом родстве между этими формами).

квг *tì:tiyò* [Hi.] 'африканский бекас'); очевиден звукоподражательный характер этой основы, снижающий ее значимость для внешнего сравнения.

3) «черный»: (а) нрм *ɸ=òlli* [Yi.], ддн *kóllíà* [Yi.], *hola ~ holi* [Dr.], тнт *óllà* [Yi.], *óllé* [Rn.], мрл *kóllì* [Yi.], *ôɸòlì* [Tu.], баа *kò:lyé*, чай *kōrō* [Yi.], *kòrrò* [LL], мрс *kórròy* [Yi.], *kóro* [SC], мкн *kōrōy* [Yi.], *koròy* [Rc.], мдж *kòyúŋ* [Yi.], *kwaẓiŋ* [Ce.]; (б) нрм *jābārwa* [Tu.]; (в) квг *dīmìgù* [Yi.], *dīmìgù* [Hi.]. || Yi.: з.-сурм. **kollì* (?), в.-сурм. **kəɾɔy*.

Рефлексы обще-з.-сурм. корня зафиксированы в трех вариантах: (а) **kol(l)i* (ддн, мрл, баа); (б) **ol(l)i* (тнт) — со стандартным для этого языка «гиперкорректным» отпадением *k-*, переосмысленного как префиксальный элемент; (в) **ɸ=ol(l)i* (нрм, мрл), где *ɸ-* — результат слияния корня с релятивным показателем *ɸi*, соединяющим в з.-сурмийских языках прилагательные с определяемыми существительными (ср. аналогичный случай с прилагательным 'белый' в нрм: *vò:rrà* [Yi.], но *ɸí=vò:rè* [Tu.]).

Корневой характер фонемы *k-* подтверждается данными в.-сурмийских языков, сводимыми к праформе **kəɾɔ(y)*, хорошо соответствующей з.-сурмийскому **kollì*. Соответствие «*l* : *r*» регулярно (ср. 'птица', 'хвост' и др.) и должно интерпретироваться как отражение пра-ю.-сурм. **l*).

Сложнее обстоит дело с мдж. Запись *kòyúŋ* у Игезу не согласуется с транскрипциями *kwaẓiŋ* у Черулли и *kəɾɔp* в списке Бендера (при том что фонологический анализ в [Yigezu 2002: 121] трактует мдж *y* и *ɜ* как разные фонемы); это может быть как ошибкой в записи Игезу, так и диалектным разнообразием, отражающим какое-то специфическое консонантное сочетание. Поскольку *-Vŋ* — стандартный адъективный суффикс в мдж, естественным было бы развитие **kəɾɔy-Uŋ* → **kəɾɔ-vŋ* → *kəɾvŋ ~ kəɜvŋ*. В связи с отсутствием явно противоречащих такому сценарию примеров мы допускаем этимологическое тождество формы в мдж реконструируемой для пра-ю.-сурм. основы **kəɾɔy*. (Стоит, впрочем, отметить, что и простое развитие **-l-* → *-y-* в мдж, по-видимому, регулярно: ср. ю.-з. **ðəɾɔ* 'моча' = мдж *tò:yò*, ю.-з. **bille-* 'колючка' = мдж *bèy-in*, ю.-з. **ɛŋŋəl* 'слон' = мдж *ʔəŋgéy* и др.).

В диалекте нрм, описанном А. Такером, старый корень вытесняется этимологически неясной формой *jābārwa*; неизвестной остается и этимология квг *dīm-* (приведенные выше формы —

адъективные образования от глагольной основы, ср. *dím-à*: 'чернеть' [Hi.]). Ни то, ни другое слово не может претендовать на прасурмийский статус.

4) «кровь»: (а) нрм *bíyɛ* [Yi.], *bíyɛ* [Tu.], ддн *bízzi* [Yi.], *bi:y'i* [Dr.], тнт *bíyɛ* [Yi.], мрл *bíyɛ* [Yi.], *bíyɛ* [Tu.], баа *bí:ǵá*; (б) чай *ǵáwà* [Yi.], *ǵáàbà* [LL], мрс *ǵáwà* [Yi.], *ǵáβa* [SC], мкн *ǵābā* [Yi.], *ǵabà* [Rc.], квг *ǵàbò* [Yi.], *ǵàbò* [Hi.]; (в) мдж *yérúm* [Yi.], *yeruŋ* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **bíy-*, в.-сурм. **ǵaba*.

Пра.-з.-сурм. основа скорее всего двусложная (**bíyɛ* или **bíyɛ*; для того, чтобы уточнить реконструкцию вокализма, необходимо еще раз тщательно выверить артикуляцию по языкам). Трудно-объяснимым остается вариант *bí:ǵá* в баа, т. к. развитие *-*y-* → *-ǵ- вряд ли можно считать для этого языка регулярным. Возможно, учитывая особый статус баа внутри з.-сурмийского, эту форму следует рассматривать как **bí:ǵ-á* ← **bíyɛ-* + *-t-* + *-a*, где *-t-* — стандартный сурмийский показатель сингулятива, а *-a* — показатель мн. ч. в баа (ср., например, парадигму слова 'человек': ед. ч. *é:* ← **é:-t* с отпадением конечного согласного, мн. ч. *ǵ:ǵá* ← **é:-t-a*).

В в.-сурм. эксплицитно выделяется корень **ǵab-*, ср. в чай [LL]: *ǵáàb-à* 'кровь' (мн. ч.) : *ǵáàb-í* 'кровинка' (сингулятив). Не исключено, что корень должен реконструироваться с фонологической долготой (**ǵab-*), противопоставляющей его фонетически сходному 'ухо' (см. ниже), однако из всех известных нам источников долгота эксплицитно отмечена только в [LL], что заставляет пока воздержаться от окончательного решения.

Пра.-з.-сурм. **bíyɛ* и пра-в.-сурм. **ǵaba* не этимологизируются на взаимной основе; никаких очевидных внешних источников ни для одной из этих форм предложить также не удастся, так что вопрос о том, какая из них является семантической инновацией, остается открытым.

Отдельная проблема — этимон 'кровь' в мдж (помимо приведенных выше форм, ср. также вариант *yɛ:rm* в записи Бендера, подтверждающий, что третий согласный в этой основе — действительно губной, а не велярный, как у Черулли). Этому слову фонетически изоморфны обозначения 'крови' в омотских языках дизоидной группы, активно контактирующих с мдж: дизи *yɛ:rm-u*, шако *yǎ:rm*, найи *yarbɪ* [Blažek 2008: 70]. Однако при этом не существует единого мнения относительно направления заимство-

вания. Так, Л. Бендер склонен считать мдж форму заимствованной из дизоидного источника [Bender 2003: 224], в то время как В. Блажек, наоборот, предполагает для омотских форм сурмийское происхождение [Blažek 2008: 97].

Данная ситуация трудноразрешима, т. к. ни для мдж *yérút*, ни для прадизоидного **yEr(b)m*¹ не обнаруживается надежной этимологии в пределах той непосредственной семьи (сурмийской или омотской), в которую они входят. В. Блажек, по-видимому, решает вопрос в пользу первичности сурмийской формы ввиду «нило-сахарских» параллелей — таких западнонилотских форм, как ачоли *remo*, шиллук *remo* и др., и восточнонилотских: бари *rema* и др. [Blažek 2008: 70]. Это существенный аргумент, однако он не объясняет, откуда при этом в мдж появляется первый слог *yε-*; можно, разумеется, предполагать и обратное (т. е. редукция первого «слабого» слога в нилотском), но все эти нетривиальные сценарии в целом обесценивают «внешний» аргумент. Нельзя исключить и такой вариант, согласно которому и в мдж, и в дизоидных языках это слово заимствовано из третьего, пока неизвестного нам субстратного источника². Дальнейшая дискуссия возможна только после появления новых словарных и этимологических материалов как по сурмийским, так и омотским языкам.

5) «кость»: (а) нрм *ātmè-n* [Yi.], *āmēn* ~ *āmē* [Tu.], ддн *étmè-n* [Yi.], *eme-n* [Dr.], тнт *étmè-n* [Yi.], мрл *ātmèé-n* [Yi.], *āmēn* [Tu.], баа *ètmè-ni*, мдж *ètèṇán* [Yi.]; (б) чай *gífā* [Yi.], *gígái* [LL], мрс *gígà* [Yi.],

¹ Столь же явно связанную с данной группой форм лексему *yerom* 'кровь' в языке шабо из обсуждения стоит исключить, т. к. она, несомненно, заимствована в шабо либо из сурмийского, либо из омотского источника ввиду многочисленных других, еще более эксплицитных заимствований из указанных источников в этот язык-изолят (большое число примеров приводится в [Ehret 1995] и других работах).

² Абсолютно аналогичная ситуация в рамках стословного списка отмечена для слова 'кора (дерева)': мдж *òrkān* [Yi.] = дизи *orgn*, шако *òrkṇ*, найи *orkn*. В мдж при этом слово является морфологически разложимым (ср. в [Bender 1983: 124]: ед. ч. *orka-n*, мн. ч. *orka-k*), но именной суффикс *-n* как показатель женского рода отмечен и для дизоидных языков, в мдж же легко могло иметь место переразложение, так что и здесь однозначного решения пока нет. Других случаев столь явных изоморфизмов между базисной лексикой мдж и дизоидных языков нам не известно.

gígi [SC], мкн *giʔá* [Yi.], *geé-ɕ* [Rc.], квг *giɕí* [Yi.], *giɕì* [Hi.]. || Yi.: з.-сурм. **ette*-, в.-сурм. **giga*.

З.-сурм. формы следует, по-видимому, возводить к прототипу **ette*-, с вокалической ассимиляцией в ддн и тнт, а также переносом всего вокализма → +ATR в баа под влиянием суффикса -*nì*. Архаичность не только корня, но и противопоставления немаркированной формы мн. ч. **ette* маркированному сингулятиву **ette-n* подтверждается именной парадигмой в мдж, ср. в [Bender 1983a: 124] ед. ч. *ete-nan* (с двойным маркированием сингулятива, при котором к окаменевшему форманту добавляется еще один, продуктивный) : мн. ч. *ete-k*.

Таким образом, в.-сурм. форма на основании дистрибуции рефлексов **ette* должна считаться инновацией. Пра-в.-сурм. реконструкция однозначно не определяется из-за противоречивости данных: так, в чай Игезу отмечает импловивную артикуляцию для обоих веларных, в то время как Ласт и Лукасен, напротив, записывают обычные звонкие. С другой стороны, только наличие маркированной артикуляции хотя бы в срединной позиции может объяснить присутствие в квг глоттализованной аффрикаты -*ɕʔ*-. Предварительный вариант реконструкции можно, ввиду этих обстоятельств, записывать в виде **giga*- (в квг ед. ч. **giga-i* → *giɕʔ-i*, ср. мн. ч. *giɕa-n* с сохранением старого вокализма второго слога перед консонантным окончанием).

Что касается дальнейшей этимологии, то она отсутствует; в.-сурм. **giga*- не имеет ни очевидных параллелей в з.-сурм. языках, ни очевидных источников заимствования (фонетическое сходство с обще-датого **gabg* 'кость' [Rottland 1982: 544] скорее всего случайно, т. к. специфические контакты между сурмийскими и ю.-нилотскими языками не отмечены).

6) «ноготь»: (а) нрм *vàllà-ìt* [Yi.], *vàllāk* [Tu.], ддн *àllà-ìt* [Yi.], *ol'ag-it* ~ *walag-it* [Dr.], тнт *vàl-ìt* [Yi.], мрд *vàllàit* [Yi.], чай *hàlágái* [LL], мкн *kɔ̀bɔ̀lɔ̀gít* [Yi.], *kobolegít* [Rc.], мдж *ɕòpòlkòy* [Yi.], *šofolkoy* [Ce.]; (б) баа *tírtírí*, чай *tírtír* [Yi.], *tírtír* [LL], мрс *tírtír* [Yi.], *tírtír* [SC]; (в) квг *šùkò̀m* [Yi.], *šúkò̀m* [Hi.] || Yi.: з.-сурм. **vallag-it*.

З.-сурм. основа **vallag*- (стандартная форма сингулятива — **vallag-it*) реконструируется на вполне надежных основаниях (начальный **v*- регулярно исчезает в ддн и т. п.). В в.-сурм. языках ее главным «конкурентом» является редуцированная основа **tir-tir*,

происхождение которой неизвестно. Тем не менее, есть все основания утверждать, что более архаичной в значении 'ноготь' является именно з.-сурм. основа, поскольку:

(а) следы ее обнаружены в вокабулярии чай Ласта и Лукасен, где *hálágá-í*, мн. ч. *hálágá* 'коготь, ноготь' (соответствие в.-сурм. **h-* : з.-сурм. **v-* регулярно) приводится наравне с *tírtír* 'ногти' без указания разницы в значении. Это можно интерпретировать как «переходную синонимию»;

(б) обратное явление — присутствие основы **tir-tir* в з.-сурм. языке баа — легко объясняется ареальным влиянием диалектного пучка чай-тирма на баа (см. выше), а в данном случае, если **tir-tir* все же имеет внешнее происхождение — общим ареальным влиянием на все три диалекта со стороны неизвестного субстрата;

(в) скорее всего, все та же основа **val(l)ag-* присутствует и в составе мкн *kṣṇālṣg-ít*. Для мкн, в отличие от языков з.-сурм. группы, вопрос о «k-mobile» вроде бы не стоит, так что на синхронном уровне элемент *kṣ-* неотделим, но, с другой стороны, ситуация случайного трехконсонантного совпадения практически исключена¹. Учитывая, что Риччи приводит для этой формы также значение 'палец', имеет смысл далее сопоставлять ее с мрд *kōmōl-ít*, мн. ч. *kṣmāl-ṣ* [Tu.] 'палец' (← **kV=valag-it* со стяжением?), что, опять-таки, говорит об архаичности;

(г) наконец, практически с такой же структурой — трехконсонантный корень с неясным префиксальным элементом — данная основа зафиксирована и в мдж; впрочем, для того, чтобы определить, тождественны ли в этимологическом плане в.-сурм. **kV=* и мдж *ṣo=*, имеющихся данных по мдж недостаточно.

¹ Вопрос о надежности соответствия «чай *h* : мкн *ḥ*» остается открытым, однако формы все же можно считать фонетически совместимыми по следующим причинам: (а) пра-в.-сурм. **h-* регулярно соответствует пра-з.-сурм. **v-*, отражая, по-видимому, пра-ю.-сурм. **f-*; (б) в срединной позиции надежные примеры на пра-ю.-сурм. **f-* просто отсутствуют, и ничто не мешает предположить, что в мкн было развитие **f-* → *-ḥ-*. Есть и альтернативное решение, впервые предложенное уже у Риччи [Ricci 1972: 261]: анализировать форму в мкн как *kṣṇ-ālṣg-*, где **kṣṇ-* — не префикс, а первый элемент композита с неизвестным значением ('рука', 'палец?'). Этот сценарий, однако, менее убедителен.

Учитывая вероятное ареальное происхождение формы **tir-tir* и тот факт, что форма (в) квг *šùkʷòm* заимствована из южноомотского источника (ср. убамер *šuk(u)ma*, диме *šikum* и др.), основа **fa(l)lag-* оказывается в данном случае единственным надежным кандидатом на прасурмийский статус, допустимым к дальнейшему внешнему сравнению. Впрочем, обращает на себя внимание явная аномалия — отсутствие ожидаемого развития **l → *r* в праю.-в.-сурмийском (см. 'птица', 'черный', 'хвост' и др. аналогичные случаи); пока что преждевременно утверждать, что данная нерегулярность говорит об ареальном характере рассматриваемого этимона (возможно, что здесь замешаны какие-то неясные позиционные факторы), но упускать ее из виду также нельзя.

7) «умирать»: (а) нрм *dâw-ù* [Yi.], *kā=dā-i* [Tu.], ддн *dāy-ó* [Yi.], *daʃ* [Dr.], тнт *dák* [Yi.], *dá:h* [Rn.], мрд *dāàk* [Yi.], *a=dā-i* [Tu.]; (б) баа *ìr-ò*, чай *èr-é* [Yi.], *er* (перф.), *re-s* (имперф.) [LL], мрс (?) *dèrré* [Yi.], *rá-boi* [SC], мкн *résā* [Yi.], *rèsi-day* [Rc.], квг *āršā-bá* [Yi.], *à=árši-yà:* [Hi.], мдж *rèr-ik* [Yi.], *re:r* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **d/ik-*.

Прежде чем приступить к этимологическому разбору слов со значением 'умирать', следует отметить, что включение глагольного материала по сурмийским языкам в 100-словный список сопряжено с такой проблемой, как частотная *супплетивность* глагольных основ, особенно характерная для в.-сурм. языков: базисные глаголы в этой группе время от времени образуют имперфективную основу от одного корня, а перфективную — от другого (см., например, [Last, Lucassen 1998: 383], где эта ситуация описывается для языка чай). С этим связан на первый взгляд странный разноречивый в данных «списочного» типа по одному и тому же языку: так, М. Игезу в своих списках регулярно выбирает форму перфектива¹, в то время как другие составители, как правило, маркируют имперфективную основу, причем, судя по дискуссии о вариации между основами со значением 'пить' в [Yigezu 2002: 295–296], Игезу, не занимавшийся вплотную вопросами в.-сурм. грамматики, не вполне осознает саму суть этой проблемы.

¹ Впрочем, для квг, где супплетивные основы отсутствуют, а противопоставление по перфективности стандартно маркируется парными суффиксами *-ba* (имперфектив) / *-ya* (перфектив), Игезу, наоборот, почему-то регулярно выбирает имперфективную форму на *-ba*.

Следуя общей формальной стратегии, выбранной нами для данного исследования, мы будем выбирать в качестве основной («стословной») имперфективную (длительную) форму действия; при этом, во избежание возможных недоразумений, здесь и ниже для тех языков, которые различают две супплетивные основы, приводиться, маркироваться (там, где это возможно) и обсуждаться будут обе.

Пра-з.-сурм. форма восстанавливается у Игезу в виде **dɪk-*, хотя его же собственная таблица вокалических соответствий (стр. 210–211) скорее говорит в пользу пра-з.-сурм. **dɪk-*; интервокальный или конечный **-k-* (в зависимости от конкретной формы глагольной парадигмы) в ряде языков ослабляется или выпадает по более или менее стандартным правилам. Надежной этимологии за пределами з.-сурм. языков у этого корня нет, но допустимо сопоставление с чай *dāg-ā* [Yi.], *dak* [LL], мрс *dāg-á* [Yi.] ‘бить’, особенно учитывая такие идиомы, как, например, чай *dak hósó* ‘мучаться голодом’ (букв. ‘быть ударенным голодом’), *dak hūɪ* ‘мучаться от жажды’, т. е. для з.-сурм. можно предполагать эвфемистическое развитие: ‘бить, ударять’ → ‘страдать, мучиться’ → ‘умирать’.

Обратный семантический переход здесь менее вероятен ввиду ограниченной дистрибуции з.-сурм. **dɪk-*; эта основа неизвестна в баа, где, напротив, форма *irɪ* этимологически тождественна формам не только в в.-сурмийских языках, но также и в мдж. Объяснить баа *irɪ* как результат конвергентного развития с чай-тирма вряд ли возможно, т. к. в этих диалектах не только отличный от баа вокализм, но и серьезно отличающаяся модель спряжения. Следовательно, баа — единственный из з.-сурм. языков, сохраняющий старую основу ‘умирать’, и пра-з.-сурм. форма на этом основании также должна реконструироваться в виде **ir-*, несмотря на численно превосходящие рефлексy корня **dɪk-*.

В в.-сурм. языках этот корень встречается в двух видах форм: (а) «чистая» основа *er-* — по-видимому, перфективная (так в чай и мрс по данным Тертона и Бендера)¹; (б) расширенная основа *er-s-*

¹ Совершенно загадочным выглядит начальный *d-* в мрс форме *dèrré* у Игезу — такого префикса в сурмийских языках нет, а наличие отдельного корня *dèr-* (?) не подтверждается ни одним из альтернативных источников. Возможно, речь идет об элементарной опечатке (в диссертационной рукописи Игезу их, к сожалению, немало).

~ *re-s-* — имперфективная в чай и мрс, единственная в мкн (но ср. при этом *ré* [Ri.] 'тело, труп') и квг *ar-š-* ← **er-s-*. Строго доказать факт производности **er-s-* от **er-* не удастся, т. к. имперфективный суффикс *-s-* в в.-сурмийских языках непродуктивен; однако его присутствие можно подозревать в ряде других супплетивных основ (напр., пра-в.-сурм. **ηи-s-* 'спать'), так что вряд ли речь идет о случайном совпадении.

Мдж *re:r-* также можно рассматривать как суффиксальную форму: несмотря на то, что словообразовательные модели в мдж остаются по большому счету неописанными, глагольных основ, заканчивающихся на *-r*, в этом языке много, включая двусложные структуры типа CVCVr, вряд ли отражающие «чистые» корни. Некоторые из них вроде бы имеют и ю.-сурмийские параллели без *-r* (ср. *dīgir-* 'знать' [Yi.], сопоставимое с мрс *tág-*, мкн *ták-* id.; *ηa:r-* 'подниматься, вставать' [Ce.] = ддн *ηa* id. [Dr.] и др.). При условии, что *re:r-* ← **re:-r-* ← **er-(V)r-*, основу можно считать рефлексом главного общесурмийского этимона 'умирать'. О возможности общего происхождения мдж *-r-* и ю.-в.-сурм. **-s-* см. также ниже ('рука').

8) «собака»: (а) нрм *k=vròdà* [Yi.], *ūrūdà* ~ *ūrūdè* [Tu.], ддн *úvúr* [Yi.], тнт *vròđ* [Yi.], *úrúz* [Rn.], мрл *vròđ* [Yi.], *ṣrəθ* [Tu.], баа *vrəsá*, чай *ròssò* [Yi.], *rósó* [LL], мрс *róssó* [Yi.], *réso* [SC], мкн *ròsò* [Yi.], *rosò* [Rc.], мдж *wár* [Yi.], *wa:r* [Ce.]; (б) квг *kiàní* [Yi.], *kiàni* [Hi.]. || Yi.: 3.-сурм. **(kv)-rvòđ*, в.-сурм. **rosso*.

3.-сурм. реконструкция **(kv)-rvòđ* у Игезу не вполне корректна. «K-mobile» наблюдается в этой основе только в нрм, и то только в диалекте, записанном у самого Игезу (в материалах Такера никакого *k-* нет). Напротив, вокалический анлаут здесь налицо во всех языках, без единого исключения, и записывать его в скобках по меньшей мере странно. Праформу нужно, таким образом, изменить на **(k)=vròđ* или даже просто на **vròđ*, списывая диалектное развитие в нрм на гиперкоррекцию. Баа *vrəsá* при этом восходит к односложному варианту **vròđ-* + сингулятив *-a* (ср. мн. ч. *vrə-s-i*); ниже будет показано, что он, скорее всего, более архаичен. В ддн Игезу справедливо постулирует вторичную метатезу.

В.-сурм. **rosso* легко членится на корень *ros(s)-* и сингулятивный маркер **-o* (ср. формы мн. ч.: чай *ròs-í* [LL], мрс *rəss-i* и др.). (Квг *kiàni* — очевидный омотизм, ср. прадизоид. **kian-u* 'собака' и

др. формы в [Bender 2003: 302]). При этом в.-сурм. **-s-* регулярно соответствует з.-сурм. **-ḥ-* (см. ниже 'рука' и др.); случаи редукции начального гласного также хорошо известны ('рука', 'рот'), так что для в.-сурм. надежно восстанавливается развитие **vrVḥ-o* → **roḥ-o* → **ros(s)-o*.

Вопрос о первичности или вторичности в этой основе начального гласного имеет ключевое значение для дальнейшего сопоставления с мдж *wár*, т. к. гипотетический корень **rvḥ* (как в з.-сурм. реконструкции Игезу) соответствовать этой форме не может. Напротив, надежно обоснованная з.-сурм. данными реконструкция типа **vrṽḥ* подразумевает, что исходным корнем была структура **vr(v)-*, а **-ḥ-* здесь — исконно суффиксальный элемент. Повидимому, есть все основания отождествлять его со старым показателем сингулятива **-t* (ср. 'ноготь', 'ухо', 'рука' и др.) в качестве морфонологического варианта: **vr-* + **-t-* → **vr-t-* → **vr-ḥ-*. В этом случае первичная структура основы сохраняется в баа, в то время как в остальных ю.-сурмийских языках консонантный кластер устраняется за счет вставки эпентетического гласного.

Нельзя не обратить внимание также на парадигму слова 'собака' в мдж по данным [Bender 1983a]: ед. ч. *war*, мн. ч. *war-tun*, при том, что стандартным маркером множественности является просто *-n*. Скорее всего, эта оппозиция продолжает более раннюю **war-t* : **war-t-un*, с отпадением конечного согласного в ед. ч. и сохранением его в срединной позиции в мн. ч. Это позволяет вполне достоверно отождествить мдж основу **war-t* с ю.-сурм. **vr-t*. Что касается соответствия **wa-* : **v-*, то дополнительные примеры на него пока не обнаружены, но, учитывая полное отсутствие ю.-сурм. корней на **wa-* (по крайней мере, в материалах Игезу), формы можно считать фонетически совместимыми, постулируя для пра-ю.-сурм. развитие **war-t* → **vr-t*.

9) «пить»: (а) нрм *wvḥ-é* [Yi.], *āwḥi* [Tu.], ддн *kúḥ-ì* [Yi.], *hut* [Dr.], тнт *úḥ* [Yi.], *ùḥá* [Rn.], мрл *wvṽ* [Yi.], *a=wvḥi* [Tu.], баа *kúḥ-ḥ*; (б) чай *irē* [Yi.], *ir* (перф.) [LL], мрс *irē* [Yi.], *ʔirié* [SC], мкн *ír-* [Yi.], *irò-boy* [Rc.]; (в) чай *mat* (имперф.) [LL], мкн *màt-à-* [Yi.], квт *màt-bà* [Yi.], *à=mátiyà:* [Hi.]; (г) мдж *út-úk* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **kvḥ-*, в.-сурм. **ir-* / *mat-*.

З.-сурм. этимон 'пить', скорее всего, тождествен этимону 'ку-рять' в [Yigezu 2002: 278], хотя отдельные транскрипции и отличаются: нрм, тнт *wvḥ-é*, ддн *kúḥ-ì*, мрл *wvḥ*, баа *kúḥ-ḥ* (более вероятно,

что это отражает непоследовательности в записи автора, чем реальные морфонологические различия). Проблема «k-mobile» носит здесь несколько иной характер по сравнению с именными основами: судя по баа, где корневой анлаут в целом более стабилен, чем в прочих з.-сурм. языках, а также по внешним параллелям в в.-сурм. подгруппе, глагольные корни структуры *VC- в з.-сурм. языках *никогда* не принимают вторичного «k-mobile», а глагольные корни структуры *kVC-, напротив, демонстрируют устойчивую тенденцию избавляться от начального *k-: ср. *kvt- 'трогать' → нрм wòttt-ù, тнт út, ддн kùttt-ó, мрд út ~ kút [Yi.]. Таким образом, для пра-з.-сурм. надежной можно считать реконструкцию *kvd- 'пить; курить'.

В в.-сурм. языках для диалектного пучка сури-мурси характерна супплетивная оппозиция двух основ: *mat- (имперфектив) и *ir- (перфектив). Относительно мкн Игезу замечает, что в этом языке данные основы распределены по диалектам: *ir-* в тишена и *màt-à-* в боди. Судя по тому, что ни в [Ricci 1972], ни в [Will 1989] супплетивизм глагольных основ для мкн не упоминается, в этом языке действительно произошло обобщение одной из двух основ, в зависимости от диалекта. То же самое верно и для квг, где все источники согласованно отмечают наличие основы *mat-*, но не *ir-*. Поскольку объяснить возникновение перфективной основы *ir- внешними факторами не удастся, остается лишь проецировать супплетивизм на пра-в.-сурм. уровень. (Игезу, наоборот, склонен считать корень *mat- потенциальным «нилотизмом», что весьма сомнительно; ни одного неоспоримого случая заимствования из nilотских языков в пра-в.-сурм. в пределах стословного списка не обнаружено).

Какая ситуация была первична на пра-ю.-сурм. уровне: з.-сурм. *kvd- или в.-сурм. *mat- / *ir-? На этот вопрос однозначного ответа нет, т. к. соответствующие формы не этимологизируются на взаимной основе; к внешнему сравнению можно без принципиальных возражений допускать все три. Тем не менее, определенные основания считать более архаичной в.-сурм. ситуацию (по-видимому, вместе с ее супплетивизмом) все же существуют: (а) несколько настораживает полисемия 'пить / курить' в з.-сурм., которая может означать относительно недавнее развитие из значения типа 'тянуть, тащить, всасывать' (отметим, что в в.-сурм. языках

такая полисемия отсутствует); (б) при разборе аналогичной ситуации с глаголом 'есть' (см. ниже) станет видно, что в з.-сурм. языках совершенно точно имела место семантическая инновация, а, следовательно, то же самое можно предположить и для «парного» с 'есть' глагола 'пить'.

Обесценить эти аргументы могло бы этимологическое отождествление нрм *wəḏd-é* и др. с мдж *út*- (которое допускает, например, Г. Флеминг). Однако з.-сурм. реконструкция **kvd*- автоматически делает сравнение недопустимым. Даже при том условии, что *k*- здесь все же является «наращением» (что крайне маловероятно), з.-сурм. **vd*- вряд ли соответствует мдж *út*- с глухим, а не имплозивным смычным¹. Таким образом, мдж *út*, скорее всего — отдельный корень, степень архаичности которого нам пока неизвестна; к внешнему сравнению его можно привлекать наравне с парой **mat*- / **ir*- и, с большей осторожностью, **kvd*-.

10) «сухой»: (а) нрм *ḏ=dɔw-à* [Yi.], ддн *ḏ=dɔyɔy-á* [Yi.], *dokok* (гл.) [Dr.], тнт *ḏ=dɔ̃* [Yi.], мрл *à=dɔ:y* [Yi.], баа *à=dɔdɔy-è*; чай *dɔrɔgɔssí* [Yi.], *dɔrɔgɔsì* [LL], мрс *dɔrɔssí* [Yi.], *ha=dúres* [SC]; (б) мкн *rômōsí* [Yi.], *ròmāsí* [Rc.]; (в) квл *kùwàkà* [Yi.]; (г) мдж *pà:lkinj* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **-dɔg(ɔg)-*.

Все формы данного этимона в з.-сурм. языках фонетически изоморфны, но отражают при этом три разных варианта: **=dɔg-* (нрм, тнт, мрл), **=dɔgɔg-* (ддн) или **=dɔdɔg-* (баа). Игезу предлагает рассматривать эту ситуацию как результат частичной редупликации; это, однако, маловероятно, т. к. редупликация как способ словообразования (в том числе адъективного) ни в одном из известных нам грамматических описаний ю.-з.-сурмийских языков вроде бы не отмечен.

Правильное решение подсказывают родственные формы в чай и мрс, особенно архаичный вариант в чай, морфологически анализируемый как **dɔrɔgɔ-sí* (где *-sí* — глагольно-адъективный суффикс, обычно не упоминаемый в грамматических описаниях, но легко выделяемый через сопоставление с такими формами, как чай *á=gēr-sí* 'плохой' = квл *gárá-ʔà* id., чай *jàggā-sí* 'старый' = мкн

¹ Справедливости ради отметим, что нам известен всего один случай этимологической параллели между ю.-сурм. словом, содержащим имплозивный **d*, и мдж — но в этом случае мдж также имеет *d*: нрм *à=dɪndɪnj* [Yi.], чай *dɪdɪnj* [Yi.] и др. 'тяжелый' = мдж *dillɪnj* id.

ɲà:ɡí id. и т. п.). Если трехсложная основа здесь первична, то в з.-сурм. языках мы наблюдаем не более чем ассимиляцию срединного согласного, проходившую двумя путями: (а) прогрессивным (**dɔrɔɡ-* → **dɔdɔɡ-*, как в *баа*) и (б) регрессивным (**dɔrɔɡ-* → **dɔɡɔɡ-*, как во всех остальных языках; простой вариант **dɔɡ-* образуется из **dɔɡɔɡ-* через леницию и выпадение срединного велярного). Тем самым основа **dɔrɔɡ(ɔ)* в значении 'сухой' подтверждается как обще-ю.-сурмийская.

При этом остается открытым вопрос о ее внутреннем устройстве, поскольку трехконсонантная структура намекает на возможную производность. Возможно, что в дальнейшем пра-ю.-сурм. **dɔrɔɡ(ɔ)* имеет смысл сопоставлять с ю.-сурм. **dɔr* 'почва, грязь' (*чай*, *мрс* *dór*, *баа* *dór* [Yi.]), однако такая этимологизация сопряжена с проблемами как семантического (развитие значения: 'грязь' → 'засохшая грязь' → '(обладающий качествами) засохшей грязи?'), так и морфологического (не удастся показать продуктивность суффиксального элемента *-g(ɔ)* характера).

Никаких вариантов этимологизации *мкн* *rom-* пока что не обнаружено. Что касается *квг* *kùwàkà* (в записи Л. Бендера — *kù-kwá:kà*), то это слово может представлять собой кушитизм (ср. оромо, дасенеч *gog-* и т. п.), хотя строгих доказательств у нас нет (вопрос о кушитско-квеу контактах пока что совершенно не исследован, т. к., в отличие от контактов *квг* с омотскими, в глаза они не бросаются).

Наконец, без внешней этимологии пока остается и *мдж* форма *ɲà:lkín*, для которой трудно, за неимением данных, восстановить даже внутреннюю деривацию. При этом, однако, не исключен и ее архаичный характер; к внешнему сравнению ее можно привлекать наравне с ю.-сурм. **dɔrɔɡ-*.

11) «ухо»: (а) *нрм* *k=ittà-t* [Yi.], *k=itā-t* [Tu.], *ддн* *ittát* [Yi.], *it'at* [Dr.], *тнт* *ittát* [Yi.], *мрд* *ittát* [Yi.], *itāt* [Tu.], *баа* *itā-ní*; (б) *чай* *nābí* [Yi.], *ɲàbí* [LL], *мрс* *nābí* [Yi.], *nābí* [SC], *мкн* *nābí-ɕ* [Yi.], *nabi-ɕ* [Rc.], *квг* *nàbù* [Yi.], *nábò* [Hi.]; (в) *мдж* *wì:ná* [Yi.], *weyna*: [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ittat*, в.-сурм. **nabi*.

В з.-сурм. языках ср. также такие формы мн. ч., как *нрм* *k=i-nà* [Tu.], *ддн* *ii-na* [Dr.], *мрд* *i-n* [Lyth], *баа* *i-nná*, позволяющие восстановить пра-з.-сурм. **i-na* и наглядно показывающие, что корнем в реконструируемой у Игезу основе **ittat* является просто **i-*. После-

довательность **-ṭat*, в свою очередь, раскладывается на стандартный показатель сингулятива **-t* и **-ṭa-* — именной суффикс с не вполне ясной функцией (возможно, «старый» сингулятив, к которому после утраты им продуктивности стал добавляться «новый»), но отмеченный и в ряде других основ (ср. ниже такие корни, как 'вошь', 'зуб'). «K-mobile» появляется в этом корне только в нрм и должно рассматриваться как вторичное явление (возможно, по аналогии с другими частями тела — ср. 'глаз', 'рот' и др.).

В в.-сурм. надежно восстанавливается общий корень **ṇab-* (ср. в чай форму мн. ч. *ṇāb-à* [LL], в квг *náb-àn* [Hi.]), также сопровождаемый либо одним (**ṇab-i*), либо двумя (мкн *ṇāb-i-ḥ*) показателями сингулятива.

На взаимной основе з.-сурм. **i-(ṭa)-* и в.-сурм. **ṇab-* не этимологизируются, что заставляет искать для них внешние источники. З.-сурм. форма очевидно близка пранилотскому **yiṭ* [Dimmendaal 1988: 39], но однозначно постулировать здесь заимствование, а не родство, нельзя, т. к. переразложение **iṭ* → **i-ṭ* с последующим образованием нового мн. ч. **i-na* очень маловероятно (такая модель в сурмийском скорее производит впечатление архаизма).

С другой стороны, для в.-сурм. **ṇab-* бросаются в глаза кушитские параллели: ср. пра-вост.-куш. **nabh-* [Sasse 1979: 24] → рендилле *nabaḥ*, консо *napah-ata* и др. Здесь также нельзя с полной уверенностью постулировать конкретное направление заимствования, т. к. общекушитской (и тем более общеафриканской) этимологии у данной формы нет. Однако если реконструкция **nabh-* (с фарингалом) верна, то вероятен скорее кушитизм в в.-сурмийском, где фарингальные согласные отсутствуют, чем необоснованное появление **-h-* в вост.-кушитском.

Не исключено заимствованное происхождение и для мдж *wì:ná*. Парадигма *wé:n-à* (ед. ч.) : *we:n* (мн. ч.) в [Bender 1983a: 125] позволяет вычлени́ть корень **we:n* (или **waun*, с учетом данных прочих транскрипций), к которому в ед. ч. добавляется сингулятив *-a* (в мдж — очень редкий, но ср. ниже форму слова 'глаз'). В свою очередь, **we:n* ~ **waun* вполне может представлять собой старую форму мн. ч., с тем же элементом **-n-*, что и в з.-сурм. **i-na* 'уши', а также в реликтовых формах типа мдж *kε:-t* : *kε:-n* 'дерево / деревья' (см. ниже).

Таким образом, сводя, на вполне законных основаниях, мдж основу к первичному виду **we:- ~ *way-*, мы получаем почти полное совпадение с реконструируемой Л. Бендером праомотской формой **we ~ *way* 'ухо' [Bender 2003: 302], сохранившейся в том или ином виде в большинстве ветвей этой семьи. Более того, учитывая, что показатель мн. ч. **-n* также восстанавливается на праомотском уровне [Bender 2000: 212], вполне допустимо и изначальное заимствование из какой-то омотской формы мн. ч.; в этом случае для мдж *we:n* можно даже обойтись без внутренней реконструкции.

Итак, для каждой из трех форм, распределенных по сурмийским ветвям, в принципе можно предположить внешнее происхождение («нилотизм» в з.-сурм., «кушитизм» в в.-сурм., «омотизм» в мдж). Существенный контраргумент в виде архаичной морфологической парадигмы при этом обнаруживается только для з.-сурм. (что, разумеется, играет на руку восточносуданской гипотезе, обосновывающей генетическое родство сурмийских и nilотских языков).

12) «есть»: (а) нрм *dúw-í* [Yi.], *kā=dūi* [Tu.], ддн *dùw-ó* [Yi.], *dug* [Dr.]; (б) тнт *dák* [Yi.], *dáh* [Rn.], мрл *dák* [Yi.], *daki* [Tu.], баа *dáw-ó*; (в) чай *üss-ú* [Yi.], *us* (перф.) [LL], мкн *ús-ù* [Yi.]; (г) чай *am* (имперф.) [LL], мкн *k=àmi-day* [Rc.], квг *ʔám-bà* [Yi.], *à=ámiyà*: [Hi.]; (д) мрс *bà:g-à* [Yi.], *bá:h* [SC], чай *bayak* [LL]; (е) мдж *dám-úk* [Yi.], *dá:m* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **dak-*.

З.-сурм. реконструкция Игезу не вполне корректна, т. к. он сводит в одну этимологию группы форм (а) и (б), объясняя разницу в вокализме чередованием гласных (**dak-* ~ **dvk-*). Однако, во-первых, такое чередование для рассматриваемых языков неизвестно, во-вторых, странно, что автор не замечает тождественности форм группы (б) с отмеченными у него же формами глагола 'кусать': нрм *díy-ì*, ддн *dáw-ó*, тнт, мрл *dák*, баа *dáw-ó* ← з.-сурм. **dak-*.

Более или менее очевидно, что на пра-ю.з.-сурм. уровне существовала полисемия 'есть / кусать', выражавшаяся единой основой **dak-*. В диалектном пучке нрм-ддн уже после его обособления эти два значения снова оказались разведены: значение 'есть' стало выражаться корнем **dvk-*, этимологически тождественным мрл *kā=dūk* [Tu.] 'лизать'.

Для ю.-в.-сурм. Игезу не предлагает никакой реконструкции вообще из-за большого разнообразия вариантов. Однако параллелизм супплетивных основ в чай и мкн однозначно свидетельствует в пользу реконструкции оппозиции **am-* (имперфектив) : **us-* (перфектив).

Особо, на первый взгляд, выделяется мрс, по которому два базисных источника вместо данной оппозиции приводят единую для всей парадигмы основу **ba:g-*. На самом деле ситуация более сложная: так, в словаре [Turton et al. 2008], помимо глагола *baka* 'есть', зафиксирована и оппозиция *ата : usa*, причем конкретные примеры употребления свидетельствуют едва ли не о полной синонимии, ср. *ain aɕik na k=us-u* 'дай мне мяса поесть' = *ain aɕik na ka=bag-a id.* А в словарном списке чай [Abbink 1993], наоборот, приводится только форма *bá:ka* 'есть'; существование в этом языке оппозиции **am-* : **us-* автором списка вообще не было замечено. По-видимому, это говорит о том, что противопоставление 'есть₁' (**am-* / **us-*) и 'есть₂' (**bak-*) было представлено уже на уровне пра-сури-мурси, но из-за нехватки данных точно установить распределение этих основ невозможно. Отметим, однако, омонимичность этой основы с глаголом 'жить' (мрс *baka* [Turton], чай *bayak* [LL] = ю.-з.-сурм.: мрд *ba:k* [Lyth], баа *báǵǵ id.*); в типологическом плане развитие 'жить' → 'есть' (т. е. 'существовать' → 'питаться') необычно, но в данной ситуации, учитывая, что вывести основу **bak-* в значении 'есть' на пра-ю.-сурм. уровень невозможно, другого объяснения пока что предложить не удается.

Учитывая вторичность семантики 'есть' для обеих ю.-з.-сурмийских основ, можно без труда спроецировать оппозицию **am-* : **us-* и на обще-ю.-сурм. уровень. Основа **am-* при этом сохраняется и в ю.-в. языках, но в измененном значении: ддн *am* 'пить (молоко)', мрд *am* 'пить (молоко или кровь)' [Lyth]. Здесь налицо противопоставление обычному **kva-* 'пить' (воду или какую-л. другую жидкость); по-видимому, для ю.-з. ветви стала актуальной дифференциация между такими типами значения, как 'есть (жесткую пищу)' и 'есть (мягкую или жидкую пищу)', что и повлекло за собой вытеснение в первом значении старого корня **am-* старым же корнем **dak-* 'кусать'.

Ю.-з. параллелей для перфективной основы **us-* не обнаружено. Не исключено, что она является морфологически сложной

(ср. выше перфективное **rɛ-s-* 'умереть'), но для моновокалического корня **u-* убедительные внешние параллели найти еще сложнее, чем для **us-*.

Сложным является вопрос о возможном соотношении ю.-сурм. **am-* и мдж *dám*. Ниже мы покажем (см. 'голова'), что соответствие «ю.-сурм. **∅* : мдж *d*» можно считать регулярным, хотя оно и не исчерпывает все случаи встречаемости *-d-* в сев.-сурмийском. Условившись различать **d₁* (сохраняющееся в обеих ветвях) и **d₂* (выпадающее уже на пра-ю.-сурм. уровне), можно предположить такое же соответствие и для начальной позиции — проблема лишь в том, что других примеров на него не обнаружено. Это обстоятельство, однако, может быть вызвано элементарной нехваткой данных по мдж.

Таким образом, окончательное решение следует отложить до выхода в свет новых словарных данных по сев.-сурмийскому; мы же будем пока считать ю.-сурм. **am-* и мдж *dám-* фонетически совместимыми, сводя их к условному обще-сурм. прототипу **d₂am-*.

13) «яйцо»: (а) нрм *bù:r-ù* (мн. ч.) [Yi.], *būr-nàk* (ед. ч.), *būr-ū* (мн. ч.) [Tu.], ддн *bù:r-ù* (мн. ч.), *buru-n'anit* (ед. ч.), *b'uru* (мн. ч.) [Dr.], тнт *bù:r-ù* [Yi.], *bùrú* [Rn.], мрд *bù:r-ù* [Yi.], баа *búrá*, чай *búrrày* [Yi.], *búrrái* [LL], мрс *búrráy* [Yi.], (?) *dúrɔi* [SC]; (б) мкн *mùlá-ɕ* [Yi.], *mulà* [Rc.]; (в) квг *mó:gù* [Yi., Hi.]; (г) мдж *tútúkán* [Yi.], *tuttukan* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **bv:rv*, в.-сурм. **burrai*.

Для сурм. лексем со значением 'яйцо' характерно использование в качестве исходной (морфологически простой) формы мн. ч., имеющей вид **bv:r-v* в узко-з.-сурм., *bur-a* в баа и **bur(r)-ay* в языках сури-мурси. (Вариант *dúrɔi* в мрс списке [SC] выглядит как опечатка вместо ожидаемого **búrɔi*; словарь Тертона не подтверждает существования такой формы). Исходный ю.-сурм. корень восстанавливается в виде **bv:r-*.

Формы (б) и (в) Игезу справедливо определяет как омотизмы: мкн *mùlá-* ← бенч *mul* (ср. также чара *mo:la*, найи *moala* и др.), а квг *mó:gù* ← кара *mu:kɔ* (ср. также галила *mu:ka* и др.). Ситуация осложняется тем, что и ю.-сурм. **bv:r-* также обнаруживает фонетически сходные эквиваленты в омотских языках, ср. в первую очередь макро-омето **bibul-* [Bender 2003: 115], а также хамер (юж.-омот.) *bvla*; омотизмами, по всей видимости, являются такие

отдельные встречаемости этой же основы в кушитских языках, как бурджи *bulbule*: и йааку *bolbol*.

Однако в данном случае предполагать заимствование в пра-ю.-сурм. уже не так просто, поскольку такая гипотеза не объясняет фонетического развития в сурмийском — ни стяжения основы, ни замены плавного *l* (хорошо представленного в пра-ю.-сурмийском инвентаре) на вибрانت *r*. Поэтому речь должна идти скорее либо об очень древней ареальной диффузии (ниже будет видно, что аналогичные формы встречаются и в других языковых семьях данного ареала), либо о «семантической аттракции» в рамках «омотско-сурмийского» языкового союза.

Мдж *tùtùkán* (-*n* — показатель ед. ч.; корень, скорее всего, **tut/ul-*) на ю.-сурм. основе не этимологизируется; при этом форма имеет ярко выраженный «экспрессивный» характер (редуплицированный корень) и вряд ли может претендовать на большую архаичность, чем **bv:r-*.

14) «глаз»: (а) нрм *kèbèrè* (мн. ч.) [Yi.], *kēbērē-ç* [Tu.], ддн *kébéri* (мн. ч.) [Yi.], *kiber'e-ç* [Dr.], тнт *èbèrè* [Yi.], мрл *kéḃèrè* (мн. ч.) [Yi.], *kēbērē-ç* [Tu.], баа *kè:rè*, чай *kà:rì* [Yi.], *kàbàrì* [LL], мрс *kà:rì* [Yi.], *ká:rì* [SC], мкн *kàbàrì-ç* [Yi.], *kabàrì-ç* [Rc.], квг *kàrbò* [Yi.], *kárbò* [Hi.]; (б) мдж *tà:má* [Yi.], *ta:ma*: [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **keḃere*, в.-сурм. **kabari*.

Устойчивый этимон 'глаз' сохраняется во всех без исключения языках южной группы, с незначительными фонетическими изменениями: (а) в тнт начальный *k-* реинтерпретируется как «*k-mobile*» и исчезает (при том, что ю.-в.-сурмийские параллели однозначно указывают на корневой статус этого согласного); (б) интервокальный губной согласный в баа и в сури-мурси выпадает по неясным причинам (возможно, что такое развитие регулярно в данном вокалическом контексте); (в) в квг налицо редукция вокализма второго слога, повлекшая за собой метатезу.

Исходную пра-ю.-сурм. форму корня следует реконструировать в виде **kabar-*; основа «по умолчанию» — мн. ч. **kabar-i*, с переогласовкой корня под влиянием суффиксального вокализма. Что касается срединного согласного, то реконструкция импловизного **-b-* в з.-сурм. вызывает определенные сомнения — такая артикуляция зафиксирована только в материалах Игезу и только в диалектном пучке нрм-ддн, не подтверждаясь ни внутренними,

ни внешними данными. Скорее речь все же идет о простом звонком **-b-*, хотя вопрос заслуживает дальнейшего анализа.

В мдж обнаруживается совершенно иная основа — **ta:m-*, не имеющая ни внутрисурмийских параллелей, ни очевидных источников заимствования; прасурмийский этимон остается неизвестным. Стоит отметить, что архаичность ю.-сурм. **kabar-* довольно сомнительна. Во всех без исключения языках, по которым доступны дополнительные словарные данные, эта основа полисемична; ср. значения в мрл [Lyth] и в мрс [Turton]: ‘глаз’, ‘семя’; в чай [LL]: ‘глаз’, ‘плод’; в мкн [Rc.] основа *kabari-φ* ‘глаз’ противопоставлена однокоренному *kabar-à* ‘косточка (плода)’. По-видимому, полисемия ‘глаз’ / ‘семя, косточка (плода)’ была присуща этому корню уже на пра-ю.-сурм. уровне. Направление семантического развития при этом могло быть в обе стороны, но сложная структура основы (в подавляющем большинстве африканских языков базисная лексема ‘глаз’ в лучшем случае биконсонантна) скорее говорит в пользу метафоризации ‘семя / косточка’ → ‘глаз’. Впрочем, этот аргумент нужно считать косвенным; к внешнему сравнению следует привлекать и **ta:m-*, и **kabar-*.

15) «огонь»: (а) нрм *gúó* [Yi.], *gūō* [Tu.], ддн *gúó* [Yi.], *gwo* [Dr.], тнт *gúó* [Yi.], мрл *gó* [Yi.], *gū* [Tu.], баа *gwó*, чай *gō* [Yi.], *gò* [LL], мрс *gò?* [Yi.], *gó* [SC], мкн *gó* [Yi.], *gòì* [Rc.], квг *gù* [Yi., Hi.]; (б) мдж *máá* [Yi.], *madáa* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **gwo*, в.-сурм. **go*.

Реконструкция в з.-сурм. основе имплозивного **g-* сомнительна; эта артикуляция зафиксирована только в материалах Игезу по ддн и мрл, в которых противопоставление *g-* и *g̥-* в анлауте либо вообще не фонологично, либо, по крайней мере, нейтрализовано для подавляющего большинства исконно сурмийских основ. Напротив, в баа, где это противопоставление выделяется очень четко, налицо обычный звонкий *g-*.

Судя по данным квг, первичной формой корня является **gu-*, хотя в большинстве языков он расширен за счет дополнительного именного суффикса (**gu-o*, возможно, ← **gu-a* с ассимиляцией?).

Мдж *máá* не имеет ю.-сурм. параллелей. Сама форма на синхронном уровне, по-видимому, неразложима, но в историческом плане может быть как простой, так и состоящей из корня **ta-* и именного суффикса *-á*: ср. *tapa-á*, мн. ч. *tapa* ‘вождь’ [Bender 1983a: 125], а также наличие таких слов, как *am(-)á* ‘живот’, *em(-)á* ‘лодка’

[Yi.], необычная фонотактическая структура которых может предполагать сложную морфологию.

Вне зависимости от решения этого вопроса, если мдж *-d'* отражает здесь прасурм. **-d₂*, то слово вполне может быть архаичным; регулярное развитие **d₂ → ю.-сурм. *θ* должно было привести к полной омонимии с корнем 'вода' (см. ниже), что, в свою очередь, способствовало вытеснению старой лексемы 'огонь' новым корнем **gu-*. Ср. в связи с этим семантику в мкн: *go-ì* [Rc.] 'огонь, тепло, жара, горячий'; в мдж любопытно отметить глагольную основу *gut* 'зажигать' [Ce.], хотя для убедительного выделения в ней производного суффикса *-t* у нас не хватает данных. В любом случае мдж *mád* или **ma-* следует обязательно учитывать при внешнем сравнении наряду с ю.-сурм. **gu-*.

16) «нога»: (а) нрм *ðò:ɕɕí* [Yi.], *ðòɕ* [Tu.], ддн *ðòɕɕí* [Yi.], *ðoiɕ* [Dr.], тнт *ðóɕ* [Yi.], мрл *ðò:ɕ* [Yi.], баа *sò*; (б) чай *zāgārí* [Yi.], *zāgārí* [LL], мрс *zà:rí* [Yi.], *zári* [SC], мкн *záré-ɕ* [Yi.], *zarri-ɕ* [Rc.]; (в) квг *zàp* [Yi., Hi.]; (г) мдж *dèràn* [Yi.], *diran* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ðo:ɕ*, в.-сурм. **zagarí*.

Пра-ю.-з. реконструкция Игезу должна раскладываться на собственно корень **ðo:-* и сингулятивный суффикс **-ɕ*, ср. в баа (свободные?) варианты *só* и *só-ɕ* [Yigezu, Dimmendaal 1998: 313]; в отдельных диалектах форма ед. ч. **ðo:-ɕ* реинтерпретируется как мн. ч. с образованием нового сингулятива **ðo:-ɕ-í*.

Для ю.-в. группы самым общим инвариантом является **zagar-i* (мн. ч., по-видимому, **zagar-e*, как в чай, опять-таки с образованием «нового сингулятива» **zagar-e-ɕ* в мкн). Исключение составляет лишь отдельная подветвь квг, где имела место инновация: в словаре Хиэда для слова *zàp* даются значения 'нога /leg, foot/' и 'след /footprint/', а также, что важно, приводится специализированная сложная форма 'нога /foot/' — словосочетание *zap ka za:ren*, где *za:ren* = ю.-в. **zagar-*, а *ka* — посессивная частица, т. е. 'zap, принадлежащий *za:ren*' — может быть, изначально 'след ноги'.

Ю.-з. **ðo:-* (← **so:-*?) и ю.-в. **zagar-* не этимологизируются на взаимной основе и не имеют очевидных источников заимствования, т. е. в равной степени допустимы для внешнего сравнения. Несколько большее доверие, тем не менее, все же вызывает ю.-з. форма, как морфологически более простая; ср. в этой связи квг *a=zá:r-íya*: [Hi.] 'идти, ходить', с тем же корнем, что и 'нога' —

допустимо, что здесь имело место типологически частотное образование значения 'нога' от глагольного 'ходить'.

МДЖ *dèràn* — отдельная форма, несводимая ни к одному из ю.-сурм. вариантов (неубедительна попытка Черулли строго умозрительным образом свести ее вместе с ю.-в. **zagar-* к единому прототипу **dikr-*). Любопытно, что Л. Бендер в своем описании грамматики МДЖ, приводя формы ед. ч. *dera-n*, мн. ч. *dera-k*, дает для них значение не 'нога', а 'копыто' [Bender 1983a: 124], хотя, за отсутствием как внешних параллелей, так и подробного словаря МДЖ, делать на этом основании какие-либо выводы о направлении семантического развития преждевременно.

17) «волосы»: (а) НРМ *ímmá* [Yi.], *ímā* [Tu.], ДДН *ímmá* [Yi.], *im'a-çit* [Dr.], ТНТ *ímmá* [Yi.], МРЛ *ímā* [Yi.], БАА *ímmá*; (б) ЧАЙ *çàrè* [Yi.], *çóré* [LL], МРС *çórè* [Yi.], *çór*: [SC], МКН *çórè* [Yi.], *çoré* [Rc.], КВГ *çírà-ší* [Yi.], *çérà-ši* [Hi.]; (в) МДЖ *ám-úp* [Yi.], *ame* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ímmá*, в.-сурм. **çóre*.

Ю.-з. **im(m)á* не обнаруживает этимологических параллелей в ю.-в. языках. Соблазнительно сопоставление с МДЖ *am-* (ср. у Бендера: ед. ч. *am-up*, мн. ч. *am-i*), но оно наталкивается на непреодолимое (по крайней мере, на данный момент) препятствие в виде несовместимого вокализма; соответствие «ю.-з. **i* : МДЖ *a*» не тривиально и при этом не подтверждается ни одним сколь-либо надежным примером. Теоретически речь могла бы идти о переносе гласной под влиянием второго слога, но вокализм второго слога в ю.-з. языках как раз не является передним — ситуация скорее похожа на уникальную «метатезу» вокализма (**amí ~ *íma*), для которой никаких резонансов не обнаружено. Принятая в нашей работе методика требует отдельного этимологического рассмотрения этих форм как фонетически несовместимых.

Нет полной ясности и в отношении ю.-в. **çóre*: к этому варианту легко сводятся формы в сури-мурси и МКН, но не в КВГ, где, опять-таки, налицо не только нерегулярные (и необъяснимые) вокалические соответствия, но еще и непонятный суффиксальный элемент *-š-*, не пропадающий в форме мн. ч. (*çérà-šan* [Hi.]). Все это заставляет подозревать либо неисконное происхождение хотя бы одного из двух вариантов (**çóre* или **çéra-š-*), либо какие-то нерегулярные контаминации. Любопытно отметить сходство формы в КВГ с названием 'волос' в омотском языке бворо:

ci:ra ~ *sì:rá* [Bender 2003: 166] — однако форма эта сама по себе пока не имеет хорошей внутримотской этимологии, а непосредственные контакты между бворо и квг маловероятны.

К внешнему сравнению можно, таким образом, на равных основаниях привлекать все три группы форм.

18) «рука»: (а) нрм *lǝǝi-t* [Yi.], *ǎǎi-t* [Tu.], ддн *lǝǝi-t* [Yi.], *ǎǎi-t* [Dr.], тнт *lǝǝi* [Yi.], *ǎǎi* [Rn.], мрл *ǎǎi-t* [Yi.], *ǎǎi-t* [Tu.], баа *ǎǎi*, чай *sīyó* [Yi.], *sīyó* [LL], мрс *sīyò* [Yi.], *séno* [SC], мкн *sít* [Yi.], *sít* [Rc.], мдж *ʔàrì* [Yi.], *ari* [Ce.]; (б) квг *bùá* [Yi.], *búá* [Hi.]. || Yi.: з.-сурм. **lǝǝit*, в.-сурм. **siyo*.

Ю.-з.-сурм. реконструкцию Игезу уместнее записывать в виде **lǝ(ǝ)i-t*, что отражало бы, во-первых, неясный фонологический статус геминированности спيرانта, во-вторых, суффиксальную природу показателя сингулятива **-t* (ср. формы мн. ч.: мрл *ǎǎi-n* [Tu.], ддн *ǎǎi-na* [Dr.]; в баа **-t* отпадает по фонетическим причинам, но ср. мн. ч. *ǎǎi-nná*, где он не восстанавливается — обратный случай см. ниже для этимона 'язык').

Причина развития **-ǝ- → -y-* в баа Игезу неизвестна; строго аналогичных примеров не обнаружено, но, судя по всему, это еще один аргумент в пользу того, что межзубный спирант *ǝ* в ю.-з. языках имеет несколько источников происхождения и что в пра-ю.-з.-сурм. в этом корне все же присутствовал согласный, отличный, например, от **-ǝ-* в слове 'овца' (нрм *lǝǝ-t*, тнт *lǎǎ-t*, мрл *ǎǎ-t*, баа *ǎǎi* с той же артикуляцией).

Игезу не предлагает (по крайней мере, эксплицитно) сопоставлять ю.-з. **lǝǝi-t* с ю.-в. **siy-o*, однако свести их к единой форме **lasi-t* на самом деле несложно. Редукция вокалического анлаута в ю.-в. группе абсолютно регулярна (см. 'собака', 'рот' и др. примеры), равно как и соответствие «*ǝ* : *s*» (см. 'собака', 'имя' и др., тем более что речь здесь идет об «особом» ю.-з. **ǝ*, вполне вероятно, сибилантного происхождения).

Что касается срединного *-y-* в ю.-в. форме, то здесь наиболее вероятно развитие **si-t-o → *si-ǝ-o → *siy-o*, с присоединением дополнительного суффикса ед. ч. (в мн. ч. сохраняется более архаичная основа **se-n- → чай* *sè-néná* [LL], мрс *se-no* [Turton]). Переход «пра-ю.-в.-сурм. **-VtV*» → «сури-мурси **-VyV*» в работе Игезу не упоминается, но стоит отметить, что в перечне примеров на развитие интервокальных смычных в ю.-в.-сурмийских языках

он вообще не дает материала на **-t-*; при этом аналогичная ситуация отмечается и для ряда других корней ('язык', 'ветер', 'дождь', см. ниже), почему-то во всех случаях в позиции перед маркером сингулятива *-o*. Возможно, речь все же идет о более специфическом развитии: например, маркер мог изначально иметь вид **-yo*. В этом случае процесс надо представлять иначе: **sit-yo* → **siyo* с упрощением кластера.

То, что переднеязычный *-t-* в ю.-в. языках присутствовал, однозначно доказывается мкн формой *sít*. Первичную парадигму можно, таким образом, восстановить в виде **si-t* (ед. ч.) : **si-n-* (мн. ч., ср. общность форманта **-n-* для сури-мурси и ю.-з. языков), с морфологической достройкой **si-t* → **si-t-(y)o* в сури-мурси.

Отличную от прочих квг форму *bùá* Игезу на с. 299 подозревает в заимствованном происхождении, вероятно, забыв, что на с. 287 эту же форму, но в значении 'рука выше кисти (arm)' он предлагает сравнивать — и вполне справедливо — с пра-ю.-з. **íbl:* id. → нрм, тнт, ддн *íbl:*, мрд *íbl:* (в квг — такая же типичная для ю.-в. языков редукция вокалического анлаута, как и в случае с **asi/y/-*). По-видимому, противопоставление 'arm / hand', вполне релевантное на пра-ю.-сурм. уровне, в квг оказалось нейтрализованным (в баа, наоборот, в обоих значениях обобщилось *àyí*).

Гораздо более сложен вопрос о соотношении ю.-сурм. **asi(y)-* с мдж *ʔàrì*. Спиранты *s*, *š* как самостоятельные фонемы в мдж отсутствуют; Л. Бендер рассматривает все случаи их встречаемости как свободные варианты аффрикаты *ʃ* [Bender 1983a: 117], с чем согласен и Игезу; межзубные спиранты в этом языке также не представлены, т. е. старые сурмийские спиранты должны были в нем приобрести либо взрывную (или аффрикатную), либо сонорную артикуляцию. Ниже (см. 'слышать') будет показано, что вероятным соответствием для ю.-сурм. **s-* в мдж является взрывной *t-*. Что касается интервокальной позиции, то здесь ситуация такова, что ни для одного из ю.-з. или ю.-в. корней, восстанавливаемых у Игезу со срединным **-ǵ-* (ю.-з.) или **-s-* (ю.-в.), надежные параллели в мдж пока не обнаружены — за исключением слова 'рука', предполагающего возможность регулярного развития **-s-* → *-r-* в сев.-сурмийском. Единственный случай, косвенно подтверждающий это развитие — суффиксальная морфема *-r-* в мдж *rè:r-*

‘умирать’, которая вполне может представлять собой результат «ротаизма» из **re-s-*, ср. ю.-в.-сурм. **er(ε)-s-* id.

Учитывая, тем не менее, отсутствие явно противоречащих данному развитию примеров и его типологическую естественность, представляется допустимым объединить ю.-сурм. **lsi(y)-* и мдж ?àrì в одну этимологию и постулировать когнацию при лексикостатистических подсчетах.

19) «голова»: (а) нрм ðwà [Yi.], ðwā [Tu.], ддн ðð [Yi.], ð [Dr.], тнт ð: [Yi.], ð: [Rn.], мрд ð: [Yi.], ð [Tu.], баа ðwà, мдж ð:dðh [Yi.], oðoʔo: [Ce.]; (б) чай sàbbá [Yi.], sàbbá [LL], мрс sàbbá [Yi.], sàb:a [SC], мкн sàb-ò [Yi.], sàba [Rc.], квг šùbò [Yi.], šùbó [Hi.]. || Yi.: з.-сурм. **ɜ:wa*, в.-сурм. **sabba*.

Корневой морфемой в ю.-з.-сурм. форме является просто **ɜ:*, причем форма сингулятива может либо совпадать с корнем (в ддн, тнт, мрд), либо расширяться за счет сингулятивного суффикса *-a, с вставкой эпентетического глайда (в нрм и баа); форма мн. ч. надежно реконструируется как **ɜ:-ti* (нрм ó:-ti [Tu.], мрд ó:-ti [Tu.], баа ò:-ði).

Ю.-з.-сурм. форма, в свою очередь, сопоставима с мдж ð:dðh при условии архаичности срединного согласного в сев.-сурм. и его выпадении в этой позиции в южной ветви. На то, что такое развитие действительно имело место, однозначно указывают такие дополнительные примеры из области базисной лексики, как мдж ?idit ‘человек’ = нрм, тнт, мрд é:t id.; мдж ?jád ‘шея’ = чай, мрс ?jò id.; явно противоречащих примеров нет, но, учитывая все же возможность совпадения в мдж в одном имплозивном *d* нескольких фонем (см. ‘есть’), мы будем обозначать «беглый» *d* как **d*₂. Общесурмийский корень ‘голова’ может восстанавливаться как **ɜd*₂.

Совместная этимологизация ю.-з. и мдж форм означает, что ю.-в. **sabba* (корень **sab(b)-*; имплозивная артикуляция в мкн и квг, как объясняет Игезу, вторична; в квг налицо также вокалическая ассимиляция под влиянием губного гласного в суффиксе) — инновация (по крайней мере, в семантическом плане). Происхождение ее, однако, остается неизвестным.

20) «слышать»: (а) нрм ðíw-ú [Yi.], ði-rārà [Tu.], ддн ðìg-ó [Yi.], ðik [Dr.], тнт ðík [Yi.], мрд zik [Yi.], kē=ðí(wð) [Tu.], баа sigʔ, чай šig-á [Yi.], šig [LL], мрс šig-à [Yi.], šiko [SC], мкн šíp-à [Yi.], šà-boi [Rc.], мдж tɪy-

[Yi.], *tiy* [Ce.]; (б) квг *wāi-bá* [Yi.], *à=wái-yà:* [Hi.]. || Yi.: з.-сурм. **ðik-*, в.-сурм. **šig-*.

З.-сурм. и в.-сурм. праформы фонетически изоморфны и вряд ли могут быть убедительно разведены на две отдельные этимологии, несмотря на некоторые фонетические трудности. З.-сурм. реконструкция **ðik-* должна, по-видимому, все же быть изменена на **ðig(g)-*, судя по данным ддн и баа; оглушение в тнт и мрд может быть вызвано морфонологическими причинами (для прояснения ситуации необходим более детальный анализ з.-сурм. морфонологии).

В в.-сурм. ветви корень 'слышать' — одна из трех в.-сурм. основ, для которых Игезу в начальной позиции восстанавливает **š-* (вторая — **šor(r)-* 'моча', 'мочиться', где в ряде языков *š-* свободно чередуется с *ç-*, т. е. праформа может быть и **çor-*; третья — **šwa* 'птица', см. выше). Тем не менее, объяснить столь стабильное присутствие в этой основе шипящего спиранта палатализацией из **sig-* не удастся: начальное *si-* в в.-сурм. языках обычно сохраняется (ср. выше 'рука', а также **sizzi* 'три' → чай, мрц *sízzì*, **sissa* 'пчела' → чай, мрц *sissá* и т. п.). Следовательно, шипящая артикуляция на данном этапе может рассматриваться как первичная, а развитие «пра-ю.-сурм. **š-* → пра-ю.-з.-сурм. **ð-*» может считаться регулярным.

Единственный в.-сурм. язык, в котором имела место инновация — квг; внутрисурмийской этимологии корень *way-* не имеет, и единственная причина, по которой можно усомниться в его заимствовании из омотских языков (ср. йем *we:/s/-*, кафа *wa:u-* [Bender 2003: 166]) — географическая: те омотские языки, в которых эта глагольная основа, образованная вторично от **we-* ~ **way-* 'ухо', вытеснила более старую форму, находятся в значительном отдалении от сегодняшнего ареала распространения квг. Окончательное решение здесь будет зависеть от публикации дальнейших материалов по ю.-в.сурмийским языкам.

Поскольку в мдж *s* и *š* как самостоятельные фонемы отсутствуют (см. 'рука'), встает вопрос о том, может ли им в этом языке в начальной позиции соответствовать *t-*. По материалам Игезу можно обнаружить не менее двух «базисных» примеров, подтверждающих такую гипотезу: 'имя' (см. ниже) и 'моча': ю.-з. **ðɔlɔ* = ю.-в. **šora* = мдж *tò:yò* (развитие **-l-* → *-y-* в этом языке также регулярно,

см. выше 'черный' и др.); противоречащие этому примеры отсутствуют. Надежных примеров на развитие срединного *-g- во что-л., кроме -y-, также нет. Таким образом, мдж *tɪy-* можно считать фонетически совместимым с ю.-сурм. формой фонетическим упрощением из общесурм. *šig- 'слышать'. Нельзя, впрочем, исключать и возможность заимствования из омотского источника, ср. макро-омето *siy- [Bender 2003: 117] (с закономерной заменой s- на t-).

21) «сердце»: (а) нрм *ḏínín* [Yi.], *ḏēnīθ* [Tu.], ддн *ḏínít* [Yi.], *ḏínít* [Dr.], *ḏínín* [Yi.], *zinzèt* [Rn.], мрд *zíníð* [Yi.], баа *ṣṭṇí*, чай *híní* [Yi., LL], мрс *híní* [Yi.¹], мкн *šíní* [Yi.], *šíní* [Rc.], квг *šán* [Yi.], *šēn* [Hi.]; (б) мдж *bà:yè* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. *ḏini.

З.-сурм. и в.-сурм. формы невозможно отделить друг от друга, однако в в.-сурм. ситуация осложняется отдельными нерегулярностями: (а) развитием начального спиранта в *h-* в сури-мурси и (б) огласовкой *a* в квг, вместо ожидаемого переднерядного вокализма. Ни ту, ни другую удовлетворительно объяснить не удастся, но в первом случае нельзя, например, исключить возможность вторичной семантической контаминации (ср. мрс [Turton] *hine* 'живой'), а во втором обращает на себя внимание односложность основы в квг по сравнению со всеми остальными формами; это намекает на существование двух вариантов — чистого корневого *šan и суффиксального *šan-i с переогласовкой → *šin-i либо на прасурмийском уровне, либо независимо в пра-з.-сурм. и пра-в.-сурм. после отпадения квг. Стоит отметить при этом, что по материалам Игезу вообще не удастся обнаружить ни одного надежного случая, когда для пра-ю.-сурм. или даже для промежуточных праязыков можно было бы восстановить основу структуры *CaC(-)i; напротив, возможность такого рода переогласовки косвенно подтверждается ситуацией с этимолом 'мясо' (см. ниже).

Мдж *bà:yè* (в [Bender 1983a: 117] переводится как родовой термин 'внутренний орган') очевидно несопоставимо с ю.-сурм. *šan-.

¹ В списке мрс [SC] для 'сердца' дается эквивалент *hóho*; это, вероятно, ошибка, т. к. и в словаре мрс Тертона, и в прочих в.-сурм. языках *hoho* и родственные формы неизменно переводятся как 'легкие'. С другой стороны, в мрс списке Л. Бендера для 'сердца' также дается перевод *hóhù*: (а в списке тирма — *tarra*, т. е. 'печень', что намекает на общую нестабильность лексических систем внутренних органов в этом ареале).

22) «por»: (a) нрм òttòn [Yi.], òtōn [Tu.], ддн óttò-n [Yi.], o:t'o:-n [Dr.], тнт òttòn [Yi.], мрд òttòn [Yi.], òtōn [Tu.], баа òttòn; (б) чаџ kèrè [Yi.], kèrè [LL], мрс kèrè [Yi.], kér:ε [SC], мкн kèrèž [Yi.]; (в) квр šèi [Yi.], šéi [Hi.]; (г) мдж kòyté [Yi.], koyte: [Ce.]. || Yi.: 3.-супрм. *o_{тт}ton, в.-супрм. *k_{ер}že.

В в.-сурм. языках представлены две несводимые друг к другу основы. В.-сурм. **kɛrʒe* — форма во многом сомнительная, отчасти из-за необычного фонетического облика (редкий случай глоттализованного *kʷ* в мкн, проецируемого Игезу на прауровень; странное срединное сочетание *-ɾʒ-*, то ли упрощающееся в суримурси, то ли, наоборот, возникающее на стыке корня и суффикса, уникального для мкн), отчасти из-за того, что формы со значением 'rog' вида KVR- совершенно не характерны для «нило-сахарского» лингвоареала, но широко распространены в афразийском. Из омотских языков фонетически близкие формы с глоттализированным велярным или увулярным обнаруживаются в кафа *qaro*, моча *qaro*, анфилло *kʷa:ro*, хозо *kʷara*, сезе *kʷali* и др., причем предположительно они сами исходно заимствованы из эфио-семитских источников (гураге, хараре, тигре *qār* и т. п. ← семитск. **qarn-* [Blažek 2008: 112]). Таким образом, следует всерьез рассматривать возможность контактного происхождения формы **kɛr-* и в

в.-сурмийском, хотя однозначно говорить о заимствовании пока что нельзя ввиду неопределенности конкретного источника.

Квг *šěí*, учитывая генеалогическую обособленность этого языка, также может претендовать на архаичность, но никакой этимологии для этого слова обнаружить пока что не удалось. Аналогичным образом обстоит дело и с мдж *kòyté*, несводимому ни к одному из перечисленных выше этимонов. (В [Cerulli 1948: 156] отмечено сходство с рядом южнонилотских форм, в т. ч. сук *kui:* ← пра-ю.-нилот. **kuyin* [Rottland 1982: 353], но контакты между мдж и ю.-нилотскими языками неизвестны; вопрос же о том, может ли это сходство отражать старые генетические связи, следует пока оставить открытым.)

Каждая из четырех «конкурирующих» форм, таким образом, имеет определенные шансы отражать прасурмийский этимон; дальнейшее решение вопроса возможно только при выходе на внешний уровень.

23) «я»: нрм *ànnètta* [Yi.], ддн *ḡánétta* [Yi.], *ḡaneta ~ nana* [Dr.], тнт *àníttà* [Yi.], *àné̃t ~ ànná* [Rn.], мрд *àné̃ttà* [Yi.], *nánà* [Tu.], баа *àndá*, чай *àṇṇè* [Yi.], *àṇè* [LL], мрс *áṇṇè* [Yi.], *ʔáine* [SC], мкн *àṇí* [Yi.], *aji* [Rc.], квг *á:n* [Yi.], *à:n* [Hi.], мдж *è:t* [Yi.], *e:t(i)* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ane:tta*, в.-сурм. **aṇṇe*.

Разнообразие морфологических вариантов в ю.-з.-сурм. языках связано с тем, что в некоторых из них последовательно различаются формы субъекта и абсолютива (изолированная форма, совпадающая с объектной). Приведем более подробные сведения по конкретным языкам:

а) в ддн: абсолютив *ḡaṇe:tl* противопоставлен субъекту *na:na*, сокр. форма *na:*; посессив имеет вид *ḡ=a:n-i* (ед. ч. 'мой'), *ḡig=aṇn-ik* (мн. ч. 'мои') [Odden 1983: 168]. Эта же основа образует и суффикс объектного спряжения *-aṇi* 'меня'; префикс субъектного спряжения имеет вид *xa=* или *xV=* (при ассимиляции с гласным корня);

б) в тнт: абсолютив *àné̃t*, по-видимому, противопоставлен субъекту *àṇṇá*; посессив образуется через сочетание показателя притяжательности *ḡí* с формой ед. ч. *náṇí* или мн. ч. *ḡ=aṇn-ék*; объектный внутриглагольный маркер — *-á* или *-aṇ* [Randal 1998]. Циркумфикс субъектного спряжения имеет вид *k(V)=... -a* (в перфективе) или *k(V)=... -i* (в имперфективе);

в) в мрл: абсолютив *ānét(à)*, субъект *nánà*, посессив *ɸ=ān* (ед. ч.), *ɸí=g=àn* (мн. ч.) [Tucker 1951]. Префикс субъектного спряжения *k(a)=*;

г) в баа: абсолютив *āndá*, субъект *nā:ná*, посессив *n=a:n-dí* (ед. ч.), *ɸí=a:n-dí* (мн. ч.) [Yigezu, Dimmendaal 1998]; циркумфикс субъектного спряжения *kV= ... -a* (перфектив), *kV= ... -i* (имперфектив).

Общим инвариантом для большинства перечисленных форм является корневая морфема **an*, сохраняющаяся в личных местоимениях практически без изменений (за исключением разве что усеченной субъектной формы в ддн). В пра-ю.-з.-сурм. она входила в состав абсолютивной формы **an-eta* (с редукцией срединного гласного в баа и конечного в тнт) и субъектной формы **n=an-a*, причем в тнт эта парадигма подверглась аналогическому выравниванию, с развитием **n=an-a* → **an-a*. Неясной остается причина появления в ддн в абсолютиве дополнительного велярного анлаута *ŋ=*; архаичным этот сегмент быть не может, т. к. даже в близкородственном нрм его не обнаружено.

Эта же морфема представлена и в посессивных формах, базовая основа для которых должна реконструироваться в виде **n=an* (ед. ч.) и **g=an* (мн. ч.). В «узко-з.-сурм.» (без баа) эта основа сочетается с префигируемым маркером притяжательности **ɸí=*, причем форма **ɸí=n=an* часто стягивается в **ɸ=a.n*. От нее же образуется и объектный суффикс в переходном спряжении, хотя полная парадигма объектных суффиксов для пра-ю.-в.-сурм., возможно, и не должна восстанавливаться.

Этимологически особая основа 1-го л. обнаруживается только в виде субъектного префикса **k(a)=*.

В ю.-в.-сурмийских языках ситуация следующая:

а) в чай: *àrè* + специальная эмфатическая форма *árió*; посессив *á=n=ànú* 'мой' (ед. ч.), *à=g=àrú* 'мои' (мн. ч.). Субъектный показатель в глаголе — циркумфикс *kV=... -a* (в перфективе), *kV= ... -i* (в имперфективе) [Last, Lucassen 1998];

б) в мрс: *arí*, эмфатическая форма *aríó*; посессив — ед. ч. *a=n=a:io*, мн. ч. *a=g=aríó*. Субъектные показатели — *kV=... -a* (перфектив), *kV=... -io* (имперфектив) [Turton, Bender 1976];

в) в мкн: *aní* ~ *arí*; посессив — ед. ч. *(d=)ian* (посессивный префикс *d=* выпадает в стяжении с конечным согласным определяе-

мого слова), мн. ч. $g=ani$. Субъектные показатели те же, что и в чай [Will 1989];

г) в квг: $a=i$; посессив $n=a:ni$ (для обоих чисел); субъектные показатели: $a=...-i$ (имперфектив), $a=...-i-ya$: (перфектив) [Hieda 1998].

Приведенные данные подтверждают особый статус квг по сравнению с прочими языками в.-сурм. подгруппы: важнейшими отличиями можно считать отсутствие здесь специальной посессивной формы мн. ч. (с префиксом $g=$) и префиксацию в глагольной системе $a=$ вместо $ka=$. Как соображения общего характера, так и сопоставление с з.-сурм. данными однозначно говорят в пользу того, что вторична ситуация именно в квг, где старая система упростилась — в частности, изменение глагольного форманта явно связано с аналогическим воздействием самостоятельной формы местоимения 1-го л.

Детальное сопоставление этих данных с ю.-з.-сурмийской системой позволяет прийти к следующим выводам:

а) в основе всех форм личных и притяжательных местоимений, а также глагольных суффиксов объектного спряжения (в тех немногих языках, где они обнаруживаются, по-видимому, как вторичные образования), лежит корневая морфема $*an$ (в дальнейшем, при разборе других местоименных форм, будет видно, что основная смысловоразличительная нагрузка в ней приходится на гласный a);

б) притяжательная основа в пра-ю.-сурм. образовывалась с помощью префиксов $*n=$ для ед. ч. и $*g=$ для мн. ч.; конкретные формы по языкам варьируют в зависимости от того, с какими дополнительными частицами (пре- или постпозитивными) эта основа стягивается;

в) конкретные формы личных местоимений восстановить трудно из-за значительного варьирования по языкам; возможно, что исходной формой была $*an-e$ или $*an-i$, позже расширенная в ю.-з.-группе за счет (эмфатической?) частицы $*-ta$. Субъектная основа в ю.-з. языках, не имеющая аналогов в ю.-в. группе, имеет явное сходство с посессивной и, скорее всего, исторически развилась именно из последней;

г) пра-ю.-сурм. статус глагольного префикса 1-го л. ед. ч. $*ka=$ как этимологически особой морфемы не подлежит сомнению, однако для первичной лексикостатистики она нерелевантна.

Для мдж Л. Бендер [Bender 1983a] приводит следующие формы: $\varepsilon:t \sim \varepsilon:t(i)$ (субъектное местоимение в начале фразы), $\varphi=a:k(a)$ (субъектное местоимение в середине фразы), $-ta \sim -\varepsilon:ta$ (приглагольный маркер косвенного объекта), $-ti \sim -\varepsilon:t$ (маркер прямого объекта); посессив $ná:k$ (ед. ч.), $ga:\eta k$ (мн. ч.); личный субъектный показатель 1-го л. ед. ч. — суффикс $-a$.

Вопрос о соотношении этих местоименных форм с ю.-сурмийской парадигмой не имеет однозначного решения. В частности, уже Черулли в своем описании местоименной системы мдж [Cerulli 1948: 137] обращал внимание на ее сходство с соответствующими системами в омотских языках. Действительно, базовое консонантное противопоставление t (1-е л.) / n (2-е л.), нагляднее всего проявляющееся в мдж объектных суффиксах ($-ta$, $-ti$ / $-na$, $-ni$), в точности воспроизводит столь же базовую общеомотскую оппозицию T/N (из языков, находящихся в относительной географической близости от ареала распространения мдж, ср. хотя бы кафа ta 'я', ne 'ты').

Сходство это, однако, было отвергнуто как чисто случайное в работах как Г. Флеминга [Fleming 1976: 309], так и Л. Бендера [Bender 1983a: 129]: поскольку к этому времени границы между омотскими и сурмийскими языками были очерчены уже довольно четко, и по подавляющему большинству грамматических и лексических параметров мдж оказывался явно сурмийским, а не омотским языком, «омотское» происхождение его местоименной системы требовалось дезавуировать. Для местоимения 2-го л. это оказывается очень просто, т. к. мдж in 'ты' полностью тождественно многим из сурмийских форм (ср. хотя бы квг $i:n$, см. ниже); для местоимения 1-го л. $\varepsilon:t$ Бендер приводит такие ю.-з. формы абсолютива, как мрл $anétya$ (= $ànè:ttà$ [Yi.]), т. е., по-видимому, предлагает трактовать $\varepsilon:t$ как стяжение: $*an-\varepsilon t \rightarrow *en-\varepsilon t \rightarrow \varepsilon:t$.

Все это теоретически допустимо; тем не менее, нельзя игнорировать то обстоятельство, что мдж — единственный из сурмийских языков, где по крайней мере в одной из подсистем лично-местоименных основ, охватывающей ударные субъектные и безударные объектные формы, базовое противопоставление между формами 1-го и 2-го л. по сравнению с ю.-сурмийским переместилось с вокалического ($*a : *i$) на консонантное ($t : n$). Категорически

отрицать возможную связь такого перемещения с воздействием омотского окружения, для которого именно такая оппозиция является типичной, было бы опрометчиво. Вопрос скорее должен формулироваться следующим образом: идет ли речь о *влиянии* омотского окружения, вызвавшего своего рода «мимикрию» исконно сурмийской системы, или о прямом заимствовании отдельных местоименных форм из близлежащих омотских языков?

Нельзя не отметить, что предполагаемая Бендером связь конечного *-t* в *ε:t* с ю.-з. абсолютным суффиксом **-eta* крайне непрочна. Во-первых, этот суффикс, как было показано выше, не имеет параллелей в ю.-в. языках и может представлять собой ю.-з. инновацию. Во-вторых, он характеризует как 1-е, так и 2-е лицо, и сопоставление будет законным только при допущении, что первоначально он присоединялся только к 1-му л. (как в мдж), а в пра-ю.-з.-сурмийском обобщился также на 2-е. Принятие сразу двух допущений подобного рода производит впечатление натянутости. Однако если связь между этими морфемами отвергается, единственно возможным объяснением для мдж *ε:t* остается *прямое* заимствование этой формы из какого-то омотского языка.

Исконно сурмийская система при этом хорошо сохраняется в подсистеме постпозитивных личных местоимений, т. к. форма *ε=a:k* даже на синхронном уровне раскладывается на местоименный префикс *ε=* (ср. *ε=i:ŋk* 'ты', *ε=ɛŋk* 'он' и т. п.), корневую морфему *=a-* и суффикс *-k*. Эта же морфема *=a-* наглядно представлена и в посессивной основе, и в субъектном спряжении (в котором, кстати, не обнаружено следов южносурмийского префикса **kV=*, что может быть инновацией), и надежно сопоставима с пра-ю.-сурм. **an-* даже несмотря на свою моновокаличность.

В лексикостатистическом плане наличие субъектной формы *ε=a:k* формально снимает вопрос об исконном/заимствованном происхождении параллельной лексемы *ε:t*, т. к. обе они могут рассматриваться как супплетивные местоименные синонимы; но на этимологическом уровне эта проблема остается открытой.

24) «убивать»: (а) нрм *rúw-ú* [Yi.], ддн *rùŋ-ó* [Yi.], *ruk* [Dr.], тнт *rúk* [Yi.], *rúh* [Rn.], мрд *rúk kádáák* [Yi.], *ē=rúk* [Tu.]; (б) баа *káð-ó*; (в) чай *t̪ɔ̌ɔ̌dā* [Yi.], мрс *t̪ɔ̌dā* [Yi.]; (г) чай *nis* (имперф.) [LL], мкн *ʔín-à* [Yi.], *nisi-day* [Rc.], квг *à=ní:šiyā* [Hi.]; (д) мрс *dāga* [SC]; (е) квг *riš-bá* [Yi.]; (ж) мдж *bòkòt-úk* [Yi.], *bokut* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **rvk*.

Для ю.-з. основы **rvk* характерна полисемия: 'убивать' — лишь одно из ее многочисленных значений и скорее всего далеко не первичное. Ср. в мрл: *ruk* 'бить, ударять; молотить; убивать; выплачивать (долги)' [Lyth]; тнт, баа *rúk* [Yi.] 'ударять'¹; ддн *à=rùγ-ò*, мрл *rùwòn*, баа *rùγ-é* 'драка' [Yi.]. Мрл идиома *rúk kádáàk*, записанная у Игезу, должна буквально означать 'забить до смерти' (см. выше 'умирать').

Баа *kád-ɔ* — отдельный корень, хорошо соответствующий ддн *kat* [Dr.] 'пронзать', мрл *kat* [Lyth] 'пронзать, колоть, ранить'; здесь также налицо вторичное (эвфемистическое) развитие → 'убивать'.

Для ю.-в. группы Игезу вообще не предпринимает попытки реконструкции; тем не менее, среди всего многообразия корней здесь явно выделяется группа форм (г), обладающая наиболее перспективной дистрибуцией для выведения на прауровень именно в значении 'убивать'. В чистом виде корень **in-* обнаруживается только в мкн (и то только по версии Игезу), но суффиксальная основа **ni-s-* (← **in-(i)s-*; ср. аналогичную структурную оппозицию в парадигме глагола 'умирать') зафиксирована в квг (у Хиэда), в мкн (у Риччи) и в чай (Ласт и Лукасен определяют ее как имперфективную, не приводя, однако, перфективной корреляции). В мрс произошло сужение значения: *niso* глоссируется в словаре Тертона как 'забивать (скот, камнем по голове)'.

«Конкурирующие» формы в ю.-в.-сурмийских языках, напротив, как правило, изолированы и производят впечатление относительно недавних замещений. Так, мрс *dága* в списке [SC] = *daga* 'бить, ударять' в словаре Тертона; квг *ríš-bá* похоже на вторичный каузатив от *āršābá* 'умирать'; обще-сури-мурси **təgɔd-* (→ мрс *tò:dâ* с леницией и выпадением срединного велярного) в словарном списке чай [Abbink 1993] имеет вид *təgɔdda* 'закалывать', т. е. опять-таки от 'пронзать, колоть'.

Трехсогласная основа *bokot-* в мдж не имеет явных параллелей в ю.-сурмийском; Черулли отмечает фонетическое сходство с рядом южноилотских форм (пра-элгон **plklɛ* 'убивать' согласно реконструкции в [Rottland 1982: 522]), но это может быть и слу-

¹ Последние две формы Игезу сравнивает с нрм *ùkk-ú*, ддн *ùkk-ɔ* 'бить', предполагая здесь нерегулярное выпадение **r-*; на самом деле это скорее отдельный корень (ср. у Дриберга: ддн *ruk* 'убивать', но *uk* 'бить').

чайным совпадением (в любом случае, речь могла бы идти только о заимствовании). С другой стороны, очевидный композитный состав и «экспрессивность» фонетического состава основы в мдж сами по себе заставляют усомниться в ее архаичности — по крайней мере, по сравнению с ю.-в.-сурмийским **in-*, для которого семантика 'убивать' исконна.

25) «лист»: (а) нрм *bàllòy-ìt* [Yi.], ддн *bòlòy-inìt* [Yi.], *bol'og-init* [Dr.], мрд *bólóy-ítòt* [Yi.], баа *bàllóg-ó-ní*, чай *bàllög-í* [Yi.], *bàllög-í* [LL], мрс *bàllòg-ì* [Yi.], *bál:ɔ-i* [SC]; (б) тнт *vàrà-jioc* [Yi.]; (в) мкн *sàlè-ɕ* [Yi.], *sàla* [Rc.]; (г) квг *kàk'itèn* [Yi.], *k'ágètèn* [Hi.]; (д) мдж *pí:nòn* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. *ballog-*.

Как и во многих предыдущих случаях, вероятность того, что в прасурмийском существовал отдельный корень со значением 'лист', невелика. Наилучшую дистрибуцию, объединяющую почти всю ю.-з. группу с ю.-в. подгруппой сури-мурси, имеет группа форм (а), сводимая к единому инварианту **balog-*. При этом данную основу вряд ли можно отделить от форм со значением 'кора', также встречающихся и в ю.-з., и в ю.-в. группах: нрм *bàllók*, тнт *bòllók*, мрд *bòllók*, мкн *bòllók-ɕ* [Yi.]; по сути, большинство перечисленных выше вариантов лексемы 'лист' — не более чем сингулятивные формы от простой основы 'кора', расширенные за счет суффиксов *-i, *-it, *-nit, *-ni и др. (за исключением мкн, где, наоборот, в значении 'кора' зафиксирован как раз сингулятивный вариант). В ряде словарей эти значения вообще не отделяются друг от друга в пределах словарной статьи, ср. в мрд [Lyth]: ед. ч. *bolo-itot*, мн. ч. *bòllók* 'лист', 'кора', 'рыбья чешуя'; в ддн [Dr.]: ед. ч. *bol'og-init*, мн. ч. *bol'ok* 'лист', 'кожура', 'кожа', 'чешуя'.

Тем не менее, несмотря на эту полисемию, никаких других серьезных «претендентов» на прасурмийский 'лист' обнаружить невозможно. Формы в тнт, мкн, квг и мдж практически не этимологизируются; некоторые из них фонетически изоморфны отдельным лексемам в нилотских (к тнт *vàrà-jioc* ср., возможно, лопит *fàrá-î*) или омотских (к квг *kàk'itèn* ср. бворо *k'òk'ra* 'кора'), но дистрибуция этих основ даже внутри самих нилотской и омотской семей оказывается узкой, а возможные сценарии заимствования — чересчур натянутыми.

Любопытно, что ни в одном из сурмийских языков, если опираться только на базовые источники, слово 'лист' не образовано

метафорическим способом от слов 'ухо' или 'глаз'. Однако в списках Л. Бендера в мрл все же находим *itət = ittət* [Yi.] 'ухо'; не исключено, что и среди перечисленных выше форм какие-то могут на самом деле иметь более специфический узус (напр., вид листа какого-л. растения).

26) «вошь»: нрм *ijnáttot* [Yi.], ддн *ijnáttit* [Yi.], *ijnà* [Dr.], тнт *ijnáccócc* [Yi.], мрл *ijnáttàt* [Yi.], баа *ijnáðì*, чай *ijnáóí* [Yi., LL], мрс *ijnáýí* [Yi.], *ʔínei* [SC], мкн *ínccò-cc* [Yi.], квг *ínté* [Yi.], мдж *ijètín* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **ijnatt-*.

Чистой основой в з.-сурм. языках является **ijna*; это видно по формам мн. ч. — ддн *ijna* [Dr.] (Дриберг приводит одну и ту же форму для ед. и мн. ч., очевидно, не добившись от информанта особой формы сингулятива), мрл *ijn* [Lyth], баа *ijná*. На пра-з.-сурм. уровне сингулятив, скорее всего, образовывался с помощью суффикса **-ti*, что нагляднее всего видно в баа (где аналогичным образом устроена парадигма слова 'муравей': мн. ч. *kúkkúccó-ði*, ед. ч. *kúkkúccó-ði*). Уже после отделения баа сингулятив **ijna-ti* был расширен за счет «нового» сингулятивного маркера **-t* (или, возможно, **-ot*), что и привело к разнообразию современных вариантов.

Гораздо более запутана ситуация в ю.-в. группе, для которой даже Игезу отказывается предлагать какую-л. реконструкцию. Для подгруппы сури-мурси, ввиду необычной формы с носовым кластером в чай, такой реконструкцией может быть только **ijnzo* (мн. ч.), **ijnzo-(y)i* (сингулятив), притом что вопрос о реконструкции внутриморфемных кластеров у Игезу даже не поднимается: они встречаются так редко, что на начальном этапе реконструкции допустимо ими пренебречь.

С другой стороны, очевидна изоморфность между формой **ijnzo* и мкн *ínccò-*, где также представлено редкое сочетание с носовым. Обращает на себя внимание и тот факт, что в списке мкн по версии Л. Бендера дается форма *inccò-cc*, с огубленным гласным. Помимо этого, вряд ли следует разводить все эти формы с квг *ínté* (*íntò* в списке Бендера). В качестве возможного, хотя и не единственного, сценария развития можно предложить следующий:

(а) все формы выводятся из пра-в.-сурм. оппозиции **ijna-ti* (ед. ч. — точно такое же, как в з.-сурм.): **ijna-ti-(y)o* (мн. ч.; модель образования мн. ч. на *-o* до сих пор хорошо просматривается, например, в чай, ср. *kírəŋgî* 'муха': мн. ч. *kírəŋg-ò*, *gúsí* 'тыква': мн. ч.

gúsi-ð [LL]). Старая форма сингулятива при этом практически вышла из употребления уже на прауровне, возможно, сохранившись лишь в квг *in-te*;

(б) сложный плюралис **iŋa-ti-uo* уже на прауровне стянулся в **iŋ-tuo* → **iŋ-ɕo* или даже **iŋ-ɕo*, судя по форме в мкн. Типологически появление в данных условиях глоттализованной артикуляции странно; не исключено, что это специфическая инновация в мкн, возникшая под влиянием широко распространенной омотской формы **ɕiɕɕɕɕɕɕ* [Bender 2003: 168]. В пользу этой гипотезы свидетельствует и неожиданная форма *ɕiŋɕo* (вм. **iŋɕo* или **iŋɕo*) в слове мкн у Риччи, объяснимая только как результат контаминации между сурмийским **iŋɕo* и омотским **ɕiɕɕɕɕɕɕ*;

(в) появление губного **и* в корне в прасури-мурси (и, возможно, также в отдельных диалектах мкн) — вероятно, результат переогласовки по суффиксу, хотя этот момент довольно спорен, т. к. аналогичных случаев больше не обнаружено. С другой стороны, при столь уникальных характеристиках основы (исходная трехсложность, образование редкого кластера, плюс экспрессивная семантика и возможность контаминации с фонетически сходными омотскими формами) данный фактор не может считаться непреодолимым препятствием для этимологического отождествления всех этих форм.

Таким образом, допустимо сведение всего ю.-сурмийского разнообразия к исходной оппозиции **iŋa* 'вши' : **iŋa-ti* 'вошь', с дальнейшими морфологическими трансформациями в конкретных подгруппах. Реконструкцию **iŋa-ti*, в свою очередь, трудно не сопоставить далее с формой в мдж, где *-ŋ* у Игезу — опять-таки показатель сингулятива, ср. у Бендера: ед. ч. *ŋe:ti-n*, мн. ч. *ŋe:ti*.

Существенным осложнением здесь является не столько допущение в мдж редукции начального гласного (у нас практически отсутствуют данные о поведении прасурмийских основ типа **VCVCV* в мдж), сколько несовпадение мест образования носовых согласных; как в северно-, так и в южносурмийском велярные и палатальные носовые — полностью самостоятельные фонемы. При этом, однако, обращает на себя внимание почти полное отсутствие в мдж контекстов, в которых палатальный носовой предшествует переднему гласному. Так, в списке Игезу на 4 примера *ŋ-* перед передними гласными (*ŋéwàn* 'плохой', *ŋídán*

‘пчела’, *ɲidɪŋ* ‘просо’, *ɲidán* ‘зуб’; в последнем случае можно также утверждать, что *ɲ* ← **ɲ*-, см. ниже) приходится всего 2 на обратную ситуацию (*ɲɪ̀gɪ̀m* ‘подбородок’, *ɲè̀w-úk* ‘мочиться’), причем для ‘подбородка’ можно предполагать недавнюю ассимиляцию из **ɲà̀gɪ̀m*, ср. тнт *ɲàm-ùrà̀t*, мрл *ɲám-ùrét* id., а ‘мочиться’ обще-сурмийской этимологии не имеет в принципе.

Неслучайной, возможно, является и транскрипция мдж *ɲɛ:ti* в [Bender 1971], которая может отражать архаичный, недиссимилированный вариант артикуляции (впрочем, уже в [Bender 1983a: 124] слово все же записывается как *ɲɛ:ti* с велярным).

Учитывая, что в типологическом плане колебание *ɲ*/*ɲ*- перед передними гласными в целом нередко для языков данного ареала, допустимо считать мдж *ɲɛ:ti* фонетически совместимым с ю.-сурм. **ɲiati*, выделяя в обеих формах старый показатель сингулятива **-ti* и корень **ɲi*а-.

27) «мясо»: (а) нрм *k=ídɪŋ* [Yi.], *ídɪŋ* [Tu.], ддн *ídɪŋ* [Yi.], *ídɪŋ* [Dr.], тнт *ídɪŋ* [Yi.], *ídɪŋ* [Rn.], мрл *ídɪŋ* [Yi.], *ídɪŋ* [Tu.], баа *èdɪŋ*; (б) чай *áyù* [Yi.], *áyù* [LL], мрс *àɕɕúk* [Yi.], *ʔáɕo* [SC], мкн *áɕuk* [Yi.], *áɕɕù-k* [Rc.]; (в) квт *ʔárùŋ* [Yi.], *árùŋ* [Hi.]; (г) мдж *tààr* [Yi.], *ta:r* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ídɪŋ*-, в.-сурм. **áɕuk*.

Для ю.-з. группы реконструкция **ídɪŋ*- в целом однозначна, за исключением мелких неясностей (вокализм *e*- в баа; «гиперкорректное» добавление *k*-mobile в нрм, правда, только в диалекте, описанном Игезу). Стоит отметить, что в словаре мрл [Lyth] обнаруживается специальная форма мн. ч. *idi*; если только это не новообразование (что маловероятно — «новые» формы ед. или мн. ч. обычно образуются с помощью продуктивных суффиксов, ср. в ддн у Дриберга мн. ч. *idɪŋ-wa*), то ауслатный сегмент *-ɲ* изначально не принадлежал корню.

В ю.-в. языках наиболее широкую дистрибуцию имеет основа **áɕi* (реконструкция **áɕuk* у Игезу включает сингулятивный суффикс *-k*). Необъясненным, правда, остается развитие **-ɕ*- → *-y*- в чай, но вряд ли это может представлять серьезную проблему, учитывая, что эта аффриката в принципе редко встречается в срединной позиции.

Гораздо более значимым оказывается практически полное сегментное совпадение этой основы с многочисленными омотскими формами, которые Л. Бендер возводит к праомот. **áɕ*-

‘мясо’ ([Bender 2003: 303], ср. в особенности рефлексy в дизоидной группе типа *aɕ-ku*, *aʃ-ku*). Поскольку слово вполне надежно реконструируется по крайней мере на прасеверноомотском уровне, логично предполагать заимствование в значительно более молодой пра-ю.-в.-сурмийский, отражающее «скотоводческий слой» контактов между омотскими и сурмийскими языками.

Хронологически омотское слово могло попасть в ю.-в.-сурмийский уже после отделения квг, где следов основы **aɕi(-k)* не обнаружено. Что касается квг *ʔárùŋ*, то здесь ситуация также непростая. С одной стороны, можно отметить фонетическое сходство с ю.-з. **idīŋ-*; так, Г. Флеминг без колебаний объединяет обе формы в одну этимологию, отмечая, вслед за Дж. Гринбергом (которому, впрочем, были известны только ю.-з. формы), ее дальнейшие восточносуданские связи, в первую очередь, с похожими нилотскими формами [Fleming 1983a: 545].

Более тщательный анализ, однако, показывает, что ю.-з. **idīŋ-* и квг *ʔárùŋ* — по-видимому, фонетически несовместимые формы; качественных примеров ни на соответствие **-d-* : *-r-*, ни на странные вокалические корреляции обнаружить не удастся. Правда, для квг вообще остается неясной рефлексация пра-ю.-в. **-d-* (в работе Игезу на нее нет ни одного примера); но столь же неясна, например, рефлексация в этом языке срединного **-ɕ-*, так что с этой точки зрения квг *ʔárùŋ* могло бы соответствовать как ю.-з. **idī(-ŋ)*, так и ю.-в. **aɕi* (в последнем случае у нас даже не возникло бы никаких проблем с вокализмом).

Кажется уместным, однако, предложить для этого слова третью этимологию, вполне допустимую в плане семантики и абсолютно беспроблемную в плане фонетики, а именно — сравнение с чай *árró* [LL], мрс *arro* [Turton], мкн *aro* [Rc.] ← пра-ю.-в.-сурм. **aro* ‘бегемот’. Ключевое значение здесь имеет тот факт, что, в отличие от своих соседей, квегу считают себя скорее «речным», чем «скотоводческим» народом, и основным источником мясной пищи для них является охота на бегемотов [Dimmendaal 1989: 16]; само слово ‘бегемот’ (*turuk* [Hi.]) в квг не имеет ясной этимологии (здесь возможна какая-то сложная табуизация), но перенос на него значения ‘мясо’ в такого рода ситуации вполне естественен.

Таким образом, ю.-з. **idī(-ŋ)* остается наиболее подходящим кандидатом на выражение значения ‘мясо’ на обще-ю.-сурмий-

ском уровне, замещаясь в квг названием специфического 'мясного' животного, а в узко-ю.-в.-сурм. — омотским заимствованием.

Что касается мдж *tààr*, то это слово может быть как-то связано с пра-ю.-сурмийской глагольной основой **tar-* 'пробовать (на вкус)' [Yigezu 2002: 389] (через промежуточный этап 'вкусный?'), хотя типологические параллели такого рода для Африки вроде бы неизвестны. Обращает на себя внимание также отмечаемая всеми исследователями долгота гласного, возможно, указывающая на выпадение в срединной позиции старого консонантного элемента. В этом случае данная этимологизация исключается автоматически. Других вариантов, однако, нет вообще.

28) «луна»: (а) нрм *jùlòk* [Yi.], *jèlòk* [Tu.], ддн *jùlòk* [Yi.], *j'i:lok* [Dr.], тнт *jèlòk* [Yi.], мрд *jé:lòk* [Yi.], баа *jùlú*; (б) чай *tági* [Yi.], *tá:gi* [LL], мрс *tági* [Yi.], *tági* [SC], мкн *tá'is* [Yi.], *tais* [Rc.], квг *tigèš* [Yi.], *tigèši* [Hi.]; (в) мдж *è:yèn* [Yi.], *eyen* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **jVlVk*, в.-сурм. **tag-*.

Для з.-сурм. основы Игезу воздерживается от реконструкции вокализма, но очевидно противопоставление переднего ряда в первом слове заднему (огубленному) во втором, т. е. **jèlòk* или **jùlòk*, с ассимиляцией корневого вокализма в баа (-ATR более вероятно, чем +ATR из-за пересечения соответствующих характеристик в нрм-ддн и баа).

Элемент *-k*, вероятно, имеет суффиксальное происхождение, хотя в этом трудно удостовериться на основании анализа парадигмы: формы мн. ч. (обычно в значении 'месяц'), как правило, образуются через дополнительную суффиксацию — ср. ддн *jù:log-i* [Dr.], баа *jùlòg-é*. Более важен факт наличия в мрд редуцированной глагольной основы *jeljel* [Lyth], переведенной в словаре как 'быть податливым (pliable); быть новой (о луне, первые пять дней после новолуния)'; это может говорить об изначально глагольном характере этимона. К сожалению, словарные материалы по остальным ю.-з.-сурмийским языкам чересчур скудны, чтобы подтвердить или опровергнуть это предположение.

В ю.-в.-сурмийской группе «краткая» форма **tagi* в подгруппе сури-мурси контрастирует с «длинной» формой **tagis* в мкн и даже, возможно, **tage-s-i* → *tigèš(i)* в квг, причем срединный *-s-* и в сури-мурси восстанавливается в формах мн. ч.: ср. чай *tágisé-ná* [LL], мрс *taisi-ŋa* (← **tagisi-ŋa*) [Turton]; реконструкция **tag-*, таким

образом, не учитывает сложного характера этой трехконсонантной основы. Наглядно показать ее производный характер, однако, не удастся: никаких глагольных или именных основ вида **tag(i)* в ю.-в.-сурмийских языках, от которых могло бы быть образовано слово 'луна', пока не обнаружено (очень похожим образом устроено и слово 'солнце', см. ниже).

Что касается мдж *è:uèŋ*, то для этого этимона легче всего предположить заимствованное происхождение. Учитывая допустимую регулярность развития **g* → *y* в интервокальной позиции (см. выше 'слышать') и вокалическую ассимиляцию **a...ɛ* → *ɛ...ɛ*, напрашивается сопоставление с омотской основой **agin-a* ~ **agen-a* ~ **agin-a* 'луна' [Bender 2003: 118], повсеместно распространенной в языках группы омето (и, что весьма вероятно, также заимствовавшейся из них в кушитские языки группы бурджи-сидамо).

Таким образом, надежно восстановить прасурмийскую 'луну' не удастся: для северной ветви она, скорее всего, неисконна, а в южной ветви для обеих основ налицо подозрения в производности, хотя, разумеется, и ту, и другую вполне допустимо привлекать к внешнему сравнению, по крайней мере, вплоть до появления более подробных словарных материалов, которые могли бы подтвердить эту производность.

29) «рот»: (а) нрм *k=ùttúk* [Yi.], *k=ùtúk-ēti* [Tu.], ддн *ùttúk* [Yi.], *ʔotok* [Dr.], тнт *ùttúk* [Yi.], мрд *ùttúk* [Yi.], баа *ùtú*, чай *tūg-ó* [Yi.], *tūgò* [LL], мрс *tūg-ó* [Yi.], *túpo* [SC], мкн *túk* [Yi.], *túk* [Rc.], квр *tók* [Yi.], *tòk* [Hi.], мдж *átó* [Yi.], *atu*: [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **(k)=vttúk*, в.-сурм. **tuk*.

Из з.-сурм. языков «k-mobile» обнаруживается только в нрм и поэтому должно объясняться как вторичный результат гиперкоррекции. Реконструкция дентального **t̪* держится исключительно на транскрипции *ùtú* в баа и не может считаться окончательной (отметим, что в [Yigezu, Dimmendaal 1998] авторы еще приводят транскрипцию *ùðú*). Что касается ауслаутного веллярного *k*, то с точки зрения устройства двусложной основы он имеет вид суффикса, но на пра-ю.-з.-сурмийском уровне неотделим от корня: ед. ч. **vttvk*, мн. ч. **vttvk-eti* (в нрм у Такера перепутаны формы ед. и мн. ч.; в баа ауслаутный согласный отпадает, но восстанавливается в форме мн. ч. *ùðy-g-ēdi*; ср. также форму мн. ч. в мрд в слове [Lyth] — *tug-eti*, с редукцией вокалического алаута).

В.-сурмийская основа представлена двумя вариантами: бессуффиксальным **tuk*, сохранившимся в ранее всех обособившихся от общего ствола квг и мкн, и суффиксальной оппозицией **tug-o* (ед. ч.) : **tug-i* (мн. ч.) в подгруппе сури-мурси (с регулярным озвончением велярного в интервокальной позиции). Основа **tuk* объявляется Игезу инновативной, этимологически не связанной с 3.-сурмийскими, но при этом игнорируется регулярность редукции в этой группе вокалического анлаута, которая уже несколько раз наблюдалась выше (см. 'собака', 'рука' и др.): пра-ю.-сурм. **vḏvk* или **vtvk* → пра-ю.-в.-сурм. **tuk* (единственная неясность — ATR-характеристика гласного, но здесь нужны дополнительные исследования по сурмийской морфонологии).

Для того, чтобы форма оказалась фонетически сопоставимой с мдж *átó* (у Бендера: ед. ч. *ato*, мн. ч. *atu-n*), требуется предположить, что (а) анлаутный **v-* в пра-ю.-сурм. (или, по крайней мере, в пра-ю.-3.-сурм.) появился вследствие ассимиляции с губным гласным корня; (б) в мдж налицо старая форма корня, еще не успевшая расшириться за счет окаменевшего затем в ю.-сурм. языках суффикса *-k*. Предположение (а) косвенно подтверждается тем, что вокалических структур *a...v* в ю.-в. именных основах почти нет, а структур *v...v*, напротив, довольно много (ср. 'собака', 'яйцо' и др.); предположение (б) — тем, что двусложный корень со структурой **VCVC* по определению не может быть архаичным именно как корень, а не сочетание корня с суффиксом. Таким образом, общая этимологизация ю.-сурм. и сев.-сурм. форм, как у Игезу (он, правда, исключает из рассмотрения ю.-в. формы, как показано выше, без достаточных оснований), вполне реалистична.

30) «имя»: (а) нрм *ḏà:rà* [Yi.], *ḏárā* [Tu.], ддн *ḏá:rà* [Yi.], *ḏa:r* [Dr.], тнт *ḏàr* [Yi.], мрл *zá:r* [Yi.], баа *sàrá*, чай *sárā* [Yi.], *sárá* [LL], мрс *sárá* [Yi.], *séra* [SC], мкн *sèllà* [Yi.], мдж *tíríyá* [Yi.]; (б) мкн *rònga* [Rc.], квг *rónj* [Yi.], *rònj* [Hi.]. || Yi.: 3.-сурм. **ḏara*, в.-сурм. **sara*.

3.-сурм. реконструкцию Игезу следует, по-видимому, дополнить фонологической долготой гласного (**ḏara*), которую он сам отмечает в нрм, ддн и мрл и которая не является в данном контексте предсказуемой. Отпадение ауслатного **-a* в тнт и мрл обусловлено скорее фонетическими, а не морфологическими причинами (ср. аналогичное развитие для слова 'хвост' и др.), тем более, что *-a* в данной основе не является обычным показателем

сингулятива: слово 'имя' не изменяется по числам, а архаичность ауслата подтверждается в.-сурм. данными.

В в.-сурм. группе ситуация более сложная. Здесь та же самая основа **sara* в подгруппе сури-мурси противопоставлена странной лексеме **roŋ(a)* в мкн и квг. Учитывая внутреннюю структуру в.-сурм. таксона, на первый взгляд праязыковым этимолом следовало бы признать именно **roŋ(a)*, а **sara* считать инновацией; но такой подход игнорировал бы очевидность внешних данных, как ближних (з.-сурм. **ða:ra*), так и дальних (мдж *tíriyá*, см. ниже).

Более внимательный анализ показывает, что **roŋ(a)* в мкн и квг на самом деле имеет маргинально-ареальный характер. Для диалекта тишена Игезу дает форму *sèllà*, явно связанную с **sara* (каким образом — см. ниже); форма *ròŋ-ò* характерна только для диалекта боди, локализованного на восточном берегу Омо, т. е. территориально находящегося ближе к квг, чем тишена. Что касается собственно квг, то здесь оба главных источника (Игезу и Хиэда) согласованно приводят *roŋ*, но в списке Л. Бендера [Bender 1971] опять-таки обнаруживается квг *sà:ryá*.

Помимо этого, бросается в глаза полное отсутствие семантически достоверных параллелей к **roŋ(a)* даже в близкородственной группе сури-мурси, не говоря уже о з.-сурм. языках. Если это ареальное заимствование, то конкретный источник для него указать невозможно, хотя заметно определенное фонетическое сходство с общенилотским **(ka)=Rin* 'имя' [Dimmendaal 1988: 49]. Тем не менее, субстратная гипотеза для этих форм на данный момент все же представляется более вероятной.

Форма *sà:ryá* в списке Бендера важна еще и тем, что, по-видимому, сохраняет более архаичный вид основы: **sar(i)ya*. Только такая реконструкция может объяснить странное развитие в мкн, с переогласовкой первого слога и упрощением старого сочетания **-ry-* в *-ll-* вместо *-r-*: **sar(i)ya* → **serya* → *sella*. Сокращение структуры основы может объяснить и компенсаторное удлинение в корне в з.-сурм. языках.

Наконец, почти идеально пра-сурм. основа **sariya* согласуется с мдж *tíriyá*. О развитии **s-* → мдж *t-* см. выше ('слышать'); вокализм первого слога подвергается такой же ассимиляции, как и в мкн. Разумеется, реконструкция для пра-сурм. трехсложной основы **sariya* ставит вопрос о ее морфологическом составе и

возможной производности. В этой связи важно отметить, что в мдж и, по-видимому, в ряде других сурмийских языков она формально относится к парадигме мн. ч. (ср. аналогичную ситуацию в фур), т. е. может восходить к **sari-(y)a*, где вторая морфема – один из старых показателей мн. ч.; однако окончательно этот вопрос должен решаться уже на внешнем уровне сравнения.

31) «новый»: (а) нрм *zàr* [Yi.]; (б) нрм *ḡāḡā būnnā* [Tu.]; (в) ддн *ḡézzú* [Yi.], *ḡezuk* [Dr.], тнт *ḡézzù-k* [Yi.]; (г) мрл *ṣólák* [Yi.]; (д) баа *áàdis*, мрс *ʔa:dís:i* [SC]; (е) чай *á=ṣṣāḡí* [Yi.], мрс *á=ṣṣāḡí* [Yi.], мкн *ṣàʔí* [Yi.]; (ж) квг *ḡáyà:lí* [Yi.], *hà:lì* [Hi.]; (з) мдж *ìntò:n* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **ḡezuk*, в.-сурм. **ṣāḡí*.

Данный этимон в сурмийских языках исключительно нестабилен; существование на прасурмийском уровне специального корня с основным значением ‘новый’ вообще крайне сомнительно. Из восьми приведенных здесь групп форм для трех однозначно постулируется заимствованное происхождение и еще для двух – вторичное семантическое развитие из значений ‘зеленый’, ‘влажный’, ‘свежий’:

– баа *áàdis* имеет эфиосемитское происхождение (амхарск. *addis*, тигринья *ḡaddis* и др. ← прасемитск. **ḡadiθ-*);

– квг *hà:lì* заимствовано из омотского (каро *ali*; «префикс» *ga(y)-* в варианте Игезу пока остается без объяснения; в списке Бендера на месте этой основы стоит еще более загадочная форма *kànikú:là*);

– з.-сурм. **ḡezuk*, с рефлексацией только в тнт и ддн, даже при условии выведения этой основы на «узко-з.-сурм.» уровень (без баа), вероятнее всего объясняется как недавнее заимствование из восточнонилотского источника: ср. пралотуко-маа **ḡezuk* ‘новый’ [Vossen 1982: 400]. Обратное направление маловероятно в связи с тем, что в подобного рода ситуациях именно нилотские языки обычно выступают в роли донора;

– мрл *ṣólák* = ддн *ṣulak* ‘зеленый, синий; влажный, мокрый’ [Dr.], нрм *ṣulak* ‘зеленый’ [Tu.] и др. (в мрл это слово также означает ‘зеленый’);

– для в.-сурм. **ṣāḡí* характерна та же самая полисемия, ср. чай *ṣà:ḡí* ‘зеленоватый, голубоватый’, ‘новый’ [LL]; мрс *ṣāḡí* ‘зеленый’, ‘сырой’ [Turton] (при этом в списке [SC] значение ‘новый’

передается тем же эфиосемитским заимствованием, что и в баа); мкн *ɕaki* 'сырой' [Rc.].

В нрм для значения 'новый' Такер дает сложный эквивалент *ɳānā būnnā*, по-видимому, буквально означающий 'недостаточно хороший' (ср. *ā=būnnā* 'хороший' и мрд *ɳani* 'еще не'); форма *zər* у Игезу этимологии не имеет, но вряд ли может претендовать на архаичность.

Мдж *ɪntən* в списке Бендера записывается как однослог *t:n*; статус «пресиллаба» *in-* в записи Игезу остается неясным. Какие-либо этимологические гипотезы относительно этого слова станут возможными только после публикации более подробных словарных данных по мдж.

На внешний уровень сравнения допустимо, по-видимому, выводить как в.-сурм. **ɕagi*, так и з.-сурм. **ɕvla(k)*, но лишь при условии сопоставления их с этимонами в других семьях с аналогичной полисемией ('зеленый / влажный / новый'); ни для одной, ни для другой основы значение 'новый' никак не может быть исходным.

32) «ночь»: (а) нрм *bəl:llin* [Yi.], *bāl* [Tu.], ддн *bá:lín* [Yi.], *bal ~ bal-in* [Dr.], тнт *bállin* [Yi.], мрд *bá:lín* [Yi.], баа *báli*, чай *bàró* [LL], мкн *bàr* [Yi.]; (б) чай *bēlē* [Yi.], мрс *béllè?* [Yi.]; (в) мрс *dáino* [SC]; (г) мкн *fāɕ* [Rc.]; (д) квг *míkír* [Yi.], *mikír* [Hi.]; (е) мдж *káy* [Yi.]. || Yi.: з.-сурм. **bálin*, в.-сурм. **bal-*.

В з.-сурм. языках слово 'ночь' регулярно образуется от корня **bál-*, выступающего либо в чистом виде (нрм в записи Такера; ддн у Дриберга), либо в сочетании с суффиксом *-i* (баа), либо, чаще всего, с суффиксом *-in* (или, что более вероятно, с суффиксальной цепочкой *-i-n*). Ср. также форму мн. ч. *bal-o-k* у Дриберга, в которой прослеживается еще один вариант основы (**bál-o*). Сам корень **bál-* при этом явно полисемичен: ср. ддн *ba:lo* 'вчера' [Dr.], мрд *ba:l ~ ba:le* 'давно', *bala-wa:ð* 'вчера', *bala-nta:l* 'позавчера' [Lyth]. Таким образом, для в.-сурм. **bálin* характерна скорее исходная семантика 'времени', 'суток', нежели 'темноты' (аналогично ситуации в нубийских языках, см. выше).

В в.-сурм. группе ситуация более сложная. Игезу сопоставляет с з.-сурм. **bálin* мкн *bār* и группу форм (б); при этом, однако, соответствие «сури-мурси **-l(l)-* : мкн *-r-*» нерегулярно (что отмечает, но не объясняет сам автор этимологии), и, более того, столь

же нерегулярно соответствие «з.-сурм. *-l- : в.-сурм. *-l-»; последнее иногда наблюдается в культурной лексике, но очень редко — в пределах стословного списка, где з.-сурм. *-l- регулярно соответствует в.-сурм. *-r- (исключение — ‘ноготь’ и, возможно, ‘лист’, ‘кора’, см. выше; любопытно, что оба эти слова имеют очень схожие фонетические структуры, т. е. речь может идти о каких-то нетривиальных позиционных развитиях).

Таким образом, этимологически з.-сурм. **balin* в записях Игезу соответствует только мкн *bàr*, но не остальные формы. Интересно, однако, что формы эти вполне могли быть записаны ошибочно. Для чай вм. *bēlē* в списке [LL] мы обнаруживаем *bàró* ‘ночь’ (= мкн *bàr*; ср. также чай *bàrrè* ‘вчера’ [LL]), в списке Аббинка — *bà:rō* ‘ночь’, *bā:rī* ‘вчера’. Для мрс словарь Тертона дает наречные формы *barō* ‘ночью’, *bari* ‘вчера’; само существительное ‘ночь’ переводится как *ingo*, букв. ‘сон’. Лексема, которую Игезу приводит как *bēllē?* ‘ночь’, в этом словаре соответствует лексеме *bele* ‘раннее утро’. Запутанность ситуации еще более усугубляется мрс формой *dāino* ‘ночь’ в списке [SC], на самом деле = *daino* ‘вечер (late afternoon)’ в словаре Тертона.

Разногласия обнаруживаются и в отношении мкн. Простая форма *bàr* у Игезу частично подтверждается суффиксальным образованием *barken?* в списке Бендера. Но уже в словаре Риччи конкретно этих форм нет, зато есть *bà:ra* ‘утро’, *bà:ra* ‘заря’ (скорее всего, все-таки одно и то же слово); значению ‘вечер, ночь’, напротив, соответствует основа *fāç* — слово, вообще не похожее на типично сурмийское из-за начального *f*.

Никакой этимологии не имеет квг *míkír* (в списке Бендера — *jìkírì*, с палатальным носовым); структура CVCVC предполагает производность, но никаких подходящих словообразовательных моделей ни для квг, ни для сурмийских языков вообще не отмечено. Возможно, таким образом, и заимствование из неизвестного субстратного источника.

Все это заставляет предполагать, что базисной основой со значением ‘ночь’ в пра-ю.-сурм. все же была **bal-*, но при этом для обозначения конкретного периода суток чаще употреблялись более узкие термины, членившие ‘ночь’, т. е. темное время суток, на несколько отрезков, в то время как **bal-* приобретало скорее временную, чем «световую» характеристику: ‘прошлой ночью’,

*vɲɛ [Ricci 1972: 333]; предложение приходится отклонить, т. к. пра-ю.-сурм. *gir-vɲɛ в в.-сурм. скорее должно было дать *girɲɛ, не говоря уже о невозможности объяснения компонента *gir-.

Вплоть до обнаружения достоверного источника заимствования для в.-сурм. *giroɲ мы будем в наших подсчетах рассматривать его как исконную замену, но к дальнейшему внешнему сравнению привлекаться будет только общесурмийская основа *vɲɛ-.

34) «не»: (а) ддн *koloŋa* [Dr.], тнт *irón* [Rn.], мрд *alan* [Arensen]; (б) ддн *ɲa*: [Dr.], мрд *ɲa:n* [Arensen], тнт *ɲlɲni* [Rn.], чай *ɲà* [LL], мрс *ɲa* [Turton, Bender 1976: 557], мкн *-oŋ* [Will 1989: 147], *-o ~ -oŋi* [Rc.]; (в) квл *-ma-* [Hi.]; (г) квл *-ken* [Hi.]; (д) мдж *kwa-* ~ *ki-* [Ce.].

Для 3.-сурмийской группы (ситуация в нрм и баа, к сожалению, остается неизвестной) характерна уже описанная нами для других африканских групп оппозиция между перфективным и имперфективным отрицанием. Более простой формой является перфективная; ее можно надежно реконструировать в виде превербальной частицы *ɲa, в чистом виде сохраняющейся в ддн, а в тнт и в мрд связанной с дополнительным эмфатическим элементом *-n(i)*.

В имперфективной глагольной парадигме выступает более сложная основа, с трудом поддающаяся реконструкции: общий инвариант можно обозначить как *(k)VRoɲ, при нерегулярности соответствий как в области вокализма (даже спорадические ассимиляции не объясняют все разнообразие рефлексов), так и консонантизма (загадочное появление «k-mobile» в ддн; непредсказуемое развитие *-l- → -r- в тнт). Маловероятно, однако, что речь идет о разных корнях, учитывая столь единообразное устройство парадигмы во всех описываемых языках. Более важен вопрос о том, не могла ли эта основа развиться из сочетания какого-то служебного слова типа *(k)VRo все с тем же отрицанием *-ɲa*, с редукцией гласного (впрочем, форма *koloŋa* в ддн даже не предполагает редукции).

Похожая на 3.-сурмийскую система наблюдается и в подгруппе сури-мурси в.-сурмийской группы. В чай Ласт и Лукассен выделяют частицу *ɲà* 'не' и производную от нее *ɲà-ní* 'еще не'; эти же частицы Тертон и Бендер обнаруживают в мрс, где, судя по их описанию, они распределены между имперфективным и перфективным спряжениями соответственно (в чай такая прямая корре-

ляция, судя по всему, отсутствует). Оба варианта идеально соответствуют двум вариантам перфективного отрицания в з.-сурмийском (**ηa*, **ηa-n/i*), однако никаких аналогов з.-сурмийского *(*k*)*VRoη* в сур-мурси не обнаружено.

Принципиально иначе устроена отрицательная глагольная парадигма в мкн, где отрицание маркируется суффиксом *-oη* или его вариантами (моновокалическое *-o* у Риччи, скорее всего, представляет собой вторичное упрощение из *-oη*) вне зависимости от типа спряжения.

Еще в большей степени отличается система негативных маркеров в квг, где Хиэда постулирует два способа образования отрицания: (а) суффиксальный, с помощью показателя *-ken*; (б) через спрягаемый негативный глагол *=ta-*, к которому присоединяется инфинитивная форма основного глагола. Семантические отличия этих двух конструкций не описаны, но, судя по всему, они также не имеют отношения к имперфективности / перфективности спрягаемого глагола.

Ю.-сурмийская дистрибуция и общая характеристика морфемы **ηa* на первый взгляд говорят о том, что ситуации как в мкн, так и в квг должны считаться инновативными. Однако обращает на себя внимание более тесное сращение отрицательного суффикса с глагольным корнем в мкн, равно как и сегментное сходство морфемы *-oη* как с обще-ю.-сурм. **ηa*, так и с ауслаутом ю.-з.-сурм. *(*k*)*VRoη*. Это дает возможность хотя бы на спекулятивной основе вернуться к высказанной выше гипотезе: *(*k*)*VRoη* как стяжение из архаичного служебного или полуслужебного корня *(*k*)*VR-* (скорее всего, глагольная основа **ʔal-* или **ʔil-*) и отрицательной частицы *-(*o*)*η*. В этом случае ситуация в мкн, напротив, должна считаться архаичной: она отражает этап, на котором отрицательная частица могла сочетаться с любым глагольным корнем.

В квг ситуация иная. Единственная внешняя параллель к отрицательному глаголу *=ta-* — ю.-сурм. показатель прохибитива **ta*, который в отдельных языках может служить основой для образования сложных союзов с негативным значением (ср. тнт *mák* 'чтобы не'), но нигде не демонстрирует глагольных свойств. Что касается суффикса *-ken*, то он вообще не имеет ю.-сурм. этимологии; есть основания предполагать, что это — еще более недавняя инновация, чем *=ta-*, основанная на заимствовании грамма-

тического форманта *-k(V)-* из близлежащих омотских языков (см. [Bender 2000: 215–216]; для южноомотской ветви, особо тесно контактирующей с квг, велярная суффиксация в негативной парадигме является основной).

Таким образом, общим и наиболее надежным инвариантом отрицания в ю.-сурм. языках оказывается сегмент **η*, выступающий в составе глагольного постфикса **-oη* (для старой имперфективной парадигмы?) и глагольного префикса **ηa* (для старого перфектива?).

Наиболее подробная информация по оформлению отрицательной глагольной парадигмы в мдж приводится в работе [Unseth 1989: 119–123] (в описании [Bender 1983a] про негативные маркеры не говорится вообще, а в старом исследовании [Cerulli 1948: 143–144] им отводится очень небольшое место). Судя по всему, основной отрицательной морфемой является *ku-* (у Черулли также в варианте *kwa-*), которая ставится в препозицию к глагольной основе. Черулли отмечает, что в отрицательной парадигме показатель изъявительного наклонения *ko ~ ku* (= одному из нескольких временных показателей у Бендера: *kò* 'недавнее прошедшее', *kó*: 'ближайшее будущее') присоединяется к отрицательной морфеме, а не к основному глагольному корню (ср.: *kwa-ko-da:m-it* 'я не буду есть'). Это означает, что морфема *ku-* ~ *kwa-* может на самом деле представлять собой полуавтономный отрицательный глагол. Помимо этого, в большинстве примеров, цитируемых у Черулли, к основному глаголу также суффигируется один из нескольких отрицательных суффиксов, чаще всего *-iti* или *-iη* (ср.: *kwa-re:r-iη* 'он не умер').

Из всех этих морфем только суффикс *-iη* обнаруживает очевидные и объяснимые связи с ю.-сурмийскими формантами; отметим, однако, что в описании [Unseth 1989] он не только оказывается самым редким из зафиксированных вариантов, но еще и приводится в форме *-n* (*rer-n* от *rer* 'умирать' и т. п.), так что корреляция сомнительна.

Теоретически возможно и сопоставление *ku-* с квг суффиксом *-ken*, однако оно наталкивается на непреодолимые препятствия фонетического (в формантах совпадает только один согласный), морфологического (префиксация в мдж со следами старой парадигмы, суффиксация в квг без каких-либо признаков спрягае-

мости) и дистрибуционного (изоглосса между мдж и квг, не оставившая никаких следов в прочих сурмийских языках) характера. Столь же сомнительна попытка Унсета как-то увязать мдж *ku-* с ддн *koloŋa*, где, как было показано выше, начальный велярный имеет вторичное происхождение.

В методологическом плане в принципе допустимо привлекать мдж *ku-* к внешнему сравнению, но вплоть до появления более точного и подробного описания устройства негативной парадигмы в этом языке использовать фонетические изоморфизмы между этой морфемой и другими «*к*-образными» отрицаниями в языках Африки в качестве серьезных генетических аргументов было бы некорректно.

35) «один»: (а) нрм *ódòì* [Yi.], φ =*ódòì* [Tu.], ддн *k=òdèì* [Yi.], ξ =*ode ~ \xi=odoi* [Dr.], тнт φ =*ódè* [Yi.], мрд *ádòì* [Yi.], *ādūī ~ \varphi=ódòì* [Tu.], баа *ò:dè*, чай *dónè* [Yi.], *dò:nè* [LL], мрс *dónè* [Yi.]; (б) мрс *bàrəne* [SC]; (в) мкн *kònáŋ* [Yi.], *kòna* [Rc.]; (г) квг *kiém* [Yi.], *kíum* [Hi.]; (д) мдж *òtòŋ* [Yi.], *итиŋ* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **kodòì*.

З.-сурм. реконструкция **kodòì* у Игезу сопровождается знаком вопроса, т. к. он не вполне уверен в анлаутном консонантизме. Сопоставляемые друг с другом данные по нрм, мрд и баа показывают, что все начальные согласные в этом корне вторичны. Велярный *k*= в ддн — «*к*-mobile», вызванное гиперкоррекцией; аффриката φ = имеет то же происхождение, что и в основе 'черный' (см. выше) — из релятивной морфемы *çi*, сливающейся с корнем. Правильная реконструкция — **odo-i*, где *-i* — суффикс, характерный для большого числа адъективных основ.

Для ю.-в.-сурм. подгруппы сури-мурси однозначно восстанавливается праформа **done*. Последняя вполне может восходить к **odone* или **adone*, с регулярной редукцией вокалического анлаута, и, таким образом, сопоставима с з.-сурм. **odo-i*; неясным остается лишь статус финального слога *-ne*, который уместнее всего было бы считать суффиксом, но ни в качестве продуктивного словообразовательного элемента, ни в качестве окаменевшего реликта *-ne* не выделяется более ни в одной из известных нам основ в сури-мурси (включая числительные). Возможно, что этот же суффикс присутствует в альтернативной основе *bàrə-ne* 'один' в списке [SC], но происхождение и статус этого слова остаются загадочными: ни в одном другом сурмийском языке параллелей к нему нет.

Тем не менее, учитывая типологически частотную тенденцию числительного 'один' к сочетанию с различного рода дейктическими суффиксами, а также невозможность этимологизации (как на исконно сурмийской, так и внешней основе) морфемы **don(e)* как самостоятельного, нерасчлененного корня, можно допустить ее общее происхождение с з.-сурм. **odo-i*. Однако для того, чтобы укрепить достоверность пра-ю.-сурм. **odo* или **ado* 'один', требуется также показать вторичность вариантов (г) в мкн и (д) в квг.

Мкн *kànáŋ* — слово исконно сурмийское; ср. мрс *kən* [Turton] 'один' (в словаре обозначается как синоним к *done*), чай *kən(á)* [LL] 'какой-то; другой', т. е. налицо типологически естественное развитие из указательной основы, до некоторой степени затрагивающее и подгруппу сури-мурси (в мрс более точное значение, наверное, все же 'другой, еще один'). В ю.-з.-сурмийских языках эту основу в чистом виде обнаружить не удалось, однако она участвует в образовании сложного числительного '6': нрм *tòr-kòndm*, тнт *tòr-kkòndm*, баа *tòr-kònd* и др. [Yi.] ← **tur* '5' + **kənd(m)* 'еще один'.

Напротив, квг *kiém* не имеет ни внутренней, ни внешней этимологии (фонетическое сходство с обще-ю.-в.-сурм. глагольным корнем **kom-* 'считать' скорее всего случайно, т. к. вокалические чередования подобного рода в этих языках неизвестны). Система числительных в квг вообще отличается нестабильностью: большинство ее элементов заимствованы либо из кушитских (*àhùr* '4', *śóp* '5'), либо из омотских (*lèh* '6' и далее) языков. Числительные от 1 до 3 эксплицитного источника заимствования не обнаруживают и теоретически могут отражать и исконно сурмийские основы — но при отсутствии конкретных параллелей и слабой дистрибуции (как '1', так и '2' противопоставляют квг всем остальным южносурм. языкам) это маловероятно. Вне зависимости от возможного источника происхождения к дальнейшему внешнему сравнению форму *kiém* привлекать недопустимо.

Мдж *òtò-ŋ* (конечный согласный отделим как адъективный суффикс) безупречно этимологизируется на основе мрд, баа *útmtá*, ддн *ùmtwá* [Yi.] 'другой' (сюда же, возможно, нрм *ímtl*, тнт *ímtl* id., но с нерегулярным развитием вокализма). В в.-сурм. языках эта основа не сохранилась, но очевидный семантический параллелизм с развитием в мкн показывает, что и в мдж старое числительное было, скорее всего, вытеснено конкурирующей с

ним указательной основой. Ср. также мдж 'б': *tù:là'óm* [Yi.] ← *tù:l* '5' + *om-*, т. е. образование по той же модели, что и ю.-з. **tur-kəpə(m)*.

36) «дождь»: (а) нрм *tàmmù* [Yi.], *támù* [Tu.], днн *támmù* [Yi.], *tamù* [Dr.], тнт *tàmmù* [Yi.], *támù* [Rn.], мрд *támmù* [Yi.], *támù* [Tu.], баа *tàmmù*, мкн *tùmò* [Yi.], *tùma* [Rc.]; (б) чай *gùyò* [Yi.], *guyo* [LL], мрс *gùyò* [Yi.], *gúio* [SC], квт *gòt* [Yi., Hi.]; (в) мдж *tùl* [Yi.], *tul* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **tammù*, в.-сурм. **guyo*.

Для пра-з.-сурм. основы **tammù* (**t-* восстанавливается только на основании транскрипции в баа и не очень надежно) следует реконструировать полисемию 'дождь / небо', сохранившуюся почти во всех языках-потомках, по которым доступны словарные материалы. Эта же основа, с ассимиляцией **-a-* → **-u-* под влиянием двух следующих губных сегментов, хорошо представлена и в в.-сурм. группе, но обычно только в значениях 'небо' или 'Бог': чай *tàmmù* [LL], мрс *tummi* [Turton]. Исключение — мкн, где *tùma* [Rc.] имеет весь аспект з.-сурм. значений: 'небо / Бог / дождь'.

На первый взгляд изоглосса между з.-сурм. и мкн кажется достаточной для реконструкции на пра-ю.-сурм. уровне основы **ta(m)ti* 'небо / дождь'. Реальная ситуация сложнее, т. к. в подгруппе сури-мурси значение 'дождь' стабильно передается основой **guyo*, которой вполне может соответствовать квт *gòt* при условии признания элемента *-t* окаменевшим суффиксом (что весьма вероятно — именной суффикс **-t* надежно реконструируется на прасурм. уровне и выделяется в ряде слов с близкой семантикой, см. ниже 'дым'; помимо этого, сури-мурси **guyo* исторически может быть также и результатом фонетического развития из **gut-yo*, см. 'рука'¹).

С точки зрения дистрибуции, ситуация имеет два «равноэкономных» решения: (а) независимая семантическая инновация в сури-мурси и квт; (б) независимая семантическая инновация в пра-з.-сурм. и мкн. Первое решение предполагает существование на пра-в.-сурм. уровне именной основы **guy-* с неизвестным

¹ Возможно, даже из **gult-yo*, ср. необычную форму мн. ч. *gùlténá* в чай [LL]; выделяя формант мн. ч. *-éná* (ср. *gùldù* 'пупок': мн. ч. *gùld-éná* и др.), получаем основу **gùlt-*, которая в ед. ч. могла упроститься перед «новым сингулятивом» **gult-yo*. Впрочем, такая трехконсонантная основа сама по себе уже никак не может оказаться морфологически неразложимой при переходе на более древний хронологический уровень.

значением (в 3.-сурм. языках и в мкн этимологические параллели отсутствуют); второе — типологически естественный переход 'небо → дождь' с вытеснением старой основы 'дождь'. Наиболее приемлемым вариантом на данном этапе сравнения оказывается реконструкция пра-ю.-сурм. оппозиции **ta(m)mi* 'небо' : **guyot* 'дождь'. Впрочем, это не означает, что основа **ta(m)mi* обязательно должна быть исключена из дальнейшего рассмотрения на более высоком уровне, т. к. небольшая вероятность обратного сценария все же существует.

Мдж *tùl* — особое слово, не имеющее надежной ю.-сурм. этимологии, но фонетически идеально и семантически допустимо сопоставление с ю.-сурм. глагольной основой 'плакать': нрм *tùll-ù*, тнт *tùl-ù*, баа *tùlló-ó*, чай *tùr-ù*, мрс *túr-ú* ← **tul-* или **tùl-*. Неизвестно, употребляется ли этот же корень в мдж как глагольный ('дождить'), что могло бы служить окончательным подтверждением этимологии; до прояснения этого вопроса исключать *tùl* из дальнейшего внешнего сравнения было бы преждевременно.

37) «дым»: (а) нрм *bùrrù-t* [Yi.], *bürü-t* [Tu.], ддн *bùrrét* [Yi.], *buret* [Dr.], тнт *bùrèt* [Yi.], баа *bùré*, чай *bùrrèi* [Yi.], *bùrréi* [LL], мрс *bùrrè* [Yi.], *búri* [SC]; (б) мрд *wódê* [Yi.]; (в) мкн *ηòt* [Yi., Rc.]; (г) квг *çùbùì* [Yi., Hi.]; (д) мдж *tà:r* [Yi.]. || Yi.: 3.-сурм. **burr-*, в.-сурм. **burre*.

В 3.-сурм. языках повсеместно представлена именная основа **bure-t* (ATR-характеристика остается неясной и противоречивой); возможное исключение — мрд, где, согласно Игезу, имя 'дым' стало образовываться от глагольной основы *wód-* 'дымить, курить' (она же = 'пить', см. выше). Отметим, однако, что старая именная основа фигурирует как в мрд списке Л. Бендера (*burret*), так и в словаре Литы (*buret*), так что у Игезу мог быть зафиксирован неточный или «идиолектный» эквивалент.

Основа в точности соответствует сури-мурси **bu(r)re(-i)* и, исходя из этого, однозначно реконструируется в значении 'дым' и на пра-ю.-сурм. уровне. В мкн представлена семантическая инновация: *ηòt* = пра-сурм. **ηγυο(-t)* 'ветер' → нрм *ηò:t*, тнт *ηòt*, баа *ηόt*, чай *ηḡyō*, мрс *ηḡyó*, мдж *yòηgóy* с метатезой. Квг *çùbùì*, как справедливо указывает Игезу, — заимствование из кара (*çubi* id.).

Мдж *tà:r* (*tu:r* в списке Бендера) не имеет надежных параллелей в ю.-сурм. языках; перспективным может быть разве что сопоставление с мрд *tur* [Lyth] 'быть грязной (о воде), затынутым

Старая основа оказалась утраченной и в квг, где замещение *bìrì* [Hi.] явно связано с глагольной основой *bí:rién*- 'блестеть' [Hi.], однако последняя формально выглядит как производная от *bìrì*, а не наоборот. Дальнейшая этимология остается неясной. Возможно, следует предполагать связь с упоминавшимися выше ю.-в.-сурмийскими формами со значением 'раннее утро', 'ночь' (мрс *béle* и др., см. выше 'ночь').

Без общесурмийской этимологии остается мдж *màrìd̃n*; старое предположение Черулли [Cerulli 1948: 157] о возможной связи с ю.-сурм. **тирип*- по существу основано на совпадении начального согласного, т. к. третий согласный в мдж — отделимый показатель сингулатива (ср. у Бендера: ед. ч. *mario-n*, мн. ч. *mario ~ mario-k*). Соответствие «ю.-сурм. *-j- : мдж -r(i)-» также не подтверждается дополнительными примерами и труднообъяснимо даже на чисто спекулятивном уровне. Сама структура формы, с зиянием *-io-*, довольно необычна для мдж и предполагает либо заимствование из неизвестного источника, либо производность от какой-то глагольной основы (последнее может подтвердить только публикация более подробных словарных данных по мдж). Тем не менее, нет никаких формальных оснований исключать основу **mari-(o-)* из дальнейшего внешнего сравнения.

39) «камень»: (а) нрм *bì:* [Yi.], *bī* [Tu.], ддн *bè:* [Yi.], *be* [Dr.], тнт *bè* [Yi.], *bìyé* [Rn.], мрд *béè* [Yi.], баа *bèyì*, чай *bē* [Yi.], *bé* [LL], мрс *bé?* [Yi.], *bé-ne* [SC], мкн *bètò* [Yi.], *byéto* [Rc.], квг *bàyi* [Yi.], *bài* [Hi.]; (б) мдж *gìdè* [Yi.], *gidoy* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **bε:*, в.-сурм. **bV*.

Для з.-сурм. подгруппы Игезу отмечает нерегулярное развитие вокализма в нрм *bì:*; однако сопоставление этой формы с баа *bèy-i* (мн. ч. в [Yigezu, Dimmendaal 1998] дается в виде *béy-ō*) показывает, что з.-сурм. форму можно восстанавливать в виде **bεy-*, с дальнейшими слияниями **bεy-i* → *bε:* или *bī:* в зависимости

tobbe: 'звезда'; автор списка пометает ее как заимствование из амхарского языка, не указывая при этом исходную форму (обычное амхарское слово для 'звезды' — *kokäb*). Скорее всего, речь идет все-таки о собственно сурмийском образовании из того же глагольного корня, что и мкн *tobì-č*. Однако здесь, в отличие от ситуации в мкн, альтернативное обозначение 'звезды' обнаружено только в одном из четырех известных источников, и то лишь в качестве параллельно используемого синонима (возможно, стилистически маркированного).

от языка (противоречащие примеры на развитие *-y- между двумя передними гласными отсутствуют).

Эта же основа представлена и в в.-сурм. языках, где сури-мурси **be* (мн. ч. **be-na*) и квг *bây-í* подтверждают ее архаичность. Форме *bêtó* в мкн у Игезу в описании [Will 1989: 134] соответствует парадигма ед. ч. *bε-t* : мн. ч. *bε-na*, т. е. суффикс *-o* оказывается дополнительным маркером сингулятива в говорах, анализируемых у Риччи и Игезу. В этой связи стоит отметить наличие конечной гортанной смычки в мрс *béʔ*, которая с большой вероятностью отражает старый ауслаутный смычный (см. аналогичную ситуацию с этимоном 'солнце'): если так, то в.-сурм. парадигма (без квг, где форма мн. ч. неизвестна) должна восстанавливаться в виде **be-t* : **be-na* (возможно, из более раннего **bay-i-t* : **bay-i-na*).

Соответствие «з.-сурм. **b-* : в.-сурм. **b-*» расценивается Игезу как нерегулярное, но нет смысла сомневаться в его рекурсивности (см. выше 'ночь'); возможно, речь идет о каком-то редком позиционном изменении, которое трудно определить из-за скудности материала.

Ю.-сурм. **bay-* и мдж *gîdê* очевидно не соответствуют друг другу и не этимологизируются на взаимной основе, так что определить относительную степень их архаичности без внешнего сравнения невозможно.

40) «солнце»: (а) нрм *kór* [Yi.], *kórr* [Tu.], ддн *kòr* [Yi.], *kor* [Dr.], баа *kòr*; (б) тнт *í* [Yi.], мрд *í* [Yi.]; (в) чай *súʔ* [Yi.], *sú*: [LL], мрс *súʔ* [Yi.], *sú* [SC], мкн *sùsò* [Yi.], *sùsa* [Rc.], квг *šù:š* [Yi.], *šù:šì* [Hi.]; (г) мдж *wàwì* [Yi.], *wa:wì* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **kór*, в.-сурм. **suC*.

В з.-сурм. языках значение 'солнце' может выражаться одним из двух корней. Пра-з.-сурм. **kór*, помимо 'солнца' как небесного тела, имеет параллельное значение 'солнечный свет'; согласно Игезу, в тнт и в мрд (в виде *kór*) это слово сохраняется *только* в этом значении (но ср. в мрд в словаре Литы: *kór* 'солнце', а также сочетания: *duŋna kór* 'восход', *beto kór lota* 'закат'). Другая основа — пра-з.-сурм. **i*: с параллельным значением 'день, сутки': ср. тнт, мрд [Yi.] *í* 'солнце' : *i-tten* 'день' (к суффиксальному статусу компонента *-(t)ten* ср. у Литы: *i:-ten*, мн. ч. *i:-ja* 'день').

Анализ дистрибуции обеих основ приводит к следующему максимально экономному сценарию: для обозначения небесного тела 'солнце' пра-з.-сурм. использовал **kór* (полисемия развивает-

ся из естественной метонимии 'солнце' → 'солнечный свет'), а основным значением *i: было 'сутки; время'¹, с независимым развитием → 'солнце' в тнт и мрд (впрочем, насколько полным было это замещение в конкретных диалектах, судить сложно). С другой стороны, это плохо согласуется с естественными семантическими тенденциями, т. к. развитие 'солнце' → 'время, день, сутки' более частотно и предсказуемо, чем обратное; ср. ситуацию в квг, где для формы *šù:š* Игезу приводит значения 'солнце' и 'день' (первое является обще-в.-сурм., второе — инновация в квг).

Таким образом, допустимо, что старой основой 'солнце' было все же *i:, в то время как основным значением *kɔr было 'солнечный) свет', и замещения на самом деле имели место в нарим-динга и баа (независимо друг от друга, что в целом неудивительно ввиду очевидной пересекаемости и трудноразличимости значений 'солнце /свет/' и 'солнце /объект/'). На пра-ю.-з.-сурм. уровне можно даже постулировать синонимию.

В в.-сурм. языках явные параллели для обоих корней отсутствуют (за возможным исключением мрс *kuli* 'время' [Turton]), но данное слово, во-первых, не является идеальным соответствием для *kɔr, во-вторых, изолировано в мрс). Вместо этого все языки группы демонстрируют рефлексy пра-ю.-в.-сурм. основы *sus, с регулярным выпадением ауслаутного согласного (или развитием на его месте гортанной смычки) в сури-мурси (с возможностью восстановления в пределах парадигмы, ср. чай ед. ч. *sú:* : мн. ч. *sús-á* ~ *sus-én* [LL]) и с не вполне ясной палатализацией в квг.

Стоит отметить, что в квг Хиэда вместо простой полисемии 'солнце / день' у Игезу приводит морфологические варианты: *šù:š* 'солнце', но *šù:* 'день' (ср. также *šù:-ŋ* 'сегодня'). Неясно, должно ли это означать, что -s все же следует считать суффиксом, что означало бы производность 'солнца' от 'дня', или же речь идет об инновации в квг, при которой значение 'солнце' и старый корневой согласный сохранились в производной основе *sus-i, но утрати-

¹ Подчеркнуто 'сутки', т. к. в значении 'день' = 'светлое время суток' на пра-з.-сурм. уровне надежно восстанавливается корень *wat- (*wat-): нрм, ддн *wáðin* [Yi.], баа *wàt*; в мрд словаре Лита эксплицитно противопоставлены *i: ~ i:-tɛn* 'день (24 часа)' и *wa:ð* 'день (светлое время суток), полдень, позднее утро'.

лись в составе «чистой» основы **sus*, где процесс отпадения конечного согласного был тем же, что и в сурм-мурси.

Ситуацию могло бы прояснить внешнее сопоставление, но слово 'солнце' в в.-сурм. группе столь же начисто лишено параллелей, как и слово 'луна' (см. выше **tagil/-si/*), что вновь наводит на мысли о возможном субстрате. В любом случае эти два слова должны рассматриваться в единой связке, т. к. морфонологическое устройство их ауслата идентично и, более того, по-видимому, уникально: так, в словарном списке чай [LL] это единственные существительные, «восстанавливающие» в форме мн. ч. спирант *-s-* — трудно предположить, что такое совпадение случайно; оно должно отражать единую модель словообразования, которую, однако, не удастся объяснить на собственно сурмийском уровне, так что субстратная ситуация более чем реалистична. Тем не менее, поскольку источники заимствования установить не удастся, на данном этапе мы вынуждены засчитывать оба слова как исконные.

Любопытна ситуация в мдж: слово *wàwì* не имеет параллелей в ю.-сурм. языках и к тому же обладает уникальной фонологической структурой (два губных глайда). Если допустить возможность вторичного развития из **ʔawi*, форма идеально этимологизируется как заимствование из омотского источника, ср. праомот. **ab-* ~ **aw-* 'солнце' [Bender 2003: 306] (конечный гласный основы в языках-потомках обычно варьирует между *a*, *i* и *o*); особую привлекательность этимологии придает аналогия с 'луной' (см. выше) — еще более убедительным омотизмом в сев.-сурм.

С другой стороны, в типологическом плане подобного рода распространение лабиальной артикуляции со срединной на начальную позицию нетривиально, а подтверждающие примеры отсутствуют, так что достаточных оснований для того, чтобы принять эту гипотезу в качестве рабочей, у нас нет. В ю.-сурм. языках мдж **waw-* могло бы, по-видимому, соответствовать корням вида **iw-* или **ib-* (ср. 'собака'), т. е. нетривиальность фонетической структуры корня сама по себе не исключает исконности, но дальнейшее прояснение вопроса возможно только после публикации новых словарных данных.

Чрезвычайно важен тот факт, что в 100-словном списке Бендера [Bender 1971: 267] в значении 'солнце' в мдж вместо *wàwì*

зафиксирована лексема *idī*. Ее существование не подтверждается словарными списками Черулли и Игезу, но нельзя не отметить, что *idī* — идеальное соответствие для ю.-з.-сурм. **i*: 'солнце, день', с общесурмийской реконструкцией **idzi*. Возможно, что в мдж на самом деле существует такая же оппозиция между *idī* и *wawi*, как, например, в мрд между *i*: ('солнце / день') и *kər* ('солнце / свет'); в этом случае вопрос о прасурмийском этимоне 'солнце' автоматически решался бы в пользу **idzi*.

41) «хвост»: (а) нрм *kò:llà* [Yi.], *kúlâ* [Tu.], ддн *kù:llà* [Yi.], *ɛ'ula* [Dr.], тнт *kùl* [Yi.], мрд *kùùl* [Yi.], баа *kùlá*, чай *kūrō* [Yi.], *kúrró* [LL], мрс *kùrò* [Yi.], *kúro* [SC], квг *kùúr* [Yi.], *kù:r* [Hi.], мдж *kù:l* [Yi.]; (б) мкн *dáʔà* [Yi.], *da*: [Rc.]. || Yi.: з.-сурм. **ku:lla*, в.-сурм. **kuro*.

Для з.-сурм. наиболее вероятна реконструкция парадигмы **ku:l-a* (ед. ч.): **ku:l-i* (мн. ч.), с регулярной редукцией ауслаутного гласного в тнт и мрд (ср. 'имя' и др.). Эта же основа стабильно сохраняется в большинстве языков в.-сурм. группы, с регулярным развитием **l* → **r*; для сури-мурси парадигма восстанавливается в виде **kur-o* (ед. ч.): **kur-i* (мн. ч.).

Единственный в.-сурм. язык, в котором лексема изменила свое значение — мкн, где *kúra* [Rc.] = 'анус' (ср. в этой связи отдельные случаи полисемии 'хвост / penis', например, в баа, хотя обычно эти два значения все же представлены разными основами). Этимология замещения *dáʔà* остается неизвестной; гортанная смычка в интервокальной позиции почти наверняка подразумевает развитие из **dag-* (ср. 'кость', 'слышать', 'луна', 'новый', 'зуб' и др.), но в доступных материалах по в.-сурм. языкам фонетически и семантически совместимых корней такого рода нет.

Прасурм. **ku:l* сохраняется и в мдж (включая долготу гласного). Такая неожиданно высокая стабильность для этого этимона несколько подозрительна и наводит на мысль о его возможной ареальности. Однако из всех потенциальных ветвей «нило-сахарской» макросемьи, равно как и соседних ветвей макросемьи афразийской, сурмийская — единственная, где реконструкция **ku:l* на самом глубоком уровне вообще не имеет альтернативы (мкн *dáʔà*, очевидно, не в счет, исходя из соображений дистрибуции). Таким образом, если «диффузия» инварианта **KUR* 'хвост' в пределах северно- и восточноафриканских ареалов действительно имела место, на данном этапе исходную точку этой диффузии уместнее

всего было бы помещать именно в зоне распространения сурмийских языков.

42) «ты»: нрм ànnità [Yi.], ддн ḡánittà [Yi.], ḡanita ~ nina [Dr.], тнт inéttà [Yi.], inét [Rn.], мрд inéttà [Yi.], nínà [Tu.], баа ùndá, чай ḡḡḡé [Yi.], ḡḡé [LL], мрс ḡḡḡé [Yi.], ḡini [SC], мкн ḡḡi [Yi.], d=enù [Rc.], квг í:n [Yi.], í:n [Hi.], мдж í:n [Yi.], ini [Ce.]. || Yi.: в.-сурм. *ḡḡḡV.

Как и в случае с местоимением 1-го л. (см. выше), ю.-з.-сурм. языки последовательно различают формы субъекта и абсолютива. Приведем более подробный материал по тем языкам, для которых он доступен:

а) в ддн: абсолютив ḡani:ta противопоставлен субъекту ní:ná, сокр. форма ní; та же основа образует и соотв. суффикс объектного спряжения -ina, а также (без носового согласного) субъектный суффикс 2-го л. ед. ч. имперфектива -i. Посессив, однако, образуется от основы с губным вокализмом: ɸ=u:n-i (ед. ч. 'твой'), ɸúg=ɸnn-ik (мн. ч. 'твои') [Odden 1983: 168]. Эта же основа, по-видимому, представлена в субъектном суффиксе 2-го л. ед. ч. перфектива -u;

б) в тнт: абсолютив inét противопоставлен субъекту inná; с этой же основой явно связан внутриглагольный объектный маркер -ni ~ -m. Посессив — сочетание показателя притяжательности ɸí с формой ед. ч. n=úné или мн. ч. g=únné-k [Randal 1998]. Циркумфикс субъектного спряжения имеет вид a=... -a (в имперфективе) или i=... -a (в перфективе);

в) в мрд: абсолютив inét, субъект nínà, посессив ɸ=ún (ед. ч.), ɸí=g=ún (мн. ч.) [Tucker 1951]. Префикс субъектного спряжения a=;

г) в баа: абсолютив ùndá, субъект nū:ná, посессив n=ū:n-dé (ед. ч.), g=ū:n-dé (мн. ч.) [Yigezu, Dimmendaal 1998]; циркумфикс субъектного спряжения V= ... -u (перфектив), V= ... -i (имперфектив).

По аналогии с соответствующими формами местоимения 1-го л. для пра-ю.-з.-сурм. ветви напрашивается реконструкция абсолютива *in-eta и субъектной формы *n=in-a. Однако в таком виде исходная парадигма сохраняется только в мрд (с фонетически обусловленной редукцией *in-eta → inét). В прочих языках «узко-западной» подветви предполагаются аналогические развития:

— в нарим-дидинга форма *in-eta, по-видимому, подверглась регрессивной ассимиляции (→ *in-ita), что позволило смысловозначительному акценту в абсолютиве 1-го и 2-го л. сместиться с первого гласного (*an-eta : *in-eta) на второй (*an-eta : *in-ita); в

результате парадигма выровнялась по форме 1-го л. (**an-ɛta* : **an-ita*). В ддн этот процесс был дополнен появлением в абсолютиве такого же префиксального *ɲ*= (неясного происхождения), как и в 1-м лице;

— в тнт **n=in-a* → *ɲnɪá* по аналогии с формой абсолютива (точно так же, как и в 1-м лице ед. ч.).

Важнейшее отличие местоименной парадигмы 2-го л. от 1-го заключается в том, что в последней нет принципиального различия между основами личного ('я') и посессивного ('мой') местоимения, в то время как в первой проводится очень жесткое различие между личной основой **in*- и посессивной **in*- (ед. ч.: **n=in*, мн. ч. **g=in*, ср. для 1-го л. ед. ч. **n=an*, мн. ч. **g=an*). Таким образом, если главным местоименным формантом 1-го л. оказывается гласный **A*, для 2-го л. таких формантов два — **I* («прямая» основа) и **U* («притяжательная»; большие буквы символизируют тот факт, что все три гласных могут принимать различные ATR-характеристики в зависимости от позиции в словоформе).

Любопытно, что если, например, для сахарских языков характерно соотнесение «личное местоимение» = «приглагольный объектный показатель», «притяжательное местоимение» = «приглагольный субъектный показатель», то для сурмийских языков ситуация оказывается более сложной: согласованные данные ддн и баа указывают на то, что основа личного местоимения **I* соотносится с имперфективными формами, в то время как притяжательная основа **U* — с перфективными (что, возможно, указывает на их происхождение из каких-то герундийно-именных образований). Приглагольные объектные суффиксы при этом производят впечатление более недавних инноваций (как и во многих других «нило-сахарских языках»).

Помимо этого, для баа следует предполагать обобщение основы **U* по всей парадигме: формы абсолютива *ɲn-dá* и субъекта *n=ɲ:n-á* не имеют прямых параллелей ни в одном другом языке, но легко объяснимы как результат выравнивания из **ɲn-dá*, **n=ɲ:n-á* под влиянием посессива.

В ю.-в.-сурмийских языках ситуация выглядит так:

а) в чай: *ɲnɛ* + специальная эмфатическая форма *ɲnó*; посессив *á=n=ɲ:nú* 'твой' (ед. ч.), *á=g=ɲnú* 'твои' (мн. ч.). Субъектный показатель в глаголе — суффикс *-i* (в имперфективе), *-u* (в перфективе) [Last, Lucassen 1998];

б) в мрс: *iŋe*, эмфатическая форма *iŋoi*; посессив — ед. ч. *a=n=ипи*, мн. ч. *a=g=ири*. Субъектные показатели — суффикс *-io* (в имперфективе), *-и* (в перфективе) [Turton, Bender 1976];

в) в мкн: *ени* ~ *ери* ~ *ири*; посессив — ед. ч. *(d=)ени* (посессивный префикс *d=* выпадает в стяжении с конечным согласным определяемого слова), мн. ч. *g=ени*. Субъектные показатели — суффикс *-i* (в имперфективе), *-(u)a* (в перфективе) [Will 1989];

г) в квг: *iŋ*; посессив — *n=и.пи* (для обоих чисел); субъектные показатели — *i=...* *-i* (имперфектив), *i=...* *-i-ya*: (перфектив) [Hieda 1998].

Видно, что фундаментальная оппозиция личного **I* и посессивного **U* надежно реконструируется и на пра-ю.-в.-сурмийском уровне; парадигматическое обобщение наблюдается только в мкн, где имело место развитие, обратное баа — посессивные формы позаимствовали **I*-образный вокализм у личных. Общую парадигму можно представить в виде **in-e* (немаркированная форма субъекта), **in-io* (эмфатическая форма, вытеснившая немаркированную в мкн), **n=ип-* / **g=ип-* (посессив ед. и мн. ч. с обобщением в пользу ед. ч. в квг). Помимо этого, в чай налицо такая же корреляция с глагольными показателями, как и в ддн и в баа; в остальных языках имели место отдельные вторичные изменения, в основном как следствие аналогических выравниваний (либо по парадигме 1-го или 3-го л., либо в результате обобщения единого образца спряжения на перфектив и имперфектив, как в квг).

Для мдж из описания [Bender 1983a] известны следующие формы: *iŋ* (субъектное местоимение в начале фразы), *ɸ=i:ŋk* (субъектное местоимение в середине фразы), *-na* ~ *-i:na* ~ *-inna* (приглагольный маркер косвенного объекта), *-ni* ~ *-i:n* (маркер прямого объекта); посессив *no:k* (ед. ч.), *go:ŋk* (мн. ч.); личный субъектный показатель 1-го л. ед. ч. — суффикс *-in* ~ *-on* ~ *-ip* (четкого распределения между вариантами нет).

По сравнению с местоименными формами 1-го л. формы 2-го л. имеют гораздо более ярко выраженный «сурмийский» характер. Самая важная деталь — то, что мдж также проводит различие между вокализмом **I* для «прямой» (личной) основы и **U* (в мдж *o*) для «посессивной». Варьирование субъектных показателей в глаголе, в свою очередь, может интерпретироваться как постепенное аналогическое выравнивание под влиянием **I*-основы (ср. обобщение *i*-основы в квг).

Таким образом, дихотомия **I-n-* / **U-n-*, где *-n-* — общий формант личных и притяжательных местоимений, а значение 2-го л. выражено моновокалическими морфемами, надежно реконструируется на общесурмийском уровне. К внешнему сравнению можно привлекать обе морфемы; лексикостатистически значимой будет прямая основа **I*.

43) «язык»: нрм *ṅgà:t* [Yi.], *āyāt* [Tu.], ддн *ṅgà:t* [Yi.], *aɬ'a:t* [Dr.], тнт *ṅgà:t* [Yi.], мрд *àat* [Yi.], баа *àgá*, чай *kāyō* [Yi.], *kàyō* [LL], мрс *kàyō* [Yi.], *káia* [SC], мкн *kàt* [Yi., Rc.], квт *kà:t* [Yi., Hi.], мдж *kàdā* [Yi.]. || Yi.: 3.-сурм. **ṅgà:t*, в.-сурм. **kat*.

Игезу реконструирует для пра-ю.-3.-сурм. основы форму **ṅgà:t*, несмотря на то, что негеминированный велярный **-g-* даже не фигурирует в составе фонологического инвентаря, который он постулирует на этом уровне [Yigezu 2002: 209]. Тем не менее, речь действительно идет об уникальном случае: гораздо более естественной ситуацией для данной подгруппы является либо удвоенный *-gg-*, либо импловивный *-g̥-* (см. ниже 'зуб'). В этом контексте уже не вызывает удивления ни спирализация в нрм (у Такера), ни лениция и выпадение велярного в мрд. Учитывая внешние соответствия, допустимо, что мы имеем здесь дело с редким интервокальным вариантом обычного глухого **k*, обусловленным позиционно (либо вокалическим, либо просодическим контекстом).

Также обращает на себя внимание тот факт, что ауслаутный **t* не удастся вычленить как суффикс; на его принадлежность корню однозначно указывают такие формы мн. ч., как нрм *āyāt-ía* [Tu.], ддн *aɬ'a:t-wa* [Dr.], мрд *a:t-i* [Lyth], баа *āgāð-í* ← пра-ю.-3.-сурм. **ṅgà:t-i* (в баа при этом восстанавливается выпадающий в ауслаутной позиции смычный).

Внутри ю.-в.-сурм. ветви соотношение между такими формами, как чай *kāyō* = мкн *kàt*, полностью аналогично оппозиции чай *sīyó* 'рука' = мкн *sít* id. (см. выше). Для 'руки' была предложена реконструкция **sít*, с «новым сингулятивом» **sít-(y)o* в сури-мурси; в соответствии с этим 'язык' должен восстанавливаться в виде **kat* с «новым сингулятивом» **kat-(y)o*¹. Эта форма, в свою очередь, со-

¹ По крайней мере в одном из говоров тирма *-y-* в данном корне реализуется как межзубный: *kaðɔ* [Bender 1971: 265] (ср. также аналогичную ситуацию для слова 'дождь': *giðɔ* = чай *gūyō*). Если только это не обычная для тирма аллофоническая реализация *любого -y-* в позиции

поставима с з.-сурм. как результат регулярной редукции начального гласного, т. е. возводима к пра-ю.-сурм. **aklɪt*. К сожалению, форма мн. ч. из всех в.-сурм. языков известна только для квг: *kat-an* [Hi.]. Здесь также подтверждается корневой характер *-t*, но одного квг, конечно, недостаточно для доказательства принципиальной неотделимости этого форманта.

Ю.-сурм. **aklɪt* сопоставимо с мдж *kàdā*, но конкретные детали этой корреляции неоднозначны. С одной стороны, если **-t* в ю.-сурм. форме — действительно часть корня, напрашивается выведение мдж *kàdā* из **aklɪt*- + именной суффикс **-a*. Редукция начального гласного в такого рода структуре регулярна (ср. 'вошь' и др.), но импловивная артикуляция срединного согласного остается необъяснимой; «контрольных» примеров на соответствие «ю.-сурм. *t* : мдж *d*» не обнаружено.

С другой стороны, если *d* в *kàdā* на самом деле восходит к **d₂* (см. 'голова'), допустима реконструкция трехсложной основы **aklɪd₂a* → ю.-сурм. **aklɪt* с предсказуемым выпадением **d₂* и расширением за счет суффикса **-t* (застывшего в большинстве языков-потомков). Важным аргументом в пользу этой версии является долгота корневого гласного, отмеченная для большинства ю.-з.-сурм. языков и для квг; по-видимому, она фонологична и, следовательно, может отражать старый выпавший согласный (т. е. **aklɪd₂a-t* → **aklɪt*).

44) «зуб»: нрм *nīgittà-t* [Yi.], *nīgītà-t* [Tu.], ддн *nīgittà-t* [Yi.], *nīgita-t* [Dr.], тнт *niggittà-t* [Yi.], мрд *nīgittà-t* [Yi.], баа *nīgíðā-ní*, чай *nīgíyáy* [Yi.], *nīgíyá* [LL], мрс *nì:dáy* [Yi.], *nída* [SC], мкн *nì?idà-ǵ* [Yi.], *nihidà-ǵ* [Rc.], квг *nìgì* [Yi.], *nígí* [Hi.], мдж *nídán* [Yi.], *nì:da:n* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **niggitta-*, в.-сурм. **nigidda*.

Для ю.-з.-сурм. группы исходной (простой) формой слова 'зуб' является форма мн. ч. **nigít*, ср. нрм *nīgīt* [Tu.], ддн *nigít* [Dr.] и др. (в баа плюралис *nīgíð-á* расширен за счет еще одного моновокалического именного суффикса). В сингулятиве между корнем **nigɪ-* и суффиксом **-t* вставляется дополнительный суффикс **-ta-*, скорее всего, тождественный аналогичному элементу **-ta-* или **-tā-* в этимоне 'ухо' (см. выше) и ряде других.

между гласными (к сожалению, достаточной информации по этому вопросу нет), то можно считать, что эти формы подтверждают развитие в сури и мурси *kaɣo*, *guɣo* ← **kat(y)o*, **gut(y)o*.

В ю.-в. языках обнаруживаются следующие варианты этой основы:

(а) **ɲigi* («чистая» основа, в квг);

(б) **ɲigi-da*, возможно, ← **ɲigi-ta* с ассимиляцией = ю.-з.-сурм. **ɲigi-t*; в мкн велярный регулярно дает гортанный взрыв, а в мрс выпадает в составе многосложной основы (ср. выше 'сухой', 'нога'). Судя по парадигматическим оппозициям в мкн и мрс, для этой основы характерным было коллективное значение;

(в) вторичные основы сингулятива — **ɲigi-da-ɕ* в мкн и **ɲigi-da-y* в сури-мурси. В чай [LL] старая основа мн. ч., по-видимому, вытеснена продуктивным новообразованием от сингулятива: **ɲigi-da-y-na* → *ɲǐgé-ná*).

Триконсонантная основа вида **NiKiT-* лежит также в основе мдж *ɲídán* ← **ɲiyida-n* ← **ɲigida-n* (*-n* — показатель ед. ч., ср. у Бендера мн. ч. *ɲida-k*; лениция **-g-* → *-y-* регулярна, см. 'луна' и др.).

Проблема чередований по языкам палатальных и велярных рефлексов носового согласного уже поднималась выше при обсуждении этимона 'вошь'; она завязана на взаимном влиянии носового и последующего переднего гласного, причем более архаичной, по-видимому, все же была именно палатальная артикуляция (так, как ее реконструирует Игезу). Что касается триконсонантности основы, то здесь наиболее показательна форма в квг — отсутствие в ней переднеязычного *-d-* или *-t-* может быть только архаизмом. Самым логичным решением была бы реконструкция пра-сурм. парадигмы **ɲlɪɪ* (ед. ч.): **ɲlɪɪ-ta* (мн. ч.), а почти полное исчезновение старой формы ед. ч. должно связываться с ее более низкой статистической частотностью по сравнению с мн. ч. 'зубы', в результате чего новые формы сингулятива стали сами по себе основываться на «окаменевшей» форме мн. ч.

45) «дерево»: (а) нрм *kè:tà* [Yi.], *kēt* [Tu.], днн *kè:tà* [Yi.], *kēt* [Dr.], тнт *kè:t* [Yi.], *kèét* [Rn.], мрд *kèét* [Yi.], *kēt* [Tu.], баа *kè:ṭà*, чай *kéyō* [Yi.], *kyèñò* [LL], мрс *kíyò* [Yi.], (?) *tʰio* [SC], мкн *kèdò* [Yi.], *kèdo* [Rc.], мдж *kè:t* [Yi.], *keš* [Ce.]; (б) квг *šà:rí* [Yi.], *šà:rí* [Hi.]. || Yi.: з.-сурм. **kɛ:ṭ*, в.-сурм. **kɛdo*.

Для з.-сурм. допустимо восстанавливать парадигму ед. ч. **kɛ:-ta* (возможно, **kɛ:-ṭa*): мн. ч. **kɛ:-na* (ср. конкретные формы мн. ч.: нрм *kɛ:-ná* [Tu.], *kê-na* [Dr.], мрд *kɛ:-n* [Tu.], баа *kɛ:-ná*). Редукция конечного гласного в тнт и мрд регулярна, но в формах ед. ч. в

мрд и ддн (у Такера и Дриберга соответственно) она неожиданна; не исключено, что реальная парадигма все же была $*k\epsilon-t : *k\epsilon-na$, с аналогическим выравниванием формы ед. ч. по форме мн. ч. (косвенно это подтверждается тем, что сингулятивный суффикс $*-t$ в ю.-сурм. языках очень частотен, а сингулятив $*-ta$ едва ли не уникален для данного конкретного случая).

Довольно сложная в морфонологическом отношении ситуация в ю.-в.-сурм. языках, на наш взгляд, реалистичнее и экономнее всего объясняется из исходной парадигмы $*k\epsilon-to$ (ед. ч.) : $*k\epsilon-na$ (мн. ч.), причем для основы ед. ч. была характерна полисемия 'дерево (растущее) / древесина (материал)'. Дальнейшее развитие было следующим:

— в мкн: озвончение $*k\epsilon-to \rightarrow k\epsilon-do$ (как в 'зубе' и др. примерах) при сохранении общей исходной парадигмы (ср. мн. ч. $k\epsilon-na$ в [Will 1989: 134]);

— в пра-сури-мурси: спирантизация $*k\epsilon-to \rightarrow *k\epsilon-\delta o \sim *k\epsilon-yo$, а также аналогическое выравнивание $*k\epsilon-na \rightarrow *k\epsilon-no$ по форме ед. ч.;

— в мрс: ассимиляция $*k\epsilon-yo \rightarrow kiyo$ при сохранении исходного вокализма в форме мн. ч. ($k\epsilon-no$ [Turton])¹;

— в сури: по-видимому, в ряде диалектов форма ед. ч. в активном употреблении осталась только в значении 'древесина', а старая форма мн. ч. приняла на себя также и значение 'дерево (ед. ч.)'. Именно так выглядит ситуация в чай согласно [LL], где $ky\epsilon o =$ 'древесина' ($\leftarrow *k\epsilon-yo$ с метатезой), а $ky\epsilon-no =$ 'дерево' ($\leftarrow *k\epsilon-no$ по аналогии с $ky\epsilon-o$). Ср. также в тирма $kiya-no$ 'дерево' [Bender 1971: 265]. При этом, однако, в [Abbink 1993: 52] дается форма $k\acute{e}$ 'дерево', в то время как форма $k\epsilon-no$ почему-то переводится как 'ветка / ветки' (одновременно ед. и мн. ч.). Возможно, что эти формы вообще представляют другую (однокоренную или просто фонетически и семантически сходную) лексему 'ветка', но для разъяснения ситуации у нас не хватает данных.

Основа $*k\epsilon-$ стабильно сохраняется во всех ю.-сурм. языках, кроме квл, где его замещает форма $\acute{s}\grave{a}r\acute{r}i$ неясного происхождения (сравнение с арабским $\acute{s}\acute{a}\acute{z}ar$ - исключено по фонетическим причи-

¹ Форма $t^{h}io$ в [SC] абсолютно загадочна и не подтверждается ни одним альтернативным источником; весьма вероятно, что речь идет об элементарной опечатке (вм. $*k^{h}io$).

нам, к тому же квг находится в зоне эфиосемитского, а не арабского влияния). Архаичность как самого корня, так и его морфологической парадигмы наглядно доказывают параллели в мдж, ср. у Бендера: ед. ч. *ke:-t*, мн. ч. *ke:-n*. (Палатализация **ket* → *keš* в записи Черулли — идиолектное явление, возможно, связанное с влиянием предшествующего переднего гласного). Являются ли именно эти формы исконными, с наращением дополнительных вокалических окончаний в ю.-сурм., или, напротив, в мдж следует видеть редукцию из старых **ke:-to*, **ke:-na*, установить трудно.

46) «два»: (а) нрм *rāmṁà* [Yi.], *rāmṁā* [Tu.], ддн *rāmṁá* [Yi.], *ramʔa* [Dr.], тнт *rāmṁá* [Yi.], мрл *rāmṁá* [Yi.], *rām* [Tu.], баа *rāmṁá*, чай *rāmṁán* [Yi.], *rāmṁán* [LL], мрс *rāmṁàn* [Yi.], *rāman* [SC], мкн *rāmàn* [Yi.], *rāma* [Rc.]; (б) квг *dā:* [Yi., Hi.]; (в) мдж *pè:u* [Yi.], *feɣ* [Ce.]. || Yi.: 3.-сурм. **ramma*, в.-сурм. **ramtan*.

Ситуация с числительным '2' в ю.-сурм. языках нетривиальна. С одной стороны, пра-ю.-сурм. реконструкция **ram(m)an* формально неоспорима: соответствия в целом регулярны (за исключением разве что странного отсутствия *-n* в ю.-3. языках; но и здесь можно предположить наращение суффиксального носового в ю.-в. ветви), дистрибуция удовлетворительная (все языки, кроме заведомо инновативного квг).

С другой стороны, не может не обращать на себя внимание фонетическое сходство этой основы с корнем, широко распространенным в значении '2' в омотских и кушитских языках, где он обычно представлен в фонетических вариантах вида *nam-* или *lam-*: ср. праомотскую реконструкцию **nAm-* в [Bender 2003: 304], вост.-кушитскую **lam(m)-* в [Sasse 1979: 21], юж.-кушитскую **ɬa:ma-* в [Ehret 1980: 208]. Похожие формы, как будет показано ниже, обнаруживаются и в кулякской семье, и даже в ряде центрально-суданских и кордофанских языков. Все это заставляет подозревать «бродячий» характер данного корня на территории описываемого ареала — что, однако, не означает автоматического признания за ю.-сурмийской формой статуса заимствования.

В целом относительно сурмийской системы числительных следует отметить, что ее структура в ю.-3.-сурмийских языках производит впечатление большей архаичности, чем в ю.-в.-сурмийских (что, в свою очередь, согласуется и с массой других отмеченных фактов, свидетельствующих о гораздо более сильном

влиянии извне на ю.-в. языки, чем на ю.-з.). Числовой ряд от 1 до 5 для ю.-з. ветви восстанавливается в виде **odo-i* '1' (см. выше), **ramma* '2', **iyuo* '3', **weɕ* '4', **tur* '5', причем для **tur* налицо убедительная параллель в мдж (*tù:l*), подтверждающая исконность хотя бы части этой системы (напротив, между ю.-в.-сурмийскими и мдж ни одной изоглоссы такого рода не обнаружено). Числительные от 6 до 9 при этом образуются вторично, путем сложения **tur* '5' с простыми основами от 1 до 4, в т. ч. и '7' = **tur*-(KV-) + **ram*- → нрм *tùrgè-rèm* и т. п.

Все это показывает, что никаких очевидных аргументов в пользу кушито-омотского происхождения сурмийского '2' нет, т. к. систематическое обращение к афразийским источникам для пополнения собственной системы нумеративов характерно только для ю.-в. группы, и то скорее для числительных «высокого» ранга (в данном случае — выше '5').

Напротив, существует как минимум один веский фонетический аргумент в пользу обратного: дело в том, что в сурмийских языках четко противопоставлены сонорные фонемы *l*- и *r*-, и (по крайней мере, в том виде, в котором это постулируется, например, у Г. Флеминга, см. [Fleming 1983a: 542]) заимствование кушитского или омотского прототипа **lam*- (или, тем более, **nam*-) в пра-ю.-сурмийский в виде **ram*- абсолютно необъяснимо. Если же допустить обратное — исконно сурмийский характер этого слова — то это хорошо согласуется с тем фактом, что в омотских языках начальный вибрант *r*-, как правило, отсутствует (Л. Бендер не реконструирует **r*- ни на праомотском уровне, ни на каких-либо промежуточных); следовательно, сурмийская основа **ram*- могла заимствоваться в омотские языки только в виде **lam*- (или **nam*- с ассимиляцией)¹. Оттуда, уже через омотское посредничество, диффузия распространялась далее на кушитские языки.

¹ Речь, правда, не может идти о заимствовании из прасурмийского в праомотский (язык, по-видимому, намного более древний, если хотя бы приблизительно верна датировка распада северной и южной ветви пятым тыс. до н. э., см. [Blažek 2008]); скорее следует предполагать «диффузию» между отдельными ветвями омотских и сурмийских языков в несколько этапов, по крайней мере, отдельное проникновение числительного '2' в северную и в южную ветвь.

Безусловным контраргументом, с которым следует считаться, здесь является факт отсутствия пласта очевидных «сурмизмов» в омотском — или, скорее, факт полной неизученности данного вопроса (отметим, что и явных «омотизмов» в праюжносурмийском тоже не наблюдается; существенное влияние омотского адстрата на сурмийские языки начинается в лучшем случае на уровне промежуточных подгрупп, особенно юго-восточной, и достигает пика на уровне отдельных языков типа квг). Нельзя даже исключить того, что речь вообще идет о случайном совпадении, хотя это очень маловероятно. Тем не менее, общая совокупность фактов такова, что исключать пра-ю.-сурм. **ram(m)an* '2' из дальнейшего внешнего (генетического) сравнения недопустимо; напротив, только такое сравнение способно рано или поздно показать, какая из обсуждаемых языковых групп все же была первичным источником диффузии.

Никакой очевидной этимологии для квг *dā*: обнаружить не удалось; возможно, что это (наряду с несколькими другими числительными) — один из остатков неидентифицированного субстрата. К внешнему сравнению эту форму можно привлекать только при допущении, что обще-ю.-сурм. **ramma(n)* было независимо друг от друга заимствовано в пра-ю.-з.-сурм. и «узко»-ю.-в.-сурм. (без квг), что, как было показано выше, крайне маловероятно.

Мдж *rè:u* также не имеет внятных ю.-сурм. параллелей (ожидались бы формы типа **ve-* на пра-ю.-з.-уровне и **he-* на пра-ю.-в.), однако эту форму, безусловно, правомерно привлекать к дальнейшему сопоставлению, т. к. она представляет отдельную ветвь сурмийской семьи и, опять-таки, не может быть убедительно

В этой связи важно отметить, что для праюжноомотского, исходя из соотношения дистрибуции зафиксированных форм с общепринятой классификацией этой ветви (ее внутренняя структура оказывается одинаковой у Л. Бендера и В. Блажка, несмотря на различия в их лексико-статистических методиках), базисная форма для '2' восстанавливается в виде **kasten* (изоглосса между далеко отстоящими друг от друга кластерами ари и диме), в то время как **lama* наблюдается только в близкородственном кластере хамер-банна; Л. Бендер сам предполагает здесь заимствование из оромо [Bender 2003: 219], т. е. от восточных соседей, но нельзя исключить и заимствование из сурмийских языков, т. е. от соседей западных.

объяснена как заимствование — разве что из банту, где фонетически сходные формы распространены широко, но носители языков этой семьи отделены от носителей мдж прочной «стеной» из нилотских и кушитских языков, и никаких других свидетельств о возможных контактах между ними пока не обнаружено. (Ср. в этом отношении хадза *piye*- '2' — гораздо более убедительный «бантуизм» в свете ареальной дислокации носителей хадза).

47) «вода»: нрм *mà:t* [Yi.], *mām* [Tu.], ддн *māat* [Yi.], *mat* [Dr.], тнт *māt* [Yi., Rn.], мрд *má:t* [Yi.], *mām* [Tu.], баа *má:*, чай *má* [Yi.], *mā* [LL], мрс *má* [Yi., SC], мкн *mā* [Yi., Rc.], квг *mùá* [Yi.], *mwá* [Hi.], мдж *má:w* [Yi.], *mao*: [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ma:t*, в.-сурм. **ma*.

В общем происхождении всех перечисленных здесь форм не приходится сомневаться, однако определенные сложности связаны с реконструкцией ауслаута. З.-сурм. **ma:t* (по Игезу) приемлемо при условии регулярности отпадения *-*m* в баа — что вполне вероятно, ср., напр., баа *tòrkónò* '6' при узко-з.-сурм. **tòrkónm* и др. Однако уже возведение *всех* сурмийских рефлексов, включая мдж, к тому же **ma:t*, обосновать значительно сложнее — как из-за отсутствия подтверждающих этимологий общесурмийского уровня, так и в связи с тем, что ауслаутные сонанты, включая -*m*, в ю.-в.-сурмийских языках вполне допустимы (ср. чай *gôm* 'бровь' [LL], мрс *rɔm* 'страус' [Turton] и др.).

Если свести все многообразие форм к ю.-в.-сурм. **ma:t*, ю.-з.-сурм. **ma* (с такой же дифтонгизацией в квг, как в *bua* 'рука' ← ю.-сурм. **ibɔl*, см. выше) и мдж *ma:w* (неясно, насколько фонологичной является здесь долгота, отмеченная у Игезу и Черулли; Бендер приводит вариант с кратким гласным), то первичным из этих вариантов должен быть признан сев.-сурмийский, поскольку: (а) обще-сурм. **ma:t* вряд ли дало бы ю.-в.-сурм. **ma*; (б) обще-сурм. **ma* требовало бы признания -*m* и -*w* суффиксальными компонентами, на что у нас нет реальных оснований. Напротив, для обще-сурм. **ma(:)w* 'вода' можно предположить (а) отпадение *-*w* в ю.-в.-сурм. (действительно, ауслаут на -*w* в этих языках неизвестен) и (б) ассимиляцию **ma:w* → **ma:t* в ю.-з.-сурм.

В любом случае по-настоящему важно здесь то, что в исконной основе было две губных фонемы, а не одна, и это должно учитываться при дальнейшем внешнем сравнении; имела ли конкретная фонетическая реализация вид **mat*, **ma:w* или даже, может быть, **mo(:)*, на данном этапе не столь принципиально.

48) «мы»: нрм *àggèttà* [Yi.], ддн *ḡáǵé:ttá* [Yi.], *ḡageta ~ naga* [Dr.], тнт *áǵíttà* [Yi.], мрл *àgèttà* [Yi.], *nāgā* [Tu.], баа *àggá*, чай *āggé* [Yi.], *àgè* [LL], мрс *àggé* [Yi.], *ʔáge* [SC], мкн *èdé* [Yi.], *edù* [Rc.], квт *ʔúwàw* [Yi.], *úàò* [Hi.], мдж *itìnk* [Yi.], *e:tek* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **aggetta*, в.-сурм. **agge*.

Для корректного проведения реконструкции, как и в случае с местоимениями ед. ч., требуется привести дополнительный парадигматический материал, начиная с ю.-з.-сурм. группы:

а) в ддн: абсолютив *ḡageta* противопоставляется субъекту *na:gá*, сокр. форма *ná:kk*; с формой абсолютива явно связан суффикс объектного спряжения *-eta*. Субъектный циркумфикс перфектива имеет вид *xa= ... -ta*, имперфектива — *xa=... -a* с удвоением предшествующего согласного (ср. *xa=gí:l-i* 'я буду считать', но *xa=gí:ll-a* 'мы будем считать'), что может быть интерпретировано лишь как результат ассимиляции старого начального согласного в суффиксальной морфеме *-*Ca*. Наконец, посессивные формы имеют вид *ǵí=n=á:ḡ* (ед. ч.), *ǵí=g=a:ǵ* (мн. ч.) [Odden 1983: 168]¹;

б) в тнт: из грамматического очерка [Randal 1998] информацию о формах личного местоимения 1-го л. мн. ч. извлечь невозможно, но у Игезу абсолютив дается в виде *áǵíttà*; с этой основой, по-видимому, связан маркер объектного спряжения *-et ~ -eta*. Посессив — сочетание показателя притяжательности *ǵí* с формой ед. ч. *n=â-ḡ* или мн. ч. *g=â-k* [Randal 1998]. Циркумфикс субъектного спряжения имеет вид *ka=... -Ø* (в имперфективе) или *kl=... -et* (в перфективе);

в) в мрл: абсолютив *āǵèt*, субъект *nāgā(rō)*, посессив *ǵí=g=ázàk* (мн. ч.) [Tucker 1951]. Префикс субъектного спряжения *ka=*;

г) в баа: абсолютив *āggá*, субъект *āggáó*, посессив *n=áā* (ед. ч.), *ǵ=áā* (мн. ч.) [Yigezu, Dimmendaal 1998]; циркумфикс субъектного спряжения *kV= ... -ta* (перфектив), *kV= ... -C_ia* (имперфектив); запись *-C_ia* означает, что соответствующая морфема в зависимости от конечного согласного корня имеет либо вид *-ya*, либо *-a* с удвоением этого согласного.

¹ В [Yigezu, Dimmendaal 1998: 301] сегментные различия в ауслауте этих местоимений объясняются как отражение оппозиции по экс- / инклюзивности, и приводится более полная парадигма: 1-е л. инкл. ед. ч. *n=aǵ*, мн. ч. *g=aǵ*, 1-е л. экскл. ед. ч. *n=a:ḡ*, мн. ч. *g=a:ḡ*.

Таким образом, если подавляющее большинство основ со значением 1-го л. ед. ч. выводилось из структуры **an-*, то в формах мн. ч. это место занимает **ag-*, причем парадигматическое сопоставление с формами 2-го л. мн. ч. (ср. тнт *iféttà*, баа *ùggá* и др.) ясно показывает, что **a-* здесь этимологически тождественно **a-* в **a-n-*, а **g-* — старый местоименный показатель мн. ч. Конкретные реконструкции будут иметь следующий вид:

— абсолютив: **ag-eta* (ср. **an-eta* 'я', **in-eta* 'ты', вероятно, также **ig-eta* 'вы'). В ддн как и в остальных случаях, налицо труднообъяснимое «наращение» *η-*. В баа, вслед за Игезу и Диммендалем, мы предполагаем редукцию и ассимиляцию: **ag-eta* → **ag-ta* → *agga*, симметричную редукции в 1-м и 2-м л. ед. ч. (без ассимиляции);

— субъект: «узко»-з.-сурм. ветвь предполагает **n=ag-a* (ср. **n=an-a* 'я', **n=in-a* 'ты', вероятно, также **n=ig-a* 'вы'), но в баа субъектная форма вместо этого образуется от абсолютивной через суффиксацию *-o*, что похоже на соответствующий механизм в сури (см. ниже). Пока неясно, следует ли расценивать это как одно из проявлений вторичного «конвергентного» влияния сури на баа, или же налицо сохранение архаичного способа образования, в то время как «узко»-з.-сурм. обобщил модель образования субъектных форм ед. ч. на формы мн. ч.;

— посессивная основа: отсечение всех морфем, выражающих собственно посессивность (префикс **ci=*), число посессора (префиксы **n=* ед. ч., **g=* мн. ч.) и кляузивность (суффиксы инклюзива **-ci*, эксклюзива **-η* с рядом парадигматических выравниваний по отдельным языкам), показывает, что «чистой» посессивной основой в пра-ю.-з.-сурм. была **a-* с обязательной фонологичностью долготы. На последнее обстоятельство недвусмысленно указывают такие особенности, как контурный тон в тнт и баа (отсутствует в посессивных формах личных местоимений ед. ч.) или запись парадигмы в мрд [Arensen 1982: 93–94] как *ci=an* 'мой', но *ci=n=a-η* 'наш', *ci=g=an* 'мои', но *ci=g=a-φ* 'наши';

— субъектные показатели: глагольные формы 1-го л. мн. ч., как и соответствующие формы ед. ч., образовывались с помощью префикса **ka=* и суффикса **-eta* в перфективе (единственно возможный инвариант для тнт *-et* и ддн, баа *-ta*) и **-ya* в имперфективе (глайд *-y-* сохраняется в баа после корневых сонантов, во всех остальных случаях выпадает, обычно вызывая редупликацию

предыдущего согласного). Суффиксы эти, в свою очередь, легко раскладываются на $*\text{-}\epsilon\text{-}t\text{-}a$ и $*\text{-}y\text{-}a$, где $*\text{-}a$ = стандартная морфема 1-го л. (ср. реконструкции $*\text{-}\epsilon\text{-}t\text{-}u$, $*\text{-}y\text{-}u$ для форм 2-го л. мн. ч., причем здесь, как и в формах 2-го л. ед. ч., перфектив образуется с помощью посессивной, а не личной основы).

Обратимся теперь к материалу ю.-в.-сурм. языков:

а) в чай: $\acute{a}g\grave{e}$ + специальная эмфатическая форма $\acute{a}g\acute{i}\acute{o}$; посессив $\acute{a}\grave{=}\text{m}\acute{=}\acute{a}$ 'наш' (ед. ч.), $\acute{a}\grave{=}\text{g}\text{-}\text{g}\acute{=}\acute{a}$ 'наши' (мн. ч.). Субъектный показатель в глаголе — циркумфикс $kV=\dots -o$ (в имперфективе), $kV=\dots -o$ или $kV=\dots -a$ (в перфективе) [Last, Lucassen 1998];

б) в мрс: age , эмфатическая форма $agui$; посессив — ед. ч. $a=n=a\text{-}u$, мн. ч. $a=g=a\text{-}u$ (эксклюзив), ед. ч. $a=n=a\text{-}i$, мн. ч. $a=g=a\text{-}i$ (инклюзив). Субъектные показатели — $kV=\dots -or$ (имперфектив), $kV=\dots -to$ (перфектив) [Turton, Bender 1976];

в) в мкн: eda (инклюзив), ede (эксклюзив); посессив — ед. ч. $(d=)egau$ (про поведение посессивного префикса $d=$ см. выше), мн. ч. $g=egau$. Субъектные показатели: имперфектив $(gi=) \dots -\emptyset$ (префикс $gi=$ факультативен), перфектив $-d(u)a$ без префиксации [Will 1989];

г) в квг: uao ; посессив — $gi=auu$ (для обоих чисел). Субъектные показатели — $a=\dots -a$ (имперфектив), $a=\dots -a\text{-}ua$: (перфектив) [Hieda 1998].

Очевидно, что этот массив данных намного более разнороден; при этом ближе всего к ситуации в ю.-з. языках, как всегда, оказывается устройство парадигмы в сури-мурси. Здесь видна та же самая прямая основа $*a\text{-}g\text{-}$ (сури-мурси $*a\text{-}g\text{-}e$); та же самая посессивная основа $*\text{-}a\text{-}$ («обрамленная» спереди и сзади показателями числа и к्लюзивности); и тот же самый префикс 1-го л. $*ka\text{-}$ в глагольном спряжении, хотя суффиксы перфектива и имперфектива изменились за счет аналогических выравниваний и, по-видимому, наращения дополнительных морфем (таких, как показатель имперфектива $-r$ в мрс, не имеющий внешнего аналогов).

Столь значительная общность данных подсистем в ю.-з.-сурм. и в сури-мурси автоматически подразумевает, что системы в мкн и в квг инновативны. Мкн eda однозначно раскладывается на $ed=a$, ср. $ed=u$ 'вы', $ed=\epsilon$ 'они'; префиксация дополнительного компонента $ed\text{-}$, скорее всего, вызвана тем, что пра-ю.-в.-сурм. $*age$ должно было дать в этом языке $*a^e$ (см. 'кость', 'слышать' и др. примеры выше) с возможностью дальнейшего слияния в монофонем-

ную основу. При этом, однако, происхождение самого компонента *ed*= остается неясным — возможно, он как-то связан с системой указательных местоимений (ср. *dia* 'этот' и т. п.).

Из посессивных форм мкн сохранил, по-видимому, только старый инклюзив *мн. ч. g=a-y*, к которому уже вторично стали присоединяться префиксы *ед. ч. (d)e=* и *мн. ч. ge=* (недавний характер этого процесса виден хотя бы из того, что здесь отсутствует развитие **-g- → -ʔ-*). Наконец, глагольная парадигма оказалась почти вообще лишена собственно личных показателей, как за счет отпадения велярного префикса (не вполне ясно, почему, в отличие от формы 1-го л. *ед. ч.*, в реликтовых формах он имеет вид *gi=*, а не *ki=*), так и за счет унификаций в системе суффиксов.

Еще более инновативна ситуация в квг, где форма *иа(-о)* (ср. *иwa* без конечного гласного в списке Л. Бендера) вряд ли может быть сколь-либо убедительно выведена из **a-g-V*. Исконная основа **a* однозначно сохранена в притяжательном местоимении *gi=a-yu* 'наш' (ср. *gi=u-yu* 'ваш') и в системе глагольного спряжения (ср. *a=mat-a* 'мы пьем': *i=mat-a* 'вы пьете'), но нельзя столь же уверенно вычленять ее в составе личного местоимения *и(w)-а*, по крайней мере до тех пор, пока мы не окажемся в состоянии этимологизировать компонент *и(w)-*.

Отметим, что парадигматическое сопоставление форм 1-го л. *мн. ч. (?íwàw [Yi.], íàð [Hi.], иwa [Bender])* и 2-го л. *мн. ч. (íyó [Yi.], íyòì [Hi.], iyε [Bender])* показывает, что на синхронном уровне основное смыслоразличение здесь падает на *первый* слог, т. е. хорошо этимологизируемой морфеме **i-* 2-го л. противопоставлено некое **и-* 1-го л., не имеющее даже намеков на этимологические параллели в других сурмийских языках. Что это — архаизм, контактное явление или какая-то особая локальная инновация — остается неизвестным. Тем не менее, мы все же воздержимся от жесткого признания этой ситуации лексической заменой, т. к. невозможность отождествления компонента *-а* в составе *и(w)-а* с общесурмийской основой 1-го л. остается недоказанной и даже вполне вероятной ввиду сохранения этой основы в квг посессиве и в глагольном префиксе.

На основании комплексного анализа всех ю.-сурмийских данных можно сделать тот вывод, что в пра-ю.-сурм. отдельной нерасчленимой морфемы для кумулятивного выражения значе-

ния 1-го л. мн. ч., по-видимому, не существовало; значение это выражалось путем сочетания морфемы 1-го л. (вообще) **a* с местоименными показателями числа (**a-g-* 'мы') или, возможно, кляузности, хотя однозначно восстановить пра-ю.-сурм. инклюзив и эксклюзив невозможно.

С трудом поддается анализу и ситуация в мдж. Ударную форму личного местоимения *it̪ɪŋk* [Yi.], *etek* [Rc.], *etɪŋk* ~ *etɛŋk* [Bender] нужно рассматривать как вторично образованную от 1-го л. ед. ч. *è:t* (см. выше), ср. 2-е л. мн. ч. *in-à:k* [Yi.] ← *in* 'ты', хотя неясной при этом остается роль велярного носового (окончание *-k* — стандартный показатель мн. ч. в именной морфологии мдж). Гораздо менее очевидно инновативны местоименные морфемы, входящие в состав постпозитивной формы *ɸ=e:-k* 'наш' (ср. *ɸ=o:-k* 'ваш'); притяжательных местоимений *n=a:-ŋk* 'наш', *g=a:-ŋk* 'наши' (ср. мрд *ɸi=n=a:-ŋ* 'наш'); и личных окончаний субъекта *-i:* ~ *-u:* (причины вариации неясны; все формы приводятся по источнику [Bender 1983a]).

То, что 1-е л. мн. ч. в итоге оказывается маркированным *четырьмя* разными гласными, может, на наш взгляд, объясняться лишь разнообразными стяжениями с такого же рода «морфемами-уточнителями» (числа, кляузности и т. п.), как и в ю.-сурмийских языках. Один из возможных сценариев — образование на базе инклюзива **a-i* (букв. **'я-ты'*) и эксклюзива **a-u* (ср. устройство посессивной парадигмы в мрс) стяжений **e* ~ **i* и **u* соответственно, с последующим дополнительным распределением по парадигме; на самом деле вопрос заслуживает гораздо более подробного исследования, чем мы можем здесь себе позволить.

В любом случае есть основания утверждать, что следы старого **a* 1-го л. мн. ч. до сих пор сохраняются в мдж в притяжательных местоимениях, но что при этом основная местоименная форма является новообразованием и должна засчитываться как лексическая замена.

49) «что»: (а) нрм *níá* [Yi.], ддн *né:ggí* [Yi.], *ini* ~ *ne* [Dr.], тнт *ná:* [Yi.], *ná* [Rn.], мрд *ná:* [Yi.], *nā* [Tu.], баа *ná:*; (б) чай *óŋ* [Yi.], *òŋ* [LL], мрс *ʔá=ʔóŋ* [Yi.], *ʔá=ʔo* [SC], (?) мкн *kāt=āŋ* [Yi.], *kat=àn* [Rc.], квг *há=ʔó* [Yi.], *ò* [Hi.]; (в) мдж *zík* [Yi.], *zik* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **na:* (?).

50) «кто»: (а) нрм *ŋènnè* [Yi.], ддн *ŋánì* [Yi.], *ŋani* [Dr.], тнт *ŋèné* [Yi.], *ŋénè* [Rn.], мрд *ŋèpè:n* ~ *ŋèp* [Yi.], *ŋèp* [Tu.], баа *ŋèné*, чай *né* [Yi.],

a=níné [LL], мрс *à=nìnè?* [Yi.], *ʔáne* [SC], мкн *nín* [Yi.], *a=nìn* [Rc.], квг *hà=nìn* [Yi.], *nìn* [Hi.]; (б) мдж *wód* [Yi.], *wodu* [Ce.]. || Yi.: з.-сурм. **ηVnV*.

Наиболее частотным вариантом вопросительного местоимения 'что?' в з.-сурм. языках является *ja* (неясно, насколько фонологична долгота в тнт и мрд), который Игезу (под вопросом) и восстанавливает как праформу. Есть, однако, все основания считать эту форму слиянием из **ni-* + **a*-, где вторая морфема — показатель прямого объекта; ср. в тнт [Ra.] *já* 'что?' (как объект), но *ní* 'что?' (номинатив). Неполное слияние, по-видимому, представлено и в нрм, где транскрипция *jíá* (при естественном допущении в этом языке и фонетических последовательностей вида *ja*) отражает старую морфемную границу. Учитывая также наличие варианта *ne* в ддн, не исключена и реконструкция исходной морфемы в виде **ne*, с вторичным изменением вокализма в тнт.

Ддн *né:ggí* — слияние с пра-з.-сурм. именной основой **gi* 'вещь' (ддн, мрд *gi*). В баа, помимо краткой формы *já* в [Yigezu 2002], в более раннем описании [Yigezu, Dimmendaal 1998] зафиксирован также расширенный вариант *ājja* (по-видимому, единое фонетическое слово, включающее глагол-связку *a-*) и еще одна особая форма *ággíní* ← **a-ja-gi-ni*, где **ja-gi* = ддн *né:ggí*, а *-(i)ni* — дополнительный суффикс, встречающийся и в других интеррогативах (ср. *ḡáíní* 'где?').

В в.-сурм. языках ситуация иная. Основной формой вопросительного 'что?' в прасури-мурси была **oη*, так же, как и в баа, регулярно образующая единый фонетический комплекс с глаголом-связкой **a-*, ср. идиолектные варианты *á=òη*, *á=àìη*, *òη* и др. в чай [LL]. В отдельных диалектах наблюдается ослабление и отпадение конечного носового; отсюда мрс *ʔá=ʔo* в списке [SC] и тирма *a=o* в [Bender 1971: 265].

По всей видимости, этот же процесс произошел и в квг, где сложная глагольно-местоименная форма *há=ʔó* [Yi.] = чай *á=òη*, а простая местоименная основа *ò* [Hi.] = чай *óη*. Труднее связать с этой основой мкн *kātāη* (в записях Риччи — *katan*, но форма *kataη* в [Will 1989] подтверждает первичность веларного носового); ср., однако, простую форму *aη* в [Bender 1971: 266], свидетельствующую о том, что здесь налицо сложение с компонентом *kat=*, хотя происхождение его остается невыясненным.

Что касается одушевленного местоимения 'кто?', то здесь подавляющее большинство з.-сурм. языков отражают вариант **ηεπε*; на особом положении оказывается только ддн, но данные как внутренней дистрибуции, так и внешнего сравнения однозначно говорят о первичности переднерядного вокализма в первом слоге. Возможно, что в ддн наоборот, имела место диссимилиация.

Все в.-сурм. языки согласованно показывают следы морфемы **nin*, представленной иногда в чистом виде (мкн), но чаще в комплексе все с тем же глаголом-связкой **a-*, а иногда еще и в сочетании с суффиксом **-e* (возможно, тождественным аналогичному суффиксу в личных местоимениях); полная форма *(*a*)*nin-e* иногда стягивается в *(*a*)*ne* (ср. транскрипции форм чай у Игезу и мрс в [SC]).

Реконструировать на основании этих данных обще-ю.-сурм. систему непросто. Легче всего было бы предположить для двух ветвей своеобразную «рокировку» вопросительных морфем (пра-з.-сурм. **nV* 'что?', **ηVnV* 'кто?', пра-в.-сурм. **Vη(V)* 'что?', **nVnV* 'кто?'), но без конкретного сценария развития это предположение ничем не поддерживается, не говоря уже о том, что в.-сурм. 'что?' имеет структуру VC, а не CV.

По-видимому, перспективнее пытаться найти параллели к в.-сурм. **oη* 'что?' в таких з.-сурм. формах, как тнт зай 'который?', мрд зай [Lyth]; в мрд ср. также форму мн. ч. *çi=g=aη* 'которые?', показывающую, что корневая морфема здесь =*aη* или =*yaη*, а форму ед. ч. следует возводить к **çi=(y)aη* со стяжением. Это все равно не до конца объясняет губной вокализм в в.-сурм. языках, но делает более вероятной перспективу вторичного переноса в в.-сурм. формы одного старого вопросительного местоимения на другое. Обратное решение менее вероятно, т. к. следов вопросительного **ni* в в.-сурм. не обнаружено.

Относительно форм одушевленных местоимений явный интерес вызывает тот факт, что в обеих ветвях они имеют структуру **NIN(e)*, за исключением лишь того, что первый носовой в з.-сурм. языках — велярный, в в.-сурм. — переднеязычный. Этот факт может быть легко объяснен либо диссимилиацией в з.-сурм., либо ассимиляцией в в.-сурм.; второе более вероятно, чем первое, т. к. (а) в з.-сурм. языках довольно много основ, в основном служебных, со структурой *nVnV*; (б) реконструкция **ni* 'что?' vs. **nin-e* 'кто?'

вынуждала бы нас рассматривать второе как производное от первого, что типологически сомнительно для всего рассматриваемого ареала. Исходя из этого, с некоторой натяжкой можно предположить обще-ю.-сурм. **ɣin*, **ɣin-e* 'кто?' → з.-сурм. **ɣene*, в.-сурм. **nin(e)*, но с допущением также первичности анлаута **n-*.

Совершенно загадочными остаются обе формы вопросительного местоимения в мдж; анализ данных в [Cerulli 1948] вообще не выявляет в этом языке каких-либо вопросительных основ с носовыми согласными. При внешнем сравнении их следует принимать во внимание, т. к. теоретически не исключен и их архаичный характер, но, учитывая общую склонность «восточносуданских» языков к носовым согласным в вопросительных словах, речь скорее все же идет о каких-то локальных инновациях, которые, возможно, удастся объяснить после того, как будут получены новые данные по мдж.

3.3. Язык нара.

3.3.1. *Общие сведения и источники.* Язык нара [нра] (старое название *бареа* или *бариа* сегодня в целом вышло из употребления в связи с его пейоративными коннотациями) является родным примерно для 40,000 носителей северных районов Эритреи, где он находится в тесном окружении языков кушитской (бедауйе) и семитской (тигре, тигринья) семей, а также соседствует с другим «нило-сахарским» изолятом — кунама.

Самые подробные сведения о нара до сих пор содержатся в старой монографии Л. Райниша [Reinisch 1874], опубликованной автором на основании анализа данных, собранных В. Мунцингером в 1861–62 гг.; монография состоит из достаточно подробного фонетического и грамматического описания, образцов текстов и словаря, но качество записи материала при этом далеко от идеального, особенно в области вокализма (например, полностью отсутствуют указания на количественные противопоставления, не говоря уже о тональной просодии). Книга Райниша была единственным источником информации для краткого очерка нара, вошедшего в обзор [Tucker, Bryan 1966: 329–335].

В XX в. нара впервые попал в поле зрения профессионального лингвиста в ходе полевых исследований Л. Бендера, опубликовав-

шего новые лексические данные по этому языку в статье [Bender 1968] (краткий 200-словный список, орфография которого довольно сильно отличается от орфографии предыдущей публикации и может отражать запись другого диалекта; часть этого же списка опубликована также в [Bender 1971]). За этим последовало столь же краткое, но представляющее собой важный шаг вперед по сравнению с трудом Райниша грамматическое описание [Thompson 1976], но оно же оказалось и последним: с 1976 г. новых работ по нара практически не появлялось, если не считать небольшой статьи [Hayward 2000], посвященной тональной системе, и краткой фонетической заметки [Abushush, Hayward 2002].

Большинство исследователей выделяет в нара четыре основных диалекта: два крупных, представленных племенами хигир и могореб, и два мелких — койта и сантора. До сих пор объектом исследования являлся только крупнейший диалект хигир, на базе которого предпринимаются попытки создания общей литературной нормы, однако, судя по отдельным формам других диалектов, иногда цитируемым в литературе, нет оснований считать его наиболее архаичным, по крайней мере в плане фонетики (ср. хигир *awlo* 'pot' vs. могореб *àlkò*, сантора *agura* id. [Rilly 2009: 178]). Немаловажные фонетические, морфологические и лексические расхождения, которые вряд ли можно целиком списать на временную разницу в сто лет, наблюдаются и между данными Мунцингера — Райниша, Бендера, Томпсона и Хейворда, т. е. и внутри диалекта хигир, очевидно, существует дальнейшее разделение на говоры.

При составлении и анализе списков мы пользуемся данными Райниша [Rn.] и Бендера [Bd.], привлекая скудные лексические данные Томпсона и Хейворда лишь в качестве дополнительных аргументов для прояснения той или иной ситуации.

3.3.2. *Историческая характеристика.* В типологическом плане фонологическое устройство нара вполне обычно для своего ареала. Консонантизм, согласно модели Томпсона, включает губные фонемы *b, f, m, w* (где *f*, как и во многих других языках, функционально занимает позицию глухого взрывного *p*), дентальные *t, d, s, n, l, r*, палатальные *ʒ, ʃ, y* (где *ʃ* также можно считать эквивалентом *ç*), веларные *k, g, ŋ*, ларингальный *h*, плюс несколько вторичных фонем в семитских заимствованиях.

В интервокальной позиции Томпсон отмечает противопоставление простых и геминированных согласных, но, судя по его примерам, оно возникает на морфонологическом уровне (ср.: *kal-e* 'я буду есть' : *kall-e* 'я ел'; *no-ta* мн. ч. 'глаза' : *fara-tta* мн. ч. 'лошади' и т. п.). В записях Райниша (Мунцингера) тенденция к удвоенной записи наблюдается в структурах CVCCV, к простой — в структурах CVCVCV (ср. *kitta* 'дорога' : мн. ч. *kita-ta*, *hagga* 'язык' : мн. ч. *hagge-ta*, хотя бывают и исключения). В целом такая ситуация скорее говорит о вторичности данной оппозиции и необходимости выяснения ее реального статуса и происхождения на внутреннем уровне; для внешнего сравнения она вряд ли релевантна.

Пятичленная система вокализма (*i, e, a, o, u*), судя по более современным исследованиям Томпсона и Хейворда, вроде бы не обнаруживает противопоставления по +/-ATR, хотя в старых работах как у Райниша, так и у Бендера выделяется по восемь-девять гласных; скорее всего, речь идет о позиционных вариантах. Система тонов представлена двумя значениями — высокий и низкий, которые могут образовывать сложные сочетания в зависимости от морфной структуры словоформы (тональная запись представлена только в работах Томпсона и Хейворда).

Возможности внутренней реконструкции для нара, учитывая, что все имеющиеся данные, во-первых, довольно скудны, во-вторых, представляют один и тот же диалект, минимальны. Тем не менее, ни то, ни другое не мешает практически всем специалистам по «нило-сахарским» языкам помещать нара в состав восточносуданской семьи, причем ближайшими родственниками нара обычно считаются нубийские и тама языки, о которых речь пойдет ниже ([Bender 2005: 64; Rilly 2009: 158; Ehret 2001: 88]; К. Эрет использует для обозначения «надсемьи», объединяющей эти три ветви, термин «астаборские языки» /Astaboran/). Родство это, однако, не для всех является интуитивно очевидным, а в лексикостатистическом отношении расхождение между нара, тама и нубийскими настолько велико, что, следуя общей методологии нашего исследования, совместное рассмотрение их материала на начальном уровне анализа исключено; на данном этапе мы предпочитаем рассматривать нара как язык-изолят.

50-словный список для языка нара¹.

1) «пепел»: нара *hibid* [Bd.], *hübet* [Rn.].

Л. Бендер сопоставляет эту основу с эфиосемитским **ḥamad* id., но фонетическое сходство слишком отдаленно, чтобы можно было уверенно говорить о заимствовании; передача семитского *m* как нара *b* сомнительна ввиду фонологичности в нара интервокального *m*. Более вероятно то, что *-Id* в этом слове — то ли застывший, то ли частично продуктивный собирательный суффикс; ср. *lügüd* 'земля' [Bd.] = *lug* id. [Rn.].

2) «птица»: нара *klarba* [Bd.], *karba* [Rn.].

В [Hayward 2000: 255] это слово записано как *kàrbà* и глоссируется как форма мн. ч. ('birds').

3) «черный»: нара *sur-ku* [Bd.], *sur-ko*, мн. ч. *sur-tego* [Rn.].

Очевидное адъективное производное от *sur* 'грязь', *sur-ei* 'быть грязным' [Rn.]; семитские параллели в [Bender 1968: 13] — случайные (и неполные) созвучия.

4) «кровь»: нара *kito* [Bd.], *kitto* [Rn.].

Ауслаут на *-to* может намекать на производность слова (ср. *al-* 'идти' → *al-to* 'приход'), но подходящей производящей основы типа **ki*(C)- в нара не зафиксировано.

¹ Общий анализ базисной лексики нара в сопоставлении с языковым материалом прочих семей эфиопийского ареала был впервые проведен Л. Бендером [Bender 1968]. В соответствии с методологическими принципами, принятыми в нашем исследовании, мы будем в данном разделе приводить внешний материал в первую очередь там, где резонно предполагать недавнее заимствование, чтобы оправдать исключение слова из дальнейшего этимологического рассмотрения. В тех случаях, где заимствованное происхождение слова спорно (серьезные расхождения в фонетике, семантике и т. п.), мы оставляем за собой право проигнорировать то или иное сопоставление, предложенное Бендером (впрочем, никаких «категорических» этимологизаций в его работе нет).

Реконструкции «пра-нара» не приводятся ввиду отсутствия диалектных данных, необходимых для такой реконструкции, но в сопоставительных лексических таблицах в конце тома для удобства будет приводиться общий «инвариант», выводимый на основании записей Райниша и Бендера, со снятием большинства нефонологичных особенностей в транскрипции последнего.

5) «кость»: нра *kəti* [Bd.], *ketti*, мн. ч. *ketta* [Rn.]. || Основа **ket-*.

6) «ноготь»: нра *ši*, мн. ч. *ši-ta* [Rn.].

В записях Бендера это слово отсутствует; вместо него в [Bender 1971: 268] приводится *šokna* 'коготь'. Вспомогательные источники подтверждают данные Райниша, ср. *šii* 'коготь' [Hayward 2000: 250].

7) «умирать»: нра *di-* [Bd.], *di ~ de* [Rn.].

8) «собака»: нра *wəs* [Bd.], *wos*, мн. ч. *woss-a* [Rn.]. || Основа **wos-*.

9) «пить»: нра *li-* [Bd.], *li* [Rn.].

10) «сухой»: нра *dis'ε-gu* [Bd.].

В записях Райниша обнаружена только производящая глагольная основа *dis* 'быть сухим' и именное производное *dise-do ~ disse-do* 'сухость'.

11) «ухо»: нра *tvs* [Bd.], *tus*, мн. ч. *tuss-a ~ tuss-u* [Rn.].

12) «есть»: нра *kəl-du* [Bd.], *kal* [Rn.].

И Бендер, и Томпсон отмечают сходство с семитским **ʔkl* 'есть' (→ арабск. диалект. *kVl-*), но серьезных оснований подозревать заимствование здесь нет, т. к. никаких других явных арабизмов в 50-словнике не отмечено (априорно более вероятно родство с нубийским **kəl*, см. выше).

13) «яйцо»: нра *wari* [Bd.], *ware ~ wari*, мн. ч. *ware-ta ~ wara* [Rn.].

Ср. у Хейворда запись с долготой: ед. ч. *wá:ri*, мн. ч. *wá:rá*. Основа **wa(:)r-*.

14) «глаз»: нра *no ~ nɔ*, мн. ч. *no-ta* [Bd.], *no*, мн. ч. *no-ta* [Rn.].

Хейворд отмечает долготу гласного: *nò:*.

15) «огонь»: нра *šita* [Bd.], *šitta*, мн. ч. *šita-ta* [Rn.].

Л. Бендер членит основу на *ši-ta*, очевидно, подразумевая, что она представляет собой *plurale tantum* (*-ta* — стандартный показатель мн. ч.). Этому анализу противоречит мн. ч. 'огни' *šita-ta* в записях Райниша; однако не исключено и то, что *šita-ta* — это уже вторичное новообразование от застывшего (морфологически переразложившегося) *šita*, так что анализ Бендера вполне заслуживает внимания при выведении формы на внешний уровень.

16) «нога»: нра *bala-təgma* [Bd.], *balla* [Rn.].

Как и в других языках региона, в нра отсутствует принципиальное различие между 'ступней' и 'ногой выше стопы'; Л. Бендер записывает в первом значении сложение с основой *təgma* 'плоская поверхность конечности' (= 'ладонь', 'подошва'), первая же основа

словосложения встречается у него отдельно в значении 'нога-leg' (почему-то в фонетическом варианте *ʔalla*).

17) «волосы»: нра *seʔi* [Bd.], *sebi* [Rn.].

Судя по формам, приводимым у Томпсона (*sab-i*, мн. ч. *sab-a*), первичный вокализм корня — *a*, с частичной переогласовкой → *e* (ε) под влиянием *-i* второго слога.

18) «рука»: нра *át* [Bd.], *ad*, мн. ч. *at-ta* [Rn.].

Имеющиеся описания нра не позволяют твердо установить, является ли противопоставление глухих и звонких смычных в ауслаутной позиции фонологичным, поэтому не стоит придавать большое значение записи *ad* вм. *at* у Райниша.

19) «голова»: нра *kela* [Bd.], *kele*, мн. ч. *kell-a* [Rn.].

У Бендера, судя по всему, записана форма мн. ч. (с обычным для мн. ч. окончанием *-a*).

20) «слышать»: (а) нра *is'el-lu* [Bd.]; (б) *wos*, императив *wo-ni* [Rn.].

В [Bender 1971: 268] первая форма записана как *es'ello*. Возможно, что расхождения между Бендером и Райнишем связаны не с диалектной вариацией, а со смешением значений 'слышать' и 'слушать'. Неясно также, имеется ли какая-либо связь между формами, записанными у Бендера, и глагольным корнем *es* [Rn.] ~ *'seʔ* [Bd.] 'знать' (для этого требуется обосновать суффиксальный статус *-l-*, что по имеющимся описаниям сделать невозможно). По-видимому, обе формы до появления новых данных следует рассматривать как «псевдо-синонимичные».

21) «сердце»: нра *asima* [Bd.], *asma*, мн. ч. *asem-ta* [Rn.].

Первичная форма, скорее всего, *asim-a*, с сохранением срединного гласного в нередуцируемой позиции перед двумя согласными в форме мн. ч.

22) «рог»: нра *ke:li* [Bd.], *kell-i*, мн. ч. *kell-a* [Rn.].

Первая форма приводится по [Bender 1971]. Если не считать сомнительную долготу в этом источнике (Хейворд записывает *kèlli* без долготы), оказывается, что корень целиком совпадает с 'головой' (см. выше); возможно, что здесь действительно налицо два однокоренных слова, различающиеся суффиксацией, но нельзя исключать и вторичное совпадение.

23) «я»: нра *ag* [Bd., Rn.].

Прямая основа; отдельно следует отметить также наличие косвенной (объектно-посессивной) основы *o* [Rn.] (в записи Томп-

сона — *wo*) и личного показателя субъекта *-e* [Rn.]. Все три морфемы строго различаются на синхронном уровне и вряд ли могут быть сведены друг к другу через какую-либо внутреннюю реконструкцию.

24) «убивать»: нра *si-to* [Bd.], *si* [Rn.].

Отдельные нерегулярные формы глагольной парадигмы приводятся в [Thompson 1976: 487], ср. императив: *sag* ‘убей его’, но *ši-d* ‘убей их’. Поскольку первая форма, учитывая общую модель образования императива, должна представлять собой чистую основу, представленная оппозиция может намекать на происхождение всех форм из исходного варианта **say-* (отдельные намеки на наличие морфонологического чередования *-y- ~ -g-* можно обнаружить в записях как Томпсона, так и Райниша).

25) «лист»: нра *tifini* [Bd.], *defene*, мн. ч. *defen-a* [Rn.].

Начальный звонкий у Райниша отражает идиолектное колебание артикуляции, ср. мн. ч. *tifiná* в записи Хейворда. Интересно, что Райниш отмечает сходство с нра *tefene*, мн. ч. *tefen-a* ‘крыло, перо’ (= *tifina* ‘крыло’ [Bd.]) — словом, которое в записях Мунцингера приводится уже с начальным глухим, хотя, действительно, есть все основания подозревать, что речь идет об одной и той же полисемичной лексеме. В этом случае можно предполагать стандартный метафорический перенос ‘крыло’ → ‘лист’ (т. е. ‘крыло дерева’; ср. выше такую же связь в нубийском языке биргид), или развитие обоих значений из более абстрактного третьего.

26) «вошь»: нра *šiti* [Bd.], *šitti*, мн. ч. *šiti-ta* [Rn.].

27) «мясо»: нра *no-ta* [Bd.], *no*, мн. ч. *no-ta* [Rn.].

Л. Бендер указывает только форму мн. ч. (возможно, в описываемом им диалекте слово уже приобрело статус *plurale tantum*). Ср. также вариант записи *no-ti* в [Bender 1971].

28) «луна»: нра *fe:ta* [Bd.], *feta* [Rn.].

Сегмент *-ta* вряд ли отделим в качестве показателя мн. ч., т. к. ‘луна’ как *plurale tantum* в языках Африки вроде бы не встречается.

29) «рот»: нра *awɔlo* [Bd.], *aulo*, мн. ч. *aulla* [Rn.].

Ср. также приведенные выше диалектные формы *àlkò* и в особенности *agura*; последняя намекает на возможное развитие **agul-* → **awul-* → *awol-* в «литературном» диалекте нра. Сегментация основы в виде **awV-lo*, которую в свете внешних параллелей допускают как Райниш, так и Бендер, невозможна на синхронном уровне

ввиду отсутствия продуктивного именного суффикса *-l-*, но, конечно, не может быть исключена на более глубоких уровнях.

30) «имя»: нара *a:da* [Bd.], *ade* [Rn.].

У Бендера, вероятно, *plurale tantum* с показателем мн. ч. *-a*, исходная парадигма устроена так же, как в слове 'голова' (ср. частое употребление слова 'имя' в мн. ч. в других языках североафриканского ареала).

31) «новый»: нара *wɔr-ku* [Bd.], *wor-ko*, мн. ч. *wor-te-go* [Rn.].

Производное от глагольного корня *wor* 'быть новым' [Rn.], который в [Bender 1971: 268] приводится с иным вокализмом: *wɛr-*. Нельзя не отметить высокую степень сходства с коптскими формами (бохейр. *врре-*, саид. *вер-*), уже упоминавшимися выше в связи с возможной этимологизацией нобин *mírí*, причем в случае с нара фонетическое сходство еще более тесное. Тем не менее, ввиду неоднозначности вопроса о возможных египетско-(коптско)-(нубийско)-нара связях, эксплицитно маркировать этот этимон как заимствование на данном этапе преждевременно.

32) «ночь»: нара *kišɪŋa* [Bd.], *kiše ~ kišne*, мн. ч. *kišen-ta* [Rn.].

В словаре Райниша как синонимичная приводится также форма *mesete* — очевидное эфиосемитское заимствование (← амхарск., тигре и пр. *maset* 'вечер'); судя по более современным данным Бендера, иноязычной форме все же не удалось вытеснить более архаичную. Функция носового суффикса остается неясной, но непроемкая основа *kiše* эксплицитно зафиксирована в записях Райниша.

33) «нос»: нара *dəmto* [Bd.], *demto*, мн. ч. *dem-ta* [Rn.].

34) «не»: (а) нара *ka* [Bd., Rn.]; (б) нара *ta* [Bd., Rn.].

Все без исключения описания нара едины в том, что приглагольная частица *ka* маркирует отрицание в формах имперфектива (настоящее или будущее время), а *ta* — в формах перфектива (прошедшее время), ср. в [Thompson 1976: 493]: *ka kal-du* 'он не ест', но *ta kall-o* 'он не (по)ел'. Обе частицы можно привлекать к внешнему сравнению на правах синонимов; отметим, впрочем, что частица *ta* также маркирует прохибитив (*ta kal-au* 'не ешь!'), и если можно будет подтвердить, что использование ее в индикативных формах — результат вторичного переноса, из дальнейших лексикостатистических сравнений она будет исключена.

35) «один»: нара *doku* [Bd.], *doko ~ toko* [Rn.].

У Томпсона дается в виде *dokko*; основа неразложима и должна выводиться на внешний уровень как **doko* ~ **doku*.

36) «дождь»: (а) нра *hala* [Bd., Rn.]; (б) нра *erente* [Rn.].

Форма (б) известна только по записям Райниша (также в составе сочетания *erente emba* 'дождевая вода'), причем установить семантическое отличие от *hala* не удастся. Предположительный морфологический анализ — *ere-n-te* [Reinisch 1874: 29]; не исключено, что имя могло быть образовано от несохранившегося или незафиксированного глагольного корня **er-* 'идти (о дожде)'.

С точки зрения методики для прямых лексикостатистических подсчетов форма *erente* — ненадежный кандидат, т. к. она не зафиксирована в источниках XX в. Поскольку, однако, допустим и правдоподобен анализ ее как архаичной формы, вышедшей из употребления сравнительно недавно, при внешнем сравнении ее возможные связи с базисной лексикой других языков можно будет учитывать как вспомогательные.

37) «дым»: нра *asuru* [Bd.], *asero* [Rn.].

Фонетический вариант у Бендера, по-видимому, ассимилирован (**aserU* → *asuru*).

38) «звезда»: нра *huwini* [Bd.], *wini*, мн. ч. *winti-ta* [Rn.]. || В [Bender 1971: 268] слово приводится в виде *wini*; «префикс» *hi=* в [Bender 1968] загадочен, тем более что префиксального словообразования в нра нет вообще.

Любопытна омонимия со словом 'муха', отмеченная как у Бендера (*huwini*), так и у Райниша (*wini*, но мн. ч. *wint-te*); аналогичная семантическая связь отмечена у Райниша и для близлежащего языка кунама (*antena* 'звезда', но *atena* 'муха'). Впрочем, на основании таких данных нельзя сделать твердых выводов ни о направлении семантического развития, ни даже о том, действительно ли в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же корнем, или же налицо особая ситуация «семантической аттракции», т. е. контаминации двух изначально разных слов под воздействием своеобразной ареальной «мифологемы».

39) «камень»: нра *ṭana* [Bd.], *tane*, мн. ч. *tann-a* ~ *tan-a* [Rn.].

Маркированная «дентальность» артикуляции в [Bender 1968], вероятно, случайна; уже в [Bender 1971: 268] слово записывается как *ṭana*, и ни одно из имеющихся описаний языка не отмечает в нем систематического противопоставления дентальной и альвео-

лярной артикуляции. Помимо этого, все формы в записи Бендера явно отражают значение мн. ч.

40) «солнце»: нра *ko:s ~ kʷəs* [Bd.], *kos*, мн. ч. *kos-ta* [Rn.].

41) «хвост»: нра *ɖawa* [Bd.], *daua* [Rn.].

Ср. в [Bender 1971: 268] запись *taɰwa*, без маркирования дентальной артикуляции и с оглушением.

42) «ты»: нра *ɪŋa* [Bd.], *eŋa* [Rn.].

В грамматическом описании [Thompson 1976] отмечены следующие формы со значением 2-го л. ед. ч.: прямая основа *ʔɪŋa*¹, посессивно-объектная *ɪŋa*, субъектный показатель *-en*. Последняя морфема, по-видимому, восходит к особой основе, с трудом поддающейся внутренней реконструкции (у Райниша субъектный показатель 2-го л. ед. ч. — *-a ~ -e*); что касается посессивного *ɪŋa*, то оно, возможно, редуцировано из **iŋa*.

На синхронном уровне основным носителем местоименного значения 2-го л., таким образом, оказывается веларный носовой *ŋ* как общий инвариант прямой и посессивной основы. Однако в историческом плане, исходя как из общих соображений (типология развития местоименных систем), так и из внешнеэтимологических (забегая вперед, укажем на разительное сходство парадигм нара */ag* 'я', *ɪŋa* ← **in-ga* 'ты' / и нубийского языка мидоб */əɰ* 'я', *i:n* 'ты' /) и даже из элементарных соображений внутренней реконструкции, разумно видеть в носовом согласном следы старой обще-местоименной основы-«подставки», а в гласном *i-* — исходный моновокалический корень. Поскольку в прямой основе он сохраняется и в современном языке, его вполне правомерно привлекать к дальнейшему внешнему сопоставлению как потенциальную лексикостатистическую параллель.

43) «язык»: нра *haga* [Bd.], *hagga*, мн. ч. *hage-ta* [Rn.].

44) «зуб»: нра мн. ч. *nihi-ta* [Bd.], *nihi*, мн. ч. *nihi-tta* [Rn.].

45) «дерево»: (а) нра *kel* [Bd.]; (б) *tüm*, мн. ч. *tüm-a* [Rn.].

Здесь налицо серьезное расхождение между записями Бендера и Райниша; первый в значении 'дерево' отмечает только форму *kel*, второй — только *tüm* (в значениях 'дерево (растущее)' и

¹ С ударением на корне, что отличает ее от *ɪŋŋa* 'вы' (2-е л. мн. ч.); это противопоставление, по-видимому, развилось вторично из более раннего *ɪŋa* 'ты' : *ɪŋa-ne* 'вы' (ср. *enga* : *enga-ne* у Райниша) в результате редукции и отпадения конечного слога.

‘древесина’). Однако в тональном описании [Hayword 2000] обнаруживаются оба слова: *kél* = ‘дерево (растущее)’, *túm* = ‘древесина’.

Поскольку основным источником для списка нра служат материалы XX в., собранные Бендером, в качестве главного эквивалента вносится лексема *kel*; однако данные Райниша и Хейворда вкупе с общими типологическими соображениями заставляют подозревать, что старое слово для ‘дерева’ (в т. ч. и ‘растущего’) — все же *tum*, сохранившееся в современной речи лишь в значении ‘древесина’, а *kel* — относительно недавняя инновация (не исключена какая-то связь аблаутного характера с глаголом *kol* ‘подниматься’, ср. *kul* ‘лечить’, но *kel* ‘лекарство’ [Rn.]).

46) «два»: нра *ari-ga* [Bd.], *are ~ are-ga* [Rn.].

Томпсон, как и Райниш, приводит краткую форму *ari*; функция суффиксального компонента *-ga* остается неясной.

47) «вода»: нра *mba* [Bd.], *emb'a* [Rn.]. || Ср. запись *mb'a* у Хейворда.

В базисной лексике нра начальные преназализованные согласные практически отсутствуют, что косвенно подтверждает архаичность двусложного варианта *emb'a* у Райниша с ударением на втором слоге; строгих корреляций между маркировкой акцента в записях Мунцингера и тональной разметкой Хейворда установить не удастся из-за нехватки данных, но в этом случае «окситонеза» может соотноситься как с низким тоном, так и с долгой гласной (или с тем и другим одновременно). С другой стороны, протетический характер *e-* у Райниша исключать также нельзя; преназализованный анлаут в данном слове мог сложиться и при других обстоятельствах (например, редукция из **maC-a(:)*, где *C* — «слабый» согласный, т. е. глайд *-y-* или *-w-*).

48) «мы»: нра *agga* [Bd.], *heiga* [Rn.].

Первая форма взята из [Bender 1971: 268], т. к. в [Bender 1968] вместо нее приводится явно ошибочное *i^hga* = ‘вы’; правильный вариант *agga* подтверждается также в [Thompson 1976: 486]. Объектно-посессивная основа 1-го л. мн. ч. дается у Томпсона как *awa*, у Райниша — как *he*; субъектный показатель у Томпсона *-ag*, у Райниша — *-ki ~ -ke ~ -gi ~ -ge ~ -k ~ -g*.

Внутренняя реконструкция показывает, что форму мн. ч. можно считать закономерно образованной от формы ед. ч. *ag* с помощью продуктивного суффикса *-a* (или **-Ca* со стяжением кластера?), ср. *több* ‘он’ : *töb-a* ‘они’ [Rn.] = *tib* : *tib-a* id. [Thompson].

Трудности вызывает вариант *heiga* и в особенности посессивный *he* у Райниша, т. к. свести их к каким-либо, пусть даже уникальным «мутациям» исходных *ag*, (*w*)*o* довольно сложно. Один из возможных сценариев — реконструкция показателя мн. ч. в виде **-ya* и далее развитие **ag-ya* → **ayga* → (*h*)*eiga*, однако обосновать его иначе как чисто умозрительно не удастся. Альтернативный вариант — признание корневого варианта *he(i)-* первичным, отражающим особую основу 1-го л. мн. ч., а варианта *a-(gga)* — выровненным по аналогии с 1-м л. ед. ч. *a-g*. Дальнейшие аргументы следует искать уже на уровне внешнего сравнения.

Объектно-посессивная основа в том виде, в котором она приводится у Томпсона, может быть проанализирована как *a-wa* (ср. *η-wa* 'ваш, вас' ← *iηη'a*), где первый компонент *a-* — либо «чистая» местоименная морфема 1-го л. без суффиксальных наслоений, либо результат уникального упрощения (из **ag-wa*, **ag-ya-wa* или какой-то другой формы).

49) «что»: нра *nda-nan* [Bd.], *endeha* [Rn.].

Суффикс *-nan* в записи Бендера — специфическое отличие конкретного диалекта; ни Райниш, ни Томпсон его не подтверждают (у Томпсона — просто *nda*). Ситуация со структурой корневой морфемы здесь в точности такая же, как и со словом 'вода' (см. выше): можно предполагать сохранение первичного варианта **endV-* в записях XIX в. с редукцией → *nda* в XX в.

Еще более интересен тот факт, что Райниш анализирует эту форму как *ende-ha*, возводя ее первый компонент к существительному *ende* 'вещь' (в более новых публикациях слово обнаружить не удалось). В этом случае исконно интеррогативным компонентом нужно будет считать вторую морфему *-ha*, в современном языке слившуюся в нерасчленимую основу с именным компонентом. В лексикостатистическом плане, тем не менее, подсчеты все равно необходимо проводить по компоненту **(e)ndV*, т. к. в диагностическом для нас списке [Bender 1968] старый интеррогатив (если наша внутренняя реконструкция верна) уже не опознаваем.

50) «кто»: нра *na-nən* [Bd.], *na ~ nan* [Rn.].

Томпсон приводит для ед. ч. формы *na ~ na:-nan*, для мн. ч. — *na-kita*; корневая морфема однозначно определяется как *na*.

3.4. Джебельская группа.

3.4.1. *Общие сведения и источники.* Термин «джебельские (Jebel) языки» (также «восточнджебельские», Eastern Jebel) имеет относительно недавнее происхождение, т. к. единственным известным представителем этой группы вплоть до 1980-х гг. был гаам (ингессана), бегло описанный уже в начале XX в.; доступных лексико-грамматических сведений по этому языку Дж. Гринбергу хватило для того, чтобы уверенно включить его на правах отдельной ветви в «восточносуданскую» семью.

Несмотря на то, что первые упоминания и отдельные лексические сведения о нескольких языках, находящихся в близкородственных отношениях с гаам, обнаруживаются уже в старом этнографическом исследовании Э. Эванс-Притчарда [Evans-Pritchard 1932], данных этих оказалось явно недостаточно для того, чтобы приобщить их к каким-либо общим классификационным схемам (к тому же сам Эванс-Притчард ошибочно причислил соответствующие наречия к диалектам языка берта, из которого они в массовом порядке заимствовали большой слой лексики). Новый этап начался лишь с работ Л. Бендера, который, завершив полевые исследования по гаам, обратился к изучению языков соседних племен и в 1980-е – 1990-е гг. опубликовал ряд коротких, но чрезвычайно ценных работ по грамматике, лексике и сравнительно-историческому анализу джебельских языков, наглядно доказав их тесные связи с гаам и даже предложив предварительный вариант праджебельской реконструкции, основанной на регулярных фонетических соответствиях [Bender 1998].

Таким образом, на сегодняшний день достоверно известно, что ветвь «ингессана» в классификации Гринберга — не отдельный язык-изолят, а небольшая языковая семья, состоящая из следующих единиц:

А. Подгруппа *ака-кело-моло*: три или, возможно, четыре языка, на каждом из которых сегодня говорит не более двух сотен человек¹, проживающих в горных областях Восточного Судана (штат

¹ По данным [Ethnologue 2009]; в [Bender 1997b] утверждается, что общее число носителей не превышает две тысячи человек, но соответст-

Голубой Нил). В работах Л. Бендера они перечислены под названиями *ака* [ака] («силлок» в старой работе Эванс-Притчарда), *кело* [кло] (старое «малкан»), *моло* [мло] (старое «торнаси») и *бени шеко* [шек] (в более ранних описаниях не упоминается вообще; в [Ethnologue 2009] записан как отдельный диалект кело, но лексические отличия между кело и бени шеко, судя по данным Бендера, настолько велики, что мы склонны вслед за ним полагать, что речь все же идет о двух разных языках).

Если не считать старых, скудных и не очень надежных записей Эванс-Притчарда, единственным специалистом, систематически занимавшимся сбором и публикацией данных по языкам ака-кело-моло, остается Л. Бендер, см. [Bender 1983b, 1989a, 1997b, 1998], составивший для них краткое фонетико-грамматическое описание и небольшой сравнительный лексикон; в работе [Bender 1998] предпринята даже предварительная попытка установить на его основе систему регулярных соответствий между ака-кело-моло и гаам. За последнее десятилетие, тем не менее, новых работ по этим языкам не появилось.

Б. Язык *гаам* [гам] (старые названия — *ингессана* или *таби*); ≈ 60–70 тыс. носителей, проживающих в районе холмов Таби, к северу от ареала распространения языков ака-кело-моло. В отличие от последних, гаам попал в поле зрения исследователей намного ранее; первый словарь из 179 лексем опубликован уже в XIX в. среди этнографических материалов Э. Марно [Marno 1874: 481–495]. Полный список ранних источников сведений о гаам перечислен в компилятивно-обзорной работе [Sisto Verri 1955]; качество записи в них, как правило, предсказуемо низкое, но в ряде случаев учет их необходим, т. к. иногда в старых работах оказываются зафиксированы фонетически архаичные варианты разбираемых корней (фонетика гаам в целом производит впечатление инновативной и требует серьезного анализа как синхронной, так и исторической морфонологии этого языка). Помимо списка Марно [Mn.], интерес также вызывают данные, изначально опубликованные в [Pruyssenaere 1877] [Pr.] и [Seligmann 1912] [Sg.].

вующие языки при этом до сих пор являются средством домашнего общения и передаются детям, т. е. не находятся под непосредственной угрозой вымирания.

Первой работой послевоенного периода, содержавшей оригинальные данные по гаам, был фонетический очерк [Crewe 1975]; несколько позже вопросами синхронного и сопоставительного изучения гаам занялся Л. Бендер, опубликовавший в соавторстве с одним из носителей этого языка подробное лексикографическое описание, снабженное собственным очерком фонологии и грамматики [Bender, Ayre 1980]; этот источник на настоящий момент является наиболее подробным и профессионально обработанным из всех имеющихся в нашем распоряжении. В последнее время вопросами синхронной фонологии и грамматики гаам активно занимается Т. Стирц [Stirtz 2004, 2006, 2009].

Близкое генетическое родство между гаам и ака-кело-моло не оспаривается никем из специалистов и надежно подтверждается лексикостатистикой (см. ниже), однако дальнейшие связи этой группы неочевидны. Все без исключения макрокомпаративисты, занимающиеся «нило-сахарской» проблемой, от Дж. Гринберга до Л. Бендера и К. Эрета, сходятся в том, что джебельские языки следует включать в «восточносуданскую» («кир-аббайскую», по Эрету) ветвь, однако точное место их в этой семье однозначно определить пока не удалось.

Ключевым вопросом остается характер связей, обнаруживаемых между джебельскими языками и близлежащим языком-изолятом берта. Выше уже было указано, что количество лексических параллелей между ака-кело-моло и берта столь велико, что в старой работе Эванс-Притчарда эти языки были ошибочно приняты за диалекты берта. Напротив, гаам и берта обнаруживают намного меньше сходств: Дж. Гринберг, классифицируя первый из этих языков как «восточносуданский», а второй — как язык-изолят внутри более крупной «шари-нильской» семьи, ничего не говорит о каких-либо специальных связях между ними.

На фоне явно близкого родства между ака-кело-моло и гаам это может быть интерпретировано исключительно как следствие поздних языковых контактов между ака-кело-моло и берта, что вполне допустимо, учитывая численное и культурное доминирование носителей берта над носителями ака-кело-моло в рассматриваемом ареале (напротив, гаам, число носителей которого в несколько раз превышает число носителей берта, проживающих на территории Судана, в целом свободен от подобного рода

языкового давления). Такую позицию, в частности, во всех своих работах занимал Л. Бендер (см. [Bender 1997a: 28] и др.).

Принципиально иного мнения придерживается К. Эрет [Ehret 2001: 71], который, во-первых, считает, что основной поток заимствований шел в обратном направлении (т. е. из джебельских языков в берта), во-вторых, что даже при вычете очевидных заимствований между этими двумя таксонами остается много сходжений, оптимально объяснимых как следы близкого родства. В итоге, оставляя за таксоном, объединяющим гаам и ака-кело-моло название «западноджебельские», на следующем этапе он объединяет их в единый таксон более высокого уровня с берта, который и называет просто «джебельским».

Прояснить ситуацию может только тщательный этимологический анализ 50-словных списков в совокупности со статистическими подсчетами, учитывающими принцип динамической градации. На данном этапе сравнения материалы по берта будут систематически рассмотрены в отдельном разделе, но отдельные лексемы будут привлекаться к рассмотрению в тех случаях, когда дистрибуция корней по языкам косвенно свидетельствует в пользу ареальных контактов между берта и теми или иными джебельскими языками (обычно — ака-кело-моло).

3.4.2. *Историческая характеристика.* Единственной работой непосредственно по джебельским языкам, выполненной в рамках сравнительно-исторического направления, до сих пор остается статья [Bender 1998]. Автор предлагает для праджебельского языка следующий фонологический инвентарь (приводится в транслитерации):

*p-	*t	*ɕ	*k	*ʔ
*b	*d	*ʒ	*g	
*f-	*s			
*m	*n	*ɲ	*ŋ	
*w	*l, *ɾ	*y		

Гласные: *i, *e, *a, *o, *u (с. 39).

Межъязыковые соответствия для большинства этих фонем, включая все гласные, Л. Бендер рассматривает как однозначные и тривиальные; исключения, представленные в отдельной таблице на с. 40, сводятся в основном к необъяснимым колебаниям между

(а) глухими и звонкими рефлексами для реконструированных глухих фонем и (б) звонкими и импловивными рефлексами для реконструированных звонких.

Тем не менее, как более детальные комментарии Бендера относительно отдельных фонем, так и пристальный анализ этимологического материала по 100- и 50-словным спискам показывают, что почти для всех джебельских языков характерны многочисленные позиционные изменения, в частности, ослабление консонантной артикуляции в интервокальной позиции и (типологически естественные для всего рассматриваемого ареала) вокалические ассимиляции. Это приводит к тому, что далеко не все этимологические когнаты между ака-кело-моло и гаам оказываются интуитивно очевидными. Ниже перечислены лишь некоторые из важнейших фонетических процессов, которые должны были иметь место в истории джебельских языков и выявляются на основании анализа лексикостатистического материала:

1. Рефлексация переднеязычных смычных и сонорных в интервокальной позиции чрезвычайно нестабильна, и имеющихся данных, особенно по языкам ака-кело-моло, явно недостаточно для надежной реконструкции исходной системы. Анализ наиболее «базисной» части материала позволяет предложить как рабочую модель следующий сценарий:

(а) пра-джеб. **-t-* регулярно озвончается во всех языках-потомках, но в старых записях по гаам еще обычно записывается как *t* (ср. *māḍan* [Bd.] 'большой', но *matén* id. [Sg.]). Однако в позиции перед передними гласными *i*, *e*, в ака, моло и бени шеко (но не в кело!) вместо озвончения происходит соноризация **-t-* → *-r-* (см. 'глаз' и др.);

(б) пра-джеб. **-d-* сохраняется во всех языках АМК, но в гаам, по-видимому, регулярно выпадает, причем выпадение должно было иметь место недавно, т. к. исходный согласный еще виден в материалах [Sisto Verri 1955]: ср. *dudug* 'пепел' → *du:g* [Bd.], *po:den* 'белый' → *p̄:(-n)* [Bd.];

(в) пра-джеб. **-r-* регулярно сохраняется во всех языках-потомках. Однако, помимо «обычного» *-r-*, в ряде случаев обнаруживается и другой ряд соответствий, где в кело вместо *-r-* налицо *-y-*: см. ниже 'рука', 'дым', а также *kɔɹɔ* 'земля' = ака *kɔɹɔ* и др. (образует минимальную пару с *ɔɹɹɔ* 'черный' = ака *ɔɹɔ:ga* и др.). Вполне

возможно, что за этим соответствием стоит особая фонема пра-языка, которую мы будем условно записывать в виде $*-r^y-$ (не настаивая на точной фонетической характеристике).

2. Помимо этого, в гам, но не в АМК, во всех более или менее современных исследованиях, начиная с работ Бендера, отмечается оппозиция *двух* серий переднеязычных согласных. Наряду с высокочастотными дентальными *t*, *d* Л. Бендер отмечает существование более редких ретрофлексных *ṭ*, *ḍ*, образующих с *t*, *d* минимальные пары; своеобразным коррелятом для этих фонем в ряду спирантов является «межзубный латеральный спирант» (так в описании [Bender, Ayre 1980: 10]) *t̤*, этимологическая связь которого с джебельскими переднеязычными видна как на синхронно-морфонологическом уровне (ср. гам *afad* 'кровь', мн. ч. *afət̤-g*), так и на историческом (ср. гам *ɬ-g* 'рот' = ака *vdu* id. и др.)¹.

На праджебельский уровень Бендер это противопоставление не проецирует, но, поскольку фонологичность его для синхронных диалектов гам несомненна, а объяснить его вторичное возникновение в гам уже после распада джебельского единства невозможно, приходится в качестве рабочей гипотезы предположить архаичность ситуации в гам и, напротив, слияние обоих рядов в один в АМК.

Для «до-гаамского» и, по-видимому, праджебельского состояния, таким образом, можно восстанавливать анлаутную оппозицию $*t̤ : *d̤$. В *срединной* позиции это же противопоставление имеет вид $-t̤ (← *t̤) : -d̤$, а в ауслауте, напротив, противопоставленными оказываются $-t̤$ и $-t̤ (← *-d̤)$. Помимо этого, гам *t̤* может вторично возникать и из дентального *d*, когда последний оказывается в составе кластера из двух взрывных (см. выше пример *afad* → *afət̤-g* и др.). Таким образом, «межзубный спирант / аппрокси-

¹ В фонетическом описании [Stirtz 2004] и последующих работах того же автора ретрофлексные *ṭ*, *ḍ* обычно называются «альвеолярными» (хотя эксплицитное указание на их ретрофлексную артикуляцию присутствует), а межзубная фонема транскрибируется как *ð* и определяется как «аппроксимант», что, по мнению автора, и отличает ее от обычного «спиранта» *ð̥*. Трудно сказать, основаны ли различия в оценках двух исследователей на реальных диалектных особенностях артикуляции или на субъективных свойствах их личного восприятия.

мант» *t* удастся исключить из исходной системы как вторичный аллофон, но ретрофлексный ряд как таковой остается.

3. Неясным остается вопрос о возможности реконструкции для праджебельского имплозивных согласных. Л. Бендер отмечает наличие имплозивных *b* и *d* только для подгруппы кело-бени-шеко и рассматривает их то ли как нерегулярные, то ли как позиционные варианты рефлексии праджебельских **b* и **d* соответственно; основано это решение, однако, скорее на стремлении к экономности постулируемого праязыкового инвентаря, чем на аргументированном анализе материала.

С другой стороны, нужно признать и тот факт, что ряды соответствий, выявляемые на основании данных Л. Бендера, настолько многочисленны, что не могут быть удовлетворительно объяснены даже через постулирование троичной оппозиции. Ср., например, следующие пары для ака и кело: (а) ака *pəta* = кло *pəta* 'перо', ака *pɔru* = кло *pɔru* 'дым'; (б) ака *pɛ:la* = кло *bɛla* 'камень', ака *pɔrɔŋa* = кло *bɔrɔŋa* 'черепаха'; (в) ака *ba:ga* = кло *bɔ* 'белый', ака *betese* = кло *bɔdɪa* 'падать'; (г) ака *bəgo* = кло *bɔi* 'идти', ака *bi:di* = кло *bi:di* 'солнце'.

Именно поэтому Бендер предпочитает объединять попарно ряды (а) / (б) и (в) / (г) соответственно, интерпретируя ситуацию в кло как непредсказуемую вариацию. Эта точка зрения, противоречащая принципу регулярности соответствий, была бы неприемлема при наличии твердых гарантий, что весь сопровождающий ее материал записан стопроцентно надежно, но, к сожалению, записи Бендера часто отличаются непоследовательностью (так, например, транскрипции стословных списков в [Bender 1971] часто расходятся с записями по тем же языкам в других публикациях того же автора), так что предлагать собственный вариант реконструкции, тесно согласующийся с (сомнительными) фактами, было бы преждевременно. Мы ограничимся учетом следующих соображений:

а) возможность реконструкции для праджебельского состояния имплозивных согласных не следует игнорировать, так что в наших условно-предварительных реконструкциях мы будем последовательно маркировать имплозивность по крайней мере там, где она документально зафиксирована Бендером в кело и в бени-шеко (т. е. **bi:di* 'солнце' и т. п.);

б) если допускать для праджебельского возможность существования имплозивности как дистинктивного признака, это позволяет списать и некоторые другие «странные» соответствия на имплозивные фонемы. В частности, ни в одном джебельском языке не зафиксирован имплозивный веларный g ; при этом существует редкое, но очень вероятное соответствие «АМК * g - : гам \emptyset -» (см. ниже 'кровь', 'кость'), которое в системе Бендера признается, но объясняется как морфологическое, т. е. отражающее «чистый» вариант корня в гам и вариант с застывшим префиксом g - (восходящим к загадочному «общенило-сахарскому k-mobile») в АМК. Эту версию следует категорически отвергнуть, т. к. она предполагает, что в праджебельском «префикс» g = еще не успел «окаменеть», и в языках-потомках ожидалось бы значительно большее разнообразие рядов соответствий, чем наблюдается в реальности (например, ситуации колебаний внутри ака-кело-моло, следы префикса в гаам и т. п.; ср. поведение «k-mobile» в сахарских или юго-западносурмийских языках).

Напротив, реконструкция для таких ситуаций особой имплозивной фонемы * g - (более маркированной, чем * k - и * g - и, следовательно, более редкой) позволила бы заполнить лауну в веларном ряду (разумеется, при условии, что мы вообще реконструируем имплозивные).

4. В губном ряду Бендер реконструирует на праджебельском уровне фонологическую оппозицию между взрывным * p - и спирантом * f -, что для рассматриваемого ареала крайне необычно: чаще всего приходится сталкиваться с ситуацией, при которой старый глухой лабиальный шумный праязыка реализуется в языке-потомке либо как взрывной, либо как спирант, там же, где есть оппозиция, она возникает вторично (например, в результате недавних заимствований в « f -языки» из « p -языков» или наоборот). Анализ выявляет следующие особенности (ограничимся пока что только начальной позицией):

а) в мло указанная оппозиция отсутствует (только f -);

б) в ака оппозиция маргинальна (в большинстве случаев представлен p -; возможно ослабление $p \rightarrow f$ в позиции перед губным u , ср. *fulu:ge* 'длинный', но на данный момент это единственный известный пример глухого лабиального перед этим гласным);

в) в кло-шек оппозиция либо отсутствует, либо также маргинальна (только *p*-; в кло, возможно, *f*- в паре слов иноязычного происхождения);

г) сложнее всего ситуация в гам, где, на первый взгляд, существует вполне прочная тройная оппозиция «*f* : *p* : *b*-». Однако конкретный материал показывает, что *p*- в этой схеме несколько выделяется. Безусловно присутствие этого элемента как отдельной фонемы в том числе и в «исконно гаамской» лексике; но статистически он встречается реже прочих, а внутри 100-словного списка оказывается в основном в «странных» с точки зрения фонетических соответствий случаях — *rázʒ* ‘звезда’, где не исключена реконструкция уникального носового кластера **mb*- (см. ниже), и *p̄:(-n)* ‘белый’ = ака *ba-ga*, мло *fɔ*, кло *bɔ* с неясным варьированием глухих и звонких рефлексов.

Ввиду такого расклада для праджебельского уровня предпочтительно реконструировать просто **p*- (→ ака, кло, шек *p*-; мло, гам *f*-), а маргинальные отклонения либо объяснять через нетривиальные кластеры (как в случае с ‘звездой’), либо рассматривать как косвенные намеки на неисконность формы или, по крайней мере, какое-то ареальное влияние.

Прочие вопросы исторической фонологии джебельских языков (нетривиальные развития вокализма, рефлексy по отдельным языкам праджебельских аффрикат, глайдов и т. п.) не носят столь системного характера и будут рассматриваться ниже в ходе разбора конкретных этимологий. Отметим, однако, что среди всех доступных нам данных по джебельским языкам нет ни одного «эталонного» в плане точности фонетической записи источника (за исключением, возможно, работ Т. Штирца по гам, но конкретный материал в этих работах чрезвычайно скуден), так что любые выводы, сделанные на материале единичных примеров, будут носить в значительной мере спекулятивный характер.

3.4.3. *Лексикостатистика*. Все 100-словные списки составлялись исключительно по материалам Л. Бендера (для ветви акамоло-кело, сокращенно АМК — по спискам в [Bender 1997b]; для гаам — по словарю [Bender, Ayre 1980]); поскольку сам Бендер в своих полевых исследованиях активно использует лексикостатистический подход, стандартный 100-словник удастся заполнить почти полностью даже для такого диалекта, как бени шеко (по

которому за пределами 100-словника не известно почти ничего). В качестве заимствований отмечались и исключались из подсчетов очевидные арабизмы (например, мло *kibda* 'печень' и мн. др.), а также те лексемы, для которых дистрибуционный и другие методы убедительно показывают высокую вероятность недавнего заимствования их из берта (такие слова в любом случае стоит игнорировать, т. к. включение их в результаты подсчетов может привести к более значительным искажениям матрицы, чем исключение).

Результаты подсчетов на данный момент можно представить в виде следующей матрицы:

Таблица 3. Лексикостатистическая матрица джебельских языков (100-словные списки).

	Моло	Кело	Бени шеко	Гаам
Ака	0.69	0.71	0.69	0.40
Моло		0.68	0.63	0.35
Кело			0.81	0.39
Бени шеко				0.41

Как и следовало ожидать, «традиционная» классификация Бендера подтверждается: языки ака-моло-кело составляют отдельную ветвь, четко противопоставленную гаамской (от 35 до 41% совпадений), внутри которой особую близость демонстрируют кело и бени шеко (81%), а сами ака, моло и кело примерно равноудалены друг от друга. Никаких явных аномалий матрица не выявляет, и, скорее всего, даже появление новых, более точных материалов по джебельским языкам вряд ли значительно повлияет на общие результаты.

50-словный список для восточноеджебельских языков.

1) «пепел»: ака, мло *tɔdɔ*, кло, шек *tɔ:ɔ*, гам *du:-g* [Bd.], *dudu-g* [Mn.] || Bd.: АМК-В **tod-o*.

Л. Бендер не привлекает к сравнению форму в гам, т. к. не учитывает архаичный вариант *dudu-g*, с регулярным выпадением *-d-* в современных диалектах. Озвончение в начальной позиции, скорее всего, результат ассимиляции. Внешний вид исходной двуслож-

ной основы можно условно определить как **tudo*; в гам обобщилась собирательная форма мн. ч. с продуктивным суффиксом -g.

2) «птица»: ака *tɛʒ'e*, мло *miʒe*, кло *tɛʒe*, шек *miʒe* ~ *miʒ'e*, гам *mi*: [Bd.], *mi*: [Sg.], *miqin* [Mn.]. || Bd.: GAMK-B **mi(-ʒe)*. Ср. также силлок, малкан, торнаси *teʒe* id. в [Evans-Pritchard 1932: 9].

Анализируя возможные причины фонетического расхождения между ака-кело-моло и гам, Л. Бендер [Bender 1998: 45] отмечает две возможности: (а) регулярное развитие **-ʒ-* → *-0-* в гам (гипотеза непротиворечива, но и недоказуема, т. к. других примеров просто нет); (б) реконструкцию исходного корня в виде **mi*: с признанием АКМ компонента **-ʒe* окаменевшим суффиксом. Вторая гипотеза выглядит совсем неубедительно, т. к. дальнейших следов такого суффикса ни в АКМ, ни в гам не удастся обнаружить более ни для одной основы.

Любопытно обратить в этой связи внимание на форму *miqin* в ранней записи Э. Марно, где символ *-q-* скорее всего передает гортанную смычку, т. е. **miʔin* (увулярные фонемы для гам не постулируются больше никем из исследователей, да и в записях Марно фигурируют чрезвычайно редко). Если первичная артикуляция в гам действительно **miʔi*, возможна дальнейшая корреляция с шек *miʒ'e* и реконструкция на этом месте старой глоттализованной аффрикаты (**miʒ'e* или **miʒe*).

В зависимости от конкретного решения, принятого по этому вопросу, будет определяться дальнейшая связь анализируемых форм со стандартным обозначением 'птицы' в берта: ср. *mi:s'é* ~ *miʒ'e* ~ *miʒ'e* [Bender 1989b: 276]. Если гам и ака-кело-моло формы не родственны, пра-АКМ **miʒ(?)e* удобно рассматривать как одно из многочисленных заимствований из берта, а гам *mi*: — как возможное отражение исконно джебельского этимона. Если **miʒ(?)e* и **mi*: все же отражают общую праформу **miʒe* (что пока не опровергнуто), имеет смысл скорее думать об обратном направлении заимствования. На данном этапе вопрос не имеет убедительного решения; исходя из общей «презумпции исконности», для праджебельского уровня будем условно постулировать **miʒe*.

3) «черный»: (а) ака *ɔrɔ:ga*, мло *ɔrwa* ~ *ɔrwa*, кло *ɔrrɔ* ~ *ɔuɔwa*, шек *ɛ:rɔ* ~ *ɔrwa*; (б) гам *dùl(n)* [Bd.]. || Ср. гам *ɛna pode* [Pr.] (*pode* = 'белый', *en* = глагол-связка; речь идет либо об ошибке в переводе,

либо о сочетании типа 'не есть белый', где *ena* = *en-wa* 'не-есть'). Bd.: АМК-В **oro*.

В АМК представлено два морфологических варианта основы: простой **ɔr(r)ɔ* и расширенный **ɔr(r)ɔ-ga* (суффикс *-ga* ~ *-wa* надежно вычленяется и в других прилагательных и существительных). Эти же варианты (без очевидного распределения), согласно данным Бендера, выражают в АМК и значение 'ночь' (см. ниже). Относительно переднего гласного *e*:- в шек ср. кло *bo* 'белый' = шек *e:=bo* id., т. е. речь идет о слиянии **e:=ɔɔ* → *e:ɔ*, где *e:=* — какой-то неизвестный префиксальный компонент (возможно, глагол-связка или слово 'цвет').

К гам *dù* ср. далее каузативный глагол *du:-d* 'делать черным', показывающий, что корнем является **du-*. Надежно привязать его к АМК **ɔɔ* не удастся: соответствие «АМК **r* : гам *d*» нерегулярно, а возможность редукции *VCV → гам CV почти не подтверждается дополнительными примерами (единственный убедительный случай — гам *wi:d* [Bd.] 'грудь' = кло *ɔwi:di* id. ← пра-джеб. **ɔwi-* + **-di*, ср. ака ед. ч. *i:wi-čɛ*, мн. ч. *iwi:-di* id., однако здесь ситуация осложняется нерегулярными колебаниями вокализма, позволяющими предположить определенную степень редукции, возможно, обусловленную какими-то просодическими факторами, уже на пра-джебельском уровне). Таким образом, к внешнему сравнению допустимо на равных основаниях привлекать АМК **ɔɔ* и гам *du-*.

4) «кровь»: ака *gʷɛfa* ~ *ze:fa*, мло *gʷɛ:wa*, кло *gʷɛ:ba*, шек *gʷɛ:fa*, гам *afad*, мн. ч. *afɔt-g* [Bd.], *afa-k* [Mn.]. || Bd.: ГАМК-В **k=afa-d* → АМК-В **gʷɛ:ba*. Ср. также силлок *gʷɛfa*, малкан *gie:wa*, торнаси *kefe* id. в [Evans-Pritchard 1932: 9].

Соответствие начальных согласных в этом корне аналогично корреляциям для слова 'кость' (см. ниже), за исключением дополнительной палатализации в АМК, обусловленной соседством с передним гласным (в ака даже отмечен вариант *ze:fa*, где процесс полностью завершен); соответствие «АМК **g-* : гам *θ-*», как отмечено в разделе 3.4.2, можно условно интерпретировать как отражение пра-джебельского **gʷ-*.

Существенная проблема лежит в области не консонантизма, а вокализма первого слога, который мог быть только передним (в противном случае палатализация в АМК необъяснима), но при этом в гам налицо рефлекс *afa-*, а не **ɛfa-*. Тем не менее, сравнение

все же проходит по критерию фонетической совместимости, т. к. в гам совершенно не зафиксированы корневые структуры вида *eCa- и лишь в очень небольшом количестве — структуры типа *CeCa-, что позволяет предполагать ассимиляцию *ɛfa- → afa-, возможно, дополнительно обусловленную особыми просодическими характеристиками (такими как безударность и редуцированность первого слога).

Финальная на данный момент реконструкция будет иметь вид *ɟefa-(di), где -di — именной суффикс, «намертво» закрепившийся в гам (ср. также мн. ч. *afət-g* ← *afa-di-g), но не в АМК (похожий и при этом еще более наглядный случай представлен словом 'язык', см. ниже).

Очевидно фонетическое сходство как синхронных, так и реконструируемой форм с берта *kʷafa* ~ *kʷawa* id. (включая возможность корреляции глоттализованного анлаута в берта с гипотетически импловизным в джебелеском), но ни для АМК с его особым вокализмом, ни для гам с его суффиксальным -d версия непосредственного заимствования из берта не проходит; следовательно, речь может идти либо о заимствовании, либо о генетическом тождестве на более глубоком уровне, так что форму *ɟefa-(di) допустимо привлекать к внешнему сопоставлению как исконно праджебелескую.

5) «кость»: (а) ака *gato:-ka*, мло *gət-ka*, кло *ətta*, шек *ga:ti:-ŋa*, гам *át* [Bd.], *a:t* [Mn., Str.]; (б) кло *ora*. || Bd.: GAMK-B *(g=)am-.

Соответствия внутри группы форм (а) в целом совпадают с соответствиями для 'крови', за исключением кло, где в данном случае начальный согласный выпадает так же, как и в гам (но ср. g-содержащую форму в близкородственном шек). При этом кло — единственный язык, для которого Бендер также приводит (на первом месте) альтернативный этимон *ora*, не имеющий внутри-джебелеской этимологии (ср., возможно, берта *kʷa:ra* как источник заимствования?).

Имеющиеся данные по кло не позволяют убедительно истолковать ситуацию; наиболее приемлемым вариантом кажется регулярное развитие *g- → ∅- (при условии отсутствия палатализации как препятствующего фактора, ср. 'кровь') — аналогичная ситуация наблюдается и в этимоне 'вошь' (см. ниже), хотя конкретные соответствия слегка различны. На данном этапе можно

предположить праджебельск. **ǵat-* → гам *at*, ака-моло-кело **ǵat*. Двусложный вариант *gato*: ~ **gati*: в АМК можно сопоставить с гам словосложением *at-ti*: 'суста́в' (букв. 'кость-лицо').

6) «ноготь»: ака *mise*, мло *mvsepe*, кло *mvsv*, шек *mise*, гам *mási* [Bd.]. || Bd.: GAMK-B **mVs-*.

Судя по однозначным консонантным соответствиям, все формы очевидно родственны, но вокалические соответствия уникальны и предполагают разнообразные переогласовки (впрочем, не исключено и наличие нескольких разных именных суффиксов). Наиболее вероятные варианты реконструкции — **masi* или **musi*.

Фонетически слово изоморфно берта *ma:ši*, но надежность реконструкции на праджебельском уровне (пусть даже и с неясностями в развитии вокализма) не позволяет считать его однозначным заимствованием, тем более что этимон в берта представляет такой вариант огласовки, который заведомо не мог бы служить источником джебельских форм (непременным элементом которых является хотя бы один переднерядный гласный). К этому сравнению следует вернуться на следующем этапе.

7) «умирать»: ака *tvǵvru*, мло *tvrw*, кло *tv:ri* ~ *tui*, шек *du:rri*, гам *tír-* [Bd.], *tír* [Str.]. || Bd.: GAMK-B **tUr*.

Реконструкция Бендера является неверной, т. к. не объясняет трехсложную основу в ака, притом что примеры на сохранение «слабого» звонкого -g- в этом языке при ослаблении его в -w- или полном выпадении в других джебельских языках довольно многочисленны (ср. 'ухо', 'один' и др.). Следы этого же согласного видны и в мло (*tvrwo* ← **tuwro* ← **tuguro*); возможно, они же объясняют и долготу гласного в кло-шек (хотя долгие гласные в записях Бендера, как правило, не показательны).

Передний вокализм в гам можно объяснить, только исходя из первичной структуры типа **tugir-* (или, что менее вероятно, **tigur-*). Глагольные основы вида **CVCVr-* в гам встречаются часто, хотя оба гласных в таких основах чаще всего совпадают (ср. *kəjɔr-* 'хранить', *beber-* 'быть голым', *tudur-* 'спотыкаться' и др.); однако это не означает, что и на праджебельском уровне такая гармония гласных также была нормой.

Реконструкция **tugir-* или **tigur-* предполагает исходную производность этой основы, но надежных односложных параллелей

внутри джебельской семьи не обнаружено (ср., возможно, гам *túi* 'жечь, сжигать', *túi* 'развалины' ← **tugi?*).

8) «собака»: (а) ака *kele*, мло *kɔlo*, кло *kəli*, шек *kəli*; (б) гам *aːt* [Bd.], *að* [Str.], *ad*, мн. ч. *al-k* [Sg.], *adð* [Mn., Pr.]. || Bd.: АМК-В **kal-*.

Двусложная основа в АМК должна восстанавливаться скорее в виде **keli* ~ **kele*, чем **kal-*, хотя это и не объясняет огубленности обоих гласных в мло; недостаточно эксплицированная реконструкция Бендера скорее всего основана на выведении всех зафиксированных вариантов из исходного морфологического дублета **kal-o* → *kɔl-o*, **kal-i* → *kəli-i* и т. п.

В любом случае видно, что основа эта несводима к гам *aːt* (← **a(:)q*), но имеет явные параллели в берта *gali*, *gali* 'собака'. Дальнейшее решение зависит от характера взаимоотношений между джебельскими языками и берта: если оно носит генетический характер, АМК **kal-* оказывается архаизмом, если (хотя бы отчасти) ареальный — инновацией. На данном этапе следует исходить из того, что для основы в гам заимствованное происхождение маловероятно (в близлежащих языках похожие формы не обнаружены, а само слово *aːt* по своему фонетическому облику «типично гаамское») и внутренняя этимология также отсутствует; таким образом, более вероятным является все же сохранение архаизма именно в гам, в то время как АМК заимствовали лексему из берта. В методологическом плане заимствование нельзя считать доказанным, но и использование данной параллели как аргумент в пользу джебельско-берта родства также не рекомендуется.

9) «пить»: ака *mɛːtu*, мло *moːtu*, кло *məd-ea*, шек *midi*, гам *mát* [Bd.], *madà* [Mn.]. || Bd.: АМК-В **mVt-*.

Внешний вид основы в гам предполагает исходный вариант **mat-*, хотя реконструкция вокализма может быть лишь приблизительной (вокалическое разнообразие в АМК скорее всего вызвано ассимиляцией с гласными глагольных суффиксов). Ряд соответствий «*t* : *d* : *d*» в АМК уникален; убедительно связать его с ретрофлексностью согласного в гам имеющийся материал не позволяет. Тем не менее, все формы фонетически совместимы, и этимология в целом не вызывает вопросов.

10) «сухой»: (а) ака *k'eːkebe*, мло *kikebe*, кло *kʷekʷebe*, шек *kɛːgebe*; (б) гам *ām-* [Bd.]. || Bd.: АМК-В **kekebe*.

Формы не этимологизируются на взаимной основе. Трехсложный вариант в АМК явно имеет производный характер, но вычленив в нем исходный корень непросто (то ли это редупликация исходного **kebe*, то ли суффиксальное расширение исходного **keke*; поскольку словообразовательные модели в джебельских языках не исследованы как класс, единственная опора — собственно словарные материалы, но и они не дают возможности принять единое решение). Гам *ām-* может восходить как к **am-*, так и к **ǵam-*; эта глагольная основа обладает богатой полисемией ('быть сухим, иссушенным; жестким, негибачимым; увядать; уставать'), но все эти значения могут быть выведены из исходного 'сухой', так что внутренняя этимологизация здесь не помогает.

11) «ухо»: (а) ака *sigi*, мло *sigi*, кло *si-di*, шек *si*; (б) шек *m-zī*; (в) гам *wmd* [Bd.], *wīndu* [Mn.], *wīndu-ku* [Pr.], *wint* [Sg.]. || Bd.: АМК-В **si(di ~ gi)*. Ср. также силлок, малкан *sigi*, торнаси *siti* id. в [Evans-Pritchard 1932: 10].

Л. Бендер выделяет в АМК основе корень **si-* и суффикс **-di ~ *-gi*, отмечая, что объяснить чередование согласных не удастся. Этот анализ неверен: ака парадигма *sigi*: (ед. ч.) : *sigi-de* (мн. ч.) наглядно показывает, что **-gi* — часть корня, а *-de ~ -di* — формант мн. ч. В кло и шек срединный *g* ослабляется и выпадает (см. выше 'умирать'); что касается кло *si-di*, записанного как 'ухо' (ед. ч.) и 'уши' (мн. ч.) одновременно, то здесь либо имело место обобщение формы мн. ч., либо парадигма была записана неверно. Ср. абсолютно аналогичный случай со словом 'грудь': ака *iwi-čē* (ед. ч.), *iwi-di* (мн. ч.) — кло *ɣwi-di* (ед. и мн. ч.).

Для шек наряду с явно исконной формой *si* Л. Бендер приводит также альтернативный вариант *m-zī*. Это слово не имеет никакой джебельской этимологии и скорее всего является семитизмом (фонетически изоморфно в первую очередь эфиосемитским формам, ср. тигринья *ʔəznī* и др., но в принципе может рассматриваться и как арабизм).

АМК **sigi-* и гам *wmd* (корень **win-* + именной суффикс **-di*) несводимы друг к другу и взаимно не этимологизируются; к внешнему сравнению допустимо на равных основаниях привлекать оба этимона.

12) «есть»: ака *ɲa:t-ɔ*, мло, кло *ɲət*, шек *ɲi:tⁱ*, гам *ɲót-* [Bd.], *ɲa:t* [Mn.], (?) *nei* [Pr.]. || Bd.: АМК-В **ɲam-*.

Реконструкция Бендера оптимальна (палатальный **ɲ*- восстанавливается на основании согласованных показаний АМК; перерогласка в шек скорее всего вызвана ассимиляцией с суффиксальным вокализмом). Тем не менее, утрата палатальной артикуляции в гам выглядит как нерегулярность, т. к. *n*- и *ɲ*- в этом языке четко противопоставлены (ср. минимальную пару *pət*- 'есть' : *ɲət*- 'любить, желать'). Не исключено, что гам основа вторично преобразована в ходе контаминации с *pət*- 'жечь, сжигать'; Л. Бендер предполагает возможность полисемии, но в типологическом плане связь между значениями 'есть' и 'жечь' выглядит невероятной — гораздо естественнее предполагать семантическое смешение, вызванное фонетической созвучностью.

13) «яйцо»: (а) ака *'vɪti-ke*, мло *vm-ko*, кло *ən-di*, шек *am(m)ɔ-i*, (?) гам *won* [Mn.]; (б) гам *kólɔ-d*, мн. ч. *kól-g* [Bd.], *gol-gu* [Pr.], *kóló-ɬ* [Str.]. || Bd.: AMB **um* ~ **am*.

Сложный случай. Явный фонетический изоморфизм налицо только между ака и мло, отражающими основу **ɪti*- (ср. аналогичное соотношение между основой и именными суффиксами в слове 'корень': ака *fili-ke* = мло *fil-ko*). Л. Бендер привлекает к этому же сравнению шек *am(m)ɔ-i*, несмотря на серьезные вокалические расхождения; в условиях большей изученности языков эти варианты скорее всего были бы фонетически несовместимы, но в данном случае трудно поручиться как за качество записи, так и за нерегулярность соответствия, притом что во всех остальных отношениях шек *amɔ-i* = ака мн. ч. *v:tv-i*.

В составе кло формы *əndi* легко вычленяется суффикс *-di* (см. выше *si-di* 'ухо' и др.); корень *ən-* при этом можно интерпретировать как результат ассимиляции (← **əm-di*). Тем самым все четыре варианта в АМК сводятся к единой праформе, которую можно условно записать в виде **əm-*.

Основа **kol(o)-* в гам никак не связана с **əm-* и в принципе должна рассматриваться как отдельный кандидат на соответствующую позицию в праджебельском. Однако любопытно, что в одном из самых старых источников по гам вместо этого приводится основа *won*, которую с некоторым усилием можно «совместить» с **əm-* (через диссимиляцию ← **wom* ← **om*). Что касается **kol(o)-*, то здесь бросаются в глаза параллели как с берта (диалектные варианты *hulhulu*, *hu:hulu*, *holo* и другие), так и с многочисленными дру-

гими ареальными формами типа **Kol-* ~ **Kul-* в эфиосемитских, кушитских, сахарских и ряде других языков; это никоим образом не доказывает факт заимствованного происхождения, но отчасти повышает доверие к **эт-* как возможному праджебельскому эквиваленту значения 'яйцо'.

14) «глаз»: ака *ere*, мло *eri*, кло *ε:di*, шек *i:n=e:rə*, гам *éd* [Bd.], *itu-ku* [Mn.]. || Bd.: GAMK-B **ed* ~ **er*. Ср. также силлок *eri*, мн. ч. *erè-ti*, малкан *er-ti*, торнаси *ij=erti* id. в [Evans-Pritchard 1932: 10].

Согласно приблизительным соответствиям, изложенным в разделе 3.4.2, праджебельскую форму следует реконструировать в виде **eti*, с озвончением (→ **edi*) везде, кроме отдельных диалектов гам, и ротацизмом в АМК (за исключением кло). «Префиксальный» компонент *i:n=* в шек остается неясным (возможно, один из префиксов посессивности? ср. ниже аналогичный компонент в торнаси *an=sora* 'рука').

15) «огонь»: ака *ta*, мло, кло *ta*, шек *taʔa*, гам *tā*: [Bd.], *to* [Pr.], *to:n* [Mn.]. || Bd.: GAMK-B **ta*:. Ср. также силлок, малкан, торнаси *ta* id. в [Evans-Pritchard 1932: 10].

Реконструкция вокализма у Бендера приблизительно; наличие гортанной смычки в шек и губного *ɔ* ~ *o* в гам (где слоги типа *ta* вполне допустимы) косвенно свидетельствует в пользу исходного варианта **toʔa* или **taʔu*.

16) «нога»: ака *ella=lu*, мн. ч. *εṣa=lu-ḏi*, мло *lu*, кло *lu-di(-ḡərane)*, шек *lv*, гам *lú:d* [Bd.], *lu-tana* [Mn.], *lu-t* [Str.]. || Bd.: GAMK-B **lu:d*. Ср. также силлок, малкан *lu*, торнаси *lu-di* 'нога (leg)' в [Evans-Pritchard 1932: 11].

Происхождение первого компонента в ака (к тому же еще и изменяющегося в зависимости от числа) неизвестно, но корень *=lu* выделяется вполне отчетливо при сопоставлении с мло и кло; реконструкция Бендера в этой ситуации оптимальна.

17) «волосы»: (а) ака *zeke*, шек *zəḡge*; (б) мло *fota*; (в) кло *ḡa*; (г) гам *sù:d* [Bd.], *sugud* [Pr.], *sut* [Sg.], *sūyḡ* [Str.]. || Bd.: AB **ʒAK*. Ср. также силлок *gʷeka*, малкан *zoko*, но торнаси *kāḡ* id. в [Evans-Pritchard 1932: 10].

Изогlossа между ака и шек автоматически выводит группу форм (а) на передний план, хотя в фонетическом плане она далека от идеала: соответствие *-k-* : *-ḡ-* нерегулярно, а «глоттальный кластер» *ʒ-* в шек абсолютно уникален. Учитывая, что ауслат на *-ḡV*

в шек характерен для собирательных и множественных форм (ср. *kusu-ŋi* мн. ч. 'колени'; *kere-ŋa* 'песок' и др.), в спекулятивном порядке можно предположить, что *zəŋge* ← **z'ke-ŋe* ← **zeke-ŋe*; это объяснило бы обе странности, но ни подтвердить, ни опровергнуть такое развитие пока невозможно.

Мло *fota* 'волосы' в записях Бендера противопоставлено *fata* 'перо' = ака *pata* id., но ср. также кло *pɔtɔ*, шек *pɔ:do* 'перо'; возможно, речь идет все же о двух вариантах одной и той же основы. Семантический переход 'перо' → 'волосы' типологически маловероятен, но полная семантика АМК **pota* ~ **pata* нам не известна (не исключена полисемия вида 'перо / мех / волосы на теле'). Дальнейшая связь этой основы с гам *fi:d* 'перо' маловероятна, т. к. последнее в записях Марно еще имеет вид *figids*, т. е. корень здесь **fig(i)-*, а *-d* — старый показатель сингулятива. Для кло *ɟɔ* никаких источников обнаружить не удалось.

Гам *sù:d*, как видно по записям XIX в., восходит к **sugu-d*. Несмотря на слабый фонетический изоморфизм между этой формой и АМК **zeke*, на прауровне они несовместимы по целому ряду пунктов. Согласно словарному описанию Бендера, *sù:d* обозначает волосы как на голове, так и на теле (включая 'шерсть, мех'); для форм АМК такая информация отсутствует. Возможно, что в каждой из двух ветвей имело место обобщение, но однозначно установить, который из двух корней отражает старую семантику 'волосы на голове', невозможно.

18) «рука»: (а) ака *ɕar-ga*, мло *sɔro*, кло *ɕɔɟa*, шек *ɕɔrɔ* ~ *sɔrɔ*; (б) гам *ás* [Bd.], *o:s*, мн. ч. *u:s-ak* [Sg.], *waso* [Mn.]. || Bd.: АМК-В **ɕor-*. Ср. также силлок *ɕerga*, малкан *soror*, торнаси *an=sora* id. в [Evans-Pritchard 1932: 9].

Для АМК более показательной, чем у Бендера, была бы реконструкция **ɕarʷo* с ассимиляцией → **ɕorʷo* в большинстве диалектов; интервокальный «палатальный» **rʷ* восстанавливается на основании рефлекса *y* в кло. Достоверных параллелей в гам нет.

Внутренняя реконструкция основы (б) в гам затруднительна, т. к. соответствие *a-* [Bd.] : *o-* ~ *u-* ~ *wa-* в старых записях уникально, и если бы речь шла не о разных хронологических срезах или диалектах одного языка, формы были бы несовместимы. Тем не менее, реконструкция типа **os-* или **was-* вряд ли возможна, т. к. и *o-*, и *w-* в гам надежно сохраняются (ср. 'голова', 'ухо').

По всей видимости, в старых записях оказались представлены стяжения чистой основы с посессивным префиксом. Ср. парадигму в [Stirtz 2009: 86]: *áàs* (← **a=as*) 'моя рука', *ássāg* (← **a=as-ag*) 'мои руки', *áàs* (← **o=as*) 'твоя рука', *ússūg* (← **o=as-ag*) 'твои руки', т. е. за чистую основу 'рука' на самом деле принималась посессивная 'твоя рука'; Т. Стирц отмечает, что слово 'рука', наряду с рядом других частей тела, не может употребляться вне сочетания с посессивным префиксом, хотя любопытно отметить, что Л. Бендер в своих записях вообще не отмечает наличия в гам посессивных префиксов — по-видимому, разные диалекты ведут себя в этом отношении по-разному. В конечном итоге за исходную форму основы можно с уверенностью принять именно **as*.

19) «голова»: ака *ɔla*, мло *ɔla*, кло *ɔla*, шек *ɔla*, гам *ɔl*, мн. ч. *ùl-g* [Bd.], *o:l* [Sg.], *oll* [Mn.], *ol* [Pr.]. || Bd.: GAMK-B **ola*. Ср. также силлок, малкан, торнаси *ola* id. в [Evans-Pritchard 1932: 9].

Реконструкция Бендера однозначна; *-a* может восходить к старому именному суффиксу, но гам *ɔl* легко может отражать и более раннее **ol-a* с отпадением ауслата. Согласно Т. Стирцу, 'голова' — одно из тех слов, которые в гам не употребляются без посессивных префиксов (отсюда такие стяжения, как *ā:l* 'моя голова', *ā:l* 'твоя голова', *ē:l* 'его голова' и др.), но первичность огласовки *o* подтверждается как данными Бендера (в которых посессивные префиксы не фигурируют), так и внешними параллелями в АМК.

20) «слышать»: (а) ака *e:r* ~ *e:ro*, мло *e:r*; (б) кло *vssine*, шек *assini*; (в) гам *fɪŋ-ən* [Bd.]. || Bd.: AM **e:ro*.

Однозначная реконструкция праджебельского этимона 'слышать' невозможна; на этот статус примерно с одинаковой силой могут претендовать как ака-моло **er(o)*, так и гам *fɪŋ* ← **piŋ*-, не этимологизируемые на взаимной основе. Несколько более сомнительной выглядит группа (б), не столько по фонетическим причинам (вокалическое соответствие *v* : *a* похоже на почти аналогичный случай в этимоне 'яйцо', см. выше), сколько потому, что формы производят впечатление полиморфных и не исключена связь между ними и основой *si(:)* ← **sigi* 'ухо'. (Ср. кло *a:nsi* 'давать': один из возможных, хотя и чисто спекулятивных, сценариев — стяжение из **a:n-si-ni* 'дать ухо'.) Тем не менее, их также нельзя полностью исключать из дальнейшего рассмотрения.

21) «сердце»: (а) ака *ninagaga*, мн. ч. *nilayaɣaɣ'adai*, (?) мло *kɔ=ɲ^yte*; (б) кло *iɣɔ*, шек *i:yo*; (в) гам *bón* [Bd.], *bón ~ bôn* [Str.].

Данный этимон пока не поддается реконструкции. Ака *ninagaga*, очевидно, является словосложением, но материалов Бендера не хватает для того, чтобы разложить его на составные компоненты; абсолютно загадочно выглядит форма мн. ч. (с фонетическими «мутациями» сонанта и едва ли не единственным на весь лексический список примером звонкого спيرانта *ɣ*). Возможно, что первый компонент этого сложения этимологически связан с мло *kɔ=ɲ^yte*; так скорее всего считает и сам Бендер, выделяющий в этой форме *kɔ=* как префикс — но никаких синхронных аргументов для такого членения нам не известно.

Кло-шек **iyo* сравнивается Бендером с берта *iɣu* 'живот', что допустимо скорее в рамках гипотезы родства, чем контактов (семантическое развитие 'живот' → 'сердце' при заимствовании необъяснимо и вряд ли подтверждается эмпирически). На данном этапе анализа это сравнение, таким образом, нерелевантно.

К дальнейшему внешнему сравнению имеет смысл привлекать все три формы, в первую очередь гам *bón* (← **pon ~ *bon*) и **iyo* (хотя группа форм (а) с трудом выводима на внешний уровень из-за морфологической неоднозначности).

22) «рог»: (а) ака *kɔsvl-ge*, мло *kvdul*, кло *kvsɔl-tə*, шек *gvsu:li*; (б) гам *íl* [Bd.], *íl* [Str.]; (в) гам *serm* [Sg.]. || Bd.: АМК-В **kusul*.

Нетривиальное консонантное соответствие, полностью аналогичное наблюдаемому в группе (а), отмечено также для слова 'колено': ака *kvsu* : мло *kvdv* : кло *kvsɔ* : шек *kvsu* : гам *kvs(v)mi* [Bd.] (но без озвончения → *g-* в шек). Бросается в глаза сходство этой основы с 'рогом', что могло бы объясняться общим происхождением из старого глагольного корня со значением 'гнуть(ся), изгибать(ся)', но ни сам такой глагольный корень, ни словообразовательный суффикс *-l* в джебельских языках не зафиксированы; похоже, что речь идет все же о двух разных корнях, претерпевших одинаковые фонетические изменения.

В любом случае реконструкция **kusul* вряд ли возможна, т. к. интервокальный спирент *-s-* в мло не должен озвончаться (ср. 'ноготь' и другие примеры). Речь идет о какой-то особой фонеме или, возможно, консонантном кластере; мы будем условно записывать его в виде *-z-*, т. е. как «усредненное» отражение звонкой

смычной артикуляции в мло и глухой спирантной в прочих языках. Неясно, связано ли озвончение в шек *gvsuli* с «метатезой» звонкости (← **kizuli*), т. к. в слове 'колено' в аналогичных условиях этот процесс не наблюдается (впрочем, следует, как всегда, сделать поправку на особую скудность и неточность записей по шек).

АМК **kuzul-* противопоставляется гам *il*; слова не этимологизируются на взаимной основе и могут привлекаться к внешнему сравнению на равных основаниях.

23) «я»: ака *e*; мло *əŋ*, кло *əŋ*, шек *ŋgi*, гам *àŋ* [Bd.], *a:ne* [Sg.], *anna-se* [Mn.], *á ~ ā:-n* [Str.]. || Bd.: ГАМК-В **aŋ*.

Система личных местоимений и местоименных показателей в джебельских языках хорошо описана только для гам, где местоименная парадигма устроена достаточно просто и симметрично. Общая корневая морфема имеет вид **a* во всех конкретных основах: (а) в чистом виде — субъектный префикс *a-* и объектный суффикс *-a* в глагольной парадигме, а также посессивный префикс *a-* в анатомических и некоторых других терминах; (б) независимая форма личного местоимения, по-видимому, первоначально **a-ne* [Sg.] с дальнейшей редукцией → *a-n*; (в) посессивные суффиксы вычлениаются Л. Бендером в виде *-ā:n* (ед. ч.), *-ānāgā* (мн. ч.) (← **a-n-əgā* с ассимиляцией), т. е., по сути, являются производными от независимой формы.

В языках ветви АМК наблюдается больший разброс форм, и сделать однозначные выводы относительно степени архаичности такой ситуации без выхода на внешний уровень сравнения очень трудно. В системе независимых форм наблюдается по меньшей мере три трудноводимых друг к другу варианта: (а) мло и кло ← **əŋ*, где *-ŋ* — суффикс прямой основы; (б) шек ← **iŋi*, где суффикс уже оказывается целым слогом; (в) ака *e*; с переднерядным вокализмом и вообще без консонантного суффикса.

Учитывая близкое родство всех языков АМК, разумно было бы подобрать такой исторический сценарий, при котором все три варианта будут этимологизироваться на единой основе. Так, общим инвариантом могла бы служить праоснова вида **ay-ni*, где *ay-* — корневая морфема, а *-ni* — местоименный суффикс (см. ниже реконструкцию **iy-ni* для местоимения 2-го л.). Тогда:

— образующийся на стыке двух морфем кластер *-un-* в мло, кло и шек упрощается в *-ŋ(g)-*, а в ака — в *-y-*;

— дальнейшее развитие в ака идет по линии $*ay-ni \rightarrow *ayi \rightarrow e$: со стяжением; в кло и мло — по линии редукции ауслautного вокализма (как в гам); в шек — по линии вокалической ассимиляции ($*ani \rightarrow iŋi$).

Реконструкция корневой морфемы в виде $*ay$ помогает объяснить и странное колебание в формах объектных суффиксов глагольной парадигмы, записанных у Бендера: ака $-e \sim -i$, кло $-\acute{a}$, мло $-i$. При таком раскладе речь может идти либо о двух изначально разных морфемах (что очень необычно для столь близких языков), либо о разнонаправленных изменениях исходной основы, содержащей элементы как переднерядной, так и средне- или заднерядной артикуляции, т. е. дифтонгического характера.

Сопоставление АМК $*ay(-ni)$ и гам $*a(-ne)$ показывает, что следы более архаичного вида общеджебельской основы сохранились только в АМК, хотя сама местоименная парадигма в целом претерпела наибольшее количество изменений также именно в этой ветви. На праджебельском уровне имеет смысл записывать общую форму в виде $*a(y)$, чтобы подчеркнуть определенную «маргинальность» ауслautного $-y$; не исключено, например, что АМК $*ay-ni \leftarrow *ay + *-ni \leftarrow *ay-i$, где $-yi$ — старый показатель сингулатива (ср. ниже реконструкцию $*a-gi$ 'мы').

24) «убивать»: (а) ака $pɜ$; мло $fɜ:du$, кло $pɜ:zi \sim bɜ:zi$, шек $bɜ:si$; (б) гам $dāf-$ [Bd.], $tofa-gen$ [Mn.], $dau-$ [Sg.]; (в) гам $tir-d-$ [Bd.], $ṭir-ḍā$ [Str.]. || Bd.: АМК-В $po-$.

Реконструкция Бендера для группы форм (а) отсекает второй слог из-за нерегулярности соответствий; при этом, однако, материалы Бендера не дают никаких оснований считать такие фонемные последовательности, как мло $-du$, кло $-si$ и т. п. глагольными суффиксами. На самом деле соответствие «мло $-d-$: кло/шек $-z-/s-$ » хорошо вписывается в ряд, обнаруженный для слов 'рог' и 'колено' (см. выше) — за исключением ака, где также ожидалось бы $*pɜsɔ$, но здесь могло иметь место особое позиционное развитие (напр., $*pɜzi \rightarrow *pɜyi \rightarrow pɜ$). Более информативной реконструкцией для АМК следует считать вариант $*pɜz(i)$.

Для гам в значении 'убивать' зафиксировано два синонима, возможно, «транзитных», т. к. форма $tir-d-$ — правильно образованный каузатив от $tir-$ 'умирать' (см. выше); в старых записях по гам она не встречается и, по всей видимости, является недавней

инновацией. Однако и гам *dāf*- вряд ли может претендовать на глубокую архаичность, т. к. в словаре Бендера он характеризуется обширной полисемией ('ломать на части', 'ударять, бить', 'драться'), показывающей, что значение 'убивать' не может быть первичным. Напротив, для АМК **poz(i)* никаких значений, кроме 'убивать', Бендер не приводит, а значение 'бить, ударять' в этих языках выражается другими корнями (ака, мло *wa:go*; кло *eddibi*, скорее всего = гам *dāf*-). Наиболее вероятным кандидатом на праджебельское значение 'убивать', таким образом, оказывается **poz(i)*.

25) «лист»: (а) ака *kəq=a=sigi*, мло *kəs=a=sigi*, кло *kəqa=si:ti*; (б) шек *k'əbəro*; (в) гам *te:fa* [Bd.], *té:fá* [Str.].

Группа форм (а) восходит к пра-АМК композиту, буквально означающему 'дерева-ухо' (этимологии см. отдельно для 'уха' и 'дерева'); из этого ряда выбивается только странная форма (б) в шек, но выводить ее на прауровень рискованно из-за сомнительной дистрибуции (шек не является одним из первичных узлов АМК). Напротив, в гам для значения 'лист' представлен самостоятельный корень без внутренней этимологии и видимых источников заимствования; его можно свести к условной реконструкции **te(:)pa*.

26) «вошь»: ака *geɾe*, мло *g'ɪɾə*, кло *ɶɾə*, шек *ari*, гам *ziŋ-d* [Bd.]. || Bd.: GAMK-B **(g)EN*-.

Консонантные соответствия между языками АМК для этого этимона почти идентичны соответствиям в слове 'кость' (см. выше), за исключением шек, который в данном случае также утрачивает начальный велярный; несмотря на это, допустима реконструкция **gɶɾ-i ~ *gɶɾ-o* (вокализм приближителен) при каком-то особом позиционном изменении в шек.

Гам *ziŋ-d*, несмотря на многочисленные фонетические трудности, все же совместимо с основой в АМК через следующий сценарий: (а) праджебельск. **g'ɪɾ-* → гам **ziɾ-* (анлаут *gi-*, *ge-* в гам находится под почти полным запретом; ожидаемое развитие **gɶ-* → \emptyset -, как в основах 'кровь', 'кость', могло быть «перебито» палатализацией); (б) **ziɾ-* → **ziŋ-* сначала в форме мн. ч. *ziŋ-g* 'вши' (по ассимиляции), после чего велярная артикуляция по аналогии перешла и на форму ед. ч. Данный сценарий недоказуем, но противоречащие примеры также отсутствуют; в условиях очевид-

ного близкого родства АМК и гам вполне допустимо принять его в качестве рабочей гипотезы (что делает и Бендер).

27) «мясо»: (а) ака *oʔo*, шек *ɔʔ*, гам *ɟɪ* [Bd.], *oɪ* [Pr.], *ɔɪ* [Str.]; (б) кло *kɔkɔ*; (в) мло *fiɛ*. || Bd.: гаам-ака-шеко **oʔoN*. Ср. также силлок *oʔo*, малкан *fiɛ*, торнаси *koko* id. в [Evans-Pritchard 1932: 11].

На уровне АМК этот этимон надежно реконструируется в виде **oʔo* по данным ака и шек (отражающих разные ветви этой подгруппы). Очень странно выглядит записанная для кло форма *kɔkɔ*, достоверность которой подтверждается и в старом источнике Эванс-Притчарда; структурное и фонетическое сходство с **oʔo* очевидно, но соответствие «кло *k* : ака и др. *ʔ*» никоим образом не является регулярным. Поскольку фонетическая совместимость продемонстрирована быть не может, *kɔkɔ* приходится считать отдельным этимонем, так же лишенным внешней этимологии, как и мло *fiɛ*. Ареальный характер этой формы проявляется в том, что она же обнаруживается в близлежащих зап.-нилотских диалектах бурун (см. ниже), но первичный источник установить пока не удастся.

Рекурсивность соответствия «АМК -∅ : гам -ɟɪ» на имеющемся материале также не выявляется, но, в отличие от предыдущего случая, на него отсутствуют и противоречащие примеры: палатальный носовой в гам в конечной позиции встречается редко, а в АМК — никогда. Таким образом, реконструкция Бендера (мы будем записывать ее в виде **oʔoɪ*, учитывая конкретную артикуляцию в гам) оправдана.

Праджебельск. **oʔoɪ* невозможно отделить от соответствующего этимона в берта (*ɪʔɪɪ* и др. диалектные формы), однако на данном этапе ничего определенного сказать нельзя — очевидно лишь то, что, если речь идет о заимствовании, оно имело место на уровне праязыков, и вопрос о соотношении обеих форм должен решаться на следующем уровне.

28) «луна»: ака *aguw-a*, мло *'aguwa*, кло *aʔvwa*, шек *aqa*; (б) гам *tūri* [Bd.], *tūri* [Sg.]. || Bd.: АМК-В **aguwa*. Ср. также силлок, малкан *agwa*, торнаси *aguwa* id. в [Evans-Pritchard 1932: 11].

Реконструкция Бендера для АМК объясняет все формы, кроме шек, где в срединной позиции отмечен уникальный случай вулгарного *q*. По поводу гам *tūri* Бендер пишет, что это слово

представляет собой «a widespread Wanderwort», тем самым понижая его шансы на отражение общеджебельской основы.

При этом, однако, умалчивается, что для АМК **aguwa* вероятность происхождения из «бродячего термина» на самом деле еще больше, чем для гам: похожая трехсложная форма широко распространена в омотских языках (макро-омето **agVn-a* [Bender 2003: 118]), другие сходные образования наблюдаются в кулякских и южнонилотских языках (ик *aragwan* и др., см. ниже в соответствующих разделах), неслучайным может быть и сходство с отдельными формами в кордофанских языках (ср. особенно эбанг *g=uwâ* и др.). По сравнению с этим разнообразием вариантов внешние «ареальные» параллели к гам *tûrî* (по крайней мере, в конкретном значении 'луна') в общем ограничены языком кунама (*te:ra*) и, возможно, группой кронго-кадугли.

К внешнему сравнению, таким образом, допустимо привлекать обе основы, но упорядочивать их следует в последовательности от **turi* к **aguwa*, а не наоборот (уникальная фонема *q* в шек также может служить косвенным намеком на неисконность этого слова в АМК).

29) «рот»: ака *vdu*, мло *ɔdu ~ vdu*, кло, шек *vdu*, гам *ɟg*, мн. ч. *ɪt̪g* [Bd.], *ug* [Sg.], *utu-ku* [Pr.]. || Bd.: ГАМК-В **idu*.

Реконструкция Бендера справедливо основана на большей архаичности основы в АМК: в гам, после редукции гласного второго слога, имело место закономерное развитие **-d- → -t̪-* в составе консонантного кластера (**idu-k/ul → *ud-g → *ut̪-g*).

Следует отметить, что в гам налицо редкая и, по-видимому, архаичная морфо(но)логическая модель образования мн. ч. с помощью вокалического (а также тонального) чередования при суффиксации морфемы *-g* к обеим формам (а не только к форме мн. ч., как это обычно бывает): ср. аналогичную ситуацию для таких парадигм, как ед. ч. *ɛl-g*, мн. ч. *ɪl-g* 'живот', ед. ч. *ɲâl-g*, мн. ч. *ɲël-g* 'шея' и др. В историческом плане эта модель может объясняться исключительно ассимиляцией с гласными второго слога, выпавшими впоследствии в ходе общей тенденции гам к моносиллабизации двусложных основ; возможно, исходную парадигму следует восстанавливать в виде ед. ч. **od-i* : мн. ч. **ud-i*.

30) «имя»: ака (а) *'aʒin'izani ~ 'aʒin'izani*; (б) мло *ta:na*; (в) кло *si:gə*; (г) шек *ɲgi*; (д) гам *sa:g* [Bd.].

Этимон 'имя' в языках джебельской группы оказывается на удивление неустойчивым: каждый из представленных языков имеет здесь собственную основу. На первый взгляд совместимыми можно было бы считать кло *si:ga* и гам *sa:g*, однако более тщательный анализ заставляет отвергнуть это предположение. Лексема в гам представляет собой форму мн. ч. (что типологически естественно для слова 'имя' в данном ареале, см. *фур* и др. семьи), т. е. корнем является *sa:* (следует учитывать также возможность выпадения срединного согласного, т. е. происхождение *sa:* из **sada* или **saya*). В кло, напротив, на синхронном уровне *-ga* является частью корня, не говоря уже о несовместимости вокализма.

Ситуация осложняется еще и тем, что регулярным рефлексом **-g-* в кло должен быть нуль (см. 'уho'); таким образом, либо этот согласный отражает здесь какую-то другую прафонему (неопределимую из-за нехватки материала), либо же слово появилось в кло недавно, будучи заимствовано из близлежащих языков. В этом отношении интересны формы в языках омотской подгруппы гонга: *кафа*, *анфилло* *ši:go* [Bender 2003: 170]; хотя непосредственные контакты между гонга и джебельскими языками на сегодняшний день невозможны, нынешние ареалы их распространения не столь значительно удалены друг от друга, чтобы исключить возможность таких контактов даже в относительно недалеком прошлом.

В свете возможного ареального происхождения хотя бы части рассматриваемых форм, полного отсутствия взаимной этимологизации, а также странного внешнего вида формы в ака (похожей на экспрессивную редупликацию, аналогов которой в базисной лексике ака больше не наблюдается), сколь-либо надежная реконструкция 'имени' на праджебельском уровне невозможна. К внешнему сравнению допустимо, с существенными оговорками, привлечь разве что гам *sa:-g*, не обнаруживающее ни фонетических «странностей», ни ареальных параллелей.

31) «новый»: (а) ака, мло *ara:ya*, кло *aya:ya*, шек *a:ya:ra*; (б) гам *yá:(n)* [Bd.]. || Bd.: АМК-В *ara:ya*.

Реконструкция Бендера для АМК в нашей записи будет иметь вид **ar^haya* (ввиду развития \rightarrow *aya:ya* в кло); в шек, по-видимому, имела место метатеза. Обращает на себя внимание необычный внешний вид формы: многосложные адъективные основы для

АМК не редкость, но из всех материалов, собранных Бендером по этой подгруппе, «суффикс» *-ya*, помимо данной лексемы, встречается только в арабских заимствованиях (ака *adi:liya* 'прямой', *šatiria* 'мудрый' и др.).

В семитских языках похожих форм не отмечено, но очевидно сходство с одним из главных восточнокушитских корней, ср. оромо *ha:ra:*, арборе *haraya*, консо *ha:raya*, бурджи *ha:rea*, сидамо *ha:ro* и др. ([Black 1975: 300; Hudson 1989: 105]). Учитывая общую нестабильность этимона 'новый' в рассматриваемом ареале, можно предполагать здесь старый кушитизм (контакты джебельских языков с оромо или с каким-то другим языком «оромоидного» типа в географическом плане вполне допустимы).

В этом случае повышается вероятность архаичности основы *yá:(n)* в гам, хотя и здесь следует учитывать полисемию: в словаре Бендера слово переводится как 'новый, следующий, второй', и в связи с этим исходным значением скорее могло бы быть 'следующий, другой'.

32) «ночь»: (а) ака *ɔrg-a*, мло *ɔrrele*, кло *ɔrrɔ*, шек *ɔ:rɔ*; (б) гам *kái* [Bd.], *kai* [Sg.]; (в) гам *tama:m* [Mn.]. || Bd.: АМК-В **oro* (= 'черный').

В АМК слово 'ночь' либо полностью тождественно адъективной основе 'черный' (кло), либо отличается деривационной моделью (ака, мло, шек); установить правильную хронологию морфолого-семантического развития, исходя из имеющихся данных, невозможно. Если первична семантика 'черный', то более архаичной может оказаться основа **kau* в гам, хотя ср. также наречное образование *kái-n* 'вчера', косвенно указывающее на более раннюю семантику 'время суток' (вообще). Форма *tama:m* в ранних записях Марно не имеет никаких параллелей в более новых источниках и представляется сомнительной.

33) «нос»: (а) ака *ɲatɪna=ɲɔdi*, мло *arkanə=mudi*, кло *v=mu:di*, шек *a= mudi*; (б) гам *fɔdɔr* [Bd.], *u:futur* [Sg.], *fotor* [Pr.], *fɔdɔr* [Str.]. || Bd.: АМК-В **emU(n)t* (сложение с основой 'лицо').

Все четыре формы в АМК действительно выглядят как словосложения, причем первый компонент везде разный. Это наводит на мысль, что композиты, зафиксированные у Бендера, носят «уточняющий» характер, в обычном же общении одной и той же основе **mudi* на самом деле присуща полисемия 'лицо / нос'. Первична при этом семантика 'лица', судя по внешним данным: гам

ти: 'лицо, лоб' (-*di* в АМК — такой же сингулятивный показатель, как в **sigi-di* 'ухо' и др.). К сожалению, значения первых компонентов (*пятипа-* и др.) по имеющимся данным установить не удалось.

Для «ранне-гаамского» этапа восстанавливается основа **potor*, не имеющая ни внутренней этимологии, ни сколь-либо явных источников заимствования. Ее можно считать слегка более вероятным претендентом на общеджебельский статус, чем **ти:-*, из-за отсутствия полисемии, но к внешнему сравнению могут привлекаться оба варианта.

34) «не»: (а) ака *wəl*- ... -*to*; (б) мло *n*- ~ *in*-; (в) кло *á* ~ *á:*; (г) гам *wà* [Bd.].

Последовательная реконструкция джебельской системы отрицаний невозможна, с одной стороны, в силу скудности данных (вся доступная информация по АМК ограничивается краткими и очень предварительными набросками в [Bender 1989a: 168–169]), с другой — ввиду очевидной нестабильности этой системы в рассматриваемых языках.

Чаще всего в АМК встречается морфема **wəl*, однако в состав обычного индикативного отрицания она, по наблюдениям Бендера, входит только в ака, и то как часть циркумфикса, ср. *mà: wəl-éžé-tù* 'огонь не холодный'. Сама по себе в ака она при этом функционирует как прохибитив: *wəl le:i* 'не стой!'. Эта же функция свойственна ей и в мло (*wəl nət* 'не ешь!'), а в кло она же, в двухсложном варианте, является предикатом отсутствия: *ássúkór wàlà kilà dùkkán* 'в лавке нет сахара'.

Этимологическую связь **wəl(a)* с гам *wà* (в этом языке — универсальное отрицание как для индикатива, так и прохибитива) невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Если эти морфемы родственны, то расхождения в ауслауте могут быть вызваны либо полиморфностью основы **wəl(a)* в АМК (маловероятно, т. к. непонятно, какую функцию выполняет здесь вторая морфема), либо отпадением конечного сонанта в гам; ауслаутный -*l* в этом языке допустим, но обычно наблюдается в основах, ранее оканчивавшихся на гласный (ср. гам *ól* 'голова' = ака *ola* и т. д.), а что могло произойти с «настоящим» консонантным ауслаутом, неизвестно.

С другой стороны, поведение основы **wəl(a)* в ака и мло скорее говорит о том, что мы имеем здесь дело со старым показателем прохибитива, который в отдельных языках (ака и, возможно,

гам) взял на себя функцию универсального отрицания; косвенно на это намекает и ее сложность (структура CVC/V/), характерная для старых отрицательных глагольных основ (ср. значение 'не иметься' в кло).

Второй по частотности, хотя и значительно уступающей первой, основой в АМК является префикс *a=*. Это — главная отрицательная морфема в кло (ср. *má: á: lúwà* 'огонь не горячий'); также, как возможный реликт, она отмечена Бендером для ака во фразе *télé dikkàn a-ε súkàr lálè* 'в лавке нет сахара'. Сопоставление, безусловно, ненадежно, но здесь все же есть хоть какая-то этимологическая связь, в отличие от морфемы (i)n= в мло, для которой внешние параллели в джебельских языках отсутствуют как класс (сам Бендер отмечает для мло, что «data here is slight»).

Таким образом, три (или четыре) основных морфемы можно предложить ранжировать следующим образом: [1] **i=* (только индикативное отрицание, сохраняется в кло и как реликт в ака); [2] **wə(l)* (в большей степени прохибитив или предикат отсутствия, чем индикативное отрицание); [3] **n=* (сомнительный префикс-изолят в мло).

35) «один»: (а) ака *ligidi*, мло *le:di*, кло *lɔ:di*, шек *lo:di*; (б) гам *támən* [Bd.], *tamann* [Mn.], *damman* [Pr.], *tum* [Sg.]. || Bd.: АМК-В **ligidi ~ *le:di ~ *lɔ:di*. Ср. силлок *ligidi*, малкан *le:di*, торнаси *lo:di* id. в [Evans-Pritchard 1932: 11].

АМК и гам лексемы не этимологизируются на взаимной основе. Внутри АМК старая основа лучше всего сохраняется в ака *ligi-di*, где *-di* — именной суффикс (ср. ниже 'два'); в остальных языках **-g-* закономерно выпадает, как в **tugir-* 'умирать' (см. выше). Беспрецедентным остается лишь различие в вокализме, которое Л. Бендер списывает на гипотетический аблаут или умлаут; возможно, что здесь имела место переогласовка из исходной формы типа **ligo-di ~ *ligu-di*.

В гам исходный вокализм также не вполне ясен. Один вариант анализа — предполагать исходный корень **tum*, с суффиксальным вариантом **tum-an* → *támən ~ taman* и др., причем отправной точкой такого анализа будет форма *tum* в записях Б. Зелигман.

Другой вариант, в конечном итоге более предпочтительный — анализ *támən* как *tə + mən* (← **ta + *man*), по бросающейся в глаза аналогии с новообразованием *ásámən* '5' ← *ás* 'рука' + **man*. Второй

компонент в обоих сложениях при этом легко и достоверно отождествляется с неопределенным местоимением *tán* 'кто-то, кто-либо', но проблематичной остается этимологизация компонента *tá*. Один из вариантов — попытаться увязать его с глаголом *ta*: 'быть', 'казаться', который активно употребляется в гам как первый компонент сложных слов; в этом отношении интересно также отмеченное в словаре Бендера идиоматическое сочетание *ta:-i tane* 'единственный, одинокий'. Однако к такому словосложению категорически не сводится упомянутая выше форма *tum*, если только она не является своеобразным «усечением».

По-видимому, на данном этапе не следует искать окончательного решения, а лишь отметить существование, по всей вероятности, комплексной основы **ta(m)-tan*, первый компонент которой может привлекаться к внешнему сравнению, но с меньшими основаниями, чем АМК **ligV-*, ввиду возможности его внутренней этимологизации.

36) «дождь»: (а) ака *k^wɪʕe*, кло *giʒa ~ kuʒa*, шек *gi:ʒe*, гам *kɔ̀i* [Bd.], *goyen* [Mn.], *oye* [Pr.], *kwai* [Sg.]; (б) мло *a:ro*. || Bd.: АК-В **kuʒa*.

Все варианты, представленные в гам, сводятся к исходной основе **koyi* (не вполне ясен только нулевой анлаут в [Pr.]). Л. Бендер не привлекает ее к сравнению с фонетически изоморфными формами в АМК, очевидно, из-за несоответствия анлаутного консонантизма. Однако эта проблема преодолима одним из двух способов:

— во-первых, нам в целом неизвестна рефлексация в АМК срединного глайда **-y-*: убедительные примеры даже без параллелей в гам отсутствуют (за исключением сомнительных этимонов типа 'новый', имеющих возможное ареальное происхождение), так что вполне допустимо предположить регулярность аффрикативизации **-y-* в пра-АМК;

— во-вторых, допустимо членить такие формы, как ака *k^wɪʕe*, на корень **k^wɪ-* + именной суффикс *-ʕe*, известный и по другим лексемам (ср. ака ед. ч. *iwi-ʕe*, мн. ч. *iwi:-di* 'грудь', а также ниже 'зуб'); в этом случае легко объясняется и такая особенность, как вторичная лабиовелярная артикуляция в ака, через редукцию **koyi-ʕe* → *kwi-ʕe*.

При любом из этих решений исходным вариантом основы нужно будет считать «пра-гаам» **koyi*. Из общей картины на этом фоне выбивается только мло *a:ro*, которое, в свою очередь, фоне-

тически изоморфно (за исключением слоговой структуры) берта *ro* ~ *ro*: 'дождь'¹, хотя открыто постулировать заимствование невозможно из-за неясного *a*- в анлауте.

37) «дым»: (а) ака *pɔru*, мло *fɪr*, кло *pɔru*, шек *bɔru*; (б) гам *ɲi:d* [Bd.], *ɲugut* [Mn.]. || Bd.: АМК-В **pɪr*-и.

Гам и АМК формы не этимологизируются на взаимной основе. Для АМК достоверна реконструкция Бендера (записывать следует **pɪr*^ʷи ввиду развития → *pɔru* в кло). Первичный вид основы в гам, как видно по записи XIX в., — **ɲugi-di*, с регулярным выпадением -g- в современных диалектах. К внешнему сравнению привлекаются обе формы.

38) «звезда»: ака *podur-ɔ*, мн. ч. *po:duɾ-i*, мло *mide:ro*, кло *ma:ziwa* ~ *ma:zi-weya*, шек *maʕe:ra*, гам *rázɔ* [Bd.], *poʕan* [Mn.], *pogo* [Sg.], *rázɔ* [Str.]. || Bd.: GA **páɔ* ~ **podur*, (?) (M)KB **maʕ*-.

Как и в целом ряде других таксонов 1-го уровня, относящихся к «нило-сахарскому» ареалу, в джебельских языках значение 'звезда' выражается «странными» основами (к конкретным «странностям» может относиться многосложность без ясной морфологической интерпретации, наличие редких консонантных кластеров и/или нерегулярных соответствий между отдельными языками).

На первый взгляд, Л. Бендер вполне справедливо разбивает известные формы на «*p*-анлаутные» (ака, гам) и «*m*-анлаутные» (мло, кло, шек), сводя их к двум праэтимонам, т. к. соответствие «гам, ака *p* : мло, кло *m*» для данного случая уникально. Можно было бы даже пренебречь фактом семантического пересечения: ака и гам входят в разные подгруппы таксона, и разбиение анализируемой основы на две требовало бы постулирования независимой однонаправленной инновации в двух из четырех узлов джебельского дерева, но, учитывая, что узлы сами по себе установлены чрезвычайно ненадежно (за исключением, разумеется, первичной дихотомии между гам и АМК), такое пересечение нельзя считать серьезным препятствием для постулирования двух основ.

С другой стороны, если отвлечься от конкретной артикуляции начального согласного, для ака *podur-ɔ* фонетически наиболее

¹ Л. Бендер сопоставляет форму в берта с гам глагольной основой *lɔ*: 'идти, падать' (о дожде), но это едва ли не единственный случай «соответствия» гам *l* : берта *r*, и в ситуации отсутствия твердой уверенности в близком генетическом родстве берта и гам его скорее стоит игнорировать.

близкой формой является все же не гам *rázó*, а мло *mide:ro*. Гам *rázó* же, напротив, ближе всего к кло *ta:zi-wa*. Наконец, «промежуточным» между всеми этими вариантами оказывается шек *taʃe:ga*, с тем же третьим слогом *-rV*, что и в ака и мло, но при этом с аффрикатой (по «образцу гам-кло») вместо дентального взрывного (по «образцу ака-мло»). Все пять языков, таким образом, демонстрируют своего рода единый «фонетический континуум», не поддающийся (по крайней мере, на данный момент) ясной интерпретации в рамках модели регулярных соответствий, но вряд ли сложившийся чисто случайным образом.

Учитывая это обстоятельство, наряду с общей ареально-типологической тенденцией корреляции значения 'звезда' с фонетическими «аномалиями» и отсутствием каких-либо идей относительно возможных контаминаций или локальных заимствований, в качестве рабочей гипотезы стоит все же принять возможность общего происхождения всех перечисленных форм. На общеджебельском уровне мы будем достаточно условно постулировать структуру $*C_1V_1C_2V_2C_3$, где:

C_1 — уникальная фонема или консонантный кластер, «средний» между носовым *m*- и взрывным *p*- (*b*-) (обычные $*m$ -, $*p$ -, $*b$ -такой ряд соответствий дать не могут). Наиболее естественным обозначением для такой «среднестн» будет носовой кластер $*mb$ -;

C_2 реализуется в языках-потомках то как дентальный взрывной *-d*-, то как аффриката *-ʃ*- ~ *-ʒ*- (в одном случае, у Б. Зелигман, обнаруживается совершенно особый рефлекс *-g*-). Аффрикатная артикуляция здесь должна быть более архаичной; это видно как из дистрибуции рефлексов (*ʃ* обнаруживается в сильно удаленных друг от друга гам и кло-шек), так и из того факта, что дентальные *t*, *d* в АМК часто встречаются и перед задними, и перед передними гласными, и никогда при этом не палатализируются; что же касается возможности деаффрикативизации инлаутного $ʒ \rightarrow d$ в ака и мло, например, в позиции перед задним гласным, то здесь нет ни подтверждающих, ни опровергающих примеров. Условно можно записывать C_2 как $*-ʒ$ -.

C_3 обязателен для реконструкции на пра-АМК уровне, где его следует интерпретировать как пра-АМК $*r^y$; в ака, мло и шек он регулярно отражается как обычный вибрант *r*, а в кло, по-видимому, регулярный рефлекс *-y*- сместился в сторону *-w*- из-за

ассимиляции с предыдущим губным гласным (но ср. также четырехсложный вариант *ta:ziweya* — не исключено и протекание развития по сценарию **ta:zi:rʷa* → **ta:ziweya* → **ta:ziwa*). В гам следы C_3 отсутствуют. Это означает либо суффиксальное расширение старой биконсонантной основы на пра-АМК уровне, либо отпадение конечного согласного в гам (при условии исходной структуры $C_1VC_2VC_3$; такие основы в джебельских языках встречаются чрезвычайно редко, и судьба C_3 в гам в них непредсказуема). На общеджебельском уровне эту ситуацию следует отражать, записывая **(-rʷ)* в скобках.

V_1 и V_2 , на основании совпадения характеристик в сильно удаленных друг от друга кло и гам, следует восстанавливать как **a* и **o* ~ **u* соответственно. В ака первый гласный ассимилируется по признаку огубленности со вторым. Существенно отличается вокализм в шек и в мло; здесь, скорее всего, речь идет об упереднении гласного второго слога под влиянием палатальной аффрикаты (а в мло за этим следует ассимиляция вокализма первого слога).

Финально-условная реконструкция на праджебельском уровне, таким образом, имеет вид **mbaʒU(rʷ)*; дальнейшая коррекция отдельных ее составляющих может проводиться на уровне внешнего сравнения¹.

39) «камень»: (а) ака *pe:l-a*, мло *fela*, кло *bela*, шек *be:la* ~ *bela*; (б) гам *mì:d* [Bd.], *mítu* [Mn., Pr.], *mit* [Sg.], *mīḏ* [Str.]. || Bd.: АМК-В **pela*. Ср. силлок *pela*, малкан *fela*, торнаси *bela* id. в [Evans-Pritchard 1932: 12].

Для языков АМК характерна полисемия 'камень / гора'; только в гам эти значения разводятся по разным основам ('камень' = *mì:d*, 'гора' = *gá:m*). При этом АМК этимон очевидно тождествен

¹ Имеет смысл заранее взять на заметку возможность замены столь необычной формы, как **mbaʒU(rʷ)*, на типологически более естественную, но эксплицитно не подтверждаемую джебельским материалом **wariḏu(r)* (ср. выше реконструкцию **wariḏe* для пранубийского). Такое развитие отчасти объясняло бы и появление носового кластера в анлауте («метатеза назальности»), и нерегулярное соответствие переднеязычных согласных в инлауте (палатализация **jnd* → *ʒ* в одних диалектах и упрощение кластера → *d* в других). Тем не менее, принять эту альтернативную реконструкцию даже в качестве рабочей гипотезы можно только при выходе на внешний уровень сравнения, в рамках верификации восточносуданской гипотезы Дж. Гринберга.

соответствующей многозначной основе 'камень / гора' в берта (*bele* ~ *bele:*). Тот факт, что никаких аналогов этой основы в большом словаре гам обнаружить не удастся, скорее говорит в пользу контактного происхождения АМК **pela* (заимствование из берта), чем о генетическом родстве форм в АМК и берта — особенно сомнительно выглядит то обстоятельство, что гам, утратив старую основу, закрепил на месте одной многозначной основы две однозначные, возникшие «из ничего» (ареальное происхождение ни для *m̥i:d*, ни для *gá:t* не устанавливается).

Данный случай, таким образом, в дистрибуционном плане аналогичен ситуации с этимоном 'собака' (см. выше), и здесь обращает на себя внимание тот факт, что, при очевидном бинарном членении джебельских языков на АМК и гам, эксклюзивные изоглоссы в базисной лексике наблюдаются почти исключительно между берта и АМК, но не между берта и гам (за исключением весьма сомнительных слабых изоморфизмов типа 'яйцо', см. выше) — существенный аргумент в пользу их ареальной, а не генетической интерпретации. В силу этого, как и в случае с 'собакой', к внешнему сравнению следует в первую очередь привлекать гам *m̥i:d*, и лишь с серьезными оговорками — АМК **pela*. Отметим, что в гам конечный согласный может быть как частью корня, так и старым суффиксом (в последнем случае *m̥i:d* может быть и результатом развития из **miyi-di*); отсутствие параллелей в АМК не дает прояснить этот вопрос.

40) «солнце»: (а) ака *bi:di*, мло *b'i:di*, кло, шек *bi:di*; (б) гам *tél* [Bd.], *tel* [Mn., Pr., Sg.]. || Bd.: **bi:d-i*. Ср. силлок, малкан *bi:di*, торнаси *bi:ti* в [Evans-Pritchard 1932: 12].

Из возможных параллелей к АМК основе в гам можно отметить глагольный корень *b̥à:d* 'сиять, сверкать; зажигать', идеально соответствующий АМК **bi:d-i* в плане консонантизма, но не вокализма, т. к. гам *ə* обычно является аллофоном **a*; впрочем, для пра-АМК нельзя исключить возможность более или менее регулярной ассимиляции **bad-i* → **bid-i*. Гам *tél* 'солнце; бог' ни внутренней, ни внешней этимологии не имеет. К внешнему сравнению можно примерно на равных основаниях привлекать обе основы: АМК **bi:d-i* можно заподозрить в отглагольной производности, в гам же слово является семантически маркированным рели-

гиозным термином, почти не имеющим производных образований, т. е. вряд ли тянет на глубокий архаизм¹.

41) «хвост»: (а) ака *pər-i*, мло *fvr*, кло *pɔi*, шек *pvrɪ*; (б) гам *rùsù* [Bd.]. || Bd.: АМК-В **pOri*.

АМК **pori* (вариант **puri*, отраженный в мло и шек, похож на результат вокалической ассимиляции) несводимо к гам *rùsù*; оба слова с одинаковой вероятностью могут быть привлечены к внешнему сравнению. Также в целях внешнего сравнения стоит учесть общий АМК корень **kur-* или **kur^v-* 'penis' (ака *kvr-ε*, мло *kvr-ɔ*, кло *kvr-e* ~ *k^wi:y-ə*), сопоставимый со словами, означающими 'хвост', в разных других группах (ср., в частности, сурмийские формы).

42) «ты»: (а) ака, шек *ni*, мло *t*, кло *in*; (б) гам *ɒn* ~ *ò:n* [Bd.], *o:ne* [Sg.], *ɔ:n* [Str.]. || Bd.: ГАМК-В **u:n* ~ **in*.

Если местоименные корни 1-го л. в АМК и гам удастся свести к единому прототипу **a(y)-*, то для форм 2-го л. это исключено. В гам все виды основы 2-го л. неизменно демонстрируют губной гласный: (а) прямая основа **o(:)-ne* → *o(:)-n*; (б) суффикс объектного спряжения -*ɔ*; (в) префикс субъектного спряжения *u*=; (г) посессивные суффиксы -*u*:-*n* 'твой', -*u*:-*nógo* 'твои' [Bender 1989a: 160–161]. Посессивный префикс при словоформах, выражающих значение неотчуждаемой принадлежности (только в записях Стирца), также имеет вид *ɔ*= (ср. *ai-l-g* 'мой желудок', *ɔ:l-g* 'твой желудок' ← **a=il-g* и **ɔ=il-g* соответственно).

Напротив, все без исключения языки АМК показывают в местоименном корне 2-го л. ед. ч. передний гласный **i*. Независимые формы в материалах Бендера записаны по-разному: помимо приведенных выше вариантов из словарного описания [Bender

¹ Обращают на себя внимание нубийские параллели, отмеченные в [Sisto Verri 1955: 309]: мидоб *telli* 'Бог', кенузи-донголави *tir id.*; ср. также основное обозначение 'Бога' в древненубийских текстах — тлл-. Взаимоотношения между этими формами нетривиальны даже внутри нубийского: так, согласно К. Рилли, мидоб *telli* заимствовано из др.-нубийского источника [Rilly 2009: 193], а кенузи *tir* не является для тлл- регулярным соответствием. Если речь идет о каком-то «бродячем» культурном термине, ареальное происхождение его вполне вероятно и для гам (других очевидных культурных заимствований из нубийских источников в джебельских языках пока что не видно, но здесь речь может идти и о независимом заимствовании из третьего, неопознанного источника).

1997b], в грамматическом описании [Bender 1989a] обнаруживаются такие варианты, как кло *lɪ*, мло *lɪ* (с велярным ауслутом вместо переднеязычного). Субъектные префиксы в этих же языках имеют следующий вид: ака *ini*-, кло, мло *ɪɪ*-. Суффиксы объекта = ака *-ɛni*, мло *-in*. Если варианты эти не ошибочны, для независимой основы 2-го л. ед. ч. в АМК следует восстанавливать праформу **iy-ni*, с изменениями, в целом аналогичными тем, которые произошли с формой 1-го л. ед. ч. (однако, если **ay-ni* → ака **ay* → *e*, то **iy-ni* → ака *ini* с иным развитием консонантного сочетания, обусловленным различиями в вокалическом контексте).

Очень трудной для анализа является система посессивных суффиксов: ед. ч. ('твой') = ака *-nía*, кло *-ɛnía*, мло *-ɛɪa*; мн. ч. ('твои') = ака *-ia*, кло *-îè*, мло *-ɪa*. По-видимому, здесь налицо стяжение в единый комплекс от двух до трех грамматических морфем, т. е., например, возможен анализ ака *-nía* как **n* «ед. ч.» (ср. *-ia* для мн. ч.) + **i* «2-е л.» (ср. *-nía* для 1-го л.) + **a* «маркер посессивности», с различными фонетически и парадигматически обусловленными перестройками этой системы в других языках.

Таким образом, противопоставленными в конечном итоге оказываются морфемы **i(y)* в АМК и «губная» морфема в гам; при этом следует отметить, что в гам на самом деле представлены две морфемы — **o* в независимой местоименной основе и в объектном показателе и **u* в посессивной основе и в субъектном показателе. Учитывая, что морфемная оппозиция «прямая основа + маркер объекта / посессивная основа + маркер субъекта» характерна для многих языковых групп рассматриваемого ареала, у нас нет серьезных оснований пытаться на «ранне-гаамском» уровне свести **o* и **u* друг к другу как потенциальные алломорфы.

Для разрешения столь сложной ситуации (реконструкция двух основ 2-го л. ед. ч. на праджебельском уровне вполне оправдана, но три основы без ясного разграничения функций — очевидный перебор) можно предложить следующий сценарий. Местоименная парадигма для ед. и мн. ч. в гам устроена симметрично: *ā-n* 'я' : *ā:gan* 'мы', *ō-n* 'ты' : *ō:gɛn* 'вы', *ē-n* 'он' : *ē:gɛn* 'они'. Такая система легко может представлять собой результат аналогической перестройки из *ā-n* 'я', *ā:gan* 'мы', **ī-n* 'ты', **ō:gɛn* 'вы' — при этом архаичность губного гласного именно в форме 2-го л. мн. ч., но не 2-го л. ед. ч., доказывается формами в АМК (кло, мло *u*).

Дополнительным поводом для такой перестройки могла послужить фонетическая близость местоимений 2-го и 3-го л. в гам — ср., например, объектную форму *-i*: 'его', которая была бы полностью омонимичной «старой» объектной форме 2-го л.

Таким же образом посессивная основа **и* может быть результатом аналогического выравнивания под влиянием посессивной основы 2-го л. мн. ч. ('ваш' = *íyð*, 'ваши' = *ī:yáðð*, субъектный префикс = *ī:g(u)-*). Здесь, однако, ситуация уже не столь однозначна, т. к. все равно встает вопрос о морфемном различии двух основ — если не в единственном числе, то во множественном. К тому же, хотя это и предполагает «забегание вперед», здесь имеет смысл заранее обратить внимание на внешние данные — например, на сурмийскую реконструкцию, в которой надежно постулируется прямая основа 2-го л. **I* и косвенно-посессивная **U* (см. выше). Данные по джебельским языкам хорошо согласуются именно с такой интерпретацией: две основы в праязыке с универсализацией первой из них в АМК и второй (+ дополнительное выравнивание парадигмы по формам мн. ч.) в гам.

В любом случае лексикостатистическую значимость здесь имеет исключительно основа **i(y)*; реконструируемую с несколько меньшей уверенностью основу **и* можно привлекать к внешнему сравнению как дополнительный аргумент. Гам *ðn* ~ *ð:n* из рассмотрения исключается.

43) «язык»: ака *kala*, мло, кло, шек *kāla*, гам *kólá-d* [Bd.], *k^halgattu* [Mn.], *ka:lat* [Sg.], *kālā:-ð* [Str.]. || Bd.: GAMK-B **kala-d*. Ср. силлок, малкан *kūla*, торнаси *un=kūla* в [Evans-Pritchard 1932: 12].

Исходная парадигма этого слова, вероятно, сохраняется в ака: ед. ч. *kala* (основа структуры CVCV в чистом виде) : мн. ч. *kala-ti* (ср. *vdu* 'рот', мн. ч. *vdu-ti* и др.). В кло, согласно данным Бендера, форма ед. ч. не отличается от мн. ч., а в гам основа на **-di*, напротив, обобщилась на ед. ч. с формированием нового плюралиса (*kólát-g*). Странная форма *k^halgattu* в записи Марно, возможно, является метатезированным вариантом формы мн. ч. (**kala-d-gu* → **kalgaddu*); во всяком случае, пытаться на ее основании реконструировать для ранне-гаамского и тем более праджебельского уровня срединный консонантный кластер было бы рискованно.

В целом, за исключением нестандартного поведения грамматических морфем, рефлексy основы регулярны для всех джебель-

ских языков, и корень **kala* надежно восстанавливается на прауровне; это не дает возможности рассматривать какую-либо из перечисленных форм как заимствование из берта, где представлена фонетически сходная лексема *hala* ~ *hale* (заимствование в ту или иную сторону на праязыковом уровне исключить пока нельзя, но это уже задача следующего этапа)¹.

44) «зуб»: ака *ji:-ɕe*, мн. ч. *ji:-ði*, мло *ji-su*, мн. ч. *ji-di*, кло *ji:-di*, шек *ji-di*, гам *ji:d* [Bd.], *jigitu* [Mn.], мн. ч. *niet* [Sg.], *ji:t* [Str.]. || Bd.: ГАМК-В **ji-di*.

Ключевой здесь является форма *jigi-tu* в старой записи Марно, однозначно указывающая на исходную основу **jigi* с последующим ослаблением и выпадением звонкого велярного во всех языках. Отдельное затруднение связано с тем, что выпадение это имело место во *всех* языках АМК, включая ака, где обычно **-g*-стабилен: ср. минимальную пару с **sigi* 'ухо' (один и тот же рефлекс в кло — *si:-di*, *ji:-di*, но разные в ака и мло). Возможно, это как-то связано с тем фактом, что во всех языках АМК эта основа встречается только в сочетании с суффиксами ед. и мн. ч.; если они, например, оттягивают на себя ударение, это может дополнительно способствовать стяжению чистой основы в однослог.

В любом случае, учитывая *однозначность* реконструкции **jigi-d(i)* для ранне-гаамского уровня и общую тенденцию к выпадению *-g-* в языках АМК, формы можно считать фонетически совместимыми; для прояснения ситуации в ака нужны дополнительные данные.

45) «дерево»: (а) ака, шек *kəɕa*, мло *kəsa*, кло *kəza*; (б) гам *gūldū* [Bd.], *guldu* [Mn.], *gulda* [Sg.], *wuldu* [Pr.], *gūldū* [Str.]. || Bd.: АМК-В **kaɕa*. Ср. силлок *ka:i:ɕa*, малкан *kusa*, торнаси *ka:i:ša* в [Evans-Pritchard 1932: 12].

Данные Бендера по АМК однозначно указывают на праформу **kəɕa*, но любопытно отметить, что в записях Эванс-Притчарда корневой гласный и в силлок, и в торнаси отчетливо записывается не просто как дифтонг, а как *долгий* дифтонг, что можно интерпретировать как стяжение из более раннего варианта вида **kauiɕa* (вокализм, разумеется, приблизителен). Это обстоятельство име-

¹ Наличие в этой берта основе начального ларингального *h-* не должно удивлять, т. к. взрывной *k* в фонологической системе берта отсутствует (по крайней мере, в «старых» словах); ср. выше 'яйцо'.

ет смысл хотя бы условно отразить в пра-АМК реконструкции, записывая ее, например, в виде **ka(y)ṣa*.

Никаких следов такой основы в гам не обнаруживается; здесь вместо нее представлен довольно загадочный эквивалент *guldu*, почему-то к тому же фигурирующий иногда в старых записях с начальным *w-* (соответствие уникально). Л. Бендер отмечает сходство с берта *ṅgole*, но ввиду того, что велярный носовой *ŋ-* в гам сохраняется, а появление срединного кластера остается необъяснимым, сходство это никак нельзя трактовать как относительно недавнее заимствование в гам из берта. Таким образом, *guldu* остается возможным кандидатом на праджебельский статус, хотя и несколько более сомнительным, чем **ka(y)ṣa* ввиду странных рефлексов по диалектам.

46) «два»: ака *wa:si*, мло *кло wa:di*, шек *wadi*; (б) гам *dág* [Bd.], *diag* [Mn.], *diák* [Pr.], *dak* [Sg.]. || Bd.: АМК-В **wa:di* ~ **wa:si*. Ср. силлок *wa:si*, малкан *wa:ti*, торнаси *wa:di* в [Evans-Pritchard 1932: 12].

Внутренняя реконструкция в АМК проблематична. Для всех языков этой ветви характерна оформленность первых трех числительных именным суффиксом **-di*: ср. выше 'один', а также '3': ака, шек *e:-de*, мло *x:-da*, кло *x:-da* (редкий, но неоспоримый случай прогрессивной вместо регрессивной ассимиляции в мло, сохраняющем исконный губной вокализм). Однако в ака вместо ожидаемого рефлекса **wa:di* неожиданно обнаруживается *wa:si*. Наблюдаемое соответствие не совпадает с тем, на основании которого реконструируется пра-АМК **z* (см. 'рог'), и естественнее всего было бы трактовать его как результат упрощения уникального кластера на стыке морфем, т. е. пра-АМК **waC-di* → *wa:-si* ~ *wa:-di*. На месте *C* при этом должен был быть такой согласный, который способствовал спирализации смычного в ака, т. е. скорее всего **s* или **y*.

Принципиально отличный от АМК корень обнаруживается в гам: основа *dág* необычна не только своим начальным согласным (единственный пример *d-* в 100-словном списке, хотя, судя по общему составу словаря, вероятность исконности *d-* в целом ряде гаамских корней довольно высока), но и морфологической структурой: прочие числительные в гам либо оканчиваются на суффикс *-tán* ('1', '5'), либо имеют единую структуру (C)VCV (*ǰǰ* '3', *yǰǰ* '4'), либо уже являются составными (от 6 и выше). Само по себе это обстоятельство, разумеется, не может быть интерпрети-

ровано как доказательство вторичности числительного '2' в гам. Однако возможны следующие дополнительные аргументы:

— допустимый ареальный характер основы, ср. удивительное сходство с соответствующими формами в «дизоидной» ветви омотской семьи, географически не сильно удаленной от района распространения джебельских языков: дизи, шеко *ta:gn* [Bender 2003: 219] (притом что «дизоидная» 'двойка' также не имеет общеомотской этимологии);

— наличие в гам лексемы *wāi*, мн. ч. *wāi-g* 'близнец', фонетически соответствующей варианту АМК реконструкции **way-* '2'; если этимология справедлива, семантическое развитие однозначно определяется как '2' → 'близнец(ы)', а не наоборот, и АМК основа автоматически становится оптимальным кандидатом на архайчный статус.

Таким образом, полностью списывать со счетов гам *dág* было бы преждевременно, но к внешнему сравнению его стоит привлекать лишь во вторую очередь. Отметим заодно, что (а) ауслаутный -g может быть как частью корня, так и старым показателем мн. ч.; (б) формы в старых источниках намекают на возможность развития из **di(y)ag*, но это единственный пример, в котором «новому» *q-* соответствует «старое» *di-*, и понять, случайна эта корреляция или закономерна, нет никакой возможности.

47) «вода»: (а) ака *ɕi*, мло *si*; (б) кло *kiʔi*, шек *ki*; (в) гам *fɛ-g* [Bd.], *fɛ-ko* [Mn.], *fa-ku* [Pr.], *fɪ-k* [Sg.]. || Bd.: АМК-В **ɕi*: ~ **ki*. Ср. силлок *ɕi*, малкан *si*, торнаси *siki* в [Evans-Pritchard 1932: 12].

Реконструкция на уровне АМК сталкивается с существенными трудностями. Данные Эванс-Притчарда по трем основным языкам согласуются с данными Бендера по ака и мло, свидетельствуя в пользу пра-АМК **ɕi*, причем торнаси *si-ki* расширено за счет именного суффикса, обычного для АМК. Однако в кло и шек у Бендера (= торнаси Эванс-Притчарда) на месте аффрикаты неожиданно обнаруживается велярный согласный. Чисто умозрительно можно было бы предположить палатализацию в ака и мло, но других примеров такой палатализации в АМК не обнаружено — напротив, существует большое количество примеров вполне успешного сохранения старых велярных перед передними гласными (ср. выше 'сухой' и др.).

Все сводится к тому, что в пра-АМК реконструировать следует анлаутную аффрикату, но ни одного способа аргументированно объяснить механизм ее развития в *k-* в кло-шек не существует. По-видимому, группу форм (б) все же следует рассматривать как отдельную инновацию, которую, возможно, в будущем удастся этимологизировать при условии появления новых данных.

Форму *fɛ-g* в гам Бендер анализирует как собирательное множественное число, т. е. корнем в ней является *fɛ-* ← **pe-*. Помимо этого, в словаре приводится также «синоним» *wā*: ‘вода, водоем’, скорее всего, тождественный старому *wan* [Mn.] ‘источник’, т. е. не обладающий лексикостатистической значимостью. К внешнему сравнению, таким образом, можно на равных основаниях привлечь АМК **ɕi* и «пра-гаам» **pe-*.

48) «мы»: ака *ɛ:gi*, мло *ɔu*, кло *ɔu*, шек *i:ze*, гам *āgā-n* [Bd.], *āgá* [Str.], *aga-n* [Sg.]. || Bd.: GAMK-B **(g)a*.

Можно с достаточной уверенностью утверждать, что корневая морфема в формах праджебельского местоимения 1-го л. мн. ч. совпадала с соответствующей морфемой ед. ч.; однако реконструировать детали ее оформления в составе конкретных словоформ довольно трудно. На «ранне-гаамском» уровне прямая основа восстанавливается в виде **agan*; сопоставление с формами 2-го л. мн. ч. (*ogɔn* [Bd.], *ogan* [Sg.] ← **ogan*) показывает, что наиболее вероятный морфологический анализ — основа 1-го л. **a* + показатель мн. ч. **ga* + маркер прямой основы **n* (возможно, ← **ne* с ранней редукцией, ср. **a-ne* ‘я’, **o-ne* ‘ты’). Эта же составная форма, но без маркера прямой основы обнаруживается и в приглагольном показателе объекта (*-āgə*), и в субъектном показателе *ā:g(a)-*.

Отметим, что с точки зрения «обычных» фонетических соответствий все эти формы нерегулярны: интервокальный **-g-* в современных диалектах гам должен выпадать (ср. выше ‘волосы’, ‘дым’ и др.). Сохранение его в данных местоимениях могло быть вызвано желанием устранить омонимию (в противном случае местоимения ед. и мн. ч. бы просто совпали), но более понятной причиной был бы «сильный» (например, геминированный) характер артикуляции этого согласного, т. е. **aggan*, **oggan*, что, в свою очередь, хорошо согласуется с реконструкцией исходной корневой морфемы как **ay-*: **ay-ga-n* → **aggan* с ассимиляцией и т. д.

Важно обратить внимание и на то, что в посессивной суффиксальной форме *-áʉð* 'наш' на месте велярного взрывного *-g-* неожиданно обнаруживается глайд *-y-*. Предполагать здесь развитие **-g- → -y-* нереально, т. к. оно не имеет места в аналогичных фонетических контекстах в других местоименных основах. Видимо, старый посессив в гам образуется от чистого корня, т. е. **ay-* + **-a* (отдельная морфема мн. ч.?) → **-aya* → *-əʉə* (но ср. уже в записях Б. Зелигман посессивные суффиксы *-ögep* 'наш', *-u:guin* 'ваш', с явными следами аналогического выравнивания).

Таким образом, функцию местоимения 1-го л. мн. ч. в зависимости от конкретной (морфо)синтаксической роли в гам могла иметь как простая морфема **ay*, так и сложная **ay-g(a)-*.

Праждебельский характер этой вариации становится ясным при сопоставлении ее с данными АМК. Здесь прямая основа сама по себе может выражаться простой морфемой (кло *əʉ*, мло *ʉ* ← **ay*), а может и сопровождаться велярным маркером: ака *ɛ:gi*, шек *i:ze* (последняя форма не вполне понятна, но в принципе может быть непротиворечивым образом выведена из **ay-ge*).

Любопытная аналогическая перестройка системы, чрезвычайно запутавшая межъязыковые соответствия, по-видимому, имела место в ака, где местоименная парадигма мн. ч. имеет следующий вид (формы цитируются в слегка отличающейся транскрипции в [Bender 1989a: 60]): *éǵé ~ ɛ:gi* 'мы', *éǵú ~ ɛ:gi* 'вы', *èǵè* 'они'. Синхронный анализ показывает, что смысловоразличительная роль здесь возложена на ауслаутный гласный вкупе с его тональной характеристикой (*-é ~ -í : -ú : -è*), но это противоречит как исторически-сопоставительным, так и ареально-типологическим данным, которые требуют постановки основной местоименной морфемы в начальную, а не конечную позицию.

Сопоставление с соответствующими местоимениями в гам (*agan* 'мы', *ogɛp* 'вы', *egep* 'они') позволяет восстановить следующий ход развития: а) исходная система **ay-ga*, **u-gi*, **e-ge*, в которой гласный служебной морфемы **-gV* уподобляется гласному местоименного корня; б) стяжение дифтонгического сочетания в форме 1-го л. мн. ч. с последующей ассимиляцией, в результате чего система в ака начинает иметь вид **e-ge*, **u-gi*, **e-ge*; в) переосмысление начального гласного *e-* в формах 1-го и 3-го л. как общего местоименного показателя и вытекающее из этого аналогическое пре-

образование **u-gi* → *e-gi*. Однако при этом старое противопоставление местоименных гласных в позиции перед *-g-* еще сохраняется в посессивных суффиксах: *-n-ágò* 'наш', *-n-úgò* 'ваш'.

Резюмируя все вышесказанное, форму 1-го л. мн. ч. для пра-джебельского уровня имеет смысл записывать в виде **ay(-ga)*, подчеркивая тем самым не только ее этимологическую общность с морфемой 1-го л. ед. ч., но и возможность хотя бы в отдельных функциях (посессивной и т. п.) полного сегментного совпадения с этой морфемой.

49) «что»: ака *ĩjĩ*, мн. ч. *jùgɛ* ~ *ʔigɛ*, мло *ɲi* ~ *ʃi=ɲi* ~ *si=ɲi*, кло *jĩ*, мн. ч. *jani*, шек *jine*, гам *jí* [Bd.]. || Bd.: GAMK-B **jĩ*.

Общим инвариантом для подавляющего большинства перечисленных форм действительно является морфема **jĩ*; конкретные словоформы могут расширяться (при необходимости) за счет показателей мн. ч. (как в ака *jù-gɛ*), предикативных морфем (гам *jĩ-n* в [Bender 1989a] переводится просто как 'что?', но в [Bender, Ауге 1980] трактуется как предикативная форма 'что случилось?', 'в чем дело?' и т. п.) и, возможно, каких-то пока неопознанных эмфатических или прочих частиц.

Неожиданное появление в мло велярного носового вместо палатального вряд ли отражает архаичную артикуляцию; скорее всего, это либо результат диссимиляции перед передним гласным, либо неточность в записи (отметим, что в более раннем источнике [Bender 1989a] эти же формы записаны как *ni* ~ *si=ni*).

50) «кто»: (а) ака *ɲa*, мн. ч. *ɲa:-ga*, кло *na=ɲai*, мн. ч. *ka=ɲai*, шек *ɲai*, гам *ɲóná* [Bd.]; (б) мло *i-ni*, мн. ч. *ik'u*. || Bd.: GAK-B **ɲa(i)*.

Здесь общим инвариантом является основа **ɲa*, в наиболее чистом виде сохранившаяся в форме ед. ч. в ака. Сливающаяся с ней морфема *-i* в кло-шек может быть отождествлена с указательной основой *i* 'тог' (в ака и кло). В гам **ɲa* встречается только в сочетании с морфемой *-na*, возможно, совпадающей с относительным местоимением *ná* 'который'.

Отдельно следует рассматривать вопросительные формы в мло: здесь в качестве корневой морфемы, после отсечения формантов числа *-ni/-ku*, выступает моновокалическая основа *i-*, невыводимая из **ɲa*. Поскольку вопросительных морфем такого рода ни в одном джебельском языке более не наблюдается, допустимо отождествить ее все с тем же указательным *-i* в шек *ɲa-i*, с «усеченным» развитием из **ɲa-i-ni* / **ɲa-i-ku*, т. е. «интеррогативизацию»

дейктического компонента, как это происходит и в целом ряде других языков Африки. В лексикостатистическом плане это будет транслироваться в отдельный индекс когнации для мло (т. к. это единственный джебельский язык, в котором *i* берет на себя функцию основной вопросительной морфемы).

3.5. Группа ныманг.

3.5.1. *Общие сведения и источники.* К этой «мини-группе» относятся всего два языка, так что в некоторых работах она фигурирует под названием «ныманг-диник». Из них относительно крупным и несколько более подробно описанным является собственно *ныманг* [ньи] (70,000 носителей по данным на 1982 г.), локализованный в северном Кордофанае в районе горного массива Джебель Ньима; альтернативное название — *ама* (= ньи *ата* 'люди'). Очевидным и неоспоримым близким родственником ныманг является *диник* [дин] (не следует смешивать с названием нилотского языка *динка*), старое название — *афитти* (судя по данным Стивенсона, «диник» — более удачный термин, т. к. он подразумевает всех носителей этого языка, в то время как «афитти» — лишь одно из клановых имен, хотя и принадлежащее крупнейшему из кланов). Согласно примерной оценке Стивенсона, носителей диник по состоянию на 1984 г. насчитывалось примерно 4,000 человек.

В географическом плане ныманг и диник располагаются недалеко друг от друга, но, по-видимому, не имеют тесных взаимных контактов, т. к. проживают вперемешку с носителями различных горно-нубийских языков. Еще К. Майнгоф отмечал, что носители ныманг сами называют свой язык нубийским; это отражает сильное культурное и языковое влияние на них со стороны нубийского (проявляющееся в том числе и в виде многочисленных лексических заимствований), однако и грамматика, и базисная лексика ныманг-диник однозначно свидетельствуют в пользу отдельной языковой группы, которая, если и связана с нубийскими языками генетическим родством, то только на более высоком уровне (например, в рамках восточносуданской семьи).

Первые и чрезвычайно краткие сведения по языку ныманг (список примерно из 40 слов без каких-либо грамматических дан-

ных) были собраны К. Майнгофом и опубликованы им в обзорной работе по языкам Судана [Meinhof 1916: 334–335]. Язык афитти (диник) впервые упоминается несколько позже, в статьях [Kauczor, Drexel 1930] и [Kauczor 1923] (первая — краткое фонетическое и грамматическое описание, вторая — текст с переводом, но без словаря). Сопоставительный лексический список, показывающий очевидную близость обоих языков друг к другу, дается в обзорной работе по языкам гор Нуба [MacDiarmid, MacDiarmid 1931], хотя и включает лишь 19 сопоставлений.

На основании столь скудных данных место языков ньяманг среди прочих семей суданского ареала определить было бы, скорее всего, невозможно. К счастью, как сам ньяманг, так и диник-афитти в свое время попали в поле зрения Р. Стивенсона, собравшего большой материал по многим языкам гор Нуба. При жизни ученого материал этот был опубликован лишь частично, сначала в рамках обзорного диссертационного исследования (небольшое грамматическое описание ньяманг с привлечением отдельных компаративных данных по диник: [Stevenson 1957: 171–183]; эти же данные позже воспроизведены в обзорной работе [Tucker, Bryan 1966: 243–252]), затем в отдельных статьях, посвященных конкретным вопросам синхронной и исторической морфологии описываемых языков ([Stevenson 1981]; работа по морфологии глагола [Stevenson et al. 1992] вышла уже посмертно).

Главным доступным источником лексических данных по ньяманг, тем не менее, являются словарные списки, собранные Стивенсоном и опубликованные почти через десять лет после его кончины Л. Бендером (в библиографии цитируются как [Stevenson 2000]). В списках содержится около 550 слов для ньяманг и несколько меньшее количество для диник, причем информации вполне достаточно для составления более или менее полного списка Сводеша по обоим языкам, хотя, разумеется, оба лексикона все же достаточно скудны для того, чтобы проводить на их основе полноценное этимологическое исследование.

Л. Бендер в предисловии и послесловии к спискам Стивенсона упоминает также о существовании большой (180 страниц) грамматики ньяманг (того же автора), которую сам Бендер не успел подготовить к печати, и о 150-словном списке ньяманг, собранном Р. Телваллом в 1980 г. и также остающемся неопубли-

кованным (впрочем, судя по замечаниям Бендера, различия в списках Стивенсона и Телвалла не очень значительны). Совсем недавно к этим данным добавились также результаты полевых исследований К. Рильи (с 2004 по 2008 гг.), опубликованные им лишь частично, в рамках предпринятой им лексической реконструкции прасеверо-восточносуданского языка [Rilly 2009]. Полевыми исследованиями по диник занимается также А. де Фогт, опубликовавший краткий фонологический очерк этого языка с небольшим количеством иллюстрирующего материала [Voogt 2009].

3.5.2. *Историческая характеристика.* Серьезных сопоставительных исследований по языкам ньиманг до сих пор не предпринималось — в первую очередь в связи с нехваткой материала. Единственная известная нам попытка реконструкции фонологической системы для праньиманг принадлежит К. Рильи [Rilly 2009: 291–295], который выводит следующий общий консонантный инвентарь для ньиманг и диник:

	*t̥	*t	*k
*b	*d̥	*d	*g
*f		*s	
*w		*l	
		*r	
*m		*n	*ɲ

Систему вокализма Рильи реконструирует как стандартную пятичленную, оставляя открытыми вопросы о дополнительном противопоставлении по +/-ATR для вокалических пар *e : *ɛ, *o : *ɔ, а также о фонологическом статусе оппозиции по количеству.

Р. Стивенсон в основном уделял внимание фонологии ньиманг; детализированная и современная информация по диник стала доступной только благодаря исследованиям де Фогта [Voogt 2009]. Согласно его наблюдениям, ни оппозиция по +/-ATR, ни, что еще более важно, противопоставление дентальных и альвеолярных смычных для этого языка не являются фонологическими; для дентальных и альвеолярных де Фогт постулирует свободную вариацию. Тем не менее, исходя из следующего наблюдения де Фогта: «the dental variant appears with some speakers if they wish to stress or emphasize the consonant that is being pronounced» (с. 41),

можно предположить, что такая оппозиция в диник все же существовала, но к настоящему моменту утратилась или находится в состоянии отмирания; поэтому полностью игнорировать нотацію Стивенсона, который все же противопоставляет эти два типа согласных в диник, было бы неразумно, хотя, конечно, в первую очередь эта оппозиция должна проецироваться на прауровень, исходя из данных по ньиманг. Отметим, что в сравнительных материалах Стивенсона все же наблюдается тенденция к однозначности соответствий (т. е. ньиманг *t*, *d* = диник *t*, *d*; ньиманг *t̥*, *d̥* = диник *t̥*, *d̥*), хотя встречаются и исключения.

Из таблицы в целом видно, что в типологическом плане фонология ньиманг вполне укладывается в стандартную «сахарско-суданскую» модель (от 4 до 5 рядов по месту образования, противопоставление по глухости/звонкости как основополагающее для взрывных согласных, фрикативный *f* на месте взрывного *p* и т. п.). Серьезных общих претензий к реконструкции Рилы не возникает; отдельные спорные моменты будут обсуждаться ниже, в ходе разбора конкретных этимологий.

3.5.3. *Лексикостатистика*. 100-словные списки по обоим языкам были составлены по данным Стивенсона, опубликованным Бендером [Stevenson 2000]. Результаты подсчетов показывают 58% схождений между ньи и дин с вычетом очевидных заимствований, что соответствует дате распада в VIII в. до н. э. — примерно то же время, что и распад нубийской группы (что может косвенно свидетельствовать о единой миграционной волне, захватившей в тот период район гор Нуба).

50-словный список для языков ньиманг.

1) «пепел»: ньи *finàn* [St.], *finān* [CR], дин *fjín* [St., CR]. || Bd.: *fiNVn; CR: *finan.

Реконструкция Рилы, по-видимому, оптимальна; форма в дин выводится из нее как результат вокалической ассимиляции (→ *finin) и последующей палатализации носового в соседстве с передними гласными. Общая структура формы заставляет считать элемент *-an суффиксальным компонентом, хотя по данным Стивенсона наглядно вычленить соответствующий суффикс на материале других примеров невозможно. По крайней мере, это

заведомо не показатель мн. ч. (которое в ньиманг-диник обычно выражается веларными суффиксами).

2) «птица»: ньи *wór* [St.], *wór* [CR], дин *órdō* [St.], *órdō* [CR]. || Bd.: **(w)or(d)-*; CR: **wórdù*.

Праньимангский корень имеет вид **or* (или **or*): судя по данным Стивенсона, глайд *w-* более или менее автоматически прикрывает все случаи губно-вокалического анлаута в ньи и, таким образом, нефонологичен в этой позиции. В отличие от Рильи и Бендера, мы будем по возможности воздерживаться от вывода на фонологический уровень праньимангского языка сомнительных сегментов **wo*, **wi*; даже поверхностный анализ данных Стивенсона показывает, что, как и в расположенных по соседству горно-нубийских языках, их в большинстве случаев можно объяснить как результат вторичной дифтонгизации.

По мнению Рильи, рассматриваемая основа на праньиманг уровне была двусложной, в ньи же имело место переразложение: **wórdù* → **wór* + **dù* (*dù* = показатель определенности, ср. у Стивенсона: *widɛŋ* 'мальчик', *widɛŋ-dù* 'этот (конкретный) мальчик'). Такой анализ на первый взгляд выгоден для внешнего сравнения, т. к. теснее сближает основу с нубийским **ka-wer-ti* 'птица' и другими вост.-суданскими параллелями [Rilly 2009: 491], однако реконструкция неразложимой на праньиманг уровне основы **wórdù* все равно не устраняет необходимости отсекал формант *dù* как суффиксальный на более глубоких уровнях.

Учитывая, что попадают и другие примеры с более или менее аналогичной морфологической вариацией в ауслауте (например, ньи *kwèni* 'нож' = дин *k(w)ón-dù* id. [St.]), идею переразложения в ньи все же следует отвергнуть, а за чистую основу на прауровне принимать морфему **ór-*.

3) «черный»: ньи *ṭɛ=bìd* [St.], *ṭɛ=bìd* [CR], дин *ṭi=bìà* [St.], *ṭi=bìà* [CR]. || Bd.: **ṭVbi-*; CR: **te=bìV*.

В этом адъективном образовании уже в работах Р. Стивенсона [1957, 1981] был выделен продуктивный дентальный префикс, обнаруживаемый и в других цветообозначениях, ср. ньи *ṭɛ=gìl-ē* 'красный' (но дин *gìlā* id.), ньи *ṭā=bár* 'белый', дин *ṭā=bārā* id. [St.]. Отделяя ауслаутный гласный как скорее всего суффиксальный (вариация *-o* ~ *-a* в ньи-дин не имеет фонетического объяснения), исходный корень определяем в виде **=bì-*.

4) «кровь»: ньи *wílì* ~ *wúlì* [St.], *wílí* ~ *wílí* [CR], дин *ólè* [St., CR]. || Bd.: **(w)ul-*; CR: **wule*.

Многочисленные вокалические колебания в рефлексах основы вызваны естественной для многих языков нубийско-кордофанского ареала переогласовкой корня под влиянием суффиксального гласного. Все они более или менее удовлетворительно объясняются исходя из реконструкции Рилы, убрав из нее нефонологичный *w-*: **ule* → дин *ole* с уподоблением гласному суффикса, → **uli* → ньи *wílì* с двойной ассимиляцией (здесь сначала суффикс уподобляется гласному корня, после чего корневого гласный дифтонгизируется под влиянием суффикса; альтернативное решение — постулировать морфологическую вариацию уже на пранымангском уровне, но существенных противоречий первому варианту, кроме неэкономного постулирования двойной ассимиляции, здесь нет).

5) «кость»: ньи *ám(b)í* [St.], *ámí* [CR], дин *á:má* [St.], *ámá* [CR]. || Bd.: **am-*; CR: **amV*.

Реконструкция корня в виде **am-* однозначна; колебания в ауслаутном вокализме явно носят морфологический характер.

6) «ноготь»: ньи *fálè* [St.], *fàlì* [CR], дин *fálà* [St.], *fálá* [CR]. || Bd., CR: **fal-*.

Реконструкция однозначна, за исключением морфологически обусловленных колебаний в ауслаутном вокализме (ср. предыдущий случай).

7) «умирать»: ньи *lw-è* (имперф.), *lū-à* (перф.) [St.], *lū* ~ *luì* (имперф.), *lūā* (перф.) [CR], дин *lú-è* [St.], *lō* [CR]. || Bd.: **lú-È*, CR: **lō* / **luε*.

Корневая морфема в этом глаголе — **lu-*, конкретные основы — **lu-e* (имперф.), **lu-a* (перф.), по-видимому, с дальнейшим стяжением **lu-a* → *lō* в дин (хотя это развитие нуждается в дополнительном обосновании).

8) «собака»: (а) ньи *gíl* [St.], *gíl* [CR]; (б) дин *wúl* ~ *wíl* [St.], *wúl* [CR]. || Bd.: **gíl*.

Сложный случай. Фонетическое сходство между формами очевидно, но фонетическое соответствие «ньи *g-* : дин *w-*» на материалах Стивенсона и Рилы установить невозможно: во всех остальных (хотя и немногочисленных) известных случаях ньи *g-* = дин *g-* (ср.: ньи *tɛ=gíl-è* 'красный' = дин *gílà*; ньи *gèl-* 'мыть' = дин *gèl-*).

Сам Бендер восстанавливает праформу **gil* под вопросом, а К. Рильи предполагает возможность заимствования формы в дин из нубийского источника. Последнее, однако, маловероятно, т. к. нубийско-диник контакты ограничены горно-нубийской ветвью, в которой пранубийская основа **bəl- ~ *wəl-* однозначно представлена вариантом с *b-* (горн. **bəl*); необходимые для убедительного обоснования такого заимствования контакты между дин и нильско-нубийскими языками неизвестны.

Этимологическая связь между этими формами невозможна ни через реконструкцию **gil*, ни через **wil*, ни даже через **gwil*, поскольку начальные лабиовелярные в ньи не упрощаются перед передними гласными (ср. *kwélèŋ* 'муха', *gwóŋè* 'старый' и др.), не говоря уже об их вероятной вторичности (как результат дифтонгизации губных гласных под влиянием передних гласных второго слога). Единственный вариант — допустить для данного случая грубую консонантную нерегулярность или реконструировать уникальную фонему (например, звонкий спирант **ɣ-*), однако это идет вразрез с общей методологией исследования.

По-видимому, правильным выходом из ситуации на данном этапе будет *разделение* ньи и дин лексем на внутриньямангском уровне, без определения их как заимствований (но с допущением того, что и дин, и ньи формы в принципе могут иметь ареальное происхождение; для дин ср., в частности, параллели в западно-сахарских языках, сами по себе имеющие многочисленные ареальные корреляции, см. выше) и с возможностью привлечения к внешнему сравнению как «*g*-варианта», так и «*w*-варианта» (только внешнее сравнение поможет определить, какой из них все же является первичным).

9) «пить»: (а) ньи *lì* (имперф.), *ɬw=il* (перф.) [St.], *lû* [CR]; (б) дин *dâi* [St.], *ɖai*, (императив) *ɖai* [CR].

Несмотря на фонетическое сходство (моноконсонантные основы, начинающиеся на переднеязычный согласный), соответствие «ньи *l-* : дин *d-*» уникально — во всех остальных случаях ньи *l-* соответствует дин *l-* (ср. выше 'умирать', а также ньи *lèu* [St.] 'готовить (пищу)' = дин *lávè* и др.). Неясным остается и вокалическое соответствие в основе; оно ожидалось бы более прямолинейным, ср. ньи *mâi* 'знать' [St.] = дин *mâi* id. Остается только присоединиться к позиции Бендера и Рильи, не предлагающих для этих форм

единой реконструкции, и привлекать их к внешнему сравнению по отдельности.

Особая основа перфектива в ныи, как видно из дифтонгизации гласного, отражает более древний вариант $*_{\text{t}}u=li-$ (он до сих пор сохраняется в мандальском диалекте, ср. $\text{t}\ddot{u}=li$ [CR]), где $\text{t}(u)=$ — продуктивный префикс, часто обнаруживаемый в ныи (но не в дин).

10) «сухой»: ныи $\bar{a}=f\ddot{o}r$ [St.], $\bar{a}=^?f\ddot{o}r$ [CR], дин $\bar{f}\ddot{o}r\acute{a}-\bar{f}\ddot{o}r\grave{a}$ [St.], $\bar{f}\ddot{o}r\acute{a}-\bar{f}\ddot{o}r\grave{a}$ [CR]. || Bd.: $*far-$; CR: $*f\ddot{o}r-$.

В ныи налицо адъективное образование от, вероятно, изначально глагольного корня с помощью продуктивного префикса $a=$ (ср. также вариант $k\bar{a}=^?f\ddot{o}r$ [CR] в мандальском диалекте, отражающий другой префикс); в дин представлена редкая словообразовательная модель с редупликацией. В плане вокализма убедительного предпочтения нельзя отдать ни варианту реконструкции Бендера, ни варианту Рилы, но вокалическое соответствие рекуррентно (ср. ныи $s\ddot{o}m$ 'змея' [St.] = дин $s\ddot{o}m$ id.) и чаще всего наблюдается в соседстве с губными согласными, так что на предварительном этапе можно остановиться на варианте Бендера $*far-$.

11) «ухо»: ныи $j\ddot{o}g\grave{o}r \sim j\ddot{o}w\grave{o}r$ [St.], $j\ddot{o}g\ddot{o}r$ [CR], дин $j\ddot{o}r\ddot{w}\grave{a} \sim j\ddot{e}r\ddot{w}\grave{a}$ [St.], $j\ddot{o}r\ddot{w}\grave{a}$ [CR]. || Bd.: $*j\ddot{o}g\ddot{o}r$; CR: $*j\ddot{o}g\ddot{o}r-$.

Реконструкция Рилы справедлива, однако попытка объяснить $-w-$ в дин через метатезу срединного согласного ($*j\ddot{o}g\ddot{o}r- \rightarrow *j\ddot{o}w\ddot{o}r- \rightarrow *j\ddot{o}r\ddot{w}-$) не очень успешна: для этого необходимо установить в дин регулярность или хотя бы общую тенденцию к сокращению трехсложных структур CVCVCV (= $*j\ddot{o}g\ddot{o}r-a \sim *j\ddot{o}w\ddot{o}r-a$) в CVCCV (= $*j\ddot{o}r\ddot{w}a$), чего вроде бы не наблюдается. Скорее следовало бы предполагать $*j\ddot{o}g\ddot{o}r-a \rightarrow *j\ddot{o}w\ddot{o}r-a$ (ослабление и ассимиляция $*-g-$ под влиянием окружающих губных гласных; в обычном случае интервокальный $*-g-$ в дин сохраняется) $\rightarrow *j\ddot{o}r-a$ (стяжение последовательности $-\ddot{w}\ddot{o}-$ в трехсложной основе) $\rightarrow j\ddot{o}r-(w)a$ (вторичное распространение огубленности на последний слог, точно так же, как в основе $\bar{f}\ddot{o}r\ddot{w}\grave{a}$ 'заяц' [St.] = ныи $\bar{f}\ddot{o}r\acute{a}$ id.).

12) «есть»: (а) имперф.: ныи $t\ddot{a}m$ [St.], $t\ddot{a}m$ [CR], дин $\text{t}\ddot{e}m\grave{a}n$ [St.], $\text{t}\ddot{e}m\acute{a}n$ [CR]; (б) перф.: ныи $\text{t}\ddot{a}l$ [St.], $\text{t}\ddot{a}l$ [CR], дин $\text{t}\ddot{u}l-\grave{a}$ [St.], $\text{t}\ddot{e}l\grave{a}$ [CR]. || Bd.: $*_{\text{t}}\text{VI}$; CR: $*t\ddot{a}m-$ / $\text{t}\ddot{a}l-$.

Здесь налицо редкий случай одновременного супплетивизма парадигмы в ныи и дин: имперфективная основа $*tam-$ (дин $\text{t}\ddot{e}m-\grave{a}n$ по версии Стивенсона — либо ошибка, либо результат локально-

диалектного аналогического выравнивания начального согласного под влиянием перфектива) противопоставлена перфективной **ṭal-*.

Имперфектив **tam-* морфологически неразложим; что касается **ṭal-*, то Стивенсон [Stevenson 1957: 178] допускает возможность выделения в этой форме продуктивного видового префикса *ṭ=* (см. выше 'пить'). Если так, то внутренняя реконструкция дает три возможных праварианта чистого корня: (а) **ṭal-*, если начальный согласный все же принадлежал корню и совпадение его с видовым префиксом *ṭ=* случайно; (б) **=al-* (префикс просто присоединяется к начальному гласному); (в) **=kal-*: данные Стивенсона показывают, что префиксация *ṭ=* регулярно элиминирует начальный корневой *k-*, ср. *kai* 'рубить' → *ṭ=ai* 'срубить', *kiw* 'копать' → *ṭ=iw* 'выкопать', *kwa* 'идти' → *ṭ=a* 'прийти' и др. (Отметим заранее, что для внешнего сравнения наиболее перспективным вариантом является именно **=kal-* — ср. выше нубийские и нара формы.)

13) «яйцо»: ньи *dámì* [St., CR], дин *dómì* [St., CR]. || Bd.: **dam-i*; CR: **dómì*.

Вокалические соответствия в этой основе не поддаются однозначной интерпретации; условно будем записывать **dámì*, подразумевая возможность губной ассимиляции, но вопрос требует дальнейшего рассмотрения (пока что сопоставительных данных недостаточно).

14) «глаз»: ньи *āṇè* [St.], *āṇè* [CR], дин *āṇwá* [St.], *āṇwa* [CR]. || Bd.: **aṇ-*; CR: **āṇV*.

Даже соглашаясь с тем, что данный этимон состоит из односложного корня **aṇ-* и именных суффиксов, различных для двух ветвей ньяманг, не удастся убедительно решить проблему появления в дин огубленной артикуляции. Именного форманта *-wa* в дин, судя по словарным материалам Стивенсона, не существует; все без исключения основы вида (C)VC-*wa*, перечисленные в них, объясняются ассимиляцией из **(C)VC-a*, где *V* — губной гласный (см. выше 'ухо', а также *sār-wá* 'перо', *kúr-wá* 'пупок').

Ограниченность материала не позволяет разрешить эту ситуацию однозначно: нельзя исключить и первоначальную огубленность корневого гласного (**oṇ-*), и дифтонг (**aiṇ-*), и даже исконность лабиовелярной артикуляции носового (**aṇ^w-*). В любом случае каким-то образом огубленность на прауровне должна была присутствовать; чтобы зафиксировать это в реконструкции, вариант Рильи стоит переписать на **āṇ(w)-*.

15) «огонь»: ньи *mìr* [St.], *mér* [CR], дин *mbàrr* [St.], *mbár* [CR]. || Bd.: **mbVr-*; CR: **mér*.

Реконструкция Рильи более удовлетворительна, чем вариант, предложенный Бендером. Фонологизация на праньиманг уровне сочетания **mb-* сомнительна: оно наблюдается только в дин и только в строго ограниченных контекстах — судя по записям Стивенсона, в словах, имеющих вокализм корня *a* или *i* с последующим вибрантом *-r-* и, в одном случае, латеральным сонантом *-l-* (ср. *mbārē* 'камень', *mbìrr* 'корова', *mbìrì* 'жажда', *mbārēē* 'сезон засухи', *mbīlì* 'слиюна'). По-видимому, речь все же идет о специфическом позиционном развитии. Что касается вокализма, то реконструкция **mer*, основанная на уточненной транскрипции ньи формы в записях Рильи, не встречает особых противоречий.

16) «нога»: (а) ньи *kìrè* [St.], *kìrè* [CR]; (б) *māgìlā* [St.], *māg'ālā* [CR].

Формы очевидно несводимы друг к другу; в плане архаичности сомнение вызывает основа в дин, трехсложность которой подразумевает производность, хотя производящие модели с префиксом *ma=* (или суффиксом *-la?*) для дин неизвестны. На внешний уровень следует в первую очередь выводить корень **kir-*.

17) «волосы»: ньи *zè* [St.], *zè* [CR], *īyá* [St., CR]. || Bd.: **zE* (?); CR: **i(g)é*.

Реконструкция Бендера не позволяет корректно свести формы в ньи и дин к единому варианту, т. к. не объясняет ни развития **z* → *y* в дин (маловероятного типологически и никак не подтверждаемого эмпирически; обычно праньиманг **z* сохраняется в обоих языках, ср. ньи *lēzì* 'терять' = дин *līzè* id.), ни расхождений в структуре основы.

Вариант **igé*, предлагаемый Рильи, также малоубедителен: он предполагает палатализацию **g* → *z* в ньи, несмотря на то, что никаких существенных свидетельств в пользу палатализирующей тенденции в ньи не отмечено (напротив, во многих словах свободно встречаются сочетания велярных смычных с передними гласными).

Ближе всего к истине, по-видимому, «бесскобочный» вариант Рильи, т. е. **íé*, который можно реинтерпретировать как сочетание исходного корня **yí-* с именным суффиксом *-e* в ньи и *-a* в дин (такой морфологический разнобой в этой группе нередок, ср. выше 'ноготь' и др.). Фонема *y* в ныманг-диник вообще встречается чрезвычайно редко (во всем корпусе Стивенсона *y*-содержащие

корни исчисляются единицами), что затрудняет определение регулярных рефлексов. Тем не менее, внутренне непротиворечивой оказывается картина, при которой ньи **yí-e* аффрикативизируется в *ʒe* (ср. аналогичный процесс в джебельских языках и т. д.), а дин **yí-a* → **yí^y-a* → **íy-a*. Эта же реконструкция объясняет и наличие в ньи контурного тона (согласно записям Рильи), отражающего стяжение из двусложной (двухморной) последовательности.

18) «рука»: (а) ньи *á^yyí* ~ *á^yʒí* [St.], *ái* [CR]; (б) *á:tà* [St.], *átà* [CR]. || CR: **adi*.

Форма в ньи отражает старую основу **ayí* (аффрикативизация **y* → *ʒ* аналогична случаю с 'волосами', см. выше), так что реконструкция Рильи (в которой, впрочем, сомневается сам автор) неприемлема: дентальный **d* не может развиваться в ньи *y*. Соответственно, дин *a(:)tà* может быть связано с **ayí* единственным способом: как старое суффиксальное расширение **ay-tà*, в котором имело место упрощение кластера.

Хотя такая внутренняя реконструкция и имеет свои преимущества (например, «объясняет» долготу гласного в транскрипции Стивенсона), на внутриньямангском уровне подтвердить ее невозможно: суффикс *-tà* или даже просто *-t-* не выделяется в дин ни как продуктивный, ни даже как застывший. На текущем уровне наших знаний об этом языке надежнее все же будет разделять эти две формы (как это делает Бендер) и привлекать их к внешнему сравнению по отдельности.

19) «голова»: ньи *wórò* [St.], *wōrò* [CR], дин *ór* [St.]. || Bd.: *(*w*)or; CR: **ɔr*-.

Реконструкция Рильи фонетически точнее, чем у Бендера; *-o* в ньи — именной суффикс, отсутствие которого в дин странно (ср. ньи *wōrɔ̀dɔ̀* 'колючка' = дин *ɔrɔ̀* id. с общей морфологической моделью).

20) «слышать»: ньи *kín-* (имперф.), *kíl-* (перф.) [St.], *kín* (имперф.), *kíl* (перф.) [CR], дин *kíd-í* [St.], *kādìn* (имперф.), *kādù* (перф.) [CR]. || Bd.: **ki*-.

Очень трудный случай, не поддающийся однозначной интерпретации без детального сопоставительного анализа ньимангской морфологии и морфонологии, данных для которого сегодня явно не хватает. Пока что можно отметить следующие детали:

(а) в дин формах выделяется единый корень *kad- ~ kid-* (исходный вариант скорее *kid-*, судя по транскрипции Ф. Роттланда и А. Якоби); основа имперфектива образуется с помощью суффикса *-in-*;

(б) формы в nyi не супплетивны: *-n-* — морфема, которая, хотя и редко, но все же участвует в образовании имперфективной основы, ср. *te* 'открыть' (перф.) : *te-in* 'открывать' (имперф.), и вряд ли ее можно рассматривать в отрыве от только что выделенного суффикса *-in-* в дин;

(в) с другой стороны, для выделения перфективного суффикса *-l-* в nyi нет никаких оснований, т. е. простое отсечение конечных согласных и реконструкция корня в виде **ki-*, как у Бендера, недопустимы;

(г) очень важен тот факт, что для формы *kîn* Рильи записывает контурный тон, свидетельствующий о возможном развитии этой формы из прототипа **kiCin*; в этом случае нельзя не отметить структурное сходство с дин *kād-in*.

В конечном итоге все упирается в отсутствие регулярного соответствия «nyi *-l-* : дин *-d-*»; однако формы все же могут считаться фонетически совместимыми хотя бы по той причине, что нам неизвестна стандартная модель развития в nyi глагольных корней структуры CVC, оканчивающихся на альвеолярный *-d-*. Сами по себе лексемы со срединным *-d-* в nyi встречаются, но все они исключительно именные; в глагольной основе, где *-d-* должен постоянно взаимодействовать с суффиксами, начинающимися на согласный, могли действовать специальные правила развития. Альтернативный вариант — восстанавливать здесь какое-то старое сочетание, например, **-ld-*, отражающее сочетание с застывшим суффиксом, но это уже скорее гипотеза *ad hoc* (уникальный кластер C₁C₂, дающий в одном языке C₁ и в другом C₂ — своего рода «запрещенный прием» в компаративистике).

Тем не менее, общую для языков ныманг реконструкцию мы все же будем давать в виде **ki(l)d-*, допуская возможность особого сочетания в срединной позиции при том, что принципы фонетической совместимости позволяют ограничиться и простой реконструкцией **kid-* — хотя бы на тот случай, если аналогичные странности будут наблюдаться в потенциальных когнатах к этой основе на более высоком уровне.

21) «сердце»: (а) ньи *wīlī-n wēl* [St.]; (б) ньи *túlúm* [CR], дин *tílīm* [St.], *tílīm* [CR]. || CR: **tīl-um*.

Этимон очевидно нестабилен. Композитная форма (а) в ньи буквально означает 'дом (для) крови'; помимо этого, как отмечено у Стивенсона, в переносном значении 'сердце' может также употребляться слово *bwiši ~ bwiši* 'живот'. В данных Рильи отсутствует как первый, так и второй эквивалент, зато представлены два других: *túlúm*, с полисемией 'сердце / торс', и редкая форма *áláđi*, по предположению Рильи, заимствованная из горно-нубийского источника.

Поскольку *túlúm* — точное соответствие дин *tílīm*, реконструкция **tīlum* в значении 'сердце' оправдана. Однако можно усомниться в архаичности и этого этимона в данном значении: многозначность 'сердце / торс' в типологическом аспекте обычно указывает на первичность второго, а не первого из этих значений. Отметим, что для слова *tulum* в ньи в кратком списке [MacDiarmid, MacDiarmid 1931: 159] приводится значение 'грудь', а не 'сердце'.

В связи с этим заслуживает внимания гипотеза Рильи, этимологизирующего ньи *ās(ū)'māl-īn* 'клоп' (= *ās(u)mālī* [St.]) как метафоризацию ← 'сердечко', что позволяет ему привлекать это слово к дальнейшим внешним сопоставлениям с данными нара, тама и др. восточносуданских языков. На данном этапе, впрочем, это имеет значение лишь в качестве факта, косвенно подтверждающего полисемию **tīlum* 'грудь / сердце' с последующим исключением этого слова из «кандидатов» на 'сердце' более глубокого хронологического уровня.

22) «рог»: (а) ньи *gūrši* [St.], *gúrši* [CR], дин *gwùrtùn* [St.], *gūrṭi(n)* [CR]. || Bd.: **gūr-*; CR: **gur-ṭi*.

Реконструкция Рильи заслуживает доверия; похоже, что в ньи действительно *-*rṭ-* → -*rš-*. Аналогичные примеры на это же соответствие между ньи и дин не обнаружены, но в лексиконе ньи отсутствуют случаи сочетания -*rṭ-* и, наоборот, встречаются случаи -*rš-*, где ареально-типологические соображения заставляют рассматривать их как кластер, образованный на стыке корня и именного суффикса -*ši* ← *-*tī* или *-*tī*, ср. *kwār-ši ~ kwōr-ši* 'перо'.

23) «я»: ньи *ai ~ a* [St.], *á ~ ái* [CR], дин *oi ~ woi* [St.], *oi* [CR]. || CR: **ai*.

Судя по парадигматическому совпадению «ньи *ai* : дин *oi*», исходная форма местоимения 1-го л. действительно имела вид **ay*;

вариант *a* в нѳи следует рассматривать как упрощенный (сандхимальное развитие, вызванное вероятным клитическим характером местоимения). Что касается различий в корневом вокализме, то они вряд ли могут быть объяснены без привлечения более подробных парадигматических данных.

Для нѳи Р. Стивенсон приводит следующую парадигму: 1-е л. *ai* ~ *a*, родительный падеж *woin*; 2-е л. *i*, род. п. *jin*; 3-е л. *en*, род. п. *anin*. Стандартное окончание род. п. в именном склонении ныманг — *-in*; следовательно, *woin* можно рассматривать как результат ассимиляции **a-in* → (*w*)*o-in* (*a jin* — по-видимому, из **i-in* → **u-in* → *jin*, см. ниже). В дин Рильи в пару к исходной форме *oi* приводит генетив *ɔŋgi*; это также может быть результатом вторичного преобразования из **a-in*, после чего «свежеогубленный» гласный корня по аналогии распространился и на именительный падеж. Альтернативная гипотеза — выравнивание парадигмы по аналогии с мн. ч. *o-go* 'мы' (также скорее всего с ассимиляцией ← **a-go*, см. ниже¹).

Еще одна возможность — реконструкция двух супплетивных основ, как это делает Рильи (им. п. **ai*, род. п. **o-иѳи*, по нашей версии скорее **o-in*). В типологическом плане это вполне естественно вписывается в общую картину ареала, равно как и в восточно-суданскую гипотезу (ср. выше аналогичное противопоставление в нара и потенциально архаичную оппозицию в горно-нубийских языках), но стоит все же учитывать, что неизбежной *необходимости* реконструкции двух основ, как это иногда бывает, в данном случае нет. Подробную таблицу местоименных форм с праязыковой интерпретацией см. ниже ('мы').

¹ Точное определение окончания родительного падежа вызывает затруднения: у Стивенсона в описании ныманг оно стабильно заканчивается на переднеязычный носовой (т. е. *-in*), в местоименных же парадигмах Рильи столь же стабильно имеет веларный: *wɔŋ* 'меня', *ɲiŋ* 'тебя'. Учитывая, однако, что для мандальского диалекта ныманг Рильи все же приводит форму *ɔn*, мы будем считать, что первичен именно вариант с *-n*. Возможен и такой сценарий: первоначальным окончанием был формант **-ni*, редуцировавшийся в ауслаутный палатальный **-ɲ* — чрезвычайно неустойчивый сегмент, который и в дин, и в нѳи в зависимости от конкретного диалекта нейтрализовался в пользу либо *-n*, либо *-ŋ*.

24) «убивать»: нѳи *nì* (имперф.), *nī* (перф.) [St.], *nī:* (имперф.), *nī* (перф.) [CR], дин *nī* [St.], *nīl* (имперф.), *nī* (перф.) [CR]. || Bd.: **nī*, CR: **nī*.

Конкретные детали морфонологического устройства этой парадигмы не удастся прояснить при имеющихся данных, но корневая морфема, скорее всего, действительно **nī* (контурный тон в перфективе *nī* может указывать не только на выпадение срединного согласного, но и, например, на слияние с вокалическим глагольным суффиксом).

25) «лист»: (а) нѳи *kwô* [St.]; (б) дин *lālūwà* [St.].

Л. Бендер сопоставляет форму (б) с нѳи *lāwà* 'трава'; если эта этимология верна, то редуцированная форма в дин напоминает случаи редупликации, отмеченные Стивенсоном для собирательных форм в нѳи (*mēde* 'холм' → *mēmēde* 'все холмы', *dāmī* 'яйцо' → *dadamī* 'все яйца' и т. п. [Stevenson 1957: 175]) и может сама по себе быть собирательной ('листва'). В свете этих соображений нѳи *kwô* (редкий случай контурного тона в записях Стивенсона – стяжение из **kôyô*?) имеет больше шансов быть выведенным на уровень в значении 'лист', но, не имея этимологической привязки к дин, этот этимон также, разумеется, ненадежен.

26) «вошь»: нѳи *wīnī* [St.], *wīnī* ~ *wīnī* [CR], дин *ŋwīnà* [St.], *ŋwīnà* [CR]. || Bd.: *(*ŋ*)*wīn*-; CR: **wīnV*.

Реконструкция анлаута проблематична. Возможны два варианта:

(1) архаичность начального *ŋ*- с развитием **ŋwīn-i* → **ŋwīn-i* → *wīn-i* в нѳи. Этому сценарию противоречит один пример: глагольная основа *ŋwīšī* (имперф.), *ŋwīšō* (перф.) 'дышать', в которой ожидаемое упрощение сочетания **ŋw-* → *w-* не имеет места;

(2) вторичное развитие назальности в дин под влиянием срединного носового, т. е. **wīn-a* → **ŋwīn-a*; ср. полностью аналогичный случай в нѳи *wōn-ōn* 'скорпион' = дин *ŋwīn-āk* id. Для этого сценария явных контрпримеров нет, но следует все же отметить, что начальное сочетание *ŋw-* само по себе носит этимологический характер в довольно большом количестве этимонов дин (ср. хотя бы 'нос' ниже).

По-видимому, следует согласиться с Бендером и оставить решение этого вопроса открытым, привлекая к внешнему сравнению условную реконструкцию *(*ŋ*)*wīn*-. (См., однако, ниже 'зуб' с дополнительными соображениями). Однозначная реконструкция

с *w-* у Рильи обусловлена внешними соображениями, т. к. он предполагает дальнейшее родство с восточносуданскими словами со значением 'муха' (ср. выше нара *wini* 'муха / звезда' и др.), но на данном этапе мы не можем позволить себе активно руководствоваться соображениями внешнего сравнения, если сравнение базируется на нетиповых семантических корреляциях ('муха' и 'вошь').

27) «мясо»: ньи *kwòṇ* ~ *kwùṇ* [St.], *kwóṇ* ~ *kwún* ~ *kún* [CR], дин *kwùṇ* [St.], *kún* [CR]. || Bd.: **kwùṇ*; CR: **kún*.

Реконструкция **kun* в целом однозначна, хотя любопытно, что тональные характеристики слова в записях Стивенсона и Рильи оказываются диаметрально противоположными.

28) «луна»: (а) ньи *kwûr* [St., CR]; (б) дин *ársàn* [St., CR]. || CR: **kero*.

Реконструкция **kero* у Рильи учитывает дин основу *-kero*, обнаруженную в значении 'месяц' в составе композитов (в сборнике текстов [Kauczog 1923]). Первичность этимона (а) подтверждается тем, что дин *ársàn* — то же слово, что и *ārsá* [St.], *ársàn* [CR] 'небо' (исторически, скорее всего, эллиптическое сокращение какой-то неизвестной идиомы; см. также ниже 'дождь'). Однако конкретная реконструкция остается неясной, т. к. дин *kero* требует согласования с контурным тоном в ньи *kwûr*. Возможно, налицо различные результаты стяжений исходного варианта **kewur* или **keyur*; остановимся пока что на условной записи **k(e)wur*.

29) «рот»: ньи *ḡàl* [St., CR], дин *ḡìlà* [St.], *ḡàlà* [CR]. || Bd.: **ḡVl*; CR **ḡàl-*.

Вариант *ḡìlà* приводится по работе [Stevenson 2000]; в старом грамматическом описании [Stevenson 1957: 173] это же слово в дин записано как *ḡgala*, и этот же вариант обнаруживается в полевых записях Рильи. Учитывая, что огласовка *-i-* в этом слове, ввиду внешних данных, априорно сомнительна, не исключено, что она объясняется элементарной опiskeй или опечаткой (еще один вариант — контаминация с *ḡgila* 'зуб', см. ниже). Более надежным (и интересным) является различие в морфологическом оформлении слова — бессуффиксальном в ньи, но с суффиксом *a* в дин (объяснить различие фонетическими причинами невозможно, т. к. ауслаутный гласный *-a* в ньи обычно сохраняется; ср. ньи *kéṇà* ~ *kíṇà* 'мышь' = дин *kíṇà* id.).

30) «имя»: (а) ньи *āṇèr* [St.]; (б) дин *ōrdəṇ* [St., CR].

К. Рилы предполагает, что форма в дин могла быть заимствована из горно-нубийского источника; учитывая, что морфологически 'имя' в языках рассматриваемого региона часто представляет собой *plurale tantum*, это объяснение действительно перспективно — ср. в даир ед. ч. *or*, но мн. ч. *or-du* ~ *or-dandu* [Meinhof 1918: 189]).

Форма в ньи нетривиальна ввиду наличия альтернативного диалектного (мандальского) варианта *āḡès* [CR]; поскольку ауслаутный *-r* в этом диалекте сохраняется (ср. мандальск. *ḡáḡar* 'ухо'), это означает первичность либо праформы **aḡes* (в обычном ньи-манг ауслаутный *-s* не встречается, так что не исключено развитие **-s* → *-r*), либо **aḡe-* с различными суффиксами. Параллельно с этим нельзя исключить и префиксальный характер аслаутного *a*= (такой префикс регулярно используется в ньи для образования адъективных основ).

Мы будем придерживаться условной реконструкции **aḡe-*, с оговоркой, что слово обладает рядом признаков, характерных для производных основ, и вряд ли претендует на архаичность.

31) «новый»: ньи *kā=ḡèr* [St.], *kā=ḡér* [CR], дин *ḡīrì* [St.], *ḡīrí* [CR]. || Bd.: **ḡīr*; CR **ḡer-*.

Реконструкция Рилы, по-видимому, верна (дин *ḡīrì* объяснимо как результат ассимиляции ← *ḡer-i*). В ньи налицо продуктивный адъективный префикс *ka*=.

32) «ночь»: ньи *ṭwîn* [St.], *ṭwín* [CR], дин *ṭúnì* [St., CR]. || Bd.: **ṭún-i*; CR **ṭúni*.

Ауслаутный **-i* — единственный гласный, регулярное отпадение которого в ньи по фонетическим причинам подтверждается не только частотностью соответствия «ньи -∅ : дин -i», но и «скрытым» влиянием его на огласовку корня, как в данном примере, где дифтонг *-wi-* ← **-u-* под влиянием **-i* (не исключено, что переогласовка и последующее отпадение конечного гласного отвечают и за контурный тон в записи Стивенсона). Ср. аналогичную ситуацию в дин *borì* 'дорога' = ньи *bwir* id., а также дин *olì* 'дом' = ньи *wel* id. К отпадению **-i* без переогласовки ср. дин *mbiri* 'жажда' = ньи *mer* id., дин *kírì* 'женщина' = ньи *kêr* id. Впрочем, попадаются и отдельные противоречащие примеры, ср. выше 'яйцо'.

В любом случае, реконструкция **ṭúnì* для данного этимона практически неоспорима.

33) «нос»: ньи àmùḍù [St.], āmùḍù [CR], дин ηwùḥà [St.], ηwùtí ~ ηwùtá [CR]. || Bd.: *Nùḥ-; CR: *(o)muḥ-.

Свести ньи и дин формы к единому инварианту трудно в силу двух обстоятельств. Во-первых, неясен статус анлаутного *a-* в ньи (ср. также вариант *omuḥu* в [MacDiarmid, MacDiarmid 1931], откуда (o) в реконструкции Рилы). Оснований считать его застывшим префиксом нет, т. к. за пределами этого слова он не обнаружен. С другой стороны, если он принадлежит корню, необъяснимым остается его усечение в дин: хороших соответствий на основы структуры *VCVCV в ныманг очень мало, но ср., например, ньи ābīsà 'моча': дин ībīsā id., без усечения и нек. др.

Уникальным является также соответствие «ньи *m* : дин *η*». Бендер не дает ему интерпретации; Рилы считает первичным вариант **m*, однако такая реконструкция напрямую противоречит ряду других случаев, где *m-* перед губными гласными в дин не диссимилируется (ср. ньи mùl '5' = дин mùl id. и др.). Напротив, надежные случаи *η-* перед губными гласными в ньи отмечены только в позиции перед передним гласным второго слога (ср. ηōṛì ~ ηōṛì 'день'; ηwīšì 'дышать'), так что ассимиляция **ηи_и* → *ти_и* вполне допустима.

Исходя из такого расклада, мы будем записывать предварительную реконструкцию в виде *(a)ηиḍ- (срединный согласный в дин подвергся оглушению, ср. старый вариант ηwiḍu в записи Макдиармидов).

34) «не»: ньи fa [St.].

Согласно грамматическим заметкам Стивенсона, превербальная частица *fa* выполняет в ньи функции универсального отрицания (как индикативного, так и прохибитивного). Про отрицание в дин ничего не известно, так что на данный момент можно в предварительном порядке спроецировать ньи *fa* на прауровень.

35) «один»: (а) ньи nālā [St.], nālā [CR]; (б) дин āndā [St.], āndā [CR].

Дифференцировать основы (а) и (б) помогают данные мандальского диалекта ньи, где, согласно записям Рилы, противопоставлены основы *nālā* 'один' и *āndā* 'единственный / одинокий'. Поскольку очевидных источников для инновации в ньи не обнаружено, на данном этапе предпочтительнее восстанавливать **nala* '1' и **an-ḍa* 'единственный' с последующим смешением их функций в дин.

36) «дождь»: ньи *árīṇè* [St.], *árīṇè* ~ *árīṇê* [CR], дин *árṇṇgà* [St.], *ārṇṇgà* [CR]. || Bd.: *arVṇ-; CR: *ár-īṇV̇.

Корень *ar- в этом слове выделяется на основании того, что в дин различаются *ár-ṇṇgà* 'дождь' и *ār-sá* 'небо' (семантическая корреляция типична; в ньи оба значения выражаются формой *árīṇè*). Суффикс -īṇ- в ньи продуктивен: он образует уменьшительные имена (*wel-īṇ* 'домик', *məsəl-īṇ* 'кунжутное семечко') или слова, обозначающие детей и детенышей животных (*gil-īṇ* 'щенок', *amad-īṇ* 'ребенок племени ньиманг'), так что первоначально слово могло быть эпитетом (букв. 'сын неба').

37) «дым»: (а) ньи *ṇṇṣì* [St.], *ṇṇṣì* [CR]; (б) дин *lṣgà* [St.], *lṣ(ə)gà* [CR].

Ньи и дин формы не этимологизируются на взаимной основе. С точки зрения фонетической структуры, *ṇṇṣì* скорее похоже на чистую именную основу, а трехконсонантное *lṣga* — на производную, но производящая основа остается неизвестной; к внешнему сравнению можно привлекать обе формы, начиная с ньи.

38) «звезда»: (а) ньи *kwóršìlè* [St.], *kūršìlè* [CR]; (б) дин *mīdī* [St.], *mādi* [CR].

По мнению К. Рильи, ньи форма — словосложение, первая часть в котором = *kwūr* 'луна' (см. выше); вторую идентифицировать не удастся. Нам пока не известны надежные аналогичные случаи, в которых 'звезда' оказывалась бы производной от 'луны', но если первоначальное значение корня **kur* было более абстрактным (напр. 'свет', 'сиять'), параллельное развитие одновременно в 'луну' и 'звезду' допустимо.

Вне зависимости от принятого решения более архаичной (хотя бы из-за относительной простоты структуры) выглядит основа *mīdī* в дин, которую и следует привлекать к внешнему сравнению в первую очередь.

39) «камень»: (а) ньи *mīndr* ~ *mīdr* ~ *mīdir* [St.], *mīndr* ~ *mīdr* ~ *mīdir* [CR]; (б) дин *mbārè* [St.], *mb(ə)rè* [CR]. || CR: **mīdr*-.

Очень сложная ситуация. Во-первых, основа в ньи фонетически уникальна: если основы вида CVCVR (= *mīdir*) в этом языке встречаются регулярно, то основы CVCR (= *mīdr*) практически отсутствуют, и списать фиксацию в записях как Стивенсона, так и Рильи формы *mīdr* на элементарную редукцию из **mīdir* невозможно; с этой точки зрения, вывод Рильи фонетически уникаль-

ной формы **midr-* на прауровень оправдан. (Появление в этой форме инлаутной назализации можно, по-видимому, объяснить ассимилятивными тенденциями.)

Основа **midr* должна была носить производный характер, и в этой связи нельзя не привлечь к сравнению ньи *mēdē* [St.], *mēdē* [CR] 'гора', хотя срединный согласный в этой основе у Рилы обозначен как дентальный (впрочем, он отмечает, что и для *mīdīr* 'камень' известен диалектный вариант с дентальным вместо альвеолярного). Обе основы сводимы к корню **mid-*, от которого образуются соответственно **mid-ε* → *mēd-ε* 'гора' и **mid-r* 'камень'.

Обе основы сопоставимы с дин словом 'гора' (*moṭīrr* [St.], *mōtār* [CR]), морфологически соответствующим ньи *mīdr*, хотя вокалические соответствия нерегулярны. При этом, однако, невозможно одновременно сопоставлять *mīdr* и с *moṭīrr* 'гора', и с *mbōré* 'камень': маловероятно, что одна и та же праныманг основа могла дать в дин столь разные рефлексy. На данном этапе *mbōré* следует отделять от *mīdr* и считать отражением отдельной основы **mVr-e*, которую к внешнему сравнению можно привлекать практически на равных основаниях с **mid-*.

40) «солнце»: ньи *nīṇāṇ* [St.], *nīṇ-āṇ* [CR], дин *ṇīzī* [St.], *nīgī* [CR]¹. || CR: **nīg-*.

Вариант *nīgī* в дин отмечен К. Рилы как характерный для населенного пункта Сидра; в более ранних записях он отсутствует. Однако именно вариация между формами *nīgī* и *ṇīzī* позволяет убедительно связать их с ньи *nīṇ* (-*āṇ* — именной суффикс; чистая форма *nīṇ* до сих пор сохраняется в мандальском диалекте). На месте исходного варианта удобнее видеть именно **nīṇ*; альтернативная гипотеза — реконструкция **nīg*, как у Рилы — хуже, т. к. сценарию ассимиляции по назальности в ньи противоречат такие неассимилированные формы, как *nəgə̀r* 'ухо' и др.

В дин именная основа **nīṇ-i* развивалась либо (а) с диссимилиацией → *nīg-i*, либо (б) со своеобразной «метатезой палатальности»: начальный палатальный носовой веларизуется (**n- → ŋ-*), средин-

¹ Стоит на всякий случай отметить, что в кратком списке [MacDiarmid, MacDiarmid 1931: 159] на этом месте явная путаница: слово 'солнце' (sun) дается для ньи как *gil*, для дин — как *wil*, хотя это на самом деле 'собака' (dog), и, наоборот, реальным формам, означающим 'солнце' (ньи *nīṇan*, дин *ṇīzī*), сопоставлено значение 'мясо' (meat) (!).

ный, напротив, смягчается и в конечном итоге дает аффрикатный рефлекс (*-ŋ- → *-ŋʸ- → *-ɲɜ- → -ʒ-). Подобного рода трансформации вполне естественны для основы, содержащей два «сильно маркированных» (по сравнению с обычным переднеязычным *n*) носовых согласных, различающихся по месту артикуляции.

41) «хвост»: (а) ньи *zè* [St.]; (б) дин *wēyá* [St.].

Ньи *zè* — очевидно, то же слово, что и *zè* ‘волосы’ (см. выше); невозможно понять, действительно ли мы имеем здесь дело с полисемией или налицо ошибка в записях Стивенсона (в материалах Рильи слово ‘хвост’ отсутствует). Опираясь, таким образом, можно только на дин *wēyá*, слово, также очень близкое фонетически к ‘волосам’ (*īyá*), но невыводимое из них (разве что как словосложение **wē-iya* ‘волосы чего-л.’, но первый компонент неопознаваем по имеющимся данным). Корень **wey-*, под очень сильным вопросом, можно привлекать к внешнему сравнению.

42) «ты»: ньи *í* [St., CR], дин *í* [St., CR]. || CR: **í*.

Прямая основа личного местоимения 2-го л. ед. ч. в ньи и дин совпадает полностью, и реконструкция Рильи однозначна. В косвенной основе в ньи в начальной позиции появляется палатальный носовой: ср. род. п. *ɲ-un* [St.], *ɲ-йη* [CR]. Это можно объяснять супплетивным чередованием основ, но не менее вероятным сценарием является и чисто фонетическое развитие из **y-иη* ← **i-иη*, т. е. распространение носовой артикуляции суффикса на начальный глайд (такого взгляда придерживается Рильи, восстанавливающий форму генетива в виде **i-иηi*); ср. в дин род. п. *í-ηgì* без каких-либо следов начального носового.

43) «язык»: (а) ньи *ɲildì* [St.], *ɲĩldĩ* [CR]; (б) дин *ɔ̀l̩* [St.], *ɔ̀l̩* [CR].

Формы в ньи и дин, несмотря на определенное сходство, не сводятся друг к другу из-за невозможности подтвердить рекурсивность соответствия «ньи *ɲ-* : дин *θ-*» (обратное при этом допустимо, см. ‘зуб’). К внешнему сравнению можно на равных основаниях привлекать корни **ɲil(d)-* (-*ɖi* в ньи может быть застывшим суффиксом, но в других именных основах по данным Стивенсона он не обнаруживается, так что «фоссилизация», если она имела место, должна была носить очень древний характер) и **ɔ̀l-* (**ol-*); впрочем, реконструкция вокализма в обоих случаях сугубо предварительная, т. к. не исключены различные ассимиляции корневого гласного с именными суффиксами (для **ɲil(d)-i* такая ассимиляция более чем вероятна, см. ниже ‘зуб’).

44) «зуб»: ньи *ilè ~ èlè* [St.], *ilè* [CR], дин *ɲgíl* [St.], *ɲgílà* [CR]. || CR: **ɲil-*.

В данном случае данные ньи и дин стыкуются друг с другом лучше, чем в предыдущем, что признает и Рильи (но не Бендер, который разводит эти лексемы на том основании, что дин *ɲgíl* 'зуб' имеет тот же корень, что и *ɲgíl-á* 'рот': эта идея крайне сомнительна как по общетипологическим соображениям, так и вследствие вероятной ошибки, допущенной Стивенсоном при записи слова 'рот', см. выше).

Соответствие «ньи Ø- : дин ɲ-» уже было зафиксировано выше (см. 'вошь'), но исключительно на материале примеров, в которых можно было заподозрить вторичное появление ɲ- в дин под влиянием интервокального носового. В данном случае речь может идти исключительно о выпадении носового в ньи. Подтверждающие примеры отсутствуют, но можно сформулировать правило, согласно которому праныманг *ɲl- → ньи l-, а немногочисленные случаи начального ɲi- в ньи на самом деле восходят к сочетаниям носового с другими гласными, уподобившимися гласному суффикса (т. е. *ɲild-i* 'язык' ← **ɲald-i*, *ɲidì* 'лекарство' ← **ɲadì*). Учитывая, что сегментное сходство между ньи и дин по остальным пунктам (за исключением морфологического оформления), включая вокализм корня, идеально, разделять данные этимоны без дополнительных этимологических оснований не имеет смысла; мы согласны с реконструкцией Рильи.

45) «дерево»: (а) ньи *tómà ~ túmà* [St.], *túmà* [CR]; (б) дин *šidārà* [St.], *šidèrà* [CR]. || Bd.: **túmà*; CR: **tuma*.

Старое обозначение 'дерева' в дин сохраняется только в значении 'дерево (как материал), древесина, хворост': *túmà* [St.], *tùmà* [CR]; в значении 'дерево (растущее)' закрепилось арабское заимствование (ср. его же в некоторых языках группы маба). Однозначно реконструировать вокализм не удастся; Рильи выбирает вариант с губным гласным, очевидно, из-за большего сходства с внешней параллелью (нара *tum* 'дерево', см. выше). Судя по разногласиям в записях Рильи и Стивенсона, в дин этот гласный носит редуцированный характер, поэтому мы будем также опираться на артикуляцию по типу ньи.

46) «два»: ньи *ár(m)bà* [St.], *ārbā* [CR], дин *ārmāk* [St.], *ārmāg* [CR]. || Bd.: **arm-*; CR: **arma(g)-*.

Форма мандальского диалекта *ārm-bà*, записанная у Рильи, подтверждает членение **arm-ba-(k)* на праньимангском уровне, хотя не исключено, что столь сложный трехконсонантный кластер все же развился на морфемном стыке **ar-ba-*, где **ar-* — исходный корень, **-ba* — давно застывший суффикс с неясной функцией. Реконструкцию следует скорее записывать в виде **ar(m)-(ba)-*.

47) «вода»: ньи, дин *bóŋ* [St., CR]. || Bd., CR: **bóŋ*. Реконструкция абсолютно однозначна.

48) «мы»: ньи *anjí* [St.], *ānjí* [CR], дин *ogo* [St.], *ígò* [CR]. || CR: **agi*.

Ньи *anjí* и дин *ogo* невозможно свести к общему инварианту без детальной внутренней реконструкции. Скудность данных (хотя она отчасти компенсируется ценными сведениями, опубликованными Рильи по мандальскому диалекту ньиманг) не позволяет вывести единственно возможный сценарий, но *оптимальным* на данный момент сценарием представляется следующий:

а) главной отличительной чертой всех форм мн. ч. личных местоимений в праньиманг был суффикс *-g-*, присоединявшийся к форме ед. ч., т. е. **ay 'я' → *ay-g- 'мы', *i(y) 'ты' → *iy-g- 'вы', *an 'он, она' → *an-g-* (фонетически, разумеется, **aŋg-*) 'они'. За консонантным элементом *-g-* в прямой основе следовал гласный, возможно, *-o* для форм 1-го и 2-го л. и *-i* для формы 3-го л., так, как это до сих пор сохраняется в дин (см. таблицу);

б) в косвенной (генетивной) основе все формы, как ед., так и мн. ч., получали стандартное для имен окончание род. п. *-in*.

Эта более или менее симметричная парадигма разрушилась в большинстве языков-потомков из-за многочисленных фонетических упрощений и связанных с ними аналогических перестроек:

в) в окончании род. п. *-in* в большинстве случаев веляризуется финальный носовой. Скорее всего, этот процесс связан с редуцированным произнесением гласного *-i-* в составе местоименных форм и последующим образованием кластеров *-y-n-*, *-y-g-n-* в формах ед. и мн. ч., например, **ay-in* род. п. 'меня' → **ay-^un* → **y-ŋ* и т. д.; **ay-g-in* род. п. 'нас' → **y-(g)-ŋ* и т. п. Конкретные изменения происходили по-разному в разных языках и диалектах, ср. значительный разнобой в окончаниях ньи, зафиксированных у Стивенсона и Рильи: первый стабильно записывает для всех форм ед. ч. *-n*, второй — *-ŋ*, по-видимому, распространившееся на формы ед. ч. по аналогии с формами мн. ч.;

г) значительные изменения имели место также в начальной позиции — окончание род. п. **-un* ~ **-un* ассимилировало корневой гласный в местоимениях 1-го л. как в ньи, так и в дин, а в ньи, помимо этого, назализовался начальный глайд в местоимениях 2-го л.: **iy-un* 'тебя' → **iy-^un* → **uin* → *ниn*; **iy-g-un* 'вас' → **iun* → *ниn* (прямая основа *ni* 'вы' — результат редукции или, более вероятно, аналогического преобразования из **ini* ← **iy-g-i*).

Для лексикостатистики и внешнего сравнения в данном случае принципиальную важность имеет лишь тот факт, что для местоимения 1-го л. мн. ч. нет необходимости реконструировать корневую морфему, отличную от соответствующей морфемы 1-го л. ед. ч.: более или менее очевидно, что дифференцировались они по признаку наличия или отсутствия велярного местоименного суффикса мн. ч.

Общие результаты сопоставления данных местоименных парадигм языков ныманг и примерной реконструкции праязыковой парадигмы можно суммировать в следующей таблице (для большей наглядности приведены будут также формы 3-го л.):

	Ныманг		Мандаль.	Диник		Праформа
	[CR]	[St.]	[CR]	[CR]	[St.]	
1 sg nom.	á(i)	a(i)	á	oí ¹	(w)oi	*ay
1 sg gen.	wǝŋ ²	woun	ōn	ǝŋgu		*ay-un
2 sg nom.	í	i	í	í	i	*i
2 sg gen.	ɲǝŋ ³	ɲun	ɲǝŋ	íŋgù		*iy-un
3 sg nom.	ēn ⁴	en	īn	ánò	ano	*an
3 sg gen.	ānǝŋ	anun	īŋ	ángù		*an-un
1 pl nom.	āŋí ⁵	anɪ	āŋ	ǝgò	ogo	*ay-g-
1 pl gen.	wǝŋ	woun	wǝŋ	ú		*ay-g-un
2 pl nom.	ɲí	ɲi	ɲí	īgò	ig(w)o	*iy-g-

¹ Начальный *o-* по аналогии с формой род. п.

² Конечный *-ŋ* либо по аналогии с формами мн. ч., либо вследствие веляризации ← **zu-^un*; аналогичный процесс имел место и в дин. Ср. мандальск. *ōn*, где еще сохраняется исходная переднеязычная артикуляция.

³ По ассимиляции из **uin*, см. выше.

⁴ Возможно, из расширенной формы ед. ч. типа **an-i*.

⁵ Из **ay-gi*; назализация либо по чисто фонетическим причинам, либо под влиянием формы мн. ч.

	Ньиманг		Мандаль.	Диник		Праформа
	[CR]	[St.]	[CR]	[CR]	[St.]	
2 pl gen.	ɾúŋ	ɾu	ɾú	íú		*iy-g-un
3 pl nom.	ēní	ani	āŋ	áŋgè	angi	*an-g-i
3 pl gen.	ānún	ano	ínō	ónù		*an-g-un

49) «что»: ньи *ɛŋi-ne* [St.], *áŋī ~ éŋī* [CR], дин *ŋgí-sè* [CR]. || CR: *VŋV.

50) «кто»: ньи *ŋa ~ ŋa-ne* [St.], *ŋá ~ ŋá-nè* [CR], дин *ŋá-dè* [CR]. || CR: *ŋá-.

Одушевленное вопросительное местоимение для праньиманг абсолютно однозначно восстанавливается в виде **ŋa* (+ факультативные эмфатические частицы или, возможно, связочные предикаты); с неодушевленным местоимением ситуация более сложная, т. к. друг с другом конкурируют «краткая» форма **ŋi* (в дин) и «полная» **ŋi* (с ассимилированным вариантом *ɛŋi*, в ньи). Установить первичность того или иного варианта на данный момент не представляется возможным (хотя усечение вокалического анлаута в дин беспрецедентно и, следовательно, менее вероятно, чем префиксация какого-то неизвестного служебного элемента в ньи); реконструкцию следует записывать в виде *(a)ŋi.

3.6. Группа темейн.

3.6.1. *Общие сведения и источники.* На языках темейн в общей сложности (по данным «Этнолог») может говорить до 13–15 тыс. человек в западных районах гор Нуба, где они в основном окружены либо языками, относящимися к горно-нубийской ветви нубийской семьи, либо языками семьи каду (кадугли-кронго). Общее число языков в точности неизвестно; до недавнего времени семья считалась состоящей из двух единиц, собственно темейн и кейга джирру (так до сих пор в «Этнолог»), но сегодня специалисты, плотно занимающиеся семьей темейн (Р. Бленч, М. Йип), выделяют не менее трех отдельных языков, обычные названия которых соответствуют названиям районов или населенных пунктов:

1) собственно *темейн* [тмн], или *ронго* (самоназвание носителей): самый крупный из известных языков (по разным подсчетам, от 10 до 13 тыс. носителей) и, по-видимому, также наиболее архаичный в плане общей сохранности лексического материала;

2) *кейга джирру* [джр], или сокращенно просто *джирру* (самоназвание носителей — *дони*): не более тысячи носителей в 6-7 деревнях. Язык подвержен сильнейшему ареальному (в т. ч. лексическому) влиянию со стороны соседних языков каду, таких, как тулиши и др.;

3) *тесе* [тсе]: примерно то же число носителей, как и для джирру; язык точно так же подвержен влиянию каду.

Первые сведения о языках темейн были опубликованы в обзорной работе по языкам гор Нуба [MacDiarmid, MacDiarmid 1931] — список из 20 слов по темейн и языку населенного пункта Тейсум-Данаб (= тесе); авторам удалось легко опознать родственную связь между этими двумя наречиями, но связать их с другими языками ареала они не смогли. По-видимому, отдельные данные были собраны и по джирру, т. к. последние цитируются в работах Р. Стивенсона, но самими авторами опубликованы не были.

Следующий этап в развитии «темейнистики» связан с полевой и дескриптивной работой Р. Стивенсона, хотя при жизни автора опубликовано было лишь краткое грамматическое описание темейн [Stevenson 1957: 183-190] в сопоставлении с данными Макдиармидов по джирру. Лексические данные по всем трем языкам группы темейн были сохранены в архиве Стивенсона и стали доступны общественности благодаря усилиям Р. Бленча. На данный момент известны:

— рукописный словарный список объемом примерно в 530 слов по темейн [Stevenson 1988], компьютеризированный Р. Бленчем;

— два рукописных списка по кейга джирру (англо-джирру и джирру-английский, в том же объеме, что и по темейн) [Stevenson 1978–1986], компьютеризированные Т. Шнобеленом;

— один рукописный список по тесе, аналогичный по устройству и составу списку темейн [Stevenson 1978–1979], частично компьютеризированный Р. Бленчем.

Полевыми исследованиями по языкам темейн занимались также Ф. Роттланд, А. Якоби и Р. Фоссен, однако собранные ими данные пока что не опубликованы. Некоторые грамматические и лексические данные по темейн собраны также Г. Диммендалем, но не содержат ничего принципиально нового по сравнению с описанием Стивенсона. За последнее десятилетие языки темейн успели попасть в поле зрения специалистов из Летнего института

лингвистики, однако единственным опубликованным исследованием пока остается краткое описание фонологии тесе [Yip 2004]. Дополнительные детали относительно общего состояния «темейнистики» на сегодняшний день можно узнать из обзорной статьи Р. Бленча [Blench 2007].

Собранных Р. Стивенсоном данных в целом достаточно для того, чтобы разбираться как в сложных вопросах морфонологии и морфологии отдельно взятых языков группы темейн, так и в этимологических связях их базисной лексики. При этом важно учитывать также лексический материал языков каду, часто проникающий в базисную лексику кейга джирру и тесе (но не темейн).

Опираясь на материалы Стивенсона по темейн и Макдиармидов по тесе, Дж. Гринберг в свое время определил статус этой группы как одной из первичных ветвей восточносуданской семьи. Восточносуданский статус языков темейн как таковой не оспаривается исследователями, поддерживающими нило-сахарскую гипотезу, но Л. Бендер и К. Эрет расходятся во мнениях относительно конкретного места языков темейн в рамках восточносуданской общности: первый (под вопросом) включает темейн в т. н. «ветвь Еп», объединяя ее с сурмийскими, нилотскими, даджу и джебелскими языками [Bender 2005: 1], второй, напротив, объединяет темейн с языками ньяманг в рамках «горно-нубийской» ветви кир-аббайской (= восточносуданской) семьи.

Позиция Эрета по данному вопросу, по-видимому, уникальна среди «нило-сахаристов»: так, К. Рилли, вслед за Л. Бендером, в своей недавней классификации [Rilly 2009: 46] уверенно помещает темейн в южную ветвь восточносуданской семьи, а ньяманг — в северную. Не исключено, что запутывающим фактором здесь, помимо скудности опубликованных данных (к тому же подробные списки Стивенсона не были использованы Эретом при работе над нило-сахарской реконструкцией), является географическая близость языков темейн и ньяманг, краткие сведения о которых всегда следуют друг за другом в ранних работах как Макдиармидов, так и Стивенсона. На самом деле даже беглого обзора лексических и грамматических сведений по этим группам «на глазок» вполне достаточно, чтобы определить, что *близкого* генетического родства между ними нет и быть не может: об этом наглядно свидетельствуют как лексические, так и грамматические данные

(ср. хотя бы образование мн. ч. существительных — строго суффиксальное и к тому же, как правило, факультативное в нйиманг, но смешанное префиксально-суффиксальное в темейн, с большим парадигматическим разнообразием; принципиальное различие в противопоставлении двух базисных типов глагольных основ — имперфектив/перфектив в нйиманг, единичное/множественное действие в темейн и др.).

3.6.2. *Историческая характеристика.* В типологическом плане фонологические системы языков темейн ничем не отличаются от «среднестатистической» системы, характерной для всех близлежащих языков гор Нуба, в частности, нйиманг и каду. В системе взрывных согласных противопоставлены пять мест образования: губные $p, b, (f)$, дентальные t, d , альвеолярные t, d (конкретная артикуляция этих согласных исследователями чаще определяется как ретрофлексная — t, d), палатальные (фонологическую значимость имеет только аффриката $ʒ$), велярные k, g . Фонологический статус (в том числе, по-видимому, и на прауровне) могут иметь лабиовелярные k^w, g^w, η^w . Стандартным инвентарем представлены фрикативные (s в свободном варьировании с $ʃ$) и сонорные (m, n, η, l, r, y, w) согласные.

Что касается *способа* образования, то, согласно записям Стивенсона, базисной фонологической оппозицией здесь служит противопоставление по глухости/звонкости, причем для звонких отмечена возможность свободного варьирования между собственно звонкой и имплозивной артикуляцией ($b \sim \text{b}$, $d \sim \text{d}$). Абсолютно противоположный анализ для системы тесе представлен в работе [Yip 2004]: автор наблюдает позиционно обусловленную аллофонию между глухими и звонкими (p, t, k в начальной и конечной, b, d, g в интервокальной позиции), в то время как «звонким/имплозивным» Стивенсона в ее концепции соответствует исключительно имплозивная артикуляция. Трудно поверить в то, что столь существенные расхождения могут объясняться ошибочностью записи (оба исследователя — профессиональные африканисты-фонологи); по-видимому, в диалекте тесе, описанном М. Йип, имело место своего рода «передвижение согласных» — бывшие звонкие перешли в имплозивные, а бывшие глухие развили дополнительную систему звонких аллофонов.

В плане вокализма все исследователи сходятся на фонологичности для языков темейн оппозиции по +/-ATR, хотя конкретные постулируемые системы варьируют от 7-членной ([Stevenson 1957] для темейн) до 10-членной ([Yip 2004] для тесе). Проблема аллофонии в этих языках тесно связана с взаимным влиянием гласных в соседних слогах; судя по данным М. Йип, гласные +ATR и -ATR, как правило, не встречаются в пределах одного слова, и можно ожидать, что детальный анализ покажет, что по крайней мере несколько из 10 гласных тесе окажутся позиционными аллофонами, обусловленными влиянием суффиксального вокализма (учитывая общую тенденцию языков рассматриваемого ареала к прогрессивной ассимиляции). При этом Йип отмечает, что характерной для словоформ тесе является в первую очередь артикуляция -ATR. В приводимых ниже предварительных реконструкциях мы будем руководствоваться в основном статистическими соображениями, не претендуя на точность записи вокализма; впрочем, записи Йип будут иметь приоритетный характер, т. к. относительно точности вокалической записи Стивенсона высказывались обоснованные сомнения (Р. Бленч, Г. Диммендаль и др.).

Как Р. Стивенсон, так и М. Йип постулируют для всех языков темейн трехтоновую регистровую систему (высокий, средний, низкий) с возможностью «склеивания» регистровых тонов в контурные (что, впрочем, происходит редко); с этой позицией несколько расходится Г. Диммендаль, предпочитающий постулировать для темейн двухтоновую систему + даунстеп. Как и для ньяманг, мы будем отмечать в реконструкции тоны только при наличии однозначных совпадений между всеми тремя или хотя бы двумя языками.

Попыток формального установления регулярных соответствий между языками темейн и реконструкции пратемейн на сегодняшний день вроде бы не было; учитывая, однако, как близкую степень родства языка темейн и диалектного пучка джирру-тесе (см. 3.11.3), так и тесную близость их фонологических и фонетических систем, задача эта в основном должна сводиться к прояснению отдельных нетривиальных позиционных развитий; соответствующие моменты будут освещены подробнее в ходе разбора 50-словных списков.

Гораздо менее тривиальной оказывается задача реконструкции и интерпретации исторической морфологии языков темейн, неотделимая от задачи собственно лексической реконструкции.

В области морфологии *имени* языки темейн обладают богатой системой как суффиксального, так и префиксального слово- и формообразования. Как единственное, так и множественное число чаще всего оказываются сегментно маркированными, т. е. производными от немаркированной «нейтральной» формы — ср. тесе 'жир': *náɾɿ*? (исходная форма), *náɾɿ-ɖàk* (ед. ч., «сингулятив»), *kɿ=náɾɿ*? (мн. ч.) — хотя в большинстве случаев немаркированная «нейтральная» форма реально не засвидетельствована и представляет собой языковую абстракцию. Такой тип устройства именной парадигмы практически полностью аналогичен ситуации в других языковых семьях гор Нуба — в первую очередь каду и кордофанских — и, учитывая явное отсутствие близкого родства между темейн и этими семьями, по-видимому, имеет ареальное происхождение, хотя отдельные конкретные морфемы темейн, активно участвующие в формообразовании (например, префикс мн. ч. *k=*), вполне могут иметь и исконное происхождение.

В большинстве случаев сопоставительный анализ внутренних (парадигматических) и внешних (межъязыковых) данных позволяет уверенно расчленить именные словоформы на исходный корень и словоизменительные аффиксы. Тем не менее, необходимо учитывать, что «фоссилизация» последних в языках темейн встречается нередко и, как правило, непредсказуема. Например, префикс мн. ч. *k=* в тесе легко вычленяется в слове 'собака' (ед. ч. *ò*?, мн. ч. *k=wɛ-ŋ*), но не в слове 'кость' (ед. ч. *kɔ̃t-ɛk*, мн. ч. *kɔ̃t-ā*?); на синхронном уровне 'кость' имеет нерасчленимый корень *kɔ̃t-*, и только дальнейшее внешнее сравнение с темейн и джирру позволяет определить, что *k=* в этой основе застыло и по аналогии с формой мн. ч. распространилось на ед. ч.¹

В системе глагола характерной особенностью словообразования в темейн является регулярное противопоставление основ со

¹ С исторической точки зрения, впрочем, этот процесс скорее следовало бы охарактеризовать как развитие новой маркированной формы сингулятива на базе старой формы множественного числа (что естественно для слова 'кость', статистически чаще употребляемого в мн. ч.).

значением единичности и множественности действия, как правило, связанное с суффиксацией или инфиксацией одного из алломорфов морфемы **-ta-*. Судя по описанию Р. Стивенсона, языки темейн характеризуются развитой системой глагольного спряжения, но сама по себе морфонология корня в составе различных сложных форм относительно проста и не требует детальной внутренней реконструкции, как, например, в фур или в сахарских языках; отдельные нетривиальные случаи будут разобраны ниже.

3.6.3. *Лексикостатистика*. Предварительная этимологическая обработка списков Р. Стивенсона по трем основным языкам темейн, включая опознание исторических когнатов с нетривиальным фонетическим развитием, а также идентификацию и исключение из подсчетов довольно многочисленных заимствований в кейга джирру и в тесе из языков каду, позволяет построить следующую матрицу:

	Джирру	Тесе
Темейн	0.71	0.67
Джирру		0.85

— что, в соответствии со стандартной глоттохронологической методикой, позволяет датировать распад пратемейнского единства приблизительно концом I тыс. до н. э., а разделение джирру и тесе — серединой I тыс. н. э. Тесе и джирру при этом действительно оказываются скорее двумя отдельными языками, чем диалектами одного языка, что согласуется с позицией Р. Бленча и других исследователей темейн.

50-словный список для языков темейн.

1) «пепел»: (а) тмн *úlū-k*; (б) джр *fūdàʔ*, тсе *pūdàʔ* [St.], *pùdɔ́* [Yip].

Группа форм (б) легко опознается как заимствования из языков каду, ср. тулиши *fūdɔ́*, кейга *fūdúʔ* и др. [Schadeberg 1994: 22]. На статус пратемейн 'пепла', таким образом, может рассчитывать только тмн *úlū-k*, где *-k*, скорее всего, алломорф суффикса мн. ч. *-ik*; Впрочем, неясно, было ли именно это значение корня **ul(u)-* основным — ср. потенциально родственную лексику *wúlʔə* 'грязь'?

2) «птица»: тмн $i=\bar{a}w\bar{e}(?)$, мн. ч. $k=\bar{a}w\bar{e}(?)$, джр $n=\acute{o}i$, мн. ч. $k=w\acute{a}i(?)$, тсе $n=\bar{a}w\bar{e}?$, мн. ч. $k=\bar{a}w\bar{e}?$ [St.], $n=\bar{a}w\bar{e}-k$ [Yip].

Для этого слова легче всего восстанавливается форма мн. ч. $*k=aw\bar{e}$, на основании совпадения данных тмн и тсе; джр $k=w\acute{a}i$ помечено как сомнительная форма, т. к. ее структура не соответствует структуре формы в тсе. Вполне вероятно, что в джр слово 'птица' либо подверглось влиянию, либо было непосредственно заимствовано из языков каду, ср. кронго мн. ч. $w\acute{a}:\acute{i}$, катча мн. ч. $\acute{?}w\acute{i}$: и т. п. [Schadeberg 1994: 23]; префикс мн. ч. $k=$, тем не менее, был добавлен уже внутри джр.

В форме ед. ч. во всех языках представлены редкие префиксы: $*n=aw\bar{e}$ в джр-тсе (к этому префиксу см. ниже части тела: 'глаз', 'рука'), $*i=aw\bar{e}$ в тмн (префикс $i=$ практически уникален, хотя см. ниже 'рот'). К единому праварианту они не сводятся.

3) «черный»: тмн $n=\acute{t}\acute{u}\acute{t}\acute{i}\acute{n}$, джр $\acute{a}n=d\acute{u}\acute{r}\acute{i}\acute{n}$, тсе $\acute{u}=r\acute{u}\acute{r}\acute{i}\acute{n}$ [St.].

Цветобозначения в языках темейн, как и в языках маба (см. выше), часто, хотя и не всегда, содержат элементы редупликации, ср. тмн $n=\acute{t}\acute{u}\acute{t}\acute{i}\acute{k}$ 'белый' = джр $\acute{a}n=d\acute{e}\acute{r}\acute{i}\acute{k}$, тсе $\bar{e}=r\bar{e}\bar{r}\bar{e}\bar{k}$ id.; тмн $y\acute{u}y\acute{u}t$ 'зеленый' \neq тсе $\bar{e}=m\bar{i}m\bar{i}l$ id. В случае с 'черным', однако, ситуация оказывается более сложной, т. к. здесь гласный «редуплицированного» слога отличается от «корневого» гласного. Если учесть еще, что $-n$ — скорее всего, суффиксальный элемент, встречающийся в целом ряде адъективных основ (ср. тмн $k\acute{e}\acute{l}\acute{t}\acute{i}\acute{n}$ 'много', $w\acute{a}:\acute{r}\acute{a}n$ 'теплый', $k\acute{i}d\acute{e}n$ 'один' и др.), то первичной основой здесь скорее следует считать $*=\acute{t}\acute{u}\acute{t}\acute{i}-$ (с регулярным озвончением в джр-тсе); сходство ее с редуплицированными формами других цветовых прилагательных при этом оказывается случайным.

Помимо суффиксального элемента $*-n$ в образовании основы также принимает участие специальный адъективный префикс, реконструируемый либо как $*n=$ с добавлением протетического гласного в пра-джирру-тесе, либо как $*an=$ с редукцией в тмн (в тсе, сверх того, носовой элемент в образовавшемся кластере выпадает, а оставшийся гласный уподобляется корню — ср. полностью аналогичное развитие в пратемейн $*(a)n=\acute{t}\acute{u}\acute{t}\acute{i}$ 'белый'; ср. также такие адъективные основы в тмн, как $n=\acute{z}\acute{u}l\acute{u}n$ 'холодный', $n=\acute{t}\acute{u}b\acute{a}n$ 'хороший', $n=\acute{z}\acute{u}r\acute{t}\acute{a}?$ 'длинный' и др.).

4) «кровь»: тмн $m\acute{o}n\acute{t}\acute{t}$, джр $m\acute{o}n\acute{t}\acute{t}-k$, тсе $m\acute{o}n\acute{t}\acute{t}-k$ [St.].

Пратемейн основа **toni-* + широко распространенный показатель сингулятива **-t̪* (см. ниже 'ноготь', 'ух' и мн. др.). Налицо также любопытное и вполне регулярное развитие **-t̪* → джр-тсе **-k* (только в ауслаутной позиции; то, что развитие было именно таким, а не обратным, доказывается тем, что *-t̪* и *-k* в ауслауте остаются фонологически противопоставленными в тмн).

5) «кость»: тмн *àm-ìs*, мн. ч. *k=ám-ā?*, джр *àm-ìk*, мн. ч. *k=ám-ā?*, тсе *k=ām-ēk*, мн. ч. *k=ám-ā?* [St.], *k=ám-ēk* [Yip].

В этой основе уже на пратемейн уровне имело место морфонологическое чередование: ед. ч. **am-*, мн. ч. **k=am-*, причем в тсе в дальнейшем форма ед. ч. перестроилась под влиянием мн. ч. Суффикс ед. ч. *-is* в тмн продуктивен и частотен, однако не имеет никаких аналогов в джр-тсе, где спираント *-s* в конечной позиции вообще не встречается. Поскольку в подавляющем большинстве случаев словам, оформляемым в тмн через суффикс *-is*, в джр-тсе соответствуют формы на *-ik* ~ *-ek* (ср. ниже 'яйцо', 'зуб', а также, например, тмн *k=álál-is* 'рыба' = тсе *álél-ik* id. и др.), допустимо, что это соответствие имеет чисто фонетическую природу: пратемейн **-s* в джр-тсе совпало с **-t̪*, после чего обе переднеязычные фонемы подверглись в конечной позиции веляризации (см. 'кровь').

Реконструкция всей парадигмы в виде ед. ч. **am-is*, мн. ч. **k=am-a(?)* оставляет открытым вопрос о причине чередования *a / ɔ*, который, по-видимому, не может быть решен без дополнительного морфонологического анализа префикса мн. ч. Судя по имеющимся данным, эту морфему удобнее всего описывать, исходя из базового алломорфа *kɪ=* (как в тмн *lāḡún* 'кожа' → мн. ч. *kɪ=lāḡún(-i)*; джр *ták-āk* 'хвост' → мн. ч. *kɪ=ták-ik* и т. п.), гласный которого подвержен:

а) ассимиляции: *kɪ=* → *kʷ=* или *kɔ=* перед корнями с губным вокализмом, ср. тмн *ʒó:n* 'ночь' → мн. ч. *kʷ=ʒó:n-ik*, *kúrèt* 'камень' → мн. ч. *kʷ=kúrèt*. Этот процесс носит спорадический характер: во многих словах, где ожидалась бы ассимиляция, она не обнаруживается (ср. тмн *nóḡgù* 'колено' → мн. ч. *kɪ=nóḡgù* вм. ожидаемого **kɔ=nóḡgù*), а иногда колебания можно заметить в самих записях: так, в [Stevenson 1957: 185] для тмн *lɔḡɔn* 'слон' дается форма мн. ч. *kɔ=lɔḡɔn*, а уже в списках [Stevenson 1988] этому же слову соответствует мн. ч. *kɪ=lɔḡɔn-ik*. Таким образом, либо ассимиляция по огубленности изначально носила диалектный (или даже идио-

лектный) характер, либо, что более вероятно, налицо вытеснение ассимилированных вариантов аналогическими преобразованиями под влиянием первичного и наиболее продуктивного варианта $k\bar{t}$;

б) элизии: $k\bar{t}$ → k перед корнями, начинающимися с гласного или с глайда w -, ср. в тмн: $\acute{o}m$ 'живот' → мн. ч. $k=\acute{o}m=\acute{i}k$, $wén-\acute{a}t$ 'ухо' → мн. ч. $k=wén$ и др. Выпадающий гласный при этом, как видно, не оказывает никакого воздействия на корень (как-то: палатализация, смена ATR-характеристики корневого гласного и т. п.).

Исходя из указанных морфонологических правил, можно объяснить подавляющее большинство « k -содержащих» форм мн. ч. в языках темейн, но не форму $*k=\acute{o}m-a(?)$ 'кости', где появление губного гласного неожиданно (хотелось бы видеть $*k=am-a$).

Любопытно сопоставить этот случай с во многом похожей на него ситуацией со словом 'муха': ср. в [Stevenson 1957: 186] тмн ед. ч. $a\eta w-is$, мн. ч. $k=v\eta w-ak$, но в [Stevenson 1988] ед. ч. $\acute{o}\eta-is$, мн. ч. $k=\acute{o}\eta-\acute{a}()$, по-видимому, с вторичным выравниванием парадигмы по огласовке мн. ч. Вряд ли случаен тот факт, что в обоих случаях в срединной позиции обнаруживается губной согласный. Из материалов по джр-тсе сюда же стоит подключить такую парадигму, как джр $\acute{a}r\acute{o}$, мн. ч. $k\bar{w}=\acute{a}r-\acute{i}\eta$ 'дорога', тсе $\acute{a}rw$, мн. ч. $k=\acute{o}rr$ id.

По-видимому, здесь все же имеет место какой-то сложный морфонологический процесс — например, аккомодация префикса k по отношению к срединному губному, с возможным переносом огубленности на гласный, т. е. $*k=a\eta w-$ → $*k^w=a\eta w-$ → $k=v\eta w-$; $*k=arw-$ → $*k^w=arw-$ → $k\bar{w}ar-$ ~ $k\bar{o}r-$; $*k=am-$ → $*k^w=am-$ → $k=\acute{o}m-$. Сценарий обратного типа (например, исходные формы ед. ч. $*wa\eta w-$, $*warw-$, $*wat-$ с диссимилятивным выпадением губного глайда в анлауте?) менее вероятен, т. к. корни с двумя губными согласными для «суданского» ареала — большая редкость.

б) «ноготь»: (а) тмн $l\acute{u}l-\acute{i}t$, мн. ч. $k(l^w)=\acute{o}l-l-\acute{i}n$; (б) джр $k\bar{t}=s\acute{a}\eta w\acute{a}r-\acute{t}ak$, мн. ч. $k\bar{t}=s\acute{a}\eta\acute{a}r\acute{u}$, тсе $s\acute{a}z\acute{a}r-\acute{i}k$, мн. ч. $k\bar{t}=s\acute{a}z\acute{a}r-\acute{o}\eta$ [St.].

Форма в джр легко опознается как заимствование из каду, ср. тумма $m\acute{a}=s\acute{o}\eta g\acute{o}r\acute{o}$ (мн. ч. $k\bar{a}=$), мири $m\acute{u}=s\acute{o}\eta g\acute{o}r\acute{o}$ (мн. ч. $k\bar{u}=$) и др. [Schadeberg 1994: 35]; непосредственным источником служила более частотная форма мн. ч., с аналогическим выравниванием префикса по стандартной модели темейн (каду $*ki$ → джр $k\bar{t}$). Сложнее обстоит дело с тсе, где на месте закономерно ожидаемого велярного носового оказывается «палатализованный» вари-

ант -ʒ-, при том, что других случаев десоноризации и палатализации -ɲ- в этом языке неизвестно. Тем не менее, учитывая полное совпадение двух других согласных в трехконсонантной структуре, формы в джр и тсе все же не следует отделять друг от друга. Возможно, они были заимствованы из разных диалектов каду, или в тсе в дальнейшем имела место контаминация с каким-то другим корнем.

Более архаичной по всем параметрам выглядит основа в тмн, однако для того, чтобы корректно вычленить в ней корень, следует обратиться к сопоставительным данным. В частности, почти полностью аналогичная парадигма (за исключением суффиксации) обнаруживается у слова *lólòk*, мн. ч. *k=ólòg-ìk* 'змея' = джр *lālòk*, мн. ч. *kw=ól-ìɲ*; тсе *lólòk*, мн. ч. *k=ól-ìʔ*. В обоих случаях просматриваются два варианта основы — с нулевым консонантным анлаутом в форме мн. ч. и с анлаутом *l-* в ед. ч.

Из двух возможных решений («приставное» *l-* в ед. ч. или выпадение этого корневого согласного в мн. ч.) более вероятно первое. Префикс мн. ч. *kɪ=* и его варианты в языках темейн не обладают способностью поглощать первый согласный корня: ср., например, тмн *lɔ̀ɲɔ̀n* 'слон', мн. ч. *kɪ=lɔ̀ɲɔ̀n-ìk* и др. С другой стороны, бросается в глаза, что в обоих приведенных случаях *срединным* корневым согласным также является *-l-*. Это дает возможность объяснить «приставное» *l-*, не увеличивая инвентарь праязыковых грамматических морфем — как алломорф сингулятивного префикса *n=*, уподобляющийся корневому *-l-*: **n=ol-* 'ноготь' → **l=ol-*, **n=olv-* 'змея' → **l=olv-* уже на уровне пратемейн.

Разумеется, нельзя поручиться за то, что *l=* происходит именно из **n=*, а не из какого-то иного, свержредкого, префикса, но существенно для анализа лишь то, что есть веские основания для отсечения *l=* как исконно морфологического элемента. Третий случай такого рода, имеющий некоторые уникальные особенности, будет разобран ниже (см. 'голова').

Не вполне ясной остается ситуация с вокалическим чередованием в тмн; списать ее на ассимилятивные тенденции невозможно, т. к. гласный суффикса один и тот же и в ед., и в мн. ч. Не исключено, что чередование это архаично и как-то обусловлено слиянием корневого гласного со старыми огласовками исконно CV-образных префиксов, однако эта сложная тема заслуживает отдельного исследования.

7) «умирать»: (а) тмн *jīm-ùk*, мн. ч. *jīm-áṭāṭ-ùk*; (б) джр, тсе *ṭábā-là*, мн. ч. *búlá-ḡà* [St.].

Корень **jīm-* в тмн не имеет параллелей в джр-тсе, где для этимона 'умирать' наблюдается супплетивизм: формы с субъектом ед. ч. образуются от основы **ṭab(a)-* (морфема *-là* надежно опознается как продуктивный глагольный суффикс, хотя и с неясным значением — ср. тсе *ḡísā-là* 'дышать', *bēḡē-là* 'падать' и мн. др.), формы с субъектом мн. ч. — от основы **bula-*, причем стандартным образом, с помощью продуктивного суффикса *-ḡà*, так что можно с уверенностью предполагать существование в прошлом и простой основы **búlá*.

То, что в этой основе согласный *-l-* принадлежит корню, подтверждается этимологической параллелью в тмн — производной основой *būl-in* 'мертвый'; эта изоглосса автоматически превращает основу **bul-* в наиболее вероятного «кандидата» на значение 'умирать' и на пратемейн уровне. Тмн *jīm-* и джр-тсе **ṭab(a)-* в этом случае могут представлять собой эвфемизмы, происхождение которых удастся установить лишь при наличии более подробных словарных описаний всех трех языков. Нельзя исключить и возможность суффиксального характера *-l-* в основе **bul-* (т. е. *-la-* в *bu(-)la-ḡà* может быть таким же суффиксом, что и *-la* в *ṭaba-la*), но конкретных аргументов в поддержку такого анализа нет, скорее наоборот (ср. сохранение *-l-* в тмн *būl-in*).

8) «собака»: тмн *ô?*, мн. ч. *k=wê-n*, джр *k=ð?*, мн. ч. *kwê-ŋ*, тсе *ò?*, мн. ч. *k=wê-ŋ* [St.]. || Пратемейн ед. ч. **o:(?)*, мн. ч. **k=we-n* (развитие **-n* → джр-тсе **-ŋ* регулярно: переднеязычный *n* в конечной позиции в этих языках запрещен даже на синхронных уровнях). В джр форма ед. ч. выровнена по аналогии с мн. ч.

Р. Стивенсон [Stevenson 1957: 185] объясняет форму *k=we-n* через стяжение из **k=wo-m*, где *-m* — частотный для основ с консонантным ауслатом показатель мн. ч. (ср. ниже 'голова', 'рот' и др.). Однако это не объясняет долготы гласного в формах ед. ч., странным образом пропадающей в формах мн. ч. (при том, что в рамках трехморной последовательности **k=wo:-m* эта долгота непременно должна была сохраниться).

Допустимо поэтому думать об исходном варианте корня **=we-*, который в мн. ч. оформлялся «циркумфиксом» **k= ... -n*, а в ед. ч. на раннетемейнском уровне мог употребляться в сочетании

с вокалическим префиксом, напр., **a=we* или **i=we* (про **i=* см. 'птица'; редкий префикс **a=* еще встречается в джр, ср. $\bar{a}=z\bar{u}n\bar{i}$ 'ночь', $\acute{a}=q\bar{e}\eta$ 'человек').

9) «пить»: (а) тмн $\bar{a}\bar{u}s-\bar{a}$, мн. ч. $\bar{a}\bar{u}s-\bar{a}-\bar{t}\bar{a}$, джр $\acute{o}s-\bar{a}$, мн. ч. $\acute{o}s-\bar{a}-\bar{d}\bar{a}$; (б) тсе $\acute{m}\acute{a}\bar{t}\bar{i}-l\bar{a}$, мн. ч. $\acute{m}\acute{a}\bar{t}\bar{i}-l\bar{a}-\bar{d}\bar{a}$ [St.], $\acute{m}\acute{a}\bar{t}\bar{t}\acute{e}-l\acute{e}$ [Yip]. || Пратемейн **awis-* (?).

Ауслаутный гласный *-a* здесь и ниже является показателем императива (в записях Р. Стивенсона по умолчанию именно эта форма дается как основная, т. к. в ее состав не входят местоименные префиксы, что позволяет точнее определить корень).

Тмн форма $\bar{a}\bar{u}s\bar{a}$ содержит чрезвычайно редкую и нетипичную для этого языка дифтонгическую последовательность, на что в свое время обратил внимание уже Р. Стивенсон, возводя ее к стяжению из **awisa*; если это так, то в джр соответствующее стяжение прошло через два этапа, с последующим развитием **awsa* → $\acute{o}s\bar{a}$. Такая реконструкция, однако, приводит к осложнениям морфологического характера: глагольного суффикса *-s-* или *-is-* в тмн нет, и приходится постулировать двусложный глагольный корень структуры VCVC, что для столь «базисного» этимона, как 'пить', вызывает удивление.

Параллельно стоит обратить внимание и на тсе $\acute{m}\acute{a}\bar{t}\bar{i}-l\bar{a}$: дистрибуционный критерий требует признать употребление этой основы в значении 'пить' вторичным, но нельзя не обратить внимание на ее сходство с аналогичными основами в сурмийских, джебельских и нилотских языках, заимствования из которых в тсе после его отделения от джр крайне маловероятны. Не исключено, что здесь, как и в случае с глаголом 'умирать' (см. выше), на пратемейн уровне мог быть представлен супплетивизм, при котором основы **awis-* и **maṭi-* были распределены относительно числа объекта. К сожалению, при отсутствии более подробных данных точно реконструировать детали этой дистрибуции невозможно, и к внешнему сравнению в первую очередь все равно необходимо привлекать только основу **awis-*, надежно реконструируемую на пратемейн уровне по данным обеих основных ветвей.

10) «сухой»: (а) тмн $\bar{r}\bar{a}:r\bar{i}$, джр $\acute{f}\bar{a}:r\bar{i}-k$, мн. ч. $k\bar{e}=\acute{f}\bar{a}:r\bar{i}-k$; (б) тсе $\bar{e}\bar{d}\bar{i}-n\bar{a}r$ [St.].

Формы группы (а) отражают регулярное соответствие «тмн $\bar{r}-$: джр $\acute{f}-$: тсе $\bar{q}-$ », ср. в 100-словном списке также 'спать': тмн $\bar{r}\acute{o}\bar{h}-\bar{i}n-\bar{v}k$ = джр $\acute{f}\bar{a}\eta-\bar{u}n-\bar{u}$ = тсе $\bar{q}\bar{a}\eta(g)-\bar{i}r-\bar{v}$. Первичным, по-видимому, явля-

ется вибрانت **r-*, т. к. ретрофлексные согласные *t̤*, *q̤* в начальной позиции в тмн встречаются, а вибрانت *r-*, напротив, в джр-тсе крайне редок и ограничен словами, не имеющими параллелей в тмн (т. е. потенциальными заимствованиями).

Дистрибуция когнатов однозначно свидетельствует в пользу пратемейн **ra:ri* как главной основы в значении 'сухой'. Странная многосложная основа *ēḍḍīṇàr* в тсе не поддается ни этимологизации, ни даже убедительному морфологическому анализу (скорее всего, *ē=* — адъективный префикс, возможно, ← **(a)n=*, см. выше 'черный'); как заимствование оно тоже не опознается, так что следует постулировать вторичное замещение неясного происхождения.

11) «ухо»: тмн *wénà-t̤*, мн. ч. *k=wěṇ*, джр *wānā-k*, мн. ч. *k=wèṇ*, тсе *ṇwán-ík*, мн. ч. *k=wé:ṇ* [St.], *ṇ^wán-ík*, мн. ч. *k^wèṇ* [Yip]. || Пратемейн ед. ч. **wena-t̤*, мн. ч. **k=wen^(a)*.

В плане консонантизма здесь обращает на себя внимание только необычное начальное сочетание *ṇw-* в тсе. Признать *ṇ-* в составе этой основы архаизмом невозможно, т. к. никаких следов этой фонемы ни в тмн, ни в джр (где *ṇ-* обычно сохраняется) нет. Дело здесь скорее в том, что губной глайд *w-* в тсе чрезвычайно неустойчив: по крайней мере в одном известном случае он выпадает (тмн *wá:rāṇ* 'горячий' = тсе *ārrāṇ* id.; здесь, правда, выпадение распространяется и на джр, ср. *ā:rāṇ* id.), в других случаях оказывается «прикрытым» префиксом *k=*, распространившимся на форму ед. ч. (см. ниже 'яйцо'), наконец, в третьих — получает вторичную назализацию, причем в данной ситуации ее нельзя даже объяснить влиянием срединного носового, т. к. ср. тмн *wúrək* 'идти' = тсе *ṇwúrò* id. Для более тщательного изучения судьбы пратемейн **w-* в тсе у нас не хватает материала, но все текущие данные скорее говорят в пользу наращивания в данной ситуации *ṇ-*, чем отпадения его в тмн и джр.

Еще одно возможное объяснение — развитие формы *ṇwán-ík* из **n=wān-ík*, где *n=* — префикс ед. ч., в двух других языках выпавший в этой позиции бесследно. Хотя полностью аналогичных примеров, подтверждающих такое развитие, нет, данная гипотеза хорошо ложится на общий факт существования парадигматической модели «ед. ч. **n= ...(-a-)t̤* : мн. ч. **k= ... -Ø*», типичной для целого ряда частей тела (см. ниже 'глаз', 'рука'), а ситуация, в которой анлаутный носовой в тсе противопоставлен отсутствию

носового в джр, до некоторой степени воспроизводится также в этимоне 'язык', см. ниже.

В плане вокализма первична, скорее всего, огласовка в тмн, т. к. передний вокализм первого слога здесь невозможно объяснить переогласовкой под влиянием второго слога; в джр-тсе, напротив, могла иметь место ассимиляция (*wena- → *wana-) с последующей редукцией (→ *wanə-; гласный ə в джр — позиционный вариант то ли a, то ли i). К сожалению, огласовка основы CeCaC в темейн встречается очень редко, и найти надежное подтверждение для этого сценария пока не удастся (равно как и опровержения). Однако следует подчеркнуть, что он предполагает реконструкцию для ед. ч. двусложной основы *wena- (+ суффикс *-t); косвенным намеком на то, что двусложная основа когда-то была представлена и в форме мн. ч. (*k=wena → *k=wep с отпадением конечного гласного) могут являться контурный тон в тмн и/или долгота гласного в тсе («компенсаторного» характера, особенно контурный тон).

12) «есть»: тмн lám-ā, мн. ч. lám-ā-tà, джр, тсе lám-ā, мн. ч. lám-ā-dà. || Однозначно реконструируется пратемейн *lam-.

13) «яйцо»: тмн wār-īs, мн. ч. k=war-a(?), джр k=wōrē-dāk, мн. ч. k=wārā?, тсе k=wōrē-k, мн. ч. k=wārā? [St.]. || Пратемейн *war-.

Исходную парадигму, по-видимому, следует восстанавливать как ед. ч. *war-is, мн. ч. *k=war-a(?), с последующими изменениями:

(а) *war-is → джр-тсе *war-ɪt → *wɔr-ɛt¹, после чего в джр ед. ч. расширилось за счет присоединения дополнительного сингулятива -ak, а в тсе имело место регулярное развитие *wɔr-ɛt → *wɔr-ɛk;

(б) в тсе, как и во многих других случаях, *wɔr-ɛk → k=wɔr-ɛk по аналогии с более частотной для лексемы 'яйцо' формой мн. ч.

14) «глаз»: тмн n=ínjínà-t, мн. ч. k=én, джр n=ánjānà-k, мн. ч. kīdā=k=īj-èŋ, тсе n=án:n-k, мн. ч. k=én-ìŋ [St.], мн. ч. k=én-ìŋ [Yip].

Очевидно, что парадигма этого слова отличалась повышенной сложностью уже на уровне пратемейн. Разбор имеет смысл начать с формы мн. ч., т. к. для парных объектов в языках темейн (как и в каду) она обычно является менее маркированной, более короткой и, соответственно, легче поддается реконструкции. Здесь в первую очередь бросается в глаза соответствие *контурного*

¹ Реконструкция вокалических преобразований примерна; в принципе соответствия здесь нерегулярны, но ср. аналогичное соответствие во втором слоге для тмн àm-ìs 'кость' = тсе k=əm-ék id.

тона в темейн двусложной структуре в джр-тсе, что позволяет предположить стяжение последовательности $*\text{-VNVN} \rightarrow *\text{-V:N}^1$. Тогда оптимальной реконструкцией была бы форма $*k=\text{a}j\text{-m}$, где $=\text{a}j\text{-}$ — корень, а $*\text{-m}$ — продуктивный на пратемейн уровне суффикс мн. ч. (образующий «циркумфикс» с префиксом $*k(=)$).

В джр обнаруживается и более простая форма мн. ч.: $k=\text{i}j\text{-}\acute{\epsilon}\eta$, но она сохранилась только в значении 'лицо', в то время как для 'глаза' употребляется расширенный вариант с дополнительным префиксом $k\acute{\imath}d\acute{a}=($ подробнее об этом префиксе см. 'сердце'). Гласный корня уподобляется гласному суффикса, как в тсе.

В ед. ч. на пратемейн уровне также был представлен циркумфикс, надежно реконструируемый в виде $*n= \dots *a\acute{t}$ (ср. выше сингулятив $*n=$ в слове 'птица', а также ниже в слове 'рука'). Реконструкция основы, обрамленной этим циркумфиксом — наиболее сложный момент всей этимологии. Соответствие $\langle \text{тмн} = \text{m}j\text{-m} : \text{джр} = \text{a}j\text{a}j\text{-} : \text{тсе} = \text{a:n} \rangle$ естественным образом предполагает, что в тсе здесь имело место стяжение последовательности из двух носовых, аналогичное стяжению в тмн форме мн. ч. (ср. особенно долготу гласного в тсе); помимо этого, в исходной структуре была представлена комбинация из гласных нижнего и верхнего подъема, по-разному выравнивавшаяся в тмн и в джр.

Оптимальным исходным вариантом, учитывающим все особенности форм в языках-потомках, может быть реконструкция $*n=\text{a}j\text{m-a}\acute{t}$. Компонент -m- при этом может отождествляться с -m- мн. ч. — при условии, что перед нами специальное сингулятивное образование, т. е. форма ед. ч. исторически производна от формы мн. ч. (что для языков рассматриваемого ареала вполне естественно). Главная сложность, однако, в том, что в *корневых*

¹ Данное соответствие между тмн и джр-тсе — наглядный пример первостепенной важности промежуточных реконструкций. В частности, К. Эрет в своем обще-нило-сахарском сравнении [Ehret 2001: 596] учитывает только тмн $k\acute{\epsilon}\epsilon n$, анализируя эту форму как $k=$ (префикс мн. ч.) + $=\acute{\epsilon}\epsilon$ (супплетивный корень, никак не связанный с формой ед. ч.) + $-n$ (старый суффикс мн. ч.); это позволяет ему далее сопоставлять эту форму с такими основами, как удук $\acute{\epsilon}$ 'глаза' (команская группа) и др. — что на самом деле невозможно ввиду уточняющих данных близкородственных языков джр-тсе, показывающих, что в тмн в интервокальной позиции выпал носовой согласный.

морфемах ед. и мн. ч. приходится реконструировать различные носовые согласные — палатальный для мн. ч., велярный для ед. ч.; исходя из модели, предполагающей на пратемейн уровне один и тот же носовой, невозможно объяснить столь разительные расхождения в рефлексации.

Реконструируя исходную парадигму **n=an-ma-t̥* (ед. ч.) : **k=an-m* (мн. ч.), мы, таким образом, вынуждены постулировать здесь супплетивизм. Однако, учитывая как факт очевидной фонетической близости обоих вариантов, так и типологическую необычность супплетивной парадигмы для слова 'глаз' в рассматриваемом ареале, уместно все же предположить, что в конечном итоге (на «до-темейн» уровне) они сводятся к единой праформе. Один из возможных сценариев — исходный корень **=an-*, давший два варианта: (а) палатализованный в структуре **k=an-m* и (б) веляризованный в структуре **n=an-m-* из-за диссимилиации идущих подряд трех переднеязычных носовых согласных. Подтвердить или опровергнуть такой сценарий, однако, может только выход на внешний уровень сравнения, поэтому на данном этапе разумнее записывать результаты в виде пратемейн чередования **=an-* ~ **=an-*, которое может отражать как два старых фонетических варианта одного корня, так и две супплетивные основы. Ниже будет показано, что аналогичное чередование в формах слова 'глаз' также характерно для разных ветвей нилотской семьи, что (при условии подтверждения восточносуданской гипотезы) существенно повышает вероятность его архаичности и в пратемейн.

15) «огонь»: тмн *póḏiŋ*, мн. ч. *kī=póḏiŋ-ik*, джр *fáḏiŋ*, мн. ч. *kī=fáḏiŋ*, тсе *póḏiŋ*, мн. ч. *kī=hóḏiŋ* [St.], *pàḏiŋ* ~ *fàḏiŋ* ~ *hàḏiŋ* [Yip].

Пратемейн **raḏiŋ*, с вторичной огубленностью в тмн (под влиянием начального губного) и, помимо этого, с диалектной «умляутизацией» в тсе (притом что в диалекте, описанном Йип, сохраняется исходная артикуляция). Суффикс **-ŋ* или, возможно, **-m* в пратемейн встречается нередко, очень часто — в адъективной функции (см. выше 'черный'), так что можно предполагать производный характер основы, но производящий корень с подходящим значением (напр., 'гореть' или 'сиять') в темейн не обнаружен.

16) «нога»: тмн *áwà-t̥*, мн. ч. *kw=úl-t̥in*, джр *állù-k*, мн. ч. *kw=úl-ḡiŋ*, тсе *állò-k*, (?) мн. ч. *kw=ódāḡè* [St.].

Чрезвычайно запутанная ситуация. Надежнее всего реконструируется комплексная основа мн. ч.: тмн и джр согласованно указывают на вариант $*k=ul-t(-)m$ с корневой морфемой $*=ul-$, образованный при этом не от «нейтральной» (немаркированной) основы, а от сингулятивной основы $*=ul-(V)t$ (отн. суффикса $*-t$ см. выше 'кровь'). Этому варианту противопоставлена странная форма $kw=\acute{\delta}\acute{\delta}\acute{a}q\grave{e}$ в тсе — загадочная не только в плане сегментного состава корня, явно не сводимого к $*=ul-$, но и в плане маркирования мн. ч.: формант $-q\grave{e}$ как показатель мн. ч. при именах больше нигде не встречается (он хорошо известен как показатель *глагольного* множественного, ср. $\acute{e}?$ 'знать', мн. ч. $\acute{a}:-q\grave{e}$ и др.). Дистрибуция рефлексов однозначно говорит об инновации в тсе; если эта форма вообще записана корректно, нельзя исключать ее заимствованное происхождение — например, бросается в глаза сходство с кронго $\acute{a}w\acute{w}\acute{a}:\acute{d}itt\acute{i}$ 'нога' [Schadeberg 1994: 29], формой, которая вполне могла фонетически трансформироваться в $*\acute{\delta}\acute{\delta}\acute{a}q\grave{e}$ с добавлением форманта мн. ч. уже на почве тсе (правда, в словаре кронго [Reh 1985a: 407] эта сложная форма переводится как 'пятка'; обычная 'нога' имеет вид $\acute{a}w\acute{w}\acute{a}$).

Основа мн. ч. $*=ul-$ вряд ли отделима от основы ед. ч. в джр (*allu-*) и в тсе (*allo-*), но не имеет очевидного фонетического сходства с тмн *awa-*. На первый взгляд, здесь следует постулировать супплетивизм — собственно говоря, на синхронном уровне в тмн это единственное приемлемое решение. Однако в диахроническом плане здесь есть две серьезные проблемы: (а) типологическая — супплетивное образование форм ед. и мн. ч. для слова 'нога' рассматриваемому ареалу не свойственно; (б) проблема конкретного сценария — если супплетивизм в тмн архаичен, отсутствие его в джр могло бы объясняться только аналогическим выравниванием по основе мн. ч., но никакое выравнивание не позволит получить из формы $kw=\acute{u}l-q\grave{a}n$ форму $\acute{a}ll\acute{u}-k$.

Таким образом, для супплетивизма в тмн следует искать вторичный источник. В первую очередь опять-таки бросается в глаза сходство формы ед. ч. с вышеупомянутой лексемой в кронго ($\acute{a}w\acute{w}\acute{a}$; легко восстанавливается в таком же виде и на уровне пракаду). Однако напрямую постулировать заимствование затруднительно в связи с тем, что тмн не подвержен такому же сильному влиянию со стороны языков каду, как подветвь джр-тсе — в пре-

делах 100-словного списка не обнаружено ни одного явного заимствования из этой семьи, так что единичное проникновение в список 'ноги' маловероятно.

Второй вариант — попытаться свести основы *awa-* и *=ul-* к единой праформе. Соответствие «тмн *-w-* : джр-тсе *-(l)l-*» больше нигде не обнаружено, так что любое объяснение здесь будет субъективным. Однако любопытно, что и для джр, и для тсе Стивенсон записывает в ед. ч. формы с удвоенным *-ll-* — при том, что геминированная артикуляция в этих языках носит не аллофонический, а явно фонологический характер (ср. многочисленные минимальные пары, выписанные в [Yip 2004: 103–104]). Это означает, что в джр-тсе сингулятивах может имплицитно присутствовать скрытое консонантное сочетание. Возможный сценарий — пратемейн основа **alwa-* (или **awla-*), с исходной парадигмой ед. ч. **alwa-t*, мн. ч. **k=alwa-t-m* → **k=ul-t-m*, после чего:

— в тмн сочетание *-lw-* (*-wl-*) упрощается в *-w-* (возможно, не без влияния формы *awa-* в соседних языках каду);

— в джр-тесе **alwa-* → **alwo-* → **allo-*: губной глайд ассимилирует последующий гласный, после чего сам уподобляется предыдущему сонанту, образуя геминату.

Разумеется, не исключены и другие варианты развития; главным для нас здесь было показать, что (а) существуют непротиворечивые способы избавиться от нежелательного супплетивизма на пратемейн уровне; (б) что в пратемейн 'ноге' основная смысло-различительная нагрузка должна была лежать на плавном сонанте *-l-* и, возможно, сопровождающем его губном элементе (либо гласном, либо глайде, стоявшем либо слева от сонанта, либо справа от него). Праоснову **=alwa-* мы будем, тем не менее, записывать под знаком вопроса.

17) «волосы»: тмн *ʒé-t-ìt*, мн. ч. *kí=ʒè-t*, джр *kí=ʒà-k*, тсе *kí=ʒá-dìk*, мн. ч. *kí=ʒà-k* [St.]. || Пратемейн **ʒɛ-(t)*.

Начальный *ʒ-* — фонема довольно редкая, и однозначно определить, какой из двух вариантов (*ʒɛ-* и *ʒa-*) первичен, не удастся: гласный мог подвергнуться как палатальной ассимиляции в тмн, так и диссимилиации в джр-тсе. Учитывая, что для тмн по записям Стивенсона удастся установить несколько надежных квази-минимальных пар на противопоставление *ʒɛ* и *ʒa*, мы все же склоняемся к первичности артикуляции в тмн.

Все разнообразие морфологических вариантов выводится из исходной формы $*\mathfrak{z}\varepsilon\mathfrak{t}$: общая для всех трех языков и, очевидно, наиболее частотная и «естественная» форма коллективного мн. ч. $*k\mathfrak{l}=\mathfrak{z}\varepsilon\mathfrak{t}$; сингулятив $\mathfrak{z}\varepsilon\mathfrak{t}-\mathfrak{t}$ в тмн; вторично образованный от формы мн. ч. сингулятив $*k\mathfrak{l}=\mathfrak{z}\varepsilon\mathfrak{t}-\mathfrak{t}$ в тсе. Внутренняя реконструкция, однако, показывает, что и вариант $*\mathfrak{z}\varepsilon\mathfrak{t}$ скорее всего изначально состоял из корня $*\mathfrak{z}\varepsilon$ и обычного для тмн суффикса ед. ч. $*-\mathfrak{t}$, застывшего уже на раннем этапе развития. Ср. аналогичный процесс, имевший место в тмн со словом 'семья': мн. ч. $\mathfrak{t}\hat{\varepsilon}\mathfrak{t}$, ед. ч. $\mathfrak{t}\hat{\varepsilon}\mathfrak{t}-\mathfrak{t}$ — казалось бы, корень должен однозначно определяться как $*\mathfrak{t}\hat{\varepsilon}\mathfrak{t}$, но контурный тон указывает на возможное стяжение из двусложной структуры, и, действительно, ср. в джр мн. ч. $\mathfrak{t}\acute{\varepsilon}:\mathfrak{y}-\grave{\mathfrak{a}}k$, ед. ч. $\mathfrak{t}\acute{\varepsilon}:\mathfrak{y}\bar{\mathfrak{t}}-\grave{\mathfrak{a}}k \leftarrow * \mathfrak{t}\acute{\varepsilon}\mathfrak{y}\mathfrak{a}-\mathfrak{t}$, $*\mathfrak{t}\acute{\varepsilon}\mathfrak{y}\mathfrak{a}-\mathfrak{t}-\mathfrak{t}$, т. е. $-\mathfrak{t}$ не может быть частью исходного корня, исходя из общей структуры словоформы.

18) «рука»: тмн $n=\acute{\mathfrak{i}}n\grave{\mathfrak{a}}-\mathfrak{t}$, мн. ч. $k=\acute{\varepsilon}n$, джр $n=\acute{\mathfrak{a}}n\grave{\mathfrak{a}}-k$, мн. ч. $k=\acute{\varepsilon}n$, тсе $\acute{\varepsilon}n=n\grave{\varepsilon}-k$, мн. ч. $k=\acute{\varepsilon}n$ [St.]. || Пратемейн основа $*=\varepsilon n$ (мн. ч.).

Это слово в парадигматическом отношении устроено очень похоже на 'глаз' (см. выше): префикс мн. ч. $k=$ чередуется здесь уже на прауровне с «циркумфиксом» ед. ч. $n= \dots -\mathfrak{t}$. Однако непредсказуемых рефлексов в этой основе оказывается намного меньше. В тсе, по-видимому, зафиксирована форма с нерегулярной метатезой: $\acute{\varepsilon}n=n\grave{\varepsilon}-k \leftarrow *n\varepsilon=n\varepsilon-k$. Труднее всего разобраться с вокалическим чередованием: если в мн. ч. во всех трех языках представлен один и тот же рефлекс ε , то в ед. ч. все языки демонстрируют отличные друг от друга фонемы. Не исключено, что это связано с воздействием на вокалический анлаут корня префикса ед. ч. — при условии, что первичной формой его было не моноконсонантное $n=$, а, например, однослог $*n\mathfrak{l}=$ (ср. однослог $*k\mathfrak{l}=$ как предложенный выше вариант «по умолчанию» для префикса мн. ч.; см. также 'солнце').

В любом случае опираться нужно в первую очередь на вариант $*=\varepsilon n$ как однозначно реконструируемый по крайней мере для основы мн. ч., являющейся для данного «парного» слова приоритетной по сравнению с более сложным в морфологическом плане сингулятивом.

19) «голова»: тмн $l=\bar{\mathfrak{v}}\bar{\mathfrak{o}}\bar{\mathfrak{l}}$, мн. ч. $k(w)=\bar{\mathfrak{o}}\bar{\mathfrak{l}}\bar{\mathfrak{v}}-\mathfrak{t}\bar{\mathfrak{i}}n$, джр $\acute{\mathfrak{a}}ll\bar{\mathfrak{o}}$, мн. ч. $k w=\acute{\mathfrak{u}}l-\mathfrak{d}\bar{\mathfrak{i}}n$, тсе $\acute{\mathfrak{o}}ll\bar{\mathfrak{o}}$, мн. ч. $k=\acute{\mathfrak{u}}ll-\mathfrak{i}\bar{\mathfrak{d}}\bar{\mathfrak{i}}n$ [St.]. || Пратемейн $*=\mathfrak{v}l\bar{\mathfrak{o}}$.

Сравнительная морфонология этой основы опять-таки отличается повышенной сложностью. В тмн форме *l̥v̥l̥ð* начальный *l̥* однозначно не принадлежит корню, поскольку в форме мн. ч. он отсутствует. По-видимому, здесь та же ситуация, что и с 'ногтем' и 'змеей' (см. выше): развитие из **n=̥v̥l̥ð*, где первый согласный — префикс ед. ч., уподобившийся срединному латеральному сонанту корня. В мн. ч. имела место своеобразная метатеза вокализма: возможно, что перестройка произошла под влиянием переднего гласного суффикса (в сторону которого переместился корневой передний гласный *v*).

В морфологическом плане форма мн. ч. в тмн структурно тождественна соответствующей форме в джр-тсе: префикс **k=* + основа **=vl(o)-* (с возможностью редукции или ассимиляции второго гласного) + суффикс **-̥tm*. Однако из формы ед. ч. **n=vlo* → **l̥=vlo* напрямую не выводимы джр *állð* и тсе *óllð*. Здесь придется предполагать вторичную префиксацию: например, **a=* + **l̥=vlo* → **a=l̥vlo* → *allo* ~ *ollo* (ср. джр *à=gûrû-k* 'перо', мн. ч. *k=ûgûrû*). Возможны и другие сценарии, объясняющие развитие цепочки **lvlo* в редуцированный вариант **=llo*, но в самом факте такого развития сомневаться не приходится.

20) «слышать»: тмн *ťónwà*, мн. ч. *ťónwà-ťà*, джр *ťɔ̃ŋwā*, мн. ч. *ťɔ̃ŋwā-ďà*, тсе *ťv̥ŋwā*, мн. ч. *ťv̥ŋwā-ďà* [St.]. || Пратемейн **ťɔ̃ŋ^w*, мн. ч. **ťɔ̃ŋ^w-a-ťà* (реконструкция корневого вокализма приблизительно, однозначна только губная артикуляция).

21) «сердце»: (а) тмн *ôtm* (*ťɔ̃mà*); (б) джр *qānā:-ďōnð*, мн. ч. *kīďā:-ďōnð*, тсе *qālā:-ďōnð*, мн. ч. *kīďā:-ďōn-ik* [St.].

Тмн *ôtm* определяется Стивенсоном как 'сердце' в абстрактном смысле («heart as seat of emotions»); это, по-видимому, переносное значение слова *ôtm*, мн. ч. *k=ôtm=ik* 'живот' = джр *k=ôŋ*, тсе *ôŋ* id. (с диссимиляцией двух губных сегментов в пра-джр-тсе). Для обозначения физического органа употребляется идиоматическое сочетание *ôtm* *ťɔ̃mà*, но второй его компонент в записях Стивенсона отдельно не встречается; возможно, что эта основа имеет пространственное значение ('над', 'внутри', 'в центре?').

В джр-тсе также налицо идиоматизация по достаточно стандартной модели, в которой «переменный» член подчиняется существительному *qāk*, мн. ч. *kī=ďèk* 'ребенок', причем конечный согласный может как сохраняться, так и выпадать (особенно в по-

зиции перед другим согласным), а между корневыми элементами в ед. ч. всегда, в мн. ч. — иногда (редко) стоит посессивный маркер *na*. Ср.: *kūḍèrìṅ* 'мошонка' → ед. ч. *ḡá-nā-kūḍèrìṅ*, мн. ч. *kī=qḡá=kūḍèrìṅ* 'яичко'; *nánák* 'рука', мн. ч. *kéṅ* → ед. ч. *ḡák-nā-nánák* ~ *ḡá-nā-nánák*, мн. ч. *kī=qḡ=géṅ* 'палец' и др.

Аналогичным образом и 'сердце' в буквальном смысле оказывается чьим-то 'ребенком' — с той разницей, что отдельного слова *ḡōṇò* в записях Стивенсона не обнаружено. По аналогии с выше-приведенными примерами можно было бы предположить, что *ḡōṇò* = 'грудь', но последнее значение по крайней мере в джр выражается совершенно иной основой (*ā=qḡ-k*, мн. ч. *kw=qḡḡ=ḡīṅ*); в тсе эквивалент для 'мужской груди' неизвестен. Тем не менее, идиоматическое выражение значения 'сердце', не имеющее параллелей в тмн, дает возможность усомниться в архаичности соответствующего эквивалента в джр-тсе.

По-видимому, специальной основы, первичным значением которой было бы 'сердце' как физический орган, в пратемейн не существовало; в этой ситуации примерно равновероятно выведение на прауровень обоих вариантов (или гипотетическое предположение третьего, утраченного в обеих ветвях). Ранжировать вероятности (чисто условно) можно, начиная с тмн формы как менее идиоматизированной, чем в джр-тсе.

22) «рог»: тмн *kīnī-t*, мн. ч. *kīn*, джр *kīṅi-k*, мн. ч. *kīṅi-à*, тсе *kīnī-k*, мн. ч. *kīṅ* [St.], *kīnī-k*, мн. ч. *kīṅ* [Yip]. || Пратемейн **kīni-*.

Единая форма сингулятива для всех языков — **kīnī-t*; мн. ч. представлено либо чистой основой **kīni* с регулярным выпадением конечного гласного в тмн, что вполне естественно для «парных» объектов, либо расширенной основой **kīni-a* с одним из продуктивных суффиксов множественности (в джр).

23) «я»: тмн *nán*, джр тсе *nán* [St.]. || Пратемейн **nap*.

Сопоставление однозначно реконструируемой на пратемейн уровне формы **nap* с другими членами местоименной парадигмы указывает на то, что основную смысловоразличительную функцию выполняет гласный *a*: ср. ниже тмн *nīn* 'ты' и др. Внутренняя реконструкция может иметь вид *n=a-n*, где *n=* — префикс ед. ч., противопоставленный префиксу мн. ч. *k=* (ср. *k=á-t* 'мы') так же, как и в именных парах на *n/=k=* (см. 'глаз', 'рука' и др.), а *-n* — специальный местоименный суффикс.

Реконструкция других местоименных основ 1-го л. ед. ч. для пратемейн затруднительна ввиду скудности и противоречивости материала. Так, для притяжательного местоимения известны формы тмн *nɛɲ*, мн. ч. *kɪ=naɲ* 'мой', джр *inaɲ*; для субъектного префикса 1-го л. — формы *ɲa=* в тмн и *a=* в тсе (по джр конкретной информации нет).

Принимая во внимание тот факт, что стандартным маркером посессива в тмн является частица *na*, мн. ч. *kɪ=na* (ср. у Стивенсона: *dal na sil* 'сын вождя', *kɪ=del kɪ=na sil* 'сыновья вождя'), форму *nɛɲ* можно рассматривать как стяжение из **na + (ɔ)ɲ*, где в историческом плане **(ɔ)ɲ*, вероятно, является алломорфом той же морфемы, что и субъектный показатель *ɲa*; это наблюдение хорошо согласуется с общей ареальной тенденцией к противопоставлению «личные местоимения (+ объектные показатели в глаголе) : притяжательные местоимения + субъектные показатели».

Субъектный показатель *ɲa=* в тмн трудно примирить с показателем *a=* в тсе, однако еще труднее поверить в то, что они восходят к принципиально разным источникам. Предположение о том, что тсе *a=* — архаичная форма, отражающая «чистый» вариант местоименной основы 1-го л., маловероятно: в этом случае без какого-либо объяснения остается «инновация» *ɲa=* в тмн. Скорее все же следует думать о нерегулярном развитии **ɲa=* → *a=* (обычно *ɲ-* сохраняется) или, в крайнем случае, о фонетическом варианте **aɲ=* с выпадением носового согласного сначала перед корневым согласным, затем, по аналогии, во всей глагольной системе (т. е., например, *à=lámé* 'я ем' ← **aɲ=lame*; выпадение должно было иметь место довольно рано в истории развития тсе, не приводя к геминации, как это впоследствии произошло в формах прошедшего времени — ср. *à=llámé* 'я ел' ← **a(ɲ)=t=lame*).

Таким образом, в качестве рабочей гипотезы следует принять наличие в пратемейн двух основ 1-го л. ед. ч. — личного местоимения **n=a-n* с корневой морфемой **a=* (для собственно лексикостатистики значение имеет только она) и посессивно-субъектной основы **(ɔ)ɲ(a)*, в которой основная смысловоразличительная нагрузка ложилась на велярный носовой.

24) «убивать»: тмн *ɔ̀tù*, мн. ч. *ɔ̀t-ɔ̀tù*, джр *ádù*, мн. ч. *ád-ádù*, тсе *ódò*, мн. ч. *ód-ódò* [St.], *òtò* [Yip]. || Пратемейн **ɔ̀ti* или, возможно,

*aṭu (с вокалической ассимиляцией); форма мн. ч. *aṭṭu или *aṭaṭu с инфиксацией показателя множественности действия *-ṭ-.

25) «лист»: (а) тмн kǎbù-kìṭ, мн. ч. kābó; (б) джр ṭō:rē-dàk, мн. ч. ṭā:rō; (в) тсе búrí [Yip].

Из трех этимологически не связанных форм архаичность по крайней мере одной находится под серьезным вопросом. Джр ṭā:rō 'листья, листва' по своему фонетическому составу практически совпадает с основным эквивалентом для 'листьев' в языках каду (ср. кронго tǎ:rù, тулиши ṭá:rù, катча ṭá:rú и др. [Schadeberg 1994: 33]); продуктивный показатель сингулятива -dàk после заимствования был добавлен уже в джр, хотя причина вокалического чередования остается пока неясной.

Для тсе слово 'лист' обнаруживается только в материалах Йип; нельзя не отметить, что форма búrí явно напоминает джр bǎ:rīŋ 'дерево' (см. ниже), хотя конкретного семантического/словообразовательного сценария, объясняющего это сходство, предложить не удастся. В связи с отсутствием этой лексемы в списках Стивенсона ее архаичность сомнительна; для уверенного вовлечения ее в круг внешних сравнений следовало бы сначала хотя бы проверить, действительно ли основным значением ее является именно 'лист' (как родовой термин).

Исходя из представления о большей (в целом) архаичности лексики тмн, при дальнейшем внешнем сравнении стоит отдавать предпочтение форме kābó (алломорф kǎbù- в ед. ч., вероятно, подвергся переогласовке под влиянием сингулятивного суффикса -kìṭ), хотя выведение ее в значении 'лист' на пратемейн уровень сугубо гипотетично.

26) «вошь»: (а) тмн gámūl-ṭṭ, мн. ч. gámūl, тсе gámūl [St.]; (б) джр kídīdī-dàk, мн. ч. kédēdī-ŋ.

Дистрибуция «когнатов» в данной ситуации, на первый взгляд, должна приводить к однозначной реконструкции пратемейн *gamul, но такая структура основы категорически не характерна для языков темейн; на самом деле и в тмн, и в тсе это слово было независимо заимствовано из арабского qamīl-. Параллельно оказывается, что и в джр 'вошь' также является заимствованием — из каду, ср. кадугли kídīkīdīk, тулиши kídīŋidī и др. [Schadeberg 1994: 34]; факт и направление заимствования подтверждается не только тем, что эта основа убедительно реконструируется на пра-

каду уровне, но и тем, что *k*= в каду — отделимый префикс, ср. в тулиши форму ед. ч. *ṭiŋ=iḏiŋiḏi*.

Поскольку под арабское влияние языки темейн могли попасть не ранее чем через 500–600 лет после распада пратемейн, а сильное лексическое влияние языков каду характерно для ветви джр-тсе, но не для тмн, перед нами тот редкий случай, когда мы можем уверенно сказать, что пратемейн эквивалент сводешевского значения (в данном случае 'вошь') был утрачен во всех языках-потомках и не поддается реконструкции. В 50-словном списке на этом месте будет стоять прочерк, а при внешнем сравнении сама позиция будет исключена из подсчетов.

27) «мясо»: тмн *nṭṣṭ*, джр *inḏāk*, тсе *liḏāk* [St.], *liták* [Yip].

Здесь вновь представлена сложная комбинация морфонологических и морфологических процессов, не позволяющая однозначно реконструировать даже консонантный состав праосновы. Перечисленные формы «нейтральны» в количественном отношении; в тмн известен также сингулятив *nṭṣṭ-iṭṣṭ*, а в джр — одновременно сингулятив *bīlā=nḏāk* (где *bīlā*= — уменьшительный префикс, иногда образующий счетные единицы от неисчисляемых имен, ср. *sēlēŋ* 'соль', ед. ч. *bīlā=sēlēŋ* 'кусочек /щепотка?/ соли') и мн. ч. *k=inḏāḏ-iḱ*.

Тем не менее, похоже, что и «нейтральная» форма этого имени также морфологически разложима: в ней можно выделить формант **ṭaṭ* → тмн *-ṭṣṭ*, джр *-ḏāk*, тсе *-ḏāk*, сам по себе обычно выполняющий функции сингулятива (ср. тмн *kṣbór-ṭṣṭ* = джр *kūbár-ḏāk* = тсе *kābārē-ḏāk* 'облако' и мн. др.). Таким образом, перед нами на самом деле старый сингулятив ('кусочек мяса'), который уже в пратемейн вторично развил собирательное значение, после чего потребность в образовании нового сингулятива заставила словоформу обрастать новыми аффиксами уже после распада темейн общности.

Историко-фонологическую интерпретацию корневого соответствия «тмн *n*- : джр *n*- : тсе *li*-» дать нелегко. Можно было бы подумать, что тсе *li*- вообще представляет собой другой корень; однако Стивенсон отмечает для джр также наличие якобы «архаичного» (со слов информантов) варианта *īl-ḏāk*, существенно сближающего эту форму с тсе и, наоборот, отдаляющую ее от тмн. Особенно странно в этой ситуации то, что как сочетание *-lḏ-*, так и

-*nd-* свободно допустимы в джр и обычно не варьируют друг с другом.

Объяснить структурное отличие формы в тсе от форм в тмн и джр можно только исходя из первичного варианта **ini-tat* или **ili-tat* с различными стратегиями упрощения многосложной структуры; из-за редкости или даже уникальности структуры **iCi-tat* оценить степень регулярности соответствующих изменений невозможно. Но определить, какой из фонетических вариантов, **ini-* или **ili-*, первичен и какие факторы вызвали трансформацию (регулярное изменение перед **-i-* или контаминация), мы пока не беремся; этот вопрос, на наш взгляд, может прояснить только внешнее сравнение.

28) «луна»: тмн *kóù*, мн. ч. *kī=ków-ìn*, джр *kò?*, мн. ч. *kw-ēŋ*, тсе *káù*, мн. ч. *ków-ìŋ* [St.]. || Пратемейн **kaw*, мн. ч. **kaw-m*.

Старая форма дифтонгического сочетания лучше всего сохраняется в тсе; в тмн и джр имели место ассимиляции и/или стяжения, в результате которых 'луна' в джр оказалась полным омонимом 'собаки' (см. выше); сравнительные данные, однако, показывают, что анлаутный *k-* в 'луне' — корневой, в отличие от 'собаки'.

29) «рот»: тмн *ítù-k*, мн. ч. *k(w)=ítù-ìn*, джр *ádù-k*, мн. ч. *kw=ídù-ìŋ*, тсе *údù-k*, мн. ч. *kw=údù-ìŋ* [St.], *ùdù-k* [Yip].

Для этой лексемы однозначно реконструируются два морфологических варианта корня: **=tùv-* в ед. ч. ~ **=vùt-* в мн. ч., а также полная словоформа мн. ч. **k=vùt-ìn*. Затруднительна лишь реконструкция морфологического анлаута формы ед. ч., где в каждом языке представлен особый гласный: соответствие «тмн *i* : джр *a* : тсе *u*» само по себе необъяснимо и требует учитывать контекст.

Вместо того, чтобы предполагать здесь три разных классных префикса, имеет смысл отталкиваться от варианта *ádù-k* в джр, т. к. из всех трех вариантов только джр *a=* является в этом языке легко вычленимой грамматической морфемой (ср. *ā=qṣ-k* 'грудь', *ā=gūrū-k* 'перо' и др.). Никаких единообразных соответствий этому префиксу в тмн и даже в близкородственном тсе нет: в родственных словах на этом месте могут оказаться и другие гласные (как в данном случае), и префикс *n=* (*ā=zùllùk* 'холодный' = тмн *n=zùlòn*), и нулевой рефлекс (ср. ниже 'ночь'). Вполне вероятно, что в джр *a=* совпали две или более пратемейн морфемы. Что касается 'рта', то здесь джр *a=* скорее всего отражает моновокалический префикс, который в тсе ассимилировался с гласным корня.

В тмн *i*= можно попытаться объяснить либо как необычный редуцированный вариант того же префикса, либо как результат морфологического преобразования (смены класса?); как то, так и другое объяснение неудовлетворительны — непонятен как механизм трансформации **a*= в *i*-, не обусловленный контекстом, так и немотивированная замена одного редкого именного префикса на другой, еще более редкий. Возможно, что вариант в тмн все же более архаичен, и первоначальный вариант основы ед. ч. нужно восстанавливать в виде **iṭv-*, где **i-* — либо часть корня, вытесненная в джр-тсе новым вокалическим префиксом, либо древний застывший префиксальный элемент, заменившийся в джр-тсе на более продуктивный.

30) «имя»: тмн *kālín* ~ *kālín*, джр *kālīk*, тсе *kālīn* [St.]. || Пра-темейн **kalīn*.

Начальный *k*- принадлежит корню. Основная трудность связана с реконструкцией ауслauta, где представлены уникальные особенности: в частности, это единственный случай, когда в записях Стивенсона отмечено свободное варьирование между *-n* и *-ŋ* в тмн, необъяснимое на чисто фонетической основе.

Хотя информация о сочетаемости по данному слову отсутствует, допустимо предположить, что, как и в других языках рассматриваемого ареала, в темейн существует тенденция к отнесению слова 'имя' в класс *pluralia tantum*. Это, в частности, означает, что отдельные языки могут пытаться морфологически переоформить исходную основу с помощью продуктивных способов образования форм ед. или мн. ч.

Так, джр *kālīk* — скорее всего преобразование исходного **kālīn* (сохраняется в тсе) по той же модели, что и, например, *kū=qúl-ìŋ* 'звезды': *qúl-ik* 'звезда' (см. ниже): старая основа воспринимается как форма мн. ч. и преобразуется по образцу соответствующих форм ед. ч. В тмн же, наоборот, мог иметь место обратный процесс: изменение (окказиональное) *kālīn* → *kālín* по аналогии с многочисленными формами мн. ч. на *-n*.

Обратный сценарий, предполагающий архаичность варианта **kalīn*, менее вероятен, т. к. неясным остается фактор, обусловивший веларизацию носового в тмн (для джр-тсе это не проблема, т. к. выше уже было показано, что развитие **-n* → *-ŋ* в этих языках регулярно). Ауслaut на *-ŋ* в именных основах тмн известен (см.

выше 'огонь'), но он не обладает собственной грамматической семантикой, так что развитие **kalin* → **kalin* не имело бы никакой мотивации.

31) «новый»: тмн *n(d)í=ηàn*, джр *á=ηāη*, тсе *ā=ηájη* [St.]. || Пратемейн **=ηап*.

Реконструкция корня однозначна, но стоит обратить внимание на существенные расхождения в форме префикса. В историческом плане здесь, возможно, следует восстанавливать тот же префикс **(a)n=*, что и в прилагательном 'черный' (см. выше) и ряде других, с различными путями развития в тмн (**ап=ηап* → **^an=ηап* → **n=ηап* → **ni=ηап*) и в джр-тсе (**ап=ηап* → **a=ηап*).

32) «ночь»: тмн *ǰó:n*, мн. ч. *kū=ǰó:n-ik*, джр *ā=ǰūnì*, тсе *ǰūnì*, мн. ч. *kū=ǰūnì* [St.]. || Пратемейн **=ǰоп(-i)*.

Это слово необычно тем, что и для тмн, и для тсе Стивенсон однозначно отмечает в анлаутной позиции импловивную артикуляцию аффрикаты — притом что обычно, согласно его наблюдениям, импловивные и звонкие варианты находятся в свободном варьировании, и ни одного другого слова с начальным импловивным ǰ- (кроме однокоренных с 'ночью') в его записях не обнаружено.

Можно, учитывая уникальность ситуации, и для пратемейн восстанавливать здесь фонологически значимую импловивность (**ǰоп-*), но тем самым проблема скорее игнорируется, чем решается. Если «маркированная импловивность» в этой лексеме имеет вторичное происхождение (что, исходя из общих системных соображений, намного более реалистично, чем ее архаичность), она могла быть вызвана только взаимодействием с впоследствии утраченным или упростившимся префиксальным сегментом, который, возможно, сохраняется в джр *ā=ǰūnì* (как раз в этой форме импловивность у Стивенсона не обозначена), но выпадает в тсе и тмн (тсе мн. ч. *kū=ǰūnì* ← **kū=ǰūnì* по аналогии с ед. ч.). Таким сегментом, в частности, мог бы быть префикс ед. ч. **n=* — развитие фонологически значимой импловивности из сочетания с носовым сонантом типологически естественно, а с «вокализацией» этого префикса в джр-тсе (в типологическом плане напоминающей вокализацию слогового **n* в индоиранских и греческом языках) мы уже сталкивались неоднократно.

Хотя такой сценарий и недоказуем, он, тем не менее, лишен внутренних противоречий и помогает избежать реконструкции

отдельной фонемы для одного-единственного слова (впрочем, к этой проблеме можно будет при необходимости вернуться на дальнейших уровнях сравнения).

33) «нос»: (а) тмн $kí=mín-ṭín$, мн. ч. $(kī)kí=mín-ṭínì$, джр $kí=m-ḍìŋ$, мн. ч. $kī=ḍìŋ-ḍìŋ$; (б) тсе $mámárək$, мн. ч. $kó=mārək$ [St.].

Тмн и джр этимоны изоморфны до такой степени, что родство между ними несомненно, но точную реконструкцию предложить при этом невозможно. В тмн выделяется корень $=mín-$, причем единственное число оформлено как множественное — с помощью суффиксального комплекса $-ṭín$, т. е. может быть интерпретировано как первоначальное 'ноздри'; форма же собственно множественного числа уникальна — ни одного другого примера мн. ч. на $-ṭín-ì$ не известно. Впрочем, суффикс $-i$ сам по себе встречается как показатель мн. ч. (ср.: $sūlūkūťúk$ 'пупок', мн. ч. $kū=sūlūkūťúk-i$), так что уместно предположить, что форма мн. ч. 'носы' — недавняя инновация (добраивание нового мн. ч. на базе старого).

Для джр в принципе можно предположить развитие $*kí=mín-ṭín \rightarrow *kí=m-ṭín$ (по аналогии с другими случаями редукции срединного гласного в многосложных основах, см. 'голова'). Намного более проблематична форма мн. ч. $kī=ḍìŋ-ḍìŋ$, которая никак не может быть выведена из $*kí=mín-ṭín-i$. Поскольку префикс $ḍí=$ для джр не выделяется, возможны следующие варианты:

(а) супплетивизм: корень $=ḍìŋ-$ этимологически не связан с $*mín-$, а объединение их в рамках единой именной парадигмы — инновация;

(б) уникальное фонетическое развитие в рамках «сверхсложной» инновативной формы мн. ч., например: (с удвоением суффиксального форманта и последующей метатезой губного носового) $*kí=m-ṭín + *-ṭín \rightarrow *kí=m-ṭín-ṭín \rightarrow *kí=ṭím-ṭím$.

Постулировать супплетивизм здесь нежелательно, исходя как из общетипологических соображений (аналогичных ситуаций в ареале не наблюдается), так и из неясности вырисовывающегося сценария: ожидалось бы, что форма мн. ч. 'носы', статистически более редкая, чем форма ед. ч. 'нос', скорее будет новообразованием от ед. ч. 'нос', чем, наоборот, станет отражать какой-то особый архаичный корень. С другой стороны, все сценарии вида (б), выводящие $*=ṭím-$ из $*=mín-$, предполагают наличие сложных, уникальных и непроверяемых морфологических механизмов. С такой

же вероятностью можно думать и о том, что, наоборот, вариант $*=mim-$ вторичен по отношению к варианту $*=\dot{t}im-$.

Исходя из вышесказанного, на прауровне основу следует записывать в виде $*=mim-$ ~ $*=\dot{t}im-$, не исключая возможности супплетивного объяснения для этих вариантов, но в качестве рабочей гипотезы все же выбирая алломорфию. Дальнейший анализ возможен уже только с выходом на внешний уровень сравнения.

Тсе *mámárək* — заимствование из каду, ср. кадугли *ám̃b=árək*, катча *m̃b=àrək* и др. [Schadeberg 1994: 36]; слово было заимствовано вместе с префиксом и получило дополнительное морфологическое оформление уже внутри тсе, хотя не вполне ясным остается дополнительный анлаутный *m=*. Скорее всего, в тсе слово попало в класс *n=/k=*, как и ряд других частей тела (см. 'глаз', 'рука'), после чего $*n=amarək \rightarrow tamarək$ по ассимиляции; противоречащих такой гипотезе примеров нет.

34) «не»: тмн *за* (... -η).

В связи с отсутствием грамматических описаний джр-тсе информация об отрицании в пратемейн может восстанавливаться только на основании показаний собственно тмн. Стивенсон выделяет в качестве главной отрицательной морфемы частицу *за*, занимающую начальную позицию в фразе и факультативно сочетающуюся с постпозитивной частицей -η: *за η=avs-ε ~ за η=avs-ε-η* 'я не пью', *за ηε kamilek ka:tani* 'люди сегодня не танцуют' и т. п. Эта информация подтверждается и в записях Г. Диммендала, причем как минимум один пример показывает, что частица $-(ε)η$ может присоединяться не только к глаголу, но и к глагольному объекту: ср. *η=âlf-é téré* 'я люблю пиво' — *zà η=âlf-é téré-éη* 'я люблю пиво'.

Исторически первичную морфему отрицания в этой ситуации достоверно определить нельзя. Факультативный (с точки зрения Стивенсона) характер -η может говорить как о недавнем происхождении, так и, наоборот, о глубокой архаичности этой морфемы — отмирающей вследствие своей избыточности, после того как основные функции отрицания оказались перенесены на старую эмфатическую частицу *за*. Ситуация, возможно, проявится после публикации новых данных по джр-тсе; пока что к внешнему сравнению следует привлекать оба компонента отрицательного «циркумфикса».

35) «один»: тмн *kídṣ̃ṇ*, джр *kídḍē*, тсе *kídṣ̃* [St.]. || Пратемейн **k=íd(ɔ)-*.

Все числительные от 1 до 4 начинаются в языках темейн с согласного *k=* (см. ниже '2'), так что его можно с уверенностью отделить как словообразовательный префикс. Второй гласный основы восстанавливается в виде *-ɔ- на основании согласованных показаний тмн и тсе; что произошло в джр, остается неясным (то ли слияние с дополнительной служебной морфемой, то ли морфологическое переоформление); в тмн также появляется суффикс -*ṇ*, типичный для адъективных основ.

36) «дождь»: (а) тмн *náṇānàṭ*; (б) джр, тсе *nók* [St.].

Обе засвидетельствованные основы имеют два равноправных значения — 'дождь' и 'небо'; при этом они не этимологизируются на взаимной основе и не имеют отдельной формы мн. ч., так что неясно даже, до какой степени они морфологически разложимы, за исключением тмн -*ṭ* — очевидного показателя сингулятива. (Для джр-тсе все сегментные комбинации могут оказаться корневыми, учитывая возможность выделения *n=* как префикса и -*k* как суффикса.)

Для тмн основы *náṇānàṭ* уже Р. Стивенсон отмечает почти полное сегментное совпадение с *n=íṇṇà-ṭ* 'глаз' (ср. также транскрипцию *naṇina:th* в кратком списке П. и Д. Макдиармидов). Однако, даже несмотря на то, что никакой другой этимологии у этого слова нет, на текущий момент это совпадение следует считать случайным, т. к., во-первых, основы различаются по своим огласовкам (притом что никаких следов «аблаута» в тмн не обнаруживается), во-вторых, семантическое развитие от 'глаза' к 'небу' (или наоборот?) не только беспрецедентно для данного ареала, но и необъяснимо в рамках стандартных метафорически-метонимических механизмов смысловых переходов (по крайней мере, требовалось бы промежуточное звено 'солнце' — как 'глаз неба', ср. типологические параллели в австронезийских языках — но таковое отсутствует).

Обе основы допустимо, таким образом, привлекать к внешнему сравнению, но с осторожностью, в связи с многочисленностью вариантов их морфологического анализа.

37) «дым»: тмн *kíṭṭímú?* ~ *kúṭṭímú?* ~ *kídḍímù-k*, джр *kūḍímū*, тсе *kūḍútmú?* [St.]. || Пратемейн **kɪ=ṭvmtv(-k)*.

Реконструкция вокализма приблизительна; не исключен и вариант **kɪ=tɪmv(-k)*, в зависимости от того, в каком направлении и в каких языках протекал процесс ассимиляции. Несомненно лишь то, что формально это слово представляет собой форму *plurale tantum*, в которой однозначно выделяется префикс мн. ч. **kɪ=*, уже на пратемейн уровне. Ауслаутная гортанная смычка в тмн и тсе, как и в других случаях — по-видимому, результат спорадического ослабления артикуляции велярного **-k*.

38) «звезда»: тмн *qúlì-t*, мн. ч. *kū=qúl-à?*, джр *qúlì-k*, мн. ч. *kū=qúlì-η*, тсе *kwū=qílì-dàk*, мн. ч. *kwū=qílì-ìη* [St.]. || Пратемейн **qulì-*.

В тмн и джр-тсе представлены различные модели образования мн. ч. (определить исходную модель пока не удастся). Помимо этого, в тсе обнаруживается «новый» сингулятив, производный от формы мн. ч., а также ассимиляция корневого гласного под влиянием суффиксального и необъяснимое удвоение сонанта *-ll-*.

39) «камень»: тмн *kúrè-t*, мн. ч. *kū=kúrè-t*, джр *kūrà-k*, мн. ч. *kūrā-k*, тсе *kúrà-k*, мн. ч. *kūrà-k* [St.], *kúrò-k*, мн. ч. *kūrò-k* [Yip]. || Пратемейн **kvrɛ-t*.

Самое любопытное в этой основе — форма мн. ч. **kɪ=kvrɛ-t* (фонетически = **kv=kvrɛ-t* уже на пратемейн уровне), которая уже в пра-джр-тсе, по-видимому, упростилась в **kv:rɛ-t*, причем развитие **kV₁kV₂-* → **kV₂-* могло носить и регулярный характер (противоречащих примеров, заведомо не представляющих собой недавние морфологические инновации, пока не обнаружено). Следы этого упрощения являются долгота гласного, отмеченная Стивенсоном и в джр, и в тсе, и контурный тон, отмеченный Йип для тсе. Конечный гласный двусложной основы восстанавливается как **-ɛ-* по данным тмн.

40) «солнце»: тмн *nónì* ~ *nínì*, джр *nánì?*, тсе *nónì?* [St.], *nèni* [Yip]. || Пратемейн **n(i)=onu(-k)*.

Форма восстанавливается в первую очередь на основании согласованных показаний тмн и тсе. При этом обращает на себя внимание огласовка *ò* в тсе (в записях Стивенсона), обычно появляющаяся там, где старший гласный *o* имеет «по соседству» передний гласный *i* ~ *ɪ* или глайд *y* (см. 'кровь', 'огонь'); это можно считать косвенным аргументом в пользу интерпретации начального согласного как префикса и возведения его к более раннему варианту **ni=* (см. 'рука').

41) «хвост»: (а) тмн *rínǵák-ís* ~ *rínǵ-ís* ~ *rínǵk-ís*, мн. ч. *kī=rínǵá-kà?* ~ *kī=rínǵá-kà?*, джр *ǵák-āk*, мн. ч. *kī=ǵák-ik*; (б) тсе *sábòŋ*, мн. ч. *kī=sábòŋ-à?* [St.], *sábóŋ* [Yip].

Все перечисленные формы имеют необычные особенности. Во-первых, в тмн Стивенсон вместо простого *ŋ* записывает сочетание *ŋg* или *ŋk*; форма **rínǵ-gak* или **rínǵ-kak* в историческом плане заведомо должна содержать более одной морфемы (в сочетании с показателем сингулятива *is*, по-видимому, происходит стяжение, следы которого видны в компенсаторном удлинении корневого гласного), т. е. состоять из корневого и суффиксального компонентов; но определить значение морфемы *-Kak* или даже просто вычленить ее в других существительных не удастся (возможно, потому, что *-Kak* — ее ассимилированный вариант в позиции после велярного носового, а исходный вариант остается неизвестным).

Далее, поскольку соответствие «тмн *r* : джр *t*» регулярно (см. выше 'сухой'), формы в обоих языках можно успешно связать друг с другом, при условии, что в джр **rínǵ-kak* → **tínǵ-kak* → **tí-kak* (клас-теры *-ŋk-*, *-ŋg-* в джр почти не встречаются, так что предполагаемое упрощение вполне правдоподобно) → **tá-kak* с вокалической ассимиляцией. При этом основа мн. ч. *=ǵák-ík* (за исключением префикса) оказывается соответствующей основе ед. ч. *rínǵák-ís* в тмн.

Отдельно стоит форма *sábòŋ* в тсе, характеризующаяся не только наличием редкой фонемы *s-* в начальной позиции, но и полным отсутствием параллелей в данных Стивенсона по тмн и джр. Каково бы ни было ее происхождение, она вряд ли может претендовать на архаичность в значении 'хвост' — ввиду более широкой дистрибуции основы **rínǵ-kak*.

42) «ты»: тмн *nín*, джр тсе [St.] *nín*. || Пратемейн **nín*.

Основа разложима на составные компоненты *n=i-n*, причем главная смысловоразличительная функция возложена на гласный *-i-* (ср. *n=a-n* 'я'); относительно возможных значений прочих компонентов см. выше 'я'.

Притяжательное местоимение 'твой' Р. Стивенсон для тмн записывает как *nín*, мн. ч. *kí=nín*, для джр как *ino*; субъектный префикс 1-го л. для тмн — как *ŋka=* для форм настоящего времени и *n=* для претерита. В тсе субъектный префикс 2-го л. представлен сложной системой алломорфов, обусловленных анлаутом глагольного корня; исходным вариантом можно считать *en=* (ср. *ǵís*

‘он убивает’ : $\varepsilon n = \acute{s}t\acute{s}$ ‘ты убиваешь’), в дальнейшем подвергающийся редукции и/или ассимиляции ($p\acute{e}$ ‘он видит’ : $\varepsilon = b\acute{e}$ ‘ты видишь’, $n\acute{u}g\acute{u}m\acute{t}$ ‘он давит’ : $n = n\acute{u}g\acute{u}m\acute{t}$ ‘ты давишь’ и т. д.).

Свести все эти морфемы к единому источнику невозможно. Ближе всего друг к другу стоят субъектные префиксы в тмн и в тсе, отражающие пратемейн $*\varepsilon n =$ или $*m =$. В тмн этот префикс подвергся редукции в формах претерита, где это было «фонетически удобно»: $*\varepsilon n = + *_{\text{д}}t(1) =$ (показатель претерита) $\rightarrow n = t_{\text{д}} =$ (как в $n = t_{\text{д}} = m\acute{l} - \varepsilon$ ‘ты танцевал’). В формах презенса, где личные показатели не отделяются от корня другими служебными морфемами, по-видимому, произошло аналогическое выравнивание под влиянием форм 3-го л.: $ka = m\acute{l} - \varepsilon$ ‘он танцует’ : $\eta ka = m\acute{l} - \varepsilon$ ‘ты танцуешь’ (бывшее $*n = m\acute{l} - \varepsilon$).

Если в пратемейн и для 2-го лица выполнялось правило тождественности притяжательной основы и личного показателя, то пратемейн местоимение ‘твой’ должно было иметь форму $*na + *m \sim *_{\varepsilon}n \rightarrow *n\acute{m} \sim *n_{\varepsilon}n$. При этом, однако, неизбежно возникала полная или почти полная омонимия между личной и притяжательной формой. В тмн она была преодолена через не вполне ясное «удлинение» притяжательной основы (возможно, новообразование от личной формы $n\acute{m}$ с переосмыслением ауслаутного $-n$ в $n_{\varepsilon}n$ ‘мой’ как специального притяжательного суффикса), в джр — через вытеснение формы 2-го л. ед. ч. формой 2-го л. мн. ч.: ino в сегментном отношении почти тождественно тмн $n\acute{m}n_{\varepsilon}$ ‘ваш’.

Подчеркнем, что реконструкция пратемейн $*n\acute{m}$ ‘ты’ и $*m \sim *_{\varepsilon}n$ ‘твой’ вовсе не означает, что речь идет об одной и той же основе, несмотря на их фонетическую близость. Выше было показано, что для местоимения 1-го л. на пратемейн уровне приходится говорить о двух сегментно и этимологически *разных* основах, главными смыслоразличительными компонентами в которых являются, соответственно, гласный $*a$ и согласный $*\eta$. Исходя из типологических и «симметрических» соображений, две разные основы ожидалась бы и для 2-го л.

Действительно, и здесь также бросается в глаза, что личное местоимение в первую очередь характеризуется гласным $*i$. Наоборот, в глагольных формах гласный демонстрирует тенденцию к полному выпадению, в то время как согласный $*n$ либо сохраняется, либо оставляет после себя отчетливый след в виде консонантных ассимиляций.

На основании этих наблюдений можно предложить следующую внутреннюю реконструкцию системы местоименных корней в темейн:

	«Прямая» основа	«Косвенная» основа
1-е л. ед. ч.	*a	*ŋ
2-е л. ед. ч.	*i	*n

43) «язык»: тмн *ténḏīrā-t*, мн. ч. *kī=ténḏīrā-t*, джр *kéḏētā-k*, мн. ч. *kéḏētā-k*, тсе *ḡáḏīṡā-k*, мн. ч. *kī=ḡáḏīṡā-k* [St.].

Общее происхождение несомненно по крайней мере для джр и тсе уже в силу почти полного (за исключением тембра гласного) совпадения второго и третьего слогов. Однако соответствие «джр *k-* : тсе *ŋ-*» не является регулярным: оно не наблюдается более ни в одном слове и не может быть убедительно объяснено как результат какой-либо аккомодации.

Единственной причиной такого расхождения может быть скрытая морфология. Реконструкция исходной формы ед. ч. в виде **n=kaḏīṡā-t* (или **n=kaḏēṡā-t*) позволяет предположить упрощение **n=k-* → *k-* в джр и, наоборот, **n=k-* → *ŋ-* в тсе. Подтверждающие примеры отсутствуют, но нет и противоречащих, а морфологическое оформление **n= ... (a)-t* для частей тела в языках темейн распространено довольно широко (см. выше 'глаз', 'рука' и, возможно, 'ухо').

В мн. ч. в такой парадигме ожидалась бы форма **kī=kaḏīṡā*, и следы ее явно видны в джр, где долгота первого гласного в форме *kéḏētā-k* отражает слияние из **kVkv-* (ср. выше 'камень'). В тсе парадигма выровнялась по форме ед. ч. Любопытно также, что в обоих языках сингулятивный суффикс *-k* (← **-t*) закрепился и в формах мн. ч. Это может намекать на то, что все эти формы — относительно недавние новообразования.

Этимон *ténḏīrā-t* в тмн несводим к джр-тсе **n=kaḏīṡā-t* без допущения нерегулярностей развития; однако фонетическое сходство между вариантами, представленными в обеих ветвях, слишком тесное, чтобы постулировать здесь два отдельных корня (которые к тому же не этимологизируются на взаимной основе). Если предположить для тмн метатезу носовых, то конечный вариант *ténḏīrā-t* сводится к более раннему **ḡanḏīṡā-t*, который, в свою очередь, возводим к **n(i)=kanḏīṡā-t*.

Соответствие «тмн -*nɔ̃*- : джр-тсе -*t̪*- ~ -*t̪*» является редким, но рекуррентным (ср. хотя бы форму мн. ч. от слова 'шея': тмн *kī=ŋó:n-ɔ̃n* = джр *kī=ŋát̪-ŋ*), хотя праязыковую интерпретацию для него предложить затруднительно. Мы будем условно записывать праформу в виде **n(i)=kanɔ̃ita-*, не претендуя на достоверность фонетической характеристики инлаутного сочетания.

44) «зуб»: тмн *āw-ɔ̃s*, мн. ч. *k=ɛ̃?*, джр *áy-àk*, мн. ч. *k=è?*, тсе *iy-ík*, мн. ч. *sɛ̃?* [St.], *iyí-k*, мн. ч. *sé* [Yip]. || Пратемейн **=ay-*.

«Супплетивизм» форм ед. и мн. ч. для этой основы при тщательном анализе оказывается мнимым (или, по крайней мере, снимается при переходе с синхронного на диахронический уровень). Парадигма устроена здесь по той же модели, что и в словах 'кость', 'яйцо', 'хвост', т. е. с суффиксами **-is* в ед. ч. и **-a(?)* в мн. ч.: **ay-is* : **k=ay-a(?)*. Эта исходная структура, однако, оказалась разрушенной во всех языках-потомках:

— в тмн **ay-is* → *aw-is*, скорее всего, в результате диссимилиации. Обратная гипотеза (**aw-is* → *ay-is* с ассимиляцией) менее убедительна, т. к. ей противоречит целый ряд случаев, где такой ассимиляции нет; ср. пратемейн **awí* 'кусать' → джр, тсе *áwí*, но тмн *éwí* вместо **áyí*. Кстати, учитывая семантику данного глагольного корня, вполне вероятным можно считать и альтернативное объяснение — развитие в *aw-is* под аналогическим воздействием лексемы 'кусать';

— форма мн. ч. могла уже на пратемейн уровне подвергнуться стяжению (**k=ay-a?* → **k=ɛ̃?*), или же этот процесс протекал независимо во всех языках-потомках. Следы бывшей двусложности этой формы — контурный тон в тмн и долгота гласного в джр.

Настоящей головоломкой оказывается форма мн. ч. *s'ɛ̃?* в тсе. Наиболее естественным объяснением начального *s-* была бы палатализация велярного префикса мн. ч.; однако ни для одного другого слова ни в тсе, ни в других языках темейн даже заподозрить палатализацию не удастся; ср., в частности, такие формы мн. ч., как тсе *k=éŋ-ŋ* 'глаза', *k=éŋ* 'руки' и др. Мы должны, таким образом, выбирать между тремя возможностями: (а) реальный супплетивизм форм ед. и мн. ч.; (б) контаминация с семантически близкой основой; (в) нерегулярное или обусловленное уникальным контекстом фонетическое изменение.

Из этих трех вариантов супплетивизм — наиболее сомнительный: как уже отмечалось выше, для языков данного ареала супплетивизм в анатомических терминах несвойственен, а почти полное сегментное совпадение формы с соответствующей формой в джр (за исключением начального согласного) не может быть случайным. Контаминация также почти исключена: начальный *s*- в тсе — редкая фонема, и никаких слов, из которых она могла бы «заимствоваться», нам не известно.

Таким образом, скорее всего, речь все же должна идти об уникальном случае палатализации, хотя, если это так, праформа для мн. ч. 'зубы' и на пратемейн, и на пра-джр-тсе уровне должна восстанавливаться в неслитном виде $*k^{a=y-a?}$ или $*k^{e=y-e?}$, с редуцированной артикуляцией первого гласного: это приводит к образованию уникального консонантного кластера $*k^{(V)}y$, который и отвечает за уникальный рефлекс *s*- в тсе. (В любом случае следует отметить, что других корней со структурой $*Vy$, предваряемых префиксом $k=$, для пратемейн пока не восстановлено.)

45) «дерево»: (а) тмн *mérēŋ-ìs*, мн. ч. *mérēŋ*; (б) джр *bó:r-riŋ*, мн. ч. *kù=b-īŋ*, тсе *bò?*, мн. ч. *kù=bw-èŋ* [St.], *bô* [Yip].

Несмотря на фонетическое сходство форм *mérēŋ* и *bó:r-riŋ*, они восходят к разным праязыковым основам: тмн *mérēŋ(-ìs)* этимологически увязывается с джр ед. ч. *mārāŋ-ik*, мн. ч. *mērēk*, тсе ед. ч. *mārēŋ-ik*, мн. ч. *mārēŋ* 'дрова, хворост' (совпадают не только корневые морфемы, но и вся парадигма в целом) ← пратемейн $*marēŋ$, сингулятив $*marēŋ-is$. Поскольку семантическое развитие 'дерево' → 'дрова' типологически естественнее, чем обратное, $*marēŋ$ следует считать оптимальным кандидатом на значение 'дерево' (точнее, полисемию 'дерево/дрова') в пратемейн.

В джр-тсе в значении 'дерево (растущее)' представлена основа $*bô$ — скорее всего, стяжение из $*bɔɔ$ или $*bɔɔɔ$, судя по долготе гласного в джр и контурному тону в тсе (в записи Йип). В джр в ед. ч. она расширена за счет дополнительного суффиксального компонента *-riŋ*, значение которого неясно. Если это тот же элемент, что и в словах *kūḍè-riŋ* 'мошонка' и *kw=ū-ríŋ* 'животы' (ср. ед. ч. *k=ōŋ* 'живот'), то исходной функцией формы *bó:r-riŋ* могла быть собирательная ('группа деревьев', 'лес'). В любом случае трактовка *-riŋ* как суффикса предпочтительнее, чем разложение формы *bɔriŋ* на *bɔri*- + *-ŋ* [Blench 2007: 8], предполагающее необъяснимое

выпадение корневого *-r-* в формах мн. ч. в джр-тсе: никаких других свидетельств такой элизии в языках темейн у нас нет.

Поскольку слов с начальными взрывными губными в языках темейн в принципе очень мало, не вполне ясно, следует ли трактовать импловизность *ɸ-* в записях Стивенсона как фонологическую; если да, то за начальным *ɸ-* может, как и в случае с 'ночью', скрываться бывший префикс, т. е. **ɸɔ* ← **n=ɸɔ*, но твердой уверенности здесь быть не может.

К внешнему сравнению в значении 'дерево' основу **ɸɔ(y/g)ɔ* допускать можно, но только в качестве «второго» по значимости кандидата после **maŋɛŋ*; к сожалению, лексические параллели в тмн пока не обнаружены.

46) «два»: тмн *kārō-kwē*, джр, тсе [St.] *kārō*. || Пратемейн **k=aro*.

К выделению в этой основе префикса *k=* см. выше 'один'. Смысл суффикса *-kwē* в тмн (ср. также транскрипцию *kārū-kē* у Диммендала) остается неясным, но сомневаться в морфологической отделимости этого компонента смысла нет.

47) «вода»: тмн *múŋ*, джр *āmūŋ*, тсе *īmúŋ* ~ *ūmúŋ* [St.]. || Пратемейн **=mvŋ*. Для тсе ср. также транскрипцию *ʔmiiŋ* в записи Макдиармидов.

Здесь налицо еще один случай вокалического колебания в «префиксальной» позиции в джр-тсе (см. 'рот', 'ночь' и др.), которому в тмн в данном случае соответствует нулевой рефлекс. На пратемейн уровне несомненно наличие именного префикса — возможно, **n=mvŋ* или **ʔa=mvŋ* — ответственного, в том числе, и за «преглоттализацию» по крайней мере в одном из диалектов тсе.

48) «мы»: тмн *káŋ* (инкл. *sāsák* ~ *sásàk*, дв. ч. *sák*), джр *kák* (инкл. *kālāsīk*), тсе *kák* (инкл. *kāsák*) [St.]. || Пратемейн **kaŋ*.

Реконструкция субъектной формы личного местоимения 1-го л. мн. ч. в целом однозначна. Сопоставление с формами 2-го л. мн. ч. (тмн *kít*, джр, тсе *kík*) показывает, что и здесь, как в ед. ч., основная смысловоразличительная функция возложена на гласный (**=a-* для 1-го л., **=i-* для 2-го л.), консонантные же элементы выполняют в первую очередь числовые функции (ср. сегментную тождественность *k=* со стандартным префиксом мн. ч. у существительных).

Прочие морфемы с местоименным значением 1-го л. мн. ч. известны только для тмн, причем все они в той или иной степени выводимы из *káŋ*: глагольный префикс имеет вид *kaŋ(a)=* в презенсе

($ka\ddot{a}=mil-\varepsilon$ 'мы танцуем', $ka\ddot{a}=avs-\varepsilon$ 'мы пьем'), $ka=$ в претерите ($ka=\ddot{t}l=mil-\varepsilon$ 'мы танцевали', возможно, слияние из $*ka\ddot{a}=\ddot{t}l=mil-\varepsilon$); притяжательное местоимение записано как $na\ddot{a}$ 'наш' — скорее всего, стяжение из $*na + ka\ddot{a}$.

Формы т. н. «двойственного числа» и «инклюзива», не сводимые к единому варианту и вряд ли претендующие на глубокую архаичность, в языках темейн образованы от особой морфемы $*sa(-k)$, иногда выступающей самостоятельно, иногда — в связке с местоимением $*ka\ddot{a}$. На пратемейн уровне эта морфема скорее всего выражала что-то вроде комитативного значения; нестабильность ее в языках-потомках и тенденция к совместному употреблению с «настоящим» местоимением препятствуют реконструкции $*sa(k)$ как полноценного инклюзива.

49) «что»: тмн $\eta\acute{\varepsilon} \sim \eta^y\acute{\varepsilon}$, джр $\eta\bar{\varepsilon}$, тсе $\eta\bar{e}i$ [St.].

50) «кто»: тмн $\eta\acute{a}n\bar{i}$, джр $\acute{a}nn\bar{i}\eta$, тсе $\eta\bar{a}n\acute{\varepsilon}$ [St.].

Тождественность начального сегмента обоих вопросительных местоимений в тмн и тсе предполагает для них общее этимологическое происхождение и, тем самым, историко-морфологический анализ типа «общая интеррогативная морфема» + «именная морфема, выражающая значения (не)одушевленности».

Для лексемы 'кто' такой анализ напрашивается сам собой: «интеррогатив» $*\eta a-$ + $*ni \sim *n\acute{\varepsilon}$ 'человек, люди' (ср. тмн $q\acute{\varepsilon}:-ni$, мн. ч. $n\acute{\varepsilon}?$, джр $\acute{a}=q\bar{\varepsilon}-\eta$, мн. ч. $n\bar{\varepsilon}?$, тсе $\acute{i}r=q\bar{a}-\eta$, мн. ч. $n\bar{i}=q\bar{a}-\eta$). Лексему 'что' также можно представить как биморфемную: $*\eta a-$ + $*i \sim *e$ — вокалическое стяжение отвечает за долготу в тмн $\eta^y\acute{\varepsilon}$: и необычное дифтонгическое сочетание ei в тсе. При этом, однако, значение моновокалической морфемы $*i \sim *e$ однозначно не определяется: соответствующего слова со значением 'вещь, предмет' в языках темейн не зафиксировано. Возможно, что это на самом деле один из старых дейктических корней (ср. надежно реконструируемое для пратемейн противопоставление $*ni=i$ 'этот', $*ni=e$ 'тот').

Как бы то ни было, к внешнему сравнению в обоих случаях следует привлекать реконструкции, основным смысловым различительным компонентом в которых является заднеязычный носовой $*\eta-$.

3.7. Группа тама.

3.7.1. *Общие сведения и источники.* Тама — небольшая и в целом компактная (т. е. хронологически неглубокая) группа языков, носители которых в географическом плане ограничены небольшим районом на границе Чада и Судана (регионы Вади-Фера и Ваддай в Чаде с частичным заходом на территорию Дарфура). Основные языковые соседи тама, помимо арабского, — языки маба (к югу и к западу), сахарские языки дазага и загава (к северу) и язык фур (на востоке); близкородственных отношений между тама и хотя бы одной из этих групп обнаружено не было.

Несмотря на то, что первые данные по языкам тама начали появляться уже в середине XIX в. (словарные списки и краткие грамматические очерки Г. Барта, Г. Нахтигала и др.), к настоящему времени ни по одному из этих языков так и не опубликовано ни подробного грамматического описания, ни представительных размеров словаря — даже несмотря на то, что большинство носителей тама проживают в гораздо более «доступных» районах, чем, например, носители языков гор Нуба. Показательно, что наиболее подробный и полезный из всех компилятивных источников — сравнительный словарь Дж. Эдгара [Edgar 1990], в котором составителю удалось собрать воедино едва ли не все известные опубликованные и рукописные источники по тама, включая результаты собственной полевой работы — сам по себе так и остался официально неопубликованным, в отличие от сравнительного словаря языков маба того же автора. (По счастью, уже отмакетированный, но так и не нашедший издателя вариант был любезно предоставлен в наше распоряжение Р. Бленчем.)

Естественным следствием слабой изученности группы тама является и отсутствие общепринятой классификации ее составляющих. В словаре Дж. Эдгара перечислены шесть обособленных друг от друга наречий, по которым имеются достаточно репрезентативные данные, и еще одно, по которому данные практически отсутствуют:

1) Собственно *тама* (там): по разным подсчетам, от 40,000 до 65,000 носителей, проживающих в основном на чадско-суданской границе к северу и к востоку от Дар Масалит. Будучи наиболее

многочисленной из всех народностей, говорящих на языках данной группы, именно тама чаще всего попадали в поле зрения специалистов. Основные лексические данные берутся из словаря Эдгара и представляют собой результаты полевых исследований самого Эдгара [Ed.], а также П. Доорнбоса [Db.]; из предшественников этих исследователей необходимо также отметить Р. Стивенсона — именно его полевые данные использовали в своих работах А. Такер и М. Брайан (краткое грамматическое описание в [Tucker, Bryan 1966: 206–218]; вопросы глагольной морфологии в [Bryan 1955]), ими же для классификации тама пользовался и Дж. Гринберг.

Диалектное разнообразие внутри тама изучено очень плохо; по наблюдениям П. Доорнбоса, выделяется не менее шести диалектов [Bender 1997a: 28], но конкретное подтверждение этого факта получено лишь недавно: в социолингвистической анкете [Bombay 2007] опубликованы 227-словные сравнительные списки по говорам пяти тама-язычных деревень, действительно, отличающиеся друг от друга на уровне взаимопонимаемых диалектов. Впрочем, существенных расхождений в пределах 50-словного списка между этими диалектами не наблюдается.

2) *Эренга*, или *биррунг* [эре]: локализован в северных областях Дар Масалит (Дарфур), общее число носителей неизвестно (по данным П. Доорнбоса — ок. 60,000 вместе с сунгор). Сведения по эренга ограничиваются полевыми материалами П. Доорнбоса (1979 г.) и Дж. Эдгара (1983 г.), собранными в [Edgar 1990].

3) *Сунгор*, или *ассангори* [сун]: все носители сконцентрированы в районах непосредственно к западу от ареала эренга (Вадай в Чаде). Новейшими источниками данных по этому языку являются полевые записи Р. Стивенсона (St., 1978 г.) и А. Ворбе (Wb., 1956 г.); определенный интерес, не только исторический, имеют также заметки Г. Нахтигала, опубликованные Й. Лукасом [Lukas 1938], в том числе и потому, что содержат подробное грамматическое описание (включая образцы глагольных парадигм, чрезвычайно важные для объяснения запутанной глагольной морфонологии в языках тама). Краткий очерк фонологии сунгор, сопровождаемый иллюстративным материалом, опубликован также в работе [Guinet 1973] [Gn.].

4) *Мисири*, или *милери* [мис]: 5–10 тыс. носителей (П. Доорнбос, 1979 г.) в округе Дар Джебель района Дар Масалит (само наречие местным арабоязычным населением называется джебельским). Данные ограничены полевыми записями Доорнбоса (1980 г.) и краткими грамматическими заметками и словником Дж. Эдгара, опубликованными в специальном приложении к [Edgar 1989].

5-6) *Ибири*, или *марарит* [иби], и *абу шариб* [шар]: небольшой анклав из примерно 40,000 носителей, «зажатый» на территории чадского региона Вади-Фера между областями локализации тама (к северу) и сунгор (к югу). Термин «ибери» для носителей обоих наречий является автонимом; «марарит» и «абу шариб» – племенные или клановые этнонимы арабского происхождения. Оба наречия по меньшей мере представляют собой очень близкие диалекты, а, возможно, даже один и тот же диалект, т. к. незначительные различия имеющихся у нас данных по фонетике и лексике могут объясняться индивидуальными недочетами в транскрипции и переводах конкретных языковых единиц.

По «ибери» основные материалы представлены полевыми записями Эдгара (1989 г.); актуальность сохраняет старая работа Й. Лукаса [Lukas 1933], с кратким грамматическим очерком и примерами текстов. По «абу шариб» главным источником остаются полевые записи А. Ворбе (1956 г.), включенные в [Edgar 1990]; определенный интерес представляют также старые лексические материалы, собранные Г. Бартом и опубликованные в компилятивной работе [Benton 1912].

7) По наречию *дарнут*, или *дарна*, по-видимому, еще одному диалекту, близкому к ибири/абу шариб, известно лишь несколько слов, записанных Дж. Эдгаром от информанта, родным языком которого был ибири (1989 г.); соответствующая информация включена в [Edgar 1990], но ее категорически недостаточно даже для составления 50-словного списка.

Однозначной и общепринятой внутренней классификации языков тама не существует, но в общих работах по африканистике чаще всего цитируется классификационная модель Дж. Эдгара, согласно которой большинство разновидностей тама группируются в два диалектных пучка: (а) собственно тама, состоящий из тама, эренга и сунгор и (б) ибири, состоящий из собственно ибири, абу шариб и дарнут. Промежуточное положение между (а) и

(б) занимает мисири, выделяемый, таким образом, в отдельную ветвь, но лексически все же стоящий несколько ближе к тама, чем к ибири. Согласно Эдгару, уровень взаимопонимания между мисири и тама выше, чем между мисири и ибири [Edgar 1991b: 111].

Несмотря на тесное ареальное сосуществование языков тама с языками маба, многочисленные лексические и грамматические различия между ними настолько очевидны, что близкого генетического родства между этими группами никто никогда не предполагал (за исключением отдельных ошибок, вызванных скудностью данных — так, к группе тама некоторое время относили язык кибет [Tucker, Bryan 1956: 56], на самом деле входящий в подгруппу кибет-рунга группы маба). Дж. Гринберг в своей классификации помещает тама в «восточносуданскую» семью; это классификационное решение на данный момент не оспаривается ни одним из ведущих специалистов в области «нило-сахарских» языков (Л. Бендер, К. Эрет и др.; К. Рилли в своей монографии [Rilly 2009] помещает тама в северную ветвь восточносахарской семьи, вместе с нубийскими, темейн и нара), но, безусловно, нуждается в самостоятельном лексикостатистическом подтверждении.

3.7.2. *Историческая характеристика.* Единственное исследование, специально посвященное сравнительно-историческому анализу материалов по языкам тама — небольшая статья [Edgar 1991b], в которой предпринята попытка систематической реконструкции фонологической системы пратама (включая инвентаризацию регулярных соответствий), обсужден ряд вопросов грамматической и лексической реконструкции (редупликация; способы маркирования ед. и мн. ч.; система префиксальных личных показателей в глаголе; глагольное отрицание) и опубликован список из 226 предположительных этимологических когнатов.

Обще-тама система консонантизма восстанавливается Дж. Эдгаром в следующем виде [Edgar 1991b: 112]:

b	t	(d)	k	g
	l	r		
	f	s	(ʒ)	
m	n		ɲ	
w				

Упрощенная система рефлексии этих фонем по языкам-потомкам (с. 113) выглядит в целом тривиальной, однако Эдгар признает и наличие многочисленных исключений, перечисленных на с. 113–118. Для успешного этимологического анализа 50-словного списка важнейшими из них будут следующие.

1) Фонемы **d* и **r* в пратама, несомненно, различались в срединной позиции: в этом несложно убедиться, проанализировав хотя бы различия в рефлексии пратама основ 'черный' (**kidi*) и 'солнце' (**ari*), см. ниже. Оппозиция между **d* и **r* была полностью нейтрализована (в пользу *d*) только в начальной позиции. При этом, однако, в отдельных диалектах там интервокальный **-d-* (обычно перед гласными *i*, *e*) либо совпадает с альвеолярным *-r-*, либо развивается в ретрофлексный *-ʎ-*; это затрудняет установление регулярных соответствий.

2) Противопоставление по глухости/звонкости в пратама было актуально только в начальной позиции (где последовательно противопоставлены **k* и **g*, **t* и **d*, **f* и **b*); в инлауте, судя по данным большинства языков-потомков, оно нейтрализовывалось в пользу звонкого варианта. Отдельные исключения могут объясняться особыми развитиями в составе кластеров (см. ниже 'глаз').

3) Фонема **s* хорошо сохраняется в зап.-тама языках, но уже на правост.-тама уровне его артикуляция ослабевает, причем по степени этого ослабления конкретные языки ранжируются следующим образом: мис (сохраняется в большинстве позиций) → эресун (выпадает в ауслауте; в анлауте перед всеми гласными, кроме **i*; в отдельных позициях в инлауте) → там (выпадает практически везде; в отдельных вокалически обусловленных контекстах в инлауте дает *-y-*).

4) О возможности реконструкции на пратама уровне в качестве отдельной фонемы, в том числе в начальной позиции, палатального глайда **y* см. ниже в обсуждении этимона 'кровь'.

В подсистеме вокализма (тривиальные) регулярные соответствия Дж. Эдгар приводит почему-то только для гласных **a*, **i*, **o*, хотя даже поверхностный анализ материала показывает, что пратама система была как минимум пятичленной, т. е. включала также **e* и **u*.

Из-за отсутствия подробных современных фонетических описаний языков тама остается неясным, насколько в фонологическом

плане релевантна для этих языков (и, соответственно, для пра-тама) оппозиция по +/-ATR. На фонетическом уровне она одно-значно отмечена в старых описаниях Р. Стивенсона (который постулирует для тама систему из 9 гласных) и Й. Лукаса (который для ибири-марарит выделяет целых 12 гласных); однако для мисири, например, Дж. Эдгар постулирует систему всего из 6 гласных, отмечая при этом, что *e* и *ε* (единственная +/-ATR пара в этой системе) могут на самом деле быть аллофонами. В целом для записей Дж. Эдгара скорее характерна тенденция к минимизации количества гласных звуков, в то время как П. Доорнбос, наоборот, гораздо чаще использует в своей транскрипции «-ATR-ные» знаки *ε*, *ɔ*, *ɪ*, *ʌ*.

В этой ситуации особенно подозрительно выглядит неполнота оппозиции (почти никто не противопоставляет в тама задние гласные *u* и *v*). Вопрос остается открытым, но на уровне предварительных реконструкций из-за невозможности установить однозначные соответствия мы будем записывать только **e*, **i*, **o*, **u*.

3.7.3. *Лексикостатистика.* По шести основным наречиям тама (там, эре, сун, мис, иби, шар) 100-словные списки составляются без труда, с немногочисленными лакунами, т. к. сбор соответствующих данных сам по себе обычно проводился по «списочному» принципу. При выборе эквивалента приоритет отдавался данным Дж. Эдгара (по там, эре, сун, мис) и А. Ворбе (сун, шар), но отдельные лакуны в списках также допускалось закрывать по дополнительным данным П. Доорнбоса и Й. Лукаса.

К сожалению, из-за общей скудности данных («списочный» принцип, несмотря на очевидное удобство для проведения предварительной лексикостатистики, означает, что ни для одного языка тама нет подробного словаря, который мог бы служить базисом для детального этимологического исследования) внутренняя этимологизация базисной лексики в тама регулярно сталкивается с серьезными проблемами: ниже будет видно, что по меньшей мере каждый второй этимон требует детального фонетического комментария и выбора оптимального решения из нескольких почти равновероятных сценариев.

Тем не менее, после отсеивания очевидных заимствований (в первую очередь арабизмов) и расстановки индексов когнатий, базирующихся на фонетических соответствиях Дж. Эдгара и

наших дополнений к ним, лексикостатистическая матрица для языков тама в целом оказывается вполне правдоподобной (отдельные коррективы в будущем, несомненно, придется вносить, но вряд ли они повлияют на классификацию):

Таблица 4. Лексикостатистическая матрица языков тама (100-словные списки).

	Эренга	Сунгор	Мисири	Ибири	Абу шар.
Тама	0.91	0.91	0.82	0.71	0.71
Эренга		0.94	0.85	0.69	0.68
Сунгор			0.84	0.69	0.68
Мисири				0.71	0.70
Ибири					0.98

Видно, что, как уже неоднократно отмечалось в предыдущих исследованиях (Дж. Эдгара и других), (а) иби и шар действительно оказываются близкородственными диалектами, при этом более или менее равноудаленными от всех остальных языков тама; ввиду их географического положения эту ветвь группы мы будем в дальнейшем называть «западно-тама» языками; (б) эре и сун — почти столь же близкие диалекты, стоящие близко к там. Мис, как отмечал уже Эдгар, действительно занимает промежуточное положение между этими двумя пучками, но все же совершенно эксплицитно ближе к там-эре-сун, чем к западно-тама языкам. Таким образом, его можно объединить с этим тройным пучком в единую группу «восточно-тама».

В глоттохронологическом плане распад пратама приходится примерно на III–IV вв. до н. э., т. е. завершается по меньшей мере на пятьсот лет позже, чем распад соседней общности маба; из этого можно сделать вывод, что современные тама — потомки несколько более поздней миграционной волны, осевшей на мабазычной территории (из всех т. н. «восточносуданских» языков в географическом отношении тама — самая западная группа).

50-словный список для языков тама.

1) «пепел»: (а) там *bóŋ* [Ed.]; (б) там *orŋg-o* [Wb.], эре *orŋo* [Db.], сун *orŋgo* ~ *oruŋgo* [Wb.], мис *arŋo* [Db.], иби *hòròná* [Ed.]; (б) иби *nèrmá* [Ed.], шар *ŋgarma*. || Пратама **orŋo*.

Наилучшей дистрибуцией обладает группа форм (б), при условии, что иби *hòròná* действительно фонетически совместимо с вост.-тама **orŋo* (у нас недостаточно данных, чтобы однозначно определить развитие сочетания *-rŋ- в зап.-тама — не исключена элементарная ассимиляция). Для там Ворбе также приводит форму *orŋg-o*, т. е. *bóŋ* — скорее всего, относительно недавнее замещение. Ср. в связи с этим у Эдгара такие адъективные формы, как *bó* и *búŋni* 'серый': вторая из них может быть новообразованием от *bóŋ*, но первая, напротив, скорее выглядит как производящая основа по отношению к *bóŋ*, т. е. 'пепел' ← 'серый', 'серость'.

Формы *nèrmá* и *hòròná* приводятся Эдгаром как синонимичные, без указаний на различия в употреблении. Внешней этимологии у *nèrmá* = шар *ŋgarma* (? ← зап.-тама **ŋer-ma*) нет. Ср. также в там вариант *ágúr-núk* [St.]: связать его общим происхождением с *orŋg-o* и т. д. никак не удастся, несмотря на фонетическое сходство (так что пратама реконструкцию К. Рильи **agurŋo*, основанную на привлечении к сравнению этой формы, следует отвергнуть).

2) «птица»: там *wigí-t* [Ed., Db., St., Wb.], эре *wigí-t* ~ *weigit* [Ed.], *wigi* ~ *wuigi* [Db.], сун *wig-it* [Wb.], мис *wig-it* [Db.], иби *weg-it* [Lk.], *wíg-it* [Ed.], шар *weg-it*. || Пратама **wegí-t* (~**wegí-t*); ср. мн. ч. **we:ge*, ед. ч. **wegí-ti* [CR].

Корневой гласный *e* (ε) в большинстве случаев уподобляется суффиксу, но встречаются как полностью архаичные варианты (шар; иби у Лукаса), так и «переходные», с незавершенным процессом ассимиляции (эре *weigit*). Суффикс *-t* — продуктивный показатель сингулятива; формы мн. ч. варьируют в зависимости от языка (зафиксированы варианты **weg-a*, **weg-e*, **weg-an*, несводимые к единой словоформе в пратама).

3) «черный»: там *kirík* ~ *kídík* [Ed.], *kirí-k* [Db.], эре *kídík* [Ed.], сун *kidi-k* [Wb.], мис *kiti-k* [Ed.], *kitík* [Db.], иби *kíd-ik*, шар *kidi-k*. || Пратама **kidi-k* (-*k* — суффикс ед. ч., ср. мн. ч. там *kirí-ŋ* и др.; ср. **kidi-k* [CR]). Соответствия в срединной позиции однозначно указывают на пратама взрывной *-*d*-.

4) «кровь»: там *ái* [Ed.], эре *ái* [Db.], сун *ái* [Wb.], *ai* [St.], мис *ái* [Db.], иби *zɪ́*, шар *gí*. || Пратама **yai*.

Реконструкция нуждается в подробном обосновании. Без труда восстанавливаются вост.-тама основа **ai* и зап.-там. **gi*; хотя уже здесь следует отметить, что не всякий **g*-, даже в позиции перед *-i*-, в иби палатализуется. Однако для того, чтобы свести их в одну этимологию, желательно установить хотя бы минимальную рекуррентность соответствия «вост.-тама \emptyset : зап.-тама *g*». Единственный подходящий пример — пратама основа 'экскременты': там *gɛ́i* [Ed.], эре *ɪsɪ* [Db.], сун *iʃi* [Wb.], мис *ɪsɪ* [Db.], иби *gɪsɪ*, шар *gesɪ*. При этом, как нетрудно заметить, соответствия в этих двух случаях слегка отличаются — так, в там *gɛ́i* выпадения начального согласного не происходит.

С другой стороны, если для форм со значением 'кровь', в силу их лаконичности, еще можно допустить раздельное происхождение, то для 'экскрементов' это крайне маловероятно, и, следовательно, «беглый *g*» в языках тама — реальность, а не фикция. Можно было бы, разумеется, в этом контексте вспомнить об «артикле третьей стадии» Гринберга (т. е. «*k-mobile*»), но реконструкция на пратама уровне «*k-mobile*» (точнее, «*g-mobile*») на материале двух слов имела бы очень странный вид и не обладала бы никакой объяснительной силой.

Более естественно в такой ситуации думать об особой фонеме или сочетании. Обычный веларный **g* реконструировать здесь нельзя, т. к. в большинстве случаев он сохраняется даже при передних гласных (см. выше 'птица' и мн. др.). Из других фонем, типологически способных давать столь разные отражения, как *g*, *ʒ* и \emptyset , не занятых в нашей реконструкции, остается только **y*. В живых языках эта фонема встречается редко и, как правило, только в интервокальной позиции, что позволило Эдгару вообще исключить ее из своей реконструкции. Однако маргинальность фонемы и ее полное отсутствие — не одно и то же; к тому же в типологическом плане ситуация здесь аналогична картине, наблюдаемой для языков маба, где фонетические соответствия позволяют и даже вынуждают реконструировать **y*, несмотря на явную тенденцию к исчезновению этой фонемы в языках-потомках (развитие в *-s*- в интервокальной позиции и т. п.).

В данном случае реконструкция **yai* (морфологически, вероятно = *ya-i*, где *-i* — один из множества десемантизированных именных суффиксов) объясняет не только рефлекс **ai* в вост.-тама (где просто выпадает глайд), но и долготу гласного в зап.-тама (ассимилятивное развитие **yai* → **yii* → **yi:* → *gi:* ~ *zi:*). Ни один другой сценарий не позволяет столь же экономным и типологически достоверным способом свести вместе эти две группы форм (в том числе реконструкция **agi* у К. Рильи).

5) «кость»: там *kí-tí* [Ed.], *kè-tí* [St.], *ki-ti* [Wb.], эре *kìṅà-tí* [Ed.], *kiṅa-ti* [Db.], сун *kiṅga-ti* [Wb., St.], мис *kiṅ-it* [Db.], иби *kiṅg-it*, шар *keṅgi-ta*. || Пратама **kiṅa-ti*.

Для того, чтобы лучше понять структуру этой основы, следует также подключить к сравнению формы мн. ч.: там *kèina-k* [Ed.], *kèṅa-k* [St.], *kiṅa:k* [Wb.], эре *kiṅak* [Ed.], *kiṅak* [Db.], сун *kiṅga-k* [Wb., St.], мис *kiṅa* [Db.], иби *kèṅg-éṅ*, шар *kaṅga-k* ← пратама **kiṅa-k*.

Консонантная структура **k...ṅ*- преобразована в там (но только в форме ед. ч.) как следствие редукции срединного гласного: **kiṅa-ti* → **kiṅ-ti* → *ki-ti*. В ряде других языков редукции, напротив, подвергается конечный гласный, предварительно ассимилировав срединный: **kiṅa-ti* → **kiṅi-ti* → **kiṅi-t* (в мис и в иби). Напротив, в форме мн. ч. столь серьезных изменений не происходит из-за того, что ее структура изначально была двусложной и не испытывала тенденции к редуцированию.

То, что суффикс сингулятива нужно восстанавливать именно в виде **ti*, а не **t*, легко доказать и на примере двусложных основ с корнем CV, в которых он не редуцируется: ср. ниже 'глаз'.

К. Рильи предлагает альтернативный сценарий с реконструкцией ед. ч. **kei-ti*, мн. ч. **kei-ṅ* и последующими новообразованиями форм ед. и мн. ч., отталкивающимися от переосмысления формы **keiṅ* как неразложимого корня. Даже если это правда, не приходится сомневаться в том, что переосмысление это произошло уже на пратама уровне: единственная форма, в которой отсутствует носовой — ед. ч. в там, и она легко объясняется как вторично синкопированная.

6) «ноготь»: (а) там *ṅòṅá-t* ~ *ṅùṅú-t* [Ed.], эре *nis-an* [Ed.], *nis-it* [Db.], сун *ṅisi-t* [Na.], мис *ṅɔsɔ-t* [Db.], шар *ṅgi:n-it*; (б) сун *okolong-ot* [Wb.]. Ср. также формы мн. ч.: там *ṅòṅá-k* [Ed.], эре *nis-aṅ* [Db.], сун *ṅisi-ṅ* [Na.], мис *ṅɔsɔ-ṅ* [Db.], шар *ṅgi:n-it*.

Формы группы (а) очень трудно отделить от фонетически сходной основы 'зуб' (см. ниже) — настолько, что в сравнительных материалах Дж. Эдгара они объединены в рамках одного словарного вхождения. Ср. хотя бы столь странное фонетико-семантическое «пересечение», как там *ɲɔ́ɲát* 'ноготь' = иби *ɲóɲit* 'зуб', или эре *ɲis-it* 'ноготь' : *ɲisi-t* 'зуб' (если доверять записям Доорнбоса, здесь налицо минимальная пара по +/-ATR!).

Тем не менее, как «регионально-африканская», так и общая семантическая типология не позволяют без тщательного обоснования считать все эти формы фонетико-морфологическими вариантами одного и того же корня: семантическая связь между 'зубом' и 'ногтем' теоретически возможна только в том случае, если оба значения через метафорический перенос развились из какого-то третьего (\approx 'острый предмет') — но на это внутри тама нет даже косвенных указаний. Помимо этого, не удастся предложить и достоверного сценария развития всех этих форм из единого корня — различия и в вокализме, и в консонантизме, и даже в парадигматических характеристиках этих корней чересчур велики. В лучшем случае можно предположить наличие отдельных контаминаций между двумя основами (что было бы вполне естественным при наличии в соответствующих языках таких идиоматизированных сочетаний, как 'зубами и когтями' и т. п.).

Для лексемы 'ноготь' из всех возможных вариантов реконструкции оптимальной представляется парадигма ед. ч. **ɲosa-t*, мн. ч. **ɲosa-k*, из которой рефлексy выводятся следующим образом:

а) спирант **-s-* в срединной позиции сохраняется в эре-сун и в мис, но в там и в шар закономерно развивается в *-y-*, после чего уподобляется начальному велярному носовому;

б) в эре-снɔ и в шар (независимо друг от друга!) морфологическая парадигма **ɲosa-t* / **ɲosa-k* изменилась на **ɲos-it* / **ɲos-ɪŋ* под влиянием парадигмы (возможно, «парного») к 'ногтю' / 'когтю' слова 'зуб' (**ɲez-it* / **ɲez-ɪŋ*, см. ниже);

в) дальнейшие изменения в этих языках (переогласовка **CoCi* → **CiCi*, палатализация носовых в соседстве с передними гласными) были либо продолжением семантической контаминации с 'зубом', либо уже самостоятельными процессами (здесь для более четкой аргументации требуется детальная работа по установлению регулярных соответствий между гласными в двусложных структурах).

Возможны, по-видимому, и альтернативные сценарии, но все они могут исходить *только* из того, что: (а) основы 'ноготь' и 'зуб' в пратама были этимологически различными; (б) но при этом обладали фонетическим сходством, создавшим почву для контаминаций в языках-потомках; (в) в обоих случаях «консонантный костяк» этих слов состоял из начального носового согласного и срединного «слабого» спиранта (*s*, *y* и т. п.); (г) гласные первого и второго слога качественно различались (в противном случае схемы вокалических соответствий были бы тривиальными). Вариант реконструкции **ɲosa-* всем этим требованиям удовлетворяет. Любопытно, что совершенно независимо к похожему варианту (ед. ч. **ɲus-a-ti*, мн. ч. **ɲos-on*, хотя и также под вопросом) приходит и К. Рильи.

7) «умирать»: там *iye* (имперф.), *i-ɲa* (перф.) [St.], эре *iya* (императив ед. ч.), *k=ɲɪ-a* (императив мн. ч.) [Db.], сун *iye* (имперф.), *i-ɲa* (перф.) [Wb.], *iya*: (имперф.), *i-ɲa* (перф.) [St.], мис *iy* (имперф.), *iyi-ɲ* (перф.) [Ed.], *iye* (императив) [Db.], иби *iyeɲ* (имперф.), *iyei* (перф.), шар *iye* (имперф.), *iye:-n* (перф.). || Пратама **iy-* (ср. **i* у К. Рильи).

Здесь налицо убедительный пример пратама основы со срединным глайдом **-y-*, сохраняющимся во всех языках (но почему-то проигнорированным Дж. Эдгаром в его таблицах соответствий). Основы имперфектива и перфектива образованы от одного и того же корня **iy(e)*, с помощью продуктивного перфективного суффикса **-ɲ* или, в случае иби, суффикса **-i* (→ **iye-ɲ*, **iye-i*).

8) «собака»: там *wɛi* [Ed.], *wi(:)* [Db.], эре *wi(:)* [Ed.], *wui* [Db.], сун *wɛ*: [Wb.], мис *wus* [Ed., Db.], иби *wi:si*, шар *wis*. || Пратама **wes-i*.

Срединный **-s-* выпадает в этой основе не только в там, но и в эре-сун, что скорее всего обусловлено вокалическим контекстом (окружение состоит из двух передних гласных). Труднее объяснить вокализм; в частности, К. Рильи предлагает реконструировать **wui:si*, исходя из пересечения огласовок в мис *wus*, эре *wui* и диалектного варианта **wui:ši* в зап.-тама (иби *wuši* [St.], шар *wu:ši* [Ba.]). Этот вариант нельзя исключать, хотя, на наш взгляд, информативнее здесь все же такие формы, как там *wɛi* и сун *wɛ*:; вторичное появление *e* (ɛ) в которых объяснить гораздо сложнее, чем ассимилятивное развитие **wesi* → **wusi* в м. **wisi* из-за влияния губного согласного (ср. выше начальный этап такой ассими-

ляции в эре *wiigi* 'птица' ← **wegi*). Старая огласовка нагляднее всего заявляет о себе в таком образце парадигмы, как сун ед. ч. *wi*, мн. ч. *we-a* [Na.] ← **wisi* : **wesa*, где в ед. ч. ассимиляция имела место, а в мн. ч. ее быть не могло.

9) «пить»: там *li* (имперф.), *li-o* (перф.) [St.], эре *liʒe* (имперф.), *liy-ɔŋo* (перф.) [Db.], сун *liye* (имперф.), *li-ɔŋo* (перф.) [Wb.], мис *liyei* (имперф.), *liy-iŋ* (перф.) [Ed.], *liy-o* (императ.) [Db.], иби *ʒèi* (имперф., перф.) [Ed.], шар *li* (имперф.), *ʒei* (перф.) [Wb.]. || Пратама **li-* (ср. **li(-yV)* у К. Рилы).

Большинство форм сводится к регулярной и несупплетивной парадигме на пратама уровне: **li-(y)e* (3-е л. ед. ч. имперф.) : **li-(y)ɔŋ(o)* (3-е л. ед. ч. перф.). В там, по-видимому, представлена усеченная форма перфектива (ср. более архаичную форму *liɔŋo* в записях Ворбе). В зап.-тама языках, где носовой суффикс в перфективе встречается редко, парадигма вместо этого имеет вид **li* : **li-yei*, причем вторая основа уже на празап.-тама уровне подверглась редукции и стяжению: **liyei* → **lyei* → **zei* (так что синхронный супплетивизм в шар легко снимается при выходе на диахронический уровень).

10) «сухой»: (а) там *lá:kìn* [Ed.], *law-ositá* [St.], *law-asite* [Wb.], эре *labùt* [Db.], сун *labit* [Na.]; (б) мис *rídùt* [Db.]; (в) иби *kirín*, шар *kerri*.

В первую очередь из рассмотрения следует исключить группу форм (в): они регулярно соответствуют там *kír* 'сильный', *kiri* 'твердый' [St.], сун *ker* ~ *kerri* 'сильный, твердый' [Wb.] и др. формам, с естественным семантическим развитием 'твердый, жесткий' → 'сухой' в зап.-тама. Далее, мис *rídùt* — также сомнительный этимон, ввиду не только слабой дистрибуции, но и, в первую очередь, начального вибранта *r-*, не реконструируемого в этой позиции на пратама уровне; здесь можно предполагать заимствование, хотя конкретный источник неясен.

Это оставляет нас с вост.-тама формами группы (а), которые в подавляющем большинстве сводятся к основе **lab-*, по-видимому, глагольной (в записях П. Палайе, цитируемых у К. Рилы, форма *lâwàsité* 'сухой, высушенный' анализируется как причастие от глагола *lawas* / *lawaa* 'высыхать'). Интервокальный **b-* (вм. **w-*) предполагается ввиду рефлекса *-b-* в эре-сун (срединный **w-* в этих диалектах вроде бы не переходит в взрывной, ср. там *éwit* [Ed.] 'шея' = эре *ewèt* [Db.], сун *ewit* [Sn.], *ewet* [Wb.]). При этом в

диалекте там, записанном Эдгаром, налицо не слияние рефлексов правост.-тама **-b-* и **-w-*, а выпадение **-b-* в интервокальной позиции (возможно, через импловивную стадию **-b-*): *lákìn* ← **laba-kin*.

11) «ухо»: там *ú-tù*, мн. ч. *úŋ-òŋ* [Ed.], *ù-tu*, мн. ч. *ùŋ-oŋ* [Db., St.], эре *us-ut*, мн. ч. *us-oŋ* [Db.], сун *us-ut*, мн. ч. *us-oŋ* [Wb.], мис *us-ut*, мн. ч. *us-oŋ* [Db.], иби *ŋùsí*, мн. ч. *ŋùsí-én*, шар *ŋgusi*, мн. ч. *ŋguŋgak*.

Для правост.-тама правомерной, скорее всего, будет реконструкция парадигмы ед. ч. **us-t* : мн. ч. **us-oŋ*. Морфологическая структура (C)VC-*t* (вместо более обычных (C)VCV-*t* или (C)VC-*tì*) необычна, но необычной (возможно, даже, уникальной) является и корреляция «там -*tu* : эре, сун, мис -*ut*», которую нельзя объяснить иначе, как двумя разными путями ликвидации ауслаутного кластера. В там, как и положено, срединный **s* выпадает — в форме **us-tu* (← **us-t*) бесследно, в форме **us-oŋ* — развиваясь сначала в **u*, затем, по ассимиляции, в *ŋ*.

В празап.-тама основа имеет иное морфологическое оформление: ед. ч. **ŋus-i* (мн. ч. однозначно не реконструируется).

Вопрос о соотношении вост.- и зап.-тама форм упирается в сложную внутреннюю проблему тама морфо(но)логии, которую можно обозначить как «проблему беглого *ŋ*». Велярный носовой *ŋ* во всех языках тама представляет собой вполне самостоятельную фонему, в том числе и в начальной позиции; регулярное соответствие «зап.-тама **ŋ*- : вост.-тама **∅*-» сформулировать невозможно, и никаких законных оснований для бесследной утраты **ŋ*- в там *ú-tù* не существует. Восстановить на этом месте какой-либо другой носовой (**n-*, **ɲ-*) также нельзя, т. к. и для этих прафонем данная основа не предполагает возможности выпадения или трансформации в велярный **ŋ*-.

С другой стороны, на примерах таких базисных этимологий, как 'голова' и 'имя' (см. ниже), мы столкнемся со случаями *обратной* корреляции: «зап.-тама **∅*- : вост.-тама **ŋ*-», также без малейших следов каких-либо фонетических процессов, которые могли бы обеспечить такое развитие. Параллельно с этим существуют и такие примеры, как там *ŋa:ra* [Wb.] : сун *ŋárá* [Gn.] : иби *ŋàré* : шар *ŋa:ra* 'гром'; там *ŋi(:)ni* : сун *ŋini* [Na.] : иби *ŋìní* : шар *ŋi:ni* 'вор', где пратама **ŋ*- стабильно сохраняется во всех языках-потомках.

Оптимальная интерпретация такой картины — определение «беглого *ŋ*» как архаичного морфологического префикса, кото-

рый на пратама уровне еще воспринимался как отдельная морфема, но уже на уровнях отдельных ветвей сросся с корнем в единый неразрывный комплекс. Эту идею можно подкрепить по меньшей мере двумя косвенными аргументами:

а) вряд ли случаен факт наблюдения «беглого *η*» именно в том секторе базисной лексики, в который входят слова, которые во многих языках Африки имеют семантику «неотчуждаемости» и часто употребляются почти исключительно в сочетании с посессивным префиксом ('ухо', 'голова', 'имя'); то, что они при этом не встречаются в большом количестве других «неотчуждаемых» именных парадигм, объясняется фонетическими причинами — во всех перечисленных словах корни имеют вокалический анлаут, облегчающий сращение с ними сегмента *η*-;

б) позволительно воспользоваться и внешней «подсказкой» со стороны возможных ближайших родственников тама из числа «восточносуданских» языков. Для слова 'ухо' такое предварительное сравнение ничего не дает, но 'голова' и 'имя' представлены в нубийских ('голова'), ныманг ('голова') и нара ('имя') языках фонетически сходными формами, не содержащими начального *η*- (см.).

На синхронных уровнях тех языков тама, по которым известны хоть какие-то грамматические данные, посессивные префиксы вида *η*- отсутствуют; в связи с этим не исключено, что **η*= имеет все же не посессивное, а указательное происхождение (т. е. является тем самым «артиклом третьей стадии» в интерпретации Дж. Гринберга, в данном случае, с конкретными сравнительными аргументами в пользу его постулирования) — ср. там *iη* [Ed.], эре *iη* [Db.], сун *iη* [St.] 'этот'. Впрочем, на этот вопрос более определенно можно будет ответить только после тщательной реконструкции служебных морфем в пратама. Что касается основы 'ухо', то реконструкцию имеет смысл представлять в виде **η=us-*; это будет указывать на то, что велярный носовой к историческому корню скорее всего отношения не имеет (нельзя полностью исключить и сценарий переразложения из **ηus-*, но такое решение нежелательно без веского подкрепления данными внешнего сравнения).

12) «есть»: (а) там *nàn* ~ *nán* ~ *ηan* (императ.) [Ed., Db.], *ηan-i* (имперф.), *ti=ninga* (перф.) [Wb.], эре *ηgan* (императ.), *nɔn* (имперф.), *ti=nliη* (перф.) [Db.], сун *ηgan-i* (имперф.), *ti=niga* (перф.)

[Wb.], мис *ηλп* (императ.) [Db.]; (б) иби *gúì*: (имперф.), *siní* (перф.), шар *geyei* (имперф.), *siní* (перф.); (в) (?) иби *dam* [Lk.].

Большинство вост.-тама форм сводимы к парадигматическому инварианту **ηап* (имперф.): **ti=naη* (перф.). Префикс **ti=* — одно из наиболее регулярных средств (наряду с суффиксом **-η*) образования в этих языках перфективных основ; удивление вызывает только своеобразная метатеза носовых, вызванная его присоединением, по-видимому, уже на правост.-тама уровне.

В словаре Дж. Эдгара зап.-тама формы приводятся под тем же входом, что и вост.-тама, но скорее всего это следует интерпретировать как отражение невозможности разобраться в ситуации. На прауровне здесь можно восстановить только супплетивную оппозицию **gey-* (имперф.): **sin-* (перф.), и ни один из этих корней не может быть удовлетворительно совмещен с вост.-тама **ηап*, даже если допустить дальнейшую сегментацию и пытаться выделить в **ηап-* и/или в **sin-* словообразовательный суффикс **-п* (хотя серьезных оснований для этого нет).

Основа **sin* проявляется в зап.-тама также в композитном образовании 'кусать': иби *ηόή-sín* 'я кусаю' [Ed.], где *ηόή-* = 'зуб' (см. ниже). Неясно, является ли это этимологическим соответствием там *júñi tēné* id. [Ed.] (там *t-* не должен соответствовать иби *s-*, если только речь не идет о нетривиальных стяжениях с префиксальным показателем 1-го л. ед. ч.), но, в любом случае, это само по себе не доказывает вторичность основы **sin* в значении 'есть', т. к. ср. также там *ηi:ηε ηàп* 'кусай!' (императ.) [St.]; похоже, что для языков тама стандартной была семантическая деривация значения 'кусать' ← «сложения» значений 'зуб' + 'есть'.

Ситуация осложняется еще и тем, что в зап.-тама окказионально обнаруживается третья основа: Й. Лукас приводит для иби формы *tam-* ~ *dam-* (в мн. ч. обнаруживается также алломорф *am-*), ничего не говоря об их семантическом отличии от основ **gey-* / **sin-*. К. Рильи сопоставляет эту основу с глагольным корнем (*η*)*am-* (ед. ч.) / (*η*)*ab-* (мн. ч.) 'есть мягкую пищу', существование которого в там отмечено в записях П. Палайе, и (под вопросом) предполагает аналогичную семантику и для иби. Однако все это очень сомнительно. Во-первых, основа (*η*)*am-* / (*η*)*ab-* больше не встречается ни в одном источнике данных по там (вряд ли и Стивенсон, и Эдгар, и другие исследователи могли упустить

такой глагол, если он действительно имел активное употребление); во-вторых, неясными остаются соответствия начальных согласных; наконец, в-третьих, имеет смысл обратить внимание на образцы текстов иби в [Lukas 1933: 47–50], где в значении 'есть' (применительно к таким объектам, как 'яйца', 'хлеб', 'мясо', 'молоко', а также в общем контексте 'я ничего не ел') употребляется исключительно супплетивный глагол *gey-* / *sin-*. Вообще, семантическая оппозиция 'есть мягкую / жесткую пищу', категорически не свойственная «восточносуданским» языкам, конечно, могла развиваться в некоторых из них вторично (например, под сильным ареальным влиянием чадских языков), но для того, чтобы ее постулировать, нужны более сильные аргументы.

На данном этапе остается только констатировать невозможность однозначной реконструкции на пратама уровне: к внешнему сравнению можно с примерно одинаковой вероятностью привлекать вост.-тама **ɲan-* и зап.-тама **gey-* / **sin-* (но никак не сомнительное **(d)am-*).

13) «яйцо»: (а) там *kù-y-ít* ~ *kò-y-ít*, мн. ч. *kù-y-á* ~ *kù-y-é* [Ed.], *ki-t*, мн. ч. *ki-y-à* [Db.], эре *kuy-it*, мн. ч. *kuy-a* [Db.], сун *kuy-ut*, мн. ч. *kuy-a* [Wb.], *koy-ut*, мн. ч. *kuy-a*: [St.], мис *ki-t* [Db.]; (б) иби *kòbì-t*, мн. ч. *kòbì-n*, шар *ko:b-it*, мн. ч. *ko:b-ε*. || Правост.-тама **kuy-it* ~ празап.-тама **kob-it* (ср. **kibe*, ед. ч. **kubi-ti* у К. Рильи).

Соответствие «вост.-тама **-y-* : зап.-тама **-b-*» уникально, и представить для него непротиворечивый объяснительный сценарий пока что не удается. Можно было бы думать об ослаблении **-b-* → **-w-* (ср. выше 'сухой', хотя даже в этом случае ослабление имело место не на правост.-тама уровне, а только в самом там), но для дальнейшего развития **kiw-i* → **kui-i* никаких оснований нет (хотя см. ниже 'луна'). Обратный сценарий, т. е. трансформация глайда в взрывной **-b-* в зап.-тама языках, еще менее вероятен. Конечно, сравнительного материала на развитие как **b*, так и **w* в этой позиции так мало, что нельзя исключить возможность нетривиального развития редкого кластера, контаминации и т. п., но различие в консонантизме все же чересчур существенно, чтобы закрывать на него глаза. Впрочем, ситуация может проясниться при выходе на внешний уровень, т. к. к сравнению с примерно одинаковой вероятностью можно привлекать и корневой вариант **kui-*, и вариант **kob-*.

14) «глаз»: там *mèti*, мн. ч. *mó:ŋ ~ tuŋg* [Ed.], *mèti*, мн. ч. *mòŋ* [Db.], эпе *metti*, мн. ч. *mo:ŋ* [Db.], *medi* [Ed.], сун *mèti*, мн. ч. *móŋ ~ tuiŋg* [St.], *meti*, мн. ч. *moŋg* [Wb.], мис *meti*, мн. ч. *məŋ* [Db.], иби *im-si(n)*, мн. ч. *imnièn*, шар *em-si*, мн. ч. *em-ŋge*.

Все формы можно связать друг с другом, однако итоговый сценарий оказывается сложным. На правост.-тама уровне однозначно восстановима форма ед. ч. **meti* и форма мн. ч. **moŋ*; сопоставление с явно аналогичной парадигмой слова 'ухо' (**us-t : *us-ŋŋ*, см. выше) позволяет снять мнимый супплетивизм этих основ, анализируемых как **me-ti* (= **ust* с полнозвучным вариантом суффикса, по-видимому, обусловленным структурой корня CV) : **m-ŋŋ* (стяжение из ← **me-ŋŋ?*).

На празап.-тама уровне восстанавливается форма ед. ч. **em-si*; труднее обстоит дело с формой мн. ч., но и в ней, скорее всего, исходно присутствовал носовой суффикс, родственный вост.-тама **-ŋŋ*. С другой стороны, реконструкция **em-si* не учитывает таких вариантов, как шар *meše*, мн. ч. *mešianŋg* в старых записях Барта, а также формы *am-ti*, записанной Д. Вейсс (также для шар!) и упоминаемой в [Rilly 2009: 490].

Сопоставляя вост.- и зап.-тама формы, К. Рильи предлагает объяснять структурные расхождения между ними метатезой в зап.-тама. Однако нет никаких конкретных причин, по которым форма типа **me-si* или **me-ti* могла бы дать в иби **em-si* — метатеза, в результате которой образуется, а не ликвидируется нетривиальный консонантный кластер, вообще крайне маловероятна. Более естественным было бы, учитывая частотность и, вероятно, регулярность отпадения в вост.-тама начального гласного в трехсложных основах вида VCVCV/C/ (см. ниже 'волосы'), сводить все варианты основы ед. ч. к виду **eme-ti* → вост.-тама **me-ti*, зап.-тама → **em^e-ti* → **em-si*. В крайнем случае анлаутный гласный **e* можно считать архаичным морфологическим префиксом, сохранившимся в зап.-тама, но не в вост.-тама (о возможности реконструкции особого префикса **V=* в словах, обозначающих части тела, см. ниже этимон 'рот').

Однако трудности на этом не заканчиваются, т. к. необъясненным остается развитие **-ti* → **-si* в зап.-тама, никоим образом не регулярное (ср. иби *ir-ti* 'человек', *sén-ti* 'маленький' и др.). Если в случае с 'ухом' зап.-тама **ŋ=us-i* еще можно объяснить, например,

стяжением из **ŋ=us-ti* (корень **us-*), то для 'глаза' развитие из **mes-ti* невероятно.

Тем не менее, *какой-то* дополнительный согласный перед суффиксом **-ti*, обеспечивавший его палатализацию, все же должен был присутствовать. К тому же праформа **emeC-ti* объясняла бы не только палатализацию в зап.-тама, но и развитие в вост.-тама \rightarrow **me-ti*, а не, скажем, в **emet* (ср. там *usut* 'ухо'): структура упростилась за счет начального, а не конечного гласного из-за того, что отпадению конечного гласного в свое время мог помешать предшествующий ему кластер. Наконец, в пользу наличия перед *-ti* дополнительного согласного свидетельствует и бросающееся в глаза отсутствие озвончения срединного глухого: выше уже говорилось о том, что в интервокальной позиции тама глухие и звонкие взрывные обычно нейтрализуются в пользу звонкого, а не глухого варианта (т. е. вместо **eme-ti* ожидалось бы **eme-di*).

Таким неизвестным согласным могла быть одна из «слабых», т. е. легко поддающихся ассимиляции или выпадению, согласных фонем пратама, например, палатальный глайд **-y-* или палатальный носовой **-ŋ-*. Оптимальной представляется основа **eterŋ-*, т. к. она позволяет дополнительно объяснить странную форму мн. ч. в иби: **eterŋ-ŋ* \rightarrow **imreŋ* \rightarrow *imnieŋ* (т. е. в этом случае мн. ч. в иби было бы единственной формой, в которой второй согласный корня сумел эксплицитно сохраниться до наших дней). В правост.-тама же форма **eterŋ-ŋ* уже на прауровне стянулась в **toŋ* (возможно, даже в **to:ŋ*, если долгота в там [Ed.] и эре [Db.] фонологична, в чем нет уверенности).

Итоговую парадигму мы будем восстанавливать в виде ед. ч. **eterŋ-ti*, мн. ч. **eterŋ-ŋ*, но с допущением альтернативных сценариев (имеющих меньшую объяснительную силу).

15) «огонь»: там *ú(:)* [Ed., Db.], эре *ú* [Db.], сун *и* [Wb.], мис *o:s* [Ed.], *ùs* [Db.], иби *ùsùgí*, шар *usugu*. || Правост.-тама **u:s* ~ празап.-тама **usigu* (ср. **usi* ~ **usi-gu* у К. Рильи).

Для этой основы нетривиальной оказывается реконструкция ауслута. На правост.-тама уровне однозначно восстанавливается **u:s* с отпадением «слабого» **-s* в кластере там-эре-сун. Однако неясно, как конкретно эта основа соотносится с зап.-тама **usigu*. Один вариант, поддерживаемый К. Рильи — считать зап.-тама форму морфологически производной, расширенной за счет

старого «собирательного» суффикса **-gi*. Но если этот суффикс действительно архаичен (Рильи, по-видимому, придерживается именно такой точки зрения), это предполагает сосуществование двух вариантов уже на пратама уровне, что маловероятно (ни в одном из живых языков такая ситуация не наблюдается). К тому же развитие **usi* → **i:s* в вост.-тама практически исключено: последовательности **VCV* в этой подгруппе такого рода структурным изменениям не подвержены.

Уникальный характер соответствия «вост.-тама **-s* : зап.-тама **-sigu*» скорее заставляет думать об уникальной реконструкции наподобие пратама **usg*, с усечением ауслутного кластера в вост.-тама, но разбиением его за счет вставных гласных в зап.-тама. На каком-то более раннем этапе развития такая форма могла образоваться в результате редукции (из **usVg?*), но конкретные рефлексy в живых языках тама скорее объяснимы как результат элиминации «неудобного» кластера в пратама. Отсутствие стандартного для тама ауслута на гласный или на суффиксальный *-t* допустимо для некоторых лексем, в том числе обозначающих субстанции (см. ниже 'вода'). Дальнейшее подтверждение или опровержение такой «странной» реконструкции будет зависеть от внешнего сравнения.

16) «нога»: там *màr* [Ed.], *mà:r* [Db.], эре *már* [Ed.], *ma:r* [Db.], сун *màr* [Wb., St.], мис *mlr* [Db.], иби *wár*, шар *werr*. || Пратама **war*.

Соответствие «вост.-тама **m-* : зап.-тама **w-*» нерегулярно и уникально, и, на первый взгляд, основы **mar* и **war* должны быть этимологически отделены друг от друга. Однако на взаимной основе они не этимологизируются, и, учитывая почти полное совпадение в двух подгруппах всех основных анатомических терминов, а также почти полное фонетическое тождество сравниваемых форм, уместно все же искать рациональное объяснение того, что первая фонема в них отличается по одному фонетическому признаку, т. е. +/- назализованность. (Отметим, что и Дж. Эдгар, и К. Рильи также считают все эти формы родственными.)

Такое объяснение есть: назализация в вост.-тама может интерпретироваться как вторичный результат стяжения все с тем же окаменевшим префиксом **ɨ=*, о котором речь уже шла выше (см. 'ухо'). В зап.-тама сохраняется беспрефиксальный вариант, в вост.-тама же имеет место вполне естественное развитие **ɨ=war* →

**mar* (т. е. соотношение здесь такое же, как в этимонах 'голова' и 'имя', см. ниже). Данный сценарий непротиворечив, согласуется с целым рядом похожих случаев и позволяет избежать нежелательного скопления лишних этимологий. При выходе на внешний уровень сравнения приоритетным вариантом основы в этом случае должен быть **war* (хотя минимальную вероятность ошибки также следует учитывать — на тот случай, если внешние данные скорее подтвердят первичность варианта **mar*).

17) «волосы»: там *ig-it*, мн. ч. *ig-idi* [Ed.], эре *sigit* [Db.], сун *sig-it*, мн. ч. *sig-o* [Wb.], мис *sigit* [Db.], иби *ising-it*, мн. ч. *ising-én*, шар *ising-it*, мн. ч. *ising-ε*. || Пратама **isigi(-t)* (ср. **sigit* у К. Рильи).

Правост.-тама **sigit* (выпадение **s-* в там с сохранением его в других языках — регулярное развитие перед гласным **i-*) и празап.-тама **isingit* могут объединяться в одну этимологию при условии, что: (а) в вост.-тама имела место апокопа начального гласного (реконструкция **sigit*, как у К. Рильи, не позволяет объяснить анлаутный *i-* в зап.-тама; никаких оснований считать его застывшим префиксом, аналогично описанному выше **η*≠, не обнаружено); (б) в зап.-тама произошла вторичная назализация велярного **-g-* (возможно, сначала по ассимиляции в форме мн. ч.: **isig-en* → **ising-en*, затем по аналогии распространившаяся на ед. ч.). Обратный сценарий, т. е. утрата назализации в вост.-тама, менее вероятен в силу многочисленных противоречащих примеров (см., например, 'кость': иби *kingit* = мис *kingit* вм. **kitit*).

18) «рука»: там *àù*, мн. ч. *àù-kaŋ* [Ed.], *awí*, мн. ч. *au-kaŋ* [Db.], эре *auw*, мн. ч. *lka* [Db.], *oŋ* [Ed.], сун *ao*, мн. ч. *ao-ka* [Wb.], мис *wi:*, мн. ч. *wi:-kà* [Db.], иби *wèi*, мн. ч. *wèi-gèn*, шар *woi:*, мн. ч. *woi-gaŋg*.

Несмотря на очевидное фонетическое сходство, перечисленные формы сводятся к единому праязыковому инварианту лишь через сложный исторический сценарий. Даже в пределах близкородственного «пучка» там-эре-сун наблюдается значительный разброс вариантов: *auw*, *aw*, *aw-i*, и даже эре *oŋ* с чрезвычайно редким для этого языка звонким велярным фрикативным *ɣ* (в сравнительных списках [Edgar 1991b: 126-130] по языкам тама это вообще единственный пример).

Еще одной нестандартной особенностью данной основы оказывается форма мн. ч., где в там обнаруживается «формант» *-kaŋ*, а в эре-сун — *-ka*. Несмотря на то, что и *-k*, и *-(V)ŋ* — хорошо

известные продуктивные суффиксы мн. ч. во всех этих языках, «склеиваться» друг с другом они все же не должны, и беглый просмотр материалов по там не выдает ни одного аналогичного примера (наоборот, ср. там *wi*: 'собака': мн. ч. *wi-an* даже с образованием зияния). Это дает веские основания для того, чтобы считать *-k-* в этих формах частью исторического корня, сохранившейся в позиции перед суффиксом **-an*.

Возможный сценарий — реконструкция на пратама уровне формы **awg*, где **-g* — такой же застывший суффикс, как в **usg* 'огонь'. Фонетически **awg* могло реализовываться как **awu* (с ассимиляцией), что в конечном итоге и привело к полному упрощению этого кластера во всех диалектах вост.-тама, но по разным сценариям. Форма мн. ч. **awg-an*, где сочетание оказывалось в интервокальной позиции, развивалась по иным законам, и велярный взрывной в ней сумел сохраниться.

Мис в данном случае оказывается ближе к зап.-тама ветви, где в ед. ч. представлен расширенный морфологический вариант **awg-i*. Поскольку редукция анлаутного гласного — характеристика скорее вост.-тама, чем зап.-тама языков, для данного случая уместнее предполагать следующее развитие: (а) полную ассимиляцию **-g- ~ *-y- → глайд *-y- (*awyi)*; (б) метатезу **awyi → *wayi* (метатеза здесь осмыслена, т. к. разбивает «неудобный» кластер); (в) различные вокалические ассимиляции и/или стяжения в сочетании **-ayi*, приводящие к вариантам *wei*, *woi*, *wi*: (отметим, что долготу второго гласного в шар *woi*: проще всего интерпретировать как результат развития из **woi-i ← *way-i*). Что касается форм мн. ч. во всех этих языках, то их придется считать результатами выравнивания по аналогии с формами ед. ч.

Как всегда в подобного рода случаях, возможны и альтернативные сценарии, но все они должны предполагать двухконсонантную структуру, где первый согласный — губной глайд *w*, второй — средне- или заднеязычный (т. е. **w-y-* или **w-K-*). Этим условиям отвечает предложенная К. Рильи реконструкция **(a)wei*, хотя автор и уходит от ответа на вопрос о статусе «беглого *a-*», а также не рассматривает ни сложных форм в эре, ни необычный способ образования мн. ч.

Напоследок стоит еще отметить, что, хотя для рефлексов пратама **awg* почти во всех живых языках приводится полисемия

'hand' / 'arm', значение 'hand' также приводится как параллельное значению 'finger' в таких формах, как там *kilìg-it* [Ed.], эре *kilga* [Ed.], сун *kilg-it* [St., Wb.], мис *kilig-it* [Ed.] и т. п. Поскольку точные 100-словные списки и подробные словари для языков тама по большей части отсутствуют, не исключено, что в каких-то отдельных диалектах эта основа действительно могла вытеснить **awg* (оставив для последнего основное значение 'arm'). Тем не менее, на уровне реконструкций пратама 'hand' — это, безусловно, **awg*, а для основы **kilig-it* основным значением будет именно 'палец'.

19) «голова»: там *ɲúr* [Ed., Db.], эре *nur* ~ *tur* [Ed.], *ɲor* [Db.], сун *ɲor* [Wb., St.], мис *ɲɔr* [Db.], иби *úr-ì*, шар *ur*. || Пратама **(ɲ=)ur* ~ **(ɲ=)or* (ср. **(ɲ)ur* у К. Рильи).

Проблема псевдо-соответствия «вост.-тама **ɲ-* : зап.-тама **θ-*» снимается через определение **ɲ-* как старого префикса, проявляющегося в основном при «неотчуждаемых» значениях, в первую очередь, частях тела (см. выше 'ухо', 'нога'). Сложнее оказывается реконструировать вокализм. Дистрибуция рефлексов указывает на первичность огласовки **и* (все зап.-тама диалекты + там и эре), но удовлетворительного объяснения для развития **ɲur* → *ɲor* в сун и мис предложить не удастся.

20) «слышать»: (а) там *ige* (имперф.), *ige-ɲa* (перф.) [St.], эре *igɔi* (императ.) [Db.], сун *igɛ* (имперф.), *igɛ-ɲga* (перф.) [Wb.], *igo* (императ.) [St.], мис *sugo* (императ. ед. ч.), *kɛ=sɛg-ɲio* (императ. мн. ч.) [Db.]; (б) иби *zàɲgɛ́*. || Правост.-тама **sig-* (= **sig-* у К. Рильи).

Родство между там-эре-сун **ig(-e)* и мис *sug-* ~ *seg-* требует специального обоснования. Соответствие «мис *s-* : эре-сун *θ-*» регулярно, но в позиции перед гласным **i* **s-* в этих языках должно сохраняться — либо как таковое, либо в палатализованном варианте *ʃ-* (см. 'волосы', 'убивать'). Можно было бы предположить, что исходный вариант корня — **sig-* (как в мис императиве *sug-o*), и что корневой гласный уподобился переднему гласному суффикса в там-эре-сун уже после отпадения **s-*. Но это маловероятно: вариант с передним гласным представлен даже в самом мис (императив мн. ч. *kɛ=sɛg-ɲio*), а сосуществование вокализма первого слога *и* с передним вокализмом *i, e* второго слога в там-эре-сун вполне допустимо (ср. там *kùu-ít* 'яйцо' и мн. др.), так что вторичен здесь скорее все же вариант *sug-o* (из **seg-o* под влиянием суффикса императива).

Нерегулярность соответствия, по-видимому, связана с глагольным характером корня. Ср. его парадигму в там [Tucker, Bryan 1966: 214]: 1-е л. *n=ik-e* (← *n=i=sig-e*), 2-е л. *ik-e* (← *i=sik-e*), 3-е л. *ik-e*. В большинстве форм, начинающихся с личных префиксов, начальный спирант корня оказывается в интервокальной позиции и закономерно выпадает; те же формы, где он должен был бы сохраняться (в частности, 3-е л. и императив, не имеющие префиксов), преобразованы по аналогии с остальными.

Что касается иби *zàṅgɛ́*, то эта форма принципиально несводима к пратама **sig-*; в плане фонетических соответствий ее, вслед за Дж. Эдгаром, логично сопоставить с там *zàn* [St.], эре *zà:n* [Db.] и собственно иби *zàṅ* [Lk.] (все перечисленные формы относятся к императиву) 'сказать', хотя морфолого-семантическая деривация не вполне ясна. Инновация, по-видимому, выводима на празап.-тама уровень (в новейших источниках по шар основа не зафиксирована, но ср. *zanga* 'ты слышишь?' в записях Г. Барта), однако к внешнему сравнению в первую очередь следует привлекать вост.-тама **sig-*, для которого нет даже косвенных оснований подозревать вторичное изменение значения.

21) «сердце»: (а) там *àmúł* [Ed.], *am(m)ul* [Db.], эре *aməl* [Db.], сун *atul* [Wb., St.], мис *samíl* [Ed.], *samíl* [Db.]; (б) иби *árm-èi*, шар *arat* ~ *arma*. || Правост.-тама **samíl* (= **samil-* у К. Рильи).

Все формы в вост.-тама языках очевидно родственны; соответствие «мис *s-* : там-эре-сун **Ø-*» регулярно и отражает обычное выпадение **s-* в указанном кластере в позиции не перед гласным **-i-*. Вокализм второго слога восстанавливается как **i* на основании формы в мис, с ассимиляцией **-mi-* → **-mi-* в там-эре-сун.

Гораздо сложнее вопрос о соотношении вост.-тама **samíl* с зап.-тама **arm-* ~ **arm-i*. Поскольку в этих языках отмечена тенденция к ослаблению и редукции срединного гласного в трехсложных основах (см. выше 'глаз'), в принципе допустимо было бы предположить уникальный сценарий развития **samil-i* → **saml-i* → (с естественной метатезой) **salm-i* → **sarm-i* (к последнему переходу и возможности ротацизма **-l-* в составе кластеров ср. там *kalta-t* 'тыквенная бутылка' = иби *kàrtá id.*).

Однако непреодолимым препятствием на пути сведения этих основ к общей этимологии оказывается уникальность и необъяснимость корреляции «вост.-тама **s-* : зап.-тама **Ø-*». В срединно-

конечной позиции такое соответствие чуть более реально, судя по сопоставительным материалам Дж. Эдгара, но даже там примеры ограничиваются двумя-тремя случаями, и не исключено, что их удастся объяснить из каких-то нетривиальных развитий кластеров и т. п., в то время как в данной ситуации реконструировать на базе одного-единственного случая особый кластер или даже форму (*s_l-?) в начальной позиции недопустимо. Скорее всего, группа форм (б) либо вообще никак не связана с группой форм (а), либо отражает вариант, заимствованный из вост.-тама источника (эта гипотеза сомнительна, т. к. других подобного рода заимствований в иби-шар из вост.-тама вроде бы не отмечено).

Таким образом, к внешнему сравнению следует в первую очередь привлекать вост.-тама **samil*-; во вторую, с осторожностью — зап.-тама **arm*- (не исключая окончательно их этимологического тождества либо на генетическом, либо на ареальном уровне).

22) «рог»: (а) там *ŋó-d*, мн. ч. *ŋó-n* [Ed.], эре *ŋeti* [Db.], сун *ŋo:tu* [Na.]; (б) мис *glɹn* [Db.]; (в) иби *má:ŋg-it*.

Группу форм (а) К. Рильи выводит из общего инварианта **ŋe-ti*. Однако такой вариант реконструкции не объясняет лабиализацию гласного в там и в сун: основа с двумя передними гласными (в корне и в суффиксе) вряд ли могла произвольным образом дать заднерядный рефлекс, пусть даже под влиянием заднеязычного носового (скорее можно было бы, напротив, ожидать палатализации этого носового — рефлекс вида **ŋet*).

Помимо этого, настораживает неполное соответствие морфологического оформления основы в там и эре. Во-первых, суффикс ед. ч. -*d* в записи Дж. Эдгара — редкая, если вообще не уникальная, нотация (обычный вариант — глухой -*t*). Во-вторых, типичным этот суффикс является для двусложных основ: *èwí-t* 'шея', *ŋòŋá-t* 'ноготь' и т. п.; в односложных основах он проявляется только в случае исторических стяжений, ср. ниже *ŋyi-t* 'зуб' ← **ŋyi-t* и др., а в старых односложных основах там регулярно имеет «полногласный» вариант -*ti* (*mé-ti* 'глаз', *í-ti* 'вошь' и т. п.).

Все это заставляет считать, что исходная форма в правост.-тама была сложнее, чем просто **ŋe-ti*; скорее можно думать о варианте **ŋawi-ti*, с развитием (а) → там **ŋawi-t* → **ŋawi-d* → **ŋo-d*; (б) → эре **ŋo^wi-ti* → **ŋei-ti* → *ŋe-ti*. Допустимы и альтернативные сценарии, однако все они обязаны считаться с элементом огуб-

ленной артикуляции в составе исходного корня, вторичное происхождение которого на данном этапе обосновать невозможно.

В мис исходный корень был вытеснен очевидным заимствованием из арабского источника (← арабск. *qarn*- 'рог'). Что касается иби *má:ŋg-it*, то Дж. Эдгар помещает его, без каких-либо комментариев, в ту же словарную статью, что и формы группы (а). К. Рилли считает это объединение этимологически корректным, комментируя форму в иби следующим образом: «*précédé d'un élément obscur en mararit, voir 'taureau'?*» [Rilly 2009: 436]. Однако, в-первых, слово 'бык' ('taureau') на иби будет *múgùr* [Ed.], а не **ma:*, и нет никаких оснований, кроме совпадения начального согласного, усматривать здесь этимологически общие элементы. Во-вторых, даже если согласиться с произвольным членением формы на **ma:* + **ŋgit*, вторая основа выводима (и то с некоторым трудом) лишь из формы **ŋeti*, но никак не из **ŋawiti* или **ŋawti*.

По-видимому, зап.-тама **ma(:)ŋi*- 'рог' все же следует рассматривать отдельно от вост.-тама форм и считать отдельным кандидатом на пратама значение 'рог' (хотя и менее вероятным, чем вост.-тама **ŋaw-ti* в связи с большей дистрибуцией и древностью последнего).

23) «я»: там *wa(:)* [Wb., St.], эре *wá* [Ed., Db.], сун *wa* [Wb., St.], мис *wá* [Ed.], иби *wà*, шар *wa(:)*. || Пратама **wa* (= **wa* у К. Рилли).

Прямая (субъектная) форма местоимения 1-го л. ед. ч. во всех языках тама совпадает и реконструируется однозначно. Столь же однозначно на прауровень выводится и префиксальный показатель 1-го л. ед. ч. **n*-, отмечаемый как базисный алломорф для этого значения во всех диалектах, где имеется хотя бы минимальная информация об устройстве глагольной парадигмы.

Трудноразрешимой остается задача реконструкции посессивной основы 'мой'. Здесь по диалектам зафиксирован следующий разброс вариантов:

а) в вост.-тама: там *hina* [St.], *hina* [Arkell], *hina:r* [MacMichael]; эре *wiɪl-r*, мн. ч. *wiɪl-ŋ* [Db.]; сун *nar* ~ *na* [Na.], *ínó* [Guinet]. Исходный вариант, по-видимому, **hina*, с суффиксальным показателем числа **-r* / **-ŋ*. В эре могло иметь место выравнивание по аналогии с прямой основой *wa*;

б) в зап.-тама: иби *hòn* ~ *hɔ:n* [Lk.], *hún* [Ed.]; шар *hon* [Wb.]. Исходная форма, по-видимому, **hon*.

Сопоставление этих вариантов с вост.-тама **ino-*, зап.-тама **опи-* 'твой' (см. ниже) показывает, что все они в морфологическом плане представляют собой комплексы из двух или даже трех морфов, единственным общим компонентом в которых оказывается согласный **-n-*. Если исходить из предположения о том, что, как и в других «восточносуданских» языках, посессивные формы личных местоимений в тама образуются с помощью грамматического показателя генетива, то **-n-* в первую очередь сопоставим с таким показателем в иби (*-ип*, ср. *жир-ип* 'голубя /род. п./'), а также с «реликтовым» показателем *-(i)ni* в там (ср. *пан-ини* 'чей'). Однако от генетивного маркера ожидалось бы, чтобы он присоединялся к прямой основе; между тем, ни зап.-тама **hina*, ни вост.-тама **hon* никоим образом не выводимы ни из исходного варианта **wa-n*, ни из варианта **wa-ип* (если считать, что пратама показатель род. п. был *-ип*, как в иби, а не просто моноконсонантный **-n*). Ситуация осложняется еще и тем, что ларингальный *h-*, настойчиво отмечаемый как в вост.-, так и в зап.-тама диалектах (для иби Й. Лукас даже транскрибирует его как фарингальный *ħ* = арабск. ح), в данной основе уникален, и присутствие его требует специального объяснения.

По-видимому, внутри трехморфного комплекса **(H)V-n-V* носовой *n* следует трактовать не как след падежной (генетивной) морфемы, а как старый тематический морф — или, возможно, даже реликтовый показатель ед. ч. (ср. его отсутствие в таких формах, как иби *aga*: 'наш' и *зги*: 'ваш'). Если так, то второй гласный комплекса — это как раз генетивный показатель, который в большинстве языков тама выражается гласным (ср. примеры из [Tucker, Bryan 1966: 211]: там *i-a* 'женщины', *lil-a* 'осла', сун *i-o* 'женщины', *lil-a* 'осла'); морф, выражающий основное местоименное значение, оказывается в позиции перед *-n-*. Впрочем, это все равно не позволяет свести к единому инварианту морфы *hi-* в там и *ho-* в иби. Можно лишь отметить, что ни один из них не выводим из прямой основы **wa*, т. е. на пратама уровне посессивная основа 1-го л. ед. ч. должна была отличаться от прямой; однако внутренние данные тама не дают возможности установить, в чем конкретно заключалось это отличие, так что решение соответствующего вопроса следует отложить до следующего этапа.

24) «убивать»: (а) там *iye* (имперф.) [Ed.], *iye* (имперф.), *iy-onjo* (перф.), *in-o* (императ.) [St.], эре *ši-o* (императ.) [Db.], сун *ši:n-ε* (имперф.), *šin-onjo* (перф.) [Wb.], *šo-o* (императ.) [St.], мис *siy* (императ.) [Db.]; (б) иби *yí*, шар *n=eyei* (имперф.), *n=eyi* (перф.).

Фонетическое сходство большинства перечисленных форм с реконструированной выше глагольной основой **iy(e)* 'умирать' не хотелось бы считать полностью случайным. Однако по крайней мере на правост.-тама уровне основа 'убивать', несомненно, должна восстанавливаться с начальным согласным **s-*, регулярно сохраняющимся в позиции перед **-i-* в мис, сун и эре (в диалектном пучке эре-сун — с палатализацией), но выпадающим в этой позиции в там (см. выше 'волосы'). Следовательно, в лучшем случае речь может идти об отдельных контаминациях.

Отдельная трудность связана с реконструкцией срединного согласного. Исходная основа имперфектива (имперфектив во всех вост.-тама языках образуется от имперфектива с помощью суффикса **-jo*) выступает либо в варианте **siy-*, либо в варианте **sin-* (личная парадигма в сун, а также императив *in-o* в там). В рамках регулярного соответствия эти варианты объединить не удастся, но впечатление более архаичного производит все же **sin-*, т. к. (а) исчезновение носовой артикуляции в срединном палатальном сонанте, относящемся к числу «нестабильных» согласных, более вероятно, чем вторичное ее развитие; (б) как раз в такой ситуации определенную роль могла бы сыграть семантическая контаминация с **iy(e)* 'умирать', особенно в там, где, например, формы 3-го л. ед. ч. имперфектива у обоих глаголов оказываются полностью идентичными.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на специфический «дублет» в сун: *ši:n-ε* / *šin-onjo* 'убивать', но *ši-ε* / *ši:njo* 'гасить' [Wb.]. Если эти основы этимологически тождественны (а такого рода тождество для языков там вполне типично; так, для шар эксплицитно отмечена полисемия 'убивать' / 'гасить'), различие между **siy-* и **sin-* может носить не фонетический, а морфологический характер, т. е. **sin-* = **siy-N-*. Однозначно выбрать именно такое решение мешает лишь то, что определить значение этого суффикса не удастся. Теоретически это могло бы быть что-то вроде показателя множественности объекта (с последующим перераспределением семантических функций в сун),

но никаких других следов такого суффикса пока не обнаружено; возможно, ситуацию как-то прояснит подробное исследование глагольной морфологии и морфонологии в сун и других вост.-тама языках.

Наконец, нельзя не обратить внимание и на то, что ни **siy-*, ни тем более **sij-* несводимы к общему инварианту с зап.-тама парадигмой, которая восстанавливается в виде **yi* (императ.) ~ **=y-ey* (имперфектив) ~ **=y-i* (перфектив). Ср. парадигму 'умирать': **ey* (императ.), **iye-n* (имперфектив) ~ **iye-i* (перфектив), от которой, впрочем, основу **yi* 'убивать' тоже невозможно произвести сколь-либо убедительным образом.

Общий анализ ситуации приводит к следующим выводам: (а) вост.-тама **siy-* ~ **sij-* и зап.-тама **yi* нужно считать разными основами, этимологически не связанными ни друг с другом, ни с пратама **iy(e)* 'умирать', несмотря на фонетическое сходство; (б) к внешнему сравнению на примерно равных основаниях можно привлекать обе основы, причем первую из них — в обоих фонетических вариантах.

25) «лист»: (а) там *áfùl* [Ed.], *afol*, мн. ч. *afol-ε* [Wb.], эпе *áfól*, мн. ч. *áfir-í* [Ed.], сун *áfól* [Gn.], *eferi* [Na.], иби *èfèr-it*, мн. ч. *èfèr-ák*, шар *efer-et*, мн. ч. *afar-ak* ~ *efer-εd-ik*; (б) мис *tarak* [Db.].

Для большинства форм группы (а) зафиксированы полностью или почти полностью фонетически совпадающие с ними формы в значении 'крыло': ср. там *áfùl* ~ *afol* [Ed., Wb.], сун *áfól*, мн. ч. *afir-í* [Wb.], *afel*, мн. ч. *efer-i*: [Na.], иби *ìfir-íd*, мн. ч. *àfàr-ák*, шар *efer-et*, мн. ч. *afar-ak*. Учитывая естественность развития значения 'лист' из «анатомических» значений в африканском ареале, уместно предположить не просто этимологическую общность, но даже полную их тождественность, при исходности значения 'крыло' (отдельные необъяснимые, но мелкие расхождения в тональных характеристиках и в вокализме при этом придется списать на небрежность транскрипционной записи).

Сложности связаны с реконструкцией отдельных сегментов, в первую очередь — ауслаутного сонанта основы. Для вост.-тама реконструируется не совсем обычная парадигма с консонантным чередованием: ед. ч. **afol* — мн. ч. **afer-í* (← **afor-í* с вокалической ассимиляцией, которая в диалекте сун, описанном Нахтигалем, распространяется и на анлаутный гласный; в там мн. ч. *afol-ε* пере-

строено по аналогии с ед. ч.). Для зап.-тама оптимальная парадигма реконструируется в виде ед. ч. **efer-it* : мн. ч. **afar-ak* (т. е. корневой вокализм в обоих случаях определяется суффиксальным).

Фонетическое сходство и регулярность соответствий в двух из трех консонантных позиций (нуль в анлауте, **f-* в инлауте) не оставляют сомнений в родстве всех перечисленных форм, но консонантное чередование **l* / **r* в вост.-тама требует отдельного объяснения. Поскольку для языков тама известен только переход **l* → *r* (см. 'вода', а также комментарии к этимону 'сердце'), без единого надежного случая обратного развития, исходную парадигму можно реконструировать для «ранне-пра тама» в виде ед. ч. **afol-t* : мн. ч. **afol-t-i*, с дальнейшим развитием в **afol* : **afer-i*. В зап.-тама сохранилась только форма мн. ч. **afer-i*, на базе которой развилась новая продуктивная парадигма **afer-i-t* : **afer-ak*.

Безусловно, возможны и другие сценарии; для нас существенно только то, что реконструкция латерального **-l-* при любом сценарии более вероятна, чем реконструкция вибранта **-r-*.

Для мис *tarak* известна параллель в иб: *tarak*, мн. ч. *targan* 'лист бумаги' [Lk.], однако узкая специфика этого значения и скудная дистрибуция слова в языках семьи требуют исключения его из первичных материалов для внешнего сравнения. На пра-тама уровне реконструируется **afol* с полисемией 'крыло' / 'лист'.

26) «вошь»: (а) там *i-ti*, мн. ч. *ingong* [Ed.], эре *ši-ti*, мн. ч. *ši-η* [Ed.], *ši-ti*, мн. ч. *ši-η* [Db.], сун *ši-ti*, мн. ч. *ši-ti-k* [Wb.], мис *šin-ti*, мн. ч. *šin* [Db.]; (б) иб *niη-ít*, мн. ч. *niη-ak*, шар *ηi:η-et*, мн. ч. *ηi:η-ak*. || Празап.-тама **sin-* (ср. **si-ti*, мн. ч. **sin* у К. Рильи).

Для вост.-тама начальный согласный однозначно реконструируется в виде **s-*, с регулярным выпадением перед **-i-* в там и типичной (хотя и не полностью регулярной) палатализацией в эре-сун и мис. Гораздо более проблематична реконструкция корневого ауслаута. К. Рильи предлагает принять за исходный наиболее часто встречающийся вариант **si-*, т. е. с нулевым ауслаутом; однако это никак не объясняет форму *šin-ti* в мис. Теоретически *šin-ti* могло бы быть аналогической перестройкой из **ši-ti* под влиянием формы мн. ч. *šin*. Однако для этого требовалось бы показать, в свою очередь, что в форме *šin* ауслаутный *-n* — показатель мн. ч., при том, что в мис такого показателя нет. Из формы мн. ч. **šin*, которую Рильи восстанавливает для пра тама,

мис *šin* также не выводится (велярный носовой на конце слова в этом языке сохраняется регулярно, в том числе и после передних гласных: ср. *giŋ* 'молоко').

Форма в мис, таким образом, прямо указывает на то, что носовой согласный является частью корня, и этот факт находит дополнительную поддержку в форме мн. ч. в там (*iŋgoŋg*), также не находящей объяснения в рамках реконструкции Рилы: при исходной парадигме **si-ti* : **si-ŋ* «дублирование» показателя мн. ч. в там (**si-ŋ* → **si-ŋ-oŋ?*) не имеет смысла.

Оптимальным сценарием была бы реконструкция вост.-тама парадигмы в виде **sin* (коллективное мн. ч.) : **sin-ti* (сингулятив). Дальнейшее развитие подчиняется регулярным фонетическим правилам и легко объяснимым морфологическим перестройкам:

а) в мис обе формы сохраняются в исходном виде (+ палатализация начального согласного);

б) в пра-там-эре-сун **sin-ti* → **si-ti* с упрощением носового кластера (действительно не встречающегося в этих языках); параллельно, по вполне продуктивной модели, образуется новое мн. ч. **sin-oŋ*;

в) в там в обеих формах выпадает **s-*, а в форме мн. ч. имеет место ассимиляция: **sin-oŋ* → *iŋoŋ*;

г) в эре форма **sin-oŋ* стягивается в **siŋ*, а в сун вообще выходит из обращения, заменяясь на аналогическое новообразование *šiti-k*.

Следующий вопрос — о соотношении вост.-тама **sin* с зап.-тама **niŋ-* ~ **ŋiŋ-*. К. Рилы предлагает сводить обе формы к единой этимологии. Однако его реконструкция эксплицитно предполагает три инновации: (а) образование новой формы ед. ч. по аналогии с мн. ч. **siŋ*; (б) выпадение **s-*; (в) присоединение эпентетического *ŋ-*.

Все три гипотезы одинаково маловероятны. Перестройка сингулятива по аналогии с мн. ч. — процесс естественный, но если мн. ч. все же реконструировать как **sin*, а не **siŋ*, конечный согласный в вост.-тама формах оказывается несопоставимым с зап.-тама. Выпадение **s-* для зап.-тама языков нетипично и недоказуемо (см. выше комментарии к этимону 'сердце'), в отличие от вост.-тама ветви. Наконец, «*ŋ-mobile*» для языков тама, как было показано выше, — реальность, но рассматривать его можно исключительно как реликт, унаследованный от пратама состояния;

возможность его продуктивного использования на столь недавнем хронологическом уровне, как празап.-тама состояние, не подкрепляется убедительными данными.

Поскольку, таким образом, корреляция **sin* : **ɲiŋ*- не может считаться ни регулярной, ни «оправданно-уникальной», обе основы на данном этапе желательно рассматривать по отдельности. При этом нельзя не отметить, что в материалах, собранных лично Эдгаром, иби *ɲiŋ-ít* 'вошь' по форме полностью совпадает с *ɲiŋ-ít* 'звезда' (см. ниже) и, что еще более существенно, *почти* полностью — с *ɲiŋ-tí* 'муха'. Полисемия 'муха' / 'звезда' уже неоднократно отмечалась для различных «восточносуданских» групп; что касается полисемии 'муха' / 'вошь', то семантическое развитие от первого значения ко второму предполагается К. Рильи для языков ньяманг (см. выше) и не должно вызывать особых нареканий. С другой стороны, полной «тройной» полисемии не наблюдается ни в одном языке (варианты как минимум отличаются структурой основы), так что нельзя уверенно утверждать, что зап.-тама **ɲiŋ*- 'вошь' — это не более чем дополнительное семантическое «расширение» исходного значения 'муха'. Скорее всего, речь все же идет по меньшей мере о двух основах, возможно, контаминировавших на уровне отдельных диалектов.

27) «мясо»: там *iyá* [Ed.], *eya* [Db.], эпе *isa* [Db.], сун *ísá(:)* ~ *essa* [Wb.], мис *isa* [Db.], иби (*y*)*ís-i*, шар *í:si*. || Пратама **is-a* ~ **is-i* (ср. **isa* у К. Рильи).

Реконструкция более или менее однозначна; срединный **-s*-закономерно сохраняется в срединной позиции везде, кроме там, где он столь же закономерно дает **-y-* в «сильной» позиции (в отличие от **-isi-* → *-i:-*). Вокалическое чередование в аудите вызвано скорее морфологическими, чем фонетическими причинами. К. Рильи предполагает для этого слова возможность заимствования из языков даджу (← прададжу **iye*); однако такое заимствование, во-первых, должно было иметь место уже на пратама уровне (в связи с регулярностью соответствий между языками); во-вторых, маловероятно в принципе (других примеров заимствований из даджу в базисной лексике тама не наблюдается); в-третьих, непонятно, почему даджу **iye*, с четко обозначенным глайдом, должно было заимствоваться как **is-* (глайдовая рефлексия в там однозначно определяется как вторичная).

28) «луна»: там *ái-t* [Ed.], *ayi-t* [Db.], эре *á(y)it* [Ed., Db.], сун *aiy-t* [Db.], *ayit* [Wb.], мис *ait* [Ed.], *ayt* [Db.], иби *éwí*. || Пратама **ayi* ~ **ayi-wi*.

К. Рильи выводит все формы из пратама **agit-*, очевидно, опираясь на диалектную форму *εgit*, зафиксированную для там в диалекте Троа [Bombay 2007: 31]. Однако в вост.-тама праформе вряд ли мог быть представлен тот же самый согласный, который в неизменной форме сохраняется во всех вост.-тама диалектах в основах **wegi-* 'птица' и **isigi-* 'волосы' (см. выше). Более вероятным вариантом для вост.-тама можно считать праформу **ayi-* (с развитием → **agi-* в диалекте Троа).

Соответствие «вост.-тама **-y-* : зап.-тама **-w-*», тем не менее, также нерегулярно и требует отдельного разъяснения. Помимо иби *éwí*, в сравнительном словаре Эдгара зафиксированы следующие варианты: иби *even* 'луна' в записях Й. Лукаса и шар *a:wí:wí* 'месяц (года)'. Все три формы сводятся вместе только в рамках трехсложной основы **awíwí*, причем иби *éwí* здесь, скорее всего, стяжение из **ewíwí* (на это недвусмысленно намекает диалектная форма *even* у Лукаса). Дальнейшее сравнение зап.-тама **awíwí* с вост.-тама **ayi* возможно при двух условиях:

- зап.-тама **awíwí* ← **ayiwí* с ассимиляцией первого глайда;
- форма **ayi-wi* — расширенный суффиксальный вариант исходного **ayi*, не сохранившегося в зап.-тама ветви.

Первое из этих условий недоказуемо, но опровергающих контрпримеров также не обнаруживается. Второе условие более сомнительно, т. к. существование зап.-тама именного суффикса **-wi-* пока что не обосновано никакими дополнительными примерами. С другой стороны, обнадеживающей можно считать диалектную форму *εywí* в полевых записях Д. Вейсс по шар, цитируемую в монографии К. Рильи; если только это не специфическая разновидность «умлаута» (т. е. развития из **éwí*), форма может отражать требуемую исходную структуру **ay(i)wí*.

Возможен и альтернативный сценарий — реконструкция трехсложного конструкта **ayíwí-* в качестве базисного этимона 'луна' уже на пратама уровне (в этом случае вопрос о внутреннем устройстве этимона откладывается до следующего этапа сравнения), со стяжением → **ayi-* на правост.-тама уровне. В любом

случае жестких оснований для разведения зап.- и вост.-тама форм по разным этимологиям здесь нет.

В зап.-тама, помимо этого, зафиксирована еще одна основа: шар *erket* 'луна' (в записях Г. Барта), иби *arket* id. (из неопубликованных анкетных данных Летнего института лингвистики, цит. по [Rilly 2009: 476]). К. Рильи допускает возможность их общего происхождения с основой **agit-*, объясняя «вставной» -*r*- аналогическим влиянием основы 'солнце' (см. ниже). Контаминация такого рода, однако, представляется маловероятной, тем более, что, как было показано выше, фонетическая реконструкция **agi(t)-* сама по себе неприемлема. Учитывая маргинальность приведенных форм и отсутствие параллелей в вост.-тама языках, вопрос об их статусе и этимологии стоит отложить до создания более полноценных словарных описаний по зап.-тама диалектам.

29) «рот»: там *kùl* [Ed.], квул *[Db.]*, эре *kul* [Db.], сун *kul* [Wb., St.], мис *kul* [Db.], иби *ùl(l)ì*, шар *o:l*. || Пратама **kul* ~ **V=gul*.

К. Рильи восстанавливает празап.-тама основу в виде **auli*, очевидно, на пересечении иби *ùlì* и двусложного варианта *awal* в том же говоре иби, к которому относится форма *arket* 'луна' (см. выше); ср. также шар *awl* в записи Г. Барта и более современный вариант шар *o:l* как вероятное стяжение из **awl*. Поскольку отпадение конечного *-*i* в основе **auli* маловероятно по фонетическим причинам, уместнее все же реконструировать морфологическое варьирование **awl* ~ **awl-i*.

Ни **auli*, ни **awl* не могут быть тривиальным образом протимологизированы вместе с вост.-тама **kul*. По мнению К. Рильи, эти две основы неродственны, и вост.-тама этимон на самом деле является метафорическим расширением правост.-тама **kul* 'дыра, колодець'. Семантическая связь этих значений типологически естественна, но принять гипотезу мешают следующие обстоятельства:

(а) правост.-тама **kul*, безусловно, имеет значение 'колодець', но никак не 'дыра, отверстие', что в данном контексте очень странно (естественно развитие 'рот' → 'колодець', но не обратное); даже если исходным значением все же было 'дыра', оно скорее всего утратилось уже на правост.-тама уровне, и не могло служить источником значения 'рот';

(б) самое важное — слова 'рот' и 'колодець' в вост.-тама языках имеют разные тональные характеристики: ср. там *kùl* 'колодець' :

kùl 'рот' [Ed.], *kwùl* 'колодец': *kwùl* 'рот' [St.] (здесь важен не столько тот факт, что оба исследователя дают диаметрально противоположную тональную нотацию, сколько то, что в обоих случаях слова подаются как минимальные тональные пары).

Если 'рот' и 'колодец' в там — столь же разные слова, как и в шар (где 'рот' = *o:l*, 'колодец' = *kul*), снова встает вопрос о том, можно ли связать друг с другом зап.-тама **awl(-i)* и вост.-тама **kul*. Общая этимологизация их представляется возможной на основании следующего допущения:

— на пратама уровне, помимо уже обсуждавшегося префикса **η-* (в анатомических и функционально близких к анатомическим «неотчуждаемых» словах, таких как 'имя'), также существовал особый вокалический префикс **V-*, представленный различными алломорфами, уподоблявшимися гласным корня (по крайней мере огубленным). Разница в семантике этих префиксов неопределима без выхода на внешний уровень сравнения (на чисто спекулятивном уровне можно предположить, что это были посессивные морфемы 1-го и 2-го или 3-го лица соответственно). Дальнейшие примеры, косвенно подтверждающие эту гипотезу, будут обсуждаться ниже (см. 'нос', 'язык', возможно, также 'хвост').

В рамках такой гипотезы в пратама должны были различаться беспрефиксальная форма **kul* и префиксальная **o=kul*. В вост.-тама языках сохранился только первый вариант, в то время как в зап.-тама, наоборот, закрепился второй (полностью параллельная ситуация обнаруживается для слова 'хвост', см. ниже). При этом в зап.-тама языках, где к этой основе могли присоединяться дополнительные маркеры (например, ед. ч. **o=kul-i*), срединный гласный подвергся редукции: → **okl-* → **oɣl-* → *owl* ~ *o:l* ~ *awl* и т. п.

Привлекательность такой гипотезы в том, что без постулирования вокалического префикса в пратама, по-видимому, все же в любом случае не обойтись, и единственным постулатом «ad hoc» (хотя и непротиворечивым) оказывается сценарий ослабления и выпадения срединного велярного согласного. Противоположная гипотеза вынуждает, помимо двух фонетически сходных, но различавшихся как минимум на просодическом уровне этимонов 'рот' и 'колодец', предполагать наличие еще и *третьей* основы 'рот₂' неизвестного происхождения (в соседних языках подобных форм нет, так что заимствование маловероятно). Поэтому на дан-

ном этапе, по крайней мере вплоть до появления новых данных, исходный вариант будет восстанавливаться в виде $*(o=kul$, а в лексикостатистическом плане все формы будут когнатами.

30) «имя»: там *ɲát* [Ed.], эре *ɲa:t* [Db.], сун *ɲgat* [Na.], мис *ɲa:t* [Db.], иби *á:t*, шар *a:t*. || Пратама $*(\eta=)at$ (ср. $*(\eta)a:t$ у К. Рильи).

При условии признания сегмента η реликтовым префиксом, слившимся с корнем на правост.-тама уровне (см. выше 'ухо', 'нога'), существенных проблем с реконструкцией нет. Вопрос о фонологичности долготы гласного, отмеченной во многих источниках, следует отложить до появления более надежных описаний.

31) «новый»: там *àssú* [Ed.], эре *su:* [Db.], мис *suw* [Db.], иби *sú*, шар *su:-ní*. || Пратама $*suw-$ ~ $*asuw-$ (ср. $*(a)su:$ у К. Рильи).

Неясным в данной этимологии остается происхождение вокалического анлаута *a-* в там. Отождествить его с выделенным выше застывшим префиксом $*V-$ невозможно, т. к., во-первых, его вокализм не определяется вокализмом корня, во-вторых, данный этимон даже не является существительным; в прилагательных такого рода префиксация уникальна. С другой стороны, реконструкция неразложимого корня $*asu-$ тоже крайне маловероятна, т. к. это означало бы, что редукция анлаутного гласного должна была произойти независимо в зап.-тама, в мис и в эре-сун — и это при том, что аналогичных соотношений в корпусе сопоставлений Эдгара более не обнаружено ни одного. На данном этапе следует, по-видимому, отложить решение этого вопроса либо до перехода к внешнему сравнению, либо до проведения подробного исследования продуктивных и непродуктивных морфологических структур в тама.

Во всех языках, кроме там, варианты основы колеблются между структурами CV: (*su:*) и CVC (*suw*); учитывая, что адъективные основы в тама чаще всего имеют структуру CVCV (плюс отдельно показатели числа), колебание может отражать исходную структуру $*suwi$, однако эта гипотеза нуждается в дополнительной аргументации.

32) «ночь»: (а) там *wàr* [Ed.], *wár* [Db.], эре *wa:r* [Db.], сун *war-dé* [Wb.], мис *war* [Ed.], *wa:r* [Db.]; (б) иби *íšè*, шар *i:šè* [Ba.]. || Правост.-тама $*war$ (ср. $*or$ у К. Рильи).

Реконструкция $*or$ у Рильи, по-видимому, основана на иби *ùrí* — форме, которую он глоссирует как 'ночь', опираясь на краткие

списки когнатов Дж. Эдгара [Edgar 1991с: 128]. Однако в более полном и надежном источнике [Edgar 1990: 231] йби *ùrí* эксплицитно переводится как 'вторая половина дня' = шар *wurria* [Ba.] *id.*, так что однозначных семантических параллелей к вост.-тама **war* в зап.-тама языках нет.

Вообще, судя по материалам Эдгара, в тама можно выделить как минимум две группы форм, сходных друг с другом и по фонетике, и по семантике, но при этом несводимых друг к другу этимологически. Это:

— во-первых, формы с начальным губным глайдом **w-*: вост.-тама **war* 'ночь' и производное от него наречие 'вчера вечером / ночью' — эре *war-ε* [Db.], мис *wári* [Db.];

— во-вторых, формы с начальным гласным, который, скорее всего, следует восстанавливать как губной: йби *ɔr* [Lk.], *úr ~ ór* [Ed.] 'вчера', шар *or* [Wb.], *ɔ:r-e* [Ba.] 'вчера'; там *ora* 'вчера' [Ar.]; с переноской **or-e* → **er-e* в эре-сун: эре *èr-è* [Db.], сун *e:r-ε* [Wb.], *ε:r-e* [Na.] 'вчера'. Сюда же относится слово 'вечер', которое формально оказывается производным от 'вчера' (а не наоборот): там *erie* [Wb.], эре *èrié* [Ed.], сун *eriye* [Wb.], шар *ori*: ← **ori-(y)e ~ *eri-(y)e*.

Таким образом, на вост.-тама уровне эксплицитно противопоставлены основы **war* 'ночь' и **or ~ *er-e / *eri-ye* 'вечер, вчера'. Несмотря на то, что параллели в зап.-тама находятся только для второй из них, этимологическая связь между ними маловероятна, т. к. чередование **wa- ~ *o-* для языков тама нехарактерно (нет ни одного подтверждающего примера) и в данном конкретном случае необъяснимо. Ср. такую «минимальную пару», как эре *war-ε* 'вчера ночью': *er-e* 'вчера (днем)', однозначно указывающую на то, что мы имеем здесь дело с разными корнями. Подчеркнем также, что значения 'ночь' и 'вчера, вечер' и в других «восточносуданских» языках, как правило, образуются от этимологически различных корней, хотя и могут иногда контаминировать.

Отделив вост.-тама **war* 'ночь' от общетама **or* 'вечер', мы оказываемся перед дилеммой, т. к. на роль пратама этимона 'ночь' в итоге может претендовать как вост.-тама **war*, так и зап.-тама **iše* (группа форм (б)). Однако зап.-тама основу вряд ли можно отделить от маба *iše* 'ночь'; прямые контактные схождения между зап.-тама ветвью и близлежащими языками маба в 100-словном списке немногочисленны, но в данном случае идея относительно

недавнего заимствования из маба поддерживается еще и тем, что в иби представлен фонетический вариант основы с $-\check{s}-$, в принципе не характерный для исконно тама лексики (ср. выше *išing-ít* 'волосы' без палатализации и т. п.). Таким образом, наиболее надежным кандидатом на значение 'ночь' в пратама оказывается все же **war*.

33) «нос»: там *àmì-t* [Ed.], *àmi-t* ~ *emi-t* [Db.], эре *miši* [Ed., Db.], сун *miši* [Wb.], мис *misi* [Ed., Db.], иби *imb-ít*, мн. ч. *èmb-én* [Ed.], *émid* [Db.], шар *imb-ít*, мн. ч. *emb-ε* [Wb.], *emid* [Ba.]. || Пратама $*(V=)mizi$ (ср. **eme*, сингулятив **emi-ti* у К. Рильи).

Вариант реконструкции, предложенный К. Рильи, неудовлетворителен, т. к. оставляет без объяснения целый ряд обстоятельств, как-то: (а) наличие в там вариантов с анлаутным $l- \sim a-$ (*ami-* никак не может получиться из **eme*); (б) спирализацию $*-t- \rightarrow -s- \sim -\check{s}-$ в эре-сун; (в) «апокопу» анлаутного гласного в этих же диалектах. (Развитие $*-m- \rightarrow -mb-$ в ряде диалектов зап.-тама ветви вроде бы регулярно, судя по немногочисленным примерам, и не требует специального объяснения).

В плане вокализма нужно отметить, что фонетическими причинами наблюдаемое уникальное соответствие объяснить невозможно, и, следовательно, различия в структуре основы остается лишь списывать на присутствие в ее составе старого префикса $*V=$ (см. 'рот'), исходная огласовка которого, судя по вариантам в там, была скорее $*a=$, чем $*e=$ или $*i=$.

В плане консонантизма вост.-тама основу удобнее всего реконструировать как $*a=misi-t$, с регулярным выпадением $*-s-$ в там и столь же регулярным сохранением его в эре-сун (см. 'ухо', 'зуб'). В зап.-тама инлаутный $*-s-$ также должен был бы сохраняться; однако вместо ожидаемого развития $*a=misi-t \rightarrow *e=misi-t \rightarrow *e=msi-t$, налицо скорее вариант **emi-* без каких-либо следов переднеязычного спиранта.

Это означает, что либо в составе вост.-тама формы $*a=misi-$ нужно выделять суффикс $*-si-$, либо вост.-тама $*a=misi-$ и зап.-тама $*e=mi-$ должны сводиться к праварианту $*a=miCi-$, где $*-C-$ — особая согласная фонема, фонологически отличная от $*-s-$. Первый вариант выглядит маловероятным: продуктивный суффикс $*-si-$ в эре-сун не отмечен.

Опираясь частично на аффрикатный рефлекс в сун, частично на системные соображения, мы будем условно восстанавливать общетама этимон 'нос' в виде $*a=miʒi$, т. е. с интервокальной палатальной аффрикатой (запись ее как звонкой условна, т. к. в этой позиции в пратама звонкие и глухие согласные не противопоставлялись). Ни подтверждающих, ни опровергающих развитие «пратама $*-ʒ-$ → вост.-тама $*-s-$, зап.-тама $*-\emptyset-$ » примеров привести не удастся, но очень похожее соответствие наблюдается в числительном '5': там *mésì* [Ed.], эре *màssì* [Ed.], мис *misa* [Ed.], но иби *má:i*, шар *ma:i*, возможно, из пратама $*maʒi$ (хотя в там в данном случае $*-s-$ не выпадает).

34) «не»: (а) там, сун, мис $-to$, эре $-to$; (б) иби, шар $m(V)-$.

Системы глагольного отрицания в вост.-тама и зап.-тама устроены по-разному: в обзоре [Tucker, Bryan 1966: 217] указано, что для всех вост.-тама диалектов основной негативной морфемой нужно считать суффикс $-to$ (как в там $n=\epsilon=li-to$ 'я не пью', $n=\epsilon=li-on-to$ 'я не пил'), а для зап.-тама — префикс $m(V)=$, как в иби $n=\gamma=m=gut$ 'я не видел', $m=\gamma=gut$ 'он не видел'. Однако более тщательный анализ позволяет выявить переднеязычный суффикс и в зап.-тама.

Так, согласно данным Дж. Эдгара, речь на самом деле идет о циркумфиксе $m(V)= \dots -t(V)$, ср.: иби *wèr-i* 'он(а) видит', но *me=wer-ti* 'он(а) не видит'; *gùd-i* 'он(а) видел(а)', но *mù-gù(d)-tù* 'он(а) не видел(а)'. Это позволяет выдвинуть сценарий, согласно которому суффикс $*-to$ (с редукцией и ассимиляцией конечного гласного в зап.-тама) выполнял основную функцию маркирования глагольного отрицания еще на пратама уровне; в зап.-тама имело место наращение нового префикса, со временем ставшего главной отрицательной морфемой в составе наблюдаемого циркумфикса.

Сам по себе префикс $m(V)=$, по-видимому, также архаичен. В зап.-тама языках он до сих пор обладает продуктивностью в составе именных лексем: ср. иби *gùssúk* 'хороший', но *mù=gùssúk* 'плохой', и Дж. Эдгар приводит также несколько похожих примеров из вост.-тама языков: сун *ánge* 'много', но *m=ánge* 'немного' и др. По-видимому, специальное «именное» отрицание $*m(V)=$ можно восстанавливать на пратама уровне как противопоставленное глагольному $*-to$. Однако для лексикостатистических целей требуется учитывать только глагольный суффикс.

35) «один»: там *kùr* [Ed.], *kwúr* [Db.], эре *kúr* [Ed.], *ku:r* [Db.], сун *kor* [Wb.], *kur* [St.], мис *kan* [Ed.], *kan* [Db.], иби *kàrà*, шар *karra*.

Как и в соседних языках маба, в тама наблюдается большое разнообразие основ со значением 'один', общим для которых оказывается только начальный согласный (*t*- в маба, *k*- в тама). Там-эре-сун **kur*, мис *kan* и зап.-тама **kara* несводимы друг к другу через чисто фонетические сценарии развития; это могут быть либо три этимологически разных единицы (что маловероятно в силу отсутствия для них альтернативных этимологий), либо комбинации исходной основы **kV*- с различными суффиксами (в принципе для зап.-тама **kara* допустимо предположить ассимиляцию из **kura*, т. к. первичные основы со структурой **CuCa* в этой ветви практически не встречаются; но уже мис *kan* никак не выводимо из **kin*).

На текущем этапе исследования, не углубляясь в детали, мы будем предварительно восстанавливать на общетама уровне «колебание» **ki*- ~ **ka*-.

36) «дождь»: (а) там *àr* [Ed.], эре *aṛ* [Ed.], *ar* [Db.], сун *ar* [Wb., St.], мис *aṛ* [Ed.], *arr* [Db.]; (б) иби *ɲú:ri*, шар *ɲo:ri*. || Правост.-тама **ar*, празап.-тама **ɲo:ri* (ср. **(ɲ)ar-u* у К. Рильи).

Несмотря на фонетическое сходство между группами форм (а) и (б), впрочем, ограниченное срединной консонантной позицией, формы эти несводимы друг к другу. Анлаутный *ɲ*- в зап.-тама можно было бы считать таким же застывшим префиксом, как в 'ухе', 'имени' и т. п., но в этом случае префикс **ɲ*= оказался бы полностью десемантизирован: во всех остальных случаях его можно трактовать как архаичную посессивную морфему, характерную для частей тела и таких функционально примыкающих к ним слов, как 'имя' и т. п., но в составе слова 'дождь' наличие такого префикса было бы категорически неуместным.

Если бы это было единственной проблемой, ей можно было бы пренебречь; но ситуация усугубляется еще и существенными расхождениями в вокализме основы. К. Рильи, по-видимому, исходя из особой формы мн. ч. *ar-u* 'дожди' в там [Wb.], восстанавливает пратама **(ɲ)ar-u* и объясняет переогласовку корня в зап.-тама влиянием суффикса. Однако, если **(ɲ)ar-u* — форма мн. ч., непонятно, почему вокализм всей зап.-тама парадигмы выровнялся

по редкому мн. ч. вместо частого ед. ч. (из всех источников по вост.-тама форма мн. ч. зафиксирована только в одном).

В силу всех этих соображений на данном этапе уместнее реконструировать отдельно вост.-тама **ar* и зап.-тама **ɲo:ri*. Для определения степени архаичности этих основ любопытно взглянуть на механизм образования слова 'небо' в вост.-тама языках: там *áɽ órók* [Ed.], *ar erioḵ* [Wb.], где второй компонент = *erioḵ* ~ *arioḵ* [Ed., Wb.] 'верх'; эре *ar-dorok* [Ed.], *ar-dro* [Db.], где второй компонент, вероятно, тот же, хотя неясным остается «вставной» согласный *-d-*. Эти примеры показывают, что семантика 'дождь' для корня **ar* первична по отношению к семантике 'небо' (= 'дождь-верх').

С другой стороны, обосновать вторичность зап.-тама **ɲo:ri*, не имеющего этимологических параллелей в вост.-тама языках, не удастся. Интересно, однако, что в шар близкая и, вполне вероятно, этимологически тождественная основа засвидетельствована в значении 'год': *ɲgori*, мн. ч. *ɲgo:ri-aɲg* [Wb.]. Полисемия 'дождь' / 'год' в вост.-тама языках неизвестна, но типична, например, для сахарского языка тубу, причем пратубу **ɲeli* по своей фонетике подозрительно приближается к зап.-тама **ɲo:ri*. Однозначно постулировать заимствование нельзя, т. к. вопрос о возможных контактах между зап.-тама и зап.-сахарскими языками требует дополнительной проработки; впрочем, оценка этих форм как родственных еще менее вероятна (какие-либо дальнейшие эксклюзивные «сахарско-тама» изоглоссы в 50-словном списке отсутствуют).

37) «дым»: (а) там *túru-t* [Ed., St., Wb.], (?) иби *dùlód-à*, шар *dulud-a*; (б) эре *mɔrsúk* [Db.], сун *marsuk* [Wb.], *mursuk* [Na.]; (в) мис *duxa:n* [Ed., Db.].

Этот этимон в языках тама оказывается чрезвычайно неустойчивым: надежную праязыковую реконструкцию предложить не удастся. Мис *duxa:n* — очевидное заимствование из арабского. Эре-сун **marsuk* (реконструкция первого гласного приближительна) по форме похожа на производную основу; ее уместно сравнить с вост.-тама **mar(g)-* 'облако' → эре *mor-t* [Ed.], *mur-ut* [Db.], сун *mor-ut* [Wb.], *mur-ut* [St.], мис *marg-ut* [Ed.], *marg-ut* [Db.]. Неясной при этом остается функция суффикса *-s-*, но само по себе морфологическое образование 'дым' ← 'облако' ('облачность') кажется допустимым, хотя в типологическом плане оно, по-видимому, не очень характерно для описываемого региона.

Более вероятным кандидатом на значение 'дым' в пратама, таким образом, оказывается непроеизводная основа *turu-* в там (ед. ч. *túru-t*, мн. ч. *túru-ŋ*). Этот выбор становится окончательным в случае, если эта основа генетически родственна зап.-тама **dulod-a*. Однако такое родство сомнительно. Несмотря на очевидное фонетическое сходство («трехконсонантный костяк» типа TRT, огубленность гласных), ни соответствие там *t-* : зап.-тама **d-*, ни соответствие там *-r-* : зап.-тама **-l-* не являются регулярными. Обращает на себя внимание и несовпадение морфологического оформления: если в там *-t* — это обычный «сингулятивный» показатель, то в зап.-тама дентальный согласный формально оказывается частью неразложимого корня (ср. в иби мн. ч. *dùlód-èn* [Ed.]). Все это наводит на мысль, что, если фонетическое сходство между там и зап.-тама все же неслучайно, оно скорее объясняется ареальными контактами, причем не между этими двумя ветвями, а между зап.-тама языками и каким-то особым субстратом-посредником (см. выше о возможном субстратном происхождении нобин *túlli* 'дым'). Впрочем, до тех пор, пока такой субстрат не будет выявлен конкретно, возможность этимологического родства там и зап.-тама форм не должна исключаться из рассмотрения. На пратама уровень, тем не менее, под некоторым вопросом можно спроецировать реконструкцию **turu-*.

38) «звезда»: (а) там *míru-t*, мн. ч. *míru-è* [Ed.], эре *miri-t* [Ed.], *miri-k*, мн. ч. *miri-à* [Db.], сун *merit* [Gn.], *miri*, мн. ч. *miri-k* [Wb.], *gming-it*, мн. ч. *gming-a* [St.]; иби *riŋ-it*, мн. ч. *riŋ-án*, шар *ŋgin-ti*, мн. ч. *ŋgin-iŋɛ*; (б) мис *niŋma* [Db.].

Прежде всего из рассмотрения необходимо исключить мис *niŋma* — явный арабизм (← *naŋma* 'звезда'). Оставшиеся формы сводятся к вост.-тама парадигме ед. ч. **miri-it*, мн. ч. **miri-a*, и зап.-тама **NiN-ti* ~ **NiNi-t*, с такими колебаниями в структуре основы и в фонетической реализации обоих носовых согласных, которые не поддаются однозначной реконструкции. Помимо этого, все рассматриваемые формы в этимологическом плане вряд ли отделены от полностью или почти полностью тождественных им форм в значении 'муха', ср.: там *míru-t*, мн. ч. *míru-è* [Ed.], эре *miriŋit* [Ed.], *miri-k*, мн. ч. *miri-o* [Db.], сун *míru-t*, мн. ч. *míru-o* [Wb., Gn.], *gmini-t*, мн. ч. *gmini-o* [St.], мис *mír-iti* [Db.]; иби *riŋ-ti*, мн. ч. *riŋ*; шар *ŋgin-ti*, мн. ч. *ŋgin-iŋɛ*.

Безусловно, главным камнем преткновения на пути успешной этимологизации всех этих слов является позиция начального согласного. К. Рильи предлагает объяснять расхождение между вост.-тама **m-* и зап.-тама *ɲ- ~ ɳ-* через ассимиляцию (**miɲ-* → **ɲiɲ-*) с последующей диссимиляцией в шар (**ɲiɲ-* → **ɳiɲ-*), но, хотя напрямую противоречащих этой гипотезе примеров нет (за счет редкости корней с фонетической структурой **mVɲ-*), она выглядит сомнительно с точки зрения механизмов, лежащих в ее основе: для чего нужна столь нетривиальная (начальный **m-* относится к числу устойчивых согласных и конкретно в тама, и во всем рассматриваемом ареале) ассимиляция, за которой немедленно следует диссимиляция?

Помимо этого, сценарий Рильи не учитывает «странных» форм в сун, записанных Р. Стивенсоном: *gming-it* 'звезда', *gmin-it* 'муха' (расхождения в транскрипции этих слов скорее всего случайны, т. к. не подтверждаются другими источниками). Недопустимое в обычной ситуации сочетание *gm-* можно объяснить только как след старой префиксации, и в этом случае сун *g=miɳ-* и зап.-тама **ɳiɳ-* ~ **ɲiɳ-* могут отражать один и тот же морфологический вариант (**ɳ=miɳ-* или **k=miɳ-*).

В семантическом плане такой префикс трудно отождествить с префиксом **ɳ=*, постулированным выше для ряда частей тела, т. к. если он изначально имеет отношение к идее посессивности или неотчуждаемости, наличие его в слове со значением 'звезда' (или 'муха') было бы странно. Возможно, речь идет все же о каком-то другом элементе — например, самостоятельном корне структуры CV, стянувшемся с **=miɳ-* в единое целое. В любом случае аргументов в пользу отождествления вост.- и зап.-тама форм слишком много, чтобы разводить их по разным этимологиям из-за несоответствия артикуляции начального носового. К внешнему сравнению будет привлекаться реконструкция **miɲ-*.

39) «камень»: (а) там *kùr-á-ɲá tát* [Ed.], *kwura* [Db.], эре *klr-na tát*; (б) эре *kladda* [Db.], сун *kad-a* [Wb.], *kat* [St.], мис *kát* [Db.], иби *ket-ni*; (в) шар *gor*.

Все перечисленные формы имеют похожий «консонантный костяк» (KR ~ KT) и, как следствие, объединяются в одну и ту же словарную статью не только в словаре Дж. Эдгара, но даже в реконструкции К. Рильи (впрочем, последний все же дает ее в

виде **kur* / **kad*, без каких-либо комментариев по поводу того, как соотносятся эти варианты).

Тем не менее, убедительно связать все эти слова друг с другом невозможно. Там *kùrá-ŋá tát* и эре *klar-na tat* — идиоматические выражения, производные от там *kùrá* 'гора' и, вероятно, эре **klar-id*. (в эре отдельно не зафиксировано); таким образом, для вост.-тама **kur-a* значение 'гора' будет первичным по отношению к 'камню'. Дальнейшее сопоставление было бы соблазнительно проводить с зап.-тама формами: иби *gòr* 'гора', шар *gor* 'камень, гора'. Однако соответствие «вост.-тама **k-* : зап.-тама **g-*» отсутствует — в этой позиции ни в той, ни в другой подгруппе велярный согласный не имеет повода ни для озвончения, ни для оглушения (см. ниже 'дерево'). Следовательно, если это сходство не случайное, то либо вост.-тама **kur-a*, либо зап.-тама **gor*, либо обе основы на самом деле имеют «ареальное» происхождение.

Аналогичным образом не сводятся друг к другу и вост.-тама основы **kur-a* и **kad-*, несмотря на почти полное дополнительное распределение по языкам: только в эре записи Доорнбоса включают параллельное упоминание форм *klar-na tat* и *kladda*, без обозначения семантических различий. Непреодолимым препятствием для этимологического объединения этих форм является даже не столько консонантизм (можно было бы попытаться объяснить **-d-* стяжением из какого-нибудь кластера, например, **kar-ta* или **kar-na*), сколько вокализм: никаких условий для переогласовки **u* → *a* или наоборот здесь не наблюдается.

При этом только у **kad-* обнаруживаются неоспоримые параллели не только в «крайнем» члене вост.-тама группы (мис *qad-i* 'гора' [Ed.], *kat* 'камень' [Db.]), но и в зап.-тама языках: иби *kit* 'гора', мн. ч. *kidín*, *ket-ni* 'камень'. Для объяснения вокализма и структуры основы здесь большую роль играет старая форма в шар, зафиксированная у Г. Барта: ед. ч. *ka:dit*, мн. ч. *kodung*. Дальнейшее развитие скорее всего шло по линии **kad-it* → **kid-it* → **kit* (с редукцией гласного второго слога и стяжением кластера из двух смычных одного места образования).

¹ Увулярный *q-* в мис (по версии Дж. Эдгара) — по-видимому, все же не особая фонема, а свободный вариант *k-*, иногда встречающийся перед гласным *a* (см. ниже 'вода').

Оптимальный сценарий представляется следующим образом: реконструкция пратама **kad-* в обоих значениях ('гора' и 'камень'), с дальнейшим вытеснением его словами, имеющими различное происхождение, но одинаковый «консонантный костяк» KR в там и шар. Поскольку основа типа **kur-* с соответствующей семантикой достаточно широко распространена в различных языках исследуемого региона (как нило-сахарских, так и, например, афразийских, в частности — центральночадских), заимствованное происхождение этой основы и в там, и в шар вполне допустимо. Тем не менее, до тех пор, пока источник такого заимствования не определится с большей точностью, из лексикостатистических подсчетов исключать его мы не будем (но и к внешнему «генетическому» сравнению эти формы допускать можно только в крайнем случае).

40) «солнце»: там *ári* [Ed.], *ári* [Db.], эре *arí* [Ed., Db.], сун *er-meti* [Wb.], *arí* [St.], мис *ari* [Ed.], *àrí* [Db.], иби *írí*, шар *iri*. || Пратама **ari* (ср. **ari* у К. Рильи).

Редкий случай более или менее однозначной реконструкции (в зап.-тама налицо такая же переогласовка **ari* → **iri*, как в только что разобранном случае **kad-it* → **kid-ít* 'камень'; в отдельных диалектах иби, судя по данным Рильи, еще сохраняется старый вариант *ari*). Сун *er-meti* — сочетание со словом 'глаз' (см. выше); это наводит на мысль о том, что исходным значением **ari* было не 'солнце' (как объект), а скорее 'солнечный свет' (ср. описанную выше лексическую дифференциацию этих значений в сурмийских языках), но для проверки этой гипотезы не хватает лексикографических данных.

41) «хвост»: там *bù-t* [Ed.], эре *but* [Db.], сун *but* [Wb.], мис *but* [Db.], иби *ùgút*, шар *ogut*.

На правост.-тама уровне здесь, по-видимому, следует реконструировать основу **but* (или **bu:t*) с корневым *-t*: ср. такие формы мн. ч., как эре *but-ò* [Db.], сун *bu:t-u*: ~ *bu:t-o*: [Wb.], мис *but-ò* [Db.]. На этом фоне там *bù-t*, мн. ч. *bù-gé* выглядит скорее как морфологическое переразложение; впрочем, ниже будет показано, что есть и некоторые основания считать верным обратное, т. е. архаичность морфологической структуры в там.

Гораздо более существенен вопрос о соотношении вост.-тама **bu:(t)* с зап.-тама **ogut* (где **-t* — также часть корня, ср. мн. ч. иби

ùgúd-îèn, шар ogúd-ik). Здесь допустимо вычленить начальный гласный *o= как старый префикс, неоднократно встречающийся в названиях частей тела (см. выше 'рот', 'нос'). В этом случае вост.-тама *but и зап.-тама *=gut оказываются сопоставимыми — при условии, что нетривиальную корреляцию $b : g$ можно подкрепить дополнительными примерами.

Беглый просмотр сопоставительных материалов Эдгара обнаруживает только один аналогичный случай (также с идеальной семантикой) — слово 'грудь': там bùl ~ bú:l [Ed., St., Wb.], сун bu:l ~ bo:l [Wb.], мис bul [Ed.], но иби gùlì, шар gul. Тем не менее, учитывая, что в обоих случаях все прочие соответствия полностью регулярны, категорично списывать оба совпадения на фактор чистой случайности было бы неправильно. Следует также подчеркнуть, что в *обоих* случаях (а) речь идет об анатомических терминах; (б) корреляция $b : g$ обнаруживается перед гласным *-и-. Тем не менее, однозначно оптимального сценария интерпретации этой картины предложить не удастся. Возможны такие варианты:

(а) корреляция $b : g$ отражает особую праязыковую фонему — в типологическом плане наиболее естественной фонетической интерпретацией был бы лабиовелярный *g^w. В этом случае допустимо реконструировать «ранне-пра-тама» *g^wVt и *g^wVI с переходом огубленной артикуляции на гласный уже на собственно пратама уровне (→ *g^wut, *g^wul) и «девеларизацией» начального согласного в правост.-тама.

Существенный минус этого сценария в том, что особую фонему придется реконструировать не более чем для двух слов, не говоря уже о том, что при наличии в системе *g^w ожидалось бы наличие и глухого *k^w, отраженного, например, в параллельной корреляции «вост.-тама *f : зап.-тама *k». Такой корреляции, однако, не наблюдается, так что «маргинальность» описываемого явления обесценивает сценарий;

(б) корреляция $b : g$ отражает, как и в ряде других случаев (см. выше 'нога'), особую ситуацию стяжения начального согласного корня с застывшим префиксом. Например, реконструируя пратама корень *bul 'грудь', можно постулировать для празап.-тама форму *η=bul с последующей ассимиляцией → *g=bul и стяжением → *gul.

Этот вариант хорошо согласуется с тем фактом, что в обоих случаях речь идет о частях тела («приветствующих» окаменевшие префиксы), но, во-первых, не объясняет, почему в обоих случаях представлен гласный *u*; во-вторых, что еще более существенно, в зап.-тама формах слова 'хвост' уже обнаруживается вполне эксплицитный вокалический префикс **o=*, и любая попытка общего объяснения для обоих случаев через данную модель наталкивается на необходимость реконструкции формы **o=ŋ=but* с двумя (!) окаменевшими префиксами, что крайне маловероятно;

(в) ни особой фонемы, ни особого префиксального сочетания в пратама представлено не было, а налицо обычное развитие **gi- → *bi-* в вост.-тама. Это простое объяснение наталкивается на непреодолимое препятствие: основы, начинающиеся на *gi-* и при этом восходящие к пратама, в вост.-тама ветви представлены в достаточном количестве;

(г) вариант, который в текущей ситуации представляется наиболее правдоподобным — сведение обеих основ к виду **gVwVl* и **gVwVt* соответственно. В дальнейшем, учитывая тенденцию зап.-тама языков к редукции второго гласного двусложной основы, а вост.-тама (в некоторых ситуациях) — первого, эти формы преобразуются в зап.-тама **gVwl*, **gVwt* и вост.-тама **gwVl*, **gwVt* соответственно, с последующим развитием **gw- → *b-* в вост.-тама. Это единственный сценарий, который производит впечатление непротиворечивого. Он также позволяет вернуться к идее конечного *-t* в 'хвосте' как суффикса: если полная основа оказывается трехконсонантной, то праформу вида **gawut* гораздо естественнее рассматривать как **gawu-t*, тем более, что сингулятивный суффикс *-t* сам по себе — вполне продуктивный элемент. Что касается праформы вида **gawul* 'грудь', то ср., например, там *tólól* 'живот', *kemil* 'лоб', *àmúl* 'сердце': возможно, что и здесь мы имеем дело с каким-то старым суффиксальным расширением, неразрывно слившимся с исходным корнем в единую структуру вида *CVCVl*.

Таким образом, к внешнему сравнению в первую очередь стоило бы привлекать внутреннюю реконструкцию вида **gawu(-t)* (вокализм обозначен приблизительно). Из альтернативных сценариев единственный, способный внести существенные коррективы во внешнее сравнение — это (б), предполагающий реконструкцию **bi(-t)*, но он должен рассматриваться только во

вторую очередь, как значительно менее вероятный с точки зрения «внутри-тама» аргументации.

42) «ты»: там \hat{t} : [Ed.], эре \hat{t} : [Ed.], \hat{t} : [Db.], сун \hat{t} [St., Wb.], мис \hat{t} [Ed., Db.], иби \hat{t} , шар \hat{t} . || Пратама * \hat{t} (ср. * \hat{t} у К. Рильи).

Прямая основа * \hat{t} 'ты' совпадает во всех языках тама и реконструируется однозначно. Сложнее обстоит дело с глагольным показателем 2-го л., который в большинстве случаев на первый взгляд оказывается нулевым; однако сопоставление с формами 1-го и 2-го л. указывает на то, что это не «чистый» нуль (т. е. изначальное отсутствие сегментного показателя). Ср. следующие образцы парадигм из [Tucker, Bryan 1966: 213–214]:

там: $n=a=gil-i$ 'я охраняю', $a=gil-i$ 'ты охраняешь', $gal-i$ 'он охраняет'; $n=\varepsilon-li$ 'я пью', $\varepsilon-li$ 'ты пьешь', li 'он пьет'; иби $n=e=wer$ 'я вижу', $e=wer$ 'ты видишь', $gudey$ 'он видит' (семантическое различие между основами wer и $gudey$ неясно, но в данном контексте принципиально).

Видно, что и в там, и в иби (равно как и в других диалектах группы) формы 1-го и 2-го л. структурно противопоставлены формам 3-го л., лишенным не только консонантного личного показателя, но и вокалической «подставки», которая не имеет отдельной смысловой функции и, как правило, уподобляется гласному корня (такие формы, как там $n=a=gil-i$, вторично развились из * $n=a=gal-i$ под влиянием ауслаутного гласного — в данном случае показателя ед. ч.).

Если формы 1-го л. эксплицитно указывают на то, что первый гласный в них имеет эпентетическое происхождение, это означает, что и в формах 2-го л. на пратама (или, по крайней мере, на «ранне-пратама») уровне имелся начальный согласный, т. е. там $a=gil-i$ 'ты охраняешь' ← * $C=a=gal-i$ и т. п. В свою очередь, единственный согласный, который в такой позиции мог бы выпасть бесследно, переложив всю смысловозначительную нагрузку на «вокалическую подставку» — «слабый» глайд * y - (ср. выше реконструкцию * $ya-i$ 'кровь' с аналогичным выпадением * y - в вост.-тама и особым развитием * $y\hat{i}$ - → * $g\hat{i}$ - в зап.-тама). Поскольку * y - можно рассматривать как консонантный вариант гласного * \hat{i} , получается, что в пратама глагольный показатель и личное местоимение 2-го л. по сути были тождественны (в отличие от соответствующих морфем со значением 1-го л.).

Притяжательные основы по языкам имеют следующий вид: там *ino* [St.], *inur* [Arkell], эре ед. ч. *тэ-р*, мн. ч. *тэ-η* [Db.], сун *-nur* ~ *-nor* [St.], иби *ни(n)* [Lk.], *ини* [Ed.], шар *они*. Как и в случае с 1-м л., эти формы раскладываются на три составляющих компонента: собственно местоименная основа + «тематический» или «сингулятивный» формант *-n-* + вокалическое окончание со значением генетива. (В эре и сун к этому добавляются еще морфемы ед. и мн. ч. посессора – *-r* и *-η* соответственно.)

Реконструкция единого праварианта затрудняется несоответствием вокализма: вост.-тама **ни* ~ **но* четко противопоставлено зап.-тама **они* ~ **упи*. Более архаичным может оказаться как тот, так и другой вариант, в зависимости от выбранного сценария:

(а) пратама **i-n-i* → зап.-тама **и-n-i* (диал. *о-n-i*) через ассимиляцию с гласным суффикса. Такое развитие допустимо, но оно предполагает первичность генетивного окончания **-и*, что напрямую противоречит, в частности, посессивной форме *hi-n-a* 'мой' в там и др., предполагающей исконное генетивное окончание **-а*;

(б) пратама **и-n-i* → вост.-тама **i-n-i* под аналогическим влиянием прямой основы **i* 'ты'; сама форма **и-n-i* при этом должна считаться результатом развития из более раннего варианта **и-n-a* с прогрессивной ассимиляцией. В этом сценарии сомнение вызывает последний момент, т. к. для языков тама в целом гораздо более характерна регрессивная, чем прогрессивная ассимиляция. Помимо этого, данный сценарий менее экономен, т. к. предполагает реконструкцию *особой* посессивной основы 2-го л. (впрочем, последний аргумент несущественен, т. к. особую посессивную основу в любом случае приходится предполагать и для 1-го л.).

На текущем уровне наших знаний о группе тама однозначно определиться в пользу того или иного варианта, по-видимому, невозможно. Только внешнее сравнение (например, с потенциально родственными языками, в которых местоимение 2-го л. **и* реконструируется на более надежных основаниях) сможет как-то прояснить картину. В лексикостатистическом плане при подсчетах учитываться будет только вариант **i*.

43) «язык»: там *àr(r)à-t* [Ed.], *ára-t* [Db.], эре *là:t* [Db.], сун *lat* [Wb.], мис *le:t* [Db.], иби *la:t* [St.], *lé:d* [Ed.], *laed* [Db.], шар *let*.

Все формы, кроме там, отличаются полной тождественностью консонантного костяка, что и побуждает, в частности, К. Рилы

однозначно реконструировать пратама **la:t* без дальнейших вопросов. Однако этот вариант не объясняет ни наличие в мис и зап.-тама корневого гласного *e*, ни, тем более, дифтонгического сочетания *-ae-* в записях П. Доорнбоса по иби (неслучайность этой транскрипции подтверждается и в старых материалах Г. Барта по шар: *laed*).

Для формы *let ~ led* еще можно было бы предположить аналогическое выравнивание по формам мн. ч.: мис *let-i*, иби *lɛ:d-in* [Db.], шар *lɛ:d-ik* ← **lat-in ~ *lat-ik* (?), хотя, казалось бы, здравый смысл должен предполагать обратное направление (для слова 'язык', в отличие от парных частей тела, статистически частотнее употребление в ед. ч.). Однако для варианта *laed* такой сценарий явно не проходит.

По-видимому, в данной ситуации нет иного выхода, кроме как реконструкции на пратама уровне более сложной структуры, чем **la:t*. Помимо этого, обращает на себя внимание и отмечаемый в отдельных формах (как в вост.-, так и в зап.-тама) ауслат на *-d* вместо обычного *-t*. Выше (см. 'рог') говорилось о возможной связи такого озвончения с выпавшим «слабым» звонким согласным. Связав это наблюдение с зап.-тама вариантом *laed*, можно предположить реконструкцию **laCV-t*, где **-C-* и есть тот самый слабый согласный. Из трех такого рода «неустойчивых» согласных, о которых уже неоднократно шла речь выше (**y*, **w*, **ɲ*), для данной основы заведомо исключаются **y* (см. 'умирать', 'яйцо' и др., где эта фонема в интервокальной позиции не пропадает) и **w* (присутствие этого звука как минимум должно было бы отразиться в лабиализации вокалического окружения). Поэтому наиболее вероятным кандидатом оказывается форма **lajə-t ~ *lajɛ-t* (хотя и лишь при условии, что правила развития палатального **ɲ* в вокалическом контексте **-ajə-* отличались от соответствующих правил в контексте **-ɲi-*, см. выше 'звезда').

Отдельный вопрос — статус формы *ara-t* в там. Начальный гласный в ней можно объяснить как все тот же окаменевший вокалический префикс **V=* (**a=* ?), который представлен в других анатомических терминах ('рог', 'нос' и т. п.). Неясным, однако, оказывается развитие вост.-тама **a=la:-d* → *a=ra-t*, с нерегулярным переходом плавной артикуляции в вибрантную. Не исключено, что такое развитие косвенно свидетельствует в пользу того, что

«слабый носовой» сохранялся еще в правост.-тама и что мы видим здесь следы особого развития $*a=lajna-t \rightarrow *a=lja-t \rightarrow *a=lda-t \rightarrow *a=\gamma a-t$. Такой сценарий заведомо спекулятивен, но позволяет относительно непротиворечиво разрешить ситуацию без «расчленения» одной этимологии на две.

К внешнему сравнению можно, таким образом, привлекать реконструкцию $*lajna-$, допуская (с меньшей вероятностью) фиктивность срединного носового, эксплицитно не зафиксированного ни в одном живом потомке и восстанавливаемого исключительно по косвенным следам. Правомерность этой реконструкции можно будет подтвердить или опровергнуть только на следующем этапе сравнения.

44) «зуб»: там $\eta y i-t$, мн. ч. $\eta y i-\eta$ [Ed.], $\eta i-t$, мн. ч. $\eta i-\eta$ [Db.], эре $n i s-i t \sim n i s i-t$, мн. ч. $n i s-a \eta \sim n e s s i-\eta$ [Db.], сун $\eta i a s i-t$, мн. ч. $\eta i a s i-\eta$ [St.], $n i s i-t$, мн. ч. $n i s i-\eta$ [Wb.], мис $\eta e s i-t$, мн. ч. $\eta e s i-\eta$ [Db.], иби $\eta o \eta-i t$, мн. ч. $\eta o \eta-e n$, шар $\eta o \eta-i t$, мн. ч. $\eta o \eta-e$.

Относительно возможных контаминаций этой основы с пра-тама $*\eta o s a-$ 'ноготь' см. выше. В данном случае вост.-тама парадигма однозначно восстанавливается в виде ед. ч. $*\eta e s i-t$, мн. ч. $*\eta e s i-\eta$, т. е., по-видимому, совпадает с формами в мис. В пучке там-эре-сун большинство диалектов демонстрирует ассимиляцию $\rightarrow * \eta i s i-$; в там, помимо этого, имеет место регулярное развитие $*-i s i \rightarrow *-i y i \rightarrow *-i-$, а в эре велярный носовой палатализуется под влиянием переднего гласного.

На празап.-тама уровне реконструируется парадигма $*\eta o \eta-i t$, мн. ч. $*\eta o \eta-e n$. Чтобы как-то увязать эти формы с вост.-тама, К. Рильи предлагает следующий сценарий: общетама форма мн. ч. $*\eta e s o-\eta$ дает празап.-тама $*\eta o \eta$, после чего уже на базе этой формы мн. ч. в зап.-тама формируется новый сингулятив $*\eta o \eta-i t$. На первый взгляд, эта гипотеза хорошо согласуется с редкой диалектной парадигмой, зафиксированной для иби в полевых материалах Летнего института лингвистики: ед. ч. $\eta g o-t$, мн. ч. $\eta g o-\eta$ [Rilly 2009: 439]. Однако сама по себе эта парадигма сомнительна, т. к. не подтверждается никакими другими зап.-тама данными, в том числе и самой старой по времени фиксации форм: шар ед. ч. $\eta o \eta g o-d$, мн. ч. $\eta o \eta g o$ в записях Г. Барта.

Помимо этого, развитие $*\eta e s o-\eta \rightarrow * \eta o \eta$ требовало бы постулировать регулярность выпадения интервокального $*-s-$ в зап.-тама,

что в принципе невозможно (см. многочисленные примеры сохранения этой фонемы, описанные выше).

На наш взгляд, наиболее экономным и правдоподобным выходом из положения здесь является реконструкция корня **ɲɛз-*, с той же интервокальной палатальной аффрикатой, что и в слове 'нос' (см. выше), в целом дающей те же самые рефлексy: вост.-тама **-s-*, зап.-тама **-θ-*. Первоначальная парадигма в зап.-тама имела вид ед. ч. **ɲɛз-it*, мн. ч. **ɲɛз-o* → **ɲoз-o* по ассимиляции. Регулярное выпадение аффрикаты в данном случае привело не к нулевому, а к носовому рефлексу из-за уподобления «временного» слабого глайда носовому согласному: **ɲoз-V-* → **ɲoʷ-V-* → **ɲoɲ-*. Наконец, вокализм формы ед. ч. подвергся аналогическому выравниванию по форме мн. ч. (что естественно, т. к. в данном случае более частотной оказывается именно форма мн. ч.).

Из альтернативных сценариев следует отметить возможное влияние форм этимона 'ноготь', но оно не могло быть сильным, т. к. и в этом этимоне на пратама уровне срединный носовой не восстанавливается. Вероятность же отдельного этимологического происхождения обоих вариантов крайне низка, учитывая хотя бы тот факт, что и для 'ногтя' наблюдается похожего рода фонетическое варьирование. Можно усомниться в истинности реконструкции палатальной аффрикаты, но то, что все перечисленные формы восходят к единому пракорню, второй согласный которого был переднеязычным спирантом или аффрикатой — безусловно оптимальный сценарий.

45) «дерево»: там *gá:n* [Ed., Db., St.], эре *ga:n* [Db.], сун *ɲan* [St.], *gàn* [Wb.], мис *ga:n* [Ed., Db.], иби *gá:n*, шар *gan*. || Пратама **ga(:)n* (ср. **ga:n* у К. Рильи).

Реконструкция по обеим ветвям практически однозначна (хотя фонологичность долготы гласного пока что не очевидна; носовая артикуляция начального согласного в сун по записям Стивенсона скорее всего случайна, т. к. не подтверждается никакими другими данными).

Следует, однако, обратить внимание на тот факт, что для значения 'дерево', а также собирательного 'лес' в зап.-тама языках зафиксирован и другой эквивалент: иби *kíɲe-t* 'дерево' [Lk.], шар *ki:-di* 'дерево', мн. ч. *ki:-ɲ* 'лес' у Г. Барта. Сама по себе дистрибуция этих основ в тама должна была бы указывать на инновативный

характер зап.-тама **ki:*, однако родственные этой основе формы как в самих зап.-тама языках, так и в вост.-тама имеют значение 'древесина': шар *ki-ŋɛ* [Wb.], там *ki:-di*, мн. ч. *ki-ak ~ kɛ-ak ~ ki-a:k-iŋ* [Wb.], сун *ki:-di*, мн. ч. *ke-k* (← **ki-ak*) [Wb.]. Поскольку семантическое изменение 'дерево (растущее)' → 'дерево (материал)' – типовое, в отличие от обратного, более вероятно все же, что употребление основы **ki:* в значении 'дерево (растущее)', если таковое действительно еще имело место в каких-то диалектах шар (XIX в.) и иби (начало XX в.), было архаичным (подтверждающих это текстов в нашем распоряжении нет).

По-видимому, в значении 'tree' для пратама следует все-таки реконструировать основу **ga(:)n*, но на пратама уровне эта основа должна была иметь статус «свежей» инновации, вытесняющей в этом значении более старую основу **ki:*. Скорее всего, в зап.-тама определенной популярностью продолжало пользоваться старое мн. ч. **ki:-ŋ* 'лес', от которого в диалекте иби, записанном у Лукаса, даже образовался новый сингулятив **kiŋ-et*. Что касается **ga(:)n*, то внутренняя этимология этого слова требует опоры на полноценную реконструкцию корневого фонда тама, однако уже сейчас можно обратить внимание на полное совпадение консонантного костяка **ga(:)n* с там *gen*, *gín* 'подниматься' (императ.), *gín-ɛk* 'поднимать' (императ.) [Ed., St.] (развитие значения 'дерево (растущее)' из глаголов 'стоять', 'подниматься' мы считаем типовым).

46) «два»: там *wári* [Ed.], *wári* [Db.], эре *wàrrí* [Ed.], *warrí* [Db.], сун *warri* [Wb.], *werri* [St.], мис *wora* [Ed.], *wurra* [Db.], иби *wàrí*, шар *werre*.

Там-эре-сун **wari*, мис **wora* и зап.-тама **wari ~ *ware* однозначно соответствуют друг другу в плане консонантизма. Вокализм первого слога — **a* (огубленность в мис можно объяснить воздействием начального губного согласного), второго — скорее всего, **-i* (мис -*a* по аналогии с *içça* 'три?'), хотя оба решения спорны; тем не менее, наш вариант реконструкции (**wari*) полностью совпадает с предложенным К. Рильи.

47) «вода»: там *ká:l* [Ed., Db.], эре *ká:l* [Db.], сун *ka:l* [Wb.], *kal* [St.], мис *qal* [Ed.], *ka:l* [Db.], иби *kàràŋ*, шар *karaŋ*. || Пратама **ka:l* (ср. **kal ~ *ka:l* у К. Рильи; долгота с высокой степенью вероятности фонологична, т. к. отмечена во всех вост.-тама языках).

Затруднение вызывает развитие $*-l- \rightarrow *-r-$ в зап.-тама (согласно данным К. Рилби, в иби есть и форма *kalan*, но это может быть вариант одного из зап.-тама диалектов, в которых *r* и *l* в принципе совпадают, например, диалект дарнут). «Эризация» плавного сонанта в зап.-тама в отдельных случаях может наблюдаться в сочетаниях согласных, ср. иби *kàr-tá* 'тыква-горлянка' = там *kal-tat* id. [Wb.]; однако в данном случае суффикс, присоединяющийся к корню в зап.-тама, формально начинается с гласного и сам по себе не дает оснований для «эризации».

Если исключить возможность случайного совпадения (крайне маловероятную как в силу отсутствия альтернативных этимологий, так и реальности наблюдаемого соответствия сонантов, ср. выше 'лист'), то открываются следующие перспективы: (а) в пра-тама этимоне была представлена особая фонема ($*l_1?$); (б) зап.-тама $*kar-aŋ$ на самом деле $\leftarrow *kal-Caŋ$, где $*-C-$ — одна из «слабых» фонем, обеспечившая перед выпадением «эризацию» предшествующего согласного; (в) нерегулярное изменение, вызванное неизвестной контаминацией и т. п. Ни одно из этих решений нельзя считать удовлетворительным; дальнейшие «подсказки», по-видимому, будут получены уже только на уровне внешнего сравнения, на который мы пока выносим форму $*ka:l$.

48) «мы»: там *wei* [St.], эре *uai* [Ed.], *wei* [Db.], сун *wei* [Wb., St.], мис *wai* [Ed.], *wíi* [Db.], иби *wàŋ*, шар *waŋ*.

Прямая основа местоимения 1-го л. мн. ч. однозначно восстанавливается в виде $*wa-(y)i$ на правост.-тама и $*wa-ŋ$ на празап.-тама уровне. Суффиксальные морфемы в этих основах не сводятся друг к другу, причем аналогичная оппозиция наблюдается и в формах 2-го л. мн. ч. (вост.-тама $*o-(y)i$: зап.-тама $*i-ŋ$). Учитывая, что зап.-тама $*i-ŋ$ 'вы' — явное новообразование от $*i$ 'ты' (в то время как вост.-тама языки еще сохраняют старую самостоятельную основу 2-го л. мн. ч.), через присоединение к нему продуктивного суффикса мн. ч. $-(V)ŋ$, логично предположить, что и форма 1-го л. мн. ч. в этой ветви также была перестроена по той же модели, и, следовательно, более архаичный вариант — вост.-тама $*wa-(y)i$, в котором, впрочем, также естественно видеть старое суффиксальное производное от $*wa$ 'я'. Реконструкция К. Рилби $*wa-gi$ основана скорее на аналогии с посессивной основой (см. ниже) и

на соображениях внешнего сравнения; велярный смычный *-g- в этой позиции вряд ли мог присутствовать на пратама уровне.

Субъектный префикс 1-го л. мн. ч. в пратама не отличался от соответствующего префикса ед. ч., т. е. *n=; различие в числе выражалось отдельно, суффиксальным способом (ср. там n=a=gil-i 'я охраняю', n=a=gil-e 'мы охраняем'; n=ε=li 'я пью', n=ε=li-se 'мы пьем' и т. п.).

Посессивные формы имеют следующий вид: там óɲɲ [St.], эре ед. ч. ɲɲɲ-ur, мн. ч. ɲɲɲ-и [Db.], сун óɲón [Gn.], иби aga:(n) [Lk.], ед. ч. àgá, мн. ч. àgá-n [Ed.], шар aga ~ aga-ni. Все эти рефлексy сводимы к вост.-тама *oɲɲ и зап.-тама *aga соответственно, причем внутреннее членение этих форм должно быть таким же, как и в посессивных основах местоимения 1-го л. ед. ч., т. е. «собственно местоименная морфема» + «тематический формант / показатель мн. ч.» + «генетивный маркер». Однако все эти морфемы в двух ветвях тама оказываются разными, что предполагает радикальное выравнивание парадигмы по аналогии по меньшей мере в одной из этих ветвей. На данный момент трудно сказать, какая из двух «собственно местоименных морфем», вост.-тама *o- или зап.-тама *a-, более архаична; очевидно лишь то, что посессивная основа в пратама отличалась от прямой.

49) «что»: там nvm [St.], nùmúté [Ed.], nomote ~ numne ~ numgo [Wb.], эре numotti [Db.], сун núm [Gn.], nim ~ namot ~ nomote [Wb.], ninken-ngo ~ ningkinε [St.], мис nùmáté [Db.], иби namɲ [Ed.], nèmdi [Lk.], шар nɛmdi:n.

50) «кто»: там naʏε [Ed.], nàrè [St.], na:ʏε ~ na:kinε [Wb.], эре na:i: [Db.], сун na ~ na:ε ~ niε [Wb.], naie ~ nate [St.], мис na [Db.], иби nan [Ed.], na ~ nat ~ náte [Lk.], шар na:n ~ na:t.

Обе группы форм имеет смысл разбирать сообща, учитывая, что все они объединены начальным n- (еще одна большая группа вопросительных форм, объединенных начальным t- [Edgar 1990: 218–219], здесь разбираться не будет, т. к. большинство этих форм относится к адвербиальной категории: 'где', 'как', 'почему' и т. п.).

К. Рильи реконструирует базисное противопоставление на пратама уровне в виде *nit 'что' : *na 'кто', исходя из наиболее частотных вариантов по конкретным языкам. В этом случае рефлексy пратама 'что' вида nit- ~ net- в сун и зап.-тама оказываются вторичными и требуют отдельного объяснения. Для зап.-тама

форм можно предположить развитие из сложного комплекса **nim-idi*, т. е. 'что' + 'вещь' (**idi* 'вещь' как автономная лексема сохраняется в зап.-тама ветви: иби *idi*, шар *i:di*), через переогласовку **nim-idi* → **nem-idi* → **nem-di*. Труднее объяснить «простой» вариант *nim* в сун; возможно, это результат аналогического выравнивания по какой-то отдельной вопросительной основе (например, по этимологически неясной форме *nij-ken*).

Внутреннее сопоставление пратама **nim* 'что' и **na* 'кто' показывает, что более «простой» морфемой является моноконсонантная **na*, представленная и в других интеррогативах (напр., там *na-ye* 'где' [Ed.]; сун *na* 'как' [Gn.]). Однако на внутритама уровне **nim* 'что' невозможно разложить на **na-* + **-im* (?) ввиду отсутствия продуктивного суффикса **(u)t*. Таким образом, разрешить вопрос соотношения этих форм можно будет только на уровне внешнего сравнения.

3.8. Группа даджу.

3.8.1. *Общие сведения и источники.* К группе даджу (Daju; реже встречается вариант с непалатализованным велярным — дагу или даго, Dagu) относятся примерно 7–8 языков, носители которых локализованы в двух оторванных друг от друга географических ареалах: (а) в горах Нуба и (б) в районе Дарфур, с заходом в юго-восточные области Чада. Общая численность активных носителей не превышает 200,000 человек.

Начало исследований по языкам даджу относится примерно к тому же периоду, что и описательная работа по бесписьменным языкам других семей Чада и Судана. Записи Г. Нахтигалья, сделанные в 1870-1874 гг., пока остаются неопубликованными; первый общедоступный источник по языкам даджу — обзорная статья [MacMichael 1920], содержащая небольшой словник по трем отдельным наречиям. В дальнейшем полевыми исследованиями по даджу занимались П. и Д. МакДиармиды [McDiarmid, McDiarmid 1931], С. Сантандреа [Santandrea 1948], Р. Стивенсон (данные частично опубликованы в [Tucker, Bryan 1966]) и Г. Юнграйтмайр [Jungraitmayr 1978]; все эти исследования ставили перед собой очень скромные цели, ограничиваясь краткими словарными списками и самыми общими сведениями по грамматике.

Единственным по-настоящему детальным и системным исследованием, посвященным языкам даджу, на сегодняшний день является основополагающая диссертационная работа Р. Телвалла [Thelwall 1981], посвященная вопросам фонологической и грамматической реконструкции, а также лексикостатистики по языкам даджу, причем большая часть работы базируется на полевых материалах, собранных самим автором по пяти из восьми известных языков. Лексикостатистические списки Телвалла и небольшой этимологический словарь (размером примерно в 300–350 единиц) позволяют, наконец, досконально разобраться во внутренней классификации языков даджу и привлечь их к дальнейшему внешнему сравнению уже на гораздо более надежной основе, чем это было сделано в работах Дж. Гринберга.

Согласно исчерпывающему перечню Р. Телвалла, к группе даджу относятся следующие языки:

1) *Сила* [сил]: по разным подсчетам, от 30 до 60 тыс. носителей в районах Дар-Сила, Гоз-Бейда и Ам-Дам (Чад). Словарные списки по сил составлены Г. Юнграйтмайром и Р. Телваллом. В настоящее время исследованиями по сил занимается П. Буальдьё [Boyeldieu 2008] и ряд других специалистов, но существенных новых лексических данных со времени публикации диссертационной работы Телвалла пока не появилось.

2) *Ньяла* [нья], старое название — дарфур-даджу (Р. Телвалл предлагает отказаться от последнего ввиду того, что в Дарфуре сегодня проживают в том числе и носители сила-даджу). Основная масса носителей сконцентрирована в районе г. Ньяла (столица Южного Дарфура), число носителей по разным оценкам колеблется в диапазоне от 20 до 80 тыс. человек (по данным системы «Этнолог», хотя последняя объединяет вместе носителей ньяла и лагова, см. ниже). Словарные списки по нья составлены Г. Юнграйтмайром и Р. Телваллом.

3) *Ньялгулуге* [нгл]: от 1 до 2 тыс. носителей в районе Гоз-Синга (Южный Дарфур). Впервые описан в работе [Santandrea 1948]; в диссертации Телвалла учтены и впервые опубликованы целиком данные 200-словного списка, составленного в 1975 г. Дж. Аренсоном.

4) *Лагава* или *лагова* [лгв]: название предложено Р. Телваллом вместо первоначального «западнокордофанское даджу» (West

Kordofanian Daju, так в работах А. Такера и МакДиармидов). В системе «Этнолог» считается одним из диалектов дарфур-даджу наряду с ньяла, что достаточно резонно в связи с лексикостатистической близостью этих наречий друг к другу на обще-даджу дереве (впрочем, по этому параметру они объединяются и с ньял-гулгуле, см. ниже). Основная масса носителей действительно расположена в окрестностях г. Лагава в Западном Кордофана. Помимо старых работ и списков Телвалла, отдельные аспекты грамматики лагава были исследованы в диссертационной работе [Ismail 2000] и последующей статье [Ismail 2007].

5) *Шатт* [штт]: ≈ 15 тыс. носителей в Южном Кордофана (к юго-западу от населенного пункта Кадугли). Эндоэтноним — (ики-)джанинг («шатт» = арабск. *šatt* 'рассеянный, рассыпанный'; этноним применяется арабоязычным населением Судана по отношению к целому ряду различных племен, но наиболее последовательно — именно к данной группе языковых носителей даджу). Лексические и грамматические данные по шатт известны только из старых работ и диссертации Р. Телвалла.

6) *Лигури* или *лаггори* [лиг]: ≈ 2 тыс. человек в горах Джебель Лигури к северо-востоку от Кадугли. Согласно данным Р. Стивенсона и Р. Телвалла, является родным языком для трех небольших общин, называемых соответственно «лигури», «сабури» и «таллау». Данные известны только из старых работ и диссертации Телвалла, хотя полевые исследования недавно проводились также Р. Бленчем и другими специалистами (материалы пока что остаются неопубликованными); ср. также краткое описание именной морфологии лигури в статье [Mubarak 2006].

Еще два языка (или диалекта?) даджу в работе Телвалла лишь упоминаются, но не учитываются. Лексических данных по ним, опубликованных в «старых» источниках, недостаточно для того, чтобы включить их в наше лексикостатистическое исследование:

7) *Монго*: язык/диалект, близкородственный ньяла (в системе «Этнолог» они объединяются под общим названием «дар даджу»); ≈ 27,000 носителей (по оценке в [Tucker, Bryan 1956]) вокруг населенного пункта Монго в районе Вадай (Чад). Краткий словарный список опубликован Г. Юнграйтмайром [Jungraitmayr 1978];

8) *Бего*: родной язык для группы не более чем из 200 человек, проживающих в гористой местности к востоку от Кубе (восточ-

ный Дарфур). Скудные лексические данные известны только из сравнительных списков в [MacMichael 1920]. На сегодняшний день, возможно, уже вымер.

Общепризнанной для языков даджу является классификационная схема из двух ветвей: «большой» западнодаджу, в которую входят языки 1–4 и 7–8, и сравнительно небольшого «пучка» восточнотаджу, объединяющего языки 5 и 6. Соответствующая модель была введена еще А. Такером [Tucker, Bryan 1956: 59] и поддержана Р. Телваллом на основании лексикостатистических, фонетических и морфологических аргументов. Более сложным является вопрос о внутреннем членении западнодаджу ветви: из-за острой нехватки данных однозначное решение, скорее всего, должно быть отложено на будущее.

В плане внешних связей языки даджу в классификации Гринберга определяются как одна из ветвей «восточносуданской» семьи; этой же точки зрения безоговорочно придерживаются все основные специалисты по «нило-сахарской» проблематике (Л. Бендер, К. Эрет и др.). К. Рилби помещает даджу в южную ветвь восточносуданской семьи, вместе с сурмийскими, нилотскими, джебелскими и темейн языками; этой же точки зрения придерживается и Л. Бендер, включающий их в «Еп-ветвь» восточносуданской общности (= «южная» ветвь у Рилби). Тем не менее, на данном этапе, как и в случае с остальными восточносуданскими ветвями, мы будем рассматривать языки даджу в изоляции от их возможных родственников.

Что касается ареальных связей языков даджу, то этот вопрос практически не изучался; за исключением ряда очевидных арабизмов, естественных почти для всех языков Судана, заимствования в даджу из других источников в известных нам работах не отмечаются, даже несмотря на то, что языки даджу находятся в тесном окружении языковых групп не только «нилосахарской» макросемьи (нилотские, центральносуданские), но и «нигер-кордофанской» (собственно кордофанские языки, а также языки группы убанги).

3.8.2. *Историческая характеристика.* Единственный опыт сравнительно-исторического исследования языков даджу как автономной таксономической единицы — уже упомянутая диссертационная работа [Thelwall 1981]. В ней содержится не только подробный анализ фонологии и именной морфологии пяти языков даджу,

но и небольшое (примерно на 20 страниц) описание реконструированной фонологической системы прададжу, включая разбор регулярных соответствий, в том числе ряда нетривиальных.

Финальная система обще-даджу консонантизма, предлагаемая Телваллом, имеет следующий вид:

p	b	ɓ			m	w	
t	d	ɗ		s	n	r, l	R (?)
ɸ	ʒ	ʒ'			ɲ	y	
k	g			x	ɣ	ŋ	

Для большинства этих фонем автор постулирует тривиальные (одно-однозначные) соответствия. В типологическом плане обращает на себя внимание отсутствие фрикативизации **r* (сохраняется как взрывной во всех позициях, хотя очень редко встречается в нена начальном положении) и наличие отдельного «дефектного» ряда имплозивных согласных (отсутствует веларный член).

Нужно, тем не менее, заметить, что проекция тройной оппозиции «глухой : звонкий : имплозивный» на прададжу уровень вызывает некоторые сомнения. Дело в том, что в *начальной* позиции звонкие *b-, d-, ʒ-, g-* в языках даджу встречаются очень редко, а в основах, проецируемых на прададжу уровень — еще реже (в материалах Телвалла такие реконструкции исчисляются буквально единицами); есть основания предполагать, что многие из этих случаев можно объяснить вторичными озвончениями. В *срединной* позиции, напротив, бросается в глаза сравнительная редкость глухих согласных, за исключением опять-таки фонетических контекстов, где они могли ассимилироваться.

В этой связи очень вероятно, что систему Телвалла можно будет в будущем упростить до двух рядов: (а) «неимплозивный», фонетически реализуемый как глухой в начальной и конечной позициях и как звонкий в интервокальной позиции; (б) «имплозивный», реализуемый как таковой во всех позициях. Тем не менее, в наших реконструкциях мы будем пока что соблюдать нотацию Телвалла, т. е. ориентироваться на фонетическую, а не фонологическую реконструкцию, ввиду того, что окончательно проработать этот вопрос можно будет только с выходом в свет новых, более подробных и надежных данных по языкам даджу.

Звонкий фрикативный *ɣ восстанавливается на основании соответствия «зап.-даджу *r : вост.-даджу *x» (см. ниже 'ноготь', 'умирать' и мн. др.), иногда нарушаемого в составе консонантных сочетаний. Глухой коррелят *x Телвалл восстанавливает на базе соответствия «сил g : проч. зап.-даджу h : вост.-даджу x» (см. ниже 'убивать'). Отметим, что обе эти фонемы представлены исключительно в неначальной позиции; необычно смотрится в типологическом плане и очевидное частотное превосходство звонкого *ɣ над глухим *x — не исключено, что фонетическую интерпретацию второго из указанных соответствий следует пересмотреть (один из альтернативных вариантов — звонкий глайд *y, который в реконструкции Телвалла присутствует только в анлауте, т. е. его *y и *x, по сути, оказываются дополнительно распределены).

Символом *R Телвалл обозначает нерегулярное чередование рефлексов r и l, наблюдаемое примерно в пяти-шести основах (ср. 'быстрый': нья *korkor*, лаг *korkora*, но лиг *kalgagal*). Большинство этих основ, по-видимому, носит экспрессивный характер или относится к заимствованным лексическим слоям; маловероятно, что речь на самом деле идет об особой праязыковой фонеме.

Отдельный вопрос — перспективность реконструкции для прададжу отдельного шипящего спиранта *š. В качестве самостоятельной фонемы он встречается во всех западнодаджу языках, но отсутствует в восточнодаджу; при этом четких регулярных соответствий, которые позволили бы хотя бы на западнодаджу уровне разграничить *s и *š, не наблюдается. Р. Телвалл справедливо предполагает, что в отдельных случаях появление š в тех или иных языках может объясняться палатализирующим влиянием соседнего переднего гласного (ср. сил *tomose* 'слон' = нья, лаг *tomoše* id.). Однако, с одной стороны, такого рода палатализация имеет место далеко не всегда (ср. ниже 'собака'); с другой — есть целый ряд случаев, в которых к ней в принципе невозможно апеллировать (ср. сил *ustu* 'ударить (ножом)' = нья *uštu*, лаг *ušta* id.). Не исключено, что подробный анализ материала на предмет возможных контекстных распределений подтвердит гипотезу Телвалла, но для такого анализа жизненно необходимы дополнительные лексические материалы.

В области вокализма Телвалл реконструирует простую систему из пяти гласных (*i, *e, *a, *o, *u), без противопоставления по +/-ATR.

Часто отмечаемый в большинстве языков группы гласный *a* интерпретируется как позиционный аллофон **i*. Оппозиция по долготе/краткости определяется как нефонологическая (хотя на самом деле этот вопрос заслуживает дополнительного изучения). Тенденция прогрессивного уподобления гласного корня гласному суффикса в языках даджу отмечена (ниже будет разобрано несколько очевидных случаев), но, по нашей предварительной оценке, она выражена в этих языках намного слабее, чем во многих других группах исследуемого ареала (например, маба или тама).

Судя по замечаниям в [Tucker, Bryan 1966: 232], Р. Стивенсон предполагал для описываемого им языка шатт наличие трех тональных уровней. Однако П. Буальдьё, лично занимавшийся фонетикой сила и шатт, постулирует как для первого [Boyeldieu 2008: 57], так и для второго [Boyeldieu 2011] не более *двух* тональных уровней (высокого и низкого), что в целом лучше согласуется с утверждением Телвалла, согласно которому тональные противопоставления в даджу вообще отсутствуют, а просодию этих языков лучше описывать в терминах ударных и безударных слогов [Thelwall 1981: 10–11]. К сожалению, за исключением статей Буальдьё, снабженных очень скудным лексическим материалом, ни один другой источник по даджу не содержит конкретной информации по тональным или акцентуационным характеристикам даджу лексики — упущение тем более существенное, что эта информация наверняка помогла бы прояснить ряд важных вопросов, связанных со «спорадической» редукцией гласных первого или второго слога в отдельных языках (см. ниже 'пепел' и др.). Здесь остается только надеяться на успешные результаты дальнейших полевых исследований.

В морфологическом плане языки даджу характеризуются развитой системой суффиксации, в частности, большим разнообразием парадигматических моделей образования форм ед. и мн. ч., особенно в восточнодаджу подгруппе (в зап.-даджу многие старые аффиксы «окаменели», так что единственным продуктивным способом образования мн. ч. остается морфема *-ge*). Для ряда языков (в частности, штт) отмечается тройное противопоставление «немаркированное 'нейтральное' число : маркированное ед. ч. : маркированное мн. ч.», ср. штт *jix* : ед. ч. *jix-te* : мн. ч. *jix-ke* 'зуб' [Tucker, Bryan 1966: 235]. Для зап.-даджу группы такая пара-

дигматика вроде бы не свойственна, но есть все основания считать ее архаичной, т. к. система числовых показателей в языках даджу достаточно подвижна, и то, с какой легкостью имена меняют свои классифицирующие показатели в зависимости от конкретного языка, означает, что морфемная связь между корнем и суффиксом в прададжу скорее всего была еще относительно слабой.

Именная префиксация для языков даджу нехарактерна, хотя отдельные следы застывших префиксов могут проследиваться косвенным образом (см. ниже 'пепел' и др.).

Про глагольную морфологию даджу конкретных сведений очень мало, т. к. ее описание не является составной частью крупнейшего источника наших знаний об этих языках — диссертации Телвалла, в которой глагольные формы, как правило, приводятся из различных частей парадигмы без указания морфологических характеристик. Однако можно с уверенностью утверждать, что глагольная морфонология даджу не отличается особой сложностью: глагольный корень легко вычленяется из своего префиксально-суффиксального окружения и, при наличии должного количества рефлексов, легко проецируется на прададжу уровень.

3.8.3. *Лексикостатистика.* Лексикостатистические подсчеты по языкам даджу можно проводить только по материалам Р. Телвалла. Последний в своем диссертационном исследовании использует два метода: «предварительный» («preliminary»), при котором когнация проставляется исключительно по фонетическому сходству, и «усовершенствованный» («refined»), при котором во внимание принимается этимологическая обработка данных. Оба метода дают разные проценты совпадений, но практически тождественные классификационные схемы.

Анализ лексических данных Телвалла с учетом соображений этимологического характера, в том числе отдельных корректировок реконструкции Телвалла с последующим изменением индекса когнции, позволяет построить следующую матрицу:

Таблица 5. Лексикостатистическая матрица языков даджу (100-словные списки).

	Ньяла	Лагова	Ньялгулугуле	Шатт	Лигури
Сила	0.77	0.74	0.69	0.67	0.68

	Ньяла	Лагова	Ньялгулгуле	Шатт	Лигури
Ньяла		0.89	0.86	0.72	0.67
Лагова			0.92	0.74	0.71
Ньялгулгуле				0.72	0.66
Шатт					0.71

Следует сразу же подчеркнуть, что, поскольку списки базируются почти исключительно на опыте полевой работы одного человека, не подкрепленной текстовым корпусом, ко всем представленным здесь цифрам следует относиться с повышенной осторожностью¹. Сама по себе классификационная схема, в которую конвертируется итоговая матрица, ничем не отличается от результатов, полученных Телваллом. Она подтверждает деление языков даджу на две ветви (западную и восточную; от 66% до 74% совпадений), а внутри западной ветви — противопоставленность ньялгулгуле близкородственным сила, ньяла и лагова. Однако при этом вызывают озабоченность следующие наблюдения:

(а) существенно заниженный процент совпадений между сила даджу и другими языками зап.-даджу ветви — действительно, зафиксировано немалое число случаев, когда в сила обнаруживается в том или ином базисном значении совершенно иной корень, нежели во всех остальных языках даджу (в том числе и в рамках 50-словного списка: см. ниже такие этимоны, как 'кость', 'звезда'). Связано ли это с воздействием на сила даджу неизвестного субстрата (что вполне вероятно с чисто умозрительной точки зрения,

¹ Особо отметим, что «предварительный» и «усовершенствованный» списки, опубликованные в [Thelwall 1981], очень часто различаются в отношении записи материала, причем никаких объяснений этого факта в самой работе обнаружить не удалось. Чаще всего эти различия носят чисто фонетический характер (например, сид 'живот' в «предварительном» списке записано как *butu:re*, а в «усовершенствованном» — как *butu:re*), но встречаются и реальные лексические расхождения (например, сид *weyij* 'весь' в одном списке, но *sada* 'весь' в другом); по-видимому, конкретные списки составлялись в разное время по записям от разных носителей. Фонетические «дубликеты» такого рода в разбираемом ниже 50-словном списке приводятся через знак ~; что касается лексических дублетов, то они в наших подсчетах принимались за «технические» синонимы.

ввиду того, что именно сила мигрировали дальше всего на запад, полностью оторвавшись от других племен даджу), можно будет выяснить только после публикации новых данных, позволяющих проводить серьезные этимологические исследования;

(б) процент совпадений между штт и лиг, по нашим подсчетам, составляет 0.71 — что ниже даже среднего процента совпадений между штт и зап.-дэджу языками; по сути, выделение «вост.-дэджу» ветви на общем дереве в такой ситуации лежит в рамках статистической погрешности. При этом невозможно спорить с тем, что многочисленные как фонетические, так и морфологические изоглоссы, не говоря уже о таких сильных аргументах, как морфологическое оформление конкретных лексем и т. п., однозначно свидетельствуют в пользу исторической реальности вост.-дэджу таксона.

Очень вероятно, что и здесь лексикостатистика выдает искаженные результаты из-за неучета контактного фактора. Вост.-дэджу языки находятся в отношении тесного сосуществования с другими языковыми группами гор Нуба, в первую очередь — кронго-кадугли и кордофанской, но вопрос о контактах между этими языками пока что не поднимался ни в одной из известных нам работ; между тем даже беглый сопоставительный анализ базисной лексики показывает, что вопрос этот вполне имеет право на существование. Ср., например, такое очевидное сходство, как штт *timga:ru* 'облако': кронго *tì=màkà:ràŋ* id. ([Reh 1985a: 482]; сингулятив от мн. ч. *màkà:ràŋ* 'облака', однозначно определяющий направление заимствования из кронго в штт). Если дальнейшие исследования подтвердят, что именно штт подвергся активному влиянию соседних не-дэджу языков, в то время как лиг в большей степени сохранил исконно вост.-дэджу базисную лексику, это может привести к такой же корректировке матрицы, как в описанной выше ситуации с сурмийскими языками. Однако для этого, опять-таки, необходимо располагать гораздо более подробными лексическими данными по даджу, чем те, которые опубликованы в работе Телвалла и других источниках.

50-словный список для языков даджу.

1) «пепел»: сил *usugi-ɕe*, нья *usku-ɕe*, ед. ч. *usuge*, нгл *osku-ɕe*, лаг *usku-ɕe*, штт *usku-ɕ*, мн. ч. *usku-ziŋ*, лиг *kuku:s*. || Th.: **usukuɕe*.

Это слово трудно рассматривать в отрыве от этимона 'земля', для которого Р. Телвалл приводит следующие эквиваленты: сил *usu:ge*, нья *səkə*, лаг *səkke*, штт *zək*, лиг *səkk*. При этом для обоих значений налицо мелкие, но значимые расхождения с данными Г. Юнграйтмайра, который для 'пепла' приводит сил *tulun̄gi-ḡe*, мн. ч. *tulun̄gi-ge*, а для 'земли, пыли' — нья *əsəke*, но сил *arenne*, мн. ч. *ardinge*.

Удобнее всего было бы рассматривать обе основы как производные от одного и того же корня: 'земля' = **usuk-e*, 'пепел' = **usuk-i-ḡe*, где **-ḡe* — продуктивный суффикс сингулятива. Учитывая существенные различия в рефлексации вокализма (тенденция к усечению анлаутного гласного в 'земле' и выпадению срединного гласного в 'пепле'), этимологическая связь между ними возможна только при условии разноместного ударения в прададжу, т. е. **us'uke* 'земля', но **usuk'iḡe* 'пепел' — что в текущей ситуации недоказуемо из-за отсутствия эксплицитных данных по ударению в даджу. Тем не менее, в типологическом плане семантическая связь между значениями 'пепел' и 'земля', 'пыль' абсолютно естественна, и изложенную гипотезу можно удерживать как рабочую.

Отдельный вопрос — форма *kuku:s* в лиг. Вост.-даджу **usku-ḡ* (← прададжу **usuku-ḡe*) теоретически могло бы дать лиг **ukus* (других примеров на вост.-даджу **-sk-* нет), но начальный *k-* остается необъясненным. Следовательно, перед нами либо этимологически отдельный корень (маловероятно ввиду регулярного совпадения по крайней мере трех сегментов с близкородственной формой в штт), либо результат контаминации с какой-то другой основой (ненайденной), либо, что на данный момент представляется наиболее правдоподобной гипотезой, слияние с застывшим префиксом (множественного числа?) **k=*, т. е. след архаичной морфологической модели¹.

¹ Единственный «красивый» пример, намекающий на то, что в прададжу существительных еще могли сохраняться следы старой префиксальной числовой парадигмы — этимон 'грудь' (женская), сохраняющийся в западнодаджу языках с начальным **ɲ=* (сил, лаг *ɲidi-ḡe*, нгл *ɲidi*), в восточнодаджу языках — с начальным **k=* (штт *kidi*, лиг *kidi-ḡe*). Не исключено, однако, что окаменевшие префиксальные элементы **ɲ=* ~ **ɲ1=* и **k=* представлены и в некоторых других именных основах даджу (ср., в частности, ниже разбор этимона 'сердце'); эту возможность следует постоянно

2) «птица»: сил *awade*, мн. ч. *awad-inje*, нья *awade*, мн. ч. *awad-ige*, нгл *awade*, мн. ч. *awad-tage*, лаг *awade*, штт *awad*, мн. ч. *awij*, лиг *awj-i:s*, мн. ч. *awj*. || Th.: **awade*, мн. ч. **awad-ij* ~ **awad-u* ~ **awad-ta*.

Форма ед. ч. однозначно восстанавливается в виде **awade*; единственное фонетически необъяснимое исключение — лиг *awj-i:s*, скорее всего, новообразованный сингулятив (от формы мн. ч. *awj*). Сложнее обстоит дело с внутренней структурой формы **awade*. Если стандартной формой мн. ч. в прададжу действительно был вариант **awad-ij*, реконструируемый у Телвалла, то именно он должен стоять, с одной стороны, за сил *awad-inje* (← **awad-ij-ge*, с вторичным присоединением сверхпродуктивного суффикса мн. ч. -*ge*), с другой — за штт *aw-ij*. Однако беда в том, что *aw-ij* никоим образом не выводимо из **awad-ij*: интервокальный *-*d*- в вост.-даджу языках не выпадает, а предполагать редукцию типа **awad-ij* → **awd-ij* → *aw-ij* (с упрощением кластера) нереалистично ввиду отсутствия подтверждающих примеров: практически все структуры вида (C)VVCV в штт при присоединении суффикса мн. ч. остаются без изменений (ср. *tumos* 'слон' → *tumos-ij*, а не **tums-ij* и т. п.).

Ввиду этого обстоятельства следует скорее предполагать, что парадигма *awad* : *awij* в штт архаична и отражает исходную парадигму **awa-de* (с суффиксом ед. ч. *-*de*, «окаменевшим» в зап.-даджу ветви) : **aw-ij*. К суффиксу *-*de* дополнительно ср. такие примеры, как сил *men-de* 'муравей' = лиг ед. ч. *men*, мн. ч. *men-u*; возможно, также сил *o-de* 'место' = штт ед. ч. *ou*, мн. ч. *ou-tta id*. (Телвалл восстанавливает **aude*). Учитывая и общетипологическую маловероятность архаичности двусложного корня со структурой VVCV, прададжу реконструкцию следует записывать в виде **awa-de*, т. е. не игнорировать финальный согласный, но при этом четко понимать, что он скорее всего не являлся корневым.

3) «черный»: сил *zila*, нья *zil*, нгл *gil*, лаг *zilla*, штт *zul*, лиг *zu:l* ~ *zul*. || Th.: **zul*.

Реконструкция Телвалла труднодоказуема, но, исходя из типологических соображений, с ней можно согласиться. Вокалическое колебание *u* ~ *i* Телвалл разрешает в пользу исходного **u*

иметь в виду на этапе привлечения данных даджу к внешнему сравнению. Следы былой продуктивности модели $n= / k=$ активно сохраняются в ряде местоименных основ, ср. штт *n=aŋ* 'мой' : $k=aŋ$ 'мои', *anaŋ* 'этот' : *akaŋ* 'эти'.

из-за соседства с палатальной аффрикатой (в точно таком же виде это соответствие больше не встречается, но из похожих случаев ср. ниже 'ноготь'). Что касается начального согласного, то это – единственный пример на прададжу *ʒ- в начальной позиции, и корректность реконструкции здесь во многом зависит от точности данных, на которых она основана (все формы с имплозивной аффрикатой собраны лично Телваллом, хотя имплозивность в штт дополнительно подтверждена у Буальдье); неясно также, следует ли трактовать g- в нгл как результат деаффрикативизации или же, наоборот, это архаичный рефлекс (указывающий на велярный *g- вместо аффрикаты *ʒ-?). На данном этапе мы будем исходить из фонетической архаичности мажоритарного варианта с *ʒ-, который в дальнейшем может быть подтвержден или опровергнут данными внешнего сравнения.

4) «кровь»: сид *tamu-ke*, нья *tama-ke* ~ *tama:-ke*, нгл *tomo-če* ~ *tom-če*, лаг *tamə-ke* ~ *tama-ke*, штт *ta:mi-ɕ*, лиг *te:ma-k* ~ *te:mə-k*. || Th.: **tamuke*.

Реконструкцию Телвалла можно принять с незначительными модификациями: более вероятен вариант **tami-* (с парадигмой ед. ч. **tami-ɕe*, мн. ч. **tami-ke* и закреплением только одной из двух форм в живых диалектах), объясняющий вокализм в вост.-даджу языках; в празап.-даджу могло иметь место ассимилятивное развитее **tami-* → **tamu-*.

5) «кость»: (а) сид *korgomne*; (б) нья *ɲayu-ɕe*, мн. ч. *ɲayu-ge*, нгл *ɲew-iɕe*, лаг *ɲaiw-iɕe*, мн. ч. *ɲayu-ge*, штт *ɲa-ɕ* ~ *ɲai-ɕ*, мн. ч. *ɲai* ~ *ɲази*, лиг *ɲonɲ-is*. || Th.: **ɲai*, мн. ч. **ɲayu*.

Сид *korgomne* (*gorgomne* у Юнпрайтмайра) не имеет этимологии и явно вторично по сравнению с группой (б), исходя из соображений дистрибуции. Реконструкция Телвалла скорее всего верна: исходная форма корня — **ɲау*, с маркированным общедаджу сингулятивом **ɲау-ɕe* и мн. ч. **ɲау-и* (от последнего в зап.-даджу вторично образованы новые формы ед. ч. **ɲау-и-иɕe* → **ɲaiw-iɕe* и мн. ч. **ɲау-и-ge*). В нгл произошла дополнительная палатализация начальных сегментов корня; в лиг образован новый сингулятив (**ɲауи* + **-is* → **ɲауw-is* → **ɲаɲw-is* → *ɲonɲ-is*).

6) «ноготь»: сид *ɲiŋgi=ndiri-ɕe*, нья *ɲuri-ɕe*, мн. ч. *ɲuri-ke*, нгл *ɲur-te*, лаг *ɲuri-ɕe*, мн. ч. *ɲu:r-ke*, штт *ɲix*, мн. ч. *ɲix-kəŋgə*, лиг мн. ч. *a=ɲix-kaŋ*. || Th.: **ɲиуе* ~ **ɲиуи*.

Празап.-даджу **jiuru-* сохраняется во всех языках-потомках; сложная форма в сид — скорее всего стяжение из **asiŋge-ni-jiuru-*, букв. 'рук-ноготь' (см. ниже 'рука'; *ni* — обычная релятивно-посессивная морфема), в ходе которого носовые диссимилировались и стянулись в кластер *-nd-*, а начальный гласный редуцировался и выпал. Морфема 'рука', по-видимому, присутствует и в форме, наблюдаемой в лиг: *a=ɲux-kaŋ* ← **ad=ɲux-kaŋ* (см. ниже). Не вполне ясна редкая модель образования мн. ч. в вост.-даджу: формы мн. ч. на *-ŋgə* в этих языках (особенно в составе анатомических терминов) частотны, но никогда не предваряются веларным элементом (ср. штт *as-əŋge* 'руки', *zə-ŋge* 'головы' и т. п.). Возможно, речь идет о каком-то нетривиальном сандхи между конечным *-x-* корня и сложным грамматическим морфемным комплексом.

7) «умирать»: сид *n=irh-e* ~ *k=irs-i*, нья *ərs-a* ~ *k=rs-a*, нгл *k=ersi-ŋ*, даг *k=rs-a* ~ *aɸ=ərs-e*, штт *k=əxs-ə* ~ *əxs-iɕ*, лиг *əxs-e* ~ *k=əxs*. || Th.: **əɸ(s)-*.

Отсечение различных видовых и личных префиксов позволяет выделить общую для всех языков основу **əys-* (Телвалл не настаивает на реконструкции гласного **ə* как отдельной фонемы в прададжу, но в данном случае остается неясным, аллофоном какого конкретного гласного считать этот сегмент), в которой **-s-* скорее всего суффикс интранзитивности («квалитатив», согласно определению в [Tucker, Bryan 1966: 239]).

8) «собака»: сид *i:se*, мн. ч. *i:si-ge*, нья *i:s* ~ *i:se*, нгл *i:se*, даг *i:se*, штт *i:s*, мн. ч. *i:s-u*, лиг *i:s*, мн. ч. *i:s-ə*. || Th.: **i:se*, мн. ч. **i:su*.

Корень *i:s-*. Долгота гласного, очевидно, должна была присутствовать и на прауровне, но фонологичность ее неочевидна ввиду отсутствия минимальных пар (похоже, что удлинение гласного сопровождает почти все случаи интервокального *-s-*, ср. ниже 'огонь' и др.).

9) «пить»: сид *wur* ~ *wur-a*, нья *wur*, нгл *wur-iki*, даг *a=wur-i* ~ *wəɹ-i*, штт *u:x* ~ *a=wux-i*, лиг *u:x-i* ~ *a=wux-i*. || Th.: **wuy-*.

Вопросов к реконструкции нет. Начальный **w-* — самостоятельный согласный, а не «протеза» (см. 'пепел' на предмет реконструкции вокалического анлаута **u-*).

10) «сухой»: сид, нья *kama:s*, нгл *kamas*, даг *kamas* ~ *kəma:s*, штт *kama:sə*, лиг *kəma:səs*. || Th.: **ka=ma:s*.

Телвалл справедливо выделяет **ka=* как префиксальную морфему, т. к. лексема, по-видимому, производна от глагольного корня

*=*ma:s* 'быть сухим' или даже от сложной глагольной основы совершенного вида **ka=ma:s* 'высохнуть' (точно такой же вид имеет и ряд других адъективных основ, производных от глаголов, ср. штт *ka=bəs* 'полный' и др.).

11) «ухо»: (а) сил, нья *un-de*, мн. ч. *uŋ-ge*, нгл *win-te*, лаг *uni-te*, мн. ч. *uni-ŋge*, штт мн. ч. *uŋ-ge*, лиг *wine-t ~ une-te*, мн. ч. *u-ge*; (б) штт *sa:gən*. || Th.: **wini-te*, мн. ч. **wini-ge*.

Реконструкция Телвалла не вполне убедительна. На примере этимона 'пить' (см. выше) и целого ряда других корней видно, что прададжу **w* обладал фонологичностью даже в позиции перед губными гласными и в стандартных ситуациях сохранялся в большинстве зап.-даджу языков; ср. в частности, прададжу **wuɣ ~ *wuɣ-e* 'женщина' → сил, лаг *wure*, нья *wəre*, нгл *ire*, штт *ix*, лиг *ix*. В случае с 'ухом' очевидно, что ситуация иная: анлаутный губной глайд твердо зафиксирован только в нгл, в то время как во всех остальных зап.-даджу языках следов этой фонемы нет. Квази-минимальность пары 'женщина' / 'ухо' подтверждается и в данных Юнграйтмайра: 'женщина' = сил, нья *wure*, но 'ухо' = сил, нья *unde*.

Ввиду этого обстоятельства уместнее все же изменить реконструкцию Телвалла с **wini-* на **une-* (скорее всего = **une-* с сильным ударением на первом слоге, обеспечивающем редукцию второго гласного в конкретных языках). Исходный гласный второго слога сохраняется в лиг, а также влияет на переогласовку (дифтонгизацию) в нгл: **une-te* → **wine-te* → *win-te*. Противоречащих примеров пока что не обнаружено.

В штт старое слово для 'уха' сохранилось только в мн. ч., так что формально здесь следует постулировать замену; этимологическое происхождение замены *sa:gən* неизвестно.

12) «есть»: сил, нья, лаг, штт *si-a ~ a=si-e*, нгл *si-aca*, лиг *a=zə ~ a=si-ə*. || Th.: **si-*.

Реконструкция тривиальна и убедительна (спорадическое озвончение в интервокальной позиции для вост.-даджу языков характерно).

13) «яйцо»: (а) сил *wala-ɕe*, мн. ч. *wala-ge*, нья *ula-ɕe*, лаг *ola-gi-ɕe*, мн. ч. *ola-ge*, лиг *olo-dos*, мн. ч. *olo-da*; (б) нгл *pir kandine*; (в) штт *gil-di-ɕ*, мн. ч. *gil-u*. || Th.: **wala*.

Как и в случае с 'ухом', мы здесь скорее всего имеем дело не со стяжением, а, наоборот, с дифтонгизацией: вост.-даджу **ola-ɕe*, мн. ч.

**ola-ge* → сил *wala-* в ходе регрессивной ассимиляции. Обратное развитие маловероятно: вариант с анлаутным вокализмом имеет более широкую дистрибуцию (никаких следов **wa-* в вост.-даджу), а встречаемость слога *wa* и в начальной, и в срединной позиции в большинстве языков группы довольно высока. В лаг и в лиг наблюдается новообразование форм ед. ч. от, по-видимому, более употребительных форм мн. ч.

Штт *gil-* (форма ед. ч. *gil-di-ɕ* содержит по меньшей мере два суффикса, ср. ниже с аналогичной структурой *yaɣ-ti-ɕ* 'рог') никак не сводится к **ola-* и должно рассматриваться как замена. Аналогичная ситуация постулируется и для нгл композита *pir kandine*, строение которого неясно (нгл *pir* само по себе значит 'красный', но скорее всего это случайное совпадение). Сохранение старой основы **ola-* в лиг однозначно указывает на то, что именно она имела в прададжу базисное значение 'яйцо'.

14) «глаз»: сил *oŋ-oŋ-ze*, мн. ч. *oŋ-oŋ-zi-ge*, нья, лаг *oŋ-on-e*, мн. ч. *oŋ-oŋ-ze*, нгл *oŋ-n-e*, мн. ч. *oŋ-oŋ-ze*, штт *aup*, мн. ч. *ag*, лиг *aup* ~ *aup-e*, мн. ч. *age*. || Th.: **aŋine*, мн. ч. **aŋwe* ~ **aŋin*.

На празап.-даджу уровне парадигма реконструируется как ед. ч. **oŋone*, мн. ч. **oŋorze* (в сил старое мн. ч. приобрело функции ед. ч., а новое мн. ч. было образовано с помощью продуктивного суффикса *-ge*). В плане внутреннего устройства парадигма, по-видимому, аналогична таким случаям, как нья *ligi-de*, мн. ч. *ligi-t-ke* 'тень': в ед. ч. **-ne* — один из нескольких реконструируемых для прададжу именных суффиксов, а мн. ч. **oŋorze* ← **oŋor-ge* ← **oŋone-ge* с палатализацией носового и последующей палатализацией веларного. Можно думать, что **-ne* уже в прададжу было алломорфом **-de*, развившимся из-за ассимиляции с предшествующим носовым корня, т. е. **oŋo-de* → **oŋo-ne*. Похоже, что это правило работает в корнях с носовыми *ŋ* и *m* (ср. ниже 'нос'), но не *n* (ср. 'ухо', 'рука'), что логично, т. к. развитию **-nV-de* → **-nV-ne* препятствовала бы обратная тенденция к диссимиляции двух одинаковых носовых согласных.

Для вост.-даджу уместно предложить реконструкцию ед. ч. **aupne*, мн. ч. **age*. Эти формы выводимы из зап.-даджу прототипов, если допустить нетривиальное развитие кластера при редукции второго слога и (вслед за Телваллом) поправку, согласно которой исходным вокализмом корня был *a*, с ассимиляцией **aŋo-* → **oŋo-*

в зап.-даджу; т. е. имеется в виду, что в вост.-даджу ед. ч. **aŋo-ne* → **awo-ne* → **ai-ne*, мн. ч. **aŋo-ge* → **aw-ge* → **a-ge* (это не единственно возможный, но в целом непротиворечивый сценарий).

15) «огонь»: сил, нья, лаг *ma:se*, нгл *mase*, штт, лиг *ma:s*. || Th.: **ma:s*.

Реконструкция консонантизма тривиальна; в плане вокализма, вероятно, речь идет об изначально двусложной основе, а долгота гласного перед *-s- может быть и нефонологичной (см. 'сухой').

16) «нога»: сил, нья *ere*, мн. ч. *ere-ŋge*, нгл, лаг *er-ne*, мн. ч. *er-iŋze*, штт *exe*, лиг *ix* ~ *exə* ~ *ex-ne*, мн. ч. *ex-ge*. || Th.: **eŋe*, мн. ч. **eŋiŋ* ~ **eŋi*.

Прададжу парадигма скорее всего имела вид **eŋe-ne*, мн. ч. **eŋe-ge*, сохранившись лишь в фонетически, но не морфологически видоизмененной форме в лиг; в зап.-даджу группе были образованы новые формы мн. ч. по разным продуктивным моделям (в частности, лаг *er-iŋze* ← **ere-ne-ge*, полностью аналогично 'глазу').

17) «волосы»: (а) сил *aba-ke*, ед. ч. *abak-tiŋe*, нья *apa-ke*, ед. ч. *apa-ŋe*, лаг *abahke*, ед. ч. *abah-iŋe*, штт, *abax*, ед. ч. *abax-tiŋe*, лиг *abax*, ед. ч. *abax-tas*; (б) нгл *kese*. || Th.: **apa(ɣ)*, ед. ч. **apaɣ-tiŋe*.

Реконструкция Телвалла достоверна. В нгл основным эквивалентом значения 'hair' в списке Аренсона выступает инновативная форма *kese*, но старая форма *abar-ke* все же отмечена в значении 'перо'; для прочих языков даджу Телвалл отмечает полисемию 'волос(ы)' / 'перо'.

18) «рука»: сил *an-de*, мн. ч. *as-i-ŋge*, нья *an-de*, мн. ч. *an-du-ge*, нгл *an-de*, лаг *an-de*, мн. ч. *as-i-ŋz*, штт *an-d-*, мн. ч. *as-əŋge*, лиг *add-*, мн. ч. *aŋəx*. || Th.: **ande*, мн. ч. **asiŋ*.

Здесь, вслед за Телваллом, на прададжу уровне следует восстанавливать супплетивизм. Основа ед. ч. **ande*, общая для всех языков группы, разложима на корень **an-* + частотный именной суффикс *-de; в нья от нее образована новая форма мн. ч. *anduge* ← **an-de-ge*.

Формы мн. ч. сил, лаг и штт согласованно указывают на основу **asi-* и мн. ч. **asi-ŋge* (сил, штт) или **asi-ne-ge* → *asiŋze* (лаг). Неясным остается мн. ч. *aŋəx* в лиг; вообще ауслаут на -x в этом языке свойственен скорее существительным в ед. ч. (ср. *oso-x*, мн. ч. *oso-ŋ* 'лев' и др.). Если это новообразование от основы ед. ч. **an-*, непонятно, какая продуктивная модель за ним стоит (и почему носовой оказался палатализированным). Тем не менее, следует скорее отложить решение этого вопроса на неопределенное

время, чем постулировать здесь на прададжу уровне какой-то третий алломорф (или даже отдельный корень).

Супплетивизм **an-* (ед. ч.) : **as-* (мн. ч.) неразрешим на уровне прададжу; свести эти основы к единому прототипу или, наоборот, предложить для них разные этимологии можно только при выходе на внешний уровень сравнения.

Стоит отметить, что в даджу значения 'arm' и 'hand' в целом не разграничены друг от друга, как и в других языках рассматриваемого ареала, но в списках Телвалла при значении 'hand' можно обнаружить и дополнительные лексические эквиваленты, которые либо не имеют этимологии вообще (напр., сил *purte*), либо анализируются как недавно образованные композиты (напр., даг *nas-ande*, букв. 'шея руки'). Мы предпочитаем не рассматривать эти лексемы как базисные, по крайней мере до появления более подробных словарей по языкам даджу.

19) «голова»: сил *ise*, мн. ч. *is-ige*, нья *ase*, мн. ч. *s-ənge*, нгл *se*, даг *sa ~ sə*, штт *zu*, мн. ч. *zə-ŋg-*, лиг *za*, мн. ч. *z-ig*. || Th.: **ise*, мн. ч. **isij*.

Корень в данном этимоне однозначно восстанавливается в виде **is-*, причем высока вероятность того, что и в прададжу, и в языках-потомках он не несет ударения; только эта просодическая особенность может объяснять апокопу начального гласного в нгл, даг и вост.-даджу языках (равно как и озвончение **s* → *z* в штт и лиг, указывающее на то, что этот согласный когда-то находился в интервокальной позиции). В этом плане празап.-даджу **is-e* 'голова' оказывается членом своеобразной просодической минимальной пары с **is-e* 'собака' (см. выше).

Нет однозначности в реконструкции ауслатного вокализма; здесь в зап.-даджу сосуществуют частый вариант **is-e* и редкий **is-a* (в даг), а в вост.-даджу — **is-u* и **is-a*. Для определения исходного варианта требуется детальное изучение морфонологии даджу, но односложный корень **is-*, безусловно, можно выносить на уровень внешнего сравнения.

20) «слышать»: (а) сил *ɕiŋa*; (б) нья *ʃu-e ~ a=ʃu*, нгл *siw-e*, даг *ʃu-e ~ a=ʃu-e*; (в) штт *dəŋe ~ ndəŋ*; (г) лиг *zule*.

Прададжу этимон 'слышать' оказывается на удивление неустойчивым в языках-потомках. Наиболее широкую дистрибуцию, с явной претензией на празап.-даджу статус, имеет группа форм (б), сводимая к корню **siw-* (суффикс *-e* — скорее всего показатель

имперфектива, как описано в [Tucker, Bryan 1966: 240]) или, может быть, **šuw-*, если окажется, что реконструкция отдельного шипящего спيرانта в прададжу все-таки неизбежна (см. 3.12.2). Два языка вост.-даджу ветви имеют разные эквиваленты, не сводимые ни друг к другу, ни к **siw-* ~ **šuw-*; нехватка данных не позволяет предложить для них какую-либо этимологизацию.

На уровень внешнего сравнения в первую очередь выносятся **siw-* как наиболее «глубоко реконструируемый» этимон, но в принципе архаизмами могут быть и (в) **dəŋ* (или **duŋ?*), и (г) **zule*.

21) «сердце»: сил *koŋgos-e*, нья *koŋoks-e*, нл *koŋors-e*, лаг *koŋoks-e*, лиг *kəŋaxs*, штт *ombəgaxsə* ~ *px=ombəgaxsə-ge*, мн. ч. *eŋg=ətagax*. || Th.: **kiŋgoŋse*, мн. ч. **kiŋgoŋsiŋ*.

На празап.-даджу уровне реконструируется трехсложная основа **koŋoŋse*; Телвалл связывает наличие заднеязычных рефлексов в сил, нья и лаг с позицией **-ɣ-* в составе кластера **-ɣs-*, что скорее всего верно. Сложнее связать эту форму с лиг *kəŋaxs*, в первую очередь из-за несовпадения артикуляции срединного носового. Телвалл предлагает постулировать исходный вариант **kiŋgoŋs-*, с вокалической ассимиляцией в зап.-даджу (→ **koŋgoŋs-*) и консонантной — в вост.-даджу (→ лиг *kəŋaxs* с последующим изменением вокализма), но это очень сомнительное решение (ср. ниже штт *tiŋgəx-siɕ* 'вошь', где никакой ассимиляции не происходит).

Возможно, что реальным ключом к прояснению ситуации здесь должно стать сравнение с формами в штт. В этом языке слово 'сердце' сочетается со странной парой префиксов ед. и мн. ч., которая в материалах Телвалла встречается лишь дважды: в словах 'сердце' и 'брат' (нья ед. ч. *pər=bo-n*, мн. ч. *eŋ=bo* = лиг ед. ч. *rixo=bo*, мн. ч. *eg=bo* ← прададжу ед. ч. **pəɣ-bo*, мн. ч. **eŋ=bo*). Отделение этих (пока что не этимологизируемых) префиксов оставляет основу **=om(b)əgax*, которая, в случае редукции срединного гласного (вполне ожидаемой, учитывая трехсложную структуру основы), должна дать **=omgax* → **=oŋgax* или, если первоначальная огласовка основы была **=omiɡax*, вариант **=omi'gax* → **=oŋiax*, т. е. практически те самые фонетические цепочки, которые мы наблюдаем во всех остальных языках даджу.

Таким образом, единственный сегмент, затрудняющий сведение штт *ombəgaxse* и всех остальных форм к единой праформе — начальный *k-*. Однако выше (см. 'пепел') уже говорилось, что в

некоторых случаях позволительно выделять в даджу застывший префикс мн. ч. $k=$; в данной ситуации также не исключено, что такие формы, как сил *konɣose* и пр., на самом деле ← $*k=onɣose$ (изначально с множественным или собирательным значением). Более «сильным» предложением было бы реконструировать только ед. ч. $*rəy=omigaɣ-se$ и постулировать для зап.-даджу и лиг развитие $*rəy= \rightarrow *pɣ= \rightarrow *k=$, но для этого уже нужны дополнительные примеры, подтверждающие вероятность такого развития. Наоборот, не исключено, что сложная префиксация в штт, следы которой не отмечены более нигде — локальная инновация.

Трехсложная основа $*=omigaɣ-$, в составе которой не выделяются ни префиксы, ни суффиксы, в историческом плане скорее всего составная, хотя имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют объяснить ее на основе простых даджу основ. Однако, если это действительно композит, его архаичность и тем более перспективность в плане внешнего сравнения оказываются под сильным вопросом.

22) «рог»: сил, нья *ya-ɕe*, мн. ч. *ya-ŋge*, нгл мн. ч. *ya-çi-ŋge*, даг *ya-ɕe*, мн. ч. *ya-ɣziɣe*, штт *yaɣ-tiɕ*, мн. ч. *yaɣ-tiɣi*, лиг *yaɣ-te*, мн. ч. *yak-ke*. || Th.: $*ya-$.

Вост.-даджу формы показывают, что на прададжу уровне эта основа не могла иметь структуру CV: штт *yaɣtiɕ* ← $*yaɣ-ti-ɕe$, в то время как зап.-даджу формы скорее восходят к более простому морфологическому варианту $*yaɣ-ɕe$, с выпадением фрикативного $-x-$ перед суффиксом. Затруднение Телвалла вызвано тем, что $*ɣ$, $*x$ в зап.-даджу обычно не выпадают, но, судя по опубликованным данным, других явных примеров на даджу $*-xɕ-$ просто нет (в отличие от $*-ɣɕ-$ → зап.-даджу $*-rɕ-$), так что предположительно можно изменить реконструкцию с $*ya-$ на $*yaɣ-$.

23) «я»: сил *anaŋga*, нья *aga*, нгл *aŋ ~ aŋgi*, даг, лиг *aga ~ agə*, штт *ag*. || Th.: $*ag$.

Главной морфемой 1-го л. ед. ч. во всех языках даджу оказывается $*a$. В чистом виде она встречается только как глагольный показатель субъекта, ср. штт *a=wiɣ-i* 'я пью' и т. п. Что касается личного местоимения 'я', то оно представлено несколькими фонетически сходными, но трудновосводимыми к единому инварианту формами: $*a-ɕa \sim *a-ŋ \sim *a-naŋ$. Опираясь на вариацию в штт, зафиксированную у Стивенсона: *agö ~ agö-naŋ*, можно предположить,

что исходная форма — **a-ga*, но уже на прададжу уровне она могла расширяться за счет дополнительной эмфатической морфемы: **a-ga-naŋ*, далее со стяжением → **ag-naŋ* → *a-naŋ* или просто *aŋ*.

Посессивная основа 'мой' зафиксирована в штт и нгл в виде *aŋ*; это, скорее всего, результат развития из **aga-na* → **agŋa* → **aŋa*, где **-na* — старый маркер посессивности (возможно, этимологически тождествен посессивной частице *ni* в зап.-даджу языках).

24) «убивать»: сил *baga*, нья *a=pa ~ paŋa*, нгл *paŋa*, даг *a=bahe*, штт *paŋa*, лиг *a=baŋa*. || Th.: **rax-*.

Колебание *p ~ b* связано, по-видимому, с озвончением исконого **p* в интервокальной позиции (в частности, после личного показателя 1-го л. а=) и, в отдельных случаях, с последующим аналогическим выравниванием парадигмы (только так можно объяснить сил *baga*). В остальном реконструкция Телвалла однозначна.

25) «лист»: (а) сил *wuršelni*; (б) нья *unde-ette*, даг *uni-t-ette*, штт *wun-g-et ~ wun-g-ett*, лиг *un-et ~ un-ete*; (в) нгл *elepče*. || Th.: **wunute-ewete*, мн. ч. **wuninje-ewege*.

Формы (а) и (в) не имеют этимологии, но, судя по широкой дистрибуции группы форм (б) и в зап.-, и в вост.-даджу языках, должны в любом случае считаться инновациями. Что касается (б), то наблюдаемый композит уверенно (и предсказуемо) анализируется как 'ухо дерева'; внутреннее морфологическое оформление композита может различаться от языка к языку (в частности, в одних языках между именными корнями появляется вставной «детерминатив» *-t-*, в других его нет), но это означает лишь то, что внутренняя структура слова во всех языках-потомках остается прозрачной и, таким образом, конструкция может модифицироваться вместе с общими модификациями грамматической системы. Для прададжу уровня можно предполагать лексическое неразличение значений 'ухо' и 'лист' (с добавлением факультативного «модификатора» 'дерево' в случае необходимости).

26) «вошь»: сил *tungur-če*, мн. ч. *tungur-ge*, нья *təŋgər-če*, мн. ч. *təŋgər-ke*, нгл *tiŋgir-iče*, даг *təŋgar-iče*, штт *tiŋgəx-siče*, мн. ч. *tiŋgəx*, лиг *tagge*. || Th.: мн. ч. **tiŋgay*, ед. ч. **tiŋgay-iče*.

Однозначно восстановить вокализм в этой основе не удается: вариант Телвалла, по сути, является компромиссным, но все равно не объясняет, например, «сквозной» огласовки *и* в сил *tungur-če*.

В плане консонантизма и парадигматической характеристики реконструкция Телвалла, тем не менее, безальтернативна.

27) «мясо»: сил *iye*, нья *i:ye ~ iye*, нгл *ya*, штт *liɣ* *iya ~ iya*. || Th.: **iye*.

Судя по редукции в нгл (в штт у Телвалла также зафиксирован вариант *yuɣ*, хотя неизвестно, насколько это корректно), ударение в прададжу могло быть на втором слоге (**iye*). Причины развития **e* → *a* в ряде языков остаются неясными (возможно, диссимиляция после **y*).

28) «луна»: сил *ersemi*, нья *emšere*, нгл *isimere*, даг *ışmere*, штт *asmix*, мн. ч. *asmi-ɟi*, лиг *emsex*, мн. ч. *emse-ɟi*. || Th.: **isimeye*.

Очевидно, что мы имеем здесь дело с многосложной основой, подвергнувшейся разнообразным «мутациям» в языках-потомках из-за тенденций к ассимиляции и редукции. Реконструкция Телвалла правдоподобна, но не объясняет вокализм в штт *asmix*; возможно, ближе к истине был бы вариант **asimeye*, с ранней ассимиляцией → **isimeye* в зап.-даджу ветви. Из всех языков только нгл сохраняет исходную структуру основы; в остальных диалектах редукция и выпадение второго гласного привели к образованию «неудобного» кластера *-sm-* и, как следствие, к различным метатезам (чаще всего **-sm-* → *-ms-*, но в сил этот процесс затронул еще и третий согласный основы).

Данные по вост.-даджу языкам позволяют реконструировать парадигму в виде ед. ч. **as(i)me-x*, мн. ч. **as(i)me-ɟi*. Поскольку в вост.-даджу не отмечено тенденции к выпадению **-x-* в интервокальной позиции (ср. выше штт *eɣe* 'нога' и мн. др.), такая парадигма, на наш взгляд, свидетельствует в пользу суффиксального характера **-x(e)* ← прададжу **-ye*, так что финальную реконструкцию следует записывать в виде **asime-ye*. Это позволяет сократить первичную структуру корня с четырех- до трехсложной, но все равно не снимает подозрения в том, что мы имеем здесь дело либо с основой, производной от какого-то глагольного корня (или даже со словосложением), либо с иноязычным заимствованием; впрочем, подкрепить это подозрение весомыми аргументами пока не удастся.

29) «рот»: сил *ike*, мн. ч. *ugu-ɕiŋge*, нья *akke*, нгл *ike*, даг *ikke*, штт *ik*, мн. ч. *ik-əŋg-*, лиг *akk-aŋ*, мн. ч. *akku-*. || Th.: **ikke*, мн. ч. **ikku*.

Не вполне ясно, носит ли геминация, отмеченная для этого этимона в нья, даг и лиг, фонологический характер, или это «побочный эффект», вызванный структурой основы *VkV* и, возможно, его просодическими характеристиками. Более существенным представляется вопрос реконструкции вокализма, т. к. вариант **ikke* у Телвалла никак не объясняет рефлекс с *и*- в сил (варианты с *ə*- в нья и др. языках недиагностичны, поскольку *ə*- здесь может быть редуцированным вариантом как **и*, так и **i*). Возможно, имеется в виду, что мн. ч. **ikku* → сил *ugi* с ассимиляцией, после чего парадигма подверглась выравниванию по форме мн. ч.; но, учитывая, что для 'рта' форма ед. ч. статистически частотнее формы мн. ч., в этой ситуации ожидалось бы скорее обратное направление аналогии.

Представляется, что наблюдаемое разнообразие рефлексов удобнее объяснять, исходя из первичного варианта **ik'e* — с сильным ударением на втором слоге, влекущим за собой редукцию первого, иногда «нейтральную» (→ *ə*-), иногда с регрессивной ассимиляцией (→ **ik'e*). Судя по данным Юнграйтмайра, в отдельных диалектах ассимиляция могла происходить не по ряду, а по подъему, ср. в его записях такие формы, как сила *oke*, монго *o:ke* [Jungraithmayr 1978: 150].

30) «имя»: сил *ange*, мн. ч. *anjg-ige*, нья *ange*, мн. ч. *anjg-uge*, нгл *ange*, даг *ange*, штг *agge*, мн. ч. *agg-əsa*, лиг *agge*. || Th.: **ange*, мн. ч. **angu*.

Реконструкция Телвалла удовлетворительна. К возможности развития прададжу **-ɲg-* → вост.-даджу *-gg-* см. выше 'вошь' (хотя в соответствующем примере переход в *-gg-* имеет место только в лиг, но не в штг).

31) «новый»: нья *ta:zɛŋa*, нгл *taʒa*, даг *ta:ziŋa*. || Th.: зап.-даджу **taʒ-*.

Сведений о том, как выражается значение 'новый' в прочих языках даджу, у нас нет; отсутствие соответствующей информации у Телвалла скорее всего означает, что в этих языках исконный этимон заменен на заимствования (как уже можно было убедиться по ситуации с другими «нило-сахарскими» группами, слово 'новый' в сахарско-суданском ареале действительно нестабильно и часто заимствуется, например, из арабского). Реконструкция корневой морфемы в зап.-даджу однозначна.

32) «ночь»: (а) сил *wide*, нья *ode-zil*; (б) нгл *woŋ-de*, даг *woŋe*, штг *oŋut*, лиг *woŋ*, мн. ч. *woŋ-dək*. || Th.: **woŋe*.

Реконструкция Телвалла охватывает все формы группы (б), хотя парадигматические характеристики лексемы на прададжу уровне остаются неясными (возможный вариант — «нейтральная» форма **woŋe* с сингулятивом **woŋe-de*). Однако, несмотря на фонетическое сходство, она никак не может распространяться на формы группы (а), поскольку в них отсутствует носовой согласный; примеров, подтверждающих регулярность такого упрощения, как, например, **-ŋd- → *-d-*, для зап.-дэджу языков не обнаружено (в лучшем случае ожидалась бы ассимиляция *→ *-nd-*).

Сложная форма *ode-zil* в нья довольно легко раскладывается на *ode* 'место' + *zil* 'черный' (см. выше). Осложняет ситуацию тот факт, что то же самое слово 'место' в сид также имеет вид *ode*, в то время как 'ночь' = сид *wide*, не говоря уже о том, что, если композитная основа в нья особых вопросов не вызывает, то для сид придется предполагать полисемию 'место / (время?) / ночь', что в целом беспрецедентно. Если считать, что сид *wide* ← **ode* (ср. выше аналогичную дифтонгизацию в этимоне 'яйцо'), то *ode* 'ночь' и *ode* 'место' в ранне-сила должны были по меньшей мере обладать различными просодическими характеристиками, а это, в свою очередь, наводит на мысль о том, что перед нами все же (сегментные) омонимы, а не разные значения одного и того же слова.

В итоге имеем: (а) прададжу основу **woŋ-*, единственное известное значение которой — 'ночь'; (б) празап.-дэджу основу **ode* (возможно, но совершенно не обязательно ← **o-de*), для которой более вероятно исходное значение '(позднее) время суток' (ввиду того, что значение 'ночь' в нья образуется из его сочетания со значением 'черный'). Таким образом, как на основании общей дистрибуции по языкам-потомкам, так и на основании внутреннего анализа более редких форм оказывается, что на уровень внешнего сравнения в первую очередь выводится корень **woŋ-*.

33) «нос»: сид *то-не* ~ *то:-не*, мн. ч. *то-ŋ-ŋŋe*, нья *то-не* ~ *то:-не*, нгд *ти-не*, лаг *ти-п-*, мн. ч. *ти-ŋəŋə*, штт *ти:-п*, мн. ч. *ти:-п-іп*, лиг *ти:-п-əŋ*, мн. ч. *ти-tku*. || Th.: **ти-не*.

Реконструкция Телвалла с отделением компонента **-не* как именного суффикса полностью оправдана ввиду его отсутствия в подавляющем большинстве форм мн. ч. В сид и нья налицо ассимиляция по подъему: **ти-не → то-не*. Сама форма **ти-не* уже на прададжу уровне могла быть ассимилирована из формы **ти-de*

(см. дискуссию о возможном алломорфизме между **-de* и **-ne* при этимоне 'глаз').

34) «не»: (а) сил *wala*; (б) (?) нья *-ba*, нгл *-ba*; (в) (?) штт *-η*, лиг *ηɔ*.

Данные по показателям отрицания в языках даджу, ввиду отсутствия систематических и подробных грамматик, крайне скудны и противоречивы. В сил, судя по данным Стивенсона, подкрепленным свидетельством в [Boyeldieu 2008], основным негативным маркером является *wala*, заимствованное из арабского: *ʕo:ke gariŋge wala wura-aha* 'дети не пьют пива' [Tucker, Bryan 1966: 241], *àràná wàlá tàwàlò:yá* 'яма не глубокая' [Boyeldieu 2008: 59]; другие отрицательные морфемы неизвестны.

Для нгл в [Santandrea 1948] основной показатель отрицания определяется как прилагательная энклитика *-ba*; этому противоречит *wan̄ga* 'но' в словарном списке Дж. Аренсона, но без конкретных примеров употребления нет уверенности в том, что Аренсон подразумевает именно стандартное отрицание, а не, скажем, местопредикатив 'нет' (или прохибитив 'не (делай чего-л.)!'). С другой стороны, нгл *-ba* хорошо согласуется с примерами из [MacMichael 1920], взятыми из ньяла и бего: ср. ньяла *akown min Fasherei* 'я пришел из Фашера' — *akown-ba min Fasherei* 'я не пришел из Фашера'; бего *ado:ho-ba* 'я не пойду'.

По вост.-даджу языкам известна только горстка примеров из полевых записей Стивенсона, воспроизведенных в [Tucker, Bryan 1966: 241]: штт *engöbibu wix-i bix sihoŋ* 'дети не пьют пива', лиг *ɕala wix-i bix ηɔ* id. Морфологическая структура формы *sihoŋ* непонятна, но можно предположить, что основным негативным маркером в правост.-даджу был клитический элемент **-η(V)*, общий для штт и лиг.

Таким образом, по текущим данным вырисовывается картина, в которой зап.-даджу **-ba* 'не' противопоставлено вост.-даджу **-η(V)*, без возможности определить первичность того или иного варианта или семантическое распределение между ними в прададжу; к внешнему сравнению можно на равных основаниях привлекать обе морфемы. Можно надеяться, что публикация нормальных грамматик по языкам даджу в будущем позволит уточнить наблюдаемый расклад.

35) «один»: (а) сил *uŋin*; (б) нья, лаг *nowane*, нгл *nwana*, штт *nixi*, лиг *nohorok*. || Th.: **no-*.

Из всего числового ряда в даджу числительное '1' с наибольшим трудом поддается реконструкции. Все формы группы (б) объединяет общий инвариант — начальный слог *по-* (штт *пи-хи*, вероятно ← **по-хи*), который Телвалл и предлагает в качестве прформы, но ни зап.-даджу **-ане* ~ **-ана*, ни вост.-даджу **-хи* (а в лиг еще и **-хи-ro-*) не выделяются как продуктивные словообразовательные морфемы. Это заставляет усомниться в исконном родстве данных форм, но мы все же предпочитаем рассматривать их как потенциально родственные ввиду общей нетривиальности числового ряда в даджу, где практически все числительные от 1 до 6 имеют структуру (C)VCVC, причем последний согласный не выделяется как продуктивный суффикс (см. ниже 'два').

Тем не менее, совершенно отдельно следует рассматривать сил *иңип*: эта форма фонетически сходна с формами группы (б), но не соответствует им ни с точки зрения структуры основы, ни в плане артикуляции носового согласного (развитие **n* → *ŋ* без ассимилятивных тенденций беспрецедентно). Несмотря на то, что отдельной этимологии для сил *иңип* предложить не удастся, эту форму следует считать лексическим замещением (инновацией с точки зрения дистрибуции).

36) «дождь»: сил *korre*, мн. ч. *kor-iŋge*, нья *kore*, нгл *лаг* *korne*, штт, лиг *koxa*. || Th.: **koʝa*, мн. ч. **koʝiŋ*.

Корень однозначно восстанавливается в виде **koʝ-*, но морфологическое оформление парадигмы в зап.- и вост.-даджу различается: зап. **koʝa* противопоставлено вост. **koʝ-e* или **koʝ-ne* (скорее всего **koʝ-ne* → **koʝe* → *kor(r)e* в сил и нья, ср. аналогичное соответствие в слове 'нога').

37) «дым»: сил *luk-tiʃe* ~ *lug-tiʃe*, нья *lægge*, нгл *lege*, лаг *læge*, штт, лиг *læk*, мн. ч. *lægg-iŋ*. || Th.: **læge*.

Возможная реконструкция основы ед. ч. — **lug'e*, с сильным ударением на суффиксе, ввиду тенденции к редукции **i* → *ə* (ср. похожие, хотя и не полностью аналогичные соответствия для **uk'e* 'рот'). Любопытно, что в сил основа расширилась за счет даже не одного, а двух суффиксальных компонентов (**luge-ti-ʃe* → *luktʃe*; морфемный комплекс тот же, что и в штт *abax-tiʃ* 'перо', *yax-tiʃ* 'рог' и т. п.).

38) «звезда»: (а) сил *paḍaṭwa* ~ *paḍaṭwe*, мн. ч. *paḍai-ge*; (б) нья *je-ḡe*, мн. ч. *je-ge*, нгл мн. ч. *jeṇ-ge*, лаг *jiṇ-iḡe*, мн. ч. *jiṇ-ge*, штт *niṇwes-iḡ*, мн. ч. *niṇwe-ḡ*; (в) лиг *azax-tas*, мн. ч. *a:zar*. || Th.: мн. ч. **niṇ*.

В зап.-даджу подгруппе самую широкую дистрибуцию имеет корень **jeṇ-*, наглядно вычленимый в нгл, в лаг (с вокалической ассимиляцией **jeṇ-i-ḡe* → *jiṇiḡe*) и в нья (по-видимому, с редукцией срединного гласного и последующим упрощением кластера: **jeṇ-i-ḡe* → **jeṇ-ḡe* → *jeḡe*). Совершенно иная основа представлена в сил и нескольких близких к нему говорах (ср. набор форм у Юнграйтмайра: сила ед. ч. *fadaṭwe*, мн. ч. *fadaṭw-ge*, кас *fadeṭwe*, монго ед. ч. *baduṭwe*, мн. ч. *badiṭw-iṇge*). Внутренняя этимология этого слова неизвестна, на очевидное заимствование из соседних языков (чадских, сахарских и т. п.) она также не похожа, но дистрибуция ее как внутри зап.-даджу (только «пучок», состоящий из различных говоров, близких к сила), так и внутри общедаджу (отсутствие параллелей в штт и лиг) показывают, что к внешнему сравнению в значении 'звезда' ее привлекать рискованно. Любопытно, что в списках [MacMichael 1920] значение 'звезда' для сила вообще передается арабским заимствованием (*negimeṭ*), хотя, конечно, точность этих списков сомнительна.

Зап.-даджу **jeṇ-* фонетически сходно с штт *niṇwes-iḡ* (членение основано на наличии «нейтральной» формы *niṇwes*); в записи П. Буальдье, по-видимому, отражающей менее размытое произношение, чем у информантов Телвалла, это же слово записано как нейтр. *ɲèrétès*, ед. ч. *ɲèrétès-iḡ*. Легко предположить, что *ɲèrètes* ← **jeṇe-mes* с ассимиляцией второго носового; осложнение заключается лишь в том, что ни продуктивного, ни потенциально застывшего суффикса *-mes* в штт не обнаружено, так что скорее всего перед нами какой-то уникальный случай словосложения (возможно, *-tès* = штт *tès* 'penis'? при условии, что исходная семантика этого слова — 'острие, колючка', т. е. значения, из которых типологически выводимы и 'звезда', и 'penis').

Без очевидного объяснения остается также лиг *azax-tas*, хотя бросается в глаза фонетическое сходство этой формы с соответствующим корнем в ряде соседних с лиг кордофанских языков, ср. нгиле *s=ḏ:ḏo*, точно *ḡ=ḏḏk*, денгебу *c=ḏ:ḏo* и др. [Schadeberg 1981: II, 39].

39) «камень»: (а) сил *ɲaɲ-ʒe*, мн. ч. *ɲaɲ-ge*, нья *ɲaɲ-ʒe*, мн. ч. *ɲaɲ-ʒige*, нгл *naɲ-ʃe*, даг *ɲaɲ-ʒe*, штт *ɲa-ʃe*, мн. ч. *ɲaɲ-и*; (б) лиг *la:mi-s*, мн. ч. *la:mi*; (в) даг *ʃabr-e*, мн. ч. *ʃabr-tage*, штт *ʃabr*, мн. ч. *ʃabr-ta*. || Th.: **ɲa-*.

Наиболее репрезентативный и, по-видимому, архаичный корень со значением 'камень' (он же, судя по данным Телвалла, = 'гора') явно должен реконструироваться в виде **ɲaɲ-*, а не **ɲa-*, т. к. появление второго носового в составе форм ед. и мн. ч. в большинстве языков трудно объяснить морфологическими причинами. Гораздо проще предположить для штт стяжение **ɲaɲ-ʃe* → **ɲa-ʃe* (противоречащих примеров нет). Стоит отметить также формы из старого источника [MacMichael 1920]: сила, ньяла *naŋgei*, бего *naɲ-ʃei*, в которых велярный носовой оказывается в позиции второго, а не первого согласного корня. Не исключено, что они более архаичны и отражают исходный «нейтральный» вариант основы **naɲe*, сосуществовавший с маркированным сингулятивом **naɲe-ʃe* (в котором после редукции срединного гласного произошла метатеза: **naɲ-ʃe* → **ɲaɲ-ʃe* → **ɲaɲ-ʃe*), но, поскольку материал МакМайкла не находит подтверждения в более надежных источниках, мы все же будем придерживаться варианта **ɲaɲ-*.

Замещения в лиг и даг пока что остаются без этимологии. Отметим, что даг *ʃabr-e* 'камень', судя по данным Телвалла, имеет прямое соответствие в штт *ʃabr* и, таким образом, также может претендовать на общедаджу статус. Однако в примерах П. Буальдье единственным эквивалентом значения 'камень' в штт все же оказывается *ɲaʃ* (*ɲàʃ* в записи автора); возможно, что общедаджу **ʃabr-* имело более узкое значение (например, 'скала', 'холм' или какой-то конкретный вид камня).

40) «солнце»: сил *roŋe*, нья *oroŋe*, нгл *roŋe*, даг *roŋe* ~ *ro:ŋe*, штт *xoŋ*, лиг *oxgoŋoŋ*. || Th.: **ʋoŋe*.

Реконструкция Телвалла подозрительна уже хотя бы потому, что во всех его материалах не встречено больше ни одного корня с начальным велярным спирантом **ʋ-* или **χ-*. Нья *oroŋe* наводит на мысль о возможной апокопе начального гласного; эта идея отчасти подтверждается и более старыми записями по вост.-даджу языкам у МакДиармидов, где для штт и лиг дается форма *ixōŋ*. Исходя из этой совокупности аргументов, уместно изменить реконструкцию на **ɲoŋe*, скорее всего с ударением на втором слоге (**ɲo'ŋe*), вызвавшем редукцию в большинстве современных языков.

Отдельный вопрос вызывает странная форма *oxgohon* в лиг (подтверждаемая полевыми записями Р. Бленча). Сравнение с лиг *ixōŋ* у МакДиармидов показывает, что вариант *oxgohon* скорее всего инновативен, но механизм трансформации исходной основы неясен. Больше всего новый вариант напоминает продукт полной редупликации (**ixohŋ-ixohŋ* → **oxŋ-oxohŋ* → *oxgohon*), но редупликация как средство именного словообразования для языков даджу вроде бы нехарактерна. Возможно, здесь все же имеет место словосложение с каким-то вторым неясным компонентом, который можно будет опознать при наличии подробного словаря.

41) «хвост»: сил *i:be* ~ *ibe*, мн. ч. *ibi-giŋge*, нья *i:be*, мн. ч. *ibu-ge*, нгл *ibe*, лаг *i:be* ~ *ibe*, мн. ч. *ibi-tage*, штт *i:b*, мн. ч. *i:b-tiŋ*, лиг *i:be*, мн. ч. *ib-tigge*. || Th.: **i:be*, мн. ч. **i:bu* ~ **i:b-ta*.

Корень однозначно восстанавливается в виде **i:b-* (долгота может быть и нефонологичной, как в других случаях); морфологическая парадигма не вполне понятна, но суффиксальное «наращение» **-tV-*, судя по его дистрибуции в языках-потомках, должно было сопровождать форму мн. ч. уже на прададжу уровне.

42) «ты»: сил *iniŋ* ~ *iniŋga*, нья *igi*, нгл, лаг *iŋgi*, штт *gi(niŋ)*, лиг *kiŋaŋ*. || Th.: **gi*.

Реконструкция Телваллом местоименной оппозиции 1-го и 2-го л. в виде **ag* 'я' / **gi* 'ты' основана на данных штт, где *ag* 'я' противопоставлено *gi* 'ты'. По-видимому, он подразумевает, что в зап.-даджу языках прададжу **gi* должно было преобразоваться в **igi* (и т. п.) по аналогии с **aga* в 1-м лице. Однако этот сценарий представляется чрезвычайно натянутым, а несимметричность реконструированной системы — неоправданной. Следует обратить внимание на то, что в вост.-даджу языках местоимение 2-го л. обнаруживает гораздо более тесную связь с (эмфатической?) частицей *-naŋ*, чем местоимение 1-го л.: так, в лиг 'я' будет *agə* (*agö* у Стивенсона), 'ты' — только *ki-naŋ* (и у Телвалла, и у Стивенсона). Таким образом, если «базисную» (частотную) парадигму для правост.-даджу восстанавливать в виде **a-ga* 'я' : **i-gi-naŋ* 'ты', это позволяет объяснить дальнейшее развитие **i-gi-naŋ* → *gi-naŋ* ~ *ki-naŋ* как результат элементарной редукции трехсложной формы.

Из этой же сложной основы **i-gi-naŋ* объясняются (через довольно естественные для такой ситуации ассимиляции, редукции и стяжения) варианты, зафиксированные в зап.-даджу языках;

впрочем, нья, как и в случае 1-го лица, сохраняет старый «простой» вариант **i-gi*.

В самой основе **i-gi* вторая морфема, по всей видимости, та же самая, что и в **a-ga*, но измененная в результате прогрессивной ассимиляции. «Чистая» морфема 2-го л. **i* видна в субъектном глагольном показателе **i* (по данным Стивенсона, сохраняется в сил, но редуцируется до нулевого состояния в штт [Tucker, Bryan 1966: 237]).

43) «язык»: (а) сил *nirbe*, мн. ч. *nirbi-ɕiŋge*, нья *nabre*, нгл *nabire*, лаг *nabre*, мн. ч. *nabər-tage*, штт *nibur* ~ *nibure*, мн. ч. *nibur-ɪɲ* ~ *nibur-ti*; (б) лиг *labbəx*. || Th.: **nabire*, мн. ч. **nabirta*.

Реконструкция Телвалла полностью совпадает с рефлексацией в нгл, но из этой формы вполне удовлетворительно объясняется подавляющее большинство остальных рефлексов. В частности, вокализм первого слога в сил *nirbe* более убедительно выводится из исходно трехсложного **nabire*, чем из исходно двусложного **nabre*. Консонантная метатеза **-bi-r-* → *-rb-* также имела место в сил, а не в остальных языках (это видно по общей дистрибуции рефлексов).

Загадочной остается форма *labbəx* в лиг. Телвалл склоняется к тому, чтобы выводить ее из все той же основы **nabir-*, но допускает и отдельное происхождение ввиду нерегулярных соответствий: другие случаи развития **ɲ-* → *l-* в лиг неизвестны. Можно допустить нетривиальный сценарий следующего рода: (а) прададжу **nabire* → правост.-даджу **nibre*; (б) лиг **nibre* → **nibbe* с ассимиляцией; (в) **nibbe* присоединяет к себе сингулятивный суффикс *-x*, по модели *oso-x* 'лев', *каза-x* 'нож' и др.; (г) **nibbe-x* → **libbe-x* в результате фоносимволического развития, типологически естественного для слова 'язык' (например, под влиянием глагола 'лизать', который в лиг не зафиксирован, но известен в штт как *-laxt-*).

Тем не менее, учитывая как близкородственные отношения между лиг и штт, так и «молодость» семьи даджу, маловероятно, что все эти изменения успели бы произойти в лиг после его обособления от штт. С другой стороны, фонетически сходные формы не обнаруживаются ни в каких языках, соседствующих с лиг (кордофанских, кронго-кадугли, горно-нубийских, темейн и др.), так что сценарий недавнего заимствования также следует отвергнуть.

На данном этапе остается лишь предположить автономное замещение в лиг из «исконного» фонда, неэтимологизируемое

из-за нехватки данных; дальнейшее прояснение этого вопроса возможно лишь при подключении дополнительных словарных материалов или, что также не исключено, при выходе на уровень (генетического) внешнего сравнения.

44) «зуб»: сил *jir-te*, мн. ч. *jir-ke*, нья *jər-te*, мн. ч. *jər-ke*, нгл *jiri-ke*, лаг *jər-te* ~ *jer-te*, мн. ч. *jer-ke*, штт *jixi* ~ *jix-te*, мн. ч. *jix* ~ *jix-ke*, лиг *jix-t*, мн. ч. *jix* ~ *jix-gumho*. || Th.: **jiy̥te*, мн. ч. **jiy̥ke*.

Реконструкция Телвалла в целом верна, хотя, вероятно, исходную основу все же следовало бы восстанавливать как двусложную, а всю парадигму — в виде тройной оппозиции **jiy̥i* (нейтр.) : **jiy̥i-te* (ед. ч.) : **jiy̥i-ke* (мн. ч.). (Парадигматические данные Телвалла несколько противоречивы и не позволяют однозначно суммировать все морфологические изменения парадигмы от прададжу к языкам-потомкам.)

45) «дерево»: сил, нья, лаг *ette*, мн. ч. *ewe-ge*, нгл *ete*, мн. ч. *ewe-ge*, штт *ett*, мн. ч. *ewe*, лиг *ewe-s*, мн. ч. *ewe*. || Th.: мн. ч. **ewe*, ед. ч. **ewe-te*.

В праформах Телвалла просматривается элемент внутренней реконструкции, т. к. форма ед. ч. уже на прададжу уровне, судя по дистрибуции рефлексов, должна была иметь вид **ette*. Совершенно естественно, однако, что этот «квази-супплетивизм» предлагается объяснять вторичным стяжением из обычной формы сингулятива **ewe-te*. Исходная парадигма **ewe* 'деревья, лес' : **ette* 'дерево' (← **ewe-te*) сохраняется в штт, но регулируется в лиг (где на базе мн. ч. **ewe* образован новый сингулятив *ewe-s*) и в зап.-даджу (где к мн. ч. **ewe* добавлен продуктивный суффикс мн. ч. -*ge*).

46) «два»: сил *bidak*, нья *pəda*, нгл *bida*, лаг *pədah*, штт, лиг *pə-dax*. || Th.: **pidaX*.

Реконструкция Телвалла не вызывает возражений. Начальный согласный восстанавливается как **p*- ввиду того, что вариант *bida(k)* в зап.-даджу легче объяснить ассимиляцией под воздействием интервокального звонкого *-*d*-, чем нерегулярным оглушением исходного **b*- (фонемы самой по себе весьма сомнительной, см. 3.13.2). На конце основы в прададжу однозначно восстанавливается велярный согласный, но какой конкретно, остается неясным ввиду уникальности соответствия.

Не исключено, что это был обычный взрывной *-*k*, сохранившийся в неослабленном виде только в сил: поскольку подавляющее большинство именных основ в прададжу имело вокалический

ауслаут (многочисленные случаи консонантного ауслаута в вост.-даджу языках — результат отпадения конечного гласного, что легко доказывается сравнением с зап.-даджу), основа '2' носила достаточно уникальный характер уже на прададжу уровне. С другой стороны, нельзя не отметить, что конечный *-k* в другом «необычно устроенном» числительном — прададжу основе '5' — сохраняется во всех языках-потомках: ср. сил *miduk*, нья, штт, лиг *mədək*, даг *madak*, нгл *midik*. Это различие может объясняться как контекстом (только вокалическим), так и различной артикуляцией ауслаутного согласного на прауровне. Ввиду неразрешимости этого вопроса на основании текущих данных мы будем сохранять нотацию Телвалла (**pidaX*).

47) «вода»: сил *uŋge*, нья *əŋge*, нгл *taue*, даг *mage* ~ *ma:ge*, штт, лиг *ta*. || Th.: **ta-*.

Очень нетривиальный случай. На первый взгляд может показаться, что мы имеем здесь дело с двумя этимологически различными группами форм: (а) общедаджу основа **ta-*, обнаруживаемая во всех основных ветвях группы; и (б) сил-нья инновация **uŋge*. По-видимому, именно этого мнения придерживается Телвалл, отделяющий сил и нья формы от основного множества даже в «усовершенствованных», т. е. этимологически обработанных списках. Однако тщательный анализ данных заставляет нас принять обратную гипотезу — все перечисленные формы на самом деле отражают одну и ту же прададжу основу. Ср. следующие факты:

— в списках МакДиармидов слово 'вода' в штт и в лиг имеет вид ?*ta* (для контраста ср. *tas* 'огонь', без начальной смычки). Это намекает на возможный выпавший (редуцированный) вокалический сегмент;

— в полевых записях Р. Бленча по лиг слово 'вода' записано как *aetma*, с эксплицитно обозначенным вокалическим аслаутом;

— распределение двух видов форм по языкам полностью совпадает с распределением слова 'голова' (см. выше), при котором двусложный (нередуцированный) вариант представлен в сил и нья, а односложный (с апокопой начального гласного) — во всех остальных языках;

— если в зап.-даджу языках отделить более или менее очевидный суффикс мн. ч. *-ge*, то сил-нья *uŋ-ge* легко может оказаться результатом вторичной ассимиляции из **ut-ge*, ср. аналогичную

ситуацию в основе 'молоко': штт *ti:t*, лиг *te:t*, но сил, нья *teŋ-ge* ← **tem-ge*;

— наконец, нелишним будет отметить и полное отсутствие отдельного этимологического объяснения для сил-нья *uŋge* (в том числе и на контактной основе).

В свете представленных аргументов реконструкцию Телвалла уместно изменить на **Vm'a* (с ударением на втором слоге, определяющем редукцию и апокопу в языках-потомках); судя по рефлексам в сил и нья, начальный гласный следовало бы восстанавливать как **и-*, но губная окраска здесь могла быть вызвана влиянием губного согласного (т. е., например, **am'a-ge* → **ama-ge* → **im-ge* → *uŋge*). Дальнейшая судьба этимологии будет зависеть от пополнения лексического корпуса даджу и возможного обнаружения более простой этимологии для форм в сил и нья.

48) «мы»: сил *koska* (экскл.), *kona* (инкл.), нья *iŋŋa*, нгл *wiŋko*, лаг *aŋko* ~ *wiŋko*, штт *was* (экскл.), *kok* (инкл.), лиг *asko* (экскл.), *konok* (инкл.). || Th.: **kon* (инкл.).

Разброс несводимых друг к другу вариантов местоимения 1-го л. мн. ч. в даджу столь велик, что Телвалл, по сути, устраняется от задачи серьезной реконструкции этого местоимения, не предлагая вообще никакой праформы для эксклюзива и ограничиваясь инклюзивной реконструкцией **kon*, которая даже не претендует на исчерпывающее объяснение выводимых из нее рефлексов в сил и в вост.-даджу языках.

Для сил в работе [Boyeldieu 2008: 60] упоминаются даже не две, а три формы: экскл. *kóskà*, инкл. *kó:nà* и, отдельно, форма двойственного числа *kóŋ*. Все три формы можно рассматривать как сочетание морфемы **ko-* 'мы' с различными уточняющими «суффиксами», хотя ни один из них не является продуктивным и ни разу не воспроизводится даже в пределах местоименной парадигмы (например, отдельной формы дв. ч. для местоимений 2-го и 3-го л. не существует). Можно думать, что эта же морфема **ko* представлена и в нгл *wiŋ-ko*, и в лаг *aŋ-ko*, и в штт *ko-k* и т. п.; в таком случае она выводится на прададжу уровень, а различные ее «модификаторы», придающие ей более конкретные значения эксклюзива, инклюзива и т. п., оказываются на этом уровне клитиками с нестрогим зафиксированным положением, что и является главной причиной разнообразия в языках-потомках.

Все дальнейшие рассуждения вынуждены носить спекулятивный характер. Более или менее очевидно, что противопоставление по ключивности существовало на прададжу уровне, т. к. сопоставимые пары форм обнаруживаются и в зап.-даджу (сила), и в вост.-даджу (лигури). Один из возможных сценариев — опора на данные диг как на наиболее архаичные и реконструкция исходной оппозиции в виде **wasi-ko* (экскл.) : **ko-nak* или **ko-nok* (инкл.). Дальнейшие трансформации этой системы были связаны с более или менее предсказуемыми факторами:

(а) фонетическое стяжение сложных форм: **wasi-ko* → **wisi-ko* → *wiś-ko* в нгл и лаг; **wasi-ko* → **was-k* → *was*, **ko-n^hk* → **ko-nk* → *kok* в штт;

(б) аналогические выравнивания: **wasi-ko* → **k-wasi-ko* → *koska* в сил по аналогии с формой инклюзива, также начинавшейся с *k*; **wasi-ko* → **asi-ko* в диг и в отдельных идиолектах лаг, возможно, по аналогии с другими личными местоимениями, также начинающимися на *a*- (ср. диг *aga* 'я', *ago* 'вы'; лаг *agə* 'я'). Самые резкие изменения произошли в нья, где на форму *išɔŋga* скорее всего оказало влияние местоимение 2-го л. мн. ч. *ɔŋgo* 'вы' (хотя конкретный механизм остается не вполне объяснимым).

Разумеется, возможны и альтернативные сценарии, тем более что ограниченность данных по языкам даджу не позволяет даже приблизительно подобрать внутренние этимологии для гипотетических «модификаторов» **wasi*= и **-na(k)*; только внешнее сравнение может подтвердить или опровергнуть эти реконструкции. Несомненен лишь тот факт, что эксклюзив и инклюзив в языках даджу не выводимы один из другого, а оба оказываются «равноправными» образованиями от одной и той же местоименной основы, фиксированной вокруг велярного **k*.

Большинство местоименных показателей 1-го л. мн. ч. в глагольных системах, а также посессивные основы на поверку оказываются производными от все той же основы **ko* или от сложных основ с ее участием и поэтому не имеют большого значения для внешнего сравнения. Стоит, однако, отметить, что в сил значение 1-го л. мн. ч. в глагольных формах выражается суффиксацией переднего гласного: *-e* в формах инклюзива (*bigíç-é* 'мы /с тобой/ блюем'), *-i* в формах эксклюзива (*bigíç-í* 'мы блюем') [Boyeldieu 2008: 60]. Поскольку известные образцы парадигм в

штт, записанные Р. Стивенсоном, показывают, что в этом языке спряжение могло перестроиться заново на основе личных местоимений, маркеры, зафиксированные в сил, могут претендовать на архаичность, и при дальнейшем внешнем сравнении их необходимо учитывать (хотя и не в лексикостатистическом смысле).

49) «что»: (а) сил *ʒa* ~ *ʒa* (?), нья *dua*, нгл *die*, лаг *dera* ~ *dira*; (б) штт *wiaŋ*, лиг *wa:yaŋ*.

50) «кто»: (а) сил *min(n)a*, нья *təna(-ba)*, нгл *mine*, лаг *təna* ~ *təna:na*; (б) штт *xənaŋ*, лиг *kepe:n*. || Th.: зап.-даджу **mina*.

Сведения о системе вопросительных морфем в языках даджу чрезвычайно скудны, так что о надежной реконструкции здесь речи идти не может. Очевидно, что вост.-даджу система существенно отличается от зап.-даджу в обоих случаях, но нехватка данных не позволяет дать этому наблюдению ясную интерпретацию. Предполагать можно и иноязычное влияние (например, о зап.-даджу **min*- можно думать как о потенциальном арабизме), и перестройку системы в результате сочетания старых вопросительных морфем с эмфатическими частицами, но без подробного описания полной системы даджуских интеррогативов все это будет оставаться в пределах домыслов и спекуляций.

В связи с этим на уровень внешнего сравнения представляется допустимым вынести следующие морфемы:

— вост.-даджу **dī*- (?) 'что', на основании как минимум сопоставления нгл *die* и лаг *de-ra* ~ *dī-ra*; сюда же, возможно, относится нья *dua*, если эта форма стянута из **dī-wa*; сил *ʒa* ~ *ʒa* либо является отдельной основой, либо, что также вполне допустимо, результатом уникальной палатализации из **dī-a* → **dya* → *ʒa*;

— зап.-даджу **way*- 'что' (согласно записям Телвалла, только в сочетании с именным суффиксом -ŋ: **way-aŋ* → штт *wi-aŋ*; однако у Стивенсона зафиксированы краткие формы: штт *wi*, лиг *wai*);

— вост.-даджу **min*- 'кто' с различными суффиксами (объяснение этой морфемы как арабизма допустимо только при условии невозможности построения для нее сценария исконного происхождения, т. к. вообще интеррогативы на *m*- для «нило-сахарских» языков — не редкость);

— зап.-даджу **kepe*- ~ **xep*- 'кто'. Удивление вызывает своеобразная «лениция» велярного согласного в штт, особенно если учитывать формы, записанные Стивенсоном — штт ед. ч. *xōn* ~

xöŋ-aŋ, но мн. ч. *koŋgadi* (для диг при этом у того же автора обнаруживаются ед. ч. *kone*, но мн. ч. *egei* — по-видимому, образованные уже от откровенно разных основ). Эта загадка также неразрешима без дополнительных источников информации; к внешнему сравнению придется привлекать реконструкцию с велярным согласным «неизвестного качества» (**Keŋ-*).

3.9. Западнонилотская группа.

3.9.0. *Предварительные замечания о таксоне «нилотский»* («общенилотский»). Нилотская семья — крупнейшая таксономическая единица, генетическая реальность которой внутри «восточно-суданской» надсемьи на сегодняшний день считается надежно обоснованной. Ключевой фигурой здесь в первую очередь выступает опять-таки Дж. Гринберг; последнему уже в 1950 г. удалось убедительно показать ошибочность т. н. «нило-хамитской» теории, выдвинутой К. Майнгофом [Meinhof 1912] и долгое время поддерживавшейся научным сообществом без надлежащего критического анализа. Согласно этой теории, собственно «нилотские» языки, такие как динка, нуэр и шилук, оказались противопоставлены «нило-хамитским», которые Майнгоф включил в состав огромной «хамитской» ветви семито-хамитской семьи.

Дж. Гринберг [Greenberg 1950a, 1966] показал, что теория Майнгофа основана на аргументах, нерелевантных для установления генетического родства, в первую очередь типологических (например, наличие грамматической категории рода) и социо-антропологических. Параллельно с этим он продемонстрировал, что число фонетико-семантических сходств между конкретными лексическими и грамматическими морфемами в «нилотских» и «нило-хамитских» языках значительно превышает число аналогичных сходств между «нило-хамитскими» и любыми другими из числа т. н. «хамитских» групп (в том числе хадза и сандаве, которые Майнгоф также ошибочно причислял к «хамитским» языкам).

Выводы Гринберга были поддержаны и уточнены О. Кёлером в основополагающей монографии [Köhler 1955], где впервые была предложена таксономическая номенклатура, остающаяся общепринятой в мировой африканистике и по сей день. Тщательно проанализировав материалы по т. н. «нило-хамитским» языкам,

Кёлер пришел к выводу, что сходства, которые объединяют одну ветвь этих языков (включая бари, масаи и др.) с другой (включая нанди, сук и др.), в целом не превышают сходства между любой из этих ветвей с собственно «нилотскими» языками¹. Исходя из этого, Кёлер предложил закрепить термин «нилотские языки» за всей семьей в целом (т. е. «нилотские» + «нило-хамитские»), переклассифицировав ее на три ветви — «западненилотскую» (бывшую «нилотскую»), «восточненилотскую» и «южненилотскую». Предложение Кёлера было поддержано Дж. Гринбергом (см., в частности, [Greenberg 1957]) и после недолгого дискуссионного периода прочно закрепилось в африканистическом «мэйнстриме».

Сегодня по умолчанию считается, что общая совокупность фонетических, грамматических и лексических изоморфизмов между тремя большими ветвями nilотской семьи убедительно свидетельствует в пользу их общего генетического происхождения. Тем не менее, «сильного» доказательства nilотского родства в виде единой, стройной системы фонетических соответствий и основанного на ней этимологического корпуса праязыковых реконструкций на сегодняшний день так и не представлено. Детальные реконструкции выполнены для восточненилотской [Vossen 1982] и южненилотской [Rottland 1982] групп, но даже празападненилотский остается нереконструированным: единственный опыт предварительной систематической реконструкции, работа [Reh 1985b], до сих пор остается неопубликованным (и, по-видимому, заброшенным), в то время как остальные сравнительно-исторические исследования по западненилотским языкам, как правило, сфокусированы на отдельных ветвях (работы Т. Андерсена по исторической морфоно-

¹ Впрочем, аккуратности ради стоит отметить, что выводы Кёлера не были немедленно приняты всеми африканистами. Так, в языковом каталоге [Tucker, Bryan 1956] авторы продолжают использовать традиционное членение на «нилотские» и «нило-хамитские» языки, не спеша соглашаться с Дж. Гринбергом относительно близкого родства этих таксонов; в лингвистическом обзоре [Tucker, Bryan 1966] термин «нило-хамитские» уже заменен на «паранилотские» в связи с дискредитацией к этому времени самого термина «хамитский», но классификация при этом продолжает во многом зависеть от типологических аргументов, объединяя восточно- и южненилотские языки друг с другом как «паранилотские» в противовес «собственно» nilотским (т. е. западненилотским).

логии языков мабан-бурун, Г. Хёзинга по реконструкции праязыка южных луо и т. п.). Что касается попыток общенилотской реконструкции, то здесь непревзойденным образцом до сих пор остается работа Г. Диммендаля, написанная еще в 1988 г., в которой автор предлагает свою версию общенилотского фонологического инвентаря (без детальных фонетических соответствий, но с перечнем основных инноваций по ветвям) и подкрепляет ее списком из 204 пранилотских лексических реконструкций разной степени надежности.

К сожалению, несмотря на то, что статья [Dimmendaal 1988] — лишь первый шаг к превращению «пранилотского» из спекулятивно-интуитивной конструкции в историческую реальность, последующие двадцать лет не привели к сколь-либо существенному прорыву в этой области (ср. подробный обзор истории развития сравнительного изучения нилотских языков в [Dimmendaal 2008: 31–42]). Из-за высокой степени разветвленности языков-потомков и более или менее очевидной глубокой древности праязыка реконструкция общенилотского состояния, по-видимому, считается столь же трудновыполнимой и рискованной задачей, как и реконструкция других африканских семей сопоставимого хронологического уровня — сахарской, кушитской, бенуэ-конго и прочих таксонов, сравнение отдельных компонентов которых способно убедить исследователей в их генетической реальности, но не способно привести к детальной реконструкции праязыка (по крайней мере, такой, вокруг которой с легкостью мог бы сформироваться общественный консенсус).

Неразработанность вопроса об общенилотском состоянии отражается и в лексикостатистике: публикации, посвященные систематическим лексикостатистическим подсчетам между разными ветвями нилотской семьи, в литературе отсутствуют. Отдельная предварительная статистика по некоторым языкам обнаруживается в работе [Bender 1971], где восточно-нилотский язык ньянгатом сопоставляется с рядом западно-нилотских (автор насчитывает от 18% совпадений с ануа до 6% с мабан); похожие результаты, с диапазоном процентных совпадений от 10% до 20%, были получены и в нашем исследовании, в рамках предварительного обсчитывания данных по нескольким десяткам нилотских языков, основанного на учете тривиальных фонетических изоморфизмов (а не фонетической совместимости).

Из всего этого следует, что «общенилотский» по своей хронологической глубине должен быть сопоставим по меньшей мере с праиндоевропейским, если не с еще более глубокими семьями наподобие алтайской, т. е. рассматривать его в качестве даже потенциального таксона 1-го уровня категорически неприемлемо. Соответственно, генетическое родство западно-, восточно- и южнонилотских языков должно быть обосновано в том числе и лексикостатистическими методами — через реконструкцию прасписков для всех трех ветвей и последующее тестирование этих списков на предмет фонетической совместимости. На данном этапе исследования общенилотское родство можно рассматривать лишь как «интуитивно вероятное»; исходить из презумпции такого родства недопустимо.

Стоит, вероятно, подчеркнуть и тот факт, что, начиная с работ Дж. Гринберга, все три нилотские ветви на равных основаниях включаются в «восточносуданскую» макросемью; как Гринберг, так и все ведущие современные специалисты по «нило-сахарской» проблеме отмечают многочисленные лексические и грамматические схождения между нилотскими, сурмийскими, даджу и др. группами, причем вопрос о количественном соотношении этих сходств по сравнению со сходствами *внутри* нилотской семьи остается открытым. По большому счету, неочевидным остается, скажем, тот факт, что южнонилотские языки связаны более тесным родством с западнонилотскими, чем с сурмийскими: как в том, так и в другом случае в глаза бросаются разительные лексические и грамматические изоглоссы, четкая и наглядная статистическая оценка которых на текущий момент еще никем не проводилась.

Одновременно с этим многими исследователями неоднократно отмечались и существенные структурно-типологические различия между, с одной стороны, западнонилотскими, с другой — южно- и восточнонилотскими, такие как, например, развитая внутренняя флексия в западных языках по сравнению с агглютинативной морфологией в южных и восточных; грамматический род в южных и восточных (один из самых старых аргументов в пользу «хамитской» природы этих языков) и его отсутствие в западных и т. п. Хотя все эти типологические расхождения скорее всего сформировались вторично в ходе ареальных конвергентных

процессов, сам по себе факт их наличия говорит о том, что хронологическая глубина, разделяющая нилотские ветви, должна быть весьма значительной.

В силу всех этих соображений в рамках данного тома нашего исследования будет последовательно разобран материал сначала западно-, затем восточно-, и, наконец, южнилотских языков. Вопрос о вероятности общенилотского родства будет затронут лишь в конце тома, в ходе первичного автоматизированного тестирования «восточносуданской» гипотезы, окончательное же решение вопроса будет отложено до следующего этапа исследования, посвященного выявлению таксонов 2-го уровня.

3.9.1. *Общие сведения и источники.* Западнилотские (ранее — просто «нилотские») языки — группа из примерно 15–20 членов, сконцентрированных почти исключительно на территории Южного Судана, за исключением подветви «южных луо», локализованных сегодня на территории Уганды и Кении. Западнилотские исследования начались еще в XIX в. с грамматических и лексикографических работ по языку динка (ср., в частности, [Mittertutzner 1866], одно из первых подробных грамматических и лексикографических описаний нилотского языка, наряду с работами того же времени по восточнилотскому языку бари) и активно продолжаются до сих пор; так, лишь относительно недавно начали выходить в свет работы по систематическому описанию и анализу подгруппы мабан-бурун, представляющей большое значение для реконструкции общезападнилотского корневого состава.

На сегодняшний день общепризнано членение западнилотской группы на три ветви, обозначенные уже в работе [Köhler 1950]: динка-нуэр, мабан-бурун и луо. Ниже приводится краткая информация по основным представителям этих групп, включая перечень главных источников лексических и грамматических данных. (Более подробный обзор сведений по западнилотским языкам, включая почти полную исследовательскую библиографию, можно найти в главах 1–2 монографии [Storch 2005]; здесь упоминаться будут в первую очередь те работы, которые имеют существенную значимость для лексикостатистики и этимологии.)

И. Динка-нуэр:

1) Нуэр [нуэ]: ≈ 740 тыс. носителей в Южном Судане и еще около 60 тыс. носителей в пограничных юго-западных районах

Эфиопии. Основные дескриптивные работы относятся к первой половине XX в.: это прежде всего детальная грамматика [Crazzolara 1933] и словарь [Kiggen 1948], до сих пор непревзойденные с точки зрения охвата материала, но не вполне удовлетворительные в плане адекватности фонетической транскрипции, как специально отмечено в ряде более новых работ; в частности, ни в той, ни в другой работе авторы не уделяют должного внимания сложной системе вторичных артикуляторных признаков гласных звуков, таких, как долгота и придыхательность.

В связи с этим для должного учета данных нуэр необходимо учитывать и более современные исследования — такие как диссертационная работа [Frank 1999], посвященная анализу именной морфологии и морфонологии этого языка, а также фонологические исследования [Tsehainesh 1983] и [Yigezu 1995]. К сожалению, конкретных лексических данных в этих работах, по сравнению со словарем Киггена, приводится очень мало; наибольшую значимость имеет работа Фрэнка, позволяющая уточнить фонетико-фонологический состав большинства именных (но не глагольных) основ нуэр. Интерес представляет также Интернет-проект «Nuer Field Notes» (www.dlib.indiana.edu/collections/nuer), организованный при Университете Индианы для публикации полевых материалов по нуэр, собранных Э. Вандеворт в 1949–1963 гг.; в этих записях, в частности, систематически отражается оппозиция гласных по придыхательности/непридыхательности, и в отдельных случаях их имеет смысл использовать для уточнения спорных моментов.

Диалектные расхождения в нуэр принято считать незначительными, и обстоятельные диалектологические работы по этому языку отсутствуют, хотя в ряде исследований отмечаются отдельные расхождения между суданской и эфиопской разновидностями нуэр, обычно не затрагивающие базисную лексику.

2) *Динка* [днк]: согласно каталогу «Этнолог», считается «макроязыком», общая совокупность носителей которого составляет примерно 2 млн человек, проживающих исключительно на территории Южного Судана (к северу, западу и югу от носителей нуэр). Выделяется четыре основных диалектных пучка: северный («паданг»), центральный («агар»), юго-восточный («бор») и юго-западный («рек»). Судя по имеющимся источникам, расхождения между отдельными диалектами динка действительно существенны;

в первую очередь это касается фонетики (особенно вокализма) и парадигматики, но в ряде случаев довольно отчетливые расхождения обнаруживаются и в базисной лексике. К сожалению, полноценное лексикостатистическое исследование по диалектам динка сегодня невозможно из-за отсутствия необходимого числа словарных описаний или хотя бы словников; в этой ситуации остается лишь констатировать наличие расхождений там, где имеющиеся источники позволяют их обнаружить, и определять более архаичный лексический вариант, исходя из соображений внутренней реконструкции и внешнего сравнения (в первую очередь с нуэр как с ближайшим родственником динка).

Как уже упоминалось выше, динка — один из первых нилотских языков, оказавшихся в фокусе лингвистических исследований (еще в XIX в.), хотя такие грамматические и лексикографические описания, как [Mitterutzner 1866] и [Beltrame 1880], сегодня имеют скорее историческое значение. Более адекватными и на текущий момент основными источниками систематических сведений о динка являются работы А. Небеля: словарь [Nebel 1936] и грамматика [Nebel 1948], хотя и они не свободны от недостатков — в частности, как и в случае с нуэр, чрезвычайно важная для динка оппозиция по придыхательности/непридыхательности гласных в них не была учтена (хотя примерно в это же время была открыта и описана А. Такером в работе [Tucker 1939]).

Наиболее подробное из имеющихся в нашем распоряжении словарных описаний динка — коллективный словарь, составленный Летним институтом лингвистики под руководством Дж. Дюрксена [Duerksen 2005], существующий только в электронном издании Р. Бленча; к словарю изготовлен также обратный англо-динка индекс [Brisco 2006]. В словарь были включены все данные из словаря Небеля (представляющие юго-западный диалект *рек*) наряду с менее многочисленными данными по примерно десятку других диалектов (без указания на источники данных); к сожалению, данные из еще одного словаря, представляющие северный диалект паданг [Trudinger 1942–44], в него не вошли, а сам словарь на данный момент остается недоступным.

Полная исследовательская библиография по динка довольно обширна, но для нашего исследования актуальны в первую очередь такие работы, которые содержат существенное количество лекси-

ческого материала по одному или более диалектам, желательно в адекватной фонетической записи. Здесь следует в первую очередь упомянуть краткий диалектный обзор [Roettger, Roettger 1989], включающий словарные списки по целому ряду диалектов; исследование [Malou 1988], посвященное подробному анализу сложнейшей системы гласных в динка; и работы Т. Андерсена, из которых наибольшее значение для лексикостатистики и этимологии имеет подробное, проиллюстрированное многочисленными лексическими примерами описание фонетики южного диалекта агар [Andersen 1987].

3) *Рел*, или *ток-рел* [рел]: $\approx 50,000$ носителей в Южном Судане (еще одно название, под которым носители известны своим соседям-динка — *атуот*). Специфика ток-рел заключается в том, что носители сами по себе географически и культурно интегрированы в сферу южных динка, но язык их при этом во всех отношениях стоит ближе к нуэр. К сожалению, единственный существенный источник данных — диссертационное исследование [Reid 2010], посвященное отдельным аспектам фонологии и морфонологии ток-рел; лексических данных в этой работе хватает для того, чтобы подтвердить большую близость ток-рел к нуэр, чем к динка (обоснованную в том числе и несколькими убедительными совместными инновациями), но недостаточно для полного лексикостатистического обследования. Не исключено, что ток-рел имеет смысл рассматривать просто как наиболее обособленный из всех диалектов нуэр.

II. Мабан-бурун:

4) *Бурун*. Общее число носителей не превышает 20 тыс., компактно локализованных на востоке штата Голубой Нил (на границе Судана с Эфиопией), где их основные языковые соседи — носители восточно-джебельских языков, языка-изолята берта и команского языка удук. Первые сведения о бурун, включая небольшие лексические списки, опубликованы в этнографическом исследовании [Evans-Pritchard 1932], упоминающем о существовании по меньшей мере трех диалектов: майак, курмук и мугаджа. В дальнейшем исследования прерываются и возобновляются лишь спустя полвека благодаря усилиям Т. Андерсена, опубликовавшего по итогам своей полевой работы ряд чрезвычайно важных статей по майак (система консонантизма — [Andersen 1999a], вокализма —

[Andersen 1999b], именного склонения — [Andersen 2000a]) и курмук [Andersen 2007], которые он считает если и не совсем разными языками, то, по крайней мере, достаточно далеко разошедшимися диалектами. Лексикостатистическая оценка этих расхождений затруднена скудностью данных по курмук (по материалам Андерсена удастся заполнить лишь чуть более половины списка Сводеша), но мы, тем не менее, будем полагаться на общую оценку Андерсена и разбирать данные по майак [май] и курмук [крм] отдельно, подключая к ним там, где есть необходимость и возможность, еще более скудные (и менее надежные в плане транскрипционной записи) данные Эванс-Притчарда по майак, курмук и мугаджа. Самостоятельно собранный 100-словный список по бурун (по-видимому, по диалекту майак) обнаруживается также в лексикостатистическом обзоре [Bender 1971].

5) *Мабан* [маб]. На этом языке также говорит около 20 тыс. человек, проживающих сегодня непосредственно к югу от районов, населенных носителями бурун. Изучение мабан в целом проходило через те же этапы, что и изучение бурун: первый краткий список лексики опубликован в работе [Evans-Pritchard 1932], полный словный список — в обзоре [Bender 1971], систематическое же исследование разных аспектов мабан начинается с работ Т. Андерсена по тонологии [Andersen 1992], морфонологии вокализма [Andersen 1999c], особенностям глагольной системы [Andersen 1999d] и именного склонения [Andersen 2006a] этого языка. Все перечисленные статьи содержат ценный лексический материал, запись которого характеризуется высокой фонологической точностью и фонетической детализацией.

Тем не менее, по сравнению с бурун наши знания о мабан все же находятся на более продвинутой стадии благодаря наличию большого словаря [Miller 2006], опубликованного (в предварительной версии, т. к. работа над его пополнением продолжается) на веб-сайте Р. Бленча. К сожалению, словарь не отражает просодическую информацию, а также, по-видимому, не вполне адекватно передает фонологическую подсистему вокализма, так что использовать его приходится параллельно с работами Андерсена; однако в плане общего охвата лексического материала словарь Б. Миллер пока что остается единственным полноценным лексикографическим описанием по языкам бурун.

6) *Джумджум* [джм]. Как и мабан, является родным примерно для 20 тыс. человек, проживающих по соседству с мабан и бурун. Ситуация с изученностью полностью аналогична: первые лексические списки опубликованы в работах [Evans-Pritchard 1932] и [Bender 1971], дальнейшее изучение связано почти исключительно с работами Т. Андерсена (общее описание фонологической системы в [Andersen 2004]; элементы внутренней реконструкции диахронических вокалических процессов в [Andersen 2006b]); известна также работа [Bashir 2006] по анализу именной морфонологии в джумджум, основанная на более подробном диссертационном исследовании (к сожалению, неопубликованном). Подробных лексикографических описаний джумджум нет, но объем доступного материала достаточен для полноценного привлечения языка к лексикостатистическим подсчетам и реконструкции прасписки.

В обзоре Эванс-Притчарда упоминается также о существовании отдельного языка *улу*, по которому автору удалось собрать краткий словарный список, в основном совпадающий с джумджум; остается неясным, следует ли считать улу одним из диалектов джумджум или же самостоятельным языком группы мабан-бурун — для этого требуются дальнейшие полевые исследования.

III. Луо (название языковой группы коррелирует с соответствующим этнонимом, обозначающим всю совокупность западно-нилотских племен, образующих непрерывный континуум от юго-восточных областей Судана и вплоть до Уганды и Кении). Традиционно подразделяются на две подгруппы как по ареальным, так и по генетическим параметрам: *северные луо* (языки 7–12) и *южные луо* (языки 13–19).

7) *Ануа*, или *ануак* [ану]: около 50 тыс. носителей в восточных районах штата Верхний Нил и еще примерно столько же в пограничных областях Эфиопии. До относительно недавнего времени единственными доступными источниками по этому языку оставалась небольшая статья Д. Вестерманна [Westermann 1912b], а также стословный список Л. Бендера в [Bender 1971]; несколько рукописных словарей, подготовленные в 1930-е – 1940-е гг. и упомянутые вскользь в библиографии к обзору [Tucker, Bryan 1956], так и не вышли в свет. Краткий грамматический очерк [Lusted 1976] был шагом вперед по сравнению с описанием Вестерманна, но новых данных в нем содержалось немного.

Ситуация кардинально изменилась в 1990-е гг. с выходом в свет сначала подробного грамматического описания, включая опыт внутренней морфологической и морфонологической реконструкции [Reh 1996], а затем — столь же подробного словаря [Reh 1999]; тем самым ануа внезапно оказался одним из наиболее адекватно описанных языков группы луо, имеющих первоочередную значимость для этимологизации западнонилотского материала.

8) *Шиллук* [шил]: ≈ 175 тыс. носителей в штате Верхний Нил. Будучи третьим по численности и общей социокультурной значимости нилотским этносом на территории Южного Судана (после нуэр и динка), племена шиллук на протяжении всей первой половины XX в. находились в центре внимания и этнологов, и лингвистов. Первые описания грамматики и лексики шиллук были созданы уже в начале века Д. Вестерманном [Westermann 1911, 1912a]; за ними последовало не менее десятка дополнительных описаний, из которых на данный момент наиболее полным и «хрестоматийным» остается словарь [Heasty 1937], впоследствии переизданный в 1974 г.; из грамматик наиболее популярным среди современных исследователей остается описание [Kohnen 1933], а также статья [Tucker 1955], посвященная детальному анализу глагольной системы в шиллук. При необходимости для уточнения отдельных лексических деталей можно использовать также старый (1932 г.), но опубликованный лишь относительно недавно словарь [Kohnen 1994].

Современный этап исследований в области фонетики и грамматики шиллук связан в первую очередь с работами Л. Гиллей: фонетико-фонологическим описанием [Gilley 1992] (содержит подробнейший анализ сложной системы аллофонов в шиллук), детальным разбором способов образования множественного числа в [Gilley 2000], обсуждением вопроса о корректном отображении особенностей шиллукской морфонологии в официальной орфографии [Gilley 2004] и др. Ценность трудов Л. Гиллей заключается еще и в том, что в них при передаче лексических данных впервые систематически отображаются тональные противопоставления, почти не учитывавшиеся в работах ее предшественников.

9) *Джур луо* [джу], или просто *луо*: примерно 80 тыс. носителей в южных областях региона Бахр-эль-Газаль. (Луо — эндоэтноним, но во избежание путаницы между названием языка и языковой

группы в исследовании здесь и ниже будет использоваться экзоэтноним *джур*, т. е. 'чужестранцы', которым по отношению к джур-луо пользуются динка.)

Единственное подробное исследование по джур — грамматическое описание [Santandrea 1946], впоследствии дополненное небольшим сборником комментированных текстов [Santandrea 1977]. Позже отдельными вопросами фонетики и грамматики джур занимался Р. Бут (статья по синтаксису [Buth 1981a]; очень важная работа по вокализму джур, пересматривающая предыдущие выводы С. Сантандреа [Buth 1981b]). Новые данные по джур доступны также из монографии [Storch 2005], автор которой в настоящее время готовит к печати подробную грамматику этого языка. Тем не менее, в совокупности всех этих источников пока недостаточно для того, чтобы привлечь джур к полноценному лексикостатистическому анализу по западнонилотским языкам; в рамках данного исследования мы будем использовать их только на этапе этимологического разбора.

10) *Пари*, или *локоро* [пар] (в западной традиции обычно записывается как *Päri*, где *ä* = *ɿ*, т. е. -ATR-коррелят обычного *a*): ≈ 30 тыс. носителей в южносуданском штате Восточная Экватория, проживающих в тесном окружении языков сурмийской (нарим, дидинга), западнонилотской (лопит, топоса и др.) и восточно-центральносуданской (мади, лулубо и др.) групп.

Исследования по грамматике и лексике пари начались относительно недавно, т. к. вплоть до 1970-х гг. было принято считать пари одним из диалектов ануа. Статус самостоятельного языка пари получил лишь после выхода в свет небольшой монографии [Simeoni 1978], хотя представленные в ней описание и словарь были недостаточно адекватны и не отвечали всем требованиям современного языкознания. Гораздо бóльшую значимость имеет серия статей Т. Андерсена, приступившего к изучению этого языка и его внешних связей спустя десятилетие после выхода в свет монографии Симеони; это работы по описанию системы вокализма [Andersen 1989], консонантных чередований [Andersen 1988a], просодии [Andersen 1988b] и эргативной конструкции [Andersen 1988c], а также две статьи компаративного характера, посвященные сравнению пари и ануа — фонологического [Andersen 1999e] и морфологического [Andersen 2000b]. Как и

прочие публикации Т. Андерсена, все эти статьи содержат большой объем самостоятельно собранного полевого материала и в плане качества записи представляют значительный шаг вперед по сравнению с монографией Симеони (в частности, последовательно маркируются все тональные характеристики морфем). Тем не менее, в отдельных случаях все равно приходится обращаться к данным Симеони — в частности, для лексикостатистических и этимологических целей данные, отобранные из статей Андерсена, не вполне достаточны.

11) *Бор*, или *беланда бор* [бор]: на этом языке говорят, судя по разным свидетельствам, от 6 до 8 тыс. носителей в районе городов Вау и Тамбура (штат Западный Бахр-эль-Газаль). Беланда бор обладает целым рядом специфических черт, совершенно не свойственных остальным языкам луо; это объясняется его полной изолированностью от западнонилотского континуума и, наоборот, длительным периодом конвергенции с соседним языком бвири, относящимся к языковой семье убанги. К сожалению, изучение беланда бор началось совсем недавно; на данный момент известны лишь очень краткие сведения по грамматике и лексике, собранные А. Шторх и опубликованные в статье, посвященной вопросам языковых контактов в районе Бахр-эль-Газаль [Storch 2003], а также в обзорной монографии [Storch 2005]. Как и в случае с джур луо, данных этих недостаточно, чтобы привлечь бор к лексикостатистическим подсчетам, но они, тем не менее, могут и должны быть использованы в ходе этимологической обработки материала других языков.

12) *Тури* [тур]: около 6 тыс. носителей, локализованных к северо-западу от беланда бор и, таким образом, представляющих западную границу распространения западнонилотских языков. Также известен под названием *шатт*, которое в нашем исследовании использоваться не будет (во избежание путаницы с языком группы даджу, носящим то же самое имя, см. выше). Опубликованные данные по тури обнаруживаются только в тех же работах А. Шторх [Storch 2003, 2005], которые также содержат данные по беланда бор, и не могут быть использованы для полноценного лексикостатистического анализа.

13) *Ачоли* [ачо]: один из двух (наряду с ланго) крупнейших западнонилотских языков на территории Уганды (более 1 млн

носителей); небольшая группа носителей (по разным подсчетам от 27 до 45 тыс.) проживает также в Южном Судане, на границе с Угандой. Наиболее подробные грамматические и лексические описания были составлены в середине XX в.: это в первую очередь грамматика и словарь [Crazzolara 1938/1955], который уместно использовать в качестве основного источника, а также грамматики [Malandra 1952; Savage 1956] и словари [Malandra 1956; Savage 1955; Muratori 1948]. Более новые данные по ачо носят разрозненный характер (в основном это небольшие статьи по отдельным аспектам грамматики) и не представляют существенного интереса для исследования, за исключением разве что вышедшего совсем недавно словаря [Blackings 2009], преимущества которого по сравнению с классическим словарем Краццолара нам пока что не очевидны.

Согласно утверждению А. Шторх [Storch 2005: 27], наречие *чопи*, причисляемое в системе «Этнолог» к диалектам ачоли, на самом деле является отдельным языком, носители которого локализованы к юго-западу от основного ареала распространения ачоли и насчитывают примерно 12 тыс. человек; к сожалению, поскольку все данные по этому то ли языку, то ли диалекту пока ограничиваются отдельными примерами именных парадигм в указанной монографии Шторх, оценить справедливость этого утверждения на лексикостатистической основе невозможно.

14) *Адола* [адо]: ≈ 250 тыс. носителей на востоке Уганды (район Мбале). По сообщению А. Шторх, «чистый» адола (т. н. «доп-адола» или «джоп-адола») находится под угрозой вымирания, т. к. в речи молодого поколения его активно вытесняет «гибридная» форма речи (т. н. «джап»), в которой смешаны элементы адола, ачоли и ланго, а также активно участвуют заимствования из языков банту (суахили и луганда); в частности, основными информантами самой Шторх были молодые носители «джап», способные, тем не менее, вспоминать эквиваленты из «доп-адола», на котором все еще разговаривают пожилые члены их семей.

Конкретных данных по адола опубликовано так мало, что к лексикостатистическому исследованию привлечены они не были (впрочем, можно сразу же отметить, что лексикостатистические расхождения между всеми языками подгруппы «южные луо», начиная с ачоли и кончая долуо, абсолютно минимальны). Отметить следует в первую очередь статью [Mukarovsky 1956],

составленную по рукописным материалам, собранным в 1930-е гг. П. Вальсером, а также фонологическое описание и лексический материал, собранный Г. Хёзингом и опубликованный в обзорно-компаративистической монографии [Heusing 2004].

15) *Алур*, или *до-алур* [алу]: этот язык распространен на крайнем западе Уганды и оказывается также единственным западнонилотским языком, распространенным на территории Демократической Республики Конго. Сведения о количестве носителей расходятся: А. Шторх говорит о 420,000 носителях в Уганде и о сравнительно небольшой группе носителей в Конго, но согласно данным «Этнолога», численность алур-говорящего населения в Конго, наоборот, превышает численность угандийской группы (750,000 по сравнению с 617,000 в Уганде; впрочем, не вполне ясно, для скольких из этих людей алур — действительно родной язык). До-алур находится в тесном окружении восточноцентрально-суданских языков (мади, ленду и др.), что следует учитывать при анализе его специфических черт и отличий от прочих языков луо.

Документация по алур сравнительно обширна, начиная с грамматического описания и небольшого словаря [Ringe 1948] и заканчивая исследованиями Й. Кнапперта [Knappert 1963, 1969], который также принял участие в составлении наиболее подробного и точного на сегодняшний день словаря алур ([Ukoko et al. 1964]; составлен по диалекту Конго), позволяющего задействовать этот язык в лексикостатистических подсчетах. Из более современных исследований, посвященных конкретно до-алур, можно отметить лишь небольшую статью [Kutsch Lojenga 1991] об особенностях алурской гармонии по +/-ATR, однако новые описательные и аналитические данные по этому языку в сравнительном освещении можно найти также в упомянутых выше монографиях Г. Хёзинга и А. Шторх. В отечественной африканистике некоторыми особенностями фонетики и лексики алур занимался Б. В. Журковский (см., например, [Журковский 1973] и др.).

16) *Кумам*, или *акум* [кум]: ~ 100 тыс. носителей в областях к северу от озера Кьога. Специфика носителей кумам заключается в том, что этнически они принадлежат к восточнонилотским племенам тесо, но относительно недавно перешли на один из восточнонилотских диалектов, очевидно, под влиянием миграций племен южных луо: в географическом отношении кумам как бы «зажат»

между тесо (на востоке и северо-востоке) и ланго (на западе и северо-западе; на юге кумам отсечены от носителей языков банту озером Кьога).

К сожалению, однозначно оценить степень соотношения западнонилотских и (субстратных) восточнонилотских элементов в кумам мешает полное отсутствие дескриптивных и лексикографических работ, специально посвященных этому языку. Известна лишь небольшая статья Г. Хёзинга, определяющая место кумам среди прочих языков группы луо [Heusing 2000]; помимо этого, выборочные полевые данные опубликованы в обзорно-компаративных монографиях [Heusing 2004] и [Storch 2005]. К лексикостатистическому обзору кумам из-за этого привлечь не удастся, но данными Хёзинга и Шторх можно и нужно пользоваться на этапе этимологического анализа лексического материала луо.

17) *Ланго* [лнн]: наряду с ачоли, один из двух крупнейших западнонилотских языков Уганды (по разным оценкам, от 1 до 1,5 млн носителей); распространен в бывшем районе Ланго (сегодня в административном отношении расчленен на несколько менее крупных областей) к северу от озера Кьога. Несмотря на столь большое число говорящих на этом языке, информация о диалектном членении пока отсутствует.

Одним из основных источников сведений о ланго на сегодня остается старая монография [Driberg 1923], наполовину состоящая из этнографической информации; вторая часть содержит подробное (хотя и далеко не адекватное с точки зрения современных стандартов) грамматическое описание и представительный словарь, а также образцы текстов. Дальнейшее изучение ланго носило фрагментарный характер (полный список статей, посвященных отдельным аспектам фонетики, морфологии и синтаксиса, можно найти в обзоре А. Шторх; для нашего исследования они в целом не актуальны).

Единственный из современных специалистов, занимавшийся языком ланго систематически (но при этом с упором на анализ синтаксических структур), — М. Нунан; результаты его исследований были обобщены в грамматике [Noonan 1992], однако, как предупреждает А. Шторх [Storch 2005: 35], пользоваться ими следует с осторожностью, т. к. основным информантом Нунана был носитель-эмигрант, давно оторванный от родной языковой среды.

Еще одна важная объемная публикация по ланго — учебная грамматика [Carollo 1991], снабженная большим словарем. Наконец, самостоятельные полевые данные собирались также Г. Хёзингом и А. Шторх; как и в случае кумам и др., они опубликованы выборочно в рамках их компаративных монографий.

18) *До-луо*, или просто *луо* [*дуо*] (не следует путать с джур луо, см. выше): единственный западнонилотский язык на территории Кении, где на нем, однако, говорит не менее 3,5 млн человек [Storch 2005: 28], а, по последним данным системы «Этнолог», уже сильно более 4 млн, что автоматически выводит его на первое место по числу говорящих среди всех «нило-сахарских» языков (канури выходит только на второе место, причем до-луо, судя по всем описаниям, характеризуется меньшим диалектным разнообразием, чем канури). Любопытно, что носители луо при этом в основном сконцентрированы в одной небольшой области (провинции Ньянза, охватывающей с северо-востока озеро Виктория), которая по своей площади сильно уступает ареалам распространения таких нилотских языков, как туркана и масаи. Относительно немногочисленная группа носителей луо проживает также на территории Танзании (провинция Мванза).

Библиография по до-луо весьма обширна, но во многом состоит из статей, посвященных различным аспектам морфологии и синтаксиса и не имеющих существенной значимости для нашего исследования; большинство этих работ перечислено в монографии А. Шторх. Что касается общих грамматических и лексикографических описаний, то здесь наиболее полным и авторитетным источником считается фундаментальный труд А. Такера, изданный посмертно [Tucker 1994]: основательность этой монографии видна хотя бы уже из того, что словарь до-луо, включенный в нее как приложение и носящий «индексный» характер (содержит только те слова, которые фигурировали в грамматическом описании), насчитывает не менее 2,500 лексических единиц. Из более новых словарных описаний стоит упомянуть также издание [Сарен 1998], которое, однако, в плане аккуратности и точности фонологической записи носит скорее «любительский» характер по сравнению с трудом А. Такера (в частности, вообще не учитывает просодический компонент). Как и в других случаях, самостоятельно собранные полевые данные по луо можно также

найти в работе [Storch 2005]; Г. Хёзинг в своей реконструкции, помимо данных Такера, использует также лексический материал из старой неопубликованной грамматики [Gregersen 1961].

19) *Лабвор* [лбв]: этот язык в некоторых источниках, включая систему «Этнолог», причисляется к диалектам ачоли, но, по утверждению А. Шторх, которой впервые удалось собрать по нему существенные полевые материалы и исследовать его именную морфологию, его следует считать полностью автономным языком, причем в классификационном отношении он занимает промежуточное положение между южными и северными луо (см. ниже). К сожалению, проверить это утверждение с помощью лексикостатистического анализа невозможно из-за нехватки опубликованных данных; тем не менее, материалы по лабвор можно и нужно использовать в этимологических целях.

Точное число говорящих на лабвор неизвестно; ареал распространения — район холмов Лабвор в Уганде, т. е. язык оказывается зажат между зонами, занятыми носителями восточнонилотских языков тесо и каримоджонг, оказывающих на него существенное влияние, в том числе лексическое.

3.9.2. *Историческая характеристика.* Выше уже было сказано, что, в отличие от восточно- и южнонилотских языковых групп, общая фонологическая и лексическая реконструкция которых проведена и опубликована в работах [Vossen 1982] и [Rottland 1982] соответственно, для зап.-нилотских языков аналогичная праязыковая реконструкция до сих пор отсутствует. Первая известная нам попытка восстановить праяз.-нилотский фонологический инвентарь принадлежит М. Ре [Reh 1985b], однако работа эта, носившая скорее предварительный характер, так и осталась неопубликованной; впоследствии М. Ре к этой тематике почти не возвращалась, за исключением отдельных моментов в монографии [Reh 1996], где внутренняя структура языка ануа исследуется в том числе и с привлечением внешних данных фонологии и морфонологии других зап.-нилотских языков (в первую очередь из ветви луо).

Все последующие работы, так или иначе имеющие отношение к реконструкции предыстории зап.-нилотских языков, можно разделить на три группы:

(а) узкоспециализированные исследования по отдельным вопросам исторической фонетики и морфонологии, ограничивающиеся отдельными ветвями, иногда с привлечением небольшого числа внешних данных. Сюда в первую очередь относятся работы Т. Андерсена — как уже перечисленные выше статьи по языкам ветви мабан-бурун, так и статья [Andersen 1990] (о соответствиях кратких и долгих гласных, на материале пари, до-луо и динка);

(б) систематические реконструкции в рамках только одной из ветвей или подветвей зап.-нилотского таксона. Нам известна лишь одна работа такого рода — монография [Heusing 2004], представляющая собой подробную реконструкцию фонологии и базисной лексики праюжно-луо (следует, впрочем, учитывать, что все эти языки близкородственны, так что решение данной задачи совершенно не приближает нас к общезап.-нилотской реконструкции);

(в) систематические обзорные исследования в рамках всей зап.-нилотской ветви, ориентированные на грамматическую, а не фонологическую реконструкцию. Сюда можно отнести масштабную монографию [Storch 2005], в которой подробно разобраны системы именного словоизменения во всех без исключения зап.-нилотских языках, известных исследователю (в том числе беланда бор, чопи, лабвор и др., материалы по которым до недавнего времени отсутствовали в принципе и были собраны А. Шторх самостоятельно).

Отчасти такое положение дел объясняется недостаточной описанностью зап.-нилотских языков: так, по языкам ветви мабан-бурун более или менее надежные и подробные данные начали появляться только в 1990-е гг., а сложным фонологическим системам таких языков, как нуэр, динка, шиллук и др. долгое время не хватало адекватного анализа, необходимого для корректного установления регулярных соответствий. Однако главную причину все же надлежит усматривать в значительно большей степени типологического разнообразия среди зап.-нилотских языков по сравнению с их вост.- и юж.-нилотскими «родственниками». Образуя почти непрерывный континуум, простирающийся от Голубого Нила (мабан-бурун в Судане) до северных районов Танзании (до-луо), языки этой группы вступали в ареальное взаимодействие с целым рядом других семей — от центральносуданской на севере до кушитской в «центре» и банту на юге. В результате

лексические, грамматические и особенно фонологические различия между, например, языками динка-нуэр и южными луо значительно превышают аналогичные различия между разными подветвями вост.- и юж.-нилотских языков.

Отметим, что даже несмотря на то, что примерная датировка распада общезап.-нилотской языковой общности сопоставима с аналогичной датировкой для вост.-нилотской семьи, в типологическом отношении группа бари, ранее всех отделившаяся от общевост.-нилотского ствола, не очень сильно отличается от остальных ветвей этой семьи, что значительно облегчает задачу реконструкции ее фонологического инвентаря. Напротив, для зап.-нилотских языков, где между группами луо, динка-нуэр и мабан-бурун наблюдаются кардинальные различия в структуре словоформы и, вследствие этого, в морфонологических и морфологических характеристиках, эта задача чрезвычайно затруднена.

По сравнению как с другими ветвями nilотской семьи, так и с прочими «восточносуданскими» языками, зап.-нилотские языки отличает явная тенденция к *сокращению словоформы*. Если согласиться с тем, что более или менее типичной структурой именной словоформы в «восточносуданских» языках является CVCV, где второй гласный отражает тематический суффикс или (как правило, десемантизированный) классификатор и может варьироваться в зависимости от числа или падежа словоформы, то для многих зап.-нилотских языков в целом более типична структура CVC — причем даже на материале самих зап.-нилотских языков, не выходя за пределы этой группы, можно показать, что ситуация эта вторична и обусловлена общей тенденцией к ослаблению артикуляции ауслаутного сегмента. В области глагольной морфологии эта же тенденция проявляется в том, что зап.-нилотские языки в целом более склонны к фузионным процессам (по сравнению с вост.- и юж.-нилотскими ветвями, глагольная морфология которых в целом носит строго агглютинативный характер).

Своего пика эта тенденция достигает в языках динка-нуэр, где практически все старые структуры вида CVCV утратили конечный гласный, по-видимому, уже на праязыковом уровне. При этом, однако, система именной морфологии не была утрачена: еще до того, как выпасть, конечный гласный перенес свои характеристики на корневой, вызвав к жизни сложнейшую, очень

трудную как для синхронного, так и исторического анализа систему внутренней флексии, представленную разнообразными вокалическими чередованиями:

(а) дифтонги/монофтонги: ср. нуэ мн. ч. *rim* : ед. ч. *riem* 'кровь' = днк мн. ч. *rim* : ед. ч. *riem* id. (более сложная форма сингулятива восходит к старой двусложной структуре, ср. более архаичную парадигму в ану: мн. ч. *rēm*, ед. ч. *rēm-ō*);

(б) долгие/краткие гласные: ср. нуэ ед. ч. *zit*, мн. ч. *zi:t* 'ух' = днк ед. ч. *yi^hɕ*, мн. ч. *yii^h:t* (ср. ану ед. ч. *ĩt*, мн. ч. *íd-i* id., откуда видно, что долгота в мн. ч. в динка-нуэр носит изначально компенсаторный характер);

(в) смена тональной характеристики: ср. днк ед. ч. *tún*, мн. ч. *tùn* 'por' (по материалам А. Шторх), ед. ч. *tù:^h*, мн. ч. *tû^h* (по материалам Т. Андерсена). Очевидно, что и эта морфонологическая особенность может объясняться только развитием из старой двусложной структуры с разнотонированными гласными, хотя восстановить второй гласный в исходной форме мн. ч. внутренняя реконструкция здесь не позволяет, поскольку его тембр не влиял на огласовку корня.

Помимо этого, типологически редким и пока что удовлетворительно не объясненным является фонологическое противопоставление в языках динка-нуэр по меньшей мере двух типов вокалической фонации: «скрипучей» (ларингализованной), которая во многих работах рассматривается как немаркированная и поэтому может не обозначаться на письме (или же маркируется в фонетической транскрипции как *ɟ*, *ɖ* и т. д.) и «придыхательной», обычно маркируемой двумя точками под гласной (*ɟ̤*, *ɖ̤* и т. п.; в нашей транскрипции — *a^h*, *o^h* и т. п.).

Наличие этих двух типов фонаций отмечается и в других западнонилотских языках, например, ану и пар, однако там оно не является первичным смыслоразличительным параметром — и в том, и в другом языке «придыхательность» автоматически сопровождает все +ATR-гласные (*i*, *u*, *e*, *o*, *a*) и, наоборот, невозможна при -ATR-гласных (*ɪ*, *ʊ*, *ɛ*, *ɔ*, *ɐ*), что само по себе является типологической фреквенталией и совершенно не удивительно. Но в языках динка-нуэр, напротив, «скрипучими» или «придыхательными» могут быть почти любые гласные, вне зависимости от их ATR-характеристики. Более того, точно так же, как и другие перечисленные

выше оппозиции, «придыхательность» нередко играет роль грамматического средства (хотя, как правило, в сочетании с другими морфонологическими чередованиями), ср. в нуэр: ед. ч. *têt*, мн. ч. *tèht* 'рука' (по данным А. Шторх).

Кроме того, в нуэр ряд исследователей (М. Игезу, А. Шторх, Дж. Фрэнк) выделяют даже не два, а *три* типа фонации: помимо «обычных» придыхательных гласных, почти каждая из которых имеет соответствующий «скрипучий» коррелят, есть еще особая категория гласных, также характеризующихся придыхательной артикуляцией, но не имеющих при этом непридыхательных коррелятов. М. Игезу в работе [Yigezu 1995] называет их «центральными придыхательными» и обозначает транскрипционно как ξ , \ddot{a} , \ddot{o} ; А. Шторх предпочитает рассматривать оппозицию между «обычными» и «центральными» придыхательными как фонационную, а не качественную; она сохраняет для первой группы английский термин «breathy», обозначая ее на письме двумя точками (*a*, *o* и т. д.), вторую же называет собственным термином «aspirated breathy», обозначая ее членов подчеркиванием (*a*, *o* и т. д.).

Очевидно, что вопрос этот пока что далек от разрешения. Наиболее подробный лексикографический источник по нуэр — словарь Китена — вообще не учитывает фонационные особенности вокализма, постулируя для этого языка «классическую» систему из семи гласных, и до тех пор, пока ему на смену не придет новый словарь, отражающий 16 гласных в репрезентации Игезу или Шторх, досконально изучить их морфонологический статус в этом языке вряд ли будет возможно.

В любом случае не приходится сомневаться в том, что фонологичность оппозиции по «скрипучести/придыхательности» носит в динка-нуэр столь же инновативный характер, как и обилие в этих языках дифтонгических сочетаний и наличие в них трех степеней долготы (по крайней мере в динка, согласно анализу Т. Андерсена). Все это, по-видимому, связано в рамках глобальной перестройки старой системы вокализма и общих принципов структуры словоформы.

Единственная серьезная попытка разобраться в запутанной системе вокалических соответствий между языками западно-нилотской группы была предпринята в диссертационном исследовании [Denning 1989]. Несмотря на то, что работа была выпол-

нена на очень ограниченном лексическом материале, не учитывала (практически неизвестные на тот момент) данные по языкам мабан-бурун и была ориентирована скорее на проблематику диахронической фонетики, чем фонологии, автору все же удалось показать, что фонационная оппозиция в динка-нуэр развилась на месте старой «классической» оппозиции по +/-ATR: -ATR гласные стали «скрипучими», +ATR – «придыхательными». Что же касается сегодняшней оппозиции по +/-ATR в динка-нуэр, то она в данной модели оказывается инновативной, т. е. развившейся в результате сложных взаимодействий между корневыми и суффиксальными гласными на ранней стадии прадинка-нуэр (когда суффиксальные гласные еще сохранялись). Впрочем, и такая модель знает немало исключений, связанных с дополнительными позиционными развитиями, аналогическими перестройками именной и глагольной парадигм и т. д. и т. п.

То, что процесс сложнейшей перестройки исходной системы вокализма в динка-нуэр носил ареальный характер, подтверждается еще и тем, что очень похожий, хотя и не полностью аналогичный процесс позже имел место также в шиллук — языке, который в генетическом отношении принадлежит к северно-луо ветви, но в географическом плане обособлен от ануа и пари, находясь, напротив, в тесном контакте с динка и нуэр. Разные исследователи выделяют в шил от 14 (А. Такер) до 12 (Л. Гиллей) гласных, но все анализы сходятся в главном: фонация и +/-ATR в шил создают независимые друг от друга фонологические оппозиции, в отличие, например, от южно-луо языков, где эти признаки скоррелированы. Судя по описанию А. Шторх, аналогичная разведенность фонации и +/-ATR присутствует также в джур луо и в тури, но не в беланда бор и тем более не в ануа и пари.

Подробный анализ зап.-нилотского вокализма в синхронном и диахроническом аспектах заслуживает отдельной монографии и выходит далеко за рамки нашего исследования. На данном этапе имеет смысл принять за исходную более простую и симметричную систему из десяти гласных, образующих пять оппозиций по +/-ATR (*i : *I, *e : *ε, *u : *v, *o : *ɔ, *a : *A). Из современных языков такая система описана Т. Андерсеном для майак [Andersen 1999b] и пари [Andersen 1989], а также М. Ре для ануа [Reh 1996].

«Слабым» элементом в этой системе оказывается оппозиция между гласными нижнего подъема **a* и **l*: так, например, для южно-луо ветви типичной оказывается система из девяти гласных, в которой нет места для отдельной +ATR фонемы **l*. (Для ачо и лан обычно постулируется дополнительная десятая фонема *ə*, но слова с этой гласной вроде бы не соответствуют в мабан-бурун и сев.-луо словам с гласной **l*, так что, скорее всего, это все же специфическая инновация в юж.-луо.) Однако, с одной стороны, неустойчивость данной оппозиции типологически частотна и естественна для всего рассматриваемого ареала; с другой стороны, архаичность ее подтверждается наличием неоспоримых корреляций между сев.-луо ветвью и языками мабан-бурун — ср., например, пар *n̄lk*, ану *n̄lk* 'убивать' = кpm *n̄lk* id.; пар *b̄lɾ*, ану *b̄lɾ* 'длинный' = кpm *b̄lɾ* id.; пар *w̄l̄lɾ*, ану *w̄l̄lɾ* 'ночь' = май *w̄lɾ-in* id. и др. Для юж.-луо языков наиболее вероятным сценарием оказывается устранение **l* из системы, с переходом → **o* в соседстве с губными согласными и → **e* в прочих контекстах (см. ниже 'убивать', 'новый', 'ночь' и др.).

Архаичной, по-видимому, является и такая фонологическая черта сев.-луо вокализма, как противопоставление долгих и кратких гласных, которое в динка-нуэр играет скорее морфологическую роль (см. приведенный выше пример), но в пар и ану образует «чистую», ничем не обусловленную фонологическую оппозицию: ср., например, пар *w̄l̄lɾ*, ану *w̄l̄lɾ* 'ночь', но пар *ɕl̄ɲ*, ану *ɕl̄ɲ* 'солнце'. Впрочем, и в этих языках удлинение гласного может выполнять грамматическую функцию (ср. из материалов Т. Андерсена: пар *d̄ɛnd-i* 'кожи', но *d̄ɛnd-i* 'твоя кожа'), и к тому же лексические минимальные пары по долготе подбираются не для всех гласных фонем (например, фонологически противопоставленных лексических пар вида CɕC : Cɕ:C в пар вроде бы нет).

За исключением очень близких друг к другу языков юж.-луо ветви, где вокалические изменения в целом минимальны (более или менее полный перечень можно найти в [Heusing 2004: 23–24]), почти все остальные зап.-нилотские языки в той или иной степени отошли от исходной симметричной системы за счет вторичных развитий, вызванных различными моделями сингармонизма, тенденциями к упрощению системы или нетривиального процесса, который Т. Андерсен называет «ATR reversal» («инверсия по ATR»)

и описывает для языка джумджум [Andersen 2006], хотя частично сходные изменения также имели место в мабан [Andersen 1999c]. Подробный анализ всех этих изменений занял бы слишком много места и, в любом случае, не является обязательным для целей нашего исследования. Поэтому вместо подробной таблицы соответствий, которая пока что еще только ожидает составления, приведем лишь основные «методические рекомендации» по работе с зап.-нилотским вокализмом:

(а) для празап.-нилотского в качестве исходной принимается система из 20 гласных: 5 «базовых» фонем \times 2 (+/- ATR) \times 2 (долгие и краткие);

(б) лучше всего старая система сохраняется в тех языках сев.-луо ветви, которые не подверглись сильному субстратному влиянию (т. е. в пари и в ануа, но не в шиллук);

(в) для языков мабан-бурун следует учитывать результаты внутренней реконструкции, проделанной Т. Андерсеном, из которой следует, что вокализм северной подветви (бурун) подвергся значительно меньшей перестройке, чем вокализм южной ветви (мабаан и джумджум);

(г) менее всего заслуживает доверия вокализм в языках динка-нуэр, полностью перестроенный по сравнению с исходной системой; тем не менее, при обсуждении конкретных этимологий следует все же по крайней мере обращать внимание на рекуррентность корреляций и предлагать конкретный, по возможности непротиворечивый сценарий развития от празап.-нилотского к прадинка-нуэр уровню.

По сравнению с запутанностью вокалических соответствий в зап.-нилотских языках их консонантные системы оказываются значительно более устойчивыми. В частности, подсистема взрывных согласных, реконструированная М. Ре [Reh 1985], сохраняется без существенных изменений в большинстве известных нам языков и диалектов:

p	t	t̥	ɕ	k
b	d	d̥	ʒ	g

К этой реконструкции требуются следующие пояснения.

1) Фонологическое противопоставление дентальных и альвеолярных смычных — одна из важнейших черт западно-нилотской группы, где она проводится наиболее последовательно по сравнению со всеми остальными ветвями «восточносуданской» семьи. Эта оппозиция выдерживается как в срединной, так и в начальной позиции и нейтрализуется только в одной небольшой подветви юж.-луо языков (ачоли, чоппи, ланго и кумам), где, возможно, под влиянием ареальных контактов дентальные и альвеолярные согласные слились в один ряд.

2) Палатальные аффрикаты ϕ , ζ несомненно выводимы на празап.-нилотский уровень (см. ниже такие этимоны, как 'черный', 'кость', 'есть' и др.), но в очень многих случаях имеют и вторичное происхождение. Как в отдельных зап.-нилотских языках, так и в целых ветвях активно действует тенденция палатализации велярных согласных в определенных вокалических контекстах (ср. в разбираемой ниже базисной лексике такие корреляции, как нуэ *kel* 'один', джм *kɛ:l-ɔk* id. = ану *ā=ɕɛlɛl* id. и др.), причем разброс конкретных рядов соответствий довольно велик и требует специального исследования.

В начальной позиции глухой палатальный $*\phi$ - уверенно восстанавливается лишь там, где он сохраняется во всех языках ветвей динка-нуэр и луо, а в прамабан-бурун развивается в $*ʔ$ - (см. 'есть', 'кость' и др.; все случаи появления ϕ - в языках мабан-бурун, по-видимому, интерпретируемы либо как результат палатализации из $*k$ -, либо как недавние заимствования из соседних языков, в первую очередь динка). Что касается начального $*ʒ$ -, то это сверхредкая фонема: в рассмотренной нами базисной лексике $ʒ$ - в конкретных языках — почти всегда либо результат палатализации из $*g$ - (см. 'собака'), либо результат аффрикативизации глайда $*y$ - (см. 'ухо' и др.). Учитывая, что, например, в юж.-луо корпусе Хэзинга из примерно 200 восстановленных основ начальный $*ʒ$ - обнаруживается только в одной ($*ʒl$ 'люди'), можно вообще усомниться в том, что эта фонема выводима на празап.-нилотский уровень.

3) Отдельная проблема — возможность реконструкции на празап.-нилотском уровне особого ряда имплозивных согласных ($*b$, $*d$). Из всех языков этой группы как особые фонемы имплозивные обнаруживаются только в алур, что уже само по себе подозрительно, т. к. алур — не обособленная ветвь, а лишь один

из представителей юж.-луо подветви ветви луо, и сохранение в одном этом языке столь важного архаизма крайне маловероятно. Тем не менее, Г. Хёзинг все же выводит на праюж.-луо уровень противопоставление между **d* и **d̥*; его поддерживает Г. Диммендаль, который в одной из своих ранних работ предполагал для празап.-нилотского наличие почти полного имплозивного ряда **b*, **d*, **ʒ* [Dimmendaal 1988: 21], но позже все же вернулся к более умеренной идее об архаичности соответствующей оппозиции только для переднеязычного ряда **d* : **d̥* [Dimmendaal 2008: 47].

Представляется, однако, что идея об архаичности даже этой единственной оппозиции все-таки не выдерживает критики. Из всех языков группы юж.-луо именно алур находится в теснейшем контакте с центральносуданскими языками ленду и бенди, из которых, как показывает беглый просмотр словаря [Ukoko et al. 1964], он заимствовал не только большое число словарных элементов (особенно корней структуры CV, нетипичных для зап.-нилотских языков, но широко распространенных в ленду), но и, например, двухфокусные фонемы *kp* и *gb* (последняя — также имплозивная), никаких аналогов которым в нилотских языках не существует (по-видимому, они представлены только в заимствованиях). Обращает на себя внимание и статистическая неравномерность: слов, начинающихся на имплозивный *d̥*-, в алур примерно в шесть раз больше, чем слов, начинающихся на эксплозивный *d*-, и наоборот, общее число слов на эксплозивный **b*- более чем в десять раз превышает число слов на *b̥*-. При этом хорошо видно, что большая часть слов на *d̥*- и *b̥*- — либо экспрессивные идеофоны, либо заимствования. Исходя из этого, напрашивается вывод, что в алур имел место фонетический сдвиг, в ходе которого старый звонкий *d*- стал реализовываться как имплозивный *d̥*-, после чего «новый *d*-» возник уже на внутриагурской основе как результат дальнейших контактов с соседними языками.

Два примера на «архаичность» оппозиции между *d*- и *d̥*-, которые приводит Г. Диммендаль [Dimmendaal 2008: 47] (алу *dyè* 'середина, центр' = луо *dyèr*, днк *dar id.*; алу *dīt* 'большой, великий' = луо, днк *dīt id.*), явно недостаточны для того, чтобы придать ей необходимую убедительность, тем более что для каждого из этих примеров можно предъявить контраргумент:

(а) алу *dyè* — на самом деле предложная форма ('в центре, посреди чего-л.'), вторично развившаяся из существительного *dyèrè*, также представленного в словаре [Ukoko et al. 1964], но уже с ожидаемым имплозивным согласным в начальной позиции;

(б) для начального согласного в алу *dit* можно непротиворечивым образом предположить особое позиционное развитие, обусловленное одновременным соседством с передним гласным и эксплозивным переднеязычным *-t*.

Таким образом, никаких реальных оснований постулировать для празап.-нилотского языка троичное противопоставление по способу образования среди взрывных согласных нет; тем более беспочвенны любые попытки вывести эту оппозицию на внешний уровень сравнения (например, сопоставить ее с аналогичной оппозицией в сурмийских языках, где консонантная дистрибуция радикально отличается от алурской, и т. п.).

4) Оппозиция по глухости/звонкости в зап.-нилотских языках последовательно проводится только в начальной позиции. В конечной позиции уже на прауровне она была, по-видимому, нейтрализована в пользу глухой артикуляции. Что касается интервокальной позиции, то здесь (в тех зап.-нилотских языках, которые вообще сохраняют структуру словоформы *CVCV, не упрощая ее в SVC, как в динка-нуэр) обычно превалирует звонкая реализация; там же, где оппозиция сохраняется, она, как правило, грамматикализована — ср. в ану ед. ч. *kìd-ì*, мн. ч. *kít-é* 'камень', или явление, описанное Г. Хёзингом для языков юж.-луо под названием «консонантная полярность», т. е. изменение типа артикуляции на противоположный при образовании мн. ч. — ср. в луо ед. ч. *ɸòg-ó* 'кость', мн. ч. *ɸók-é*, но ед. ч. *gùðk* 'собака', мн. ч. *gúóg-î*.

Подобного рода грамматикализация вряд ли может претендовать на глубокую архаичность; скорее следует списывать ее на различные виды внутреннего сандхи, в первую очередь — слияние конечных корневых согласных с начальными согласными именных суффиксов. Безусловно, пока еще рано утверждать, что детальный анализ синхронной и исторической морфонологии зап.-нилотских языков не вскроет глубинных различий между, например, морфонемами **k₁* и **k₂*, **t₁* и **t₂* и т. д., которые затем можно будет интерпретировать в терминах глухости/звонкости. Однако на данный момент существенных аргументов в пользу такого анализа не

представлено, и мы будем считать, что по умолчанию все взрывные смычные в интервокальной позиции в празап.-нилотском реализовывались как звонкие, а в ауслаутной — как глухие; нарушения этой закономерности в языках-потомках будут рассматриваться как результаты вторичных морфонологических процессов.

Подсистема *фрикативных* согласных фонем в зап.-нилотских языках отсутствует как отдельный класс (за исключением ряда вторичных развитий в отдельных диалектах), причем обращает на себя внимание отсутствие даже переднеязычного спيرانта *s ~ *š, обычно все же свойственного «восточносуданским» языкам. (Как было показано уже Г. Диммендалем в работе [Dimmendaal 1984], это связано с довольно необычным для данного ареала развитием общенилотского *s в празап.-нилотск. *r.)

Отдельным и до сих пор не разрешенным вопросом оказывается статус звонкого велярного спيرانта ɣ в динка, который в целом ряде диалектов этого языка по крайней мере в анлаутной позиции имеет статус самостоятельной фонемы. Это формально позволило сначала М. Ре, а вслед за ней и Г. Диммендалю спроецировать фонему *ɣ на празап.-нилотский уровень; более того, Диммендаль считает ее регулярным рефлексом общенилотского увулярного смычного *q, несмотря на то, что эта гипотеза основана на одном-единственном примере (экспрессивный глагол 'кашлять', см. [Dimmendaal 1988: 10, 35]). Учитывая жесткие позиционные ограничения на встречаемость ɣ в динка (в том числе и явную предпочтительность сочетания ɣ- с огубленными гласными по сравнению с остальными), существенные и пока что очень плохо исследованные диалектные колебания между вариантами с ɣ-, w-, и нулевым анлаутом, а также полное отсутствие аналогичных фонологических оппозиций в других зап.-нилотских языках (в частности, в нуэр анлаут на ɣ- находится в свободном варьировании с нулевым анлаутом), на данном этапе разумно все же исключить *ɣ из празап.-нилотского инвентаря. (В рамках 50-словного списка днк ɣ обнаруживается в составе личных местоимений 'я', 'мы', так что к этому вопросу мы еще вернемся в ходе рассмотрения соответствующих этимонов.)

Общезап.-нилотская подсистема *сонорных* согласных состоит из следующих несомненно реконструируемых элементов:

m	n	ɲ	ŋ
	l		
	r		
w			y

Все эти фонемы, как правило, сохраняются в языках-потомках, за исключением отдельных позиционных развитий, которые при необходимости будут рассмотрены ниже в ходе разбора конкретных этимонов. Только в южной ветви мабан-бурун празап.-нилотск. **r* в большинстве контекстов развивается в **y* (см. ниже 'кровь', 'мясо', 'два' и др.), сохраняясь при этом в северной ветви (бурун).

В предварительной реконструкции М. Ре предполагалась также возможность реконструкции для празап.-нилотского двух дополнительных сонантов, **L* и **R*, на основании буквально единичных примеров; одна из «псевдо-праформ», содержащих эти фонемы (**Rim* 'нос'), будет разобрана ниже. Поскольку ряды соответствий, на которых выстроена данная реконструкция, никак нельзя назвать регулярными, серьезных оснований для включения их в общезап.-нилотскую систему сегодня нет (есть определенная вероятность того, что на их постулирование в системе М. Ре существенно повлияла южнонилотская реконструкция Ф. Роттланда, в которой фонологические оппозиции **L : *l* и **R : *r*, напротив, восстанавливаются на вполне надежной основе, см. 3.11.2).

Консонантные кластеры в зап.-нилотских языках, как правило, встречаются только на стыке корневого и суффиксального морфов, и даже в этих случаях обнаруживают явную тенденцию к стяжению (что, в свою очередь, может существенно затруднить морфологический анализ). Важное исключение из этого правила — подсистема сочетаний с носовыми сонорными в юж.-луо языках, легко выводимая по меньшей мере на праюж.-луо уровень (Г. Хёзинг восстанавливает в интервокальной позиции кластеры **-mb-*, **-nd-*, **-nd̥-*, **-ɲɜ-*, **-ɲg-*). Слова с такими сочетаниями относительно немногочисленны, но представлены в том числе и в базисной лексике (см. ниже 'слышать', 'сердце' и др.), иногда образуя очень наглядные квази-минимальные пары (ср. луо *nènè* 'видеть' : *nìndè* 'спать'), и убедительно свести их наличие к следам какой-либо утратившей продуктивность морфемике пока не удастся. Скучные параллели в других ветвях показывают, что все эти сочетания, при условии,

что они действительно архаичны и должны проецироваться на празап.-нилотский уровень, в остальных ветвях совпадают с обычными носовыми согласными соответствующего места образования (ср. к приведенной выше квази-минимальной паре параллели в нуэ: *pe:pe* 'видеть', *ni:pe* 'спать' [Kg.]); дальнейшее решение зависит уже не только от внутреннего, но и от внешнего сравнения.

Тональные системы в зап.-нилотских языках обычно варьируют от двухрегистровых (высокий : низкий) до трехрегистровых (высокий : средний : низкий), с возможностью появления контурных тонов (чаще всего — в динка-нуэр, как компенсация за сокращение двусложной структуры словоформы). Исходной, скорее всего, была трехрегистровая система, но конкретные соответствия между отдельными зап.-нилотскими ветвями предсказуемо усложняются за счет морфонологических тональных чередований и аналогических выравниваний, так что на данный момент просодические характеристики можно реконструировать в лучшем случае на промежуточных прауровнях.

В плане *морфологии* зап.-нилотские языки характеризуются довольно высокой степенью синтетизма, усугубляемой в том числе и за счет фонетического влияния суффиксальных показателей на форму корня, что в таких языках, как динка-нуэр и шиллук, приводит к бурному развитию внутренней флексии (примеры см. выше). В системе имени для этой ветви, как и для многих других «восточносуданских» языков, свойственна троичная оппозиция «нейтральной» основы (чистый корень, обычно со структурой SVC), «сингулятива» и «плюралиса», которые могут маркироваться как моновокалическими показателями (ср. ану *ɕɛn-ɔ* 'рука'), так и бифонемными суффиксами вида CV (ср. маб *ʔin-tɪ* 'рука' : *ʔin-kɪ* 'руки'), хотя последние встречаются намного реже и к тому же часто завуалированы последующими слияниями с ауслаутным согласным корня (см. выше про «консонантную полярность» в языках луо). Попытка инвентаризации и семантической интерпретации этих показателей, выполняющих в зап.-нилотской именной системе функцию классификаторов, предпринята в монографии [Storch 2005].

В глагольных парадигмах, как правило, не составляет особого труда выделить корень, также имеющий структуру SVC. По общей сложности эти парадигмы, как правило, сильно уступают

колоссальному разнообразию агглютинативных цепочек в вост.-нилотских языках, а глагольное спряжение в целом устроено более однообразно, чем именное склонение. В разбираемом ниже материале глаголы, как правило, приводятся в формах инфинитива или немаркированного 3-го л. ед. ч.

По сравнению со своими восточными и южными родственниками зап.-нилотские языки выгодно отличаются (с точки зрения компаративиста) почти полным отсутствием застывшей префиксальной словообразовательной морфологии, что придает этой группе ведущее значение не только для общенилотской реконструкции, но и для дальнейших попыток интегрировать nilотские языки в таксоны более высокого уровня (от «восточносуданских» до «нило-сахарских» в целом). Отдельные попытки выявления в этих языках следов застывших префиксов, отмечаемые в этимологической литературе, либо неубедительны (см. ниже 'волосы'), либо недоказуемы.

В плане базисной лексики зап.-нилотские языки, как и две другие nilотские ветви, чаще оказываются по отношению к соседним языкам донорами, чем акцепторами; исключение могут составлять отдельные мелкие диалекты, отколовшиеся от континуума, вытесненные на периферию и подпавшие под сильное влияние более многочисленных соседей (например, беланда бор, активно заимствующий как морфемику, так и структурные черты из языков убанги и т. п.). Тем не менее, как будет видно ниже из опыта этимологического анализа 50-словного списка, в каждой из трех основных зап.-нилотских ветвей можно найти немало лексических корней, не имеющих надежной этимологии в двух других. При этом как внутреннее, так и внешнее сравнение говорят о том, что наиболее архаичной в плане сохранности исходной лексики ветвью являются языки луо. Более многочисленные инновации в динка-нуэр и мабан-бурун можно отчасти пытаться объяснить контактами с языками северо-западной Эфиопии (в первую очередь — команскими), но существенный процент все равно остается необъяснимым, т. е. и здесь можно предполагать наличие каких-то вымерших языков, оставивших свой след лишь в виде субстратных элементов. Не исключено, что эти же языки обеспечили и массивную типологическую перестройку звуковой системы в динка-нуэр и в географически примкнувшем к ним шиллук.

3.9.3. *Лексикостатистика*. Из всего разнообразия западнонилотских языков полноценные 100-словные списки на данный момент могут быть составлены по 10 языкам, представленным полноценными словарями: нуэ (главный источник: [Kiggen 1948]), днк [Duetksen 2005], маб [Miller 2006], ану [Reh 1999], шил [Heasty 1937], пар ([Simeoni 1978], с дополнениями из статей Т. Андерсена), ачо [Crazzolaro 1955], алу [Ukoko et al. 1964], лнг ([Driberg 1923], с дополнениями из монографии [Heusing 2004]) и луо [Tucker 1994]. Чтобы сделать лексикостатистику более показательной для ветви мабан-бурун, к подсчетам привлекаются также данные по джм («малодостоверный» список в [Bender 1971], подкрепленный более новыми и точными материалами из статей Т. Андерсена) и по двум диалектам бурун, представленным неполными списками, которые удалось составить по статьям Т. Андерсена (≈ 90 заполненных позиций для май и всего лишь 50 позиций для очень близкого к нему крм).

Таблица 6. Лексикостатистическая матрица зап.-нилотских языков (100-словные списки).

	Днк.	Крм.	Май.	Маб.	Джм.	Ану.	Шил.	Пар.	Ачо.	Алу.	Лан.	Луо
Нуэр	0.56	0.47	0.44	0.43	0.44	0.43	0.49	0.46	0.49	0.49	0.48	0.49
Динка		0.42	0.46	0.41	0.41	0.42	0.44	0.42	0.44	0.44	0.44	0.46
Курмук			0.90	0.71	0.70	0.55	0.55	0.58	0.55	0.53	0.57	0.55
Майак				0.71	0.76	0.51	0.53	0.53	0.50	0.49	0.50	0.51
Мабаан					0.79	0.49	0.52	0.50	0.49	0.45	0.47	0.49
Джум.						0.52	0.49	0.49	0.47	0.46	0.45	0.47
Ануа							0.78	0.88	0.80	0.76	0.76	0.78
Шиллук								0.84	0.81	0.76	0.80	0.80
Пари									0.89	0.83	0.84	0.85
Ачоли										0.91	0.92	0.90
Алур											0.85	0.86
Ланго												0.87

Из-за отсутствия данных вопрос о месте на зап.-нилотском древе таких языков, как беланда бор и джур луо, пока остается

открытым. К подсчетам также не привлекались такие юж.-луо языки, как адо и кум, специальные публикации по которым отсутствуют; однако маловероятно, что учет этих языков серьезно повлияет на общую структуру итогового древа.

Генеалогическое древо, построенное на основании этой матрицы, в целом подтверждает классификационные гипотезы предыдущих исследователей, с небольшими уточнениями:

а) довольно эксплицитно подтверждается *бинарное* членение зап.-нилотской ветви на динка-нуэр и все остальные языки: процент совпадений между нуэр и динка (0.56) в среднем на 10–12 пунктов превышает процент совпадений между этими языками и всеми остальными. На практике, тем не менее, дистрибуционный анализ зап.-нилотской лексики удобнее все же проводить, исходя из троичного членения на динка-нуэр, мабан-бурун и языки луо: глоттохронологический «зазор» между первичным распадом зап.-нилотской общности и обособлением подгрупп мабан-бурун и луо не превышает 300–400 лет, и, учитывая относительную ненадежность и, главное, неполноту данных по мабан-бурун, настаивать на применении принципа ступенчатости реконструкции на уровне «луо-мабан-бурун» было бы чрезмерной формальностью;

б) обращает на себя внимание относительно раннее разделение динка и нуэр — глоттохронологическая интерпретация полученного древа датирует отделение ветви динка-нуэр от общезап.-нилотского ствола приблизительно серединой II тыс. до н. э., а разделение двух главных составляющих этой ветви — примерно VIII в. до н. э., т. е. на всю глобальную перестройку фонологической системы динка-нуэр отводится порядка 600–700 лет. Теоретически этого времени могло быть достаточно при условии попадания динка-нуэр под сильное влияние какого-то «северного субстрата», но при этом нельзя исключить и сильное *лексическое* влияние этого же или другого субстрата на один из двух основных диалектных пучков динка-нуэр. В этой связи обращает на себя внимание несколько более высокий средний процент лексических совпадений, который обнаруживает с языками мабан-бурун и луо нуэр по сравнению с динка: «зазор» здесь не очень большой, обычно остающийся в пределах 4–5%, но довольно последовательный. Это может косвенно намекать на повышенную долю неисконно nilотской лексики в динка, и, тем самым, на небольшую хронологиче-

скую завышенность распада подгруппы динка-нуэр. Впрочем, в отличие от таких «лексикостатистических аномалий», как ситуация в нобин или в квегу (см. выше), обнаружить конкретные следы субстрата в базисной лексике динка намного труднее; по-видимому, этому должно предшествовать тщательное исследование «культурных» слоев лексикона этого языка, где соответствующие следы должны быть более многочисленными.

50-словный список для западнонилотских языков.

1) «пепел»: (а) нуэ *neɛ* ~ *neat*, мн. ч. *neɛ* [Kg.], *ne^h:t*, мн. ч. *neɛ* [Fr.], днк *neɛ* [Du.], *ne^h:t* [An.]; (б) май *ta:d-iɲ* [An.], *ta:d-iɲ* [Bd.], джм *tà:t-áɲ* [An.], *tat-aɲ* [Bd.]; (в) маб *ɬollo*, мн. ч. *ɬol-dɪn* [Ml.], *təllə* [Bd.]; (г) ану *būr*, мн. ч. *búyí*, шил *bur* [Ht.], пар *bur* ~ *bur* [Sim.], *búr* [An.], ачо *boi:rú*, адо *búrú*, алу *vúrí*, кум *búrú*, лнг *búrú* [Heu.], *buru* [Dr.], луо *búrú*, лбв *búrú*.

Во всех трех основных ветвях представлены разные основы, требующие взаимной этимологизации для того, чтобы определить оптимального кандидата на празап.-нилотский 'пепел'.

Динка-нуэр основа **neɛ*, ед. ч. **ne^h:t* (реконструкция вокализма приближительна) не обнаруживает параллелей в мабан-бурун, но, по-видимому, фонетически и семантически сопоставима со следующей глагольной основой в языках луо: ану *ɲí:t* / *ɲí:ɖó* 'толочь (в порошок)' (ср. именное производное *ɲí:ɖí* 'крошки'); шил *neɛ* / *neɖo* 'размягчать (кожу), быть растертым в пыль'; ачо *ɲə:t* 'быть мягким, податливым (о различных объектах)'. Несмотря на то, что и здесь реконструкция вокализма затруднена, все эти формы фонетически совместимы и восходят к общему глагольному корню **ɲi:t* ~ **neɛ:t* 'размягчать; растирать в пыль', откуда вполне возможна дальнейшая семантическая инновация в динка-нуэр: → 'порошок' → 'пепел'. Это снижает шансы **neɛ* на архаичность в значении 'пепел'.

Существенно запутана ситуация с языками мабан-бурун. Май и джм формы сводимы к общей праформе **ta:d-* при условии, что оба рефлекса подверглись ассимиляции (регрессивной в май и прогрессивной в джм), однако дальнейшая этимология отсутствует (ср., возможно, нуэр *ta:d* [Kg.] 'плесень' — удовлетворительно в плане фонетики, но семантическая корреляция нуждается в типологическом подкреплении). При этом маб *ɬollo* к этой же праформе возвести не удастся из-за несоответствия корневого

гласного и второго согласного; хорошей этимологии у *tollo* также нет, и с точки зрения дистрибуции она вряд ли может претендовать даже на прамабан-бурунский статус, не говоря уже о более высоком уровне.

Для праюжно-луо Г. Хёзинг восстанавливает форму **búrí*, очевидно соответствующую северно-луо бессуффиксальной форме **bur*; сама форма **búrí* скорее всего — результат ассимиляции из **búrí-ó*, где *-o* — старый показатель сингулятива (любопытно, что во всем корпусе реконструкций Хёзинга встречается всего два примера структуры CVСи: **búrí* ‘пепел’ и **ɣgúdí* ‘дорога’, с аналогичной ассимиляцией). Этой обще-луо основе нет прямых соответствий в мабан-бурун, но допустимо сопоставление с нуэр ед. ч. *bu:ɾ*, мн. ч. *bu:r* [Kg.] ‘часть очага; земляная стенка’, днк *bor* ~ *buor* [Du.] ‘место рядом с очагом’ (← **bu:r*, сингулятив **bu:r-o*), при условии возможности метонимического переноса со значения ‘пепел’.

Таким образом, наиболее серьезным кандидатом на празап.-нилотск. значение ‘пепел’ оказывается основа **bu:r*. Стоит также отметить, что семантическое поле ‘пепел’ в этих языках довольно обширно: помимо ‘пепла/золы’, образованного от сжигания дерева, зафиксированы также отдельные термины для ‘пепла от сжигания травы’ (ср. днк *ʃob:ʔ* [An.], производное от основы ‘черный’; пар *liək* [An.] и др.), ‘пепла от сжигания навоза’ (ср. нуэ *rou*, мн. ч. *pu:k* [Kg.] и др.) и т. п. По-видимому, именно наличие столь тонкой семантической дифференциации объясняет общую неустойчивость этимона в пределах зап.-нилотской группы.

2) «птица»: (а) нуэ *dit*, мн. ч. *dí:d* [Kg., Fr.], днк *dit*, мн. ч. *díet* ~ *díet* [Du.], *dít*, мн. ч. *dít* [An.], май *dín-ɛt* ~ *dín-ɛt* [An.], *den-ɛt* [Bd.], крм *díná:t*, мн. ч. *dí:dín* [An.], маб *dí:no*, мн. ч. *dír-go* [Ml.], *dín-á*, мн. ч. *dír-gá* [An.], *dínu* [Bd.], джм *dín*, мн. ч. *dír-gá* [An.], *dín* [Bd.]; (б) ану *wèjɔ̃*, мн. ч. *wèjɔ̃*, шил *wíjɔ*, мн. ч. *wíjɔ* [Ht.], *wíjɔ́*, мн. ч. *wíjɔ* [Gl.], пар *wíjɔ*, мн. ч. *wíjɔ* [Sim.], *wíjɔ-ɔ́* [An.], тур *ji=wèjɔ̃-ɔ̃*, мн. ч. *wèjɔ̃*, джу *wíjɔ-ɔ́*, мн. ч. *wíjɔ*, ачо *wíjɔ́*, адо, алу, кум *wíjɔ́*, днг *wíjɔ́* [Heu.], *wíjɔ*, мн. ч. *wíjɔ* [Dr.], дуо *wíjɔ́*, мн. ч. *wíjɔ*, дбв *wíjɔ́-ó*, мн. ч. *wíjɔ*.

Прануэр-динка **dit* (ед. ч.), **dít* (мн. ч., ← **dit-i*) регулярно соответствует прамабан-бурун парадигме **di-nl* / **dír-gl*, из которой на основании внутренней реконструкции Т. Андерсен выводит исходный корень **di(:)t* [Andersen 2006: 11] (в ед. ч. ауслаутный согласный стянут с сингулятивным суффиксом: **-t-n-* → **-n-*, в мн. ч.

налицо регулярное развитие кластера **-tk-* → **-rg-*). С точки зрения дистрибуции это уже превращает основу **dit* в оптимального кандидата на празап.-нилотскую 'птицу', однако имеет смысл провести дополнительный этимологический анализ.

В языках луо для этой основы обнаруживается надежная параллель в виде ану *ā=dít*, мн. ч. *ā=dèd-é* 'вид небольшой птицы (амарант)'; ачо *à=dát-i* 'small finch' (по-видимому, тот же самый вид). В самой ветви луо главная основа со значением 'птица' стабильно сохраняется во всех языках-потомках и может быть реконструирована как праюж.-луо **wìŋ-ɔ̄* [Heu.] + прасев.-луо **wìŋ-ɔ̄* (ед. ч.), **wìŋ* (мн. ч.) ← общелуо **wìŋ*. К этой основе за пределами луо важная параллель обнаруживается в мабан: *wɛŋŋ-o*, мн. ч. *wɛʒʒ-in* [Ml.] 'стервятник'. Поскольку в других нилотских языках значение 'стервятник' выражается другими корнями, ситуацию удобнее всего объяснять как сужение значения старого корня: 'птица (большая)' → 'стервятник' («большая птица *par excellence*», т. е. развитие, обратное по своему направлению к тому, которое в предыдущем томе исследования было постулировано, например, для центральнокойсанских языков).

Взаимная этимологизация двух корней дает, таким образом, основания подозревать, что в празападнонилотском имело место противопоставление 'большой птицы' (подобной стервятнику) — **wìŋ* и 'маленькой птички' (подобной амаранту) — **dit*. В такой ситуации к внешнему сравнению примерно на одинаково вероятной основе можно привлекать оба корня (не исключая и того варианта, что оппозиция эта носит архаичный характер и может обнаружить параллели и на внешнем уровне).

3) «черный»: (а) нуэ *ɕar* [Kg.], =*ɕarr* [Bd.]; (б) днк *ɕol* ~ *a=ɕol* [Du.], *ɕòl* [An.], май *ʔvl-* [An.], *ɕlɔʔl* [Bd.], кpm *ʔól* [An.], маб *ul-ulo* [Ml.], *vlʔvl* [Bd.], джм *ʔúl-* [An.], *ul-əŋ* [Bd.], ану *ɕól*, шил *loɕ* ~ *loʒ* [Ht.], пар *ɕol* [Sim.], *ɕól* [An.], ачо, адо, алу, кум *ɕól*, лнн *ɕól* [Heu.], *ɕol* [Dr.], луо *di=ɕól*.

Подавляющее большинство засвидетельствованных форм отражает одну и ту же основу:

— юж.-луо **ɕól* [Heu.]; Г. Хэзинг воздерживается от супрасегментной реконструкции **ɕól*, несмотря на то что все языки подгруппы согласованно демонстрируют падающий тон; согласно его правилам, все случаи контурного тона в современных юж.-луо языках вторичны и объясняются либо регулярным переходом

регистровой интонации в контурную, либо стяжениями из двух регистровых тонов в случае выпадения старого интервокального «слабого» согласного или апокопы ауслautного гласного. В данном случае нет оснований подозревать ни то, ни другое, но, тем не менее, падающий тон явно должен выводиться на прауровень;

— сев.-луо **ɕɔl*, с любопытной, хотя и труднообъяснимой метатезой **ɕɔl* → *loɕ* в шиллук¹;

— мабан-бурун **ʔúl*- (+ редулицированный вариант **ʔvl-ʔvl*-), с регулярным переходом **ɕ*- → **ʈ*- (см. ниже 'кость', 'есть' и др.) и столь же регулярным развитием **-ɔ*- → **-v*- (см. 'рот', 'дождь');

— днк *ɕò:l*, которому в нуэ соответствует *ɕo:l* [Kg.] 'темный, мрачный; чистый (о воде)'. В базисном значении 'черный' в нуэ, тем не менее, сегодня выступает иная основа — *ɕar*, которая соответствует днк *ɕar* [Du.] 'черный, грязный' (явно не основное слово 'черный' в этом языке), но не обнаруживает хороших параллелей в других подгруппах.

Общезап.-нилотская реконструкция будет иметь вид **ɕɔ:l* (с учетом долготы в динка-нуэр); просодическая характеристика морфемы остается при этом неясной из-за большого разброса соответствий (падающий тон в юж.-луо, высокий в мабан-бурун, низкий в динка-нуэр и т. д.).

4) «кровь»: нуэ *riem*, мн. ч. *rim* [Kg.], *riem*, мн. ч. *rim* [Fr.], днк *riem*, мн. ч. *rim* [Du.], *rié:m* [An.], май *rim-aɬ*, мн. ч. *rim* [An.], *rem-aɬ* [Bd.], маб *yim-go* [Ml.], *yim-mà*, мн. ч. *yim-gà* [An.], *yim-gv* [Bd.], джм *yim-máɲ*, мн. ч. *yim-gà* [An.], *yim-gə* [Bd.], ану *rèm-ɔ*, мн. ч. *rēm*, шил *rēm-o* [Ht.], пар *rim-o* [Sim.], *rìm-ɔ* [An.], джу *rém-ɔ^h*, мн. ч. *rēm*, ачо *rèm-ú*, адо *rèm-ɔ*, алу *rìm-ɔ*, кум *rèm-ó*, лнг *rèm-ó* [Heu.], *rem-o* [Dr.], луо *rèm-ɔ*, лбв *rèm-ó*, мн. ч. *rēm*.

Все перечисленные формы более или менее очевидно совместимы друг с другом; единственное значительное фонетическое изменение имело место в подгруппе мабан-джумджум, где **r*- → **y*- на вполне регулярной основе (см. ниже 'мясо', 'имя' и др.).

¹ Поскольку убедительных фонетических оснований для такой метатезы нет, одно из возможных объяснений — сознательный элемент табуирования, введенный носителями для того, чтобы избежать омонимии между словом, имеющим не только значение 'черный', но также 'грязный', и этнонимом *ɕolo* — самоназванием этноса шиллук («шиллук» — результат фонетического искажения термина в арабской передаче).

Основные трудности связаны с более частными проблемами — такими как реконструкция вокализма и исходной парадигмы.

Так, например, Г. Хёзинг восстанавливает для юж.-луо форму **rɛ̃mɔ̃*, мотивируя это тем, что в двух из трех языков (адо и луо), сохраняющих архаичную артикуляцию [-ATR] корневого гласного, представлен вариант *ɛ*. Нам, однако, представляется, что более архаичным выглядит как раз вариант *ɪ* в алу — об этом отчасти свидетельствуют внешние данные, отчасти общие типологические соображения: для развития **rɛ̃mɔ̃* → **rɪmɔ̃* никаких серьезных оснований нет, обратное же развитие легко объяснимо как частный случай гармонии гласных по подъему. За пределами луо первичность *i*-образного, а не *e*-образного гласного подтверждается и в ветви мабан-бурун, и в динка-нуэр. [-ATR]-артикуляция в мабан-бурун сохраняется в май, в то время как в маб и в джм она переходит в [+ATR] по правилам, сформулированным в [Andersen 2006b]. В динка-нуэр **rɪm-* → **rɪm-* из-за нейтрализации старой оппозиции по [+/-ATR].

Исходная парадигма реконструируется в виде **rɪm* (нейтральная или собирательная форма) : **rɪm-ɔ̃* (сингулятив), с последующим развитием **rɪm-ɔ̃* → **rɪɛm-ɔ̃* → **rɪɛm* в динка-нуэр и с радикальным переоформлением в мабан-бурун.

5) «кость»: (а) нуэ ɕoɔɥ, мн. ч. ɕoɪ [Kg.], ɕɔɥ, мн. ч. ɕɔɥɥ [Fr.], май ʔɔɫw-ɫɫ, мн. ч. ʔɔɫɾ [An.], ʒwɔɫ [Bd.] (?), кpm ʔɔɫw-ɫɫ, мн. ч. ʔɔɫw [An.], маб o:-no, мн. ч. oɔw-wo [Ml.], ʔɔɫ-nɫ, мн. ч. ʔɔɫw-wɫ [An.], v-nɔ [Bd.], джм ʔɔɫw-nɫ, мн. ч. ʔɔɫw-gɫ [An.], oɪ-nɔ [Bd.], ану ɕòɔ, мн. ч. ɕìɔ, шил ɕog-o, мн. ч. ɕu [Ht.], пар ɕoɔ, мн. ч. ɕu: [Sim.], ɕòò [An.], тур ɕòʰw-ɔʰ, мн. ч. ɕòʰg-ìʰ, джу ɕɔʰ, мн. ч. ɕúʰ, бор sòg-ó, ачо ɕòg-ó, адо ɕòg-ó, мн. ч. ɕók-é, алу ɕòg-ó, кум ɕòg-ó, мн. ч. ɕòg-ó ~ ɕòg-é-ré, лнг ɕòg-ó [Heu.], ɕog-o [Dr.], луо ɕòg-ó, мн. ч. ɕók-é, лбв ɕòg-ó, мн. ч. ɕóg-í; (б) днк yuɔ:t, мн. ч. yot [Du.], yuɔ:ʰt, мн. ч. yò:t [An.].

Старый этимон 'кость' чрезвычайно устойчив. В юж.-луо он восстанавливается в виде **ɕòg-ó*, мн. ч. **ɕóké* [Heu.], причем форма **ɕóké*, с оглушением корневого гласного, должна отражать более ранний вариант **ɕok-Ce*, где **-C-* — глухой начальный согласный одного из суффиксов мн. ч. (возможно, **-ke*, см. [Storch 2005: 334]). В сев.-луо исходная парадигма, по-видимому, имела вид ед. ч. **ɕòg-ó* (сохраняется в шил, но стягивается в **ɕòò* в ану и пар;

промежуточный вариант с глайдом *-w-* сохраняется в тур), мн. ч. **ɕog-i* (аналогично 'рогу', см. ниже) → **ɕoi* → **ɕи*.

В мабан-бурун этот же корень, с регулярным отпадением начального согласного, переоформляет свою именную парадигму с помощью стандартного для этой ветви сингулятива **-n-* и суффикса мн. ч. **-k-*; последствием этого оказываются различные нетривиальные виды сандхи (**ɕog-n-l* → **ʔow-n-l* → **ʔlw-n-l*, **ɕog-kl* → **ʔoɣ-kl* → **ʔlw-gl* ~ **ʔlw-w-l* и т. п.), в деталях которых еще предстоит разобраться. (Т. Андерсен восстанавливает для исходной основы в мабан-бурун глайд **-w-*, но далеко не каждый случай зап.-нилотского **-g-* дает в этой ветви ослабление → **-w-*, так что в данной ситуации этот процесс скорее всего нужно списывать на эффект сандхиального взаимодействия с консонантными именными показателями).

Из языков динка-нуэр старая основа сохраняется в нуэ, где *ɕou* (ɕu у Фрэнка), по-видимому, ← **ɕog-ɔ* (с переносом -ATR артикуляции суффикса на огласовку корня), а мн. ч. *ɕɔːʰɣ* отражает следы старого консонантного суффикса мн. ч. В днк эта основа была вытеснена инновацией *ɣiɔːm*, которую можно сопоставить с нуэ *ɣiɔːm*, мн. ч. *ɣiɔm* [Kg.] 'челюсть' ← прадинка-нуэр **ɣiɔː(h)m*; фонетические соответствия в целом регулярны, семантическое же развитие могло идти в сторону расширения значения от 'челюстной кости' к 'кости' как таковой.

6) «ноготь»: (а) нуэ *riob*, мн. ч. *riop* [Kg.], *riɔʰp*, мн. ч. *roʰp* [Fr.], днк *riɔʰp*, мн. ч. *riɔʰp* [Du.], *riɔːʰp*, мн. ч. *riɔʰp* [An.]; (б) май *kər-kən* [Bd.], кpm *kúr-kín* [An.], джм *kúr-kən*, мн. ч. *kúr-kù-génén* 'их ногти' [An.], *kər-kvɛgv* [Bd.]; (в) маб *kɛːnɛ*, мн. ч. *kɛɣuɛ* [Ml.], *kɛːn-nɛ* [An.], *kɛɣuɛn* [Bd.]; (г) ану *kwàn lwéːdɔ́*, мн. ч. *kwàn lwèːdí*, шил *kwɔʰɲ lwɛdo*, мн. ч. *kwɔʰɲ lweti* [Ht.], пар *kùonn-ò* [An.], ачо *kògò lwéːt*, дуо *kògnò*, мн. ч. *kókê*; (д) алу *lwét*, днг *lwet*, мн. ч. *lwit* [Dr.].

Данный этимон в целом довольно неустойчив. Материалы по юж.-луо здесь ограничены, т. к. слово не фигурирует в реконструкции Г. Хэзинга; тем не менее, согласованные показания по ачо и дуо позволяют предположить, что в праюж.-луо основным носителем требуемого значения была основа **kog-*, выступавшая либо сама по себе, либо в составе сочетания **kog-(n)o lwet*, где **lwet* = 'палец' (это значение слово продолжает сохранять и в ачо, и в алу, где представлена полисемия 'палец' / 'ноготь'). В дальнейшем

наблюдается тенденция к вытеснению старой основы и совмещению обоих значений в рамках одного корня. При этом в лнг, судя по материалам Дриберга, складывается любопытная ситуация: *lwet* 'палец', как в алу, развивает значение 'ноготь, коготь' (старая семантика 'пальца' при этом еще хорошо видна в идиоматическом сочетании *lwet yat* 'ветка или корень дерева' — вряд ли из 'ногтя дерева', скорее все же из 'пальца дерева'), в то время как *kog-ʔo* сохраняется в значении 'the quick of the finger-nail', т. е. 'чувствительная кожа под ногтем'.

Почти такая же ситуация наблюдается и в сев.-луо, где данные ану и шил позволяют восстановить идиому **kwon lwedɔ* (← **kwog-no lwedɔ*; реконструкция вокализма приблизительна), которой в пар соответствует просто *kionnɔ* (← **kwog-no*). Таким образом, **kog-* 'ноготь' надежно выводится как минимум на общелуо уровень.

В мабан-бурун обнаруживаются две основы, начинающиеся на один и тот же согласный **k-*, но не сводимые друг к другу. В обоих диалектах бурун и в джм выделяется корень **kvr-*, в составе сложной основы **kvr-kɔn¹*; в маб им противопоставлен корень, исходный морфонологический вариант которого можно уверенно постулировать в виде **kɛy-*. Примеры на развитие **-r- → -y-* в маб есть (см. ниже 'нога'), но морфонологическое чередование «ед. ч. *-n-* : мн. ч. *-y-y-*» все же отражает старый глайд, а не вибрант [Andersen 2006a: 14], не говоря уже о несоответствии гласных и парадигма-

¹ Т. Андерсен [2007: 64] анализирует форму в кrm как *kúrk-ɔn*, поскольку для всех диалектов бурун в качестве именного суффикса он выделяет цепочку *-ɔn*, которая в мн. ч. изменяется на *-m*. Нетрудно, однако, заметить, что практически во всех примерах, которые приводит автор, «корень» в этом случае заканчивается на велярный согласный, причем чаще всего в составе кластера: ср. май *wely-ɔn*, мн. ч. *wely-m* 'ребро'; *wɪɕk-ɔn*, мн. ч. *wɪɕk-m* 'бич'; *dɔly-ɔn*, мн. ч. *dɔly-m* 'деньги'; *mɔŋ-ɔn*, мн. ч. *mɔŋ-m* (вероятно, ← **mɔn-g-ɔn*) 'имя'. Поскольку структура корня CVCC нилотским языкам не свойственна в принципе, а наблюдаемая корреляция статистически не может быть случайной, суффиксами следует скорее считать **-kɔn* / **-kɔm*, чем **-ɔn* / **-m*. Этой же точки зрения придерживается и А. Шторх, которая анализирует последовательность *-kɔn* как изначально биморфемную (*-k-* + *-ɔn*), поскольку суффикс *-ɔn* как таковой в бурун все же выделяется, хотя его основная функция — образование абстрактных существительных от адъективно-глагольных основ (*bɔw-ɔn* 'белизна', *kúl-ɔn* 'жара' и т. п.) [Storch 2005: 103-104].

тических характеристик, так что на прамабан-бурун уровень по дистрибуционным соображениям выводится лишь корень **kvr-*, с заменой на *kɛy-* в маб (без очевидной этимологии).

Наконец, в динка-нуэр этимон 'ноготь' восстанавливается как **rio^{hp}*, причем формы ед. и мн. ч. в праязыке различались исключительно просодически (судя по тому, что они совпадают в большинстве источников, не маркирующих тоны, и различаются только в тонально размеченных данных Т. Андерсена по агар динка).

Надежно этимологизировать луо **kog-*, мабан-бурун **kvr-* и динка-нуэр **rio^{hp}* (последнее должно, по-видимому, восходить к более ранней форме вида **rop-[C]i*) на взаимной основе не удастся. Определенное сомнение вызывает семантическая архаичность по меньшей мере луо корня **kog-*. Поскольку во многих языках этот корень не употребляется отдельно от слова 'палец', на пралуо уровне значение 'ноготь' должно было быть присуще всему сочетанию в целом, т. е. выражаться идиоматически: 'ноготь' = 'кого пальца'. Из возможных внешних параллелей в таком случае бросается в глаза нуэ *kɪɟu*, мн. ч. *kui* [Kg.] 'колючка' = днк *kou*, мн. ч. *kɪɟ-t* [Du.] id. = маб *kɪ:-n-à*, мн. ч. *kɪw-w-à* [An.], джм *kɪ:-n*, мн. ч. *kɪ:-g-ù* [An.], сводимые к общей праформе **kug-*. Этимология далека от идеала, т. к. необъясненным остается различие в вокализме, а идиоматизация 'ноготь' = 'колючка (шип) пальца' нуждается в типологическом подтверждении; однако она позволяет предложить хоть какое-то предварительное объяснение ситуации в луо.

Из оставшихся двух корней **rio^{hp}* вызывает большее доверие лишь потому, что является очевидно непроизводной основой, в то время как мабан-бурун **kvr-kɔn* имеет в своем составе суффикс (или комбинацию суффиксов), типичную скорее для новообразований. Тем не менее, это не может служить существенным аргументом для отказа основе **kvr-* в празап.-нилотском значении 'ноготь' (для этого требовалось бы как минимум найти внутри мабан-бурун или в других nilотских ветвях этимологические параллели с подходящим значением).

Таким образом, все три основы можно ранжировать следующим образом: (а) динка-нуэр **rio^{hp}* — простая основа; (б) мабан-бурун **kvr-(kɔn)* — производная основа; (в) луо **kog-* — часть идиоматического сочетания с возможным метафорическим переносом

значения. К внешнему сравнению эти три основы нужно привлечь именно в таком порядке.

7) «умирать»: (а) нуэ *liue* [Kg.]; (б) днк *tou* [Du.], май *tɔbbe* [Bd.], крм *tɔw-* [An.], маб *tu-do* [Ml.], *tɔni-* [Bd.], джм *tɔw-* [An.], *tɔni* [Bd.], ану *tɔ:* ~ *tɔw-*, шил *tɔ* [Ht.], пар *tɔ* ~ *tou* [Sim.], джу *tɔʰ*, ачо *tɔ:*, ало, алу *tɔ*, кум *tɔ*, лнл *tɔ* [Heu.], *to* [Dr.], дуо *tɔ*.

Почти все языки во всех ветвях согласованно отражают одну и ту же основу: юж.-луо **tɔ-* [Heu.], сев.-луо **tɔ(w)-*, мабан-бурун **tɔw-* (с регулярным развитием **-ɔ- → *-v-* и дальнейшей «ATR-инверсией» в джм), днк *tou*. Только в нуэ это слово оказалось полностью вытеснено глаголом *liue*, соответствующим днк *liu* ~ *leu* ~ *lei* [Du.] 'не быть, отсутствовать' (скорее всего из эвфемистических соображений). Празап.-нилотский этимон надежно восстанавливается в виде **tɔw-*.

8) «собака»: нуэ *ziok*, мн. ч. *zio:ɣ* [Kg.], *zioʰk*, мн. ч. *zioʰ:k* [Fr.], днк *zoʰŋ* ~ *zoʰ*, мн. ч. *zok* [Du.], *zɔ:ʰk* [An.], май *gv:k*, мн. ч. *guɣ-ɪŋ* [An.], *gɔk* [Bd.], маб *gɔ:ŋo*, мн. ч. *gɔ:k-o* [Ml.], *gɔŋ-ɔ*, мн. ч. *gɔk-kɔ* [An.], *gɔŋ* [Bd.], джм *gɔ:ŋ* [An.], *goŋ* [Bd.], ану *gùok*, мн. ч. *gùú*, шил *gwok*, мн. ч. *gwo:g* [Ht.], *gwɔg*, мн. ч. *gwòðg* [Gl.], пар *gwok*, мн. ч. *gi:* [Sim.], *gùok*, мн. ч. *gù:k-à* 'мои собаки' [An.], джу *gwɔʰk*, мн. ч. *gwɔʰy*, бор *gùk*, ачо *gwòk*, мн. ч. *gwòg-ì*, ало, алу *gwòk*, мн. ч. *gwòg-ì*, кум *ó=gwòk*, мн. ч. *ì=gwòg-ì*, лнл *gwòk*, мн. ч. *gwòg-ì* [Heu.], *gwok*, мн. ч. *gwog-i* [Dr.], дуо *gùòk*, мн. ч. *gùóg-ì*, дбв *gwɔk*, мн. ч. *gwɔŋ-ŋí*.

Все формы более или менее очевидно совместимы друг с другом: в плане консонантизма существенные изменения произошли только в ветви динка-нуэр, где начальный **g-* палатализировался под влиянием палатального дифтонга (сочетания вида **giV-* в этих языках запрещены). Под вопросом остаются лишь частные детали фонологической реконструкции. Для праюж.-луо Хёзинг восстанавливает парадигму **gwòk*, мн. ч. *gwog-i*. В сев.-луо все формы ед. ч. также однозначно отражают **gwòk*; в формах мн. ч. (**gi:* ← **gwog-i*) срединный велярный ослабляется и выпадает так же, как в слове 'кость' (см. выше), за исключением шил, где, возможно, имело место новообразование по одной из продуктивных моделей. Ср. также в джур луо: ед. ч. *gwɔʰk*, мн. ч. *gwɔʰy* (← **gwɔʰg-i*), и в лабвор: ед. ч. *gwɔk*, мн. ч. *gwɔŋŋí* ← **gwɔk-ní* (А. Шторх определяет исходный вариант этого суффикса мн. ч. как **-Ní*;

пока что не вполне ясно, можно ли это считать архаизмом или же лабвор перестроил исходную парадигму по особой модели).

Прамабан-бурун **gvk* в юж.-бурунских диалектах оформляется сингулятивным показателем **-n-*, стягиваясь в **gvŋ-*; не вполне ясными остаются вокалические соответствия, как внешние (мабан-бурун **v* : луо **o*), так и внутренние (понижение подъема в маб), но в целом все остается в пределах фонетической совместимости.

В динка-нуэр уже на прауровне должен реконструироваться дифтонг **io*, вызывающий палатализацию начального согласного; праформа **giok* (или **gio:k*) при этом могла получиться только из первоначальной двусложной структуры. Допустимым, хотя и нуждающимся в дополнительной аргументации, является следующий сценарий развития: **gwok-i* → **giok-i* → **giok*, т. е. в конечном итоге все формы восходят к старой форме мн. ч. на **-i*, и, соответственно, наиболее архаичной оказывается парадигма в юж.-луо. На внешний уровень сравнения, таким образом, выносятся празап.-нилотская реконструкция **gwok* ~ **gwɔk*.

9) «пить»: (а) нуэ *ma:dɛ* [Kg.], май *ma:d-* / *ma:t-* [An.], *mat-ar* [Bd.], кpm *má:d-* [An.], маб *ma:ddo* / *mo:dda* [Ml.], *тэа* [Bd.], джм *mà:n-ŋí* [An.], *тапə* [Bd.], ану *mà:t / míd-ó*, шил *maʔ* [Ht.], *maʔ* ~ *məʔ* [Gl.], пар *maʔ* / *maʔ-o* [Sim.], *mà:d-* [An.], ачо *màtò*, адо, алу *màdò*, кум *màtò*, днк *màtò* [Heu.], *mato* [Dr.], дуо *màdɔ* ~ *mòdɔ*; (б) днк *dek* [Du.], *dèk* [An.].

Более или менее очевидно, что общезап.-нилотская основа сохраняется здесь во всех языках, кроме днк. Праюж.-луо **màd-* [Heu.] надежно соответствует сев.-луо, мабан-бурун и нуэр **ma:d-* (долгота, судя по ее сохранности в большинстве языков этих ветвей, была фонологична на прауровне); в фонетическом отношении чередование вариантов **ma:d-* (перед гласным суффикса) и бессуффиксального **ma:t-* также выводится на прауровень. Что касается днк, то сама основа *maʔ* [Du.] в этом языке сохраняется (а) в перфективном значении 'допивать' и (б) в переносном значении 'курить (табак)' (полисемия 'пить' / 'курить' типична для всего рассматриваемого ареала); однако базисное, специально не маркированное значение 'пить' выражается сегодня во всех диалектах основой *dek*, происхождение которой неясно (убедительных параллелей ни в нуэ, ни в других зап.-нилотских языках не обнаружено).

10) «сухой»: (а) нуэ *ko:t* [Kg.]; (б) днк *riɛl* [Du.]; (в) май *a=ʔiw-an* [Bd.], кpm *ʔiw-* [An.], маб *iw-iw* [Ml.], *i:yu* [Bd.], джм *ʔa=ʔiwon* [Bd.]; (г)

ану *tàl*; (д) шил *twa* [Ht.], пар *tʷowu* [Sim.], *tʷəw* 'сохнуть' [An.], ачо *twɔ̀*; адо, кум, луо *twɔ̀*, алу *tʷɔ̀*, лнл *twɔ̀* [Heu.], *tʷo*: [Dr.], луо *twɔ̀*.

Для данного этимона без особых проблем удастся установить эквивалент только на уровне пралуо: юж.-луо **tʷɔ̀* (с регулярным развитием **tʷ → *t* во всех языках, кроме луо, но и здесь не исключена регулярная нейтрализация оппозиции **t : *tʷ* перед глайдом *-w-*) = сев.-луо **tʷɔ̀* (с диссимиляцией $\rightarrow tʷwa$ в шил). Ану *tàl* в этом контексте — очевидная лексическая инновация; слово обнаруживает параллели в шил *tal* 'твердый, жесткий, неподвижный (о покойнике)' и в алу *tàl* 'высохнуть, иссохнуть; быть парализованным (о конечности)', т. е. в ану произошла нейтрализация двух семантически очень близких понятий (нейтральное 'сухой' как 'лишенный избыточной влажности' и негативное 'сухой' как 'лишенный необходимой влажности/гибкости/подвижности').

На прамабан-бурун уровне восстанавливается основа **ʔw-*, устойчивая в языках-потомках, но не обнаруживающая явных параллелей в других зап.-нилотских ветвях (ожидалось бы ее происхождение от праосновы вида **ɕig-*, т. к. главный источник не прикрытого вокалического анлаута в мабан-бурун — падение палатальной фонемы **ɕ-*).

Днк *riel* 'сухой' — явная инновация, судя по полисемии этой основы: (1) 'сильный, трудный, жесткий'; (2) 'усиливать, ободрять (кого-л.)'; (3) 'сухой' (← 'жесткий'). Не вполне ясно, имеет ли это слово параллели в нуэ; в плане фонетики удовлетворительным соответствием было бы нуэ *riel-ɛ* [Kg.] 'обвинять, сваливать вину (на кого-л.)', но возможная семантическая связь (← 'ужесточать?') туманна. В любом случае, комплексная семантика этимона в днк делает крайне маловероятной исходность значения 'сухой'. Практически отсутствуют внешние параллели и для нуэ *ko:t*: фонетически и семантически допустимо сравнение с ану *kí:d-ó* 'гнить' (напр., о мясе), но ану основа сама по себе изолирована в языках луо, так что в дистрибуционном плане этимология сомнительна.

В любом случае видно, что значение 'сухой' в рассматриваемой группе чрезвычайно неустойчиво (отчасти в связи с детальной дифференциацией всего соответствующего семантического поля: в словарях днк и нуэ, в частности, обнаруживается большое число «технических синонимов» со значениями 'иссыхать', 'увядать' и т. п., смысловые различия между которыми должны быть

минимальны, провоцируя тем самым повышенную семантическую мобильность). При переходе на уровень внешнего сравнения начинать следует с общелуо **t̥wɔ* как наиболее стабильной основы и лишь затем переходить к формам в мабан-бурун, днк и нуэ.

11) «ухо»: нуэ *zit*, мн. ч. *zi:t̥* [Kg.], *zi^ht̥*, мн. ч. *zi^ht̥-ni* [Fr.], днк *yɪ^hɕ*, мн. ч. *yɪ^ht̥* [Du.], *yɪ^hɕ*, мн. ч. *yɪ^h:t̥* [An.], май *ʔiɕ* [An.], *idi* [Bd.], маб *ʒuɛɪ-ɛ*, мн. ч. *ʒuɛt-kɛ* [Ml.], *ʒit-kə* [Bd.], джм *git-kə* [Bd.], ану *ĩt̥*, мн. ч. *ĩdĩ*, шил *yɪt̥*, мн. ч. *yɪt̥* [Ht.], *yɪd̥*, мн. ч. *yɪd̥* [Gl.], пар *it̥*, мн. ч. *id̥-i* [Sim.], *ʔit̥* [An.], тур *yɪd̥*, мн. ч. *yɪd̥-in*, джу *yɪɕ*, мн. ч. *yɪ^ht̥*, ачо *ít*, адо *yɪt̥*, алу *it̥*, кум *yɪt̥*, лнг *yɪt̥* [Heu.], *it* [Dr.], дуо *ít*, мн. ч. *itê*.

Все формы очевидно родственны, однако этимон довольно необычен с точки зрения исторической морфонологии. На пра-юж.-луо уровне Г. Хёйзинг восстанавливает основу **yɪt̥*; дентальная артикуляция надежно подтверждается внешними данными, но нерегулярным образом заменяется на альвеолярную в дуо. Скорее всего, это можно увязать с отсутствием в дуо парадигме «консонантной полярности», что отмечено уже у Хёйзинга: мн. ч. *itê* ← **(y)it̥-Ce* (фонетически = **(y)it̥-ke*, ср. мн. ч. **yɪt-ke* в мабан-бурун?) с ассимилятивным стяжением **-t̥-k-* → **-t-*, после чего ед. ч. парадигмы выровнялось по мн. ч. В сев.-луо языках парадигма имеет вид **yɪt̥*, мн. ч. **yɪd̥-i*, с необъясненным пока что изменением ATR-характеристики в ану и с отпадением конечного гласного мн. ч. в шил, в результате чего оппозиция между ед. и мн. ч. в этом слове выражается тональными средствами. В южной подветви мабан-бурун парадигма имеет вид **yɪt̥-n-* (ед. ч.) : **yɪt̥-k-* (мн. ч.), с последующими морфонологическими преобразованиями (а также с регулярной аффрикативизацией **y-*).

Уникальной оказывается парадигма этого слова в днк, где на ауслатное чередование *-ɕ* (ед. ч.) : *-t̥* (мн. ч.) других примеров не обнаружено. (Формально схожая ситуация обнаруживается в джу, но здесь она носит более регулярный характер: ср. расхождения между днк и джу в аналогично устроенном слове 'живот': днк *yaɕ*, мн. ч. *ya^hɕ* – джр *yɛɕ*, мн. ч. *yɪ^ht̥*). А. Шторх [Storch 2005: 177] предлагает постулировать здесь рудимент старого сингулятивного показателя *-ɕ*, но никаких внешних подтверждений такого морфологического анализа не существует. Вероятнее все же, что здесь налицо следы какого-то старого позиционного развития: например, ед. ч. **yɪt̥* → *yɪɕ* под влиянием двух предшествующих

палатальных сегментов, в то время как мн. ч. $*yiṭ-V \rightarrow yiṭ$ с сохранением исходной артикуляции. В любом случае, данные динка-нуэр нельзя интерпретировать как аргумент для разложения морфемы $*yiṭ$ на $*yi-$ + $*-ṭ$: на уровень внешнего сравнения должна выноситься основа вида CVC.

12) «есть»: нуэ $\text{ṣat}ṭə$ [Kg.], днк $\text{ṣe}^h m \sim \text{ṣat}$ [Du.], ṣat [An.], май $\text{ʔat-} \sim \text{ʔat-}$ [An.], at-ed [Bd.], кpm $\text{ʔat-} \sim \text{ʔat-}$ [An.], маб $\text{amt-o} \sim \text{am-do}$ [Ml.], ʔat- [An.], at-za [Bd.], джм ʔat- [An.], amtə [Bd.], ану ṣāt / $\text{ṣāt}ṭə$, шил ṣat [Ht.], ṣat- [Gl.], пар ṣato [Sim.], ṣāt- [An.], бор ṣāt , ачо $\text{ṣāt}ṭə$, адо, алу, кум $\text{ṣāt}ṭə$, днг $\text{ṣāt}ṭə$ [Heu.], ṣato [Dr.], дуо $\text{ṣāt}ṭə$, лбв ṣēt .

Праюж.-луо $*ṣāt-$ [Heu.] = прасев.-луо $*ṣat-$ ~ $*ṣat-$ = прамабан-бурун $*ʔat-$ ~ $*ʔat-$ = динка-нуэр $*ṣat-$; за исключением отдельных неясностей с рефлексацией вокализма, этимон однозначно восстанавливается на празап.-нилотском уровне в виде $*ṣat-$.

13) «яйцо»: (а) нуэ tuŋ diet , мн. ч. tuŋ di:n [Kg.], днк tuŋ , мн. ч. tuŋ [Du.], tu:ŋ , мн. ч. $\text{tō}^h \eta$ [An.], ану təŋə , мн. ч. təŋ , шил təŋo [Ht.], пар toŋo , мн. ч. toŋ [Sim.], təŋə , мн. ч. təŋ [An.], ачо tō:ŋ , адо, алу tōŋ , днг tōŋ [Heu.], təŋ [Dr.], дуо tōŋ , мн. ч. təŋgə ; (б) май kum-at , мн. ч. kum [An.], kum-at [Bd.], кpm kum-at , мн. ч. kum [An.], маб kum-to , мн. ч. kum-go [Ml.], kum-tl , мн. ч. kum-gə [An.], kum [Bd.], джм kum-tu , мн. ч. kum-gu [An.], kumtu [Bd.].

Празап.-нилотск. 'яйцо' однозначно восстанавливается исходя из дистрибуции группы форм (а): юж.-луо ед. ч. $*tōŋ$, мн. ч. $*təŋ-gə$ [Heu.] + сев.-луо мн. ч. $*təŋ$, ед. ч. $*təŋ-ə$ + динка-нуэр ед. ч. $*tuŋ$, мн. ч. $*tō^h \eta$ (обе формы развились из плохо поддающихся реконструкции двусложных морфемных комбинаций). Единственная ветвь, в которой празап.-нилотск. корень $*təŋ$ не зафиксирован — мабан-бурун, где старая основа была вытеснена инновацией $*kum-$ (с ATR-инверсией вокализма в маб и джм). Этимология этого корня неоднозначна; возможны следующие варианты:

— ареальное происхождение: ср. в соседних команских языках такие формы, как опо $\text{koto} \sim \text{kuti}$, комо tōt и др. ([Bender 1983с: 269], с пракоманской реконструкцией $*koto$);

— вторичное семантическое развитие из общезап.-нилотской основы, ср. фонетически совместимые формы в динка-нуэр: нуэ kot [Kg.] 'кора; стручок; яичная скорлупа', днк $\text{ko}^h m$ [Du.] 'скорлупа (ореха), кожа';

— взаимодействие обоих этих факторов (изменение значения старой нилотской основы под ареальным воздействием семантики фонетически сходных команских форм).

В любом случае, до тех пор, пока вопрос о возможных специфических языковых контактах между мабан-бурун и команскими языками не будет исследован подробнее, следует воздержаться от однозначного постулирования заимствования.

14) «глаз»: нуэ *waŋ*, мн. ч. *jin* [Kg.], *waŋ*, мн. ч. *wa^hŋ* [Fr.], днк *jin*, мн. ч. *ji^hn* ~ *jiɛn* [Du.], мн. ч. *jii:^hn* [An.], май *wəŋ* ~ *waŋ*, мн. ч. *ŋɪn* [An.], *wəŋ* [Bd.], кpm *wàŋ-gí*: 'мой глаз' [An.], маб *waŋɛ*, мн. ч. *wəŋgi* ~ *jiŋɛ* [Ml.], *wáŋí*, мн. ч. *jiŋ-gà* [An.], *waŋv* [Bd.], джм *wáŋ* [An.], *waŋi* [Bd.], ану *wàŋ*, мн. ч. *jiɛŋ*, шил *waŋ*, мн. ч. *jiŋ* [Ht.], *wāŋ*, мн. ч. *jiŋ* [Gl.], пар *waŋ*, мн. ч. *jiŋ* [Sim.], *wàŋ* [An.], бор *wáŋ*, ачо *wàŋ*, мн. ч. *wəŋí*, адо, алу, кум *wàŋ*, лнг *wàŋ* [Heu.], *waŋ* [Dr.], луо *wàŋ*, мн. ч. *wéŋgê* ~ *wáŋgê*.

Общезап.-нилотская форма ед. ч. восстанавливается однозначно в виде **waŋ*: юж.-луо **wàŋ* [Heu.] + сев.-луо **wàŋ* + мабан-бурун **waŋ* + нуэ *waŋ*. Что касается мн. ч., то здесь данные всех сев.-луо языков, нуэ и части языков мабан-бурун указывают на праязыковой супплетивизм: ед. ч. **waŋ* противопоставлено мн. ч. **jin* ~ **jiŋ* (исходная артикуляция конечного носового однозначно не определяется; не исключено, что в позиции после переднего гласного *-i* фонологическое противопоставление **-n* : **-ŋ* в празап.-нилотском вообще нейтрализовывалось). Свести эти две основы к единому первоисточнику через внутреннюю реконструкцию невозможно; очевидно, что уже на прауровне они воспринимались как абсолютно разные корни. В конечном итоге это привело к аналогическому выравниванию парадигмы — либо по форме ед. ч., как в юж.-луо языках (ед. ч. **wàŋ* : мн. ч. **wəŋ-gɛ* [Heu.]) и в отдельных говорах маб (ср. варьирование между старым мн. ч. *jin-gɛ* и новым *wəŋ-gu*), либо по форме мн. ч., как в днк. Поскольку для лексикостатистики по формальным соображениям за основную принимается форма ед. ч., для днк в связи с этим приходится постулировать лексическую замену.

15) «огонь»: нуэ *taɕ*, мн. ч. *mai* [Kg.], *taɕ*, мн. ч. *ta^hɕ* [Fr.], днк *taɕ*, мн. ч. *tɛ^hɕ* ~ *tɛ^hi* [Du.], *tà:^hɕ*, мн. ч. *tɛ^h:ɕ* [An.], май *taɕ*, мн. ч. *tlu-ɪt̪* [An.], *taɕ* [Bd.], кpm *tá:^hɕ* [An.], маб *ta:ɲo*, мн. ч. *te:ko* [Ml.], *tâ:ŋ-l̪*, мн. ч. *tê-kà* [An.], *ta:nɜv* [Bd.], джм *tâ:ɲ*, мн. ч. *tlɪɕ-kà* [An.],

тап [Bd.], *ану* *tà:ɕ*, мн. ч. *тлɕ*, *шил таɕ* [Ht.], *таɕ* [Gl.], *пар таɕ*, мн. ч. *тазо* [Sim.], *tà:ɕ* [An.], *ачо та:ɕ*, *адо*, *алу*, *кум таɕ*, *лнг таɕ* [Ht.], *таɕ* [Dr.], *луо таɕ*, мн. ч. *тэɕ ~ тэуê*, *дбв таɕ*, мн. ч. *таɕ-ì*.

Прауж.-нилотская реконструкция **та:ɕ* более или менее однозначно выводится из прауж.-луо **таɕ* [Heu.], прасев.-луо **та:ɕ*, мабан-бурун **та:ɕ* и динка-нуэр **таɕ*. Исходная фонологическая долгота корня хорошо сохраняется в сев.-луо (*ану*, *пар*) и в мабан-бурун. В *маб* и *джм* ауслаут корня подвергся предсказуемой мутации в ходе слияния с суффиксальными показателями (ед. ч. **та:ɕ-n* → **та:r-*, мн. ч. **та:ɕ-k-* → *маб те:k-*). В динка-нуэр простая форма основы сохраняется в ед. ч.; более сложная форма мн. ч. отражает следы выпавшего суффиксального форманта, состоявшего из переднего гласного и, возможно, предшествующего ему «слабого» согласного (*≈ *таɕ-(C)i?*).

16) «нога»: (а) *нуэ ɕoʔ ~ pat ɕo:ʔ*, мн. ч. *ɕoʔ* [Kg.], *pa^ht-ɕio^hk*, мн. ч. *pa^ht-ɕio^hk-ni^h* [Fr.], *днк ɕo^hk*, мн. ч. *ɕo^hk* [Du.], *ɕó^hk*, мн. ч. *ɕò^hk* [An.]; (б) *май kɪr* [An.], *kerɛ* [Bd.], *кpm kɪ:r-í* 'моя нога' [An.], *маб ɕiu*, мн. ч. *ɕie-gu* [Ml.], *ɕíy-á*, мн. ч. *ɕí:e-gà* [An.], *kie* [Bd.], *джм* мн. ч. *kíy-gá* [An.], *kie* [Bd.]; (в) *ану tìɛlò*, мн. ч. *tìɛl*, *шил tyɛl-o*, мн. ч. *tyɛl* [Ht.], *пар tyɛl-o*, мн. ч. *tyɛl* [Sim.], мн. ч. *tìɛl* [An.], *джу tíɛl-ɔ^h*, мн. ч. *tíɛl*, *ачо tyè:n*, *адо tyènd*, *алу tyèlò ~ tyènd*, *кум tyèn*, *лнг tyěn* [Heu.], *tyen* [Dr.], *луо tìèlò*, мн. ч. *tiéndé ~ tiéndê*.

Прауж.-луо парадигма восстанавливается в виде ед. ч. **tyèl-ò*, мн. ч. **tyéndé* [Heu.] на основании в первую очередь данных по *луо*, а также *алу*, где, судя по словарю [Ukoko et al. 1964: 367], обе формы могут иметь семантику ед. ч., находясь в свободном варьировании. В остальных юж.-луо языках процесс обобщения старой формы мн. ч. уже завершился. Внутренняя реконструкция позволяет рассматривать мн. ч. **tyén-dé* как позиционное развитие из **tyel-te*, причем датироваться оно должно как минимум обще-луо периодом: ср. пралуо **de:l* 'кожа' → *луо dèl*, мн. ч. *dén-dê*, *алу dèl*, мн. ч. *dén-dá*, а также в сев.-луо: *пар dè:l*, мн. ч. *dén-dí*.

Для слова 'нога' в сев.-луо языках этот контраст, однако, не зафиксирован, т. к. здесь парадигма устроена иначе: нулевое (нейтральное) маркирование формы мн. ч. (прасев.-луо **tìɛl*) и сингулятив -ɔ в ед. ч. (прасев.-луо **tìɛl-ɔ* = прауж.-луо **tyèl-ɔ*).

Судя по согласованным данным практически всех словарей, в пралуо **tyel* значения 'нога (стопа, foot)' и 'нога (выше стопы, leg)'

были нейтрализованы. Однако в мабан-бурун они различаются: пралуо **tyɛl* соответствует маб *tyɛlu*, мн. ч. *t̥ɛr-ku* 'голень (shin)' [ML.], *t̥iɛl-ɾ* [An.] 'нога (leg)', кpm *t̥ɛ:l* 'нога (ниже колена)' [An.], джм мн. ч. *t̥ɪr-k-* 'ноги (legs)' [An.] ← прамабан-бурун ед. ч. **t̥yɛl-*, мн. ч. **t̥ɛr-k-*. Нерегулярное соответствие **t̥- : *t-* между двумя ветвями удовлетворительно объяснить пока не удастся, но вряд ли оно может в данном случае препятствовать совместной этимологизации перечисленных форм. Архаичность именно альвеолярной артикуляции подтверждается данными нуэ, где *tea:l*, мн. ч. *te:l* = 'голень, нога ниже колена' [Kg.]; но эта же форма убедительно показывает, что значение 'стопа' в языках луо вторично.

Для прамабан-бурун 'нога (foot)' восстанавливается как **kɪr*; праформа хорошо сохраняется в бурун, но в южной ветви сонорный **-r-* закономерно развивается в **-y-*, гласный подвергается «ATR-инверсии» и сокращается (→ **kiy*), а в маб, кроме того, наблюдается палатализация (→ **ɕiy*, хотя в диалекте, с которым работал Л. Бендер, все еще представлен старый вариант без смягчения, *kie*). Внешних параллелей к основе **kɪr* ни в динка-нуэр, ни в луо языках обнаружить не удалось.

В динка-нуэр значение 'нога' представлено основой **ɕoʰk*, причем в нуэ различие между 'foot' и 'leg' нейтрализовано, как и в луо (при необходимости уточнить значение 'foot' иногда используется сложное образование *pat ɕoɣ* [Kg.], *paʰt ɕioʰk* [Fr.] 'подошва ноги', ср. *pat teɟa* [Kg.] 'ладонь'), в то время как в днк наблюдается противопоставление между *ɕoʰk* 'foot' и *diɛr* 'leg, shin, shinbone' [Du.]. Внешних параллелей к основе **ɕoʰk* ни в мабан-бурун, ни в луо обнаружить также не удалось.

Таким образом, все три основные зап.-нилотские ветви представлены разными этимонами, требующими ранжирования. Луо **tyɛl* здесь наиболее сомнительная основа, т. к. значение 'foot' для нее, как было показано выше, скорее всего вторично. Динка-нуэр **ɕoʰk* можно поставить под сомнение ввиду возможного ареального характера формы: ср. в первую очередь такие формы в соседних команских языках, как *opo ɕok*, *комо šɔg* и др., которые Бендер возводит к пракоманск. реконструкции **šog* [Bender 1983c: 270]. Как и в случае с 'яйцом' в языках мабан-бурун (см. выше), уверенно постулировать здесь заимствование в динка-нуэр можно будет только в результате системного исследования гипотетических

лексических контактов между зап.-нилотскими и команскими языками, однако данное наблюдение само по себе уже снижает вероятность архаичности динка-нуэр * $\phi o^h k$. Что касается мабан-бурун * $k i r$, то для этой основы пока не удалось представить ни внутреннюю, ни внешнюю этимологизацию, так что на уровень дальнейшего внешнего сравнения в первую очередь следует выносить именно ее.

17) «волосы»: (а) нуэ *tiem* [Kg.], *ɲim*, мн. ч. *ɲia^m* [Fr.], днк *ɲiɛ^m*, мн. ч. *ɲi^m*; (б) май *riɣ-aniɪ*, мн. ч. *ri:k* [An.], *re* [Bd.], крм *ri:* [An.], маб *ziɛ-ɲan*, мн. ч. *zuɛu* [Ml.], *zei* [Bd.], джм мн. ч. *zɪ:k* [An.], *zek* [Bd.], ану *zɛːnɪɔ*, мн. ч. *ziɛr*, шил *uɛu*, мн. ч. *ɲiɛu*, пар *yerro*, мн. ч. *yier*, джу *ɲiɛ^h r*, ачо, адо, кум *uɛr*, алу *ɲir*, лнг *uɛr* [Heu.], *yer* [Dr.], луо *ɲiɛr*, дбв *ɲiɛr-wiɛ*.

Линия демаркации проходит здесь между динка-нуэр и остальными зап.-нилотскими ветвями, однако обе группы форм требуют обстоятельного историко-фонетического комментария. В луо реконструкция в целом проста: юж.-луо **uɛr* [Heu.], сев.-луо **yer* (мн. ч.), **yer-no* или **uɛr-nɔ* (сингулятив). Сев.-луо парадигма нагляднее всего сохраняется в ану, где носовой согласный сингулятива не вытесняется ауслатным согласным корня, а, наоборот, сам его ассимилирует. В шил ассимиляция принимает иное направление: здесь под влиянием двух палатальных сегментов в палатальный глайд переходит **r* (спорадическое «йотирование» вибранта в шил наблюдается и в других случаях, см. ниже 'мясо').

Луо **yer* в южной ветви мабан-бурун должно соответствовать **zeu*, с регулярным развитием **r* → **u* и аффрикативизацией «старого» **u* перед передним гласным. Именно она и наблюдается в маб форме мн. ч. *zuɛu-o*, в то время как сингулятив 'волос' расширен за счет сложного суффикса: **zeu-ɲan* → **zeɲan*. В джм форма мн. ч. была расширена за счет такого же собирательного суффикса -*k*, который наблюдается, например, в слове 'вода' (см. ниже): **zeu-k* → *zɪ:k*, после чего новый сингулятив был образован уже от этой формы: *zɪ:k-ɲan* 'волос' [Storch 2005: 155].

Гораздо труднее обнаружить связь между этими формами и рефлексами в бурун. Здесь в крм зафиксирована «чистая» основа *ri:*, расширенная в май за счет все того же собирательного суффикса -*k* (*ri:k*). Объединить эту основу с формами в маб-джм и луо можно только при условии метатезы: **yer-* → бурун **rey-* с

дальнейшим стяжением в *гг*. Причины и механизм такой метатезы с трудом поддаются объяснению, но бросается в глаза тот факт, что для структур вида **yVr-* она могла быть регулярной, т. к. во многом аналогичный случай наблюдается и для этимона 'дым' (см. ниже). Таким образом, есть веские основания постулировать в бурун лексическую замену с неясной этимологией, а всего лишь нетривиальное фонетическое развитие.

Очень сложной оказывается ситуация в динка-нуэр. Фонетическое сходство всех перечисленных форм очевидно, но объяснения требует нерегулярное соответствие «днк ɲ- : нуэ *m*-» (в ряде диалектов нуэ, впрочем, также наблюдается дентальный носовой ɲ-). Эта ситуация бегло обсуждается в работе [Hall, Hall 1996: 153], авторы которой не находят возможности предложить для этого феномена чисто фонетическое решение, выдвигая вместо этого гипотезу о том, что нуэ *miem*, возможно, отражает результат слияния с окаменевшим префиксом (← **mi=ɲiem*). Поскольку, однако, никаких других следов такого префикса в динка-нуэр не обнаружено, согласиться с таким решением невозможно.

Искать приемлемый сценарий развития здесь следует все же в области исторической фонотактики: очевидно, что структура основы **mVm*, представленная в нуэ для разбираемых языков крайне нетипична и может являться тем самым фактором, который обеспечивает диалектное разнообразие форм данной основы. Ассимиляция **ɲiem* → **miem* в нуэ маловероятна, т. к. есть много аналогичных форм, где такой ассимиляции не наблюдается (ср. хотя бы минимальную пару *ɲe:te* 'видеть' : *ɲe:te* 'быть тонким' [Kg.]). Скорее можно было бы предположить диссимиляцию **miem* → **ɲiem*, или же независимое развитие обоих вариантов из прадинка-нуэр **Ciem*, где начальный согласный перешел в носовой под воздействием конечного.

Дальнейшее решение этого вопроса неотделимо от поиска внешних соответствий для форм в динка-нуэр. В этой связи бросается в глаза такая форма, как ану ед. ч. *wim-ə*, мн. ч. *wim* 'пучок волос на хвосте жирафа или слона', вполне совместимая с динка-нуэр 'волосами' и подсказывающая при этом, что прадинка-нуэр реконструкция могла бы на самом деле иметь вид **wim* → **miem* ~ **ɲiem* (тем более что хороших примеров на прадинка-нуэр структуры вида **wVm* с сохранением обоих согласных в языках-

потомках нет). Сама форма в ану также имеет необычную в плане фонотактики структуру и в других языках луо соответствует таким рефлексам, как луо *wì:n-ò* 'волосы коровьего или слоновьего хвоста', ачо *wà:n-ò* id., шил *wìn-o* id. и др. Общее и дистрибуционное превалирование варианта **wìn-o* в принципе должно означать инновативное развитие **wìn-o* → **wim-o* в ану, но не исключен и обратный переход (диссимилиация **-m-* → *-n-* в двусложной структуре, содержащей три губных элемента). Такой сценарий недоказуем, но и неопровержим, а принятие его в качестве рабочей гипотезы позволяет не только реалистично этимологизировать динка-нуэр *tiem* ~ *ɲiem* как семантическую инновацию ('волосы в хвосте животного' → 'волосы вообще'), но и объяснить истоки странного консонантного чередования в анлаутной позиции.

18) «рука»: (а) нуэ *tef*, мн. ч. *te:f* [Kg.], *te^ht* ~ *pa^h=tet*, мн. ч. *tet* ~ *pa^h=tet-ni^h* [Fr.]; (б) днк *ɕin*, мн. ч. *ɕin* [Du.], *ɕin*, мн. ч. *ɕi^hn* [An., май *ʔin-aṭ*, мн. ч. *ʔin* [An.], *en-aṭ* [Bd.], маб *ʔin-tu*, мн. ч. *ʔin-ku* [Ml.], *ʔin-tṭi*, мн. ч. *ʔin-kṭ* [An.], джм *ʔin-tṭi*, мн. ч. *ʔin-kṭ* [An.], *in-te* [Bd.], ану *ɕen-ò*, мн. ч. *ɕɛɲ*, шил *ɕin-o*, мн. ч. *ɕiɲ* [Ht.], *ɕiɲ-ò*, мн. ч. *ɕiɲ* [Gl.], пар *ɕiɲ-o* ~ *ɕin-o*, мн. ч. *ɕiɲ* ~ *ɕin* [Sim.], джу *ɕiɲ-ò^h*, мн. ч. *ɕiɲ*, ачо, адо, алу, кум *ɕiɲ*, днг *ɕiɲ* [Heu.], *ɕiɲ* [Dr.], луо *ɕiɲ*; (в) крм *gá:láṭ* [An.], май *ga:l* ~ *ga:l-aṭ*, мн. ч. *ga:l-uk* ~ *gol-uk* [An.].

Максимальную дистрибуцию по ветвям и отдельным языкам имеет группа форм (б). Данный этимон восстанавливается для прауж.-луо состояния как **ɕiɲ* [Heu.]. В сев.-луо языках отчетливо прослеживаются следы старого чередования: мн. ч. **ɕiɲ* — ед. ч. **ɕim-o*. Лучше всего оно сохраняется в ану; в шил и пар уже видны тенденции к аналогическому выравниванию парадигмы.

То, что исходная артикуляция ауслатного согласного корня была переднеязычной, видно из дальнейших параллелей в мабанбурун, где корень имеет вид **ʔim-* (← **ɕim-*), а парадигма восстанавливается как **ʔim* (нейтр. форма) : **ʔim-tṭi* (ед. ч.) : **im-kṭ* (мн. ч.). По-видимому, форму **ɕiɲ* в языках луо нужно рассматривать как стяжение из **ɕim-kV*. Переднеязычный носовой сохраняется и в днк, убедительно подтверждая общезап.-нилотскую реконструкцию этимона **ɕim-* 'рука'.

В отличие от 'ноги', лексическое различие между 'рукой' (кистью) = *hand* и 'рукой' (выше кисти) = *arm* в зап.-нилотских языках проводится более последовательно. В ветви луо **ɕim-* 'hand'

обычно противопоставлено *bat 'arm' → ану *bàt*, шил *bat* [Ht.], пар *bat* [Sim.], ачо *bàt* и т. д. Только в дуо *bàt* 'arm' начинает постепенно вытесняться за счет расширяющего свою семантику *ḥīḥ* 'hand', в то время как в значении 'hand', наоборот, начинает употребляться слово *lwéd-ô* 'палец' (эти выводы можно сделать из анализа значений в словаре А. Такера).

В языках мабан-бурун и динка-нуэр наблюдается явная тенденция к замещению **ḥim-*, причем наблюдаемые замены, как правило, не имеют очевидных этимологий. В некоторых языках словарные описания допускают синонимию, без каких-либо попыток описать различия в употреблении: так, в май, согласно глоссировке Т. Андерсена, *ʔin-aḥ* переводится как 'hand', а *ga:l* — как 'arm, hand', но уже в кrm *gá:l-áḥ* глоссируется просто как 'hand'. Здесь можно предполагать вторичную нейтрализацию обоих значений, но при этом явных внешних параллелей для **ga:l* не обнаружено. Похожая ситуация наблюдается и в маб, где наряду с *ʔin-tu* 'hand' в словаре Б. Миллер приводится инновация *byeḥ* 'hand' (оба слова глоссируются исключительно как 'hand' и в работах Т. Андерсена).

В динка-нуэр архаичную ситуацию сохраняет днк, в то время как нуэ утрачивает старый корень, заменяя его на основу **tet* неясного происхождения (ср. также ед. ч. *tèt*, мн. ч. *téḥt* в ред).

Все описанные процессы указывают на то, что уже после распада зап.-нилотской общности в отдельных ветвях и языках начался активный процесс перестройки общей концепции «пояса верхних конечностей». Похоже, что в исходной системе проводилось последовательное разграничение между 'arm' и 'hand', однако в ходе ареального развития под влиянием соседних языков оно нивелировалось за счет образования новых терминов, совмещающих оба значения (возможно, из «жаргонных» слоев лексики, что объясняет трудности с этимологизацией, т. к. такие слова часто отсутствуют в словарях). Дальнейшее решение этого вопроса требует детальной этимологической проработки всего материала, однако уже сейчас на празап.-нилотский уровень можно с уверенностью вывести этимон **ḥim-* 'hand', который и будет впоследствии привлекаться к внешнему сравнению.

19) «голова»: (а) нуэ *wiḥ*, мн. ч. *wotḥ* [Kg.], *wiḥḥ*, мн. ч. *wiḥḥḥ* [Fr.], май *weḥ* [Bd.], маб *wyeḥe*, мн. ч. *wyet-ku* [Ml.], *wiḥḥ-í* [An.], *ieḥu* [Bd.],

джм *wɪŋ* [An.], *wɪŋe* [Bd.], ану *wiɕ*, мн. ч. *wiɖi*, шил *wiɕ* ~ *wiɜ*, мн. ч. *waɖ* [Ht.], *wiɜ*, мн. ч. *wəɖɖ* [Gl.], пар *wiɕ*, мн. ч. *wiɖ-i* [Sim.], *wiɕ* [An.], джу *wiɕ*, мн. ч. *wʊ^ht*, ачо, адо, алу *wiɕ*, кум *wiɕ*, мн. ч. *wiɕe* ~ *wiɕ*, днг *wiɕ* [Heu.], *wiɕ* [Dr.], дуо *wiɕ*, мн. ч. *wiɣe*; (6) днк *n^hom*, мн. ч. *n^hi^hm* ~ *not* ~ *nom* [Du.], *n^hom*, мн. ч. *n^hi^hm* [An.].

Данный этимон в целом устойчив. На праюж.-луо уровне восстанавливается парадигма ед. ч. **wiɕ*, мн. ч. **wiɜ-e* [Heu.] («консонантная полярность» здесь объясняется простым аллофоническим озвончением **ɕ* в интервокальной позиции). Сравнение с более сложной сев.-луо парадигмой **wiɕ*, мн. ч. **wiɖ-* (конечный гласный мн. ч. однозначно не восстанавливается) показывает, что в юж.-луо имело место аналогическое выравнивание: чередование **-ɕ* : **-ɖ-* далее подтверждается формами в нуэ, а также несколькими другими аналогично устроенными парадигмами (ср. 'живот': ану ед. ч. *ɛɕ*, мн. ч. *iɖ-i*, шил ед. ч. *yiɕ*, мн. ч. *yeɖ* и др.). В мабан-бурун подробные данные имеются только по южной подветви, где парадигма перестраивается по продуктивной модели: основа ед. ч. **wiɕ-n* → **wieŋ-*, мн. ч. **wiɕ-k* → **wiet-k*.

Внутренняя реконструкция М. Ре, поддерживаемая А. Шторх, предполагает, что **-ɕ* и **-ɖ(V)* следует отделять от корня **wi-* как архаичные, «слабопродуктивные» (или даже застывшие) морфологические показатели. Этот вопрос уже отчасти обсуждался выше (см. 'ухо'): на наш взгляд, достаточных оснований для того, чтобы отсекал по крайней мере **-ɕ* как «суффикс», у нас нет (для этого как минимум требовалось бы обнаружить четкое противопоставление между ауслаутным «корневым» **-ɕ* и «суффиксальным» **-ɕ*, что вряд ли возможно). Труднее с основой мн. ч.: здесь следует либо предполагать следы какого-то очень древнего морфонологического чередования (дезаффрикативизация **wiɕ-i* → **wiɖ-i* уже на празап.-нилотском уровне?), либо все же согласиться с суффиксальным характером дентального элемента, т. е. предположить стяжение **wiɕ-ɖi* → **wi-ɖi*, ввиду, например, таких парадигм, как ану ед. ч. *kāw* : мн. ч. *kó:-tí* 'грудь', днк ед. ч. *ká^hw*, мн. ч. *kó^ht* [An.] 'семья' и др., где *-t* действительно никак не может принадлежать корню. Тем не менее, ни то, ни другое решение не отрицают возможности реконструкции в ед. ч. корневой основы **wiɕ*.

Единственная лексическая замена произошла в днк, где старый этимон был вытеснен инновацией *n^hom*, возможно, локальным

«жаргонизмом»: ср. нуэ *nɛt* [Kg.] 'хохолок на голове венценосного журавля' (единственная фонетически совместимая и семантически приемлемая параллель, которую удалось обнаружить).

20) «слышать»: (а) нуэ *li:ŋɛ* [Kg.], шил *liŋ* [Ht.]; (б) днк *piŋ* [Du.], *piŋ* [An.]; (в) май *tiŋ* [An.], *tɛŋɛ* [Bd.], маб *tɛŋ* [Ml.], *ʔi:ɛŋ-* [An.], *tiŋɣa* [Bd.], джм *tɛŋə* [Bd.]; (г) ану *wiŋrɔ̀*, пар *wiŋzi* [Sim.], *wiŋz-* [An.], ачо *wiŋrɔ̀*, адо *alu wiŋzɔ̀*, кум *wiŋrɔ̀*, днг *wiŋrɔ̀* [Heu.], *wiŋo* [Dr.], дуо *wiŋzɔ̀*.

Для данного значения однозначный эквивалент легче всего обнаруживается в языках луо: юж.-луо **wiŋz-* [Heu.] + сев.-луо **wiŋz-* (лучше всего сохраняется в пар). Вопрос об исторической природе носового кластера **ŋz* сложен (см. выше дискуссию о возможности реконструкции таких сочетаний на празап.-нилотском уровне), но, в любом случае, надежные параллели к **wiŋz-* в мабан-бурун и динка-нуэр отсутствуют.

В шил пралуо значение 'слышать' перешло на основу *liŋ* 'слышать, понимать', регулярно соответствующую ану *lɛŋ* 'понимать', а в юж.-луо языках — глаголу 'молчать' (алу *liŋ*, днг *liŋ* [Dr.], дуо *li:ŋ*; к семантической связи между значениями 'молчать', 'понимать', 'слышать' ср. такие формы в алу, как *liŋg* 'подслушивание', *liŋgɔ̀* 'подслушивать', при условии, что их можно в морфологическом плане свести к **liŋ-kV*). Еще более любопытен тот факт, что такая же инновация имела место и в нуэ: мы имеем здесь дело с единственной эксклюзивной изоглоссой между нуэ и шил во всем 100-словном списке, что заставляет предполагать либо независимое параллельное семантическое изменение, либо ареальную изоглоссу (возможно, даже прямое заимствование из шил в нуэ).

Все формы в языках мабан-бурун восходят к исходному варианту **tiŋ-* ~ **tɛŋ-* (с неясным, возможно, контекстно обусловленным развитием **t-* → **t-* в май). Ни этот корень, ни днк *piŋ* не имеют никаких убедительных внешних параллелей. По крайней мере для днк *piŋ* можно предположить ареальные корни ввиду его полной изолированности в зап.-нилотских языках; с другой стороны, ср. гаам *fiŋ-ən-* 'слышать', почти полное фонетико-семантическое тождество которого с формой в днк вряд ли может быть случайным, но объясняться как генетическое может только при том условии, что днк *piŋ* в значении 'слышать' выводимо не просто на зап.-нилотский, но и на общенилотский уровень.

Итоговое ранжирование «кандидатов» осуществляется в следующем порядке: (а) **wiŋz-* (уверенно восстанавливается в наиболее лексически архаичной ветви луо); (б) **tɪŋ-* (прамабан-бурун, без внешних параллелей); (в) днк *pɪŋ* (одна из подветвей динка-нуэр, с возможными ареальными параллелями).

21) «сердце»: (а) нуэ *lɔɕ*, мн. ч. *lɔi* [Kg.], *lɔɕ*, мн. ч. *lo^hɕ* [Fr.]; (б) днк *pɪɔ^hu* ~ *pɪou* ~ *pɪɔ^hu*, мн. ч. *pɪɔ^ht* ~ *pɪɔ^ht* [Du.], *pɪɔ^hw*, мн. ч. *pɪɔð^ht* [An.]; (в) май *ʒɔk* [An.], *ɕɔɖɛ* [Bd.]; (г) маб *ki:m-mo*, мн. ч. *kim-tan* [Ml.], *ki:ma* [Bd.], джм мн. ч. *ki:m-dàŋŋɪ* [An.], *kime* [Bd.]; (д) ану *wɛɾɪ-ɔ̃*, мн. ч. *wɛɾɪ*; (е) шил *mɪn-o*, мн. ч. *mɪn* [Ht.]; (ж) пар *a=dund-o*, мн. ч. *a=dund-e* [Sim.], *à=dú:nd-ó* [An.], тур *à=dɔ^h:l-á*, мн. ч. *à=dɔ^h:l-ɛ^hn*, джу *à=dɔ^h:l-ɔ̃^h*, мн. ч. *à=dɔ^h:l-ɛ́*, ачо *à=dú:n-ú*, адо *à=dúnd-ó*, алу *á=dúnd-é*, лнг *à=dún-ú* [Heu.], дуо *à=dúnd-ɔ̃*, лбв *à=dún-ɔ̃*; (з) кум *à=táw*; (и) лнг *ɕúrɪ* [Heu.], *ɕwɪŋ* [Dr.].

Неустойчивость этимона очевидна. Однозначная реконструкция возможна только на уровне пралуо, где на основании юж.-луо **a=dund-o* (= **ðúndó* [Heu.]) и пар *a=dund-o* восстанавливается основа **a=dund-* с застывшим префиксом *a=*. Еще в двух языках луо (джу и тур) эта же основа имеет вместо носового кластера срединный *-l-*: морфонологическое чередование **-l- / *-nd-* (← **-l-d-*) для ветви луо нормально (см. разбор этимона 'нога'), так что варианты **a=dul-* ~ **a=dun-d-* можно безоговорочно выводить на общелуо уровень.

Отметим, что главной продуктивной функцией префикса *a=* в луо обычно является образование субстантивных и адъективных основ от глагольных; этот факт сам по себе ставит архаичность основы **adul-* ~ **adund-* в значении 'сердце' под сомнение и повышает вероятность того, что она на самом деле тождественна шил *a=dul-o* [Ht.], пар *a=dund-o* [Sim.] 'круглый' (по фонетике допустимо также сопоставление с пралуо **dund-* 'быть коротким, маленьким', но семантическая связь здесь менее очевидна).

Тем не менее, инновативное происхождение всех остальных слов со значением 'сердце' в языках луо еще более очевидно:

— лнг *ɕúrɪ* восходит к общезап.-нилотскому этимону 'печень', гораздо более устойчивому в этой языковой группе, нежели 'сердце' [Heusing 2004: 323]; Г. Хёзинг отмечает, что старая форма *à=dúnú* в лнг еще сохраняется (в статусе архаизма);

— кум *à=táw* заимствовано из близлежащего вост.-нилотского языка тесо, где это слово имеет вид *e=tai*; Г. Хёзинг предполагает

возможность исконного родства, что чрезвычайно маловероятно (в вост.-нилотских языках основа легко выводима на прауровень, в то время как в зап.-нилотской группе ее дистрибуция строго ограничена одним кум, активно контактирующим со своим восточным соседом);

— ни ану *wèr-ɔ̃*, ни шил *tin-o* не имеют очевидных этимологических параллелей непосредственно за пределами этих языков. Для шил нельзя исключить внутреннюю связь с глагольной основой *tin* 'быть сладким; быть хорошим, приятным, отличным' (ср. также идиоматическое выражение *tin ɕwɪr* 'быть довольным, счастливым', букв. 'иметь сладкую печень'). С другой стороны, в словаре шил подчеркивается, что *tin-o* имеет строго анатомическое значение, в то время как в переносном значении 'сердце (как орган чувств)' употребляется слово *руεw*, мн. ч. *руε-t̚* (если бы 'сердце' было образовано от глагола с абстрактным значением, следовало бы ожидать обратной ситуации).

Из языков мабан-бурун май *ɜk* имеет полисемию 'сердце, грудь' и в последнем значении соответствует маб *zia-no*, мн. ч. *ɜɔ-t-ko* 'грудь' [Ml.]. Что касается юж.-бурун **kim-*, то эта основа подозрительна уже хотя бы из-за полного отсутствия диалектных вариантов с палатализацией **k- → ɕ-*, при том, что такая палатализация для старых корней на **ki-* естественна (см. выше 'нога'). Строгая сохранность *k-* во всех диалектах намекает на относительно недавнее, возможно заимствованное происхождение этого слова, хотя конкретный источник не устанавливается.

Днк *риɔ^hи*, мн. ч. *риɔ^ht̚*, по-видимому, соответствует нуэ *roi*, мн. ч. *роɔt̚* 'легкое', т. е. имеет изначально «анатомическое» значение; в то же время для нуэ *lɔɕ* удовлетворительной внешней этимологии не обнаружено. С другой стороны, днк-нуэ 'сердце/легкое' вряд ли отделимо от упомянутого выше шил *руεw*, мн. ч. *руε-t̚* 'сердце (как орган чувств)'. По-видимому, именно эта основа (общезап.-нилотск. **руεw* или **руɔw*; реконструкция вокализма сутобо предварительна), в силу относительно широкой дистрибуции по группам, имеет наибольшие шансы на репрезентацию значения 'сердце' в празап.-нилотском. Тем не менее, в ситуации столь явной неустойчивости этимона к внешнему сравнению можно привлекать и общелуо **a=dund-*, и мабан-бурун **kim-*, и даже нуэ *lɔɕ*, т. к. решающего дистрибуционного преимущества у **руεw* все же нет

(и к тому же очень странным выглядит отсутствие рефлексов этой основы в других языках луо: изоглосса между динка-нуэр и шил, наиболее северным из языков луо и близким географическим соседом динка-нуэр, неизбежно наводит на подозрение в «ареальности» этимона).

22) «рог»: нуэ *tun*, мн. ч. *tuŋ-ni* [Kg.], *tvŋ* [Bd.], днк *tun*, мн. ч. *tun ~ tuʔʰŋ* [Du.], *tùʰŋ*, мн. ч. *tûʰŋ* [An.], май *tun*, мн. ч. *tun-ak* [An.], *tun-e* [Bd.], кpm *túŋ*, мн. ч. *tún-ít* [An.], маб *tuon-o*, мн. ч. *tuon-ko* [Ml.], *tú:ŋ-à*, мн. ч. *tûŋ-kà* [An.], *tuwoŋ* [Bd.], джм *tvŋ* [Bd.], ану *tù:ŋ*, мн. ч. *tùŋi*, шил *tun-o*, мн. ч. *tun-i* [Ht.], *tûŋ*, мн. ч. *tûŋ* [Gl.], пар *tun*, мн. ч. *tun-i* [Sim.], *tùŋ-ó* [An.], джу *tùʰŋ*, мн. ч. *tùʰŋ*, ачо *tûŋ*, адо *tùŋ-é*, мн. ч. *tùŋ-gìn*, алу *tùŋ-é*, мн. ч. *tùŋ-gìn*, кум *tûŋ*, мн. ч. *tùŋ-èré*, днг *tûŋ* [Heu.], *tun* [Dr.], дуо *tûŋ*, мн. ч. *tùn ~ tùŋ-gè*.

По сравнению с предыдущим этимоном зап.-нилотский 'рог' сверхустойчив и совершенно однозначно реконструируется как **tu:ŋ* (долгота гласного сохраняется в ану и в языках мабан-бурун, по данным Андерсена, но почему-то утрачена в пар; впрочем, форма *tùŋ-ó* зафиксирована лишь в одном контексте, и нельзя исключить ошибку в записи). Существенные разногласия обнаруживаются лишь в парадигматических характеристиках этого слова; данные по языкам луо позволяют предположить исходную «троичную» парадигму (нейтр. **tu:ŋ*, сингулятив **tu:ŋ-o*, мн. ч. **tu:ŋ-i*), но степень ее архаичности еще предстоит определить.

23) «я»: нуэ *yan* [Kg.], днк *an ~ ʏen* [Du.], май *a-neŋ* [Bd.], кpm *à* [An.], маб *ʔya* [Ml.], *ʔiyà* [An.], *ʔi* [Bd.], джм *ʔik=à* [An.], *ék=à* [Bd.], ану *á:ní*, шил *ya ~ yan* [Ht.], пар *ani* [Sim.], *ʔá:ní* [An.], ачо *á:n*, адо, алу *án*, кум *ánó*, днг *án* [Heu.], *an* [Dr.], дуо *án*.

Родство всех перечисленных форм более или менее очевидно, но требует отдельных комментариев. Наиболее прозрачна ситуация в юж.-луо языках: здесь восстанавливается независимая форма 1-го л. ед. ч. **án* [Heu.], морфологически расчленимая на **a* '1-е л. ед. ч.' (эта же простая морфема выступает в юж.-луо языках как префиксальный субъектный и как суффиксальный объектный показатель) + **-n* (общий местоименный суффикс, придающий морфеме **a* актантный статус). Из этой схемы выбивается только кум *ánó*, для которого Г. Хейзинг справедливо предполагает контактное воздействие со стороны тесо (ср. тесо *eoŋ* 'я'), хотя речь

должна, по-видимому, идти именно о контаминации, а не о прямом заимствовании (судя по фонетическому оформлению основы).

В сев.-луо ану-пар **á-ní*, вполне совместимое с юж.-луо **án*, противопоставлено шил *ya ~ ya-n* (первая форма — приглагольная, вторая — автономно-эмфатическая). Соответствие «шил *y- : ану-пар*, юж.-луо *0-*» нерегулярно, и объяснить его, оставаясь строго в рамках ветви луо, вряд ли возможно. Однако аналогичные нерегулярности наблюдаются и в двух других ветвях:

— в мабан-бурун «чистая» основа **a:-* в северной ветви (бурун) противопоставлена «йотированной» основе **?iy=a* в маб; остается неясным, можно ли отождествить этот префиксальный компонент с префиксом *?ik=* самостоятельной основы 'я' в джм (развитие **-y- → -k-* в этом языке никак не может быть регулярным);

— в динка-нуэр «чистая» основа **an* чередуется с «ларингализованным» вариантом **yan*, при том, что в обоих языках статус *y-* как самостоятельной фонемы спорен (подробнее см. [Storch 2005: 81–82]). Так, в нуэ *yan* 'я', согласно словарю Китена, оказывается одним из всего шести слов, в составе которых наличие *y-* обязательно, а не факультативно (остальные случаи можно рассматривать как протетические варианты слов с анлаутным вокализмом).

Все это позволяет предположить, что наиболее полная структура автономной основы местоимения 1-го л. ед. ч. на празап.-нилотском уровне включала три морфа: к корневому морфу **a(:)* присоединялся не только суффиксальный элемент **-n/i/*, но и префиксальный **?i(y)=*. Все «йотированные» и «ларингализованные» варианты основы тем самым оказываются отражениями основы **?iy=a-(n/i/)*, а формы с анлаутным *a-* отражают сокращенный вариант основы. Ниже (в ходе реконструкции местоимений 2-го л. ед. ч. и 1-го л. мн. ч.) будет показано, что аналогичная картина складывается и для других элементов местоименной парадигмы.

Учитывая типологическую нестандартность личных местоимений в исторической перспективе, здесь в принципе возможны и другие сценарии, но главное в этой ситуации — однозначное определение морфа **a* как основного празап.-нилотского носителя значения 1-го л. ед. ч. и возможность общей этимологизации для всех перечисленных форм, без необходимости постулировать где-либо лексические замещения.

24) «убивать»: нуэ *naʔe* [Kg.], днк *naʰk* ~ *nɔʰk* [Du.], *naʰk* [An.], май *naɡ-ədɔk* [Bd.], кpm *nɔk* [An.], маб *noɡ-ɔo* ~ *noko* [Ml.], *naŋ-* [An.], *nəŋə* [Bd.], джм *nlk-* ~ *naŋ-* [An.], *nəŋə* [Bd.], ану *nɔk* / *nɔd*, шил *nak* [Ht.], =*nɔ:g-* [Gl.], пар *nɔk* [An.], ачо, адо, алу, кум *nəkò*, днг *nəkò* [Heu.], *neko* [Dr.], дуо *nəgò*.

Этимон на удивление стабилен. На основании юж.-луо **nəg-*, сев.-луо **nlk-*, мабан-бурун **nlk-* и динка-нуэр **naʰk* однозначно восстанавливается празап.-нилотск. **nlk-* (+ATR-вокализм реконструируется по данным сев.-луо и мабан-бурун языков, а также придыхательной артикуляции гласного в днк; развитие **l* → **e* в юж.-луо языках, по-видимому, регулярно, см. ниже 'новый', 'луна', 'солнце' и др.).

25) «лист»: (а) нуэ *zit*, мн. ч. *zi:tʰ* [Kg.], *ziʰt-ziat*, мн. ч. *ziʰt-ziɛn* [Fr.], маб *zit-kə* [Bd.], джм *gɪt-ɕán*, мн. ч. *gɪt-kɔ́* [An.], *gɪt-ke* [Bd.], шил *yɪt*, мн. ч. *yɪt* [Ht.], пар *it*, мн. ч. *id-i* [Sim.], ачо *it*, алу *it-yén*; (б) днк *yaʰr*, мн. ч. *yɔʰr* ~ *yaʰr* [Du.]; (в) май *kɔd-ak* [Bd.], кpm мн. ч. *kɪzúk* [An.] (?); (г) ану *bɔ:g-ɔ́*, мн. ч. *bɔ:g-ɛ́*, дбв *ɔ́=bɔk-ɛ́*, мн. ч. *ɔ́=bɔk-ni*; (д) адо, кум *rót*, днг *rót* [Heu.], *pot* [Dr.], дуо *rót*.

Как и следует ожидать, во многих зап.-нилотских языках, представляющих все три основные ветви, этимон 'лист' либо по своему корню, либо по всей основе совпадает с этимоном 'ухо' (см. выше). Вопрос лишь в том, отражает ли эта ситуация празап.-нилотское состояние или является ареальной инновацией в отдельных языках или ветвях. Для этого необходимо внимательно проанализировать все альтернативные варианты на предмет возможной прахичности:

— праюж.-луо **rót* восстанавливается Г. Хёзингом в значении 'лист', но ср. более подробные аннотации в конкретных источниках: дуо = 'лист, листва' [Tu.]; ачо = 'лист, листва' при одновременном наличии *it* 'ухо; лист (один)'; в словаре алу [Ukoko et al. 1964] рефлексов **rót* нет вообще. Похоже, что для этой подветви все же следует восстанавливать исходное противопоставление **yɪt* 'ухо/лист (сингулятив)': **rót* 'листва' (коллективное существительное);

— ану *bɔ:g-ɔ́* = пар *bog-o* [Sim.] 'лист', *bɔ:g-ɔ́* [An.] 'сухой лист'; здесь также есть основания подозревать исходное узкое значение для этой основы, судя по уточненной семантике в пар; интересно, что эта же основа в значении 'лист' обнаружена А. Шторх в дбв — факт, сближающий этот язык с сев.-луо ветвью, хотя, с другой

стороны, в лбв она оформлена префиксом $o=$, характерным скорее для южной ветви (см. 'вошь');

— про май *kɔd-ak* и кrm *kízúk* трудно даже сказать, регулярно ли эти формы соответствуют друг другу: фонема *z* в кrm встречается очень редко, и в обычной ситуации должна соответствовать май *ʒ*, а не *ɖ*. Вокалические соответствия также далеко не идеальны, и мы оставляем это сопоставление (под сильным вопросом) лишь потому, что форма в май зафиксирована только в фонетически ненадежном списке Бендера;

— наконец, днк *yaʰr* не имеет этимологии в нуэ, и к тому же обнаруживает странный диалектный вариант *laʰr* [Du.]; такое чередование для данного языка неестественно и заставляет думать о возможном субстратном происхождении этимона.

Таким образом, ни одна из возможных «альтернатив» не только не превосходит базовую празап.-нилотскую полисемию **yít* 'ухо/лист' в плане дистрибуции, но даже не имеет уверенного выхода на уровень одной-единственной праветви в базисном значении 'лист'. Привлечение их к внешнему сравнению вне каких-либо экстраординарных обстоятельств не рекомендуется.

26) «вошь»: нуэ *joa:y* [Kg.], днк *joʰk*, мн. ч. *jaʰk ~ joʰk* [Du.], *joʰk* [An.], май *ul:kan-it*, мн. ч. *ul:k* [An.], *уэ* [Bd.], маб *ɲl:k-ɕán*, мн. ч. *ɲl:k-à* [An.], *ɲəg-ɕán* [Bd.], джм *ɲl:k-ɕán* [An.], *ɲək-ɕəŋ* [Bd.], ану *ɲi:-ó*, мн. ч. *ɲii*, шил *ɲwo-k* [Ht.], пар *ɲi:-nɔ́* [An.], тур *ɲóʷ-ɔʰ*, мн. ч. *ɲóʷ-íʰ*, ачо *ɲúg-ì*, адо, кум $\partial=ɲóg-ó$, алу $\partial=ɲóg-ó$, днг $\partial=ɲóg-ó$ [Heu.], $o=ɲog-o$ [Dg.], луо $\partial=ɲwòg-ò$, лбв $\partial=ɲóg-ó$, мн. ч. $\partial=ɲòg-í$.

Очевидно стабильный и легко реконструируемый этимон: прауж.-луо * $\partial=ɲóg-ó$ (где * $\partial=$ — по-видимому, след старого застывшего посессивного префикса; в ачо сохраняется вариант без префикса и с альтернативным суффиксальным оформлением, возможно, отражающий старую форму мн. ч., распространившуюся на сингулятив) + прасев.-луо **ɲwə* ~ **ɲug-* + мабан-бурун **ɲl:k* (с потенциально регулярным развитием **ɲ-* → *y-* в май; подтвердить рекуррентность соответствия пока не удается) + динка-нуэр **jaʰk ~ joʰk*.

Наибольшие трудности, как обычно, связаны с уточнением вокалической реконструкции. Соответствие «уж.-луо **o* : мабан-бурун **ɲ*» в принципе интерпретируемо как рефлекс празап.-нилотского **ɲ* в соседстве с губным согласным, ср. уж.-луо **bòr*

‘длинный’ = май *bl:r* id., а также ниже ‘ночь’ и др. При этом ни в юж.-луо, ни в мабан-бурун языках такого губного согласного не обнаруживается; но обращает на себя внимание дифтонгическое сочетание *-wɔ-* в шил, а также, в меньшей степени, нетривиальное колебание *a ~ ɔ* в диалектах днк. Все это скорее указывает на праформу **ɲwɔk-*, чем **ɲok-*, с общей тенденцией к лабиализации корневого гласного как под влиянием губного глайда, так и, возможно, ауслаутного **-ɔ* в старой форме ед. ч. **ɲwɔg-ɔ*.

27) «мясо»: (а) нуэ *ri:ŋ*, мн. ч. *riŋ* [Kg.], *ri^hŋ*, мн. ч. *ri:^hŋ* [Fr.], днк *ri^hŋ* [Du.], *ri:^hŋ* [An.], май *riŋ-i_ḡ*, мн. ч. *riŋ* [An.], кpm *riŋ-i_ḡ* [An.], маб *yɔŋo*, мн. ч. *yɔŋgo* [Ml.], *y^hŋ-ŋ^h*, мн. ч. *y^hŋ-g^h* [An.], *yəŋə* [Bd.], джм *y^hŋ-ŋ^h*, мн. ч. *y^hŋ-g^h* [An.], *yəŋə* [Bd.], ану *riŋō*, мн. ч. *riŋ*, шил *riŋo ~ yiŋo*, пар *riŋ-o*, мн. ч. *riŋ* [Sim.], *riŋ-ó* [An.], тур *riŋ-ɔ̄*, мн. ч. *riŋ*, джу *ri^hŋ-ɔ̄^h*, мн. ч. *ri^hŋ*, бор *riŋ-ɔ̄*, ачо *riŋú*, адо, алу *riŋó*, кум *riŋó*, мн. ч. *riŋ*, днг *riŋó* [Heu.], *riŋo* [Dr.], дуо *riŋɔ̄*, мн. ч. *riŋ ~ riŋgè*, дбв *riŋ-ɔ̄*, мн. ч. *riŋ*; (б) май *kɔgɔk* [Bd.], кpm *kɔ:kɔk* [An.].

Стабильность данного этимона частично нарушена только в бурун, где наряду с исконно зап.-нилотским термином употребляется также синоним **kɔgɔ ~ *kɔkɔ*, явно ареального характера, ср. в джебельской группе кело *kɔ:kɔ* id. Тем не менее, ни общеджебельской, ни общезап.-нилотской этимологии это слово не имеет, что позволяет предполагать общее ареальное заимствование из какого-то старого источника.

Данные по всем остальным языкам хорошо согласуются друг с другом: юж.-луо **riŋ-ó* [Heu.] = сев.-луо **riŋ-o* = мабан-бурун **riŋ-* (в южных языках представлены рефлексy парадигмы ед. ч. **riŋ-ɲl*, мн. ч. **riŋ-kl*) = динка-нуэр **ri^hŋ* (придыхательность указывает на исконную +ATR) ← общезап.-нилотск. **riŋ*.

28) «луна»: (а) нуэ *pai*, мн. ч. *pa:-ṭ* [Kg.], *pay*, мн. ч. *pa^h-ṭ* [Fr.], днк *pɛ:i*, мн. ч. *pɛ^hi* [Du.], *pɛ:y*, мн. ч. *pɛ^hi* [An.], май *pa:-ɕ* [Bd.], маб *pa:-n*, мн. ч. *po-n-ko* [Ml.], *pâ:-n^h* [An.], *pa:-n* [Bd.], джм *pâ:-n* [An.], *pə-n* [Bd.]; (б) ану *dwlɔy*, мн. ч. *dwl^h-dè*, шил *dway*, мн. ч. *dwa-t*, пар *dwlɔy*, мн. ч. *dwl^h-di* [Sim.], *dwl^h:y*, мн. ч. *dwl^h-di ~ dwl^h-dì* [An.], ачо *dwe:*, адо, кум *dwe:*, алу *dwi*, днг *dwe* [Heu.], *dwe* [Dr.], дуо *dùè*, дбв *dwe:*, мн. ч. *dwe-ṭé*.

Наиболее вероятный кандидат на статус празап.-нилотской ‘луны’ однозначно определяется через дистрибуцию когнатов: мабан-бурун **pa:-* (в юж.-бурун ветви представлен сингулятивный

вариант **pa:-n-*) = динка-нуэр ед. ч. **rau*, мн. ч. **ra^h-t* с редким, но достоверным архаичным суффиксом мн. ч. Фонетические соответствия однозначно указывают на празап.-нилотск. **rau*.

В языках луо никаких аналогов этой основы не обнаружено; уже на пралуо уровне она, по-видимому, замещается основой **dwlu* → сев.-луо **dwlu*, юж.-луо **dwè* [Heu.] (на самом деле = **dwè*). Для нее, со своей стороны, не удастся найти параллелей ни в мабан-бурун, ни в динка-нуэр, что позволяет думать о возможности ареального происхождения. Ближайшая и явно неслучайная фонетическая параллель обнаруживается в команских языках (опо *dwai*), но эта форма скорее всего сама заимствована из одного из языков луо (вероятно, из ану), т. к. не выводится на общекоманский уровень [Bender 1983c: 271]. Менее явная, но несколько более вероятная в роли источника луо формы основа — фур *duwal* ([Beaton 1968: 46], где *d* = может быть исторически отделимым префиксом ед. ч.); однако для подтверждения такого сценария необходима более тщательная проверка пралуо реконструкции на предмет возможных контактов с «прафур».

29) «рот»: (а) нуэ *tok*, мн. ч. *tu:γ* [Kg.], днк *tok*, мн. ч. *tɔk* ~ *tɔ:k* [Du.], *tò^hk* [An.], май *tɔk* [An.], *tɔk* [Bd.], кpm *túk* [An.], маб *tuk-u* ~ *tuk-ε*, мн. ч. *tug-gu* ~ *tug-ge* [Ml.], *túk-í* [An.], *tuk-v* [Bd.], ану *dɔk*, мн. ч. *dɔg-í*, шил *dɔk*, мн. ч. *dɔk-i* [Ht.], *dɔg*, мн. ч. *dɔg* [Gl.], пар *dok*, мн. ч. *dɔg-i* [Sim.], *dɔk* [An.], джу *dɔ^hk*, мн. ч. *dɔ^hw*, ачо *dɔg*, адо *dɔk*, алу *dɔg*, кум *dɔg*, днг *dɔg* [Heu.], *dok* [Dr.], дуо *dɔk*, мн. ч. *dɔg-è*; (б) май *rɔk* [An.], джм *pɔ-ɲe* [An.].

Празап.-нилотский статус основы, представленной группой форм (а), очевиден: юж.-луо **dɔk* [Heu.] = сев.-луо **dɔk* = мабан-бурун **tɔk* = динка-нуэр **tok* ← празап.-нилотск. **tɔk*. Все соответствия регулярны, за одним резко бросающимся в глаза исключением: налицо неожиданное озвончение **t* → **d* на уровне пралуо (ср. выше 'умирать', где в похожем контексте такого озвончения не происходит).

Объяснить такое озвончение можно только спекулятивно и только на морфологическом уровне: если предположить на пралуо (а, возможно, и на празап.-нилотском) этапе варьирование между простой основой **tɔk* и префиксальной основой **V=tɔk* (где **V* = тот же элемент, что и в этимоне 'сердце' и некоторых других, см. выше) → **V=dɔk*, с реализацией взрывного смычного

как звонкого в интервокальной позиции, то в пралуо могло иметь место аналогическое выравнивание $*t\acute{o}k \rightarrow *d\acute{o}k$ с последующей утратой префиксального варианта. Хотя этот сценарий и основан на двух недоказуемых допущениях, он вполне реалистичен и представляется более вероятным, чем раздельное происхождение основ $*t\acute{o}k$ и $*d\acute{o}k$ (которые в таком случае все равно не этимологизируются на взаимной основе).

Слабая тенденция к замещению старой основы видна только в ряде диалектов мабан-бурун, где вместо нее или наравне с ней иногда отмечается новая форма $*p\acute{o}k$, неясного происхождения. Полностью «смещенным» исходный этимон оказывается только в джм, где, по данным Т. Андерсена, форма $t\grave{u}k$ сегодня имеет значение 'губа'.

30) «имя»: (а) нуэ $\phi o:t$, мн. ч. $\phi o:d$ [Kg.], $\phi iv^h t$, мн. ч. $\phi iv^h t$ [Fr.]; (б) днк rin , мн. ч. $ri\acute{e}n$ [Du.], маб $ye\acute{n}-to$, мн. ч. $ye\acute{n}-go$ [Ml.], $yue\acute{n}v$ [Bd.], джм $y\grave{a}n\grave{t}\acute{a}n$, мн. ч. $y\grave{a}n\grave{t}\acute{a}n-g\acute{a}$ [An.], $y\acute{a}n\grave{t}\acute{a}n$ [Bd.]; (в) май $mv\eta-\acute{a}n$, мн. ч. $mv\eta-in$ [An.], $m\acute{a}n\acute{a}n$ [Bd.], кpm $m\grave{v}\eta g\acute{d}n$ [An.]; (г) ану $n\acute{e}\eta$, шил $n\acute{i}\eta$ [Ht.], пар $n\acute{i}\eta$ [Sim.], $n\acute{i}\eta$ [An.], тыр $n\acute{i}\eta$, мн. ч. $n\acute{i}\eta-\acute{e}n$, ачо $n\acute{i}:\eta$, адо, алу, кум $n\acute{i}\eta$, днг $n\acute{i}\eta$ [Heu.], $n\acute{i}\eta$ [Dr.], луо $n\acute{i}\eta(g)$, дбв $n\acute{i}\eta$.

В плане дистрибуции наиболее перспективной с точки зрения празап.-нилотск. статуса оказывается изоглосса между днк rin и юж.-мабан-бурун $*y\acute{a}n-t\grave{a}l$ ($\leftarrow *r\acute{m}-t\grave{a}l$) \leftarrow празап.-нилотск. $*r\acute{m}$.

Нуэ $\phi o:t$ 'имя' неразрывно связано с глагольной основой $\phi o:t\acute{e}$ 'звать (издалека), кричать' [Kg.], которая, по-видимому, в свою очередь производна от $\phi o:l-$ 'звать'; обе эти основы как глаголы представлены и в днк ($\phi o:l-$ ~ $\phi o:l-$ 'звать', $\phi o^h t$ 'кричать, звать'), но без сопутствующего именного производного, что намекает на вторичность образования в нуэ.

Корень $mv\eta-$ в бурун не имеет однозначной этимологии за пределами этого диалектного пучка; однако тот факт, что для образования значения 'имя' он сочетается с продуктивным суффиксом $-n$, регулярно образующим имена от глаголов [Storch 2005: 103–104], также свидетельствует о вторичности этой основы (вполне вероятно, что $mv\eta-$, как и $\phi o:l-$ в нуэ, — глагольный корень с исходным значением 'звать').

Из всех возможных альтернатив для $*r\acute{m}$ аргументы в пользу относительно недавнего отглагольного происхождения отсутствуют только для юж.-луо $*n\acute{i}\eta$ [Heu.] + сев.-луо $*n\acute{i}\eta$ — основы, надежно

реконструируемой на общелуо уровне, но не имеющей при этом этимологических параллелей ни в динка-нуэр, ни в мабан-бурун и не удовлетворяющей дистрибуционному критерию. Теоретически не исключен, конечно, и «ареальный» сценарий, при котором днк *rin* и маб-джм **ɟɪn* заимствованы из третьего источника, в то время как луо **ɟɪn*, напротив, отражает глубокий архаизм; поэтому на уровне внешнего сравнения ни ту, ни другую основу нельзя исключать из рассмотрения, но при «ранжировании» приоритетное внимание все же должно уделяться основе **rin*.

31) «новый»: (а) нуэ *mi:=pa:uʒɛk^h* [Bd.]; (б) днк *ɲal* [Du.]; (в) днк *ʒot* [Du.]; (г) май *a=keɕ*, джм *a=kik-ɕan-de* [Bd.]; (д) маб *wo:nɛ* [Ml.], *wwɔnɔ* [Bd.]; (е) ану *ɲl:n* / *ɲl:ro*, шил *ɲan* [Ht.], пар *ɲan* [Sim.], *ɲl:n* [An.], ачо *ɲɛ:n*, адо, алу, кум *ɲɛn*, днг *ɲɛn* [Heu.], *a=ɲɛn* [Dr.], луо *ɲiɛn*.

Как и в ряде других случаев, данный этимон проявляет устойчивость только в подгруппе луо, где юж.-луо **ɲɛn* [Heu.] = сев.-луо **ɲl:n* ← общелуо **ɲl:n* (с регулярным сокращением долготы и переходом **l* → **ɛ* в юж.-луо). За пределами луо следов этой основы не обнаружено, хотя, на первый взгляд, было бы соблазнительно сопоставить ее с фонетически сходной формой *ɲal* в днк. Однако такой этимологизации препятствуют фонетические соображения: (а) луо +ATR вокализм **l* должен соответствовать придыхательной артикуляции гласного в днк; (б) соответствие «*n* : *l*» не входит в стандартные ряды соответствий и может в лучшем случае объясняться лишь как результат ассимиляции или диссимилиации ауслautного согласного основы под влиянием анлаутного *ɲ* — притом что в общем случае и в языках луо, и в языках динка-нуэр вполне допустимы фонетические структуры как вида NVL, так и NVN. Альтернативный сценарий мог бы предполагать здесь следы какого-то старого морфологического сценария (например, развитие **ɲl:l-n* → **ɲl:n* в луо), но достоверно обосновать наличие и функции в этой основе старого словообразовательного суффикса пока не удастся, так что на данном этапе разумно все же не полагаться на совпадение начальных согласных как на единственный аргумент в пользу общего происхождения этих форм.

В остальных двух подгруппах значение 'новый' оказывается крайне нестабильным. Для нуэ в словаре Кигтена вообще не приводится требуемый эквивалент: Л. Бендер дает форму *mi:=pa:uʒɛk^h*,

по-видимому, очень позднее адъективное образование от глагольной основы *paie* [Kg.] 'сделать (только что), завершить (недавно) какое-л. действие'. Ни одна из форм, представленных в языках мабан-бурун, пока что не находит внятной этимологии (не вполне ясно даже, допустимо ли сопоставлять друг с другом май *a=keɕ* и джм *a=kik-ɕan-de*, но это соответствие как минимум рекуррентно, ср. май *reɕ* 'рыба' = джм *yák-ɕan* id., возможно, по диссимилиации из **yáɕ-ɕan*).

Таким образом, к внешнему сравнению может быть привлечена практически любая из перечисленных групп форм, но при ранжировании все же имеет смысл начинать сравнение с луо **nɪn-*, как с формы, (а) стабильно сохраняющейся в самой крупной ветви зап.-нилотской группы, (б) имеющей, хотя и чрезвычайно ненадежную, но все же не заведомо исключенную параллель за пределами этой ветви.

32) «ночь»: (а) нуэ *wa:r* [Kg.], *wæ:^hr*, мн. ч. *wæ:^hri^h* [Fr.], днк *we:r ~ we:^hr* [Du.], май *wɔ:r-in* [An.], джм *wi:in* [Bd.], ану *wɔ́:ɔ́r*, мн. ч. *wárré*, шил *war ~ wa:*, пар *wá:lɔ́r* [An.], ачо, адо, кум *wô:r*, алу *dyè=wô:r*, лнг *wô:r* [Ht.], *o=wor* [Dr.]; (б) маб *nin*, мн. ч. *nin-ko* [Ml.].

Празап.-нилотская основа восстанавливается однозначно: юж.-луо **wor* [Heu.] (**-o-* ← **-l-* после губного согласного) = сев.-луо **wɔ:r* = мабан-бурун **wɔ:r* (лучше всего сохраняется в бурун) = динка-нуэр **wa:^hr ~ *we:^hr* (+ATR-характеристика → придыхательность гласного) ← **wɔ:lɔ́r*. Лексическая замена имела место только в маб, где *nin* 'ночь', по-видимому, морфологически связано с обще-зап.-нилотской основой **nɪn-* 'спать' (ср. маб *nɪ:n* id. [Ml.]); при этом старая основа еще сохраняется в морфологическом производном *we:nzi* [Ml.] (← **wɔ:lɔ́r-nzi*) 'ночью'.

33) «нос»: нуэ *wim*, мн. ч. *wi:t-ni* [Kg.], *wim*, мн. ч. *wi:t* [Fr.], днк *wim*, мн. ч. *wi:t ~ wi:^ht* [Du.], май *ʔim ~ ʔim-an*, мн. ч. *ʔim-ak* [An.], *otan* [Bd.], кpm *ʔumb-ɔ́n* [An.], маб *ʔwim-gu* 'noses', *ʔɪm-mɔ́* 'nostril' [An.], *wɔm-gv* [Bd.], джм *om-don-de* [Bd.], ану *ɪm*, мн. ч. *ɪmtí*, шил *rum*, пар *im*, мн. ч. *imbi* [Sim.], *ʔim* [An.], джу *wɔ́^ht*, мн. ч. *wɔ́^ht-é*, ачо *ɪ:t*, адо, кум *wɪm*, алу, луо *ɪm*, лнг *wɪm* [Heu.], *im* [Dr.], лбв *ʔim*.

Подавляющее большинство перечисленных форм легко сводится к единому прототипу: юж.-луо **wim* [Heu.] = сев.-луо **im* = мабан-бурун **ʔim* = динка-нуэр **wim*. Обращает на себя внимание

отсутствие придыхательной артикуляции гласного в динка-нуэр, что в принципе должно указывать на исходную -ATR-характеристику (т. е. **wɪm*); однако это несоответствие может быть обусловлено и нетривиальным фонетическим контекстом, в частности, анлаутным (протетическим?) глайдом — так, в динк словаре Дюрксена начальные комбинации *wi^h-*, *yi^h-* вообще не встречаются. Таким образом, исходную форму можно довольно уверенно восстанавливать в виде **ʔim- ~ *wim-* (фонологического противопоставления между этими вариантами не было).

Отдельный сложный вопрос — историческая интерпретация начального *r-* в шил. В предварительной реконструкции М. Ре это соответствие интерпретируется как исторически значимое и отражающее особую фонему **R* [Dimmendaal 1988: 21]. «Беглый *r-*» в шил обнаружен и в некоторых других основах, ср., например, луо 'бедро': шил *ram* [Hea.] = ану *ɔːm*, динг *em* [Dr.], дуо *eːm*, etc. ← **rɔːm*; далее ср. нуэ *am ~ ɟam* [Kg.], динк *ɟa^hm* id. [Du.] ← динка-нуэр **(ɟ)a^hm*.

В свете того, что особая сонорная фонема **R* восстанавливается и для юж.-нилотской группы (см. ниже), а также в связи с попытками как-то привязать сюда же и возможность реконструкции для общенилотского уровня увулярной фонемы **q*, Г. Диммендаль в целом относится к идее М. Ре скорее благосклонно. Однако существенные внешние аргументы, которые поддерживали бы эту реконструкцию вне рамок чисто типологических соображений, отсутствуют, а на внутреннем уровне поддержка оказывается еще более слабой: сохранение сверхредкой особой фонемы в одном-единственном языке одной подветви крайне маловероятно само по себе, и, к тому же, даже беглый просмотр лексического материала шил по словарю Хисти показывает, что в этом языке довольно часто наблюдается свободное варьирование между *w-* и *r-*: ср. *wur ~ rur* 'рычать', *wɔ^hm ~ rɔ^hm* 'нести воду (на голове)' и т. п.

Сопоставление этой ситуации с той, которая была описана выше для личного местоимения 'я', показывает, что мы скорее всего сталкиваемся здесь с общей ареальной тенденцией к «прикрытию» вокалического анлаута, охватывающей в первую очередь языки динка-нуэр и географически примыкающий к ним шил, хотя масштабы и конкретное выражение этой протезы могут различаться. В частности, слово 'нос', имевшее в празап.-нилотском языке форму **im-*, могло фонетически реализовываться либо

как *ʔim- (с простой гортанной смычкой), либо с чем-то вроде «густого придыхания», т. е. как *Nim- ~ *yim-. Далее, в зависимости от диалекта, эта протетическая артикуляция могла либо ассимилироваться (→ *wim), либо, как это произошло в шил, перейти в «сонорный» регистр.

Не исключено, что дальнейшая работа по зап.-нилотской реконструкции все же позволит показать, что условные «слабое» и «густое» придыхания на прауровне образовывали фонологическую оппозицию. Для этого, однако, требуется продемонстрировать по меньшей мере одну-две убедительные (квази-)минимальные пары, чего до сих пор сделать не удавалось. К тому же даже в случае успешной демонстрации реконструкцию *R с исходной сонорной артикуляцией принять все равно будет невозможно: дистрибуция по языкам однозначно указывает на то, что этот тип артикуляции является специфической фонетической инновацией, характерной только для шил.

34) «не»: (а) нуэ çà ~ çè ~ çì [Kg.], днк çì:^h [Du.], -çì^h [An.]; (б) нуэ ke, днк ke^hç [Du.], ану kèr, ачо kù:, алу kù, дуо kík ~ ók; (в) кpm áná [An.]; (г) маб bɛ: [Ml.], bɛ: [An.], джм bat̪ta [An.], ану bà, шил ba [Ht.], пар ba [Sim.]; (д) днг tam.

Система отрицательных морфем в зап.-нилотских языках устроена достаточно сложно, и последовательная реконструкция ее затрудняется нехваткой подробных грамматических описаний. Разделение перечисленных выше форм на шесть отдельных групп во многом условно и скорее всего не отражает истинную этимологическую картину. Как и в других языковых группах рассматриваемого ареала, для зап.-нилотских языков характерен последовательный (хотя и не универсальный) супплетивизм, т. е. наличие двух разных отрицательных морфем для имперфективных и перфективных форм. Тем не менее, свести все разнообразие наблюдаемых вариантов не более чем к двум прототипам не удастся.

К наиболее часто встречаемым «консонантным костякам» относится группа частиц, в состав которых входит фонема *k (в динка-нуэр и в луо), и группа частиц, в состав которых входит фонема *b (в мабан-бурун и в луо). При этом обнаружить их в одном и том же языке удастся лишь однажды: в ану kèr сочетается с формами прошедшего времени и императива, а bà — с формами настоящего времени. Вполне вероятно, что такое распределение

является архаичным: в большинстве языков луо соответствующая оппозиция нейтрализовалась в пользу $*kV$, а в мабан-бурун — наоборот, в пользу $*bV$.

В динка-нуэр « k -содержащие» частицы продолжают сочетаться в основном с формами прошедшего времени (в днк основа $ke^h\phi$ переоформилась как служебный глагол), а с настоящим временем употребляется частица $*\phi V$, не имеющая аналогов в других ветвях группы. В силу своей изолированности выносить эту морфему на уровень внешнего сравнения рискованно, равно как и неожиданное отрицание $\acute{a}n\acute{a}$ в крм. Относительно днг *tat* уже Дж. Дриберг, отмечая полное отсутствие этой морфемы в других языках луо, предполагал, что она заимствована из «хамитских» языков, т. е. из кушитских, где « m -образное» отрицание имеет очень широкую дистрибуцию [Driberg 1923: 382].

Оптимальный исторический сценарий на данный момент выглядит так: исконно зап.-нилотская оппозиция $*bV$ 'не + имперф.' vs. $*kV$ 'не + перф.', сохранившаяся в относительно нетронутым виде только в ану, «развалилась», возможно, под ареальным влиянием, в большинстве языков-потомков. Детальная реконструкция этого процесса будет возможна только после выхода в свет подробных грамматических описаний по различным «ключевым» языкам мабан-бурун и луо.

35) «один»: (а) нуэ kel [Kg.], май $a=kel$ [Bd.], маб $\phi y\epsilon:lo$ [Ml.], $\phi i:\acute{\epsilon}l\acute{o}$ [An.], джм $k\acute{\epsilon}l\acute{o}k$ [An.], $k\acute{\epsilon}l\acute{o}k^h$ [Bd.], ану $\acute{a}=\phi i\acute{\epsilon}l$, шил $a=ky\epsilon l \sim a=\phi y\epsilon l$ [Ht.], пар $a=\phi y\epsilon lo$ [Sim.], $\acute{a}=\phi i\acute{\epsilon}l\acute{o}$ [An.], ачо $\acute{a}=\phi \acute{\epsilon}l$, адо, алу $\acute{a}=\phi \acute{\epsilon}l$, кум $\acute{a}=\phi \acute{\epsilon}l$, днг $\acute{a}=\phi \acute{\epsilon}l$ [Heu.], $a=\phi \epsilon l$ [Dr.], дуо $\acute{a}=\phi i\epsilon l$; (б) днк to^hk [Du.], to^hk [An.], пар $to:k$ [Sim.].

Реконструкция исходной формы более или менее однозначна: юж.-луо $*=\phi \epsilon l$ [Heu.] = сев.-луо $*=ky\epsilon l$ = мабан-бурун $*ky\epsilon l-\phi$ = нуэ $kel \leftarrow$ празап.-нилотск. $*ky\epsilon l$. Наиболее архаичный фонетический вариант, с сохранением «йотированного кластера» $ky-$, отмечен в шил; в большинстве языков этот кластер либо упрощается в $k-$ (нуэ, джм), либо, гораздо чаще, палатализируется $\rightarrow \phi-$. (Ср. почти аналогичные соответствия ниже, в этимоне 'звезда'.)

Особо от прочих стоит форма to^hk в днк. На празап.-нилотский уровень она не выводится, несмотря на очевидную параллель в пар, где форма tok , судя по объяснению Симеони, употребляется при быстром счете как контекстный синоним исконного $a=\phi y\epsilon lo$.

Согласно гипотезе Симеони, пар *tok* заимствовано из днк, что не объясняет появления этой основы в самом днк. Скорее всего, мы имеем здесь дело с «бродячим» корнем, который ровно в таком виде отмечен в языке фур (*tòk*), в целом ряде кушитских языков (оромо *tokko* и др.), а из разобранных выше «восточносуданских» языков — в нара (*dokku*). В любом случае зап.-нилотские языки никак не могут считаться источником «диффузии» этой основы: вывести ее на внешний уровень сравнения невозможно из-за слабой дистрибуции и наличия гораздо более «сильного» кандидата.

36) «дождь»: (а) нуэ *ɲial* [Kg.], маб *ɲa:lo*, мн. ч. *ɲol-dɪn* [Ml.], *ɲa:lu* [Bd.], джм мн. ч. *ɲál-kà* [An.], *ɲa:l* [Bd.]; (б) днк *deŋ*, мн. ч. *de^hŋ* [Du.], *dè^hŋ* [An.]; (в) май *kət* [Bd.], кpm *kət̪* [An.], ану *kət̪*, мн. ч. *kú:nn^hé*, шил *kət̪* [Ht.], пар *koŋ* [Sim.], *kət̪*, мн. ч. *kú:nd-è* [An.], ачо *kət̪*, адо, алу *kət̪*, кум *kət̪*, лнг *kət̪* [Neu.], *koŋ* [Dr.], дуо *kət̪*, мн. ч. *čəḏḏè*.

Здесь наблюдается типичный случай семантического пересечения. С одной стороны, налицо изоглосса между группой луо (юж.-луо **kət̪* [Neu.], сев.-луо **kət̪*) и северной ветвью подгруппы мабан-бурун (**kət̪*); с другой стороны, в южной ветви мабан-бурун вместо этой основы представлена форма **ɲa:l*, регулярно соответствующая нуэ *ɲial*.

Детальный анализ показывает, что для основы **kət̪* во всех языках, где она представлена, характерна исключительно семантика 'дождь'. Напротив, в нуэ форма *ɲial* демонстрирует полисемию: 'дождь, дождливая погода / небо / сверху, в вышине'. В ряде диалектов днк это же слово (*ɲal* ~ *ɲial* [Du.]) отмечено *только* в значении 'небо'. Наконец, в словаре маб для формы *ɲa:l-o* приводится только значение 'дождь', но ср. также явно родственное наречное образование *ɲa:l-ɔ* 'сверху, наверху; на востоке'.

Оптимальный сценарий выстраивается следующим образом: на празап.-нилотском уровне восстанавливается оппозиция **kət̪* 'дождь' / **ɲal* 'верх, небо', нейтрализуемая в языках динка-нуэр и части языков мабан-бурун в сторону 'неба', возможно, под ареальным влиянием (ср. многочисленные случаи полисемии 'дождь/небо' в предыдущих разделах).

Не исключено, хотя регулярность такого развития пока не установлена, что динка-нуэр **ɲal* следует сопоставлять с пралуо **ma:l* 'небо': ану *mál*, шил *mal* [Ht.], пар *mal-o* [Sim.], ачо *mál-o* 'верх', алу *màl-ó* 'верх' и т. д. Если это соответствие регулярно

(см. выше описание похожей, но все же отличающейся по индивидуальным рефлексам ситуации с этимомом 'волосы'), то празап.-нилотскую реконструкцию, вероятно, нужно будет заменить на **myal*, с ассимиляцией в динка-нуэр и мабан-бурун.

Что касается днк *deŋ*, то эта форма восходит к прадинка-нуэр **deŋ* и, по-видимому, является религиозным термином: так, в нуэ *Deŋ* — это просто имя главного божества нуэрского пантеона, отвечающего за дожди и плодородие. Это же божество почитается и самими динка, где оно известно также под именем *Deŋ-diht* ('великий Deng'), вероятно, для того, чтобы точнее отличать собственно божество от «обожествленного» 'неба', 'дождя' *deŋ*. За пределами динка-нуэр это имя встречается исключительно в шил (*Deŋ* [Ht.]), так что рассматривать его можно только как откровенную ареальную изоглоссу — локального южносуданского бога / культурного героя, имя которого в днк было метонимически перенесено на его «зоны ответственности».

37) «дым»: (а) нуэ *to:l*, мн. ч. *tool* [Kg.], днк *tol* [Du.], *tò:l*, мн. ч. *twò:h* [An.]; (б) май *rit* [An.], *reŋ* [Bd.], маб *zie-n*, мн. ч. *zie-tan* [Ml.], *zeni* [Bd.], джм *zeŋə* [Bd.], ану *zir-ò*, шил *yir-o* [Ht.], пар *yir-o* [Sim.], ачо *it-ò*, адо, кум *yir-ò*, алу *ir-ò*, лнг *yir-ò* [Heu.], *it-o* [Dr.], дуо *ir-ò*, лбв *ʔir-ó*.

На пралуо уровне однозначно восстанавливается основа **yir-o* (юж.-луо *yirò* [Heu.] + сев.-луо **yirò*; аффрикативизация **y* → *ʒ*- в ану регулярна; развитие **-r-* → *-t-* в ряде диалектов ачо и лнг носит ареальный характер).

Нетривиально (в плане фонетики) соотносятся между собой формы в северной и южной ветвях подгруппы мабан-бурун. В май форма *rit* допускает морфологический анализ **ri(:)*- (корень) + **-it* (суффикс сингулятива, ср. *yàm-it* 'ветер', *béy-it* 'подбородок' и др.). В маб фонетически более точная запись обнаружена в [Storch 2005: 140], где парадигма ед. ч. *z'íé-nà* (с продуктивным маркером ед. ч. *-n-*) : мн. ч. *z'íé-tán* позволяет выделить корень **ʒ(i)e-*. При этом соотношение начальных согласных между май и маб оказывается точно таким же, как в этимоне 'волосы' (см. выше), в конечном итоге отражающем празап.-нилотск. основу **yer-*.

Такое совпадение вряд ли может быть случайным. По-видимому, и в данном случае мы также имеем дело со сложной, но в целом регулярной трансформацией исходной основы **yir-* в

мабан-бурун: (а) в северной ветви **yir-it* → **riy-it* → **rit* (с такой же метатезой, как в 'волосах'); (б) в южной ветви **yir-n-* → **yin-n-* → **zie-n-* с ассимиляцией и упрощением кластера. Таким образом, все формы, зафиксированные в мабан-бурун, сводимы друг к другу в рамках достоверного сценария и восходят к тому же корню, что и фонетически консервативная основа **yir-* в луо.

Следов этой основы в языках динка-нуэр не обнаружено. Здесь вместо нее и в именном значении 'дым', и в глагольном 'дымиться' выступает основа **tol*, единственная параллель к которой, в свою очередь, обнаружена только в шил: *tolo* 'густой дым' [Ht.], что опять-таки намекает на ее ареальный характер. Тем не менее, с формальной точки зрения, при условии первичного бинарного разделения зап.-нилотской группы на динка-нуэр и «мабан-луо», к внешнему сравнению допустимо привлекать и эту форму, хотя более надежным кандидатом остается все же **yir-*.

38) «звезда»: (а) нуэ *ɕier*, мн. ч. *ɕer* [Kg.], ану *ɕè:rò*, мн. ч. *ɕè:r*, пар *ɕier-o*, мн. ч. *ɕier* [Sim.], *ɕè:r-ó*, мн. ч. *ɕè:r* [An.], бор *sīrī*, ачо *ɕè:ri*, алу *ɕèrò*, лнг *a=ɕyer*; (б) нуэ *kuel*, мн. ч. *kuel-i^h* [Fr.], днк *kuel*, мн. ч. *kue^h* ~ *kuol* [Du.], *kuèl*, мн. ч. *kuè:l* [An.], май *ke-tm-et* ~ *ke-tm-et*, мн. ч. *ke-tm* [An.], *ketenet* [Bd.], маб *ke:lo*, мн. ч. *kel-tan* [Ml.], *kê:l-là*, мн. ч. *kêl-tân* [An.], *kel-tan* [Bd.], джм *kît-tà* [An.], *kità* [Bd.], шил *kyelo*, мн. ч. *kyel* [Ht.]; (в) луо *súlwé*.

Наиболее типичной для языков луо в базисном значении 'звезда' оказывается основа **ɕe:r-* (судя по данным сев.-луо языков, парадигма должна восстанавливаться как ед. ч. **ɕe:r-o*, мн. ч. **ɕe:r*). В мабан-бурун параллелей для нее не обнаружено, но в динка-нуэр она соответствует основе **ɕier*, мн. ч. **ɕer* → днк *ɕier* 'Венера; вечерняя звезда; большая звезда' [Du.]. Для нуэ *ɕier* Кигген приводит простое значение 'звезда', но, согласно данным проекта «Nuér Field Notes», это слово все же употребляется в первую очередь применительно к «большим» звездам, т. е. 'планетам'.

Поэтому базисной 'звездой' для динка-нуэр имеет смысл считать все же основу **kuel*, несмотря на то, что в словаре Киггена *kuel* переводится как 'большая звезда рядом с созвездием Южного Креста' (ср. также производное *kue:l-ɛ* 'Плеяды'); во всех остальных источниках это слово дается в значении 'звезда (вообще)' или 'маленькая звезда' (т. е. не «планета»).

Динка-нуэр **kuel* фонетически совместимо с формами в мабан-бурун. Здесь наиболее «чистый» вариант корня обнаруживается в

маб: ед. ч. *kê:l-là* ← **kê:l-nà*, мн. ч. *kê:l-tán* с таким же суффиксом мн. ч., как в слове 'дым' (см. выше). В остальных языках, по-видимому, произошло сращение конечного согласного корня с суффиксальным элементом. Так, в май от формы мн. ч. *kɛ-tin* (← **kɛl-tin*) был образован новый сингулятив *kɛ-tin-ɛt*; в джм форма *kìt-tà* могла развиваться из **kìl-nà*, но для подтверждения такого нетривиального развития примеров пока не хватает.

Развитие **kwɛ-* → **kɛ-* для языков мабан-бурун, по-видимому, может быть признано допустимым или даже регулярным, т. к. в словаре маб практически отсутствуют слова, начинающиеся с *kwɛ-* или *kwe-*; с другой стороны, косвенно присутствие в этой основе лабиального глайда подтверждается отсутствием в дочерних рефлексах палатализации (см. выше 'нога', 'один' и др.).

Из языков луо данная основа обнаруживается только в шил, что скорее всего объясняется опять-таки ареальным влиянием динка-нуэр; при этом неясным остается появление в составе этой формы глайда *-y-* вместо ожидаемого *-w-*. Здесь возможны два объяснения: либо форма *kyɛl-o* на самом деле представляет собой результат контаминации обеих анализируемых основ (**kwɛl-o* + **ɕɛr-o* ~ **kyɛr-o*), либо она напрямую заимствована из какого-то диалекта динка-нуэр, в котором имело место развитие **kwɛl* → **kyɛl*. В любом случае на архаичность фонетический облик формы в шил претендовать не может.

Дуо *súlwé* — очевидная инновация, судя по ее изолированному характеру; отметим, что сам факт присутствия в этом слове начального *s-* (фонемы, совершенно не свойственной исконной зап.-нилотской лексике¹) свидетельствует о его заимствованном происхождении, хотя конкретный источник пока не установлен.

Итоговую ситуацию, исходя из семантики и дистрибуции перечисленных форм, можно реконструировать как оппозицию **ɕɛr* 'большая звезда, планета' : **kwɛl* 'звезда, небольшая звезда'; к лексикостатистическому сравнению в этом случае привлекать нужно в первую очередь **kwɛl*, но значения переплетены столь тесно, что допустима и праязыковая синонимия.

39) «камень»: (а) нуэ *pat*, мн. ч. *pa:t* [Kg.]; (б) нуэ *do^hl*, мн. ч. *dv:^hl* [Fr.]; (в) днк *kur*, мн. ч. *kuɔ^hr* ~ *kur* [Du.], *kuɪ:^hr* [An.]; (г) май *gur-it*

¹ Исключение — регулярный переход **ɕ-* → *s-* в бор, см. здесь же бор *sīrī* 'звезда' = пралуо **ɕɛr-*.

[Bd.], кpm *gúr-ít*, мн. ч. *gúr-ín* [An.], маб *guonan*, мн. ч. *guoyo ~ guiyo* [Ml.], *gweyu* [Bd.], джм *giṇaŋ* [Bd.]; (д) маб *kéllí*, мн. ч. *kêl-kí* [An.]; (е) ану *kidi*, мн. ч. *kíté*, шил *kit*, мн. ч. *kiti* [Ht.], пар *kidi*, мн. ч. *kíte ~ kitte* [Sim.], *kíd-í* [An.], ачо *kí:dí*, адо *kídí*, алу *kídí*, кум *kídí*, мн. ч. *kidé*, лнг *kídí* [Heu.], дуо *kídí*, мн. ч. *kítê*; (ж) лнг *gweŋ*, мн. ч. *gweŋ-í* [Dr.].

На прауж.-луо уровне восстанавливается форма **kíd-í* (= **kíd-í* [Heu.]), мн. ч. **kit-e* (с «консонантной полярностью», т. е. ← **kid-Ce*); ей соответствует сев.-луо **kíd-í* с такой же «полярностью». В большинстве языков луо наблюдается полисемия 'камень/гора'; только в старой работе Дриберга по лнг *kidi* переводится как 'скала, скалистый холмик (small rocky hill)', а в значении 'камень (rock, stone)' приводится слово *gweŋ* = ачо *gwè:ŋ* 'камушек (pebble)' (других параллелей обнаружить пока не удалось). С другой стороны, ср. в том же словаре Дриберга: *kidi me tyeko pala* 'точильный камень', *kidi me rego id.* и др., т. е. по крайней мере в идиоматических конструкциях *kidi* и в диалекте лнг, описанном у Дриберга, продолжало употребляться в базисном значении 'камень'.

В ветви мабан-бурун значение 'камень' обычно выражается основой **gur-*. В северной подветви она сохраняет архаичный облик, а в южной **gur-* → **guiy-* (регулярное развитие), после чего парадигма приобретает следующий вид: мн. ч. **guiy-l*, ед. ч. (новый сингулятив) **guiy-l-nan*. Помимо этого, в ряде статей Т. Андерсена в значении 'камень' обнаруживается лексема *kél-lí* (← **kél-ní*), мн. ч. *kêl-kí* — скорее всего инновация, исходя как из ограниченной дистрибуции, так и из того, что в словаре [Ml.] этому же слову (*kello*, мн. ч. *kɛ:lko*) присвоено значение 'dirt mound to hold pot in place on fire'.

В ветви динка-нуэр 'камень' однозначно не восстанавливается. В нуэ слово *rat* имеет полисемию 'камень/гора' по версии Китена, но в диссертационном исследовании Фрэнка *ra^ht* дается только в значении 'гора', а в значении 'камень' цитируется слово *do^hl = dol* [Kg.] 'heap of earth to support cooking pot', т. е. налицо такое же семантическое соотношение, как и в маб. Поэтому главной оппозицией следует все же считать нуэ *rat* vs. днк *ku:r*, не этимологизируемые на взаимной основе.

Проблема ранжирования пралуо **kid-*, прамабан-бурун **gur-*, днк *kur* и нуэ *ra^ht* очень сложна, т. к. прозрачные этимологические параллели для большинства этих форм подобрать не удастся.

Исключением является *raʰt*, к которому ср. далее *маб* *râṭ-l̥* 'точильный камень' (в записи А. Шторх); в словаре [Мл.] это слово записано как *ро:т-о*, мн. ч. *ро:т-ко* 'камень, гора', и далее в значении 'гора' (но не 'камень') ср. *кpm* *râ:t*, мн. ч. *râṭ-îṭ*, *май* *rl:t*, мн. ч. *rl:t-îṭ* [An.], *джм* *râ:t*, мн. ч. *râṭ-kî* [An.], *рэт* [Bd.].

Соответствие *нуэ* *raʰt* : мабан-бурун **rl:t* в языках луо должно иметь коррелят **rot* или, возможно, **ret*, если в позиции между двумя губными согласными регулярной лабиализации **l* → **o* препятствует диссимилятивный фактор. Этим фонетическим требованиям полностью удовлетворяет (вплоть до идеальной корреляции долгот в *май* и *ану*) пра-луо основа **ret* с нижеследующими рефlekсами: *ану* *rèt* 'полка; остов кровати; платформа'; *шил* *rèt* 'вид стола'; *ачо* *rèt* 'деревянная фрамуга, подставка'; *алу* *rèt* 'кровать; носилки'. Отнесение этих форм к данной этимологии допустимо при условии, что «ранне-пра-луо» значение было как-то связано с 'камнем' (= 'каменная платформа или подставка'), после чего семантика 'камня' стала вторичной по отношению к семантике 'искусственно изготовленного предмета мебели'.

Все это существенно повышает вероятность того, что и на празап.-нилотском уровне именно основа **rl:t* имела значение 'камень'. При этом бросается в глаза фонетическое сходство между возможными замещениями этого этимона в мабан-бурун (**gur-*) и в *днк* (*kur*), которые, тем не менее, не могут быть объединены в одну этимологию из-за грубого несоответствия начальных согласных. Вспомним, что похожая ситуация уже наблюдалась в языках тама, где варианты вида *kur-* и *gor* также не сводились друг к другу и с большим трудом проецировались на прауровень. Не исключено, что и здесь варианты **gur-* и *kur* также на самом деле имеют ареальное происхождение. Впрочем, как минимум для **gur-* ср. такую возможную параллель в языках луо: *ану* *gù:r* 'молоть', *шил* *gur* id. [Ht.] — что не исключает и внутреннее происхождение ('камень' ← 'жернов' с расширением исходного значения).

Таким образом, ранжирование следует, по-видимому, проводить в следующем порядке: (а) *rl:t* (*нуэ* 'камень' + мабан-бурун 'гора; (реже) камень' + ? луо '(каменная?) подставка, опора'); (б) **kid-* (луо 'камень', стабилен внутри ветви, но не имеет параллелей в других ветвях); (в) мабан-бурун **gur-* и *динка* *kur* к внешнему сравнению лучше не привлекать ввиду слишком узкой дистрибуции и возможного «ареального» происхождения.

40) «солнце»: (а) нуэ *ɕaŋ*, мн. ч. *ɕaŋ-ni* [Kg.], *ɕa^hŋ*, мн. ч. *ɕa^hŋ-ni^h* [Fr.], май *əŋ* [Bd.], маб *oŋ* ~ *oŋ waŋɛ* [Ml.], *ŋwa:ŋɛ* [Bd.], джм мн. ч. *ʔaŋ-kà* [An.], *ʔəŋ* [Bd.], ану *ɕaŋ*, мн. ч. *ɕaŋŋé*, шил *ɕaŋ* [Ht.], пар *ɕaŋ* [Sim.], *ɕaŋ* ~ *ɕəŋ* [An.], ачо *ɕə:ŋ*, адо, алу, кум *ɕəŋ*, лнг *ɕəŋ* [Heu.], *ɕeŋ* [Dr.], дуо *ɕiəŋ*; (б) днк *a=ko^hl* ~ *a=ko^hl* [Du.].

Очевидно, что празап.-нилотское 'солнце' соответствует группе форм (а): юж.-луо **ɕəŋ* [Heu.] + сев.-луо **ɕaŋ* + мабан-бурун **ʔaŋ* (с регулярным отпадением **ɕ-*) + нуэ *ɕa^hŋ* ← **ɕaŋ* (+ATR-вокализм восстанавливается однозначно: **l* сохраняется в сев.-луо и мабан-бурун ветвях, регулярно развивается в **e* в юж.-луо ветви и дает придыхательность в нуэ).

Единственный язык, где старая основа исчезла бесследно — это днк. Здесь ее замещает морфологически сложная форма *a=ko^hl* ~ *a=ko^hl*, где *a=* — префиксальный элемент, который часто входит в состав именных основ, производных от других частей речи, но нередко присоединяется и к первичным именным основам; вполне перспективна, в частности, гипотеза о том, что *a=* может быть десемантизированным показателем женского рода, опирающаяся на такие соотношения, как *ɕol* 'черный': *a=ɕol* 'самка животного черного цвета', 'черная корова' и т. п. [Storch 2005: 171].

Так это или нет, но отделение *a=* как именного префикса позволяет предположить для слова *a=ko^hl* 'солнце' связь с *ko^hl* 'круг, колесо'. Альтернативная этимология — образование *a=ko^hl* от той же основы, что и в нуэ *kɔl* [Kg.] 'рыжеватый, темно-желтый'¹. Что касается возможных связей с основным вост.-нилотским этимологием 'солнце' (тесо *ā=kɔlɔŋ* и т. д., см. ниже), то они в лучшем случае могут рассматриваться как ареальные, т. к. на празап.-нилотский уровень **kol* 'солнце' невыводимо; на наш взгляд, сходство между днк и вост.-нилотскими формами скорее должно рассматриваться как случайное.

¹ Ср. в этой связи любопытную цитату: «...for the Dinka there is an imaginative connexion between the colours red, or red and white, and tawny and the sun... a red and white bull, with a red-brown body and a flash of white on the belly, is called *makol*, and *akol* is the Dinka word for 'sun'» [Lienhardt 2003: 85]. Слово *makol* 'рыжий бык' в словаре [Du.] отсутствует, но застывший префикс *ma=* с семантикой мужского рода, параллельный женскому *a=*, в днк действительно выделяется, так что приведенная этимология не обязательно должна считаться «народной».

41) «хвост»: (а) нуэ *ʒua:l*, мн. ч. *ʒual* [Kg.], днк *yɔʰl*, мн. ч. *yaʰl* [Du.], *yɔʰl* [An.]; (б) май *wɪ:l*, мн. ч. *wɪ:l-ak* ~ *wil-ɪt* ~ *wil-ɔm* [An.], *ʒele* [Bd.], кpm *wɪ:l*, мн. ч. *wil-in* [An.], маб *wi:lɛ*, мн. ч. *wil-kɛ* [Ml.], *wɪ:l-l* [An.], *yile* [Bd.], джм *wɪ:l* [An.], *wile* [Bd.]; (в) ану *ʒip*, мн. ч. *ʒipí*, шил *yip*, мн. ч. *yip* [Ht.], *yéb*, мн. ч. *yéb* [Gl.], пар *yib*, мн. ч. *yipi* ~ *yippi* [Sim.], *yip* [An.], ачо *ib*, адо, кум *yib*, алу *yip*, лнг *yib* [Heu.], *ip* [Dr.], луо *ip*, мн. ч. *ipè*.

Во всех трех ветвях представлены разные основы. Юж.-луо **yib* [Heu.] + сев.-луо **yip* ← пралуо **yip* (глухость/звонкость конечного взрывного нефонологична; аффрикативизация **y- → ʒ-* регулярна). В мабан-бурун все языки и диалекты отражают праоснову **wɪ:l* (с регулярной «инверсией по +/-ATR» в южной подветви). Наконец, в динка-нуэр 'хвост' — **yɔʰl* (реконструкция вокализма приближительна, но корневой гласный или дифтонг, очевидно, должен восстанавливаться с признаком огубленности и придыхательности); несмотря на определенное фонетическое сходство с мабан-бурун **wɪ:l*, соответствовать друг другу эти формы не могут.

При выборе «оптимального кандидата» на роль прарап.-нилотского 'хвоста' в первую очередь следует, по-видимому, отказаться от мабан-бурун **wɪ:l*. Эта форма регулярно коррелирует с днк *wiel*, мн. ч. *wil* [Du.] 'щетина; волокно; волосы в хвосте жирафа или слона', возможно, сюда же нуэ *wiel ter* 'петушинный гребешок' [Kg.] (*ter* = 'петух'). Из языков луо эта основа представлена только в шил: *wil*, мн. ч. *weli* [Hs.] 'хвост крокодила', что подозрительно, т. к. шил известен своими ареальными связями с динка-нуэр. Тем не менее, сама по себе основа выводима на прарап.-нилотский уровень, но скорее в узко-специфическом значении 'щетина, волосы (в хвосте и т. п.)', с генерализацией → 'хвост' в мабан-бурун.

Что касается пралуо **yip* и прадинка-нуэр **yɔʰl* (← **yol* ?), то эти слова не этимологизируются на взаимной основе; к внешнему сравнению и то, и другое можно привлекать примерно с одинаковой вероятностью.

42) «ты»: нуэ *ʒin* [Kg.], днк *yiʰ* ~ *yiʰ-n* [Du.], май *e-ne-ɕ* [Bd.], кpm *i* ~ *ʔi-ni* [An.], маб *i* [Ml.], *ʔi* [An.], *ek=e* [Bd.], джм *ik=i* [Bd.], ану *i-ni*, шил *yi* [Ht.], пар *i-ni* [Sim.], *ʔi:n-i* [An.], ачо, адо, алу, кум, луо *in*, лнг *yin* [Heu.], *in* [Dr.].

По аналогии с реконструкцией полной формы местоимения 1-го л. ед. ч. в виде **ʔiy=a-n*, соотв. форма 2-го л. на прарап.-нилотском

уровне должна была иметь вид $*ʔiy=i-n$, но скорее всего фонетически стягивалась в $*ʔi:-n$ еще до его разделения на отдельные ветви. Помимо этого, существовал и простой моновокалический вариант $*i$, который, в частности, наблюдается в функции независимого местоимения в ряде языков ветви мабан-бурун; для праж.-луо Г. Хёзинг восстанавливает $*i=$ как субъектный префикс в глагольной парадигме.

Артикуляция гласного восстанавливается как +ATR ($*i$); на это указывают данные большинства языков луо, а также придыхательная артикуляция в днк. Нуэ $zín \leftarrow *ʔi-n \sim *ʔi-n$ (ларингальная протеза в нуэ автоматически присуща всем корням с начальным гласным, а перед $-i-$ она регулярно палатализуется и аффрикативизируется). В маб и джм в состав автономной (полноударной) местоименной основы входит тот же самый префикс $ik=$, который был выше обнаружен и в местоимении 1-го лица (джм $ʔik=a$ 'я'); к сожалению, конкретные формы зафиксированы только в неточной фонетической транскрипции Л. Бендера.

43) «язык»: нуэ lep , мн. ч. $le:b$ [Kg.], lep , мн. ч. $le:h_p$ [Fr.], днк $liép$, мн. ч. $lié^h_p$ [Du.], $liép$, мн. ч. $lié^h_p$ [An.], май lep [An.], $lebe$ [Bd.], маб $lém-ti$, мн. ч. $lep-i$ [Ml.], $lém-tá$, мн. ч. $lep-í$ [An.], $lém-tv$ [Bd.], джм $lém-tá$, мн. ч. $lèp$ [An.], $lém-tá$ [Bd.], ану $lèp$, мн. ч. $lep-i$, шил lep , мн. ч. $lep-i$ [Ht.], $lèb$, мн. ч. $lèèb$ [Gl.], пар lep , мн. ч. $lep-i$ [Sim.], $lèp$ [An.], джу $lèp$, мн. ч. $lèb-è$, ачо, кум $lèb$, адо $lèw$, алу $lèb \sim lep$, лнг $lèb$ [Heu.], lep [Dr.], дуо $lep \sim lèw$, мн. ч. $lèp-è \sim lèw-è$.

Все формы очевидно родственны, и реконструкция в целом однозначна: юж.-луо $*lep$ [Heu.] + сев.-луо $*lep$ + мабан-бурун $*lep$ + динка-нуэр $*lep \sim *liép \leftarrow$ празап.-нилотск. $*le(:)p$. Не вполне ясно, был ли гласный долгим или кратким: диагностические данные сев.-луо языков (с долготой в ану и пар) вроде бы противоречат столь же диагностическим данным языков мабан-бурун (где гласный везде краткий). Помимо этого, уже на празап.-нилотском уровне, по-видимому, -ATR-артикуляция в ед. ч. чередовалась с +ATR-артикуляцией в мн. ч.: ср. юж.-луо $*lèb-è$ [Heu.], сев.-луо $*lep-i$, динка-нуэр $*le^h_p \sim *lié^h_p$ (в южной ветви мабан-бурун произошло аналогическое выравнивание в связи с общей перестройкой парадигмы, в частности, с развитием нового сингулятива: $*lep-nl \rightarrow *lém-tl$).

44) «зуб»: нуэ *lei*, мн. ч. *leɕ* [Kg.], *leɕ*, мн. ч. *le:ɕ* [Fr.], днк *le^hɕ ~ le^hi*, мн. ч. *leɕ ~ le^hɕ*, мн. ч. *lèɕ* [An.], май *ley-it*, мн. ч. *lek* [An.], *leg-it* [Bd.], ккм *lèg-it* [An.], маб *leŋ-jo*, мн. ч. *lek-ε* [Ml.], *léŋ-ɲá*, мн. ч. *lék-á* [An.], *lek-v* [Bd.], джм *léŋ-ŋá*, мн. ч. *lèk* [An.], мн. ч. *lek-ε* [Bd.], ану *lè:ō*, мн. ч. *làk*, шил *leʒ-o*, мн. ч. *lek* [Ht.], *lèʒ-ə*, мн. ч. *lēg* [Gl.], пар *le-o*, мн. ч. *lak* [Sim.], *lèy-ó*, мн. ч. *làk* [An.], джу *le^hy-ɔ^h*, мн. ч. *làk*, бор мн. ч. *làk*, ачо *là:k*, адо, алу, кум *làk*, лнг *lāk* [Heu.], *lak* [Dr.], дуо *làk*, мн. ч. *lék-ê*.

Данный этимон, как и предыдущий, сохраняется во всех языках-потомках, но отличается нетривиальной морфонологией.

На праюж.-луо уровне Г. Хёзинг реконструирует единственный вариант основы — **làk*; мн. ч. *lékê* в дуо, по-видимому, восходит к **lak-Ce* (ср. *lak-e* [Dr.] в лнг), и переогласовка **a* → *e* здесь отражает морфонологические особенности собственно дуо, где этот процесс частотен, хотя и не полностью регулярен. Однако уже для прасев.-луо исходную парадигму требуется восстанавливать как мн. ч. **làk*, ед. ч. **lèy-o* (← **lèg-o*, ср. аналогичную леницию веллярного в этимоне 'кость'), и в этом случае объяснить чередование *a* : *e* как недавнее/вторичное уже не получается (такой вариант, как развитие **lèy-o* ← **lày-o* под влиянием *-y-*, точно не проходит, т. к. сочетание *-ay-* в сев.-луо языках вполне допустимо).

В языках мабан-бурун представлен только «е/ε-окрашенный» вариант основы: на базе прамабан-бурун **lek* в разных ветвях развиваются разные парадигмы — в северной ветви с показателем сингулятива *-it* (который меняет тембр гласного на +ATR: **lek- + *-it* → *leg-it*), в южной ветви с обычным переоформлением ед. ч. на *n*-маркированное: **lek- + *-nɪ* → **leŋ-ŋɪ* (в маб далее → *leŋ-ŋɪ* с диссимиляцией).

На уровне прадинка-нуэр парадигма реконструируется в виде ед. ч. **le^hi*, мн. ч. **leɕ*, с дальнейшим аналогическим выравниванием по более частотной форме мн. ч. в большинстве диалектов и нуэ, и днк (исходная «нетривиальная» парадигма нагляднее всего представлена в нуэ словаре Кигтена). Поскольку данные сев.-луо и мабан-бурун языков четко показывают, что морфологически первичной (т. е. необремененной специальными суффиксами) здесь была основа мн. ч., то для данной парадигмы можно предположить «ранне-пра-динка-нуэр» стадию **leg-i* : **lek*, с чередованием по +/-ATR (возможно, обусловленным влиянием сингулятивного суффикса). Веллярный согласный корня ослаб и выпал в интер-

вокальной позиции, а в ауслауте, под влиянием предшествующего переднего гласного, палатализировался и стал аффрикатой.

Таким образом, на наш взгляд, ни парадигма в нуэ, ни консонантные чередования в сев.-луо языках не дают достаточных оснований для того, чтобы рассматривать элемент **-k* в парадигме слова 'зуб' как старый суффикс мн. ч. (как это делает, например, А. Шторх в своей монографии: [Storch 2005: 227]). Если это и суффикс, то он скорее всего был неразрывно слит с корнем уже на празап.-нилотском уровне, и дальнейшее рассмотрение этого вопроса может быть продолжено уже только с выходом на внешний уровень сравнения. Интереснее то, что в этой основе реконструируется явно архаичное — по сравнению с подавляющим большинством разобранных выше ситуаций — «аблаутное» чередование мн. ч. **lak* / ед. ч. **lek*, исчезнувшее в ходе аналогических преобразований в мабан-бурун и в динка-нуэр, но хорошо сохраняющееся и необъяснимое ни через какие фонетические развития в языках луо. Этот вопрос также может быть разрешен лишь на уровне дальнейшего внешнего сравнения.

45) «дерево»: нуэ *ziat*, мн. ч. *zen* [Kg.], *ziat*, мн. ч. *ziɛn* [Fr.], май *ya:t*, мн. ч. *yɪn* [An.], *ya:t* [Bd.], кpm *yá:t*, мн. ч. *yín* [An.], маб *zɑ:n* [Ml.], *zâ:n-l̥*, мн. ч. *zân ~ zân-g̃l̥* [An.], *zɑ:nv* [Bd.], джм *zâ:n*, мн. ч. *zɛn-g̃l̥* [An.], *zɑ:n* [Bd.], ану *zà:t*, мн. ч. *zɛnɲí*, шил *ya:t*, мн. ч. *yɛɲ* [Ht.], пар *ya:t*, мн. ч. *yín* [Sim.], *yà:t*, мн. ч. *yín* [An.], тур *yàt*, мн. ч. *yén*, ачо *yà:t*, адо, алу *yàt*, кум *yàt*, днг *yàt* [Heu.], *yat*, мн. ч. *yɛn* [Dr.], дуо *yàt*, мн. ч. *yíɛn ~ yédê*; (б) днк *tím*, мн. ч. *tiɛm ~ ti:m* [Du.], *tì:m*, мн. ч. *tiím* [An.].

Все языки, кроме днк, отражают одну и ту же основу, которую уже на празап.-нилотском уровне можно рассматривать как частично супплетивную: ед. ч. **ya:t*, мн. ч. **yɛn*, где **-t* и **-n* — бывшие маркеры ед. и мн. ч., утратившие активную продуктивность. Аномальность этой парадигмы пока еще наглядно видна во всех трех ветвях, однако во многих языках она уже ликвидирована, как то:

а) в юж.-луо ветви, где Хэзинг восстанавливает форму ед. ч. **yá:t*, мн. ч. **yɛn* конкурирует с продуктивным новообразованием **yad-i* (ачо *yäd-i*, дуо *yéd-ê* наряду с более древним *yíɛn*);

б) в южной подветви мабан-бурун ед. ч. **ya:t* было расширено за счет продуктивного сингулятивного суффикса **-n-* с ассимиляцией: **ya:t-n-* → **zɑ:n-*, а мн. ч. **yɛn* — за счет нового суффикса

мн. ч. *-k-: **yɛn-k-* → **zɛŋ-g-*. Так выглядит парадигма в джм; в маб, помимо этого, вокализм мн. ч. выровнялся по аналогии с формой ед. ч., так что в этом языке уже не осталось никаких следов бывшего супплетивизма.

Лучше всего исходная парадигма сохраняется в архаичной подветви сев.-луо (хотя в ану мн. ч. 'деревья' также расширяется за счет дополнительного суффикса -l) и в нуэ.

В днк старое слово было полностью вытеснено инновацией *tim*, без каких-либо параллелей в нуэ или в других зап.-нилотских языках. Фонетически близкие слова со значением 'дерево' уже обнаруживались выше в ньяманг (*tvma*) и в нара (*tum*), но использовать их как аргумент для вынесения днк *tim* на празап.-нилотский уровень некорректно; при отсутствии убедительных когнатов в других зап.-нилотских ветвях и наличии «сильного» претендента на общезап.-нилотский статус это слово необходимо исключить из сравнения и пока что рассматривать в лучшем случае как возможную ареальную изоглоссу.

46) «два»: нуэ *reɪ* [Kg.], днк *rou* ~ *reu* [Du.], *ròw* [An.], май *re:* [An.], *a=re* [Bd.], кpm *ré:* [An.], маб *yɛwə* [Ml.], *yawə* [Bd.], джм *yéwwe* [An.], *yáúwè* [Bd.], ану *â=ríáw* ~ *â=ríàw*, шил *a=ryo* [Ht.], пар *a=ryo* [Sim.], *â=ríɔ* [An.], ачо *â=ryɔ̌*, адо *â=ríyɔ̌*, алу *â=ryɔ̌*, кум *â=ré*, днг *â=ryɔ̌* [Heu.], *a=ryo:* [Dr.], луо *â=ríyɔ̌*.

В языках луо это числительное оформлено тем же префиксом *a=*, что и 'один' (см. выше): юж.-луо **a=riyɔ̌* (Hs.; предполагается, что форма в кум претерпела нерегулярное изменение под влиянием тесо *=arei*) + сев.-луо **a=ríaw* (здесь наиболее архаичный фонетический вариант представлен в ану; во всех остальных языках конечное *-aw → -ɔ̌).

Несмотря на необычную фонетическую структуру основы **ríaw* в ану, по-видимому, только она может объяснить все многообразие вариантов, представленных в ветвях динка-нуэр и мабан-бурун. Архаичность губного элемента не подлежит сомнению ввиду таких форм, как прадинка-нуэр **reu* и джм *yéwwe*; только передний гласный корня может объяснить рефлексацию *e* в нуэ и в диалектах бурун; наконец, дифтонгическое сочетание *-*ia-* позволяет объяснить инновативную долготу гласного в бурун **re:* и, возможно, странный диалектный вариант *yáúwè* в записи Л. Бендера (впрочем, последнее может быть и фонетической неточностью).

Можно заранее предположить, что празап.-нилотск. **=riaw* изначально не являлась неразложимой корневой морфемой, однако никаких следов ее «разложимости» в самих зап.-нилотских языках не обнаружено; дальнейший морфемный анализ может проводиться только при выходе на уровень внешнего сравнения.

47) «вода»: нуэ *pi* [Kg.], *pi^hw* [Fr.], днк *piu*, мн. ч. *pi^hu* ~ *piε^hu* ~ *piα^hu* [Du.], *pi^hw* [An.], май *pi*: [An.], *pi* [Bd.], маб *pie-go* [Ml.], *pi^he-gā* [An.], *pi^hiə-gv* [Bd.], джм *pi^h-k* [An.], *pe-k* [Bd.], ану *pi^h*, шил *pi* [Ht.], пар *pi*: [Sim.], джу *pi^h*, бор *fi*, ачо *pi^h*, адо, алу, кум, луо *pi*, лнг *pi* [Heu.], *pi* [Dr.], лбв *pi*.

Все формы очевидно родственны, и реконструкция не вызывает особых затруднений: юж.-луо **pi* + сев.-луо **pi^h*: + мабан-бурун **pi^h*: + динка-нуэр **pi^h(-w)* ← празап.-нилотск. **pi^h*: (долгота гласного реконструируется на основании согласованных показаний сев.-луо и бурун языков). Небольшого комментария требуют только две детали:

(а) в южной ветви мабан-бурун простая форма ед. ч. была вытеснена основой мн. ч. с суффиксом **-k*; для этого варианта также вероятен празап.-нилотский статус, ср. мн. ч. *pi^h-g-ê* в луо;

(б) остается неясным статус ауслаутного *-w* в динка-нуэр. Можно было бы, вслед за А. Шторх [Storch 2005: 176, 206], рассматривать этот согласный как еще один архаичный суффикс, т. к. в большинстве существительных с ауслаутом на *-w* он действительно исчезает в мн. ч. (см. выше 'сердце' в днк). Однако внешнее сравнение все же подсказывает, что речь здесь идет не о суффиксе, а о сложной морфонологии, когда конечный **w* корня сливается с предшествующим гласным перед консонантным суффиксом: ср. нуэ ед. ч. *row*, мн. ч. *ro-t* [St.] 'бегемот' = днк ед. ч. *rɔi*, мн. ч. *ro^h-t* [Du.], ану ед. ч. *ràu*, мн. ч. *ráw-è*, луо ед. ч. *raw-o*, мн. ч. *rew-e* id. ← празап.-нилотск. **raw* (вряд ли **ra-w*).

Если и в данном случае *-w* — часть корня, и на прадинка-нуэр уровне реконструировать следует **pi^hw*, то реальной возможности «снять» этот глайд при переходе на празап.-нилотский уровень нет, и для мабан-бурун и луо **pi^h*: следует предполагать стяжение из **piw* (очевидно, через промежуточный этап **piu*, ср. регулярное развитие **-w* → *-y* в ану). Подтвердить или опровергнуть это сложно ввиду отсутствия аналогичных примеров, но сам по себе сценарий вполне реалистичен и должен учитываться при выводе

слова на уровень внешнего сравнения (реконструкцию можно пока что условно записывать в виде **pi*: ~ **piw*).

48) «мы»: нуэ *kən* [Kg.], днк *ɣo:k* ~ *wu:k* ~ *wo* [Du.], май *ən-ək* [Bd.], кpm *í* ~ *ʔi:-gíš* (инкл.) / *ín* ~ *ʔɛn-ək* (экскл.), маб *ɛn* (экскл.) / *ik=in* (инкл.) [Ml.], *ʔɛn* [An.], *ik=in* [Bd.], джм *ʔik=ɛ:n* (экскл.) / *ʔik=í:n* (инкл.) [An.], *ik=í:n* [Bd.], ану *wá-nī* (экскл.) / *ɔ:-nī* (инкл.), шил *wɔ* (экскл.) ~ *wa* (инкл.) [Ht.], пар *wa-ni* (экскл.) / *o-ni* (инкл.) [Sim.], *wá-ní* (экскл.) / *ʔɔ:-ní* (инкл.) [An.], ачо *wá:n*, адо, алу, кум, дуо *wán*, лнг *wán* [Heu.], *wan* [Dr.].

Ситуация с местоимением 1-го л. мн. ч. по отдельным ветвям выглядит следующим образом. Для прауж.-луо состояния Г. Хёзинг восстанавливает единую независимую форму **wá-n*; «чистая» корневая морфема функционирует как префиксальный субъектный показатель (ачо, адо, алу *wa*=; стяжение в кум, лнг *o*= объясняется влиянием восточно-нилотских языков, но, возможно, носит и самостоятельный характер).

В сев.-луо ветви последовательно различаются формы эксклюзива и инклюзива; их полные варианты надежно восстанавливаются как **wa:-ni* и **ɔ:-ni*, краткие — как **wa*: и **ɔ*: соответственно (в шил, где сохранились только краткие формы, инклюзив **ɔ*: получил протетический глайд *w*- по аналогии с эксклюзивом **wa*:).

Иначе устроена оппозиция по клюзивности в ветви мабан-бурун. Здесь биморфемное сочетание **ɔ:-ni* восстанавливается в значении эксклюзива, а **í:-ni* — в значении инклюзива, причем в разных подветвях эти основы дополнительно расширяются за счет префиксации (**ik=ɔ:n*, **ik=í:n* в южной ветви, ср. выше тот же эмфатический префикс в местоимениях 'я' и 'ты') или суффиксации (ср. *-ək* в форме *ən-ək* в бурун).

Очень странно выглядят на этом фоне усеченные формы в кpm, цитируемые Т. Андерсеном: если инклюзив *í* более или менее предсказуем, то эксклюзив *ín*, напротив, скорее загадочен, особенно если учесть, что «нормальный» эксклюзив продолжает сохраняться в кpm и как полноударное местоимение (*ʔɛn-ək*), и как суффиксальный субъектный показатель (ср. *ʔám-úq-ɛnɔ-r* 'мы /экскл./ это съели'). Судя по полному отсутствию параллелей в других языках, здесь налицо новообразование — возможно, сложившееся как «новое множественное число» от инклюзива *í*.

Еще более запутанно устроена ситуация в динка-нуэр. В днк, где оппозиция по ключивности отсутствует, большинство диалектных вариантов сводится к единому прототипу $*(y)o:-k$, с протетическим «ларингалом» и окончанием мн. ч. $*-k$, которое легко выделить путем сравнения с местоимениями $we:-k$ 'вы' и $ke:-k$ 'они'. Однако в нуэ велярный элемент k , наоборот, относится к корню, как видно из оппозиции $kɔ-n$ 'мы' : $ye-n$ ($\leftarrow *we-n$) 'вы' : $ke-n$ 'они' [Kg.]. Если отбросить конечные согласные $-n$ и $-k$, интерпретируемые как различные морфологические способы оформления независимых местоимений мн. ч. в нуэ и днк соответственно, то нуэ $kɔ-$ = днк $(y)o-$, что никак нельзя считать регулярным соответствием. Помимо этого, в нуэ все же существует оппозиция между инклюзивом и эксклюзивом, наблюдаемая в основном в глагольных суффиксах, где экскл. $-kɔ$ противопоставляется инкл. $-kɛn$ (такая же оппозиция подтверждается и для диалекта/языка ток-рел в [Reid 2010]); впрочем, здесь можно предполагать для инклюзива стяжение из $*-kɔ-yin$ 'мы + ты'.

Суммируем данные по отдельным ветвям в виде наглядной таблицы, максимально упростив реконструкции и исключив указанные выше индивидуальные «аномалии»:

	Юж.-луо	Сев.-луо	М.-б.	Динка	Нуэр
Экскл.	$*wa$	$*wa$	$*ɔ-(n)$	$*o$	$*kɔ$
Инкл.		$*ɔ$	$*i-(n)$		

Если определять «реконструируемость основы на празападнонилотском уровне» как фонетико-семантическое единство ее рефлексов по меньшей мере в двух первичных ветвях этой группы, то очевидно, что оппозиция по ключивности на прауровень выведена быть не может: последовательно различающие ее ветви сев.-луо и мабан-бурун категорически не согласуются друг с другом, более того — мабан-бурун эксклюзиву $*ɔ-$ в сев.-луо скорее соответствует инклюзив $*ɔ$, чем эксклюзив $*wa$.

Для мабан-бурун инклюзива можно предположить вторичное происхождение — $*i-n$ как новое множественное число от $*i$ 'ты'; поскольку ни в одной из остальных ветвей гласный i не связан со значением 1-го л., эта гипотеза выглядит убедительнее, чем попытка выявить здесь какой-то необъяснимый архаизм. Труднее

объяснить происхождение различия между **wa* и **ɔ* в сев.-луо языках; хотелось бы думать, что наличие в обоих вариантах губного элемента — не случайное совпадение (**wa* ← **ɔ* 'мы' + **a* '?'), но построить реалистичный сценарий пока не удастся.

В любом случае видно, что единственная морфема, которую в значении 1-го л. мн. ч. (без различения клюзивности) можно уверенно вывести на празап.-нилотский уровень — это **ɔ*, в явном виде представленная во всех трех основных ветвях — сев.-луо **ɔ*, мабан-бурун **ɔ*-, динка **o*. Возможно, но неочевидно, что эта же морфема представлена и в нуэ **kɔ* (где при этом необъяснимым остается «префикс» *k*-), и в юж.-/сев.-луо **wa* (где в этом случае неясен статус присоединяемого к ней *-a*). Именно она и должна в первую очередь выводиться на уровень внешнего сравнения; привлекать такие сомнительные морфемы, как мабан-бурун инклюзив **i*- или нуэ «велярную морфему» *k*-, в целях определения дальнейшего генетического родства нецелесообразно.

49) «что»: (а) нуэ *ηi* [Kg.], днк *ηo^h* ~ *ηo* [Du.], май *ηə* [Bd.], кpm *ηò*: [An.], шил *a=ηo* [Ht.], ану *ηò*, пар *a=ηo* [Sim.], ачо *ηò*-, алу *á=ηo*-, днг *ngo* [Dr.], дуо *a=ηò*; (б) маб *gè-n-à*, мн. ч. *wà:k-à* [An.], *gen-ɔ* [Bd.], джм *a=ηa:ka* [Bd.] (?), ану *ā=gín-é*.

Наиболее широкую дистрибуцию обнаруживает группа форм (а); реконструкция затруднена из-за нерегулярных вокалических колебаний, но очевидно, что на празап.-нилотском уровне это была основа вида CV, где C — велярный носовой **η*, а V — губной гласный (**ηi* ~ **ηo* ~ **ηɔ*). Возможно, исходный вариант **ηo* мог подвергаться переогласовке под влиянием факультативного префикса (на самом деле — слившегося с вопросительной морфемой вспомогательного глагола 'быть') **a*=, хорошо сохраняющегося в обеих ветвях языков луо.

В отдельных языках наблюдаются разные стадии вытеснения исконного местоимения новыми формами, образованными от слова 'вещь': ану *ā=gíné* 'что?' — прозрачное производное от *gìn*, мн. ч. *gîi* 'вещь', равно как и маб *gènà* = *gen*, мн. ч. (супплетивное) *wa:ko* [Ml.] 'вещь'. Сомнительна форма *a=ηa:ka* в джм, зафиксированная только у Л. Бендера (возможно = маб мн. ч. *wà:kà* с ошибочно записанной назализацией).

50) «кто»: нуэ *ηa* [Kg.], днк *ηa* [Du.], май *ηa* [Bd.], джм *aηa:nî* [Bd.], ану *ā=ηá*, пар *a=ηa* [Sim.], *ηá* [An.], ачо *ηà*: ~ *à=ηâ*-, алу *àηà*-, днг *nga* [Dr.], дуо *ηa*; (б) маб *a=ten-ε* [Ml.], *tenε-* [Bd.], шил *a=ten* [Ht.].

Исходная одушевленная форма вопросительного местоимения на празап.-нилотском была, несомненно, симметрична неодушевленной и должна восстанавливаться как **ηа*. В маб и шил наблюдаются новообразования от одной и той же основы, которая в маб имеет значение 'человек' (*mé-ní*, мн. ч. *tá-kí* [An.]), а в шил является указательным местоимением (*тєп*, мн. ч. *тə-k* 'этот' [Ht.]); скорее всего, речь идет о независимых семантических инновациях.

3.10. Восточнонилотская группа.

3.10.1. *Общие сведения и источники.* На 15–20 языках восточно-нилотской группы сегодня говорит ок. 5 млн человек, которые занимают почти неразрывный континуум, растянувшийся длинной узкой полосой от крайнего юга Судана до северо-востока Танзании; отдельные части этого континуума находятся в тесных ареальных контактах как с другими ветвями нилотской семьи (западной, южной), так и с другими предположительно «восточносуданскими» языками (сурмийскими на севере, кулякскими на юге), а также с центральносуданской, кушитской и бантуской языковыми семьями.

Отдельные крупные языки вост.-нилотской группы были известны исследователям уже в XIX в. — это прежде всего масаи, первые лексикографические описания которого датируются уже 1850-ми гг., и бари, подробная грамматика и словарь которого, составленные Й. Миттертутцнером [Mittertutzner 1867], закладывают столь же прочную основу для дальнейшего исследования языков всей этой группы, как и описание динка, составленное тем же автором (см. 3.9.1) для языков зап.-нилотской группы. То, что бари и масаи связаны более тесными родственными связями друг с другом, чем с другими языками суданского ареала, впервые заметил Р. Лепсиус в своей «Нубийской грамматике» [Lepsius 1880]; этот момент можно считать отправной точкой в сравнительно-историческом изучении вост.-нилотских языков. Дальнейший вклад в расширение и уточнение классификации последовательно вносили такие исследователи, как Б. Штрук, Д. Вестерманн, К. Мура-тори, О. Кёлер, Б. Хайне и другие ученые¹; кульминационным

¹ Детальное изложение основных вех в истории этого направления, включающее подробную библиографию, можно найти в обзорной работе [Köhler 1955] и в одном из разделов монографии [Vossen 1982].

пунктом в более чем столетней истории изучения группы можно считать монографию Р. Фоссена [Vossen 1982], в которой впервые предпринята полноценная попытка не только создать всеобъемлющую генетическую классификацию всех языков семьи (на основании лексикостатистических подсчетов и фонетико-морфологических изоглосс), но и осуществить предварительную реконструкцию правост.-нилотского языка, установив основные ряды фонетических соответствий между его потомками.

Как и остальные ветви nilотской семьи, вост.-нилотские языки описаны и исследованы очень неравномерно. Более или менее подробные словари опубликованы на сегодняшний день максимум по 5–6 языкам; из оставшихся многие до сих пор представлены лишь краткими сведениями в обзорно-исторической монографии Фоссена или еще более старыми источниками. К счастью, в каждой из четырех основных ветвей группы есть хотя бы один-два «диагностических» языка, материалы которых позволяют дать этимологическую оценку данных малых языков, известных по коротким словарям Фоссена и других исследователей.

Упомянутые четыре ветви были впервые четко обозначены К. Муратори в приложении к его грамматике языка лотуко [Muratori 1938] и с тех пор почти без изменений фигурируют в большинстве как обзорных, так и исследовательских публикаций по вост.-нилотским языкам, хотя установить консенсус относительно последовательности бифуркаций на более высоких уровнях оказалось гораздо сложнее. Для начала перечислим эти ветви с их основными представителями в географическом порядке (с северо-запада на юго-восток):

1. Бари:

1) *Бари* [бар]: ≈ 300,000 носителей на южных границах Судана, по обоим берегам Нила, с частичным заходом на территорию Уганды. В силу своей относительной многочисленности и проживания в стратегически значимых районах бари оказались одним из первых вост.-нилотских народов, попавших в поле зрения европейских исследователей, и первое подробное описание этого языка появилось уже в середине XIX в. [Mitterrutzner 1867]; сегодня оно имеет скорее историческое значение, будучи вытеснено грамматикой и словарем, составленными в 1930-е гг. Л. Спаньоло [Spagnolo 1933, 1960]. Еще один лексикон был составлен К. Муратори в

рамках проекта сравнительного бари-лотуко-ачоли словаря [Muratori 1948], но на фоне словаря Спаньоло данные Муратори в целом оказываются избыточными.

Полноценных описательных работ по бари с момента выхода в свет работ Спаньоло до сих пор не появилось, что вызывает сожаление, т. к. у Спаньоло, в частности, отсутствует последовательная тональная нотация; определенные сомнения вызывает и степень точности записи вокализма. Диссертационное исследование [Yokwe 1987] остается неопубликованным (впрочем, речь в нем идет в основном о роли, которую играет просодическая система бари в словообразовании и синтаксисе этого языка), а полевые записи Р. Фоссена, сопровождаемые тональной нотацией, охватывают лишь небольшой сегмент лексики.

2–5) Куку [кук], ньянгвара [нгв], нгьепу [нгп], поджулу [пдж]. Эти четыре мелкие народности, в совокупности насчитывающие около 70,000 человек, согласно данным каталога «Этнолог», говорят на диалектах, чрезвычайно приближенных к собственно бари, и не выделяются как отдельные языковые единицы; такая точка зрения до некоторой степени подтверждается и лексикостатистической классификацией Фоссена, согласно которой именно эти четыре наречия на итоговом дереве [Vossen 1982: 114] стоят намного ближе к бари, чем два других члена этой ветви — каква и мондари. Поскольку единственными опубликованными данными по перечисленным диалектам остаются лексические списки самого Фоссена, наши выводы предсказуемо совпадают с его классификацией.

6) Каква [ккв]: ≈ 200,000 носителей, локализованных на границах Южного Судана, Уганды и Конго (Заира), т. е. занимающих крайний юг ареала распространения языков бари. Вплоть до исследований Фоссена единственным источником данных по этому языку был небольшой словник в [Czekanowski 1924: 686–700], весьма сомнительного качества (без тональной нотации, различения оппозиции гласных по +/-ATR и т. п.); лексикостатистические и этимологические данные в [Vossen 1982] существенно улучшают ситуацию, но не являются полноценным словарем.

7) Мондари или мандари [мон]: этот язык, наоборот, распространен на крайнем северо-востоке ареала бари (по обоим берегам Нила к северу от собственно бари), где на нем может говорить до 30,000 человек (так по сведениям полувековой давности в обзоре

А. Такера; более современная статистика отсутствует). Единственные доступные данные по мондари собраны Р. Фоссеном и опубликованы в его монографии.

II. Тесо-туркана:

8) *Тесо* или *атесо* [тес]: крупный (от полутора до почти двух миллионов носителей) язык, родной для народности итесо в восточной Уганде и западной Кении (район Тесо в Уганде и район Бусиа в Кении). Наиболее подробными и доступными источниками на сегодня остаются грамматика [Hilders, Lawtrance 1957], словарь [Hilders, Lawtrance 1958] и более современный словарь [Ongodia, Ejiet 2008]; к сожалению, ни один из этих источников не дает ни тональной нотации, ни сведений о +/-ATR характеристике гласных корневых и суффиксальных морфем (хотя все они и признают наличие такой оппозиции). Более точными в этом плане являются полевые данные Фоссена, но их количество, как и в прочих, сильно ограничено. Из остальных источников следует отметить также англо-тесо / тесо-английский словарь Дж. Киггена [Kiggen 1953a, 1953b], данные которого в нашем исследовании учесть не удалось вследствие его библиографической редкости.

9) *Туркана* [трк]: вместе с масаи — один из двух крупнейших вост.-нил. языков на территории Кении, родной примерно для полумиллиона носителей, проживающих к западу и к югу от озера Туркана, с частичным заходом на территорию Эфиопии. Туркана — один из наиболее подробно и часто описываемых языков всей группы; первый, совсем краткий опыт грамматики и словаря был создан уже в начале XX в. [Barton 1921], но реальный прорыв связан с работой Б. Хайне [Heine 1980], давшего подробный разбор фонологии, морфонологии и морфологии этого языка; за ней последовали подробные словарные описания [Ohta 1989] и [Barrett 1990]; в совокупности с полевыми данными Фоссена, опубликованными в [Vossen 1982], все это превращает туркана в один из ключевых языков для разработки вост.-нилотской этимологии.

10) *Каримоджонг* [кри]: ~ 260,000 носителей, сосредоточенных в крайнем северо-восточном районе Уганды — Карамодже; принадлежат к трем тесно связанным народностям (собственно каримоджонг, додос и джие). Несмотря на то, что в течение всего XX в. каримоджонг довольно часто попадал в поле зрения исследователей, в основном — итальянских миссионеров (судя по библиографи-

ческому обзору в [Tucker, Bryan 1956] и в других источниках), бóльшая часть их описаний остается либо неопубликованной, либо труднодоступной. Даже Р. Фоссен, не имевший возможности лично проводить полевые исследования в Уганде из-за политической ситуации в этой стране, был вынужден в своем сравнительном исследовании ограничиться 200-словным рукописным списком, составленным О. Кёлером в 1970-м г. [Vossen 1982: 163].

С момента выхода в свет монографии Фоссена ситуация во многом улучшилась: во-первых, была опубликована подробная грамматика [Novelli 1985], составленная Б. Новелли по материалам, собранным П. Краццолара и другими миссионерами, во-вторых, появилось несколько небольших словарей — [Logiro, Lukor 2007], а также словник, включенный в состав учебника [Bader 2008]. В совокупности эти источники позволяют не только верифицировать список Кёлера/Фоссена, но и на полноценной основе включить каримоджонг в вост.-нилотскую этимологию.

11) *Ньянгатом* [ньн]: единственный вост.-нилотский язык, представленный в основном на территории Эфиопии (в районе Омо на крайнем юго-западе страны, граничащем с Суданом и Кенией). Общее число носителей составляет примерно 14 тыс. человек. Данные по этому языку практически отсутствуют; единственный доступный источник — 100-словный список, составленный Л. Бендером в рамках общего лексикостатистического обзора Эфиопии [Bender 1971]; этот же список использовал и Р. Фоссен в собственных статистических подсчетах.

12) *Топоса* [топ]: ≈ 100,000 носителей в Южном Судане (штат Восточная Экватория). Несмотря на то, что топоса, в силу своей многочисленности (и воинственности), можно считать одной из «статусных» народностей соответствующего региона, удивление вызывает полное отсутствие на сегодняшний день официально опубликованных грамматик или словарей этого языка — даже в сравнительной монографии Фоссена данных по топоса нет вообще (хотя о существовании народа и языка, конечно, упоминается). Единственные специалисты, которые уже на протяжении более чем двадцати лет занимаются фонетикой и грамматикой топоса — М. и Х. Шрёдер, опубликовавшие ряд ценных статей (фонетика: [Schröder, Schröder 1987a, 1987b]; грамматика: [Schröder, Schröder 1986; Schröder 2004] и др.; вопросам именной деривации в топоса

посвящена также работа [Kadanya 2006]), однако данных этих все же недостаточно для того, чтобы подключить топоса к общей лексикостатистике, хотя использовать их для этимологического анализа вполне допустимо. Тем не менее, даже без лексикостатистических подсчетов не подлежит сомнению близкое родство между топоса и остальными языками подгруппы тесо-туркана.

III. Лопит-лотуко:

13) *Лотуко* (*лотухо*, *отухо*) [лот]: не менее 130,000 носителей, также проживающих в Восточной Экватории, но относительно ближе к Нилу, чем топоса. Первые описания лотуко относятся еще к началу XX в. — это в первую очередь статья [Raglan 1922] и краткий словник [Driberg 1932]; последний, впрочем, носит сравнительный характер, т. к. в нем приводится лексика и по другим языкам лопит-лотуко. Более подробные исследования проводились К. Муратори, опубликовавшим грамматику и словарь [Muratori 1938, 1948] лотуко; с тех пор существенных сдвигов в изучении этого языка не произошло, хотя ограниченные полевые данные, опубликованные Р. Фоссеном в [Vossen 1982], полезны уже хотя бы тем, что дополняют часть словаря Муратори просодической информацией.

14) *Лопит* [лоп]: ≈ 50,000 носителей, локализованных в горах Лопит, непосредственно к северу от ареала распространения лотуко. Вплоть до исследований Фоссена единственные данные были известны только из вышеупомянутого сравнительного словника [Driberg 1932].

15–17) *Локоя* [лок], *охорёк* (*корёк*) [охо], *донготоно* [дон]: мелкие диалекты, представленные разрозненными группами носителей от одной до десяти тысяч человек в том же ареале, что и крупные языки лопит-лотуко. Как и в случае с лопит, «старые» данные по этим диалектам в основном ограничены словником Дриберга, хотя по охорёк существует также краткий очерк [Westermann 1944]. К счастью, все три диалекта своевременно попали в поле зрения Р. Фоссена, что позволяет учесть их в лексикостатистических подсчетах. Лексические и фонетические расхождения между ними достаточно существенны, чтобы считать их отдельными языками, но точное количество «языков» ветви лопит-лотуко остается неясным (так, в обзоре [Tucker, Bryan 1956], равно как и в каталоге «Этнолог», упоминается наречие «ланго», заведомо отличное от

западнилотского языка ланго, но из-за отсутствия данных непонятно, действительно ли это отдельный язык/диалект или просто альтернативное название для одного из перечисленных выше).

IV. Онгамо-маа:

18) *Масаи* [маа]. По-видимому, наиболее известный, хотя и уступающий туркана по общему числу носителей, язык вост.-нилотской группы. В совокупности на многочисленных диалектах масаи говорит около миллиона носителей на территории Кении (долина Рифт) и Танзании (к востоку от парка Серенгети), причем число это постоянно увеличивается.

Масаи — наиболее подробно изученный из всех нилотских языков; первые описания известны уже с середины XIX в., и подробная библиография работ по масаи может растянуться на несколько страниц. Отметим лишь те из них, которые имеют особенную значимость для нашего исследования. Классический анализ грамматики масаи принадлежит А. Такеру [Tucker, Mraauei 1955], хотя приложенный к ней словарь уже отчасти устарел; гораздо больше деталей дает массивный «культурологический» словарь [Mol 1996] (хотя в нем отсутствует тональная нотация). Последним по времени и наиболее ценным для разработки вост.-нилотской этимологии является словарь [Payne, Ole-Kotikash 2008], который мы и привлекаем в качестве основного источника, наряду с полевыми данными Р. Фоссена.

Исключительно полезным оказывается также подробное диалектологическое исследование [Vossen 1988], в котором собраны сопоставительные лексические материалы почти по двум десяткам диалектов и говоров масаи. Расхождения между ними не столь значительны, чтобы результаты анализа могли существенно повлиять на вост.-нилотскую этимологию в целом, но в отдельных случаях они помогают относительно легко отсеять недавние лексические инновации от архаизмов уже на основании тривиального дистрибуционного анализа рефлексов.

Наиболее дивергентной, согласно анализу в [Vossen 1988] и лексикостатистическим подсчетам в [Vossen 1982], оказывается группа северных диалектов, в которую входят *чамус* [чам] и *сампур*, или *самбуру* [смп] (в каталоге «Этнолог» они эксплицитно выделены в отдельный язык). По *чам* Б. Хайне был составлен отдельный грамматический очерк с приложением краткого словаря [Heine

1980]; сравнительные лексические данные по обоим диалектам доступны в монографии [Vossen 1988] и позволяют активно привлекать их как к обществ.-нилотской лексикостатистике, так и к работе по этимологизации вост.-нилотских форм.

19) *Онгамо* или *нгаса* [онг]. Несмотря на то, что ближайшим родственником этого языка является масаи (это предположение было впервые высказано К. Эретом [Ehret 1971] и впоследствии убедительно обосновано в статье [Heine, Vossen 1975]), носители онгамо, по всей видимости, на достаточно раннем этапе выделились в отдельную группу и мигрировали на восток, обосновавшись на склонах горы Килиманджаро, где они оказались в тесном окружении языковой семьи банту (диалектная группа чага). Со временем это привело к почти полной языковой ассимиляции: по состоянию на 1983 г. насчитывалось не более 250 активных носителей онгамо, и не исключено, что сегодня этот язык уже можно относить к категории вымерших.

Тем не менее, даже беглый анализ небольшого лексикона онгамо, приведенного авторами в приложении к [Heine, Vossen 1975], показывает, что лексическое влияние банту на онгамо ограничивалось в основном культурной лексикой, т. е. понижения «лексического иммунитета» не наблюдалось даже в условиях сокращения числа носителей. К сожалению, за исключением упомянутой работы, существенных дополнительных источников данных по онгамо так и не появилось (более ранние полевые данные в работе [Fleming 1965] немногочисленны и явно уступают материалам Хайне и Фоссена как в количественном, так и в качественном отношении).

Вопрос о том, как перечисленные четыре ветви соотносятся друг с другом в рамках общей генетической классификации зап.-нилотской группы, подробно обсуждается в [Vossen 1982: 87–103], где, в частности, упомянута ранняя классификация О. Кёлера, в которой ветви бари-лотуко-масаи противопоставлялась ветвь тесотуркана [Köhler 1948: 120], а также более «осторожная» модель А. Такера и М. Брайан [Tucker, Bryan 1956: viii], которые вообще отказались от постулирования промежуточных узлов, выделяя в составе вост.-нилотской («нило-хамитской») семьи четыре равноправные ветви и один язык-изолят (онгамо). Новая модель была предложена К. Эретом [Ehret 1971], который выстроил следующее

ранжирование ветвей в порядке хронологического отделения от общего «ствола»: (а) бари, (б) тесо-туркана, (в) лопит-лотуко, (г) онгамо-маа. Эта схема подтверждается лексикостатистическим анализом Р. Фоссена [Vossen 1982: 105–156] и на данный момент может считаться наиболее достоверной; ниже будет видно, что она совпадает и с нашими результатами.

3.10.2. *Историческая характеристика.* Элементы сравнительного исследования вост.-нилотских языков можно найти уже в работах начала XX в. (см. подробный обзор литературы в [Vossen 1982: 87–96]), однако к последовательной реконструкции правост.-нилотского языка африканисты приступили лишь относительно недавно — здесь нужно в первую очередь упомянуть работы К. Эрета [Ehret 1971, 1974], опубликовавшего собственную модель классификации вост.-нилотской группы и около сотни лексических реконструкций, не сопровождаемых перечнем фонетических соответствий; впрочем, в силу того, что хронологическая и фонетическая дистанция между вост.-нилотскими языками относительно невелика, большая часть этих реконструкций (по крайней мере, в плане этимологизации когнатов) выдержала проверку временем.

«Современный» этап в сравнительно-историческом изучении вост.-нилотских языков безусловно связан с работой Р. Фоссена, который в своей основополагающей монографии [Vossen 1982] не только опубликовал подробные сравнительные материалы по многочисленным языкам и диалектам, от которых до этого времени были известны одни названия, но и предложил собственную реконструкцию фонологии, лексики и отдельных элементов морфологии правост.-нилотского языка, включая последовательное разграничение исторических стадий (общевост.-нилотской, тесо-лотуко-масаи, лотуко-масаи и т. д.). Со времени выхода в свет этой монографии отдельные исследователи время от времени предлагали частные мелкие поправки к фонологической модели Фоссена (в первую очередь Г. Диммендаль), но ни одного исследования, сопоставимого по масштабу с проделанной им работой, не появилось и в ближайшее время не предвидится.

По сравнению со своими зап.-нилотскими родственниками, вост.-нилотские языки отличаются большей фонологической стабильностью: в частности, им совсем не свойственна тенденция к сокращению двусложных структур CV₁CV₂ за счет апокопирования

ауслаутного гласного с частичным переносом его дистинктивных признаков на предшествующие сегменты. Наибольшие трудности, как правило, связаны с реконструкцией вокализма, подверженного различным типам гармонии по +/-ATR, и с четким определением условий, в которых имеют место различные виды ослабления, палатализации или выпадения интервокальных согласных.

Р. Фоссен восстанавливает для правост.-нилотского уровня следующую систему консонантизма [Vossen 1982: 297–298]:

*p	*t, *t ₂	*tʸ	*kʸ	*k ₍₁₋₄₎	*kʷ
*b	*d	*dʸ		*g	*gʷ
*m	*n	*ɲ		*ŋ	
	*l, *r	*lʸ, *rdʸ			
*w		*y			

Многие из перечисленных фонем представлены в языках-потомках одно-однозначными соответствиями (иногда с отдельными тривиальными переходами, как, например, развитие *p- → *f- в языках лопит-лотуко) и не заслуживают специального комментария. Другие, наоборот, требуют специальных пояснений, как-то:

1) Р. Фоссен не восстанавливает для правост.-нилотского фонологической оппозиции между простыми звонкими и импловзивными согласными, исходя из того, что в большинстве ветвей звонкая и импловзивная артикуляции находятся в дополнительной дистрибуции по языкам (например, в туркана и в онгамо-маа встречаются только импловзивные *b̥, d̥*, а в лопит-лотуко — только звонкие *b, d*). Однако такая оппозиция наблюдается по крайней мере в группе бари, где пары *b : b̥, d : d̥* имеют откровенно смысло-различительную функцию (ср. в словаре [Spagnolo 1960]: *beret* 'вид рыбы' — *beret* 'уничтожать', *daŋ* 'лизать' — *daŋ* 'забирать' и т. д.), причем, в отличие, например, от ситуации в языке алур (ветвь луо зап.-нилотской группы, см. выше), частотность этих фонем в целом сопоставима, и нельзя показать, что лексическое распределение морфем хотя бы отчасти завязано на «экспрессивной» лексике, иноязычных заимствованиях и т. п.

Поскольку правила дополнительного распределения между звонкими и импловзивными согласными в бари не установлены, а сама эта ветвь является одним из двух первичных узлов вост.-

нилотской группы, естественно предположить, что на правост.-нилотском уровне звонкие и имплозивные согласные (по крайней мере, в губной и в переднеязычной сериях) различались, но после отделения бари превратились в свободные варианты друг друга.

2) Сомнительная фонема $*t_2$ восстанавливается на основании следующих соответствий: лоп.-лот. $*s$: бари $*s$: онг.-маа $*š \sim *ç$: тес.-трк. $*s \sim *t$. При этом из примерно трехсот реконструкций в приложении к монографии [Vossen 1982] она, во-первых, представлена всего в пяти морфемах, и, самое главное, только в *одной* из них в тес.-трк. действительно наблюдается взрывной рефлекс: тес $a=ki=tv-k$, трк $\eta a=a=tv-k$ 'скот', ср. бар $ki=sú-k$, маа $\eta=ki=šú$ id. и т. д. Во всех остальных случаях спирантная или, гораздо реже, аффрикатная рефлексация проходит по всем языкам без исключения (ср. тес $i=kú=mè-s$ 'носы' vs. бар $kù=mè-sik-ò$ id. ← правост.-нил. $*ki=me-t_2ik$ согласно Фоссену и т. д.).

В такой ситуации, на наш взгляд, естественным образом напрашивается реинтерпретация $*t_2$ Фоссена как обычного спиранта $*s$, тем более что в инвентаре Фоссена эта лакуна остается свободной, несмотря на то, что s как свободная фонема присутствует в подавляющем большинстве вост.-нилотских языков (хотя в ряде случаев имеет вторичное происхождение). Сам Фоссен упоминает о возможности такой интерпретации, но отвергает ее следующим образом: «The largely symmetrical phoneme system of Proto-Eastern Nilotic, however, would certainly not allow a fricative phoneme (which could anyway not explain the appearance of t in Teso-Turkana)» [Vossen 1982: 231–232].

Аргументация эта представляется нам неубедительной. Во-первых, в «симметричную» вост.-нилотскую систему превращают не конкретные данные конкретных языков, а субъективная реконструкция Фоссена; во-вторых, для многих африканских (и не только африканских) языков характерны системы с одной-единственной фрикативной фонемой $*s$. В дальнейшем Фоссен признает необходимость реконструкции $*s$ как минимум на уровнях прабари и пратесо-лотуко-маа (с. 252), но, указывая на отсутствие надежных параллелей между этими двумя ветвями, предпочитает считать, что и в той, и в другой фонема $*s$ развилась независимо, не обозначая при этом возможные источники таких инноваций (результат воздействия иноязычного субстрата?). Однако, если

считать, что немногочисленные примеры на загадочную фонему $*t_2$ — это и есть случаи отражения в обеих ветвях правост.-нилотского $*s$, проблема благополучно разрешается.

Остается лишь один вопрос — рефлекс $*t$ в слове 'скот' в тесо-туркана. Не выходя за рамки вост.-нилотских языков, очень трудно поверить в то, что именно эта подветвь ветви тесо-лотуко-маа сохраняет исходную артикуляцию, в то время как в бари и в лотуко-маа по неизвестным причинам эта фонема подверглась одинаковому процессу спирализации. *Регулярность* этого процесса также под серьезным вопросом, т. к. ни одного аналогичного примера Фоссен не приводит. В итоге остается лишь предположить, что в тесо-туркана имело место инновативное развитие — в супплетивной парадигме $*=teŋ$ 'бык, корова (ед. ч.)': $*=su-k$ 'скот (мн. ч.)' форма мн. ч. выровнялась по аналогии с формой ед. ч., т. е. $*=su-k \rightarrow *tu-k$ (нерегулярное развитие) по аналогии с $*=teŋ^1$.

3) Палатальные фонемы $*t^y$, $*d^y$ также восстанавливаются на очень небольшом количестве примеров и, помимо этого, представлены разными рядами соответствий, дополнительное распределение между которыми не обнаружено. Ниже будет показано, что по крайней мере в отдельных случаях на месте этих фонем уместнее восстанавливать консонантные кластеры (см. ниже 'дерево'); там же, где предполагать наличие старого сочетания оснований нет, соответствия, как правило, укладываются в сле-

¹ Главная проблема, связанная с таким решением, обнаруживается на уровне дальнейшего внешнего сравнения: супплетивная парадигма для слова 'корова, скот' — известная и очень важная общенилотская изоглосса, причем начальный согласный корня и в вост.-нилотских, и в юж.-нилотских языках неизменно оказывается общим для ед. и мн. ч. и всегда имеет взрывную артикуляцию: ср. в зап.-нил. ануа ед. ч. $\dot{d}iaŋ$, мн. ч. $\dot{d}òk$, в юж.-нил. нанди $tíŋi$, мн. ч. $tòŋ$ и т. д. Однако даже если считать этот аргумент решающим в вопросе фонетической интерпретации вост.-нилотского $*t_2$, он все равно не снимает проблемы «особости» этой фонемы, отличной от обычного $*t_1$ — и того факта, что в ед. и в мн. ч. слова 'корова' на правост.-нил. уровне мы все равно вынуждены реконструировать разные фонемы, т. е. ситуацию, отличную от ситуаций в западно- и южнонилотских языках. Совершенно не исключено, кстати говоря, что и в этих группах независимо друг от друга имели место те же аналогические преобразования, что и в тесо-туркана, т. е. начальный согласный формы мн. ч. выровнялся по аналогии с начальным согласным формы ед. ч.

дующую схему: (а) $*t^y$ = бари $*\text{з}$, тесо-лотуко-маа $*\text{с}$ (ср. 'носить (одежду)' = бар $\text{з}v\text{p}$, маа $\text{à}=\text{ì}=\text{śó}\text{p}$, чам $\text{à}=\text{ì}=\text{śó}\text{p}$); (б) $*d^y$ = бари $*d$, тесо-лотуко-маа $*\text{з}$ (иногда отражается как $d \sim d^y$ в языках-потомках, см. ниже 'язык'). О попытке реконструкции $*-t^y$ - в срединной и конечной позициях см. ниже в этимологическом разборе правост.-нилотской основы 'луна'.

Учитывая, что система Фоссена не предусматривает реконструкции на правост.-нилотском уровне подсистемы аффрикат, есть все основания реинтерпретировать его $*t^y$, $*d^y$ как $*\text{с}$, $*\text{з}$ (разумеется, только в тех случаях, когда эти фонемы несводимы к сочетаниям согласных). Такая реинтерпретация хорошо согласуется и с общетипологическими наблюдениями (палатальные аффрикаты в «нило-сахарских» языках встречаются часто, в отличие от «палатализованных дентальных»), и с тем фактом, что на отдельных подуровнях Фоссен все равно вынужден восстанавливать аффрикаты отдельно (для пратесо-лотуко-маа он реконструирует $*\text{с}$, но не обнаруживает для соответствующих лексем параллелей в бари).

4) Еще хуже обстоит дело с реконструкцией отдельной палатально-велярной фонемы $*k^y$ -. В анлауте она представлена единственным корнем ($*k^y\text{er}$ - 'рыгать'), рефлексy которого к тому же почти полностью совпадают с рефлексами правост.-нил. $*=t^y\text{or}$ - ($=*\text{сop}$ -) 'носить' (только в лопит-лотуко 'рыгать' имеет начальный s , а 'носить' — начальный y , но это расхождение может быть обусловлено вокалическим контекстом). Скорее всего, эту «мини-фонему» следует исключить из реконструируемого инвентаря.

5) Т. н. «лабиовелярные фонемы» $*k\text{u}$ -, $*g\text{w}$ -, как предлагал уже Г. Диммендаль [Dimmendaal 1988: 16], желательно реинтерпретировать как сочетания с глайдом ($*k\text{-}w$, $*g\text{-}w$) или, в отдельных случаях, даже с гласным ($*k\text{-}u$ / $*k\text{-}v$, $*g\text{-}u$ / $*g\text{-}v$); это особенно очевидно для сочетания $*k\text{u}$ -, которое часто обнаруживается на стыке морфем (префикса $*k$ = и начального w - или u - / v - корня, см. ниже 'птица', 'голова' и др.).

6) Четыре варианта глухой велярной фонемы $*k$ восстанавливаются Фоссеном достаточно условно: они отражают различные особенности рефлексации в ветвях онгамо-маа и лопит-лотуко, где в довольно хаотичном порядке наблюдаются разные степени ослабления этой фонемы ($\rightarrow \gamma, x, h, \emptyset$) в зависимости от конкретной лексемы. Полные ряды соответствий приводятся в [Vossen 1982: 241];

здесь мы их не воспроизводим, т. к., на наш взгляд, эта проблема скорее связана с локальными особенностями развития, обусловленными вокалическим и консонантным окружением. Следует особо подчеркнуть, что **k* чаще всего встречается в составе «застывшего артикля» **k(i)=*, который, в свою очередь, находится в отношениях сандхи с предшествующими ему показателями грамматического рода (см. ниже), а это в языках, имеющих тенденцию к ослаблению артикуляции **k*, может легко привести к сложной системе позиционных вариантов, частично выравниваемых по аналогии и т. д.

В любом случае очевидно, что серьезного разговора о реконструкции четырех различных веларных фонем здесь идти не может; сама по себе проблема заслуживает отдельного рассмотрения в ходе разработки более подробной и аккуратной сравнительной фонетики вост.-нилотских языков, но в рамках нашего исследования ей допустимо пренебречь, и в наших реконструкциях «индексы Фоссена» мы будем последовательно опускать, чтобы не создавать лишних иллюзий.

7) Редкая, но уверенно восстанавливаемая фонема **lʷ* (на материале 50-словного списка представлена по крайней мере в двух правост.-нил. основах — ‘луна’ и ‘вошь’, см. ниже; встречаемость пока что ограничена начальной позицией) отражается как *y-* в языках бари и лопит-лотуко, как *h-* в онгамо и как *l-* в тесотуркана и во всех диалектах масаи. Из двух возможных вариантов фонетической интерпретации этого соответствия — палатального **lʷ* и глухого фрикативного **ɬ* — Р. Фоссен выбирает первый, исходя из соображений симметрии; поскольку, однако, выше уже было указано, что реконструкция для правост.-нил. состояния палатальных взрывных согласных **tʷ*, **dʷ* недостаточно обоснована, этот аргумент отпадает, и более предпочтительным оказывается второй вариант — интерпретация этого ряда соответствий как отражения глухого фрикативного латерала **ɬ*, тем более, что аналогичная фонема, с очень похожими особенностями рефлексации, восстанавливается и для праюжнонилотского (см. 3.11.2).

8) Напротив, необычное консонантное сочетание **-rdʷ-*, которое Р. Фоссен восстанавливает только в срединной позиции на основании соответствия «бари -з- : тесо-лотуко-маа -rɨ-», по-видимому, можно устранить из инвентаря: накопленный сопоставительный

материал позволяет предполагать, что палатальная аффриката в бари — результат регулярной палатализации вибранта либо (а) в позиции между двумя гласными **i* (~ **I*): ср. тес $\bar{e}=m\bar{i}r\bar{i}$ 'крыса' = бар $m\bar{i}z-\bar{i}$; либо (б) в позиции перед дифтонгическим сочетанием **-i-e-* (~ **-I-ε-*), возникающим на стыке морфем — в этих условиях первый гласный трансформируется в глайд *-y-* и превращает вибрант в аффрикату: ср. маа $\bar{e}n=k\bar{e}w\bar{a}r-\bar{i}-\bar{e}$ 'ночь' = бар $=kw\bar{a}z-\bar{e}$ id.

9) Для некоторых представленных в таблице согласных Р. Фоссен реконструирует также геминированные варианты (**tt*, **rr*, **yy*), признавая, однако, что геминаты спорадически появляются только в отдельных языках ветвей лопит-лотуко и онгамо-маа, и что регулярные соответствия для них устанавливаются с трудом. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения — здесь могут быть замешаны какие-то сложные комбинации контекстных факторов (вокалическое окружение, просодия и т. п.); пока что маловероятно, чтобы оппозиция «простой : удвоенный» имела какую-либо значимость на правост.-нилотском уровне.

В свете вышеобозначенных соображений консонантную таблицу Р. Фоссена можно переписать следующим образом:

<i>*p</i>	<i>*t</i>	<i>*ʈ</i>	<i>*k</i>
<i>*b</i>	<i>*d</i>	<i>*ɟ</i>	<i>*g</i>
<i>*ɸ</i>	<i>*ɖ</i>		
<i>*m</i>	<i>*n</i>	<i>*ɳ</i>	<i>*ŋ</i>
	<i>*l, *r</i>		<i>*ɭ</i>
<i>*w</i>		<i>*y</i>	

В плане *вокализма* Р. Фоссен восстанавливает для правост.-нилотского почти симметричную систему из четырех +ATR-гласных (**i*, **e*, **o*, **u*) и пяти -ATR-гласных (**I*, **ε*, **ɔ*, **v*, **a*); соответствия по ветвям в целом однозначны, хотя в отдельных случаях наблюдаются ассимилятивные развития или нерегулярные расхождения ATR-характеристики (специально перечислять эти случаи в данном разделе мы не будем; при необходимости они будут обсуждаться в ходе этимологического разбора материала 50-словных списков).

Особо следует отметить вопрос о возможности реконструкции для правост.-нилотского состояния десятого гласного — +ATR **I*. В отличие от западно- и южнонилотской ветвей, где во многих

языках он оказывается вполне самостоятельной фонемой, в вост.-нил. группе практически не отмечены языки, где *a* и *l* различались бы даже на фонетическом уровне (возможное исключение — лотуко, где, по утверждению К. Муратори [Muratori 1938: 3], такое различие есть; однако полевые данные, собранные Р. Фоссеном, якобы этого не подтверждают). В работах Б. Хайне по описанию конкретных вост.-нилотских языков (туркана, чамус), где вместо фонетической транскрипции используется морфонологическая, со снятием гармонии гласных по +/-ATR, *l* выделяется в качестве особой морфемы, но лишь на условных основаниях: например, исходя из того, что показатели мужского (*e*=) и женского (*i*=) рода по умолчанию имеют характеристику +ATR, показателю среднего рода (*a*=), исходя из соображений симметрии, приписывается такая же характеристика (т. е. *l*=).

Р. Фоссен отмечает наличие нетривиальных вокалических соответствий между отдельными ветвями вост.-нилотских языков, которые, на его взгляд, можно было бы трактовать как следы особой фонемы, возможно, как раз +ATR-гласного **l*; в единственном примере, который он приводит, бари **e* ~ **o* соответствует **a* в тесо-лотуко-маа (см. ниже 'есть'), что очень напоминает схему развития **l* в зап.-нилотских языках (→ **l* в мабан-бурун и в северных луо, **e* / **o* в южных луо). Если гипотеза Фоссена верна, она означает, что **l* как отдельная фонема должна была присутствовать еще на правост.-нилотском уровне, но исчезнуть вскоре после первичного разделения этого праязыка на две ветви. Тем не менее, одного примера, разумеется, недостаточно для того, чтобы эту гипотезу можно было считать убедительной (тем более, что здесь вполне допустимы и другие сценарии развития), и вопрос в целом требует дополнительного исследования.

Все вост.-нилотские языки в той или иной степени подвержены гармонии гласных по +/-ATR, обычно выражающейся в распространении «доминантной» +ATR-артикуляции на артикуляцию исходно -ATR-гласных в соседних морфемах. Чаще всего в функции «доминантной» морфемы при этом выступает корень, как в маа *ēŋ=kūm-é* 'нос', но *ēŋ=kúŋ-ú* 'шея' (где *ēŋ*= ~ *ēŋ*= — префикс женского рода), однако встречаются и грамматические морфемы, способные влиять на вокализм корня, как в маа *ǝl=ǝrò* 'козел', мн. ч. *il=órò-ì* (здесь переогласовка *ɔ* → *o* вызвана влиянием суффикса мн. ч.

i; видно, что в большинстве случаев гармонизация гласного распространяется справа налево). Конкретные правила гармонии гласных в разных вост.-нилотских языках могут быть устроены по-разному, и большинство из них пока недостаточно хорошо исследовано, но в целом, как будет видно из анализа этимологического материала ниже, исходное качество гласного корня, особенно при наличии сравнительного материала, обычно определяется более или менее однозначно.

Отдельно следует упомянуть о наличии в языках бари десятой вокалической фонемы, традиционно обозначаемой как *ö*, но реально близкой по артикуляции к [ɿ] или [ʊ] [Yokwe 1977: 34]. Ее можно было бы, на первый взгляд, счесть как раз регулярным отражением правост.-нилотского **ɿ*, тем более, что наиболее частотным соответствием для нее в тесо-лотуко-маа является гласный **a*. Однако бросается в глаза и тот факт, что чаще всего (хотя и не всегда) бари *ö* встречается по соседству с гласным *i* второго слога (см. ниже 'рука', 'сердце', 'дерево'), а в некоторых случаях развивается также из губных гласных **o*, **ɔ* в не до конца ясных условиях (см. 'черный', 'дым'), возможно, также под влиянием старого палатального глайда (стяжение из **-yo-*?). Вопрос следует считать открытым до тех пор, пока не будет значительно расширен корпус общевост.-нилотских этимологий.

Просодические системы в вост.-нилотских языках в целом изучены плохо, и подавляющее большинство даже подробных словарей по этим языкам не содержит подробной тональной нотации. В конкретных языках обычно обнаруживаются системы либо из двух (высокий/низкий, как в туркана по данным Б. Хайне), либо, чаще всего, из трех (высокий/средний/низкий) регистровых тонов с возможностью образования контурных комбинаций. Как и в других ветвях нилотской семьи, тонемы активно используются как грамматическое средство, и правила тональных сандхи могут быть довольно сложными. Тем не менее, ввиду общей неисследованности вопроса, ненадежности данных по большинству языков и скорее вспомогательной, нежели доминирующей роли просодии в системе вост.-нилотских смыслоразличительных отношений, предварительные реконструкции элементов правост.-нилотского 50-словного списка не будут учитывать тональную информацию.

Долгота гласного отмечается как смысловоразличительная характеристика в группах тесо-туркана и онгамо-маа, однако Р. Фоссен не проецирует ее на правост.-нилотский уровень, по-видимому, справедливо, т. к. в большинстве случаев долгие гласные появляются либо на стыке морфем, либо в результате выпадения старого согласного (ср. тес $\bar{a}=k\acute{o}k-i$ 'живот' = маа $\bar{e}l\eta=k\acute{s}\check{s}k-\bar{e}$ id.). Ни одной явной минимальной пары, которая дала бы возможность заподозрить актуальность такой оппозиции для правост.-нилотского, обнаружить пока не удается.

В плане *морфологии* вост.-нилотские языки устроены довольно сложно. Для глагольных парадигм характерно большое число префиксальных, суффиксальных и (реже) инфиксальных позиций, выражающих категории наклонения, залога, времени, лица и числа; так, более или менее полная парадигма спряжения одного-единственного глагола $=d\acute{o}l\eta$ 'щипать' в языке каримоджонг занимает более 160 страниц с таблицами [Novelli 1985: 269–434]. Именная морфология характеризуется типичным для восточносуданского ареала разнообразием в образовании форм ед. и мн. ч. существительных, равно как и, наоборот, совершенно не типичной для этого ареала грамматикализацией противопоставления по роду, с более или менее обязательным маркированием этой категории в составе имени, с помощью соответствующих префиксов (за исключением ветви бари, в которой род обычно маркируется лишь внутри слов, согласующихся с именами, — важная грамматическая изоглосса, отделяющая бари от тесо-лотуко-маа).

Тем не менее, все эти сложности не производят впечатления глубокой «архаики»: например, в работе [Heine, Vossen 1983] убедительно показано, как показатели рода в вост.-нилотских языках образуются из указательных местоимений, а те, в свою очередь — из различных самостоятельных имен в ходе грамматикализации, причем само образование категории рода можно приписать ареальному влиянию кушитских языков, но конкретные показатели имеют исконно nilотское происхождение. Аналогичным образом и в системе глагольной морфологии почти не наблюдается сложных фузионных процессов — по большей части она носит ярко выраженный агглютинативный характер и, как правило, не мешает относительно легко выделить в составе словоформы корень без необходимости сложного морфонологического

анализа. Это также можно считать косвенным аргументом в пользу недавнего происхождения сложных морфологических систем в вост.-нилотских языках.

Единственная черта вост.-нилотской морфологии, которую можно относить не только к этапу вост.-нилотского единства, но и, вполне вероятно, к еще более ранним историческим стадиям (как минимум к общенилотской) — распространенный повсеместно в языках тесо-лотуко-маа и встречающийся также в «застывшем» виде в ветви бари словообразовательный именной префикс $*k(V)=$, на особенностях поведения которого следует остановиться чуть более подробно, т. к. этот вопрос имеет ключевое значение в том числе и для вопроса о генетических связях вост.-нилотских языков и нилотских языков вообще.

О наличии в вост.-нилотских языках своеобразных «велярных наращений», префигируемых к самым разным семантическим группам существительных, было хорошо известно уже первым сравнительным исследователям этих языков. В обзорной работе [Tucker, Bryan 1966: 459] указано, что эти префиксальные элементы не обладают конкретными значениями или функциями, но четко определяются как отдельные морфемы путем сравнительного анализа — как внутреннего (ср. бари $pí-òŋ$ 'вода', но тесо $á=kí=pí$ id.), так и внешнего (ср. бари $kí=téŋ$ 'корова', масаи $ēŋ=kí=téŋ$ id., но в юж.-нилотском: нанди $tāŋ$ id. без префикса). В отдельных случаях эти наращения можно выделить даже на синхронном уровне в конкретных языках (ср. в лотуко — ед. ч. $a=xu=tuŋ$ 'питон', но мн. ч. $a=tuŋ-i$ [Mu.]), но, как правило, «велярные наращения» характеризуют все словоформы именной парадигмы.

Формальный опыт реконструкции «велярных наращений» на правост.-нилотском уровне был впервые осуществлен Р. Фоссенем; в работе [Vossen 1982: 302–303] приведен список из 14 застывших морфов, имеющих структуру $*=KV=$, где $*K$ — один из четырех вариантов глухой велярной фонемы (выше мы уже высказывали сомнения в необходимости такого рода детализации), а $*V$ может быть практически любым гласным за исключением $*e$ и $*ε$.

Вопрос о дополнительном распределении между хотя бы некоторыми из этих морфов Фоссенем не ставится; разнообразие вариантов скорее заставляет его задуматься о том, что оно могло бы отражать старую систему именных классов [Vossen 1982: 305], и

практически сразу же отвергнуть эту идею, т. к., во-первых, следов такой префиксальной системы не обнаружено в других ветвях нилотской семьи, во-вторых, данная гипотеза не подтверждается и глагольной системой вост.-нилотских языков, в которой никак не отражены какие-либо следы согласовательных элементов.

Детальный анализ материала наводит на вполне естественную мысль о том, что все эти 14 вариантов — на самом деле алломорфы одной-единственной префиксальной морфемы. Можно выделить три главных алломорфа: $*ki = \sim *k_i =$ перед корнем, начинающимся с согласного (выбор происходит в зависимости от +/-ATR-характеристики гласного корня), и $*k =$ перед корнем, начинающимся с гласного. Все остальные варианты появляются в результате различных ассимиляций, которым подвергается огласовка префикса под влиянием корневого гласного: ср. правост.-нил. $*kv = tvk-$ 'рот' $\leftarrow *k_i = tvk-$, $*ko = gwor-$ 'леопард' $\leftarrow *k_i = gwor-$ и т. д.

Из этого общего правила есть целый ряд исключений, наличие которых, по-видимому, можно считать главной причиной, по которой оно не было сформулировано самим Фоссеном. Однако дальнейший анализ показывает, что большинство этих исключений скорее мнимые. Так, например, слово 'нос' на правост.-нилотском уровне Фоссен восстанавливает в виде $*ku = me$, хотя на самом деле морфемная граница здесь должна проводиться иначе — $*k = im-e$, на что недвусмысленно намекают и внешние параллели в зап.-нилотских языках (ср. выше празап.-нилотскую реконструкцию $*?im$ 'нос'). Для слова 'термит' предлагается реконструкция $*=k_i = \eta a-$, но убедительно доказать ее можно было бы только в том случае, если хотя бы в одной ветви вост.-нилотской группы это слово встретилось в виде $*\eta a-$; в противном случае ничто не мешает членить эту реконструкцию как $*=k_i = \eta(-)a-$, с закономерным выпадением гласного префикса перед вокалическим анлаутом корня η .

Таким образом, основной задачей исследователя здесь все-таки оказывается объяснение не разнообразия « k -образных» префиксов в вост.-нилотских языках, а самого факта наличия этого элемента в застывшем виде в составе огромного количества именных лексем — причем, учитывая наличие таких случаев, как 'вода', где в языках бари велярный префикс отсутствует, а в тесолотуко-маа его присутствие, наоборот, обязательно, становится ясным, что на правост.-нилотском уровне этот элемент еще был

достаточно автономным, т. е. имел статус клитики, не успевшей подвергнуться полной десемантизации.

Р. Фоссен, сравнивая ситуацию в вост.-нилотских языках с устройством именных парадигм в двух других ветвях этой семьи, приходит к выводу, что «*k*-образные префиксы» в правост.-нилотском являются инновацией [Vossen 1982: 301]. Эта гипотеза расходится с идеями Дж. Гринберга ([Greenberg 1981] и др. работы того же автора), который считал эти префиксы одним из самых наглядных подтверждений своей гипотезы об «артиклях третьей стадии» и охотно сопоставлял их с многочисленными случаями «беглого *k*-» в других «нило-сахарских» языках.

На наш взгляд, ближе к истине здесь стоят представления Гринберга, нежели Фоссена; однако для того, чтобы их подтвердить, совершенно не обязательно выходить за пределы нилотской семьи. Даже самый беглый, поверхностный анализ базисной лексики показывает, что в некоторых случаях вост.-нилотские именные основы, начинающиеся на *k*-, фонетически изоморфны юж.-нилотским основам с тем же (застывшим) префиксом, но при этом зап.-нилотским основам *без* него: ср. вост.-нил. **kɔŋ* 'глаз' = юж.-нил. **kɔŋ* = зап.-нил. **van*, или вост.-нил. **kv=tv-k* 'рот' = юж.-нил. **kv:t* = зап.-нил. **tɔk*.

Подобное соотношение наводит на следующую естественную интерпретацию. «К-префиксация» обладала некоторой (точный масштаб определить, конечно, затруднительно) степенью продуктивности на пранилотском этапе, где морфема **k(i)*-, действительно, могла иметь конкретное значение — например, выступать в роли артикля. После распада пранилотского на три ветви только в одной из них, восточной, эта продуктивность на какое-то время сохранилась и даже, возможно, расширилась, но из-за того, что в этой ветви появилась принципиально новая грамматическая категория (род), в конечном итоге те слова, которые чаще прочих употреблялись с «артиклем», прикрепили его к себе намертво, а поверх застывшей формы стали наращиваться новые продуктивные префиксы, выражающие родовые значения.

Напротив, в южно- и западнонилотских языках «артикль» был утрачен еще на том этапе, когда он воспринимался как отдельная морфема (клитика?), возможно, под ареальным влиянием окружающих языков. При этом в южнонилотской ветви там, где

«артиклъ» был наиболее тесно связан фонетически с именным корнем — т. е. в тех случаях, когда корень начинался с гласного и вытеснял вокалический элемент префикса — он все-таки сохранился как «окаменелость», навсегда войдя в состав корня. В западнонилотских языках же, напротив, «артиклъ» был ликвидирован наиболее последовательным образом (хотя не исключено, что какие-то трудноуловимые следы его присутствия в этой группе все же удастся разыскать¹).

Отметим, что на правост.-нилотском уровне практически не реконструируются именные основы вида $*kV=kVC-$, т. е. такие, в которых велярный префикс обнаруживался бы перед корнем, начинающимся с велярного смычного. Это скорее всего означает, что любая именная основа, начинавшаяся на $*k-$, в какой-то момент начинала восприниматься как состоящая из префикса $*k=$ и корня вида $*VC-$; таким образом, не выходя за пределы вост.-нилотской семьи, мы не можем с уверенностью сказать, что, например, в составе тесо лексемы $\bar{a}=k\acute{o}\eta-\bar{v}$ 'глаз' $k-$ — исторически префикс, а в составе лексемы $\bar{a}=k\acute{u}\eta$ 'колено' эта же фонема — исторически неотъемлемая часть корня. Поскольку на этапе предварительного сравнения с примерно равной вероятностью возможны оба сценария, это означает, что внешнее сравнение должно учитывать оба потенциальных облика пракорня — как с $k-$, так и без него.

Ниже, при обсуждении конкретных этимологий, в составе правост.-нилотских реконструкций «к-образные элементы» будут

¹ Несколько забегаая вперед, отметим, что один из таких следов, возможно, прослеживается в слове 'рука', которое для зап.-нилотского было реконструировано выше в виде $*\phi m-$; дальнейшее сравнение с вост.-нилотским $*k_l=an-$ и с юж.-нилотским $*ka-tit$ (← $*kan-tit$?) показывает, что зап.-нилотская форма, вполне вероятно, представляет собой результат старой палатализации из $*k_l=an-$ — из-за того, что префикс на раннем этапе подвергся фонетической трансформации, он успел войти в состав корня еще до полной ликвидации «к-образных элементов» на празап.-нилотском этапе. Не исключено, что и некоторые другие именные основы, начинающиеся на $*\phi-$, могут быть объяснены похожим образом, однако эти соображения следует принимать во внимание уже на стадии подробной реконструкции праиниловской фонологии, а не на стадии предварительного определения факта и степени родства ниловских ветвей.

записываться как отделимые морфемы (т. е. через знак =) там, где это следует из собственно вост.-нилотских данных (обычно — исходя из общей структуры слова: любая именная основа вида **kVCVC-* по умолчанию рассматривается как содержащая префикс). В тех случаях, когда отделимость «к-образного элемента» недоказуема без выхода за пределы вост.-нилотской группы (чаще всего — в структурах вида **kVC-* или **kV₁V₂-*), он будет маркироваться в составе реконструкции как **k¹-*.

В плане лексики на вост.-нилотские языки наибольшее влияние оказывают их ближайшие ареальные соседи — центральносуданские языки и языки банту, причем степень влияния, как и в других аналогичных случаях, чаще всего зависит от общего числа языковых носителей и уровня «престижности» их собственного языка. Однако в целом уровень «лексического иммунитета» вост.-нилотских языков весьма высок: на уровне праязыков отдельных ветвей (бари, тесо-туркана и т. д.) однозначные заимствования в базисную лексику из других языковых семей отсутствуют как класс (хотя возможность окказиональных заимствований из гипотетических субстратных языков, разумеется, исключать нельзя).

3.10.3. *Лексикостатистика*. Подробное лексикостатистическое исследование по двадцати вост.-нилотским языкам и диалектам уже было проведено Р. Фоссенем [Vossen 1982: 105–156]. Исследование обходит стороной глоттохронологический аспект классификации, но при этом для большей надежности включает два метода построения генеалогического древа: простой сводешевский метод «ближайших соседей» и вариант, основанный на поправках Г. Глисона [Gleason 1959], согласно которому бинарные совпадения когнатов, эксклюзивные для данной пары языков, оцениваются «выше», чем неэксклюзивные совпадения (в теоретическом плане эти поправки отражают классический компаративистский постулат о большей значимости для классификации совместных инноваций, чем общих архаизмов).

Итоговые классификации по обоим методам во многом совпадают: оба вида подсчетов однозначно требуют обособленного статуса для группы бари и подтверждают троичное членение оставшихся языков на группы тесо-туркана, лопит-лотуко и онгамо-маа, хотя методика Глисона, в отличие от методики Сводеша, не позволяет надежно объединить две последние ветви в общий узел

лотуко-маа. Тем не менее в рамках нашего исследования эти результаты нельзя принять как данность, по следующим причинам:

— во-первых, наши расчеты последовательно производятся по итоговой формуле С. А. Старостина, с учетом глоттохронологического аспекта, а также с необходимостью разграничения между внешними и внутренними лексическими заменами, которое Р. Фоссен не проводит;

— во-вторых, несмотря на колоссальный объем полевой работы, проделанной Р. Фоссеном (из 20 языков и диалектов, привлеченных к сравнению, по 17 данные были собраны лично автором, хотя в ряде случаев привлекались и дополнительные источники), и на благородно принятое автором решение опубликовать все списки в составе самой монографии (что очень выгодно отличает ее, например, от аналогичной монографии Ф. Роттланда по южно-нилотской реконструкции), 100-словные списки Фоссена довольно часто страдают от семантической неаккуратности, легко заметной там, где собранные им данные оказываются возможным сопоставить с данными подробных словарей.

Так, например, в лотуко для слова 'холодный' Фоссен приводит эквивалент $\acute{a}=k\acute{i}=\dot{\gamma}r\dot{\gamma}$, который в словаре Муратори представлен в фонетическом варианте $a\acute{c}\acute{c}\acute{c}r\acute{o}$ и имеет значение 'холод, прохлада', в то время как предикативное значение '(быть) холодным' выражено основой $=lik$ (как и в большинстве других языков ветви лопит-лотуко). Для языка/диалекта чамус в значении 'умирать' Фоссен дает эквивалент $\bar{e}=t\acute{u}\acute{a}$, в то время как, согласно более подробным данным в словаре Б. Хайне, $\bar{e}=t\acute{u}\acute{a}$, как и в остальных диалектах маа, имеет статическое значение ('быть мертвым'), а динамическое значение 'умирать' представлено основой $=u\acute{e}$, т. е. здесь нет оснований предполагать лексическую замену в чамус, и т. п.

В свете такого рода наблюдений нами было принято решение «перестроить» списки Фоссена с учетом всех дополнительных и альтернативных источников, содержащих более детальные лексические данные, т. е. подробных словарей и грамматик. Такими источниками для бари является словарь [Spagnolo 1960], для тесо — словарь [Hilders, Lawrance 1958], для туркана — словарь в [Heine 1980] и [Ohta 1989], для каримоджонг — грамматика [Novelli 1985] и словарь в [Bader 2008], для лотуко — словарь [Muratori 1948], для масаи — словарь [Payne, Ole-Kotikash 2008], для чамус — словарь в

[Heine 1980], для онгамо — небольшой, но качественный словарь в [Heine, Vossen 1975].

По остальным языкам и диалектам мы вынуждены ориентироваться исключительно на данные Фоссена, так что итоговая внутренняя классификация отдельных вост.-нилотских ветвей заведомо будет носить менее надежный характер, чем группировка этих ветвей друг относительно друга, что, впрочем, для конкретных целей нашего исследования не существенно.

Итоговая матрица имеет следующий вид:

Таблица 7. Лексикостатистическая матрица вост.-нилотских языков (100-словные списки).

	Трк	Кри	Ньн	Лот	Охо	Лоп	Днг	Лок	Мас	Чам	Смп	Онг
Тес	0.86	0.86	0.82	0.42	0.53	0.43	0.42	0.45	0.49	0.44	0.45	0.54
Трк		0.97	0.86	0.41	0.55	0.45	0.43	0.43	0.49	0.44	0.45	0.55
Кри			0.85	0.43	0.56	0.45	0.44	0.44	0.48	0.43	0.45	0.54
Ньн				0.43	0.55	0.48	0.41	0.44	0.50	0.45	0.48	0.54
Лот					0.79	0.69	0.66	0.76	0.49	0.43	0.47	0.53
Охо						0.67	0.67	0.85	0.57	0.55	0.56	0.57
Лоп							0.69	0.65	0.53	0.48	0.51	0.60
Днг								0.61	0.52	0.47	0.48	0.54
Лок									0.47	0.47	0.48	0.52
Мас										0.87	0.88	0.74
Чам											0.95	0.69
Смп												0.69

	Бар	Ккв	Кук	Нгп	Пдж	Нгв	Мон
Тес	0.38	0.29	0.36	0.35	0.36	0.37	0.36
Трк	0.37	0.29	0.36	0.35	0.36	0.38	0.37
Кри	0.38	0.30	0.37	0.36	0.37	0.38	0.37
Ньн	0.38	0.31	0.38	0.38	0.38	0.38	0.37
Лот	0.36	0.33	0.37	0.36	0.37	0.36	0.36
Охо	0.44	0.38	0.44	0.44	0.43	0.41	0.43

	Бар	Ккв	Кук	Нгп	Пдж	Нгв	Мон
Лоп	0.36	0.32	0.37	0.34	0.36	0.34	0.36
Днг	0.38	0.33	0.37	0.35	0.36	0.37	0.38
Лок	0.36	0.33	0.37	0.37	0.38	0.37	0.35
Мас	0.39	0.32	0.38	0.36	0.38	0.39	0.38
Чам	0.36	0.31	0.36	0.35	0.37	0.39	0.37
Смп	0.35	0.31	0.36	0.35	0.37	0.38	0.36
Онг	0.42	0.37	0.42	0.41	0.44	0.46	0.44
Бар		0.83	0.87	0.87	0.91	0.89	0.77
Ккв			0.81	0.78	0.82	0.79	0.71
Кук				0.88	0.91	0.83	0.74
Нгп					0.88	0.82	0.72
Пдж						0.85	0.74
Нгв							0.85

Преобразовав матрицу в генеалогическое дерево, сопровождаемое глоттохронологическими датировками по формуле С. А. Старостина, и сравнив результаты с итоговой классификацией Фоссена, можно сделать следующие наблюдения.

1) Полностью подтверждается «четверичное» членение вост.-нилотских языков на ветви бари, тесо-туркана, лопит-лотуко и онгамо-маа; из этих ветвей дальше всех отстоит подгруппа бари, отделяющаяся от общевост.-нилотского «ствола» примерно в конце III тыс. до н. э.

2) Подтверждается дальнейшее разделение «ствола» на тесо-туркана и лотуко-маа (\approx середина II тыс. до н. э.), за которым последовало обособление ветвей лопит-лотуко и онгамо-маа (\approx конец II тыс. до н. э.). Здесь, однако, уже необходимо обращать внимание на возможные статистические погрешности: доля совпадений между лопит-лотуко и онгамо-маа колеблется в пределах от 60% (лопит : онгамо) до 43% (лотуко : чамус), а между тесо-туркана и лопит-лотуко — от 56% (каримоджонг : охорёк) до 41% (туркана : лотуко). Учитывая возможность отдельных ошибок в определении когнации, неопознанных заимствований из окружающих языков и недостаточного учета контактно-ареальных связей между отдель-

ными представителями вост.-нилотских ветвей, образующих континуум, к данному результату нужно относиться с осторожностью.

3) Надежно подтверждаются такие детали классификации Фоссена, как особый статус онгамо в ветви онгамо-маа; тесная близость между туркана и каримоджонг в ветви туркана-тесо; довольно раннее обособление внутри ветви лопит-лотуко подветвей лотуко-локойя и лопит-донготано. Отдельные разногласия наблюдаются во внутренней классификации языков/диалектов ветви бари, но здесь вообще трудно сказать что-либо определенное до тех пор, пока по ним не появятся новые источники данных; в любом случае, обособление этих языков друг относительно друга вряд ли может быть отнесено к периоду древнее I тыс. н. э.

Таким образом, в ходе дистрибуционного анализа этимонов 50-словного списка ключевое значение имеет представленность этимона в ветвях бари, с одной стороны, и тесо-лотуко-маа, с другой: в частности, вероятность того, что архаичный термин мог сохраниться только в бари, заведомо выше, чем вероятность его сохранения только в лопит-лотуко или только в онгамо-маа. В то же время дистрибуционный анализ этимонов внутри ветви тесо-лотуко-маа будет менее надежен, т. к. лексикостатистика не позволяет установить внутреннее членение этой ветви на уровне, превышающем «порог сомнения».

50-словный список для восточнонилотских языков.

1) «пепел»: (а) тес *e=kuron* [HL], трк *è=kùròn* [Hn.], *e=kuron*, мн. ч. *ηi=kuron-o* [Oh.], *é=kúrón* [V.], кри *é=kúrón* [V.], *ē=kōrōn* [No.], ньн *=kúrón*, маа *ēn= kúrúón-í* [P.], *ēη=kúrúón-í* [V.], чам *η=kúrón-í* [V.], *n=kúrón-í*, мн. ч. *n=kúròn* [Hn.], смц *η=kúròn*, онг *ò=kùríón-ì*, бар *kúròk* [V.], *kurò-k ~ kurò-η* [Sp.], нгц *kúròk*, нгв *kúròk*; (б) лот *ē=nuárà* [V.], *e=nwàra*, мн. ч. *a=nwara* [Mu.], *ne=nwera* [Rg.], лоп *hí=nuārā*, дон *í=múlà* (?), лок *ā=xī=nuárà-η*; (в) ккв *lápǽtǽtǽ*, кук *lòpòtòtò*; (г) мон *púló*. || V.: правост.-нил., пра-ТЛМ **=k₁uruo-(n)*.

Дистрибуция очевидно родственных форм группы (а) позволяет однозначно определить ее как отражающую правост.-нил. 'пепел': тес.-трк. **=kuron* + онг.-маа **=kur(i)on* + бари **kuro-*. Дифтонг **-uo-* восстанавливается Фоссеном на основании рефлекса в маа, но таких примеров в списке Фоссена всего два, и в обоих они появляются при вокализме *и* первого слога (второй пример — 'дым', см.

ниже), так что, скорее всего, речь идет об ассимилятивной перегласовке (*=*kurio*- → =*kuruo*-). Формы в группе бари показывают, что элемент *-*n* имеет суффиксальное происхождение. Финальная реконструкция записывается в виде **k'uri*-*o*- (начальный *k*= может быть как корневым, так и префиксальным).

Из оставшихся инноваций неясным остается происхождение лоп.-лот. *=*nuara*, параллелей к которому в крупных языках других подгрупп не обнаружено. При этом из-за нехватки данных не получается надежно установить, относится ли сюда же дон *i=múlà*: развитие **r* → *l* подтверждается этимом 'хвост' (лоп *rísá* = дон *lísá*, см. ниже), но на подтверждение регулярности развития **nw* → *m* примеров нет.

Формы в ккв, кук и мон вызывают сомнения. Мон *púló* — очевидный когнат к бар *pulö* 'неостывший пепел' [Sp.], т. е. здесь могла иметь место как реальная замена (или нейтрализация двух близких по смыслу синонимов), так и ошибка при составлении списка. Четырехсложные формы в ккв и кук скорее всего морфологически разложимы; напрашивается сопоставление с бар *lo=pury-ök* ~ *lo=pury-öt* 'грязный (от пепла)' (производного от глагольной основы *puri* 'дымиться?'), но консонантные соответствия при этом оказываются нерегулярными. Учитывая необычную фонетическую структуру этих форм (редуплицированный конечный слог), нельзя исключать и заимствование из неопознанного источника.

2) «птица»: тес *i=kwêr* [V.], *e=kwer*, мн. ч. *i=kwer* [HL], трк *i=kèr*, мн. ч. *η(i)=kép* [Hn.], *i=kép*, мн. ч. *ηi=kép* [Oh.], кри *i=kèr* [V.], *i=kyèr-it* [No.], нын =*kép*, лот *á=xèp-i* [V.], *a=xepi*, мн. ч. *a=xep* [Mu.], *na=k'epi*, мн. ч. *n'a=kép* [Rg.], охо *ā=xwēn-ī*, лоп *çēn-ī*, дон *kwēn-ī*, док *ā=γwēn-ī*, маа *ēn=kúer-î* [P.], *ēη=kwēn-ī* [V.], чам *η=kwēn-ī* [V.], *n=kwēn-ī*, мн. ч. *n=kwép* [Hn.], смп *ēη=kwēn-ī*, онг *nà=šíèη*, мн. ч. *nà=šèηá*, бар *kwén-ti*, мн. ч. *kwén* [V.], *kwen-ti*, мн. ч. *kwen* [Sp.], нпг *kwén-ti*, мн. ч. *kwép-àn*, пдж *kwēé-ti*, мн. ч. *kwén*, нгв *kwén-ti*, мн. ч. *kwén*, кук *kwérà-tîn*, ккв *pí-ti* (?), мон *kí-ti*, мн. ч. *kwép*. || V.: правост.-нил., пра-ТЛМ, пралот.-маа *=*kuer*-.

Реконструкция более или менее однозначно выводится из данных всех крупных языков группы, т. к. этимон отличается исключительной стабильностью. Из частных особенностей стоит отметить следующие:

— под влиянием переднего гласного предшествующий ему глайд обнаруживает тенденцию к «йотизации» (**kwɛɾi-* → **kyɛɾi-*), после чего новый глайд либо выпадает бесследно (в трк, кри, ньн, лот), либо оказывает палатализирующий эффект на предшествующий согласный (независимо друг от друга в доп и в онг; Р. Фоссен ставит под вопрос форму *ɕɛn-i* в доп, но, поскольку другие примеры на аналогичный контекст пока отсутствуют, ее вполне допустимо включать в этимологию);

— «нерегулярное» развитие **-ɾi-* → *-n-* в части языков группы бари вряд ли должно смущать этимолога, т. к. форма ед. ч. **kuɛɾ-ti* в этой группе → **kuɛn-ti* с ассимиляцией, а множественное число либо выравнивается по единственному, либо подчиняется фонотактическому запрету на палатальный *-ɾi* в ауслаутной позиции;

— в некоторых языках наблюдается нерегулярное удлинение корневого гласного (тес, чам), вряд ли отражающее архаичное состояние; возможно, это какой-то побочный эффект, связанный с присутствием в основе «полуслогового» глайда *-u-*.

Под серьезным вопросом остается включение в эту же этимологию ккв *pí-tì*; такое решение предполагает регулярность развития в этом языке (диалекте) **kw-* → *p-* при отсутствии дальнейших примеров и, наоборот, наличии контрпримеров (см. ниже 'ночь'). Однако сам по себе факт того, что в диалектном кластере бари такое развитие возможно, неоспоримо доказывается таким соотношением, как нпц *tũ=kwázɛ* 'ночь' = пдж *tũ=pázɛ* id. (см. ниже полный список форм), притом что и в пдж такое развитие, очевидно, не стопроцентно регулярное (ср. 'птица' *kwěé-tì* при ожидаемом **pěé-tì*). Скорее всего, налицо какие-то индивидуальные особенности произношения, обобщить которые не удастся из-за того, что данные по этим диалектам крайне скудны и доступны исключительно из одного источника (монография Фоссена). До тех пор, пока для них не появятся более подробные описания, ккв *pí-tì* можно, хотя и под сильным вопросом, возводить к **kwɛɾi-ti* (к развитию срединного консонантизма и вокализма ср. те же процессы в мон *ki-tì*).

Итоговую реконструкцию можно записывать в виде **kʷɛɾi-*: поскольку дифтонгическое сочетание *-uɛ-* из всех вост.-нилотских реконструкций Фоссена встречается только в начинающихся на **=k-*, уместно интерпретировать это как результат частичной

дифтонгизации начального $*w$ - корня при присоединении к нему префикса $*k$:- $*k$:- $wɛɾ$ - \rightarrow $*k=wɛɾ$ - \sim $*k=uɛɾ$ - (реальная артикуляция по языкам колеблется в диапазоне от тонируемого гласного до билабиального аппроксиманта).

3) «черный»: (а) тес $i=ríɔ-nɔ$ [V.], $=rio-no$, мн. ч. $=rio-ko$ [HL], трк $i=ríɔ-nɔ$, мн. ч. $i=ríɔ-kɔ$ [Hn.], $=a=k=iryo:-n$ [Oh.], $i=ríɔ-nɔ$ [V.], кри $i=ríɔ-nɔ$ [V.], $i=ryɔ-nɔ$, мн. ч. $i=ryɔ-kɔ$ [No.], ньн $lvɪ=rri:yo-n$, лот $\bar{e}=rís-k$ [V.], $i=ryo-k$ [Mu.], $i=rio-k$ [Rg.], охо $rīō-xī$, лоп $na=i=ryo-k$ [Dr.], дон $\bar{i}=río-k$ [V.], $na=i=ryo-k$ [Dr.], лок $i=ryo-k$ [Dr.], маа $\bar{a}=rɔ-k$ [P., V.], чам $\bar{a}=rō-kú$ [V.], $\bar{a}=rò-kú$ [Hn.], смп $\bar{a}=rɔ-k$, онг $\bar{e}=rɔ-kú$, бар $=rúɔ$ [V.], $lu=rwö$ [Sp.], кук $=rúɔ$, ккв $=rúɔ$, нпг $=rúɔ$, пдж $=rúɔ$, нгв $=rúɔ$, мон $=rú$; (б) лот $=mɔli$ [Mu.], $ne=m'olli$ [Rg.], лоп $\bar{i}=mɔli$ [V.], $i=mɔli$ [Dr.], лок $\bar{e}=mɔli$ [V.], $a=mɔli$ [Dr.].

В списке зап.-нилотских реконструкций Р. Фоссена группа форм (а) не представлена, но по крайней мере промежуточные стадии восстанавливаются легко: тес.-трк. $*=rɔ-$, лоп.-лот. $*=rɔ-$, онг.-маа $*=rɔ-$, бари $*=rio$ (с отсечением всех вокалических адъективных префиксов, восходящих к показателям рода, и суффиксов числа). Эти четыре формы вполне совместимы в рамках прототипа $*=r[y/w][o/ɔ]$ -, причем наиболее перспективным вариантом финальной реконструкции является $*=rwɔ$, т. к.:

а) губной глайд фигурирует в обеих первичных ветвях — в бари ($*=rio$) и имплицитно в онг.-маа подветви пра-ТЛМ, где $*=rɔ-$ — скорее стяжение из $*=rwɔ-$, чем из $*=ryɔ-$ (сочетания вида $-Cio-$ в маа вполне частотны);

б) в тес.-трк. и в лоп.-лот., где корень употребляется почти исключительно в сочетании с префиксами $i=$, $e=$, допустима ассимиляция глайда: $*i=rwɔ-$ \rightarrow $*i=ryɔ-$ (фонетически $*i=rɔ-$);

в) -ATR характеристика корневого гласного присутствует почти во всех языках ветви ТЛМ; переогласовка на +ATR в ветви бари, возможно, обусловлена контекстом, но этот вопрос требует дополнительного изучения, и решение его для того, чтобы вывести этимон на уровень внешнего сравнения, не является обязательным.

Стабильность корня $*=rwɔ-$ в значении 'черный' частично нарушается только в ветви лоп.-лот., где с ним конкурирует явная инновация $*=mɔli$, происхождение которой остается неясным (похожие формы обнаруживаются в ряде языков банту, но вопрос о возможных контактах между пралоп.-лот. и банту требует

дополнительного изучения). Судя по данным Муратори и Раглана, в лот обе основы, старая и новая, используются как синонимы, причем в более общем значении 'темный' неизменно фигурирует только старая, а в значении 'черный' — обе.

4) «кровь»: (а) тес $\acute{a}=àkót$ [V.], $a=okot$ [HL], трк $\eta\acute{a}=àkòt$ [Hn.], $\eta a=akot$ [Oh.], $\eta\acute{a}=àkòt$ [V.], кри $\eta a=akòt$ [V.], $\eta a=òkòt$ [No.], ньн $\acute{a}=qòt$, лот $\acute{a}=ò\ddot{o}-ò$ [V.], $nò=òt-ò$, мн. ч. $a=xòt$ [Mu.], $n'a=wt-o$ [Rg.], охо $\bar{a}=xòt-ò$, лоц $xòt-ò$ [V.], $kòt-o$ [Dr.], дон $\bar{o}=xòt-ò$ [V.], $o=kòt-o$ [Dr.], док $\bar{a}=yòt-ò$ [V.], $a=k^hòt-o$ [Dr.], онг $nà=hòt-ú$; (б) маа $\bar{o}=sárgé$ [P., V.]; (в) чам $l=\bar{o}d-ò$ [V.], $l=\bar{o}d-ó$ [Hn.], смц $l=\bar{o}d-ò$; (г) бар $rímà$ [V.], $rímà$ [Sp.], ккв, нгц, пдж, нгв, мон $rímà$; (г) кук $bíyèt$. || V.: пра-ТЛМ $*(a)k_3òt-$, пралот.-маа $*(a)k_3òt-$.

Шире всего в значении 'кровь' представлена группа форм (а): наличие рефлекса в онг ($nà=hòt-ú$) оправдывает выведение ее на пра-ТЛМ уровень. Не вполне ясным остается вопрос о морфологическом членении исходной основы: с одной стороны, в онг и в лоп.-лот. она имеет вид $*=kòt-$, иногда расширяясь за счет дополнительного вокалического суффикса сингулятива, с другой — в тес.-трк. сама основа, за вычетом префикса ж. рода мн. ч. $*\eta a=$, явно двусложная ($*=akòt$). И в лоп.-лот., и в онг допустимо предположить стяжение начального гласного основы с гласным родового префикса (в отдельных случаях — с возможной метатезой долготы с первого слога на второй, как в онг: $*na=akòt-v \rightarrow *na:hòtv \rightarrow *nahò:tv$), но сама по себе неразложимость основы $*=akòt$ вызывает сомнения ввиду чрезвычайной редкости именных корней вида $*=VCVC$. Не исключено, что в конечном итоге $*=akòt$ восходит к сочетанию $*=ak_3- + *-t(ò)$, где второй элемент — старый суффикс ед. ч., застывший уже на уровне пра-ТЛМ.

В диалектном пучке маа основа $*=akòt$ была утрачена, замес-тившись в собственно маа на основу $=sárgé$ неизвестного происхождения, а в чам и в смц — на новообразование от прилагательного 'красный' (ср. маа $\bar{a}=dó$ [P.] 'быть красным').

Никаких следов пра-ТЛМ $*=akòt$ в бар не обнаружено; на уровне прабабры значение 'кровь' представлено основой $*rim-a$ (как и $*=akòt$, она относится к женскому роду и формально согласуется в мн. ч.), которая также не этимологизируется на материале ТЛМ. (Кук $bíyèt$ — очевидная инновация, скорее всего, заимствованная из ю.-з.-сурмийских языков, см. выше ю.-з.-сурм. реконструкцию

**blye* 'кровь'). Таким образом, в двух первичных ветвях вост.-нилотской группы дополнительно распределены основы **akot* и **rim-*, каждая из которых может быть примерно на равных основаниях привлечена к внешнему сравнению.

5) «кость»: тес *á=kói-t* [V.], *a=koi-t*, мн. ч. *a=kóʒ-o* [HL], трк *í=kòí-t*, мн. ч. *ηí=kóy-ó* [Hn.], *a=koi-t*, мн. ч. *ηa=koi-yo* [Oh.], кри *á=qàí-t* [V.], ньн *η=qɔ:y-ɔ*, лот *ā=xó-tìð* [V.], *a=xo-tyo*, мн. ч. *a=xoi* [Mu.], *na=gʰo:-tyu* [Rg.], охо *ō=xōí-tōŋ*, лоп *xōí-tòì*, дон *xōí-tò*, лок *ḡ=yʔ-təŋ*, маа *ōl=òí-tò* [P., V.], чам *ōl=òí-tò* [V.], *l=òí-tò*, мн. ч. *l=òí-k* [Hn.], смц *ōl=òí-tò*, онг *ò=hóí-tò*, мн. ч. *ò=hóí-k*, бар *kuyú-tìð* [V.], *kuyi-tyo*, мн. ч. *kuyv* [Sp.], кук *kú(y)ú-tòñ*, ккв *kúyú*, нпц *kúyú-tyò*, пдж *kuí-sò*, нгв *kūyú-tío*, мон *kú-ḡò*. || V.: правост.-нил. **koyV-t₁-*, пра-ТЛМ **koi-t₁(o)*, пралот.-маа **koi-t₁o*.

Консонантная структура всех перечисленных форм укладывается в стандартную систему соответствий, но вокалическая реконструкция неоднозначна: пра-ТЛМ **koi-* требуется согласовать с бари **kuyi* ~ **kuyv*. Р. Фоссен справедливо отвергает возможность ассимиляции **kuyi* → **kuyi* в бари ввиду наличия таких контрпримеров, как бар *kúrí-t* 'жираф' и др. Более вероятна исходная структура **koyi* со следующим развитием: (а) в бари → **kuyi* с ассимиляцией по подъему (здесь надежные контрпримеры среди именных основ вроде бы отсутствуют); (б) в ТЛМ имела место вполне естественная редукция многосложной структуры **koyi-to* → **koi-to* с последующим обобщением редуцированного варианта основы по всей парадигме. Под вопросом остается также исходная +/-ATR характеристика вокализма: здесь особенно показательны «чистые» формы в языках бари (мн. ч. **kuyv* в бар и в ккв), намекающие на то, что варианты корня с +ATR вокализмом — результат сингармонического преобразования под влиянием конечных +ATR суффиксов, но в целом вопрос требует дополнительного изучения.

Предварительную реконструкцию мы будем, таким образом, записывать в виде **kʷuv* (не забывая о том, что велярный согласный допустимо анализировать как застывший префикс).

6) «ноготь»: (а) тес *ā=bélekèk* [V.], *a=belekek* [HL]; (б) трк *é=má:gòró-ít*, мн. ч. *ηí=má:gòr* [Hn.], *e=ma:ger-ít*, мн. ч. *ηí=ma:ger* [Oh.], кри *è=mè-gér-ít*, мн. ч. *ηí=mègér*; (в) ньн *=muyó*; (г) лот *a=buxe* [Mu.], *n'a=buge* [Rg.], лоп *xā=búxé-li*; (д) лок *ō=kī=vālá-i*; (е) маа *ōl=òí=sótōð* [P.], *ōl=òí=*

sótò-ò [V.], чам *l=āi=sótò-ò* [V.], *l=àì=sótòò*, мн. ч. *l=àì=sótò-k* [Hn.], сам *l=āi=sótò-ò*; (ж) бар *kí=tóbòk* [V.], нги *kī=dóbòk*; (з) бар *mizín-et*, мн. ч. *mizín* [Sp.], кук *mūzín-òt*, пдж *mīzín*; (и) ккв *m̃ndírì*; (к) нгв *mūrín-èt*, мон *m̃rín-*.

Значение 'ноготь' в вост.-нил. языках оказывается еще менее устойчивым, чем в зап.-нил. группе; по текущим источникам насчитывается как минимум восемь этимологически различных корней, передающих его в языках-потомках — впрочем, нужно учитывать, что часть этих форм известна только по лексикостатистическим спискам Фоссена, семантическая точность которых часто вызывает сомнения.

В тес.-трк. наибольшие шансы на архаичность обнаруживаются у неразложимой двусложной основы **=mager-*, представленной в значении 'ноготь' в двух языках из четырех и не имеющей другой семантики. Тес *ā=bélèkèk* в словаре [HL] глоссируется как 'ноготь; коготь; панцирь (черепахи)' и обнаруживает полное сегментное совпадение с трк *a=belekek*, мн. ч. *ɲa=belekek-ya* [Oh.] 'череп (животного, без нижней челюсти)', т. е. здесь можно заподозрить типологически естественное развитие из общего значения 'твердое покрытие (панцирь, череп)' → 'ноготь' (= 'твердое покрытие на пальце'). Ньн *=tiuo* — по-видимому, то же слово, что и трк *e=ki=mi-n*, мн. ч. *ɲi=toi-yo* [Oh.] 'палец', и здесь нельзя исключать в том числе и ошибку в списке Фоссена (близкие значения 'палец' и 'ноготь' в такого рода списках действительно нередко смешиваются).

В языках лоп.-лот. последовательно проводится лексическое различие между 'ногтем' (человека) и 'пальцем' (человека), он же 'коготь' (птицы): Р. Фоссен, записывая данные по лот и лоц, для первого приводит эквивалент *á=fìlà-là xānì*, т. е. 'коготь руки', но в словаре лот [Mu.] 'ноготь' = *a=buxe*, а 'палец' и 'коготь' = *a=fyala-l*. Таким образом, здесь возможна праязыковая оппозиция между **=buke* 'ноготь' и **=fyala* 'палец' (с вторичным значением 'палец птицы, коготь'), с последующим смешением в отдельных диалектах.

В пра-маа (без онд, где эквивалент значения 'ноготь' не зафиксирован) основа 'ноготь' восстанавливается в виде **=ai-soto-* (с ассимиляцией → *=oi-soto-* в ряде диалектов) и далее уверенно раскладывается на корни **=ai-* 'рука' (см. ниже) и **=soto-* 'твердое покрытие'; последний также обнаруживается в маа *n=kā=sótó-kì* [P.], чам, сам *ɲ=kā=sótó-kì* 'кора (дерева)'.

Наибольший разброс вариантов наблюдается в группе бари, но и здесь существует оптимальный кандидат: основа **mizn* представлена в значении 'ноготь' и только 'ноготь' в бар [Sp.], кук и пдж. Бар *kī=tóbòk* [V.] и нгп *kī=dóbòk* = бар *kī=tobok* 'черепаха' в словаре [Sp.], т. е. здесь опять-таки первичной может быть семантика 'твердое покрытие, панцирь'. Нгв и мон основа **mɔrɪn-* ~ **murin-* = бар *morin-et*, мн. ч. *mɔrɪn* 'палец', причем не исключено, что далее это существительное связано с бар *mvra-n* [Sp.] 'царапать' или *ti-rò-n* [Sp.] 'стирать, сдирать кожу, расцарапывать' (неясно, один и тот же ли это корень или два разных, но именная основа в нгв-мон легко могла быть образована от любого из них). Без явной этимологии остается только ккв *m̃ndírì*, но здесь стоит подчеркнуть, что носовые кластеры вида *-nd-* языкам бари в принципе не свойственны, так что речь идет либо о заимствовании из неясного источника, либо о каком-то вторичном развитии (возможно, метатеза из **mɔrínì* с уникальным преобразованием носового сонанта в ходе перестройки основы?).

В принципе любая из отобранных четырех основ может быть привлечена к дальнейшему внешнему сравнению, но для большинства из них архаичность семантики 'ноготь' сомнительна, т. к.:

— прабари **mizi-n* 'ноготь', при условии развития ← **mɔzi-n* (под влиянием либо гласного второго слога, либо палатального *ʒ, либо обоих этих факторов одновременно), следует сопоставлять с прамаа **kī=mɔzi-no* 'палец' (маа *kī=mōzì-nò* [P.] и др.), при том, что типологически развитие 'палец' → 'ноготь' более ожидаемо, чем обратное;

— в прамаа семантика основы **=soto-* явно шире, чем просто 'ноготь' (ср. тот же корень в слове 'кора');

— в тес.-трк. двусложная основа **=mager-*, неразложимая на синхронном уровне, в исторической перспективе все же, скорее всего, сложная; именной префикс *=ma=* с не вполне ясной семантикой можно выделить даже на уровне одного языка тес (ср.: *a=zokot* ~ *a=ma=zokot* 'ярмо'), и, хотя вопрос требует более детальной проработки, уже сейчас можно предположить связь между именной основой **=mager-* и общетес.-трк. глагольным корнем **=ger-* 'надрезать (кожу), делать татуировку', далее к маа *ā=ī=gér* [P.] 'клеить, вырезать, татуировать, писать' (при условии развития этих значений из исходного 'царапать, скрести');

— лоп.-лот. **=buk-* в языках этой группы, помимо семантики 'ноготь', также имеет значение 'щит' (т. е. опять-таки 'твердое покрытие'), ср. лот *a=bux-u* [Mu.] 'щит' и далее тес *e=buki* [HL], бар *buk-u* [Sp.] id.

Таким образом, скорее всего отдельного корня с основным значением 'ноготь' на правост.-нилотском уровне просто не существовало; значение это по умолчанию выражалось либо тем же корнем, что и значение 'палец', либо одним из корней с общей семантикой 'твердое покрытие' (→ 'ноготь', 'кора', 'панцирь', 'щит' и т. п.). К внешнему сравнению практически на равных основаниях можно привлекать все четыре «кандидатуры», учитывая при этом вероятную вторичность семантики 'ноготь' во всех рассматриваемых случаях.

7) «умирать»: (а) тес *á=tón-àrè* [V.], *a=twà-nare*, мн. ч. *a=twà-kare* [HL], трк *á=tòn-ere* [Hn.], *a=ton-ere* [Oh.], кри *á=tuàn-àrè* [V.], *á=twà-n-àrè* [No.], ньн *tɔ=twɔn*, чам *ē=túá* [V.], онг *è=túá*, бар *túân* [V.], *twà-n* [Sp.], кук, ккв, нгп, пдж, нгв, мон *twán*; (б) лот *á=yé* [V.], *yé* [Mu.], *a=yé* [Rg.], охо *yé*, лоп *yuyéi*, дон *ō=wwéi*, док *ā=yé*, маа *ā=yé* [P., V.], чам *à=yé* [Hn.], смт *ā=yé*. || V.: правост.-нил., пра-ТЛМ, пралот.-маа **=tuàn₂-*; пралот.-маа **=yé-*.

Реконструкцию **=tuàn₂-* Р. Фоссена, где **n₂* — вариант правост.-нил. **n*, отражающийся как *n* в большинстве ветвей, но якобы отпадающий в ветви онгамо-маа [Vossen 1982: 258], следует изменить на **=twà-* ввиду того, что по крайней мере в данном случае «отпадение» носового согласного явно вызвано не фонетическими, а морфологическими причинами: ярче всего это видно на примере языков тес.-трк., где суффиксальная оппозиция **-n-* : **-k-* маркирует противопоставление по числу, ср. в кри: *á=twà-n-àrè* 'умирать (об одном)' : *á=twà-k-àrè* 'умирать (о многих)', *á=kò-n-òrè* 'созревать (об одном)' : *á=kò-k-òrè* 'созревать (о многих)' и т. п. [Novelli 1985: 212]. В остальных ветвях обобщилась основа на **-n-*, но и в них часто прослеживаются следы морфемных границ: ср. бар *twà-n* 'умирать (об одном)' : *twà-twà* 'умирать (о многих)' (с редупликацией).

Дистрибуция основы **=twà-*, хорошо представленной в обеих первичных ветвях вост.-нилотской группы, однозначно свидетельствует в пользу архаичности ее семантики, однако на уровне пра-лоп.-лот. и прамаа она почти целиком вытесняется конкурирующей

основой $*=y\epsilon-$, причем оппозиция между старой и новой основой в диалектах маа, где представлены оба варианта, имеет отношение к аспекту: $*=y\epsilon-$ (маа $\bar{a}=y\acute{e}$, чам $\bar{a}=y\acute{e}$ [Hn.]) используется в динамическом значении 'умирать', а $*=twa-$ (маа $t\acute{u}\acute{a}$, чам $\bar{e}=t\acute{u}\acute{a}$ [Hn.]) — в статическо-перфективном 'быть мертвым'.

Поскольку онгамо-маа и лопит-лотуко имеют ближайшего общего предка, ситуацию в этих ветвях хотелось бы рассматривать как инновативную: старая основа $*=twa-$ сохраняется для выражения значения перфекта, а в остальных случаях используется инновация $*=y\epsilon-$, не имеющая очевидных параллелей в других вост.-нил. языках. (В онг, где $=y\epsilon-$ тоже не обнаружено, мог иметь место «обратный откат», или, возможно, слово просто оказалось не зафиксированным в словнике [Heine, Vossen 1975].) Однако эта гипотеза не будет доказательной без предъявления источника инновации; поэтому полностью исключать возможность исконного характера оппозиции в лопито-маа также нельзя, и к внешнему сравнению с оговорками можно привлечь обе формы.

8) «собака»: (а) тес $\bar{e}=k\acute{i}=\eta\delta k-\bar{u}$ [V.], $e=k\acute{i}=\eta\delta k$, мн. ч. $i=\eta\delta k-wo$ [HL], трк $\bar{i}=\eta\delta k$, мн. ч. $\eta(i)=\eta\delta k w-o$ [Hn.], $i=\eta\delta k$, мн. ч. $\eta i=\eta\delta k-o$ [Oh.], кри $\bar{i}=\eta\delta k$ [V.], $\bar{i}=\eta\delta k$, мн. ч. $\eta\bar{i}=\eta\delta k w-\bar{o}$ [No.], нын $y\acute{i}=\eta\delta k$, лот $\acute{e}=\eta\delta k$ [V.], $n\epsilon=\eta\delta k$, мн. ч. $a=\eta\delta k-\epsilon$ [Mu.], $n\epsilon=\eta\delta k$, мн. ч. $na=\eta\delta k-e$ [Rg.], охо $\bar{e}=\eta\delta k$, доп $\bar{i}=\eta\delta k$, док $\bar{e}=\eta\delta k$; (б) дон $\bar{i}=x\acute{u}r-\bar{e}$; (в) маа $\bar{o}l=d\acute{i}\bar{a}$ [P.], $\bar{o}l=d\acute{i}\bar{a}$ [V.], чам $\bar{o}l=d\acute{i}\bar{a}$ [V.], $l=d\acute{i}\bar{a}$, мн.ч. $l=d\acute{e}i-n$ [Hn.], смп $\bar{o}l=d\acute{i}\bar{a}$, бар $\bar{d}\acute{i}-\delta\eta$ [V.], $\bar{d}\acute{i}\delta\eta$ [Sp.], кук, нп, пдж, нгв, мон $\bar{d}\acute{i}-\delta\eta$, ккв $\bar{d}y-\delta\eta$; (г) онг $\bar{o}=k\acute{i}:t\bar{e}$, мн. ч. $\bar{o}=k\acute{i}t\bar{e}=z\acute{i}$. || V.: правост.-нил. $*=d\acute{i}-$; пра-ТЛМ $*=k\acute{i}=\eta\delta k-$.

Отсеяв две очевидные инновации (онг $\bar{o}=k\acute{i}:t\bar{e}$ — слово бантуского происхождения, ср. кивосо $k\acute{i}=te$ и др.; слово заимствуется и в другие языки, напр. в вымерший южнокушитский язык аасах — *kite*; источник дон $\bar{i}=x\acute{u}r-\bar{e}$ менее ясен, но форма явно изолирована внутри подветви лот.-лоп.), мы остаемся с трудной ситуацией «семантического пересечения».

Основа $*=\eta\delta k-$ 'собака' несомненно реконструируется для ветвей тес.-трк. (с застывшим префиксом $*=k\acute{i}-$) и лоп.-лот., что, исходя из текущей таксономии, превращает ее в идеального кандидата на статус «собаки» в пра-ТЛМ. В этом случае основа $*=d\acute{i}\bar{a}$ в прамаа оказывается инновацией. С другой стороны, на уровне прабари представлена та же основа, что и в прамаа ($*d\acute{i}-$), и, таким образом, если мы не хотим соглашаться с идеей праязыковой синонимии

(чрезвычайно сомнительной, учитывая, что во всех языках-потомках эти две основы оказываются дополнительно распределенными), следует признать, что здесь имела место независимая семантическая инновация либо в прамаа и прабари, либо в пратес.-трк. и в пралоп.-лот. соответственно.

Географическая дистрибуция рефлексов скорее свидетельствует в пользу большей архаичности основы **dī-*: ветви маа и бари (по крайней мере, на сегодняшний день) не имеют общих точек соприкосновения, в отличие от ветвей тес.-трк. и лоп.-лот., которые, наоборот, тесно примыкают друг к другу и где, таким образом, основа **=ɲɔk-* легко могла бы распространиться в ходе ареальной диффузии. С другой стороны, существенным аргументом в пользу **=ɲɔk-* является то, что фонетически совместимые праформы реконструируются и для других нилотских ветвей: ср. зап.-нил. форму **gʷok*, уже разобрannую выше, и юж.-нил. **ɲo:k*, о которой речь пойдет в следующем разделе — получается, что на общенилотском уровне эта основа все равно оказывается оптимальным кандидатом на значение 'собака', и сценарий вытеснения ее на вост.-нил. уровне основой **dī-* с последующим «возвращением» старой формы через ареальную диффузию в тес.-трк. и лоп.-лот. оказывается неэкономным.

На все это накладывается еще одно осложнение — ареальное присутствие фонетически сходных форм и в других языках «макросуданского» ареала: нубийских (см. выше нобин *tiɪg*), маба (маба-кодой *ɲik*) и кулякских (см. ниже ик *ɲók*). Это подтверждает тенденцию данной основы к «горизонтальной» трансмиссии, но при этом нилотские языки все-таки остаются наиболее вероятным первичным источником диффузии — в них эта основа представлена наиболее масштабно, в то время как во всех остальных языковых группах она носит явно периферийный характер и не может убедительно выводиться на прауровень согласно дистрибуционному критерию.

Таким образом, не выходя за пределы собственно вост.-нил. группы, вероятностное ранжирование кандидатов следует проводить в порядке убывания от **dī-* к **=ɲɔk-*; но внешние данные (которые здесь можно использовать ввиду тесных связей между ветвями нилотской семьи) скорее свидетельствуют об обратном. Возможно, в ходе дальнейшего сбора лексических данных удастся

обнаружить когнаты к основе **dī*- и в языках тес.-трк. и лоп.-лот., что существенно прояснит ситуацию.

9) «пить»: (а) тес *ākī=mát-à* [V.], *ai=mat* [HL], трк *àkì=màt* [Hn.], *aki=mat* [Oh.], кри *aki=mát*, *ákí=mát* [No.], ньн *ɛ=met-*, лот *ā=mád-à* [V.], *mat-a* [Mu.], *a=ma:t-a* [Rg.], охо *māt-ā*, лоп *mát-à*, дон *ā=mát*, лок *ā=mát-à*, маа *ā=mát* [P., V.], смц *ā=mát*, онг *tá=mát-à*, бар *mó-zù* [V.], *mō-zu* [Sp.], ккв *mó-zù*, кук *mó-zù*, нпц *mó-zu*, пдж *mó-zù*, нгв *mó-zù*, мон *mó-zù*; (б) маа *ā=ók* [P., V.], чам *ā=ók* [V.], *à=ók* [Hn.], смц *ā=ók*. || V.: пра-ТЛМ **=mat-*.

Реконструкция Фоссена на ТЛМ уровне неоспорима, однако он оставляет под вопросом дальнейшую связь с прабари **mō-zu* из-за несовпадения второй консонантной позиции. Однако следует подчеркнуть, что в словаре Спаньоло форма *mō-zu* помечена как нерегулярный эмфатический вариант простой основы *mat* 'пить', также хорошо засвидетельствованной в этом языке и очевидно родственной ТЛМ **mat*. Скорее всего, **mō-zu* ← **mat-yu* (где *-yu* — стандартный суффикс, образующий эмфатические основы) с переогласовкой **a* → **ō* под влиянием палатального глайда (см. 3.10.2 о возможном происхождении гласного *ō* в группе бари) и стяжением **-ty-* → **-z-*, хотя этот вопрос еще требует уточнения в рамках общего морфонологического анализа бари инвентаря.

В диалектном пучке масаи (но не в близкородственном онгамо) наблюдается тенденция к вытеснению старой основы **=mat-* инновацией **=ok-*, причем последняя, судя по многочисленности примеров, производных основ, идиоматических сочетаний и т. п. во всех современных словарях масаи, уже может считаться основным эквивалентом для этого значения. Старое значение еще сохраняется в одной из производных основ (мас *à=òk-ú* 'набирать воду') и подтверждается внешними данными — ср. тес *ai=wok* [HL] 'черпать, набирать воду', трк *àkì=ók* [Hn.] id., лот *wox-* [Mu.] id. и т. п.; очевидно, что в значении 'пить' выносить ее на внешний уровень сравнения недопустимо.

10) «сухой»: (а) тес *ē=ōn-īt* [V.], *=on-it* [HL], трк *àkì=òn* [Hn.], *aki=won* [Oh.], кри *ε=ɹn-it* [V.], ньн *=ka=unɔ:n*; (б) лот *ɔ=yóχɔʔ* [V.], *yóχɔʔ* [Mu.], *a=i'y'ogho* [Rg.], лок *ɔ=yóγɔ*; (в) лоп *ɔ=tɔ̀l̀*, дон *ō=tóú*, маа *ā=tōyó* [P.], *=tōi-yó* [V.], чам *ā=tōí* [V.], *à=tòí* [Hn.], смц *ā=tōí*, онг *è=tòy-yó*, бар *=téyò-n* [V.], *lo=teyo-n* [Sp.], ккв *tésɔ-n*, кук *=tíyò-k*, пдж *=tē=téyò-k*, нгв *=téyò-n*, мон *tē=téyò-k*; (г) нпц *bí-zà*. || V.: пралот.-маа **=toi-*.

Р. Фоссен корректно реконструирует общую основу в лотуко-маа, однако воздерживается от дальнейшего сопоставления с прабари $*=teyo-$ из-за расхождений в вокализме. На самом деле непреодолимых препятствий на пути сведения их в единую этимологию нет. Наличие таких форм, как чам, смц $\bar{a}=t\bar{o}i$ показывает, что исконный гласный корня, скорее всего, был огубленным, и, следовательно, для прабари можно предполагать ассимиляцию $*=toy-o- \rightarrow *=tey-o-$ или, что еще более вероятно, $*=toy-yo- \rightarrow *=tey-yo- \rightarrow *=teyo-$, где $*=yo-$ — та же морфема, что и в маа $=t\bar{o}i-y\bar{o}$, онг $\bar{e}=t\bar{o}y-y\bar{o}$: (суффикс «инцептива»), т. к. геминированный палатальный глайд создает еще более выгодные условия для изменения тембра гласного корня. Подтверждающих или опровергающих регулярность такого перехода примеров пока не найдено, но столь явное совпадение консонантного «костяка» основы между лот.-маа и бари в любом случае не может быть проигнорировано.

Общая изоглосса между лот.-маа и бари автоматически определяет основу $*=toy-$ как оптимального кандидата на правост.-нил. значение 'сухой'. В пратесо-туркана она была заменена на инновацию $*=won-$, не поддающуюся надежной этимологизации (если $*=n-$ — словообразовательный суффикс, допустимо сравнение с прамаа $*=wo-$ 'созревать, быть спелым' [Vossen 1988: 93]). Неясным остается также происхождение основы $*=y\bar{o}k\bar{o}$ в диалектном пучке лотуко-локойя. Что касается нгц $\bar{b}i-\bar{z}\bar{a}$, то эта глагольная лексема явно тождественна бар $\bar{b}i-\bar{z}\bar{a}$ [Sp.] 'впитывать, абсорбировать (влагу)' — не исключено, что здесь налицо элементарная ошибка, допущенная при составлении списка в полевых условиях.

11) «ухо»: тес $\acute{a}=k\acute{i}-t$ [V.], $a=ki-t$, мн. ч. $a=ki-i$ [HL], трк $\acute{a}=k\acute{i}-t$, мн. ч. $\eta\acute{a}=ki$ [Hn.], $a=ki-t$, мн. ч. $\eta a=ki$ [Oh.], кри $a=ki-t$ [V.], нын $=g\bar{i}-te$, лот $\acute{e}=y\bar{u}\bar{o}k$ [V.], $e=y\bar{u}ok$, мн. ч. $a=y\bar{u}ax-a$ [Mu.], $n=e.yok$, мн. ч. $n=\bar{a}yagha$ [Rg.], охо $e=yok$, лоп $h\bar{i}=y\bar{o}k$ [V.], $ki=yok$ [Dr.], дон $\bar{e}=y\bar{o}k$ [V.], $\bar{e}^h=yok$ [Dr.], лок $e=xi-y\bar{o}k$ [V.], $e=yok$ [Dr.], маа $\bar{e}n=k\bar{i}=\bar{o}:k$ [P.], $\bar{e}\eta=k\bar{i}=\bar{o}:k$ [V.], чам $\eta=k\bar{e}=\bar{o}k$ [V.], $n=k\bar{e}=\bar{o}k$, мн. ч. $n=k\bar{i}=y\bar{u}:\acute{i}$ [Hn.], смц $\eta=k\bar{i}=y\bar{u}\bar{o}k$, онг $n\bar{a}=\bar{s}\bar{z}\bar{o}$, мн. ч. $n\bar{a}=\bar{s}\bar{z}h\bar{o}n$, бар $s\bar{u}\bar{o}-t$ [V.], $sw\bar{o}-t$, мн. ч. $sw\bar{o}$ [Sp.], ккв $s\bar{u}\bar{e}$, кук $s\bar{u}\bar{o}-t$, нгц $s\bar{u}\bar{o}-t$, пдж $s\bar{u}\bar{o}-t$, нгв $\bar{s}w\bar{o}-t$, мон $s\bar{u}-t$.

Ни одна из перечисленных форм не фигурирует в этимологической части работы Р. Фоссена; тем не менее, есть серьезные основания полагать, что все они восходят к единому источнику, несмотря на существенный разброс итоговых фонетических вариантов в языках-потомках.

На уровне пратесо-туркана парадигма для 'уха' восстанавливается в виде ед. ч. $*a=ki-t$, мн. ч. $*\eta a=ki$, где $*a=$, $*\eta a=$ — префиксы женского рода, а $*-t$ — продуктивный показатель ед. ч. (см. выше 'кость' и др.). Если учесть, что для моноконсонантного форманта $k=$ в позиции перед вокалическим анлаутом корня также высока вероятность префиксального происхождения, исходный корень 'ухо' может оказаться моновокалическим $*=i-$.

В лопит-лотуко и онгамо-маа форма ед. ч. реконструируется единообразно: $*en=ki=(y)ok$, хотя $+/-ATR$ характеристика вокализма неустойчива (в дон и в некоторых диалектах маа все слово огласовано по $-ATR$ -модели, что, по-видимому, отражает какой-то вторичный процесс); во многих языках лопит-лотуко велярный элемент либо ослабляется ($\rightarrow *xi=yok$), иногда вплоть до полного выпадения ($\rightarrow *y=yok \sim *yok$), либо палатализуется (как в дон); палатализация обнаруживается также в онг, где $*=šɔɔ \leftarrow *kiyo$. Синхронный анализ этой формы выдает структуру $*en=$ (показатель ж. р.) + $*=ki=$ (застывший префикс) + $*=yo-$ (корень 'ухо') + $*-k$ (отделимый показатель сингулятива, ср. в маа мн. ч. $in=ki=yia$; в таких языках, как лот и онг, эта морфема «вросла» в корень и вызвала перестройку парадигмы по новому образцу).

Для прабари парадигма однозначно восстанавливается в виде $*si\ddot{o}$ (мн. ч.), $*si\ddot{o}-t$ (ед. ч.). При этом следует помнить, что гласный \ddot{o} в языках бари чаще всего появляется под влиянием соседних $*i$ или $*y$, так что «ранне-прабари» вариант, скорее всего, имел вид $*sio/-t/$.

Сценарий, согласно которому тесо-туркана $*=k=i-$, лотуко-маа $*=ki=yo-$ и бари $*sio$ восходят к одному и тому же этимону, вполне реалистичен при двух допущениях:

(а) морфологический анализ формы в лотуко-маа как $*=k=i(y)-o-$, где $*-o-$ (или $*-yo-$?) — на самом деле словообразовательный формант, причем, вероятно, архаичный, т. к. он присутствует и в составе бари $*si-o$. Сам по себе сингулятив на $*-o$ в этих языках — не редкость (см. ниже 'рог' и др.); необычно только его сращение с дополнительным показателем сингулятива $*-k$, однако и это объяснимо в рамках следующей схемы: $*=k=i$ 'уши (мн. ч.)' vs. $*=k=i/y/-o$ 'ухо (ед. ч.)' \rightarrow реинтерпретация ед. ч. $*=k=i/y/-o$ как формы мн. ч. \rightarrow независимое образование новых сингулятивов на $-k$ в лотуко-маа и на $-t$ в бари (и в тесо-туркана);

(б) палатализация $*k=i/y/-o \rightarrow *s=i/y/-o (\rightarrow *su\ddot{o})$ в бари. Это — наиболее спорный момент в данном сценарии, т. к. никаких других примеров на палатализацию велярных согласных в прабари нам не известно (притом что в других ветвях — прежде всего в лопит-лотуко и в онгамо — такая палатализация вполне естественна; наблюдается она и в отдельных живых диалектах бари, см. ниже рефлексацию этимона 'огонь' в мон и др.). В частности, сам по себе префикс $ki=$ / $ki=$ перед консонантным анлаутом всегда остается неизменным (см. 'огонь' и др.), так что здесь на палатализацию могла оказать влияние лишь уникальная позиция корневого гласного i перед гласным суффикса, трансформировавшая его в глайд y , представляющий собой более сильный стимул для палатализации (т. е. $*k=i-o \rightarrow *k=y-\ddot{o} \rightarrow *s=y-\ddot{o} \rightarrow *su\ddot{o}$). Из-за уникального облика корня $*i-$ подтвердить или опровергнуть эту гипотезу невозможно, так что мы оставляем ее как рабочую до тех пор, пока для бари $*su\ddot{o}$ 'ухо' не будет обнаружена более убедительная вост.-нилотская этимология (или источник заимствования).

Таким образом, к внешнему сравнению будет привлекаться корень $*k'i-$, хотя имеет смысл учитывать и (скорее всего биморфемный) вариант $*k'y-o-$, выводимый на правост.-нилотский уровень из-за согласованных показаний по ветвям лотуко-маа и бари.

12) «есть»: (а) тес $\acute{a}ki=j\acute{a}m-\grave{a}$ [V.], $ai=j\acute{a}m$ [HL], трк $aki=j\acute{a}m$ [Oh.], $aki=j\acute{a}m$ [V.], кри $aki=j\acute{a}m$ [V.], $\acute{a}ki=j\acute{a}m$ [No.], ньн $te=j\acute{e}m$; (б) лот $\acute{a}=j\acute{y}\acute{o}$ [V.], $j\acute{y}o$ [Mu.], $o=j\acute{y}i:yu$ [Rg.], охо $j\ddot{o}$, док $\bar{a}=j\acute{y}\acute{u}$, маа $\bar{a}=j\acute{a}$ [P., V.], чам $\bar{a}=j\acute{a}$ [V.], $\grave{a}=j\acute{a}$ [Hn.], смт $\bar{a}=j\acute{a}$, онг $j-$, бар $j\acute{e}-s\ddot{u}$ [V.], $j\ddot{o} \sim j\ddot{o}-su$ [Sp.], ккв $j\ddot{o}-s\ddot{u}$, кук $y\acute{e}-s\ddot{u}$, нгп $j\acute{e}-s\ddot{u}$, пдж $j\acute{e}-s\ddot{u}$, нгв $j\acute{e}-s\ddot{u}$, мон $j\ddot{o}-s\ddot{u}t$; (в) лоп $d\acute{a}x\acute{a}$, дон $\bar{a}=d\bar{a}j\acute{o}$; (г) маа $\bar{a}=a\acute{m}$ [P.], онг $=am-$. || V.: правост.-нил. $*=ja(m)-$.

Для значения 'есть' в вост.-нилотских языках, по-видимому, характерна высокая детализация. Так, для маа крупные словари этого языка приводят не менее четырех различных эквивалентов, семантическое распределение которых установить по словарным описаниям не удастся: ср. маа $\bar{a}=j\acute{a}$, $\bar{a}=a\acute{m}$, а также $\bar{a}=i=n\acute{o}s$, $\bar{a}=d\acute{a}$: [P.] 'есть' (глагол $\bar{a}=d\acute{a}$; впрочем, употребляется в основном в непрерывном значении 'питаться, кормиться'; что касается глагола $\bar{a}=i=n\acute{o}s$, то текстовые примеры указывают на то, что типичным агенсом при этом предикате являются животные, т. е. для него исходной может быть «грубая» семантика).

На праонгамо-маа уровень в значении 'есть' надежно выводятся корни $*=ja$ (во всех языках и диалектах) и $*=at$ (в собственно маа и в они); допустимо, что на прауровне они образовывали единую супплетивную парадигму (аналогично ситуации в сурмийских и некоторых других восточносуданских языках). Из них наиболее явные внешние параллели находятся для $*=ja$: пралопит-лотуко $*=ji-$ (встречается в основном в сочетании с глагольным суффиксом $*-o$, что приводит к образованию стяжений: $*=ji/y/-o \rightarrow =jo \sim =ji$; в лот, по-видимому, имела место диссимиляция $*=jiy- \rightarrow *=jiy-$) и прабари $*j\ddot{o} \sim *je$, возможно, также результат стяжения из $*jiy-o$.

Р. Фоссен отмечает нерегулярность вокалических соответствий между онгамо-маа и бари (как возможное объяснение он осторожно предлагает развитие из правост.-нил. $*l$), а формы из ветви лопит-лотуко вообще не привлекает к сравнению. Однако если предположить, что прамаа $*=ja$ — стяжение из $*=ji-a$, где $-a$ — один из продуктивных словообразовательных глагольных суффиксов (например, $=-a_4$ [Р.] 'суффикс перфектива'), то все формы элегантно сводятся к единому прототипу $*=ji-$.

На этом фоне загадочно выглядит надежно реконструируемый на уровне пратесо-туркана корень $*=jat-$ 'есть'. Общеост.-нилотская реконструкция $*=ja(m)-$ у Фоссена не имеет объяснительной силы, т. к. глагольного суффикса $*-m-$ в вост.-нилотских языках не существует. Очень соблазнительно выглядит объяснение формы в тесо-туркана как корнесложения — из $*ji + *at$ — но постулировать такой механизм для одного-единственного случая все же рискованно, даже если оба корня в правост.-нилотском и образовывали супплетивную парадигму. С другой стороны, совершенно не исключено и то, что тесо-туркана $*=jat-$ вообще не имеет отношения к правост.-нилотскому $*=ji-$ и является самостоятельной инновацией, сопоставимой, например, с бар экспрессивной основой $j\ddot{e}t j\ddot{e}t$ [Sp.] 'лакать, быстро пожирать' (о животных и людях).

Лоп $da\dot{x}a$ — очевидная локальная инновация (ср. тес $a=dak$ 'кормиться, пастись /о скоте/'; аккуратность перевода у Фоссена также нуждается в уточнении); не вполне ясно, насколько эта форма соответствует дон $\bar{d}=\bar{d}\bar{\eta}j\bar{o}$, но отдельной этимологии у последней нет.

Таким образом, к внешнему сравнению в первую очередь требуется привлекать основу $*=ji-$ как имеющую наиболее широкую дистрибуцию, однако допустимо учитывать и корень $*=at-$

как возможный член старой супплетивной парадигмы, сохранившейся только в ветви онгамо-маа.

13) «яйцо»: (а) тес $\bar{a}=b\bar{e}y\bar{y}\bar{e}-t$ [V.], $a=be:-t$, мн. ч. $a=be:-i$ [HL], трк $\bar{\lambda}=b\bar{e}y\bar{e}$, мн. ч. $\eta\bar{\lambda}=b\bar{e}y\bar{e}-i$ [Hn.], $a=beiye$, мн. ч. $\eta a=beye-i$ [Oh.], кри $a=beye$ [V.], ньн $=beye:-$; (б) лот $\acute{a}tt\acute{e}l-i\acute{o}$ [V.], $attel-yo$, мн. ч. $attel$ [Mu.], $n='atel-yu$, мн. ч. $n='atel$ [Rg.], охо $\bar{a}=x\bar{a}t\bar{e}l-y\bar{a}n$, лоп $x\bar{a}t\bar{e}l-i$, дон $x\bar{a}t\bar{e}l-i$, лок $\bar{a}=\gamma\bar{a}t\bar{e}n-d\bar{i}$, бар $k\bar{a}=t\bar{u}l-\acute{u}k-\bar{u}t\bar{i}$ [V.], $ka=tul-\acute{u}k-uti$, мн. ч. $ka=tol-\acute{o}k$ [Sp.], ккв $k\bar{a}=t\bar{i}l-\acute{o}$, кук $k\bar{a}=s\bar{i}l-\acute{u}k-\bar{u}t\bar{i}$, нгп $k\bar{o}=t\bar{u}l-\acute{u}k-\bar{u}t\bar{i}$, пдж $k\bar{o}=t\bar{i}l-\acute{u}k-\bar{u}t\bar{i}$, нгв $k\bar{a}=t\bar{u}l-\acute{u}k-\bar{u}t\bar{i}$, мон $k\bar{o}=t\bar{o}l-\acute{u}k-\bar{u}t\bar{i}$; (в) маа $\bar{o}l=m\bar{o}s\bar{o}r\bar{i}$ [P.], $\bar{o}l=m\bar{o}s\bar{o}r-i$ [V.]; (г) чам $m=b\bar{o}l\bar{i}-b\bar{o}l-i$ [V.], $m=b\bar{o}l\bar{i}b\bar{o}l-i$ [Hn.], смп $m=b\bar{o}l\bar{i}-\acute{o}l-i$; (д) онг $\bar{o}=g\bar{o}r\bar{o}-i$, мн. ч. $\bar{o}=g\bar{o}r\bar{o}$. || V.: правост.-нил. $*=k_1attil-$.

Реконструкция Фоссена основана на прямой лексической изоглоссе между прабари и пралопит-лотуко; вокалическая схема $*CaCiC$ нуждается в уточнении, но на данный момент действительно выглядит как наиболее вероятный сценарий — понижение $*I \rightarrow *E$ под влиянием предшествующего низкого гласного $*a$ наблюдается в языках лопит-лотуко также в этимоне 'звезда' (см. ниже), а развитие $*I \rightarrow *v$ в языках бари (но не в прабари, ср. сохранение старого качества в ккв, кук и пдж) объясняется уподоблением губным гласным суффиксов. Стоит отметить также развитие $*a \rightarrow \bar{o}$ в нгп, пдж и мон, которое, как и в предыдущих случаях, явно связано с влиянием гласного i в соседнем слого.

С другой стороны, гемината $-tt-$, которую Фоссен переносит на прауровень, надежно зафиксирована только в лот (в дон ситуация неясная: в 100-словных списках Фоссена форма фигурирует в виде $x\bar{a}t\bar{e}l-i$, но в этимологической секции он, противореча сам себе, приводит днг $xat\bar{e}l-$); есть основания полагать, что это на самом деле результат компенсаторного развития, связанного с ослаблением и выпадением велярного согласного: $*a=k\bar{a}t\bar{e}l- \rightarrow *a=x\bar{a}t\bar{e}l- \rightarrow *a:t\bar{e}l- \sim *att\bar{e}l-$. Учитывая, что остальные случаи появления в элементах 50-словного списка геминаты $-tt-$ в лот еще легче объяснить как инновации (см. ниже 'волосы', 'ночь'), ее, по-видимому, следует устранить из реконструкции.

В соответствии с моделью развития, изложенной в разделе 3.10.2, морфологическое членение правост.-нил. основы, скорее всего, имело вид $*k=at\bar{i}l-$; дальнейшее сегментирование (например, выделение словообразовательного суффикса $*-/i/l-$) на этом уровне провести не удастся.

Пратесо-туркана **=beye-* 'яйцо' не имеет явной этимологии и в принципе также может привлекаться к внешнему сравнению, хотя и с меньшими основаниями, чем **kʰatil-*. С другой стороны, в ветви онгамо-маа старый этимон явно «выветрился» за счет целого ряда относительно недавних инноваций. В частности, маа *ōl=mōsōrī* — многозначное слово, имеющее также семантику 'большой сосуд' [P.]; чам-смпи **=boli-boli* — возможно, экспрессивная редупликация, которая в ряде диалектов маа также имеет значение 'вид сосуда' [P.] (не исключено также ареальное происхождение — похожие формы засвидетельствованы в целом ряде омотских языков); онг **=goro* вообще не имеет никакой этимологии.

14) «глаз»: тес *ā=kāj-ù* [V.], *a=kōŋ*, мн. ч. *a=kōŋ-e* [HL], трк *á=kāj-ù*, мн. ч. *ŋá=kāj-én* [Hn.], *a=kōŋ*, мн. ч. *ŋa=kōŋ-en* [Oh.], кри *a=kāj-и* [V.], *ā=kāj-ū*, мн. ч. *ŋā=kāj-nēn* [No.], ньн *=kāj-a:n*, лот *ǰŋ-èk* [V.], *n=ǰŋ-ek*, мн. ч. *oŋ-ite* [Mu.], *n=ǰŋ-ek* [Rg.], охо *ā=xāj-èk*, лоп *xāj-èk ~ kōŋ-ek* [Dr.], дон *xāj-èk ~ kōŋ-ek* [Dr.], лок *ā=ǰāj-èk ~ a=kʰoŋ-ik*, мн. ч. *a=kʰon-de* [Dr.], маа *ēn=kāj-ú* [P., V.], чам *ēŋ=kāj-ú* [V.], *n=kāj-ú*, мн. ч. *n=kāj-èk* [Hn.], смпи *ēŋ=kāj-ú*, онг *nā=hāj-ú*, мн. ч. *nā=hāj-é*, бар *kāj-é* [V.], *kōŋ-é*, мн. ч. *kōŋ-en* [Sp.], ккв *kāj-é*, кук *kāj-é*, нпп *kāj-é*, пдж *kāj-ín*, нгв *kāj-é*, мон *kāj-é*. || V.: правост.-нил. **=kāj- / *=kāj-*.

Реконструкция Фоссена абсолютно корректна и отражает явно архаичное чередование носовых согласных: велярный **-ŋ-* в форме ед. ч., но палатальный **-ɲ-* в форме мн. ч. Любопытно, что в ветви лопит-лотуко старая форма мн. ч., по-видимому, стала использоваться в значении ед. ч. (ср. маа мн. ч. *m=kāj-ek* = лот ед. ч. *ǰŋ-èk*), а от старой формы ед. ч., наоборот, в ряде языков было образовано новое мн. ч. Возможно, это следует рассматривать как следствие того, что на правост.-нил. уровне эти формы не маркировались специальными консонантными показателями ед. или мн. ч., а имели чисто вокалический исход (например, ед. ч. **kāj-v*, мн. ч. **kāj-é*, как в тес), что создавало условия для контаминации, т. к. эти гласные обычно не имеют семантики числа.

15) «огонь»: тес *ā=kí=m* [V.], *a=kí=m* [HL], трк *á=kí=m* [Hn.], *a=kí=m*, мн. ч. *ŋa=kí=m-ya* [Oh.], кри *a=kí=m* [V.], *a=kí=m* [No.], ньн *=kí=m*, лот *é=mà* [V.], *nε=εma*, мн. ч. *a=ma=tí* [Mu.], *nε=ʼma* [Rg.], охо *ā=xí=mā-ŋ*, лоп *hí=mà*, *kí=ma* [Dr.], дон *xí=mà*, *kí=ma* [Dr.], лок *ā=kí=mà-ŋ* [V.], *a=kʰí=ma-ŋ* [Dr.], маа *ēn=kí= má* [P.], *ēŋ=kí=má* [V.], чам *ēŋ=kí=má* [V.], *n=kí=má* [Hn.], смпи *ēŋ=kí=má*, онг *nā=kí=má*, бар *kí=má-ŋ* [V.], *kí=ma-ŋ*

[Sp.], ккв *kí=ma-ŋ*, кук *kí=ma-ŋ*, нпц *kí=ma-ŋ*, пдж *kí=ma-ŋ*, нпв *kí=ma-ŋ*, мон *sí=ma*. || V.: правос.-нил. $*k_1=ma-$.

Реконструкция Фоссена однозначна. Не вполне ясным остается выпадение ауслаутного гласного в пратесо-туркана; скорее всего, это связано с морфологическими, а не фонетическими причинами (переразложение исходного $*a=k_1=ma$ 'огонь' на $*a=k_1=m-a$, где $-a$ — один из продуктивных словообразовательных суффиксов ед. ч.), т. к. тенденции к редукции вокалического ауслаута в этой ветви вроде бы не отмечено.

Следует также обратить внимание на тот факт, что 'огонь' — один из всего двух элементов 50-словного списка с консонантным аслаутом корня, надежно реконструируемый на правос.-нил. уровне вместе с префиксом $*k_1=$, последовательно представленным в том числе и в ветви бари (с палатализацией в мон, по-видимому, регулярной в данной позиции — ср. также бар *kí=kɔʔ* 'дорога', но мон *sí=kɔʔ* id.).

16) «нога»: (а) тес $\bar{a}=k\acute{e}z-\bar{v}$ [V.], $a=ke\bar{z}-u$ [Hl.], трк $\acute{a}=k\acute{e}z-\bar{u}$, мн. ч. $\eta\acute{a}=k\acute{e}z-\bar{e}n$ [Hn.], $a=ke\bar{z}-u$, мн. ч. $\eta a=ke\bar{z}-en$ [Oh.], кри $\acute{a}=k\acute{e}z-\bar{u}$), нпн $=qa:z-u$, лот $\acute{e}=\acute{e}z-\bar{v}$, $ne:=z\bar{v}$, мн. ч. $ne:=ze-k$ [Mu.], $ne:=zu$, мн. ч. $ne:=ze-k$ [Rg.], охо $\bar{a}=x\acute{e}z-\bar{u}$, доп $h\acute{e}z-\bar{v}$ [V.], $ke\bar{z}-u$ [Dr.], дон $k\acute{e}z-\bar{v}$ [V.], $ke\bar{z}-u$ [Dr.], лок $\bar{a}=\gamma\acute{e}z-\bar{v}$ [V.], $a=k^h\acute{e}z-u$ [Dr.], маа $\bar{e}n=k\acute{e}z\acute{u}$ [P.], $\bar{e}\eta=k\acute{e}z-\acute{u}$ [V.], чам $\bar{e}\eta-k\acute{e}z-\acute{u}$ [V.], $n=k\acute{e}z-\acute{u}$, мн. ч. $n=k\acute{e}z-\acute{e}k$ [Hn.], смц $\bar{e}\eta=k\acute{e}z-\acute{u}$, онг $n\grave{a}=k\acute{e}z-\acute{u}$, мн. ч. $n\grave{a}=k\acute{e}z-\acute{e}$; (б) бар $m\acute{o}k\grave{o}-t$ [V.], $moko-t$, мн. ч. $moko-si$ [Sp.], ккв $m\acute{o}k\grave{o}$, нпц $m\acute{o}k\grave{o}-t$, пдж $m\acute{o}k\grave{o}-t$; (в) кук $\acute{d}\acute{a}p\grave{a}n-\acute{i}t$, нпв $\acute{d}\acute{a}p\grave{a}n-\acute{i}t$, мон $\acute{d}\acute{a}p\grave{a}n$. || V.: пра-ТЛМ $*k_1\acute{e}z-v$.

Слово 'нога' (значения 'foot' и 'leg' в этих языках обычно не различаются) в ТЛМ ветви оказывается чрезвычайно устойчивым, и фонологическая реконструкция корня в виде $*k^h\acute{e}z-$ однозначна. Далее, однако, он оказывается противопоставлен прабари $*moko-$ ~ $*m\acute{o}k\grave{o}-$; поскольку эти основы на взаимной основе не этимологизируются, к внешнему сравнению допустимо привлекать обе. Что касается группы форм (в), то здесь есть основания усомниться в качестве составления списка: кук $\acute{d}\acute{a}p\grave{a}n-\acute{i}t$ и т. д. в собственно бар соответствует существительному $\acute{d}\acute{a}p\grave{a}n-i$ (ед. ч.), $\acute{d}\acute{a}p\grave{a}n$ (мн. ч.) 'подошва', и далее ср. маа $\bar{e}n=\acute{d}\acute{a}p$ [P.] 'ладонь (руки), подошва (ноги)' и т. д.; у нас нет возможности определить, действительно ли в соответствующих диалектах бари эта основа стала употребляться как базисное слово для 'ноги (как инструмента ходьбы)'

или же это просто ошибка в полевых записях Р. Фоссена, но в любом случае ясно, что выносить ее на внешний уровень сравнения в значении 'нога' недопустимо.

17) «волосы»: (а) тес $\acute{t}=t\acute{t}m-\acute{a}t$ [V.], $i=tim$ [HL], трк $\acute{e}=t\acute{t}m-\acute{a}t$, мн. ч. $\eta\acute{t}=t\acute{t}m$ [Hn.], $e=tim-at$, мн. ч. $\eta i=tim$ [Oh.], кри $\epsilon=t\acute{t}m-\acute{a}t$ [V.], $\bar{\epsilon}=t\acute{t}m-\acute{a}t$, мн. ч. $\eta\bar{i}=t\acute{t}m$ [No.], нын $=tim$; (б) лот $\acute{o}fi=tt\acute{i}$ [V.], $n=ofir$ [Mu.], охо $\bar{o}=x\acute{u}p\bar{r}$, лоп $x\bar{o}\acute{o}f\acute{i}-t\acute{i}$, дон $x\bar{o}\acute{o}f\acute{i}-r$, лок $\bar{o}=\gamma\acute{o}v\bar{r}$, бар $k\bar{u}p\bar{r}-\acute{e}t$ [V.], $kv\bar{p}r$ [Sp.], ккв $k\bar{u}p\bar{r}$, кук $k\bar{u}p\bar{r}-\acute{e}t$, нп $k\bar{u}p\bar{r}-\acute{o}t$, пдж $k\bar{u}f\bar{r}-\acute{e}t$, нгв $k\bar{u}p\bar{r}-\acute{e}t$, мон $k\bar{o}p\bar{r}-\acute{u}t$; (в) маа $\bar{o}l=p\acute{a}p\acute{t}-\acute{a}$ [P., V.], чам $\bar{o}l=p\acute{a}p\acute{t}-\acute{a}$ [V.], $l=p\acute{a}p\acute{t}-\acute{a}$, мн. ч. $l=p\acute{a}p\acute{t}$ [Hn.], смл $\bar{o}l=p\acute{a}p\acute{t}-\acute{a}$; (г) онг $\bar{o}=s\acute{u}r\acute{a}-\acute{i}$. || V.: правост.-нил. $*=k_3opir$ - 'волосы; перо'.

В значении 'волосы', причем без специфического различия 'волос на теле / перьев' и 'волос на голове', наиболее широкую дистрибуцию имеет группа форм (б). Эта же основа сохраняется и в ветвях тесо-туркана и онгамо-маа, но исключительно в узкоспециализированном значении 'перо': тес $\bar{a}=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}t$ [V.], трк $\bar{a}=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}$, мн. ч. $\eta\bar{a}=k\bar{o}p\bar{r}$ [Hn.], $a=kopir-o$, мн. ч. $\eta a=kopir$ [Oh.], кри $a=qopir$ [V.], маа $\bar{e}n=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}$ [P.], $\bar{e}\eta=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}$ [V.], чам $\bar{e}\eta=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}$ [V.], $n=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}$, мн. ч. $n=k\bar{o}p\bar{r}$ [Hn.], смл $\bar{e}\eta=k\bar{o}p\bar{r}-\acute{o}$, онг $\bar{o}=h\bar{o}\bar{b}\bar{r}$, мн. ч. $\bar{o}=h\bar{o}\bar{b}\bar{r}-\acute{i}$.

Общая совокупность всех перечисленных форм подтверждает реконструкцию основы $*k\bar{o}p\bar{r}$ -, первый гласный которой в ряде языков лопит-лотуко и бари (но не тесо-туркана или онгамо-маа) трансформируется в *-u-* под влиянием гласного второго слога; исходный корень либо имел структуру CVCVC (если согласный *k*-принадлежал корню), либо имел вид $*=opir$ - (если *k*- — застывший префикс). Из прочих изменений стоит отметить геминату *-tt-* в лот, возникшую из ассимиляции: $*kopir-ti \rightarrow *xofir-ti \rightarrow ofit-ti$.

Вопрос о том, является ли семантическая ситуация в лопит-лотуко и в бари архаичной или же она отражает независимое семантическое расширение 'перо' → 'волосы, волосяной покров (любой)' в обеих ветвях, в конечном итоге упирается в этимологию 'волос' в ветвях тесо-туркана и онгамо-маа. Здесь бросается в глаза факт идеального фонетического соответствия тесо-туркана основы $*=tim$ - пра-ТЛМ основе $*=tim$ - 'кусты, лес' [Vossen 1982: 371] (лоп $\acute{t}im$, маа $\bar{e}n-t\acute{t}m$ [P.] и др.) — хотя семантическая сторона такого сопоставления сомнительна (метафорическое развитие 'кусты' → 'волосы' как 'растительность /тела или головы/' теоретически допустимо, но нуждается в ареально-типологических параллелях).

18) «рука»: тес $\bar{a}=k\hat{a}n$ [V.], $a=kan$ [HL], трк $\acute{a}=k\hat{a}n$, мн. ч. $\eta/\acute{a}=k\hat{a}n$ [Hn.], $a=kan$, мн. ч. $\eta a=kan$ [Oh.], кри $\acute{a}=k\hat{a}n$ [V.], ньн $=qan$, лот $\acute{a}=an\grave{e}$ [V.], $n=a:n\acute{i}$, мн. ч. $n=\acute{a}g^has$ [Rg.], $a=ani$, мн. ч. $a=xas$ [Mu.], охо $\bar{a}=xu\hat{a}n-a$, лоп $x\acute{a}n-\acute{a}$ [V.], коп-а [Dr.], дон $x\acute{a}n-\acute{a}$ [V.], $k\acute{a}ina$ [Dr.], док $\bar{a}=y\acute{e}n\acute{a}-\eta$ [V.], $ak^hene\eta \sim ak^hai:na\eta$ [Dr.], маа $\bar{e}n=k\acute{a}t\acute{i}-n\acute{a}$ [P.], $\bar{e}\eta=k\acute{a}t\acute{i}-n\acute{a}$ [V.], чам $\eta=k\acute{a}t\acute{i}-n\acute{a}$ [V.], $n=k\acute{a}l\acute{i}-n\acute{a}$, мн. ч. $n=k\hat{a}i-k$ [Hn.], смн $\eta=k\acute{a}t\acute{i}-n\acute{a}$, онг $n\grave{a}=h\acute{e}-n\acute{a}$, мн. ч. $n\grave{a}=h\acute{e}-k$, бар $k\ddot{o}n\acute{i}-n$ [V.], $k\ddot{o}n\acute{i}-n$, мн. ч. $k\ddot{o}n\acute{i}-si$ [Sp.], ккв $k\acute{o}n\acute{i}$, кук $k\ddot{o}n\acute{i}-n$, нгп $k\ddot{o}n\acute{i}-n$, пдж $k\ddot{o}n\acute{i}-n$, нгв $k\ddot{o}n\acute{i}-n$, мон $k\ddot{o}y\acute{u}n$. || V.: правост.-нил. $*=k_{зат}$ - (ед. ч.).

Все перечисленные формы удовлетворительно этимологизируются на единой основе, и реконструкция Фоссена вполне правдоподобна, но при этом сам Фоссен явно не ставит задачу выделить исходный корень.

Внутренняя реконструкция по подгруппам дает следующие результаты: (а) тесо-туркана $*=kan$ (ед. и мн. ч. отличаются только по префиксу рода — ед. ч. $*a=kan$, мн. ч. $*\eta a=kan$); (б) лопит-лотуко $*=ka\acute{i}-na \sim *ka\acute{i}-ni$ (ед. ч.), $*=ka\acute{i}-k$ (мн. ч.); дифтонгическое сочетание эксплицитно представлено в ранних диалектных материалах Дриберга и имплицитно — в монофтонгизированном рефлексе $-e-$ в док, возможно также в охо $\bar{a}=xu\hat{a}n\acute{a}$ (метатеза $\leftarrow *a=k\hat{a}y\acute{u}na?$); мн. ч. с суффиксом $-k-$ вместо $-n-$ надежно зафиксировано только в лот, но подтверждается внешними соответствиями в маа; (в) онгамо-маа ед. ч. $*=ka\acute{i}-na$, мн. ч. $*=ka\acute{i}-k$ (с монофтонгизацией $*-ai-$ $\rightarrow -e-$ в онг и идеальным сохранением старой парадигмы в большинстве диалектов маа); (г) бари ед. ч. $*k\ddot{o}n\acute{i}-n$ (явно из более раннего $*kan\acute{i}-n$), с позиционным развитием $\rightarrow k\ddot{o}y\acute{u}n$ в мон.

Наиболее показательной и архаичной здесь является парадигма в ветви лотуко-маа, из которой видно, что $*-n-$ — не часть корня, а старый показатель сингулятива, в форме мн. ч. заменяемый на $*-k-$. В ветвях тесо-туркана и бари эта морфема вошла в состав корня с последующим образованием новых форм мн. ч. — скорее всего, это было связано с фонетическим развитием $*=ka\acute{u}n \rightarrow *kan-$, в результате которого стерлась четкая грань между корнем и суффиксом. В лотуко-маа, наоборот, обнаружилась тенденция к большей вокализации палатального сегмента (т. е. $-a\acute{u}n =$ фонетически $-ait-$), что привело к сохранению старой парадигмы.

Учитывая, наконец, высокую вероятность префиксального происхождения начального согласного, реконструкцию Фоссена

можно переписать как *k'ay-. Как и в случае с 'ногой', отметим неразличение в большинстве современных языков — и, очевидно, на правост.-нилотском уровне — «подзначений» 'hand' и 'arm'.

19) «голова»: тес á=kòù [V.], a=kou, мн. ч. a=kwe-s [HL], трк á=kòù, мн. ч. ηá=ków-í ~ ηá=kés [Hn.], a=kou, мн. ч. ηa=kes ~ ηa=kou-i [Oh.], кри a=qɔv [V.], ā=kòu, мн. ч. ηā=kyēz [No.], ньн =qo, лот á=xò [V.], n=a:ghu [Rg.], na=xou, мн. ч. no-si [Mu.], охо ā=gū, дон xó [V.], kʰò [Dr.], дон kwê [V.], kwe [Dr.], лок á=yù [V.], a=kʰu [Dr.], маа ēn=kúé [P.], ēη=kúé [V.], чам η=kwé [V.], n=kwé, мн. ч. n=kwè-čí [Hn.], смп η=kwé, онг nà=šié, бар kué [V.], kwe, мн. ч. kv-sik [Sp.], ккв kúé, кук kúé, нгп kúé, пдж kwé, нгв kũ-é, мон kóé. || V.: правост.-нил. ед. ч. *=kie-, мн. ч. *=kue-t₂i(k).

В соответствии с модификациями системы Фоссена, изложенными в разделе 3.10.2, реконструкцию следует переписать как ед. ч. *k'we, мн. ч. *k'we-si(k). Похоже, что единственное существенное изменение эта парадигма претерпела в тесо-туркана, где в ед. ч. к ней был присоединен дополнительный показатель сингулятива *-и, в результате чего *kwe-и → *kou и парадигма на синхронном уровне превратилась в супплетивную (отметим также регулярное развитие *kwe- /→ *kye- /→ ke- в формах мн. ч. во всех языках этой ветви, кроме тес, см. выше аналогичную ситуацию с этимолоном 'птица'). Впрочем, не исключено, что ед. ч. *kwe-и существовало уже на уровне тесо-лотуко-маа, т. к. такие формы в лопит-лотуко, как дон =xò, лок =yù и др., тоже скорее объяснимы исходя из прототипа *kwei, чем простого *kwe. Если так, то в праонгамо-маа либо закрепился диалектный вариант без *-и, либо, в отличие от тесо-туркана и лопит-лотуко, где *-и стянулось с предшествующими вокалическими элементами, конечный *-и просто отпал по фонетическим причинам.

Из прочих локальных изменений стоит отметить разве что регулярную палатализацию в онг (*=kwe → *=kye → *=šie), полностью параллельную ситуации с 'птицей' (см. выше).

20) «слышать»: (а) тес āk=ér-âr [V.], ai=ir-ar [HL], трк ákí=ér-âr [Hn.], aki=er-ar [Oh.], кри akɛ=er-ar [V.], лот é=ǎá=yir-òná [V.], i=ta=yir-yo [Mu.]; (б) охо nīŋ, дон hí=nínŋ, дон ò=nín, лок ē=tá=nìŋ-ùná, маа ā=nínŋ [P., V.], чам ā=nínŋ [V.], ò=nínŋ [Hn.], смп ā=nínŋ, онг à=tó=nínŋ-ò ~ =nínŋ; (в) бар uŋ-gá [V.], uŋ [Sp.], ккв yīŋ-gá, кук yīŋ-gá, нгп yīŋ-gá, пдж yīŋ-gá, нгв yīŋ-gá, мон yīŋ-gá. || V.: правост.-нил. *=nīŋ-.

В ветви тесо-лотуко-маа здесь наблюдается элемент семантического пересечения: в целом значение 'слышать' в подгруппе тесо-туркана соответствует основе $*=er-$, а в лотуко-маа — основе $*=niŋ-$, но при этом для лот как списки Фоссена, так и словарь Муратори дают эквивалент $*=yir-$ (в составе сложной транзитивно-каузативной основы $*=ta=yir-$), который вполне сопоставим с тесо-туркана $*=er-$.

Дальнейший анализ показывает, что в лот на самом деле представлены обе основы: ср. в словаре Раглана 'слышать' = $e=ta=niŋ-yu$ или $ir-ugo$, а в словаре Муратори 'слышать' = $i=ta=yir-yo$, но 'хорошо слышать, понимать' = $i=ta=niŋ-u$. Окончательно прояснить ситуацию может только подробный, аккуратно составленный словарь, но в целом похоже, что в лот имело место сужение значения ('слышать' → 'хорошо слышать, понимать'), а общее значение 'слышать' стало выражаться инновацией, вероятно, имеющей общее этимологическое происхождение с аналогичной инновацией в тесо-туркана. Подтвердить или опровергнуть инновативный статус основы $*=er-$ ~ $*=ir-$ в тесо-туркана и в лот сможет только этимологизация на общевост.-нилотской основе, но пока что предложить удовлетворительную внешнюю этимологию не удастся.

Проблемным оказывается и сопоставление лотуко-маа $*=niŋ-$ с прабари $*=yŋ-$. Р. Фоссен допускает для них совместную этимологизацию, интерпретируя уникальное фонетическое соответствие «лотуко-маа $*n$: бари $*y$ » как правост.-нил. $*n_1$, однако особая праязыковая фонема с неясной фонетической интерпретацией, устанавливаемая на материале одного-единственного примера, вряд ли приемлема. Альтернативное решение, предлагаемое Фоссеном — ассимилятивное развитие $*=yŋ-$ → $*=niŋ-$; эта гипотеза также маловероятна, учитывая, что в других случаях таких ассимиляций не наблюдается (ср., например, пратесо-лотуко-маа $*=yeŋ-$ 'знать' → лоп $hí=yéŋ$ и др.).

Поскольку непротиворечивый сценарий развития предложить трудно, мы предпочитаем на данном этапе все же разводить основы $*=niŋ-$ и $*=yŋ-$ по двум разным этимологиям; возможно, что-то удастся прояснить на внешнем этапе сравнения.

21) «сердце»: тес $é=táú$ [V.], $e=tau$, мн. ч. $i=tau-on$ [HL], трк $è=tàù$, мн. ч. $ŋí=tàì$ [Hn.], мн. ч. $e=tau$, мн. ч. $ŋí=tai$ [Oh.], кри $e=táú$ [V.], ньн $=táui$, лот $á=ðáǝ-ì$ [V.], $a=tǝǝ-ì$ [Mu.], охо $ō=tǝǝ-ī$, лоп $tǝǝ-í$, дон $tǝǝ-í$, лок

$\bar{o}=táz-í$, маа $\bar{j}l=táú$, мн. ч. $\bar{i}l=tāū-zá$ [P., V.], чам $\bar{o}=táú$ [V.], $l=táó$ [Hn.], смн $\bar{o}=táú$, онн $\bar{o}=táú$, мн. ч. $\bar{o}=táú-zá$, бар $tówíli$ [V.], $tówil-i$ [Sp.], ккв $tó(w)ili$, кук $tééli$, нгп $tóíli$, пдж $tówéli$, нгв $tūwóli$, мон $tóli$. || V.: правост.-нил. $*=tau(d^y)-$, пралотуко-маа $*=tauz-$.

Все перечисленные формы уверенно этимологизируются на общей основе, т. к. во всех ветвях легко выделяется компонент $*=tav-$ (в тесо-лотуко-маа) или $*taw-$ (прабари $*tów-ili \leftarrow *taw-ili$). Затруднительна при этом реконструкция полной основы: в тесотуркана она имеет краткую форму $*=tau \sim *=tav$, в бари, по-видимому, расширена за счет суффикса $*-i/ili$, а в лотуко-маа неожиданно сочетается с элементом $*-z-$, который в языках лопит-лотуко проходит через всю парадигму (пралоп.-лот. $*ta-zi \leftarrow *taw-zi$), а в онгамо-маа обнаруживается только в формах мн. ч. (праонгамо-маа ед. ч. $*=tav$, мн. ч. $*=tav-za$).

Устройство парадигмы в онгамо-маа уникально; Р. Фоссен предполагает, что ед. ч. $*=tav \leftarrow *=tavz$ в соответствии с общей тенденцией языков онгамо-маа к открытости конечного слога. Это похоже на правду, т. к. в противном случае элемент $-z-$ пришлось бы ассоциировать с выражением значения множественности, что крайне маловероятно ввиду полного отсутствия дальнейших примеров или аргументов.

Если промежуточные формы основы определяются как $*=taw$ для тесо-туркана, $*=tav-z$ для лотуко-маа и $*taw-ili$ для раннепрабари, возникает серьезный соблазн свести воедино суффиксальные компоненты $*-z$ и $*-ili$ (а если допустить, что и тесотуркана $*=taw \leftarrow *=taw-z$ с отпадением конечного согласного, тем более, что ауслатный $-z$ в этих языках встречается редко, то все три формы сводятся к единому прототипу). Однако для этого требуется предположить аффрикативизацию: правост.-нил. $*-ili \rightarrow$ пратесо-лотуко-маа $*-il^y \rightarrow *-iz$. Такому развитию не могло быть подвержено простое сочетание $*li$, регулярно встречаемое в тесолотуко-маа, но в нашем распоряжении нет ни одного дополнительного примера на соответствие прабари компоненту $*-ili$ чему-либо в остальных вост.-нил. языках, так что смягчение с последующей аффрикативизацией плавного $*l$, «зажатого» между двумя палатализирующими гласными, можно принять в качестве рабочей гипотезы.

В любом случае ясно, что основа $*=tav\bar{z}$ - на каком-то хронологическом уровне должна быть морфологически разложима, и даже если она не является исторически тождественной бари $*=tav-ili$, основа в бари подтверждает, что разложение это должно идти по линии $*=tav\bar{z}$ - (а не, например, $*=ta=v\bar{z}$ -, с несуществующим именным префиксом $*=t/a/-$). На внешний уровень сравнения однозначно следует выводить корень $*=tav-$ (отметим заодно его абсолютную несочетаемость с префиксом $*kI=$).

22) «рог»: тес $\bar{a}=m\bar{o}kw\bar{a}r-\acute{a}t\acute{a}$ [V.], а $a=mumwar-at$ [HL], трк $\bar{\lambda}=\bar{\lambda}m\bar{u}\bar{a}r-\bar{\lambda}$, мн. ч. $\eta\bar{\lambda}=\bar{\lambda}m\bar{u}\bar{a}r$ [Hn.], а $a=mumwar-a$, мн. ч. $\eta a=mumwar$ [Oh.], кри $a=motwar-a$, мн. ч. $\eta a=motwar$, нын $=m^w\bar{e}r$, лот $\bar{a}=mv\bar{a}r\acute{a}-\bar{\delta}\bar{i}$ [V.], а $a=mwarra-ti$, мн. ч. $a=mwarra-k$ [Mu.], охо $\bar{u}=mw\bar{e}r\bar{u}-k$, лоп $m\bar{u}\bar{a}r\acute{a}-k$, дон $m\bar{w}\bar{a}r\acute{a}-k$, док $\bar{o}=m\bar{w}\bar{a}r\acute{a}-k$, маа $\bar{e}=m\bar{o}w\bar{u}\acute{o}$, мн. ч. $\bar{i}=m\bar{o}w\bar{u}\bar{a}r\acute{a}-k$ [P.], $\bar{e}=m\bar{o}w\bar{w}\acute{o}$ [V.], чам $\bar{e}=m\bar{o}w\bar{w}\acute{o}$ [V.], $m\bar{o}w\bar{w}\acute{o}$ [Hn.], смп $\bar{e}=m\bar{o}w\bar{w}\acute{o}$, онг $n\bar{a}=m\bar{o}w\bar{w}\acute{o}$, мн. ч. $n\bar{a}=m\bar{o}a\bar{r}-\acute{a}$, бар $w\bar{u}\eta g\bar{u}r-\bar{i}$ [V.], $(w)\bar{u}\eta g\bar{u}r-\bar{i}$, мн. ч. $\eta g\bar{w}a-r$ [Sp.], кук $\acute{a}\eta b\bar{a}r-\bar{a}$, нгп $w\bar{u}\eta g\bar{u}r-\bar{i}$, пдж $y\bar{u}\eta g\bar{w}\bar{u}r-\bar{i}$, нгв $\acute{u}\eta g\bar{u}r-\bar{a}$, мон $\bar{u}\eta\eta g\bar{w}\bar{u}r-\bar{i}$.

На уровне ТЛМ явно следует восстанавливать триконсонантную основу, хотя вокализм столь однозначно не реконструируется: наиболее вероятные варианты — $*=mowar-$ или $*=miwar-$. В онгамомаа ед. ч. $*=mowar$ в соответствии с тенденцией к отпадению конечных согласных (см. выше 'сердце') → $*=mowo$, но конечный вибрант до сих пор хорошо сохраняется в форме мн. ч. $*=mowar-ak$. Редкая и не очень «удобная» последовательность из двух губных согласных $*m...w...$ в ветви лопит-лотуко устраняется за счет трансформации второго согласного в элемент дифтонга ($*=mowar-$ → $*=mvar-$), а в языках тесо-туркана в этой связи наблюдаются ситуации «псевдо-редупликации» ($*=mowar-$ → $*=motwar-$) и даже, в одном случае, «псевдо-инфиксации» (форма тес $\bar{a}=m\bar{o}kw\bar{a}r-\acute{a}t\acute{a}$ у Фоссена, хотя она и не подтверждается в альтернативных источниках).

Нетривиальная структура основы обнаруживается и в бари, судя по значительному разнообразию рефлексов в современных диалектах. Почти все они, тем не менее, выводятся из праформы $*=wi\eta jur-$, подверженной разного рода ассимиляциям (→ $*=ji\eta jur-$) или диссимиляциям (→ $*=yi\eta jur-$) в языках-потомках; в мн. ч. здесь уже на прабари уровне было представлено вокалическое чередование, возможно, обусловленное влиянием суффиксальных гласных (ед. ч. $*=wi\eta jur-$: мн. ч. $*=w/\eta g\bar{u}r-$).

Допустимо ли сводить в единую этимологию пра-ТЛМ $*=mowar-$ и прабари $*=wi\eta jur-$, при том, что два из трех консонантных

соответствий, разумеется, нерегулярны? На наш взгляд, допустимо, в связи со следующими соображениями: (а) в обеих ветвях представлены триконсонантные основы, в которых первые два согласные — носовые или глайды; (б) в обеих ветвях сама по себе структура основы предрасполагает к различным ассимилятивно-диссимилятивным трансформациям в языках-потомках, что мы активно и наблюдаем; (в) можно легко предложить несколько примерно равновероятных сценариев развития, ни один из которых заведомо нельзя опровергнуть — например, развитие из правост.-нил. **ɲiɲwaɾ*- 'рог', с ассимиляцией **ɲ*- → **m*- в пра-ТЛМ (под влиянием сразу двух последующих губных сегментов) и с метатезой → **wiɲjaɾ*- в раннепрабари (впрочем, учитывая мон *ɲiɲgwūr-í*, эта метатеза могла на самом деле иметь место и после распада прабари).

На уровень внешнего сравнения мы вынесем именно этот вариант реконструкции, хотя следует помнить о том, что, ввиду уникальности ситуации, он далеко не единственный (но, как нам представляется, один из наиболее «экономных»); при сравнении следует также постоянно иметь в виду и более надежные реконструкции на более мелких уровнях.

23) «я»: тес *ɔɲ* [V.], *eɔɲ* [HL], трк *lɪɔɲ* [Hn.], *ayɔɲ* [Oh.], кри *a:ɛɲ* [V.], *áɛɔɲ* [No.], ньн *ayuo*, лот *ánì* [V.], *anì* [Mu.], охо, лоц, лок *nāɲ*, дон *nāɲ*, маа *nánú* [P., V.], чам *nánú* [V.], *nánú* [Hn.], смц, онг *nánú*, бар *nāp* [V.], *nap* [Sp.], ккв, кук, нгц, пдж, нгв, мон *nāp*. || V.: правост.-нил. **n₂an₃*-.

Как выясняется, на правост.-нил. уровне гораздо проще реконструировать точную форму связанного глагольного показателя 1-го л. субъекта, чем независимое местоимение 1-го л., т. к. почти во всех языках этот показатель имеет вид *a*= [Tucker, Bryan 1966: 470].

В составе независимого местоимения гласный *a* также обнаруживается везде, кроме тес (где он подвергается вторичной ассимиляции: *e-ɔɲ* ~ *ɔ-ɔɲ* ← **ayɔɲ*), и вряд ли можно усомниться в их этимологической тождественности. Однако консонантное обрамление этого гласного сильно различается в зависимости от конкретной ветви, не позволяя однозначно восстановить исходный вариант: условная запись **n₂an₃*- в монографии Фоссена отражает уникальность ситуации, т. к. его **n₂* и **n₃* не встречаются ни в одном другом этимоне (**n₂* формально восстанавливается также

для слова 'грудь', но на самом деле там представлен несколько иной ряд соответствий).

Исходя из гипотезы «чистого местоименного корня» **a*, перечислим основные варианты реконструкций по подгруппам: (а) тесо-туркана **a-uon*; (б) лопит-лотуко **a-ni* (только в лот, причем возможен и вариант *nani*, отмеченный в словарях Раглана и Муратори как свободный вариант *ani*) ~ **n=a-n*; (в) онгамо-маа **n=a-nv*; (г) бари **n=a-n* (стоит обратить внимание на контурный тон во всех диалектах бари, возможно, отражающий какое-то вокалическое стяжение).

Ни один из этих четырех вариантов не сводим ни к одному другому через набор каких-либо стандартных фонетических правил. Ближе всего друг к другу стоят формы в онгамо-маа и в бари, которые можно относительно легко вывести из общего варианта **nani* с нерегулярной апокопой конечного гласного в бари (связанной с высокой частотностью употребления формы). Учитывая дистрибуцию этого варианта по ветвям, он оказывается одновременно и оптимальным кандидатом на правост.-нилотский статус. Однако при этом из него невозможно вывести ни форму в тесо-туркана, ни в лопит-лотуко.

Можно предложить следующий сценарий развития, далеко не единственный из всех возможных, но по крайней мере учитывающий все без исключения рассматриваемые формы:

(а) на правост.-нилотском уровне существовало как минимум два варианта независимого местоимения 1-го л. — **a-ni* и **n=a-ni*, причем второй из них мог иметь дополнительный эмфатический оттенок (не исключено, в частности, его происхождение из удвоенного варианта **an-ani*); из современных языков эта ситуация сохранилась в лот;

(б) на уровне прабари в активном употреблении остался только эмфатический вариант **n=a-ni*, конечный гласный которого апокопировался, но, возможно, оставил след в виде контурного тона на корне;

(в) на уровне пра-ТЛМ оба варианта местоимения получили по дополнительному «субварианту» в результате присоединения суффикса **-ɲ* (реконструкция вокализма приближительна, но гласный точно был губным). Происхождение и значение этого суффикса остается неясным, равно как и причина, по которой он

стал присоединяться именно к местоимению 1-го л. (о том, что распространение его в языках тесо-туркана на местоимение 2-го л. скорее всего носило аналогический характер, см. ниже). Тем не менее, из вариантов $*a-ni-ɛŋ \sim *n=a-ni-ɛŋ$ с минимальными и реалистичными допущениями выводятся все последующие развития:

(г) в онгамо-маа $*n=ani-ɛŋ \rightarrow *n=an-vɪ \rightarrow *n=an-v$ (в рамках общей тенденции к отпадению конечного согласного);

(д) в лопит-лотуко длинная форма $*n=ani-ɛŋ$ стягивается в $*nan$ вследствие частотности употребления;

(е) в тесо-туркана $*ani-ɛŋ \rightarrow *an-uɔŋ \rightarrow *a-uɔŋ$ в ходе упрощения кластера, возникшего на месте бывшего дифтонгического сочетания.

Данный сценарий, на наш взгляд, будет выглядеть более убедительно, если в дальнейшем удастся пролить свет на происхождение суффиксального компонента $*-ɛŋ$ (желательно — оставаясь строго на вост.-нилотской почве, без «жонглирования» внешними данными). Пока что его можно принять в качестве недоказуемой, но в целом экономной рабочей модели. На внешний уровень сравнения при этом уверенно выносятся лишь «чистая» корневая морфема $*a$, выражающая значение 1-го л. ед. ч.

24) «убивать»: (а) тес $\bar{a}k\bar{i}=àr$ [V.], аи $=ar$ [HL], трк $\bar{a}k\bar{i}=àr$ [Hn.], аки $=ar$ [Oh.], кри $\bar{a}k\bar{e}=yar$ [V.], ньн $\bar{t}=arr$, маа $\bar{a}=ár$ [P., V.], чам $\bar{a}=ár$ [V.], $\bar{a}=ár$ [Hn.], смн $\bar{a}=arr$, онн $\bar{a}=tá=ár-à$; (б) лот $\bar{a}=t\bar{o}x\bar{o}-r\bar{o}$ [V.], $t\bar{o}x-yo$ [Mu.], доп $\eta\bar{a}=t\bar{o}x\bar{o}-\bar{i}$; (в) охо $\eta\bar{o}\bar{\phi}\bar{o}$; (г) дон $\bar{t}=p\bar{a}d\bar{a}\bar{i}$; (д) док $\acute{e}=t\bar{a}=y\acute{e}y\bar{o}$; (е) бар $t\bar{a}=t\bar{v}-z\bar{a}$ [V.], $ta=tv$ [Sp.]; (ж) ккв $\bar{l}\bar{e}\eta-g\bar{a}$, кук $\bar{l}\bar{e}\eta-g\bar{a}$, нпн $\bar{l}\bar{e}\eta-g\bar{a}$, пдж $\bar{l}\bar{e}\eta-g\bar{a}$; (з) нгв $p\acute{e}\eta-g\bar{a}$, мон $p\acute{e}\eta-g\bar{a}$. || V.: пра-ТЛМ $*=ar-$.

Степень устойчивости данного этимона в языках-потомках определить трудно, т. к. неясно, насколько точны лексические данные Фоссена по мелким языкам и диалектам. Так, в ветви бари значение 'убивать' выражается тремя корнями, но ни для одного из них оно не является основным: бар $t\bar{a}=t\bar{v}-z\bar{a}$ — регулярная форма каузатива от $twa-$ ~ $tv-$ 'умирать' (см. выше); прабари $*\bar{l}\bar{e}\eta$ в собственно бар, судя по словарю Спаньоло, имеет значение 'устанавливать, ослабевать, страдать'; а нгв-мон $*p\acute{e}\eta$ в бар соответствует глагол $p\acute{e}\eta$ 'гасить, тушить'. По имеющимся данным невозможно определить, действительно ли эти эвфемистические развития в соответствующих языках являются нейтральными эквивалентами значения 'убивать', или же информантами в ходе работы просто выдавались «вежливые» квазисинонимы.

В любом случае очевидно, что основы в ветви бари не могут претендовать на семантическую архаичность. То же самое можно сказать про лок $\acute{e}=t\acute{a}=y\acute{e}y\grave{d}$ (каузатив от $*y\acute{e}$ - 'умирать'). Формы (в) и (г) в диалектах лопит-лотуко пока остаются без этимологий; в дистрибуционном плане на роль пралопит-лотуко 'убивать' лучше всего подходит основа $*tox$ - ($\leftarrow *tok$ -), но дальнейшая ее этимологизация, как внешняя (допустимо сравнение с бар tok 'стучать /в дверь/; кусать /о змее/; делать углубление /в земле/'), так и внутренняя (не исключено, что $*tox$ - — на самом деле стянутая форма каузатива $*ta=yux$ -, ср. лот yux - 'устанавливать' и аналогичное семантическое развитие у прабари основы $*le\eta$), также оставляет ей мало шансов на статус обще-ТЛМ (не говоря уже об обществ.-нил.) 'убивать'.

Наиболее перспективным корнем оказывается $*=ar$ — непроезженная основа, однозначно реконструируемая в первичном значении 'убивать' в ветвях тесо-туркана и онгамо-маа (в ньн и онг к ней присоединяется префикс каузатива $*ta$ -, но это уже, судя по всему, вторичное развитие), что автоматически выносит ее как минимум на пра-ТЛМ уровень; учитывая, что ни для одной из основ в бари значение 'убивать' не может быть признано исходным, это серьезно повышает и обществ.-нилотские шансы основы $*=ar$.

25) «лист»: (а) тес $\bar{a}=li\acute{a}-it$ [V.]; (б) тес $a=ki-ot$, мн. ч. $a=kwi$ [HL], трк $\acute{a}=k\acute{u}y-\acute{e}n$, мн. ч. $\eta\acute{a}=k\acute{u}y\grave{e}n-\acute{o}$ [Hn.], $a=kuy-\acute{e}n$, мн. ч. $\eta a=ki$ [Oh.], кри $a=kuy-\acute{e}n$ [V.], ньн $=kwi$; (в) лот $\bar{a}=b\acute{e}n\bar{e}-t\bar{i}$ [V.], $a=bene-ti$, мн. ч. $a=bene$ [Mu.], охо $\bar{a}=b\acute{e}n-d\bar{i}$, дон $b\acute{e}n\bar{e}-t\bar{i}$, лок $\bar{e}=b\acute{e}n-d\bar{i}$, маа $\bar{e}m=b\acute{e}n\bar{e}-y\acute{i}\acute{o}$ [P.], $\bar{e}m=b\acute{e}n\bar{e}-y\acute{u}\acute{o}\acute{i}$ [V.], чам $\bar{e}m=b\acute{e}n\bar{e}-y\acute{u}\acute{o}$ [V.], $m=b\acute{e}n\bar{e}-y\acute{u}\acute{o}$ [Hn.], смп $m=b\acute{e}n\bar{e}-y\acute{u}\acute{o}$; (г) лоп $\bar{f}\bar{a}r\acute{a}-\acute{i}$; (д) онг $n\grave{a}=k\acute{u}z\grave{e}t\bar{i}$, мн. ч. $n\grave{a}=k\acute{u}z\acute{e}t\acute{i}$; (е) бар $kor\acute{o}p\grave{o}-t\bar{i}$ [V.] $kor\acute{o}p\grave{o}-t\acute{a}t \sim kor\acute{o}p\acute{o}-t\bar{i}$, мн. ч. $kor\acute{o}p\acute{o}$ [Sp.], ккв $k\acute{o}r\acute{o}p\grave{o}-t\bar{i}$, кук $k\acute{u}r\acute{u}p\bar{u}-t\bar{e}\bar{i}$, пдж $k\acute{u}r\acute{u}p\grave{o}-t\bar{i}$, нгв $k\acute{u}r\acute{u}p\grave{o}-t\bar{i}$, мон $k\acute{o}r\acute{o}p\grave{o}-t\bar{i}$; (ж) нгп $k\acute{o}t\acute{u}r\grave{o}n-t\acute{o}t$. || V.: пралотуко-маа $*=ben$.

Несмотря на большое разнообразие основ, покрывающих значение 'лист', любопытно отметить, что в вост.-нилотской ветви совершенно не прослеживается семантическая связь 'лист' : 'ухо', столь типичная для восточносуданского (и не только) ареала. Единственная форма, в которой проскальзывает фонетическое сходство с 'ухом' — тес $a=ki-ot$ (ср. $a=ki-t$ 'ухо'), но как форма мн. ч. этого же слова в тес, так и данные близкородственных языков показывают, что пратесо-туркана 'лист' должен восстанавливаться

как $*=k'iu-$, а форма ед. ч. $a=ki-ot$ либо развилась из $*a=kiu-ot$ через диссимилиацию двух губных элементов (эта гипотеза нуждается в дополнительном подтверждении), либо вторично трансформировалась уже под влиянием 'уха' (т. е. налицо ареальная контаминация). Обнаружить этимологическую связь между $*=k'i-$ 'уха' и $*=k'iu-$ 'лист' не представляется возможным ни на каком уровне сравнения.

Тес $\bar{a}=liá-it$ 'лист' в списках Фоссена — странная форма, не подтверждаемая подробными словарями этого языка; возможно, это на самом деле какой-то идиолектный (или плохо расслышанный) вариант слова $a=lias-it$ [HL] 'корень (растения)'.

На уровне лотуко-маа 'лист' оказывается устойчивым и однозначно восстанавливается в виде $*=bene$ (формы сингулятива различаются: лопит-лотуко $*=bene-ti$, онгамо-маа $*=bene-yo$). Доп $\bar{f}ārá-í$ обнаруживает параллель в виде лот $a=faraw-ati$ [Mu.] 'вид листа' (какой точно, в словаре не указано) — не исключено, что даже в доп это на самом деле более узкий термин, ошибочно записанный Фоссеном вместо стандартного рефлекса пралотуко-маа $*=bene-$.

Онг $nà=kúžèti$ 'лист' соответствует общемаа основе $\varepsilon\eta=kúž-íta$ 'трава' [Vossen 1988: 93]; дальнейшие параллели есть и в лопит-лотуко, ср. лот $a=xvž-1$ [Mu.] мн. ч. 'трава, травы'. Предполагать связь этой основы с тесо-туркана $*=k'iu-$ 'лист' можно только при условии признания элемента $*ž$ в лотуко-маа старым суффиксом, как в этимоне 'сердце' (см. выше), но в данном случае основания для такого признания чрезвычайно ограничены из-за отсутствия надежных параллелей в ветви бари; к тому же дистрибуция форм в любом случае указывает на независимую семантическую инновацию 'трава' → 'лист' в онг.

В прабари значение 'лист' выражалось трехсложной основой $*ku=rupo-$ (реконструкция вокализма приближительна — под влиянием сингулятивного суффикса $*-ti$ и друг друга исходные гласные основы подвергались различным ассимиляциям в языках-потомках); единственная дивергентная форма — нпг $kôtúròn-tót$, соответствующая бар $köturön-i$ [Sp.] 'цветок' (здесь опять-таки можно усомниться в точности семантики у Фоссена, но в принципе вполне могло иметь место и реальное семантическое развитие 'цветок' → 'лист').

Поскольку тесо-туркана $*=k'iu-$, лотуко-маа $*=bene-$ и бари $*ku=rupo-$ не этимологизируются на взаимной основе, к внешнему

сравнению можно привлекать все три формы, хотя бари основу, по-видимому, — в последнюю очередь, т. к. ее трехсложность подозрительна и наводит на мысли (пока чисто спекулятивные) о возможной производности.

26) «вошь»: (а) тес $\bar{e}=l\acute{a}\phi-\acute{t}t$ [V.], $e=la\phi-it$, мн. ч. $i=la\phi$ [HL], трк $\acute{e}=l\acute{a}\phi-\acute{t}t$, мн. ч. $\eta i=l\acute{a}\phi$ [Hn.], $e=la\phi-it$, мн. ч. $\eta i=la\phi$ [Oh.], кри $e=laty-it$ [V.], ньн $\eta g t=l\acute{e}:\phi$, маа $\bar{e}=l\acute{a}\acute{s}\acute{e}-\acute{i}$ [P., V.], чам $l\acute{a}\phi\acute{e}-y\acute{o}$ [V.], $l\acute{a}\phi\acute{e}-y\acute{o}$ [Hn.], смн $l\acute{a}\acute{s}\acute{e}-y\acute{o}$; (б) лот $\acute{z}=l\acute{o}\phi\acute{e}r-\acute{i}\acute{o}$ [V.], $o=lofer-yo$, мн. ч. $o=lofer$ [Mu.], лоп $l\acute{e}\phi\acute{e}-t\acute{i}$, дон $l\acute{o}\phi\acute{e}r-\acute{t}t$, док $\bar{a}=l\acute{e}v\acute{e}r-\acute{t}t$; (в) онг $\acute{z}=\eta g\acute{a}i$, мн. ч. $\acute{z}=\eta g\acute{a}\acute{a}$; (г) бар $s\acute{r}\acute{r}\acute{o}-t\acute{a}t$ [V.], $s\acute{r}\acute{r}\acute{o}-t\acute{a}t$, мн. ч. $s\acute{r}\acute{r}\acute{o}$ [Sp.], ккв $s\acute{r}\acute{r}\acute{o}$, нгв $s\acute{r}\acute{r}\acute{o}-t\acute{a}t$; (д) кук $g\acute{o}t\acute{m}\acute{u}r$, нгп $g\acute{o}t\acute{m}\acute{u}r-\acute{o}t$; (е) пдж $z\acute{e}t\acute{a}-t\acute{i}$; (ж) мон $j\acute{o}g\acute{i}-s\acute{o}$. || V.: пра-ТЛМ $*=la\phi-$ ~ $*=l^{\eta}a\phi-$.

На основании прямого соответствия между тесо-туркана $*=la\phi-$ и общемаа $*=la\phi\acute{e}-$ можно было бы постулировать на пра-ТЛМ уровне в этой основе простой плавный $*l-$; однако Р. Фоссен учитывает также «старую» форму слова 'вошь' в онг — в неопубликованных полевых записях К. Эрета она имеет вид $\acute{z}=h\acute{a}\acute{s}-\acute{e}n\acute{i}$, т. е. обнаруживает то же соответствие, что и в слове 'луна' (см. ниже) и, следовательно, исходная форма действительно должна восстанавливаться как $*=la\phi-$. Что касается онг $=\eta ga-$ в списке Фоссена, то происхождение этой основы неизвестно; маловероятно, что она представляет собой аккомодацию общекбанту $*=nda$ 'вошь', т. к. новейшие заимствования основ с носовыми кластерами из языков банту в онг обычно сохраняют эти кластеры, однако внутринилотской этимологии у этой формы также не обнаруживается.

Пра-ТЛМ $*=la\phi-$ в прабари противостоит основа $*s\acute{r}\acute{r}\acute{o}$, имеющая наиболее широкую дистрибуцию в этой ветви. Явными параллелями в ТЛМ оказываются такие формы, как тес $e=s\acute{r}\acute{u}-t$ [HL], трк $\acute{e}=s\acute{r}\acute{u}-t$ [Hn.], лот мн. ч. $a=s\acute{r}-u$, ед. ч. $a=s\acute{u}t-ti$ (← $*a=s\acute{r}-ti$) [Mu.] 'комар'; в связи с этим стоит параллельно отметить и фонетическое сходство таких форм, как кук $g\acute{o}t\acute{m}\acute{u}r$, нгп $g\acute{o}t\acute{m}\acute{u}r-\acute{o}t$ 'вошь' с бар мн. ч. $kim\acute{v}r$, ед. ч. $kim\acute{u}r-te$ 'комар', хотя соответствие «g : k» нерегулярно и может отражать результат какой-то неясной контаминации.

Чрезвычайно любопытна также форма $j\acute{o}g\acute{i}-s\acute{o}$ в мон: более всего она похожа на слово 'вошь' в языках луо (ср. особенно ачоли $j\acute{u}g\acute{i}$), но полное отсутствие параллелей в других вост.-нилотских языках скорее заставляет предполагать здесь заимствование из одного из этих языков, ареал распространения которых довольно близко примыкает к нынешнему ареалу распространения мондари. Без объяснения пока что остается пдж $z\acute{e}t\acute{a}-t\acute{i}$.

Поскольку из значений 'комар' и 'вошь' невозможно однозначно выбрать исходное (семантическую псевдореконструкцию 'кусачее насекомое' мы не допускаем ввиду полного отсутствия такого значения хотя бы в одном из языков-потомков), к внешнему сравнению допустимо привлекать как ТЛМ $*=t̥aɕ-$, так и бари $*sirr$ (= ТЛМ $*=sirr$ 'комар').

27) «мясо»: (а) тес $\acute{a}=kí=rin$ [V.], $a=ki=rin$ [HL], трк $\lambda=kì=rin$, мн. ч. $\eta\acute{a}=rin-\delta$ [Hn.], $a=ki=rin$, мн. ч. $\eta a=rin-o$ [Oh.], кри $a=ki=rin$ [V.], $\bar{a}=k\bar{i}=rin$ [No.], ньн $=k\bar{i}=rin$, лот $\acute{e}=rin-\delta$ [V.], $ne:=rin-u$ [Rg.], $a=rin-o$, мн. ч. $a=x\bar{i}=ri$ [Mu.], охо $\bar{a}=x\bar{i}=rin-\delta$, лоп $h\bar{i}=rin-\delta$ [V.], $i=rin-o$ [Dr.], лок $\bar{a}=x\bar{i}=rin-\acute{o}$ [V.], $ad^hi=rin-o$ [Dr.], маа $\bar{e}n=k\bar{i}=rin-\acute{o}$ [P.], $\bar{e}\eta=k\bar{i}=rin-\acute{o}$ [V.], чам $\bar{e}\eta=k\bar{i}=rin-\acute{o}$ [V.], $n=k\bar{i}=rin-\acute{o}$, мн. ч. $n=k\bar{i}=ri$ [Hn.], смт $\bar{e}\eta=k\bar{i}=rin-\acute{o}$, онг $n\grave{a}=s\bar{i}=rin-\acute{o}-\grave{i}$; (б) дон $t\bar{i}\bar{a}\eta$ [V.], $tya\eta$ [Dr.]; (в) бар $l\acute{o}=k\acute{o}r-\acute{e}$ [V.], $l\acute{o}=kor-e$ [Sp.], ккв $l\acute{o}=k\acute{o}r-\acute{e}$, кук $l\acute{o}=x\bar{o}r-\acute{e}$, нп $l\acute{o}=k\acute{o}r-\acute{e}$, пдж $l\acute{o}=k\acute{o}r-\acute{e}$, нгв $l\acute{o}=k\acute{o}r-\acute{e}$, мон $l\acute{o}=k\acute{o}r-\acute{e}$. || V.: правост.-нил. $*=k\bar{i}=rin-$.

Пра-ТЛМ основа $*=rin$ почти без изменений сохраняется в большинстве языков-потомков; единственное исключение — дон $t\bar{i}\bar{a}\eta$, восходящее к ТЛМ основе $*=tia\eta-$ 'зверь, животное' [Vossen 1982: 326]. В языках бари исходная основа была вытеснена производной инновацией $*l\acute{o}=k\acute{o}r-e$, где $*l\acute{o}=$ — продуктивный словообразовательный префикс, а корень $*=k\acute{o}r-$, вероятно, следует сопоставлять с бар глагольной основой $k\acute{o}r$ [Sp.] 'разрезать, разделять' (т. е. исходное значение — 'отрезанный кусок /мяса/'; ср. аналогичное развитие 'кусочек мяса' → 'мясо /вообще/' в нама \llan).

28) «луна»: тес $\bar{e}=l\acute{a}p-\acute{a}$ [V.], $e=l\acute{a}p$, мн. ч. $i=l\acute{a}p-io$ [HL], трк $\bar{e}=l\acute{a}p$ [Hn.], $e=l\acute{a}p$ [Oh.], кри $\bar{e}=l\acute{a}p$, мн. ч. $\eta\acute{i}=l\acute{a}p-y\acute{o}$ [No.], ньн $=l\acute{e}b$, лот $\bar{a}=y\acute{a}f\bar{a}$ [V.], $a=y\acute{a}f\bar{a}$ [Mu.], $na=y\acute{a}r\bar{a}$ [Rg.], охо $\bar{o}=y\acute{e}f\bar{a}$, лоп $(y)\bar{y}\acute{a}f\bar{a}$, мн. ч. $y\acute{a}f\bar{a}-z\bar{i}n$ [V.], ava [Dr.], дон $\bar{a}f\bar{a}$ [V.], $of\bar{a}$ [Dr.], лок $\bar{o}=y\acute{e}v\bar{a}$, мн. ч. $\bar{o}=y\acute{e}v\bar{a}t-\bar{i}k$ [V.], $e=y\acute{e}v\bar{a} \sim o=y\acute{e}v\bar{a}$ [Dr.], маа $\bar{o}=l\acute{a}p\bar{a}$, мн. ч. $\bar{i}=l\acute{a}p\bar{a}t-\bar{i}n$ [P., V.], чам $\bar{o}=l\acute{a}p\bar{a}$ [V.], $l\acute{a}p\bar{a}$ [Hn.], смт $\bar{o}=l\acute{a}p\bar{a}$, онг $\bar{o}=h\grave{a}\beta\bar{a}h\acute{a}-n\bar{i}$, мн. ч. $\bar{o}=h\grave{a}\beta\bar{a}h\acute{a}-\bar{u}$, бар $y\acute{a}r\bar{a}?$, мн. ч. $y\acute{a}r\bar{a}l-\bar{a}$ [V.], $y\acute{a}r\bar{a}?$ [Sp.], ккв $y\acute{a}r\bar{a}$, кук, нп, нгв $y\acute{a}r\bar{a}?$, пдж $y\acute{a}r\bar{a}?$, мон $y\acute{a}r\bar{a}$. || V.: правост.-нил. $*=l\acute{a}p\bar{a}t^y- \sim *l^y\acute{a}p\bar{a}t^y-$.

Все формы явно родственны; нетривиальное соответствие в анлауте — то же, что и в этимоне 'вошь', т. е. отражает правост.-нил. $*t̥$. Исходная структура основы однозначно восстанавливается в виде *CVCVC: в ед. ч. конечный согласный бесследно исчезает уже на уровне пра-ТЛМ, но сохраняет след в виде гортанной смычки в прабари; в мн. ч. он сохраняется лучше из-за соседства с

вокалическим суффиксом, проявляясь как **l* в языках бари, но как **t ~ *ʒ* в лотуко-маа. Известен как минимум еще один пример такого же развития — вост.-нил. этимон 'дорога': ср. бар ед. ч. *kí=kʒ*?, мн. ч. *kí=kʒl-in*, но лот *é=kʒ-l̥*, мн. ч. *é=kʒt-l̥a* и т. д. [Vossen 1982: 404-405].

В обоих случаях Фоссен интерпретирует конечный согласный как **tʲ*, однако, как показано выше, палатализованные дентальные согласные Фоссена в вост.-нилотской системе уместнее все же рассматривать как типологически естественные для соответствующего ареала палатальные аффрикаты. При этом как для палатализованного дентального **tʲ*, так и для аффрикаты **ɕ* чрезвычайно странным рефлексом оказывается латеральный сонант **l* в пра-бари. Скорее всего, в обоих этих случаях на самом деле наблюдается регулярное позиционное развитие все того же латерального фрикативного **ɬ*, который, попадая в позицию абсолютного конца слова, становится взрывным: «раннеправост.-нил.» **ɬapaɬ*, **=kɕɬ* → правост.-нил. **ɬapat*, **=kot* с возникновением морфонологического чередования **-t : *-ɬ-*, которое в лотуко-маа аналогически выровнялось по форме ед. ч. еще до отпадения конечного согласного.

Сама по себе двусложная основа **ɬapaɬ* 'луна' выглядит необычно, но морфологически расчленив ее на правост.-нилотском уровне невозможно; для этого требуется переход на внешний уровень сравнения.

29) «рот»: тес *á=kì=tùk* [V.], *a=ki=tuk* [HL], трк *à=kù=tùk ~ à=kì=tùk*, мн. ч. *ηá=kù=tùk-íá ~ ηá=kì=tùk-íá ~ ηá=kí=túk-is* [Hn.], *a=ki=tuk*, мн. ч. *ηa=ki=tuk-a* [Oh.], кри *a=ki=túk* [V.], ньн *=kv=tv:k*, лот *é=ðùk* [V.], *nɛ=tvk*, мн. ч. *e=tux-ye* [Mu.], *ne=tuk* [Rg.], охо *ā=xū=túk*, лоп *xú=túk* [V.], *o=tok* [Dr.], дон *xú=túk* [V.], *ko=tok* [Dr.], лок *ā=kú=túk* [V.], *a=kʰu=tuk* [Dr.], маа *ēn=kú=túk* [P.], *ēη=kú=túk* [V.], чам *ēη=kú=túk* [V.], *n=kù=túk*, мн. ч. *n=kù=túk-(i)é* [Hn.], смп *ēη=kú=túk*, онг *nà=kù=tók*, мн. ч. *nà=kù=tók-ù*, бар *kú=tú-k* [V.], *ku=tu-k ~ kv=tv-k* [Sp.], ккв *kú=tú*, кук, нгв, мон *kú=tú-k*, нпг, пдж *kú=tú-k*. || V.: правост.-нил. **=k₁v=t₁vk-*.

Оснований сомневаться в родстве перечисленных форм и в корректности реконструкции Фоссена нет; единственный существенный вопрос в этой ситуации — морфемные границы корня на правост.-нил. уровне. Реконструкция **kv=tvk-* не объясняет варианта **=k₁v=tvk* в большинстве диалектов тесо-туркана, так что здесь возможны два сценария: либо исходная форма — **k₁v=tvk*, а в прабари

и пралотуко-маа независимо друг от друга имела место ассимиляция $\rightarrow *kv=tvk$, либо же в тесо-туркана $*kv=tvk \rightarrow *ki=tvk$ под аналогическим влиянием других основ с $*ki=$. Если верен первый вариант, то первичную структуру корня нужно реконструировать с консонантным анлаутом ($*t-$); если второй, то, в соответствии с нашей гипотезой о морфонологических вариантах единого правост.-нилотского префикса $*k(i)=$, — с вокалическим ($*v-$). Однако, учитывая, что 'rot' — одно из немногих слов, в которых веларный префикс заведомо архаичен, т. к. в полном объеме сохраняется в бари, форма $*kv=tvk$ вполне могла быть ассимилирована из $*ki=tvk$ уже на правост.-нилотском уровне, а «реставрация» артикуляции $*ki=$ в тесо-туркана не выглядит особенно странной ввиду абсолютного численного превосходства лексем с $*ki=$ над лексемами с ассимилированным вариантом $*kv=$.

Что касается ауслатной позиции, то во всех без исключения языках ТЛМ $-k$ действительно ведет себя как часть корня, но в языках бари это отделимый показатель сингулятива, ср. в бар: ед. ч. *kutu-k*, мн. ч. *kutu-sen* [Sp.] (вариант $kú=tú$ в ккв менее показателен, т. к. в этом языке большинство конечных согласных, по-видимому, просто отпадает). С другой стороны, отдельного продуктивного показателя мн. ч. $-sen$ в бари вроде бы не выделяется, и вполне возможно, что *kutusen* на самом деле $\leftarrow *ku=tuk-en$ (о допустимости отдельных случаев палатализации $*k \rightarrow s$ в бари см. выше этимон 'ухо'). В этом случае на правост.-нилотском уровне должен реконструироваться нерасчленимый корень $*=tuk$, что все равно не отменяет возможности рассматривать элемент $*-k$ как исконный показатель сингулятива, слившийся с корнем еще до распада праязыка на первичные ветви.

Таким образом, на уровень внешнего сравнения будет вынесен вариант $*kv=tvk$, отражающий ситуацию в большинстве языков, с учетом того, что форма допускает и альтернативные варианты морфологического членения (например, $*kv=tv-k$ или даже $*k=vtv-k$).

30) «имя»: (а) тес $\acute{e}=kí=rór-ì$ [V.], $e=ki=rór$, мн. ч. $i=ki=rór-ia$ [HL], трк $\acute{e}=kì=rò$, мн. ч. $\eta í=rór-à$ [Hn.], $e=ki=ro$, мн. ч. $\eta i=rór-a$ [Oh.], кри $e=ke=ro$ [V.], ньн $=ku=r\acute{x}$; (б) лот $\acute{a}=fùrè$ [V.], $a=fure$ [Mu.], охо $\bar{o}=fùrē$, лоп $fùré$, дон $fùrè-ì$, лок $\bar{o}=vùré$; (в) маа $\acute{e}n=kárn-á$ [P.], $\acute{e}\eta=kárn-á$ [V.], чам $\acute{e}\eta=kárn-á$ [V.], $n=kárn-á$ [Hn.], смп $\acute{e}\eta-kárn-á$, онг $nà=hánt-á$, мн. ч.

nà=hárn-á, бар *kārén* [V.], *karin* [Sp.], ккв, нпц, пдж, нгв, мон *kārén*, кук *kārín*. || V.: правост.-нил. $*=k_3a=rin-$.

Исходная вост.-нилотская основа, судя по дистрибуции, сохраняется в языках бари и онгамо-маа. Как и в других восточно-суданских языках, слово 'имя' часто имеет статус *plurale tantum* — например, в бари, где от основы $*karin \sim *kārén$ (исходный вариант скорее $*karin$, судя, во-первых, по внешним параллелям, во-вторых, по возможности объяснить развитие $*i \rightarrow \varepsilon$ как ассимилятивное понижение гласного) не образуется отдельного сингулятива.

В онгамо-маа такой сингулятив все же был образован: $*=karin-a \rightarrow *=karn-a$ с редукцией (ср. в маа мн. ч. *ĩn=kárn* [P.]), после чего реструктуризация парадигмы продолжилась в он: от формы $=karn-a$, переосмысленной как мн. ч., было образовано новое ед. ч. $*karn-a-ta$, в конечном итоге давшее уникальную структуру $=hanʈ-a$, в которой вибрانت и взрывной согласный слились в ретрофлексный *ʈ* (как отмечено в [Heine, Vossen 1975: 83], этот согласный из всего собранного корпуса встречается только в форме ед. ч. слова 'имя').

В соответствии с нашей концепцией структуры основы в правост.-нилотском языке реконструкцию Фоссена следует изменить на $*k'arim$ (т. е. гласный *a* следует воспринимать как часть корня, а не префикса, что отчасти подтверждается и южнонилотскими данными).

В ветвях лопит-лотуко и тесо-туркана старая основа исчезла. Инновацию $*=pure$ в лопит-лотуко пока что не удастся этимологизировать. Что касается тесо-туркана $*=ki=ror-$ (парадигма: ед. ч. $*e=ki=ror$, с отпадением конечного согласного в большинстве языков, мн. ч. $*ɲi=rɔr-a$), то здесь напрашивается сопоставление с маа *ō=róréí* [P.] 'слово' и далее с бар *roroʔ* [Sp.] 'глотка; голос'. Связь этой формы с эквивалентами значения 'слово' в самих языках тесо-туркана, такими как тес ед. ч. $a=ki=ro-t$, мн. ч. $a=ki=ro$ [HL], остается неясной ввиду невозможности однозначной интерпретации $*-r-$ в $*=ki=ror-$ как словообразовательного суффикса, но и не исключается. В любом случае внешние параллели однозначно указывают на то, что здесь имел место семантический сдвиг от 'слова' или 'голоса' к 'имени', повлекший за собой исчезновение старой основы.

31) «новый»: (а) тес *kó=tətà-t* [V.], *=tet* [HL], трк *é=ki=tété-nà*, мн. ч. *é=ki=tété-kà* [Hn.], *=ki=tete-t* [Oh.], кри *=ki=teté* [V.], ньн (*ɲ*) $\varepsilon=ki=tete$; (б) лот *á=ɲèžú-k* [V.], *a=ɲežu-k* [Mu.], лоп *ɲèžv-k*, дон *ĩ=ɲèžv-k*, лок *ē=ɲèžv-*

k, маа *hézú-k* [P., V.], чам *hēzū-k* [V.], *hèzù-k* [Hn.], смц *hézú-k*; (в) бар *lódú-kō-tiò* [V.], *ludu-kō-tyo* [Sp.], ккв = *lúdù*, кук, нпц, нпв = *lúdv-k*, пдж = *ludú-kò-tiò*, мон = *lúdù-k*. || V.: пралотуко-маа *=*hēzúk*-.

На уровне отдельных ветвей здесь очень четко реконструируются такие основы, как тесо-туркана *=*tete*, лотуко-маа *=*hēzi*- (**k* — суффиксальный элемент, часто встречающийся в адъективных основах) и бари *=*lvdv*- (реконструкция ATR-характеристик приближительна). Однако дальнейшая этимологизация их на взаимной основе пока что безуспешна, за исключением разве что допустимого сопоставления тесо-туркана *=*tete* (с полисемией: 'новый' / 'свежий' / 'молодой') и бар ед. ч. *teton-tyo*, мн. ч. *teton* [Sp.] 'юноша, (молодой) воин', что, впрочем, все равно не позволяет убедительно прояснить семантику этой основы на правост.-нилотском уровне, даже если это не случайное совпадение.

Таким образом, к внешнему сравнению можно примерно на равных основаниях привлекать все три основы (начиная, вероятно, с лотуко-маа *=*hēzi*- как с формы, реконструированной на хронологически наиболее глубоком уровне).

32) «ночь»: (а) тес *ā=kwá:r-ì* [V.], *a=kwār-e* ~ *a=kuar-e* [HL], трк *l̥=kwà:l̥r* [Hn.], *a=kwā:r-e* [Oh.], кри *a=kwā-r-i* [V.], *á=kwár*, мн. ч. *h̥á=kwār-ézyà* [No.], нын = *k^wa:r-e*, лот *á=ttà:rì* [V.], *a=ttari* [Mu.], охо *ā=xāri-é*, лоп *xāri-é*, дон *xārù-é*, лок *tā=yári-é*, маа *ēn=kēwāri-é* [P.], *ēh=kēwāri-é* [V.], чам *h̥=kwā:r-ì-é* [V.], *kēwāy-é* ~ *n=kwā:l̥r-ì-é*, мн. ч. *n=kēwā:rì-tín* [Hn.], смц *h̥=kwāri-é*, онц *šārì-é*, бар *tú=kwázè* [V.], *tv=kwaže* [Sp.], кук *tú=xwázè*, нпц *tū=kwázè*, пдж *tū=pázè*, нпв *kwázè*; (б) ккв *múddè*, мон *tō=múdi*. || V.: правост.-нил. *=*ke=ward^y-e* ~ *=*kuard^y-e*.

Почти все языки отражают исходную правост.-нил. основу — за исключением ккв и мон, где имел место тривиальный семантический сдвиг 'темнота' → 'ночь' (ср. бар *mudu*- 'темнеть', *mudw-e* 'темнота' [Sp.]). Тем не менее, конкретные формы отличаются значительным разнообразием и заслуживают детального комментария.

В прабари форма **kwaze* легко выводима из **kwari-ε*, с регулярной аффрикативизацией сочетания **r^y*, развившегося в ходе фонетического переразложения дифтонга; собственная ее семантика — адвербиальная ('ночью'), субстантивация происходит за счет префиксации редкой граммы **tv=*, причем обращает на себя внимание развитие **kw* → **p* в соседстве с этим префиксом в пдж (для Р. Фоссена этого достаточно, чтобы вообще исключить

пдж форму из данной этимологии, но нам неизвестны другие примеры того, как себя ведет в этом языке сочетание *-vkw-*, так что за отсутствием альтернативных гипотез эту форму все-таки не следует отделять от прочих).

В онгамо-маа праформа имеет вид **=kɛwari-*, сохраняя наиболее архаичный вид в собственно маа; присутствие переднего гласного в первом слоге имплицитно ощущается и в онг *šàrî-é*, где он, перед тем как выпасть, вызвал регулярную палатализацию **k-* → *š-*. Напротив, в лопит-лотуко из формы **=kɛwari*, по-видимому, уже на очень раннем этапе исчез срединный глайд, вызвав стяжение → **=kari* (подтвердить эту гипотезу нельзя из-за отсутствия дополнительных примеров, но и противоречащих случаев также не обнаружено). В конкретных языках эта основа встречается либо сама по себе, либо в сочетании с именным префиксом **=ta=* (ср. лок *tā=yári-é* или лот *á=ttàrì* ← **a=ta=kari*).

Наконец, в языках тесо-туркана основа имеет вид **=kwa:r-* — здесь бросается в глаза «лишняя» долгота гласного в тес и трк, которая с высокой вероятностью является компенсаторной, т. е. обусловлена редукцией исходного **ɛ* в форме **=kɛwar-*.

Таким образом, реконструкцию Фоссена имеет смысл переписать в виде **k'ɛwar(-i)*, без необходимости постулировать нетривиальные консонантные сочетания в инлауте, но подчеркивая при этом вокалический, а не консонантный анлаут корня.

33) «нос»: тес *ē=kùtè* [V.], *i=kume-s* [HL], трк *é=kùtè*, мн. ч. *ɲi=kùté-s* [Hn.], *e=kume*, мн. ч. *ɲi=kume-s* [Oh.], кри *é=kùté* [V.], ньн *=kume*, лот *é(i)=mò* [V.], *nei=two*, мн. ч. *a=mo-se* [Mu.], *ne='mo* [Rg.], охо *ō=xī=mō*, лоп *hī=mó* [V.], *ki=mo* [Dr.], дон *hī=mè* [V.], *ku=te* [Dr.], лок *ō=xī=mōɲ* [V.], *o=g^hi=mo-ɲ* [Dr.], маа *ēn=kùté* [P.], *ēɲ=kùté* [V.], чам *ēɲ=kùté* [V.], *n=kùté*, мн. ч. *n=kùtè-ɕín* [Hn.], смцп *ēɲ=kùté*, онг *ò=kùtié*, бар *kùté*, мн. ч. *kū=mē-sí*, [V.], *kume ~ kumɛ* [Sp.], ккв *kùté*, кук *kùté*, нгп *kùté*, пдж *kùté*, нгв *kùté*, мон *kūmí*. || V.: правост.-нил. ед. ч. **=ku=te*, мн. ч. **=ku=te-t₂ik*.

Все перечисленные формы очевидно родственны, однако реконструкцию Фоссена, по-видимому, следует переписать в виде ед. ч. **k'ume*, мн. ч. **k'ume-si*, поскольку:

(а) гласный **и*, в соответствии с нашей гипотезой устройства вост.-нилотских именных основ, исторически принадлежит не префиксу, а корню; в пользу такого членения свидетельствуют и

внешние данные (ср. реконструированную выше зап.-нилотскую основу *ʔit 'нос'). Как и в других аналогичных случаях, слияние корня и префикса имело место уже на правост.-нилотском уровне, что объясняет присутствие *k=* в языках бари;

(б) фонема **t*₂ в системе Фоссена выше была реинтерпретирована нами как **s*, и данный пример вполне согласуется с такой реинтерпретацией: во всех языках-потомках представлен либо рефлекс *s* (тесо-туркана, лопит-лотуко, бари), либо колебания между *š* и *ɸ* (в онгамо-маа);

(в) ауслаутный *-k* в окончании мн. ч. зафиксирован только в языках бари, где он скорее всего представляет собой вторичное наращение — ср. альтернативное наращение *-n* в таких формах, как онг *ḡ=kūmīē-šī-n*, смп *η=kūmē-šī-n* [Hn.] и др.; к тому же из праформы *=*k'ute-sik* вряд ли можно вывести тесо-туркана *=*k'ute-s* (в то время как редукция из *=*k'ute-si* была бы регулярной).

Не вполне ясно, что произошло с вокализмом в ветви лопит-лотуко: конкретные формы в языках-потомках выглядят как последовательный результат ассимиляции (**k'ute* → **k'ote*), метатезы (→ **k'eto*) и перестройки начального слога по аналогии с «естественным» префиксом (→ **ki=to*), причем не все эти изменения имели место на прауровне (ср. дон *hímè* или, тем более, ранний вариант *kute* в записях Дриберга, совпадающий с общевост.-нилотской праформой). Тем не менее, несмотря на сложность такого сценария, мы вынуждены вслед за Р. Фоссенем, исходя из соображений дистрибуции, рассматривать эти формы как инновативные по сравнению с согласованными показаниями трех других ветвей.

34) «не»: (а) тес *tat* [HL]; (б) трк *ɲí-* [Hn.], кри *ɲ-* [No.]; (в) лот *ben* [Mu.]; (г) маа *m-*, чам *m-*, онг *m-*; (д) бар *tí* [Sp.].

К сожалению, из-за катастрофической нехватки материала (информация в данном случае доступна лишь для тех вост.-нилотских языков, по которым существуют подробные грамматики или словари) и очевидной неустойчивости базисного средства выражения глагольного отрицания в данном ареале более или менее надежно реконструировать его удастся только на уровне двух отдельных ветвей. В онгамо-маа основной негативной морфемой является префикс **m-*; в тесо-туркана — префикс **ɲ-* (в тес он, судя по всему, вытесняется за счет расширения сферы упо-

требления отрицательного глагола **tat* 'не быть'). В *лот* отрицание выражается глаголом *beŋ* 'не быть', в *бар* — проклитикой *tí*.

Если *m-* в пратесо-туркана **tat* 'не быть' — исторически вычленимая морфема, тождественная онгамо-маа префиксу **m-*, то это пока единственная «зацепка» для сколько-нибудь обоснованной проекции хотя бы одной из этих форм на пра-ТЛМ (но не правост.-нилотский) уровень. Но по большому счету к внешнему сравнению здесь можно примерно с равной вероятностью при-зывать любую из перечисленных морфем.

35) «один»: (а) *тес* =*pé-ì* [V.], *adio*=*pe* [HL], *трк* =*pè-ì* [Hn.], *a*=*pe-i* [Oh.], *кри* *í*=*pe-ì* [V.], *ē*=*pē-ī* [No.], *ньн* *a*=*be*; (б) *лот* *ā*=*bó-tíé* [V.], *a*=*bo-tye* [Mu.], *a*=*bo-ti* [Rg.], *охо* *ā*=*bō-ītē*, *доп* =*bó-ité* [V.], *na*=*bo-ite* [Dr.], *дон* =*bō-ītò* [V.], *la*=*bo-ito* [Dr.], *док* *ā*=*bó-ité* [V.], *o*=*bo-k* ~ *a*=*bo-k* [Dr.], *маа* *ōbō* [P.], =*bō* [V.], *чам* *nā*=*bō* [V.], *nā*=*bō* [Hn.], *смп* *nā*=*bō*, *онг* *ò*=*bō-ītò* ~ *ò*=*bó*; (в) *бар* *gēlēŋ* [V.], *geleŋ* [Sp.], *ккв* *gēlé*, *кук* *gēlēŋ*, *нпг* *gēlēŋ*, *пдж* *gēlēŋ*, *нпв* *gēlēŋ*, *мон* *gēlēŋ*. || V.: пралотуко-маа *=*bo-*.

Отсечение продуктивных префиксов рода и различных адъективных суффиксов позволяет уверенно реконструировать «чистые» основы со значением '1' в виде пратесо-туркана *=*pe-*, пралотуко-маа *=*bo-* и прабари **geleŋ*. Дальнейшая реконструкция затруднительна, но должны быть учтены следующие соображения:

(а) для явно составной прабари основы **geleŋ* возможна внутренняя этимология, возводящая ее к глагольному корню **gel-* (*ge?* ~ *geya* ~ *gela* в словаре Спаньола) 'отделять, выделять, выбирать (что-л. или кого-л.)' — отсюда *gel-eŋ* 'отдельный, единственный, изолированный' (эти значения также зафиксированы словарно) с дальнейшим переходом в категорию простых нумеративов (ср. также еще одно производное образование — *бар gel-vre* [Sp.] 'уединенный; отшельник');

(б) возможной этимологической параллелью к лотуко-маа *=*bo-* в тесо-туркана является основа **bon* (**bo-n* ?) 'единичный, одинокий; только' (*тес bon* [HL], *трк bon* [Hn.] и др.);

(в) напротив, для пратесо-туркана *=*pe-* семантически и фонетически удовлетворительные параллели нигде не обнаружены. Следует в целом отметить, что тесо-туркана система числительных производит впечатление «обновленной» по сравнению с системой в лотуко-маа — так, в частности, пра-ТЛМ числительное '5' (*=*miet-* [Vossen 1982: 367]) было вытеснено в тесо-туркана словом

**kan*, т. е. 'рукой' (см. выше), хотя это, разумеется, не отменяет необходимости найти разумное этимологическое объяснение для основы *=*pe*-.

Таким образом, к внешнему сравнению в значении '1' следует привлекать в первую очередь этимон *=*bo*-, и далее, уже с меньшей вероятностью, — тесо-туркана *=*pe*- (подчеркнем, что, несмотря на фонетическое сходство, возвести их к одной и той же праформе невозможно).

36) «дождь»: (а) тес *ā=kírù* [V.], *a=kiru* [HL], трк *í=kìrù*, мн. ч. *ηλ=kirù-ì* [Hn.], *a=kyur*, мн. ч. *ηa=kyuru-syo* [Oh.], кри *á=kirú* [V.], *ā=kirū* [No.], ньн *ε=kvru*; (б) лот *á=xidè* [V.], *n'a=kede* [Rg.]; (в) охо *ō=xūzū*, дон *kuzi* [Dr.], лок *ō=γúzú* [V.], *o=k^huzi* [Dr.], бар *kūdú* [V.], *kudú* [Sp.], ккв *kūdú*, кук *kūdú*, нпн *kūdú*, пдж *kūdú*, нгв *kūdú*, мон *kūdú*; (г) дон *xái* [V.], лоп *xái* [V.], *kai* [Dr.], маа *ēn=kái* [P.], *ēη=kái* [V.], онг *nā=hái*; (д) чам *ēn=čán* [V.], *n=čán* [Hn.], смн *ēn=čán*. || V.: правост.-нил. *=*k₄uid³u*-; пралотуко-маа *=*k₃ai* ~ *=*k₃ai*.

Данный этимон очевидно неустойчив и, более того, обнаруживает признаки семантического пересечения. Наиболее широкую дистрибуцию имеет группа форм (в), представленная в бари (общебари **k'idu*) и в ряде диалектов лопит-лотуко (праформа *=*k'izi*, она же проецируется и на общевост.-нилотский уровень). Родственные формы обнаруживаются и в ветви тесо-туркана, но в значениях 'небо', 'бог': тес *a=kuzi* [HL] 'небо' (ср. также наречие *kuzi* 'наверху, сверху'), трк *ì=kùz* [Hn.] 'бог', кри *a=kuz* [Bader] 'бог', возможно, также *kiz-u* 'север' (= 'небесная сторона'). Только в языках онгамо-маа пока не удалось найти никаких следов этой основы. Здесь с полисемией 'дождь' / 'небо' / 'бог' на прауровне восстанавливается основа *=*k'ai*; из-за ее многозначности во многих конкретных диалектах значение 'дождь' перешло на корень *=*čan*, первоначально, по-видимому = 'сезон проливных дождей; непрекращающийся ливень' (такая семантика у этой основы наблюдается в ряде западных диалектов; она допускает дальнейшее сопоставление с тес = *čan* 'страдать; бедствие, несчастье', бар *san* 'беда, несчастье', хотя семантическая связь нуждается в ареально-типологическом подтверждении).

Общелотуко-маа *=*k'ai*, в свою очередь, допустимо сопоставлять с бар *kí* [Sp.] 'небо; верх, наверху' — по-видимому, тот же корень, что и в глагольной основе *kí* 'подниматься'; стяжение *-*ay*

→ -i (-i) в ауслаутной позиции в бар недоказуемо, но и неопровержимо, тем более учитывая, что само по себе в этом языке оно практически не встречается.

Происхождение тесо-туркана $*=kiru \sim *=kírú$, а также лот $\acute{a}=xíðè$ остается неясным (лот $\acute{a}=xíðè$ можно пытаться вывести из $*a=kai-de$, т. е. объяснить как суффиксальное расширение все той же основы $*=k'ai$, но для этого требуется как-то аргументировать суффиксальный статус компонента $*-de$, что на текущем этапе наших сведений о словообразовательной морфологии в лот сделать не удастся).

В целом видно, что общая неустойчивость разбираемого этимона скорее всего связана с полисемией 'дождь / небо / бог', типичной для всего затрагиваемого ареала и время от времени приводящей к необходимости вторичного лексического разведения этих значений. Судя по тому, что значения в языках бари в целом согласуются с ситуацией в онгамо-маа, исходную семантику общевост.-нилотских основ $*k'úz-$ и $*k'ai$ можно восстановить как 'дождь' и 'верх / подниматься вверх' соответственно; не исключено, что уже на этом уровне оба слова могли использоваться в значениях 'небо' (первое — в «природно-погодном» аспекте, второе в религиозном); это, в свою очередь, послужило дальнейшим толчком к различного рода контаминациям и замещениям.

К внешнему сравнению, исходя из соображений дистрибуции и семантики, в значении 'дождь' в первую очередь привлекается основа $*k'úz-$; архаичность значения 'дождь' для основы $*k'ai$ исключена, но лишь при условии, что бар $kí$ 'небо, верх, подниматься' — действительно один из ее рефлексов в современных языках.

37) «дым»: тес $\acute{a}=púrū$ [V.], $a=puru$ [HL], трк $\grave{a}=pùrù$ [Hn.], $a=puru$, мн. ч. $\eta a=puru-syo$ [Oh.], кри $\acute{a}=púrū$ [V.], нын $\varepsilon=bvru$, лот $\acute{a}=fùrò$, $na=furo$ [Mu.], $n'a=puro$ [Rg.], охо $\tilde{a}=fūr$, лоп $fúríò$ [V.], $furyo$ [Dr.], дон $fúríò$ [V.], $furo$ [Dr.], док $\tilde{a}=vúró$ [V.], $a=vuro$ [Dr.], маа $\tilde{e}m=púrú-ó$ [P., V.], чам $m=púró$ [V., Hn.], смт $m=púró$, онг $nà=\beta\grave{u}rì-ó$, бар $kó=púró-t$ [V.], $kò=púrò-t$ [Sp.], ккв $kò=píró$, кук $kō=púró-t$, нпг $kō=púró-t$, пдж $púró-t$, нпв $púró-t$, мон $púrú-t$. || V.: правост.-нил. $*=puruo-$.

На первый взгляд, на уровне пра-ТЛМ однозначно выделяется основа $*=puru-$ 'дым'. Однако дальнейший анализ показывает, что она на самом деле (по крайней мере, формально) произведена от глагольной основы $*=pur(i)-$ 'дымиться': ср. тес $a=pur(i)$ [HL] и особенно бар $puri$ [Sp.]. Такие формы в языках лотуко-маа, как

доп *fúri-ò* и онг *=βùrì-ó*, показывают, что на уровне пралотуко-маа реконструкция именной основы должна иметь вид **=puri-o*. Это подтверждается и на более глубоком уровне: только присутствие *i*-образного звука в основе может объяснить переогласовку на *ö* в большинстве диалектов бари (**ka=puri-o* → **ka=purö* → **kò=purö* и т. п.), не говоря уже о девиантной огласовке корневого вокализма *-i-* в ккв. В тесо-туркана **=puri-o* стянулось в **=puri*.

Следует также учесть, что префикс *kò* ~ *ko* = в языках бари не имеет непосредственного отношения к правост.-нилотскому именному префиксу **k(1)=*: в данном случае это «слабопродуктивный» префикс, по определенной модели образующий в языках бари отглагольные существительные, и этимологическая связь его с **k(1)=*, хотя и допустима, требует подробного обоснования.

Таким образом, на уровень внешнего сравнения будет выноситься основа **puri-*, которая в правост.-нилотском языке относилась к числу глагольных ('дымиться'), но явно могла выполнять и именные функции.

38) «звезда»: (а) тес *ā=kāñr-ét* [V.], трк *é=káñr-ít*, мн. ч. *ñi=káñér* [Hn.], *e=kanar-it*, мн. ч. *ñi=kajer* [Oh.], нын *a=qanjir*; (б) тес *a=cer-it*, мн. ч. *a=cer* [HL], трк *é=káčér-ít*, мн. ч. *ñi=káčér* [Hn.], кри *é=qáčér-ít* [V.], *è=káčér(it)*, мн. ч. *ñi=káčér* [Bader], бар *kāsīr-ókòtì* [V.], *kaser-eketì*, мн. ч. *kaser* [Sp.], ккв *kāsīr*, кук *kōsīr-òtì*, нпп *kōsīr-ókòtì*, пдж *kōsīr-é*, нтв *kāsīr-ékètì*, мон *kōsīr-ókòtì*; (в) доп *ākér-í* [V.], *kaker* [Dr.], дон *xáčér-í* [V.], *kaç^heri* [Dr.], маа *āl=ákír-á* [P., V.], чам *l=ákír-á*, мн. ч. *l=àkír* [Hn.], *āl=ákír-á* [V.], смпп *āl=ákír-á*, онг *ð=hàkèṛá-t*, мн. ч. *ð=hàkèṛà*; (г) лот *é=lèlèf* [V.], *e=lélyef* [Mu.], *ne=le'lip* [Rg.], док *ō=γí=lièp* [V.], *o=ki=lev(i)* [Dr.], охо *ā=xilā*.

В монографии Фоссена нет даже попытки реконструкции на правост.-нилотском уровне этимона 'звезда' — скорее всего, ввиду столь значительного разброса вариантов по конкретным языкам и подгруппам. В целом ситуация здесь до некоторой степени напоминает аналогичный казус в зап.-нилотской группе: в ряде ветвей и даже в конкретных языках зафиксировано по две основы, каждой из которых в словарных описаниях дается значение 'звезда'.

Наиболее широкою дистрибуцию имеет основа, являющаяся единственным (и вполне устойчивым) эквивалентом значения 'звезда' в языках бари: **kasir-* (с особой сингулятивной формой **kasir-akati*). Она обнаруживает прямую параллель в ряде языков

тесо-туркана (*=*kaçer*-; *тес а=çer-it* — вероятно, вторичное стяжение из **a=kaçer-it*, хотя фонетическими факторами объяснить его невозможно; скорее всего, речь идет о вторичном морфологическом переразложении) и, таким образом, на первый взгляд является оптимальным кандидатом на правост.-нилотский статус (с итоговой реконструкцией **k'açer*-). Отметим сразу же, что *дон* *xāçēr-í* 'звезда', несмотря на фонетическое сходство, к этой группе форм не относится (см. ниже).

В ветви тесо-туркана главный альтернативный вариант — основа *=*kaɲer*- ~ *=*kaɲir*-, дополнительно распределенная с *=*kaçer*- в зависимости от диалекта: в частности, для *трк* Б. Хайне эксплицитно отмечает, что форма *é=k'áɲàr-ít* употребляется в восточных диалектах, а *é=k'áçèr-ít* — в западных. В ветви лотуко-маа на передний план выходит основа *=*k'akir*- ~ *=*k'aker*- (все языки подветви онгамо-маа, а также *лоп* и *дон*: *дон* *xāçēr-í* — результат регулярной палатализации из **xaker-i*, ср. выше аналогичную палатализацию велярного согласного в слове 'ухо' именно для этого диалекта, а также, например, *çúxà-ì* 'дорога' ← пралопит-лотуко **kíkɔ-i* и др.). Помимо этого, в подветви лотуко-локойя имела место еще одна инновация: значение 'звезда' стало выражаться корнем *=*l(i)er*, исходный смысл которого надежно определить не удастся (конкретные варианты основы — либо *=*kl=ler*, как в *лок*, либо удвоенный *=*le=ler*, как в *лот*, возможно, в результате ассимилятивного развития из *=*ye=ler*).

Ввиду очевидной фонетической близости всех трех основных вариантов — **k'aker*-, **k'açer*-, **k'aɲir*- — а также «пересеченности» их дистрибуции по конкретным ветвям, не согласующейся с оптимальной таксономией вост.-нилотской группы, и невозможностью убедительной этимологизации их на взаимной основе, чрезвычайно соблазнительно было бы считать их реальными «вариантами» одного и того же корня. До некоторой степени это удастся обосновать в отношении **k'aker*- и **k'açer*-:

(а) для прабабри **kasir*- допустима палатализация из **kakir*-, т. к. рефлексация велярных согласных в соседстве с передними гласными в интервокальной позиции в этом праязыке установлена нетвердо (ср. также гипотезу о палатализации **k*- в начальной позиции в слове 'ухо');

(б) в языках тесо-туркана палатализация **kaker*- → **kaçer*- невозможна; однако для тех языков, в которых представлена

палатальная аффриката (кри, западные диалекты трк), можно предположить ареальное влияние со стороны зап.-нилотских языков южно-луо ветви (ачоли, ланго), в которых основа **cer-* — базисный эквивалент значения 'звезда'; учитывая не только базисную, но и культурную значимость этого термина, ареальная диффузия (в виде как прямого заимствования, так и контаминации с исходновост.-нилотской основой **kaker*=) здесь была бы вполне естественным вариантом.

С другой стороны, такой сценарий все равно не объясняет вариант **kʷir-* и основан на чересчур большом числе недоказанных (или недоказуемых) допущений, так что в наших лексикостатистических подсчетах мы предпочитаем все-таки разводить все три варианта, а к внешнему сравнению следует привлекать их в следующем порядке ранжирования: (а) **kʷaker-* (как основа, уверенно реконструируемая на глубоком уровне пралотуко-маа и, возможно, также являющаяся источником прабари **kasir-*); (б) **kʷacer-* (при условии, что бари **kasir-* все-таки не восходит к **kakir-*); (в) **kʷʷir-* (скорее всего, этот вариант — инновация на уровне пратесотуркана, но есть и небольшая вероятность его архаичности).

39) «камень»: (а) тес *á=mòr-ù* [V.], *a=mor-u*, мн. ч. *a=mor* [HL], трк *à=tór-ú*, мн. ч. *ηá=mòr* [Hn.], *a=mor-u*, мн. ч. *ηa=mor-u* [Oh.], кри *á=mór-ú* [V.], ннн *=muri*, лот *ā=mórù-ò* [V.], *a=morw-o* [Mu.], охо *ō=mōr-wō*, лоп *mórú-ó*, дон *mórú*, лок *ō=múr-əŋ*, онг *nà=múrú*, мн. ч. *nà=múrú*; (б) маа *ō=sóit* [P., V.], чам *sóit* [V.], *sóit* [Hn.], смц *sóit*; (в) бар *ηúrúp-it* [V.], *ηúrúp-it* [Sp.], ккв *ηúrúp-it*, кук *ηúrúp-it*, нпц *ηúrúp-it*, пдж *ηūrūp-īt*, нгв *ηúrúp-it*; (г) мон *túrúk-ùtì*. || V.: правост.-нил. *=*meor-*.

Пра-ТЛМ рефлекс данной основы восстанавливается Фоссеном в виде *=*mor-u*, однако эта реконструкция игнорирует столь важную форму, как онг *nà=múrú*; здесь, в отличие от языков тесотуркана и лопит-лотуко, сохраняется старый передний гласный сингулятивного суффикса, позволяющий реконструировать всю парадигму в виде ед. ч. *=*mɔr-ɪo*, мн. ч. **mɔr-v* (различного рода ассимилятивные процессы мешают однозначно восстановить вокализм без более детального исследования; противопоставление дифтонгического сочетания в ед. ч. монофтонгу в мн. ч., тем не менее, косвенно подтверждается формами в тесотуркана, где ауслатный монофтонг полностью апокопируется, а дифтонг — только редуцируется до монофтонга).

Этот же передний гласный в сингулативе позволяет избежать реконструкции на правост.-нилотском уровне сомнительного корневого дифтонга *-eo-*: Р. Фоссен вынужден вводить его из-за параллелей в ветви бари, где данная основа сохраняется в значении 'гора', но имеет при этом огласовку корня *ε*: бар, кук, нгц, пдж *méré*, нв *méré-(y)á*, мон *mérè*. Поскольку этот случай, по собственному признанию Фоссена, уникален, его уместнее списывать на нетривиальное вокалическое развитие в относительно редком контексте: переогласовка **ɔ* → **ε* под влиянием суффиксального гласного **i*, т. е. **mɔr-io* → **mɛr-io* → **mɛr-ε*. (Вариант переогласовки в бари рассматривается Фоссеном как возможная альтернатива, однако он почему-то не увязывает его с формой в он).

Если корню **mɔr-* на правост.-нилотском уровне была присуща полисемия 'камень' / 'гора' (именно такая ситуация наблюдается в ветви тесо-туркана), то группы форм (б), (в), (г) должны оказаться инновациями. С точки зрения дистрибутивного критерия несомненно инновативна общемаа (но не онгамо!) основа **=soit*, происхождение которой неясно (причем старая основа еще сохраняется в маа как *ɔl=mɔrú* [P.] 'твердый камень, твердая скала'); явно инновативна — если она вообще аккуратно зафиксирована именно в базисном значении 'камень' — форма *túruk-ùti* в мон, ср. бар ед. ч. *turuk-ti*, мн. ч. *torok* [Sp.] 'камушек, голыщ, градинка'. Единственным «конкурентом» для **mɔr-* оказывается общевари основа **ɲurɪp-*, реконструируемость которой на этом уровне позволяет предположить альтернативный сценарий — вост.-нил. **mɔr-* 'гора' vs. **ɲurɪp-* 'камень', с последующей нейтрализацией обоих значений в **mɔr-* на уровне пра-ТЛМ. Однако здесь есть три контраргумента:

(а) при такого рода нейтрализации скорее можно было бы ожидать выбор в пользу исходного 'камня', чем 'горы', т. е. сохранения в ТЛМ скорее основы **ɲurɪp-*, нежели **mɔr-*;

(б) что еще существеннее, триконсонантная основа **ɲurɪp-* в бари уже в силу своей структуры не производит впечатления архаичной: высока вероятность ее исторической разложимости на **ɲi=rɪp-*, где **ɲV=* (гласный префикса может быть ассимилирован вокализмом корня) — застывший словообразовательный префикс (гипотетический префикс *ɲε=* постулируется уже у Фоссена [Vossen 1982: 204]); в этой связи любопытно привлечь к сравнению

такую глагольную основу, как бар *rupi* [Sp.] 'ковать железо' и особенно именное производное *rupi-et* 'каменная наковальня', хотя, конечно, никакой регулярной модели для образования от этого корня префиксальной основы **ηи=гир-* на данном этапе постулировать нельзя, так что гипотеза в целом остается спекулятивной;

(в) есть вероятность того, что на правост.-нилотском уровне значения 'камень' и 'гора' все же различались лексически: на уровне пралотуко-маа надежно восстанавливается корень **doη-* 'гора' [Vossen 1982: 397], далее сопоставимый с бар *dɔŋgɔl-ε?* [Sp.] 'вершина; (горный) пик'. В этом случае **mɔr* — точно 'камень', а не 'гора'.

40) «солнце»: (а) тес *ā=kɔlɔŋ* [V.], *a=kolon* [HL], трк *á=kɔlɔŋ* [Hn.], *a=kolon* [Oh.], кри *á=qòlɔŋ* [V.], *á=kɔlɔŋ* [No.], нын *=kɔlɔŋ*, лот *ɔlɔŋ* [V.], *ɔlɔŋ* [Mu.], *n=o:lon* [Rg.], охо *ɔ̄=xɔlɔŋ*, доп *xɔlɔŋ* [V.], *kɔlon* [Dr.], дон *xɔlɔŋ* [V.], *kolon* [Dr.], док *ɔ̄=ɣɔlɔŋ* [V.], *o=kʰolon* [Dr.], маа *ɛn=kɔlɔŋ* [P.], *ɛŋ=kɔlɔŋ* [V.], чам *ɛŋ=kɔlɔŋ* [V.], онг *nà=hɔɔŋ*, бар *kɔlɔŋ* [V.], *kɔlɔŋ* [Sp.], ккв *kɔlɔ*, кук, нгц, пдж, нгв, мон *kɔlɔŋ*; (б) чам *l=dámà* [Hn.], смц *n=dámà*. || V.: правост.-нил. **kɔlɔŋ-*.

Этимон чрезвычайно устойчив; только в ряде диалектов маа он вытесняется основой **dama*, которая в собственно маа имеет значение 'день; дневной свет' (маа *ɛn=dámà* [P.]). Все остальные языки и диалекты стабильно отражают основу **kɔlɔŋ*, где *-η* может быть как застывшим показателем сингулятива (в этом случае исходное морфологическое членение — **kʷɔlɔ-η*) или частью корня (в этом случае членение — **kɔ=lɔŋ*, с ассимиляцией ← **kɪ=lɔŋ* уже на правост.-нилотском уровне). Пока что более вероятным выглядит членение **kʷɔlɔ-η*, т. к. велярный префикс присутствует здесь и в языках бари, а это, как видно из многочисленных обсуждавшихся выше примеров ('рука', 'голова' и др.), свойственно в основном корням со старым вокалическим анлаутом.

41) «хвост»: (а) тес *ɛ=kúrì* [V.], *e=kori* [HL]; (б) трк *é=kòsim*, мн. ч. *ηí=kòsim-íá* ~ *ηí=kòsim-án* [Hn.], *e=kosim*, мн. ч. *ηí=kosim-an* [Oh.], кри *é=qòðim* [V.]; (в) нын *la:do*; (г) лот *á=lísá* [V.], *a=lisa* [Mu.], доп *rísá*, дон *lísá*, док *ā=lísàŋ*; (д) маа *ɔl=kī=dɔŋɔ̄-î* [P.], *ɔl=kī=dɔŋɔ̄-ì* [V.], чам *ɔl=kī=dɔŋɔ̄-ì* [V.], *l=kī=dòŋɔ̄-ì* [Hn.], смц *ɔl=kī=dɔŋɔ̄-ì*; (е) онг *ò=kì=tèrè-è*, мн. ч. *ò=kì=tèrè-zi*; (ж) бар *kót-ét* [V.], *kɔt-et* [Sp.], ккв *kót-é*, кук, нгв *kót-èt*, нгц, пдж, мон *kót-ét*.

Этимон 'хвост' в вост.-нилотских языках неустойчив даже на уровне отдельных подветвей, причем для большинства перечис-

ленных групп форм не удастся разыскать удовлетворительных этимологий. В ветви тесо-туркана чаще всего встречаются основы **=kɔsim* и **=lado*; первая из них производит впечатление производной в силу своей нетипичной структуры, но вычленив исходный корень невозможно из-за отсутствия дальнейших этимологических параллелей. Что касается **=lado*, то в сравнительных списках Фоссена эта форма приводится только для ньн, но она же обнаруживается и в дополнительных источниках по трк (*e=ɲi=lado* 'хвост, щетина, метелка' в [Barrett 1990: 38]) и по кри (*e=lado* 'хвост' в [Logiro, Пукор 2007: 78]), без каких-либо указаний на разницу в семантике между **=lado* и **=kɔsim*.

Тес *ē=kúrì* не имеет никаких параллелей в других языках этой же ветви; на более дальнем уровне допустимо сопоставление с маа *ɔl=kúrùm* [P.] 'анус', но этимология ненадежна из-за слабой дистрибуции корня.

На уровне пралопит-лотуко восстанавливается основа **=lisa-*, на уровне онгамо-маа — **=dɔŋɔ-* (в онг вытеснена инновацией *ò=kì=tèré-ì*, сопоставимой с маа *ol=terege*, мн. ч. *il=teregia* [Mol] 'мошонка'; однако в старой работе [Fleming 1965: 103] для онг приводится также эквивалент *o=g=dɔŋai* 'хвост' — не исключено, что в словаре [Heine, Vossen 1975] семантика слова *ò=kì=tèré-ì* была определена неправильно). Ни в тесо-туркана, ни в бари хороших параллелей для этих корней нет.

Что касается общебари основы **kɔt-et*, то она демонстрирует нетривиальную семантику: в словаре Спаньоло для нее отмечены значения 'веер; хвост; руль; стебель', что позволяет рассматривать ее как производную от глагольного корня *kɔt* 'дуть, продувать, проветривать' (конкретный семантический сценарий имел бы следующий вид: 'дуть, выдувать (через стебель, соломинку и т. п.)' → '(полый) стебель' → 'хвост').

В целом, по-видимому, следует признать нереконструируемость на данном этапе этимона 'хвост' даже на уровне пра-ТЛМ: практически любая из основ (а)-(д) может претендовать на архаичный статус, и столь же вероятна гипотеза, согласно которой все эти основы — семантические инновации, связанные с сильнейшей тенденцией 'хвоста' к постоянной метафоризации в данном ареале (хотя по-настоящему наглядно эта метафоризация просматривается только в бари). Остается лишь надеяться, что дальнейшая

работа над вост.-нилотской этимологией позволит прояснить происхождение хотя бы некоторых из перечисленных форм (что, в том числе, имело бы большое значение для семантической типологии значения 'хвост').

42) «ты»: тес *ĩzô* [V.], *izo* [HL], трк *iyôŋ* [Hn.], *iyon* [Oh.], кри *íyóŋ* [V.], *íyóŋ* [No.], нын *iyuo*, лот *iyé* [V.], *ie* [Mu.], охо *iyē*, дон, дон *iyuē*, док *iyē*, маа *iyíé* [P.], *iyué* [V.], чам *iyé* [V.], *iyué* [Hn.], смт *iyué*, онг *iyué*, бар *dó* [V.], *dó* [Sp.], ккв, кук, нп, пдж, нгв, мон *dó*. || V.: пралотуко-маа **iyue*.

Как и в случае с местоимением 1-го л., на правост.-нилотском уровне гораздо легче реконструировать приглагольный субъектный показатель 2-го л. ед. ч. (который почти во всех языках имеет вид **ɪ* = [Tucker, Bryan 1966: 470]), чем самостоятельное личное местоимение: даже Р. Фоссен в своей монографии вынужден в данном случае ограничиться реконструкцией на уровне пралотуко-маа, хотя вряд ли есть основания сомневаться в том, что лотуко-маа **iyue* этимологически связано по крайней мере с формами в тесо-туркана (с бари ситуация сложнее). Сценарий, наиболее обстоятельно учитывающий все известные нам данные, выглядит примерно следующим образом:

(а) в отличие от местоимения 1-го л., конечный *-ŋ* в формах местоимения 2-го л. имеет гораздо более узкую дистрибуцию — он представлен только в подветви туркана-каримоджонг ветви тесо-туркана. Поскольку нет никаких оснований предполагать, что фонетическая структура местоимения 2-го л. в большей степени способствовала выпадению *-ŋ*, чем структура местоимения 1-го л., разумно заключить, что туркана-каримоджонг **iyon* ← **iyo* под аналогическим влиянием **ayuŋ* 'я';

(б) для тес *ĩzô* более вероятно происхождение из **iyuo*, чем **iyo*, т. к. далеко не каждый *-y-* в этом языке становится палатальной аффрикатой в срединной позиции. Таким образом, для пратесо-туркана допустима реконструкция **iyuo* с таким же удвоением глайда, как и в лотуко-маа;

(в) сравнение тесо-туркана **iyuo* с лотуко-маа **iyue* предполагает бóльшую архаичность первого варианта, т. к. для второй формы легко предположить ассимилятивное развитие (**-o* → **-e* под одновременным влиянием не менее трех «палатальных» сегментов); корректность этого решения в дальнейшем подтверждается формами в бари;

(г) прабари **dɔ* вполне сопоставимо с **iyyo*, если учесть, что **d* в бари — регулярный рефлекс не только правост.-нилотского **d*, но и **ɖ* (см. ниже 'язык'); это позволяет реконструировать развитие **iyyo* → **yuo* → **ɖo* → **dɔ* (с допущением нерегулярной редукции вокалического анлаута, которая отчасти объясняется тем, что вокалический анлаут в бари — явление вообще очень редкое).

Таким образом, в конечном итоге все формы реалистично сводятся к единому прототипу **iyyo* ~ **iyyo* (определить исходную +/-ATR характеристику этой основы трудно). Учитывая явную близость этой формы к субъектному показателю **i-*, ее можно рассматривать только как составную, на что недвусмысленно намекает и геминированный *-yy-* — редкий кластер, способный возникнуть только на морфемном стыке. Сопоставление с местоимением 1-го л. **a-ni 'я'* предполагает возможность внутренней реконструкции **i-ni-ɔ*, с присоединением суффиксального компонента **-ɔ* уже на правост.-нилотском уровне: это могло вызвать консонантизацию вокалического элемента (→ **i-ny-ɔ*) с последующей ассимиляцией (→ **i-yy-ɔ*).

Наиболее сложным моментом этого (как, впрочем, и любого альтернативного) сценария остается функция суффикса **-ɔ*: неясно, в частности, почему он оказался присоединен только к местоимению 2-го л. ед. ч. Тем не менее, каков бы ни был ответ на этот вопрос, нет серьезных оснований сомневаться в том, что главным носителем значения 2-го л. ед. ч. в правост.-нилотском был моновокалический элемент **i*.

43) «язык»: тес á=ηǎžèr [V.], а=ηазер [HL], трк l=ηǎžèr, мн. ч. ηl=ηǎžlǎr-íí ~ ηl=ηǎžlǎr-in [Hn.], а=ηазер, мн. ч. ηа=ηазер-а [Oh.], кри а=ηаdyér [V.], ньн =ηазéb, лот ɔ=ηǎžèr [V.], мн. ч. а=ηаdyef [Mu.], охо ū=ηǎdiēr, доп ηǎžér, дон ηǎdér, док v̄=ηǎžír, маа ɔl=ηéžér [P., V.], чам l=ηéžér [V.], мн. ч. l=ηéžér, мн. ч. l=ηéžlǎr-í [Hn.], смп ɔl-ηéžér, онг ɔ=ηéžéβ-í, мн. ч. ɔ=ηéžéβ-á, бар ηédér [V.], ηeder [Sp.], ккв ηédér, кук, нгв, мон ηédér, нпп, пдж ηуédér. || V.: правост.-нил. ед. ч. **ηа=dʷer-*, мн. ч. **ηа=dʷer-a*.

Следуя изложенным выше соображениям, реконструкцию Фоссена мы реинтерпретируем в виде **ηазер*, с регулярной деаффрикативизацией в бари. Вокализм первого слога Фоссен справедливо восстанавливает как **a*, с последующей ассимиляцией **ηазер* → **ηэзер* в онгамо-маа и в бари; в бари упреждение первого

гласного в ряде случаев также приводит к частичной или полной палатализации велярного носового (ккв *jédér* и т. п.).

Морфологическое членение $*\eta a = d^{\eta} \epsilon p -$ ($= * \eta a = \mathfrak{z} \epsilon p -$) у Фоссена основано исключительно на внешних данных (ср. выше зап.-нилотскую реконструкцию $*l \epsilon (: p)$; в рамках вост.-нилотской ветви «застывший префикс» $*\eta a =$ выделяется автором только в данном случае, а также в несколько сомнительном этимоне $* = bul - \sim * = \eta a = bol -$ ‘фиговое дерево’ [Vossen 1982: 365], со слабой дистрибуцией в языках-потомках и не вполне адекватными вокалическими соответствиями. Из дальнейшего разбора южнонилотского материала будет видно, что компонент $*\eta a -$ в этимоне ‘язык’ необходимо возводить как минимум к общенилотскому состоянию и, следовательно, для зап.-нилотского $*l \epsilon (: p)$ не менее, а, возможно, и более вероятна гипотеза последовательной редукции и усечения первого слога. На правост.-нилотском уровне в любом случае данная основа восстанавливается как нерасчленимая именная со структурой $*CVCVC$.

44) «зуб»: тес $\bar{e} = k\bar{i} \bar{a} l - \bar{a} i$ [V.], $e = kel - ai$, мн. ч. $i = kel$ [HL], трк $\acute{e} - k \bar{e} l - \bar{n} i \sim \eta i = k \bar{e} l$ [Hn.], $e = k \bar{y} a l - ai$, мн. ч. $\eta i = k \bar{y} a l$ [Oh.], кри $\acute{e} = q \bar{e} l - \acute{a} e$ [V.], ньн $n = k \bar{e} l$, лот $\acute{a} l \bar{a} - \bar{i}$ [V.], $al a y i$, мн. ч. $na = ala$ [Mu.], $n = \acute{a} la$, мн. ч. $n = \acute{a} l' \acute{a} - i$ [Rg.], охо $\bar{o} = x \bar{a} l \bar{a} - \bar{i}$, лоп $x \bar{a} l \acute{a} - \bar{t} i$, $k \bar{a} l a$ [Dr.], дон $x \bar{a} l \acute{a} - \bar{t} i$ [V.], $k \bar{a} l a - \bar{t} i$ [Dr.], док $\bar{o} = \gamma \bar{a} l \acute{a} - \bar{i}$ [V.], $o = k^h \bar{a} l a \sim a = k^h \bar{a} l a$ [Dr.], маа $\bar{o} l = \bar{a} l \bar{a} \bar{i}$ [P.], $\bar{o} l = \bar{a} l \acute{a} - \bar{i}$ [V.], чам $\bar{o} l = \bar{a} l \acute{a} - \bar{i}$ [V.], $l = \bar{a} l \acute{a} - \bar{i}$, мн. ч. $l = \bar{a} l \bar{n}$ [Hn.], смп $\bar{o} l = \bar{a} l \acute{a} - \bar{i}$, онг $\bar{o} = h \bar{a} \bar{a} - \bar{i}$, мн. ч. $\bar{o} = h \bar{a} \bar{a}$, бар $k \bar{e} l \bar{e}$, мн. ч. $k \bar{a} l \acute{a}$ [V.], $kele$, мн. ч. $k \bar{a} l a$ [Sp.], ккв $k \bar{a} l \acute{a}$, кук $k \bar{o} l \bar{o} - \bar{i}$, нгп $k \bar{o} l \bar{o} - \bar{i}$, пдж $k \bar{e} l \bar{e}$, нгв $k \bar{e} l \bar{e}$, мон $k \bar{e} l \bar{e}$. || V.: правост.-нил. $* = k_3 \bar{e} l a -$.

Фонетические и морфологические характеристики всех перечисленных форм настолько сходны, что родство их очевидно; при этом однозначная реконструкция анлаута данной основы чрезвычайно затруднительна. Так, на уровне прабари проще всего было бы восстанавливать парадигму с «первичной» формой мн. ч. $*kala$ и производным от нее сингулятивом $*kala - i$ ($\rightarrow kele \sim kele \sim k \bar{o} l \bar{o} i$ в языках-потомках). Однако простой суффикс сингулятива $* - i$ вряд ли способен вызвать полную переогласовку обоих гласных: именные основы вида $CaCi$ и $CaCe$ в бари вполне частотны, и непонятно, почему этот процесс должен был затронуть именно данную лексику и никакую другую.

То, что передний вокализм в форме ед. ч. присутствовал уже на правост.-нилотском уровне, подтверждают и данные по тесо-

туркана, хотя в одном отношении они еще более усложняют ситуацию: здесь в целом ряде случаев (тес $\bar{e}=k\bar{i}àl-\bar{a}i$ [V.], трк $e=kyal-ai$ [Oh.]) в первом слоге вместо $e \sim \epsilon$ наблюдается дифтонгическое сочетание. Впрочем, эта проблема временно снимается, если предположить вторичную дифтонгизацию в корне под влиянием дифтонгического же ауслаута (в языках тесо-туркана — относительно редкого).

По-видимому, здесь уже на правост.-нилотском уровне следует постулировать вокалическое чередование: ед. ч. $*kela-i$ / мн. ч. $*kala$. В ветви тесо-туркана оно выровнялось по ед. ч., в лотуко-маа по мн. ч.; бари — единственная ветвь, в которой оно в целом сохранилось, хотя рефлексy в ед. ч. изменились за счет дальнейших ассимилятивных процессов. При этом исходным корневым гласным в этом чередовании оказывается $*e$, т. к. объяснить развитие $*kala-i \rightarrow *kela-i$ невозможно (ассимиляция затронула бы в первую очередь гласный второго слога). Более правдоподобно развитие $*kel-a \rightarrow *kal-a$ (такой тип ассимиляции остается частично продуктивным и на менее глубоких уровнях, ср. смп $\bar{a}=y\bar{e}m$ 'выходить замуж', но $\eta=k\bar{i}=y\bar{a}m-\bar{a}$ 'свадьба' [Hn.]), с блокированием аналогичной ассимиляции в форме ед. ч. из-за гласного $*i$ в окончании.

45) «дерево»: тес $\acute{e}=k\bar{i}t\acute{o}-\bar{i}$ [V.], $e=kito-i$ [HL], трк $\bar{e}=k\bar{i}t\bar{o}-\bar{e}$, мн. ч. $\eta\bar{i}=k\bar{i}t\acute{o}$ [Hn.], $e=keto-i$, мн. ч. $\eta\bar{i}=kyot-o$ [Oh.], кри $\epsilon=k\bar{i}t\bar{o}-i$ [V.], $\bar{e}=k\bar{i}t\bar{o}-\bar{e}$ [No.], ньн $\eta a=k\bar{i}t\bar{o}$, лот $\acute{a}=y\bar{u}àni$ [V.], $a=y\bar{u}àni$ [Mu.], $n'a=y\bar{u}ani$, мн. ч. $na=y\bar{u}ani$ [Rg.], охо $\bar{o}=x\bar{u}ān\bar{i}$, доп $y\bar{u}ān\bar{i}$ [V.], $keta$, мн. ч. $koyek$ [Dr.], дон $s\bar{a}n\bar{i}$ [V.], $kyata-i$ [Dr.], лок $\acute{o}=y\bar{a}n-d\bar{i}k$ [V.], $a=kito-i$ [Dr.], маа $\bar{i}l=\bar{c}ān\bar{i}$, мн. ч. $\bar{i}l=k\bar{e}èk$ [P., V.], чам $\bar{i}l=\bar{c}ān\bar{i}$ [V.], $l=\bar{c}ān\bar{i}$, мн. ч. $l=k\bar{e}èk \sim l=\bar{c}ān\bar{i}-t\bar{i}$ [Hn.], смп $l=\bar{c}ēn\bar{i}$, онг $\bar{o}=\bar{s}ē\bar{t}\bar{a}$, мн. ч. $\bar{o}=\bar{k}éy\bar{e}$, бар $k\bar{o}d\bar{i}n\bar{i}$ [V.], $k\bar{o}d\bar{i}n-i$, мн. ч. $kaden$ [Sp.], ккв $k\bar{o}d\bar{i}n\bar{i}$, кук $k\bar{o}d\bar{i}n-\bar{i}$, нгп, пдж, нгв $k\bar{o}d\bar{i}n-i$, мон $k\bar{o}d\bar{i}$. || V.: пралотуко-маа $*=t^y\bar{u}ani$.

Реконструкция Р. Фоссена в данном случае затрагивает исключительно языки лотуко-маа и при этом не учитывает синхронной супплетивности парадигм в этих языках. На самом деле все разнообразие рефлексов этого единого корня в вост.-нилотских языках реалистично выводится из трехчленной парадигмы:

(а) «нейтральная» форма $*k^y\bar{e}y\bar{e}$ ($\leftarrow *k^y\bar{a}y\bar{e}?$), в чистом виде сохраняющаяся только в роли формы мн. ч. в онг ($\bar{o}=\bar{k}éy\bar{e}$); на обще-маа уровне к ней был добавлен суффикс мн. ч. $*-k$: $*k^y\bar{e}y\bar{e}-k \rightarrow *k\bar{e}ek$;

(б) форма мн. ч. **k'aye-n* 'деревья', сохраняющаяся в ветви бари (развитие **y* → **z* → **d* перед передними гласными в бари, по-видимому, регулярно: ср. такой убедительный пример, как бар *dén-* [V.] 'знать' = тес = *yén-* [V.], доп *hí=yén* id. и др.);

(в) форма ед. ч. **k'aye-t-* 'дерево', в тесо-туркана расширенная за счет дополнительного суффикса **ɔ* (→ **k'aye-tɔ*), а в онгамо-маа за счет гласного **a* (→ **k'aye-ta*). Трехсложная основа в обоих случаях подверглась редукции: → тесо-туркана **kye-tɔ* ~ **kɪ-tɔ*; → онгамо-маа **kye-ta*, откуда далее онг = *šɛ-tá* с закономерной палатализацией. В маа эта форма имеет вид *ɔl=ɕā-tá* [P.] и в ряде периферийных диалектов до сих пор сохраняется в значении 'дерево' (растущее), но чаще всего имеет семантику 'дерева, древесины' (материала).

Существенную поддержку именно такому сценарию оказывают внешние данные: ср. в первую очередь реконструированную выше зап.-нилотскую парадигму — ед. ч. **ya:-t*, мн. ч. **ye-n*. Однако уже на правост.-нилотском уровне такое соотношение форм ед. и мн. ч. вряд ли воспринималось как образец продуктивной модели; по-видимому, в значении ед. ч. старый вариант **k'aye-t-* уже тогда свободно конкурировал с новым сингулятивом **k'aye-n-i*, образованным от формы мн. ч. Этот сингулятив в нередуцированной форме засвидетельствован в ветви бари (→ **kayini* → **kazini* → **kōdini*; вариант *kōdīnɪ* с велярным носовым в ккв непонятен и нуждается в словарном подтверждении), в редуцированной — в лотуко-маа (**k'aye-n-i* → **kyaɪni* → **ɕani*).

Таким образом, к внешнему сравнению следует привлекать исходную основу **k'aye-*, учитывая при этом ее нетривиальные парадигматические характеристики (для «чистой» лексикостатистики они не существенны, но в классической компаративистике, как известно, обнаружение общих морфологических нерегулярностей — один из наиболее сильных аргументов в пользу генетического родства сравниваемых таксонов).

46) «два»: тес = *árè* [V.], *a=arei* [HL], трк = *àrèi* [Hn.], *ɲa=arei* [Oh.], кри = *árei* [V.], = *ārēi* [No.], ньн *ɣa:ri*, лот *arí-xèi* [V.], *arre-xäi* [Mu.], *a'rega* [Rg.], охо *ārē-xai*, доп *árí-k* [V.], *lo=k^h=orik* [Dr.], дон *ākū=āri* [V.], *ari* [Dr.], лок *ārē-ɣàì* [V.], *ari-k* ~ *are-k* [Dr.], маа *ārē* [P., V.], чам *ārē* [V.], *àré* [Hn.], смц *ārē*, онг *ò=hárè*, бар *mū=rék* [V.], *mū=rək* [Sp.], ккв *mū=ré*, кук, нпц, пдж, нгв, мон *mū=rék*. || V.: правост.-нил. **=re-(k)*.

На уровне ТЛМ легко реконструируется основа $*=are \sim *=ar\epsilon \sim *=ari$ (ауслаутный вокализм не вполне ясен; скорее всего, в разных ветвях представлены разные суффиксальные варианты, усложняющие ситуацию), иногда расширенная за счет префиксального $*=k=$ (отсюда вариант $y=a:ri$ в ньн, $=h=\acute{a}r\acute{e}$ в онг и т. п.). В языках бари этот же вариант основы обнаруживается в функции специальной счетной формы — ср. бар $\acute{o}ri$ [Sp.], с закономерной переогласовкой первого гласного. Что касается общебари основы $*mvre-k$ в списках Фоссена, то она представляет собой стяжение с префиксом $mv=$, который, по-видимому, восходит к наречию $*mv$ 'столько' (\rightarrow бар mv [Sp.] id.) и обнаруживается также и в других числительных первого десятка — ср., например, бар $mv=kan-at$ 'пять' ($\leftarrow *mv + *kan$ 'рука'), $mv=sal-a$ 'три' ($\leftarrow *mv + *sal$ '/один из трех/ камней очага').

Трудно сказать, является ли первый гласный в основе $*=are$ корневым: в частности, от раннебари $*mv=are-k$ не ожидалось бы стяжение в $*mv=re-k$, хотя нельзя исключать и специфического развития в связи с частотностью употребления формы. С другой стороны, никакого специального «нумеративного префикса» $*a=$ в языках ТЛМ вроде бы не обнаружено, так что к внешнему сравнению скорее следует все же привлекать двусложный вариант.

47) «вода»: (а) тес $\bar{a}=k\bar{i}=p\bar{i}$ [V.], $a=ki=pi$ [HL], трк $\eta/\acute{a}=k\bar{i}=p\bar{i}$ [Hn.], $\eta a=ki=pi$ [Oh.], кри $\eta a=ki=pi?$ [V.], $\eta \bar{a}=k\bar{i}=p\bar{i}$ [No.], ньн $\eta \acute{a}=k\bar{i}=p\bar{i}$, лоп $h\bar{i}=f\bar{i}-\acute{o}\eta$ [V.], $ki=fy-o\eta$ [Dr.], дон $ki=fi \sim ki=fy-o\eta$ [Dr.], онг $n\grave{a}=\acute{s}\bar{i}=\beta\bar{i}$, бар $p\bar{i}-\acute{o}\eta$ [V.], $p\bar{i}-o\eta$ [Sp.], ккв $p\bar{i}\acute{o}$, кук, нпц, пдж, нгв $p\bar{i}-\acute{o}\eta$, мон $\acute{c}\bar{i}=p\bar{i}$; (б) лот $\acute{a}=\grave{a}r-\acute{e}$ [V.], $na=ar-i$ [Mu.], $n=a:r-i$ [Rg.], охо $\bar{a}=x\bar{a}r-\acute{e}$, дон $x\bar{a}r-\acute{i}$ [V.], лок $\bar{a}=\gamma\bar{a}r-\acute{e}$ [V.], $a=k^h ar-i$ [Dr.], маа $\bar{e}n=k\acute{a}r\acute{e}$ [P.], $\bar{e}\eta=k\acute{a}r-\acute{e}$ [V.], чам $\bar{e}\eta=k\acute{a}r-\acute{e}$ [V.], $n=k\acute{a}r\acute{e}$ [Hn.], смц $\bar{e}\eta=k\acute{a}r-\acute{e}$. || V.: правост.-нил. $*=pi$.

Реконструкция основы $*pi$ 'вода' на общевост.-нилотском уровне не подлежит сомнению, равно как и архаичность суффиксального варианта $*pi-o\eta$, где $*-o\eta$ — один из показателей сингулятива. На уровне лотуко-маа, однако, зафиксирована «конкуренция» этой основы с инновацией $*=k^h ar-\epsilon$. Исходное семантическое различие между $*pi$ и $*=kar-\epsilon$ хорошо видно в онг, где $n\grave{a}=\acute{s}\bar{i}=\beta\bar{i}$ = 'вода', а $n\grave{a}=h=\acute{a}r\acute{e}$ = 'река'; архаичность этой оппозиции доказывается аналогичностью ситуации и в бар, где $p\bar{i}-o\eta$ = 'вода', а $kar-\epsilon$ [Sp.] = 'река'. Очевидно, что уже на уровне пралотуко-маа начался процесс частичной нейтрализации семантической оппозиции 'вода' /

‘река’, доведенный до логического завершения в прамаа и в большинстве современных языков ветви лопит-лотуко. Тем не менее, на уровень внешнего сравнения в значении ‘вода (питьевая)’ можно выносить только корень $*=r\dot{i}-$; общевост.-нил. основа $*k'ar-\varepsilon$ ‘вода (текущая), река’ в статистических подсчетах участия принимать не может.

48) «мы»: (а) тес $s\dot{i}\dot{\eta}$ [V.], $i=sio$ [HL] (экскл.), трк $s\dot{u}\dot{\lambda} \sim s\dot{u}\dot{\lambda}$ [Hn.], sua [Oh.] (экскл.), кри $\dot{i}=z\dot{v}\dot{a}$ [No.] (экскл.); (б) тес oni [HL] (инкл.), трк $\eta\dot{o}n\dot{i} \sim \eta w\dot{o}n\dot{i} \sim \eta\dot{o}:n$ [Hn.], $\eta\dot{o}:ni$ [Oh.] (инкл.), кри $\dot{i}=w\acute{o}n$ [V.], $\dot{i}=w\acute{o}n$ [No.] (инкл.), нын $w\acute{o}:ni$; (в) лот $x\acute{o}x\dot{\delta}\dot{i}$ [V.], $x\acute{o}x\dot{\delta}$ [Mu.], охо $\acute{o}x\dot{\delta}\dot{i}$, лоп $\dot{i}y\dot{u}\acute{o}x\dot{\delta}\dot{i}$, дон $\acute{u}\acute{o}x\dot{\delta}\dot{i}$, лок $\acute{y}\acute{u}\dot{\delta}\dot{\delta}\dot{i}$, маа $\dot{i}y\acute{o}:(-k)$ [P.], $\dot{i}y\dot{u}\acute{o}:k$ [V.], чам $\dot{i}y\acute{o}:$ [V.], $\dot{i}y\acute{o}:$ [Hn.], смц $\dot{i}y\acute{o}:$, онг $\dot{i}y\dot{u}\acute{o}:$, бар $y\acute{i}?$ [V.], $y\dot{u}?$ $\sim y\dot{u}?$ [Spr.], ккв, нпц, нгв $y\acute{i}$, кук $y\acute{i}?$, пдж, мон $y\acute{i}?$.

Надежность реконструкций вост.-нилотских форм личного местоимения 1-го л. мн. ч. ограничена уровнем отдельных ветвей:

(а) на уровне прабари восстанавливается форма $*y\dot{u}?$ $\sim *y\dot{u}?$, гортанная смычка в которой недвусмысленно указывает на отпадение конечного согласного (ср. выше ‘луна’);

(б) в онгамо-маа полная форма $*\dot{i}y\acute{o}:k$ еще сохраняется в собственном маа, но в остальных диалектах конечный велярный отпал. То, что речь здесь идет именно об утрате, а не наращении лишнего сегмента, видно по ближайшим параллелям в лопит-лотуко: ср. лоп $\dot{i}y\dot{u}\acute{o}x\dot{\delta}\dot{i} \leftarrow *i\dot{y}\acute{o}:k-\acute{a}i$, где конечный дифтонг был присоединен в ходе выравнивания парадигмы по форме 2-го л. мн. ч. (лоп $\acute{i}tai$ ‘вы’ = маа $\acute{i}tai$ id.). По-видимому, маа сохраняет здесь архаичную «асимметричную» парадигму $*\dot{i}y\acute{o}:k$ ‘мы’ : $*\acute{i}tai$ ‘вы’, которая на уровне пралопит-лотуко трансформировалась в $*i\dot{y}\acute{o}:k-\acute{a}i$ / $*\acute{i}t-\acute{a}i$ и далее подверглась дополнительным ассимилятивным и аналогическим изменениям в конкретных языках (включая даже совсем радикальную трансформацию в лок, где $\acute{y}\acute{u}\dot{\delta}\dot{\delta}\dot{i} \leftarrow *i\dot{y}\acute{o}:k$ с заменой k на t под влиянием местоимения 2-го л. мн. ч. — по-видимому, компонент $-\acute{a}i$ был здесь переосмыслен как формант множественного числа);

(в) ветвь тесо-туркана — единственная, в которой последовательно наблюдается оппозиция по ключивности, причем эксклюзив представлен трудноводимыми друг к другу вариантами $*s\dot{i}\dot{\eta}$ в тес (конечный $-\eta$, скорее всего, приобретен по аналогии с формами других личных местоимений, см. выше ‘я’ и ‘ты’) и $*s\dot{v}\acute{a}$ в трк-кри, а инклюзив — формой $*w\acute{o}n\dot{i} \sim \eta w\acute{o}n\dot{i}$ (вариант с началь-

ным велярным носовым зафиксирован только в трк, но объяснить его как результат вторичного наращения трудно).

Архаичность этой оппозиции крайне сомнительна, т. к. само по себе противопоставление по кюзивности для нилотских языков нетипично: в южнонилотских языках оно отсутствует в принципе, а устройство его в отдельных ветвях западной группы (см. выше) не имеет ничего общего с его устройством в тесо-туркана. Никаких намеков на то, что тесо-туркана наследуют обществ.-нилотское состояние, также не наблюдается, и, наконец, важно отметить, что в системе глагольного спряжения эта оппозиция отсутствует как класс даже в самих языках тесо-туркана, где значение 1-го л. мн. ч. выражается префиксом **ki=*.

С другой стороны, финальную точку в этом вопросе может поставить лишь убедительная этимологизация обоих местоимений, говорить о которой пока что преждевременно. К тому же, если для «s-эксклюзива» в тесо-туркана действительно не подбираются внешние параллели, то инклюзив, наоборот, обнаруживает разительные сходства в языках луо (ср. выше ануа *ɔ́ní*, пари *ʔɔ́n-tí*), необъяснимые на ареальной основе.

Поиск изоморфизмов между всеми перечисленными формами приводит к малоудовлетворительным результатам: по сути, единственным таким изоморфизмом оказывается глайд **y*, который можно вычленить в составе лотуко-маа **(i)y-ɔk* и бари **y-iʔ* при условии того, что гипотетические морфемные границы в обоих случаях верны. Если отталкиваться от этого факта, то далее можно предложить целый ряд сценариев, включая, например, реконструкцию на правост.-нилотском уровне оппозиции **yɔ:-k* 'мы (экскл.)' : **yɔ:-n* 'мы (инкл.)', со следующим развитием:

(а) в бари — нейтрализация оппозиции в пользу эксклюзива, с ассимиляцией **yɔ:-k* → **yi:-k* и (нерегулярным, т. к. конечный *-k* обычно сохраняется — см. выше 'рот' и др.) ослаблением артикуляции **yi:k* → **yiʔ*;

(б) в лотуко-маа — также нейтрализация в пользу эксклюзива, с наращением префиксального компонента **l(n)-* (ср. этот же компонент в местоимении 2-го л. мн. ч.: маа *in=taɪ*, но бари *ta*);

(в) в тесо-туркана оппозиция сохраняется, но **yɔ:-n(i)* ассимилируется в **wo:ni* (с другой стороны, может быть, как раз из прототипа **yɔ:-ni* удобнее объяснять странное колебание *w- ~ ɲw-*

~ η- по диалектам), а к форме *yo:-k → тесо-туркана *yo: добавляется слева неясного происхождения префикс *s(i)= или *s(u)=.

Такой сценарий частично поддерживается внешними данными зап.-нилотских языков (где также прослеживаются суффиксальные компоненты -n- и -k-, см. выше), но все же содержит слишком много недоказуемых допущений, чтобы быть «утвержденным» в качестве рабочей гипотезы. Поэтому на данном этапе мы будем считать родственными лишь те морфемы, которые в корневой позиции эксплицитно содержат глайд *y или его регулярные рефлексy, и на уровень внешнего сравнения будем выносить единую «y-основу» с вариантами *(i)yo:- (как в лотуко-маа) и *yi- (как в бари).

49) «что»: тес i=jo [HL], трк jɔ̃ ~ jɔ̃nɪ [Hn.], jo [Oh.], кри jɔ̃ [No.], ньн jɔ̃ jɪpɹɹel, лот na=jyo [Mu.], маа áí=jɔ̃, чам jɔ̃ [Hn.], бар jɔ̃ [Sp.].

50) «кто»: тес i=jaí [HL], трк ηlə̃ [Hn.], jaí [Oh.], кри ηáē [No.], ньн ηa:yo, лот ηa-i [Mu.], маа áí=ηāī, чам ηái [Hn.], бар ηa [Sp.].

Данные по вопросительным местоимениям вост.-нилотских языков доступны в ограниченном объеме, т. к. в лексикостатистические списки Р. Фоссена по «малым» языкам группы они не включены. Тем не менее, диагностичные формы все же представлены в словарях по языкам всех четырех ветвей, что позволяет однозначно восстановить правост.-нилотское 'что' в виде *jɔ̃, а 'кто' — в виде *ηa ~ *ηa-i (*-i — судя по всему, суффиксальный компонент; в частности, в лот Муратори отмечает наличие краткого варианта ηa, хотя распределение неясно).

3.11. Южнонилотская группа.

3.11.1. *Общие сведения и источники.* Из всех ветвей nilотской семьи южнонилотская пока остается хуже всего описанной, что, впрочем, частично компенсируется ее меньшими размерами и, по-видимому, существенно меньшей хронологической дистанцией между ее крайними ветвями. Сегодня на языках этой группы в общей совокупности говорит от одного до полутора миллионов человек, локализованных преимущественно в западных областях Кении (отдельные группы представлены также на территории Уганды и северной Танзании), т. е. в целом южнонилотская группа действительно маркирует южную границу проникновения nilотских племен (хотя в тех же самых областях также локализован

и основной ареал распространения вост.-нилотского языка масаи, с которым южные нилоты находятся в тесном контакте).

В этнографическом плане южнонилотские племена делятся на три чрезвычайно неравномерные группы. Основной массив южных нилотов, проживающих в Кении, примерно с середины XX в. известен под названием *календжин* (происходит от нанди *kl=le-n-zin* 'я говорю тебе'); к ним и в культурном, и в языковом отношении тесно примыкает и большинство южных нилотов Уганды и Танзании, которые, правда, формально не входят в конфедерацию племен календжин. Существенно отличаются от календжин скотоводческие племена *датого* в Танзании (≈ 100 тыс. человек), и, наконец, на особом положении находится несколько крохотных групп охотников-собирателей, рассеянных по территории Кении и, по-видимому, перешедших на южнонилотские языки под влиянием осевших на их территориях «технологически продвинутых» соседей. Все они традиционно объединяются под общим названием *доробо* (\leftarrow масаи *il=torobo* 'охотники'), но при этом антропологические и лингвистические характеристики доробо не всегда совпадают: только некоторая часть из этих племен говорит на южнонилотских языках (акие-кинаре; омотик), в то время как другие оказываются кушитоязычными (йааку; аасах).

История изучения южнонилотских языков насчитывает чуть более ста лет; поскольку ни один из этих языков в занимаемом ими ареале не является культурно доминирующим (аналогично таким языкам, как динка, нуэр или шиллук в зап.-нилотской группе или масаи и тесо в вост.-нилотской группе), первые работы по ним (например, исследования А. Холлиса по нанди, Б. Штрука по датого, М. Бича по сук и др., см. ниже) появились только в 1910-х гг., и вплоть до середины XX в. продолжали выходить в чрезвычайно скудном объеме.

Наиболее подробным и авторитетным источником сведений о южнонилотской группе в целом на сегодняшний день остается исследование Ф. Роттланда [Rottland 1982], основанное по большей части на результатах личных полевых исследований автора, которому удалось собрать богатый сравнительный материал по большинству южнонилотских языков и диалектов. На основании лексикостатистики и анализа общих фонетико-морфологических

инноваций Ф. Роттланд предлагает для этой ветви следующую классификацию:

I. Ветвь *омотик-датога*:

1) *Омотик* [омо]. На этом языке, согласно оценкам на 1980 г., говорило не более 50 носителей, проживающих в окрестностях г. Нарок (Кения) и относящихся к одному из т. н. племен «доробо»; из живого употребления омотик вытесняется под влиянием более «престижных» языков ареала, в первую очередь масаи, и на сегодняшний день считается вымирающим или вымершим. Омотик был впервые описан Б. Хайне по результатам собственных полевых исследований (краткие фонетические наблюдения и небольшой словарный список опубликованы в работе [Heine 1973]); исследования были продолжены Ф. Роттландом, опубликовавшим дополнительные сведения по фонетике и грамматике этого языка [Rottland 1982: 144–152], однако по-настоящему детального лексико-грамматического описания так и не появилось.

2) *Датога*. Этот язык географически изолирован от остальных членов как южно-, так и прочих нилотских ветвей; на нем говорит ок. 100,000 носителей в центральных областях Танзании (район Сингида и др.), со всех сторон окруженных бантуязычным населением. Несмотря на это, язык, судя по сообщениям Летнего института лингвистики, не находится под угрозой исчезновения и даже отличается высокой степенью диалектного разнообразия. Первый краткий словник по датого содержится уже в обзорном труде по языкам Восточной Африки [Last 1885], однако дальнейшие исследования также в основном ограничивались публикацией кратких словарных материалов объемом в сто-двести единиц, как правило, с сомнительным уровнем фонетической транскрипции [Struck 1911; Stuhlmann 1915; Dempwolff 1917]. Только по результатам полевых исследований Ф. Роттланда в его итоговой монографии появились элементы более современного описания фонетических, грамматических и лексических особенностей по шести основным диалектам датого: *баджута* [бдж], *гисамджанга/барабайга* [гсм], *исимиджега* [иси], *ротигенга* [рот], *бурадига* [брд] и *бианджида* [бнд]. Ему также принадлежит отдельный грамматический очерк датого [Rottland 1983] и несколько аналитических работ по именной морфологии и морфонологии датого, написанных в соавторстве с Ч. Крейдером [Creider, Rottland 1996, 1997].

II. Ветвь *календжин*, подветвь *нанди-марквета*:

3) *Нанди* [ннд]. Один из наиболее широко распространенных и на сегодняшний день лучше всего описанный южнонилотский язык; общее число носителей, по данным Ф. Роттланда, составляет около 260,000 человек, компактно проживающих в округе Нанди кенийской провинции Рифт-Валли. Именно нанди была посвящена первая монография по южнонилотской лингвистике и этнографии, написанная А. Холлисом [Hollis 1909]; впрочем, сегодня в лингвистическом отношении она представляет скорее исторический интерес, т. к. ей на смену пришли значительно более современные и актуальные грамматика [Creider, Creider 1989] и подробный словарь [Creider, Creider 2001].

4) *Кипсикис* [кип]. Крупнейший по числу носителей из языков календжин (около 470,000 человек в провинции Рифт-Валли, проживающих к югу от носителей нанди). Поскольку языковые различия между нанди и кипсикис минимальны, отдельных работ по этому языку (диалекту) пока что не появилось. Даже небольшой словарь [Ngelechei 1979], в основе которого, по-видимому, лежит именно кипсикис, назван автором просто «Kalenjin-English Dictionary» без дальнейших уточнений. Аналогичным образом и диссертационное исследование [Toweett 1979], посвященное подробному описанию фонологии и грамматики кипсикис, также озаглавлено просто «A Study of Kalenjin Linguistics». Тем не менее, нанди и кипсикис обсуждаются как обособленные друг от друга языки уже в исследованиях А. Такера и М. Брайан по морфологии календжин [Tucker, Bryan 1964-65], а незначительные фонетические и лексические отличия их друг от друга регулярно всплывают на страницах монографии Ф. Роттланда.

5) *Кейо* или *эл-гейо* [кео]. На этом варианте календжин говорит около ста тысяч человек в округе Кейо провинции Рифт-Валли (часть бывшего округа Элгейо-Мараквет). Отдельные работы по кейо отсутствуют; существенные данные можно почерпнуть только из монографии Ф. Роттланда.

6) *Тукен* [тук]: также чуть более ста тысяч носителей в окрестностях гор Туген (Тукен) в округе Баринго провинции Рифт-Валли. За исключением краткого словарного списка в старой работе [Johnston 1904: 913-924], все лексические и грамматические данные также известны исключительно из монографии Ф. Роттланда.

7) *Марквета* или *мараквет* [мрк] (еще одно старое название — *эндо*). На этом языке, в ряде отношений существенно отличающемся от остальных диалектов календжин (см. 3.11.2), говорит около 70–80,000 человек в округе Мараквет провинции Рифт-Валли. Краткий словник этого языка был опубликован еще в начале XX в. [Beech 1913], но и здесь дальнейшие исследования возобновились только по инициативе Ф. Роттланда.

III. Ветвь календжин, подветвь элгон:

8) *Сабинь* или *сапинь* [саб]: ≈ 180,000 носителей, преимущественно занимающихся мелким земледелием на склонах горы Элгон (на границе Уганды и Кении). Сабинь — автономим данной этнической группы; в старой литературе чаще встречается бантуизированный этноним *себей*, а также коллективный термин *сабаот*, объединяющий себей/сабинь с близкородственными им племенами (см. ниже). В плане изученности язык сабинь находится в достаточно привилегированном положении: помимо того, что данные по сабинь задействованы в сравнительных исследованиях А. Такера и М. Брайан, существует также специальное исследование по морфологии этого языка [Montgomery 1966] и даже общий грамматический очерк, сопровождаемый небольшим словарем [O'Brien, Cuypers 1975]. Вкупе с полевыми данными, собранными и опубликованными Ф. Роттландом, это превращает сабинь в опорную точку для дальнейшего изучения элгонских языков / диалектов.

9-11) *Конь* [кон], *нок* [нок], *бонгом* [бгм]. Эти три чрезвычайно близких друг к другу диалекта вместе с сабинь традиционно объединяются под общим названием *сабаот*, однако от сабинь они отделены географически: если носители сабинь в основном проживают к северу от горы Элгон на территории Уганды, то носители трех других диалектов — к югу, на территории Кении. Общее число носителей превышает число говорящих на сабинь и, согласно данным каталога «Этнолог», составляет ок. 280,000 человек. По всем этим диалектам вплоть до выхода в свет монографии Роттланда были известны в лучшем случае обрывочные сведения; наиболее подробным источником оказывается пятистраничный словник [Lindblom 1924] по конь (как обычно, с очень низким качеством фонетической записи).

12) *Терик* [тер]: ≈ 260,000 носителей, проживающих в округе Нанди, где они образуют небольшой компактный анклав, при-

мыкающий с юго-запада к ареалу распространения собственно нанди. Несмотря на то, что, таким образом, в географическом плане терик изолированы как от северных элгонцев (сабинь), так и от южных (конь, пок, бонгом; от этих племен терик «отрезаны» бантуязычным ареалом), исследования Роттланда показали, что в языковом плане терик прочно группируется с остальными элгонскими наречиями, а не с нанди-марквета. (А. Такер и М. Брайан [Tucker, Bryan 1962: 137] включают терик в диалектный пучок нанди-кипсикис, исходя скорее из географических, чем из лингвистических соображений, т. к. конкретных данных по терик в их распоряжении, по-видимому, не было вообще).

IV. Ветвь *календжин*, подветвь *окиек*:

13–15) *Акие* [аке], *кинаре* [кин], *согоо* [сог]: три незначительно отличающихся друг от друга диалекта, общее число носителей которых вряд ли превышает 500 человек. Как и носители омотик, все они — охотники-собиратели («доробо»), когда-то перешедшие со своих исконных языков на один из диалектов календжин; однако, как следствие дальнейших изменений лингвогеографической карты, сегодня большинство носителей этих племен захвачено очередным языковым сдвигом — в частности, почти все носители диалекта кинаре (на восточных границах провинции Рифт-Валли) перешли на бантусский язык кикуйю (скорее всего, на сегодняшний день диалект можно уже считать вымершим: Ф. Роттланд записывал свои данные в 1976 г. от небольшой группы пожилых информантов), а диалекты акие (район Аруша в Танзании) и согоо (лес Мау в провинции Рифт-Валли) находятся под сильнейшим давлением со стороны масаи.

Скудные лексические данные по акие были впервые собраны Г. Хантингфордом в ходе его этнографических исследований по племенам «доробо» [Huntingford 1929]. Диалект согоо попал в поле зрения исследователей намного позже, но при этом качество записи в небольшом словнике, собранном Б. Хайне [Heine 1973: 39–44], существенно превосходит уровень записей Хантингфорда. Самыми надежными, как и в других случаях, по-видимому, остаются данные, полученные Ф. Роттландом; по кинаре его монография — вообще единственный источник.

V. Ветвь *календжин*, подветвь *пакот*:

16) *Пакот*, или *сук* [пак]: этот язык маркирует северную границу распространения южнонилотских наречий и насчитывает

от 90,000 (по данным Ф. Роттланда на 1982 г.) до 260,000 (по данным каталога «Этнолог» на 1994 г.) носителей, проживающих в округах Баринго и Покот провинции Рифт-Валли; еще одна группа носителей находится на пограничных территориях Уганды. По сравнению с ветвями элгон и окиек пакот изучен гораздо подробнее. Первая монография по этнографии и языку пакот вышла еще в начале XX в. [Beech 1911]; полвека спустя появилось и более подробное грамматическое описание, сопровождаемое небольшим словарем [Crazzolara 1978]. Исследования по именной морфологии пакот проводили А. Такер и М. Брайан [Tucker, Bryan 1962]; новейший полевой материал, отличающийся высокой точностью записи, собран в 1970-х гг. Ф. Роттландом.

Классификационных схем, альтернативных предложенной Роттландом, на сегодняшний день не существует, отчасти ввиду отсутствия дальнейших сравнительно-исторических разработок, отчасти из-за того, что большинство выделяемых им узлов наглядно подтверждается данными как лексикостатистики, так и фонетико-морфологических изоглосс. Сомнительной остается позиция на этой схеме языка омотик. Как признает сам автор, по итогам лексикостатистических подсчетов этот язык должен скорее объединяться в общую ветвь с языками календжин, однако наличие ряда эксклюзивных фонетико-морфологических изоглосс между омотик и датого склоняет Ф. Роттланда к тому, чтобы постулировать вместо этого общую ветвь омотик-датого, а завышенный процент лексических сходжений между омотик и календжин объяснять вторичными ареальными факторами (что в принципе не исключено, учитывая географическую обособленность датого и, наоборот, тесное соседство между «доробо»-омотик и племенами календжин). Подробнее мы вернемся к этому вопросу ниже, в разделе 3.11.3.

3.11.2. *Историческая характеристика.* Первый опыт детального сопоставительного изучения южнонилотских языков принадлежит А. Такеру и М. Брайан, которые в серии публикаций сравнили между собой систему классификации имен в нескольких языках календжин [Tucker, Bryan 1962, 1964–65]. Взаимная близость календжинских языков вообще способствовала сравнительно-историческому анализу их данных на «микроуровне» — так, например, Ч. Крейдером была осуществлена подробная и в целом

заслуживающая доверия реконструкция сложной тональной системы пракаленджинского языка [Creider 1982], в которую входит в том числе детальное описание правил тональных сандхи между корневыми и суффиксальными морфемами, существенно различающихся в зависимости от конкретного языка.

Реконструкция на общеюжнонилотском уровне была невозможна вплоть до 1980-х гг. (единственное исключение — работа [Ehret 1971], в которой автор, на основании собственной, достаточно «сырой» системы соответствий между южнонилотскими языками, осуществил попытку реконструкции слоя культурной лексики праюжнонилотского языка). К этому времени, в основном благодаря полевым исследованиям Б. Хайне и Ф. Роттланда, была накоплена база новых данных по датога и ранее вообще неизвестному языку омотик. Приобщение этих данных к сравнению позволило значительно удревнить глубину реконструкции и прояснить ряд спорных вопросов сравнительной фонетики и грамматики языков календжин (равно как и поставить ряд новых). Основная работа была осуществлена Ф. Роттландом и опубликована в монографии [Rottland 1982], до сих пор остающейся главным содержательным трудом по сравнительно-историческому анализу южнонилотской группы. Для того, чтобы перейти к реконструкции 50-словного списка для праюжнонилотского, необходимо сперва привести основные положения реконструкции Роттланда, при необходимости сопровождая их уточняющими комментариями.

Система праюжнонилотского консонантизма восстанавливается Ф. Роттландом следующим образом:

*p	*t	*ɕ	*k
*m	*n	*ɲ	*ŋ
	*l	*L	
	*ɾ	*R	
	*s		
*w		*y	

Рефлексы большинства этих согласных в непосредственных потомках праюж.-нилотского языка (пракаленджин, общедатога и омотик) тривиальны и однозначны; изменения от промежуточных праязыков к их современным потомкам в целом также незначительны и не заслуживают отдельного перечисления в данном

разделе (в случае необходимости отдельные комментарии будут даваться при конкретных этимологиях). Наиболее серьезные модификации исходная система претерпевает на уровне общедатога:

1) Взрывные согласные **p*, **t* в большинстве контекстов озвончаются → *b*, *d*; при этом на фонологическом уровне противопоставление между глухими и звонкими фонемами все равно существует, но обычно носит морфологический характер (ср. *гис á=bù:s-á* 'подметаи!', но *ǰ=rù:s-à* 'подметаите!'); в некоторых случаях можно проследить вторичную фонологизацию глухих согласных, развившихся из геминированных сочетаний, возникающих на морфемных стыках (ср. общедатога *i:ta* 'уха' ← раннедатога **it-ta* ← южнонилотск. **it-* + суффикс определенности **-ta*). Немногочисленные слова с начальными глухими взрывными, необъяснимыми на морфонологической основе, как правило, не этимологизируются на общеюжнонилотской основе.

Таким образом, можно констатировать, что в праюжнонилотском фонологическая оппозиция по глухости/звонкости, столь естественная для западно- и восточнонилотских языков, была утрачена, но впоследствии восстановилась в датога (возможно, под влиянием контактов с бантуязычным окружением).

2) Взрывной **k*, помимо симметричного озвончения *g*, в ряде контекстов обнаруживает также увулярный рефлекс *q*, причем на синхронном уровне *g* и *q* в датога являются самостоятельными фонемами, что позволило К. Эрету [Ehret 1971] предположить архаичность этой оппозиции и вывести ее на праюжнонилотский уровень. Однако более тщательный анализ Ф. Роттланда показал, что в большинстве случаев рефлекс *g* и *q* находятся в дополнительном распределении: *q* появляется в начальной позиции перед праюж.-нилотскими -ATR-гласными **v*, **v:*, **ɔ*, **ɔ:*, **a*, **a:*, **ɛ*; *g* — перед всеми праюж.-нилотскими +ATR-гласными, а также перед передними -ATR-гласными **i*, **i:*, **ɛ:*. В дальнейшем вокалический инвентарь датога сократился за счет утраты оппозиции по +/-ATR для всех вокалических пар, кроме *e/ɛ*, *o/ɔ* (см. ниже), что и привело к фонологизации увулярного варианта, ср.:

+ATR: пракаленджин **ku:tuŋ* 'колени' = общедатога *guduŋ*;
пракаленджин **ka:t* 'стрела' = общедатога *ga:d*, но

-ATR: пракаленджин **kv:t* 'рот' = общедатога *qu:d*; пракаленджин **ka:t* 'шея' = общедатога **qa:d* и др.

Данное открытие Роттланда имеет очень большое значение не только для реконструкции праюжнонилотского состояния, но и для «нило-сахаристики» вообще: во-первых, оно наглядно показывает, что оппозиция по +/-ATR (которая в большинстве лексико-графических описаний «нило-сахарских» языков начала последовательно отмечаться лишь относительно недавно) может вызвать существенную перестройку системы консонантных фонологических оппозиций, во-вторых — лишает одного из ключевых аргументов гипотезу о том, что веларный **k* и увулярный **q* противопоставлялись друг другу на общенилотском уровне (впрочем, Г. Диммендаль, хотя и соглашается в целом с аргументацией Роттланда, все же пытается утверждать, что развитие в датоба лишь усилило фонологизацию сегмента **q*, который на праюжнонилотском уровне все равно существовал как отдельная фонема, представленная в очень небольшой группе корней; конкретных аргументов он, однако, не приводит).

3) Палатальная аффриката **ɕ* в датоба не озвончается, как взрывные согласные, а переходит (во всех контекстах) в щелевой *s*. Напротив, редкий палатальный глайд **y* в начальной позиции аффрикативизируется: ср. пракаленджин **ya:t* 'открывать' = общедатоба *ʒa:d* id.

Отдельного комментария заслуживает реконструкция Роттландом двух дополнительных сонорных согласных — **l* и **r*, на основании следующих регулярных соответствий:

Юж.-нилотск.	Пракаленджин	Общедатоба	Омотик
<i>*l</i>	<i>*l</i>	š	ɬ
<i>*r</i>	<i>*r</i>	w	y / ∅

Особая пракаленджинская фонема **r*, в свою очередь, восстанавливается на основании соответствия «марквета *r* : пакот *x* : во всех остальных языках *y* / ∅».

Обе эти фонемы представлены в большом количестве основ, надежно реконструируемых на южнонилотском уровне, и четко противопоставлены «простым» сонантам **l*, **r*, сохраняющимся без изменений во всех языках-потомках. Фонетическая интерпретация их неоднозначна; так, К. Эрет предлагал восстанавливать в первом случае палатальный сонант **lʲ*, а Б. Хайне — латеральный

фрикативный *ʈ (как в омотик). Гипотеза Хайне в большей степени опирается на факты (= реальная засвидетельствованность артикуляции в живом языке), но при этом следует помнить и о том, что *l и *r в рамках системы образуют симметрию относительно *l и *r, что в каком-то смысле предполагает реконструкцию для них общего дистинктивного признака, каковым могла бы быть, например, палатальность (*lʷ, *rʷ) или ретрофлексность (*l̠, *r̠). Поскольку вопрос остается открытым (хотя бы до тех пор, пока не будут установлены детальные соответствия этих фонем в других нилотских ветвях), ниже в реконструированных формах мы будем сохранять условную нотацию Роттланда (*l, *r).

В области *вокализма* Роттланд реконструирует на праюжно-нилотском уровне строго симметричную систему из пяти +ATR и пяти -ATR гласных, число которых далее удваивается за счет противопоставления по долготе/краткости. Соответствия имеют следующий вид:

Юж.-нилотск.	*i:	*ɪ:	*u:	*ʊ:	*e:	*ɛ:	*o:	*ɔ:	*ʌ: ¹	*a:
Календжин	*i:	*ɪ:	*u:	*ʊ:	*e:	*ɛ:	*o:	*ɔ:	*ʌ:	*a:
Датога	i:	ɪ:	u:	ʊ:	e:	ɛ:	o:	ɔ:	ɛ:	a:
Омотик	i:	ɪ:	u:	ʊ:	e:	ɛ:	o:	ɔ:	ʌ: ~ a:	a:
Юж.-нилотск.	*i	*ɪ	*u	*ʊ	*e	*ɛ	*o	*ɔ	*ʌ	*a
Календжин	*i	*ɪ	*u	*ʊ	*e	*ɛ	*o	*ɔ	*ʌ	*a
Датога	i	ɪ	u	ʊ	a	a	a-/o	a	a	a
Омотик	i	ɪ	u	ʊ	a	a	a	ɔ	a	a

Полная система сохраняется в пракаленджин и, далее, в ряде живых языков-потомков пракаленджин (наиболее архаичны в этом плане языки ветви нанди-марквета). В целом, однако, про-

¹ В нотации Ф. Роттланда +ATR-гласный нижнего подъема записывается как *a* (= наше *л*), -ATR — как *ʌ* (= наше *а*), в целях графической унификации: латинскими буквами передаются +ATR-гласные, греческими — -ATR (за исключением *ɔ*). В некоторых других транскрипционных и орфографических системах -ATR-гласный традиционно записывается как *a*, +ATR — как *ä* (например, у А. Такера и М. Брайан; ср. название языка Päköt /*pʌköt*/) или *ö* (например, в официальной орфографии языка нанди).

сматривается явная тенденция к сокращению числа вокалических противопоставлений. Чаще всего это происходит за счет нивелирования оппозиции по +/-ATR, наибольшего размаха достигающего в датога, где сегменты **ɪ*, **v* и **ɪ* вообще перестали существовать как отдельные фонемы; впрочем, исследования Роттланда показывают, что на морфонологическом уровне их все равно можно выделить как отдельные единицы, т. к. корневые морфемы с «бывшими» **ɪ*, **v* детерминируют -ATR-огласовку префиксальных морфем с теми гласными, которые сохраняют противопоставление по +/-ATR (ср. *ge:=ɲi:-ɕi* 'мы наполняем' ← раннедатога **ɲi:d-*, но *ge:=bis-zi* 'мы накрываем' ← раннедатога **bis-*). Однако в языках календжин, где дистинктивность оппозиции по +/-ATR стабильна, сокращение часто происходит и за счет тембровых оппозиций, в частности:

а) в языках элгон краткие гласные заднего ряда **u*, **v* совпали с соответствующими гласными переднего ряда **i*, **ɪ*, а краткий **ɛ* совпал с **a*;

б) в пакот система кратких гласных сократилась с десяти элементов до пяти: помимо тех же совпадений, что и в языках элгон, гласные **e*, **o* и **ɪ* совпали в *ɪ* (этот гласный в пакот Ф. Роттланд продолжает записывать, вслед за А. Такером, как *ä*, указывая, что фонетическое значение его ближе к гласному среднего подъема /ə/, чем нижнего подъема /ɪ/).

Долгие гласные при этом, как правило, отличаются большей стабильностью; таким образом, во всех перечисленных языках исходная система становится асимметричной.

В большинстве южнонилотских языков действуют сложные и разнообразные правила +/-ATR гармонии гласных, часто нарушающие однозначность соответствий по языкам-потомкам. Многие из них описаны в работах Ф. Роттланда, А. Такера, Ч. Крейдера и других специалистов; отдельные моменты еще остаются непроясненными, но в целом там, где данные по рефлексации той или иной основы доступны по большому числу языков, обычно не составляет труда определить первичную артикуляцию корневого гласного, опираясь на дистрибуцию рефлексов по подветвям календжин и/или южнонилотской группы в целом.

Тональные системы в южнонилотских языках устроены примерно так же, как и в восточнонилотских: обычно выделяется от двух до трех регистровых тонов (как правило, высокий, средний и

низкий в языках календжин; высокий и низкий в датога и в омотик) и два контурных тона. В работе [Creider 1982] подробно разбираются тональные классы именных основ в языках календжин и предлагается реконструкция исходной системы из трех тонов (высокий, низкий, падающий) с описанием ее исторических модификаций (совпадений тональных контуров) и синхронных особенностей (тональная морфонология) в языках-потомках. Ф. Роттланд, аккуратно отмечая тональные характеристики корневых и аффиксальных морфем в собранных им самим полевых данных, вместе с тем воздерживается от тональных реконструкций; в задачи нашего исследования также не входит детальный разбор особенностей южнонилотской тонологии, т. к. она явно не имеет ключевого значения для корректной этимологизации базисной лексики — хотя, безусловно, такая задача, как создание подробного этимологического словаря южнонилотских языков подразумевает в том числе и полную реконструкцию супraseгментных средств, с установлением детальных соответствий.

Морфология в южнонилотских языках, как и в восточнонилотских, устроена в целом очень сложно, но взаимовлияние корневых и аффиксальных морфем при этом, как правило, ограничивается гармонией гласных по +/-ATR и тональными сандхи — элементы фузии между консонантными «костяками» лексических корней и аффиксами незначительны и легко выявляются на соответствующих синхронных уровнях.

В исторической перспективе большое значение может иметь реконструкция на праюжнонилотском уровне не просто корней (как это сделано в монографии Роттланда), а нескольких типов именных основ, характеризующихся различными производными суффиксами, варьирующими от единственного числа к множественному. Такая система детально описана А. Такером и М. Брайан [Tucker, Bryan 1964–65] для нескольких языков календжин (нанди, кипсикис, сабинь) и, по-видимому, легко может быть спроецирована на пракаленджинский уровень; дальнейшее сопоставление с датога и омотик оказывается уже намного более сложным. Одна из насущных задач сравнительного изучения nilотских языков — сопоставление типов именных основ в южнонилотских языках с соответствующими системами именных суффиксов в западно- и восточнонилотских группах; возможно, когда-нибудь это приве-

дет к достоверной реконструкции на пранилотском уровне хотя бы «слабопродуктивной» системы суффилируемых показателей именных классов.

Еще одна отличительная особенность всех южнонилотских языков — наличие в именной словоформе отдельной позиции для выражения детерминации: большинство существительных может встретиться как в «краткой» (неопределенной) форме, так и в «полной» (определенной), характеризуемой наличием ден-тального суффикса в ед. ч. и велярного в мн. ч. (Ф. Роттланд реконструирует исходную систему в виде ед. ч. **-ita*, мн. ч. **-ika*). Отметим, что в большинстве словарей и словарных списков существительные, как правило, приводятся в «полной» форме (обладающей более высокой степенью автономности, чем «крат-кая»); в материале 50-словных списков, приводимом ниже, мы регулярно приводим оба варианта только для одного языка, по которому они доступны систематически (нанди), а также иногда для кипсикис, там, где информация доступна из опубликованных исследований А. Такера и М. Брайан.

Глагольные формы по конкретным языкам приводятся либо в виде чистого корня, либо в инфинитивной форме (в языках календжин она, как правило, образуется с помощью префикса *ke*=). Богатая система глагольных аффиксов, реконструированных Ф. Роттландом для праюжнонилотского [Rottland 1982: 240–247], относится в основном к области словоизменения и для лексической реконструкции значения не имеет.

В лексическом плане базисный слой словарного состава южно-нилотских языков в целом производит впечатление стабильного; даже в датога, с его плотным бантуязычным окружением, и в омотик, носители которого почти целиком перешли на масаи, откровенных «свежих» заимствований из этих языков в базисную лексику очень мало. Тем не менее, есть и серьезные основания предполагать для датога и омотик наличие субстратных элементов: несмотря на явно небольшой возраст южнонилотской группы (см. результаты лексикостатистических подсчетов в 3.11.3), далеко не весь лексический состав этих языков обнаруживает параллели в календжин, а дальнейшее внешнее сопоставление показывает, что шансы обнаружить в южнонилотских языках архаичную обще-нилотскую лексику в целом выше для календжин, чем для датога

и омотик (впрочем, это общее впечатление нуждается в статистической поддержке).

3.11.3. *Лексикостатистика*. Полное лексикостатистическое исследование южнонилотского материала было проведено Ф. Роттландом [Rottland 1982: 257–262] в два этапа: сперва была получена матрица для всех языков календжин (за исключением кинаре), затем, отдельно — южнонилотская матрица, составленная по данным пракаленджинского, общедатога и омотикского списков (т. е. с абсолютно корректным применением «ступенчатого» подхода). В исходный список были включены 93 элемента из списка Сводеша; заимствования из подсчетов не исключались, но маловероятно, что это существенно исказило итоговую классификацию, т. к. явных заимствований из легко идентифицируемых источников (таких, как восточнонилотские или банту языки) в базисной лексике южнонилотских языков насчитывается мало; возможное исключение — некоторые из языков «доробо» (акие и др.), «лексический иммунитет» которых серьезно понижен за счет влияния масаи.

К сожалению, в отличие от Р. Фоссена, который в разделе, посвященном лексикостатистике, опубликовал полные 100-словные списки и тем самым разрешил стороннюю верификацию своих результатов, Ф. Роттланд поместил в свою монографию только результаты подсчетов; полные списки нам остаются недоступными. Частично это компенсируется за счет богатого этимологического материала, опубликованного целиком в приложении к монографии, но, по понятным причинам, «реконструировать» стословные списки по этимологиям без многочисленных лакун невозможно. Единственный южнонилотский язык, по которому в нашем распоряжении имеется полный список, — нанди (за счет подробного словаря [Creider, Creider 2001]); более или менее подробные списки, составленные с учетом не только сравнительных данных Роттланда, но и других исследователей, удалось получить также по сабинь (с учетом словаря [O'Brien, Cuypers 1975]), кипсикис (с учетом словаря [Ngelechei 1979]), согоо и омотик (с учетом словников в [Heine 1973]).

Впрочем, отсутствие подробных материалов для большинства южнонилотских языков отчасти компенсируется близостью их друг к другу — даже без глоттохронологического подтверждения

интуитивно очевидно, что из трех ветвей нилотской семьи южнонилотская группа оказывается самой молодой. В календжинской матрице Ф. Роттланда минимальный процент схождения между двумя языками составляет 75% (между акие и сабинь — скорее всего, если из списка акие исключить восточнонилотские заимствования, итоговое число станет еще больше), а самый низкий процент по общеюжнонилотской матрице — 50% (между пракаленджин и общедатога; аналогичные проценты между наиболее удаленными друг от друга членами западно- и восточнонилотской ветвей обычно не превышают 40%). Учитывая, что и этимологизация южнонилотского материала в целом проще, чем этимологическая работа над данными остальных ветвей, матрица Роттланда а priori заслуживает большего доверия, чем, например, восточнонилотская матрица Фоссена, даже несмотря на то, что первый не приводит полного материала.

Лексикостатистика Роттланда по календжин в целом подтверждает классификацию, полученную им на основании фонологических и морфологических изоглосс: все языки группируются в четыре «пучка» — окиек (согоо, акие; средняя доля совпадений — 89%), элгон (сабинь, конь, бонгом, пок; средняя доля совпадений — 92%), нанди-марквета (нанди, кипсикис, кейо, туken, марквета; средняя доля совпадений — 94%) и пакот (как отдельная ветвь, показывающая от 76 до 85% совпадений с прочими календжинскими языками).

Аномально, с точки зрения Роттланда, ведет себя язык терик, который в лексикостатистическом отношении стабильно дает на 5–10% больше совпадений с нанди-марквета, чем с языками элгон; однако отдельные наблюдения над фонетическими изоглоссами заставляют автора все же склониться в конечном итоге к классификации терик как одного из языков элгон. Не вдаваясь в детали (тем более, что для удовлетворительного разрешения этого противоречия требуются подробные описания всех задействованных языков), отметим, что здесь могла иметь место редкая, но теоретически допустимая ситуация «смены позиции языка на древе» на раннем этапе развития: носители терик, географически обособившись от своих ближайших элгонских родственников, мигрировали на юг, где вступили в тесный контакт с носителями нанди, с которыми у них еще сохранялось взаимопонимание.

В любом случае этот и другие вопросы, связанные с внутренней классификацией языков календжин, имеют для целей нашего исследования гораздо меньшее значение, чем вопрос о дальнейшей структуре южнонилотского генеалогического древа. Приведем сокращенную лексикостатистическую матрицу, в которую входят данные по: (а) омотик (список составлен по материалам Ф. Роттланда и Б. Хайне), (б) диалекту баджута датого (Роттланд), (в) нескольким языкам календжин, входящим в разные ветви этой подгруппы: нанди, сабинь, согоо (перечень источников см. выше; список по согоо, несмотря на дополнительные данные Б. Хайне, все равно содержит до 40% лакун):

Таблица 8. Лексикостатистическая матрица юж.-нилотских языков (100-словные списки).

	Баджута	Нанди	Сабинь	Согоо
Омотик	0.55	0.57	0.61	0.65
Баджута		0.48	0.49	0.55
Нанди			0.81	0.87
Сабинь				0.82

Эта картина практически тождественна результатам, полученным Ф. Роттландом при подсчетах между пракаленджин, омотик и общедатого:

	Омотик	Датого
Календжин	0.60	0.50
Омотик		0.51

Общая историческая интерпретация здесь вроде бы должна быть однозначной: первой отделилась от общеюжнонилотского ствола ветвь датого (по глоттохронологии С. А. Старостина — примерно в конце II тыс. до н. э.), за этим последовало обособление ветви омотик (примерно в середине I тыс. до н. э.) и, наконец, начало расслоения календжинской общности примерно на рубеже нашей эры.

Однако Ф. Роттланд обращает внимание на то, что данные лексикостатистической классификации в данном случае противоречат данным целого ряда фонетических, морфологических и лексических изоглосс, объединяющих датога с омотик в единую ветвь, противопоставленную календжинской; изоглоссы эти он считает настолько убедительными, что с уверенностью не только постулирует таксономическую единицу «омотик-датога», но даже отдельно восстанавливает для нее фонологическую систему и 37 эксклюзивных лексических основ, не имеющих аналогов в языках календжин. Лексикостатистические показания, свидетельствующие скорее в пользу «омотик-календжин», чем «омотик-датога», он объясняет как результат вторичного конвергентного развития, вызванного географической изоляцией носителей омотик и перемещением их в сферу влияния языков календжин.

С этой концепцией трудно согласиться, прежде всего потому, что для надежного обоснования исторической реальности праязыка «омотик-датога» недостаточно одного исчисления обнаруженных между ними изоглосс; требуется также показать, что по крайней мере некоторые из них однозначно интерпретируются как совместные инновации — в противном случае любая эксклюзивная «омотик-датога» изоглосса может представлять собой архаизм, унаследованный от общекаленджинского состояния и утраченный в языках календжин. В этой связи интересно отметить, что при этимологическом разборе 50-словного списка нам встретился всего один (и то отчасти сомнительный) случай, когда внешние (восточно- или западнонилотские) параллели свидетельствуют об архаизме в календжин, противопоставленном совместной инновации в «омотик-датога» — слово 'звезда' (см. ниже). Во всех остальных случаях, где (а) «омотик-датога» основа противопоставлена основе календжин и (б) для одной из двух основ обнаружены перспективные внешние параллели, такой основой неизменно оказывается основа в «омотик-датога» (слова 'рука', 'луна', 'вошь').

В чисто статистическом плане аргументация также выглядит неубедительно: 37 лексических изоглосс «омотик-датога» противопоставлены 34 изоглоссам «омотик-календжин» и еще большему количеству (порядка 50) изоглосс «календжин-датога» (последнее скорее всего связано с большей устойчивостью исконного лексического фонда в датога по сравнению с низким «лексическим иммунитетом» в омотик).

Пожалуй, единственная существенная эксклюзивная изоглосса между омотик и датого, которую можно считать совместной инновацией, относится к сфере фонетики: речь идет о сокращении системы кратких гласных, в рамках которого старые фонемы **e*, **o* и **a* сливаются в **a* в обеих ветвях. Однако и здесь, как показывает детальный анализ, процесс сокращения числа гласных, по-видимому, протекал несколько по-разному: в частности, в датого старый **o* в ряде позиций сохранился (ср. прауж.-нилотск. **somok* 'три' → датого *samog*, омотик *samak*), а старый **ɔ*, наоборот, претерпел то же самое изменение и совпал с **a*, но в омотик сохранился (ср. **ɲkək* 'петух' → датого *ɲqaaq*, омотик *ɲkək*). Относительно возможности реконструкции на общедатого уровне кратких гласных **e*, **ɛ*, совпавших с **a* лишь частично, см. также комментарии к таким этимологиям, как 'пепел', 'нос' и др.

Еще один аргумент, упоминаемый Ф. Роттландом, — специфическая фонологическая инновация, якобы имевшая место в праомотик-датого, в ходе которой прауж.-нилотские последовательности вида **LVl*, вместо того, чтобы давать ожидаемые рефлексы **šVš* в датого и **ɬVɬ* в омотик, диссимилировались в **rVL*: ср. прауж.-нилотск. **la:l* 'кашлять' → календжин **la:l*, датого *wa:š*, омотик *ya:ɬ*, или прауж.-нилотск. **nal:l* 'зеленый' → календжин **nal:l*, датого *na(w)i:š*, омотик *na(y)i:ɬ* [Rottland 1982: 234]. Но даже если исключить возможность независимого развития такого рода в обеих ветвях, историческая интерпретация Роттланда является далеко не единственной. В частности, нет никаких препятствий к тому, чтобы постулировать для этих примеров исходные праформы **ra:l*, **nar:l*, с ассимиляцией **rVL* → **LVl* в календжин, а вовсе не диссимиляцией в омотик-датого (отметим в связи с этим полное отсутствие основ вида **rVL* и даже **rVl*, реконструируемых на прауж.-нилотском или пракаленджинском уровнях¹). Таким образом, здесь также в омотик и датого на самом деле может наблюдаться не совместная инновация, а архаизм, не имеющий значимости для классификации.

¹ Уже после того, как это правило было сформулировано нами в качестве рабочей гипотезы, оказалось, что гипотеза о переинтерпретации «диссимиляции» Роттланда как ассимиляции в языках календжин на самом деле была выдвинута более чем двадцать лет тому назад в статье [Larsen 1991]. Такое совпадение, безусловно, не может не радовать.

По-видимому, достаточных оснований для того, чтобы выразить недоверие полученной лексикостатистической классификации, в монографии Ф. Роттланда все же не представлено. Для нас это имеет существенное значение, т. к. в рамках этой классификации любая лексическая изоглосса между датого и омотик почти автоматически приобретает общеюжнонилотский статус, в то время как пракаленджинские основы, не имеющие этимологических или лексикостатистических параллелей в датого, могут оказаться инновациями. С другой стороны, нельзя забывать о том, что календжинская ветвь существенно старше, чем общедатого и, тем более, омотик, и это, наоборот, повышает вероятность обнаружения именно в ней большего числа лексических архаизмов.

50-словный список для южнонилотских языков.

1) «пепел»: (а) омо ðr-è:kà [Hn.], ннд ðr-ék [Rt.], ðr-yá: ~ ðr-yâ:t [Cr.], кип ðr-ék [Rt.], ðr-yá:n ~ ðr-yâ:t [Tu.], кео, тук, тер, сог ðr-ék, мрк àr-ð:nìk, саб, кон ár-ék, бгм, пок àr-ék, аке ðr-é, пак ðr-è:n [Rt.], ðr-yâ:n [Tu.]; (б) бдж, гсм dér-è:dà, иси dàr-é:dà, рот, брд rél-è:rà, бнд rá-è:rà. || Rt.: пракал. *ɹr, дат. dar.

В группе форм (а) исходный корень, общий для ветвей календжин и омотик, надежно восстанавливается в виде *ɹr- (полная парадигма — ед. ч. *ɹr-/y/á/-ital/, мн. ч. *ɹr-á/-ikal/, но, по понятным причинам, обычно фиксируется именно форма мн. ч.). Развитие *ɹ- → *a- в языках элгон и в мрк Ф. Роттланд считает нерегулярным, но ср. второй аналогичный случай: пракаленджин *ɹr 'дорога' → ннд ðr-ét, но саб àr-ét и т. д., так что не исключено, что в анлаутной позиции именно такое развитие для этих языков на самом деле было регулярным.

Общедатого dar следует скорее восстанавливать как *der — ср. рефлексy с ε в четырех из шести диалектов датого, необъяснимые через ассимиляцию с гласным суффикса (ср. такие противоречащие примеры, как бдж náqê:-dà 'жир' и др.). Развитие *d- → r- в рот, брд и бнд (с дальнейшей диссимиляцией *rVr- → *rVl- или *rV-) регулярно. Дальнейшие параллели в языках календжин отсутствуют (ожидалась бы именная или глагольная основа вида *ter с сопоставимым значением), так что к внешнему сравнению можно привлекать обе основы: в первую очередь — календжин-омотик *ɹr как реконструируемую на большей хронологической глубине, чем общедатого *der.

2) «птица»: (а) омо *màtʕ-intà*, мн. ч. *màtò:-ŋʔáikà* [Hn.], *màtʕ-yntà*, мн. ч. *màtò:-ŋáyukà* [Rt.]; (б) бдж, гсм *dàrí:d-àgà*, рот, брд *ràlír-àgà*, бнд *ràl-àgà*, ннд *tàrí:t-yèt* [Rt.], *tàrí:t ~ tàrí:t-yèt* [Cr.], кип *tàrí:t-yét* [Rt.], кео *tàrí:t-yèt*, тук *tàrí:t-yànté*, мрк *tàrí:t* [Rt.], *tarit* [Be.], саб *tàrí:t-yét* [Rt.], *tàrí:t-ét* [Tu.], кон, бгм, пок, тер, сог *tàrí:t-yét*, кин *tàrí:t-ík*, аке *tárt-è*, пак *tàrí:t* [Rt.], *tàrí:t* [Tu.] (8). || Rt.: праюж.-нил. **tarit* → пракал. **tarit*, дат. *dari:d*.

Дистрибуция группы форм (б) (пракаленджин + общедатога) однозначно определяет основу **tarit* как общеюж.-нилотский эквивалент значения 'птица'. Фонетическая реконструкция Роттланда не требует дальнейших комментариев (отклоняется от обычной структуры только бнд *ràl-àgà*, но выпадение *-r-* в интервокальной позиции в этом диалекте регулярно, ср. выше 'пепел').

Поскольку структура CVCVC нетипична для непроеизводной именной основы, вероятность разложимости формы **tarit* априори высока; и действительно, есть все основания считать, что здесь представлен тот же корень, что и в ннд *ko=tàr-irèn* [Cr.] 'летать', саб *ter-er-te* [Cu.] ← пракаленджин **tar-* (разница в ATR-характеристике гласных в глагольной и в именной основах объясняется переогласовкой корня по гласному суффикса). Это ослабляет позиции основы **tarit* на внешнем уровне сравнения, но не отменяет оптимальности реконструкции ее как базисной 'птицы' на общеюж.-нилотском уровне. Единственная альтернатива — форма *màtʕ-yntà* в омо — маловероятна не только из-за узкой дистрибуции, но и потому, что откровенно устроена как производная: суффикс *-in-* в омо регулярно образует *nomina agentis* от глагольных корней [Rottland 1982: 147], так что даже несмотря на то, что глагол **mat(ɔ)-* ('летать?') в опубликованных материалах Б. Хайне и Ф. Роттланда не обнаружен, архаичность именной основы изначально сомнительна.

3) «черный»: омо *tù*: [Hn.], *tù* [Rt.], бдж, гсм *é=dùw*, иси *á=dùw*, рот, брд *é=rùw*, бнд *á=rùw*, ннд *túy* [Rt.], *túy* [Cr.], кип, тук, тер *tùy*, кео *túy*, мрк *tùr*, саб, кон, бгм, пок *tùy*, сог *tíkík*, аке *tù:y*, пак *tó:x*. || Rt.: праюж.-нил. **tv(:)R* → пракал. **tv(:)R*, дат. *duw*.

Реконструкция **tvr* абсолютно однозначна, за исключением не вполне ясного колебания между краткостью и долготой гласного в языках календжин, а также нерегулярного развития **v* → *o* в пак; ни одна из этих нерегулярностей не нарушает критериев фонети-

ческой совместимости, но удовлетворительно объяснить их на ограниченных лексических материалах Роттланда пока не удается.

4) «кровь»: (а) омо *kù:sà* [Hn.], *kūsà* [Rt.]; (б) бдж *fò:ž-ê:n-dà*, гсм, рот, брд *fò:ž-ê:n-dà*, иси, бнд *fò:ž-â:n-dà*; (в) ннд *kârât-ík* [Rt.], *kârât-yâ: ~ kârât-ík* [Cr.], кип, кео, тук, кон, бгм, пок, тер, сог *kârât-ík*, мрк *kârât-i* [Rt.], *korot-i* [Be.], саб *kârât-ik*. || Rt.: пракал. **karat*, дат. *fò:ž*.

Реконструкции Роттланда на промежуточных уровнях не вызывают сомнений, но общеюж.-нилотский этимон не реконструируется, т. к. календжинск. **karat*, датога *fò:ž-* и омотик *kus-* не этимологизируются на взаимной основе.

Обращает на себя внимание, что календжинская основа **karat-* относится к целому классу двусложных основ вида **kVCVC-*, в который входит немало других слов, обозначающих части тела: см. ниже **ka:rin* 'имя' (это слово в языках Африки функционально примыкает к анатомической терминологии), нанди-марквета **katu:t* 'хвост', а также **karar* 'перо', **kara:s* 'ребро', **kitin* 'женская грудь', **koror* 'печень' и др. Поскольку двусложные структуры такого рода заметно превалируют над остальными, разумно усматривать в них сочетания с застывшим префиксом **kV=* (что во многих случаях подтверждается и внешними данными других нилотских ветвей). В этом случае основа **karat-* 'кровь' может восходить к старому корню *=*rat*, но дальнейшая этимология все равно остается под вопросом (исходя из данных семантической типологии, очень соблазнительно связать его с глагольным корнем *rat* в ннд *kê:=ró:t* 'течь; таять' [Cr.], но для этого требуется объяснить нерегулярное вокалическое чередование).

Датога *fò:ž* имеет в своем составе редкий анлаутный *f-*, соответствия которому в омотик и календжин пока что остаются не вполне ясными; по-видимому, основным является все же *w-* (перед негубными гласными) / \emptyset - (перед губными), т. е. южнонилотский прототип этой основы мог бы иметь вид **woy-*. Омотик *ku:s-* теоретически может отражать **ku:s-* или **kv:s-*, но этимология пока остается изолированной.

5) «кость»: (а) омо *sâr'è-ità*, мн. ч. *sâr'è-kà* [Hn.], *sârè-tà* [Rt.]; (б) бдж *gèbg-è:dà*, гсм *gyàbg-è:dà*, иси *gàbg-è:dà*, рот, брд *gàfg-ê:rà*, бнд *gàfg-ê:rà*, ннд *kâ:w-ét* [Rt.], *kâ:w-a ~ kâ:w-ét* [Cr.], кип *kâ:w-ét* [Rt.], *kâ:w-à ~ kâ:w-ét* [Tu.], кео, бгм, тер *kâ:w-ét*, тук *kâ:w-é*, мрк *kâ:w-à*

[Rt.], *kəwəʔ* [Be.], саб *kɛ:w-ét*, кон, пок *ká:w-ét*, сог *kà:kw-ét*, аке *ká:w-è*, пак *ká:w-əʔ*. || Rt.: праюж.-нил. **kɛ:w* → пракал. **kɛ:w*, дат. *gabg*.

Реконструкция праюж.-нилотского этимона 'кость', рефлексы которого представлены группой форм (б), сопряжена с серьезной фонологической проблемой. На уровне пракаленджин все формы уверенно восходят к прототипу **kɛ:w*, за исключением сог *kà:kw-ét*, где в инлаутной позиции неожиданно появляется еще один велярный. С одной стороны, очень странно выглядит ситуация, при которой только в согоо (одном языке одной подветви календжин) мог сохраниться архаичный вариант с кластером, в то время как во всех остальных ветвях этот кластер подвергся единообразному упрощению. С другой стороны, реконструкция пракаленджинской формы в виде **kɛ:kw-* упростила бы дальнейшее сопоставление с общедатога *gabg-*, где в инлаутной позиции тоже обнаруживается редкое сочетание велярного и лабиального элементов.

Ф. Роттланд почему-то не усматривает связи между ситуацией в календжин и в датого, и подробно обсуждает только ситуацию в согоо, которая оказывается рекуррентной: ср. ниже этимон 'луна', а также сог *sə:kw-ét* 'поясница' = ннд *súw-ét* и т. д. Особенности этих форм в согоо он предлагает объяснять влиянием на них родственных форм в соседнем языке омотик, а, возможно, и непосредственным заимствованием в согоо из омотик [Rottland 1982: 218, 230], что в принципе допустимо, т. к. на обоих языках говорят тесно контактирующие друг с другом племена «доробо». Однако фактологическое подтверждение гипотезы Роттланд приводит при этом *только* для слова 'луна', которое зафиксировано им в омотик как *ara:kw-ét* — притом что этот эквивалент значения 'луна' в омотик явно не основной: главное слово 'луна' — *ʔè-tà*, родственное датого *še-da*, и скорее здесь следует предполагать ровно обратное, т. е. ареальное влияние со стороны согоо на омотик.

Представляется, что данная ситуация относится к тем случаям, когда сравнительные фонологические данные дают слишком мало оснований для реконструкции «особой» фонемы или корневого сочетания согласных в праязыке, но позволяют предположить один или несколько равновероятных сценариев нетривиального развития на стыке морфем. В частности, речь может идти о случае, аналогичном календжинской именной основе **tul-w-ét* 'холм' (→ ннд *tùl-w-ét* и т. д.) или **lak-w-ét* 'ребенок' (→ ннд *làk-w-ét* и т. д.),

где между корнем и суффиксом определенной формы дополнительно вклинивается деривационный суффикс *-w-* (без него ср. форму мн. ч. ннд *lâ:k-ô:y*). Если в рассматриваемом случае перед нами на самом деле исходная основа **kɫw-w-ɛ:t*, то вполне естественным выглядит стяжение **kɫw-w-ɛ:t* → **kɫ:w-ɛ:t* с компенсаторным удлинением, за исключением согоо, где имела место диссимиляция → *kɫk-w-ɛ:t*.

В датога, по наблюдениям Ф. Роттланда, регулярным является развитие **-Cw-* → **-Cɣw-* в том случае, если первый согласный в сочетании — сонорный (например, **tul-wa* 'холм' → *dulɣwa* и т. п.), т. е. диссимиляция последовательности из двух сонорных. Если так, то **kɫw-w-ɛ:ta* → **ɣawɣwe:da* и далее с упрощением кластера → *gabge:da*.

В конечном итоге принципиальный момент для дальнейшего внешнего сравнения здесь в том, что второй согласный корня все же уместнее реконструировать как губной (**kɫw-*), а не как велярный (**kɫk-/w-/*).

Омо *sare-* 'кость' дальнейшей южнонилотской этимологии на данный момент не имеет и, исходя из соображений дистрибуции, должно рассматриваться как локальная инновация.

б) «ноготь»: (а) гсм, иси *bùdíl-gà*, рот, брд *bùríl-gà*, кон *pù:l-té:t*, пок, бгм, тер *pù:n-té:t*, саб *pù:l-yè:t*; (б) ннд *sì:y-ét* [Rt.], *sì:y-à ~ sì:y-ét* [Cr.], кип, кео, саб, бгм, тер, сог *sì:y-ét*, тук *sì:n*, мрк *sì:r*, аке *sì:y-è*, пак *sì:x*. || Rt.: пракал. **sì:r*, дат. *budil*, элгон *pu:l*.

В языках календжин требуемое значение 'ноготь' чаще всего представлено основой **sì:r* (реконструкция однозначна за исключением странного, ничем не мотивированного развития **r* → *n* в тук). Ситуация осложняется за счет ветви элгон, в которой, судя по нотации Роттланда, в качестве синонимов сосуществуют основы **sì:r* и **pu:l* (пок, бгм, тер *pù:n-té:t* ← **pu:l-te:t*). Единственный намек на семантическое различие обнаружен в словаре саб [O'Brien, Cuypers 1975: 158, 167], где *siy-et* переводится как 'копыто', а *pu:l-yet* как 'ноготь'. Если такая дифференциация свойственна всем языкам элгон, это поднимает вопрос о степени ее архаичности.

Основа *budil-* (← **putil-* или **puril-*) в датога, на первый взгляд, несопоставима с элгон **pu:l-*. Однако перечисленным формам, которые Ф. Роттланд приводит в мн. ч., в ряде диалектов, как выясняется, соответствует форма ед. ч. *bùl-é-dà* [Rottland 1982: 471];

Роттланд предлагает объяснять ее стяжением из **budile:da*, что явно неудовлетворительно, т. к. непонятно, почему такое стяжение имело место только в ед. ч. Более вероятно, что основы ед. и мн. ч. противопоставлены в датого по стандартной для этого языка модели, когда мн. ч. образуется от единственного через двойную суффиксацию: «старый» суффикс мн. ч., представленный большим разнообразием морфем (скорее всего, отражающих некогда продуктивную систему именной классификации) + «новый» продуктивный суффикс (в данном случае — *-ga*, один из наиболее частотных показателей мн. ч.). Среди почти двух десятков «старых» суффиксов такого рода представлены, в частности, морфемы *-a-*, *-u-*, *-i-*, *-ad-*, *-ud-* и др.; при этом список составлен на ограниченном материале и в какой-то степени остается открытым [Creider, Rottland 1997: 78]. Если, исходя хотя бы из соображений симметрии, допустить наряду с этими морфемами суффикс *-id-*, то сценарий оказывается очень прост: **bul-id-ga* → **budil-ga* с вполне естественной для данного контекста метатезой.

В любом случае, даже если эта гипотеза не подтвердится, сам факт наличия в датого ед. ч. *bul-*, невыводимого из **buril-* — серьезный аргумент в пользу реконструкции **pu(:)l-* как основного праюж.-нилотского эквивалента значения 'ноготь', в то время как календжин **sɪr* может отражать исходную семантику 'копыто, лапа (животного)', с вполне типовым развитием → 'ноготь' во всех ветвях, кроме элгонской.

7) «умирать»: омо *kə̀=тə̀:у-à* [Hn.], *тə̀у* [Rt.], гсм, иси, рот, брд, бнд *тə̀:w-à*, ннд *kə̀=тə̀́*, кип *kə̀=тə̀́* [Rt., Cr.], кео, тук *kə̀=тə̀́*, мрк *kə̀=тə̀́*, саб, кон *тə̀́*, бгм *тə̀́*, пок *тə̀́*, тер, аке *тə̀́*, кин *тə̀́*, сог *тə̀́*, пак *kə̀=тə̀́*?. || Rt.: праюж.-нил. **тə̀:ɾ* → пракал. **тə̀:ɾ*, дат. *тə̀:w*.

Реконструкция **тə̀:ɾ* надежно подтверждается рефлексамися ауслаутного согласного в омо (-у) и датого (-w), а также именными образованиями с значением 'смерть' в мрк (*тə̀:r-àt*) и в пак (*тə̀:x*): на уровне пракаленджин, таким образом, восстанавливаются глагольный алломорф **тə̀(:)* и именной **тə̀:ɾ* — ситуация не вполне обычная, но все же не позволяющая уверенно назвать **-ɾ* отдельным суффиксальным элементом, т. к. других аналогичных случаев не обнаружено. Скорее мы имеем здесь дело с редким морфонологическим чередованием, например, выпадением **ɾ* в определенном типе глагольных основ (в корнях с долгими гласными?); вопрос требует дальнейшего изучения.

8) «собака»: (а) омо *ηò:k-tà*, мн. ч. *ηòk-ĩkà* [Hn.], *ηò:k-tà* [Rt.], ннд *ηò:k ~ ηò:k-tà* [Cr.], кип *ηò:k-tà* [Rt.], *ηò:k ~ ηò:k-tà* [Tu.], саб *ηò:k-ít* [Rt.], *ηò:k ~ ηò:g-ít* [Tu.], кон, бгм, пок *ηò:k-ít*, кин *ηò:t-à*, сог *ηò:k-tà*, аке *ηò:y-tà*; (б) бдж, гсм, иси *gùd-édà*, рот, брд, бнд *gùr-érà*; (в) ннд *sés-èt* [Rt.], *sè:s-è ~ sè:s-ét* [Cr.], кео, тук, тер *sés-èt*. || Rt.: пракал. **ηò:k*, дат. *gud*, нанди-маркв. *ses*.

В плане дистрибуции оптимальным кандидатом на общеюж.-нилотский статус является основа **ηò:k*, представленная во всех ветвях календжин и в омо (реконструкция однозначна, хотя ауслаутный велярный иногда ослабляется или даже выпадает в соседстве с суффиксальным **t*). При этом в ветви нанди-марквета **ηò:k* сосуществует с основой **ses*; относительно семантических или стилистических различий между этими словами можно только догадываться — так, в большом словаре ннд [Creider, Creider 2001] обе переводятся просто как 'собака'.

По-видимому, нанди-марквета **ses* допустимо рассматривать как бантуизм: ср. в первую очередь гусии *e=sese*, а также многочисленные примеры в других языках зоны Е (например, из 100-словных списков в монографии [Schoenbrun 1997]: икома *=sese*, нгореме *ε=se:se* и др.), распространенных в Кении и Танзании. Как и нанди-марквета **ses*, банту-Е **sese* не отражает главный прабантуский этимон со значением 'собака', но, тем не менее, при выборе направления заимствования вариант «банту-Е → нанди-марквета» в силу хронологических и социолингвистических обстоятельств представляется более вероятным, чем обратный (не исключено и «субстратное» происхождение этого слова, т. е. независимое заимствование из третьего источника; окончательное решение будет зависеть от дальнейших разработок в области бантуской этимологии).

Вероятное ареальное происхождение нанди-марквета **ses* заставляет с подозрением отнестись и к общедатого **gur-* (возможно, ← **kur-* или **kut-*); похожие формы также встречаются в отдельных танзанийских языках банту (например, паре *=guro*), в то время как для нилотских языков, наоборот, они совершенно не свойственны. Привлечение этой основы к дальнейшему внешнему сравнению как потенциального рефлекса основного юж.-нилотского обозначения 'собаки' не рекомендуется.

9) «пить»: (а) омо *yà*: [Hn.], ннд *kè:=yé* [Rt.], *kè:=é* [Cr.], кип, кео *kè:=yé*, тук *kè:=yé*, мрк *kè:=rá*, саб *yà*, кон, бгм, пок *yá*, тер *yě*, сог *yè*;

аке è-, пак kè:=há; (б) гсм, иси, рот, брд, бнд lé(h)-à. || Rt.: пракал. **re*, дат. *le*.

Несмотря на фонетическое сходство между календжин-омотик **re* (все рефлексy в языках-потомках регулярны, за исключением окказионального удлинения гласного, скорее всего, вызванного особенностями глагольной морфонологии) и датога *le*, соответствие «*r* : *l*» абсолютно беспрецедентно и не дает возможности свести эти основы к единому этимологическому прототипу, так что к внешнему сравнению допустимо привлекать обе формы, не этимологизируемые на взаимной основе (по крайней мере, на данный момент).

10) «сухой»: (а) бдж, гсм, рот à=qáázât; (б) ннд yá:t [Cr.], саб yat [Br.]. || Rt.: дат. *qazat*.

Про данный этимон трудно сказать что-либо определенное в связи с острой нехваткой данных. По большинству языков календжин информации нет вообще из-за отсутствия требуемых форм в материалах Роттланда, но сравнение форм в словарях ннд и саб все же позволяет вывести на пракаленджинский уровень корень **ya(:)t*-. В датога ему соответствует двусложная основа =*qazat* ← **=kaumat*, но напрямую отождествить ее второй слог с календжин **ya(:)t* затруднительно, т. к. для этого требовалось бы обоснованно выделить в датога (адъективный?) префикс =*qa-*, что по материалам Роттланда сделать не удастся. С другой стороны, не выделяется как отдельная морфема и суффикс *-at*, так что вопрос в целом остается открытым для дальнейшего рассмотрения.

11) «ухо»: омо ìt-à, мн. ч. ìt-ínkà [Hn.], ìt [Rt.], гсм, брд, бнд ìt-à, иси, рот ìt-à, ннд ìt-ìt [Rt.], ìt ~ ìt-ìt [Cr.], кип ìt-ìt [Rt.], ìt ~ ìt-ìt [Tu.], кео ìt-ìt, тук ìt, мрк ìt [Rt.], yit [Be.], саб yìt-ìt [Rt.], ìt ~ ìt-ìt [Tu.], кон, бгм, пок yìt-ìt, тер, сог ìt-ìt, аке ìt-ì, пак (y)ìt. || Rt.: прауж.-нил. **it* → пракал. **it*, дат. *id*.

Реконструкция Роттланда вполне однозначна. Глухой *t* вместо ожидаемого звонкого *d* в диалектах датога вызван исторической морфонологией: **i:d-ta* → **i:ta*.

12) «есть»: (а) омо 'àm-à [Hn.], àm [Rt.], ннд kè:=ám [Rt., Cr.], кип, тук, мрк, пак kè:=ám, кео kè:=ám, кон, бгм, тер, аке ám, пок àm; (б) саб tus [Br.]. || Rt.: пракал.-омотик **am*.

На уровне пракаленджин-омотик в базисном значении 'есть' однозначно восстанавливается корень **am*; по-видимому, един-

ственное исключение — саб *tus*, сопоставимое либо с ннд = *tus* 'лизать (что-л. порошкообразное)' (с хорошей семантикой, но не вполне удовлетворительно фонетически, т. к. в саб ожидалось бы **tis*), либо с ннд = *tus* 'ударять' (в словаре саб не различаются долгие и краткие гласные, так что фонетически сопоставление безупречно, но семантика, разумеется, далека от идеальной, заставляя предполагать «жаргонизм»).

В датога глагол 'есть' в надежных источниках не зафиксирован. Форма повелительного наклонения *a=gisigin* 'ешь!' в [Struck 1911: 122], за исключением легко отделимого префикса императива *a=*, имеет неясную структуру; вероятнее всего выделение исходного корня =*gis-*, но семантически удовлетворительные параллели в календжин отсутствуют.

13) «яйцо»: (а) гсм, иси *bùrún-gà*, рот, брд, бнд *bùlún-gà*; (б) ннд *kà-y-tà* [Cr.]; (в) ннд *màùâ:y-uât* [Cr.], саб *mo=koy-ontet* ~ *mo=key-ik* [Br.]. || Rt.: дат. *burun*.

Этимон очевидно неустойчив и, более того, в языках календжин для значения 'яйцо' вообще не обнаружено специализированного корня. В ннд оно выражается либо словом *kà-y-tà* 'камень' (точнее, идиоматическим выражением *kàyt àp ínàk-k-uét* 'куриный камень'), либо формой *màùâ:y-uât*, заимствованной из суахили (*ma=yay/i* 'яйцо'). Странная форма в словаре саб вообще производит впечатление результата контаминации между все тем же заимствованием из суахили и 'камнем' (с «подстановкой» велярного *k* из 'камня' на место палатального *y*), но эту ситуацию вряд ли удастся прояснить без данных по другим элгонским языкам.

Единственной формой, не анализируемой ни как бантуизм, ни как недавнее метафорическое развитие, остается датога **burun* (← **purun*, с ассимиляцией носового перед велярным суффиксом мн. ч.). Эта именная основа вполне сопоставима с редуцированной глагольной основой *pur-pur* 'высиживать яйца' в саб [Br.]; менее очевидна связь с ннд = *púr* 'быть беременной (о животном, о незамужней женщине)' [Cr.].

14) «глаз»: омо *kà:η-tà*, мн. ч. *kà:n-è:kà* [Hn.], *kāη* [Rt.], гсм *qéη-dà*, иси, рот, брд, бнд *qán-dà*, ннд *kó:n-tâ* [Rt.], *kà:η* ~ *kó:n-tâ*, мн. ч. *kó:n-ân* [Cr.], кип *kó:n-tá* [Rt.], *kó:η* ~ *kó:n-dá* [Tu.], кео, аке *kó:n-tá*, тук, кон *kà:η-tá*, мрк *kó:η* [Rt.], *koη* [Be.], саб *kà:η-tá* [Rt.], *kāη* [Tu.], бгм, пок *kà:n-tá*, тер *kà:n-tá*, сог *kà:η-tà*, пак *kó:η*. || Rt.: пражуж.-нил. **kə(:)η* → пракал. **kə:η*, дат. *qan*.

Все формы очевидно родственны, причем обращает на себя внимание уверенная реконструкция на праюж.-нилотском уровне «квази-супплетивной» парадигмы **kɔŋ-* (ед. ч.) : **kɔŋ-* (мн. ч.); чередование велярного и палатального носовых отмечено в языках календжин и в омо, а также подтверждается на внешнем уровне (см. выше совершенно аналогичную ситуацию в вост.-нилотских языках). В некоторых языках парадигма была нивелирована: в бгм и пок обобщен вариант основы мн. ч., а в датога, наоборот, на основе ед. ч. были образованы новые формы мн. ч.

В плане вокализма календжин-омотик корень **kɔŋ-* противопоставлен датога *qan-* ← **kɔŋ-* с кратким гласным; причины такой нерегулярности остаются неясными — не исключено, в частности, что на самом деле исходная парадигма имела вид **kɔŋ-* / **kɔŋ-*, и сокращение гласного в датога — единственный след старой основы мн. ч. (обобщение краткости на всю парадигму на этапе, предшествующем «отмиранию» плюралиса). Последнее косвенно подтверждается парадигмой в омотик, где мн. ч. *kàɲɪ-ʔè:kà* ← **kɔŋ-ɛ:-ka* с позиционно обусловленной дифтонгизацией. Впрочем, это предположение скорее спекулятивно.

15) «огонь»: (а) омо *mà-tà* [Hn.], ннд *mà:-t* [Rt.], *mà ~ mât:-t* [Cr.], кип *tuk mât:-t*, мрк *má* [Rt.], *maʔ ~ ma-t* [Be.], саб *mà:-tà*, кон *mât:-tá*, бгм *mât:-t*, тер *mât:-t*, аке *má*, пак *màʔ*; (б) бдж, гсм, рот *bè:s-dà*, иси *bá:s-dà*, брд *bé:s-dà*, бнд *bâ:s-dà*. || Rt.: пракал. **ma*; дат. *ba:s*.

Долгота гласного в большинстве перечисленных рефлексов пракаленджин-омотик **ma* 'огонь' справедливо объясняется Ф. Ротландом как результат стяжения определенной формы **ma-it/a/* (ср. краткую неопределенную форму **ma* в ннд и др.).

На праюж.-нилотский статус теоретически может претендовать и датога *ba:s-*, но параллелей в языках календжин к этому корню не обнаружено (судьба календжин-омотик корня **ma* в датога также неизвестна, но он, по крайней мере, имеет вполне прозрачные соответствия как в зап.-, так и в вост.-нилотской группе).

16) «нога»: (а) омо *kèl-tà*, мн. ч. *kèl-yè:kà* [Hn.], бдж, бнд *gê:š-dà*, гсм, иси, рот *gé:š-dà*, ннд *kél-tá* [Rt.], *kè:l ~ kél-tâ* [Cr.], кип *kél-tá* [Rt.], *kél ~ kél-dá* [Tu.], кео, тук, кин, аке *kél-tá*, мрк *kél* [Rt.], *kel* [Be.], сог *kèl-tà*, пак *kél*; (б) саб *kàré:ŋk-ét* [Rt.], *kèrɛ:ŋ ~ kèrɛ:ŋg-ét* [Tu.], кон *kàré:ŋk-ét*, бгм *kèrɛ:ŋk-ét*, тер *kèrɛ:ŋk-ét*. || Rt.: праюж.-нил. **kɛ:l* → пракал. **kɛ:l*, дат. *gɛ:š*; пракал. **kɛrɛŋk*.

В качестве основного значения прауж.-нил. **kɛ:l* Ф. Роттланд указывает 'ногу выше стопы' ('Bein'): именно эта семантика неизменно обнаруживается у данного этимона во всех языках, где он зафиксирован, в то время как значение 'стопа' ('Fuß') может выражаться разными корнями. Тем не менее, есть серьезные основания предполагать, что на прауровне оппозиция 'leg' : 'foot' ('Bein' : 'Fuß') на уровне лексического корня не существовала — в первую очередь потому, что невозможно убедительно реконструировать для общеуж.-нил. состояния отдельный корень 'стопа'.

Так, в датога, судя по имеющимся данным, отдельного слова для этого значения просто нет. Для омо Б. Хайне приводит форму *pànáà-tà*, мн. ч. *pàñk-íkà* 'нога, Fuß', не имеющую внешних параллелей и при этом подозрительно сходную с приводимой там же формой *pànáák-tà* 'рука, Hand': судя по форме мн. ч. слова 'нога', вполне вероятно, что ед. ч. *pànáà-tà* — искаженная запись того же самого *pànáák-tà*, а оба слова на самом деле обозначают не 'стопу' или 'кисть' как таковые, а 'ладонь' и 'подолу' (значения, для которых нейтрализация в рамках единого лексического корня 'плоская часть конечности' совершенно естественна).

Что касается языков календжин, то здесь четкое противопоставление между 'ногой /leg, Bein/' **kɛ:l* и 'стопой /foot, Fuß/' **kɛɾɛŋk* зафиксировано только в ряде языков подгруппы элгон, причем Роттланд отмечает, что, например, в пок *kɛ:n-tá* имеет значение 'ляжка' (и, следовательно, **kɛɾɛŋk* берет на себя функции как 'Bein', так и 'Fuß'). Для того, чтобы окончательно прояснить ситуацию, необходимы более подробные лексикографические данные, но пока наиболее естественным сценарием представляется сужение в ряде языков исходно широкого значения **kɛ:l* до обозначения конкретных частей ноги ('нога выше стопы', 'ляжка').

На внешний уровень сравнения, таким образом, в значении 'нога / стопа' как 'инструмент для ходьбы' уместно выносить общеуж.-нилотскую основу **kɛ:l*. Фонетическая сторона реконструкции в целом надежна, хотя колебания между +ATR и -ATR вариантами гласного нуждаются в дальнейшем исследовании; скорее всего, они связаны с морфонологическими чередованиями между формами ед. и мн. ч. с последующими аналогическими выравниваниями. «Чистая» неопределенная форма *kɛ:l*, не подверженная влияниям суффиксов, видна в мрк и в пак.

17) «волосы»: (а) омо *bùt-è-kà* [Hn.], *pūt* [Rt.], гсм, иси *bù:d-é-gà*, рот, бнд *bú:r-é-gà*, кип, кон, бгм, сог *pù:t-ék*, кео, саб *pù:t-èk*, тук, мрк *pù:t-yán*, аке *pút-è*, пак *pút*; (б) ннд *sú:méy ~ sú:mé-èk* [Cr.], *sú:méy-ât* [Rt.], кип, кео *sú:méy-ât*, тук *sú:méy-án*; (в) ннд *kàrà:r-ik* [Rt.], пок *kàrà:r-ik*. || Rt.: праюж.-нил. **pu:t* → пракал. **pu:t*, дат. *bu:d*; нанди-мрк. *su:meu*.

Значение 'волосы (на голове)' на праюж.-нилотском уровне скорее всего выражалось корнем **pu:t* (звонкостью *b-* в омо у Хайне, по-видимому, следует пренебречь, т. к. фонологической оппозиции между *p* и *b*, по утверждению Ф. Роттланда, нет). Ннд *kàrà:r-ik* на самом деле обозначает 'волосы на теле, перья'; неизвестно, действительно ли в пок имело место обобщение этой основы в значении 'волосы (вообще)', но на данный момент о других 'волосах' в этом диалекте ничего не известно.

В подветви нанди-марквета ветви календжин основа **pu:t* употребляется в основном в специализированных значениях (ср. ннд *pù:t-èk* [Cr.] 'волосы на лице, усы с бородой'), в то время как для выражения узкого значения 'волосы на голове' используется основа **su:me/y*. Поскольку надежных параллелей для нее не обнаружено ни в других юж.-нилотских языках, ни в возможных внешних источниках заимствования, ее также можно с некоторыми оговорками привлекать к внешнему сравнению — например, в рамках сценария, согласно которому праюж.-нил. **pu:t* 'волосы на теле/лице (человека)' противопоставлялось **su:m-* 'волосам на голове' и **kàrà:r* 'пуху, перьям, шерсти (животного)'. Однако вероятность такого сценария остается низкой, т. к. он предполагает независимое исчезновение **su:m-* и переход его функций к **pu:t* в датога, омотик и разных подветвях календжин. Более вероятна все же инновация в подветви нанди-марквета, несмотря на то, что истоки ее пока неизвестны.

18) «рука»: (а) омо *kát-ì-tá* [Rt.], *kàt-ì-tà* [Hn.], гсм *gè:d-ín-dà*, рот, брд *gè:r-ì-tà*, брд *gè:r-ì-tà*; (б) ннд *è-út* [Rt.], *èy ~ è-út* [Cr.], кип *è-út* [Rt.], *è ~ èy ~ èw ~ è-út* [Tu.], кео *è-út*, тук *èy*, мрк *èr* [R.], hev [Be.], саб *yèy* [Rt.], *yèy ~ yè-út* [Tu.], кон *yèw-út*, бгм *àw-út*, пок *à-út*, тер, сог *è-út*, кин *éw-út*, аке *é-ù*, пак *è:x* [Rt.], *èy*, мн. ч. *éw-ù:n* [Tu.]. || Rt.: пракал. **er*; ом.-дат. **kl(:)tit*.

Непризнание таксономического узла «омотик-датога» (см. подробный разбор в 3.11.3) автоматически определяет предка

группы форм (а) как наиболее вероятного кандидата на значение 'рука' (= 'arm' и 'hand' одновременно) в праюж.-нилотском; реконструкция **kɛ:tit* (долгота подтверждается записью формы омо у Хайне, хотя у Роттланда гласный почему-то краткий) легко раскладывается на корень **kɛ:t-* и суффикс сингулятива **-it*, ср. общедатого парадигму — ед. ч. **gɛ:did*, мн. ч. **gɛ:diŋ* [Rottland 1982: 479] (отсюда форма *gɛ:d-ín-dà* в гсм, с аналогическим обобщением формы мн. ч.); отметим также, что **k-* в **kɛ:t-* может оказаться застывшим префиксом.

Основа **eɾ* в пракаленджин (скорее все же **e:ɾ*, с «тематическим» гласным **и*, сохраняющимся в определенной форме **e:ɾ-u:t* ← **e:ɾ-u-ita*) не имеет параллелей в омотик или в датого и к внешнему сравнению должна привлекаться лишь во вторую очередь.

19) «голова»: (а) омо *màt-é-tà*, мн. ч. *màt-è-ù:k'à* [Hn.], *màt-é-tà* [Rt.], ннд *mét-ít* [Rt.], *mèt ~ mét-ít* [Cr.], кип *mèt-ít* [Rt.], *mét ~ mét-ít* [Tu.], кео, тук, аке *mét-ít*, мрк *mèt* [Rt.], *met* [Be.], саб *mèt-ít* [Rt.], *mā́t ~ māt-ít* [Tu.], кон, бгм, тер *mèt-ít*, пок *màt-ít*, сог *mèt-ít*, пак *mā́t*; (б) бдж, иси *ù:h-ù-dà*, рот, брл *ù:h-ù-rà*, бнд *hù-rà*. || Rt.: праюж.-нил. **met* → пракал. **met*; дат. *u:huc*.

На уровне пракаленджин-омотик надежно реконструируется основа **met*. Датого **u:h-u:*, с редким случаем ларингального **h* в интервокальной позиции скорее всего должно восходить к **u:ɾ-u:* (регулярный рефлекс → **u:w-u:* с диссимиляцией в контексте губных гласных, ср. ниже похожий случай с этимолоном 'имя', хотя там развитие **w* → *h* имеет место уже на уровне конкретных диалектов). Формы **met* и **u:ɾ-* не этимологизируются на взаимной основе и могут привлекаться к внешнему сравнению примерно на равных основаниях.

20) «слышать»: (а) омо *kà=pántèi*; (б) гсм, иси, рот, бнд *ì:n-à*; (в) ннд *kè=kàs* [Rt., Cr.], кип, кео, тук, мрк *kè=kàs*, кон, пок, кин, аке *kàs*, тер *kàs*; (г) саб *lvɪt* [Br.]. || Rt.: пракал. **kas*; дат. *ì:n*.

Пракаленджин **kas* и датого *ì:n* уверенно реконструируются в значении 'слышать', хотя для **kas*, по-видимому, была изначально характерна полисемия 'слышать' / 'чувствовать': она эксплицитно зафиксирована в подробном словаре ннд, а также позволяет объяснить необычное семантическое развитие основы *kàs* 'слышать' → 'видеть' в бгм и в саб (на самом деле 'чувствовать' → 'видеть'), в то время как в значении 'слышать' в саб утверждается инновация *lvɪt*

(фонетически — идеальное соответствие к ннд =l̥v:m 'накрывать /кого-л.; о воде/; надевать /что-л.; через голову/, но семантика сомнительна, если только речь не идет о развитии вида 'охватить, объять /что-л./ → 'услышать').

На взаимной основе *kas и i:ɲ не этимологизируются, равно как и изолированный корень =rap- в омо; к внешнему сравнению их стоит подключать, по-видимому, в порядке удревления реконструкции (от календжин к датого и далее к омотик).

21) «сердце»: (а) омо k̥ir̥r̥ɔ̃ʔt̥à [Hn.], k̥ir̥r̥ɔ̃:t-t̥á [Rt.], бдж, иси gòr̥ɔ̃r̥-ô-dà, гсм gòr̥ɔ̃r̥-ô-dà, рот, брд gòl̥[ô]-ô-r̥à; (б) ннд mùkùl̥:l-t̥à [Rt.], mùkù:l̥l̥ ~ mùkù:l̥l̥-t̥à [Cr.], кип, кео mùkùl̥:l-t̥à, тук mùkùr̥:l-t̥à, мрк mùkùl̥:l-t̥à [Rt.], mugulo [Be.], саб mik̥il̥:y-t̥à, кон mik̥il̥:y-t̥à, бгм, пок mik̥in̥:y-t̥à, тер mùkùl̥:n-t̥à, кин mùkùl̥:l-t̥à, сог mùkùl̥:l-t̥à, аке mùkùl̥:l-t̥à, пак mik̥il̥:x. || Rt.: пракал. *mukule:l ~ *mukule:r; ом.-дат. *koror.

Очень трудный случай. Бросается в глаза общее фонетическое устройство основ во всех трех ветвях, условно сводимое к варианту *kVLVL, где L — плавный сонорный, причем в языках календжин к этой структуре добавляется «псевдо-префикс» mV=. Однако при этом: (а) омотик-датого *kiror- (наверное, так, вместо *koror у Ротт-ланда — с ассимиляцией в датого) и календжин *mukule:r, даже при признании *mi= «префиксом», не сводятся друг к другу ни в рамках стандартных регулярных соответствий, ни даже при гипотетическом постулировании отдельных дис- или ассимиляций между входящими в состав этих основ сонорными согласными; (б) сами по себе эти двух- и даже трехсложные основы явно не типичны для юж.-нилотских языков: они производят впечатление в лучшем случае производных, в худшем — заимствованных; (в) наконец, трудно рассматривать этот набор форм в отрыве от общеюж.-нилотского этимона 'печень', очень похожего как по структурному устройству, так и по конкретному сегментному составу: ср. общедатого g̥lo/wo:ɲ (← *koro:ɲ), пракаленджин *koror, возможно, также омо kou-ta [Hn.] (если из *kor-u-ta).

Обращает на себя внимание фонетическая близость многих из перечисленных форм к соответствующим формам в языках банту (зона E): ср. кикуйю n=goro, гусии eɲ=koro и др. ← прабанту *=kódò. Сопоставив этот факт с нерегулярностью соответствий внутри юж.-нилотской ветви, необычной «префиксацией» в календжин (совершенно нетипичной для nilотской семьи, но вполне

естественной для банту) и уверенной реконструкцией **koror* ~ **koroŋ* для слова 'печень', можно вывести следующий сценарий: в прауж.-нилотском исконный эквивалент значения 'сердце' либо отсутствовал, либо был неотличим от слова 'печень', но под влиянием языков банту в отдельные ветви независимыми путями проникла основа **=koro* (в календжин она попала с префиксом **mi* ← **ŋ-[k]*- с диссимиляцией), впоследствии контаминировавшая с 'печенью' (что позволяет объяснить наращение второго сонорного согласного в ауслауте).

В этом сценарии остаются слабые места (в частности, не до конца ясна хронологизация процесса), но в любом случае понятно, что архаичный статус перечисленных форм крайне сомнителен, и к внешнему сравнению привлекать их не рекомендуется (впрочем, надежных внешних параллелей в других ветвях нилотской семьи у них нет в любом случае).

22) «рог»: (а) омо *kù'y'à-è:tà*, мн. ч. *kù'y'à-ikà* [Hn.], бдж, гсм *gùzàw-è:dà*, иси *gùzàw-è:dà*, рот, брд, бнд *gùzàw-è:rà*, мрк *kúyìr*, пак *kíyìx*; (б) гсм, брд *qúyí:-tà*, иси *qò:yí:-tà*, рот, бнд *qúyí:-tà*, ннд *kù'yìn-ét* [Rt.], *kù:yìn-à* ~ *kù:yìn-ét* [Ст.], кип *kúyìn-ét*, кео, кон *kù'yìn-ét*, тук *kúyìn-è*, мрк *kúyìn-à*, саб *kù:yí-ét*, бгм *kúyìn-ét*, пок *kù:n-ét*; (в) кин, сог, аке *là:n*. || Rt.: пракал. **kiyìn*; дат. *qiyid*, *gizaw*.

Формы групп (а) и (б) скорее всего этимологически тождественны, но конкретный характер связи определить трудно. Группа (а) сводится к общему двусложному прототипу **kiuɫɾ* (→ омо *kiuau-* с выпадением второго сонанта, датого *gizaw*). Этот же прототип эксплицитно обнаруживается и в тех языках календжин, которые демонстрируют рефлексы прауж.-нил. **r*, отличные от *y*: мрк *kúyìr* и пак *kíyìx* (← **kiyìr*, где гласный второго слога *i*, по-видимому, либо ассимилирован из **a*, либо сменился по аналогии с **kiyìn*, см. далее).

В прочих языках календжин основа **kiuɫɾ* ~ **kiyìr* должна была превратиться в неудобопроизносимое **kiuɫu* ~ **kiyíu*, что могло способствовать ее вытеснению в пользу альтернативной основы **kiyìn*. Эта же основа наблюдается и в датого — в виде **qiy-it*, причем начальный увулярный указывает здесь на более ранний вариант **qvɪ-* (переогласовка и стяжение из **kiu-m?*). Семантические различия между **kiuɫɾ* → *gizaw* и **kiuɫɪ-* → *qiy-id* по описанию Роттланда установить не удастся; в более ранних

работах по датого в значении 'рог' зафиксирована только первая из этих основ (*yudyawed* в [Dempwolff 1917: 315]).

Скорее всего, в обеих основах все же представлен один и тот же исходный корень **kiu-*, а суффиксальные их расширения (**kiu-lr*, **kiu-in*) отражают какие-то старые морфологические варианты — например, сингулятивный и множественный (один возможный сценарий — анализ формы **kiu-ar* как стяжения с числительным **lr-* 'два', см. ниже), хотя такое чередование внутри юж.-нилотской группы не носит системный характер и должно рассматриваться как исключительное.

В языках календжинской подветви окиек основа **kiu-* была вытеснена инновацией **la:n* ← пракал. **la:l* [Rt.] с диссимиляцией; Роттланд восстанавливает для этой основы исходную семантику 'рог (дикого) зверя как сосуд для хранения жира'. Если первичную оппозицию допустимо представлять в виде **kiu* 'рог (домашнего скота)' : **la:l* 'рог (дикой антилопы и т. п.)', то исчезновение **kiu* в языках окиек, на которые в свое время перешли охотники-собиратели доробо, легко объяснимо.

23) «я»: омо *áiné* [Rt.], бдж, брд *á ní: ní*, гсм *à ní: ní*, иси *à ní: ní*, рот *á ní: ní*, бнд *ní: ní*, ннд *á né:* [Rt., Cr.], кип, кео *á né:*, тук *á né:*, мрк *á né* [Rt.], ани [Be.], саб, кон, бгм, пок *à ní:*, тер *á né:*, кин, аке *á né: ò*, пак *á ní:*. || Rt.: прауж.-нил. **an(a)*.

Сопоставление с другими формами местоименной парадигмы (см. ниже 'ты', 'мы') убедительно показывает, что корнем здесь, как и в других nilотских группах, нужно считать морфему **a-*. В чистом виде эта же морфема восстанавливается Ф. Роттландом как субъектный префикс в глагольном спряжении (**a-* в пракаленджин, датого и омотик); для того, чтобы функционировать в качестве независимого личного местоимения, а также как объектный приглагольный суффикс, она расширяется за счет сингулятивного суффикса **-n-*. В датого независимое местоимение, как и большинство остальных, образуется через самоудвоение с последующим стяжением: **a-ni-a-ni* → **á ní: ní*.

Отдельно следует упомянуть наличие в юж.-нилотских языках альтернативной местоименной основы 1-го л. в посессивной функции: прауж.-нил. **ɲ=v:* (ед. ч. 'мой'), **ɕ=v:* (мн. ч. 'мои') → пракал. **ɲv:* / **ɕv:*, датого *ɲi* / *si*, омотик *ɲɛ* / *ɕɛ*: (в омотик нерегулярное вокалическое изменение, возможно, аналогического характера).

Сопоставление этой пары форм с посессивными основами 2-го л. ед. ч. (**ɲ*=и: 'твой', **k*=и: 'твой', см. ниже) показывает, что историческим корнем в них следует считать не **v*:, а скорее **uv*:, где предшествующий гласному палатальный глайд обеспечивает палатализацию посессивного префикса (**n*=*uv*: → **ɲv*:, **k*=*uv*: → **ɕv*:); впрочем, допустимы и другие сценарии, но сам факт того, что посессивная основа 1-го л. ед. ч. в праюж.-нилотском была этимологически отличной от прямой основы, неоспорим.

24) «убивать»: (а) омо *párà* [Hn.], ннд *kè:=pár* [Cr.], кип *kè:=pár*, мрк *kè:=pár*; (б) омо *nù:s* [Rt.], рот, бнд *nù:s-à*; (в) саб, кон, бгм, пок *pákáɕ*; (г) сог *ɲwát* [Hn.]. || Rt.: праюж.-нил. **par* → пракал. **par*; ом.-дат. **nù:s*.

Из-за того, что данные Б. Хайне и Ф. Роттланда по омотик расходятся, налицо ситуация семантического пересечения. Основа **par* выносится на праюж.-нилотский уровень за счет представленности в календжин (где, согласно утверждению Роттланда, в большинстве языков на самом деле в качестве основного значения фигурирует 'пронзать /копьем/'), омотик (только в списке Хайне) и датого (бдж *bar-* в значении 'ударять'). Основа *nù:s* отмечена в омотик (только у Роттланда) и в датого, где для нее характерна полисемия 'убивать / тушить, гасить'. Локальные инновации представлены также в элгон (**pakaɕ* 'убивать' = ннд *=pàkàɕ* [Cr.] 'избивать, убивать, приканчивать, тушить, гасить'; возможно, этимологически связано с почти полностью омонимичной основой **pakaɕ* [Rt.] 'оставлять') и в сог (основа *ɲwát* неизвестного происхождения).

25) «лист»: (а) омо *tàpt-è:tà* [Hn.]; (б) омо *sé:ɲkà* [Rt.], бдж, гсм, иси, рот, бнд *sé:ɲgà*; (в) ннд *sák-á:* ~ *sák-à:t* [Cr.], саб *sek-o* [Br.]. || Rt.: ом.-дат. **sé:ɲ*.

Омотик-датого изоглоссы **sé:ɲ* в принципе достаточно, чтобы вывести эту основу на праюж.-нилотский уровень, но ситуация осложняется за счет двух обстоятельств. Во-первых, очевиден фонетический изоморфизм с ннд *slk-* и саб *sek-* — формами, скорее всего, отражающими пракаленджин **slk-*, хотя в реконструкции Ф. Роттланда эта основа не фигурирует, и оценить ее реальную дистрибуцию невозможно. При этом, однако, соответствия между календжин и омотик-датого нерегулярны как в плане вокализма (*l* : *ɛ*), так и консонантизма (*ɲ* : *k*), что свидетельствует в пользу либо случайного совпадения, либо ареального, а не генетического характера этой связи.

Второе обстоятельство — наличие фонетически сходных форм в ряде языков банту, например, в кикуйю *i=ɗango* (← **=sango*) 'лист'; степень архаичности этих форм установить трудно, но контактная связь по крайней мере с омотик-датога в данном случае почти несомненна.

Все это, вкупе с общей неустойчивостью значения 'лист' в языках рассматриваемого ареала, заставляет относиться к гипотетической праформе **se:ŋ-* с сильным подозрением. Формальные основания допустить ее к внешнему сравнению, тем не менее, существуют, по крайней мере до тех пор, пока не удастся убедительно показать факт заимствования именно в южно-нилотские языки из банту или какого-то другого источника.

26) «вошь»: (а) омо *jùkù* [Hn.], *jòk-tò:tà* [Rt.], бдж, брд *jòk-à*, гсм, иси, рот, бнд *jòk-à*; (б) ннд *ì=sìr-yà:t* [Rt.], *í=sìr-yà: ~ í=sìr-yà:t* [Cr.], кип *ì=sìr-yà:t*, кео *kì=sìr-yà:t*, тук *kì=sìr-yà:nté*, саб *kì=sìr-wé:t*, кон, бгм, пок *sìr-yà:ntét*, пак *ìn=sìr-yà:n*. || Rt.: пракал. **(k)l(n)sir*; ом.-дат. **jok* → дат. *jog*.

Оптимальный кандидат на прауж.-нилотский статус — основа **jok*, сохранившаяся в датога и омотик (рефлексация корневого вокализма, по-видимому, осложнена за счет влияния суффиксов, т. к. по умолчанию ожидалось бы **jok* в датога и **jak* в омотик).

В языках календжин вместо **jok* обнаруживается сложная основа, состоящая из «фиксированного» компонента **=sir-* и «подвижного» начального компонента *l = ~ kl = ~ m = ~ Ø =*. Именно эта «подвижность», совершенно не свойственная юж.-нилотским основам по умолчанию, заставляет подозревать неисконность термина 'вошь' в календжин. Ключевую роль здесь играет форма в пак, где «псевдо-префикс» имеет вид *m=*: она указывает на высокую вероятность исходного заимствования из восточнокушитского источника, ср. сомали, рендилле *inžir* 'вошь' (по-видимому, ← **inžir*, ср. арборе *ingira*, элмоло *inžir* и т. д. [Black 1975: 299]). В большинстве языков непривычный для них кластер *-nž-* (→ *-ns-*) упростился в *s*; что касается «восточнонилотообразного» префикса *kl=*, то он мог появиться в ряде языков вторично, по аналогии с такой основой, как **kimit* 'блоха' [Rottland 1982: 347]. Конечно, не исключена и вторичная контаминация с кушитской основой, тем более, что к корню **=sir* можно обнаружить приемлемые этимологические параллели и в других ветвях nilотской семьи (см. выше

реконструкцию **sirɔ* в прабари), но в любом случае несомненным остается то, что для **=sir* допустима гипотеза о контактно-ареальном происхождении, в то время как для основы **jok*, которая также имеет внешние нилотские параллели (см. празап.-нилотск. **jog*), такую гипотезу сформулировать невозможно.

27) «мясо»: омо *pàŋ-è:kà* [Hn.], *pàŋ* [Rt.], бдж, гсм ед. ч. *bíy-ê:y-dà*, мн. ч. *bàŋ-é-gà*, иси *bíy-é-dà*, мн. ч. *bàŋ-ê-gà*, рот, бнд *bíy-é:y-dà*, ннд ед. ч. *pé:n-tà*, мн. ч. *pàŋ-é:k* [Rt.], *pé:n* ~ *pē:n-tà* [Cr.], кип *pè:n-tí* [Rt.], *pé:n* ~ *pè:n-dí* [Tu.], кео *pé:n-tí*, тук, сог *pè:n-tí*, мрк, пак *pé:n*, саб *pè:n-tú*, *pé:n* ~ *pè:n-dí* [Tu.], кон, бгм, пок, тер *pè:n-tí*, кин, аке *pè:n-tà*. || Rt.: праюж.-нил. **paŋ* → пракал. ед. ч. **pe:n*, мн. ч. **paŋ*; дат. ед. ч. *bíy*, мн. ч. *baŋ*.

Первичный вариант этого корня следует искать в формах мн. ч., т. к. сингулятив ('кусочек мяса') здесь оказывается более маркированным; действительно, в чистом (бессуффиксальном) виде он, по-видимому, представлен в форме мн. ч. *pàŋ* в пак и в омо. «Внутренняя флексия» развилась у него в календжин и в датоба независимо друг от друга, но из общего источника — специально маркированного сингулятива **paŋ-e:ta/* или **paŋ-ya:ta/* → календжин **pe:n/t/-*, датоба **piy-e:ta* (хотя развитие **ŋ* → датоба у нерегулярно; возможно, это косвенно свидетельствует в пользу исходного варианта **paŋ-ya:-*, с упрощением кластера в датоба).

28) «луна»: (а) омо *tɛ:-tà* [Hn., Rt.], бдж, гсм, иси *šê:-dà*, рот, брд, бнд *šê:-rà*; (б) ннд *árâ:w-à* [Rt.], *árâ:w-à* ~ *árâ:w-ét* [Cr.], кип *árâ:w-ét*, кео *árâ:w-ét*, тук *àrà:w-à*, мрк *árâ:w-à* [Rt.], *araw-a?* [Be.], саб *(á)râ:w-ét*, кон *àrà:w-ét*, бгм, пок *àrà:w-ét*, тер *àrà:w-ét*, кин *àrà:w-ét*, сог *árâ:kw-ét*, пак *àrà:w-à?*. || Rt.: пракал. **ara*; ом.-дат. **ɛ* → дат. *šɛ*.

Праюж.-нилотский корень **ɛ* надежно реконструируется по данным датоба и омогик (Роттланд восстанавливает краткий гласный, рассматривая реально засвидетельствованный по языкам вариант **ɛ:-ta/* как стяжение из **ɛ-ita*). В календжин явных следов этого корня не обнаружено, но допустима гипотеза об этимологической связи между **ɛ* и адъективной основой **ɛ:ɛ* [Rt.] 'белый', надежно представленной во всех трех ветвях (см. ниже 'новый'), если только последняя не восходит все же к **re:ɛ* (см. п. 3.11.3), в каком случае такая связь невозможна.

В пракаленджин значение 'луна' выражалось сложной основой, которую мы, по аналогии с похожей ситуацией для слова 'кость'

(см. выше), восстанавливаем в виде **ara(:)w-*, с локальным развитием **ara:w-w-ε:t* → *ara:kwε:t* в сог. Ф. Роттланд упоминает также о наличии формы *arakwε:t* 'луна' в омотик, но в записях Б. Хайне этого слова нет, и отличие его от обычного *ʔε:-tā* 'луна' неясно; похоже, что это на самом деле заимствование из соседних языков окиек.

С другой стороны, «ареальность» данного этимона бросается в глаза: во-первых, это же слово обнаруживается в кулякских языках (ик *àràgw-àn*, тепес *áwàn* со стяжением, см. ниже), во-вторых — фонетически близкие формы представлены в омотских языках: Л. Бендер восстанавливает праомето **agVn-* и одновременно указывает также на связь с бурджи-сидамо **agan-a* [Bender 2003: 118], оставляя открытым вопрос о направлении заимствования (из омотских в восточнокушитские или наоборот).

Если добавить к этому, что и южнонилотское **ʔε* обнаруживает явные ареальные параллели в местных афразийских языках (в первую очередь кушитских — ср. элмоло *lêʔ*, арборе *lèh*, консо *léya:*, йааку *ʔεʔ*; южнокушитские рефлексy с латеральным фрикативным — иракв *ʔah-an*, квадза *ʔahay-* и др.; ср. также онгота *leʔa*), ситуация становится чрезвычайно запутанной — очевидно, что речь идет о группе «бродячих» терминов, для которых очень сложно установить первичный источник диффузии (помимо nilотского, кулякского, омотского и кушитского вариантов, допустимо думать и о влиянии неизвестных древних субстратов).

На данный момент единственная более или менее твердая почва, на которую можно опереться — это дистрибуционный фактор. Омотик-датоба **ʔε* — идеальная изоглосса, не только претендующая на южнонилотский статус, но допускающая и дальнейшее сопоставление с восточнонилотской реконструкцией **ʔapaʔ* 'луна' (о реконструкции см. выше; сравнение особенно перспективно, если удастся показать композитное происхождение вост.-нилотской основы: (?) ← **ʔa-paʔ*). Напротив, календжин **ara(:)w-* не имеет параллелей ни в омотик-датоба, ни в остальных nilотских группах, и выводить его на внешне-генетический уровень сравнения пока скорее бессмысленно, хотя о конкретном источнике заимствования говорить также сложно: ближе всего по фонетике — ик *àràgw-àn*, но в этой форме видны явные признаки «окиекской» фонетики (кластер *gw*), что скорее говорит о южнонилотском происхождении формы в ик, чем наоборот. В целом

можно заключить, что для успешного решения проблемы требуется тщательное изучение деталей исторической фонетики всех затронутых здесь языковых семей, а также более систематическое описание основных направлений локальных языковых контактов.

29) «рот»: омо kò:t-à [Hn.], күт [Rt.], гсм, рот, бнд qò:t-à, иси, брд qû:t-à, ннд kú:t-ît [Rt.], kù:t ~ kú:t-ît [Cr.], кип kǝ:t-ît [Rt.], kô:t ~ kú:t-ît [Tu.], кео kǝ:t-ît, тук kù:t-î, мрк kù:t [Rt.], кәт [Be.], саб kù:t-ît [Rt.], kùt-ît [Tu.], кон, бгм, пок, тер, кин kù:t-ît, сог kú:t-ît, аке kú:t, пак kú:t [Rt., Tu.]. || Rt.: праюж.-нил. *kù:t → пракал. *kù:t, дат. qo:d ~ qu:d.

Реконструкция однозначна, соответствия почти полностью регулярны (за исключением не вполне ясного колебания между рефлексами *o*: ~ *u*: в диалектах датого и омотик).

30) «имя»: (а) омо klɔn [Rt.], бдж, иси, рот qàù:η-gà, гсм qàwù:η-gà, брд qàhù:η-gà, бнд qàù:η-gà, ннд kà:yn-ét [Rt.], kà:yn-a ~ kà:yn-ét [Cr.], кип kà:yn-ét [Rt.], kàìn-à ~ kàìn-ét [Cr.], кео, бгм kà:yn-ét, тук káyìn-é, мрк ká:rín, саб ká:n-ît [Rt.], kà:nì-à ~ kà:ní-ét [Tu.], кон kà:yn-ét, пок kà:yn-ét, тер, сог kà:yn-ét, аке kà:yn-é, пак ká:yn-át. || Rt.: праюж.-нил. *ka:rim → пракал. *ka:rim, дат. qawuη.

Двусложная основа, в состав которой, судя по внешним данным (ср. празап.-нилотск. *rim), входит застывший префикс *ka*= . При присоединении дополнительных именных суффиксов второй гласный в большинстве языков календжин и в омотик редуцируется (*ka:rim → *ka:rin), что, в частности, приводит к нарушению ожидаемой рефлексии в пак (ka:yn- вместо *ka:xn-). В датого *ka:rim → *qawù:n (с метатезой долготы?) → *qawu:η с вокалической ассимиляцией (и далее → *qawu:η- на стыке с велярным смычным показателя мн. ч.; как и во многих других языках рассматриваемого ареала, 'имя' в датого — plurale tantum).

31) «новый»: (а) омо m'ínìη [Hn.]; (б) бдж, гсм á=wè:š, иси, рот, брд, бнд á=wè:š, саб lel. || Rt.: дат. wè:š.

Ни для одной ветви юж.-нилотской группы отдельную лексическую основу с первичным значением 'новый' реконструировать не удастся. По-видимому, для праязыка была характерна полисемия 'белый / новый' (календжин *lɛ:l, датого wè:š ← праюж.-нилотск. *lɛ:l [Rt.] или, возможно, *rɛ:l, см. выше о возможной связи между 'белым' и 'луной'), где 'белый' — прямое, 'новый' — переносное значение (типологических свидетельств в пользу обратного развития у нас нет, в то время как развитие переносного значения 'новый'

на базе цветовой характеристики — например, из значения ‘зеленый’ — вполне естественно). Для омо Б. Хайне приводит форму *m'iniŋ*, т. е. ‘маленький’ (← праюж.-нилотск. **miniŋ* [Rt.]).

32) «ночь»: (а) омо *k'òmìsà* [Hn.]; (б) бдж *éw-è-dà*, гсм *éw-è-dà*, иси *áw-é-dà*, рот, брд *éw-é-rà*, бнд *áw-é-rà*; (в) ннд *ké:mpá:y* ~ *ké:mpà-ù:t* [Cr.], саб *komo*y [Br.]; (г) мрк *ka=tór-it* [Be.]. || Rt.: дат. *ew*.

Реконструкция общеюж.-нилотской основы ‘ночь’ на формальной основе невозможна, т. к. этимон исключительно нестабилен. Во всех языках ветвей календжин и омотик, по которым у нас есть хоть какие-то данные, представлены явно составные двух- и трехсложные основы, которые, судя по тому, что все они начинаются со слога *kV=*, скорее всего, произведены от тех или иных глагольных или адъективных корней (соответствующие префиксы — один из основных способов именного словообразования во всех юж.-нилотских ветвях). С уверенностью можно это утверждать относительно мрк *ka=tór-it* из старого списка Бича — ср. выше мрк *tùr* ‘черный’; формы групп (а) и (в) пока что не поддаются этимологизации, но при этом, несмотря на фонетическое сходство между, например, омо *k'òmìsà* и саб *komo*y, соответствия между ними нерегулярны, и к общему источнику их возвести нельзя (иллюзия единства поддерживается наличием общего «костяка» *kom-*, но если и там, и там *kV=* — на самом деле словообразовательный префикс, иллюзия сразу же исчезает).

Единственной очевидно непроемкой основой из всех оказывается датога *ew-*, в данной ситуации — наиболее перспективный из всех кандидатов на передачу значения ‘ночь’ в праюж.-нилотском. В историко-фонетической перспективе эта форма может отражать как **ew-*, так и **er-*, а также (если *ε* — результат переогласовки перед суффиксом) варианты **aw-* или **ar-*. Несмотря на столь слабую дистрибуцию в языках-потомках праюжнонилотского и на неопределенность фонологической реконструкции, это, по видимому, единственный этимон, который можно вынести на уровень дальнейшего внешнего сравнения.

33) «нос»: (а) омо *sàr* [Rt.], гсм, иси *sár-è-dà*, рот, брд *sàl-é-rà*, бнд *sèl-é-rà*, ннд *sèr-ù:t* [Rt.], *sèr* ~ *sèr-ù:t* [Cr.], кип *sèr-ù:t* [Rt.], *sèr* ~ *sèr-ù:t* [Tu.], кео, кон, тер, кор *sèr-ù:t*, тук *sèr-ù*, мрк *sér* [Rt.], *ser* [Be.], саб *sér-ù:t* [Rt.], *sèr* ~ *sèr-ù:t* [Tu.], бгм *sér-ù:t*, пок *sèr-ù:t*, акс *sér-ù*, пак

sir [Rt.], *sàr* [Tu.]; (б) омо *màrúŋ-tà* [Hn.]. || Rt.: праюж.-нил. **ser* → пракал. **ser*, дат. *sar*.

Реконструкция Ф. Роттланда однозначна; этимон стабилен и сохраняется везде, хотя по омотик данные Роттланда и Хайне расходятся: последний в значении 'нос' фиксирует форму *màrúŋ-tà*, судя по внешним данным — явную инновацию (возможно, «жаргонизм»; допустимо предположить связь с фонетически изоморфной основой *má:r-û:-t* [Cr.] 'серп, секач' в ннд, при условии естественного семантического развития обоих значений из исходного 'клюв').

34) «не»: омо *mà ~ m̀l*, бдж *m*, ннд *ma(:)* [Cr.], саб *ma- ~ mvna-* [Br.].

Ф. Роттланд не приводит подробный перечень форм отрицательного префикса по конкретным языкам календжин, но отмечает, что все они легко сводятся к единому прототипу *ma-*; этот же прототип, судя по данным датого и омотик, легко проецируется и на общеож.-нилотский уровень [Rottland 1982: 122, 242]. Супплетивизм, столь свойственный «восточносуданскому» ареалу в целом (т. е. разные формы отрицательной морфемы в зависимости от аспекта и времени глагольной формы), в южнонилотских языках не наблюдается.

35) «один»: омо *àgʷ-tìd* [Hn.], бдж, гсм, иси, рот, брд, бнд *ági*, ннд *ákê:ŋkè* [Rt.], *ákè:nké* [Cr.], кип *ákê:ŋkè*, кео, тук, тер *ákê:ŋkè*, мрк *àkò:ŋkò* [Rt.], *okorŋo* [Be.], саб, кон, бгм, пок *ákê:ŋkè*, кин *ákê:ŋkè*, сог *ákê:ŋkè*, аке *ákê:ŋkè*, пак *àkò:ŋkò*. || Rt.: пракал. **ake:ŋke*, дат. *agi*.

Несмотря на то, что основы в календжин и датого очевидно изоморфны, Ф. Роттланд не предлагает для них общей реконструкции, возможно, из-за трудностей с определением гласного второго слога. При этом трехсложная автономная основа **ake:ŋke* в календжин очевидно разложима: ср. простую клитическую форму =*ak* 'один' в ннд [Cr.], присоединяемую к корню (напр., *ít-âk* 'одно ухо'). Одновременно с этим есть основания подозревать исходно префиксальный характер элемента **a*, как внутренние (он восстанавливается еще как минимум в двух числительных — ср. ниже **are:n* 'два', а также **aŋwan* 'четыре'), так и внешние (такой же префикс, отчетливо отделимый от корня, в этих же числительных в вост.-нилотских языках).

Сопоставление омотик-датого **a=ki* с календжин **a=k ~ *a=kɛ:-ŋke* заставляет предполагать первичность варианта **=kɪ*, с ассими-

ляцией $*=kI-(V)\eta k\epsilon \rightarrow *=k\epsilon:-\eta k\epsilon$ в «полной» основе в календжин, расширенной за счет этимологически неясного суффикса, а также с редукцией $*=kI \rightarrow *=k$ в тех случаях, когда эта морфема имела клитический характер.

36) «дождь»: бдж, гсм, иси *ró:b-dà*, рот, брд [*ô:f-dà*], ннд *rò:p-tá* [Rt.], *rò:p ~ rò:p-tà* [Cr.], кип *rò:p-tá* [Rt.], *rò:p ~ rò:p-tá* [Tu.], кео *ró:p-tâ*, тук, саб, кон, бгм, пок, сог *rò:p-tá*, мрк *rô:p*, тер, аке *ró:p-tà*, пак *rò:p*. || Rt.: праюж.-нил. $*rɔ:p$.

В омотик слово 'дождь' не зафиксировано (не исключено, что в этом языке для него просто нет отдельной лексической основы, отличной от 'воды'), но датога-календжин изоглосса неоспорима, устойчива и однозначно возводится к праюж.-нил. $*rɔ:p$.

37) «дым»: (а) омо *iy-ê-tà* [Hn.], *iy* [Rt.], ннд *iy-ê-tà* [Rt.], *iyu-ê-t ~ iyu-ê-tà* [Cr.], кип *iy-ê-t*, кео *iy-ê-t*, мрк *ir-ê-t*, саб *y-ê-tít*, кон, пок *iy-ê-tít*, бгм, сог *iy-ê-t*, тер *iy-ê-tà*, кин *iy-ê-t*, аке *iy-ê-tà*, пак *ix-ê-t*; (б) бдж, гсм, иси *ârô:s-dà*, рот, брд *àló:s-dà*, бнд *lós-dà*. || Rt.: пракал.-ом. $*i:r$; дат. *arɔ:s*.

Календжин-омотик изоглосса $*i:r$ реконструируется однозначно и является наиболее убедительным кандидатом на значение 'дым' в праюж.-нилотском. В датога ей противопоставлена двусложная основа *aro:s-*, которую можно сопоставить с адъективной основой *írú:s-* [Cr.] 'темно-серый, синевато-серый' в ннд (правда, вокалическое соответствие *o* : *u*: не вполне регулярно); как внутренние, так и внешние (ср. зап.-нилотск. $*yir$ 'дым') факторы согласованно свидетельствуют в пользу ее вторичности в значении 'дым' на праюж.-нилотском уровне.

38) «звезда»: (а) омо мн. ч. *mèη-kw'ê-ikà* [Hn.], *mèη-kà* [Rt.], бдж, гсм, иси, рот, брд, бнд *mèη-wê:n-dà*; (б) ннд *kè:çè:yá: ~ kè:çè:y-â:t* [Cr.]; (в) кео *kókél-ik*, тук *kàkél-âté*, мрк *kókél* [Rt.], саб *kàkàl-ik*, кон *kàkàl-ik*, аке *kàkél-yànté*, пак *kàkâl*; (г) сог *pàl-têt*. || Rt.: пракал. $*kòkel$; ом.-дат. *me:η*.

Данное стословное значение представлено:

— с одной стороны, очевидной изоглоссой между омотик и датога (корень $*me:η-$, расширенный в конкретных диалектах за счет одного или нескольких суффиксов; для датога Ф. Роттланд приводит только сложные формы сингулятива, но ср. *mienjk* 'звезда', *mienğa* 'звезды' в [Dempwolff 1917: 316], *meη* 'звезда' в [Struck 1911: 130]); по нашей классификации такая изоглосса

должна автоматически претендовать на праюжнонилотский статус, но по классификации Роттланда может рассматриваться и как вторичная инновация в «омотик-датога»;

— с другой стороны, целым рядом основ в языках календжин, из которых наиболее частотна и легко выводима на прауровень основа **kəkɛl* (формы в ннд и в сог в дистрибутивном плане должны считаться инновациями, но надежной этимологии не имеют).

Поскольку на взаимной основе омотик-датога **mɛŋ* и календжин **kəkɛl* не этимологизируются, к внешнему сравнению допустимо привлекать обе основы, причем относительно **kəkɛl* следует помнить о возможной разложимости такого рода формы на структуру **k=ɛkɛl* (или **kɔ=kɛl*, если огубленный гласный первого слога все же входит в исходную структуру застывшего суффикса).

39) «камень»: (а) омо *kàpìl'ân-tà ~ kàptìl'ân-tà* [Hn.]; (б) бдж *làqàn-ê:dà*, гсм, иси *làqàn-ê:dà*, рот *làqàn-ê:rà*, брд, бнд *làqàn-ê:rà*; (в) ннд *kòy-tá* [Rt.], *kòy ~ kòy-tà* [Cr.], кип *kòy-tá* [Rt.], *kòy ~ kòy-tá* [Tu.], тук, тер, кин, сог *kòy-tá*, мрк *kór* [Rt.], *ков* [Be.], аке *kòy-tà*, пак *kóx*; (г) саб *rwa ~ rwa-ntet* [Br.]. || Rt.: пракал. **kɔɾ*; дат. *laqan*.

Пракаленджинскую основу **kɔɾ* 'камень' трудно отделить от омотик ед. ч. *kɔwà-tà*, мн. ч. *kɔwà'-ŋkà* [Hn.] 'гора', хотя вокалическое соответствие между **kɔɾ* и **kway* (← **kwar*) нерегулярно, если только за ним не стоит какое-то редкое, не учтенное в реконструкции Роттланда праязыковое сочетание (например, **kɔwɔɾ* с разными направлениями диссимилиации в календжин и в омотик). Но даже если эти формы исторически не связаны друг с другом, **kɔɾ* все равно остается оптимальным кандидатом на статус юж.-нилотского 'камня', т. к.:

— омотик *kàp(t)ìl'ân-tà* [Hn.] — судя по своей сложной структуре, производная форма, требующая в первую очередь внутренней этимологизации (для которой пока не хватает данных);

— датоба **laqan* 'камень' хорошо соответствует в календжин двусложной основе **lekɛm* [Rt.] 'гора'; различия в артикуляции носового согласного легко объяснимы внутренним сандхи с суффиксом в составе «полной» формы (либо в датоба **laqan-ɛ:da* ← **laqam-n-ɛ:da*, либо в календжин **lekɛm-ɛt* ← **lekɛn-w-ɛt* с последующим аналогическим выравниванием). Двусложность этой основы также подозрительна и заставляет думать о возможных ареальных связях: ср., в частности, такие формы в языках банту, как

гусии *re=gena*, нгурими *li=gena* и др. 'камень' — вариант заимствования одной из таких форм вместе с ее классным показателем, если не в праож.-нилотский, то, по крайней мере, независимо друг от друга в датого и в календжин, вполне вероятен;

— саб *rwa* (инновация, вероятно, относится к уровню прасебей, но по остальным диалектам информация отсутствует) не выводится на общекаленджинский уровень; при этом допустимо, что старая основа **kɔr* в этой ветви сохраняется в составе производной основы — ср. саб *koy-an-tet* [Br.] 'градины, льдины, снег'.

К внешнему сравнению следует, таким образом, привлекать в первую очередь календжин **kɔr* как основу, не имеющую признаков производности и реконструируемую на максимальную хронологическую глубину; во вторую очередь — основу **lekem- ~ *leken-*, не забывая о довольно высокой вероятности ее заимствованного происхождения.

40) «солнце»: омо *àsèt-èt-tà* [Hn.], *àsé-t-à* [Rt.], бдж, пот *ásê-t-à*, гсм, иси, брд *àsé-t-à*, бнд *sé-t-à*, ннд *àsì:s-tà* [Rt.], *ásì:s ~ àsì:s-tà* [Cr.], кип *àsì:s-tá* [Rt.], *ásì:s ~ àsì:s-tá* [Tu.], кео, кон, бгм, пок, тер *àsì:s-tà*, гук *àsì:s*, мрк *ásì:s*, саб *àsì:s-tá* [Rt.], *āsìs ~ āsìs-tá* [Tu.], кин, аке *àsé-t-à*, сог *àsì:s-tá*, пак *àsì:s*. || Rt.: пракал. **asìs*; праом.-дат. **asèt* → дат. *asè:d*.

Ф. Роттланд не предлагает для пракаленджин **asìs* и омотик-датого **asèt* (общедатого *asè:ta* ← **asè:d-ta*) общей реконструкции, т. к. наблюдаемые соответствия не укладываются в общую схему. Тем не менее, специфические особенности рассматриваемых форм позволяют думать об индивидуальном историческом сценарии развития из единой праформы вида **asit*, которая:

— в омотик и в датого представлена в виде полной формы **asit-a-ita* → **asèt-è:ta*, с вокалической ассимиляцией и последующим гаплогогическим упрощением → **asè:ta* в большинстве диалектов (но в записи омотик у Б. Хайне еще сохраняется старый вариант);

— в календжин диссимилировалась в составе полной формы: **asit-ita* → **asì:s-ta*, причем краткая форма была впоследствии выровнена по аналогии с полной. Отметим, что окиекские формы, такие, как кин, аке *àsé-t-à*, скорее всего, отражают ареальное влияние омотик (вряд ли в них независимым образом имело место то же самое развитие).

С другой стороны, допустим и обратный сценарий, при котором более архаичная форма, наоборот, сохраняется в календжин,

а в омотик-датога имела место гаплоглозия: **asis-a-ita* → **ases-ε:ta* → **ase:ta* (в этом случае форма *àsèt-è:tà* у Хайне должна рассматриваться не как архаизм, а, напротив, как инновация, т. е. как новая полная форма, образованная за счет продуктивного расширения застывшей старой). Такой вариант лучше согласуется с идеей генетической общности омотик-датога, т. к. речь идет о достаточно нетривиальной совместной инновации.

Решающим аргументом в данной ситуации может быть только уровень внешнего сравнения, на который приходится выносить оба варианта (**asis-* и **aset-*) без фонетической конкретизации второго согласного. Обратить внимание следует и на двусложную структуру корня, косвенно указывающую либо на присутствие в ней старого застывшего префикса **a=* (который по внутриюжнонилотским данным надежно выделить не удастся), либо на ее неисконный характер. В этой связи уместно напомнить, что и тот из двух претендентов на статус праюж.-нилотской 'луны', который в историческом плане вызывает большие сомнения (пракаленджин **araw*, см. выше) также является двусложной основой на **a=*.

41) «хвост»: (а) омо *sàr'ù:r-iè:tà*, мн. ч. *s'árúr-kà* [Hn.], *sàrùr* [Rt.], ннд *sà:rù:r-yét* [Rt.], *sá:rù:r* ~ *sá:rù:r-yét* [Cr.], кип *sâ:rù:r* [Tu.], кео *sà:rù:r-yét*, тык, мрк *sá:rù:r*, саб, кон, пок *sá:rù:r-yét*, тер, сог *sà:rù:r-yét*; (б) бдж, гсм *šim(i)ŋ-én-dà*, иси, брд *šimŋ-án-dà*, рот *šémŋ-én-da*; (в) рот, бнд *rùm-ó-rà*; (г) ннд *ká:tù:t-yét* [Rt.], *kà:tù:t* ~ *kà:tù:t-yét* [Cr.], кип *ká:tù:t-yét* [Rt.], *kâ:tù:t* ~ *kâ:tù:t-yét* [Tu.], тык, тер *ká:tù:t-yét*. || Rt.: пракал.-ом. **sarv:r*; дат. *šimŋ*; нанди-мрк. **kɛ:tu:t*.

В календжинской подветви нанди-марквета, судя по определениям в словаре ннд, основа **sarv:r* 'хвост (у скота)' противопоставлена основе **kɛ:tu:t* 'хвост (вообще)'. В этой ситуации можно думать о постулировании лексикостатистической замены, но более важный вопрос — насколько архаична такая оппозиция: чисто теоретически она может отражать и праюж.-нилотское состояние, т. к. для этого периода уверенно реконструируется скотоводческая терминология. На наш взгляд, нанди-марквета **kɛ:tu:t* все же уместнее рассматривать как инновацию, т. к. (а) эта основа не находит параллелей даже в других языках календжин, не говоря уже об омотик и датога; (б) сама форма **kɛ:tu:t* производит впечатление производной, причем здесь можно тестировать гипотезы как суффиксального характера (с продуктивным суффиксом *-u:t*), так и

префиксального (с продуктивным префиксом *ka=*), хотя производящая основа однозначно не определяется (возможно, пракаленджин **kat* 'колючка?').

(Фонетическую изоморфность между нанди-марквета **kɪtu:t* и общебари **kɔtɛt* 'хвост' /см. выше/, по-видимому, следует все же списывать на случайное совпадение. Выше было показано, что форма в бари имеет довольно прозрачную внутреннюю этимологию; к этому добавляются также существенные расхождения в вокализме).

Таким образом, на пракаленджинском уровне «родовое» значение 'хвост' с большей вероятностью было присуще основе **sa:rv:r*; она же обнаруживается и в омотик, что выводит ее на еще более ранний хронологический уровень (если только в омотик на самом деле не представлено ареальное заимствование из окиекских языков). В диалектах датого следов этой основы не обнаружено; вместо нее здесь наблюдаются рефлексы либо трехконсонантной основы **šimɪŋ* (очевидно, ← **limɪŋ*; реконструкция вокализма приближительна), либо основы **dum-*, которая, возможно, восходит к значению 'penis' (именно такая оппозиция наблюдается в словнике О. Демпвольфа: ср. *šemaŋ-end* ~ *šemuŋ-end* 'хвост', но *tumɔt* ~ *dumɔd* 'penis'). К ним в языках календжин также нет параллелей.

В целом ситуация здесь обстоит примерно так же, как и в вост.-нилотской группе: налицо большое разнообразие лексических вариантов, как правило, трехконсонантных, с трудом поддающихся этимологизации и по крайней мере теоретически разложимых на биморфемные цепочки. В этих условиях на уровень внешнего сравнения можно вынести как пракаленджин **sa:rv:r*, так и датого **šimɪŋ*, но особенных надежд на то, что к ним удастся обнаружить хорошие внешние параллели, питать не следует. Скорее мы и здесь имеем дело с общей тенденцией к метафоризации значения 'хвост' и заменой старого термина на какие-то лексические «раритеты» или жаргонизмы.

42) «ты»: омо *ɪjê*, бдж *áŋjɪ̀*, гсм, брд *áŋjɪ̀*, иси *ɪjê:ɪ̀*, рот *áŋjɪ̀*, бнд *ɲí:ɪ̀*, ннд *ɪjê*: [Rt.], *ɪjê*: [Cr.], кип, кео, тук *ɪjê:*, мрк *ɪjêɪ̀* [Rt.], *ɲí:* [Be.], саб *ɲí*, кон *ɪjɪ:ɲ*, бгм *ɪjɪ:ɲ*, пок *ɪjɪ:ɲ*, тер *ɪjê:*, кин *ɪjê:t*, аке *ɪjê:t*, пак *ɲí:*. || Rt.: праж.-нил. **ɪp(a)*.

Как и в других nilотских группах, корневая морфема со значением 2-го л. ед. ч. в южнонилотских языках имеет вид **i-* (в чистом

виде она, аналогично основе **a-* 1-го л. ед. ч., представлена как субъектный показатель в глагольных формах) и образует независимое местоимение, будучи расширена за счет консонантной «темы» **-n-* (рефлекс *-n-* в омо и др. языках обусловлен смягчением в позиции между двумя передними гласными). Нетривиальное развитие представлено в датога: здесь, как и в случае с местоимениями 1-го л. (см. 'я', 'мы'), полная форма независимого местоимения образуется через самоудвоение (**i-ni-i-ni* → **iɲi:ni*), но за этим, во-первых, в разных диалектах следуют различные диссимилиации (чаще всего — с развитием одного из двух или обоих палатальных носовых в велярные), во-вторых, начальный гласный **i-* → *a-* по аналогии с местоимением 1-го л.; этот процесс, по-видимому, начал развиваться после того, как основная оппозиция между формами 1-го и 2-го л. стала осознаться не как противопоставление гласных *a* и *i*, а согласных *n* и *n/ɲ* (ср. в бдж: *áɲi:ni* 'я' vs. *áɲɲi* 'ты' и т. д.).

Совершенно иной вид имеет посессивная основа местоимения 2-го л. ед. ч., которую Ф. Роттланд восстанавливает как оппозицию **ɲu(:)* (→ календжин **ɲu:*, датога *ɲU*, омотик *ɲu*) 'твой' : **ku(:)* (→ календжин **ku:*, датога *gU*, омотик *ko*). Аналогия с симметричной оппозицией **ɲu(:)* : **ɕu(:)* для посессивного местоимения 1-го л. (см. выше) показывает, что, если для 1-го лица внутренняя реконструкция позволяет выявить палатализирующий фактор, который трансформирует классическую оппозицию по числу **n=* / **k=* в **ɲ=* / **ɕ=*, то здесь, напротив, задействован «веляризирующий» фактор, трансформирующий ее в **ɲ=* / **k=*. Таким фактором мог бы, в частности, оказаться глайд **w*: **n=wi* → **ɲu*, **k=wi* → **ku* — это не единственно возможный сценарий, но он предполагает для раннепраюжнонилотского состояния достаточно элегантную и симметричную систему, из которой непротиворечиво выводятся все современные рефлексy (для 1-го л. ед. ч. прямая основа **a*, посессивная **=ɲu*; для 2-го л. ед. ч. прямая основа **i*, посессивная **=wi*; см. также ниже 'мы').

43) «язык»: омо *nètép-tà* [Hn.], *ɲètɛp* [Rt.], ннд *ɲélyèp-tà* [Rt.], *ɲélyèp* ~ *ɲélyèp-tà* [Cr.], киш, сог *ɲélyèp-tà* [Rt.], *ɲélyép* ~ *ɲélyèp-tá* [Tu.], кео, аке *ɲélyép-tà*, тук *ɲályáp-tà*, мрк *ɲályáp* [Rt.], *ɲalíep* [Be.], саб *ɲályáp-tà* [Rt.], *ɲélyép* ~ *ɲélyép-tá* [Tu.], кон *ɲályáp-tá*, бгм, пок *ɲàɲáp-tà*,

тер *ɣɛ̀ɾɛ̀p-tà*, кин *kélyép-tà*, пак *ɣàlyâp* [Rt.], *ɣàlyâp* [Tu.]. || Rt.: прауж.-нил. **ɣelyep* → *пракал*. **ɣelyep*.

Двусложная структура основы и, по всей видимости, присутствие в ее составе редкого (но при этом хорошо сохранившегося во многих языках-потомках) сочетания *-*ɬy*- затрудняют детальную экспликацию соответствий. Исходя из общего разброса рефлексов, вариант **ɣelyep*, реконструируемый у Ф. Роттланда, вызывает наибольшее доверие; все основные модификации вызваны процессами ассимилятивного (чаще всего встречается развитие → **ɣepɛp*) или, реже, диссимилятивного («десонантизация» → *kelyep* в кин) характера.

Не представляется до конца оправданным исключение из данной этимологии рефлексов в датого. В старых источниках в них зафиксирован только начальный *m*- (*mso:p-ita* в [Struck 1911: 132]; *mišap-t* ~ *mižop-t* в [Dempwolff 1917: 314]), но ср. ед. ч. *ɣiṣab-da*, мн. ч. *ɣiṣæb-gæ:-ga* в [Creider, Rottland 1997: 85] (формы взяты из диалекта гисамджанга) — эта форма совершенно закономерно возводится к юж.-нилотскому прототипу **ɣiler*, т. е. нерегулярное соответствие между датого и календжин-омотик здесь наблюдается только в вокализме 1-го слога, что, при условии полной корреляции четырех прочих сегментов, не может служить основанием для отдельной этимологизации рефлекса в датого.

Что касается конкретной нерегулярности, то для ее разрешения здесь необходим выход на внешний уровень — она может отражать как архаичность формы в датого (и, наоборот, инновативную ассимиляцию **ɣiler* → **ɣelyep* в календжин-омотик), так и инновацию (например, с переосмыслением начального слога как посессивного префикса 'твой', см. выше); внешние параллели в вост.-нилотских языках скорее предполагают второй вариант. (Возможны и «экстравагантные», чисто фонетические сценарии, например, развитие **ɣalyep* → **ɣalwep* с последующей метатезой и стяжением: → **ɣawlep* → **ɣwlep* → **ɣiṣab*, принципиально недоказуемые без дополнительных аналогичных примеров.)

44) «зуб»: (а) омо мн. ч. *ilùákà* [Hn.]; (б) гсм, иси *gè:š-àd-è:dà*, рот, брд, бнд *gè:š-àr-è:rà*, ннд *kè:l-tét* [Rt.], *kè:l-ta* ~ *kè:l-tét* [Cr.], кип *kê:l-tét* [Rt.], *kê:l-dà* ~ *kê:l-dét* [Tu.], кео *kè:l-tét*, тук *kè:l-tá*, мрк *kè:l-át* [Rt.], *kel-at* [Be.], саб *kè:l-yèt* [Rt.], *kél-dà* ~ *kél-yà* ~ *kêl-dét* [Tu.], кон *kè:l-tét*, бгм,

пок, тер *kè:n-tét*, кин *ɲkè:l-èk*, сог *ké:-tèt*, аке *ké:l-tè*, пак *ké:l-àt* [Rt.], *ké:l-àt* [Tu.]. || Rt.: праюж.-нил. **kɛ:l-at* → пракал. **kɛ:l-(at)*; дат. *ge:šad*.

Праюж.-нилотская форма корня однозначно определяется в виде **kɛ:l*, причем основа уже в праязыке была расширена за счет суффикса **-at* — возможно, бывшего сингулятива, переосмысленного как неотделимая часть основы. Лексическое замещение имело место только в омо, где форма мн. ч. *ilùákà* легко опознается как кушитизм: ср. сомали *ilig*, рендилле *ilko*, арборе *ilkwa* и др.

45) «дерево»: (а) омо *kwén-tʔ:tà*, мн. ч. *kwè:ɲ-kà* [Hn.]; (б) бдж, гсм, иси, рот, брд, бнд *gê:t-à*, ннд *két-ît* [Rt.], *kèt ~ két-ît* [Cr.], кип, кео, тук *két-ît*, мрк *kê:t* [Rt.], *ket* [Be.], саб, кон, бгм, пок *kèt-ît*, тер, кин *két-ît*, сог *kèt-ît*, аке *két-i*, пак *két*. || Rt.: праюж.-нил. **kɛ:t* → пракал. **kɛ:t*, дат. *ge:d*.

Дистрибуция рефлексов праюж.-нил. основы **kɛ:t* однозначно определяет ее как оптимального кандидата на значение 'дерево (растущее)' в праязыке. Однако на самом деле ситуация сложнее, т. к. несводимая к прототипу **kɛ:t* основа *kwɛn-* в омо напрямую соответствует таким формам, как датога **qwe:n* и пракаленджин **kwe:n* (→ ннд *kwè:n-ík*, etc.) 'дрова, хворост' [Rottland 1982: 357, 499]; для собственно омотик Ф. Роттланд также приводит форму *kwɛ:n* в значении 'дрова', а не 'дерево', но в записях Б. Хайне именно эта основа недвусмысленно определена в первую очередь как базисный эквивалент значения 'дерево'. Поскольку в типологическом плане семантическое развитие 'дерево' → 'дрова' является типовым, а обратное — крайне маловероятным, налицо коллизия, разрешить которую нельзя без обращения к внешним данным.

Если предварительно допустить к сравнению полученные выше зап.-нилотские (ед. ч. **ya:-t*, мн. ч. **yɛ-n*) и вост.-нилотские (ед. ч. **kaye-t*, мн. ч. **kaye-n*) реконструкции, такое сравнение значительно повышает не только вероятность того, что основа **kɛ:t* должна исторически члениться на застывший префикс **k=*, корень **=ɛ:-* и также застывший суффикс сингулятива **-t*, но и вероятность того, что праюж.-нилотские основы **kɛ:t* и **kwe:n* на самом деле содержат один и тот же корень — и отражают единую «квази-супплетивную» праюж.-нилотскую парадигму: ед. ч. **k=ɛ:-t* 'дерево': мн. ч. **k=we:-n* 'деревья (растущие), дрова, хворост'. Из-за того, что старая суффиксальная пара *-t* : *-n* уже на праязыковом уровне была переосмыслена как часть корня, дальнейшее развитие шло либо

по пути образования нового сингулятива 'дерево' от старой формы мн. ч. (в омотик), либо, наоборот, по пути развития новых форм мн. ч. в значении 'деревья (растущие)' (в датого и в календжин).

Изложенная гипотеза плохо стыкуется с тем, что в формах мн. ч. в праюж.-нилотском корень имеет вид $*=we:-$, а не $*=e:-$. Однако на данный момент мы еще не очень хорошо представляем себе как общую структуру реконструируемого корня, так и вокалические характеристики корневого и суффиксального вокализма на пра-нилотском уровне, и нельзя исключить, что морфонологическое чередование вариантов с глайдами $*w$ и $*y$ было обусловлено разницей в огласовках, возникавших на морфемных стыках. В любом случае, даже если речь здесь все-таки идет о двух исторически разных корнях, супплетивная связь между ними на праюж.-нилотском уровне в рамках одной парадигмы представляется, при текущих данных, оптимальным сценарием.

46) «два»: омо à'nià [Hn.], бдж, брд, бнд íyê:n, иси, рот íyê:n, ннд lé:η [Rt.], лè:η-ú [Cr.], кип íyê:η, кео, саб, кон, пок, аке íyê:η, тук, сог lé:η, мрк àrê:η [Rt.], орин ~ о:ден [Be.], бгм lé:η, тер lé:η, кин à'ji, пак òxé:j. || Rt.: пракал. $*lwe:j$; дат. $íye:j$.

Ф. Ротланд не предлагает для данного этимона реконструкции на праюж.-нилотском уровне, очевидно, из-за нерегулярных консонантных и вокалических соответствий между календжин и датого (для омотик соответствующая параллель в его монографии вообще не приводится, хотя форма à'nià в записях Б. Хайне, на наш взгляд, вполне адекватно вписывается в общую картину). Учитывая, однако, что все прочие числительные от 1 до 5 на праюж.-нилотский уровень выводятся без проблем и стабильно сохраняются во всех языках-потомках, вероятность того, что для числительного 'два', самого устойчивого из всех по среднестатистическому индексу стабильности, ситуация обстоит иначе, крайне мала. На самом деле здесь можно предложить индивидуальный сценарий развития примерно следующего вида:

(а) общая структура числительного 'два' в праюж.-нилотском имела вид $*l=ri-e\eta$, т. е. содержала те же префиксальный компонент $*l=$ и суффиксальный $*-e\eta$, что и числительное 'один' (см. выше); единственное отличие заключалось в том, что в случае с 'двойкой' из употребления относительно рано вышли «краткие» формы, т. е. $*ri$ как аналог $*kl$ 'один';

(б) в календжин имело место предсказуемое стяжение $*l=ri-e\eta \rightarrow *l=re:\eta$, а в ряде диалектов конечный велярный носовой под влиянием переднего вокализма палатализовался ($\rightarrow *l=re:j$);

(в) в датого $*l=ri-e\eta \rightarrow *l=ry-e:\eta$, т. е. $*r$ оказывается в составе палатального кластера, что и обуславливает нерегулярный рефлекс $*у$ вместо требуемого $*w$; развитие $*l=y-e:\eta \rightarrow *iye:j$, с распространением палатальной артикуляции на все сегменты основы, типологически вполне естественно, хотя степень регулярности оценить пока трудно (отметим, что в старой записи О. Демп-вольфа еще дается форма $iye\eta$ с велярным носовым). Альтернативный сценарий может предполагать, что *сначала* имеет место ассимиляция $*l=ri-e\eta \rightarrow *i=ri-e\eta$, после чего $*r \rightarrow у$ вместо $*w$ в позиции между двумя передними гласными (ср. ниже 'вода').

(г) в омотик $*l=ri-e\eta \rightarrow *aye\eta \rightarrow *ai\eta$; то, что у Б. Хайне носовой характеризуется как переднеязычный, может быть обусловлено слиянием с последующим суффиксом (если это $*-ti-$, как в $\dot{a}g\dot{t}:-t\dot{i}-\dot{o}$ 'один', то, может быть, $*ai\eta-ti \rightarrow *ainti- \rightarrow aini-?$).

Как и любой другой индивидуальный сценарий такого рода, изложенная схема развития не является единственно возможной, но предлагает в целом экономное и непротиворечивое решение, к тому же согласующееся с внешними данными в других нилотских группах.

47) «вода»: омо $p\grave{a}i-k\grave{a}$ [Hn.], $p\grave{a}y$ [Rt.], бдж, гсм $b\acute{e}:-g\grave{a}$, иси, рот, брд, бнд $b\acute{e}:-g\grave{a}$, ннд $p\acute{e}:-k$ [Rt.], $p\grave{a}y \sim p\acute{e}:-k$ [Cr.], кип, кео, тук, тер, кин $p\acute{e}:-k$, мрк $p\acute{e}r\acute{e}:-k$ [Rt.], $perr$ [Be.], саб, кон $p\acute{e}:-k\grave{a}$, бгм, пок $p\acute{e}:-k\acute{a}$, сог $p\acute{e}:-k$, акс $p\acute{e}:$, пак $p\acute{i}x$. || Rt.: прауж.-нил. $*per \rightarrow$ пракал. $*per$, дат. $ba:w$.

Реконструкция $*per$ Ф. Роттланда, по-видимому, оптимальна. В прауж.-нилотском эта основа являлась *plurale tantum*, т. е. в «полной» форме имела вид $*per-ikl$ (с суффиксом мн. ч.) \rightarrow календжин $*per-kl$ ($\rightarrow *pey-kl \rightarrow *pe:kl \sim *pe:k$ во всех языках, кроме мрк, где регулярно сохраняется вибрантная артикуляция), датого $*bewiga \rightarrow *beyiga \rightarrow be:ga$, омотик $paika$. Общедатого форма $ba:w$ 'вода' у Роттланда остается неясной, т. к. при ней не приводятся подтверждающие такую реконструкцию формы из живых диалектов (если они действительно существуют, то должны представлять «краткую» форму = календжин $*per$).

48) «мы»: омо $\acute{e}\acute{q}\acute{a}$, бдж, рот $\acute{a}s\acute{e}:\acute{s}\acute{a}$, гсм $\acute{a}s\acute{e}:\acute{s}\acute{a}$, иси $\acute{a}s\acute{e}:\acute{s}\acute{a}$, брд $\acute{a}s\acute{e}:\acute{s}\acute{a}$, бнд $\acute{s}\acute{a}:\acute{s}\acute{a}$, ннд $\acute{a}\acute{q}\acute{e}:\acute{k}$ [Rt.], $\acute{a}\acute{q}\acute{e}:\acute{k}$ [Cr.], кип, кин $\acute{e}:\acute{q}\acute{e}:\acute{k}$, кео $\acute{a}\acute{q}\acute{e}:\acute{k}$,

тук, саб, пок àçé:k, мрк íçâ:n [Rt.], аца [Be.], кон, бгм, тер àçé:k, аке éçé:t, пак àçâ:. || Rt.: праюж.-нил. *аца.

На уровне пракаленджин независимое местоимение 1-го л. мн. ч. восстанавливается в виде *аçé:k; дальнейшее сопоставление с омотик и датого позволяет возвести эту форму к более ранней структуре *аца-ika, где *-ika — определенный суффикс мн. ч., скорее всего, закрепившийся за этой (и другими) формами личных местоимений мн. ч. только в пракаленджин. Напротив, в датого и в омотик вместо *аца наблюдается прототип *çа или *аç-çа (в датого — с редупликацией основы, как и во всех остальных формах независимых личных местоимений); объяснить это расхождение в вокализме корня с календжинскими языками трудно (она явно не аналогична развитию из *аçé:k → эçé:k в ряде диалектов календжин, где налицо простой ассимилятивный процесс).

По-видимому, в данной ситуации проще предположить инновацию в календжин, где *э-çа → *а-çа по аналогии с *а-пэ в 1-м л. ед. ч. Более того, архаичность передней артикуляции корневого гласного имплицитно подтверждается тем, что за ним следует палатальный сегмент. Ср. в календжин оппозицию между 1-м л. мн. ч. *а-çé:k и 2-м л. мн. ч. *ɔ-kwé:k (ннд žkwék, etc.): в обоих случаях налицо исходная структура «корневой гласный» (*э в 1-м л., *ɔ во 2-м л.) + «старый суффикс мн. ч. *ka, дублирующий дистинктивный вокалический признак гласного корня» (*ka → *kʷa → *çа в 1-м л., *ka → *kʷa → *kwa во 2-м л.) + «детерминант мн. ч. *-ika). Такое расщепление старого форманта мн. ч. на «палатальный» и «лабиальный» варианты имело место уже на праюж.-нилотском уровне, ср. в омотик: эçа 'мы' ← *э-kʷa, но žkwa 'вы' ← *ɔ-kʷa. Это привело к тому, что он вообще перестал восприниматься как отдельная грамматическая морфема, и в пракаленджин (но не в омотик и не в датого) местоимение было расширено вторично за счет дублирования застывшего показателя мн. ч. продуктивным суффиксом *-ika.

Посессивная основа местоимения 1-го л. мн. ч. однозначно восстанавливается у Ф. Роттланда в виде *п=a(:) 'наш', *ç=a(:) 'наши', ср. для симметрии *п=wa(:) 'ваш', *k=wa(:) 'ваши' [Rottland 1982: 239–240]. Сопоставив эти формы с посессивными основами ед. ч. (см. выше 'я', 'ты'), получаем симметричную схему: *=yʷ 'мой', *=wʷ 'твой', *=ya 'наш', *=wa 'ваш'. Дальнейший анализ этой системы

(с возможным вычлениением из нее показателей ед. и мн. ч. и т. п.) уместно проводить уже с выходом на внешний уровень сравнения.

49) «что»: ннд *nè*: [Cr.], саб *ne* [Br.].

50) «кто»: ннд *ηl̥*: [Cr.], мрк *ηo* [Be.], саб *ηo* [Br.].

Монография Ф. Роттланда не содержит данных по вопросительным местоимениям в юж.-нилотских языках, так что детальная реконструкция здесь невозможна. Тем не менее, сопоставление немногочисленных данных, доступным нам из словарей и словников по нескольким языкам календжин, а также сравнение их с формами вопросительных местоимений в старых источниках по датога (*na-ha* 'что?', *ne-ha* 'кто?' [Dempwolff 1917: 318]; *kilnatia* 'что?', *aiηeηi* 'кто?' [Struck 1911: 131] — вероятно, на самом деле фразы вида 'что это?', 'кто это?', с трудом поддающиеся расчленению), позволяет довольно уверенно предполагать, что на праюж.-нилотском уровне главными основами со значением 'что?' и 'кто?' были соответственно морфемы **nV* (**ne?*) и **ηV* (**ηl̥?*; точная реконструкция вокализма при столь скудном объеме данных невозможна, тем более что в разных диалектах могли иметь место стяжения с дополнительными суффиксами или частицами).

3.12. Кулякская группа.

3.12.1. *Общие сведения и источники.* Последний из кандидатов на принадлежность к большой восточносуданской семье языков, перечисленных в исходной схеме Дж. Гринберга, — небольшая и достаточно своеобразная группа из трех т. н. «реликтовых» языков Уганды, только один из которых (ик) на сегодняшний день не считается вымершим или вымирающим. Следует подчеркнуть, что на момент создания общеафриканской классификации Гринберг обладал чрезвычайно скудными и ненадежными данными по кулякским языкам, так что включение их в состав восточносуданского таксона изначально носило сомнительный характер; однако после того, как в свет вышли результаты новых полевых исследований Б. Хайне, идея восточносуданской аффилиации куляков была активно поддержана как минимум двумя ведущими «нило-сахаристами» (Г. Флемингом и К. Эретом), в работах которых лексический материал кулякских языков регулярно фигурирует в окружении «восточносуданских» этимологий [Ehret

2001; Fleming 1983b], так что вопрос о внешних связях этих языков, безусловно, заслуживает предварительного рассмотрения уже в «восточносуданской» части нашего исследования.

С другой стороны, восточносуданская аффилиация кулякских языков была безоговорочно отвергнута М. Л. Бендером, а в заслуживающем, на наш взгляд, серьезного внимания исследовании [Lamberti 1988] собрано много аргументов в пользу радикально альтернативной гипотезы — исключения кулякских языков из нило-сахарской макросемьи и включения их в афразийскую, в рамках которой наибольшее число сходжений обнаруживается между кулякскими и кушитскими языками (автор не настаивает эксплицитно на безоговорочной правоте гипотезы, но утверждает, что ему удалось установить регулярные фонетические соответствия между пракулякским и пракушитским). В методологическом плане работа Ламберти не свободна от существенных недостатков (впрочем, достаточно типичных для современных исследований по афразистике: слабая проработанность семантической стороны сопоставлений, пренебрежение принципом «ступенчатости» в реконструкции и т. п.), но сам факт того, что кулякская группа оказалась единственным представителем «восточносуданской» семьи, альтернативно претендующим на принадлежность к другой макросемье, заставляет отнестись к вопросу о его классификации с особым вниманием.

Внутренняя классификация кулякской группы основана на совершенно однозначных данных как лексикостатистики, так и фонетико-морфологических изоглосс и имеет следующий вид:

I. Ветвь *ик* («северная»):

1) *Ик*, он же *теусо* [икк]: $\approx 10,000$ носителей, занимающихся производящим хозяйством на северо-восточной границе Уганды (субрегион Карамоджа). Первый краткий лексический список по этому языку опубликован в этнографической работе [Wayland 1931: 217–218], где племена *ик* фигурируют под названием «вандеробо»; впрочем, Б. Хайне [Heine 1976: 4–5] отмечает, что речь скорее идет не о собственно *ик*, а о каком-то близкородственном диалекте, судя по значительным лексическим расхождениям с данными *ик*, собранными им самим. Прочие словники, составленные рядом миссионеров в первой половине XX в., а также грамматический очерк, составленный Дж. Краццолара в 1967 г.,

остаются труднодоступными (Б. Хайне, которому удалось ознакомиться с рукописью Дж. Краццолара, говорит о высокой степени точности описания материала, включая тональную нотацию и другие аспекты).

Первые заслуживающие внимания публикации по ик, в которых подробно разбираются основные грамматические структуры, принадлежат А. Такеру [Tucker 1971–73] (отметим, что они вышли в свет уже *после* того, как Дж. Гринберг официально включил теусо в состав восточносуданской семьи). Большинство дальнейших исследований по ик связано с именем Б. Хайне, подробно изучившего этот язык в ходе собственных полевых исследований: им опубликован сначала краткий сравнительно-исторический очерк, сопровождаемый словником [Heine 1975], затем монография по кулякским языкам, в которой ик занимает центральное место [Heine 1976], и уже относительно недавно — словарь этого языка [Heine 1999], куда также включены данные, независимо от Хайне собранные Ф. Серциско (последний также опубликовал ряд статей по отдельным аспектам языковой структуры ик, малореlevantных для целей нашего исследования; исчерпывающая библиографическая информация по языку ик приводится в приложении к словарю Б. Хайне).

II. Ветвь *тепес-ньянг* («южная»):

2) *Тепес*, или *соо* [тпс]: не более 5,000 (по подсчетам на 1972 г.) носителей, в основном пожилого возраста, проживающих в том же субрегионе Карамоджа, что и носители ик, на склонах трех потухших вулканов (Морото, Кадам, Напак). Язык считается вымирающим в связи с массовой культурно-языковой ассимиляцией носителей под давлением окружающего их со всех сторон вост.-нилотского этноса каримоджонг. Первый краткий фонетико-грамматический очерк тепес, составленный по результатам не вполне надежного полевого анкетирования, был опубликован в обзорной монографии [Tucker, Bryan 1966: 392–401]. Более тщательная описательная работа была проделана Б. Хайне, который работал одновременно над данными по тепес и ньянги; краткие словарные материалы опубликованы им в статье [Heine 1974], подробные синхронные и сравнительно-исторические сведения — в монографии [Heine 1976]. Отдельный 200-словный список по тепес был собран Ч. Лафлином [Laughlin 1975], которому принадлежит

первый опыт лексикостатистического сравнения одного из кулякских языков с окружающими его нилотскими, кушитскими и «койсанскими» (сандаве, хадза) языками.

Новейший этап в исследовании тепес связан с деятельностью Э. Карлин, которая уже в 1990-е гг. провела детальные полевые исследования по этому языку и опубликовала грамматику, иллюстрированную представительным набором текстов [Carlin 1993], а также составила словарь, пока что опубликованный только в Интернет-пространстве [Carlin 2009].

3) *Ньянги* [нги]. Этот язык, близкородственный тепес, на сегодняшний день, по-видимому, можно считать вымершим; Б. Хайне упоминает не более чем о нескольких сотнях носителей на западных границах национального парка Кидепо (крайний север Уганды), а в последнем издании «Этнолога» уже говорится об отсутствии живых носителей. Таким образом, наши знания о ньянги жестко ограничены данными, собранными Хайне (библиография — та же, что и для тепес, см. выше); историческую значимость может также иметь небольшой словник, в свое время составленный Дж. Дрибергом в ходе лингвогеографического обзора близлежащих вост.-нилотских диалектов лопит-лотуко [Driberg 1932].

3.12.2. *Историческая характеристика.* Несмотря на то, что вопрос о месте кулякских языков в «нило-сахарской» модели так или иначе поднимался целым рядом африканистов, *внутренним* сравнительно-историческим сопоставлением всех трех кулякских языков и реконструкцией пракулякского состояния занимался почти исключительно Б. Хайне, в основном на базе собственных материалов¹. В частности, в монографии [Heine 1976] приводится

¹ Собственный вариант реконструкции фонологической системы пракулякского языка, отталкивающийся от опыта Б. Хайне, имеется также у К. Эрета [Ehret 1981]; несмотря на то, что отдельные модификации реконструкции Хайне совпадают и с некоторыми из наших предложений, в работе К. Эрета они не эксплицируются, а лишь констатируются, без разбора соответствий. Что касается сопоставления кулякской базисной лексики с базисной лексикой нило-сахарских и афразийских языков, проведенного в этой же статье для выявления генетического статуса пракулякского, то оно, как это в целом свойственно работам К. Эрета, проведено без надлежащего контроля за фонетическим, семантическим и дистрибуционным критериями и не может считаться результативным.

система фонетических соответствий между кулякскими языками, небольшой список реконструированных пракулякских основ и краткое сравнительное описание грамматики, также с попыткой проекции на пракулякский уровень.

Консонантизм. Поскольку установленные Б. Хайне соответствия во многом носят «нетривиальный» характер, фонологический инвентарь пракулякского языка (ПК) имеет смысл сопроводить подробной таблицей соответствий по языкам-потомкам.

ПК	*p	*b	*ɓ	*m	*w	*t	*d	*n	*r	*l	*ɕ	*ɕʷ	*ʒ	*ɲ
Ик	f	b	ɓ	m	w	t	d, d'	n	r	l	c	cʷ	ʒ	ɲ
Тепес	p	b	ɓ	m	w	t	d	n	r-/ɸ-	l	ɕ	ʒ	ʒ	ɲ
Ньянги	p	b	ɓ	m	w	t	d	n	r	l	ɕ	ʒ	ʒ	ɲ

ПК	*ʒ	*s	*z	*y	*ɬ	*k	*g	*kʰ	*kʷ	*ky	*ŋ	*h
Ик	ʒ-/d-	s-/r-	z	y, ɸ	ɬ	k	g, ʒ	k-	kʷ	ɕ	ŋ, ɲ	h-/ʔ-
Тепес	ɸ-/s-	s	—	y	l	k	g-/ɸ-	ɸ-	g	k	ŋ	ɸ
Ньянги	ɸ-	s	s	y, ɸ	ɬ	k	g-/ɸ-, ʒ	ɸ-	g	k	ŋ	ɸ

Несмотря на крохотный размер кулякской группы по сравнению с ее нилотскими соседями, масштаб фонетико-фонологических изменений от реконструированного праязыка ко всем зафиксированным языкам-потомкам серьезно превышает соответствующий масштаб едва ли не для всех остальных потенциальных членов «восточносуданской» семьи; в сочетании с малым числом задействованных языков и скудностью лексических данных по ним (особенно по ньянги) эта особенность кулякской группы чрезвычайно затрудняет этимологические исследования. Тем не менее, реконструкция Хайне, сопровождаемая надежным иллюстративным материалом, в целом выглядит убедительной, хотя и требует некоторых комментариев, как-то:

1) В импловивном ряду Б. Хайне восстанавливает только губной элемент *ɓ, на основании прямого соответствия между ик и тепес ɓ. В переднеязычном ряду фонологической оппозиции между *d и *d' он не реконструирует, поскольку ни в тепес, ни в ньянги обнаружить ее ему не удалось (хотя, как отмечает Хайне, сама по себе эта фонема фонетически реализуется скорее как импловивная). Однако при этом d и d' открыто противопоставлены в ик, где

они по крайней мере в анлаутной позиции имеют примерно одинаковую дистрибуцию и не обнаруживают никаких признаков дополнительного распределения (ср. минимальную пару *dɔk* 'слизь' — *dɔk* 'быть мокрым' и мн. др.); следовательно, есть все основания предполагать здесь нейтрализацию оппозиции **d* : **d'* на уровне пратепес-ньянги.

Ситуация осложняется тем, что, по утверждению Э. Карлин [Carlin 1993: 9], в тепес все же имеет место тройное фонологическое противопоставление по глухости / звонкости / имплозивности. Но при этом анализ новых словарных данных по тепес не позволяет установить однозначных корреляций между ик и тепес: ср. ик *dii* 'красный' = тепес *di*, но ик *dɔk* 'мокрым' = тепес *dɔg*. Разрешить это противоречие можно будет только в ходе детального анализа всего имеющегося материала, с учетом возможных влияний контекстного окружения, просодических факторов и, к сожалению, с поправками на возможные ошибки в записи как у Хайне, так и у Карлин. Пока что очевидно лишь то, что звонкая/имплозивная артикуляция в кулякских языках нестабильна, но это не должно быть основанием для отказа пракулякскому в наличии соответствующей фонологической оппозиции.

2) Эктивный велярный **k*, восстанавливаемый на основании соответствующей артикуляции в ик, на самом деле встраивается в имплозивный ряд — ср. отсутствие в системе других глоттализированных взрывных и, наоборот, лауну на месте имплозивного велярного; поскольку в ветви тепес-ньянги он также ведет себя аналогично имплозивным фонемам (= становится эксплозивным звонким), мы будем в интересах общей симметрии записывать эту фонему как **g*. Вполне возможно, однако, что конкретная артикуляция всего реконструируемого ряда на прауровне могла быть как имплозивной, так и глоттализированной (с аллофоническим распределением или в зависимости от конкретного говора).

3) В системе аффрикат надежной является реконструкция тройной оппозиции «глухой : звонкий : имплозивный ~ глоттализированный» для палатальной серии. Палатальная артикуляция (*ç*, *ʒ*) сохраняется в тепес-ньянги; Б. Хайне отмечает, что с точки зрения фонетики *ʒ* в этих языках оказывается имплозивным (= *ʒ̥*), но мы, вслед за ним, все же будем записывать эту фонему как звонкий *ʒ* ввиду отсутствия реальной фонологической оппозиции. В ик

фонологическая оппозиция сохранилась, но фонетически система перестроилась: глухой и «имплозивно-глоттальный» члены оппозиции сменили палатальную артикуляцию на альвеолярную (* $\phi \rightarrow *c$, * $\zeta \sim * \phi \rightarrow *c$), в то время как звонкий * ζ стал имплозивным ζ .

4) «Непристроенной» в рамках этой системы оказывается фонема, реализуемая в ик как звонкая альвеолярная аффриката ζ ; по наблюдениям Б. Хайне, в начальной позиции стандартным соответствием для нее в тепес-ньянги является нулевой рефлекс, хотя надежных примеров всего два (ик *ziber* = тепес *ibe*, ньянги *iber* 'топор'; ик *zueses* = тепес *ises* 'красть').

Вообще реконструкция на пракулякском уровне двух рядов аффрикат (палатального и альвеолярного) выглядит сомнительной. Эти два ряда действительно противопоставлены в ик, но обнаружение Б. Хайне регулярной корреляции между ик ϕ и велярными согласными в тепес-ньянги (ср. ик *ɕet* = ньянги *kɛt* 'война' и др.) показало, что по крайней мере одним источником столь необычной для рассматриваемого ареала оппозиции была палатализация велярных согласных в определенных контекстах. Вполне допустимо, что других источников не было вообще. Ср. следующую статистику встречаемости начальных аффрикат в ик, составленную по словарю [Heine 1999] (для простоты мы считаем словарные вхождения, а не отдельные корни, но пропорциональное соотношение от этого вряд ли изменится):

с	59 слов	ϕ	22 слова
сʔ	36 слов	ζ	1 слово
з	12 слов	ζ	38 слов

Если проигнорировать явную аномалию с псевдо-оппозицией между ζ и ζ (начальный ζ представлен только в слове *zézè* 'спальный мешок из животной шкуры', возможно, фонетически упрощенном варианте исходной формы * $\zeta \acute{e} \zeta \grave{e}$), картина оказывается ясной: перечисленные фонемы раскладываются на «полноценный» ряд $c : \zeta \sim \zeta : c$, в котором заполнены все три возможные позиции и в предсказуемых пропорциях представлен большой набор лексических основ, и «неполноценный» ряд $\phi : \zeta$, в котором отсутствует третий член (имплозивно-глоттализированный) и представлено относительно мало лексики. То, что звонкие члены этих рядов в

фонетическом плане прошли через своеобразную «рокировку», довольно странно, но и статистика, и внешние данные в один голос свидетельствуют именно о таком сценарии.

Более того, как минимум в одном из элементов этимологизируемого ниже 50-словного списка можно заподозрить наличие того самого третьего, «трудноуловимого» импловивно-глоттализованного представителя «неполноценного» ряда. Речь идет о слове 'вошь', для которого Б. Хайне, на основании соответствия «ик *s'àn* : ньянги *z'àn-ât*», восстанавливает праформу **s'an*. При этом, однако, он игнорирует очевидный когнат в тепес — *gén-ât*, на том основании, что он не вписывается в предложенную систему соответствий. На самом деле, даже несмотря на то, что рекуррентность соответствия «ик *sʔ* : тепес *g*- : ньянги *ʒ*» саму по себе подтвердить действительно нельзя (за счет нехватки материала), оно отлично вписывается в общую систему — речь, скорее всего, опять-таки идет о палатализации старого велярного согласного, причем в данном случае глоттальная артикуляция в ик говорит о том, что в пракулякском этот согласный имел импловивную (или глоттальную же) артикуляцию. Таким образом, в ик *sʔ*, по-видимому, совпали две фонемы — «старая» аффриката **ʒʔ ~ *ɕʔ* и «новая» аффриката **ɕʔ*, возникшая как результат палатализации велярного **ʃ ~ *kʔ*.

5) Если фонема **ʒ*, реконструированная Б. Хайне, действительно занимает в системе место звонкого эквивалента **ky* (т. е. **ʒ = *gy*), перед нами встает вопрос фонетико-фонологической интерпретации этого ряда. Реконструкция начального кластера вида «велярный + палатальный глайд» типологически сомнительна, т. к. других сочетаний согласных в начальной позиции вроде бы не восстанавливается. Скорее всего, речь все-таки идет о палатализации обычных велярных согласных, но в фонетических контекстах, отличающихся от «стандартных». Ср. следующие примеры, наглядно иллюстрирующие проблему:

	Ик	Тепес	Ньянги	Значение
(1)	<i>kesen</i>	<i>kesen</i>		'щит'
(2)	<i>ɕue</i>	<i>kweʔ</i>	<i>kwe</i>	'вода'
(3)	<i>ʒi:k</i> 'всегда'	<i>giyek</i>	<i>ziyekw</i>	'день'
(3)	<i>ʒom</i>	<i>gim</i>	<i>zim</i>	'земля'

В примере (1) Б. Хайне реконструирует $*k-$: палатализация велярного здесь отсутствует, несмотря на переднюю артикуляцию последующего гласного. В примере (2) палатализация имеет место в ик, и это заставляет Хайне восстанавливать анлаутный кластер $*ky-$. Примеры (3) и (4) отражают пракулякскую фонему $*g-$, которая, в отличие от обычного $*k-$, в позиции перед передними гласными палатализуется всегда, причем не только в ик, но и в ньянги.

Можно думать о том, что на раннем этапе развития кулякских языков для одних слов с начальными велярными складывались «слабые» условия палатализации (например, огласовка, представленная передним монофтонгом), для других — «сильные», такие, как огласовка, представленная дифтонгическим сочетанием вида $*iV$ или $*eV$, в котором первый гласный мог фонетически реализовываться как палатальный глайд; такая ситуация типологически естественна для данного ареала (см., например, образование палатальных аффрикат на месте старых сочетаний $*k(V)yV-$ в вост.-нилотских языках — комментарии к этимону 'дерево' и др.). В таком случае, например, для основы (2) реконструкцию надо записывать не в виде $*kyweh$, как это делает Хайне, а скорее как $*kwiɛh$ и т. п.

Предлагаемая реинтерпретация не является окончательной, но позволяет устранить из системы неприятную аномалию и к тому же согласуется с общей идеей Хайне о том, что на пракулякском уровне нельзя обойтись без реконструкции большого числа различных дифтонгических сочетаний (см. ниже).

б) Еще одна «асимметрия» в системе — фонема, которую Хайне условно восстанавливает в виде $*k^h$ и реконструирует на основании соответствия «ик $k-$: тепес-ньянги $\emptyset-$ ». Такое странное чередование велярного и нулевого рефлексов, разумеется, напоминает ситуацию с « k -mobile» Дж. Гринберга, но наблюдается оно всего в четырех, довольно разнородных, примерах ('земля', 'трава', 'тень', 'короткий'), и морфологическое объяснение здесь не может быть удовлетворительным. Не исключено, что это соответствие — действительно «реликт» какого-то дополнительного консонантного ряда: условная нотация $*k^h$ может отражать, например, увулярную артикуляцию ($*q$) или даже латеральную (совершенно не исключено присутствие в исходной системе глухой латеральной аффрикаты $*\lambda$, которая могла бы коррелировать с глухим латеральным спирантом $*t$, латеральная артикуляция которого до сих пор сохраняется в тепес-

ньянги¹). В любом случае вопрос этот требует дополнительного исследования и, скорее всего, не будет окончательно решен до выхода на внешний уровень сравнения.

7) Лабиовелярные последовательности **kw*, **gw*, реконструируемые Б. Хайне, следует, по-видимому, записывать как особые лабиовелярные фонемы **k^w*, **g^w*. Это логически вытекает из их дистрибуции: помимо того, что они часто встречаются в начальной и срединной позициях, где их теоретически можно было бы рассматривать как продукт «консонантизации» старых дифтонгов (т. е. *kwa*- ← **kua*- и т. п., как это часто бывает в языках различных ветвей «восточносуданской» общности), они регулярно наблюдаются и в ауслауте, ср. ниже 'глаз', 'нога', 'огонь' и др., при том, что с другими согласными таких сочетаний не наблюдается (т. е., скажем, икк *ekw* 'глаз' допустимо, а структура вида **etw* или **elw* — нет). Такая особенность дистрибуции для кулякских языков, по сравнению с группами, рассмотренными выше, уникальна и явно должна как-то маркироваться в реконструированных праформах.

8) Для пракулякского **r* Б. Хайне постулирует следующие рефлексы в тпс: *r* в начальной позиции (ср. **rib* 'небо' → тпс, нги *rib*) и в ауслауте односложных основ (ср. **ber* 'строить' → тпс, нги *ber*), но нулевой рефлекс в ин- и ауслаутной позиции в двусложных основах (ср. икк *ziber* 'топор' = нги *iber*, тпс *ibe* id.; икк *morok* 'глотка' = нги *mrək*, тпс *took* id.). Тем не менее, из этого правила есть много исключений, для объяснения которых Хайне вводит в систему в качестве отдельного элемента «геминату» **rr*-; например, тпс *ori* 'выливать на землю' = нги *ori* 'лить' приходится объяснять как развитие из пратепес-ньянги (или пракулякского) **orru*.

Такое объяснение представляется неудачным, т. к., во-первых, никаких других фонологизированных «теминат» для пракулякского

¹ Следует отметить, что в языке ик на синхронном уровне Б. Хайне отмечает в речи пожилых носителей несколько слов с глоттализованной латеральной аффрикатой *ʎ*, которой в речи молодых людей соответствует импловивный *ʒ*, ср. *ʎábúǵwà* ~ *ʒábúǵwà* 'цесарка'. Однако выводить ее на прауровень в качестве еще одного (третьего? второго?) члена ряда латеральных аффрикат и фрикативных преждевременно — слова, в которых она встречается, вроде бы не имеют соответствий в тепес-ньянги и к тому же ограничены сферами флоры и фауны, т. е. могут быть старыми заимствованиями из местных субстратов.

Б. Хайне не восстанавливает; во-вторых, из-за этого приходится постулировать для ед. ч. слова 'топор' простой **r*, а для мн. ч. (тпс *iber-an* = нги *iber-en*) — геминированный, что чрезвычайно странно. По-видимому, дело все же в не до конца установленном распределении рефлексов: действительно, в тпс существует несколько контекстов, в которых **r* регулярно выпадает, в том числе ауслут двусложных основ, но в инлаутной позиции этот процесс перебивается рядом обстоятельств, в частности, (а) если **r* образует второй элемент кластера, в т. ч. имеющего недавнее происхождение (отсюда **iber-an* → *ibr-an* 'топоры'; как первый элемент кластера **r* все равно выпадает, ср. нги *kɔrtan* 'вымя' = тпс *kɔtan*); (б) если за **r* следует передний гласный **i*, а также, возможно, **v*: ср. икк *are* 'внутренности' = тпс *ari*; нги *iriapi* 'стоять' = тпс *irapi* id. (здесь параллель в нги наглядно показывает, что в тпс передний гласный, успев сохранить **r*, выпал); тпс *ɔri* 'выливать' в словаре Карлин имеет вид *ɔr-va-g* ~ *ɔr-ɔ-g* в зависимости от диалекта, т. е. можно предположить, что суффикс т. н. «итива» (движения в сторону от говорящего, см. [Carlin 1993: 51]) также по какой-то причине препятствовал выпадению **r*.

В любом случае, решительно отвергая реконструкцию «геминированного» **rr* из-за отсутствия как системной (нет других геминат), так и фактологической (эксплицитно удвоение *rr* не зафиксировано ни в одном кулякском диалекте) аргументации, мы не считаем, что на текущем этапе существуют достаточные основания, чтобы возводить «стабильное» и «беглое» *r* в тпс к двум разным фонемам.

Инвентарь прочих сонорных и фрикативных согласных, восстановленных Б. Хайне, в целом выглядит достоверно и, по сравнению с инвентарем взрывных согласных, в модификациях не нуждается (отдельные комментарии будут даваться ниже, в ходе разбора конкретных этимологий). Итоговая «перестроенная» система кулякского консонантизма на текущий момент представляется нам следующим образом:

<i>*p</i>	<i>*b</i>	<i>*ɸ</i>	<i>*m</i>	<i>*w</i>			
<i>*t</i>	<i>*d</i>	<i>*ɖ</i>	<i>*n</i>	<i>*r</i>	<i>*l</i>	<i>*s</i>	<i>*z</i>
<i>*ɸ</i>	<i>*ʒ</i>	<i>*ʒ̥</i>	<i>*ɲ</i>				
						<i>*ɬ</i>	
<i>*k, (?) *k^h</i>	<i>*g</i>	<i>*g̊</i>	<i>*ŋ</i>			<i>*h</i>	

В плане *вокализма* кулякские языки представлены вполне стандартной для «восточносуданского» ареала базисной пятичленной системой (*a, e, i, o, u*), теоретически удваиваемой за счет оппозиции по +/-ATR; реально в кулякских языках представлено от девяти (ни один из трех языков не противопоставляет *a* и *ɪ*) до, возможно, семи гласных (в ньянги, судя по описанию Б. Хайне, отсутствуют -ATR-гласные *i* и *u*). Неуверенность связана с тем, что в ранних описаниях Б. Хайне фонологический инвентарь, возможно, не был установлен полностью достоверно. Так, в фонетических очерках *ик* и *тепес* им также отмечено отсутствие *u* как отдельной фонемы, но в словаре *ик*, вышедшем в свет через два десятилетия, *u* и *u* уже считаются разными фонемами. Аналогичным образом, в грамматическом описании *тепес* [Carlin 1993: 19] система вокализма также описывается как девятичленная.

Фонетические соответствия между гласными в кулякских языках нетривиальны настолько, что Б. Хайне приходится реконструировать для пракулякского состояния систему из 11 монофтонгов и открытого числа дифтонгических сочетаний (не менее 12, примеры на каждое из которых, впрочем, ограничиваются одним-двумя). Конкретные соответствия часто бывают «зеркальными», например:

ик i = *тепес-ньянги e*, как в *ик kiʒ^a* 'земля' = *тепес, ньянги eʒ id.*;

ик e = *тепес-ньянги i*, как в *ик eo* 'навоз' = *тепес iʒ, ньянги iʒ-o: id.*;

ик u = *тепес-ньянги o*, как в *ик nus^a* 'леопард' = *тепес, ньянги noʒ id.*;

ик o = *тепес-ньянги u*, как в *ик sokʔot* 'царапать' = *тепес sug, ньянги sug-uta id.* и др.

На наш взгляд, такое разнообразие соответствий совершенно не обязательно интерпретировать как результат различных способов сокращения изначально «сверхбогатого» вокалического инвентаря. Учитывая общие историко-типологические свойства вокалических систем рассматриваемого ареала, уместнее думать о том, что все они образовались в ходе различных ассимилятивных процессов, в первую очередь — влияния вокализма второго слога.

В этой связи исключительно важен факт обнаружения Б. Хайне в *ик* так называемых «теневых» гласных — сверхкратких вокалических элементов ^{-a}, ^{-e} в ауслауте целого ряда именных и глагольных основ; несмотря на свой редуцированный характер, они являются вполне самостоятельными фонологическими элементами, т. к. факт наличия или отсутствия их в конце слова непредсказуем, и в

историческом плане, скорее всего, развиваются из полногласных «тематических» элементов второго слога. При этом совершенно не исключена также нейтрализация в соответствующей позиции нескольких вокалических оппозиций, т. е., например:

ик *kiʒʰa*, тепес, ньянги *eʒ* 'земля' ← пракуляк. **kʰiʒ-V₁* (напр. = **kʰiʒe*, что могло бы мотивировать переогласовку в тепес-ньянги), но
ик *ika*, тепес, ньянги *ik* 'голова' ← пракуляк. **ik-V₂* (напр. = **ika*, без мотивации для какой-либо переогласовки) и т. п.

Такая концепция не исключает реконструкции на пракулякском уровне в том числе и отдельных дифтонгических сочетаний, особенно в тех словах, где такие сочетания реально представлены в языках-потомках (ср. ик *diiu* 'красный' = тепес, ньянги *du id.* ← пракуляк. **diiu?*; см. также выше относительно гипотезы о палатализации велярных согласных именно перед такими дифтонгическими сочетаниями). Однако в целом она позволяет одновременно избежать неоправданного «вздутия» праязыкового вокалического инвентаря, увязать проблему нетривиальных соответствий с феноменом «теневого гласного» в ик и предложить вполне типичный и многократно реализованный в рассматриваемом ареале исторический сценарий развития (сильное влияние вокализма второго слога на вокализм первого с последующей редукцией слоговой структуры). Конкретные детали этого сценария заслуживают отдельного подробного исследования, хотя некоторые из них будут затронуты ниже, в ходе разбора конкретных кулякских этимологий. Пока уточним лишь, что, по-видимому, на пракулякском уровне вполне можно обойтись реконструкцией стандартной девятичленной вокалической системы (*a, *e, *ε, *i, *I, *u, *v, *o, *ɔ).

Типологические характеристики кулякских языков в области морфологии в целом не сильно отличаются от систем, типичных для нилотских языков. Для имени это — богатая система словоизменятельных суффиксов ед. и мн. ч. (особенно в тепес-ньянги), допускающая нулевую маркировку как формы ед., так и мн. ч., в зависимости от конкретной лексемы; для глагола — богатые возможности как словообразовательной, так и словоизменятельной аффиксации. Морфонологические чередования при этом, как правило, ограничены гармонией гласных, т. е. серьезных проблем при выделении корневых морфем обычно не возникает.

3.12.3. *Лексикостатистика*. По всем языкам кулякской группы, в первую очередь благодаря публикациям Б. Хайне, удается составить почти полные 100-словные списки (только в ньянги остается около 10% лакун, что вряд ли может существенно исказить результаты). Подсчеты по методике С. А. Старостина (с исключением заимствований, опорой на фонетические соответствия и по уточненной формуле) дают следующие результаты:

Таблица 9. Лексикостатистическая матрица кулякских языков (100-словные списки).

	Тепес	Ньянги
Ик	0.37	0.41
Тепес		0.71

Эти цифры существенно превышают результаты, полученные Б. Хайне в рамках его собственного лексикостатистического исследования: 24,2% общей лексики между ик и тепес, 26,7% между ик и ньянги, 43,2% между ньянги и тепес¹. Однако Б. Хайне обсчитывал не 100-, а 200-словный список (для которого доля совпадений всегда оказывается ниже) и к тому же не исключал из подсчетов заимствования, помечая их как обычные несовпадения (даже в тех случаях, когда все три языка заимствовали одно и то же слово, напр. 'рыба' = ик *ɲkɔlea*, тепес *kɔleʔ*, ньянги *kɔleat* — заимствование из тесо-туркана, ср. тесо *é=kɔl-èít* и др.).

К сожалению, в монографии Хайне сами списки отдельно от общих словарных данных не приводятся, что затрудняет оценку этимологизации материала, проделанной автором; вполне вероятно, что еще одна причина «заниженных» результатов — отсечение любых этимологизаций, не укладывающихся в жесткую систему предложенных соответствий (притом что сама эта система, как уже отчасти было показано в предыдущем разделе и

¹ Результаты независимого опыта лексикостатистических подсчетов по всем трем кулякским языкам, а также между кулякскими языками и их ареальными соседями (в основном нилотами и кушитами) опубликованы также в работе [Laughlin 1975]; однако, поскольку полные списки, тем более включая проставленные индексы когнаций, в статье не приводятся (за исключением 200-слового списка по тепес), оценить как точность результатов, так и критерии фонетического сходства, по которым оценивались лексические совпадения, невозможно.

еще будет показано при разборе конкретных этимологий, все же носит скорее предварительный характер и нуждается в многочисленных уточнениях).

Основной результат как наших подсчетов, так и подсчетов, выполненных Б. Хайне, тем не менее совпадает: очевидна тесная близость друг к другу языков тепес и ньянги («южной» ветви), резко противопоставленных ик («северной» ветви). При условии того, что столь большие лексические расхождения скорее связаны с внутренними изменениями, чем с бурным кратковременным влиянием неизвестных субстратов или адстратов, в глоттохронологической перспективе это подразумевает разделение кулякской группы на ик и тепес-ньянги примерно на рубеже II тыс. до н. э., и последующее разделение ветви тепес-ньянги примерно на рубеже нашей эры (последнее обстоятельство могло быть, в частности, вызвано миграциями на «исконно кулякские» территории восточнонилотских племен, но обособление ик нужно объяснять какими-то другими факторами).

50-словный список для кулякских языков.

1) «пепел»: (а) икк *káú*; (б) тпс *ûk* [Нн.], *uk* [Са.], нги *ùkw-ét*. || Нн.: **ukw*.

Несмотря на фонетическое сходство, икк *káú* (← **kawí*, ср. косв. основу *káwí-*) и тепес-ньянги **uk^w* несводимы друг к другу (разве что за счет постулирования загадочных «метатез»), не этимологизируются на взаимной основе и к внешнему сравнению должны привлекаться по отдельности.

В [Lamberti 1988: 59] тпс *ûk* трактуется как производное от глагольной основы *ик-* ‘зажигать’ и далее сравнивается с ик *ikwe-es* ‘кипятить, подогревать’. Совместная этимологизация этих глагольных основ допустима, даже несмотря на различия в вокализме (ср. похожий пример в [Heine 1976: 28]: ик *diku^a* = тепес *dûk* ‘танцевать’), и предполагает исходную основу **ik^w* с вокалической ассимиляцией в тепес-ньянги, но сомнительной остается семантическая связь между значениями ‘пепел’ и ‘зажигать ~ подогревать’ (а не более естественное ‘гореть’), так что и в фонетическом, и в семантическом плане такая этимологизация не может служить поводом для исключения тепес-ньянги **uk^w* из дальнейшего сравнения.

2) «птица»: икк *gwà*, тпс *gwèk*, мн. ч. *gwèk-é* [Hn.], *fwèk*, мн. ч. *fwèk-e* [Ca.], нни *gwè:àk*, мн. ч. *gwè:k*. || Hn.: **gwaiky*.

Сложная реконструкция Б. Хайне, предполагающая в ауслаутной позиции корня велярный кластер *-ky-*, основана на парадигме ед. ч. *gwah*, мн. ч. *gwaíçik*, зафиксированной им для *ик* в [Heine 1976: 22]: предполагается, что **-ky* в ауслауте дает *-k* в тепес-ньянг и *-h* в *ик*, хотя дополнительных примеров на такое соответствие обнаружить не удалось.

Дальнейший анализ ситуации показывает, что дело обстоит несколько иначе. Во-первых, в словаре [Heine 1999] форма ед. ч. в *ик* уже приводится в виде *gwà*, без ауслаутного ларингала; отсутствие ларингала подтверждается и в обзоре [Wiedemann, Nanyombi 2007: 24], где это слово записано как *g^wà*. Во-вторых, сегодня уже очевидно, что последовательность *-iç-* в форме *gwaíçik* относится не к корню, а к суффиксу — ср. такие пары, как *mèn* 'дело', мн. ч. *mènà-içik*, *wà* 'овощ', мн. ч. *wà-içik* и т. п. По своей семантике этот сложный суффикс отличается от простого *-ik* / *-ik* тем, что имеет скорее «неопределенно-собирающее» значение (*gwà-içik* = 'разные виды птиц', *wà-içik* 'разные виды овощей' и т. д.), и вполне вероятно происхождение его из редупликации грамматической морфемы: **-ik-ik* → *ик* **-içik* с ожидаемой палатализацией.

В этом случае дальнейшие соответствия объясняются просто: в *ик* сохраняется исходный пракулякский сингулятив (**g^wa*), а в тепес-ньянг — исходная форма мн. ч. (**g^wa-ik* → **g^wek* ~ **g^wεk*), переинтерпретированная в тепес как форма ед. ч. с дальнейшим образованием на ее основе нового мн. ч. **g^wek-e*. В ньянги, наоборот, развился новый сингулятив (возможно, **g^wa-ik* → **gwe:k* + **-a* → **gwe:k-a* → **gwe:ak-a* → *gwe:ak* с «переносом» гласного суффикса внутрь корня, но надежно подтвердить такой сценарий нельзя из-за отсутствия аналогичных примеров).

Итоговая реконструкция, таким образом, будет практически совпадать с формой ед. ч. в *ик* (пракулякск. **g^wa* 'птица').

3) «черный»: (а) икк *bùdám*; (б) тпс *im'an* [Hn.], *im(-an)* [Ca.], нни *im'en*. || Hn.: **im'an*.

Глагольные основы ('быть черным, быть темным') *budam-* в *ик* и *im-* ~ *im-an-* в тепес-ньянг несводимы друг к другу, не этимологизируются на взаимной основе и могут быть примерно с равной вероятностью привлечены к внешнему сравнению, хотя

определенные подозрения вызывает неразложимость двусложной основы в ик. Следует также учитывать, что нулевой анлаут в тепес-ньянги **im-* может также отражать пракулякские фонемы **k^h-* или **ɟ-* (по версии Хайне; в нашей реконструкции это скорее **q-* или палатализованный рефлекс **g-* соответственно).

Сравнение тепес-ньянги **im-(an-)* с кушитскими основами, имеющими значение 'ночь' в [Lamberti 1988: 110] (сомали *hami:n ~ habe:n* и др.), нерезультативно, т. к., несмотря на то, что семантика 'ночь' для этой основы в тепес действительно зафиксирована, для ветви тепес-ньянги первичным является именно цветообозначение (см. ниже **mir* 'ночь'), так что речь здесь не может идти ни о заимствовании, ни об исконном родстве (вторая альтернатива как минимум требует разъяснения ситуации на общекушитском уровне).

4) «кровь»: икк *sè*, тпс *sè?* [Hn.], *sɛ* [Ca.], нги *sè*. || Hn.: **seh*.

Косвенная основа *sea-* в ик может указывать на то, что ауслаутная гортанная смычка в тепес — след выпадения старого гласного второго слога (← **sɛa* или **sɛʔa*); далее не исключено, что расхождения в +/-ATR характеристике гласных по разным языкам также имеют отношение к влиянию старого гласного второго слога.

В работе [Fleming 1983: 433] данная этимология сравнивается с такими южнокушитскими параллелями, как мбуту *saxo* 'кровь', квадза *saʔu-ko* id. Несмотря на очевидность фонетического изоморфизма, расхождения в вокализме не позволяют однозначно воспринять кулякское слово как кушитское заимствование (или наоборот); речь здесь с таким же успехом может идти и о случайном совпадении, и даже о генетическом родстве.

5) «кость»: икк *ɔk*, мн. ч. *ɔk-ìtín*, тпс *ɔk*, мн. ч. *ʔók-èk* [Hn.], нги *ɔk-át*, мн. ч. *òk-èk*. || Hn.: **ɔk*, мн. ч. **ɔk-ek*.

Реконструкция абсолютно однозначна; в мн. ч. в тепес-ньянги наблюдается переогласовка **ɔ → *o* под влиянием +ATR-суффикса.

6) «ноготь»: (а) икк *kɔrɔk*, мн. ч. *kɔrɔk-ík*; (б) тпс *sàk*, мн. ч. *sàk'è* [Hn.], *sak*, мн. ч. *sek-ɕ-ek* [Ca.].

В нги слово не зафиксировано. Для обеих форм характерна полисемия 'палец / ноготь', возможно, намекающая на аналогичную полисемию и в праязыке. Простая односложная основа *sak* в тпс выглядит более архаичной, чем двусложная (т. е. потенциально производная или заимствованная) основа *kɔrɔk* в икк, но, поскольку формы не этимологизируются на взаимной основе, а достоверных

источников заимствования для них не обнаруживается, на внешний уровень сравнения выводятся обе.

7) «умирать»: (а) икк *bàd-òn*, мн. ч. *s'ò-òn*; (б) тпс *nâl* [Hn.], *nâl*, мн. ч. *nel-i* [Ca.]; (в) нги *gèç-òn* ~ *gèç-ùè*.

Данный этимон, обычно довольно стабильный на уровне группы в «восточносуданских» языках, в масштабах кулякского таксона неожиданно демонстрирует чрезвычайную неустойчивость: в каждом языке налицо свой собственный эквивалент (в икк — целых два, с лексическим супплетивизмом по числу), причем ни один из них не имеет нормальной внутрикулякской этимологии. Возможное исключение — нги *gèç-*, сопоставимое с тпс *gi* [Ca.] 'гаснуть', но лишь при условии, что *-ç-* в нги — отделимый глагольный суффикс (что пока не подтверждается).

В [Lamberti 1988: 25] икк *bàd-* сопоставляется с рядом восточнокушитских форм с такими значениями, как 'теряться', 'исчезать', 'гаснуть', (редко) 'умирать' (в [Black 1975: 176] восстанавливается в виде **bad-*). Данная этимология в фонетическом и семантическом плане выглядит очень убедительно, но интерпретировать ее уместнее в ареальных, нежели генетических терминах: основа невыводима на общекулякский уровень, а заимствование в значении 'исчезать' с последующим естественным переходом → 'умирать', учитывая явную общую склонность к «эвфемизации» старого термина в кулякских языках, весьма вероятно.

Формально к внешнему сравнению, тем не менее, можно привлекать все три основы (мн. ч. *s'ò-* в икк не принимается из-за семантики), хотя единственной формой, которую на текущем этапе не удалось заподозрить ни на заимствованность, ни на семантическую или морфологическую производность, остается тпс *nâl*.

8) «собака»: (а) икк *ηók*, мн. ч. *ηók-itín*; (б) тпс *k'údɔʔ*, мн. ч. *kúɔɔw-ùt* [Hn.], *kudo*, мн. ч. *kudo-ut* [Ca.]; (в) нги *sàk*, мн. ч. *sàk-èk*.

Общей основы не реконструируется даже на уровне тепе-ньянги; перечисленные формы не этимологизируются на взаимной основе, что а priori наводит на подозрения о заимствованном происхождении хотя бы части из них. С высокой степенью уверенности заимствованное происхождение можно предполагать для икк *ηók* = зап.-нил. **ηok*, юж.-нил. **ηɔk* (см. выше): источником заимствования могли быть формы в любой из этих ветвей, учитывая локализацию носителей икк в непосредственном соседстве

как с носителями языков тесо-туркана, так и календжин. Генетическая интерпретация данного изоморфизма значительно менее вероятна — хотя форма в икк формально выводима на пракулякский уровень, она имеет чересчур ярко выраженный «восточно- / южнонилотский» вид; в условиях очевидных, не требующих сложных доказательств лексических контактов как минимум между икк и тесо-туркана и практически полным отсутствием других базисно-лексических параллелей аналогичного характера между кулякскими и нилотскими языками контактный сценарий для данной ситуации оптимален.

Для тпс *k'údɔʔ* М. Ламберти указывает на отдельные параллели в кушитских языках — афар *kuta*, машиле *k^huta* и др. [Lamberti 1988: 36]; в данном случае предложить однозначную интерпретацию невозможно, поскольку (а) для генетического аргумента требуется показать выводимость этих форм на общекушитский уровень, что пока не сделано; (б) контактный аргумент неубедителен, т. к. кушитские формы представлены в основном в языках Эфиопии, не контактирующих с кулякскими. Не исключено, что речь идет либо о случайном созвучии, либо о каком-то «бродячем» термине, аналоги которого можно найти и в других языках Восточной Африки (ср. в банту: гирьяма *kuro* и др.).

Единственная слабая параллель к нги *sàk* обнаружена на сегодня в йааку: *séʔéka* 'гиена' [Lamberti 1988: 111] — однако связать эти две формы в рамках понятного и надежно аргументированного исторического сценария вряд ли возможно (прямых контактов между нги и йааку нет, а в других языках «доробо» это слово вроде бы отсутствует).

В итоге к внешнему сравнению допустимо привлекать как форму (б), так и (в), но ввиду общей неустойчивости этимона в кулякском ареале надеяться на их архаичность вряд ли уместно.

9) «пить»: (а) икк *wèt-és*, тпс *wêt* [Hn.], *wet* [Ca.], нги *wèt-*; (б) икк *àbùtì-és*. || Hn.: **wet-*.

Реконструкция Хайне основывается на однозначных соответствиях и вряд ли оспорима. Сложность вызывает наличие в икк двух синонимичных форм без уточнения семантических расхождений. Из-за недостаточной изученности глагольного словообразования в кулякских языках остается неясным морфологическое членение основы *àbùtì-*, в частности, в плане выделения в ней префикса *a=* или, наоборот, суффикса *-tì-*; тем не менее, даже если

удастся обосновать здесь префиксацию, корень **=but-* все равно будет несводим к варианту **=wet-* из-за отсутствия в икк соответствующих морфонологических чередований.

10) «сухой»: (а) икк *cá-*, нги *ǵái-ùg*; (б) тпс *sè-ǝg* [Hn.], *sɛgɛ ~ sɛ-vg* [Ca.]. || Hn.: **ǵai-*.

Реконструкция **ǵai-*, согласно Хайне, основана на изоглоссе между нги и глагольной основой мн. ч. *cai-* в икк [Heine 1976: 38]; однако полный словарь икк дает исходную форму корня в виде *cá-*, а также в составе каузативной формы *cá-ít-és* 'сушить', где *-ít-* — продуктивный суффикс каузатива, так что «чистый» корень, по видимому, следует все же восстанавливать в виде **ca-*.

Проблематичными остаются формы в тпс, фонетически во многом изоморфные основе **ca-*, но не вписывающиеся в ряды регулярных соответствий: ожидаемый рефлекс **c-* в тпс — *ǵ-*, а не *s-*. Далеки от идеала и вокалические соответствия (разве что *sɛ-* следует считать стяжением из **sai-*). Поскольку других примеров на соответствие «нги *ǵ-* : тпс *s-*» в нашем распоряжении нет, тпс *sɛ-* из рассматриваемой этимологии приходится исключить.

Обращает на себя внимание необычное варьирование между основами *sɛ-vg* (где *-vg* — суффикс статива) и *sɛgɛ* в словаре Карлин; один из возможных сценариев развития мог бы предполагать, что корень *sɛg-* появился в тпс извне (ср. фонетически сходные кушитские и омотские формы, перечисленные в [Lamberti 1988: 112]: бурджи *suggane* 'сухой', шинаша *šuk:ka* id. и т. д.), а *sɛ-vg* ← **ǵɛ-vg* под аналогическим влиянием заимствованной формы. Тем не менее, уверенно обосновать такой сценарий можно будет лишь в ходе детального исторического обследования данных по кулякским языкам.

11) «ухо»: икк *bòs*, мн. ч. *bòs-ítín*, тпс *bès*, мн. ч. *b'és-èk* [Hn.], *bes*, мн. ч. *bes-ek* [Ca.], нги *bès*, мн. ч. *bésí-èk*. || Hn.: **beos*, мн. ч. **beos-ek*.

Все перечисленные формы очевидно родственны; затруднение вызывает лишь реконструкция вокализма. Б. Хайне, разбирая немногочисленную группу случаев, когда губной вокализм в икк соответствует неогубленному в тепес-ньянги (помимо 'уха', ср. также икк *nət* 'мужчины' = тпс, нги *ɲèt* id.; икк *ʒùm* 'земля' = тпс *gim*, нги *zim* id.), предлагает объяснять все такие ситуации через систему пракулякских дифтонгов, т. е. реконструировать праформы **beos* 'ухо', **ɲɛot* 'муж, мужчина', **giot* 'земля, почва'.

На наш взгляд, такое решение далеко не оптимально. Во-первых, со структурной точки зрения оно относится к классу «псевдо-решений», когда неспособность раскрыть диахронический механизм, в ходе которого возникает соответствие «А : В», компенсируется условной реконструкцией для праязыка сочетания *А+В. Во-вторых, внутриморфемные дифтонгические сочетания для языков рассматриваемого ареала — относительная редкость; как правило, они все равно возникают вторично, либо в результате выпадения «слабых» согласных, либо из-за переогласовки корневого вокализма под влиянием суффиксов (ср., например, описанную выше ситуацию в зап.-нилотских языках динка и нуэр), так что даже если праформы Б. Хайне действительно существовали, они, скорее всего, носили переходный характер.

Анализ соответствий в слове 'муж(чина)' показывает, что передний гласный в корне действительно должен был на определенном этапе присутствовать и в икк: только развитие из более раннего варианта вида **ɲet* способно объяснить палатализацию начального носового в зафиксированной форме *nɛt*. Дальнейшее сопоставление с косвенной основой *nɛtʃ* дает возможность предположить, что ранне-ик **ɲet-ɔ* → **ɲet-ɔ* → *nɛtɔ*, в то время как в тепес-ньянгги сохранилась исходная огласовка корня. Аналогичная ситуация могла иметь место и в случае 'земли', где ранне-ик **ɡim-v* → **ɡim-v* → *ʒimv* (именно так выглядит реально зафиксированная косвенная основа).

К сожалению, на 'ухо' данная гипотеза уже не распространяется, т. к. косвенная основа в икк имеет вид *bòsì* вместо ожидаемого **boso-* или **bosu-*. Понять, что произошло в данном случае — то ли вторичное изменение типа основы в икк, то ли, наоборот, переогласовка в тепес-ньянгги — на текущем этапе невозможно, так что формально реконструкцию следует записывать в виде **bVs*-или альтернативы **bos-* ~ **bes-*; тем не менее, это все равно не должно быть поводом для постулирования на пракулякском уровне избыточных дифтонгических сочетаний.

12) «есть»: (а) икк *nk'ák* ~ *ngáf*; (б) тпс *gàb* [Hn.], *gab* [Ca.]; (в) ни *àʒ*.

Из перечисленных форм при выходе на внешний уровень сравнения можно уверенно исключить ни *àʒ* = икк *ácʔ*, тпс *az-àʒ* [Ca.] 'жевать' (в икк также — 'есть жесткую пищу'); дистрибуция значений явно указывает на первичность семантики 'жевать'. Формы

в икк и в тпс несводимы друг к другу и не этимологизируются на взаимной основе. В икк обращает на себя внимание нетривиальная структура корня, с чрезвычайно редким анлаутным кластером вида «носовой + велярный»; не исключено, что, как и в случае тпс *аз-аз* 'жевать', необычная фонотактическая структура икк глагола 'есть' — результат трансформации из удвоенного корня (напр., **nak'-nak'* → **nk'ak'* со стяжением); ср. в этой связи еще один, в семантическом плане чуть более специализированный глагол «едения» — икк *dād-it-ən* 'есть разные виды фруктов и овощей', где также может быть представлена старая редупликация. Тем не менее, каковы бы ни были результаты внутренней реконструкции, явных параллелей к возможным прототипам икк формы *nk'ák* в тепес-ньянгги нет, и к внешнему сравнению ее можно привлекать примерно с той же степенью надежности, что и тпс *gàb*.

13) «яйцо»: (а) икк *bíb*; (б) тпс *gèb-zàt*, мн. ч. *gébé* [Hn.], *keb-çat fwek*, мн. ч. *keb-e fwek* [Ca.].

Возможность реконструкции данного этимона на пракулякском уровне сомнительна. В тпс, судя по данным Карлин, значение 'яйцо' обычно производно от значения 'ребенок': сама по себе форма *keb-çat* переводится в словаре тпс как 'девочка', т. е. *keb-çat fwek* 'яйцо' буквально = 'дочь птицы'. Еще одним обозначением 'яйца' в этом языке, судя по тому же источнику, является идиома *lakit fwek*, где *lakit* = 'детеныш животного; щенок и т. п.' Таким образом, есть все основания сомневаться в том, что семантика 'яйцо' в тпс *gèb* ~ *keb*- первична.

Такой анализ повышает шансы на архаичность для икк *bíb*, но здесь нельзя не отметить многочисленные ареальные параллели в кушитских и омотских языках: в кушитских ср. байсо *buba*, машиле *bibba*, бурджи *bulbule*; и др., в омотских — койра *bibule* и др. Конкретный ареал распространения этих форм в основном ограничивается Эфиопией, т. е. предполагать здесь непосредственное заимствование из одного из этих языков в икк нереалистично (ср. также расхождения в вокализме), но общая ситуация, тем не менее, допускает существенную вероятность интерпретации всех этих форм как рефлексов единой «бродячей» основы. Впрочем, это наблюдение не должно служить формальным препятствием к вынесению икк *bíb* на внешний уровень сравнения.

14) «глаз»: икк *èkw*, мн. ч. *ékʷ-ítín*, тпс *èk*, мн. ч. *'èkw-èk* [Hn.], *ek*, мн. ч. *ekw-ek* [Ca.], нги *èkw*, мн. ч. *èkw-èk*. || Hn.: **ekw*, мн. ч. **ekw-ek*.

Реконструкция Б. Хайне вполне однозначна, хотя праформу скорее имеет смысл записывать в виде **ekʷ* (с отражением фонологичности лабиовелярного согласного и первичности -ATR-характеристики гласного, трансформирующейся в +ATR в формах мн. ч. под влиянием суффикса; в икк +ATR-характеристика по аналогии обобщается и на ед. ч.).

15) «огонь»: (а) икк *càd*; (б) тпс *dàk*, мн. ч. *dèkw-èk* [Hn.], *dak*, мн. ч. *dèkw-ek* [Ca.], нги *dàkw*, мн. ч. *dàkw-èk*. || Hn.: **dakw*, мн. ч. **dakw-ek*.

Здесь тепес-ньянгги основа **dakʷ* (мн. ч. **dekʷ-ek* с переогласовкой по суффиксу) противопоставлена икк *càd*, без убедительной взаимной этимологизации. Любопытно отметить, что в фонетическом плане идеальным соответствием для **dakʷ* оказывается икк *dàkw* 'дерево' (см. ниже), полный спектр значений для которого в словаре Б. Хайне описывается как (а) 'дерево', (б) 'ручка', (в) 'большое полено (для растопки)'. Последнее из перечисленных значений, учитывая засвидетельствованность для Африки семантического перехода 'огонь' → 'дрова, хворост', могло бы оказаться ключевым для ситуации, однако имеется дополнительное осложнение: конструируемый сценарий требует дальнейшего метонимического развития 'полено, дрова' → 'дерево (растущее)', а не наоборот, что в типологическом плане чрезвычайно маловероятно.

Ввиду этого на данном этапе лучше отвергнуть этимологическую связь между тепес-ньянгги **dakʷ* 'огонь' и икк *dàkw* 'дерево', что позволяет примерно на равных основаниях привлекать к внешнему сравнению как форму **dakʷ*, так и **càd* в значении 'огонь'.

16) «нога»: икк *dè*, мн. ч. *dè-ík*, тпс *tèg*, мн. ч. *tègw-è* [Hn.], *tæg*, мн. ч. *tegw-e* [Ca.], нги *tègw*, мн. ч. *tègw-èrèk*. || Hn.: **takw*.

В [Heine 1976: 50] тепес-ньянгги **tègw* 'нога' сопоставляется с икк *takʷa* 'ботинок, сандалия' (в записи Краццолары; в более позднем словаре самого Хайне слово записано как *tàkʷá/y/*, мн. ч. *tàkʷá-ík*), что и обуславливает общую реконструкцию **takw*. Эта этимология представляется сомнительной: во-первых, за счет абсолютно нерегулярного и необъяснимого исчезновения -w- в икк, во-вторых, по семантическим причинам: развитие 'нога' → 'обувь' в языках рассматриваемого ареала вроде бы не наблюдается и, во всяком случае, не является типовым.

На наш взгляд, более вероятным, хотя, быть может, и менее очевидным в фонетическом плане, выглядит все же родство между тепес-ньянг **tɛg^w* 'нога' и икк *dɛ̀ id.*, объясняемое через общую праформу **tɛg^w*. Обращает на себя, в частности, внимание чрезвычайная редкость в икк ауслаутного сочетания *-g^w*, в противовес ауслаутным *-k^w* и *-k^w* (на весь словарь обнаружено не более двух-трех примеров, без внешних соответствий); этот факт допускает возможность регулярного развития **-g^w → -∅* в ауслауте, с гипотетическим компенсаторным озвончением начального смычного (**tɛg^w → dɛ̀*) и последующим аналогическим обобщением нового варианта также на форму мн. ч. (*dɛ̀-ík*).

Уникальность ситуации не позволяет однозначно отбросить альтернативу, предлагаемую Б. Хайне, но предложенный сценарий, тем не менее, реалистичен и может быть опровергнут лишь через обнаружение более сильной этимологии для икк *dɛ̀*.

17) «волосы»: (а) икк *sícʔ*, тпс *síʒ-ʼát*, мн. ч. *síʒ* [Hn.], *síʒ*, мн. ч. *síʒ-at* [Ca.]; (б) нги *sim-ʼát*, мн. ч. *ʼɛ=sim*. || Hn.: **sícʔ*.

Икк-тпс изоглосса **sícʔ* идеально подходит на статус общекулякского этимона 'волосы'. Долгота (точнее, удвоенность) гласного, восстанавливаемая у Б. Хайне, основана на его старой записи слова в икк как *síícʔ*, но в словаре 1999 г. гласный уже записывается без удвоения. Поскольку серьезных оснований восстанавливать в пракулякском фонологическую оппозицию по долготе/краткости нет, данный «инцидент» допустимо проигнорировать и записывать реконструкцию просто в виде **sícʔ*.

Вряд ли случайно сходство данной основы с рядом форм омотских (как правило, южноомотских) языках — ари *sicʔi*, каро *sici* и др. [Ehret 1981: 276], однако надежная выводимость основы на пракулякский уровень не позволяет однозначно определить ее как заимствование из омотского источника — здесь допустимо предполагать и обратное направление, и даже аргумент в пользу генетического родства этих семей.

Фонетически идеальным и семантически допустимым соответствием для нги *sim-* является тпс *sim*, мн. ч. *sim-ek* [Ca.] 'лиана; веревка', икк *sim*, мн. ч. *sim-itín* 'веревка' (семантическое развитие 'веревка' → 'волосы' вряд ли можно считать типовым, но приемлемо при условии промежуточной стадии 'коса' или 'прядь').

18) «рука»: (а) икк *kwèt*, мн. ч. *kwèt-ik*; (б) тпс *ân*, мн. ч. *èn-èk* [Hn.], нги *ân*, мн. ч. *àn-èk*. || Hn.: **an*, мн. ч. **an-ek*.

Ввиду бинарного расхождения — икк *kwèt* (← **k^wet?*) : тепес-ньянг **an*, с предсказуемой переогласовкой в форме мн. ч. по гласному суффикса в тпс — к внешнему сравнению можно привлекать обе формы. Для икк стоит отметить полисемию 'рука; передняя нога (животного)', что можно интерпретировать и как намек на инновативное типовое семантическое развитие 'лапа' → 'рука', но, учитывая, что в тпс и нги соответствующие эквиваленты для 'передней ноги' или 'лапы' вообще не зафиксированы, никаких по-настоящему достоверных заключений из данной полисемии вывести нельзя.

19) «голова»: икк *ik*, мн. ч. *ik-itín*, тпс *ik*, мн. ч. *ik-èk* [Hn.], *ik*, мн. ч. *ik-ek* [Ca.], нги *ik*, мн. ч. *ik-èk*. || Hn.: **ik*, мн. ч. **ik-ek*.

Здесь налицо полное фонетическое совпадение рефлексов во всех языках; реконструкция Б. Хайне вполне однозначна.

20) «слышать»: (а) икк *nès-és*, нги *nís'ùd*; (б) тпс *bûb* [Hn.], *bub* [Ca.].

Группа форм (а) имеет удовлетворительную дистрибуцию, но ситуация осложнена нерегулярным соответствием между икк *n-* и нги *η-*: судя по известным рядам соответствий, пракулякское **n-* в данной ситуации должно было бы сохраниться в нги, а пракулякское **η-* — в икк. Учитывая, тем не менее, полную фонетическую совместимость остальных сегментов, совместную этимологизацию этих двух форм допустить можно — в частности, не исключено, что форма в нги была записана Б. Хайне ошибочно (вместо **nis-*), или что в одном из двух языков имела место контаминация и т. п.; убедительным основанием для разнесения их по разным этимологиям будет только обнаружение альтернативных параллелей. Тем не менее, исходную артикуляцию начального носового по данным Хайне однозначно восстановить невозможно.

Тпс *bûb* 'слышать, понимать, слушаться' не имеет явных параллелей ни в других кулякских языках, ни (как потенциальное заимствование из нилотских, кушитских и т. п. языков) за пределами этой группы. На внешний уровень сравнения, ввиду столь ограниченной дистрибуции, выносить его явно не рекомендуется.

21) «сердце»: (а) икк *gúr*, мн. ч. *gúr-itín*; (б) тпс *bùbù*, мн. ч. *bùbùr-ek* [Hn.], *bugúr*, мн. ч. *bugúr-ek* [Ca.], нги *bùb'ùr*, мн. ч. *bùb'ùr-ìèk*. || Hn.: **bubur*, мн. ч. **buburr-ek*.

Здесь налицо очень нетривиальная ситуация. На первый взгляд, такие формы, как икк *gúr* и тпс *bùbù*, вряд ли могут считаться фонетически совместимыми, и к внешнему сравнению можно было бы просто по отдельности привлечь основы **gur* и **bubur*. Однако реконструкция **bubur* у Б. Хайне не объясняет странной тпс формы *būgur* в словаре Карлин, подтверждаемой также записью *bugi* 'сердце' в 200-словном списке [Laughlin 1975: 338]. Поскольку в языках тепес-ньянгги вполне допустимы структуры вида **bUḃ-* (ср. выше тпс *būḃ* 'слышать'), простой диссимиляцией эти расхождения объяснить трудно.

Если исходить из того, что в икк (а) слово *gúr* на самом деле многозначно, и в словаре Хайне переводится как 'душа, дух, сердце'; (б) зафиксировано существительное *bùbù* 'желудок, живот', выступающее также в функции предлога/послелога 'под' — одним из возможных путей разрешения ситуации является постулирование на уровне пратепес-ньянгги композитной основы **bubu-gur*, букв. 'поддушие' или 'внутридушие', с редукцией срединного гласного → **bub-gur* и упрощением кластера одним из двух возможных способов уже на уровне конкретных диалектов тпс и нгг. К сожалению, сама основа **bubi* в качестве отдельного слова в тепес-ньянгги не сохраняется, что несколько ослабляет аргументацию. Помимо этого, встает также вопрос о правомерности присвоения одинакового индекса когнации формам *gúr* и *bùbù*: если последняя действительно ← **bub/u/-gur*, то от исходного корня в ней в лучшем случае остался один ауслатный гласный *u* (хотя конечный сонант все же восстанавливается в форме мн. ч.).

В качестве итогового решения предлагается выбрать компромисс: с одной стороны, все же не считать формы в икк и в тепес-ньянгги лексикостатистическими когнатами (т. е. даже при условии верности предложенного сценария считать, что в тепес-ньянгги функция выражения значения 'сердце' перешла с корня **gur* на корень **bub-*), с другой — к внешнему сравнению привлекать только форму **gur*.

22) «рог»: икк *éḃ*, мн. ч. *éḃ-ìtín*, тпс *èḃ*, мн. ч. *èḃ-èk* [Нн.], *éḃ*, мн. ч. *éḃ-ek* [Са.], нгг *èḃ*, мн. ч. *èḃ-èk*. || Нн.: **éḃ*, мн. ч. **éḃ-ek*.

Реконструкция **éḃ* (с ассимилятивной переогласовкой **éḃ-ek* → **éḃ-ek* в тепес-ньянгги) в данном случае однозначна.

23) «я»: (а) икк *ńk*; (б) тпс *àya* [Нн.], *aya* [Са.], нгг *ày*.

Реконструкция системы личных местоимений в кулякских языках — чрезвычайно сложная тема, т. к. между икк и тепес-ньянги наблюдаются значительные различия, несводимые к эффектам обычных звуковых законов и объяснимые лишь в рамках индивидуальных изменений (морфологических процессов, нерегулярных развитий в частотных формах, аналогических преобразований и т. п.). Как и в других аналогичных ситуациях, здесь можно лишь изложить несколько альтернативных сценариев развития и попытаться ранжировать их по степени вероятности.

Полная система основ 1-го л. ед. ч. в икк имеет следующий вид: (а) независимое местоимение *ík* [Hn.] с косвенной основой *íċ-i-* (т. е. палатализацией веллярного перед передним гласным) = *íċ^h* в записи А. Такера; (б) глагольный суффикс 1-го л. ед. ч. *-í*; он же способен выступать в функции посессивной основы ('мой' = либо ударное местоимение *íċ-à*, либо клитическое *-í-à* у А. Такера).

Для тепес-ньянги общая система восстанавливается иначе: (а) независимое местоимение имеет вид **au*, с добавлением клитической частицы **a* в тпс; поскольку в тпс все независимые местоимения заканчиваются на *-a* (см. ниже 'ты', 'мы'), скорее имеет смысл говорить о расширении основы в тпс, чем о редукции в нги; (б) глагольный суффикс 1-го л. ед. ч. имеет вид **-sa* (→ тпс *-esa* [Hn.], *-i/sa* [Ca.], нги *-sa*); (в) притяжательные формы в целом, по-видимому, выводимы из формы независимого местоимения: ср. в тпс *-a* [Hn.], *-a* ~ *-au* [Ca.] 'мой', т. е. *-a* можно считать ослабленным вариантом **-au*; в нги *-áo* 'мой' ← **-au-o* с добавлением посессивного суффикса *-o*, наблюдаемого и в других местоимениях (*-bô* 'твой', *-sô* 'наш /экскл./', *-gîn-ò* 'наш /инкл./' и т. п.).

Сравнение этих форм с другими формами местоименной парадигмы показывает, что в икк *ík* следует, по-видимому, выделять исходную корневую морфему **=k^(a)* и начальную эмфатическую частицу-клитику **n=* — ср. с этим же согласным 3-е л. ед. ч. *î=c* 'он, она', 1-е л. мн. ч. экскл. *î=gw*, инкл. *î=gîn* ~ *î=zîn*, 3-е л. мн. ч. 'они' *î=t*; носовой элемент отсутствует только в формах 2-го л., где, возможно, он не устоялся из-за того, что эти формы начинаются с губного согласного *b-* (см. ниже).

Любопытно, что по крайней мере в формах 3-го л. просматривается четкая связь между икк *n=* и вокалическим анлаутом *i-* в языках тепес-ньянги: ср. икк *î=c* = тпс *i=ca*, (?) нги *i=kiet*; икк *î=t* =

тпс $i=ti$, нги $i=t$, также в формах 1-го л. мн. ч. ср. икк $\dot{n}=g\dot{i}n$ = нги $g\dot{i}n$ без вокалического анлаута, но = тпс $i=nia$ (← $*i=g\dot{i}n-ia$?). Это соответствие, вероятно, следует интерпретировать либо как вокализацию сонанта в тепес-ньянг $(*nC- \rightarrow *i_nC- \rightarrow *iC-)$, либо как разнонаправленное развитие в обеих ветвях из исходного комплекса $*nV=C-$ или $*Vn=C-$ (скорее первое, т. к. в этом случае можно дальше сравнивать начальный элемент основы с такими служебными словами в икк, как $n\dot{a}u\acute{e} \sim n\acute{e}$: 'здесь' или с указательными местоимениями $n\dot{a}$ 'этот', $n\dot{i}$ 'тот' и т. п.).

Тем не менее, сравнительный анализ форм 1-го л. ед. ч. в кулякских языках эта гипотеза облегчает не сильно: внутренняя реконструкция для «ранне-ик» корня $*ka \sim *ki-$ 'я' все равно не позволяет убедительно свести его к общему инварианту с тепес-ньянг $*au$.

Если допустить, что велярный согласный в икк $\dot{n}=k$ 'я' отражает тот же самый морф, который также представлен в $\dot{n}=g\dot{i}n$ и $\dot{n}=gw$ 'мы', то этот же морф обнаруживается и в нги $g\dot{i}n$ 'мы' (инкл.), и, следовательно, 'я' в икк должно считаться более архаичным, чем $*au$ в тепес-ньянг; подозрительным оказывается и отсутствие в этом местоимении реконструированного выше протетического элемента. В этой связи уместно думать о возможности заимствованного происхождения тепес-ньянг $*au$ — единственным, но достаточно вероятным кандидатом на донорство здесь оказывается реконструированная выше форма тесо-туркана $*au\eta$ 'я'.

С другой стороны, такая гипотеза не учитывает очевидного сегментного сходства между тепес-ньянг $*au$ и субъектным показателем 1-го л. ед. ч. $-i$ в икк — здесь, конечно, легко допустима возможность редукции клитики $-au \rightarrow -i$ в процессе трансформации в аффикс. В этом случае инновацией, наоборот, следует признать икк $\dot{n}=k$ — но здесь уже невозможно даже предположительно указать источник инновации.

В итоге приходится признать, что адекватная реконструкция самостоятельной основы местоимения 1-го л. ед. ч. в пракулякском на основании доступных нам данных невозможна. К внешнему сравнению следует в первую очередь привлекать морфему $*ka \sim *ki-$ в икк, во вторую — тепес-ньянг $*au$ (как основу, для которой хотя бы теоретически можно предложить внешний источник происхождения).

24) «убивать»: икк *ɸè-és*, тпс *kèn* [Нн.], *ken* [Са.], нги *képû*. || Нн.: **ken*.

Реконструкция Хайне касается только ветви тепес-ньянги; икк *ɸè-és* к сравнению он не привлекает — несмотря на то, что икк *ɸ*-фигурирует в его рядах соответствий только как результат палатализации старого велярного (т. е. анлаутные фонемы вполне совместимы), смущает отсутствие в икк инлаутного носового: развитие **ken-es* → *ɸe-es* с бесследным исчезновением *-*n*- не имеет аналогов и вряд ли допустимо.

С другой стороны, учитывая неразработанность исторической морфемики языков тепес-ньянги, нельзя исключать, что праформа **ken* исторически разложима на корень **ke*- и словообразовательный суффикс *-*n*. В списке продуктивных глагольных суффиксов тпс [Carlin 1993: 36–37] такая морфема отсутствует, но отдельные сложные глагольные основы, в которых можно на структурных основаниях заподозрить ее присутствие, в словаре тпс все же обнаруживаются: ср. тпс *wiran* / *wirn-vg* ‘поворачиваться’, а также, возможно, *ɟɟn* / *ɟɟn-vg* ‘охранять, сторожить (сад)’ — ср. икк *kè-és* ‘сторожить (поле)’ (хотя здесь неясна ситуация с анлаутом — нерегулярная редукция в икк или неизвестная префиксация в тпс?).

Помимо этого, обращает на себя внимание сам факт палатализации в икк, которая, как уже говорилось выше, не происходит автоматически перед любым передним гласным, а ожидается лишь в «сильных» условиях. В данном конкретном случае таким условием могло быть лишь присутствие дополнительного палатального сегмента, т. е. исходный корень скорее должен восстанавливаться в виде **keɣ*-, и именно этот вариант в первую очередь следует привлекать к внешнему сравнению.

25) «лист»: (а) икк *kàk*; (б) тпс *rəm-’ât*, мн. ч. *rəm* [Нн.], *rəm*, мн. ч. *rəm-at* [Са.], нги *ròm-’ât*, мн. ч. *ròm*. || Нн.: **ròm*.

Фонетически и семантически удовлетворительная параллель к икк *kàk* в ветви тепес-ньянги — тпс *kakas* ‘*Erythrina abyssinica*’ [Са.] (небольшое дерево с ярко-красными цветами, листья используются в т. ч. как корм для скота), однако этот факт сам по себе ничего не говорит о том, какое значение для корня **kak* было первичным (‘лист’ или ‘вид листовенного растения’). Тепес-ньянги **ròm* (фонологичность долготы, как и в других случаях, сомнительна) не

имеет параллелей в икк. К внешнему сравнению на более или менее равных основаниях можно привлекать оба корня.

26) «вошь»: икк *sàn*, тпс *gén-ất*, мн. ч. *gên* [Нн.], *gên-at*, мн. ч. *gên* [Са.], нги *zàn-ất*, мн. ч. *zàn*. || Нн.: **san*.

Выше (п. 3.12.2) уже указывалось, что соответствие «икк *c* : тпс *g* : нги *ʒ*» в целом укладывается в систему соответствий для велярных согласных в «слабой», т. е. подверженной палатализации, позиции, и следовательно, вопреки этимологическому решению Хайне, форму в тпс допустимо включать в общую этимологию, изменив реконструированный анлаут с **c* на **ʃ* ~ **kʷ*. Однако это ставит перед исследователем дополнительную задачу — объяснить причину палатализации, т. к. пракулякская форма **ʃan* сама по себе неспособна дать икк *san*.

Ключевую роль в этой ситуации может играть корневой вокализм *ε* в тпс. Результатом переогласовки по одному из продуктивных суффиксов он быть не может, т. к. единственный такой суффикс — сингулятив *-*at* в тепес-ньянг. Не исключено, что контурный тон, отмеченный Б. Хайне в тпс, косвенно указывает здесь на стяжение: *gên* ← **ʃay/V/n*. Такой сценарий мог бы одновременно объяснить и расхождения в вокализме (в одних диалектах палатальный глайд стягивался с предшествующим гласным в монофтонг, в других — просто выпадал в сочетании), и палатализацию: **ʃayn* → **ʃyan* → **ʃan*. Что касается самой структуры **ʃay/V/n*, то для нее одним из реалистичных вариантов внутренней реконструкции может быть разложение на старый корень **ʃay* и суффикс мн. ч. или собирательности *-*in* или *-*en* (ср. примеры из тпс, где этот суффикс в относительно небольшой группе слов продолжает существовать как самостоятельная морфема: *kil*, мн. ч. *kil-in* 'палка, прут', *rot*, мн. ч. *rot-en* 'бедро' и др. [Carlin 1993: 77]). Уже на этапе пратепес-ньянг от этой формы был образован новый сингулятив на *-*at*.

Как и другие аналогичные индивидуальные сценарии развития, данная гипотеза не исключает альтернатив, и поэтому на этапе внешнего сравнения нельзя исключать возможность того, что *-*n* все же принадлежит корню. Тем не менее, изложенный сценарий не представляется внутренне противоречивым и экономно объясняет целый комплекс явлений, поэтому реконструкция **ʃay* будет иметь приоритет над **ʃan* ~ **ʃen*.

27) «мясо»: (а) икк *èm*; (б) тпс *èy-â't*, мн. ч. *yèy* [Hn.], *(y)ey-at* ~ *(y)e-at*, мн. ч. *yey* [Ca.], нги *yè-ét*, мн. ч. *yè*. || Hn.: **ie-at*, мн. ч. **iey*.

Для икк *èm* известна лишь одна параллель в ветви тепес-ньянг: тпс ед. ч. *emt-os*, мн. ч. *emt-e* ~ *emt-an* [Ca.] 'животное' (преим. дикое). Внутренняя структура этой очевидно производной основы остается неясной, хотя бы потому, что *-os* в тпс — обычно глагольный, а не именной суффикс; тем не менее, делимость его, судя по общей структуре парадигмы, очевидна, а дальше упрощенную основу *emt-* уже несложно возвести к **em-at-*, где *-at-* — застывший показатель сингулятива (т. е. 'один кусок мяса' = 'одно животное').

Такая этимологизация однозначно указывает на первичность пракулякского **em-* в значении 'мясо' и, соответственно, на инновативный статус тепес-ньянг **(y)ey*. Однако к внешнему сравнению все равно имеет смысл привлекать оба корня, т. к. удовлетворительно раскрыть источник предполагаемой инновации не удастся. В плане фонетики тепес-ньянг основе в икк практически идеально соответствует лексема *è* (косв. основа *èy-ú-*) 'содержимое желудка (у животных)', но семантическое сходство, безусловно, оставляет желать лучшего (чисто умозрительно можно допустить развитие и того, и другого из родового значения 'еда, пища', но без убедительных типологических параллелей такое допущение обречено оставаться на уровне догадки).

28) «луна»: (а) икк *àrágwàn*, тпс *'áwàn* [Hn.], *awan*, мн. ч. *ewen-e* [Ca.]; (б) нги *ás'ân*. || Hn.: **ar=agwan*.

Реконструкция Б. Хайне, по-видимому, корректна в плане полного сегментного совпадения с формой в икк; однако странным является выделение **ar=* как уникального «префиксального» компонента, при том, что развитие **aragwan* → **argwan* → **arwan* → **awan* в тпс абсолютно естественно (см. выше о «беглом» **r* в тпс — в данном контексте выпадение регулярно). Отчасти на такое решение могла повлиять необычная трехсложная структура, намекающая либо на производность, либо на неисконное происхождение.

Вторая гипотеза выглядит особенно заманчиво в плане очевидного фонетического изморфизма между общекулякским **aragwan* и пракаленджин **ara(:)w-* с диалектным развитием → *ara:kw-* в сог — при том, что и в языках календжин, как было показано выше, эта форма вряд ли могла быть унаследована от общеюж.-нилотского состояния. Если добавить сюда же многочисленные

фонетически сходные формы в омотских языках (макро-омето **agVn-*, сюда же ср. в кушитских языках бурджи-сидамо **agan-a*, по-видимому, заимствованное из омотского источника [Bender 2003: 118]), теоретически выводимые из упрощенного прототипа **a(r)g(w)Vn-*, ситуация усложняется до предела.

Практически не приходится сомневаться, что мы имеем здесь дело с «бродячим» термином, развившимся из «окультуривания» изначально базисного значения, причем из всех языковых групп и семей, в которых зафиксирован тот или иной его вариант (кулякской, южнонилотской, омотской, кушитской), на роль первичного источника диффузии лучше всего подходит именно кулякская: во-первых, только в ней этот этимон представлен в наиболее фонетически сложном виде (икк *aragwan*), во-вторых, только в кулякской группе он выводится на прауровень (впрочем, хронологически весьма неглубокий). С другой стороны, в социолингвистическом плане столь сильное влияние кулякского термина не только на географически близлежащие календжинские языки, но и на омотские языки Эфиопии выглядит нереалистично.

Если предположить, что диффузия данного термина так или иначе связана с вымершими языками условных «доробо» (т. е. охотников-собирателей, населявших рассматриваемый эфиопийско-кенийский ареал до появления на нем развитого скотоводства), то с этой точки зрения кулякские языки, для которых на прауровне надежно восстанавливается скотоводческая терминология, находятся в столь же «уязвимой» позиции, как и южнонилотские и омотские языки, — просто в них соответствующее заимствование могло иметь место на (неглубоком) прауровне.

В этой связи при переходе к внешнему сравнению нельзя, по-видимому, однозначно отфильтровывать такую форму, как нги *ás'ân*: не исключено, что именно она и является реликтом «настоящей» пракулякской 'луны', в то время как **aragwan* — старое субстратное слово, вытеснившее исконно кулякский термин в икк и в тпс, но не в нги. Косвенно в поддержку именно такой гипотезы свидетельствует и необычная сложность основы **aragwan*: если бы она была исконно кулякской, для нее ожидалась бы возможность внутренней этимологизации, но ни «префикса *ar-*», выделяемого Б. Хайне, ни «суффикса *-(g)wan*», в кулякских языках нет; не получается проанализировать данную форму и как результат

корнесложения — все это скорее следует интерпретировать как заимствование сложного морфологического образования из внешнего источника.

29) «рот»: икк *àk*, мн. ч. *àk-ìtín*, тпс *âk*, мн. ч. *ék-èk* [Hn.], *ak*, мн. ч. *ek-ek* [Ca.], нги *àk*, мн. ч. *àk-’èk*. || Hn.: **ak*, мн. ч. **ak-ek*.

Реконструкция общекулякского **ak* (с предсказуемой перегласовкой в мн. ч. **ak-ek* → *ek-ek* в тпс) однозначна.

30) «имя»: икк *éd*, мн. ч. *éd-ìtín*, тпс *yêd*, мн. ч. *y’èd-èk* [Hn.], *yed*, мн. ч. *yed-ut* ~ *yed-ek* [Ca.], нги *èd-èk*, мн. ч. *èd-èk-’ót*. || Hn.: **yed*, мн. ч. **yed-ek*.

Анлаутный глайд в реконструкции **yed* фонологичен (выпадение в икк и нги регулярно) и должен учитываться на внешнем уровне.

31) «новый»: икк *èrúc*.

В языках тепес-ньянгси слово ‘новый’ не зафиксировано (возможно, отдельной лексемы как таковой не существует вообще), так что к внешнему сравнению привлекать можно только адъективную основу *èrúc* в икк. Если *-uc* — исторический суффикс (косвенные основания для такой гипотезы можно извлечь из общего анализа словаря икк Б. Хайне), то корень *er-* сопоставим с тепес-ньянгси **er* ‘близкий’ (→ тпс, нги *èr* [Hn.]), и это, в свою очередь, ставит под сомнение первичность семантики ‘новый’ в икк (как было показано выше в ходе анализа южнонилотских данных, самостоятельное значение ‘новый’, выражаемое индивидуальной лексемой, вообще не очень характерно для рассматриваемого языкового ареала).

32) «ночь»: (а) икк *mùkú*, мн. ч. *mùkúá-íçik*; (б) тпс *mí* [Hn.], *mí* [Ca.], нги *mír*, мн. ч. *m’ír-ìèk*. || Hn.: **mír*.

Икк *mùkú* и тепес-ньянгси **mír* (фонологичность долготы в реконструкции Хайне сомнительна) не сводятся друг к другу и не этимологизируются на взаимной основе. Допустимо, что по крайней мере одна из этих форм заимствована из внешнего источника, но кушитские параллели к обеим в [Lamberti 1989: 119], несмотря на фонетическое и семантическое сходство (ср. йааку *mèʔeri* ‘вечер’ или сомали *mug-dí* ‘темнота’), сами по себе имеют довольно разрозненный вид и не могут уверенно считаться источниками заимствования (не говоря уже о возможности генетиче-

ского родства). Таким образом, к внешнему сравнению можно привлекать обе основы.

33) «нос»: (а) икк *àkàt*, мн. ч. *àkàt-ik*; (б) тпс *ɲàb*, мн. ч. *ɲ'èb-èk* [Hn.], *ɲàb*, мн. ч. *ɲèb-ek* ~ *ɲàb-ut* [Ca.], нги *ɲáb-èk*, мн. ч. *ɲáb-èk-ót*. || Hn.: **ɲab*, мн. ч. **ɲab-ek*.

Здесь также на внешний уровень сравнения придется выносить обе основы. При этом односложная основа **ɲab*- в пратепес-ньянги не производит впечатления производной, в отличие от двусложной *àkàt* в икк, но относительно последней можно высказывать лишь догадки — так, в частности, обращает на себя внимание повышенная частотность слов, начинающихся на **aK*-, в значении различных частей лица: ср. *àk* 'рот', *akakɲiŋ* 'челюсть', *àkár* ~ *àkárw* 'нёбо', также глагол *ákáf-òŋ* 'зевать' и т. п. Допустимо предполагать, что и этимон 'нос' в икк мог быть суффиксальным образованием или словосложением на базе исконного *àk* 'рот' (учитывая к тому же, что для *àk* характерна полисемия 'рот, дырка, отверстие'), но доступные нам данные по икк не дают возможность конкретизировать такую гипотезу; в лучшем случае она дает право на вероятностное ранжирование «кандидатов» в порядке от явно непроизводной тепес-ньянги основы **ɲab*- к весьма вероятно производной икк *àkàt*.

34) «не»: (а) икк *ítá*, тпс *ín-* [Hn.], *m-* ~ *im-* [Ca.], нги *ɲà*; (б) икк *tá:*; (в) тпс *lá-* [Hn.], *la:n* ~ *la:* [Ca.].

Самой частотной и уверенно выводимой на прауровень отрицательной морфемой в кулякских языках оказывается формант **n*-. В икк он представлен в составе (очевидно составной, судя по фонетической структуре) отрицательной частицы *í-tá*, маркирующей неперфектные формы глагола; в тпс — в виде отрицательной частицы *m-* (диалектный вариант — *im-*; Карлин [Carlin 1993: 55] восстанавливает исходную морфонологическую структуру этой морфемы в виде **ini-*), также представленной в неперфектных основах; в нги — как неперфектное отрицание *na*. Реконструировать по таким данным «вокалическое окружение» для консонантного костяка **n* затруднительно (возможен вариант **ina*, из которого через различные индивидуальные процессы редукции выводятся остальные), но в общем происхождении их всех вряд ли можно усомниться.

Сложнее обстоит дело с показателями отрицания в перфективных формах. Икк перфективное отрицание *tá*: сопоставимо с тпс морфемой *tak* 'все еще (не)', которую Карлин определяет как «negator of the perfect» (ср. тпс *tak nɔ-ik* 'они все еще девочки', *tak ʒɔg nɔ=gab-asa* 'меня все еще мучает голод' и т. п.); таким образом, для этого показателя более вероятно происхождение из какого-то временного наречия, чем связь с широко распространенным в языках мира (и Африки) отрицанием вида **ta*. Что касается отрицания прошедшего времени *lá-* в тпс, вообще не имеющем параллелей в икк, то Карлин определяет его исходную, нестянутую, форму как *la:n*, и это позволяет предположить историческое развитие из **la + *(V)n*, где **la* также может быть старой частицей, а **(V)n* — общей отрицательной морфемой.

В любом случае видно, что перфективные показатели, с одной стороны, труднее сводятся к общему инварианту, с другой — до некоторой степени поддаются внутренней этимологизации. На внешний уровень сравнения, таким образом, в первую очередь выводится **n*-отрицание, которое можно считать наиболее естественной и архаичной негативной морфемой для кулякских языков; впрочем, полностью исключать **m*-отрицание из сравнения также нельзя по формальным основаниям, поскольку дистрибуция его носит общекулякский характер.

35) «один»: (а) икк *kɔn*; (б) тпс *ɛd-ɛs* [Hn.], *ɛd-ɛs* [Ca.]; (в) нги *nàrdòk*.

Из перечисленных форм наиболее широкую дистрибуцию по языкам обнаруживает корень **ɛd-* ~ **ɛd-*. В тпс от него образуется большая группа производных основ: *ɛd-ɛs* 'один (числ.)', 'быть одним, единственным (гл.)', *ɛd-ɛn* 'какой-то', 'другой', *ɛd-ɔ* 'быть вместе' и др. В икк он же представлен в наречии *ɛd-á* 'только' и, возможно, послужил основой для образования одного из сингулятивных суффиксов (*-éd*). В нги Б. Хайне фиксирует его только в составе адъективной основы *ɛd-ɛn* 'другой'. Подчеркнем, тем не менее, что в качестве базисного эквивалента для числительного 'один' он выступает только в тпс, и эта функция вполне может оказаться вторичной (развитие 'некий' ~ 'другой' → 'один' столь же допустимо, как и обратное).

Икк *kɔn* также выполняет в этом языке двойную функцию — числительного ('один') и неопределенного прилагательного ('какой-то', 'другой'). Явных параллелей в языках тепес-ньянгси эта

форма не имеет. Сравнение с такими указательными лексемами, как *ká*, *ká-kà*, *ká-kè* 'там' показывает, что она вполне могла быть образована уже после отделения икк от тепес-ньянги за счет присоединения номинализатора *-(V)n*, хотя доказательной силы эта гипотеза не имеет.

Наиболее странный вид имеет зафиксированная для нги форма *nàrdòk*. Составной характер ее очевиден и наглядно подтверждается альтернативной записью в списке Дж. Дриберга: *odok* [Driberg 1932: 604] — в обеих формах выделяется корень **=dok*, сопровождаемый префиксальными расширениями неясного происхождения. Никаких параллелей ни в икк, ни в тпс этот корень не обнаруживает.

В целом приходится признать, что реконструкция числительного '1' на общекулякском уровне невозможна. К внешнему сравнению допустимо привлекать и корень **ɛd-* (с учетом того, что нумерическое значение для него может быть вторичным), и основу **kɔn* (с учетом того, что она вполне может оказаться производной от указательной морфемы), и основу **dok* (с учетом ее полной изолированности в нги), но в свете столь явной нестабильности данного этимона, вероятность архаичности любой из этих морфем в значении '1' будет чрезвычайно низкой.

36) «дождь»: (а) икк *didi*; (б) тпс *wàr* [Hn.], *war-vg* [Ca.], нги *wàr*. || Hn.: **war*.

Цитация в тепес-ньянги не вполне точна, т. к. в материалах Б. Хайне обнаруживается только глагольный корень: 'идти (о дожде)' = тпс, нги *wàr*. В словаре Карлин именное значение 'дождь' в тпс выражается двояко: либо тем же словом, что и 'вода' (см. ниже; ср. *war-ɛs kwe* ~ *war-vg kwe* 'идет дождь'), либо номинализацией самой глагольной основы *war-vg* (с суффиксом статива *-vg*); вполне вероятно, что примерно такая же ситуация была и в нги.

В икк существует отдельное слово для 'дождя' как такового (*didi*), противопоставленное глагольному корню *wàt-* 'идти (о дожде)', ср. *wàt-á didi* 'идет дождь'; к сожалению, икк *wàt-* и тепес-ньянги **war-* несопоставимы из-за необъяснимого расхождения второго согласного корня. Для икк *didi* параллели в тепес-ньянги также отсутствуют, так что к внешнему сравнению можно примерно на равных основаниях привлекать как *didi*, так и **war-* (последнее — при условии, что *didi* в икк могло быть инновацией, а на пра-

кулякском уровне именное значение 'дождь' и глагольное 'идти (о дожде)' лексически не различались).

37) «дым»: (а) икк *c'úd*; (б) тпс *àr* [Hn.], *ar* [Ca.].

В нги слово 'дым' достоверно не зафиксировано; в старом источнике [Driberg 1932: 605] для него дается эквивалент *uket*, идентичный тпс *uk-at* 'пепел' и практически совпадающий с *ikw-ét* 'пепел' у Б. Хайне (см. выше) — к сожалению, в данном случае нет возможности удостовериться в том, насколько точно у Дриберга было записано значение этого слова.

Для тпс *àr* бросаются в глаза в первую очередь параллели в кушитских языках: оромо *a:ra*, дасенеч *er* и др. [Lamberti 1989: 121]; однозначно расценивать такое совпадение как кушитизм нельзя, но сам факт снижает вероятность архаичности этого этимона в пользу икк *c'úd* — основы, вообще не имеющей ни внутренних, ни внешних параллелей; тем не менее, к внешнему сравнению можно привлечь оба варианта.

38) «звезда»: (а) икк *dʒtèát*; (б) тпс *tòp'óé*, мн. ч. *kók'èl* [Hn.], *tob-ɕ-at*, мн. ч. *tob-e ~ tob-ɕ-e ~ tob-oi* [Ca.]; (в) нги *kàçèr-àt*, мн. ч. *kàçèr*.

Нги *kàçèr(-àt)* — вполне прозрачное и, скорее всего, недавнее заимствование из каримоджонг (см. выше каримоджонг ед. ч. *è=káçér(it)*, мн. ч. *ɲí=káçér*). Ситуация с тпс не вполне ясна: по версии Б. Хайне, основы *top-* ~ *tob-* и *kokel* соотносятся друг с другом как ед. ч. с мн. ч., а в словаре Э. Карлин им приписываются значения 'звезда' и 'планета' соответственно. При этом для *kokel* столь же очевидна связь с общекаленджинской основой **kokel* 'звезда' (см. выше) — полное сегментное совпадение столь сложных основ можно уверенно интерпретировать как результат заимствования в тпс из южнонилотского источника. Что касается *top-* ~ *tob-*, то этот корень столь же наглядно отождествляется с нанди *tàró:u* 'большая (утренняя) звезда' = сабинь *tapa-an-tet* 'утренняя звезда' (в этимологический словник Ф. Роттланда эта основа не включена, но изоглосса между нанди и сабинь недвусмысленно говорит об общекаленджинском характере основы); таким образом, ни один из терминов в тпс, скорее всего, не является исконным.

Единственная форма, которую невозможно «сходу» объяснить как заимствование — икк *dʒtèát* (косв. основа *dʒtātú-*): налицо определенное фонетическое сходство с обозначением 'звезды' в ряде омотских ветвей (ср. макро-омето **tol-int-* [Bender 2003: 121]),

но передача омотского *l* как щелевого *ɬ* в икк была бы странной (хотя, с другой стороны, ср. ниже передачу кушитского *l* как *ngi* *ɬ* в слове 'зуб'). Тем не менее, форма *dʒɬɛ́át* очевидно не может в историческом плане являться неразложимым корнем, а потенциальной производящей основы ни в икк, ни в тепес-ньянги обнаружить пока не удастся. Таким образом, даже несмотря на то, что по формальным обстоятельствам икк *dʒɬɛ́át* допустимо вынести на внешний уровень сравнения, архаичность значения 'звезда' для лежащего в основе этой формы корня (**dʒɬ*?) а priori сомнительна.

39) «камень»: (а) икк *gwàs*, мн. ч. *gwàs-ík*; (б) тпс *rát'ân*, мн. ч. *rát-é* [Hn.], *rat-an*, мн. ч. *rat-ɪ* ~ *ratn-vk* ~ *rann-vk* [Ca.]; (в) нги *səg'èt*, мн. ч. *səg'è-èk*.

Твердой уверенности в том, что базисными эквивалентами значения 'камень' в тпс и нги являются слова с разными корнями, на самом деле нет, т. к. для тпс в словаре Карлин дается также эквивалент *sof*, мн. ч. *sof-ek* 'гора', 'камень', ср. также *sof-an* 'верхний жернов' vs. *rat-an* *ɲɛ-ɛs* 'нижний жернов' (*ɲɛ-ɛs* = 'молоть, перемалывать'). Тем не менее, ни для того, ни для другого параллелей в икк не обнаружено, равно как и обратных параллелей в тепес-ньянги для икк *gwàs*. В целом очевидно, что данный этимон в кулякских языках чрезвычайно неустойчив, и к внешнему сравнению можно привлекать все перечисленные формы (тем более, что явных источников заимствования ни для одной из них обнаружить также не удалось ни в кушитских, ни в омотских, ни в нилотских языках).

40) «солнце»: (а) икк *fèt*; (б) тпс *gi* [Hn.], *gi* [Ca.], нги *zì*. || Hn.: **gi*.

Пратепес-ньянги **gi* уверенно восстанавливается с полисемией 'солнце / день': ср. тпс *gi* 'солнце', 'день' [Ca.], а также производное *gi-ek*, мн. ч. *gi-sek* 'день', 'полдень'. Последнее в работах Б. Хайне сопоставляется с икк наречной формой *zìk* 'всегда' (т. е. = 'каждый день'); если эта этимология верна (фонетически она безупречна), ее можно считать сильным аргументом в пользу пракулякского статуса корня **gi* 'солнце / день' и, соответственно, инновации в икк (обратное, т. е. реконструкция пракулякской оппозиции **pet* → икк *fèt* 'солнце' : **gi* 'день', предполагает семантическое развитие 'день' → 'солнце' в тепес-ньянги, что менее вероятно, чем противоположное). Тем не менее, отсутствие удовлетворительной внутренней или внешней этимологии для икк *fèt* означает, что полностью

исключать его из внешнего сравнения также не стоит: учитывая, в частности, типологическую естественность лексикализации в рассматриваемом ареале противопоставления 'солнце /небесное тело/': 'солнце /солнечный свет/' → 'день', легко допустим (хотя и недоказуем) вариант, при котором пракулякское **pet* = 'солнце', а **gi* = 'солнечный свет'.

41) «хвост»: (а) икк *tìmdè*, мн. ч. *tìmdè-ík*; (б) тпс *làd'òð'*, мн. ч. *làdò-út* [Hn.]; (в) тпс *ekɔsim-at*, мн. ч. *ekɔsim-e* [Ca.]; (г) нги *tis'it*, мн. ч. *tisit-én*.

Данный этимон также оказывается чрезвычайно неустойчивым. Из рассмотрения следует в первую очередь исключить формы (б) и (в) в тпс: обе они — недавние заимствования из тесо-туркана (см. выше реконструкции **kɔsim* и *=*lado*). Икк *tìmdè* (косв. основа *tímóú-*) — двусложная основа, в целом сопоставимая с тпс *tumir* [Ca.] 'зад': редкое соответствие «икк *i* : тпс *u*» встречается и в других случаях, где оно объясняется влиянием на корневой вокализм соседних огубленных сегментов (ср. икк *dikw* 'танцевать' = тпс *dúk* id.), а отсутствие палатального носового в икк может быть вызвано его ауслаутной позицией в составе двусложной основы (этот момент нуждается в уточнении). Если эта этимология верна, для данного этимона значение 'зад', скорее всего, первично по отношению к метонимическому значению 'хвост'.

Никаких этимологических параллелей к нги *tis'it* не обнаружено; на чисто формальных основаниях это слово можно было бы считать оптимальным кандидатом на пракулякский 'хвост' и привлекать к внешнему сравнению, но в целом, учитывая явную нестабильность этимона (в частности, ту легкость, с которой в тпс были заимствованы целых два эквивалента из нилотских языков), скорее приходится признать его нереконструируемость на пракулякском уровне.

42) «ты»: икк *bì*, тпс *p'nyà* [Hn.], *bia* [Ca.], нги *bì*.

Местоименные формы 2-го л. ед. ч. в кулякских языках в целом отличаются большей стабильностью, чем формы 1-го л. ед. ч. В частности, внутри ветви тепес-ньянг все варианты сводимы к единому прототипу: независимое местоимение 2-го л. имеет вид **bì* (в тпс — *bi-a*, с тем же клитическим расширением, что и в форме 1-го л.), а связанные формы так или иначе основаны на варианте с губным взрывным: ср. в тпс субъектный показатель *-(i)ba*, посессивная клитика *-bi* [Ca.]; в нги — субъектный показатель *-bi*, посессивная клитика *-bô* (← **-bi-o*).

В икк независимая форма местоимения также имеет вид *bì*, что дает возможность однозначно восстанавливать пракулякское **bi* 'ты'. В качестве субъектного показателя, тем не менее, здесь выступает совершенно иная морфема — *-íd^a* (по данным А. Такера), не имеющая параллелей в тепес-ньянги. Степень ее архаичности оценить трудно; не исключена, в том числе, и возможность появления ее в икк под влиянием кушитских языков (где маркирование личных форм 2-го л. показателем *-t* — вполне естественное явление). Непосредственно на внешний уровень сравнения выноситься должна только морфема **bi*, имеющая несомненный общекулякский статус; возможность реконструкции «раннекулякской» парадигмы как оппозиции «прямой» основы **bi* и «посессивно-субъектной» **Ta* может учитываться, но не может привлекаться в качестве серьезного аргумента для выяснения генетической аффилиации кулякских языков.

43) «язык»: (а) икк *nàkʷáf*, мн. ч. *nàkʷáf-ik*; (б) тпс *èdèʔb*, мн. ч. *èd'èb-è* [Нн.], *èdèb*, мн. ч. *èdèb-an* [Са.], нги *èd'èb*, мн. ч. *èdèb-óín*. || Нн.: **èd'èb*.

Поскольку икк *nàkʷáf* и тепес-ньянги **èdèb* не могут быть возведены к единому пракулякскому корню и не этимологизируются на взаимной основе, а типовые «семантические предки» для слова 'язык' вообще крайне немногочисленны (чаще всего это глагол 'лизать' — на пракулякском уровне он надежно восстанавливается в виде **kan-* и не может иметь никакого отношения к рассматриваемым формам), имеет смысл искать хотя бы для одной из перечисленных групп форм внешний источник.

Здесь немедленно обращает на себя внимание фонетический изоморфизм между тепес-ньянги **èdèb* и формами, широко распространенными в «кушито-омотском» ареале: это прежде всего онгота *ʔadabo* и такие южноомотские формы, как хамер *ʔadab*, банна *adab*, каро *attap*, ари *adim* и др.; далее со срединным *-t-* вместо *-d-* ~ *-d'* ср. в кушитских языках — сомали *ʔarrab*, рендилле *ʔarrab*, оромо *arraba*, сидамо *arrabo* и др. Вопрос о связях между кушитскими и омотскими формами сложен, и в текущие задачи решение его не входит, но вне зависимости от того, восходят ли они все к единому праафразийскому корню или являются результатом диффузии, настораживает тот факт, что кулякские формы носят ярко выраженный «онгота-южноомотский» характер — включая имплозивную артикуляцию одного или обоих консонант-

ных сегментов, а также передний вокализм, который вполне мог развиться как результат влияния начального ларингала (*ʕa- → *ɛ-).

Поскольку на данном этапе нельзя однозначно исключить ни то, что (а) южноомотская основа отражает общеомотский этимон, ни то, что (б) ближайшим генетическим родственником кулякских языков теоретически могут являться омотские, однозначно исключать тепес-ньянги **edɛb* из внешнего сравнения не следует. Однако в целом более вероятной, особенно учитывая отсутствие слова в икк, все же выглядит идея заимствования — не обязательно непосредственно из перечисленных южноомотских языков (с которыми у современных языков тепес-ньянги нет контактов), но, возможно, из каких-то «языков-посредников», на которых говорили те или иные племена «доробо». Отметим, что еще одна контактная гипотеза — о заимствовании из одного из восточно-нилотских языков (см. выше правост.-нил. **ɲatɛr* 'язык') — не проходит по фонетическим критериям (нет никаких причин, по которым в тепес-ньянги мог бы выпасть анлаутный *ɲ*-).

44) «зуб»: (а) икк *kwà*, мн. ч. *kwà-itín*; (б) тпс *il'dòg*, мн. ч. *ilgw-é* [Hn.], *ilog*, мн. ч. *ilgw-e* [Ca.], нги *è'tègw-ád*, мн. ч. *è't'ègw*.

В [Heine 1976: 52] отмечается, что вокалические соответствия между тпс *il'dòg* и нги *è't'ègw* не являются регулярными, и что одна из возможных интерпретаций этого факта — заимствованный характер одной или обеих форм из внешнего источника. На наш взгляд, вокалические соответствия в кулякских языках все же изучены не настолько хорошо, чтобы отрицать возможность этимологического тождества данных форм: в частности, двусложные основы вида *(C₁)IC₂UK^w в списке реконструкций Хайне, выносимых на уровень пратепес-ньянги, отсутствуют, и это не дает нам возможности твердо предсказывать ассимилятивные процессы, которые почти неизбежно будут возникать в такого рода структурах в языках-потомках. В данной ситуации реконструкция пратепес-ньянги **iteg^w* ~ **itog^w* вполне допустима.

С другой стороны, совершенно очевидно, что эти варианты нельзя рассматривать в отрыве от таких форм, как омотик мн. ч. *ilùákà* 'зубы' (не имеющей шансов на отражение праюжнонилотской основы, см. выше) и тех кушитских форм, одна из которых могла послужить источником заимствования (сомали *ilig*, рендилле *ilko*, арборе *ilkwa* и др.). Поскольку в кушитских языках эта

основа уверенно выносится на прауровень, а в вымершем южно-кушитском языке квадза она даже имеет вид *iʔiku-ko* [Ehret 1980: 386], т. е. имеет такой же латеральный спирант, как и нги, то в ареальной цепочке «кушитские — омотик (юж.-нилотский) — кулякские» направление заимствования однозначно устанавливается в сторону от кушитской семьи к остальным группам, а не наоборот. Если при этом в пратепес-ньянг *данное слово* попало в виде **iʔku* (ср. квадза), то из такой структуры без труда выводятся все наблюдаемые рефлексy: **iʔku* → **iʔkʷ* → ранне-тепес **iʔogʷ*, ранне-ньянг **iʔegʷ* и т. д.

Таким образом, единственным серьезным претендентом на выражение значения 'зуб' в пракулякском языке остается икк *kʷà*; уникальное «квадрифтонгическое» сочетание *-aеое-* в косвенной основе *kʷàèòé-* намекает на возможное выпадение слабого согласного, т. е. на внутреннюю реконструкцию **kʷay-/ol/*. Никаких параллелей к этому слову в тепес-ньянг нет, но и очевидного объяснения его как внешнего заимствования предложить здесь также нельзя: ни в кушитских, ни в омотских, ни в nilотских, ни в банту языках фонетически сопоставимых форм нет.

45) «дерево»: (а) икк *dàkw*, мн. ч. *dàkw-itín*; (б) тпс *âd*, мн. ч. *'éd-is* [Hn.], *ad*, мн. ч. *ed-is* [Ca.], нги *âd*, мн. ч. *èd-is*. || Hn.: **ad*, мн. ч. **ad-is*.

См. выше о фонетическом изоморфизме между икк *dàkw* 'дерево; полено' и тепес-ньянг **dakʷ* 'огонь', который, тем не менее, ввиду существенных проблем семантического характера не позволяет уверенно свести эти формы к единой этимологии. Таким образом, к внешнему сравнению здесь придется привлекать оба корня, не этимологизируемых на взаимной основе — икк *dàkw* (← **dakʷ*) и тепес-ньянг **ad*, с переогласовкой в мн. ч. **ad-is* → **ed-is*, по-видимому, уже на прауровне; на всякий случай стоит отметить, что граммема мн. ч. *-is* в этих языках носит реликтовый характер (Э. Карлин постулирует ее в тпс только для слова 'дерево'), так что архаизм рассматриваемой парадигмы можно считать косвенным аргументом в пользу **ad* как оптимального кандидата на выражение базисного значения 'дерево'.

46) «два»: икк *lèbès*, тпс *nèbêç* [Hn.], *nèbèç* [Ca.], нги *nèʔéç*.

Все перечисленные формы очевидно связаны, однако конкретные соответствия не всегда носят регулярный характер. В частности, на уровне пратепес-ньянг хотелось бы реконструировать

**neβeɕ*, но при этом непонятными остаются причины развития **-b* → **-ʔ* в нги (то, что это не случайная неточность записи у Б. Хайне, подтверждается более ранней транскрипцией *neesh* /= *ne:ɕ* или *neʔeɕ*/ в материалах Дж. Дриберга). Далее, очевидно нерегулярным оказывается соответствие между тепес-ньянгги **n*- и икк *l*-: реконструкция общекулякского **n*- здесь исключается категорически (ср. **nèb* → икк *néb* 'тело', тпс, нги *nèb* 'человек'), а развитие **l*- → тепес-ньянгги **n*- вне особых ассимилятивных контекстов чрезвычайно маловероятно (на анлаутный **l*- в кулякских языках примеров вообще очень мало, но ср. хотя бы икк *lí:d* : тпс *líd* 'тупой' в [Heine 1976: 17]).

Даже а priori, таким образом, можно думать о двух вариантах: (а) все перечисленные формы были заимствованы из одного или нескольких близкородственных источников в отдельные кулякские языки независимо друг от друга, после чего подверглись индивидуальной аккомодации в каждом из этих языков; (б) слово было все же заимствовано в пракулякский, но в нетипичном для стандартной кулякской фонотактики виде, что и привело к возникновению нерегулярных соответствий при дальнейшей адаптации уже после распада общекулякского.

Идеальным источником такого рода заимствования могли бы быть омотские формы, ср. особенно: койра *lamɛ*, мале *lamɔ*, хамер-банна *lama*, а также родственные им (то ли генетически, то ли ареально) кушитские: оромо, бурджи *lama*, сидамо *lame* и т. д. При условии исходной формы вида **lamɛ* или **lambe* (с суффиксом *-elɕ*, который не имеет внутрикулякского объяснения и скорее должен сопоставляться с именными суффиксами в омотских языках) индивидуальное, но вполне реалистичное объяснение получают обе нерегулярности: (а) в тепес-ньянгги **l*- → **n*- по ассимиляции с инлаутным носовым (аналогичная ассимиляция имела место и в большом числе омотских и кушитских языков: ср. дорзе *nat̪t̪a*, дасенеч *n̪à:t̪à* и др.); (б) уникальное сочетание **-mʔ* в тпс и в икк предсказуемо перешло в имплозивный *-b*-, а в нги, наоборот, утратило носовой компонент и превратилось в обычную гортанную смычку.

Таким образом, отказывать данному числительному в пракулякском статусе достаточных оснований нет, но при этом выносить его на внешний уровень сравнения рискованно: нерегулярность

соответствий, нестандартная фонотактика и ареальные параллели показывают, что для 'двойки' оптимальным на данный момент является контактный сценарий происхождения.

47) «вода»: икк *ɕùè ~ ɕò*, тпс *kwé? ~ kwí?* [Hn.], *kwé* [Ca.], нги *kwè*. || Hn.: **kyweh*.

О реинтерпретации праформы **kyweh* в виде **k^wieh* см. выше. Однозначно реконструировать второй слог этой основы пока не удастся, но скорее всего исходный «костяк» ее состоит из анлаутного **k^w*- и «слабого» согласного (например, палатального глайда **-y-*) в инлауте; нетривиальность соответствий обусловлена ассимилятивно-диссимилятивным взаимодействием с корневым и суффиксальным вокализмом.

48) «мы»: (а) икк *nɕín ~ ngín* (инкл.), тпс *ɪ̀nà* [Hn.], *inia* [Ca.] (инкл.), нги *gín* (инкл.); (б) тпс *ɪ̀sià* [Hn.], *isia* [Ca.] (экскл.), нги *mìs* (экскл.); (в) икк *ngw* (экскл.).

Во всех трех языках строго соблюдается противопоставление по ключивности, но ситуация в тепес-ньянги при этом существенно отличается от ситуации в икк. Корреляция «тпс *ini-a* : нги *gín* (экскл.)» и «тпс *isi-a* : нги *mìs* (инкл.)», на первый взгляд, должна рассматриваться как аргумент в пользу биморфемного статуса форм в нги, т. к. фонетических причин, по которым в анлауте независимых форм местоимений в тпс могли бы отпасть и *g-*, и *m-*, не существует. Однако более тщательный анализ показывает, что тпс *ini-a*, *isi-a* уместнее все же рассматривать как «усеченные» развития из **gini-a*, **misi-a* или как стяжения из **i=gini-a*, **i=misi-a*, образовавшиеся по аналогии с формой 3-его л. мн. ч. *iti-a* 'они' (← **n=ti-a*, см. выше 'я', 'ты'). Это связано с тем, что:

(а) анализ местоимений **gin*, **mis* как биморфемных комплексов, еще не успевших стянуться в единую нерасчленимую морфему на прауровне тепес-ньянги, затруднителен — для этого требовалось бы обосновать продуктивность грамматических морфем **g-*, **m-*, что невозможно;

(б) субъектные прилагательные показатели 1-го л. мн. ч. в тепес-ньянги имеют следующие формы: тпс *-li/ine* (инкл.), *-li/ise ~ -/u/mse* (экскл.) [Ca.], нги *-gin* (инкл.), *-mis* (экскл.). Особенно важным в этом контексте оказывается вариант *-u/mse* в тпс: он показывает, что двухконсонантная морфема **m/i/s* все-таки надежно выводится на прауровень, т. е. показатель *-u/mse* в тпс — архаизм,

в то время как *-li/ise* — скорее результат аналогического выравнивания по независимому местоимению.

Сопоставление пратепес-ньянги **gini* 'мы (инкл.)', **misi* 'мы (экскл.)' с формами в икк позволяет реконструировать общий прототип для инклюзивного варианта: выделив в икк *n=zín ~ n=gín* тот же префикс независимой основы личного местоимения, что и в *n=k* 'я' (см. выше), мы остаемся с корнем **gin-*, тождественным основе в тепес-ньянги (возможно, также ← **gini* с редукцией ауслаутного гласного).

Эксклюзивная форма *ngw* (*ɲkw^a* в записи А. Такера), напротив, никаких параллелей в языках тепес-ньянги не имеет и, следовательно, как минимум один из двух несводимых друг к другу вариантов (**n=K^w*- и **misi*) должен быть признан инновативным. Учитывая фонетическое сходство между икк *n=k* 'я' и *n=gw* 'мы', а также типологическую естественность образования эксклюзивных форм 1-го л. мн. ч. от соответствующих форм 1-го л. ед. ч., мы склонны оценивать вероятность инновативного происхождения икк *n=gw* как более высокую, чем аналогичную вероятность для **misi* — даже несмотря на то, что продуктивных способов образования мн. ч. *n=gw* от ед. ч. *n=k* в икк не существует; тем не менее, допустимо предполагать слияние старого местоимения *n=k* с каким-то клитическим элементом, пока что не выявленным.

Таким образом, на внешний уровень сравнения надежнее всего в текущей ситуации выносить пратепес-ньянги оппозицию **gin* : **mis*, причем никаких предположений относительно внутреннего членения этих морфем высказать нельзя (в большинстве ситуаций, рассмотренных выше, местоименные основы обычно удавалось свести к моноконсонантным «костякам»; здесь это сделать нельзя).

49) «что»: икк *is*, тпс *è*? [Hn.], *e* [Ca.].

50) «кто»: (а) икк *ndò-*; (б) тпс *í ~ íçí ~ íç* [Hn.], *í ~ íç* [Ca.], нги *ikè*.

Внутренняя реконструкция системы интеррогативных морфем по обеим ветвям кулякской группы дает следующие результаты:

(а) в икк: **isi* 'что?' (конечный гласный сохраняется в косвенной основе *isì-*, а также, возможно, в адъективной основе *isì* 'какой?') неразложимо на дальнейшие составные компоненты; напротив, в составе основы *n=dò-* 'кто?' можно успешно выделить префиксальный компонент *n=* по аналогии с такими интеррогативами, как *ń=tá* 'где?', *ń=tí* 'как?' и др. — допустимо, что морфема *n=* здесь

тождественна аналогичной морфеме в системе независимых личных местоимений (см. выше 'я'), т. е. происходит из какой-то старой эмфатической проклитики;

(б) в тепес-ньянги: сопоставление тпс *íǵí* (это, по-видимому, исходная форма, из которой в результате редукции конечного гласного и дальнейших сандхи, связанных с повышенной частотностью употребления, развиваются усеченные варианты *íǵ* и *i*) и нги *ikè* позволяет восстановить пратепес-ньянги **i-ke ~ *i-ki* 'кто?' Далее обращают на себя внимание еще несколько интеррогативов, которые в тпс начинаются на *i-*: *i-yaŋe* 'почему?', *i-ta* 'когда?' [Ca.]; это дает возможность предположить, что элемент *i* во всех рассматриваемых случаях является либо отделимой морфемой с общим вопросительным значением, либо, аналогично ситуации в икк, старой эмфатической проклитикой. Учитывая, что регулярность соответствия «икк *n-* : тепес-ньянги *i-*» уже отмечалась выше для системы личных местоимений, мы склоняемся к второму варианту, т. к. в данном случае наблюдается ровно то же самое соответствие. Таким образом, есть основания предполагать, что одушевленное местоимение 'кто?' на уровне пратепес-ньянги выражалось морфемой **ki ~ *ke*.

Данные по неодушевленному местоимению у нас имеются только в отношении тпс: это основа *e* (*ε*), также, по-видимому, входящая в состав вопросительного слова *e-k* 'где?'.

Очевидно, что простых способов свести к единому инварианту системы в икк и в тепес-ньянги не существует. Если икк *isi* в отдаленной перспективе разложимо на **i-si*, теоретически можно думать о происхождении из **e-si*, где **-si* — какое-то суффиксальное расширение, а корневой гласный подвергся ассимиляции; однако это соображение носит достаточно спекулятивный характер. Что же касается одушевленного местоимения, то здесь корень с переднеязычным согласным в икк (**=do*) не имеет явных параллелей в тепес-ньянги, а корень с велярным согласным в тепес-ньянги (**ki ~ *ke*), наоборот, не обнаруживает никакой этимологической поддержки в икк. В данной ситуации остается только допустить к внешнему сравнению все рассмотренные морфемы.

3.13. Предварительные выводы.

3.13.1. *Критерии оценки.* Перейдем теперь к предварительной оценке «прочности» восточносуданской гипотезы Гринберга, аналогичной той, которая уже была проведена в первом томе нашего исследования для койсанских языков. Исходным материалом для такой оценки будут служить реконструированные для отдельных гипотетических ветвей 50-словные списки, причем всего в подсчетах будет участвовать не 12, а 15 списков: для большего удобства процедуры вместо общесурмийского списка мы будем привлекать к подсчетам отдельно юго-восточносурмийский, юго-западносурмийский и северносурмийский (т. е. маджанг).

С точки зрения «реконструируемости» списков по отдельности имело бы смысл рассматривать также ака-кело-моло и гаам (вместо единого джебельского списка) и даже, вероятно, ик и тепес-ньянги (вместо единого кулякского списка), т. к. общее число «вилок» (примерно равновероятных кандидатов на позицию в общем прасписке, распределенных по двум основным ветвям) в этих группах приближается к половине всех элементов списка. Однако, учитывая более чем скромные размеры обеих групп наряду с неоспоримостью факта генетического родства между всеми их членами, было принято решение ограничиться в обоих случаях одним списком, но допустить включение в него «технических» синонимов там, где не удастся однозначно показать лексическую или семантическую инновативность ни одного из двух кандидатов.

По сравнению с предварительными реконструкциями в «койсанских» группах «восточносуданские» реконструкции обладают неоспоримым преимуществом: в них отсутствуют кликсы, что существенно облегчает задачу сопоставления их фонетических костяков на автоматической основе. «Типично восточносуданский» консонантизм в целом устроен достаточно тривиально, и все его элементы легко разносятся по универсальным консонантным классам, определенным в методологической части исследования.

Основная проблема, которую требуется специально оговорить перед тем, как приступить к подсчетам, — вопрос о морфологическом членении основ, реконструированных для отдельных групп. Как из общих описаний этих групп, так и из этимологического

анализа конкретных основ, проведенного в предыдущих разделах, хорошо видно, что многие ветви гипотетической восточносуданской семьи имеют сильно развитую тенденцию к сращиванию слово- и формообразовательных аффиксов с корнем, причем речь может идти как о суффиксах (в том числе имеющих консонантную «основу», например, $*-t$ в зап.-нилотских языках), так и о префиксах — таких как «*k-mobile*» в nilотских языках или (предположительно) застывших посессивных или дейктических элементах в языках тама (ср. выше $*\eta=us$ 'ухо' и др.).

Один возможный и при этом вполне объективный подход к этой проблеме — полное игнорирование морфологических границ между потенциальным корнем и «застывшим» аффиксом на этапе предварительных автоматических подсчетов без «ручной коррекции». Это, с одной стороны, приведет к очевидным ошибкам (например, вост.-нилотская основа $*kɪ=ma$ 'огонь' не будет признана родственной юж.-нилотской основе $*ma$ id., поскольку на синхронном уровне старый префикс $*kɪ=$ вычленить формально нельзя), с другой — позволит избежать на данном этапе принятия зачастую очень непростых решений о проведении морфологических границ. Но при этом, учитывая тот факт, что «застывшие» аффиксы в разбираемых языках распространены чрезвычайно широко, полный отказ от их учета может обойтись очень дорого.

В этой связи принято следующее методологическое решение. На первом этапе, который не включает специальную ручную коррекцию, мы будем вычленять и тем самым исключать из сопоставления консонантных костяков только те застывшие аффиксы, «окаменелость» которых поддерживается серьезными аргументами уже на самом уровне той группы, в которой они зафиксированы. Главный аргумент такого рода — возможность убедительно вычленить застывший аффикс на основании систематического сравнения группы альтернативных примеров, что позволяет индуктивно предположить его наличие и в интересующем нас случае. Так, сама по себе вост.-нилотская основа $*kɪma$ 'огонь', вне контекста других этимологий, не дает никаких оснований расчленить ее на префикс $*kɪ=$ и корень $*=ma$, поскольку нет ни одного вост.-нилотского языка, в котором эта основа была бы представлена без префикса. Но во многих других случаях префикс $*kɪ=$ выделяется очень легко (например, в многочисленных этимологиях, где он

наличествует в языках тесо-лотуко-маа, но отсутствует в бари), и это существенно повышает вероятность его исконно префиксального статуса в том числе и в таких словах, как 'огонь'. Разумеется, это не исключает и возможность сценария, согласно которому исходный корень в этом слове — **kim-*, но в данной ситуации этот сценарий будет менее вероятен (и рано или поздно все равно будет отвергнут в ходе сравнения с внешними данными других нилотских групп).

На этапе «ручной коррекции», уже после того, как первичный автоматический анализ позволит наметить предварительные связи (или отсутствие таковых) между отдельными группами, будет осуществлен переход к второй стадии морфологического членения, включающей аргументы *структурного* характера.

(1) Для основ вида CVCVC или VCVC, которые уже в силу нестандартной структуры можно с повышенной вероятностью считать исходно составными, допустимо предлагать членение, согласующееся с возможными внешними параллелями, если ситуация обнаруживает хотя бы минимальные элементы системности.

Пример: в нубийской группе есть несколько основ вида VCVC-, начальный гласный в которых не вычленяется как префикс, однако «усеченная» форма без начального гласного при этом явно изоморфна аналогичным формам в других восточносуданских группах — ср. нуб. **ubur-ti* 'пепел' = сурм. **bur id.*; нуб. **awar* 'ночь' = тама **war id.* и др. Правила автоматического сравнения не включают произвольного усечения начального гласного, но этап ручной коррекции допускает возможность «выравнивания» сегментной структуры сравниваемых форм в такого рода асимметричных ситуациях. При этом не имеет даже большого значения, действительно ли **u-* в **ubur-ti* и **a-* в **awar* представляют собой старые «окаменевшие» префиксы или же, наоборот, их присутствие в нубийском — архаизм, а в сурмийских, тама и др. языках имела место апокопа начального гласного. Этот вопрос можно прояснять уже на следующем этапе, в ходе детального этимологического сравнения реконструированных списков — разумеется, в том случае, если до такого сравнения реально дойдет дело, т. е. общее число фонетически совместимых потенциальных когнатов даст основание говорить о реальности «восточносуданской» семьи.

(2) Для визуально «простых» основ вида SVC допустимо предлагать членение $S=VC$ или $CV-C$ также в том случае, если такое членение одновременно обосновывается как внутренней, так и внешней аргументацией. Так, зап.-нилотскую форму $*yi\dot{t}$ 'ухо' допустимо расчленять на $*yi-t$, поскольку: (а) в зап.-нилотском есть (пусть и немногочисленные) формы, в которых $-t$ ведет себя как архаичный показатель сингулятива (ср. парадигму ед. ч. $*ya-t$, мн. ч. $*ye-n$ 'дерево'); (б) при таком членении корень оказывается изоморфен сурмийскому $*i-tat$ 'ухо', где корень $*i-$ легко выделяется и без привлечения внешних данных. Юж.-нилотскую форму $*k:l\eta$ 'глаз' допустимо членить на префикс $*k=$ и корень $*=l\eta$ из-за того, что: (а) в праюж.-нилотском обнаружено превышающее ожидания число двусложных основ вида $*kVCVC$, что естественно интерпретировать как результат слияния с « k -образным» префиксом, и, следовательно, можно уверенно предсказать наличие большой группы основ вида $*kVC$, развившихся из $*k= + *=VC$; (б) такое членение хорошо согласуется с внешними данными (нбиманг $*ā\eta/w/-$, даджу $*a\eta o$ и т. д.).

Подчеркнем еще раз, что «ручная коррекция» с оглядкой на внешние данные может проводиться *только* после завершения полностью автоматизированного этапа сравнения, чтобы исключить упреки в круговой аргументации. В частности, « k -mobile» в восточнонилотских и в южнонилотских языках устроены по-разному: в первой группе этот элемент еще сохраняет следы продуктивности и достаточно «подвижен», во второй — без привлечения внешних данных может быть выделен лишь на основании сложного статистического анализа структур именных основ. Поэтому для большей надежности гипотеза о родстве между этими двумя группами должна изначально базироваться на таких сравнениях, в которых потенциальное « k -mobile» не задействовано по крайней мере с южнонилотской стороны (например, вост.-нил. $*\eta\dot{o}k \sim *k\eta\dot{o}k$ 'собака' = юж.-нил. $*\eta\dot{o}:k$ id.), или же таких, в которых k -присутствует с обеих сторон (например, вост.-нил. $*kela-$ 'зуб' = юж.-нил. $*ke:t$ id.). Если таких потенциальных когнатов, успешно опознанных на автоматическом этапе, достаточно, чтобы дальше развивать гипотезу родства, можно принимать более смелые решения по морфологическому членению (что не отменяет требований реалистичности и экономности сценариев).

3.13.2. Результаты автоматических подсчетов.

Лексикостатистическая матрица, полученная для 15 гипотетических ветвей «восточносуданской» семьи на чисто автоматической основе, без ручной коррекции, имеет следующий вид:

Таблица 10. Автоматизированная лексикостатистическая матрица вост.-суданских языков (50-словные списки).

	Юзс.	Ювс.	Мдж.	Нар.	Джб.	Ньи.	Тем.	Там.	Ддж.	Знл.	Внл.	Юнл.	Кул.
Нуб.	8%	6%	4%	22%	14%	18%	16%	12%	8%	12%	14%	12%	8%
Юзс.		46%	16%	10%	14%	12%	16%	4%	8%	10%	10%	10%	6%
Ювс.			14%	6%	14%	10%	8%	8%	8%	12%	10%	12%	4%
Мдж.				8%	14%	14%	8%	6%	6%	8%	8%	8%	2%
Нар.					10%	16%	12%	14%	6%	14%	10%	8%	4%
Джб.						12%	20%	6%	8%	14%	18%	10%	4%
Ньи.							18%	10%	10%	12%	10%	8%	2%
Тем.								8%	14%	12%	14%	17%	8%
Там.									2%	8%	6%	10%	2%
Ддж.										8%	6%	4%	6%
Знл.											36%	12%	2%
Внл.												22%	4%
Юнл.													2%

[Расшифровка аббревиатур: нуб. = пранубийский (≈ X в. до н. э.); юзс. = юго-западносурмийский (≈ I в. н. э.); ювс. = юго-восточносурмийский (≈ XVI в. до н. э., включая квегу); мдж. = маджанг (современный язык); нар. = нара (современный язык); джб. = пра-джебельский (≈ XX в. до н. э., хотя эта дата может быть завышена из-за неучета субстратного влияния на одну из двух первичных ветвей или на обе ветви группы); ньи. = ньяманг (≈ VIII в. до н. э.); тем. = темейн (≈ I в. до н. э.); там. = тама (≈ I в. н. э.); ддж. = даджу (≈ I в. до н. э.); знл. = празападнонилотский (≈ X в. до н. э.); внл. = восточнонилотский (≈ XII в. до н. э.); юнл. = южнонилотский (≈ I в. до н. э.); кул. = кулякский (≈ XV в. до н. э., хотя ситуация здесь во многом аналогична джебельской: неучет трудноидентифицируемых субстратных влияний может существенно удревнить дату распада).

Если предположить, что полученная матрица хотя бы примерно совпадает с этимологической, т. е. приведенные в ней проценты отражают реальные когнаты, ее можно перевести в следующую классификационную схему (в кавычки помещены временные термины, изобретенные специально для данной схемы):

1. Кулякские.
2. «Пост-кулякские» восточносуданские:
 - 2.1. Даджу.
 - 2.2. «Пост-даджу» восточносуданские:
 - 2.2.1. Тама-нара-нубийские:
 - 2.2.1.1. Тама.
 - 2.2.1.2. «Нара-нубийские»:
 - 2.2.1.2.1. Нарa.
 - 2.2.1.2.2. Нубийские.
 - 2.2.2. «Темейн-нъиманг-нилотские»:
 - 2.2.2.1. Нилотские:
 - 2.2.2.1.1. Южнонилотские.
 - 2.2.2.1.2. «Севернонилотские»:
 - 2.2.3.1.2.1. Западнилотские.
 - 2.2.3.1.2.2. Восточнонилотские.
 - 2.2.2.2. Темейн-нъиманг:
 - 2.2.2.2.1. Темейн.
 - 2.2.2.2.2. Нъиманг.
 - 2.2.3.3. «Темейн-нъиманг-джебельские»:
 - 2.2.3.3.1. Нъиманг.
 - 2.2.3. «Джебельско-сурмийские»:
 - 2.2.3.1. Джебельские.
 - 2.2.3.2. Сурмийские:
 - 2.2.3.2.1. Маджанг.
 - 2.2.3.2.2. Южносурмийские:
 - 2.2.3.2.2.1. Юго-западносурмийские.
 - 2.2.3.2.2.2. Юго-восточносурмийские.

Однако, как и в случае с койсанскими языками, степень надежности перечисленных таксонов существенно варьирует.

К числу *достоверных* узлов — т. е. таких, где число схождения между потомками составляет не менее двадцати процентов — относится абсолютный минимум из перечисленных. Хорошо подтверждается историческая реальность нилотской семьи (2.2.2.1;

36% между западной и восточной ветвями, 22% между восточной и южной; заниженный процент между западной и южной ветвями вызван техническими обстоятельствами и сильно повышается в ходе ручной коррекции, см. ниже) и южносурмийской семьи (46% — максимальный результат по матрице). 22% схождения имеет также «нара-нубийская» пара, что исключает возможность «неродства», хотя и не является убедительным доказательством того, что в ходе коррекции результатов между крайними членами этой пары не смогут оказаться другие члены. 20% между темейн и джебельскими в общем контексте всей матрицы не приводит к их объединению в общий узел, но также, безусловно, представляет собой значимый результат.

Узлы, число схождения между членами которых исчисляется в диапазоне от 10% до 18–19%, мы условно называем *тестируемыми* (т. е. их можно принять как рабочую гипотезу в том случае, если они выдержат проверку ручной коррекцией). В эту группу попадают почти все оставшиеся таксоны четвертого и третьего порядков:

— сурмийская семья (2.2.3.2; маджанг имеет от 14% до 16% совпадений с южносурмийскими ветвями — отметим, что это всего на 8–10% меньше, чем средний результат, полученный в ходе реального этимологического анализа, см. раздел 3.2.3);

— «темейн-ныманг-нилотский» (2.2.2) и «джебельско-сурмийский» (2.2.3) таксоны; число совпадений здесь почти никогда не опускается ниже 10%, а в ряде случаев поднимается до 17% (темейн + южнонилотские) — 18% (ныманг + темейн).

Под бóльшим вопросом оказывается связь *между* таксонами 2.2.1, 2.2.2 и 2.2.3, а также статус группы тама. Последняя вроде бы обнаруживает прочную связь с «нара-нубийским» (12–14%), но гораздо хуже соотносится с nilотскими языками (от 6 до 10%) и еще хуже — с сурмийскими (от 4 до 8%). Формально это может расцениваться как результат контактных связей между тама, с одной стороны, и «нара-нубийско-ныманг», с другой. Однако при этом между сурмийскими и нубийскими языками процент схождения также очень низок (6–8%), так что аномальная позиция тама в классификации может быть вызвана и элементарными погрешностями в определении когнаций; этот вопрос должен проясняться на этапе ручной коррекции.

Максимальные процентные соотношения обнаруживаются между сурмийскими языками и темейн-ныманг (16% и 12% соот-

ветственно); чуть ниже — с нилотскими; и совсем низкие — с «нара-нубийским». Эти результаты в целом можно считать обнадеживающими, т.е. таксон 2.2 («пост-даджу восточносуданские») также можно отнести к «тестируемым», в первую очередь в ходе ручной коррекции.

Очень трудной оказывается ситуация с группой даджу; здесь результаты показывают вариацию от 14% (с темейн) до 2% (с тама), а средний процент колеблется в диапазоне от 6 до 8, что в принципе требует отнесения узла 2 к разряду «неинтерпретируемых». Однако, как будет показано далее, столь низкие проценты во многом обусловлены фонетическими факторами: по всей видимости, в даджу имела место как минимум одна существенная инновация (исчезновение начального **w-*), воспрепятствовавшая автоматическому обнаружению когнатов. В любом случае такие результаты, как 14% между даджу и темейн и 10% между даджу и ньяманг, требуют дальнейшего анализа ситуации.

Наконец, практически безнадежным оказывается положение в данной модели кулякской группы. Здесь небольшой «подскок» наблюдается только в двух случаях (8% с нубийскими языками и столько же с темейн), средний же процент совпадений равен 4,5, т.е. неотличим от среднестатистического случайного. Подчеркнем, что, если бы мы предварительно не исключили из подсчетов многочисленные результаты базисно-лексических контактов между отдельными кулякскими ветвями и восточнонилотскими языками, в представленной матрице, несомненно, обнаружился бы аномальный «кулякско-нилотский подскок»; исключив эти результаты, мы получаем в целом довольно равномерную матрицу.

Резюмируя этот не вполне строгий, но, на наш взгляд, довольно показательный анализ, можно прийти к следующим выводам: (а) восточносуданская семья скорее всего существует, но возраст ее при этом сопоставим как минимум с индоевропейским, а, возможно, даже превышает его; (б) под вопросом оказывается вхождение в нее языков даджу — этот вопрос требует тщательного выверения в ходе ручной коррекции; (в) почти полностью исключена вероятность вхождения в нее кулякских языков — в лучшем случае они представляют собой наиболее рано отделившуюся ветвь (последнее можно будет проверить, применив к материалу метод динамической градации лексики).

3.13.3. Результаты, полученные методом «ручной коррекции».

Перейдем теперь к этапу совершенствования полученных результатов в ходе ручной коррекции. Здесь, прежде чем быть пересчитанным заново, материал реконструированных 50-словников подвергается следующей обработке:

(а) уточнение морфемных границ. Это в первую очередь касается тех групп, для которых можно аргументированно выделить застывшие префиксы — в первую очередь южнонилотской группы (см. выше о совокупности внутренних и внешних факторов, заставляющих предполагать исконно префиксальный характер форманта k в таких реконструкциях, как $*k=\text{ɔ:ɲ}$ 'глаз', $*k=\text{arɪn}$ 'имя' и др.), а также нубийской, где структуры вида $*V_1C_1V_1C_2$ (с «дублированием» корневого гласного в анлауте: $*u=\text{bur-}$ 'пепел', $*a=\text{war-}$ 'ночь') можно предположительно разложить на сочетание корня со старым застывшим вокалическим префиксом;

(б) коррекция результатов, полученных для корней с начальными глайдами: в автоматическом алгоритме структуры вида $*yVC-$ и $*wVC-$ считаются несовместимыми со структурами $*VC-$, что обычно справедливо, однако необходимо сделать поправку на ситуации, когда структура $*yVC-$ сравнивается с $*iC- \sim *eC-$, а $*wVC-$ — с $*uC- \sim *oC-$. Так, в частности, алгоритм не опознал как потенциально родственные реконструкции $*\text{ɛb}$ 'хвост' в пранубийском и $*y\text{ɪr}$ id. в зап.-нилотском, а также $*\text{in-}$ 'ухο' в даджу и $*\text{wen-}$ id. в темейн. Все случаи такого рода были обнаружены и помечены как потенциальные когнаты.

Особая ситуация складывается с группой даджу, где обращает на себя внимание относительная редкость в начальной позиции губного глайда $*w-$: как в реконструированном 50-словном списке, так и в гораздо более репрезентативном этимологическом корпусе Р. Телвалла он чаще всего встречается перед губными гласными $*o$, $*u$, гораздо реже перед $*i$ и почти никогда — перед $*e$, $*i$. То, что в позиции перед передними гласными этот глайд мог выпадать (скорее всего, предварительно палатализуясь: $*wi- \rightarrow *yi- \rightarrow *i-$), можно обосновать, даже не выходя за пределы 50-словного списка: ср. прададжу $*is-$ 'голова' и зап.-нилотск. $*wi\text{ɕ}$ id., прададжу $*is-$ 'собака' и тама $*wes-i$, нара wos id. Поскольку ручная коррекция предполагает возможность «выравнивания» консонантных костяков, если для этого существуют как внутренние (в данном случае —

неравномерная позиционная дистрибуция **w-* в прададжу), так и внешние основания, такого рода корреляции допустимо пометать как потенциальные когнаты;

(в) звонкий межзубный согласный **ð*, реконструированный для праюго-западносурмийского языка, в ходе ручной коррекции временно «переведен» из класса Т в класс S, т. к. не подлежит сомнению его регулярное соответствие сибиланту **š* в юговост.-сурмийских языках;

(г) слегка ужесточены требования к сопоставлениям, в которых одну и ту же позицию занимают сонанты *l* и *r*: для тех групп, в которых эти фонемы четко противопоставлены, а потенциальные «когнаты» имеют существенные сегментные расхождения и в других позициях, когнация не признается. Это ограничение введено специально для того, чтобы устранить такие заведомо ложные отождествления, как нара *keli* 'рог' ≠ ныманг **gur-ti* id. (мало того, что **l* и **r* в обеих группах — принципиально разные фонемы, все прочие сегменты корня также оказываются различными, хотя на чисто формальных основаниях «автоматический» этап сравнения эта пара преодолевает успешно).

Не подвергались ручной коррекции ситуации, в которых сравниваемые позиции заняты фонетически близкими, но все же относящимися к разным классам согласными, если гипотетическое соответствие такого рода не оказывается рекуррентным в пределах 50-словного списка. Так, например, есть основания подозревать, что в южнонилотских языках общенилотское **w-* → **m-*, как в праюж.-нил. **me-t* 'голова' = зап.-нил. **wi-ɕ*, вост.-нил. **k=we* id., или что в западнонилотских языках старые веллярные согласные могли в определенных условиях палатализироваться, как в празап.-нил. **ɕm-* 'рука' = правост.-нил. **k=ai-n* id. Однако ни та, ни другая этимология не может быть убедительно использована на первичных этапах установления общенилотского родства; если такое родство подтвердится на материале более «простых» этимологий, к приведенным сопоставлениям надлежит вернуться на следующем этапе — реконструкции 50-словного списка для пранилотского и, возможно, общевосточносуданского праязыков.

Также не менялись в ходе ручной коррекции индексы когнации у пар, связанных потенциальной операцией метатезы — таких как, например, зап.-нилотск. **lak* 'зуб' и юж.-нилотск. **ke:t* id.,

или тама *sig- 'слышать' и нубийск. *giṣ- id. Поскольку очевидных системных корреляций такие пары не образуют, вопрос об их этимологической достоверности также следует отложить до следующих этапов.

Результирующая матрица, основанная на пересмотренных индексах когнации (полный инвентарь «когнатов» вместе с индексами приводится в Приложении 2), имеет следующий вид:

Таблица 11. Лексикостатистическая матрица вост.-суданских языков с учетом ручной коррекции (50-словные списки).

	Юэс.	Ювс.	Мдж.	Нар.	Джб.	Ньи.	Тем.	Там.	Ддж.	Знл.	Внл.	Юнл.	Кул.
Нуб.	16%	14%	4%	22%	16%	20%	16%	20%	6%	18%	16%	16%	8%
Юэс.		64%	22%	12%	18%	14%	16%	8%	10%	16%	18%	20%	4%
Ювс.			16%	12%	20%	10%	12%	8%	10%	14%	16%	18%	4%
Мдж.				8%	14%	16%	10%	8%	12%	14%	12%	10%	2%
Нар.					10%	12%	12%	18%	10%	14%	12%	14%	6%
Джб.						14%	20%	6%	12%	18%	20%	14%	4%
Ньи.							18%	14%	10%	14%	14%	18%	2%
Тем.								10%	14%	16%	18%	23%	10%
Там.									4%	8%	10%	14%	2%
Ддж.										18%	16%	10%	8%
Знл.											42%	29%	2%
Внл.												35%	4%
Юнл.													6%

Предсказуемым образом, в большинстве случаев (хотя и не везде) ручная коррекция привела к повышению процентов сходжений. Новая классификационная модель имеет следующий вид:

1. Кулякские.
2. «Пост-кулякские» восточносуданские:
 - 2.1. Тама-нара-нубийские:
 - 2.1.1. Тама.
 - 2.1.2. «Нара-нубийские»:
 - 2.1.2.1. Нара.
 - 2.1.2.2. Нубийские.

- 2.2. «Юго-восточносуданские»:
 - 2.2.1. Даджу.
 - 2.2.2. Джебельские.
 - 2.2.3. «Нилотско-сурмийские»:
 - 2.2.3.1. Сурмийские:
 - 2.2.3.1.1. Маджанг.
 - 2.2.3.1.2. Южносурмийские:
 - 2.2.3.1.2.1. Юго-западносурмийские.
 - 2.2.3.1.2.2. Юго-восточносурмийские.
 - 2.2.3.2. Ньиманг.
 - 2.2.3.3. Темейн.
 - 2.2.3.4. Нилотские:
 - 2.2.3.4.1. Южнонилотские.
 - 2.2.3.4.2. «Севернонилотские»:
 - 2.2.3.4.2.1. Западнилотские.
 - 2.2.3.4.2.2. Восточнилотские.

Таким образом, по сравнению с полностью автоматизированной моделью классификации произошли следующие изменения:

1) «Достоверные» узлы, такие как нилотский, южносурмийский и нара-нубийский, получают такой же или повышенный уровень поддержки по сравнению с автоматическим этапом. Планку в 20% схождения преодолевает маджанг, что не оставляет уже никаких сомнений в истинности общесурмийского таксона.

2) Слегка повысился процент схождения между тама и нара-нубийским, т. е. подтверждается общность этих трех групп, подержанная ранее всеми специалистами по восточносуданским языкам (Л. Бендер, К. Эрет, К. Рильи).

3) Значительно улучшилось положение группы даджу — ручная коррекция, учитывающая ее историко-фонологическую специфику, привела к тому, что проценты схождения выросли по отношению практически ко всем потенциальным членам макросемьи, в одном случае — на целых 10% (подскок с 8 до 18% между даджу и зап.-нилотскими, причем, поскольку он произошел в результате учета «нетривиальных» фонетических соотношений, вряд ли его можно приписывать недавним контактам). Представляется, что этот результат позволяет без особых трудов включить даджу в «рабочую модель» восточносуданской семьи.

4) В целом довольно отчетливо вырисовывается деление большинства сравниваемых групп на два больших массива, таксоно-

мически близких к Еп/Ек-членению Л. Бендера или к «северному / южному» членению К. Рилы. Единственное исключение — позиция группы ньяманг, которая на результирующем дереве оказывается зажатой между сурмийскими и темейн языками, что уже приближает классификацию скорее к модели К. Эрета. Однако по существу вопрос о статусе ньяманг на данном этапе оказывается неразрешимым: из матрицы видно, что он на самом деле обнаруживает теснейшие связи как с «Ек»-ветвью (20% схождения с нубийскими), так и с «Еп»-ветвью (18% схождения с темейн), и для прояснения ситуации здесь уже необходим тщательный этимологический анализ, а также попытка разобраться в том, не является ли один из этих «подскоков» результатом ареальных связей между ньяманг и нубийскими или ньяманг и темейн языками (оба варианта вполне реальны, учитывая тесное сосуществование всех этих групп в горах Нуба).

5) Наконец, положение кулякской группы на дереве не удастся упрочить даже с помощью ручной коррекции: средний процент совпадений между пракулякским (притом что к сравнению примерно в половине случаев привлекалось по два синонима — в ик и в тепес-ньянг) и остальными потенциальными ветвями семьи повысился с 4.5 всего лишь до 4.7.

Отражают ли эти средние четыре с половиной процента «сверхглубокое» родство кулякских языков с прочими восточно-суданскими? Скорее всего, если такое родство и есть, то устанавливаться оно должно уже на более высоком уровне (например, «нило-сахарском»), но серьезных оснований считать бинарное членение восточносуданского таксона на «кулякские» и «не-кулякские» языки исторической реальностью представленная матрица не дает.

Для того, чтобы поставить точку в этом вопросе, применим к обнаруженным потенциальным когнатам принцип «динамической градации лексики». Если взять первые 10–12 элементов 50-словного списка, ранжированные в порядке среднестатистической устойчивости, то практически для каждого из них обнаруживается либо общевосточносуданская изоглосса (между одним или более чем одним представителем ветвей «Еп» и «Ек»), либо, по крайней мере, серьезный «кандидат» на выражение этого значения либо в ветви «Еп», либо в ветви «Ек». Однако в подавляющем большинстве случаев в языках кулякской группы все эти корни не представлены (по крайней мере, в требуемых значениях), ср.:

«я», «мы»: оба значения выражаются корневой морфемой **a* в большинстве восточносуданских ветвей (расширенной за счет суффиксов *-K-* или *-y-* в ветви «Ек» и суффикса *-n-* в ветви «Ен»); сюда же, возможно, кулякское **au* в ветви тепес-ньянги (но вряд ли сюда же форма *ík* в ик);

«два»: в обеих ветвях широко распространен эквивалент вида **a = (w)ri*; кулякская форма **leβec* сюда не относится;

«глаз»: шире всего представлен этимон вида **ɲ ~ *wan ~ *aɲ/wl*, реже — **mɪn* (в нара и тама); общекулякская форма **ek^w* с ними не связана;

«ты»: общевост.-суданский корень **i* представлен во всех без исключения ветвях, кроме кулякской, где праформа — **bi*, и разложить ее на «префикс» **b =* + «корень» **i* невозможно;

«кто», «что»: здесь в большинстве вост.-суданских групп преваляют формы с начальными носовыми *ɲ-, n-, n-*; в кулякских языках основная вопросительная морфема — **i*;

«огонь»: в ветви «Ен» шире всего представлен этимон вида **ma(:)-* (часто, но не всегда, расширенный за счет консонантных именных суффиксов), в ветви «Ек» — **us(i)-*; ни тот, ни другой не имеют отношения к кулякским **dak^w* (тепес-ньянги) или *cad* (ик);

«язык»: тепес-ньянги **edεb* теоретически сопоставимо с зап.-нилотским **ler* и др., но ввиду широкой ареальной репрезентации такого рода фонетического облика для слова 'язык' данное сходство нельзя признать серьезным аргументом до тех пор, пока оно не будет встроено в систему регулярных соответствий;

«камень»: этот этимон в вост.-суданских языках неустойчив, но ни ик *gwās*, ни тепес-ньянги **rat-* не имеют прямых семантических параллелей ни в одной из потенциальных ветвей этой семьи;

«имя»: общекулякское **(y)ed* сопоставимо с изоглоссой в нара-тама (нара *a:de*, пратама **=at*);

«рука»: здесь, скорее всего, в большинстве вост.-суданских языков представлен один и тот же корень **=au-* в окружении застывших именных суффиксов ед. и мн. ч. (ср. даджу ед. ч. **a-n-*, мн. ч. **a-s-*; сурм. **a-si*; ньяманг **au-i*; вост.-нил. ед. ч. **k=ai-n-*, мн. ч. **k=ai-k-*; нуб. **a-si* и др.). Допустимо, что тепес-ньянги **an* отражает тот же корень, сросшийся с сингулятивом **-n-* (тем более, что это, по-видимому, произошло и в темейн, ср. в собственно темейн ед. ч. *n=ín-àt*, мн. ч. *k=én*).

Таким образом, из всех этимонов первого десятка, выводимых на пракулякский уровень, личное местоимение 'я' и существительное 'рука' — единственные пракулякские реконструкции, которые можно сопоставить с серьезными кандидатами на выражение этих же значений на правост.-суданском уровне, причем изоглосса 'я' вида **au* никоим образом не является эксклюзивно восточно-суданской (аналогичные формы, например, известны также в языках сонгай или в сахарских языках). На основании же одного слова 'рука' (к тому же еще и требующего внутреннего членения с выделением односегментного корня) вряд ли можно заключить, что кулякскую группу правомерно относить к восточносуданской семье, даже как наиболее рано отделяющуюся ветвь.

Отметим, наконец, что «подскок» между кулякской группой и группой темейн (до 10%) имеет место за счет таких отождествлений, как тепес *ed-* 'один' = темейн **k=id-* и ик *dāt-èāt* 'звезда' = темейн **duli-*; ни один из этих двух корней в темейн не имеет дальнейшего убедительного выхода на общевосточносуданский уровень, так что, скорее всего, речь идет о каких-то случайных совпадениях (ареально-контактная ситуация между темейн и кулякскими языками исключена).

Может показаться странным, что при столь незначительном сходстве между кулякскими и восточносуданскими языками большинство «нило-сахаристов» (Дж. Гринберг, Г. Флеминг, К. Эрет) столь активно выступало за то, чтобы все же объединять их в единый таксон. Однако для Гринберга этот вопрос носил скорее периферийный характер: в сравнительном списке «восточно-суданской» лексики, включающем 131 элемент и опубликованном в монографии [Greenberg 1966], кулякские параллели обнаруживаются только в 10 случаях. В работе [Fleming 1983b], а также в нило-сахарском словаре К. Эрета сопоставительного материала, причем качественно записанного, приводится гораздо больше, но критерии сравнения у Флеминга остаются неформализованными и регулярно требуют допущений, необъяснимых в рамках реалистичного исторического сценария — как семантических (например, сравнение пракулякского **eb* 'рог' с зап.-нилотским **yip* 'хвост'), так и фонетических (сравнение тепес *gwik*, ик *gwa* 'птица' с пра-тама **wegi-* id.: возможно, имеется в виду, что *g-* в кулякских словах нужно отбрасывать как застывший рефлекс «*k-mobile*», но для этого требовалось бы отдельно собрать компактную доказа-

тельную базу, как, например, для южнонилотских языков, где структурные соображения могут навести на мысль о «застывших» префиксах даже без привлечения внешних данных). Такого же рода проблемы характерны и для этимологизации кулякского материала у Эрета.

Перейдем к подведению итогов. Реконструкция 50-словных списков для каждой из гипотетических ветвей «восточносуданской» общности, тщательно учитывающая фонетику, семантику и языковую дистрибуцию каждого этимона, предоставляет надежный фундамент для первичного тестирования «восточносуданской» гипотезы, в ходе которого выясняются следующие обстоятельства.

1) Восточносуданский таксон скорее всего существует, и в хронологическом плане напоминает скорее «макросемью», чем «семью»; дистанция между его крайними членами представляется сопоставимой с аналогичной ситуацией в алтайской семье (возраст которой чаще всего оценивается в семь-восемь тысяч лет).

2) Из традиционно включаемых в восточносуданскую семью языковых групп необходимо категорически исключить кулякскую, т. к. средний процент базисно-лексических сходжений между кулякскими и прочими восточносуданскими языками не превышает случайных ожиданий (4–5%). Единственное, что может изменить ситуацию, — обнаружение «нетривиальных» фонетических соответствий, которые не удалось выявить ни в ходе автоматического анализа, ни в ходе ручной коррекции; однако есть все основания усомниться в том, что такие соответствия будут обнаружены, не говоря уже о степени их убедительности.

3) Внутренняя классификация восточносуданской семьи уже на данном этапе позволяет очень четко выделить в ней такие промежуточные семьи, как (а) нилотская, (б) сурмийская (включая маджанг), (в) тама-нара-нубийская. Менее надежна и нуждается в серьезной этимологической поддержке идея большого южного «нилотско-сурмийского» узла, противопоставленного северному «тама-нара-нубийскому». Что касается таких мелких групп, как даджу, ныманг, темейн и джебельские языки, то вопрос об их точном местонахождении на восточносуданском дереве остается открытым и должен решаться уже методами «точной» лексико-статистики, основанной на детальном этимологическом анализе; однако само вхождение их в этот таксон вряд ли будет оспорено.

Таким образом, итоговая модель восточносуданской классификации, на которую можно опираться в дальнейшем (т. е. содержащая только максимально достоверные результаты), будет иметь следующий вид:

1. Тама-нара-нубийская ветвь:
 - 1.1. Тама.
 - 1.2. Нарa-нубийские:
 - 1.2.1. Нарa.
 - 1.2.2. Нубийские.
2. Сурмийская ветвь:
 - 2.1. Северносурмийские (= маджанг).
 - 2.2. Южносурмийские:
 - 2.2.1. Юго-западносурмийские.
 - 2.2.2. Юго-восточносурмийские.
3. Нилотская ветвь:
 - 3.1. Севернонилотские:
 - 3.1.1. Западнонилотские.
 - 3.1.2. Восточнонилотские.
 - 3.2. Южнонилотские.
4. Даджу.
5. Нъиманг.
6. Темейн.
7. Джебельские.

Разумеется, окончательно закрытым вопрос о составе восточносуданской (макро)семьи считать нельзя до тех пор, пока в рамках предварительной лексикостатистики с ее членами не будут сопоставлены и другие языковые группы Африки — начиная, скажем, с языка-изолята берта, который, по мнению К. Эрета, также входит в восточносуданскую семью, и заканчивая всеми прочими языками «макросуданского» ареала. Однако для нас гораздо важнее сам факт того, что даже достаточно поверхностный (но при этом вполне объективный) анализ данных, полученных в ходе своеобразной «очистки» первичного лексического материала, дал в целом позитивный сигнал относительно столь далеко идущей гипотезы, как восточносуданская, и одновременно столь же отчетливо выявил ее уязвимые места (проблема кулякских языков). Позволит ли аналогичный анализ подтвердить реалистичность еще более смелой гипотезы — нило-сахарской — будет видно из дальнейших исследований.

Литература

Журковский 1973: Б. В. Журковский. Сохранение тонового контура при элизии слога (на материале языка алур). // *Бесписьменные и младописьменные языки Африки*. Под ред. Н. В. Охотиной и А. Б. Долгопольского. М.: «Наука», с. 148–151.

Завадовский, Смагина 1986: Ю. Н. Завадовский, Е. Б. Смагина. *Нубийский язык*. М.: «Наука».

Abbink 1993: J. Abbink. Suri-English Basic Vocabulary. // *Frankfurter Afrikanistische Blätter*, 5, pp. 39–64.

Abdel Hafiz 1988: Abdel Hafiz, Ahmed S. *A Reference Grammar of Kunuz Nubian*. Ph.D. Dissertation, Graduate School of State University of New York at Buffalo.

Abushush, Hayward 2002: Dawd Abushush, Richard J. Hayward. Nara. // *Journal of the International Phonetic Association*, 32, 2, pp. 249–255.

Andersen 1987: Torben Andersen. The Phonemic System of Agar Dinka. // *Journal of African Languages and Linguistics*, 9, pp. 1–27.

Andersen 1988a: Torben Andersen. Consonant Alternation in the Verbal Morphology of Pāri. // *Afrika und Übersee*, 71, pp. 63–113.

Andersen 1988b: Torben Andersen. Downstep in Pāri: the tone system of a Western Nilotic language. // *Studies in African Linguistics*, 19, 3, pp. 261–315.

Andersen 1988c: Torben Andersen. Ergativity in Pāri, a Nilotic OVS language. // *Lingua*, 75, pp. 289–324.

Andersen 1989: Torben Andersen. The Pāri Vowel System with an Internal Reconstruction of Its Historical Development. // *Journal of African Languages and Linguistics*, 11, pp. 1–20.

Andersen 1990: Torben Andersen. Vowel length in Western Nilotic languages. // *Acta Linguistica Hafniensia*, 22, pp. 5–26.

Andersen 1992: Torben Andersen. Aspects of Mabaan Tonology. // *Journal of African Languages and Linguistics*, 13, pp. 183–204.

Andersen 1999a: Torben Andersen. Consonant Alternation and Verbal Morphology in Mayak (Northern Burun). // *Afrika und Übersee*, 82, pp. 65–97.

Andersen 1999b: Torben Andersen. Vowel Harmony and Vowel Alternation in Mayak (Western Nilotic). // *Studies in African Linguistics*, 28, 1, pp. 1–29.

Andersen 1999c: Torben Andersen. Vowel quality alternation in Mabaan and its Western Nilotic history. // *Journal of African Languages and Linguistics*, 20, pp. 97–120.

Andersen 1999d: Torben Andersen. Anti-Logophoricity and Indirect Mode in Mabaan. // *Studies in Language*, 23, 3, pp. 499–530.

Andersen 1999e: Torben Andersen. Anywa and Pări, I: A phonological and morphophonological comparison. // *Afrika und Übersee*, 82, pp. 251–271.

Andersen 2000a: Torben Andersen. Number Inflection in Mayak (Northern Burun). // *"Mehr als nur Worte...": Afrikanistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Franz Rottland*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 29–43.

Andersen 2000b: Torben Andersen. Anywa and Pări, II: A morphosyntactic comparison. // *Afrika und Übersee*, 83, pp. 65–87.

Andersen 2004: Torben Andersen. Jumjum Phonology. // *Studies in African Linguistics*, 33, 2, pp. 133–162.

Andersen 2006a: Torben Andersen. Layers of number inflection in Mabaan (Western Nilotic). // *Journal of African Languages and Linguistics*, 27, pp. 1–27.

Andersen 2006b: Torben Andersen. [ATR] Reversal in Jumjum. // *Diachronica*, 23, 1, pp. 3–28.

Andersen 2007: Torben Andersen. Kurmuk Phonology. // *Studies in African Linguistics*, 36, 1, pp. 29–90.

Arensens 1982: Jonathan E. Arensens. *Murle grammar*. Occasional Papers in the Study of Sudanese Languages, 2. University of Juba.

Armbruster 1960: Charles H. Armbruster. *Dongolese Nubian: A Grammar*. Cambridge University Press.

Armbruster 1965: Charles H. Armbruster. *Dongolese Nubian: A Lexicon*. Cambridge University Press.

Bader 2008: Christian Bader. *Parlons karimojong: une langue de l'Afrique orientale*. Paris: L'Harmattan.

Barrett 1990: Anthony J. Barrett. *Turkana-English dictionary*. London & New York: Macmillan.

Barton 1921: Juxon Barton. Turkana grammatical notes and vocabulary. *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 2, 1, pp. 43–73.

Bashir 2006: Abeer M. A. Bashir. Morphophonemic alternations in Jumjum number formation. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 33–50.

- Beaton 1968: A. C. Beaton. *A Grammar of the Fur Language*. Khartoum.
- Bechhaus-Gerst 1985: Marianne Bechhaus-Gerst. Sprachliche und historische Rekonstruktionen im Bereich des Nubischen unter besonderer Berücksichtigung des Nilnubischen. // *Sprache und Geschichte in Afrika*. Band 6, 1984/5, pp. 7–134.
- Bechhaus-Gerst 1989: Marianne Bechhaus-Gerst. "Nile-Nubian" reconsidered. // *Topics in Nilo-Saharan Linguistics*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 85–96.
- Bechhaus-Gerst 1996: Marianne Bechhaus-Gerst. *Sprachwandel durch Sprachkontakt am Beispiel des Nubischen im Niltal: Möglichkeiten und Grenzen einer diachronen Soziolinguistik*. Köln: Rüdiger Köppe.
- Beech 1911: Mervyn W. H. Beech. *The Suk. Their Language and Folklore*. London.
- Beech 1913: Mervyn W. H. Beech. Endo Vocabulary. // *Man*, 42, pp. 70–72.
- Bell 1970: Herman Bell. The Phonology of Nobiin Nubian. // *African Language Review*, 9, pp. 115–139.
- Bell 1973: Herman Bell. An extinct language from Kordofan. // *Sudan Notes And Records*, 54, pp. 115–139.
- Bell 1975: Herman Bell. Documentary evidence on the Haraza Nubian language. // *Sudan Notes And Records*, 56, pp. 1–35.
- Bell 2006: Herman Bell. Birgid Nubian: Recording a nearly extinct language. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 75–83.
- Beltrame 1880: Giovanni Beltrame. *Grammatica e vocabolario della lingua denka*. Memorie della Società Geografica Italiana, 3. Roma: Stabilimento Giuseppe Civelli.
- Bender 1968: Lionel M. Bender. Analysis of a Barya wordlist. // *Anthropological Linguistics*, 10, 9, pp. 1–24.
- Bender 1971: Lionel M. Bender. The Languages of Ethiopia: A New Lexicostatistic Classification and Some Problems of Diffusion. // *Anthropological Linguistics*, 13, 5, pp. 165–288.
- Bender 1977: Lionel M. Bender. The Surma language group: a preliminary report. // *Studies in African Linguistics, Supplement 7*, pp. 11–21.
- Bender 1983a: Lionel M. Bender. Majang phonology and morphology. // *Nilo-Saharan Language Studies*. Ed. by M. Lionel Bender. Michigan: East Lansing, pp. 114–147.

Bender 1983b: Lionel M. Bender. The Eastern Jebel Languages. // *Current Approaches to African Linguistics*, vol. 1. Ed. by I. Dihoff. Dordrecht: Foris, pp. 49–57.

Bender 1983c: Lionel M. Bender. Proto-Koman Phonology and Lexicon. // *Afrika und Übersee*, 66, pp. 259–297.

Bender 1989a: Lionel M. Bender. The Eastern Jebel Languages. // *Topics in Nilo-Saharan Linguistics*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 151–179.

Bender 1989b: Lionel M. Bender. Berta Lexicon. // *Topics in Nilo-Saharan Linguistics*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 271–304.

Bender 1997a: Lionel M. Bender. *The Nilo-Saharan Languages: A Comparative Essay*. München – Newcastle: LINCOM Europa.

Bender 1997b: Lionel M. Bender. The Eastern Jebel Languages of Sudan I: Phonology. // *Afrika und Übersee*, 80, pp. 189–215.

Bender 1998: Lionel M. Bender. The Eastern Jebel Languages of Sudan II. Comparative Lexicon. // *Afrika und Übersee*, 81, pp. 39–64.

Bender 2000: Lionel M. Bender. *Comparative Morphology of the Omotic Languages*. München: LINCOM Europa.

Bender 2003: Lionel M. Bender. *Omotic Lexicon and Phonology*. Southern Illinois University.

Bender 2005: Lionel M. Bender. *The East Sudanic Languages: Lexicon and Phonology*. Southern Illinois University: SIU Printing/Duplicating.

Bender, Ayre 1980: Lionel M. Bender, Malik Agaar Ayre. *Preliminary Gaam-English-Gaam Dictionary*. Carbondale: Southern Illinois Printing Service.

Benton 1912: P. A. Benton. *Notes on some languages of West Sudan, including twenty four unpublished vocabularies of Barth*. London.

Black 1975: Paul David Black. *Lowland East Cushitic: Subgrouping and Reconstruction*. PhD Dissertation, Yale University.

Blackings 2009: Mairi John Blackings. *Acholi-English — English-Acholi Dictionary*. München: LINCOM Europa.

Blažek 1999: Václav Blažek. *Numerals. Comparative-Etymological Analyses and Their Implications*. Masarykova Univerzita v Brně.

Blažek 2008: Václav Blažek. A lexicostatistical comparison of Omotic languages. // *In Hot Pursuit of Language in Prehistory: essays in the four fields of anthropology*. Ed. by John Bengtson. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 57–148.

Blench 1997: Roger M. Blench. The papers of Roland Stevenson. // *Nilo-Saharan Newsletter*, 1, pp. 3–16.

Blench 2007: Roger M. Blench. The Temein Languages. Paper presented at the 10th Nilo-Saharan Colloquium. Paris, August 22–4th, 2007. On-line version at: <http://www.rogerblench.info>.

Bombay 2007: Elaine Bombay. *Enquête sociolinguistique sur les langues tama et assangori, parlés du Tchad et du Soudan*. SIL International.

Boyeldieu 2008: Pascal Boeyldieu. Dadjo-Sila. // *La qualification dans les langues africaines*. Ed. by Holger Tröbs, Eva Rothmaler & Kerstin Winkelmann. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 57–70.

Boyeldieu 2011: Pascal Boeyldieu. The modified form of Shatt Damam nouns and its Daju cognates. // *Afrika und Übersee*, 90, pp. 9–84.

Brisco 2006: Mike Brisco. *English to Dinka Glossary. Derived from SIL International's 2005 Draft Dinka-English dictionary*. Draft version (07.20. 2006). On-line version at: <http://www.rogerblench.info>.

Browne 1981: Gerald M. Browne. Griffith's Old Nubian Lectionary. // *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Leiden, September 8–10, 1980*. Ed. by Thilo C. Schadeberg & M. Lionel Bender. Dordrecht & Cinnaminson: FORIS Publications, pp. 145–150.

Browne 1996: Gerald M. Browne. *Old Nubian Dictionary*. Leuven: Peeters.

Browne 1997: Gerald M. Browne. *Old Nubian Dictionary. Appendices*. Leuven: Peeters.

Browne 2002: Gerald M. Browne. *A Grammar of Old Nubian*. München: LINCOM.

Bryan 1945: Margaret A. Bryan. A linguistic no-man's land: The Sudan-Ethiopian border. // *Africa*, 15 (4), pp. 188–205.

Bryan 1955: Margaret A. Bryan. The Verb in the Tama and Didinga Language Groups. // *Afrikanistische Studien 5: Festschrift für D. Westermann*. Ed. by J. Lukas. Berlin: Akademie-Verlag, pp. 312–333.

Buth 1981a: Randall J. Buth. Ergative word order: Luwo is OVS. // *Occasional papers in the study of Sudanese languages*, 1, pp. 74–90.

Buth 1981b: Randall J. Buth. The twenty vowels of Dhwe Luwo (Jur Luo, Sudan). // *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Leiden, September 8–10, 1980*. Ed. by Thilo C. Schadeberg & M. Lionel Bender. Dordrecht & Cinnaminson: FORIS Publications, pp. 119–132.

Capen 1998: Carole J. Capen. *Bilingual Dholuo-English Dictionary, Kenya*. Tucson, Arizona.

Carlin 1993: Eithne Carlin. *The So Language*. (Afrikanistische Monographien 2). Köln: Universität zu Köln.

Carlin 2009: Eithne Carlin. *A dictionary of So, a Nilo-Saharan language of NE Uganda*. Draft ms. available at: <http://www.rogerblench.info> (14.09.2009).

Carollo 1991: Bruno Carollo. *Practical Lango grammar and dictionary*. Trieste – Roma: Missionari comboniani.

Cerulli 1942: Enrico Cerulli. Il linguaggio dei Tirma, popolazione della zona del Lago Rodolfo. // *Oriente Moderno*, 22, pp. 26–35.

Cerulli 1948: Enrico Cerulli. Il linguaggio dei Masongo nell'Etiopia Occidentale. // *Rassegna di Studi Etiopici*, 7, 2, pp. 131–166.

Conti Rossini 1914: Carlo Conti Rossini. I Mekan o Suro nell'Etiopia del sudovest e il suo Linguaggio. // *Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei*, 22, pp. 7–10, 397–463.

Crazzolara 1933: J. P. Crazzolara. *Outlines of a Nuer grammar*. Vienna: Anthropos.

Crazzolara 1938/1955: J. P. Crazzolara. *A Study of the Acooli Language: Grammar and Vocabulary*. London / New York / Toronto: Oxford University Press (1st ed.: 1938, 2nd ed.: 1955).

Crazzolara 1978: J. P. Crazzolara. *A Study of the Pokot (Suk) Language. Grammar and Vocabulary*. Bologna.

Creider 1982: Chet A. Creider. *Studies in Kalenjin Nominal Tonology*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Creider, Creider 1989: Jane Tapsubei Creider, Chet A. Creider. *A Grammar of Nandi*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Creider, Creider 2001: Jane Tapsubei Creider, Chet A. Creider. *A Dictionary of the Nandi Language*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Creider, Rottland 1996: Chet A. Creider, Franz Rottland. Datooga Nominals: the Morphologization of Vowel Harmony. // *Proceedings of the Sixth International Nilo-Saharan Linguistics Conference, Santa Monica 1995, March 27–29*. Ed. by M. L. Bender & Th. J. Hinnebusch. Köln: Institut für Afrikanistik, pp. 257–268.

Creider, Rottland 1997: Chet A. Creider, Franz Rottland. Noun Classification in Southern Nilotic: Datooga. // *Afrika und Übersee*, 80, pp. 71–93.

Crewe 1975: *The Phonological Features of the Ingessana Language*. University of Khartoum: Institute of African and Asian Studies.

Czekanowski 1924: Jan Czekanowski. *Forschungen im Nil-Kongo-Zwischengebiet*. Vol. 2: *Ethnographie: Uele/Ituri/Nil-Länder*. Leipzig: Klinkhardt & Biermann.

Dempwolff 1917: Otto Dempwolff. Beiträge zur Kenntnis der Sprachen in Deutsch-Ostafrika. // *Zeitschrift für Kolonialsprachen*, 7.4, pp. 309–325.

Denning 1989: Keith Denning. *The diachronic development of phonological voice quality, with special reference to Dinka and the other Nilotic languages*. PhD dissertation. Stanford University.

Dimmendaal 1984: Gerrit Dimmendaal. Review of: Rainer Vossen, *The Eastern Nilotes*. // *Journal of African Languages and Linguistics*, 6, pp. 67–75.

Dimmendaal 1988: Gerrit Dimmendaal. The lexical reconstruction of proto-Nilotic: a first reconnaissance. // *Afrikanistische Arbeitspapiere* 16, pp. 5–67.

Dimmendaal 1989: Gerrit Dimmendaal. On language death in Eastern Africa. // *Investigating obsolescence: Studies in language contraction and death*. Ed. by N. C. Dorian. Cambridge University Press, pp. 13–32.

Dimmendaal 1998: Gerrit Dimmendaal. Surmic languages and cultures: an introduction. // *Surmic Languages and Cultures*. Ed. by Gerrit J. Dimmendaal & Marco Last. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 3–34.

Dimmendaal 2008: Gerrit Dimmendaal. Reconstructing the Historical Development of Nilotic: a Testcase for Cladistic and Rhizotic Models of Genetic Affinity. // *Sprache und Geschichte in Afrika*, 19, pp. 31–66.

Driberg 1923: Jack H. Driberg. *The Lango: a Nilotic tribe of Uganda*. London: Adelphi Terrace.

Driberg 1931: Jack H. Driberg. The Didinga language. // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*, 34-III, pp. 139–182.

Driberg 1932: Jack H. Driberg. Lotuko dialects. // *American Anthropologist*, 34, 4, pp. 601–609.

Duerksen 2005: John Duerksen et al. *Dinka-English Dictionary*. SIL International. Draft: 12.17.2005. On-line version at: <http://www.rogerblench.info>.

Edgar 1989: John T. Edgar. *A Masalit Grammar (with notes on other languages of Darfur and Wadai)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Edgar 1990: John T. Edgar. *Tama Group Lexicon*. Ms.

Edgar 1991a: John T. Edgar. *Maba-Group Lexicon*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Edgar 1991b: John T. Edgar. First Steps Toward Proto-Tama. // *Proceedings of the Fourth Nilo-Saharan Conference*. Bayreuth, Aug. 30 – Sep. 2, 1989. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 111–131.

Ehret 1971: Christopher Ehret. *Southern Nilotic history. Linguistic approaches to the study of the past*. Illinois: Evanston.

Ehret 1974: Christopher Ehret. *Ethiopians and East Africans. The Problem of Contacts*. Nairobi.

Ehret 1980: Christopher Ehret. *The historical reconstruction of Southern Cushitic: Phonology and Vocabulary*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Ehret 1981: Christopher Ehret. *The classification of Kuliak*. // *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Leiden, September 8–10, 1980*. Ed. by Thilo C. Schadeberg & M. Lionel Bender. Dordrecht & Cinnaminson: FORIS Publications, pp. 269–289.

Ehret 1982: Christopher Ehret. Population movement and culture contact in the Southern Sudan, c. 3000 BC to AD 1000. // *Culture history in the Southern Sudan: Archaeology, linguistics and ethnohistory*. Ed. by John Mack & Peter T. Robertshaw. Nairobi: British Institute in Eastern Africa, pp. 19–48.

Ehret 1995: Christopher Ehret. Do Krongo and Shabo belong in Nilo-Saharan? // *Actes du Cinquieme Colloque de Linguistique Nilo-Saharienne*. 24–29 août 1992. Ed. by Robert Nicolai & Franz Rottland. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 169–193.

Ehret 2001: Christopher Ehret. *A Historical-Comparative Reconstruction of Nilo-Saharan*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Ethnologue 2009: *Ethnologue: Languages of the World*. 16th edition. Dallas: SIL International. On-line version: <http://www.ethnologue.com>.

Evans-Pritchard 1932: Edward E. Evans-Pritchard. Ethnological Observations in Dar Fung. // *Sudan Notes and Records*, 15, 1, pp. 1–61.

Fleming 1965: Harold Fleming. *The Age-Grading Cultures of East Africa: An Historical Inquiry*. Ph.D. dissertation. University Microfilms. Ann Arbor, Michigan.

Fleming 1976: Harold Fleming. Omotic Overview. // *The Non-Semitic Languages of Ethiopia*. Ed. by M. Lionel Bender. East Lansing: Michigan State University, pp. 299–323.

Fleming 1983a: Harold Fleming. Surma Etymologies. // *Nilotic Studies*. Ed. by Rainer Voßen & Marianne Bechhaus-Gerst. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 523–555.

Fleming 1983b: Harold Fleming. Kuliak External Relationships: Step One. // *Nilotic Studies*. Ed. by Rainer Voßen & Marianne Bechhaus-Gerst. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, pp. 423–478.

Frank 1999: Wright Jay Frank. *Nuer Noun Morphology*. M.A. thesis. Buffalo: University of New York.

Gilley 1992: Leoma Gilley. *An autosegmental approach to Shilluk phonology*. (Summer Institute of Linguistics and University of Texas at Arlington. Publications in Linguistics, 103.) Dallas: Summer Institute of Linguistics.

Gilley 2000: Leoma Gilley. Singulars and plurals in Shilluk: a search for order. // *Occasional papers in the study of Sudanese languages*, 8, pp. 1–21.

Gilley 2004: Leoma Gilley. *Morphophonemic orthographies in fusional languages: the cases of Dinka and Shilluk*. SIL Electronic Working Papers, n. 2004-003.

Girard 2002: Tim Girard. *Sociolinguistic Survey Report of Abortive Suri*. SIL International.

Gleason 1959: H. A. Gleason Jr. Counting and calculating for historical reconstruction. // *Anthropological linguistics*, 1, 2, pp. 22–32.

Greenberg 1950a: Joseph H. Greenberg. *Studies in African linguistic classification IV. Hamito-Semitic*. // *Southwestern Journal of Anthropology*, 6, 1, pp. 47–63.

Greenberg 1950b: Joseph H. Greenberg. *Studies in African linguistic classification V. The Eastern Sudanic Languages*. // *Southwestern Journal of Anthropology*, 6, 2, pp. 143–160.

Greenberg 1955: Joseph H. Greenberg. *Studies in African linguistic classification*. New Haven, CT: Compass.

Greenberg 1957: Joseph H. Greenberg. Nilotic, 'Nilo-Hamitic', Hamito-Semitic: a Reply. // *Africa: Journal of the International African Institute*, 27, pp. 364–378.

Greenberg 1966: Joseph H. Greenberg. *The Languages of Africa*. Bloomington, Indiana University; Mouton & Co., The Hague.

Greenberg 1981: Joseph H. Greenberg. Nilo-Saharan Moveable-k as a Stage III article (with a Penutian Typological Parallel). // *Journal of African Languages and Linguistics*, 3, pp. 105–112.

Gregersen 1961: Edgar A. Gregersen. *Luo. A Grammar*. Ann Arbor (University Microfilms International).

Griffith 1913: F. L. Griffith. *The Nubian texts of the Christian Period*. Berlin: Verlag der Königl. Akademie der Wissenschaften.

Guinet 1973: Xavier Guinet. Esquisse d'une phonologie du sungor. // *Problèmes de phonologie*. Ed. by L. Bouquiaux. Paris: Société des Etudes Linguistiques et Anthropologiques de France (SELAF), pp. 73–100.

Haberland 1966: Eike Haberland. Zur Sprache der Bodi, Mursi und Yideni' in Südwest-Äthiopien. // *Neue Afrikanistische Studien*. Ed. by Johannes Lukas. Hamburg, Deutsches Institut für Afrika-Forschung, pp. 87–99.

Hall, Hall 1996: Beatrice Hall, R. M. R. Hall. From Cognate Set to Etymology in the Reconstruction of Proto-Nilotic. // *Proceedings of the Sixth International Nilo-Saharan Linguistics Conference, Santa Monica 1995, March 27–29*. Ed. by M. L. Bender & Th. J. Hinnebusch. Köln: Institut für Afrikanistik, pp. 151–175.

Hayward 2000: Richard J. Hayward. Observations on Tone in the Higir Dialect of Nara. // "Mehr als nur Worte...": *Afrikanistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Franz Rottland*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 247–267.

Heasty 1937: J. A. Heasty. *English-Shilluk / Shilluk-English Dictionary*. Dolieb Hill, The Anglo-Egyptian Sudan: The American Mission.

Heine 1973: Bernd Heine. Vokabulare ostafrikanischer Restsprachen. Teil II. // *Afrika und Übersee*, 57, 1, pp. 38–49.

Heine 1974: Bernd Heine. Tepes und Nyang'i, zwei ostafrikanische Restsprachen. // *Afrika und Übersee*, 58, pp. 263–300.

Heine 1975: Bernd Heine. Ik — eine ostafrikanische Restsprache. // *Afrika und Übersee*, 59, 1, pp. 31–56.

Heine 1976: Bernd Heine. *The Kuliak Languages of Eastern Uganda*. // Nairobi: East African Publishing House.

Heine 1980: Bernd Heine. *The Non-Bantu languages of Kenya*. Berlin.

Heine 1999: Bernd Heine. *Ik Dictionary*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Heine, Kuteva 2001: Bernd Heine, Tania Kuteva. Convergence and Divergence in the Development of African Languages. // *Areal Diffusion and Genetic Inheritance*. Ed. by Alexandra Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. Oxford University Press, pp. 393–411.

Heine, Vossen 1975: Bernd Heine, Rainer Vossen. Zur Stellung der Ongamo-Sprache (Kilimandscharo). // *Afrika und Übersee*, 59, 2, pp. 81–105.

Heine, Vossen 1983: Bernd Heine, Rainer Vossen. On the origin of gender in Eastern Nilotic. // *Nilotic studies: proceedings of the international symposium on languages and history of the Nilotic peoples*, Cologne, January 4–6, 1982. Ed. by Rainer Vossen & Marianne Bechhaus-Gerst. Vol. 2, pp. 247–268.

Heusing 2000: Gerald Heusing. *The Classification of Kumam within Nilotic*. Leipzig: Institut für Afrikanistik.

Heusing 2004: Gerald Heusing. *Die südlichen Lwoo-Sprachen. Beschreibung, Vergleich und Rekonstruktion*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Hieda 1990: Osamu Hieda. Koegu, a preliminary report. // *Journal of Swahili and African Studies*, 1, pp. 97–108.

Hieda 1991a: Osamu Hieda. Koegu Vocabulary, with a reference to Kara. // *African Study Monographs*, Suppl. 14, pp. 1–70.

Hieda 1991b: Osamu Hieda. Omo-Murle: A Preliminary Report. // *Journal of Swahili and African Studies*, 3, pp. 131–155.

Hieda 1998: Osamu Hieda. A sketch of Koegu grammar: Towards reconstructing Proto-Southeastern Surmic. // *Surmic Languages and Cultures*. Ed. by Gerrit J. Dimmendaal & Marco Last. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 345–376.

Hilders, Lawrance 1957: J. H. Hilders, J. C. D. Lawrance. *An Introduction to the Ateso language*. Nairobi / Kampala: The Eagle Press.

Hilders, Lawrance 1958: J. H. Hilders, J. C. D. Lawrance. *An English-Ateso and Ateso-English Vocabulary*. Nairobi/Kampala: The Eagle Press.

Hofmann 1981: Inge Hofmann. *Material für eine Meroitische Grammatik*. Wien: Institute für Afrikanistik und Ägyptologie der Universität Wien.

Hofmann 1983: Inge Hofmann. *Einführung in den nubischen Kenzi-Dialekt*. Lehr- und Lesebücher zur Afrikanistik und Ägyptologie, Band 4. Wien.

Hofmann 1986: Inge Hofmann. *Nubisches Wörterverzeichnis: Nubisch-deutsches und deutsch-nubisches Wörterverzeichnis nach dem Kenzi-Material des Samuël Alî Hisên (1863–1927)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Hollis 1909: A. C. Hollis. *The Nandi. Their Language and Folk-Lore*. Oxford.

Hudson 1989: Grover Hudson. *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Huntingford 1929: G. W. B. Huntingford. Modern Hunters: Some account of the Kamelilo-Kapchepkendi Dorobo (Okiek) of Kenya Colony. // *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 59, pp. 333–378.

Ibrahim, Huttenga 2007: Ibrahim, Gumma & Huttenga, Piet. The Phoneme system of Tagle, a Kordofanian Nubian language. // *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Hamburg, August 22–25, 2001*. Ed. by Doris Payne & Mechthild Reh. Köln: Rüdiger Köppe, pp. 99–113.

Ismail 2000: Ismail, Muhammad Abbaker. *Linguistic analysis of the noun morphology of the Daju language*. M.A. Degree Thesis. University of Khartoum: Department of Linguistics.

Ismail 2007: Ismail, Muhammad Abbaker. Noun Classes in Daju Lagawa and the Role of Stress. // *Advances in Nilo-Saharan Linguistics. Proceedings of the 8th Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Hamburg, August 22–25, 2001*. Ed. by Doris Payne & Mechthild Reh. Köln: Rüdiger Köppe, pp. 115–122.

Jabr el Dar 2006: Jabr el Dar, Khaliifa. Towards a general orthography of the Ajang languages. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 183–198.

Jakobi 2000: Angelika Jakobi. Zur Rekonstruktion der proto-kordofannubischen Vokale */ɔa/ und */ə/. // *"Mehr als nur Worte...": Afrikanistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Franz Rottland*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 311–326.

Jakobi 2004: Angelika Jakobi. *Kordofan Nubian. A synchronic and diachronic study*. Habilitationsschrift eingereicht am 25 Juli an der Sprach- und Literaturwissenschaftlichen Fakultät der Universität Bayreuth.

Jakobi 2006: Angelika Jakobi. The loss of syllable-final proto-Nubian consonants. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 215–228.

Johnston 1904: Harry Johnston. *The Uganda Protectorate*. London: Hutchinson & Co.

Jungraithmayr 1978: Hermann Jungraithmayr. A Lexical Comparison of Darfur and Wadai Daju. // *Aspects of Language in the Sudan*. Ed. by Robin Thelwall. New University of Ulster, pp. 145–154.

Junker, Czermak 1913: H. Junker, W. Czermak. *Kordofân-Texte im Dialekt von Gebel Dair*. Wien.

Kadanya 2006: James L. Kadanya. Noun Derivation System in Toposa. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 243–261.

Kauczor 1920: P. D. Kauczor. *Die Bergnubische Sprache (Dialekt von Gebel Delen)*. Wien.

Kauczor 1923: P. D. Kauczor. The Afitti Nuba of Gebel Dair and their relation to the Nuba proper. // *Sudan Notes and Records*, 6, pp. 1–34.

Kauczor, Drexel 1930: P. D. Kauczor, A. Drexel. Die Daiersprache in Kordofan. // *Bibliotheca Africana*, v. 4–1, pp. 67–78; v. 4–2, pp. 42–53.

Khalil 1996: Khalil, Mokhtar M. *Wörterbuch der nubischen Sprache (Fadidja/Mahas Dialekt)*. Warszawa.

Kiggen 1948: J. Kiggen. *Nuer-English Dictionary*. London: Mill Hill.

Kiggen 1953a: J. Kiggen. *Ateso-English Dictionary*. Ngora: Mill Hill.

Kiggen 1953b: J. Kiggen. *English-Ateso Dictionary*. Ngora: Mill Hill.

Knappert 1963: Jan Knappert. The verb in Dhó-Álùr. // *Journal of African Languages*, 2, 2, pp. 101–127.

Knappert 1969: Jan Knappert. The phonemes of Alur: vowels and tones. // *Nomen: Leyden studies in linguistics and phonetics*. The Hague / Paris: Mouton & Co., pp. 68–80.

Kohnen 1933: B. Kohnen. *Shilluk Grammar*. Verona: The Nigrizia School Press.

Kohnen 1994: B. Kohnen. *Dizionario Shilluk*. A cura di Manuela Brovarone. Roma: Missionari Comboniani.

Köhler 1948: Oswin Köhler. *Die nilotischen Sprachen*. Ph.D. dissertation: University of Berlin.

Köhler 1950: Oswin Köhler. Die Ausbreitung der Niloten. // *Beiträge zur Gesellungs- und Völkerwissenschaft (Festschrift Richard Thurnwald)*. Berlin: Gebr. Mann-Verlag, pp. 159–194.

Köhler 1955: Oswin Köhler. *Geshichte der Erforschung der nilotischen Sprachen*. Afrika und Übersee, Beiheft 28. Berlin.

Kutsch Lojenga 1991: Constance Kutsch Lojenga. Vowel Harmony in Alur: on the crossroads of two systems. // *Proceedings of the Third Nilo-Saharan Linguistics Colloquium. Kisumu, Kenya, Aug. 4 – 9, 1986*. Ed. by F. Rottland & L. M. Omondi. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 131–141.

Lamberti 1988: Marcello Lamberti. *Kuliak and Cushitic: A Comparative Study*. Heidelberg: Carl Winter Verlag.

Larsen 1991: Iver Larsen. A puzzling dissimilation process in Southern Nilotic. // *Proceedings of the Fourth Nilo-Saharan Conference. Bayreuth, Aug. 30 – Sep. 2, 1989*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 263–272.

Last 1885: J. T. Last. *Polyglotta Africana Orientalis*. London.

Last, Lucassen 1998: Marco Last, Deborah Lucassen. A grammatical sketch of Chai, a Southeastern Surmic language. // *Surmic Languages and Cultures*. Ed. by Gerrit J. Dimmendaal & Marco Last. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 375–436.

Laughlin 1975: Charles D. Laughlin Jr. Lexicostatistics and the Mystery of So Ethnolinguistic Relations. // *Anthropological Linguistics*, 17, 7, pp. 325–341.

Lepsius 1880: R. Lepsius. *Nubische Grammatik. Mit einer Einleitung über die Völker und Sprachen Afrikas*. Berlin.

Lienhardt 2003: Godfrey Lienhardt. *Divinity and Experience: the Religion of the Dinka*. Oxford University Press (reprint).

Lindblom 1924: G. Lindblom. Some words of the language spoken by the Elgoni people on the east side of Mt. Elgon, Kenya Colony, East Africa. // *Le Monde Oriental*, 16, pp. 46–55.

Logiro, Ilukor 2007: Peter Logiro, Joyce Ilukor. *A Simplified Ngakarimojong-English / English-Ngakarimojong Dictionary*. Kampala: Fountain Publishers.

Lukas 1933: Johannes Lukas. Beiträge zur Kenntnis der Sprachen von Wadai. // *Journal de la Société des Africanistes*, pp. 25–56.

Lukas 1938: Johannes Lukas. Die Sprache der Sungor in Wadai. (Aus Nachtigals Nachlaß). // *Ausland Hochschule Mitteilungen* 41–3, pp. 171–246.

Lusted 1976: Marie Lusted. Anywa. // *The Non-Semitic Languages of Ethiopia*. Ed. by M. Lionel Bender. East Lansing: Michigan State University, pp. 495–512.

Lyth 1971: Richard E. Lyth. *The Murle language: grammar and vocabulary*. Khartoum: Faculty of Arts, University of Khartoum.

MacDiarmid, MacDiarmid 1931: P. A. MacDiarmid, D. N. MacDiarmid. The languages of the Nuba Mountains. // *Sudan notes and records*, 14, pp. 149–162.

MacMichael 1920: H. A. MacMichael. *Darfur Linguistics*. // *Sudan Notes and Records*, 3.3, pp. 197–216.

Malandra 1952: Alfred Malandra. *A New Acholi Grammar*. Nairobi/Kampala: Eagle Press.

Malandra 1956: Alfred Malandra. *English-Lwo (Acholi) Dictionary*. Kalongo: Verona Fathers.

Malou 1988: Job Malou. *Dinka vowel system*. Dallas: Summer Institute of Linguistics and the University of Texas at Arlington.

Marno 1874: Ernst Marno. *Reisen im Gebiete des blauen und weißen Nil im ägyptischen Sudan und den angrenzenden Negerländern, in den Jahren 1869 bis 1873*. Vienna.

Massenbach 1933: Gertrud von Massenbach. *Wörterbuch des nubischen Kunūzi-Dialektes*. Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin Jg. 36, Abt. 3: Afrikanistische Studien.

Massenbach 1961: Gertrud von Massenbach. Eine grammatische Skizze des Dongolawi. *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung, Berlin*. Band VIII, Heft 2, pp. 229–322.

Massenbach 1962: Gertrud von Massenbach. *Nubische Texte im Dialekt der Kunuzi und der Dongolawi, mit Glossar*. Wiesbaden.

Meeks 1973: Dimitri Meeks. Liste de mots Meroitiques ayant une signification connue ou supposée. // *Bulletin d'informations meroitiques*, 13, pp. 3–20.

Meinhof 1912: Carl Meinhof. *Die Sprachen der Hamiten*. Hamburg: L. Friedrichsen.

Meinhof 1916: Carl Meinhof. Sprachstudien im ägyptischen Sudan. 17. Kudugli. 18. Kurungu. 19. Nyima. // *Zeitschrift für Kolonialsprachen*, Band VII, pp. 326–335.

Meinhof 1917: Carl Meinhof. Sprachstudien im ägyptischen Sudan. C. Die nubischen Dialekte. // *Zeitschrift für Kolonialsprachen*, Band VIII, pp. 257–267.

Meinhof 1918: Carl Meinhof. Sprachstudien im ägyptischen Sudan. // *Zeitschrift für Kolonialsprachen*, Band IX, pp. 43–64, 89–117, 167–204.

Militarev & Kogan 2000: Alexander Militarev, Leonid Kogan. *Semitic Etymological Dictionary. Vol. I: Anatomy of Man and Animals*. Münster: Ugarit-Verlag.

Miller 2006: Betty Miller. *Mabaan Dictionary*. Draft version, 2006. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.

Mitterrutzner 1866: J. C. Mitterrutzner. *Die Dinka-Sprache in Central-Africa. Kurze Grammatik, Text und Wörterbuch*. Brixen.

Mitterrutzner 1867: J. C. Mitterrutzner. *Die Sprache der Bari. Grammatik, Text und Wörterbuch*. Brixen.

Mol 1996: Frans Mol. *Maasai Language & Culture Dictionary*. Lemek: Maasai Centre.

Montgomery 1966: Christine Anne Montgomery. *The Morphology of Sebei*. Ph. D. Dissertation. University of California, Los Angeles.

Mubarak 2006: Suzan Alamin Mubarak. An initial description of Laggori noun morphology and noun phrase. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 9–25.

Mukarovsky 1956: Hans G. Mukarovsky. Zur Sprache der Jo-p-Adhola. Nach Quellen von P. Walser. // *Archiv für Völkerkunde*, 11 jg., pp. 83–103.

Muratori 1938: C. Muratori. *Grammatica Lotuxo*. Verona.

Muratori 1948: C. Muratori. *An English-Bari-Lotuxo-Acholi Vocabulary*. Okaru.

Murray 1923: G. W. Murray. *An English-Nubian Comparative Dictionary*. Oxford University Press.

Nebel 1936: Arthur P. Nebel. *Dinka dictionary*. Verona: Istituto Missioni Africane.

Nebel 1948: Arthur P. Nebel. *Dinka grammar (Rek-Malual dialect), with texts and vocabulary*. Verona: Istituto Missioni Africane.

Ngelechei 1979: C. C. Ng'elechei. *Kalenjin-English / English-Kalenjin Dictionary*. Nairobi: Transafrica.

Noonan 1992: Michael P. Noonan. *A grammar of Lango*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.

Novelli 1985: Bruno Novelli. *A grammar of the Karimojong language*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

O'Brien, Cuypers 1975: Richard J. O'Brien, Wim A. M. Cuypers. A Descriptive Sketch of the Grammar of Sebei, with a Sebei-English Wordlist. *Georgetown University Working Papers on Languages and Linguistics*, 9, pp. 1–190.

Odden 1983: David Odden. Aspects of Didinga Phonology and Morphology. // *Nilo-Saharan Language Studies*. Ed. by Lionel M. Bender. Michigan: East Lansing, pp. 148–176.

Ohta 1989: Itaru Ohta. *A classified vocabulary of the Turkana in north-western Kenya*. African study monographs 10.

Ongodia, Ejiet 2008: Simon Peter Ongodia, Austin Ejiet. *Ateso-English Dictionary*. Kampala: Fountain Publishers.

Payne, Ole-Kotikash 2008: Doris L. Payne & Leonard Ole-Kotikash. *Maa(Maasai)-English Dictionary*. Ms.

Pruyssenaere 1877: *E. de Pruyssenaere's Reisen und Forschungen im Gebiete des Weissen und Blauen Nil nach seinen hinterlassenen Aufzeichnungen. Bearbeitet und herausgegeben von K. Zöpplitz*. Gotha: Justus Perthes.

Raglan 1922: Lord Raglan. The Lotuko Language. // *Bulletin of the School of Oriental Studies*, 2, 2, pp. 267–296.

Randal 1995: Scott Randal. *Nominal morphology in Tennet*. M. A. thesis. University of Texas at Arlington.

Randal 1998: Scott Randal. A grammatical sketch of Tennet. *Surmic Languages and Cultures*. Ed. by Gerrit J. Dimmendaal & Marco Last. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 219–272.

Reh 1985a: Mechthild Reh. *Die Krongo-Sprache (Ninò Mó-dì). Beschreibung, Texte, Wörterverzeichnis*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Reh 1985b: Mechthild Reh. *Reconstructing Proto-Western Nilotic and Proto-Nilotic Lexicon*. MS. Cologne.

Reh 1996: Mechthild Reh. *Anywa Language. Description and Internal reconstructions*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Reh 1999: Mechthild Reh. *Anywa-English and English-Anywa Dictionary*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Reid 2010: Tatiana Reid. *Aspects of phonetics, phonology and morphophonology of Thok Reel*. Research dissertation, University of Edinburgh.

Reinisch 1874: Leo Reinisch. *Die Barea-Sprache. Grammatik, Text und Wörterbuch. Nach den handschriftlichen Materialien von Werner Munzinger Pascha*. Wien: Wilhelm Braumüller.

Reinisch 1879: Leo Reinisch. *Die Nuba-Sprache. Bd. 1: Grammatik und Texte. Bd. 2: Nubisch-Deutsches und Deutsch-Nubisches Wörterbuch*. Wien.

Reinisch 1911: Leo Reinisch. *Die Sprachliche Stellung des Nuba*. Wien: Hölder (Schriften der Sprachenkommission, III).

Ricci 1972: Lanfranco Ricci. *Materiali per la lingua Mekan*. // *Rassegna di Studi Etiopici*, 25, pp. 90–455.

Rilly 2009: Claude Rilly. *Le Méroïtique et sa famille linguistique*. // Louvain-Paris-Dudley, MA: Peeters.

Ringe 1948: P. C. Ringe. *A Simple Alur Grammar and Alur-English-Alur Vocabularies*. Kampala: Eagle Press.

Roettger, Roettger 1989: Larry Roettger, Lisa Roettger. A Dinka dialect study. // *Occasional papers in the study of Sudanese Languages*, 6, pp. 1–65.

Rottland 1982: Franz Rottland. *Die Südnilotischen Sprachen: Beschreibung, Vergleichung und Rekonstruktion*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Rottland 1983: Franz Rottland. Southern Nilotic (with an outline of Datoga). // *Nilo-Saharan Language Studies*. Ed. by M. Lionel Bender. Michigan: East Lansing, pp. 208–238.

Santandrea 1946: Stefano Santandrea. *Grammatichetta Giur*. Roma & Verona: Istituto Missioni Africane.

Santandrea 1948: Stefano Santandrea. Little known tribes of the Bahr el Ghazal Basin. // *Sudanese Notes and Records*, 29, 1, pp. 78–106.

Santandrea 1977: Stefano Santandrea. Jur-Luo texts and comments: the family. // *Anthropos*, 72, pp. 557–609.

Sasse 1979: Hans-Jürgen Sasse. The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic (PEC): A First Approximation. // *Afroasiatic Linguistics*, 7, 1, pp. 2–65.

Savage 1955: G. A. Savage. *A Short Acoli-English and English-Acoli Vocabulary*. Kampala: Eagle Press.

Savage 1956: G. A. Savage. *The Essentials of Lwo (Acoli)*. Nairobi – Kampala: East African Literature Bureau.

Schadeberg 1981: Thilo C. Schadeberg. *A Survey of Kordofanian. Volume 1: The Heiban Group. Volume 2: The Talodi Group*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Schadeberg 1994: Thilo C. Schadeberg. Comparative Kadu Word-lists. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 40, pp. 11–48.

Schoenbrun 1997: David Lee Schoenbrun. *The Historical Reconstruction of Great Lakes Bantu Cultural Vocabulary. Etymologies and Distributions*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Schröder, Schröder 1987a: Martin C. Schröder, Helga Schröder. Voiceless Vowels in Toposa. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 12, pp. 17–26.

Schröder, Schröder 1987b: Martin C. Schröder, Helga Schröder. Vowel Harmony in Toposa. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 12, pp. 27–36.

Schröder 2004: Helga Schröder. The relevance of verbal morphology in Toposa discourse. // *Proceedings of 4th World Congress of African Linguistics (WOCAL), June 2003*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 319–336.

Seligmann 1912: Brenda Z. Seligmann. Note on two languages spoken in the Sennar Province of the Anglo-Egyptian Sudan. // *Zeitschrift für Kolonialsprachen*, 2, pp. 297–308.

Siebert, Caudwell 2002: Ralph Siebert, Simon Caudwell. *Sociolinguistic Survey Report of the Melo (Malo) and Mursi Languages of Ethiopia*. SIL International.

Simeoni 1978: Antonio Simeoni. *Päri, a Luo language of Southern Sudan. Small grammar and vocabulary*. Bologna: Editrice Missionaria Italiana.

Sisto Verri 1955: Sisto Verri, Di. Il Linguaggio degli Ingessana nell'Africa Occidentale. // *Anthropos*, 50, pp. 282–318.

Spagnolo 1933: L. M. Spagnolo. *Bari Grammar*. Verona: Istituto Missioni africane.

Spagnolo 1960: L. M. Spagnolo. *Bari-English-Italian Dictionary*. Verona: Istituto Missioni africane.

Stevenson 1956: Roland C. Stevenson. A survey of the phonetics and grammatical structure of the Nuba Mountains languages, pp. 1–2. // *Afrika und Übersee*, 40, pp. 73–84, 93–115.

Stevenson 1957: Roland C. Stevenson. A survey of the phonetics and grammatical structure of the Nuba Mountains languages, pp. 3–5. // *Afrika und Übersee*, 41, pp. 27–65, 117–152, 171–196.

Stevenson 1964: Roland C. Stevenson. Linguistic research in the Nuba Mountains II. // *Sudan Notes and Records*, 45, pp. 79–102.

Stevenson 1978–1979: Roland C. Stevenson. *Teisei umm Danab Work sheets*. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.

Stevenson 1978–1986: Roland C. Stevenson. *Wordlists of Keiga Jirru*. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.

Stevenson 1981: Roland C. Stevenson. Adjectives in Nyimang, with Special Reference to *k-* and *t-* Prefixes. // *Nilo-Saharan: Proceedings of the First Nilo-Saharan Linguistics Colloquium, Leiden, September 8–10, 1980*. Ed. by Thilo C. Schadeberg & M. Lionel Bender. Dordrecht & Cinnaminson: FORIS Publications, pp. 151–165.

Stevenson 1988: *Temein work sheets*. Ms., available at: <http://www.rogerblench.info>.

Stevenson 2000: Roland Stevenson's Nyimang and Dinik Lexicon. Ed. by M. Lionel Bender. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 63, pp. 103–120.

Stevenson et al. 1992: Roland C. Stevenson, Franz Rottland, Angelika Jakobi. The verb in Nyimang and Dinik. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 32, pp. 5–64.

Stirtz 2004: Timothy M. Stirtz. Phonology and orthography in Gaahmg. // *Occasional papers in the Study of Sudanese languages*, 9, pp. 127–144.

Stirtz 2006: Timothy M. Stirtz. Possession of Alienable and Inalienable Nouns in Gaahmg. // *Insights into Nilo-Saharan Language, History and Culture*. Ed. by Al-Amin Abu-Manga, Leoma Gilley, & Anne Storch. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 377–392.

Stirtz 2009: Timothy M. Stirtz. [ATR] vowel harmony in Gaahmg – a six-vowel system. // *Journal of African languages and linguistics*, 30, 1, pp. 73–95.

Storch 2003: Anne Storch. Dynamics of Interacting Populations: Language Contact in the Lwoo Languages of Bahr El-Ghazal. // *Studies in African Linguistics*, 32, 1, pp. 65–93.

Storch 2005: Anne Storch. *The Noun Morphology of Western Nilotic*. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Struck 1911: Bernhard Struck. Über die Sprachen der Tatoga und Irakwleute. // *Mittheilungen aus den Deutschen Schutzgebieten*, 4, pp. 107–132.

Stuhlmann 1915: Franz Stuhlmann. Sammlung von Wörtern der Taturu-Sprache. Mit Kommentar von A. W. Schleicher. // *Zeitschrift für Kolonialsprachen*, 6, pp. 154–160.

Thelwall 1978a: Robin Thelwall. Lexicostatistical relations between Nubian, Daju and Dinka. // *Etudes Nubiennes. Colloque de Chantilly*, 2–6 Juillet 1975, Kairo, pp. 265–286.

Thelwall 1978b: Robin Thelwall. A Birgid vocabulary list and its links with Daju. // *Gedenkschrift Gustav Nachtigall 1874–1974*. Ed. by H. Ganslmayr & H. Jungraithmayr. Bremen, pp. 197–210.

Thelwall 1981: Robin Thelwall. *The Daju Language Group. Systematic Phonetics, Lexicostatistics and Lexical Reconstruction*. School of Humanities of the New University of Ulster. D. Phil.

Thelwall 1983: Robin Thelwall. Meidob Nubian: Phonology, Grammatical Notes and Basic Vocabulary. // *Nilo-Saharan Language Studies*. Ed. by Lionel M. Bender. Michigan: East Lansing, pp. 97–113.

Thompson 1976: D. E. Thompson. Nera. // *The Non-Semitic Languages of Ethiopia*. Ed. by M. Lionel Bender. East Lansing: Michigan State University, pp. 484–494.

Toweett 1979: Taaita Toweett. *A Study of Kalenjin Linguistics*. Nairobi: Kenya Literature Bureau.

Trudinger 1942–44: Ronald Trudinger. *Compiled English-Dinka dictionary (Dongjol dialect)*. Khartoum: Sudan United Mission.

Tsehainesh 1983: Glyohannese Tsehainesh. *Nuer Phonology. Senior essay in linguistics*. Addis Abeba University.

Tucker 1939: A. N. Tucker. *Dinka orthography*. Khartoum: Institute of African and Asian Studies, University of Khartoum.

Tucker 1951: A. N. Tucker. Notes on Murle (Beir). // *Afrika und Übersee*, 36, pp. 99–114.

Tucker 1955: A. N. Tucker. The verb in Shilluk. // *Mitteilungen des Instituts für Orientforschung*, 3, pp. 421–462.

Tucker 1971–73: A. N. Tucker. Notes on Ik. // *African Studies*, 30, pp. 341–354; 31, pp. 183–201; 32, pp. 33–48.

Tucker 1994: A. N. Tucker. *A Grammar of Kenya Luo (Dholuo)*. Ed. by C. A. Creider. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

Tucker, Bryan 1956: A. N. Tucker, M. Bryan. *The Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa*. Oxford University Press.

Tucker, Bryan 1962: A. N. Tucker, M. Bryan. Noun Classification in Kalenjin: Päkot. // *African Language Studies*, 3, pp. 137–181.

Tucker, Bryan 1964–65: A. N. Tucker, M. Bryan. Noun Classification in Kalenjin: Nandi-Kipsigis. // *African Language Studies*, 5, pp. 192–297; 6, pp. 117–187.

Tucker, Bryan 1966: A. N. Tucker, M. Bryan. *The Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa: Linguistic Analyses*. Oxford University Press.

Tucker, Mpaayei 1955: A. Tucker, John Tompo ole Mpaayei. *A Maasai Grammar with Vocabulary*. London / New York / Toronto: Longmans, Green & Co.

Turton, Bender 1976: David Turton, M. L. Bender. Mursi. // *The Non-Semitic Languages of Ethiopia*. Ed. by M. Lionel Bender. East Lansing: Michigan State University, pp. 533–562.

Turton et al. 2008: David Turton, Moges Yigezu, Olisarali Olibui. *Mursi-English-Amharic Dictionary*. Addis-Ababa: Ermias Advertising.

Ukoko et al. 1964: Joseph Ukoko, Jan Knappert, Marcel van Spaandonck. *Essai de Dictionnaire Dho Alur. Dho Alur – Français – Néerlandais – Anglais (N. E. du Congo)*. Leiden: Brill.

Unseth 1988: Peter Unseth. The validity and unity of the "Southeast Surma" language grouping. // *Northeast African Studies*, 10, pp. 151–163.

Unseth 1989: Peter Unseth. Sketch of Majang syntax. // *Topics in Nilo-Saharan Linguistics*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 97–127.

Unseth 1991: Peter Unseth. Consonant sequences and morphophonemics in Majang. // *Proceedings of the 1st National Conference on Ethiopian Studies*. Ed. by Richard Pankhurst, Ahmed Zakaria & Taddese Beyene. Addis Ababa: Institute of Ethiopian Studies, pp. 525–534.

Voogt 2009: Alex de Voogt. A sketch of Afitti phonology. // *Studies in African Linguistics*, 38:1, pp. 35–52.

Vossen 1982: Rainer Vossen. *The Eastern Nilotes: Linguistic and Historical Reconstructions*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Vossen 1988: Rainer Vossen. *Towards a Comparative Study of the Maa Dialects of Kenya and Tanzania*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Vycichl 1961a: Werner Vycichl. Berber words in Nubian. // *Kush*, 9, pp. 289–290.

Vycichl 1961b: Werner Vycichl. Inclusive and Exclusive forms for 'we' in Old Nubian. // *Kush*, 9, pp. 287–288.

Vycichl 1983: Werner Vycichl. *Dictionnaire étymologique de la langue Copte*. Leuven: Peeters.

Wayland 1931: E. J. Wayland. Preliminary studies of the tribes of Karamoja. // *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 61, pp. 187–230.

Werner 1987: Roland Werner. *Grammatik des Nobiin (Nilnubisch). Phonologie, Tonologie und Morphologie*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.

Werner 1993: Roland Werner. *Tidn-áal: A Study of Midob (Darfur Nubian)*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Westermann 1911: Diedrich Westermann. *Short grammar of the Shilluk language*. Philadelphia / Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Westermann 1912a: Diedrich Westermann. *The Shilluk people, their language and folklore*. Philadelphia / Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Westermann 1912b: Diedrich Westermann. Some notes and a short vocabulary of the Anywak language. // *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen*, 15, pp. 142–150.

Westermann 1944: Diedrich Westermann. Das Oxoriok. Eine sprachliche Skizze. // *Afrika. Studien zur Auslandskunde*, 3, pp. 19–46.

Wiedemann, Nannyombi 2007: Sabine Wiedemann, Prossy Nannyombi. *Ik Language Assessment Report*. SIL International.

Will 1989: Hans-Georg Will. Sketch of Me'en grammar. // *Topics in Nilo-Saharan Linguistics*. Ed. by M. Lionel Bender. Hamburg: Helmut Buske Verlag, pp. 129–150.

Will 1991: Hans-Georg Will. Me'en: a Bodi-Tishena dialect comparison. // *Journal of Ethiopian Studies*, 24, pp. 97–113.

Will 1993: Hans-Georg Will. Me'en phonology. // *Journal of Ethiopian languages and literature*, 3, pp. 61–80.

Woldemariam 2000: Hirut Woldemariam. Number marking in Tirma. // *Afrikanistische Arbeitspapiere*, 63, pp. 93–101.

Yigezu 1995: Moses Yigezu. The Nuer vowel system. // *Journal of African Languages and Linguistics*, 16, pp. 157–170.

Yigezu 2002: Moses Yigezu. *A comparative study of the phonetics and phonology of Surmic languages*. Laboratoire de phonologie, Université libre de Bruxelles (Thèse de doctorat).

Yigezu, Dimmendaal 1998: Moses Yigezu, Gerrit Dimmendaal. Notes on Baale. // *Surmic Languages and Cultures*. Ed. by Gerrit J. Dimmendaal & Marco Last. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, pp. 273–317.

Yip 2004: May Yip. Phonology of the These language. // *Occasional Papers in the Study of Sudanese Languages*, 9, pp. 93–117.

Yokwe 1977: E. M. Yokwe. *Bari phonology*. M. A. thesis, University of Khartoum.

Yokwe 1987: E. M. Yokwe. *The tonal grammar of Bari*. Ph.D. thesis, University of Illinois.

Zyhlarz 1928: Ernst Zyhlarz. *Grundzüge der nubischen Grammatik im christlichen Frühmittelalter (Altnubisch)*. Leipzig.

Zyhlarz 1949–50: Ernst Zyhlarz. Die Lautverschiebungen des Nubischen. // *Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen*, 35, pp. 1–20, 128–146, 280–313.

Приложение 1. Унифицированная система транскрипции.

Общие принципы унификации транскрипционной системы, принятые в рамках исследования, уже были подробно изложены в первом томе работы (с. 254–256), так что для текущих нужд читателя второго тома, скорее всего, достаточно просто привести еще раз перечень основных унифицированных транскрипционных знаков, используемых в работе «Лексикостатистическая классификация языков Африки». (Мы опускаем специальную секцию щелчковых фонем, отсутствующих как класс в языках «нило-сахарского» ареала и поэтому нерелевантных для данного тома.)

А. Согласные

b	звонкий лабиальный взрывной
b^h	звонкий придыхательный лабиальный взрывной
ɸ	имплозивный лабиальный взрывной
c	глухая свистящая (альвеолярная) аффриката
cʔ	(пре)глоттализованная свистящая аффриката
c^h	придыхательная свистящая аффриката
ɕ	глухая шипящая (пост-альвеолярная) аффриката
ɕʔ	(пре)глоттализованная шипящая аффриката
ɕ^h	придыхательная шипящая аффриката
ɕ̠	глухая (альвео-)палатальная аффриката
ɕ̠ʔ	глоттализованная палатальная аффриката
ɕ̠^h	придыхательная (альвео-)палатальная аффриката
d	звонкий дентальный/альвеолярный взрывной
d^h	звонкий придыхательный дентальный взрывной
ɖ	имплозивный дентальный/альвеолярный взрывной
ɗ	звонкий ретрофлексный взрывной
ɗ̠	звонкий дентальный взрывной
ɖ̠	имплозивный дентальный взрывной
ð	звонкий интердентальный спирант
f	глухой лабиодентальный спирант
g	звонкий веларный взрывной
g^h	звонкий придыхательный веларный взрывной
ɠ	имплозивный веларный взрывной

ɠ	звонкий увулярный взрывной
ɣ	звонкий велярный спирант
h	глухой ларингальный спирант
k	глухой велярный взрывной
k ^h	глухой велярный придыхательный взрывной
kʷ	глоттализированный велярный взрывной
k ^w	глухой лабиовелярный взрывной
l	латеральный сонорный
ɬ	глухой латеральный фрикативный
ʎ	глухая латеральная аффриката
ʎʷ	глоттализированная латеральная аффриката
ʎ ^h	придыхательная латеральная аффриката
ɮ	звонкая латеральная аффриката
m	лабиальный носовой сонорный
n	дентальный носовой сонорный
ɲ	палатальный носовой сонорный
ŋ	велярный носовой сонорный
p	глухой лабиальный взрывной
pʷ	глоттализированный лабиальный взрывной
p ^h	глухой лабиальный придыхательный взрывной
q	глухой увулярный взрывной
qʷ	глоттализированный увулярный взрывной
q ^h	глухой увулярный придыхательный взрывной
r	альвеолярный вибрант
ɾ	альвеолярный одноударный
ɽ	ретрофлексный одноударный
s	глухой свистящий спирант
s ^h	придыхательный свистящий спирант
ʃ	глухой шипящий спирант
ʂ	глухой (альвео-)палатальный спирант
t	глухой дентальный/альвеолярный взрывной ¹

¹ Конкретная артикуляция согласных *t*, *d* в африканских языках обычно варьирует от дентальной до альвеолярной, но фонологическое противопоставление этих двух рядов встречается очень редко и к тому же во многих случаях может рассматриваться не столько как оппозиция по месту образования, сколько по способу (альвеолярные взрывные *t*, *d* : (интер)дентальные спиранты *θ*, *ð*). В тех немногочисленных ситуациях, когда фонологическую оппозицию действительно образуют альвеоляр-

t ^h	глухой дентальный придыхательный взрывной
tʰ	глоттализированный дентальный взрывной
t̚	глухой ретрофлексный взрывной
t̪	глухой дентальный взрывной
θ	глухой интердентальный спирант
v	звонкий дентолабиальный спирант
w	лабиальный глайд
x	глухой велярный спирант
χ	глухой увулярный спирант
y	среднеязычный глайд
z	звонкий свистящий (альвеолярный) спирант
ʒ	звонкий шипящий (пост-альвеолярный) спирант
ʒ	звонкая свистящая (альвеолярная) аффриката
ʒ ^h	звонкая свистящая придыхательная аффриката
ʒʰ	свистящая глоттализированная аффриката с предозвончением
ʒ̥	звонкая шипящая (пост-альвеолярная) аффриката
ʒ̥ ^h	звонкая шипящая придыхательная аффриката
ʒʰ	шипящая глоттализированная аффриката с предозвончением
ʒ̥	звонкая (альвео-)палатальная аффриката
ʒ̥	импловивная (альвео-)палатальная аффриката
ʔ	глухой ларингальный взрыв (гортанная смычка)

Б. Гласные

л	неогубленный среднего ряда нижнего подъема, [+ ATR]
а	неогубленный среднего ряда нижнего подъема, [- ATR]
е	неогубленный заднего ряда нижнего подъема
е	неогубленный переднего ряда среднего подъема, [+ ATR]
ε	неогубленный переднего ряда среднего подъема, [- ATR]
і	неогубленный переднего ряда верхнего подъема, [+ ATR]
і	неогубленный переднего ряда верхнего подъема, [- ATR]
о	огубленный заднего ряда среднего подъема, [+ ATR]

ные и дентальные взрывные (нилотские и сурмийские языки), мы даем для первых транскрипцию *t*, *d*, для вторых — *t̪*, *d̪*. Там, где подобная оппозиция отсутствует, во избежание нагромождения лишних диакритик мы всегда записываем *t*, *d*, вне зависимости от их фонетической характеристики.

ö	огубленный переднего ряда среднего подъема
ɔ	огубленный заднего ряда среднего подъема, [- ATR]
u	огубленный заднего ряда верхнего подъема, [+ ATR]
ü	огубленный переднего ряда верхнего подъема
o	огубленный заднего ряда верхнего подъема, [- ATR]
u	неогубленный заднего ряда верхнего подъема
ɤ	неогубленный заднего ряда среднего подъема

В. Диакритические знаки

~	фарингализованная артикуляция гласного
—	слоговой (ударный) сонант (<i>и, т</i> и т. п.)
~	назализация (гласного, глайда)
ˊ	сверхвысокий тон
ˋ	высокий тон
ˊ	средний тон
ˋ	низкий тон
ˊ	сверхнизкий тон
ˋ	нисходяще-восходящий (контурный) тон
ˊ	восходяще-нисходящий (контурный) тон
h	придыхательная артикуляция гласного
:	долгота (гласного)

Г. Прочие условные обозначения

-	Отделяет корневую морфему от суффиксальной
=	Отделяет корневую морфему от префиксальной
→	«Развивается в...», «дает рефлекс...»
←	«Развивается из...», «является рефлексом...»
~	Отделяет фонетические или морфологические варианты
	Отделяет комментарий от перечисления форм

Приложение 2. Сокращения названий языков
и другие аббревиатуры.

<u>адо</u>	адола [западнонилотская группа]
<u>ака</u>	ака [джебельская группа]
<u>аке</u>	акиэ [южнонилотская группа]
<u>алу</u>	алур [западнонилотская группа]
<u>ану</u>	ануа [западнонилотская группа]
<u>ачо</u>	ачоли [западнонилотская группа]
<u>баа</u>	баале ~ качипо-балеси [сурмийская группа]
<u>бар</u>	бари [восточнонилотская группа]
<u>бгм</u>	бонг'ом [южнонилотская группа]
<u>бдж</u>	баджута-датога [южнонилотская группа]
<u>бнд</u>	бианджида-датога [южнонилотская группа]
<u>бор</u>	беланда бор [западнонилотская группа]
<u>брг</u>	биргид [нубийская группа]
<u>брд</u>	бурадига-датога [южнонилотская группа]
<u>гам</u>	гаам [джебельская группа]
<u>гсм</u>	гисамджанга-датога [южнонилотская группа]
<u>дбр</u>	дебри [нубийская группа]
<u>ддн</u>	дидинга [сурмийская группа]
<u>джм</u>	джумджум [западнонилотская группа]
<u>джр</u>	кейга джирру [группа темейн]
<u>джу</u>	джур луо [западнонилотская группа]
<u>дин</u>	диник ~ афитти [группа ньиманг]
<u>длн</u>	диллинг ~ делен [нубийская группа]
<u>днг</u>	донголави [нубийская группа]
<u>днк</u>	динка [западнонилотская группа]
<u>дон</u>	донготоно [восточнонилотская группа]
<u>иби</u>	ибири ~ марарит [группа тама]
<u>икк</u>	ик [кулякская группа]
<u>иси</u>	исимиджега-датога [южнонилотская группа]
<u>квг</u>	квегу [сурмийская группа]
<u>кдр</u>	кадару [нубийская группа]
<u>кео</u>	кейо [южнонилотская группа]
<u>кип</u>	кипсикис [южнонилотская группа]
<u>ккв</u>	каква [восточнонилотская группа]

<u>кло</u>	кело [джебельская группа]
<u>кнз</u>	кенузи [нубийская группа]
<u>кон</u>	конь [южнонилотская группа]
<u>кри</u>	каримоджонг [восточнонилотская группа]
<u>кrm</u>	курмук [западнонилотская группа]
<u>кук</u>	куку [восточнонилотская группа]
<u>кум</u>	кумам [западнонилотская группа]
<u>лаг</u>	лагова ~ лагава [группа даджу]
<u>лбв</u>	лабвор [западнонилотская группа]
<u>лиг</u>	лигури [группа даджу]
<u>лнг</u>	ланго [западнонилотская группа]
<u>лок</u>	локойя [восточнонилотская группа]
<u>лоп</u>	лопит [восточнонилотская группа]
<u>лот</u>	лотуко [восточнонилотская группа]
<u>луо</u>	луо [западнонилотская группа]
<u>маа</u>	масаи [восточнонилотская группа]
<u>маб</u>	мабаан [западнонилотская группа]
<u>май</u>	майак [западнонилотская группа]
<u>мдб</u>	мидоб [нубийская группа]
<u>мдж</u>	маджанг [сурмийская группа]
<u>мис</u>	мисири [группа тама]
<u>мло</u>	моло [джебельская группа]
<u>мон</u>	мондари [восточнонилотская группа]
<u>mrк</u>	марквета [южнонилотская группа]
<u>мрс</u>	мурси [сурмийская группа]
<u>нбн</u>	нобин [нубийская группа]
<u>нгв</u>	ньянгвара [восточнонилотская группа]
<u>нги</u>	ньянги [кулякская группа]
<u>нгл</u>	ньялгулгуле [группа даджу]
<u>нгп</u>	нгъепу [восточнонилотская группа]
<u>ннд</u>	нанди [южнонилотская группа]
<u>нра</u>	нара [язык-изолят]
<u>нrm</u>	нарим ~ лонгарим [сурмийская группа]
<u>нуб</u>	древненубийский [нубийская группа]
<u>нуэ</u>	нуэр [западнонилотская группа]
<u>ньи</u>	ньиманг [группа ньиманг]
<u>ньн</u>	ньянгатом [восточнонилотская группа]
<u>нья</u>	ньяла [группа даджу]

<u>омо</u>	омотик [южнонилотская группа]
<u>онг</u>	онгамо [восточнонилотская группа]
<u>охо</u>	охорёк [восточнонилотская группа]
<u>пак</u>	пакот [южнонилотская группа]
<u>пар</u>	пари [западнонилотская группа]
<u>пдж</u>	поджуду [восточнонилотская группа]
<u>пок</u>	пок [южнонилотская группа]
<u>рот</u>	ротигенга-датога [южнонилотская группа]
<u>саб</u>	сабинь [южнонилотская группа]
<u>сил</u>	сила [группа даджу]
<u>смп</u>	сампур [восточнонилотская группа]
<u>сог</u>	согоо [южнонилотская группа]
<u>сун</u>	сунгор [группа тама]
<u>там</u>	тама [группа тама]
<u>тер</u>	терик [южнонилотская группа]
<u>тес</u>	тесо [восточнонилотская группа]
<u>тмн</u>	темейн ~ ронга [группа темейн]
<u>тнт</u>	теннет [сурмийская группа]
<u>топ</u>	топоса [восточнонилотская группа]
<u>тпс</u>	тепес ~ соо [кулякская группа]
<u>трк</u>	туркана [восточнонилотская группа]
<u>тсе</u>	тесе [группа темейн]
<u>тук</u>	тукен [южнонилотская группа]
<u>тур</u>	тури [западнонилотская группа]
<u>чай</u>	чай ~ сури [сурмийская группа]
<u>чам</u>	чамус [восточнонилотская группа]
<u>шар</u>	абу шариб [группа тама]
<u>шек</u>	бени шеко [джебельская группа]
<u>шил</u>	шиллук [западнонилотская группа]
<u>штт</u>	шатт [группа даджу]
<u>эре</u>	эренга [группа тама]

Аббревиатуры имен собственных (в 50-словных списках)

- An. Andersen, Torben [1987; 1988a-c; 1989; 1992; 1999a-e; 2000a-b; 2004; 2006a-b; 2007]
 Ar. Arkell, A. J. [Edgar 1990]
 Bd. Bender, Marvin L. [1968, 1971; Bender, Ayre 1980]

-
- Ce. Cerulli, Enrico [1948]
Cr. Creider, Chet & Creider, Jane [2001]
CR Rilly, Claude [2009]
Db. Doornbos, Paul [Doornbos, Bender 1983; Edgar 1990, 1991]
Dr. Driberg, J. H. [1923, 1931]
Du. Duerksen, John [2005]
Ed. Edgar, John [1989, 1990, 1991]
Fr. Frank, Wright Jay [1999]
Gl. Gilley, Leoma [2000]
Gn. Guinet, Xavier [1973]
Heu. Heusing, Gerald [2004]
Hi. Hieda, Osamu [1991, 1998]
Hn. Heine, Bernd [1973, 1974, 1999]
Ht. Heasty, J. A. [1937]
IH Ibrahim, Gumma & Huttenga, Piet [2007]
Kg. Kiggen, J. [1948]
LL Last, Marco & Lucassen, Deborah [1998]
MBG Bechhaus-Gerst, Marianne [1985]
Mh. Meinhof, Carl [1917]
Ml. Miller, Betty [2006]
Mn. Marno, Ernst [Sisto Verri 1955]
MS MacMichael, H. [1920]
Pr. Pruyssenaere, E. De [Sisto Verri 1955]
Rn. Randal, Scott [1998]
Rs. Reinisch, Leo [1874]
Rt. Rottland, Franz [1982]
SC Siebert, Ralph & Caudwell, Simon [2002]
Sg. Seligman, Brenda Z. [Sisto Verri 1955]
Sim. Simeoni, Antonio [1978]
St. Stevenson, Roland [Edgar 1990, 1991; Stevenson 1978-79, 2000]
Str. Stirtz, Timothy [2004, 2006, 2009]
Th. Thelwall, Robin [1983]
Tu. Tucker, Archibald [1951, 1994]; Tucker, Archibald & Bryan, Margaret [1962, 1964-65]
W. Werner, Roland [1993]
Wb. Worbe, A. [Edgar 1990]
Yi. Yigezu, Moges [2002]

Приложение 3. Генеалогические деревья.

Приводимые ниже генеалогические классификационные схемы порождены автоматически в рамках компьютерной лингвистической среды StarLing (авторство программных алгоритмов принадлежит С. А. Старостину, А. С. Старостину и Ф. С. Крылову) на материале полных 100-словных списков Сводеша, составленных для перечисленных языков Г. С. Старостиным. Подробный этимологический разбор первой («сильноустойчивой») половины 100-словных списков содержится в настоящем издании; с полными списками, включая подробные библиографические и лингвистические аннотации к каждому вхождению, можно ознакомиться на официальном сайте «Глобальная лексикостатистическая база данных» (<http://starling.rinet.ru/new100>).

Цифры, проставленные поверх деревьев, соответствуют хронологическим датам (за единицу принимается временной отрезок в 1000 лет); приблизительная глоттохронологическая датировка распада исходного и промежуточных праязыковых узлов определяется исходя из варианта глоттохронологической формулы С. А. Старостина с «подвижным» коэффициентом скорости распада (высчитываемым на основании усреднения значений индивидуальных коэффициентов каждого из элементов 100-слового списка).

Схема 1. Генеалогическое дерево нубийских языков

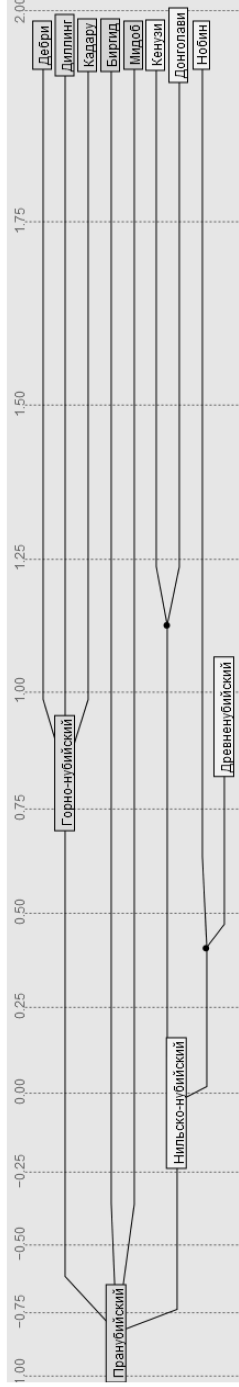

Схема 2. Генеалогическое дерево сурмийских языков

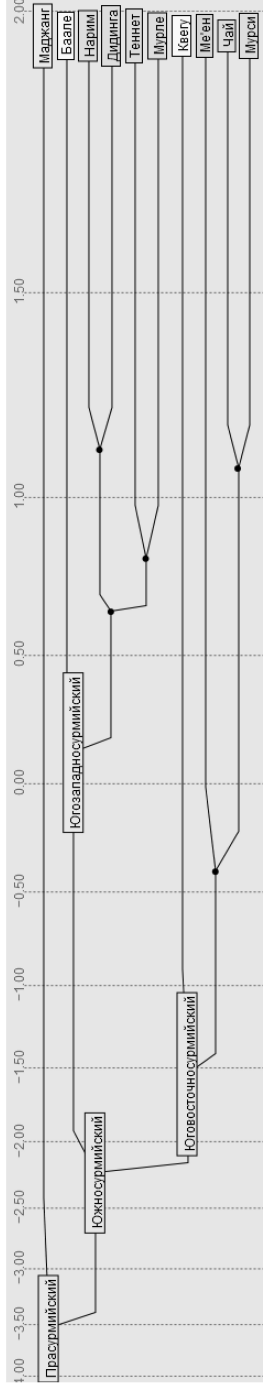

Схема 3. Генеалогическое дерево джебельских языков

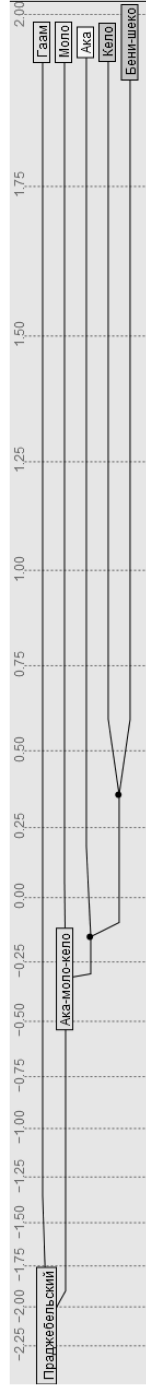

Схема 4. Генеалогическое дерево языков темейн

Схема 5. Генеалогическое дерево языков тама

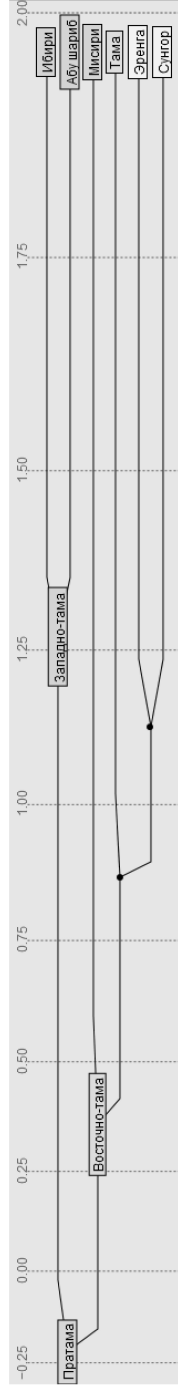

Схема 6. Генеалогическое дерево языков даджу

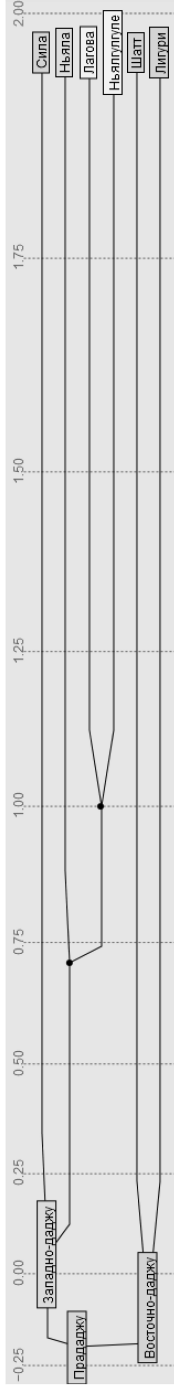

Схема 7. Генеалогическое дерево западнонилоготских языков

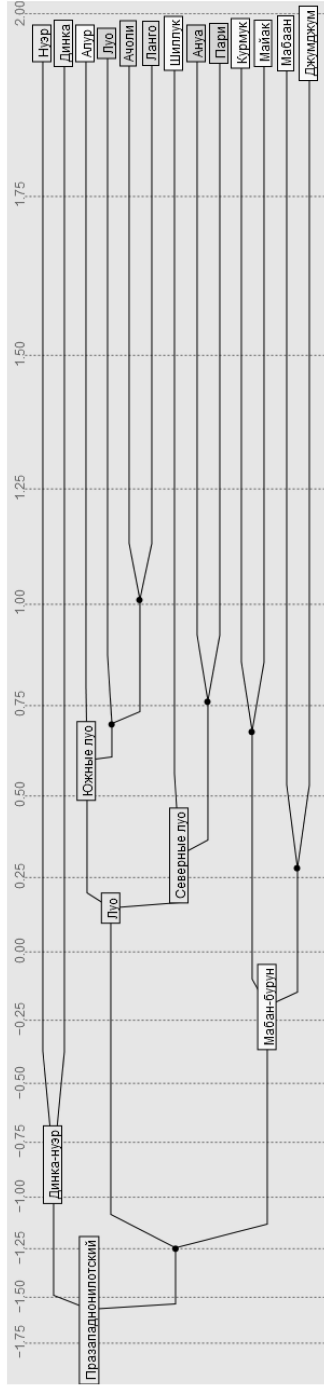

Схема 9. Генеалогическое дерево южноилотских языков

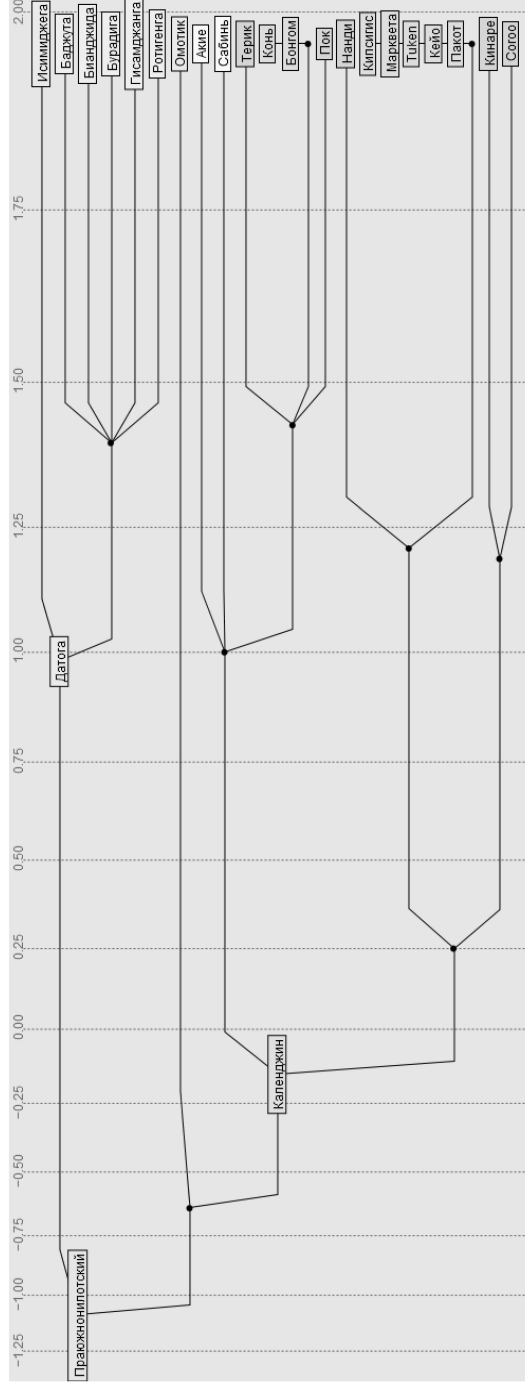
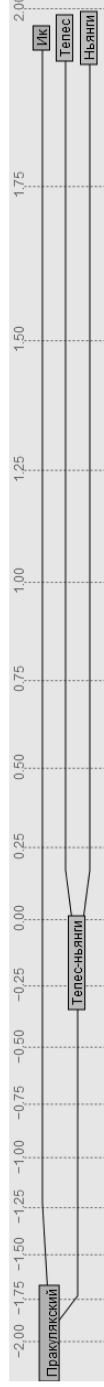

Схема 10. Генеалогическое дерево кулякских языков

Приложение 4. Сопоставительные таблицы.

В приводимых ниже таблицах максимально сжато и схематично представлены основные результаты этимологического анализа 50-словных списков по отдельным группам низкого уровня. В случаях, когда на выражение одного и того же базисного значения в языке с более или менее равной вероятностью «претендуют» две основы, в таблице приводятся обе. «Слабые» кандидаты на роль праэтимона в таблицу не включаются.

В квадратные скобки в таблице заключены реконструкции или формы, зафиксированные в языках-изолятах, базисный статус которых находится под существенным сомнением. Тильдой (~) отмечены языковые варианты (диалектные или морфо/но/логические).

Подстрочными индексами (₁, ₂ и т. п.) обозначаются «псевдокогнаты» между отдельными формами, полученные в результате ручной коррекции результатов автоматической обработки 100-словных списков алгоритмом определения фонетического сходства (см. раздел 2.8 в первом томе исследования). Необходимо учитывать, что *эти цифры не отражают результаты строгого этимологического анализа на основании сравнительно-исторического метода*, а представляют собой сутобо предварительный результат, на базе которого в дальнейшем будет производиться более тщательная обработка данных для определения хронологически более глубоких таксонов и реконструкции прасписков базисной лексики «2-го уровня».

Слово	Нубийский	Юг.-зап.-срм.	Юг.-вост.-срм.	Маджанг
ashes	*ubur-ti ₁	*bur ₁	*bur ₁	tàdàpù ₂
bird	*kawir-ti ₁	*kiḃalli ₁	*kVbar ₁ *šɔwa	tì:tòn
black	*ud(m)-	*kolli ₁	*kɔɔy ₁	kàýúŋ
blood	*ager	*ḃnyɛ	*ja(:)ḃ-	yéróm
bone	*kəsi-di	*ammɛ- ₁	*gigf-	émè-nán ₁
claw(nail)	*sunɣ-di	*vallag- ₁	*falag- ₁	čò=pòlk-òy ₁
die	*di:- ₁	*ir- ₂	*ɛr- ₂	re:-r- ₃
dog	*bəl	*vr-ḏ	*ro-s-	wár ₁
drink	*ni:-	*kvḏ-	*mat- ₁ / *ir-	út-
dry	*sow/y- ₁ *si:-	*=dɔdɔg- ₂	*dɔɔɔgɔ- ₂	pà:lkín ₃
ear	*ulgi	*i-ṭa(t) ₁	*jab-	wì:ná ₂
eat	*kɔl- ₁	*dak-	*am- ₂ / *us-	dám- ₃
egg	*kumbu	*ḃv:r- ₁	*bur(r)- ₁	tùtù-kán
eye	*mij ₁	*keḃɛr-ɛ ₂	*kabar-i ₂	tà:má
fire	*usi-gi ₁	*gu-o ₂	*gu- ₂	má(-)ḏ ₃
foot	*oy- (*os-?)	*ḏo:-	*žagar-	dèrà-n
hair	*dɛl-	*imma ₁	*čɔɔɛ	àm-ùn ₁
hand	*əsi ₁	*aḏi ₁	*si(y)- ₁	*ʔàri
head	*or ₁	*ɔ:	*sab(b)-	ò:dɔh
hear	*gi(ž)-	*ḏig- ₁	*šig- ₁	tíy-
heart	*ail-	*ḏini ₁	*šan(-i) ₁	bà:yè ₂
horn	*ḡə-ž ₁	*oṭṭon	*kɛr(ž)- *šɛ-	kòyté
I	*ə-y	*an(-ɛta)	*an-ɛ	è:t, č=a:-k
kill	*pay-ir	*rvk	*in-	bòkòt- ₁
leaf	*ulgi (?)	*ḃal(l)og- ₁	*ḃalog- ₁	pì:ḡòn ₂
louse	*iti-di	*iṇa(-ti) ₁	*iṇ-tyo ₁	ḡètì-ḡ
meat	*kosi	*iḏi(-)ḡ	*ačũ(k)	tààr
moon	*(n)un-	*ḡɛlɔ-k	*tagi-s(i)	è:yèn ₁

Слово	Нубийский		Юг.-зап.-срм.		Юг.-вост.-срм.	Маджанг
mouth	*agul ₁		*vṭv(-)k ₂		*tuk ₂	átó ₂
name	*əri		*ða:ra ₁		*sarya ₁	tíriyá
new	*ɛ:r ₁		*čvla(-)k (?)		*čagi	(in)tò:n
night	*a _{war} ₁	*kol	*b _{al} - ₂		*bar- (*b-) ₂	káy ₃
nose	*esi-ɿi	*sori-ɿ	*vɿɛ- ₁		*giroɿ	éɿé-n ₁
not	*-a- ₁	*-mVn ₂	*ɿa ₃	*(k)VRoɿ	*ɿa ₃ *-oɿ	ku- ~ kwa- ₄
one	*bɛy(i)r		*odo-i ₁		*do(-)ne ₁	òmò-ɿ
rain	*are ₁		*ta(m)mu		*guy-ot ₂	tùl
smoke	*gume-di		*bure-t ₁		*bure- ₁	tò:r ₂
star	*waɿe (*oɿe?) ₁		*muɿuɿ- ₂		*muɿuɿ- ₂	màrìò-n
stone	*kuli		*bɛy-		*bay-i	gìdè
sun	*maša(l)	*e:s-	*i:	*kɔr	*sus	wàwì, ? idì
tail	*ɛ:b ₁		*ku:l- ₂		*kur- ₂	kù:l ₂
thou	*e(-y)		*in(-eta)		*in-e	í:n
tongue	*ɿalT- ₁		*ɿga:t ₂		*ka:t ₂	kàdā ₂
tooth	*ɿəl- ₁		*ɿɿgɿt ₂		*ɿɿgi ₂	ɿídá-n
tree	*pər		*kɛ:-t(a) ₁		*kɛ-to ₁	kè:-t ₁
two	*a _{wr} -i ₁		*ram(m)a ₂		*raman ₂	pè:y
water	*əs-ti		*ma:m ₁		*ma ₁	má:w ₁
we	*a-y ₁		*a-g- ₁		*a-g- ₁	ìt-ɿɿk
what	*nWV- ₁		*nI- ₁		*oɿ	žík
who	*ɿə-y ₁		*ɿɛnɛ ₁		*nɿnɛ ₁	wód

Слово	Нара	Джебельские	Нъиманг	Темейн
ashes	<i>hib(-)id</i>	<i>*tudo</i> ₂	<i>*fin(-)an</i>	<i>*ul(u)-</i> ₃
bird	<i>karba</i> ₁	<i>*miCɛ</i>	<i>*ór</i>	<i>*=awɛ</i> ₂
black	<i>sur-ku</i> ₂	<i>*oro</i> <i>*du</i>	<i>*=bī-</i>	<i>*=tuɬi-</i>
blood	<i>kito</i>	<i>*gɛfa(-di)</i>	<i>*úlè</i>	<i>*moni-</i>
bone	<i>ket-i</i>	<i>*gam</i>	<i>*ám-</i> ₁	<i>*am-</i> ₁
claw(nail)	<i>ši</i>	<i>*mVsi</i>	<i>*fúl-</i>	<i>*=ol-</i>
die	<i>di:-</i> ₁	<i>*tugir</i>	<i>*lu-</i> ₃	<i>*bu(l)-</i>
dog	<i>wos</i> ₂	<i>*a(:)ɖ</i> <i>*kal-</i> (?)	<i>*wil</i> ₁ <i>*gil</i>	<i>*=we-</i>
drink	<i>li:-</i> ₂	<i>*maɬ-</i> ₁	<i>*li</i> ₂ <i>*da(y)i</i>	<i>*awis-</i>
dry	<i>dise-gu</i>	<i>*kekebe</i> <i>*am-</i>	<i>*far-</i> ₃	<i>*ra:ri</i>
ear	<i>tus</i>	<i>*sigi-</i> <i>*win-</i> ₂	<i>*ɲɔɔr-</i>	<i>*wen(-a)</i> ₂
eat	<i>kal</i> ₁	<i>*nam-</i>	<i>*tam</i> ₃ / <i>*t̪=(k)al</i>	<i>*lam-</i>
egg	<i>war-i</i> ₂	<i>*əm-</i> <i>*kol(o)-</i>	<i>*dámì</i>	<i>*war-</i> ₂
eye	<i>no</i>	<i>*eti</i>	<i>*āɲ(w)-</i> ₃	<i>*=aɲ- ~ *aɲ-</i> ₃
fire	<i>ši(-)ta</i> ₁	<i>*moʔa</i> ₃	<i>*mér</i>	<i>*paɖɲ</i>
foot	<i>bala</i>	<i>*lu:-</i>	<i>*kir-</i> ₁	<i>*=alwa-</i> (?)
hair	<i>sab-i</i>	<i>*ʒeke</i> ₂ <i>*sugu-</i>	<i>*yi-</i>	<i>*ʒɛ-t̪</i> ₂
hand	<i>a:t</i>	<i>*čarʲo</i> <i>*as</i> ₁	<i>*ayi</i> ₂ <i>*aɬa</i>	<i>*=ɛn(-a)</i> ₃
head	<i>kel-e</i>	<i>*ola</i> ₁	<i>*ɔr-</i> ₁	<i>*=vlo</i> ₁
hear	<i>wo-s-</i> <i>esel-</i>	<i>*e:r-</i> <i>*piɲ-</i>	<i>*ki(l)d-</i>	<i>*t̪ɔɲ^w-</i>
heart	<i>asim-a</i> ₃	<i>*iyo</i> <i>*Pon</i>	<i>*t̪ilum</i>	<i>*om</i> (?) ₄
horn	<i>kel-i</i>	<i>*kuzul</i> <i>*il</i>	<i>*gur-t̪i</i>	<i>*kini</i> ₂
I	<i>ag</i>	<i>*a(y)</i> ₁	<i>*ay</i> ₁	<i>*n=a-n</i> ₁
kill	<i>si-</i> (← <i>*say-?</i>) ₂	<i>*poz(i)</i>	<i>*ni</i>	<i>*ɔt̪u</i>
leaf	<i>tifin-i</i> ₃	<i>*te:pa</i> ₃	<i>*kɔ</i> <i>*lawa</i> (?)	<i>*kabo</i> (?)
louse	<i>šiti</i>	<i>*g̃iɲ-</i> ₂	<i>*(ɲ)un-</i> ₃	—
meat	<i>no</i>	<i>*oʔoɲ</i> ₁	<i>*kun</i>	<i>*ini ~ *ili</i> ₁
moon	<i>feta</i>	<i>*turi</i> <i>*aguwa</i>	<i>*k(e)ɔur</i>	<i>*kaw</i>

Слово	Нара	Джебельские		Нъиманг	Темейн
mouth	<i>awlo</i>	<i>*Ud</i> - ₂		<i>*ŋal</i> -	<i>*=t̥v</i> - ~ <i>*=v̥t̥</i> - ₂
name	<i>a(:)d-e</i> ₂	<i>*sa(C)a</i> -		<i>*aŋɛ</i> - ₃	<i>*kalɪŋ</i>
new	<i>wor-ku</i>	<i>*ya</i> -		<i>*ŋɛr</i> -	<i>*=ŋan</i> ₂
night	<i>kiše</i>	<i>*kay</i> ₃	<i>*oro</i>	<i>*t̥ɹ̥ni</i>	<i>*=ʒoni</i>
nose	<i>demo</i>	<i>*potor</i>	<i>*mu</i> : ₂	<i>*(a)ŋud</i> -	<i>*=mm</i> - ~ <i>*=t̥m</i> -
not	<i>ka</i> ₄ <i>ma</i> ₂	<i>*a</i> = ₁	<i>*wə(l)</i>	<i>*fa</i>	<i>*ʒa</i> =... - <i>ŋ</i> ₃
one	<i>doko</i>	<i>*ligi</i>	<i>*ta(m)</i>	<i>*ŋala</i>	<i>*k=ɪd(ɔ)</i> - ₂
rain	<i>hala</i>	<i>*koyi</i> ₂		<i>*ar-iŋ</i> - ₁	<i>*n̥o(-)k</i>
smoke	<i>asuru</i>	<i>*pur</i> ^y <i>u</i> ₁	<i>*ɲugu</i>	<i>*ŋɛʃi</i> <i>*los</i> -	<i>*kɪ=t̥vmv(-k)</i>
star	<i>wini</i> ₁	<i>*mbaʒU(r^y)</i>		<i>*midi</i>	<i>*duli</i> - ₃
stone	<i>tan-e</i>	<i>*mi(d)</i>	<i>*pela</i>	<i>*mid</i> - <i>*mVr</i> -	<i>*kvrɛ-t̥</i>
sun	<i>kos</i>	<i>*bi:di</i>	<i>*tel</i>	<i>*ɲiŋ</i>	<i>*n(ɪ)=onu(-k)</i>
tail	<i>dawa</i>	<i>*pori</i>	<i>*rusu</i>	<i>*wey</i> - (?)	<i>*rɪŋ-kak</i>
thou	<i>iŋa</i>	<i>*i(y)</i> ₁		<i>*í</i> ₁	<i>*n=ɪ-n</i> ₁
tongue	<i>haga</i>	<i>*kala(-di)</i>		<i>*ŋal(d)</i> - ₁ <i>*ɔl</i> -	<i>*=kandɪma</i> -
tooth	<i>nihi</i>	<i>*ɲigi</i> ₂		<i>*ŋil</i> - ₁	<i>*=ay</i> -
tree	<i>kel, (*tum)</i>	<i>*ka(y)ča</i>	<i>*gul</i> -	<i>*t̥úmà</i>	<i>*marɛŋ</i>
two	<i>ari(-ga)</i> ₁	<i>*waC</i> -	<i>*ɖag</i>	<i>*ar(m)-(ba)</i> - ₁	<i>*k=aro</i> ₁
water	<i>mba</i> ₁	<i>*pe</i> - ₂	<i>*či</i>	<i>*bóŋ</i>	<i>*=mvŋ</i>
we	<i>a-gg-a</i> ₁	<i>*ay(-ga)</i> ₁		<i>*ay-g</i> - ₁	<i>*k=a-t̥</i> ₁
what	<i>nda</i> (← <i>ende</i> = <i>ha</i>)	<i>*ɲi</i> ₁		<i>*(a)ŋi</i> ₁	<i>*ŋa-i</i> ₁
who	<i>na(-n)</i> ₁	<i>*ŋa</i> ₁		<i>*ŋa</i> ₁	<i>*ŋa-nɪ</i> ₁

Слово	Тама		Даджу	Зап.-нилотские	
ashes	*or-ŋo ₃		*usuku-	*bu:r ₁	
bird	*wegi-t		*awa-de ₂	*wɪŋ ₃	*dit
black	*kidi-		*ʒul ₂	*ɕɔ:l ₂	
blood	*ya-i		*tami-	*rim ₁	
bone	*kiŋa-ti		*ŋay	*ɕog-	
claw (nail)	*ŋosa-		*ɲuy-	*rop-	*kvr-
die	*iye-		*ɔɣ(s)-	*ɬɔw- ₁	
dog	*wes-i ₂		*i:s- ₂	*gɔwok	
drink	*li- ₂		*wuy-	*ma:d- ₁	
dry	*lab-		*ka=ma:s	*ɬwɔ ₄	
ear	*(ŋ=)us-		*une- ₂	*yi-ɬ ₁	
eat	*ŋan-	*gey-	*si-	*ɕam-	
egg	*kuy-	*kob-	*ola-	*tɔŋ	
eye	*emeŋ- ₁		*aŋo- ₃	*waŋ ₃	
fire	*usg- ₁		*ma:se ₃	*ma:ɕ ₃	
foot	*war		*eye-	*kɪ:r ₁	
hair	*isigi-t		*apay	*yer	
hand	*aɔwg-		*a-n- / *a-s- ₂	*ɕm-	
head	*(ŋ=)ur- ₁		*is- ₂	*wiɕ ₂	
hear	*sig- ₁		*suw- (?)	*wiŋɜ-	*ɬiŋ-
heart	*samil- ₃		*=omigay- ₄	*pyɛw- (?) ₂	
horn	*ŋaw- ₁	*maŋi-	*yax-	*tu:ŋ	
I	*wa		*a-ga ₁	*(?iy=)a:-(n/l) ₁	
kill	*siy/ŋ- ₂	*yi-	*pax- ₁	*nak-	
leaf	*afol		*une-	*yiɬ	
louse	*sin	*ɲiŋ- ₃	*tiŋgay-	*ɲwak- ₄	
meat	*is-		*iye ₂	*riŋ ₃	
moon	*ayi(-wi)- ₁		*asime-ye	*pay	

Слово	Тама	Даджу	Зап.-нилотские	
mouth	*(o=)kul ₁	*uk-e ₃	*tɔk ₂	
name	*(ɨ=)at ₂	*aŋg-e ₃	*rɨm ₄	
new	*(a)suw-	*taɜ-	*ɟa:n ₂	
night	*war ₁	*woŋ-	*wa:r ₁	
nose	*(a=)miɜi	*mu-ne ₂	*ɣum ₂	
not	*-to	*-ba ₅ *-ŋ(V) ₃	*bV ₅	*kV ₄
one	*ku- ~ *ka- ₃	*no-	*kyɛl	
rain	*ar ₁ *ɲo:ri	*koɣ-	*kɔ̃t	
smoke	*turu- ₂	*lug-e	*yir- ₃	*tol
star	*miɲ- ₂	*ɲeɲ-	*kwɛl ₄	*ɕɛ:r
stone	*kad-	*ɲaɲ	*pɛ:m	*kid-
sun	*ari	*uɣoŋ-e	*ɕaɲ	
tail	*gaʋu- (?)	*i:b- ₁	*yip ₁	*yol
thou	*i ₁	*i-gi ₁	*ɣi:-(n) ₁	
tongue	*laɲa-	*ɲabir-e	*lɛ(:)p	
tooth	*ɲeɜ-	*ɲiiyi ₂	*lak / *lek	
tree	*ga(:)n	*ewe	*ya:t / *yɛn ₁	
two	*wari ₁	*pidaX	*=riaʋ ₁	
water	*ka:l	*ama ~ *uma ₁	*pi: ~ *piw ₂	
we	*wa-(y)i	*ko	*ɣɔ-(n)	
what	*num	*dĩ- *way	*ɲo ₁	
who	*na ₁	*min- *Ken	*ɲa ₁	

Слово	Вост.-нилотские		Юж.-нилотские		Кулякские	
ashes	*k ^h uri-o- ₃		*ɔr- ₃		*uk ^w	*kaw-
bird	*k ^h weɲ- ₃		*tari:t		*g ^w a	
black	*=rwɔ-		*tvR		*im-	*budam
blood	*=akɔt	*rim- ₁	*k ^h arati:-	*wo:y-	*sɛ(?)	
bone	*k ^h ɔyv		*k ^h ɔ:w- ₂		*ɔk ₂	
claw (nail)	—		*pu(:)l-	*sɪ.R	*kɔrɔk	*sak
die	*twa- ₁	*yɛ-	*mɛ:R		*ɲal-	*geɛ-
dog	*=ɲɔk ₃	*dɪ-	*ɲo:k ₃		*kudo	*sak
drink	*=mat- ₁		*Rɛ ₂		*wet	
dry	*=toy- ₄		*ya:m		*cai-	
ear	*k ^h i- ₁		*i:-t ₁		*bos ~ *bes	
eat	*=ɲi-	*=am- ₂	*am ₂		*n(V)k ^h -	*gab-
egg	*k ^h atɪl-		*buruɲ- ₁	*kɔy-	*bɪb	
eye	*k ^h ɔɲ- / *k ^h ɔɲ- ₃		*k ^h ɔ:ɲ ₃		*ɛk ^w	
fire	*kɪ=ma ₃		*ma ₃		*dak ^w	*cɔd
foot	*k ^h ɛʒ- / *moko-		*k ^h ɛ.ʔ		*tɛg ^w	
hair	*k ^h opir-		*pu:t		*sicʔ	
hand	*k ^h ay- ₂		*k ^h a:-tit ₂		*k ^w ɛt	*an ₃
head	*k ^h we ₂		*met	*u:R ₁	*ik	
hear	*=niɲ-	*=yɪɲ- ₂	*i:ɲ ₂	*kas	*Nis-	
heart	*taw-		*(mu)kule:l		*gur	
horn	*ɲuwar-		*kuyin ₂		*ɛb	
I	*(n=)a(-n/ɪ/) ₁		*a-ni ₁		*kV-	*ay ₁
kill	*=ar		*par-	*nu:s-	*kɛy-	
leaf	*=k ^h uy-	*=ben- ₂	*sɛ:ɲ-		*kak	*rɔm
louse	*=taɛ-	*=sirv	*ɲɔk- ₄		*ɟay ~ *ɟɛn ₂	
meat	*ki=rɪɲ ₃		*paɲ		*em	*yey ₂
moon	*ɬapaɬ		*ɬe:-ta		*arag ^w an	*asan

Слово	Вост.-нилотские	Юж.-нилотские	Кулякские	
mouth	*kv=tvk ₂	*kʷv:t ₂	*ak ₃	
name	*kʷarim ₄	*kʷarim ₄	*(y)ed ₂	
new	*=ɲeʒu- *lvdv-	—	*eruc (?) ₁	
night	*kʷɛwar(-i) ₁	*aw- (*ar-)	*mir-	*muk-
nose	*kʷume ₂	*ser-	*ɲab-	*aɣat
not	*m- ₂ *ɲ- ₃ *ti	*ma ₂	*n- ₃	*m- ₂
one	*bo- *pe-	*a=ki ₃	*ɛd ₂	
rain	*kʷuʒ-	*rɔ:p	*war	*didi
smoke	*puri- ₁	*i:R ₃	*ɕud	*ar
star	*kʷaker-	*mɛ:ɲ ₂ *kʷkɛl ₄	*dɔʈ- ₃	
stone	*mɔr-	*kɔR	*gʷas	*sɔg
sun	*kʷɔlɔɲ	*asɪ:s ~ *asɛ:t	*gi	*pet
tail	—	*sarvr	*tisit	
thou	*ɪ-yɔɔ ₁	*i-ɲ ₁	*bi	
tongue	*ɲaʒɛp	*ɲaʈɛp	*nakʷaf	*ɛdɛb
tooth	*kʷɛla- ₃	*kʷɛ:ʈ- ₃	*kʷay-	
tree	*kʷaye(-t/-n-) ₁	*kʷɛ:t ₁	*ad	*dakʷ
two	*arɛ ₁	*ɲ=ri-ɛɲ ₁	*lɛmʷɛc	
water	*pi ₂	*per-	*kʷɪɛh	
we	*yi- ~ *=yo:-	*ɛ-ɕa ₁	*gin	*mis
what	*ɲɔ ₁	*ne ₁	*e	*isi
who	*ɲa ₁	*ɲo ~ *ɲa ₁	*ke	*do

SUMMARY

«*Languages of Africa: an attempt at a lexicostatistical classification*» has been planned as a multi-volume monograph that aims at a complete, step-by-step re-evaluation of current hypotheses on the genetic classification of most of the languages, currently or until recently spoken on the African continent. The relevance of this task goes far beyond the current needs and issues of historical linguistics. In recent decades, significant progress has been achieved in recreating the human pre-history of Africa through important discoveries and systematizations in the fields of anthropology, archaeology, and population genetics, allowing for a thorough reassessment of earlier conceptions and beliefs on the subject. At the same time, the general «standard model» for the overall classification of Africa's languages, introduced by Joseph Greenberg more than half a century ago, still continues to serve as the default scheme of reference for linguists and non-linguists alike — not so much due to any exceptional robustness, inherent in the principles and methods according to which it was originally constructed, but rather due to the lack of a well-grounded alternative. Despite a plethora of new high-quality linguistic material accumulated over the past fifty years, and despite the fact that Greenberg's methodology of «multilateral comparison» has been harshly criticized over the same period, leading more and more specialists in the field to doubt or even completely reject most of his «macrofamily» groupings, it remains obvious that, as long as no *constructive* challenge is presented, Greenberg's «quadripartite» scheme, according to which the absolute majority of Africa's languages falls into one of the four macrofamilies (Khoisan, Nilo-Saharan, Niger-Kordofanian, or Afro-Asiatic), will remain in active usage — for technical and pragmatic reasons, if nothing else.

The current study is the second part of an ongoing attempt to offer just such an alternative — present a re-classification of a large part (hopefully, all) of Africa's linguistic groupings that would be in better agreement not only with the enlarged and improved pool of language data which we now have at our disposition, but also with state-of-the-art methodology that could offer objective, formalized,

and historically credible criteria for properly separating chance resemblances, areal contacts, and traces of genuine genetic relationship within the data pool offered for comparison.

The first volume of the work largely focused on general issues of methodology. Its primary goal was defined as the elaboration of a complex (but not *too* complex) procedure that would allow the researcher to generate a preliminary, but historically reasonable and well-argued classification model without conducting an exhaustive comparative-historical analysis of all the evidence, yet at the same time avoiding many of the pitfalls commonly associated with Joseph Greenberg's «mass comparison» approach, or with other manners of broad macro-comparative sweeps that downplay the importance of the «step-by-step» ideology of linguistic comparison. This procedure, combining lexicostatistics with elements of etymological analysis, was then tested on the data of Khoisan languages which, in Greenberg's model, constitute the smallest (but also the most enigmatic) of his four African macrofamilies. Analysis of the evidence yielded a positive signal for some of the inter-Khoisan ties — most importantly, an inconclusive, but significant genetic link between Northern and Southern Khoisan as opposed to Central Khoisan — but no reliable connections between all the supposed members of «Khoisan» as a whole. These conclusions are more or less in line with the current general train of thought on the «Khoisan problem» and indirectly confirm the validity of the proposed methodology of classification.

Following up on the achievements of the first volume, this second part of the study switches from Greenberg's «Khoisan» to «Nilo-Saharan», a much larger macrofamily whose constituents do not share the somewhat exotic features of Khoisan (such as the series of click consonants) and are therefore generally easier to work with from a comparative-historical perspective. However, the sheer amount of languages and, more importantly, primary branches (or «mini-families») that constitute this macrofamily make it substantially unreasonable and technically impossible to analyze all the relevant data at once. For that reason, it was decided that the task of verifying the Nilo-Saharan hypothesis would be divided in two parts. First, the analysis would concentrate on the smaller subset of «Eastern Sudanic» languages, testing the validity of this less ambitious hypothesis. The results of this test would then influence the outcome of the second part, where

the rest of the presumably «Nilo-Saharan» taxa would be analyzed. If «Eastern Sudanic» turned out to be a genetic reality (or, at least, its constituents yielded a generally positive «relationship signal»), it could be used as a benchmark against which further, higher-level testing could be performed. If it did not, there would be little overall sense in preserving the notion of «Nilo-Saharan» as a base reference point in the first place: the non-existence of Eastern Sudanic would automatically discredit the higher-level idea of Nilo-Saharan.

Despite the fact that some serious attempts at an etymological investigation of the possible ties between the various members of Eastern Sudanic have been carried out in the past twenty years (the most important ones belong to M. Lionel Bender and Claude Rilly), none of the small groups or families that constitute it can so far boast a comprehensive etymological analysis of their basic lexicon, where the primary goal would be to reconstruct a set of optimal proto-wordlists that could then be used in higher-level comparison. This means that most of this work had to be carried out for the first time, and, indeed, the bulk of the volume is given over to the task of analyzing the basic lexicon of these groups (in Greenberg's original order, these are: Nubian, Surmic, Nara, Jebel, Nyimang, Temein, Tama, Daju, West / East / South Nilotic, and Kuliak) and reconstructing a 50-item proto-wordlist for each of them (the 50-item wordlist is a specially selected subset of the regular 100-item Swadesh wordlist).

According to the general scheme that was already tested on Khoisan material, each section on a particular hypothetical subdivision of East Sudanic is structured as follows:

(a) first, we offer a general overview of all the known languages that constitute the subdivision, containing some basic sociolinguistic information and the most relevant and/or recent sources that provide descriptive and analytical data on said languages;

(b) we then proceed to a brief account of the current state of comparative-historical studies on the subdivision, including a description of the reconstructed phonological system and any significant non-trivial reflexations of its elements in daughter languages, if such a reconstruction has indeed been carried out (e. g. Proto-Nubian by M. Bechhaus-Gerst, Proto-Daju by R. Thelwall, Proto-East- and Proto-South-Nilotic by R. Vossen and F. Rottland respectively, etc.). In some cases, modifications may be suggested where it is discovered that the

proposed systems contradict or do not take into account significant pieces of comparative or typological evidence. With such groups as Temein, where the involved languages are very few and their phonological systems are quite close, no previous attempts at a common reconstruction have been registered; in such cases, a general typological overview may be sufficient, with a few remarks on the possible historical causes of discrepancies that are observed between the languages;

(c) a lexicostatistical matrix is provided, covering the results of etymological matching between the basic lexica (full 100-item wordlists) of the languages within each subdivision. The resulting tree is compared, where possible, with previous attempts at classification, and in some cases, where significant discrepancies arise, may be accompanied with a detailed discussion on the causes of such discrepancies (e. g. for South Nilotic, where lexicostatistical data does not agree with Rottland's views on the internal classification of the family, based on a selection of shared innovations). A crude glottochronological estimation is also provided on the basis of the glottochronological formula in its modified version as originally suggested by Sergei Starostin. The complete 100-item wordlists are not listed in the volume itself, but are gradually being uploaded and made publicly available, in a specially annotated format, on the website of the «Global Lexicostatistical Database» (<http://starling.rinet.ru/new100>);

(d) finally, the largest subsection for each of the hypothetical subdivisions of East Sudanic is given over to a thorough etymological analysis of the 50-item subsets of the 100-item wordlists, assembled for as many languages and dialects as possible. Since the ultimate goal of each such analysis is to determine (if at all possible) the most likely lexical candidate for the expression of the required basic meaning in the proto-language, this means that all the data are assessed from such points of view as historical phonology; historical semantics; distribution in the individual subbranches and languages of the analyzed taxon; and possible areal connections, sometimes including substrate hypotheses.

For further reference, the reconstructed protowordlists for low-level taxa are all grouped together in Appendix 4.

The final section of the volume (3.13) puts together the results achieved in the previous sections and subjects them to a series of lexicostatistical tests, attempting to determine the very existence of an

«East Sudanic» taxon and, if the answer is positive, its internal classification.

The major conclusions are stated as follows:

1) There is significant positive lexical evidence for the historical reality of a «Proto-East Sudanic», although the average distances between its branches rather suggests a «shallow macrofamily» status for this taxon (with an age of about 7,000 – 8,000 years) than that of a younger «family» comparable with Indo-European or Uralic.

2) Of all the hypothetical branches originally included by Joseph Greenberg into East Sudanic, the Kuliak («Teuso-Nyangiya») group is the only one that has to be definitively excluded, since the average percentage of basic lexicon matches between Kuliak and the rest of East Sudanic does not exceed 4-5%, which is well within the range of what could be expected through sheer chance. Furthermore, out of a small, but significant number of stable basic lexical roots that are found widely distributed throughout East Sudanic, not more than two or three find tentative equivalents in Kuliak data.

Additional etymological analysis, bent on discovering «non-trivial» phonetic correspondences between Kuliak and the rest of East Sudanic that may have remained hidden from the current investigation, may in theory overturn this conclusion; so far, however, all attempts to uncover such correspondences have proven unsuccessful.

3) The internal classification of East Sudanic according to the chosen methodology of lexicostatistical analysis allows for a very firm identification of such genetic clusters as:

(a) Nilotic (genetic relationship between West, East, and South Nilotic languages is generally uncontroversial among specialists, but the lack of a well-grounded and thorough reconstruction for Proto-Nilotic still leaves some room for doubt);

(b) Surmic (genetic relationship between Southeast and Southwest Surmic is very easily established, but their links to the North Surmic branch, represented by the Majang language, have been more problematic on the whole);

(c) Tama-Nara-Nubian (this «triple» branch is usually recognized by every specialist working directly on East Sudanic, but no special works dedicated to the identification and reconstruction of this small family have been published so far).

The algorithm of automatic comparison, supplemented with a few manual corrections, has also identified a larger «Nilotic-Surmic» node on the tree, as opposed to «Tama-Nara-Nubian», but this identification rests on significantly weaker statistic evidence and requires further etymological confirmation. As for the position of the remaining nodes (Daju, Nyimang, Temein, and Jebel languages) on the general tree of East Sudanic, this issue remains open and will have to be postponed until it becomes possible to subject East Sudanic data to the more refined and rigorous procedure of «etymological lexicostatistics». Nevertheless, the very fact of their belonging to the East Sudanic taxon can hardly be placed under much doubt.

The conservative «intermediate» taxonomic model of East Sudanic, excluding Kuliak, and awaiting further confirmation and/or corrections at the «etymological lexicostatistics» stage of research, can be roughly presented in the following manner:

1. Tama-Nara-Nubian:
 - 1.1. Tama.
 - 1.2. Nara-Nubian: (a) Nara, (b) Nubian.
2. Surmic:
 - 2.1. North Surmic (= Majang).
 - 2.2. South Surmic: (a) Southeast Surmic, (b) Southwest Surmic.
3. Nilotic:
 - 3.1. North Nilotic: (a) West Nilotic, (b) East Nilotic.
 - 3.2. South Nilotic.
4. Daju.
5. Nyimang.
6. Temein.
7. Jebel.

It should be stressed that, formally, the issue of the internal constituency of East Sudanic is not fully resolved until the preliminary lexicostatistical analysis has compared the «regular» East Sudanic data with the lexical data of other African taxa, particularly those that are geographically adjacent to the spread zone of East Sudanic. However, this task is already inseparable from the larger task of verifying the «Nilo-Saharan» hypothesis as a whole, which we intend to carry out in the third volume of the monograph.

Георгий Сергеевич Старостин
ЯЗЫКИ АФРИКИ. ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
Том 2: Восточносуданские языки

Корректор
Ольга Ланцова

Оригинал-макет подготовлен
Георгием Старостиным

Художественное оформление обложки
Сергея Жигалкина

Подписано в печать 02.07.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Старлинг.
Усл. п. л. 46. Тираж 400. Заказ № 1462

Издательство «Языки славянской культуры».
№ госрегистрации 1037739118449.
Phone: +7 495 959-52-60 E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
117342, Москва, ул. Бутлерова, 17Б, офис 315
Тел.: 8 (499) 793-57-01, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)